VE RI
TAS

Годъ VIII-й. № 7-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

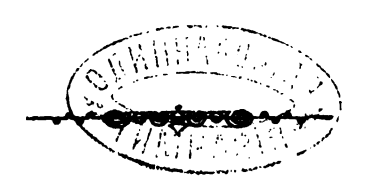
ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

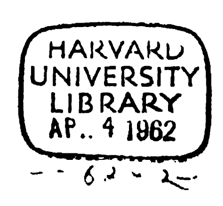
САМООБРАЗОВАНІЯ.

ІЮЛЬ

1899 г.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1899.



Дозволено цензурою. 24-го іюня 1899 г. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

АГРАРНЫЙ КРИЗИСЪ.

I.

Международный рынокъ и его природа. — Двѣ эпохи: одна, когда цѣны хлѣба зависѣли отъ издержекъ производства на самыхъ неплодородныхъ земляхъ; вторая, когда производство на самыхъ лучшихъ земляхъ опредѣляетъ уровень рыночныхъ цѣнъ.—«Безплатно» дѣйствующія силы природы.—Условія производства земледѣльческихъ продуктовъ въ колоніяхъ.

Развитіе путей сообщенія соединило все возрастающею зависимостью отдаленнѣйшія мѣста земнаго шара.

Нѣкогда, въ эпоху натуральнаго хозяйства, когда каждая провинція представляла собой автономное экономическое цѣлое, цѣны земледѣльческихъ продуктовъ въ двухъ сравнительно близко расположенныхъ мѣстахъ иногда сильно разнились. Въ одной окрестности, какъ мы видимъ это еще въ наше столѣтіе въ Индіи, неурожай хлѣба свирѣпствовалъ, вызывая голодъ и болѣзни, между тѣмъ какъ по сосѣдству хлѣбъ существовалъ въ изобиліи. Такія условія общественнаго быта нашли для себя прекраснѣйшее выраженіе въ тѣхъ разницахъ цѣнъ, какія мы встрѣчаемъ въ былыя времена въ любой странѣ въ продолженіе того же самаго столѣтія. Въ Англіи въ XIII в. колебанія эти были такъ велики, что уровень цѣнъ въ годъ неурожая въ 56 разъ превышалъ уровень лѣтъ урожая. Въ XIV вѣкѣ самая высокая и самая низкая цѣны относятся какъ 1 къ 40; въ слѣдующемъ столѣтіи, какъ 1 къ 20; въ XV в. самая высокая цѣна еще 8 разъ болѣе самой низкой; въ XVI в. находятся онѣ въ отношеніи 1:3,5; въ XVIII, какъ 1:4,5. Наконецъ, въ продолженіи нашего столѣтія, самая высокая цѣна въ Англіи, въ 1802, равнялась 126 шиллингамъ, самая низкая въ 1896 упала до уровня 24,1. Разумѣется, войны, изобиліе благородныхъ металловъ и много другихъ причинъ дѣйствовали и вліяніемъ своимъ увеличивали размѣръ колебаній. Но главная причина была трудность въ провозѣ хлѣба изъ далекихъ краевъ — «далекихъ» по тогдашнимъ понятіямъ, такъ какъ теперь мы другимъ аршиномъ мѣримъ разстоянія. Недостатокъ хлѣба вызывалъ громадное повышеніе цѣнъ, урожай пониженіе.

Такое положеніе сдѣлалось невозможнымъ въ наше время.

Отдѣльные рынки соединены теперь на подобіе резервуаровъ воды. Благодаря этому, всякій дефицитъ тотчасъ покрывается притоками изъ болѣе изобилующихъ хлѣбомъ мѣстностей, каждый излишекъ уходитъ въ окрестности, въ которыхъ, подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій, уровень цѣнъ повысился. Разумѣется, цѣны на различныхъ рынкахъ неодинаковы: въ экспортирующихъ странахъ онѣ стоятъ ниже, пошлины тоже оказываютъ вліяніе. Но направленіе, въ какомъ изъ года въ годъ онѣ измѣняются, одинаково даже на очень далекихъ рынкахъ, т.-е. существуетъ параллель между колебаніями уровней на отдѣльныхъ пунктахъ международной территоріи. Я пробовалъ изобразить графически послѣдовательные уровни цѣнъ пшеницы на лондонскомъ рынкѣ и на здѣшнихъ, т.-е. въ Варшавѣ за время 1872—1892. Въ результатѣ я получилъ двѣ линіи, которыя въ общемъ поднимаются и падаютъ параллельно. Такой результатъ сразу окажется удивительнымъ. Но хотя здѣшній и лондонскій рынки не находятся въ непосредственной связи, все-таки, давленіе Лондона, одного изъ центровъ спроса на пшеницу, при посредствѣ цѣлаго ряда промежуточныхъ звеньевъ, дѣйствуетъ и на Варшаву. То же самое, хотя и не въ столь сильной степени, мы замѣчаемъ и для остальныхъ земледѣльческихъ продуктовъ. Германія высылала, напр., свинину въ Англію, покрывая собственный дефицитъ при помощи свиней, покупаемыхъ между прочимъ въ Царствѣ Польскомъ. Потеря англійскихъ рынковъ вызвала уменьшеніе вывоза изъ Германіи и уменьшила спросъ на свиней изъ Польши—теоретически, такъ какъ на практикѣ, кромѣ вышеназванныхъ причинъ вліяютъ еще другія, противодѣйствующія указаннымъ.

Суть международнаго рынка заключается въ такомъ взаимномъ давленіи отдѣльныхъ торговъ другъ на друга. Въ его составъ входитъ,—мы въ данномъ случаѣ говоримъ лишь о международной торговлѣ пшеницей,—множество взаимно независимыхъ экспортирующихъ рынковъ, изъ которыхъ потоки хлѣба направляются къ странамъ, требующимъ ввоза, главнымъ же образомъ въ Англію. Каждый избытокъ въ такомъ центрѣ вліяетъ на всѣ источники, изъ которыхъ выходятъ потоки, и понижаетъ тамъ цѣны; каждый дефицитъ дѣйствуетъ въ обратномъ направленіи. Вообще, всякое измѣненіе въ величинѣ котораго-нибудь изъ болѣе важныхъ притоковъ вліяетъ такъ или иначе на уровень цѣнъ въ каждомъ экспортномъ пунктѣ. Въ этомъ механизмѣ взаимной зависимости, биржи исполняютъ задачу учрежденій, регулирующихъ уровень цѣнъ въ соотвѣтственной мѣстности.

Но биржи, повторяемъ еще разъ, дѣйствуютъ лишь регулирующимъ образомъ. Онѣ вызываютъ колебаніе того или другого рода, но не создаютъ цѣнъ, которыя зависятъ отъ условій производства.

Отношенія же, свойственныя сферѣ производства, неодинаковы въ различныхъ эпохахъ экономическаго развитія.

Останавливаясь ближе надъ промежуткомъ въ нѣсколько десятковъ лѣтъ непосредственно передъ появленіемъ заморскаго соперничества на хлѣбномъ рынкѣ, мы найдемъ, что уровень цѣнъ постоянно повышается, разумѣется, мы не беремъ въ счетъ колебаній, происходящихъ отъ разницы урожаевъ. Народонаселеніе возрастало, по крайней мѣрѣ обнаруживало такую тенденцію, скорѣе, чѣмъ средства пропитанія. Земледѣлецъ обращалъ подъ пашни земли, которыхъ до сихъ поръ не воздѣлывалъ по причинѣ ихъ низкаго плодородія, и вкладывалъ капиталы, отъ которыхъ прежде не могъ ожидать надлежащихъ процентовъ. Все это было лишь тогда невозможно, когда цѣны повысились надлежащимъ образомъ. Цѣны зависѣли отъ издержекъ производства на самыхъ злокачественныхъ земляхъ, т. е. такихъ, на которыхъ, для производства даннаго количества хлѣба, нужно было сдѣлать самые большіе вклады. Кромѣ того, такъ какъ рынокъ въ каждой мѣстности былъ обособленъ, то эти цѣны находились въ обратномъ,—впрочемъ, зависимость была болѣе сложная,—отношеніи къ количеству зерна фактически существующаго на рынкѣ. Особенно во времена ремесленнаго режима среднихъ вѣковъ народонаселеніе было въ такой зависимости отъ количества хлѣба, что государство, при помощи спеціальныхъ предписаній, должно было заботиться о производствѣ хлѣба и поощрять земледѣліе.

Такое положеніе, т. е. зависимость уровня цѣнъ отъ самыхъ невыгодныхъ условій производства, продолжалось до тѣхъ поръ, пока колоніальное соперничество не развилось въ достаточной степени.

Мы въ нашихъ прошлогоднихъ статьяхъ указали, что въ настоящее время, на протяженіи международной территоріи, всегда въ колоніяхъ существуетъ излишекъ хлѣба. Соединенные Штаты, Австралія и другія заморскія страны играютъ роль резервуаровъ, готовыхъ высылать, то или другое количество хлѣба въ Европу, когда появится соотвѣтственный спросъ и цѣны повысятся до требуемаго уровня. Заморскій хлѣбъ ждетъ лишь призыва, и если не всегда прибываетъ, то все-таки своимъ дальнимъ существованіемъ вліяетъ на рыночныя цѣны, которыя такимъ образомъ зависятъ не только отъ количества зерна на рынкѣ, но то же отъ потенціальныхъ запасовъ, находящихся на очень далекомъ разстояніи. Запасы эти замѣнили общинныя запашки варваровъ и государственныя амбары фараонистическихъ цивилизацій запертыхъ въ долинѣ одной рѣки. Они—осязательное выраженіе того перепроизводства, которое особенно сильно замѣтно по отношенію къ пшеницѣ. Англійскій статистикъ Бирбомъ высчиталъ, что въ теченіи 1886—1894 г. спросъ на пшеницу увеличился на 16 милліоновъ квартеровъ, между тѣмъ какъ самое производство этого хлѣба возросло на 48 милліоновъ. «Производство пшеницы,—пишетъ одна спеціальная газета,—увеличилось слишкомъ скоро, количество этого зерна, существующее на всемірномъ рынкѣ, не соотвѣтствуетъ спросу, который поднимается гораздо медленнѣе, чѣмъ предложеніе».

Тоже самое, хотя не въ такой степени, мы могли бы сказать о многихъ другихъ земледѣльческихъ продуктахъ. Спросъ превышаетъ предложеніе. Стремленіе къ перепроизводству обнаруживается въ послѣднее время все сильнѣе. Параллельно съ этимъ явленіемъ и законы, управляющія уровнемъ цѣнъ, подлежатъ измѣненію. Соперничество понижаетъ цѣны, причемъ онѣ начинаютъ тяготѣть по направленію къ самымъ выгоднымъ условіямъ производства, на подобіе цѣнъ въ предѣлахъ переработывающей промышленности, т. е. дешеваго производства. Такія условія существуютъ какъ разъ въ колоніяхъ и состоятъ въ «безплатномъ» пользованіи силами природы. «Безплатныя» силы природы тамъ помогаютъ человѣку и освобождаютъ производство отъ многихъ издержекъ, которыя ложатся на европейское земледѣліе. Терминъ «безплатный» показываетъ, что количество человѣческаго труда, необходимое на дѣвственной почвѣ для производства данной мѣры хлѣба или другого продукта, меньше нежели въ странахъ интенсивнаго земледѣлія. Впрочемъ, какимъ образомъ ни будемъ объяснять фактъ, онъ все-таки останется фактомъ, именно, что условія производства земледѣльческихъ продуктовъ въ колоніяхъ отличаются другимъ характеромъ.

Чтобы выслать на рынокъ извѣстное количество воловьяго мяса, европейскій земледѣлецъ долженъ строить различныя постройки, приготовлять фуражъ, держать сравнительно многочисленную прислугу. Въ Техасѣ или въ Аргентинѣ природа сама собой, безъ помощи человѣческихъ рукъ производитъ травы, скотъ проводитъ лѣто и зиму подъ открытымъ небомъ, содержаніе пастуховъ раздѣленное по количеству головъ рогатаго скота, ниже чѣмъ въ Европѣ.

Для производства извѣстнаго количества шерсти мы должны строить овчарни, сѣять соотвѣтственныя травы, вообще совершить много различныхъ издержекъ. Между тѣмъ всѣ издержки заводчиковъ въ Австраліи сводятся къ проведенію низкихъ заборовъ изъ проволоки. Затраты на рабочихъ, не смотря на высокій уровень заработной платы, очень незначительны, благодаря крайней централизаціи промысловъ.

Для производства пшеницы хорошо веденныя фермы у насъ употребляютъ дорогое искусственное удобреніе, иногда проводятъ дренировку въ поляхъ, однимъ словомъ такъ или иначе тратятъ значительный капиталъ. Фермеръ, воздѣлывающій степь надъ Красной рѣкой, свободенъ отъ этихъ издержекъ, пашетъ дѣвственную почву, не заботясь о возвращеніи ей забранныхъ соковъ. Неистощенная земля въ теченіи многихъ десятковъ лѣтъ будетъ давать жатву, не зная, что такое навозъ. Въ книгахъ Р. Мейера и Зеринга мы можемъ найти разсказы почти о баснословномъ плодородіи почвы, которая въ продолженіи долгихъ вѣковъ собирала запасы для жаждущаго прибыли капиталиста. Вотъ факты, которымъ вульгарная экономія придала кличку «безплатнаго» дѣйствія силъ природы. Къ этимъ условіямъ мы должны прибавить еще другія обстоятельства, «соціальнаго» происхожденія. Европейскій

земледѣлецъ покупетъ землю по высокой цѣнѣ. Территоріи въ колоніяхъ въ первоначальномъ своемъ фазисѣ продавались ниже той суммы, которую нужно отдавать землевладѣльцу въ Европѣ въ качествѣ ренты. Впрочемъ, рабочая сила въ колоніяхъ обходится очень дорого, но широкое приложеніе машинъ ослабляетъ послѣдствія, проистекающія изъ этой дороговизны. Р. Мейеръ сравнивалъ издержки, необходимыя въ Австріи и Сѣверной Америкѣ для приготовленія подъ пшеницу одного гектара земли и для уборки такого пространства хлѣба. Вычисленія доказали, что эти работы стоятъ дешевле по ту сторону Атлантическаго океана. Издержки паханія въ Австріи и въ Америкѣ относятся другъ къ другу какъ 10 : 4; отношеніе это уже менѣе выгодно для Америки, когда мы будемъ разсматривать жатву, именно 375:321. И содержаніе скота американцамъ обходится дешевле; соотвѣтственныя цифры для лошади даютъ 2,00 и 1,47.

Много разъ производили вычисленія, сколько стоитъ производство хлѣба или мяса въ Европѣ и въ колоніяхъ. Но полученныя цифры мало достовѣрны. О нихъ можно было бы повторить то, что нѣкогда сказалъ Левассеръ: «Я не собиралъ данныхъ относительно доходности американскихъ фермъ. Такія указанія очень интересны, но вѣрить имъ нельзя. Фермеръ часто подаетъ цифру для доказательства тезиса. Въ данномъ случаѣ указанія будутъ искренни, но не достовѣрны. Вообще, его показанія не отличаются точностью. Въ случаѣ хорошихъ урожаевъ доходъ иначе представляется, чѣмъ во время неурожая» *).

«Когда хлѣба легли на землю, жатва стоитъ дороже. Эти случайныя обстоятельства вызываютъ колебаніе издержекъ на той же фермѣ. Онѣ дѣйствуютъ гораздо сильнѣе на отдаленныхъ фермахъ, разнящихся качествомъ почвы и находящихся въ неодинаковыхъ климатическихъ условіяхъ, особенно же тогда, когда фермеры обладаютъ не одной и той же интеллигенціей и капиталомъ». Всетаки мы приведемъ нѣкоторыя цифры, чтобы показать существующую разницу. Но прежде всего мы должны сдѣлать замѣчаніе, что даже на пространствѣ Соединенныхъ

*) Сравни статью Мейера въ 1895 г. Вотъ нѣкоторыя изъ вычисленія германскаго писателя:

Издержки во время жатвы въ Австріи.

50 мужчинъ по 60 крейцеровъ	3,00 г.
10 женщинъ по 45 »	4,50 »

Они въ теченіе дня убираютъ два гектара, значитъ одинъ гектаръ обойдется 3,75 гульдена.

Въ Америкѣ.

Извозчикъ	1,50 дол.
2 человѣка подбирающихъ снопы	2,00 »
Содержаніе трехъ лошадей и амортизація капитала на машины	2,80 »

Они убираютъ 6 гектаровъ, гектаръ стоитъ, слѣдовательно, 1,05 дол. или 2,57 гульд.

Штатовъ издержки совсѣмъ неодинаковы. Сравнивая Новую Англію и штаты, лежащіе на далекомъ западѣ, мы, по официальнымъ даннымъ американскаго правительства, получимъ, что издержки веденія хлѣбопашества относятся въ названныхъ частяхъ сѣверо-американскаго союза какъ 13 къ 7. Изъ множества данныхъ, относящихся къ сравнительной дороговизнѣ хлѣбопашества у насъ въ Европѣ и въ колоніяхъ, мы возьмемъ цифры, приведенныя Р. Мейеромъ для Аргентины. Этотъ экономистъ считаетъ возможнымъ что вышеназванное государство можетъ продавать на англійскихъ рынкахъ квартеръ пшеницы по двадцати шиллинговъ—значитъ на нѣсколько шиллинговъ ниже, чѣмъ самыя низкія цѣны. Онъ полагаетъ, что обработка земель надъ рѣкой Ла-Плата можетъ вызвать еще дальнѣйшее пониженіе уровня цѣнъ. Разумѣется, эти цѣны сулятъ совершенное оскудѣніе землевладѣльцамъ Европы, и такъ уже горько жалующимся на дешевизну.

II.

Интенсивность земледѣлія зависитъ отъ уровня цѣнъ.—Совѣтъ нѣкоторыхъ теоретиковъ понизить интенсивную систему.—Упадокъ англійскаго земледѣлія.—На сколько это явленіе присуще другимъ странамъ Европы.—Будущая эпоха интенсивнаго земледѣлія на пространствѣ международной территоріи.—Возможныя измѣненія.

Производительныя силы, развивающіяся такимъ благопріятнымъ образомъ для потребителей, дѣйствуютъ очень отрицательно на благосостояніе землевладѣльцевъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которыя производятъ продукты для продажи. Возникаетъ такъ-называемый *аграрный вопросъ*, въ сущности же своей не вопросъ, будущности *земледѣлія*, какъ нѣкоторые готовы представить дѣло,—но преимущественно *землевладѣнія*, т. е. дальнѣйшаго существованія или упадка теперешнихъ землевладѣльцевъ.

Заморское соперничество совсѣмъ измѣнило условія производства. Недостаточно обладать знаніемъ земледѣльческаго дѣла, т.-е. умѣть заводить сѣво-обороты и выучиться всѣмъ принципамъ прогрессивной агрономіи. Необходимо еще умѣть согласовать эти указанія науки съ требованіями рынка и примѣнять на практикѣ принципы такимъ образомъ, какъ позволяютъ рыночныя условія. Иногда даже можетъ оказаться, что выгоднѣе принимать въ разсчетъ требованія рынка, нежели слѣдовать совѣтамъ теоретиковъ агрономіи. Эти послѣдніе стремятся умножать питательныя соки почвы и вообще обращаютъ много вниманія на далекое будущее состояніе земли. Но такое поведеніе, очень похвальное съ точки зрѣнія грядущихъ поколѣній, не всегда бываетъ выгодно для кармана современнаго земледѣльца, который готовъ отдать всѣ блага своихъ внуковъ за лишній рубль въ настоящемъ. Мечтанія, чтобы ферма обладала каменными постройками, чтобы сѣво-

оборотъ согласовался съ требованіями, увеличивающими количество питательныхъ составныхъ соковъ почвы, очень милы и эстетичны, но съ точки зрѣнія капиталиста и вообще практическаго человѣка бываютъ часто безполезны, иногда же просто на просто вредны. Практическіе янки немилосердно шутятъ по поводу такихъ письменныхъ упражненій германскихъ агрономовъ на тему земледѣльческой эстетики и смотрятъ на нѣкоторые изъ этихъ совѣтовъ, какъ на абсурды, поглощающія капиталъ, но не приносящія соотвѣтственныхъ процентовъ, этой сути, на которой зиждется нашъ экономическій строй.

Но переворотъ произведенный американскимъ соперничествомъ, начинаетъ вліять и на умы европейскихъ земледѣльцевъ и убѣждать ихъ, что совѣты, несомнѣнно противодѣйствующіе истощенію питательности почвы и пекущіеся о ея благосостояніи въ далекомъ будущемъ, приносятъ выгоду не при всякомъ общественномъ режимѣ и не при всѣхъ рыночныхъ условіяхъ. Мы уже указали на то, что въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ непосредственно передъ появленіемъ на рынкѣ заморскихъ соперниковъ, цѣны хлѣба зависѣли отъ издержекъ производства на самыхъ худшихъ кускахъ воздѣлываемой почвы. То, что спросъ опережалъ предложеніе, благопріятствовало прогрессу интенсивности системы хозяйства. «Всякая интенсивная система въ земледѣліи возможна лишь тогда, когда продукты поднимутся въ цѣнѣ. Постоянный высокій уровень цѣнъ хлѣба свидѣтельствуетъ о томъ, что экономическое развитіе, разсматриваемое въ своей совокупности, поглощаетъ хлѣбъ въ изобиліи и что оно согласно и даже должно принести всѣ жертвы, необходимые для удовлетворенія этой нужды» (Рошеръ).

Примѣры позволятъ намъ понять теоретическую правду, заключающуюся въ приведенной выше выдержкѣ.

Представимъ себѣ двѣ ступени интенсивности: одну A, при которой получаемъ изъ гектара 20 двойныхъ центнеровъ пшеницы, причемъ издержки производства одного центнера равняются 9 маркамъ; другую B высшую, доставляющую съ того же пространства 30 центнеровъ, но взамѣнъ увеличивающую издержки производства на 12 марокъ за центнеръ. Допустимъ еще, что рыночная цѣна центнера пшеницы равняется 13 маркамъ.

Тогда, при интенсивности A:

Издержки производства	180	марокъ.
Валовой доходъ.	260	»
Чистый доходъ.	80	»

При интенсивности B

Издержки производства	360	»
Валовой доходъ	390	»
Чистый доходъ	30	»

Значитъ при выше приведенныхъ условіяхъ для земледѣльца го-

раздо выгоднѣе слѣдовать методу менѣе интенсивному въ хлѣбопашествѣ.

Допустимъ, что цѣна центнера пшеницы поднялась до 18 марокъ. Тогда наименованныя позиціи представятся слѣдующимъ образомъ:

Издержки производства	180	марокъ.
Валовой доходъ	360	»
Чистый доходъ	180	»

При интенсивности В

Издержки производства	360	»
Валовой доходъ	540	»
Чистый доходъ	180	»

Въ данномъ случаѣ обѣ системы одинаково выгодны. Если же сдѣлаемъ еще одно предположеніе, а именно что цѣны пшеницы поднялись до 20 мар., очевидно, болѣе интенсивное хлѣбопашество будетъ выгоднѣе.

При интенсивности А

Издержки производства	180	марокъ.
Валовой доходъ	400	»
Чистый доходъ	220	»

При интенсивности В

Издержки производства	360	»
Валовой доходъ	600	»
Чистый доходъ	240	»

Нечего доказывать, что ростъ интенсивнаго хлѣбопашества, возможный лишь при постоянномъ возрастаніи цѣнъ земледѣльческихъ продуктовъ, долженъ былъ остановиться, когда на рынкѣ появилось замѣтное стремленіе къ пониженію уровня цѣнъ. Низкія цѣны ставятъ землевладѣльцу требованіе или усовершенствовать методы воздѣлыванія, что дало бы ему возможность бороться съ заморскими соперниками, или перейти къ менѣе интенсивному методу. Нѣкоторые теоретики совѣтуютъ ему приняться за этотъ послѣдній исходъ. Гюббель, наприм. предполагаетъ, что агрономическая наука, можетъ быть, современемъ откроетъ способы пользованія азотомъ, находящимся на воздухѣ. Земледѣліе, опирающееся на воздѣлываніи растеній, поглощающихъ эту составную часть нашей атмосферы, можетъ оказаться болѣе дешевымъ, нежели нынѣшнее, которое нуждается въ удобреніи. Но всѣ эти средства хороши лишь теоретически, такъ какъ на практикѣ этими пріобрѣтеніями агрономической науки могутъ воспользоваться и заморскіе соперники. Въ окончательномъ результатѣ, вслѣдствіе перепроизводства хлѣба, цѣны падутъ еще ниже и испортятъ всѣ ожидаемыя надежды. Значитъ, нѣтъ другаго выхода, кромѣ пониженія интенсивности земледѣлія. «Земледѣльцы слишкомъ злоупотребили интенсивнымъ способомъ хлѣбопашества, пишетъ д-ръ Гюббель. Предѣлы выгодной интенсивности въ каждомъ имѣніи другія, сообразно съ плодородіемъ почвы, качествами климата, легкостью продажи. Какъ общій принципъ,

мы можемъ принять, что производительность почвы не возрастаетъ пропорціонально съ издержками производства. Напротивъ, издержки увеличиваются скорѣе. По этой причинѣ интенсивность можетъ подниматься лишь при стремленіи цѣнъ повышаться». «Отсюда слѣдуетъ,— говоритъ тотъ же агрономъ,—что когда цѣны постоянно падаютъ, интенсивный способъ воздѣлыванія почвы долженъ тоже понизиться. Разумѣется, если мы смотримъ на низкій уровень цѣнъ, свойственный теперешнему рынку какъ на нѣчто временное, тогда нечего помышлять о громадномъ и серьезномъ уменьшеніи интенсивности, такъ какъ будущій возвратъ къ прогрессивному хозяйству не легко осуществится, когда цѣны поднимутся. Но мы можемъ сомнѣваться, поднимутся ли онѣ».

И жизнь сама, хотя совѣты Гюббеля навѣрно на нее не подѣйствовали, идетъ въ томъ же направленіи, т. е. интенсивность падаетъ и менѣе прогрессивные способы земледѣлія распространяются. Р. Мейеръ нѣкогда совѣтовалъ помѣщикамъ въ провинціяхъ, расположенныхъ на правомъ берегу Эльбы, обратить пашни подъ лѣса. Переломъ не заходитъ такъ далеко, но все-таки онъ назвалъ «совершенною перемѣну въ физіономіи англійскаго земледѣлія, въ былыя времена самаго интенсивнаго»: вмѣсто пашень въ Англіи появляются луга и пастбища. Статистическія данныя лучше всего покажутъ этотъ прогрессъ англійскаго земледѣлія. Если возьмемъ процентное отношеніе пашень и пастбищъ, то получимъ для

1) всей В. Британіи.

	Пашень.	Луговъ и пастбищъ.
1875	58%	42%
1895	48%	52%

2) собственной Англіи

1870	58,6	41,3
1895	46,8	53,2

Переходя отъ относительныхъ цифръ къ абсолютнымъ, мы получимъ, что въ собственной Англіи количество пашень уменьшилось на два милліона акровъ, потеряли главнымъ образомъ злаки, за исключеніемъ овса *). Ниже приведенная таблица указываетъ на паденіе отдѣльныхъ злаковъ:

	Пшеница.	Ячмень.	Овесъ.
1870	100	—	—
1875	—	—	—
1880	83	100	—
1890	68	100	—
1895	40	81	123

И количество воздѣлываемаго гороху, картофеля и т. д. сильно уменьшилось (горохъ палъ со 100 на 61, картофель со 100 на 60). Напротивъ,

*) Въ 1896—1898 г. можно замѣтить въ Англіи приростъ производства пшеницы. Но это нельзя считать ни признакомъ перманентнаго улучшенія отношеній, ни доказательствомъ того что производство другихъ хлѣбовъ еще менѣе выгодно?

количество «естественныхъ» луговъ и пастбищъ въ теченіе 1875—1895 увеличилось съ 13,3 мил. акровъ на 16,5. Перемѣна произошла въ слишкомъ незначительный промежутокъ времени чтобы фермеры могли затратить капиталы и совершить переходъ къ способамъ обработки приносящимъ барыши послѣ 20 даже 25 лѣтъ. Обращали пашни подъ луга самымъ незатѣйливымъ способомъ, иногда предоставляя все самопроизвольно дѣйствующимъ силамъ природы. «Какъ объясненіе происхожденія такихъ злокачественныхъ пастбищъ, не заслуживающихъ, названія луговъ,—говоритъ рефератъ парламентарной коммиссіи, недавно изслѣдовавшей положеніе земледѣлія въ Англіи,—указывали на тотъ фактъ, что въ промежутокъ времени 1880—1885 хозяева послѣ нѣсколькихъ лѣтъ убыточнаго производства, небрежно засѣяли худшія земли или даже предоставили ихъ естественному поростанію травой. Между Ралей и Каньюдауномъ вблизи Чельмсфордъ, Мальдономъ и Рочфордомъ находятся крупныя фермы, въ которыхъ двѣ трети и даже три четверти поросли травой самопроизвольно или были обращены въ пастбища такимъ небрежнымъ образомъ», но никакъ не слѣдуетъ думать, чтобы этому увеличенію пастбищъ соотвѣтствовалъ пропорціональный приростъ скотоводства (исключеніе составляетъ выкармливаніе свиней и производство молока). Вообще, «фермеры, занимающіеся производствомъ сѣна, молочныхъ продуктовъ, овощей находятся въ лучшемъ положеніи. Можетъ быть, тотъ или другой изъ ихъ среды сберегъ немножко денегъ, но во всякомъ случаѣ ничего не потерялъ. Но это исключенія, всѣ остальные понесли большой ущербъ» *).

Приведенныя данныя доказываютъ, что въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ произошелъ совершенный переворотъ въ положеніи земледѣлія въ В. Британіи, особенно же въ Англіи. Но отечество Джона Булля на этотъ счетъ, какъ и во многомъ другомъ, представляетъ стремленія, присущія и другимъ странамъ, въ болѣе сильной степени.

Стремленія эти во Франціи выступаютъ уже довольно яркимъ образомъ. (Мы пропускаемъ промежутокъ времени 1862—1882, такъ какъ потеря Эльзаса и Лотарингіи дѣлаетъ невозможнымъ всякое сравненіе).

Упадокъ хлѣбопашества въ Германіи менѣе бросается въ глаза, такъ мало, что приводя соотвѣтственныя цифры, мы не умѣемъ сказать

*) Паденіе скотоводства отчасти происходитъ отъ недостатка корма въ 1892—1893 г. Количество овецъ въ 1875 г. около 29 мил. пало до 28 мил. въ 1892 г. и до 25,5, въ 1894 г. Количество рогатаго скота въ теченіе 1875—1897 увеличилось съ 6.013 тысячъ на 6.915, но по отношеніи къ приросту населенія уменьшилось: въ 1875 г. на тысячу жителей приходилось 213 штукъ, въ 1895 г. лишь 184. Въ томъ числѣ количество коровъ возрасло сильнѣе народонаселенія, что спеціально для воловъ дастъ еще меньшій приростъ; коневодство возрасло, главнымъ образомъ благодаря увеличенію городского спроса на лошадей. Также увеличилось и разведеніе птицъ; но въ общей суммѣ, какъ мы замѣтили въ текстѣ, скотоводство скорѣе уменьшилось, что свидѣтельствуетъ о громадномъ паденіи интенсивности хозяйства.

слѣдуетъ ли смотрѣть на нихъ какъ на проявленіе той же тенденціи, которая такимъ нагляднымъ образомъ выступаетъ въ Англіи. Количество гектаровъ, находящихся подъ пшеницей, въ продолженіе времени 1883 — 1896 уменьшилось тамъ на 56.000; подъ ячменемъ на 78.000, наконецъ, подъ овсомъ увеличилось на 295.000, подъ рожью на 165.000. Одновременно скотоводство въ обѣихъ странахъ возрасло, особенно въ Германіи:

Во Франціи находилось.	1882.	1892.
Рогатаго скота	12.997.000	13.705.000
Въ Германіи.	1883.	1897.
Рогатаго скота	15.786.000	18.490.000
Свиней	9.206.000	14.274.000

Приведенныя статистическія данныя показываютъ, что всѣ три названныя государства начинаютъ, вмѣсто хлѣбопашества, заниматься скотоводствомъ, или, прибавимъ, воздѣлываніемъ такихъ плодовъ, какъ свекловица и т. д. Но мы не должны забывать, что колоніи тоже развиваютъ у себя эти промыслы и нѣтъ сомнѣнія, что заморское соперничество современемъ сдѣлается разностороннѣе. Все это, разумѣется, будетъ содѣйствовать пониженію цѣнъ продуктовъ на европейскихъ рынкахъ. Какъ далеко подвинется упадокъ земледѣлія, вызванный и въ нашей части свѣта этими причинами, трудно предсказать въ виду сложности дѣйствующихъ силъ. Это зависитъ отъ многихъ причинъ: отъ изобилія капиталовъ, ищущихъ помѣщенія въ земледѣліи, роста народонаселенія въ колоніяхъ, уровня цѣнъ на рынкѣ, поощряющаго или замедляющаго производство хлѣба на дѣвственной почвѣ заморскихъ территорій. Въ Европѣ разсчитываютъ на то, что хищническій способъ производства, свойственный колоніальному земледѣлію, скоро истощитъ землю и тамошніе фермеры должны будутъ перейти къ болѣе интенсивнымъ методамъ и что, наконецъ, настанутъ тогда лучшія времена для европейскихъ земледѣльцевъ. Нечего говорить, что въ будущемъ и американское земледѣліе должно будетъ приняться за болѣе интенсивныя методы. Но мы должны не забывать и того, что Соединенные Штаты это лишь небольшая часть международной территоріи, что Канада, Аргентина, Южная Африка и Австралія, наконецъ, даже нѣкоторыя части Сибири могутъ занять мѣсто этого опаснаго въ настоящее время соперника. И разумѣется, въ виду безостановочнаго роста народонаселенія и подвигающагося истощенія почвы, настанетъ необходимость обратиться къ болѣе прогрессивнымъ системамъ земледѣлія. Вмѣсто нашей эпохи интенсивнаго земледѣлія, замкнутаго въ предѣлахъ нѣсколькихъ народовъ, появится эпоха интенсивнаго хозяйства на пространствѣ всего земнаго шара, но пока это наступитъ, Европа должна будетъ понизить уровень интенсивности господствующей въ ней.

Да, наступитъ въ будущемъ эпоха всеобщаго интенсивнаго хозяй-

ства, но не будетъ она имѣть характера, свойственнаго нашему земледѣлію.

Вѣдь внѣ сферы настоящаго земледѣлія появляются промыслы, или уменьшающіе спросъ на нѣкоторые земледѣльческіе продукты, или такъ или иначе дѣйствующіе во вредъ его развитію въ духѣ прадѣдовскихъ устоевъ. К. Каутскій, развивая идеи Рудольфа Майера, показываетъ, какъ маргаринъ отодвигаетъ коровье масло. Ввозъ коровьяго масла въ Англію въ 1896 равнялся 2.750 тысячъ центнеровъ, маргарина 922 тысячъ. Лучшія мукомольные пріемы повліяютъ на относительное уменьшеніе воздѣлыванія хлѣбовъ; распространеніе электрическихъ трамваевъ и автоматическихъ возовъ вызоветъ упадокъ коневодства. «Коневодство въ Америкѣ — говоритъ Кенигъ — мало доходно. Конезаводчики разсказывали мнѣ, что по недостатку покупщиковъ, они не могутъ часто продавать выращенныхъ лошадей. Это явленіе меня не удивляетъ, такъ какъ каждый городокъ въ Америкѣ пользуется, вмѣсто конки, электрическимъ или кабельнымъ трамваемъ. Практическій янки давнымъ давно убѣдился, что электричество дешевле дорогого содержанія лошадей. Я былъ удивленъ распространеніемъ электричества даже въ малѣйшихъ поселкахъ». Р. Майеръ полагаетъ, что примѣненіе электричества къ земледѣлію составляетъ великую задачу будущаго: мертвые моторы замѣнятъ тогда вьючную силу домашнихъ животныхъ. Такой переворотъ не только уменьшитъ количество скота въ земледѣліи, но и уничтожитъ воздѣлываніе растеній, служившихъ для фуража, напр., овса, и позволитъ обратить освобожденную изъ подъ нихъ почву подъ хлѣба.

III.

Взаимное отношеніе цѣнъ хлѣба въ Англіи и на материкѣ въ продолженіе нашего столѣтія.—Положеніе Англіи.—Паденіе доходности земли.—Отъ чего зависитъ цѣна земли.—Стремленіе помѣщиковъ увеличить свои общественныя привилегіи, для ихъ позднѣйшей капитализаціи.—Примѣръ Германіи—искусственная цѣнность имѣній.—Аграрный кризисъ.

Паденіе интенсивнаго хозяйства въ Англіи не даетъ еще надлежащаго понятія о переворотѣ, который постигъ земледѣліе въ названной странѣ. Чтобы понять его размѣры, надлежало бы изслѣдовать цифры, показывающія уменьшеніе дохода имѣній. Количество акровъ находящихся подъ пшеницей, въ продолженіе лѣтъ 1874—1891 сократилось съ 3.830 на 1.890 т. е. на 48%; между тѣмъ стоимость добытой пшеницы, несмотря на то, что производительность акра, осталась таже, пала гораздо сильнѣе: съ 41.829 фунт. стер. на 8.263, т. е. на 80%.

Колоніальное соперничество прежде всего и сильнѣе всего повліяло въ Англіи. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если взять во вниманіе всѣ обстоятельства, настолько естественныя, что мы не будемъ даже

надъ ними останавливаться. Вмѣсто того мы приведемъ таблицу цѣнъ пшеницы въ Англіи, Германіи и Франціи въ продолженіе нашего столѣтія. Она въ сокращенномъ видѣ представитъ намъ всю исторію развитія рыночныхъ условій.

Таблица, представляющая цѣны пшеницы (за тонну въ маркахъ).

	Англія.	Франція.	Германія,
1816—1820	364,0	265,5	206,2
1821—1830	166,0	192,4	121,4
1831—1840	257,0	199,2	138,4
1841—1850	240,0	206,6	167,8
1851—1860	250,0	231,4	211,4
1861—1870	248,0	224,6	204,6
1871—1875	246,0	247,8	235,2
1876—1880	206	229,4	211,2
1881—1885	180,4	205,6	189,0
1888	144,6	198,0	168,0
1890	147,8	218,0	187,7
1892	110,3	180,8	176,4

Приведенная таблица очень характеристична. Пока лишь европейскій материкъ доставлялъ хлѣбъ въ Англію, цѣны пшеницы, какъ и слѣдуетъ ожидать, стояли на ея рынкахъ выше чѣмъ въ Германіи и Франціи. Но когда развился импортъ изъ колоній, уровень англійскихъ цѣнъ палъ ниже уровня, свойственнаго странамъ материка (впрочемъ, кромѣ издержекъ транспорта, тутъ вліяютъ также хлѣбныя пошлины въ Германіи и Франціи). Приведенныя цифры тоже свидѣтельствуетъ о томъ, что Англія первая познакомилась съ дѣйствіемъ наплыва заморскаго хлѣба. Аграрный кризисъ на ея территоріи принялъ характеръ болѣе ожесточенный, чѣмъ въ какой-либо другой сторонѣ. Вообще Англію заполонили не только иностранный хлѣбъ, но и самые различные заграничные продукты. Аграрная коммиссія, назначенная парламентомъ въ 1893 г., показала, что въ теченіе двадцати послѣднихъ лѣтъ цѣна всѣхъ земледѣльческихъ продуктовъ на англійскомъ рынкѣ подверглась пониженію: хлѣба пали, особенно же пшеница, послѣдняя теперь дешевле на 50%, воловье и баранье мясо потеряли 24% и 40% прежней стоимости; свинина стала дешевле на 10%, шерсть на 50%, молочныя продукты на 30%, картошка на 20—30%. Комиссія, на основаніи своихъ изслѣдованій, полагаетъ, что въ ближайшемъ будущемъ нѣтъ никакой надежды на окончательное прекращеніе коловіальнаго соперничества.

Положеніе фермъ весьма печально. Доходы землевладѣльцевъ пали на 20%, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ даже на 70% въ сравненіи съ уровнемъ ренты въ 1878 г. Есть даже случаи, когда фермы совершенно пусты, т. е. не даютъ никакой ренты. «Доказательства,—мы читаемъ въ рефератѣ названной коммиссіи,—состоянія фермеровъ сразу бросаются въ глаза. Каждый посѣтитель Суффолька видитъ ихъ предъ

собой: оскудѣлыя поля, опрокинутые заборы и плетни, неочищенные рвы, вообще всѣ признаки экономничанія въ трудѣ, къ которому привела нужда. О томъ же свидѣтельствуютъ показанія чиновниковъ, опредѣляющихъ подоходную подать и разсказывающихъ объ увеличенномъ числѣ протестовъ со стороны фермеровъ; равнымъ образомъ и голоса купцовъ и торговцевъ о невозможности взыскать слѣдуемое отъ земледѣльцевъ, жалобы сборщиковъ податей, съ трудомъ отбирающихъ платежи. Доказательствомъ можетъ служить то, что много фермеровъ не въ состояніи купить скотъ для выкармливанія, сотни же должны были оставить свои фермы, расторгая навсегда узы дружбы и родства. Кто, какъ я, посѣтилъ дома многихъ фермеровъ и видалъ тысячи ихъ, тотъ будетъ въ высшей степени огорченъ убитымъ, отчаяннымъ видомъ этихъ людей, повторяющихъ, что теперешнія цѣны (1894 г.) грозятъ совершенною для нихъ гибелью».

На материкѣ Европы, какъ видно изъ приведенной таблицы, цѣны хлѣба выше. Кромѣ того интенсивныя системы земледѣлія нигдѣ тамъ не были проведены такъ повсемѣстно, какъ въ Англіи. Поэтому и послѣдствія колоніальнаго соперничества не достигли на материкѣ такой степени. Но конкуренція и тутъ не замедлила оказать своего давленія. Почти невозможно представить всѣ послѣдствія, возникшія подъ вліяніемъ соперничества, такъ какъ ни одно континентальное государство не произвело въ своихъ предѣлахъ такого изслѣдованія вопроса, какъ Англія. Но жалобы на трудное положеніе слышатся отовсюду, и въ французской, и германской прессѣ мы часто встрѣчаемъ удостовѣренія, что много крупныхъ фермъ, веденныхъ образцовымъ способомъ, кончаютъ годъ дефицитомъ. Такъ какъ жалобы эти мы слышимъ отъ людей заинтересованныхъ, то несомнѣнно, что въ нихъ находимъ много преувеличенія, но все-таки нечего спорить противъ фактовъ, доказывающихъ громадное пониженіе доходности земли въ послѣднее десятилѣтіе. Р. Майеръ въ одной изъ послѣднихъ книгъ привелъ нѣсколько примѣровъ, обнаруживающихъ это явленіе для главнѣйшихъ странъ европейскаго материка. Изъ его сочиненія мы позаимствуемъ лишь одну таблицу, представляющую постепенный ростъ и дальнѣйшій упадокъ дохода въ одномъ имѣніи въ Познани и въ одномъ вблизи Вѣны.

	Въ Познани.	Въ Австріи.
1860—1865	18.000 марокъ.	24.000 марокъ.
1866—1870	21.000 »	26.000 »
1871—1875	21.000 »	51.000 »
1876—1880	25.000 »	30.000 »
1881—1885	27.000 »	51.000 »
1886—1890	38.000 »	42.000 »
1891 голодъ въ Россіи	63.000 »	62.000 »
1892	53.000 »	44.000 »
1893	28.000 »	28.000 »

Обратимся теперь къ послѣдствіямъ, вызваннымъ такими условіями.

Представители вульгарной экономіи неоднократно старались дока-

зать, что земля обладаетъ цѣнностью сама по себѣ, и Бастія готовъ былъ сравнивать ее со всякимъ другимъ товаромъ. Мнѣніе это ошибочно. Почва принадлежитъ къ безплатнымъ продуктамъ природы, какъ воздухъ и вода. Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, она сильно отличается отъ обыкновенныхъ продуктовъ человѣческой руки, созданныхъ при помощи живого и мертваго (капитала) человѣческаго труда. Мы и въ землю вкладываемъ такой трудъ (навозами, ирригаціей и т. д.), но это обстоятельство мало измѣняетъ основной характеръ поземельнаго богатства. Земледѣлецъ производитъ хлѣбъ и другіе продукты, которые своею цѣной возвращаютъ затраченныя издержки и приносятъ еще извѣстный чистый доходъ. Собственникъ капитализируетъ этотъ доходъ, сообразно съ текущей въ обществѣ высотою процента. Полученная такимъ образомъ сумма представляетъ средній уровень для колебаній стоимости земельнаго участка, причемъ колебанія идутъ то въ одномъ, то въ другомъ направленіи, смотря потому, слѣдуетъ ли въ будущемъ ожидать повышенія или пониженія цѣнъ земли (къ этой суммѣ мы должны прибавить еще капиталы, вложенныя въ постройки). Покупатель, уплатившій извѣстную сумму за данный кусокъ земли, готовъ иначе смотрѣть на дѣло, именно принимать вложенный капиталъ какъ исходную точку всѣхъ своихъ вычисленій. Такое отношеніе затемняетъ природу стоимости, какой обладаетъ земля въ капиталистическомъ обществѣ, но ни въ чемъ не измѣняетъ ея. Цѣны земли поднимаются или падаютъ сообразно съ повышеніемъ или пониженіемъ доходности земли; точно также, какъ дѣло обстоитъ по отношенію къ акціямъ. И землевладѣльцы, и владѣльцы акцій богатѣютъ или теряютъ свой капиталъ, между прочимъ, подъ вліяніемъ факторовъ, возникающихъ и дѣйствующихъ помимо ихъ воли и познанія. Генри Джорджъ, замѣтивъ въ своемъ отечествѣ, что всякій прогрессъ въ обществѣ, напр., ростъ путей сообщенія, приростъ народонаселенія, возникновеніе промышленныхъ центровъ, увеличиваетъ безплатно и безъ участія землевладѣльцевъ земельную ренту и обогощаетъ ихъ, заключилъ, что они единственные хищники роста общественнаго богатства. Нечего говорить, что теорія американскаго физіократа ложна, но ея исходная точка, именно, что землевладѣлецъ обогащается благодаря стихійному ходу общественнаго прогресса, несомнѣнно вѣрна, при чемъ слѣдовало бы сдѣлать одно прибавленіе, именно, что названный факторъ помѣщичьяго благосостоянія можетъ дѣйствовать и въ обратномъ направленіи — можетъ и отбирать богатство. Такая перемѣна произошла отъ появленія американскаго соперничества на хлѣбномъ рынкѣ. Землевладѣлецъ очутился въ присутствіи производительныхъ силъ, которыхъ дѣйствія онъ не понимаетъ или понимаетъ настолько, что онѣ угрожаютъ ему банкротствомъ. Послѣдствія паденія цѣнъ земли принимаютъ характеръ тѣмъ болѣе вредный для него, что спекуляція, видя въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ постоянный ростъ поземельной стоимости, постаралась еще далѣе

подвинуть его повышеніе. Имѣнія покупались по цѣнѣ выше, чѣмъ слѣдовало бы, уплачивалась только незначительная часть стоимости, въ ожиданіи, что общественный прогрессъ будетъ и въ будущемъ увеличивать цѣну земли и дастъ возможность покончить съ долгами. Громадные долги, доходящіе вслѣдствіе паденія цѣнъ земли, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до уровня самой стоимости имѣнія; душевныя качества, свойственныя исчезающей эпохѣ, непониманіе устойчивости рыночныхъ отношеній и плохо уживающіяся съ современной суматохой продажи; невѣжество теорій, неприспособленныхъ къ теперешнему режиму производительныхъ и рыночныхъ условій—такова физіономія землевладѣльцевъ наканунѣ громаднаго производительнаго переворота, благопріятнаго для потребителей, но злополучнаго для представителей земледѣлія. Неудивительно, что слышны голоса, сомнѣвающіеся въ будущемъ—слѣдовало бы сказать современнаго поколѣнія землевладѣльцевъ, но многіе говорятъ: самого земледѣлія.

Въ такомъ способѣ выраженія смѣшались два различныхъ понятія: земледѣльческое сословіе и земледѣліе. Нечего опасаться, чтобы земледѣліе упало совершенно, оно лишь можетъ потерять свой интенсивный характеръ. Аграрный кризисъ состоитъ въ дисонансѣ, проистекающемъ оттого, что земля удерживаетъ еще стоимость, какую имѣла въ восьмидесятыхъ годахъ, между тѣмъ какъ доходность ея понизилась. Тутъ возможенъ одинъ только исходъ: досонансъ долженъ исчезнуть. Кризисъ кончится медленнымъ упадкомъ теперешнихъ собственниковъ или потерей ими части ихъ имущества. Тѣ, которые купятъ имѣнія по настоящей, т.-е. уравновѣшенной стоимости, пропорціональной къ доходамъ, не будутъ имѣть причинъ жаловаться. Земледѣліе, пройдя трудныя времена, будетъ развиваться нормальнымъ образомъ. Графъ Каприви, бывшій канцлеръ германскаго государства, высказалъ горькую истину прямо въ глаза германскимъ юнкерамъ, исправляя ихъ тезисъ, будто дѣло идетъ о будущемъ самаго земледѣлія. Одновременно прусское правительство, на поземельномъ съѣздѣ въ Берлинѣ 1894 года, при посредствѣ тогдашняго министра земледѣлія фонъ-Гейдена поставило нѣсколько тезисовъ, стоющихъ того, чтобы надъ ними остановиться, такъ какъ они показываютъ, что благодаря измѣненію природы производительныхъ силъ и самое отношеніе государства къ земледѣлію можетъ подвергнуться сильному измѣненію. Земледѣлецъ до сихъ поръ обладалъ неограниченнымъ правомъ надъ своимъ имѣніемъ: онъ могъ его дѣлить, продавать, закладывать. Но прусское правительство, понимая все охранительно консервативное значеніе зажиточнаго земледѣльческаго сословія, предложило отобрать у землевладѣльца право дѣлать долги выше извѣстной нормы. Земскія камеры опредѣляли бы стоимость имѣній и позволяли бы занимать деньги лишь до какой-нибудь нормы, положимъ, 50% стоимости имѣнія. Государство распростерло бы надъ помѣщикомъ опеку, какъ надъ несовершеннолѣтнимъ. Прусское правительство тоже выразило сомнѣніе, должны ли

покупатели, не владѣющіе достаточно большимъ капиталомъ, покупать несоотвѣтственныя имѣнія, такъ какъ сразу становятся должниками. Наконецъ, поднятъ былъ вопросъ о перемѣнѣ обыкновенныхъ долговъ въ ренту, капиталъ же не подлежалъ возвращенію. Все это дѣйствительные coup d'etat въ правовую сторону поземельной неограниченной собственности.

Земледѣльцы, лишенные надежды на повышеніе цѣнъ продуктовъ и ограбленные ходомъ развитія производительныхъ силъ, напираютъ въ Западной Европѣ на политическую сторону. Мы должны помнить, что и рыночныя отношенія, и политическія, вообще общественныя условія, какъ пошлины, податныя привилегіи и т. д., поднимая или уменьшая доходъ земли, оказываютъ вліяніе на ея стоимость. Помѣщики реализуютъ свое положеніе въ обществѣ на извѣстную сумму денегъ, т. е. стоимость земли поднимается, если имъ удастся понизить норму поземельной подати, получить преміи на вывозъ сахару или спирта. Прекрасно объ этомъ свидѣтельствуютъ объявленія о продажѣ имѣній, помѣщаемыя въ германскихъ газетахъ: продавецъ всегда приводитъ количество спирта, подлежащаго въ его винокуренномъ заводѣ, такъ называемому, контингенту (болѣе низкому обложенію налогомъ). При такихъ условіяхъ въ таксу стоимости имѣнія зачисляются также и факторы такого рода. Р. Майеръ развилъ прекрасно эту идею на земледѣльческомъ съѣздѣ въ Буда-Пештѣ въ 1896 году: «Разница между прежней и настоящей цѣной земли это капитализированная рента, получаемая благодаря существованію пошлинъ на хлѣбъ, т. е. капитализація помощи со стороны государства. Нѣкоторые помѣщики не имѣютъ ни гроша собственнаго имѣнія, но владѣютъ только долей такой капитализированной государственной пенсіи, которая стала обыкновеннымъ товаромъ, продаваемымъ и закладываемымъ. Въ классическомъ Римѣ каждый обѣднѣвшій гражданинъ обладалъ правомъ на такую пенсію».

Отъ политическихъ обстоятельствъ зависитъ величина ренты и уровень стоимости земель. Именно благодаря этимъ факторамъ, стоимость помѣстій въ Германіи вѣроятно на одну четверть выше того уровня, на какомъ бы находилась, если бы пошлины не существовали, и о цѣнѣ земли рѣшали бы лишь чисто экономическіе факторы. И въ физіономіи юнкера произошла соотвѣтственная перемѣна въ послѣдній десятокъ лѣтъ. Тридцать лѣтъ тому назадъ германскія земледѣльческія общества занимались на своихъ съѣздахъ агрономическими вопросами. Теперь политика занимаетъ первое мѣсто во время собраній. Земледѣльцы, разсуждая о своихъ дѣлахъ, прежде всего ищутъ способы увеличить количество различныхъ благъ, получаемыхъ отъ государства.

Значитъ во многихъ странахъ, главнымъ же образомъ во Франціи и Германіи, сравнительно высокія цѣны земли держатся лишь благодаря вліянію политическихъ условій. Но такое положеніе не долговѣчно, такъ какъ на историческомъ поприщѣ появляются возрастающія группы

городскихъ рабочихъ и, пріобрѣтая все болѣе вліянія, требуютъ отмѣны помѣщичьяго права жить нуждой народа. Положеніе земледѣльцевъ вообще очень неустойчиво. Лишь въ одной Англіи дисонансъ, на который мы указывали, приближается къ своей развязкѣ, и намъ кажется, что аграрный кризисъ, вызванный возникновеніемъ колоніальныхъ производительныхъ силъ, тамъ скорѣе всего будетъ разрѣшенъ.

«Нѣтъ основанія сомнѣваться,—говоритъ парламентская анкета,—что положеніе съ 1882 г., въ которомъ производилось такое же изслѣдованіе, во многомъ стало хуже. Фермеры должны постоянно бороться съ трудностями и нищетой, претерпѣли значительныя потери капитала, получаютъ уменьшенную прибыль или, пожалуй, совсѣмъ ея не получаютъ. Много обанкротилось, много находится въ самой крайней нуждѣ. Но за исключеніемъ хлѣбныхъ округовъ мы вездѣ замѣчаемъ приспособленіе расходовъ къ уровню уменьшенныхъ доходовъ, отчасти вслѣдствіе ограниченія жизненныхъ требованій, отчасти отъ измѣненія системъ хозяйничанія, уменьшенія размѣровъ ренты, удешевленія навозовъ и фуража, равно какъ всѣхъ предметовъ потребленія, наконецъ, благодаря тоже сокращенію величины оборотнаго капитала. Въ виду всего этого, мы можемъ полагать, что англійская почва, какъ одаренная отъ природы и благодаря своему экономическому положенію, будетъ и въ будущемъ воздѣлываться какъ луга, а можетъ быть какъ пашня. Будетъ она доставлять прибыль, незначительную и трудно зарабатываемую, но не ниже уровня заработковъ въ другихъ отрасляхъ промышленности».

Иначе въ хлѣбныхъ округахъ: «по мѣрѣ паденія цѣнъ хлѣба, наступитъ моментъ, когда и рента, и вообще культура (почвы) исчезнутъ. Это уже отчасти дѣйствительность въ восточно-южныхъ пространствахъ Эссекса и оскудѣніе почвы проявилось бы въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ, если бы землевладѣльцы и фермеры не противодѣйствовали этому съ большими затратами для себя».

Диссонансъ можетъ исчезнуть—относительно, такъ современная производительная сила по природѣ своей неустойчива, но недостатокъ организированнаго общественнаго сознанія не дозволитъ наступить равновѣсію, пока не будетъ положена преграда индивидуалистическому режиму. Но способы уменьшенія диссонанса могутъ быть различны: они могутъ привести къ дальнѣйшему прогрессу производительныхъ силъ, но могутъ отодвинуть насъ къ образцамъ мелкой рутины и мелкаго хозяйства.

Земледѣліе можетъ подвергнуться процессу сплоченія или децентрализаціи. Передъ нами появляется задача понять взаимное отношеніе крупной и мелкой собственности.

Л. Кржнвицкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ВЪ ГОРОДСКОЙ ШКОЛѢ.

(Очерки и наблюденія).

«Наконецъ то!» вырвалось у Вѣры Павловны, когда она пробѣжала содержаніе бумаги только что полученной ею въ большомъ сѣромъ пакетѣ подъ нѣсколькими печатями со штемпелемъ городской Думы. Этой бумагой Вѣра Павловна извѣщалась о томъ, что въ одной изъ зарѣчныхъ частей города освободилась вакансія городской учительницы и ей, въ виду наступавшаго пріема дѣтей, предлагалось немедленно отвѣтить, согласна ли она принять это мѣсто.

«Наконецъ то!» повторила она и съ этими словами опустилась на диванъ, не выпуская изъ рукъ бумаги, такъ поразившей ее своимъ содержаніемъ, что даже непривычная краска выступила на ея безкровномъ утомленномъ лицѣ.

Она согласна, конечно согласна и достанься ей эта школа нѣсколько лѣтъ тому назадъ полученіе ея несомнѣнно вызвало бы въ ней приливъ самой бурной радости, но девять лѣтъ тяжелой жизни наложили свой отпечатокъ на Вѣру Павловну. Всѣ ощущенія потеряли свою яркость и въ данную минуту, несмотря на то, что полученіе школы являлось для нея неожиданнымъ благополучіемъ, она была только довольна, и это довольство вытекало главнымъ образомъ изъ сознанія того, что у нея теперь есть свой уголъ и вѣрный обезпеченный кусокъ хлѣба. Она смотрѣла на бумагу глазами человѣка, утомленнаго длинной, а главное страшно скучной поѣздкой. Въ началѣ цѣль поѣздки манила и человѣкъ жадно стремился къ ней, потомъ онъ усталъ, усталъ до такой степени, что дошелъ до полнѣйшаго равнодушія и, наконецъ пріѣхавъ, радуется только возможности отдохнуть.

Такъ было и съ Вѣрой Павловной. Окончивъ педагогическіе курсы, она подала прошеніе о зачисленіи ея кандидаткой на мѣсто городской учительницы. Прошеніе было принято, но ждать пришлось долго, очень долго, если принять въ соображеніе то, какъ проходили эти годы ожиданія.

Вѣрѣ Павловнѣ было тридцать лѣтъ, но на видъ она казалась значительно старше. На лицѣ ея не было морщинъ, на головѣ ни

одного сѣдаго волоса, но вся она смотрѣла какой то сѣрой, точно запылившейся и на всей ея фигурѣ съ выдавшимися плечами и впалой узкой грудью лежала печать утомленія, утомленіе выражали и грустные сильно близорукіе глаза дѣвушки.

Вѣра Павловна встрепенулась. Торопливо вынувъ изъ за пояса черные часы, она заглянула на нихъ своими близорукими глазами. Было два часа.

Присутствіе въ училищной коммиссіи, куда ей предлагалось заявить о своемъ согласіи принять школу, продолжалось ежедневно до пяти часовъ и, слѣдовательно, времени въ запасѣ оставалось болѣе чѣмъ достаточно, но Вѣру Павловну охватилъ вдругъ страхъ что она опоздаетъ, школу отдадутъ слѣдующей кандидаткѣ и ей опять придется ждать долгіе годы.

Она быстро одѣлась и черезъ полъ часа уже стояла въ комнатѣ, уставленной канцелярскими столами.

Комната эта, въ которой помѣщалась канцелярія училищной коммиссіи, была очень большая и, несмотря на громадныя окна мрачная и непривѣтливая. Въ окна смотрѣло сѣрое осеннее небо и бурокрасная крыша гостинаго двора со множествомъ трубъ, вокругъ которыхъ группами размѣстились нахохлившіеся голуби.

За однимъ изъ столовъ работали барышни, за другими сидѣло нѣсколько мужчинъ. За рѣшеткой, отдѣлявшей часть комнаты, наклонившись надъ конторкой, что то писалъ чиновникъ, а около рѣшетки стояло нѣсколько женщинъ въ верхнихъ кофточкахъ и шляпахъ.

Вѣра Павловна подошла къ нимъ и стала терпѣливо ожидать своей очереди, съ любопытствомъ разглядывая своихъ будущихъ товарокъ.

Она видѣла вокругъ себя безцвѣтныхъ, немолодыхъ и, по большей части некрасивыхъ очень скромно одѣтыхъ женщинъ. И въ лицахъ и въ костюмахъ полное отсутствіе красокъ, все какіе то сѣроватые тона, тона, удивительно гармонировавшіе съ сѣрымъ небомъ, бурой крышей и всей обстановкой этой скучной казенной комнаты съ длинными столами, надъ которыми застыли въ неподвижности склоненныя фигуры чиновниковъ. Все кругомъ было сѣро и какъ то томительно скучно и только голоса учительницъ нервные и озабоченные напоминали о жизни, въ которой существуетъ что то помимо отчетныхъ книгъ и печатныхъ бланковъ, грудами сваленныхъ по угламъ комнаты. Рядомъ съ Вѣрой Павловной стояла совсѣмъ молодая дѣвушка, рѣдко выдѣлявшаяся на сѣромъ фонѣ немолодыхъ и некрасивыхъ лицъ.

На видъ ей было двадцать лѣтъ; фигура у нея была высокая и плотная, маленькая голова красиво сидѣла на широкихъ плечахъ, а изъ подъ круглой шляпы съ бѣлымъ перомъ выбивались непокорные вьющіеся волосы.

Въ началѣ она съ видимымъ любопытствомъ относилась ко всему, что происходило вокругъ нея. Она внимательно разглядывала учи-

тельницъ и барышень, сидѣвшихъ за столомъ, но потомъ, не найдя, очевидно, ничего интереснаго, соскучилась и съ замѣтнымъ уже нетерпѣніемъ ожидала, когда же наконецъ чиновникъ обратится къ ней.

— Я съ прошеніемъ. Прошу о зачисленіи меня кандидаткой на мѣсто городской учительницы,—звонкимъ, но сильно дрожавшимъ отъ волненія голосомъ заявила она, когда очередь наконецъ дошла до нея.

При первомъ звукѣ ея молодого голоса въ мрачной непривѣтливой комнатѣ повѣяло вдругъ какой то непривычной жизнерадостностью. Работавшіе за столами невольно подняли склоненныя головы и съ изумленіемъ разсматривали говорившую.

— Я окончила весною педагогическіе курсы, два года занималась въ частной школѣ и зимой давала уроки въ воскресной,—продолжала дѣвушка.

И затѣмъ послѣ небольшой паузы замѣтивъ, что чиновникъ за рѣшеткой какъ будто чего то еще ожидаетъ, значительно тише, но съ большимъ достоинствомъ прибавила:—И гимназію и курсы я окончила съ золотыми медалями.

— Ваши документы?—отрывисто спросилъ чиновникъ.

Она передала ему пакетъ. Онъ отошелъ къ конторкѣ и сталъ перелистывать толстый журналъ.

Дѣвушка стояла совсѣмъ красная. Ей сдѣлалось вдругъ невыносимо жарко и она быстрымъ движеніемъ, не спуская глазъ съ чиновника, растегнула всѣ пуговицы на своей драповой кофточкѣ. Барышни, работавшія за столомъ, о чемъ то шептались, разсматривая просительницу. Неуспѣвшія разойтись учительницы тоже смотрѣли на дѣвушку. Въ эту минуту почти каждой изъ нихъ вспомнилась собственная молодость, вспомнилось и то время, когда, окончивъ курсы, каждая подходила съ такимъ же прошеніемъ о зачисленіи кандидаткой къ этой же самой рѣшеткѣ...

— Вы будете зачислены 320-ой кандидаткой,—вдругъ среди общаго молчанія раздался голосъ чиновника.

Дѣвушка покраснѣла еще больше.

— Которой кандидаткой?—переспросила она, думая, что ослышалась

— 320-й,—точно наслаждаясь ея смущеніемъ, повторилъ чиновникъ.

— Но неужели такъ много желающихъ?.. Когда же я въ такомъ случаѣ получу школу?—почти съ отчаяніемъ спросила дѣвушка, и что то жалкое, растерянное проступило въ выраженіе ея молодого лица.

Барышни за столомъ улыбались. Дѣвушка смѣшила ихъ своей наивностью, она видимо воображала, что ей стоитъ только заявить о своемъ желаніи, чтобы получить школу.

— У насъ соблюдается самая строгая очередь,—между тѣмъ внушительно продолжалъ чиновникъ.—Каждый годъ положено открывать по 25 новыхъ школъ...

— Положимъ, что это одни разговоры, больше 10 уже давно нѣ

открываютъ,—отозвалась одна изъ учительницъ, что то усердно искавшая въ цѣлой грудѣ наваленныхъ на полу книгъ.

Чиновникъ только покосился на говорившую.

— 320 раздѣлить на двадцать пять... Сколько же это будетъ?..— Старалась сосчитать дѣвушка, но волненіе мѣшало ей. Во всякомъ случаѣ выходило что то страшно много. И она безнадежно опустила голову.

А чиновникъ все продолжалъ говорить о самой строгой очереди при назначеніи на мѣста городскихъ учительницъ, и такъ какъ при каждомъ новомъ словѣ дѣвушка все ниже и ниже опускала голову, то онъ съ видимымъ желаньемъ ободрить ее упомянулъ о случайно освобождающихся вакансіяхъ.

— Бываетъ, что учительницы и замужъ выходятъ, но это случается довольно рѣдко, чаще всего уходятъ по болѣзни, работа, въ общемъ довольно таки тяжелая,—лѣниво роняя слова говорилъ онъ.— Вы, если не ошибаюсь, г-жа Иванова, вновь назначенная учительница?— вдругъ обратился онъ къ Вѣрѣ Павловнѣ.—Вотъ скажите, кстати, сколько именно времени вамъ пришлось прождать?»

Вѣра Павловна отвѣтила, что ждала девять лѣтъ, и чиновникъ заговорилъ съ ней. Онъ сообщилъ ей адресъ школы, сказалъ, что пріемъ ученицъ начинается съ завтрашняго же дня.

Вѣра Павловна уже спускалась по лѣстницѣ, когда ее нагнала высокая полная учительница, которую она замѣтила еще въ канцеляріи.

— Позвольте познакомиться, я Кунина Марья Михайловна. Какъ разъ напротивъ того дома, гдѣ помѣщается ваша школа, живетъ одна моя пріятельница тоже городская учительница. У ней школа для мальчиковъ, и если вамъ встрѣтится что нибудь сомнительное въ новомъ дѣлѣ, то обратитесь къ ней.

Вѣра Павловна поблагодарила. Въ эту минуту ей ясно представились только что выданные ей журналы и бланки, въ которыхъ разобраться безъ посторонней помощи ей казалось положительно немыслимымъ.

Вечеромъ Вѣра Павловна отправилась осмотрѣть свою школу.

Первое, что ей бросилось въ глаза, была громадная синяя вывѣска надъ воротами съ названіемъ школы, въ которую ее назначили.

Сойдя съ пролетки она позвонила у воротъ.

Ждать ей пришлось довольно долго.

Она стояла и смотрѣла на длинную прямую и довольно пустынную улицу, уходившую, какъ ей казалось, благодаря близорукости, въ безконечную даль.

Прямо передъ ней возвышалась красивая сѣрая церковь. На ступенькахъ паперти сидѣла сгорбившись какая то фигура. Напротивъ церкви почти рядомъ съ домомъ, у котораго стояла Вѣра Павловна, помѣщалась больница; громадное желтое зданіе смотрѣло особенно непривѣтливо въ этотъ часъ надвигавшихся сумерекъ.

Вѣра Павловна повернула голову въ противоположную сторону.

Здѣсь улица черезъ нѣсколько домовъ пересѣкалась Невой. На другомъ берегу рѣки темнѣла зелень парка, виднѣлось кирпичное зданіе съ плоской крышей и голубой куполъ дальней церкви.

Вѣра Павловна позвонила во второй разъ.

— Вамъ кого?—раздалось подъ воротами.

Передъ Вѣрой Павловной стояла дѣвочка лѣтъ семи въ красной кофтѣ и въ розовой юбкѣ, высоко подхваченной спереди, а сзади спускавшейся до самыхъ пятокъ босыхъ ногъ.

— Мнѣ дворника нужно,—сказала та.

— Старшаго то дома нѣтъ, а младшій на чердакъ ушолъ,—объявила дѣвочка.—Да вотъ онъ идетъ никакъ,—быстро обернулась она къ темному проходу подъ воротами, гдѣ вдругъ раздались торопливые мужскіе шаги.

— Тебя спрашиваютъ, тятька,—проговорила дѣвочка и юркнула подъ ворота.

Вѣра Павловна объяснила дворнику, что она новая учительница и просила показать ей квартиру, въ которой помѣщалась школа.

— Пожалуйте за мной, — сказалъ тотъ и они вошли во дворъ.— У меня ключъ отъ черной лѣстницы, я тамъ пройду, а вы по парадной въ четвертый этажъ поднимитесь, я отопру.

Дворникъ скрылся во второмъ дворѣ, а Вѣра Павловна поднялась по лѣстницѣ. Уже отпертая входная дверь была растворена и она вошла въ маленькую и темную переднюю.

— Вотъ это классъ,—услужливо объяснялъ дворникъ, указывая въ раскрытую дверь на длинную, но довольно низкую комнату, уставленную сѣрыми отъ покрывавшей ихъ пыли классными столами.—А вотъ рекреаціонная... А здѣсь уже ваше собственное помѣщеньице,—и, говоря это, онъ провелъ ее въ двѣ крохотныя комнатки, изъ которыхъ одна была полутемная, такъ какъ окно упиралось прямо въ стѣну.

— А здѣсь кухня,—продолжалъ онъ,—и дѣти здѣсь раздѣваются. Нашъ хозяинъ по парадной лѣстницѣ имъ ходить не велитъ. Грязи отъ нихъ много и безпорядковъ не оберешься.

Показавъ квартиру дворникъ замолчалъ; молчала и Вѣра Павловна Помѣщеніе ей даже нравилось; она была неприхотлива и маленькія комнаты ей пришлись по душѣ, но затоптанныя полы и грязныя окна сильно смущали ее... Необходимо было какъ можно скорѣе найти хоть какую-нибудь прислугу, чтобы вычистить квартиру.

— А я къ вамъ съ просьбой, барышня. Совсѣмъ изъ головы вонъ было. Дѣвчонка моя, Лизутка, ужъ очень пристаетъ все въ школу просится. Каждый день мимо дворницкой дѣвочки съ книгами бѣгаютъ. Ну и ей охота.

-- Завтра въ девять часовъ принимать буду, тогда и приводите дѣвочку,—сказала Вѣра Павловна. — Сама я къ восьми здѣсь буду.

Только вотъ не знаю, какъ бы почистить здѣсь хоть немного. Ужъ очень здѣсь пыльно.

— Вамъ вѣдь прислуга навѣрное требуется,—сообразилъ дворникъ.— Здѣсь у меня близко одна знакомая живетъ, только сходить кликнуть, можетъ и понравится вамъ. Женщина хорошая.

— Ахъ, пожалуйста, сходите!—попросила Вѣра Павловна.

— Въ óдну минуту!—крикнулъ уже на ходу дворникъ.

Вѣра Павловна осталась одна. Ей хотѣлось еще разъ осмотрѣть помѣщеніе и она медленно, не торопясь, стала обходить всѣ комнаты.

Слабый едва слышный звонокъ донесся въ эту минуту до ея слуха и она, вспомнивъ, что дворникъ отправился за прислугой, пошла въ кухню.

— Здѣсь прислуга требуется?—раздался робкій женскій голосъ и, когда Вѣра Павловна отвѣтила утвердительно, высокая женщина, закутанная въ байковый платокъ, надвинутый на самый лобъ, сдѣлала ей настрѣчу нѣсколько нерѣшительныхъ осторожныхъ шаговъ.

Вѣра Павловна разсказала женщинѣ, какая работа отъ нея требуется. Вопросъ о жалованьѣ былъ ей самой не совсѣмъ ясенъ. Сама Вѣра Павловна должна была получать въ мѣсяцъ пятьдесятъ пять рублей съ копѣйками; изъ этихъ денегъ десять рублей полагалось на прислугу и она расчитывала, что больше шести рублей въ мѣсяцъ платить не приходится, принимая въ соображеніе, что содержаніе ея обойдется, конечно, болѣе четырехъ рублей.

Женщина согласилась на все очень быстро и съ видимой охотой, казалось, что и работа, и жалованье представляли что-то второстепенное, главное же, о чемъ нужно было говорить, замалчивалось, и большіе глаза, которые одни были ясно видны Вѣрѣ Павловнѣ, становились все тревожнѣе и все безпокойнѣе перебѣгали съ одного предмета на другой.

— Ну что же, если вы согласны, то перебирайтесь. Я бы просила васъ переѣхать какъ можно скорѣе. Завтра пріемъ дѣтей, а здѣсь все такъ пыльно и грязно,—сказала Вѣра Павловна.

— Хорошо, переберусь,—проговорила женщина и замолчала, нервно теребя бахрому на своемъ байковомъ платкѣ.

— Значитъ, вы согласны на мои условія?—еще разъ переспросила Вѣра Павловна, замѣтивъ какое-то колебаніе и нерѣшительность въ женщинѣ.

— Согласна-то я согласна, ужъ очень согласна. Только вотъ въ чемъ заминка-то моя... заговорила она голосомъ, звенѣвшимъ внутреннимъ волненіемъ. На минуту она остановилась. — Дѣло-то мое такое, барышня, что и сказать вамъ о немъ какъ не знаю...

И видъ, и голосъ женщины въ эту минуту внушили Вѣрѣ Павловнѣ какой-то безотчетный страхъ, и она какъ-то невольно приготовилась услышать что-то ужасное.

— Ребеночекъ вѣдь у меня,—едва слышно проговорила женщина.

Вѣра Павловна даже улыбнулась. Она ждала чего-то страшнаго, а отъ слова «ребеночекъ» повѣяло чѣмъ-то милымъ, успокоительнымъ. Нѣтъ ничего дурного, если въ этомъ, слишкомъ просторномъ помѣщеніи, гдѣ-нибудь закопошится ребенокъ.

— Сколько же ему времени?—спросила она ласково.

— Годъ два мѣсяца,—отвѣтила женщина.

Въ эту минуту ея глаза смотрѣли на Вѣру Павловну съ тѣмъ выраженіемъ, съ какимъ обыкновенно смотрятъ на людей собаки, притерпѣвшіяся къ побоямъ.

— Приходите съ ребенкомъ. Ребенокъ не помѣшаетъ, а только въ кухню его помѣстить трудно будетъ. Здѣсь дверь, а здѣсь окно,—говорила Вѣра Павловна.

— Ахъ ничего, ничего, ему вездѣ хорошо будетъ. Ужъ я его такъ приткну, что вы, милая барышня, его и не услышите, знать не будете, что въ домѣ ребеночекъ завелся,—суетливо заговорила видимо сильно обрадованная женщина. — Ключъ вы дворнику оставьте, а я завтра чуть свѣтъ сюда прибѣгу, до вашего прихода всю первую грязь и уберу.

На другой день Вѣра Павловна пріѣхала въ школу около восьми часовъ утра.

— Какъ звать-то васъ?—спросила Вѣра Павловна свою новую прислугу, отворившую ей дверь.

— Татьяной,—тихо отвѣтила она.

Голосъ у Татьяны былъ робкій, движенія несмѣлыя и вся она производила болѣзненное впечатлѣніе запуганнаго и забитаго человѣка. Роста она была довольно высокаго, фигура у нея была плотная и только лицо поражало худобой и желтымъ нездоровымъ оттѣнкомъ, который подъ глазами переходилъ въ темную синеву, и отъ этой синевы глаза казались неестественно глубокими и большими.

Вѣра Павловна обошла квартиру. Татьяна постаралась, ни пыли, ни грязи нигдѣ не было.

Въ кухнѣ уже топилась плита, а въ самомъ темномъ углу, на небольшомъ сундукѣ, стояла бѣльевая корзина, изъ которой торчала дѣтская голова съ пучкомъ волосъ на темени и внимательными, серьезными глазами на блѣдномъ одутловатомъ личикѣ.

— Дочка или сынъ у васъ?—спросила Вѣра Павловна, подходя къ корзинкѣ. Она уже и руку протянула, чтобы приласкать ребенка, но тотъ при ея приближеніи нырнулъ головой внизъ и, когда пальцы Вѣры Павловны слегка коснулись его спинки, она ясно почувствовала, какъ сжалось отъ страха это маленькое тщедушное тѣльце, хотя ребенокъ не издалъ при этомъ ни малѣйшаго звука.

— Какъ зовутъ?»—обратилась она къ Татьянѣ.

Шуркой звать; дѣвчонка у меня, злая да привередливая такая, что упаси Господи—мрачно отвѣтила женщина и въ голосѣ ея послышалась суровость, непріятно поразившая Вѣру Павловну.

— Такая маленькая развѣ можетъ быть злой,—укоризненно сказала она. И это маленькое существо, свернувшееся въ комочекъ, показалось ей вдругъ необыкновенно жалкимъ.

Въ кухнѣ задребезжалъ звонокъ.

Татьяна бросилась отворять.

Въ кухню вошелъ худой, блѣдный и довольно хорошо одѣтый мужчина съ двумя дѣвочками.

— Простите, что явился раньше срока, но въ девять часовъ мнѣ необходимо уже быть на мѣстѣ службы,—заискивающимъ голосомъ обратился онъ къ Вѣрѣ Павловнѣ.

Двѣ дѣвочки,—одна постарше черноволосая и курчавая, другая совсѣмъ маленькая и очень некрасивая, молчали, любопытными глазами изучая учительницу.

— Будьте любезны, примите въ школу вотъ эту, что постарше,—продолжалъ между тѣмъ отецъ, выдвигая за плечи дѣвочку въ потертой драповой кофточкѣ съ оборванными пуговицами и круглой шляпкѣ съ краснымъ крыломъ.

— Пріемъ начнется только въ девять. Если вамъ самимъ некогда, оставьте хоть дѣвочку,—предложила Вѣра Павловна.

— И ей нельзя, она вѣдь тоже... на службѣ,—засмѣялся отецъ.

— Но гдѣ же служитъ ваша дочь?—удивилась Вѣра Павловна.

— Я въ актрисахъ, въ Зоологическомъ саду!—бойко отозвалась сама дѣвочка и надвинула на лобъ шляпу, плохо державшуюся на ея густыхъ курчавыхъ волосахъ.

Своими занятіями она даже слегка гордилась и не понимала, почему отецъ замедлилъ отвѣтомъ на вопросъ учительницы, а теперь съ такимъ смущеніемъ теребилъ свою и безъ того потрепанную шапку.

— Я въ фееріи движущійся тюльпанъ изображаю,—объяснила она, замѣтивъ, что учительница какъ будто плохо поняла ее.—А вотъ маленькая въ лягушкахъ,—и дѣвочка кивнула головой въ сторону некрасиваго курносаго созданья, въ лицѣ и фигурѣ котораго было дѣйствительно что-то напоминавшее лягушку.

Младшая сестра въ отвѣтъ на заявленіе старшей громко фыркнула и уткнулась носомъ въ ея кофточку.

— Я самъ въ саду по декоративной части состою и дѣти можно сказать подъ моимъ постояннымъ надзоромъ тамъ находятся,—заговорилъ наконецъ и самъ отецъ, а дѣвочки, особенно старшая, съ удивленіемъ уставились на него.

Когда они всѣ втроемъ отправлялись въ садъ, мать обыкновенно поручала имъ обѣимъ смотрѣть за отцомъ, но углядѣть за нимъ не было никакой возможности, онъ напивался съ утра, и вечеромъ послѣ представленія онѣ общими усиліями кое-какъ доводили его домой.

Вѣра Павловна была въ большомъ затрудненіи. Ее смущала мысль, что въ числѣ малолѣтнихъ ученицъ будетъ актриса изъ Зоологическаго

сада, но въ тоже время никакихъ причинъ для отказа она не находила, да и отказывать ей сильно не хотѣлось.

Хорошенькая дѣвочка съ большими глазами и длинными загнутыми рѣсницами даже понравилась ей, а въ книжечкѣ, гдѣ были изложены правила пріема, ясно и опредѣленно говорилось, что въ школу принимаются дѣти не моложе семилѣтняго возраста. Дѣвочкѣ было десять лѣтъ и она вполнѣ отвѣчала условіямъ пріема.

— Но какъ же она въ школу ходить будетъ? Вѣдь у насъ ученье съ девяти часовъ начинается?—все еще колеблясь спрашивала она.

Оказалось, что Зоологическій садъ на-дняхъ закрывается, и актриса въ самомъ непродолжительномъ времени получитъ возможность безпрепятственно посѣщать школу.

Не успѣли еще актеры скрыться за дверьми, какъ въ кухнѣ появилась толстая женщина; въ одной рукѣ у нея была корзина съ провизіей, а другой она вела толстую блѣдную дѣвочку въ грязной соломенной шляпѣ, желтомъ ватерпруфѣ и стоптанныхъ желтыхъ же туфляхъ.

— Здѣсь дѣвочекъ принимаютъ? — тяжело отдуваясь и, видимо не замѣчая Вѣры Павловны, обратилась она къ стоявшей у дверей Татьянѣ.

— Да, здѣсь,—отвѣтила за Татьяну Вѣра Павловна.—Теперь еще рано. Пріемъ начнется въ девять и вамъ придется обождать.

Это предложеніе привело женщину въ совершенное отчаяніе.

Ждать ей было некогда. Въ девять ей нужно было отпускать первый завтракъ, баринъ послѣ него сію же минуту уѣзжаетъ въ банкъ. Ее и на мѣсто подъ тѣмъ условіемъ брали, что она ни на одну минуту съ кушаньемъ опаздывать не будетъ...

— Мѣсто ничего хорошее, лучшее съ такой обузой врядъ ли сыщешь, — кивая головой въ сторону потупившейся дѣвочки и вытирая вспотѣвшее лицо концомъ байковаго платка, объясняла кухарка.—Одно плохо, на счетъ аккуратности чистый зарѣзъ. Опоздаешь съ кушаньемъ и безъ всякихъ разговоровъ вонъ. Съ тѣмъ и брали. Оно и понятно, съ дѣвчонкой то не всякій возьметъ, ну и пользуются....

Уступая настойчивымъ просьбамъ кухарки, а главное понявъ всю затруднительность положенія женщины, если она очутится съ дочерью на улицѣ изъ за опоздавшаго завтрака, Вѣра Павловна согласилась записать дѣвочку раньше положеннаго срока.

А въ кухнѣ между тѣмъ одинъ за другимъ появлялись все новыя лица. По большей части это были все женщины. Всѣ онѣ ужасно торопились, рѣшительно всѣмъ было некогда и всѣ упрашивали принять дѣвочекъ какъ можно скорѣе.

— Ежели ждать придется, весь рабочій день прахомъ пойдетъ,— жаловалась работница съ пряничной фабрики.

Вѣра Павловна была уже готова уступить ея просьбѣ, но остальныя

женщины подняли при этомъ такой шумъ, что она даже растерялась. Всѣмъ было одинаково некогда. Всѣхъ безъ исключенія ждала работа.

Вѣра Павловна рѣшительно заявила, что раньше девяти пріема не начнетъ и это заявленіе пришлось какъ разъ кстати: въ дверяхъ показался дворникъ съ Лизуткой, а за нимъ швейцаръ съ дѣвочкой.

Вѣра Павловна поспѣшила скрыться въ классъ.

Ровно въ девять Вѣра Павловна начала пріемъ. Она растворила дверь и нетерпѣливая толпа, тѣсня и давя другъ друга, пробралась въ классъ, стуча сапогами и наполняя комнату специфическимъ запахомъ сырого и тѣснаго жилья. Вѣра Павловна почувствовала смущеніе передъ этой непривычной толпой, а когда, съ трудомъ различая отдѣльныя лица, она поняла что всѣ глаза смотрятъ на нее и что ей необходимо что нибудь сказать этимъ собравшимся людямъ, ее охватило ощущеніе, похожее на то, съ которымъ она когда то стояла на экзаменахъ съ билетомъ въ рукахъ.

«Съ чего начать? Главное съ чего начать то?» растерянно думала она, смущеннымъ и боязливымъ взглядомъ окидывая толпу.

— Ребенка задавите, пропустите пожалуйста! — вдругъ раздался визгливый голосъ и женщина въ черной кружевной косыночкѣ на головѣ, размахивая зонтикомъ, вынырнула изъ толпы, проталкивая передъ собой замѣтно упиравшуюся дѣвочку.

— Дочку потрудитесь записать,—развязно обратилась она къ учительницѣ.

Кругомъ послышались недовольные голоса и Вѣра Павловна заговорила почти неожиданно для себя самой.

«Совсѣмъ какъ на экзаменѣ» мелькнуло у нея въ головѣ.

И голосомъ, зазвучавшимъ неожиданной для нея самой увѣренностью, она объявила, что будетъ записывать дѣвочекъ по очереди.

Но очередь соблюдать никто не хотѣлъ, всѣ разомъ двинулись впередъ, проталкивая передъ собою оторопѣвшихъ дѣвочекъ.

Кругомъ раздавались протестующіе возгласы, говорили, что очередь соблюдать трудно, потому что неизвѣстно, кто когда пришолъ, а всякому хочется опредѣлить дочку.

Запахъ кожи, подваловъ и улицы распространялся все сильнѣе и сильнѣе по комнатѣ. Вѣра Павловна почти задыхалась, голова у нея кружилась.

— Какъ твоя фамилія?—обратилась она къ дѣвочкѣ, прижатой къ самому столу. Лица дѣвочки совсѣмъ не было видно подъ кружевомъ шляпы, украшенной огромнымъ краснымъ бантомъ.

— Разсолова,—пискнула дѣвочка, не поднимая головы.

— Разсолова Анна, такъ и запишите,—затараторила женщина въ кружевной косынкѣ.—Смышленая она у меня,—приподнимая съѣхавшую на самый носъ шляпку дочери, продолжала она.—Ежели въ лавочку или за чѣмъ тамъ придется сдѣлать—мигомъ слетаетъ... Вся въ меня, можно сказать...

Въ толпѣ послышался смѣхъ.

— Чѣмъ вы занимаетесь?—спросила Вѣра Павловна, съ трудомъ удерживая улыбку.

— А всѣмъ, чѣмъ хотите, милая барышня. Мужъ у меня по маркерной части въ трактирѣ работаетъ, а я курсистокъ держу, столуются у меня тоже нѣкоторыя изъ нихъ... Ну, если кофточку какую-нибудь сшить принесутъ, я тоже не отказываюсь.

— Вотъ раззвонилась-то: замѣтилъ кто-то изъ толпы.

— Ну васъ, какъ видно, не переслушаешь! — заявилъ стоявшій позади всѣхъ дворникъ.—Идемъ, Лизутка, записываться,—и, раздвинувъ плечомъ женщинъ, онъ очутился у стола.

Дворника смѣнила прачка.

Она прибѣжала прямо изъ прачешной и пришла позднѣе всѣхъ, но никто не дѣлалъ ни малѣйшей попытки задержать ее, когда она, суетливо работая локтями, протолкалась къ столу.

Ждать ей было невозможно.

— Дѣвочку потрудитесь записать!—обратилась она къ Вѣрѣ Павловнѣ, обдавая ее запахомъ водки и какой-то прѣли, которой было пропитано все существо этой женщины, съ прилипшими ко лбу волосами, краснымъ лоснящимся лицомъ и разстиранными до опухолей руками.

Она урвалась отъ лоханки, наскоро накинула байковый платокъ поверхъ намокшаго платья и, даже не успѣвъ спустить засученныхъ рукавовъ, бросилась въ школу. Дѣвочки она съ собой не привела, думала, что не нужно, да и недосугъ ей было забѣжать за ней.

— Какъ же безъ дѣвочки! Мнѣ бы все-таки ее посмотрѣть хотѣлось,—затруднялась Вѣра Павловна.

— А смотрѣть-то и совсѣмъ нечего. Дѣвочка, какъ дѣвочка, какъ ей и быть полагается. Лѣтъ ей девять, зовутъ Манькой, а фамилія наша Васьковы. Отецъ въ малярахъ, а я по стиркамъ хожу.

И пока Вѣра Павловна вносила въ книгу свѣдѣнія о Маріи Васьковой, прачка, окинувъ быстрымъ взглядомъ выглядывавшихъ изъ толпы дѣвочекъ и обращаясь на этотъ разъ ко всѣмъ находившимся въ комнатѣ, прибавила:

— Въ школу вести, такъ повозиться съ нею тоже немало нужно. И одѣть, и причесать...

Ея замѣчаніе встрѣтило общее сочувствіе. Почти всѣмъ матерямъ пришлось не мало потрудиться, чтобы придать дочерямъ тотъ опрятный видъ, съ которымъ онѣ явились въ школу.

А Вѣра Павловна все записывала и записывала. Прачки, швеи, поденьщицы, кухарки и фабричныя работницы проходили передъ нею, безостановочно смѣняя другъ друга.

Она устала записывать и почти не различала больше отдѣльныхъ лицъ. Всѣ и женщины, и дѣти казались ей удивительно похожими между собой. Всѣ матери смотрѣли на нее одинаково просящими и

тревожными глазами, всѣ дѣвочки имѣли удивительно растерянный и глупый видъ.

— И я къ вамъ мою дочку привела,—раздался надъ ея ухомъ заискивающій жеманный голосъ. Вѣра Павловна невольно заинтересовалась подошедшей. И видомъ и голосомъ та рѣзко отличалась отъ остальныхъ женщинъ въ комнатѣ. На ней была шляпка съ завязками, плюшевая кофточка и разорванныя на пальцахъ перчатки, а худенькая дѣвочка стоявшая рядомъ походила больше на гимназистку, чѣмъ на кандидатку въ ученицы городской школы.

— Она у меня въ пансіонъ ходила,—показывая на дочку въ коричневомъ платьѣ и черномъ фартучкѣ, съ достоинствомъ объясняла дама.—Взяла же я ее оттуда единственно потому, что тамъ главное вниманіе на музыку обращено, а у нея къ наукамъ больше способностей...

— Только у бѣдныхъ мѣста отбиваютъ,—вырвалось довольно недружелюбно у одной изъ стоявшихъ.

— Читать и писать значитъ умѣешь?—обратилась Вѣра Павловна къ дѣвочкѣ, теребившей руками оборочку у передника.

— Нѣтъ, не умѣю,—тонкимъ голосомъ отвѣтила та.

Дама вспыхнула, въ толпѣ засмѣялись.

— Читаетъ она точно плохо, ну а на счетъ манеръ можете быть покойны. Я сама за этимъ строго слѣжу,—съ прежнимъ достоинствомъ сказала она и даже сдѣлала попытку приласкать дочку, но та, очевидно имѣя свои причины не довѣрять матери, ловко освободила худенькія плечи изъ-подъ цѣпкихъ пальцевъ.

Дама записалась чиновницей, фамилія ея была Александрова.

Большинство записавшихся дѣвочекъ было отъ восьми до девяти лѣтъ.

Блѣдной золотушной дочери швейцара было всего семь лѣтъ и Вѣра Павловна, записавшая уже 50 кандидатокъ, сразу объявила, что дѣвочку она принять ни въ какомъ случаѣ не можетъ.

— Сдѣлайте милость, позвольте ей хотя на подоконникѣ посидѣть. Много ли для такого ребенка, посудите сами, мѣста требуется,—говорилъ швейцаръ и все его испитое лицо и тщедушная фигура, на которой какъ на вѣшалкѣ болтался форменный кафтанъ съ позументомъ, выразили одну настойчивую мольбу. Острое болѣзненное ощущеніе жалости вызвалъ этотъ проситель въ Вѣрѣ Павловнѣ и это ощущеніе жалости стало почти невыносимымъ, когда она перевела глаза на маленькое подслѣповатое золотушное созданіе, стоявшее рядомъ со швейцаромъ.

Отказать было необходимо, брать семилѣтокъ она по инструкціи не имѣла никакого права, но ей мучительно захотѣлось, чтобы стоявшій передъ нею человѣкъ не ушелъ отъ нея съ чувствомъ одной горькой обиды отказа.

— Видите ли, мнѣ самой очень жалко, но я, увѣряю васъ, ничѣмъ не могу помочь,—говорили ея добрые близорукіе глаза.

Швейцаръ видѣлъ выраженіе глазъ. Барышня по виду была такая добрая, что онъ не терялъ надежды. Ему казалось, что все зависитъ отъ того, насколько хорошо удастся ему объяснить ей свое положеніе. Ему очень трудно и добрый человѣкъ, понявъ эту трудность, не можетъ отказать.

— За ученьемъ, барышня, мы не особенно гонимся. Больше изъ-за свѣта и въ школу-то посылать надумали,—вкрадчиво и просительно говорилъ онъ, весь охваченный желаніемъ быть понятымъ доброй барышней.—Докторъ говоритъ, что подъ лѣстницей она совсѣмъ сохнетъ, а комната у насъ маленькая, да и темная къ тому же... Мнѣ самому, разогнувшись, ни за что не взойти. Пускай она здѣсь хотя на подоконникѣ у васъ посидитъ...

— И у насъ въ квартирахъ не лучше. Темнота вездѣ, всѣ такъ-то живемъ...—грубо и намѣренно громко оборвала говорившаго женщина въ заплатанной драповой кофтѣ и дырявомъ вязаномъ платкѣ на головѣ. Она ужасно боялась, что ея дочка, которой едва исполнилось восемь лѣтъ, останется непристроенной, и глаза ея смотрѣли на тщедушнаго швейцара съ выраженіемъ голодной собаки, которая боится, что кусокъ достанется не ей.

На Вѣру Павловну вся эта сцена производила тяжелое, томительное впечатлѣніе. Съ этимъ швейцаромъ и его жалкой дѣвочкой нужно было покончить какъ можно скорѣй, и она, глядя куда-то вбокъ и испытывая почти презрѣніе къ себѣ самой, опять заговорила о недостаткѣ вакансій.

Когда она замолчала, швейцаръ, не говоря ни слова, нервнымъ движеніемъ нахлобучилъ шапку на голову и, почти грубо подтолкнувъ дѣвочку, направился къ выходу.

Вѣра Павловна видѣла его рѣзко измѣнившееся лицо, на которое разомъ проступило желчное озлобленное выраженіе, видѣла его узкую жалкую спину съ выдавшимися лопатками и чувство неловкости вмѣстѣ съ желаніемъ во что бы то ни стало вернуть его охватило ее, но въ эту минуту ея глаза встрѣтились съ тревожными злобными глазами женщины только что заявившей, что «всѣ такъ живутъ», и она молча низко-низко нагнулась надъ своимъ журналомъ, и опять къ ней подходили женщины съ дѣвочками, и опять она записывала ихъ фамиліи на разграфленной страницѣ.

Послѣднимъ подошелъ лавочникъ. Не говоря ни слова и, придвинувшись почти вплотную къ столу, онъ проворно сунулъ что-то подъ бумагу, лежавшую предъ Вѣрой Павловной.

— Это что такое?—удивилась Вѣра Павловна, и не получая отвѣта, она заглянула подъ листъ.

Тамъ лежала новенькая аккуратно сложенная рублевка.

— Плату за ученье я еще не принимаю, да и дѣвочки вашей не вижу. Очень возможно, что она и не подойдетъ къ условіямъ пріема,

и вы напрасно торопитесь съ деньгами,—сказала она, протягивая бумажку тонко ухмылявшемуся рыжебородому лавочнику.

Тотъ легкимъ движеніемъ отстранилъ деньги.

— За ученье—это статья особая. А это прошу оставить въ залогъ нашего къ вамъ почтенія и, можно сказать, глубокаго уваженія.

Вѣрѣ Павловнѣ стало смѣшно и досадно.

— Деньги возьмите, а дѣвочку вашу я не приму, потому что въ глаза ея не видала,—сухо и отрывисто сказала она.

— А прачкину дочку записали?—удивился и обидѣлся лавочникъ.

— А вашу не запишу,—совсѣмъ разсердилась Вѣра Павловна.

— Не примете? Вотъ какъ!—пряча рублевку въ карманъ, насмѣшливо протянулъ лавочникъ.—Ну, при деньгахъ мы нашей дочкѣ помѣщенье вездѣ найдемъ, а ужъ на васъ безотлагательно въ Думу пожалуемся...

Записавшихся было больше шестидесяти.

Когда Вѣра Павловна прочла наконецъ фамиліи принятыхъ дѣвочекъ, въ комнатѣ снова поднялся невообразимый шумъ. Благодарности, просьбы и жалобы все слилось въ одинъ общій гулъ.

Радостныхъ лицъ почти не было видно. Матери принятыхъ дѣвочекъ отступили назадъ, уступая мѣсто тѣмъ, которыя, не теряя надежды, все еще продолжали умолять измученную Вѣру Павловну.

— Не могу я, понимаете, не могу! Ничего не могу!—вдругъ громко и рѣзко вырвалось у нея. И въ эту минуту въ ея измученномъ лицѣ и нервномъ голосѣ было что-то такое, что подѣйствовало на толпу сильнѣе всякихъ убѣжденій.

Женщины какъ-то разомъ поняли, что она дѣйствительно ничего не можетъ, эта худенькая и слабая дѣвушка съ блѣднымъ лицомъ и печальными глазами.

Пріемъ произвелъ на Вѣру Павловну тяжелое удручающее впечатлѣніе. Ей захотѣлось на чемъ-нибудь отдохнуть и она старалась вызвать въ памяти нѣкоторыя симпатичныя и смѣшныя дѣтскія рожицы, но безуспѣшно. Передъ ея глазами стояла понурая фигура тщедушнаго швейцара, мелькали опечаленныя женскія лица. Никогда ей не приходилось выслушивать столько просьбъ! Конечно, она не виновата въ томъ, что пришлось отказать многимъ, но все-таки, въ душѣ копошилось смутное сознаніе какой-то виновности передъ людьми, унесшими обиду въ подвалы и чердаки.

И она нервными торопливыми шагами долго ходила по классу...

— Тамъ на кухнѣ васъ, барышня, еще три женщины дожидаются,—сказала, входя въ классъ Татьяна.—Говорила я имъ, что мѣстовъ больше нѣтъ, не слушаютъ. Васъ самихъ повидать желаютъ.

Вѣра Павловна вышла въ кухню.

— Вотъ на счетъ дѣвочекъ,—тихимъ голосомъ и съ заискивающей улыбкой проговорила женщина въ красномъ платкѣ на головѣ. Она

сидѣла у окна и при входѣ Вѣры Павловны сдѣлала нѣсколько шаговъ ей на встрѣчу. Голосъ у женщины былъ слабый и сама она производила впечатлѣніе чего-то въ высшей степени слабаго, кроткаго и удивительно скромнаго. На видъ ей казалось за сорокъ, но на самомъ дѣлѣ не было и тридцати лѣтъ. Глубокія морщины около рта придавали лицу что-то невыразимо скорбное, и это выраженіе скорби еще подчеркивалось краснотой вѣчно слезившихся глазъ.

Рядомъ съ женщиной стояла бѣлокурая голубоглазая дѣвочка съ страннымъ блуждающимъ выраженіемъ во взглядѣ.

И мать и дочь одѣты были очень бѣдно, но очень опрятно. Старрая коричневая кофта на дѣвочкѣ была вся въ заплатахъ, но изъ подъ нея виднѣлось тщательно выглаженное и даже подкрахмаленное ситцевое платье.

Другая пара, стоявшая почти у самыхъ дверей, не походила на первую.

Мать въ первую минуту поразила Вѣру Павловну своей худобой и красивыми черными глазами, смотрѣвшими далеко недружелюбно изъ подъ густыхъ нахмуренныхъ бровей. Дѣвочка была въ одномъ ситцевомъ платьѣ и съ босыми ногами.

На ларькѣ подъ вѣшалкой сидѣла еще третья женщина. Вѣра Павловна даже не сразу замѣтила ее, такъ она вся сгорбилась и съёжилась. Сѣрая фигурка рядомъ съ ней была совсѣмъ маленькая и какая то незамѣтная.

— Вотъ на счетъ дѣвочекъ,—повторила вслѣдъ за женщиной въ красномъ платкѣ та, которая сидѣла на ларькѣ и тяжело поднялась со скамейки, замѣтивъ что Вѣра Павловна обернулась къ ней.

Женщина сильно хромала, одна ея нога была настолько короче другой, что, стоя, она съ трудомъ сохраняла равновѣсіе. Она стояла опираясь одной рукой на спинку скамьи, другая рука машинально теребила болтавшуюся на вырванномъ клочкѣ единственную пуговицу кое-какъ уцѣлѣвшую на ея обтрепанномъ драповомъ пальто.

Когда Вѣра Павловна ближе всмотрѣлась въ женщину, то замѣтила, что и глаза у нея были косые, а пальцы имѣли какой-то странный желтый оттѣнокъ. Дѣвочку разсмотрѣть не удалось. Изъ подъ низко спущеннаго платка ея лица совсѣмъ не было видно, изъ подъ длиннаго сѣраго пальто торчали тонкія ноги въ огромныхъ башмакахъ.

— У меня нѣтъ больше мѣстъ. Все занято,—проговорила Вѣра Павловна.

— Пойдемъ, Зинка,—на всю кухню раздался рѣзкій непріятный голосъ черноглазой женщины и она быстро повернула къ дверямъ. За ней, перебирая босыми ногами, заторопилась и дѣвочка.

— Подождите!—остановила Вѣра Павловна уходящихъ.

Женщина остановилась какъ-то нехотя. Ея лицо выражало одно раздраженіе, а глаза вопросительно смотрѣли на Вѣру Павловну, кото-

рая тщетно старалась придумать, что ей дѣлать съ этими женщинами и съ ихъ непристроенными дѣвочками.

Женщина въ красномъ платкѣ, не спускавшая съ дѣвушки внимательныхъ глазъ, вдругъ неожиданно повалилась ей въ ноги.

— Что вы? Что вы? Какъ вамъ не стыдно?!—совсѣмъ растерялась Вѣра Павловна.

— Ужъ до стыда ли тутъ, матушка-барышня!—поднимаясь и всхлипывая заговорила женщина.—Вѣдь мы съ Манюшкой три цѣлыхъ годика ждали, когда глазки у ней для ученья откроются. Слѣпенькая вѣдь она у меня была. Теперь вотъ недавно видѣть стала и въ школу сама запросилась. . Туда сюда метнулась, нигдѣ не берутъ, вездѣ все полно...

— Что же она такъ и родилась слѣпой?—съ участіемъ спросила Вѣра Павловна.

— Нѣтъ, родилась то она зрячей и глаза у нея никогда не болѣли. Отъ одного испуга видѣть перестали.

— Испугалась я сильно,—въ видѣ поясненія вставила сама дѣвочка.

— Съ перепуга, точно что съ перепуга ослѣпла дѣвочка,—подхватила опять мать и, поглаживая распухшими отъ постоянной стирки пальцами пушистые волосы дочери, она пѣвучимъ вкрадчивымъ голосомъ принялась разсказывать, какъ три года тому назадъ одинъ изъ жильцовъ въ ихъ квартирѣ пырнулъ другого ножомъ и какъ кровь брызнула на подвернувшуюся въ эту минуту Манюшку.—Прямо въ глазки ей попало,—объяснила она, проводя ладонью руки по глазамъ дѣвочки.

— И у васъ, кажется, тоже глаза болятъ?—спросила Вѣра Павловна, когда она наконецъ, замолчала.

— Нѣтъ не болятъ!—даже какъ будто удивилась и немного обидѣлась женщина.—А слеза точно что бѣжитъ, да это ни съ чего другого какъ съ прачешной, воздухъ тамъ ѣдкій, ну глаза и объѣдаетъ,— и она скатанной въ комочекъ тряпочкой вытерла набѣгавшія слезы,

— Чѣмъ же вы занимаетесь?

— А по стиркамъ хожу. День на стиркѣ, а вечеромъ въ квартирѣ убираюсь. Я угловыхъ жильцовъ держу. Мужъ у меня чахоточный, въ земской больницѣ вотъ ужъ два года лежитъ и каждый мѣсяцъ я за него три рубля посылаю. Одной квартирой не проживешь...

Хромая и черноглазая работали на табачной фабрикѣ.

— Въ щипалкахъ вотъ съ нею сижу,—кивнувъ головою въ сторону стоявшей въ открытыхъ дверяхъ женщины, отвѣтила хромая на вопросъ Вѣры Павловны, чѣмъ она занимается.

— Ну это ты точно что тамъ присохла. А я еще вчера въ другое отдѣленіе перешла,—рѣзко оборвала ее черноглазая.

Вѣру Павловну поразило непонятное слово. Ей очень хотѣлось разспросить, что значитъ быть въ щипалкахъ, но она почему-то не рѣшилась.

Позднѣе она узнала, что щипалки занимаются разборкой слежавшагося табака. Работа эта очень несложная, но и оплачивается плохо: въ день такая работница болѣе тридцати копѣекъ не получаетъ, и потому на ней останавливаются только лѣнивыя и ни къ чему уже болѣе неспособныя женщины.

— Ну что же? Примите или нѣтъ?—рѣзко и почти грубо спросила Богданова.

Вѣра Павловна молчала.

«Отказать необходимо», рѣшила Вѣра Павловна.

И вдругъ ей вспомнилась фигура уходившаго швейцара и то чувство жалости, которое она испытывала, когда онъ уходилъ отъ нея со своей жалкой золотушной дѣвочкой. Такого невыносимаго состоянія она испытать больше положительно не могла.

— Я приму всѣхъ трехъ дѣвочекъ,—тихо, но рѣшительно сказала она.

Пріемъ продолжался нѣсколько дней и на второй день она опять приняла двухъ дѣвочекъ, хотя съ утра твердо рѣшила быть стойкой и отказывать рѣшительно всѣмъ.

Одну изъ дѣвочекъ опредѣляла чахоточная мать. Она такъ волновалась, упрашивая принять дочку, что Вѣра Павловна испугалась, какъ бы она не умерла на мѣстѣ.

— Осень подходитъ, опять въ больницу слечь придется. Все-таки сердце спокойнѣе будетъ, если ее въ школу удастся пристроить,—между приступами кашля объясняла женщина.

Когда-то она была портнихой, а теперь существовала тѣмъ, что шила на рынокъ мужскія рубахи. Дѣвочкѣ ея, хорошенькому, но сильно заморенному созданію, очень хотѣлось учиться.

— Возьмите меня, тетенька, я стараться буду, — вся вспыхнувъ попросила она.

Всѣмъ, кто уходилъ съ отказомъ, Вѣра Павловна была обязана по думскимъ правиламъ выдавать билетики съ объясненіемъ причины, почему дѣвочка не принята въ школу.

— По этому самому билетику ее, значитъ, въ другой школѣ и примутъ? — добивалась у Вѣры Павловны толстая неграмотная женщина торговавшая туфлями и башмаками въ сосѣднемъ рынкѣ.

Но примутъ ли дѣвочку въ другую школу Вѣра Павловна и сама не знала.

— Если мѣсто есть — примутъ, а если всѣ вакансіи заняты—откажутъ,—объясняла она торговкѣ.

— А билетикъ-то показать тамъ?—не унималась женщина.—Ну, а какъ откажутъ, что тогда дѣлать-то?

Но что дѣлать въ случаѣ отказа Вѣра Павловна не знала, а предложить ждать до слѣдующаго года не рѣшалась.

Женщина, одѣтая по деревенски и служившая въ рабочей артели кухаркой, даже плюнула, когда Вѣра Павловна остановила ее, чтобы вручить отказной билетъ.

Съ трудомъ урвавшись отъ плиты и, подгоняемая тревожной мыслью о томъ, что мужики явятся къ обѣду, а у нея ничего не готово, она обѣгала всѣ ближнія школы, вездѣ получая отказъ и билетикъ.

Что тамъ написано она понять не могла, потому что читать не умѣла и эти непонятныя безполезныя бумажки просто раздражали ее.

У Вѣры Павловны она билета не взяла.

— Есть мнѣ время бумажки собирать,—объявила она.

По мѣрѣ того какъ приближалось начало занятій, Вѣра Павловна волновалась все сильнѣе и сильнѣе. Минутами на нее нападалъ даже страхъ передъ неизвѣстнымъ предстоящимъ ей дѣломъ. Она начала бояться, что не справится съ этими дѣтьми, такъ не похожими на тѣхъ, съ которыми ей приходилось имѣть дѣло раньше. Журналы и всевозможныя квитанціонныя книги тоже не мало смущали Вѣру Павловну. Она чувствовала необходимость съ кѣмъ нибудь поговорить, чтобы разобраться во всѣхъ этихъ печатныхъ правилахъ относительно своей дальнѣйшей дѣятельности, и рѣшила отправиться къ своей ближайшей сосѣдкѣ учительницѣ въ школѣ для мальчиковъ, о которой ей говорила Кунина.

Темнѣло, когда Вѣра Павловна поднималась по узкой, но довольно чистой лѣстницѣ, оглядываясь на площадкахъ, нѣтъ ли гдѣ на дверяхъ знакомой дощечки съ надписью «школа».

Пришлось подняться на самый верхъ.

Въ отвѣтъ на ея звонокъ послышались чьи-то легкіе торопливые шаги и чьи-то неумѣлыя руки тщетно задергали ключомъ, пытаясь отомкнуть замокъ. Потомъ, откуда-то издали донесся женскій голосъ рѣзкій и непріятный. Кто-то, тяжело ступая, приблизился къ дверямъ. Замокъ щелкнулъ и въ раскрытыхъ дверяхъ показалась женщина, закутанная въ большой сѣрый платокъ.

— Вамъ кого?—довольно непривѣтливо спросила она.

— Мнѣ хотѣлось бы повидать учительницу. Я новая учительница изъ школы для дѣвочекъ,—смущенно объясняла Вѣра Павловна, стараясь въ полутьмѣ разглядѣть женщину, чтобы понять, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло.

— Очень рада познакомиться,—торопливо проговорила та.—Войдите, пожалуйста! Я сейчасъ...—и съ этими словами она поспѣшно скрылась въ сосѣдней комнатѣ. Дверь она плотно притворила за собой и Вѣра Павловна очутилась въ совершенной темнотѣ.

«Кажется, что попала не во время»,—соображала она, прислушиваясь къ вознѣ за дверью.

— Ахъ, извините пожалуйста. Я васъ въ темнотѣ оставила,—проговорила учительница, сконфуженно возвращаясь назадъ въ переднюю. Въ одной рукѣ она держала небольшую лампу, а другой поддерживала на груди концы байковаго платка.

— Мы въ классъ съ вами пройдемъ,—предложила она Вѣрѣ Пав-

ловнѣ, употребляя всѣ усилія, чтобы быть любезной относительно своей неожиданной гостьи.

— У меня какъ разъ хозяйственная неурядица приключилась,— усаживая Вѣру Павловну на одинъ изъ плетенныхъ стульевъ и придвигая себѣ другой, говорила хозяйка голосомъ, которому она безуспѣшно старалась придать шутливый оттѣнокъ.—Съ этой прислугой чистое мученье. Жалованье хотятъ получать большое, а работы боятся.

— Дѣтей у меня трое, ну, конечно, сидѣть сложа руки не приходится. Вотъ и не живутъ. Два дня уже безъ прислуги...—И, дѣлая надъ собой усиліе, чтобы войти въ интересы гостьи, которая пришла, конечно, не затѣмъ, чтобы слушать о ея невзгодахъ, она спросила уже другимъ тономъ:

— Вы вѣдь недавно назначены?

— Да, всего нѣсколько дней. Дѣло для меня новое и я пришла къ вамъ, чтобы разъяснить кое-какія возникшія у меня недоразумѣнія...

— Ахъ, пожалуйста, пожалуйста! — и хозяйка изобразила напряженное вниманіе на своемъ нервномъ и истомленномъ лицѣ. Ея глаза смотрѣли на гостью, но все ея существо было тамъ за дверями комнаты, откуда доносился топотъ дѣтскихъ ногъ и сдержанный шопотъ. Вѣра Павловна сознавала, что пришла не во время, но уйти сію же минуту было тоже неловко и она продолжала сидѣть, разсказывая о своихъ затрудненіяхъ.

— Вездѣ одно и тоже,—сказала хозяйка въ отвѣтъ на ея жалобы о томъ, что вакансій не хватаетъ и многимъ приходится отказывать.— Школъ мало. Я уже десять лѣтъ учительствую и отношусь теперь ко всему гораздо спокойнѣе, чѣмъ въ первые годы. Помню, на первыхъ порахъ, и я всегда лишнихъ набирала. Теперь ужъ этого не дѣлаю. Съ классомъ въ пятьдесятъ человѣкъ, при трехъ отдѣленіяхъ, не легко справиться даже и тогда, когда каждый на своемъ мѣстѣ сидитъ... Вы на высшихъ курсахъ были?

— Нѣтъ, на педагогическихъ.

— А долго ждать школу пришлось?

— Мама, Петя молока проситъ,—раздался вдругъ дѣтскій голосъ и растрепанная черноволосая головка показалась въ полураскрыхъ дверяхъ.

— Сейчасъ, Любочка! Простите!—И хозяйка бросилась къ дѣтямъ

— Думала я въ этомъ году мою старшую дѣвочку къ вамъ въ школу посылать, да опять, видно, не придется, — сказала она усаживаясь на прежнее мѣсто и запахивая плотнѣе сѣрый платокъ. Безъ Любы я какъ безъ рукъ. Пока я занимаюсь, она младшихъ няньчитъ.

Рѣзкій звонокъ въ передней прервалъ говорившую. Она вздрогнула и насторожилась. Красныя пятна выступили на ея желтоватомъ лицѣ.

Вѣра Павловна заторопилась уходить. Хозяйка ее не удерживала.

Торопясь на прощаніе подать руку, она сдѣлала неловкое движеніе, и платокъ скрывавшій ея фигуру, соскользнулъ внизъ. Она поспѣшила его поднять и Вѣру Павловну поразила ея фигура. Не было никакого

сомнѣнія, что въ недалекомъ будущемъ маленькой Любѣ предстояло няньчить еще новаго брата или сестру.

— Вы дома, Ольга Ивановна?—раздалось изъ прихожей.

— Дома, дома!—радостно отозвалась хозяйка и, отстраняя протянутую руку Вѣры Павловны, стала упрашивать ее остаться.

— Я васъ съ товаркой познакомлю,—говорила она.

Но знакомить ей не пришлось. Съ Марьей Михайловной Куниной Вѣра Павловна познакомилась еще въ Думѣ.

— Какъ поживаете дорогая?—улыбаясь и, по обыкновенію показывая бѣлые зубы, спрашивала Кунина хозяйку.—Что дѣти? Жалко, что лѣтомъ вамъ не пришлось пожить въ деревнѣ. Блѣдны вы очень.

Съ Вѣрой Павловной Кунина обращалась какъ со старой знакомой.

Все въ этой доброй и здоровой дѣвушкѣ казалось симпатичнымъ Вѣрѣ Павловнѣ. Даже манера ея говорить, страшно быстро и немного захлебываясь, казалась ей необыкновенно привлекательной.

—Да, я вполнѣ понимаю васъ.—говорила Кунина, отказывать ужасно тяжело. Я за двѣнадцать лѣтъ все еще не могу привыкнуть къ этому. У меня тоже школа для дѣвочекъ, и мнѣ какъ и вамъ, приходится главнымъ образомъ имѣть дѣло съ женщинами. Почти каждой изъ нихъ страшно трудно отрываться отъ работы, рабочій день имъ дорого стоитъ, а здѣсь все, и работу, и грудныхъ дѣтей побросаютъ—бѣгутъ дочерей въ школу опредѣлять. Тѣ уже помощницами по дому становятся, отпускать ихъ просто невыгодно и объ этомъ забываютъ... Она замолчала.

Грустная тѣнь набѣжала на лицо Маріи Михайловны, но это продолжалось недолго. Ея добрая, здоровая натура не любила давать воли безплоднымъ сожалѣніямъ и она спѣшила перейти къ чему нибудь болѣе свѣтлому и радостному.

— Въ этихъ подвалахъ и чердакахъ цѣлыя залежи добрыхъ силъ таятся,—съ увлеченіемъ опять заговорила она.—Такъ съ перваго взгляда этого нельзя разсмотрѣть, въ глаза прежде всего грязь, развратъ и пьянство бросаются, но за то впослѣдствіи, когда присмотришься къ этой тяжелой невозможной жизни, то невольно начинаешь удивляться, почему эти люди такіе, а не хуже, гораздо хуже. Они имѣютъ всѣ права быть худшими, увѣряю васъ...

— У меня въ школѣ дѣвочки,—послѣ небольшой паузы продолжала она,—и я утѣшаюсь мыслью, что онѣ несомнѣнно будутъ нѣсколько иными, чѣмъ ихъ неграмотныя или полуграмотныя матери и жизнь ихъ въ силу этого сложится другая не съ внѣшней, конечно, а чисто съ внутренней стороны. Школа разовьетъ данныя имъ природой добрыя задерживающія силы, и имъ будетъ на что опереться, чтобы не дойти до полнаго отупѣнія среди ихъ чисто каторжной жизни.

Ольга Ивановна, воспользовавшись тѣмъ, что обѣ гостьи увлеклись разговоромъ, незамѣтно вышла изъ класса, чтобы уложить дѣтей.

Когда она вернулась и тихо присѣла на стулъ возлѣ стараго клас-

снаго рояля, Марья Михайловна все еще продолжала говорить съ тѣмъ же увлеченіемъ и Вѣра Павловна внимательно слушала ее.

— Все прежняя, совсѣмъ не мѣняется,—вглядываясь въ разгоряченное лицо, думала съ какой-то тихой грустью Ольга Ивановна, и что-то похожее на зависть къ этой дѣвушкѣ, всецѣло захваченной своимъ дѣломъ, шевельнулось въ ея измученной душѣ. Марью Михайловну она давно не слушала. Глубоко задумавшись, она перенеслась мыслями въ прошлое и, по мѣрѣ того какъ она вспоминала, ея фигура принимала все болѣе жалкій и приниженный видъ. Ольга Ивановна была на курсахъ вмѣстѣ съ Куниной, онѣ и въ школу поступили въ одно время, и увлеченіе новымъ дѣломъ еще тѣснѣе сблизило ихъ. Прошло три года и Ольга Ивановна вдругъ затосковала, стала жаловаться на одиночество и, пока Марья Михайловна, у которой кромѣ школы была еще мать и три сестры, одна за другой кончавшія гимназію, старалась понять что такое приключилось съ ея другомъ,—Ольга Ивановна неожиданно для всѣхъ вышла замужъ за телеграфнаго чиновника.

Между друзьями произошелъ разрывъ. Марья Михайловна почувствовала презрѣніе къ своему другу: чиновникъ былъ на семь лѣтъ моложе Ольги Ивановны и видъ у него былъ преглупый. На робкое признаніе Ольги Ивановны въ томъ, что ей вдругъ неудержимо захотѣлось счастья, Марья Михайловна отвѣтила какой-то жестокостью, но потомъ черезъ нѣсколько времени, когда до нея дошли слухи о томъ, что счастье не удалось, она сама явилась къ бывшему другу. «Будемъ друзьями попрежнему. Теперь я все поняла» съ виноватой улыбкой сказала она. Ольга Ивановна только заплакала. Уже тогда она чувствовала себя такой несчастной, а потомъ съ каждымъ годомъ все пошло хуже и хуже. Ольгѣ Ивановнѣ пришлось дорого расплачиваться за свою неудачную попытку устроить личное счастье...

А Марья Михайловна между тѣмъ увлекалась все больше и больше. Она разсказывала о томъ, какія иногда славныя дѣвочки встрѣчаются въ этихъ подвалахъ и чердакахъ.

— Была у меня одна, поступила она въ школу совсѣмъ маленькой, и вы представить себѣ не можете, какое это было кроткое, тихое и нѣжное созданіе. Отецъ ея былъ сторожемъ у воротъ въ одномъ изъ казенныхъ зданій, мать по стиркамъ ходила и въ большую перемѣну нерѣдко приходилось отпускать дѣвочку посмотрѣть, что дѣлаютъ дома «маленькіе». Заботилась она объ этихъ маленькихъ ужасно и они видимо сильно любили ее. Почти каждый день взявшись за руки въ школу за ней приходили. Выучилась она читать очень быстро и принялась подучивать маленькихъ. Уходя въ школу, она имъ задавала по нѣсколько буквъ. Когда я объ этомъ узнала, то много смѣялась надъ этой забавной системой обученія, но маленькая женщина почти убѣдила меня, что это превосходно, если дѣти понимаютъ не сразу,—времени на баловство меньше остается. Грамотѣ она ихъ, въ концѣ концовъ, все-таки выучила. Потомъ уже она у меня все книжекъ для нихъ

просила, все горевала, что для такихъ маленькихъ пишутъ мало. Брала она у меня книжки и для отца съ матерью. Тѣ были неграмотные, такъ она имъ по вечерамъ вслухъ читала. И, знаете, я слѣдила за этой семьей, пока дѣвочка была у меня въ школѣ, да и потомъ изъ вида не теряла: было любопытно видѣть, какъ вмѣстѣ съ дѣвочкой повышалась цѣлая семья. Особенно это сказалось на матери. Въ ея глазахъ постепенно пропадало выраженіе загнанной клячи, въ нихъ проступало что то осмысленное. Чтобы дать возможность дочери учиться дальше, она работала еще больше, но эта усиленная работа вмѣсто того, чтобы отнимать у нея послѣднія силы, только бодрила ее. Прежде отъ нея нельзя было добиться ни слова, а потомъ она даже разговаривать со мной приходила, планы на счетъ будущаго строила и при словахъ: «вотъ кончитъ Маня»—все лицо ея становилось неузнаваемымъ.

— Что же сталось въ концѣ концовъ съ дѣвочкой? — спросила Вѣра Павловна.

— Она была исключительно способная и мнѣ удалось пристроить ее на казенный счетъ въ профессіональную школу. Теперь у нея уже своя маленькая бѣлошвейная, и я ей учениць изъ своей же школы поставляю. Хорошая она дѣвушка! — тепло и задушевно вырвалось у Марьи Михайловны.

— Да не мало и вамъ пришлось повозиться съ нею,—вмѣшалась въ разгововоръ Ольга Ивановна.—Вы лучше разскажите, какъ вы деньги на открытіе этой бѣлошвейной доставали...

Марья Михайловна вспыхнула и даже разсердилась. — Ну ужъ оставьте это, Ольга Ивановна. Деньги я ей взаймы давала, и она ихъ теперь почти всѣ уже выплатила. Я же каждый годъ къ ней двухъ дѣвочекъ изъ тѣхъ, которыя побѣднѣе, пристраиваю и душа у меня покойна, знаю, что бить не будутъ и дѣлу научатъ. Вотъ что. Обыкновенныя мастерскія это чистая язва. Онѣ отнимаютъ все, что даетъ дѣвочкамъ школа, и пускаютъ въ жизнь дѣвочекъ уже изломанныхъ въ физическомъ и нравственномъ смыслѣ.

Марьи Михайловна была неистощима, когда нападала на свою любимую тему, а Вѣра Павловна была хорошей слушательницей. Хозяйка участія въ разговорѣ почти не принимала. Она сидѣла блѣдная, усталая и разсѣянная.

— Дорогая моя, простите, кажется, что я васъ совсѣмъ загововорила, — спохватилась Марья Михайловна. — Вамъ давно уже спать пора.

— Желаю вамъ успѣха въ новомъ дѣлѣ. Дѣло ужъ очень хорошее,— сказала на прощанье Вѣрѣ Павловнѣ Кунина.

Н. Манассеина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Общественныя ученія и историческія теоріи XVIII и XIX вѣковъ.

Проф. **Р. Виппера.**

(*Продолженіе* *).

IX. Органическія теоріи.

Для той соціальной доктрины, которая господствовала въ концѣ прошлаго вѣка и въ дѣлѣ революціи видѣла осуществленіе главныхъ своихъ задачъ, магическое слово было—«свобода личности». Въ личности она предполагала здоровую самостоятельную основу для безконечнаго совершенствованія жизни. Для школы реакціонной, которая поднялась въ убѣжденіи, что ей предстоитъ вывести человѣчество изъ анархіи понятій, магическимъ словомъ стало «всемогущее общество»; общественный организмъ, какъ великое, святое, повелительное цѣлое, она противопоставляла личности, въ ея глазахъ жалкой, невѣжественной, безсильной; творческое начало она хотѣла видѣть лишь въ этомъ цѣломъ: личность—органъ, клѣточка организма, которая сама по себѣ не имѣетъ ни цѣны, ни самобытной жизни и жива лишь тѣмъ, что исполняетъ функцію въ великомъ сложномъ органическомъ процессѣ, смысла и плана котораго она даже не можетъ схватить.

Но когда къ людямъ, которые такъ тепло и краснорѣчиво опредѣляли общественный долгъ и общественныя связи, обращались съ запросомъ показать образецъ строенія правильнаго общества, они могли только сослаться на существующія отношенія власти и владѣнія, при чемъ симпатіи заставляли ихъ произвольно выбирать въ фактахъ дѣйствительности извѣстныя традиціи и привилегіи. Реакція умѣла указать лишь на очень общую идеальную цѣль; но она совершенно терялась при анализѣ дѣйствующихъ общественныхъ отношеній; она твердила, что для спасенія блуждающей во тьмѣ личности нуженъ безаппеляціонный авторитетъ, но она не умѣла сказать, чѣмъ займется этотъ авторитетъ, въ чемъ будетъ состоять спасительная организація, которую онъ декретируетъ.

*) См. «Міръ Божій», № 6, іюнь.

Главная причина, почему реакціонная школа безсильна была сказать что-нибудь по этому поводу, заключалась въ ея нежеланіи или неспособности понять значеніе для культуры и для общественнаго строя, во-первыхъ, огромнаго промышленнаго переворота и, во-вторыхъ, великаго научнаго движенія. Она игнорировала или презирала индустрію, она боялась разрушающаго анализа науки. Крупнѣйшій противникъ Наполеона, великій министръ возрождающейся Пруссіи, Штейнъ, человѣкъ старозавѣтный въ экономическихъ взглядахъ, говорилъ гнѣвно по адресу учениковъ Адама Смита и поклонниковъ свободной конкурренціи: «для государства не важно, сколько паръ сапогъ или сколько шляпъ приготовляется въ странѣ, важно моральное воспитаніе гражданъ». Если даже допустить, что Штейнъ былъ правъ по существу, что онъ вѣрно опредѣлялъ задачу государства, можно ли было государству стать въ сторонѣ, не замѣчать огромнаго движенія въ производствѣ товаровъ? Не заключалось ли въ этомъ движеніи, въ новыхъ формахъ труда и новыхъ условій для самой общественной морали, которую единственно цѣнилъ реорганизаторъ?

Въ тѣхъ ученіяхъ, къ которымъ мы переходимъ, главная черта— вниманіе къ индустріальному перевороту и къ научному прогрессу. Ихъ представители берутъ у реакціонеровъ мысль объ органическомъ характерѣ общества, но вкладываютъ въ нее новое современное содержаніе. Они видятъ, что общество стало инымъ, что въ немъ господствуютъ интересы новой промышленности, что оно зависитъ отъ новой всесвѣтной организаціи индустріи, что наука въ немъ стала могучей направляющей силой, и они пытаются найти регулирующія начала именно для этого общества, движимаго новыми мотивами, разбитаго по новымъ группамъ; изъ интересовъ самой индустріи, изъ общихъ принциповъ самой науки пытаются они извлечь новое связующее, культурное и даже религіозное начало. Самый любопытный выразитель этого направленія въ началѣ вѣка—С.-Симонъ. Говоря о его взглядахъ, невозможно пройти мимо его оригинальной личности.

Жизнь и характеръ С.-Симона—совершенный романъ, и въ этомъ романѣ отражаются самыя причудливыя сцѣпленія новой культуры. Графъ Сенъ-Симонъ принадлежалъ къ старинному роду Франціи, который выводилъ себя отъ Карла Великаго. Изъ того же дома былъ знаменитый составитель мемуаровъ эпохи Людовика XIV, суровый закоренѣлый аристократъ-спартанецъ, герцогъ С.-Симонъ. Нашъ Сенъ-Симонъ попалъ въ самый водоворотъ просвѣтительнаго вѣка: его обучалъ д'Аламберъ, онъ совершалъ богомолье въ Эрмитажъ къ Руссо.

Девятнадцати лѣтъ ушелъ онъ туда, куда влекло молодую Францію семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ XVIII в., въ Америку, на войну за освобожденіе. Онъ увѣрялъ потомъ, что сражаясь за «промышленную свободу», онъ уже тогда возъимѣлъ впервые желаніе перенести на родину это чужестранное растеніе. Можно повѣрить С.-Симону: къ увле-

ченію демократіей, у него уже тогда присоединялось прожектерство: онъ предложилъ мексиканскому намѣстнику проектъ соединенія Атлантическаго и Великаго океановъ; въ сущности это была мысль о Панамскомъ каналѣ. Эта идея океаническихъ каналовъ занимала потомъ всю его школу вплоть до нашихъ дней: Фердинандъ Лессепсъ, прорывшій Суэцъ и сокрушившійся на Панамѣ, былъ фантазеръ-сектантъ и ученикъ С.-Симона.

Въ эпоху революціи С.-Симонъ горячо отдался демократіи: въ одномъ собраніи онъ сложилъ титулъ графа и объявилъ; «нѣтъ болѣе сеньёровъ, господа!» Хорошо понялъ С.-Симонъ и другую сторону революціи. Масса имущества старыхъ владѣтелей, короля, духовенства, дворянства была выброшена на рынокъ. Демократическій графъ вмѣстѣ съ интернаціональнымъ аферистомъ и иллюминатомъ, саксонскимъ аристократомъ на прусской службѣ въ Парижѣ и Лондонѣ, графомъ Редерномъ, пустился въ скупку и продажу конфискованныхъ національныхъ имуществъ и нажилъ быстро невѣроятное состояніе. Онъ чуть не погибъ въ страшную эпоху террора; цѣлый годъ просидѣлъ онъ въ тюрьмѣ, но богатства вернулись къ нему.

Его домъ сталъ теперь однимъ изъ первыхъ салоновъ республики: ученые, банкиры, артисты, техники встрѣчались у радушнаго мецената; новые планы и аферы смѣняли другъ друга, сорилась куча денегъ, ажіотажъ совершался съ грансеньёрскимъ легкомысліемъ, но въ то же время графъ былъ филантропъ, онъ отыскивалъ даровитыхъ юношей на чердакахъ, медиковъ и техниковъ, и щедро помогалъ имъ. Его постоянно окружали ученики новосозданной въ эпоху революціи Политехнической школы, эта своеобразная, какъ бы соціальная секта въ новой Франціи, въ которой культъ точныхъ наукъ соединился съ горячимъ направленіемъ къ общественной реформѣ. С.-Симонъ умѣлъ воодушевлять и собирать около себя предпріимчивыхъ, стремящихся впередъ людей; онъ бросалъ кругомъ множество счастливыхъ идей, самъ пускался въ сотни дѣлъ. Среди бѣшеной жажды жизни у него работала упорная мысль, что богатство—великій соціальный факторъ, что ему лично оно нужно для широкихъ общественныхъ проектовъ, для научныхъ опытовъ, для общеполезныхъ изобрѣтеній, которыя поведутъ къ благоденствію массъ. Однажды онъ созываетъ близкихъ ему капиталистовъ и доказываетъ имъ необходимость возродить мораль; съ этою цѣлью должно учредить гигантскій банкъ, доходы съ котораго пойдутъ на исполненіе полезныхъ для человѣчества сооруженій.

Лѣтъ черезъ 10 эта геніально-безпутная жизнь кончилась: С.-Симонъ совершенно разорился. Послѣдніе 20 лѣтъ его жизни († 1825 г.) прошли въ борьбѣ съ нищетой: онъ просилъ подаянія у старыхъ кліентовъ своихъ, которыхъ когда-то по царски кормилъ. Онъ вынужденъ былъ спасаться отъ голода перомъ. Но теперь, 45 лѣтъ отъ роду, онъ и началъ только писать свои замѣчательныя книжки, полныя съума-

сшествія и глубины, шарлатанства и истинно-пророческаго духа. И опять въ нихъ сказался безпечный и капризный баринъ XVIII вѣка: ничего систематическаго, короткія брошюры, безсвязныя статьи, полныя повтореній и въ то же время неожиданностей, все это спѣшно, какъ придется, брошенное на бумагу.

Опять сыплются проекты безъ конца. Тутъ есть и планъ всесвѣтной научной академіи, и программа всеевропейскаго замиренія съ одною парламентской конституціей для всей Европы, есть катехизисъ промышленниковъ и контуры «Новаго христіанства»; проектъ, какъ принудить англичанъ уважать свободу флаговъ на моряхъ, быстро превращающійся въ трактатъ о всемірномъ тяготѣніи; есть какіе угодно совѣты для правительствъ, для ученыхъ и артистовъ, есть предполагаемые манифесты для папы, ордонансы для короля и т. п. Все это—какія-то генеральныя, властныя рѣшенія міровыхъ, научныхъ и соціальныхъ вопросовъ, откровенія и открытія, «окончательныя» опредѣленія будущихъ путей философіи или будущихъ линій общественнаго развитія.

Опять—призывъ къ союзу науки и богатства; опять около страннаго фантазера собираются горячіе начинающіе таланты и искатели, будущій историкъ Тьерри, который объявилъ себя восторженно пріемнымъ сыномъ С.-Симона, философъ Контъ, оба послѣдовательно бывшіе его секретарями. Опять около него какіе-то охваченные мистикой банкиры, въ родѣ вѣрнаго его апостола, Оленда Родрига, португальскаго еврея, изъ той группы возрождающагося еврейства, которая подъ впечатлѣніемъ французской революціи, освободившей народность эту отъ вѣковаго угнетенія, бросилась на ученье о предстоящей великой эмансипаціи всего человѣчества. Все это—какіе-то самопроизвольно возникающіе кружки энтузіастовъ, которые точно видятъ и чуютъ другъ друга въ толпѣ. С.-Симонъ сближается съ Руже де Лилемъ, композиторомъ марсельезы, и увлекается идеей соціальнаго воспитанія массъ посредствомъ музыки.

Полная превратностей, горькая и интересная приключеніями жизнь его слагается у него въ цѣлую теорію: чтобы быть истиннымъ мыслителемъ, надо все испробовать, жить какъ можно оригинальнѣе, пробѣжать всѣ общественные слои, стать лично во всевозможныя положенія, создать себѣ такія отношенія, которыхъ никогда еще не существовало. Смѣсь цинизма и благородства, страстной убѣжденности и фокусничества въ натурѣ С.-Симона удивительно подходила къ теоріи «экспериментальной» жизни; нищій прожектеръ, въ глазахъ котораго даже революція остановилась на полдорогѣ, вдругъ вспоминалъ свой древній родъ, трактовалъ Бурбоновъ, какъ мелкихъ дворянъ, и видѣлъ по ночамъ своего предка Карла Великаго, который говорилъ ему: «мой сынъ, твои успѣхи, въ качествѣ философа сравняются съ моими военными и государственными подвигами!» Ему рисовались воздушные

замки торжества индустріи, онъ мечталъ о великой ученой лабораторіи, какъ Кондорсе, гдѣ онъ самъ будетъ диктаторомъ. А остались отъ него обрывки, разсѣянныя мысли, которыя трудно читать.

«Я пишу,—заявляетъ онъ,—потому что у меня есть новыя идеи. Я выражаю ихъ въ томъ видѣ, какъ онѣ сложились въ моемъ умѣ. Предоставляю профессіональнымъ писателямъ шлифовать ихъ. Я пишу, какъ дворянинъ, какъ потомокъ графа Вермандуа, какъ наслѣдникъ пэра, герцога С.-Симона. Все, что было сдѣлано и сказано великаго, сдѣлали и сказали дворяне: Коперникъ, Галилей, Бэконъ, Декартъ, Ньютонъ и Лейбницъ были дворяне. Наполеонъ также сталъ бы выражать въ письменной формѣ тѣ проекты, которые онъ теперь выполняетъ на дѣлѣ, если бы случайно не очистился для него тронъ».

Знаній у С.-Симона было немного; большая часть фактовъ схватывалась на лету, со слуха; стройной философіи у него невозможно искать. Но не въ этомъ была его сила: это былъ авантюристъ мысли и изобрѣтатель идей; онъ былъ великій направитель людей и, какъ человѣкъ необыкновенной чуткости къ новому, человѣкъ счастливой откровенности, онъ далъ толчекъ крупнымъ научнымъ, соціальнымъ техническимъ движеніямъ.

Въ первыхъ сочиненіяхъ своихъ С.-Симонъ занятъ вопросомъ о преобразованіи жизненнаго строя и понятій силою и принципами науки и въ связи съ этимъ вопросомъ о грандіозной реформѣ самой науки. Онъ какъ бы продолжаетъ намѣченную у Кондорсе идею Новой Атлантиды, идею великой центральной лабораторіи и вмѣстѣ великаго и единственнаго административнаго центра человѣчества. Увлеченіе организующей силой науки, прогрессомъ, совершающимся въ ея «мастерской», доходитъ у С.-Симона до какого-то головокруженія. Это горячечное состояніе, это непосредственное ожиданіе научно-техническихъ чудесъ, имѣющихъ создать совершенно новый міръ человѣческихъ отношеній, характерно для цѣлаго направленія. «Новая научная концепція— хорошая фортуна для того человѣка, въ головѣ котораго она сложилась «званіе автора надо бы давать лишь тому, въ сочиненіяхъ кого развита новая концепція», говоритъ С.-Симонъ, какъ будто дѣло идетъ о какой-то научно-строительной горячкѣ. Онъ прибавляетъ, однако, характерное замѣчаніе, сознавая огромную роль современной демократизаціи знаній: «въ настоящее время авторы новыхъ идей менѣе отличаются отъ своихъ читателей, чѣмъ раньше, когда наука дѣлала еще свои первые шаги».

Уже въ первой своей статьѣ, написанной въ 1802 г., С.-Симонъ рекомендуетъ чистое учено-артистическое правительство. Прямо въ лицо Бонапарту, который носился со всемірно-завоевательными планами, С.-Симонъ рѣшается сказать: «довольно почета Александрамъ Македонскимъ. Да здравствуютъ Архимеды!» Онъ рекомендуетъ всей Европѣ выбрать «совѣтъ Ньютона» изъ 12 знаменитыхъ ученыхъ и 9 лучшихъ арти-

стовъ. Большая сумма, собираемая ежегодно по всеобщей подпискѣ, дастъ имъ совершенно независимое существованіе. Они привлекутъ къ себѣ крупныхъ собственниковъ и покажутъ имъ, что господство надъ остальнымъ народомъ должно обосновать на силѣ знаній, и что должно завоевать въ свою пользу всѣхъ неимущихъ людей съ талантомъ. С.-Симонъ обѣщаетъ владѣющему классу заманчивый титулъ «регуляторовъ хода развитія человѣческаго ума». Рабочимъ ученые правители докажутъ, что научный прогрессъ влечетъ за собой и соціальный, что онъ неотдѣлимъ отъ общаго благополучія.

Въ статьѣ пробивается еще своеобразная мысль, которая по капризу автора выражена въ курьёзной формѣ фантасмагоріи шарлатанствующаго проповѣдателя. С.-Симону кажется, что его посѣтило видѣніе: Богъ поручилъ Ньютону направлять обитателей планетъ; вездѣ должны подняться новые храмы въ честь Ньютона, къ которымъ всякій долженъ разъ въ годъ ходить на богомолье. Ученые, эти жрецы новой религіи, будутъ объяснять всѣмъ законъ тяготѣнія, всеобщій міровой законъ. На главномъ мавзолеѣ Ньютона, гдѣ будетъ погребенъ великій жрецъ, должно находиться нѣчто въ родѣ изображенія ада, въ который повергнутся во вѣкъ всѣ, кто будетъ вредить успѣху наукъ и искусствъ.

Странная эта фантазія намѣчаетъ настойчивую идею у С.-Симона. Суть ея въ томъ, что наступаетъ эпоха великаго органическаго объединенія знанія, когда совокупность науки, проникнутая единымъ принципомъ, станетъ новой религіей человѣчества. Наукѣ, конечно, долженъ быть данъ полный просторъ, ея свободы нечего бояться. Но въ то же время С.-Симонъ энергически рекомендуетъ ввести ея работу въ стройную систему.

Намѣтился, такъ думаетъ онъ, великій поворотъ въ ея методахъ, и ему надо дать исходъ. Ньютонъ, которому только что предлагалось воздавать чуть не божескія почести, вызываетъ противъ себя «гнѣвъ» С.-Симона, и онъ «кричитъ о томъ изо всѣхъ силъ всѣмъ современникамъ». Вліяніе Ньютона и другихъ представителей научнаго метода, состоявшаго въ наблюденіи и классификаціи фактовъ, метода, когда-то необходимаго, теперь вредно для прогресса науки. Та наука, которая осторожно накопляетъ матеріалъ и дѣлаетъ на основаніи его ограниченныя заключенія, вызываетъ нетерпѣніе С.-Симона. Онъ думаетъ что теперь наступила эпоха широкихъ обобщеній. Нужно вернуться къ великому французскому генію, Декарту, «который вырвалъ міроправящій скипетръ изъ рукъ воображенія, чтобы передать его разуму», нужно «опять подняться на высоту общаго пониманія». С.-Симонъ привѣтствуетъ поэтому нѣмецкую философію за то, что она заявила протестъ противъ «маніи наполнять кладовую дичью и никогда не садиться за столъ». Пора покинуть ползущій несмѣлый методъ a posteriori, и пойти по пути истинно царскаго, творческаго апріорнаго метода.

Здѣсь, рядомъ съ вѣрой въ науку, одушевлявшей ясныя головы такихъ ученыхъ, какъ Кондорсе, чувствуется уже жажда авторитета, горячившая воображеніе реакціонеровъ. Наукѣ, полагаетъ С.-Симонъ, нуженъ не только подъемъ и полетъ въ изобрѣтеніи и предсказаніи. Ей нужна властная дисциплина.

Провозглашая наступленіе новой эры апріорнаго метода, С.-Симонъ исполненъ сознанія особеннаго, единственнаго характера переживаемаго момента. Человѣчество, кажется ему, вступило въ самый счастливый возрастъ, которому въ жизни отдѣльнаго человѣка отвѣчаютъ годы отъ 35 до 45 лѣтъ. Это—возрастъ, когда еще неисчезнувшее воображеніе соединяется съ вступившимъ уже въ свои права разумомъ. Возрастъ этотъ для человѣчества скоро пройдетъ: у нашихъ дѣтей, вмѣсто воображенія, будутъ только воспоминанія. Напротивъ, у нашихъ отцовъ, которые злоупотребляли увѣренностью, будто они обладаютъ огромной силою разсужденія, идеи не стояли въ раціональной связи; они въ сущности основывали свою научную систему на недозрѣлыхъ продуктахъ воображенія.

Итакъ для знанія и мысли открывается новая, небывалая и неимѣющая повториться организаціонная эпоха. При этомъ С.-Симонъ примыкаетъ еще къ культу естественныхъ наукъ, къ матеріалистическому взгляду на міръ и человѣческую природу, къ отрицанію необходимости религіи для образованныхъ классовъ, какъ Кондорсе и другіе продолжатели просвѣщенія XVIII вѣка. Единственный катехизисъ, какой можетъ быть допущенъ въ настоящее время, это—очень краткій экстрактъ изъ энциклопедіи, въ которой получатъ организацію современныя физическія науки, «физицизмъ», какъ говоритъ С.-Симонъ. По необходимости должно быть теперь два ученія: физицизмъ для образованныхъ людей, деизмъ для невѣжественныхъ. Психическая жизнь человѣка сводится на химическія соединенія и реакціи органическихъ элементовъ, входящихъ въ его тѣло. «Мы отдаемся воображенію, когда въ нашемъ мозгу преобладаетъ дѣятельность жидкихъ элементовъ; мы разсуждаемъ, когда перевѣшиваетъ дѣятельность твердыхъ». Въ самыхъ важныхъ вопросахъ политики рѣшенія должны быть теперь выводимы прямо изъ данныхъ естественныхъ наукъ. «Если бы физіологи и философы согласились смѣло соединить свои усилія, они свели бы всѣ политическіе вопросы къ соображеніямъ гигіены».

Однако уже теперь пробиваются у С.-Симона мысли и выраженія, сближающія его съ той философіей исторіи, которую подъ вліяніемъ революціонной катастрофы выставила реакція. Онъ начинаетъ клонить къ идеѣ «палингенезіи общества», какъ гласитъ названіе одного изъ сочиненій реакціонной школы, къ идеѣ возрожденія общества въ новой вѣрѣ. «Я вѣрю,—говоритъ С.-Симонъ,—въ необходимость религіи для поддержанія соціальнаго порядка, я вѣрю, что деизмъ устарѣлъ, а физицизмъ еще не достаточно укрѣпился, чтобы стать основой религіи».

Но наука должна сложиться скоро въ стройную догматическую и повелительную систему.

«Религія есть совокупность примѣненій общей науки, при посредствѣ которыхъ просвѣщенные люди управляютъ невѣжественными... Религія старѣется совершенно такъ же, какъ другія учрежденія, и такъ же. какъ они, религія по необходимости должна по прошествіи извѣстнаго времени возрождаться». Духовенство, это—руководящій ученый классъ, соотвѣтствующій всякій разъ опредѣленной фазѣ въ развитіи знанія. «Всякая религія при своемъ возникновеніи благодѣтельна. Священники начинаютъ ею злоупотреблять, когда ихъ болѣе не сдерживаетъ узда оппозиціи, когда имъ не остается болѣе дѣлать никакихъ новыхъ открытій въ научномъ направленіи, данномъ основателемъ религіи; тогда она становится тираннической; тогда она вызываетъ презрѣніе, а ея служители утрачиваютъ пріобрѣтенное ими раньше вліяніе и богатство». Согласно этому представленію, С.-Симонъ превращаетъ въ прошломъ основателей католической церкви въ «корпорацію профессоровъ деизма», а для будущаго строя онъ требуетъ передачи духовной власти въ руки папы и духовенства, которые должны быть выбраны изъ среды ученыхъ-натуралистовъ. Для «перваго папы новой научной теоріи» онъ придумываетъ даже прокламацію къ европейскому обществу.

Черта приближенія С.-Симона къ реакціонерамъ, къ «теократамъ», все усиливается. С. Симонъ называетъ сочиненія Бональда «поразительными, полными жизни, способными вызвать энтузіазмъ въ ученыхъ и литераторахъ». Во всей реакціонной школѣ онъ одобряетъ систематическую концепцію, то единство, съ точки зрѣнія котораго ея представители разсматриваютъ возрожденіе общества.

Поиски новой религіи, новой авторитарной организаціи становятся господствующимъ мотивомъ у С.-Симона во вторую половину его литературной дѣятельности, которая начинается, приблизительно, со времени паденія Наполеона I. Въ его планы возрожденія общества, теперь, вмѣстѣ съ тѣмъ, вступаетъ новый элементъ, экономическій.

Мы видѣли, какъ сильно сказались на соціальной мысли и воображеніи англійскаго общества успѣхи промышленности въ концѣ XVIII в. Французское индустріальное общество въ началѣ нашего столѣтія охвачено тѣмъ же настроеніемъ, что англійское уже за четверть вѣка до того. Между тѣмъ какъ Наполеонъ хочетъ сокрушить Англію флотами, войсками и торговыми стѣсненіями на материкѣ, французскіе промышленники пытаются конкуррировать съ великой обладательницей машинъ.

С.-Симонъ со своей впечатлительностью схватываетъ все значеніе этого момента и этихъ усилій. Онъ объявляетъ себя ученикомъ Адама Смита. Главная цѣль въ народной жизни—производство богатства. Его идеалъ—полная противоположность спартанской полуаскетической республикѣ, о которой мечтали ученики Руссо во время революціи; это—

богатое, даже роскошествующее общество, трудовое и блестящее, гдѣ первые люди—самые крупные производители, дѣятельные, окруженные почетомъ и изобиліемъ.

Въ книжкѣ подъ заглавіемъ «Реорганизація европейскаго общества» (1814 г.) С.-Симонъ проектируетъ великую европейскую федерацію, которая откроетъ собою мирную эру человѣчества! Вѣчный миръ начнется съ возсоединенія и слиянія Англіи и Франціи, двухъ передовыхъ націй, бывшихъ до сихъ поръ во враждѣ. Создастся общеевропейскій патріотизмъ. Общеевропейскій парламентъ освободитъ широкіе пути для индустріи, займется соединеніемъ посредствомъ каналовъ Рейна, Дуная, Балтійскаго моря, направитъ излишекъ населенія въ другіе материки и т. д. Въ редактированномъ С.-Симономъ сборникѣ подъ заглавіемъ «Индустрія» (1817 г.) двадцатидвухлѣтній Тьерри, будущій историкъ и творецъ эпопеи промышленнаго третьяго сословія, нападалъ на духъ войны и называлъ Наполеона и его солдатъ—разбойниками. «Братство народовъ,—говорилъ онъ,—чтобы быть прочнымъ, требуетъ присоединенія интереса къ чувству. Ваше оружіе, граждане,—искусства и торговля; ваши побѣды—ихъ прогрессъ; вашъ патріотизмъ—въ благожелательности, а не въ ненависти».

«Ученикъ Адама Смита» однако далеко не сталъ сторонникомъ свободной игры силъ въ обществѣ. С.-Симонъ—большой почитатель порядка и управленія. «Прогрессъ,—говорилъ онъ какъ-то,—совершается только двумя средствами: революціями и диктатурой; диктатура—гораздо лучше. Новое общество должно быть приведено въ систему, въ немъ надо установить крѣпкое руководящее начало. «Организація» общества, организація труда, знанія—вотъ волшебное слово, которое пустилъ С.-Симонъ. Не даромъ одинъ изъ тѣхъ сборниковъ, гдѣ С.-Симонъ и окружавшая его мастерская ученыхъ пропагандировали свои идеи, назывался «Организаторъ».

Выступая съ авторитарно-организаціонными идеями, С.-Симонъ близко подходилъ къ историческимъ картинамъ и формуламъ реакціонной школы, прославлявшей Средніе вѣка, какъ эпоху покорности человѣка святому общеспасительному порядку. С.-Симонъ вполнѣ согласенъ съ де-Местромъ въ восхваленіи папства за то, что оно служило могучимъ связующимъ началомъ для человѣчества, для культуры. Рѣзко расходится онъ съ просвѣтительной философіей и въ оцѣнкѣ среднихъ вѣковъ. Эпоха эта выше древности. Она видѣла замѣну рабства, гдѣ человѣкъ цѣликомъ принадлежалъ другому, крѣпостнымъ состояніемъ, когда работникъ опять получилъ свою жизнь, свои глаза и уши. Духовенство въ это время совершило великіе подвиги: оно расчистило необработанныя земли въ Европѣ, создало школы, сохранило древніе памятники, установило Божій миръ.

Что такое были римляне? спрашиваетъ С.-Симонъ. Небольшая группа въ 100.000 человѣкъ, которые могли предложить варварамъ

лишь оковы или смерть. Напротивъ, въ Средніе вѣка, составилось политическое общество въ 60 милліоновъ человѣкъ слишкомъ, которое совершало завоеванія, обращало чужихъ въ свою вѣру и говорило: всѣ люди должны считать себя братьями. Напрасно философы такъ кричали противъ крестовыхъ походовъ; это была великая организація Европы, несравненно болѣе крѣпкая, чѣмъ римская республика и имперія. Конечно, древніе были великими мастерами въ искусствахъ, въ работѣ «воображенія, непосредственно дѣйствующаго на чувства». Но они ничего не сдѣлали въ наукахъ естественныхъ, въ морали и политикѣ,

Здѣсь Средніе вѣка несравненно выше. Въ рукахъ правительства у древнихъ грековъ и римлянъ соединялась духовная и свѣтская власть и смѣшеніе властей создавало тиранію небольшого класса. Въ Средніе вѣка эти двѣ сферы раздѣлены: выразительница идей, духовная власть, объединявшая Европу, преобладаетъ надъ свѣтской, раздробленной по территоріямъ. Вмѣсто господства патриціевъ—вліяніе духовенства изъ плебеевъ; въ Средніе вѣка простолюдины стояли во главѣ общества. Въ то же время, христіанская вѣра, по существу демократическая, была введена въ строгую католико-монархическую форму: была придумана непогрѣшимость церкви и папы, ложныя декреталіи, свѣтская власть духовенства и «множество другихъ изобрѣтеній, изумительно хорошихъ, потому что они придали прочность европейскому обществу, ставшему славой и надеждой рода человѣческаго». «Теперь стоитъ внѣ сомнѣнія для философовъ,—внезапно открываетъ намъ Сенъ-Симонъ,—что матеріальная сила, т. е. богатства въ рукахъ духовенства и особенно папъ въ теченіе Среднихъ вѣковъ, была необходима для того, чтобы подчинить воинственное направленіе общества научному, дикія страсти европейцевъ—ихъ умственнымъ дарованіямъ». На вершинѣ этой великой эпохи находятся такія фигуры, какъ Григорій VII и Людовикъ Святой, этотъ «философъ, чудесный человѣкъ для своего времени, составившій планъ энциклопедіи». Глубоко привлекательна цѣльность этого общества, благодѣтельна повелительная сила его организаціи, указывавшая отдѣльной личности пути и задачи.

Картина прогресса получается такимъ образомъ весьма непохожая на ту, какую давали Вольтеръ и Кондорсе. Теперь для С.-Симона просвѣтительная философія и революція, отразившая ея идеи—пережитыя точки зрѣнія. Работа революціонныхъ принциповъ, просвѣтительной философіи была чисто отрицательнымъ, разрушительнымъ дѣломъ. Она убрала съ дороги отжившія формы. С-.Симонъ отдѣляется здѣсь въ оцѣнкѣ революціи отъ реакціонеровъ: не шагъ назадъ видитъ онъ въ ней, не глубокое паденіе человѣчества, а необходимую переходную ступень, ведущую его къ новому торжеству, къ новой организаторской философіи XIX вѣка.

Революція была вызвана подъемомъ низшихъ классовъ, но сама по себѣ представляла лишь приступъ къ великой соціальной реформѣ. Ее

сдѣлали люди отвлеченнаго склада, юристы и метафизики. Они были сильны своимъ рѣжущимъ орудіемъ критики и уничтоженія стараго, но ничего положительнаго создать не могли. Ихъ догматы, верховенство народа, свобода, не имѣютъ сами по себѣ никакой цѣны; это—голыя формулы, родившіяся въ борьбѣ съ идеей божественности власти и представляющія крайность въ отвѣтъ на крайность; по окончаніи борьбы они уже не нужны. Демократія и свобода—пустыя слова; въ нихъ вовсе нѣтъ блага для низшихъ классовъ. Свобода не можетъ быть ни цѣлью, ни средствомъ; она ничто иное, какъ результатъ достигнутаго положенія.

Отсюда получается для С.-Симона и мѣра оцѣнки современныхъ политическихъ направленій. Либералы XIX вѣка, добивающіеся проведенія этихъ началъ въ жизнь, сторонники метафизической «конституціи», сохранили односторонній критическій, т. е. революціонный характеръ XVIII вѣка. Вопросъ о формахъ политическаго строя, изъ-за котораго столько бились,—вопросъ второстепенный. Законъ, устанавливающій отношеніе властей, не такъ важенъ, не въ такой мѣрѣ вліяетъ на благоденствіе народовъ, какъ тотъ законъ, который создаетъ отношенія собственности и владѣнія и регулируетъ ихъ. Англійскій народъ болѣе 150 лѣтъ работаетъ надъ установленіемъ у себя свободы, народы континента стремятся къ тому же самому вотъ уже около 30 лѣтъ, а самое естественное средство, преобразованіе собственности, никому изъ нихъ не пришло на умъ.

Либерализмъ, т. е., по опредѣленію С.-Симона политическая игра, долженъ теперь уступить мѣсто индустріализму, съ которымъ на первое мѣсто выступитъ новая партія, лучше сказать, новая масса, истинный народъ.

«Подъячіе (avocasserie) и бумагомаратели (ecrivassiers),—говоритъ презрительно С.-Симонъ,—торжествовавшіе побѣду въ революціи, все еще принадлежали къ старымъ общественнымъ слоямъ. Дѣятели революціи вышли изъ той группы буржуазіи, которая была близка къ привилегированнымъ, которая служила и занимала профессіи, считавшіяся «почетными». Настоящее промышленное мѣщанство, работу котораго считали прежде презрѣнной, все еще пассивно и стоитъ въ сторонѣ. Оно претерпѣло и господство адвокатовъ, и санкюлотство республики, и военную деспотію Бонапарта. Теперь ему пришелъ чередъ взять въ руки общество, гдѣ оно—главная дѣятельная сила. Эту новую «партію производителей», или индустріаловъ, С.-Симонъ прямо противополагаетъ буржуазіи. Совершенно такъ же, какъ въ свое время Сійэсъ вычислялъ, что такое по количеству—третье сословіе, и приходилъ къ заключенію, что оно заполняетъ собою все тѣло націи, С.-Симонъ опредѣляетъ теперь массу «промышленниковъ» равной $\frac{24}{25}$ націи. Въ этомъ истинномъ обществѣ, обществѣ грядущаго, высшей добродѣтелью будетъ трудъ.

С.-Симонъ проводитъ рѣзкую черту между трудящейся массой (tra-

vailleurs) и праздными классами (oisifs). Въ знаменитой параллели своей, перечисляя множество разрядовъ, онъ говоритъ: «Предположимъ, что Франція вдругъ теряетъ 50 лучшихъ физиковъ, 50 химиковъ, 50 математиковъ, 50 лучшихъ поэтовъ, живописцевъ, 50 музыкантовъ... 50 первыхъ механиковъ, 50 инженеровъ, 50 архитекторовъ... 50 первыхъ банкировъ, 200 первыхъ негоціантовъ, 600 лучшихъ земледѣльцевъ, 50 первыхъ хлопчатобумажныхъ фабрикантовъ, 50 лучшихъ плотниковъ и т. д.—въ цѣломъ до 3.000 первыхъ ученыхъ, артистовъ и промышленныхъ работниковъ... Потеря этого цвѣта французскаго общества, этихъ наиболѣе полезныхъ людей для страны, болѣе всего ускоряющихъ ростъ ея цивилизаціи и благоденствія, обратитъ націю въ тѣло безъ души. Понадобится, по крайней мѣрѣ, жизнь цѣлаго поколѣнія, чтобы поправить это несчастье. Предположимъ, напротивъ, что сохраняя людей таланта, Франція теряетъ... носителей большихъ придворныхъ чиновъ, министровъ, маршаловъ, кардиналовъ, префектовъ, судей, всѣхъ чиновниковъ въ министерствахъ... и 10.000 богатѣйшихъ землевладѣльцевъ, живущихъ по дворянски. Случай этотъ огорчитъ французовъ, потому что они благодушны и не могутъ равнодушно отнестись къ внезапной гибели стольких соотечественниковъ. Но отъ потери 30.000 человѣкъ, считающихся самыми важными въ государствѣ, не получится никакого вреда для страны. Функціи эти, не требующія знаній и талантовъ, можетъ исполнить всякій. Это—безполезная часть общества, которая распоряжается надъ первой, работящей, и беретъ себѣ изъ бюджета триста или четыреста милліоновъ». С.-Симонъ заключаетъ, что современное общество есть опрокинутый вверхъ ногами міръ, что современный строй, служа несправедливымъ и нелѣпымъ началамъ, держитъ родъ человѣческій глубоко погруженнымъ въ безнравственность.

Совершенно ясно, что у С.-Симона черта дѣленія проходитъ не между капиталистами и рабочими; она разрѣзываетъ и классъ богатыхъ, и интеллигентныя профессіи. Въ противоположность землевладѣльцамъ, пассивному элементу, онъ очень цѣнитъ активную группу фабрикантовъ, купцовъ, банкировъ. Съ этими производителями, къ которымъ примыкаетъ масса рабочихъ, тѣсно соединены по своему общественному значенію техники, ученые и художники, такъ какъ С.-Симонъ глубоко убѣжденъ въ производительной силѣ артистическаго творчества, научнаго анализа и изобрѣтенія.

Великая несправедливость и неразуміе современнаго строя и управленія есть результатъ противорѣчія между содержаніемъ общественной жизни и формами, въ которыя она включена. Гармонія и законченность Среднихъ вѣковъ именно зависѣли отъ полнаго согласія тенденцій общества и характера его управленія. Воинственныя наклонности его направлялись по указанію непогрѣшимаго авторитета религіозной власти. Съ теченіемъ времени основы этого феодально-теократи-

ческаго строя стали разрушаться. Выдвинулись съ одной стороны, промышленные интересы, съ другой, сила науки. Современное направленіе общества по существу своему индустріально-научное. Между тѣмъ администрація его далеко отстаетъ отъ достигнутаго состоянія культуры и просвѣщенія: она все еще проникнута феодальными началами. Революція и была вызвана этимъ противорѣчіемъ: пока не устранится оно, общественная жизнь неизбѣжно должна оставаться неустойчивой.

Несоотвѣтствіе современной политической и административной системы съ требованіями культуры особенно рѣзко выражается въ огромной непроизводительной тратѣ человѣческихъ силъ. Все вниманіе обращено на поддержаніе порядка, а между тѣмъ люди работаютъ изолированно. Надобно, чтобы люди перестали командовать другъ надъ другомъ, и чтобы, напротивъ, они соединились для совмѣстной эксплуатаціи силъ природы.

С.-Симонъ старается показать на примѣрѣ Политехнической школы «образовательнаго учрежденія наивысшаго порядка, который когда-либо былъ организованъ», въ чемъ идеалъ и куда ведетъ извращеніе. Основатели этой школы составили планъ обученія и привлекли самыхъ способныхъ людей. Они полагали, что ихъ задача этимъ окончена: учрежденіе создано. Но замѣтивъ, что его жизнь вызываетъ нѣкоторыя административныя дѣла, они распредѣлили эту «второстепенную» обязанность между самими профессорами, которые по временамъ соединялись въ административный совѣтъ; наблюденіе же за дисциплиной было поручено лицу, неспособному занять профессуру, которое вслѣдствіе этого и сознавало себя подчиненнымъ. Но вотъ появился Бонапартъ, который нашелъ, что организація эта слишкомъ проста, что ей не хватаетъ достоинства и важности. Поэтому онъ поставилъ надъ учрежденіемъ управителя изъ числа придворныхъ, полковника, вице-управителя, директора, при каждомъ изъ нихъ еще помощниковъ. Вся эта коллекція безполезныхъ и неспособныхъ людей получила значеніе какъ бы души учрежденія и затмила собою профессоровъ. Первоначальный и естественный порядокъ совершенно извратился, второстепенныя роли и дѣла учрежденія выдвинулись на первый планъ, истинно важныя сошли на подчиненное положеніе. Говорить нечего, насколько это новое управленіе стало дороже.

Каково же должно быть общественное устройство, отвѣчающее требованіямъ современной культуры? Такъ какъ все дѣлается чрезъ посредство индустріи, все и должно дѣлаться для нея. Индустріальный классъ—основной питающій классъ общества. Промышленное общество будетъ имѣть задачей лишь ростъ общаго благоденствія, его управленіе будетъ руководиться не отношеніями людей, а исключительно принципами, его вожди будутъ крупнѣйшіе производители, ихъ вдохновители художники—и ученые спеціалисты.

Королевской власти нечего бояться переворота; С.-Симонъ предла-

гаетъ королю лишь стать во главѣ движенія: новая монархія станетъ индустріальной, а единственно возможный и почетнѣйшій титулъ короля будетъ заключаться въ названіи «первый промышленникъ королевства». Преобразуясь въ идеальнаго вождя промышленности, король властнымъ манифестомъ призоветъ народъ къ новой дѣятельности. Откроется обширный просторъ для громадныхъ общественныхъ работъ, для эксплуатаціи и приспособленія всѣхъ пустующихъ земель, для проведенія дорогъ, каналовъ и т. д. Великолѣпная культура покроетъ всю территорію Франціи. Нація будетъ собираться въ грандіозныхъ празднествахъ. Роскошь станетъ полезной и нравственной, когда ею будетъ пользоваться весь народъ. Нынѣшніе министры, собственно только «любители администраціи», должны уступить мѣсто представителямъ индустріи, этимъ единственнымъ «профессорамъ администраціи».

То, что до сихъ поръ называлось политикой, за ненужностью, исчезнетъ. Излишними становятся конституція и парламентъ. «Истинная реальная конституція не можетъ быть придумана, она можетъ быть лишь наблюдаема, изучаема». Отнынѣ наука должна рѣшать всѣ вопросы. «Править долженъ философъ, который изучаетъ ходъ цивилизаціи и соединяетъ всѣ наблюденія въ общій законъ; этотъ законъ становится руководящимъ конститутивнымъ политическимъ правиломъ, если онъ провѣренъ массой просвѣщенныхъ людей. Развѣ кто-нибудь скажетъ, что всякій французъ, платящій 100 франковъ прямого налога (это—тогдашній цензъ) способенъ производить химическіе опыты? А между тѣмъ раціональная политика гораздо труднѣе химіи, и она—дѣло науки, а не прирожденныхъ правъ человѣка. Высшая политика должна быть поручена группѣ ученыхъ спеціалистовъ, которые прикажутъ молчать «парламентской болтовнѣ». Какъ въ эпоху гармоніи стараго средневѣковаго порядка, такъ и въ новомъ обществѣ установится раздѣленіе духовной и свѣтской власти, сложится параллельная работа вдохновляющаго своими идеями духовнаго класса и могучей исполнительной руки практическихъ дѣятелей.

Въ одномъ изъ многочисленныхъ и пестрыхъ проектовъ С.-Симона правительство представляется въ видѣ трехъ камеръ: 1) камеры изобрѣтеній, гдѣ сидятъ инженеры, поэты и художники и вырабатываютъ планы общественныхъ работъ и общественныхъ празднествъ: «артисты въ обществѣ будущаго найдутъ средство пробуждать въ душѣ промышленниковъ идеи славы и великодушныя чувства»; 2) камеры изслѣдованія изъ ученыхъ математиковъ и естественниковъ, которые будутъ провѣрять планы первыхъ и направлять воспитаніе; 3) камеры исполненія, составленной изъ богатыхъ промышленниковъ, которая собственно и замѣнитъ парламентъ. Направляя широко свои капиталы на общеполезныя цѣли, крупные предприниматели будутъ выполнять настоящую общественную службу; они и представители науки и искусства будутъ въ истинномъ смыслѣ чиновниками, министрами соціальнаго цѣлаго.

Вовсе не демократическимъ, вовсе не нивеллированнымъ представляетъ себѣ С.-Симонъ новое общество. Основанное на преобладаніи таланта, дѣятельности, знанія, оно построится и на новомъ «законномъ» іерархическомъ порядкѣ. С.-Симонъ ищетъ среди промышленниковъ людей съ наиболѣе широкими взглядами: это—банкиры, и они-то, призванные вожди общества. «Зачѣмъ они даются въ обманъ адвокатамъ и бонапартистамъ? Пусть выгонятъ они изъ своихъ салоновъ людей фразы! пусть войдутъ въ тѣсныя сношенія съ купечествомъ, съ фабрикантами предмѣстій, и они станутъ истинными господами». С.-Симонъ обращается съ воззваніемъ и къ рабочимъ; онъ подсказываетъ имъ, какія рѣчи должны они вести къ предпринимателямъ: «вы богаты, а мы бѣдны; вы работаете головой, а мы руками; изъ этого основного различія слѣдуетъ, что мы должны вамъ подчиняться».

Въ этихъ планахъ крайне любопытно отмѣтить, что для новой «положительной», организаторской эпохи С.-Симонъ предполагаетъ и новый патріархальный строй, своего рода индустріальный феодализмъ. Въ свое время онъ начиналъ съ прославленія свободной иниціативы, съ осужденія всякихъ сдержекъ промышленнаго оборота. Теперь это кажется ему лишь первой ступенью, за которой должны выдвинуться прирожденные геніи индустріи, финансовые сеньеры, вдохновляемые артистами и руководимые учеными, а подъ ихъ патронатомъ, по указанію ихъ благожелательныхъ и просвѣщенныхъ рѣшеній, организуется все трудящееся человѣчество. Когда укрѣпятся устои новаго общества, оно будетъ увѣнчано и новой религіей, которая, въ свою очередь, будетъ резюмировать основные принципы знанія и морали. Подъ конецъ у С.-Симона все сильнѣе развивается эта религіозно-авторитарная утопія. Сначала сторонникъ всеобщаго европейскаго парламента, онъ начинаетъ позднѣе смотрѣть съ упованіемъ на священный союзъ, называетъ его величайшимъ изъ соціальныхъ благъ Европы и признаетъ его лучшей переходной ступенью отъ стараго феодальнаго общества къ новому индустріальному.

Въ послѣднемъ своемъ, неоконченномъ сочиненіи, подъ заглавіемъ «Новое Христіанство», С.-Симонъ говоритъ о всемірной религіи, которая должна распространиться въ XIX вѣкѣ вмѣстѣ съ образованіемъ универсальной ассоціаціи людей. Объединеніе вѣрованій въ положительномъ вѣкѣ выразится въ запрещеніи разныхъ толкованій, въ исчезновеніи свободы совѣсти, т. е., какъ теперь думаетъ С.-Симонъ, анархіи понятій. Аксіомы, выдвинутыя наукой, составятъ содержаніе новаго догматическаго кодекса. Этой религіи предстоитъ вмѣстѣ съ тѣмъ великая общественная миссія—именно улучшеніе участи нуждающагося класса.

Богатый запасъ идей, брошенныхъ у С.-Симона, обыкновенно крайне путанно, нерѣдко въ видѣ какъ бы случайныхъ проблесковъ, иногда въ формѣ почти апокалиптическихъ видѣній, оказалъ крупное вліяніе на

развитіе соціальной и исторической мысли. Изъ сентиментализма и священнаго ужаса реакціонеровъ теперь точно начинаютъ выступать очертанія разумной новой научной теоріи, готовой опереться на только что пережитой опытъ.

На ученіяхъ С.-Симона и его школы видно, какой итогъ для историческаго и общественнаго сознанія получался у поколѣнія, пережившаго крупный переворотъ конца XVIII вѣка и реакцію противъ него; ученія эти показываютъ также, въ какой мѣрѣ философія реакціи давала толчокъ къ анализу явленій общественнаго развитія.

Бональдъ, Галлеръ, де-Местръ и другіе гремѣли противъ дерзкаго человѣка, который подъ сатанинскимъ навожденіемъ святотатственной рукой осмѣлился перестраивать нерукотворенное цѣлое общественнаго организма. Они возмущались «искусственными» писанными конституціями и ссылались на то, что истинный законъ, которымъ держится общество, не сочиняется, а указанъ божественной силой и подобенъ жизненному началу органическаго существа. Это былъ странный способъ выраженія, но на лицо дѣйствительно былъ фактъ непоколебимости извѣстныхъ общественныхъ устоевъ. Конституціи, продуктъ политическихъ вычисленій, рушились во Франціи одна за другою. Измѣнялся-ли, опрокидывался-ли при этомъ общественный строй? Нѣтъ; государственныя перемѣны не создавали новыхъ общественныхъ отношеній; напротивъ общественный укладъ какъ-бы заставлялъ приспособляться къ себѣ политическія формы.

Но реакціонная школа только побуждала поставить вопросъ. Она сама не могла выйти изъ формулы, въ которой «безсильная личность» противопоставлялась «всемогущему обществу». Кто подъ ея вліяніемъ проникалъ глубже и дальше, приходилъ къ такому заключенію: общественный и политическій союзъ — двѣ разныя вещи, и между ними первый представляетъ организацію болѣе глубокую, основную и первоначальную, второй напротивъ образуетъ явленіе производное. Въ первой изъ этихъ организацій именно замкнуты личности для каждой опредѣленной эпохи, она опредѣляетъ моральныя чувства, культурныя понятія, государственную форму и т. д. Признавая общество такимъ основнымъ организмомъ, перерождающимся лишь медленными полосами, которыя соотвѣтствуютъ возрастамъ жизни личности, ученики реакціонеровъ остались при томъ взглядѣ, что не разумъ развивающейся личности творитъ перемѣны и двигаетъ успѣхи въ общественномъ развитіи. Эти успѣхи—дѣло великаго естественнаго процесса, въ которомъ личность выполняетъ свою органическую функцію.

Реакціонеры, наставники С.-Симона, находили революціонный переворотъ уродливымъ отклоненіемъ отъ предписаній природы и взрывомъ злой, ненормальной культуры. С.-Симонъ считалъ, напротивъ, революцію необходимымъ шагомъ къ высшей ступени развитія. Критика XVIII в. и самый переворотъ—не отклоненія, а кризисъ возраста, это

даже не благодѣтельная операція, это—страданія роста. Есть фазы жизни, которыя даются труднѣе, но они необходимы, чтобы создать условія будущаго, и они могутъ быть предусмотрѣны.

Историкъ долженъ ко всѣмъ трансформаціямъ подступать, какъ спокойный натуралистъ. С.-Симонъ считаетъ поэтому свой научный методъ физико-политическимъ. Ученіе объ обществѣ есть своего рода физика. Процессъ общественнаго развитія идетъ по неуклоннымъ законамъ, подъ давленіемъ безошибочно цѣлящихъ естественныхъ факторовъ. Эти законы мы читаемъ отчетливо и ясно въ исторіи прошлаго. По нимъ можно непогрѣшимо опредѣлять будущее. Изъ шести фазъ англійской революціи, во французской уже повторилось пять, шестая необходимо предстоитъ. Истинная цѣль человѣческой работы, это—приблизить человѣческое сознаніе въ результатѣ безконечнаго прогресса къ божественному предвидѣнью.

Исходя изъ новаго понятія объ основномъ характерѣ общественнаго строенія, С.-Симонъ не одобрялъ предшествующихъ пріемовъ исторической науки. До сихъ поръ, по его мнѣнію, писалась только біографія власти, т. е. онъ хочетъ сказать, исторія политическихъ перемѣнъ въ ея лицахъ; между тѣмъ, государственныя конституціи составляютъ лишь формы, внѣшность, поверхностныя явленія исторической жизни; существо общественнаго строенія—въ распредѣленіи собственности, въ организація хозяйства, въ раздѣленіи классовъ.

Въ этомъ отношеніи новый методъ существенно отдѣлялся отъ точки зрѣнія, на которой стояла соціальная наука въ эпоху Монтескьё, и С.-Симонъ ясно сознавалъ это отличіе. Теперь стали чувствовать явный скачокъ, огромный пробѣлъ въ старомъ соціологическомъ толкованіи. Объясняя возникновеніе, развитіе и гибель большихъ человѣческихъ группъ, націй, государствъ, Монтескьё переходилъ прямо отъ элементарныхъ внѣшнихъ условій, климатическихъ и расовыхъ, къ послѣднимъ продуктамъ человѣческаго развитія, политическимъ формамъ, моральнымъ идеямъ и т. д.; онъ какъ бы не замѣчалъ вовсе общественной среды, какъ самостоятельнаго момента, какъ важной промежуточной формаціи. Необходимъ былъ опытъ для того, чтобы обратить вниманіе на этотъ, незамѣчавшійся раньше элементъ; такой соціально-историческій опытъ создала революціонная катастрофа; самый фактъ, подлежавшій въ опытѣ выдѣленію, указали реакціонеры, но указали, какъ загадочную силу, какъ таинственный ключъ явленій.

У С.-Симона мистическій покровъ снятъ. Онъ указывалъ на необходимость обработать исторію Франціи въ видѣ борьбы и смѣны классовъ. По его привычнымъ категоріямъ, это была бы борьба дворянства, стараго, господствующаго военнаго класса, нынѣ ставшаго «праздным», утратившаго руководящую роль, и новаго промышленнаго, въ началѣ крѣпостного и подчиненнаго, пробившагося къ эмансипаціи, а въ настоящее время образующаго истинное общество изъ совокупности обладателей капитала и знаній, и представителей труда.

С.-Симонъ намѣтилъ еще двѣ важныя историческія формулы, вліяніе которыхъ обнаруживается на каждомъ шагу въ группировкѣ и истолкованіи фактовъ у историковъ XIX в. Первая изъ нихъ состоитъ въ томъ, что всякой общественной формѣ отвѣчаетъ опредѣленный умственный укладъ, что всякій крупный общественный переворотъ совпадаетъ съ революціей въ философіи, въ вѣрованіяхъ и научныхъ понятіяхъ.

Другая заключаетъ въ себѣ положеніе, которое въ наше время многіе, можетъ быть, склонны приписывать болѣе позднему вліянію экономическаго матеріализма. С.-Симонъ настаиваетъ на различеніи содержанія общественной жизни, ея хозяйственнаго строя, ея классовыхъ отношеній и ея формы, выражающейся въ правительственномъ строѣ, въ правовой и административной организаціи. Въ эпохи положительныя—каковъ былъ феодальный вѣкъ, каковымъ будетъ открывающійся впереди индустріальный, между содержаніемъ и формой общественной жизни существуетъ полное соотвѣтствіе и гармонія; но съ теченіемъ времени содержаніе общественной жизни измѣняется и оно становится въ противорѣчіе со старой формой. Въ этомъ противорѣчіи заключается могущественный толчокъ для переворота, который долженъ повести къ слѣдующей ступени прогрессивнаго развитія; наступаетъ эпоха разрушительной работы, прежде всего выражающейся въ критикѣ унаслѣдованныхъ формъ, въ горячемъ нападеніи на систему управленія и систему понятій; съ устраненіемъ пережитыхъ формъ и традиціонныхъ идей, сложившееся новое общество вступаетъ въ новую организаціонную эру.

Религіозно-утопическое направленіе, намѣтившееся въ послѣднихъ работахъ С.-Симона, получило особенное развитіе въ кружкѣ его друзей и его учениковъ и поклонниковъ, главнымъ образомъ посмертныхъ. Составилась настоящая церковь, которая видѣла въ С.-Симонѣ своего основателя и пророка, «величайшаго изъ философовъ, законодателей и пророковъ», новаго Сократа, Моисея или даже подобіе Христа. «Верховный отецъ» общины, Анфантенъ, какъ калифъ, присоединилъ къ писаному закону, т. е. сочиненіямъ С.-Симона, устное толкованіе откровеннаго ученія.

Исторія сенсимонистской секты была много разъ разсказана; ея экономическая программа, которая требовала простора для развитія капитала и вмѣстѣ съ тѣмъ организованнаго его примѣненія, настаивала на торжествѣ индустріи и обращенія промышленной работы въ общественную службу, на общемъ обезпеченіи трудящихся и вознагражденіи каждаго сообразно способностямъ и общественнымъ заслугамъ, эта программа выходитъ за предѣлы нашего изложенія. Но необходимо указать на ея общую соціальную и историческую концепцію, поскольку она развиваетъ дальше идеи С.-Симона или сгущаетъ и закрѣпляетъ его формулы.

Секта была полна религіознаго энтузіазма: она часто безсознательно

воспроизводила тѣ формы и символы, какіе окружаютъ обыкновенно зарождающуюся религію, частью подражала имъ, искала ихъ, старалась на нихъ разгорячить себя. У нея были или ожидались апостолы, святые, мученичества, пророческія, предсмертныя бесѣды основателя, внезапныя откровенія, невидимое для другихъ и уже сіяющее для посвященныхъ божье царство. «Великій Боже!—читаемъ мы въ статьѣ «о жизни и характерѣ С.-Симона», написанной (въ 1830 г.) черезъ пять лѣтъ по смерти его — Ты восхотѣлъ, чтобы люди въ началѣ взаимно пожирали другъ друга, жили въ ненависти, невѣжествѣ и лѣности; теперь люди видятъ другъ въ другѣ братьевъ, живутъ въ мирѣ, отдаются наукамъ и искусствамъ; они достойны услышать новое слово: человѣчество свято въ Твоихъ глазахъ... С.-Симонъ, возлюбленный сынъ Твой, съ самаго начала былъ поставленъ очень высоко на той лѣстницѣ, ступени которой въ безконечномъ рядѣ ведутъ къ Тебѣ; онъ могъ, однако, подняться еще выше, онъ могъ перешагнуть огромную бездну и затѣмъ протянуть дѣтямъ своимъ руку помощи, чтобы перенести ихъ черезъ ту же пропасть и помѣстить рядомъ съ собою. С.-Симонъ окончилъ жизнь свою въ тысячу разъ болѣе великимъ, чѣмъ началъ; С.-Симонъ святъ въ Твоихъ глазахъ»!.. «Царство Божіе наступило на землѣ, всѣ пророчества исполнились... С.-Симонъ, ты можешь умереть теперь, потому что вѣрный ученикъ, наслѣдникъ обѣта твоего, рядомъ съ тобою!.. Нѣтъ мы не ученики мертваго, мы ученики живого!..»

Говоря о «предразсудкахъ атеизма», о религіозномъ будущемъ человѣчества, о томъ, что «человѣкъ—существо соціальное и религіозное», что современный научный языкъ, языкъ, созданный анархической, раздробленной и безсильной наукой, не способенъ направлять людей къ обращенію въ вѣру, что для этого нуженъ особый проникновенный пророческій языкъ, котораго Богъ еще не далъ людямъ,—говоря все это, секта вѣрила, что именно она открываетъ новую эру. «Наша доктрина будетъ дольше господствовать надъ міромъ, чѣмъ католицизмъ».

Въ то же время въ католичествѣ она видѣла свой прообразъ, первую манифестацію того великаго органическаго строенія, къ которому идетъ человѣчество; католическое духовенство Среднихъ вѣковъ было первой формаціей мирнаго общества, идущаго окончательно смѣнить воинственное.

Между средневѣковой теократіей и открывающейся эрой всесвѣтной мирной ассоціаціи произошелъ огромный кризисъ, разрывъ, и вотъ сенсимонисты развиваютъ намѣченное уже у С.-Симона представленіе объ «органическихъ» и «критическихъ» эпохахъ.

Первыя—эпохи порядка, системы въ идеяхъ и начала власти въ обществѣ, вторыя—безпорядка, розни понятій и анархіи. Первыя характеризуются началомъ ассоціаціи, вторыя—антагонизма. Въ состояніи органическомъ господствуетъ іерархія, экономія силъ, энтузіазмъ; обще-

ственная цѣль ясно обозначена, и люди стройно направлены къ ней воспитаніемъ и законодательствомъ: всѣ явленія человѣческой дѣятельности классифицированы, предусмотрѣны, предписаны на основаніи всеохватывающей теоріи. Въ состояніи критическомъ всякая общность мысли, всякое совмѣстное дѣйствіе, всякаго рода согласованность прекращается, и общество представляетъ собою лишь безформенное скопленіе обособленныхъ другъ отъ друга индивидовъ, ведущихъ между собою борьбу.

Въ исторіи каждое изъ этихъ состояній занимало два періода. Первое органическое состояніе предшествовало критическому вѣку греческой философіи. Затѣмъ установилось новое ученіе (христіанство), которое прошло разныя фазы развитія и совершенствованія и постепенно укрѣпило политическое господство свое на Западѣ. Органическая эпоха преобладанія церкви идетъ до XV в., момента, когда реформаторы дали первый толчокъ критикѣ, продолжающейся до нашихъ дней. Сенсимонисты повторяютъ, такимъ образомъ, историческія построенія реакціи.

Органическія эпохи рѣшали, хотя бы неполно и временно, великія соціальныя проблемы. Эпохи критическія, моменты спора, протеста, ожиданія, перехода, наполняли промежутки между этими рѣшеніями сомнѣніемъ, равнодушіемъ къ великимъ проблемамъ и эгоизмомъ, необходимымъ послѣдствіемъ этого сомнѣнія и равнодушія. Въ органическія эпохи «цѣль, къ которой стремится общество, открыта для всѣхъ сердецъ, для всѣхъ умовъ». Власть принадлежитъ поистинѣ первымъ, выдающимся людямъ. «Человѣкъ сознаетъ, что совокупность явленій управляется Провидѣніемъ, благодѣтельной волей; самый принципъ человѣческихъ обществъ, законъ, которому они повинуются, представляется человѣку какъ бы выраженіемъ этой воли, и эта общая вѣра обнаруживается въ культѣ, который привязываетъ слабаго къ сильному, а сильнаго къ слабому». Въ органическія эпохи, наконецъ, «спеціальныя науки составляютъ какъ бы группу подраздѣленій общей концепціи основного догмата».

Критическія эпохи начинаются коллективной дѣятельностью, исходящей первоначально отъ людей наиболѣе симпатичныхъ и направленной къ разрушенію устарѣлыхъ формъ; но второй ихъ періодъ, проходящій между гибелью стараго и построеніемъ новаго, обнаруживаетъ глубокій разладъ между чувствами, разсужденіями и актами. «Человѣкъ утрачиваетъ пониманіе своей связи съ другими и связи своего назначенія съ общей судьбой. Онъ переходитъ отъ вѣры къ сомнѣнью, отъ сомнѣнія къ невѣрію или, лучше сказать, къ отрицанію старой вѣры, потому что это отрицаніе само есть новая вѣра: онъ вѣритъ въ фатальность, какъ раньше вѣрилъ въ Провидѣніе; онъ любитъ, онъ воспѣваетъ безпорядокъ, какъ раньше обожалъ и прославлялъ гармонію. Науки не составляютъ болѣе энциклопедіи; онѣ раздроблены, въ ихъ средѣ нѣтъ интеллектуальной іерархіи; какъ бы ни было велико со-

браніе ихъ данныхъ, это лишь—скопище безъ всякаго внутренняго сцѣпленія.

Въ такія эпохи, когда всѣ соціальныя связи разбиты, массы лишь отчасти чувствуютъ огромный пробѣлъ, открывающійся въ моральной сферѣ; пробѣлъ этотъ заполненъ для нихъ чрезмѣрнымъ напряженіемъ умственной или матеріальной дѣятельности, лишенной, однако, симпатической цѣли, не возвышаемой любовью. Но высшіе умы съ ужасомъ созерцаютъ бездну: моральная пустота то влагаетъ имъ въ уста горькую и кровавую сатиру, то внушаетъ имъ пѣсни печали и отчаянія. Въ такія то эпохи появляются Ювеналы, Персіи, Гёте и Байроны».

Характеристики эти воспроизводятъ во многомъ картины, созданныя воображеніемъ реакціи. Мы встрѣчаемъ знакомое исканіе элементовъ вѣры среди невѣрія, встрѣчаемъ ту же нелюбовь къ кризисамъ и почитаніе авторитета. Сенсимонисты также спѣшили опять къ властной организаціи, опять къ «гармоническому» спокойствію. Но при этомъ они были убѣждены, что человѣчество двигается огромными шагами впередъ: они искали «закона прогресса».

Они видѣли этотъ законъ въ постепенномъ высвобожденіи личности, въ ослабленіи эксплуатаціи человѣка человѣкомъ и въ ростѣ объединяющей людей мирной ассоціаціи, направленной къ пользованію всѣми богатствами и матеріальными данными земного шара. Въ этомъ процессѣ они отмѣчали рядъ стадій и послѣдовательныхъ противоположностей, проходящихъ въ исторіи: господа и рабы; патриціи и плебеи; сеньёры и крѣпостные; землевладѣльцы, арендаторы; праздные и рабочіе. Они указывали далѣе восходящій рядъ соціальныхъ группъ, семью, городскую общину, націю, церковь, въ сферѣ которыхъ вращалась жизнь личности въ восходящемъ историческомъ теченіи. Сначала между этими группами и внутри нихъ идетъ непрерывная борьба, но чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе объединеніе растетъ, группы становятся шире, пока изолированное состояніе людей не замѣнится тѣсною связью всѣхъ во всемъ мірѣ.

На этой высотѣ не надо будетъ оплакивать исчезновеніе любви къ отечеству, потому что это не что иное, какъ эгоизмъ націй. Водворится единая религія, выраженіе коллективной мысли человѣчества. Революція совершила великое преступленіе тѣмъ, что допустила «оскверненіе алтаря скандальной равноправностью культовъ». Не нужна будетъ и уродливая незаконнорожденная система гарантій нынѣшнихъ конституцій, основанная на недовѣріи къ власти. Она годилась только для критической эпохи революціи. Пришло время, когда на землѣ опять можетъ господствовать законная власть. Исчезнетъ и промышленная конкурренція народовъ съ ея неизбѣжными кризисами, и принципъ безграничной свободы экономическихъ отношеній, потому что въ глазахъ сенсимонистовъ, это—также остатки стараго состоянія взаимной борьбы, истребленія и эксплуатаціи человѣка человѣкомъ.

Въ «Изложеніи доктрины С.-Симона» (1829). т. е. въ позднѣйшихъ толкованіяхъ секты, можно найти любопытное возраженіе противъ оптимистической теоріи самопроизвольнаго прогресса, развивающагося при помощи роста техники и на основѣ безграничной личной инициативы, той теоріи, которая слагалась подъ непосредственными впечатлѣніями промышленнаго переворота. Безконечное число примѣровъ,—говорится здѣсь—опровергаетъ убѣжденіе, будто личный интересъ всегда находится въ гармоніи съ интересомъ общимъ... «Не очевидно ли, что если общество видитъ свой интересъ въ устройствѣ паровыхъ машинъ, то рабочій, живущій трудомъ рукъ своихъ, не можетъ присоединить своего голоса къ мнѣнію общества? Обыкновенно, указываютъ на примѣръ типографіи, занимающей въ настоящее время больше людей, чѣмъ было переписчиковъ до ея изобрѣтенія, и отсюда дѣлаютъ тотъ выводъ, что подъ конецъ все уравняется». «Удивительное заключеніе! А до полнаго завершенія этой нивеллировки, что же будемъ мы дѣлать съ этими милліонами заморенныхъ голодомъ людей? Утѣшатъ ли ихъ наши разсужденія? Потерпятъ ли они со своей нищетой, потому что статистическія вычисленія доказываютъ, что по прошествіи извѣстнаго числа лѣтъ у нихъ будетъ хлѣбъ? Несомнѣнно, здѣсь механика ничего не понимаетъ... но соціальное предвидѣніе должно слѣдить, чтобы завоеванія индустріи не были похожи на захваты войны; погребальныя пѣсни не должны болѣе примѣшиваться къ пѣснямъ радости».

Сенсимонисты видѣли ясный и безусловный выходъ въ новой систематизаціи общества, въ томъ, что одинъ изъ нихъ назвалъ «туго стянутой централизаціей». Но можно ли въ дальнѣйшемъ предполагать новую смѣну органическаго состоянія критическимъ, можно ли думать, что прогрессъ будетъ вѣчно волнообразнымъ? Сенсимонисты выставляли въ отвѣтъ на это формулу «окончательнаго христіанства», «окончательнаго состоянія, къ которому идетъ человѣчество». Значитъ ли это, что прогрессъ остановится? Нѣтъ, онъ будетъ итти скорѣе, чѣмъ когда либо, но неизмѣнно и навсегда сложится та политическая или соціальная комбинація, которая наиболѣе благопріятствуетъ прогрессу. Общество устроится для того, чтобы прямо, исключительно служить прогрессу, и въ этомъ смыслѣ организація будущаго есть строй окончательный. Весь міръ движется къ единству ученія и дѣятельности. Девятнадцатый вѣкъ увидитъ наступленіе Божьяго царства на землѣ.

Послѣ того, какъ прошумѣли драматическіе эпизоды первыхъ лѣтъ жизни сенсимонистской общины, послѣ того, какъ поблекли ея много разъ повторенныя формулы мірового обновленія, а сами бывшіе мистики, люди видѣній, вѣры въ таинственные голоса и наитія, стали въ свои зрѣлые годы во главѣ банковъ, желѣзнодорожныхъ предпріятій, сооруженій каналовъ и т. д., въ остаткѣ и для адептовъ секты, и для окружающихъ получилось весьма отчетливое и реальное сознаніе, что подъ громкой фразеологіей крылась дѣйствительная религія, но религія...

индустріализма и капитализма. Не даромъ, въ самомъ началѣ секта видѣла, среди современной анархіи единственный многообѣщающій шагъ къ порядку именно въ развитіи банковыхъ, кредитныхъ учрежденій и мечтала о великомъ, единомъ, направляющемъ, всемірномъ банкѣ.

Въ этомъ смыслѣ она хваталась за новый общественный элементъ, она идеализировала фактъ, быстро развивавшійся впередъ. Но общій соціальный принципъ она брала у реакціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ она, такъ же какъ реакція, стояла подъ очарованіемъ великой катастрофы революціи, точно заколдовавшей въ неподвижности соціально-историческую мысль. Нѣчто совершенно единственное видѣлось многимъ въ этомъ переворотѣ, какая-то грань двухъ міровыхъ періодовъ, точно Ветхаго и Новаго Завѣта. Революцію не съ чѣмъ было сравнить въ прошломъ, невозможно было представить что либо аналогичное ей въ будущемъ. Она уже не казалась французскимъ или европейскимъ только событіемъ; ее не могли свести на мѣстныя рамки и условія, отрѣзать для нея въ прошломъ опредѣленные подготовительные моменты, два или три вѣка; къ революціи точно готовило все предшествующее развитіе рода человѣческаго на землѣ; это точно былъ земной катаклизмъ, общій потопъ или второе пришествіе. Революція стояла серединой между возникновеніемъ человѣчества и его отдаленными будущими цѣлями; она давала отгадку всего движенія, которое уже осуществилось, освѣщала сразу всю его господствующую линію.

Поэтому для сенсимонистовъ народы, отдѣльныя общества совершенно тонули въ рамкахъ человѣчества; поэтому они говорили о разъ случившихся неповторяемыхъ событіяхъ; поэтому и въ прошломъ, и въ перспективѣ будущаго они знали только то, что было, есть и совершится одинъ разъ.

Р. Випперъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Примѣчаніе. Въ прошлой книгѣ вслѣдствіе перестановки столбцовъ получился искажающій смыслъ порядокъ изложенія. Отрывокъ, начинающійся на стр. 115 со словъ «Вождемъ новѣйшихъ заблужденій реакціонной школы», и т. д. и кончающійся на стр. 117 словами: «несокрушимымъ твореніемъ природы?»—должно помѣстить на стр. 120 послѣ словъ: «нѣмецкому публицисту Адаму Мюллеру» и передъ словами: «Удивительно интересна въ этомъ превращеніи» и т. д.

Слѣд. продолженіемъ къ словамъ на 115 стр. «Необъятная таинственная сила»—служатъ на стр. 117 слова: «Въ своихъ мечтаніяхъ о предстоящемъ наступленіи».

ИЗЪ А. МИЦКЕВИЧА.

I. Разговоръ.

Ахъ, милая моя! Чтò пользы въ разговорахъ?
Когда съ тобой порывъ я жажду раздѣлить,
Зачѣмъ нельзя души мнѣ въ душу перелить?
Къ чему дробить ее на тѣ слова, въ которыхъ
Исчезнетъ страсти жаръ и нѣги ароматъ,
Пока они, сквозь слухъ, до сердца долетятъ?..

Люблю... о, какъ люблю! Въ мечтахъ зову, лелѣю...
А ты печалишься, ты недовольна мной,
Что высказать тебѣ любви я не умѣю,
Что предъ тобой стою съ безмолвною тоской:
Какъ въ летаргіи я, и у меня нѣтъ силы
Встряхнуться, закричать, чтобъ избѣжать могилы..

Попыткой тщетною къ чему себя томить?—
Теперь къ устамъ твоимъ хочу прильнуть своими,
Чтобъ сердца трепетомъ, да вздохами нѣмыми,
Да поцѣлуями съ тобою говорить,—
И такъ проговорить часы, и дни, и лѣта,
И до скончанія, и по скончаньи свѣта.

II. Первохудожникъ.

Онъ создалъ музыку: созвавши хоръ духовъ,
Онъ съ нимъ въ гармонію привелъ сердца людскія,
Какъ струны гулкія напрягъ онъ всѣ стихіи
И, потрясая ихъ ударами громовъ,
Играетъ и поетъ Онъ пѣснь одну отъ вѣка,
Но мысль, въ ней скрытая, темна для человѣка...

Онъ создалъ пластику: Онъ начерталъ узоръ
На небѣ и волнѣ велѣлъ, чтобъ отражала,
Титановъ образы изсѣкъ на гребняхъ горъ
И въ глубинѣ земли отлилъ ихъ изъ металла.
Но шелъ за вѣкомъ вѣкъ,—въ твореньи міръ земной
Изъ думъ Создателя не понялъ ни одной...

Онъ создалъ рѣчи звукъ: Онъ свой завѣтъ словами
Передъ людьми открылъ, чтобъ, слыша, міръ прозрѣлъ,
И книгу тайную предвѣчныхъ думъ и дѣлъ
Онъ самъ истолковалъ примѣромъ, чудесами...
И что жъ? Онъ былъ великъ, одѣтый въ мракъ и громъ,
Но міръ Имъ пренебрегъ, познавши брата въ Нёмъ...

Земной художникъ, что жъ предъ Нимъ твои творенья:
Картины, статуи, мелодіи, слова?
Но жалуешься ты, что дѣлъ твоихъ значенья
Не поняла толпа, что ихъ чернитъ молва...
Взирай же на Творца и въ Немъ учись терпѣнью,
Непонятый людьми иль преданный глумленью!..

А. Колтоновскій.

РИШТАУ.

Повѣсть.

(*Окончаніе* *).

IX.

Выѣхать рѣшили завтра утромъ. Необходимо было остановиться по пути въ городѣ, разспросить подробности относительно дороги и мѣста, сдѣлать кой-какія покупки. По счастливой случайности, сейчасъ же у въѣзда въ городъ они встрѣтили „коллегу-естественника“, который собирался къ нимъ и обо всемъ зналъ изъ первыхъ рукъ.

— Совсѣмъ засыпало! Нѣтъ надежды. Становой уже туда уѣхалъ. Я хотѣлъ было къ нему присоединиться и коня досталъ, да опоздалъ... А вы куда?

— Мы тоже туда.

— И Елена Ивановна?

— Какъ видите!

Студентъ удивленнымъ взглядомъ скользнулъ по фигурѣ дѣвушки, ловко и свободно сидѣвшей въ мужскомъ сѣдлѣ. Она печально глядѣла въ даль на горы и, повидимому, не замѣчала, что они говорятъ...

— И такъ, вы подождете! Я сію минуту, у меня все готово...

— Да вѣдь мы, пожалуй, поѣдемъ туда, дальше...

— Къ нему? Чудесно... это мнѣ нравится... Конечно, я съ вами. Ружье взять, сухарей взять и что еще?..

— Хорошо! Мы возьмемъ васъ... — отвѣтилъ, неторопясь Юрій.—Мы васъ возьмемъ... Ничего не берите кромѣ ружья и бурки; у насъ все есть. Да кстати: мѣшокъ возьмите.

Юрій не особенно долюбливалъ этого юношу, но соображеніе, что, пожалуй, Елену гдѣ-нибудь придется оставить въ дорогѣ или аулѣ и что тогда онъ будетъ для нея подходящій товарищъ, за-

*) См. «Міръ Божій», № 6, іюнь.

ставило принять предложеніе студента. Часъ спустя, они выѣхали на морской берегъ и песками двинули въ обходъ залива.

Солнце уже припекало и путь былъ крайне тяжелъ. Копыта лошадей съ глухимъ шипѣніемъ мѣсили крупно-зернистый, морской песокъ. Животныя часто спотыкались и подскакивали, натыкаясь на укрытые въ наносахъ валуны. Небо было знойное, ярко-голубое; въ воздухѣ царила тишина. Тѣмъ не менѣе, море подъ ударами далекой, невидимой бури бушевало яростно и бросалось на берегъ. Мѣрный гулъ волнъ и ихъ мощное движеніе, кажущееся произвольнымъ въ тихомъ воздухѣ, пріобрѣтало удивительный характеръ. Море казалось живымъ великаномъ. Измученныя мысли уходили по его гребнямъ далеко, въ безконечность, какъ бы отыскивая причину его гнѣва. Ропотъ замирающаго прибоя и плавно наростающій шумъ новыхъ валовъ мѣрно смѣнялись, точно страхъ и надежда въ взволнованной душѣ.

Елена съ неослабѣвающимъ интересомъ слѣдила за каждымъ новымъ всплескомъ, смотрѣла, какъ волна зарождается на пучинѣ, затѣмъ приближается со стономъ къ землѣ, наростаетъ, вскипаетъ, завивается, втягиваетъ внутрь, подъ себя свои жилистые стекловидные плёсы, и какъ туда, въ разскрытую до дна ея пасть, катятся съ рокотомъ раковины и прибрежные камни; какъ затѣмъ волна назадъ выбрасываетъ ихъ, когда съ воемъ и грохотомъ упадетъ, наконецъ, на берегъ и поглотитъ его на мгновеніе, точно гигантская пѣнистая челюсть. Дѣвушкѣ было удивительно пріятно, когда та же мощная волна, вслѣдъ за тѣмъ тонко разливалась и длинными жемчужными языками робко лизала дорожку подъ копытами ея коня. Часто приходилось ѣхать въ водѣ, до того дорожка была узка, а дальше вздымались утесы. Такъ всю дорогу обдавало ихъ брызгами море, и, казалось, достаточно чуть-чуть дунуть вѣтру, и море смоетъ ихъ совсѣмъ. Въ сравненіи съ этой холодной, неумолимой стихіей, куда привѣтливѣе казались имъ ожидающія ихъ зеленыя, позлащенныя солнцемъ волны горъ съ теплыми фіолетовыми тѣнями въ ущельяхъ и долинахъ.

Юрій частенько поглядывалъ на море, но его больше занимали сѣдыя, курчавыя тучи, нѣтъ-нѣтъ проплывавшія мимо солнца. Всѣ они направлялись къ горамъ и охотникъ ждалъ дождя и вѣтра. Вскорѣ тучи заполнили все небо. Море потемнѣло и на немъ густо засверкала желтая пѣна. Вѣтра, впрочемъ, все еще не было и горячій, удушливый воздухъ давилъ, какъ свинецъ. Стороною вдали проходили сѣрыя ленты ненастья и нѣмыя, блѣдныя молніи чертили небо. Море черное, какъ смола, ревѣло все яростнѣе. Наконецъ, вѣтеръ вдругъ хлынулъ къ берегу. Подхваченные имъ песокъ и камни ударили въ лица ѣздоковъ, лошади повернули головы въ сторону и захрапѣли. Къ стону моря при-

соединился жалобный вой задѣтыхъ лѣсовъ, гудѣніе скалъ и рѣзкій свистъ вѣтра, разбитаго о грани утесовъ. Вдругъ все покрылъ ослѣпительный блескъ молніи и ужасный трескъ грома.

Путники были чрезвычайно рады, что близко уже высокій мысъ, за которымъ дорога сворачивала въ долину рѣки Чемчири, которой притокомъ былъ Урухъ. „Коллега-естественникъ" полагалъ даже, что они спрячутся подъ дерево, такъ какъ дождь поливалъ изрядно. По дорогѣ мчались бурные потоки воды, лошади скользили, вода заливала глаза, а по бокамъ лѣсъ гудѣлъ подъ ливнемъ, точно огромный складъ пустыхъ бочекъ. Между тѣмъ они все ѣхали. Тогда только юноша понялъ, что это „не шутки", и сталъ чрезвычайно веселъ. Онъ подпѣвалъ, посвистывалъ и ни за что не хотѣлъ надѣть бурки, подражая Юрію, который свою отдалъ Еленѣ и ѣхалъ подъ дождемъ ничѣмъ незащищенный, въ тонкой, прилипшей къ тѣлу рубахѣ, какъ бронзовая статуя всадника, покрытая мокрымъ холстомъ. Вскорѣ вода лилась струями съ каждаго угла вьюковъ, съ платья всадниковъ, съ каждаго волосочка лошадей. Къ счастію, дождь былъ теплый и вѣтеръ теплый, хотя порывистый. Пугали ихъ только частые, неожиданные удары грома и молніи. Багряное зарево ихъ сразу освѣщало темное, взволнованное небо и трепещущую долину, отъ горъ къ горамъ. Въ ихъ пронзительномъ свѣтѣ всплывали на мгновеніе даже мелкіе камешки на дорогѣ, струи бѣгущей воды, даже былинки и листочки растеній, лихорадочно бьющихся въ порывахъ бури. Затѣмъ гудѣлъ адскій громъ, тысячное эхо подхватывало, перекатывало, повторяло несчетное число разъ, и опять опускалась на все до слѣдующаго взрыва сѣрая завѣса дождя и тьмы. Такимъ образомъ, отъ молніи до молніи, больше руководясь инстинктомъ, чѣмъ зрѣніемъ, путники проѣхали нѣсколько часовъ по широкой, слабо-поросшей долинѣ. Затѣмъ, горы впереди стали сходиться и въ ихъ туманной стѣнѣ ясно прорѣзался до самаго дна проходъ. Это были извѣстныя ворота „Чертова ущелья", одного изъ тѣхъ, которыя столько крови и жертвъ поглотили въ многочисленныхъ войнахъ Кавказа. Два зубчатые, темные утеса съ верхушками въ тучахъ, стерегли ихъ. Между этихъ стражей быстро проносились клубы грязно-желтыхъ облаковъ, какъ-будто тамъ горѣлъ огромный смоляной костеръ. Тучи тѣснились, сбивались въ воротахъ; по стремительному ихъ водовороту замѣтно было, какъ бѣшенно тамъ сталкивались вѣтры. Иногда молнія все разбивала своей кровавой лентой и освѣщала въ глубинѣ ущелья острыя уступы и нагіе утесы.

Передъ воротами путники остановились отдохнуть въ жалкомъ грязномъ „духанѣ". Они приказали подать себѣ бутылку краснаго вина и осетинскаго сыру, а лошадямъ сѣна. Юрій вытеръ

животныхъ соломою и ввелъ подъ навѣсъ. Стоящій за прилавкомъ горецъ, съ обязательнымъ кинжаломъ за поясомъ, сказалъ имъ, что догадывается, кто они и куда ѣдутъ. Зная нѣсколько испорченныхъ русскихъ словъ, онъ выражалъ большое имъ сочувствіе, особенно Вихлицкому, про котораго рѣшительно говорилъ: „померъ садысь".

Юрій, какъ только дождь пріутихъ, поторопилъ ихъ въ дорогу. „Чертово ущелье" представляло рядъ голыхъ камней и утесовъ и еслибы тамъ застигла ихъ ночь, нечѣмъ было бы даже растопить костеръ. Еленѣ и студенту стало положительно холодно, когда они въѣхали въ это ущелье, гдѣ по чернымъ отвѣснымъ скаламъ свѣшивались и ползали сѣдые, какъ плесень, туманы. Моросилъ дождь холодный и мелкій. Вездѣ плескалась и струилась вода, но было относительно тихо въ воздухѣ. Громъ замолкъ, вѣтеръ ослабѣлъ и гулъ рѣки, бѣшено льющейся серединой ущелья, успѣшно боролся съ гуломъ уходящей за дальнія вершины грозы. Рѣка называлась Чемчири. Казалось что она состоитъ не изъ воды, а изъ какой-то рыжей, бѣлесоватой пряжи водяного пуху, взбитаго, встрепаннаго о бока и грани выполняющихъ дно рѣки валуновъ. Эти чудовищные клуба пѣны прыгали, перекатывались, кувыркались, крутились воронкобразно на одномъ мѣстѣ, точно грызли другъ друга, ловили за лапы и хвостъ и страшно при этомъ ревѣли. Вой, взвизгиваніе, стонъ—всѣ голоса отчаянія, бѣшенства, смерти и угрозы—звучали въ адской пѣснѣ этого водоворота, несмотря на эхо. Слышно было, какъ въ своихъ нѣдрахъ рѣка катитъ по дну огромные камни. Все дрожало въ ея руслѣ отъ бѣга волнъ: и воздухъ, и вода, и прибрежныя скалы. Путники чувствовали эту дрожь сквозь ноги своихъ лошадей, осторожно, какъ по стеклу, перебиравшихся по влажнымъ, безпорядочно разбросанымъ плитамъ и горному мусору. Иногда тропинка подходила къ самому краю подмытаго рѣкою утеса, и тогда Елена съ ужасомъ отворачивала лицо, чтобы не смотрѣть внизъ. Голова у нея кружилась и, точно въ упоеніи, казалось ей, что ее тянетъ, чаруетъ и гложетъ этотъ ревущій змѣиный хаосъ, что еще немного и она бросится туда съ лошадью и утихнутъ навсегда мучительно бьющеся въ ея душѣ вопросы. Тогда ея умная горная лошадка, какъ бы угадывая опасныя мысли всадницы, взмахами головы брала у нея изъ рукъ поводья и, обнюхивая тропинку, шла осторожно по утесамъ. Дорога была невозможная, между тѣмъ здѣсь ѣздили даже на колесахъ. Мѣстами попадались обломки „арбъ",—оси, дроги... Путники даже встрѣтили такую скрипучую туземную повозку, запряженную парой черныхъ буйволовъ, мокрыхъ, какъ только что вылѣзшія изъ воды крысы. Горецъ, въ порыжѣлой буркѣ и

грязной папахѣ, сидѣлъ на дышлѣ ярма, почти на крупахъ животныхъ и колотилъ ихъ сердито короткимъ, толстымъ прутомъ. Въ самой „арбѣ“ лежали мѣшки и сидѣли подъ большимъ полотнянымъ зонтикомъ женщины въ „чадрахъ“. Встрѣча случилась на уступѣ до того узкомъ, что всадникамъ для разъѣзда пришлось вернуться назадъ. Горцы, должно быть, знали, кто они такіе, потому что возница кивнулъ имъ головою, а женщины все время не спускали съ нихъ черныхъ глазъ, сверкавшихъ, какъ уголья, сквозь щели покрывалъ. Одна даже обернулась и неожиданно отдернула ткань съ лица. „Коллега-естественникъ“, который ѣхалъ послѣднимъ, съ восхищеніемъ замѣтилъ смуглое хорошенькое личико, бархатные глаза, прелестную и кокетливую, улыбку.

Продолжалось это не больше мгновенія, затѣмъ „чадра“ опустилась, и у поворота чернаго утеса на грузной „арбѣ“ опять скромно сидѣли бѣлыя, безличныя женскія фигуры подъ огромнымъ зонтикомъ и виднѣлись темныя, широкія, самоувѣренныя плечи мущины.

Дождь перестал. Облака поднялись вверхъ. Сквозь не видимыя пролеты межъ туманами и утесами проскользнули въ ущелье красные лучи заката и окрасили зазубрины и карнизы скалъ.

Рѣка, всадники, весь низъ долины, уже утопали въ густомъ, туманномъ сумракѣ, когда, наконецъ, каменный корридоръ расширился, образовалось нѣчто вродѣ котловины; вправо ушла узкая щель, а влѣво, за рѣкою, гдѣ горы подымались не такъ круто, на поросшемъ травою и рѣдкими кустами откосѣ блеснули огни.

— Аулъ! Мы на мѣстѣ!..

Они переѣхали рѣку по мостику, состоящему изъ нѣсколькихъ дюжихъ бревенъ, положенныхъ прямо на края обрыва. Мостъ гнулся и шевелился даже подъ однимъ ѣздокомъ. Оттуда по тропинкѣ путешественники поднялись на гору, гдѣ, точно ласточкины гнѣзда, лѣпились убогія „сакли“. „Сакли“ представляли низенькія, длинныя, каменныя строенія, съ плоскими крышами. Красное зарево огня било сквозь квадратныя отверстія оконъ и открытыя двери. Въ аулѣ путешественниковъ уже замѣтили. Нѣсколько горцевъ вышло наружу, женщины и дѣти робко высовывали головы изъ укромныхъ угловъ. Юрій подъѣхалъ прямо къ той избушкѣ, гдѣ среди другихъ мужчинъ, стояли два „чапара“ пристава, съ красными погонами на черныхъ черкескахъ.

— Да! Это вы господа!—привѣтствовалъ ихъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ становой приставъ, когда они вошли въ саклю. —И вы?— обратился онъ къ Еленѣ. — Рѣшились?!. Въ такую погоду? Сознаюсь, я не настолько отваженъ и вотъ страдаю... до завтра! Садитесь, барышня... виноватъ, не знаю отчества!.. Вотъ здѣсь... Садитесь, господа!

Онъ привѣтливо посторонился, уступая Еленѣ мѣсто у стола на низенькой, покрытой пестрымъ ковромъ „тахтѣ“.

— Вотъ это хозяинъ дома, а этотъ — князь изъ сосѣдняго аула!—представилъ онъ двоихъ туземцевъ, которые протянули имъ въ привѣтствіе руки.

— А что?.. Свѣжій „шашлычокъ“ бы хозяинъ! Конечно будетъ! У кавказцевъ безъ этого нельзя... Очень гостепріимный народъ... Уберите это!—Онъ кивнулъ головою на бутылки съ виномъ, рюмки и тарелку съ крохами сыра, стоящія на столѣ. Изъ толпы выскочилъ подручный, взялъ бутылки за шейки въ одну руку, тарелку временно поставилъ на полу и вытеръ столъ полою бешмета. Другіе изъ присутствующихъ подбросили хворосту на огонь, горѣвшій въ углу въ углубленіи глинянаго пола. „Сакля“ наполнилась дымомъ и краснымъ свѣтомъ. Изъ мрака вдругъ выступили стройныя фигуры горцевъ, исключительно мужчинъ, столпившихся живописно у огня. Были тамъ и достаточные, хорошо одѣтые, и бѣдняки въ заплатаныхъ, даже порванныхъ бешметахъ и „чохахъ“. Всѣ были вооружены и блескъ огня красиво сверкалъ на серебряныхъ окладахъ ноженъ и рукояткахъ кинжаловъ. На груди блестѣли у многихъ „газыри“, и у всѣхъ блестѣли глаза, съ любопытствомъ обращенные на блѣдное лицо и русые волосы пріѣзжей красавицы.

— Хорошо, что пріѣхали... Случай, а мнѣ удобно... Нужно писать рапортъ, между тѣмъ я имя и отчество Вихлицкаго забылъ... Вотъ вы мнѣ и скажете... Вѣдь вы съ нимъ кажется, состояли въ дружбѣ... Вѣдь онъ у васъ лѣчился... Охъ, охъ!.. Знаемъ мы все!.. Потеряете вы жизнь когда-нибудь на этихъ охотахъ, Юрій Эдуардовичъ! — погрозилъ онъ съ улыбкой Страсевичу.—А, можно спросить, зачѣмъ вы собственно пріѣхали?!. Вещи, оставшіяся послѣ него, мы должны отправить въ Общество. . Онъ вамъ что-нибудь долженъ?

— Конечно, мы не за этимъ: мы хотимъ пробраться къ нему!

Чиновникъ помолчалъ, затѣмъ пожалъ плечами.

— Развѣ ангелъ на крыльяхъ пролетитъ къ нему!.. Былъ я тамъ сегодня. Ущелье завалено до верху. Скалы прямо отвѣсныя, а высокія—взглянешь, шапка летитъ! Обломки все еще сыплются,— подойти нельзя! Еслибъ была малѣйшая возможность, повѣрьте господа, я не сидѣлъ бы здѣсь! Хотятъ идти туда! — обратился онъ насмѣшливо къ князю, который сидѣлъ поодаль, опираясь на шашку.

— Про-палъ! — кратко отвѣтилъ тотъ и погладилъ сѣдую бороду.

Вскорѣ былъ поданъ шашлыкъ, изжаренный тутъ же у огня, и красное вино. Юрій не позволилъ ошеломить себя отчаяннымъ

разсказомъ пристава и исподволь, за ужиномъ, сталъ выспрашивать то черезъ немного знающаго по-русски князя, то черезъ переводчика „чапара", у присутствующихъ о томъ, какъ случился обвалъ, о длинѣ и направленіи ущелья. Горцы охотно отвѣчали ему, удивленные и подкупленные его знаніемъ нѣкоторыхъ хребтовъ и общаго характера ихъ родныхъ горъ. Въ концѣ-концовъ оказалось, что существуетъ еще одинъ путь въ закрытое ущелье, хребтами черезъ ледники Риштау. Для этого необходимо было обогнуть гору и взойти на нее съ другой стороны, затѣмъ краемъ пропасти, по вѣчнымъ снѣгамъ, миновать два ущелья и спуститься внизъ въ третье. Но эта дорога была настолько трудна, что никто изъ присутствующихъ не соглашался идти въ проводники.

— Даю сто рублей, если найдемъ живого или тѣло, а половину, если... совѣмъ не удастся!—предлагалъ Юрій. Никто не подалъ знака.

— Что же!?. Соглашайтесь кто!.. Хорошая плата: сто рублей за три дня труда...—подзадоривалъ ихъ полицейскій чиновникъ, тоже подкупленный отвагой и знаніемъ Юрія.

— А вы, барышня, пойдете?..

— Да, я пойду!

— Вотъ видите: барышня идти хочетъ, а вы неужели боитесь?.. Неужели никто не найдется?!.

Толпа колыхнулась, но никто не отозвался.

— Пойдемъ одни. Только ты, Юрій, хорошенько разспроси дорогу!—рѣшительно сказала Елена.

— Вотъ молодцы! Прямо герои!.. Люблю! А теперь совѣтую вамъ, а особенно барышнѣ отправится на отдыхъ. Пятьдесятъ верстъ верхомъ не шутка. Устали небось! Хозяинъ давно уже ждетъ... Здѣсь „кунацкая", здѣсь мы, мужчины, размѣстимся, а вы туда пойдете!..

Елена отправилась съ хозяиномъ въ сосѣднюю клѣть, куда ходъ былъ со двора. Тамъ ее окружили женщины. Онѣ мягко ей о чемъ-то щебетали, ласкали ее золотистую косу, ощупывали незнакомое платье.

— Гдѣ... гдѣ это?—спрашивала ихъ дѣвушка, поясняя жестами. Туземки повели ее къ дверямъ и показали огромный снѣговой колпакъ Риштау, покоившійся, точно на престолѣ, на грудѣ безпорядочно наваленныхъ другъ на друга вершинъ. Тонкое удлиненное облако перерѣзало въ половинѣ бѣлую громаду: вверху мерцали звѣзды съ прояснившагося неба и, точно вздохи, неслись оттуда по временамъ ледяныя струи вѣтра.

— Какъ холодно, какъ страшно холодно должно быть теперь тамъ!..—прошептала, содрогаясь и сдерживая слезы, дѣвушка. Она долго стояла, прислушиваясь къ однообразному шуму водопадовъ.

Наконецъ, хозяйка—молодая, стройная женщина—робко коснулась ея плеча и съ привѣтливой улыбкой, показала на скамью, застланную ковромъ и подушками.

Огонь догорѣлъ. Въ „кунацкой" и сосѣднихъ „сакляхъ" давно уже исчезъ свѣтъ, умолкли голоса; только ревѣла бѣгущая рѣка да отпущенныя на пастбище лошади дрались и визжали.

X.

— Дашь сто! А если найдемъ живого, добавишь по своей щедрости... А если самъ откажешься идти дальше, то... тоже дашь сто! — говорилъ Юрію молодой сванетъ, а „чапаръ" переводилъ слово за словомъ. Горецъ, предлагающій себя въ проводники, былъ невысокъ, но жилистъ и плотенъ, точно узелъ каната скрученный изъ мышцъ и костей. Голову его покрывала плохая „папаха"—вѣрнѣе кусокъ грязной овечьей кожи руномъ вверхъ, на спинѣ — кафтанъ „безрукавка", тоже шерстью наружу, на ногахъ — лоснящіяся отъ жиру порты, подвязанные у щиколки крестъ на крестъ ремнями „чевякъ". Обнаженныя, загорѣлыя, темныя какъ бронза, его узловатыя руки небрежно покоились на длинномъ пастушескомъ посохѣ, обращенномъ кривизною къ землѣ. За спиною у него висѣла винтовка. Смѣлые, голубые глаза и русые волосы странно сочетались съ татарскими чертами мѣднаго юнаго лица, а вся фигура сильнымъ, сочнымъ, красивымъ пятномъ ложилась на радужномъ фонѣ Риштау, который, какъ громадная птица, казалось, взлеталъ на тучахъ, туманахъ и лучахъ бьющаго на него снизу жара.

— Пища твоя и лошадь твоя! Мы оттуда тридцать верстъ поѣдемъ въ сторону и опять спустимся въ долину!.. — добавилъ сванетъ.

Юрій, послѣ краткихъ соображеній, согласился и сейчасъ же нанялъ лошадей. Пока ихъ поймали, засѣдлали, пока новый проводникъ собирался въ путь, Юрій попросилъ одного изъ туземцевъ сводить его показать обвалъ.

Дѣйствительно, разсказчики были правы: здѣсь надолго, возможно—навсегда проходъ для людей сталъ невозможенъ. Высокая, вровень съ прилегающими утесами стѣна осыпи отрѣзала долину отъ остального міра. Камни, неустойчивые и острые, уничтожали возможность взобраться по нимъ на запруду. Какъ послѣдняя вѣсточка съ той стороны, сочился только изъ подъ упавшихъ глыбъ маленькій, тихій ручеекъ—наслѣдникъ бѣшенаго нѣкогда Уруха. Юрій внимательно все осматривалъ, ходилъ, опять возвращался и впервые въ жизни понялъ, что такое ужасъ.

Двинулись путешественники въ дорогу, провожаемые съ признаками глубокаго уваженія властями и всѣми жителями „аула“, напутствуемые всякими совѣтами и пожеланіями. Опять переѣхали они жалкій мостикъ и свернули дальше вверхъ къ истокамъ Чемчири. Но не больше, какъ за десять верстъ отъ деревушки, они оставили дно ущелья и по отчаянной тропинкѣ, вьющейся зигзагами по крутому откосу, стали подыматься на перевалъ. „Коллега-естественникъ“ сначала не повѣрилъ, что лошади взойдутъ по этой „лѣстницѣ“ и думалъ, что ихъ будутъ втаскивать вверхъ на веревкахъ, о чемъ слыхалъ не разъ. Онъ уже радовался эффекту, который произведетъ это въ Петербургѣ, но разочаровался: лошади прыгали по скаламъ, какъ кузнечики, шли, поворачивались, останавливались совершенно свободно по уступамъ иногда не больше обычнаго стола. Онъ такъ увлекся наблюденіемъ за лошадьми товарищей, что не замѣчалъ движеній своего коня, точь-въ-точь продѣлывающаго то же. За перевалoмъ путешественники поѣхали узкой, глухой, совершенно голой щелью. Вывела она ихъ надъ головокружительной бездной, блѣдной и нѣмой, какъ сама смерть. Тишина царила здѣсь невозмутимая и только по временамъ проносился хриплый крикъ проводника-сванета, многократно повторяемый отголосками. Такимъ образомъ онъ предостерегалъ отъ возможнаго столкновенія ѣдущихъ съ той стороны, когда ихъ поѣздъ вступалъ на карнизы скалъ до того узкія, что о поворотѣ или разъѣздѣ не могло быть рѣчи. Даже съ коня сойти мѣстами было немыслимо и одному изъ путниковъ въ случаѣ встрѣчи угрожала неминуемо гибель.

Дорога частенько шла по такимъ карнизамъ, то естественнымъ, то вытесаннымъ человѣческой рукою. Мѣстами тропинка была настолько узка, что вьюки цѣпляли за стѣну отвѣсно вздымающихся надъ нею скалъ. Лошади, насторожа уши, широко раздувая ноздри, шли все время чутко, нервно, точно канатные танцовщицы, и жались къ утесамъ подальше отъ опаснаго края. Это тоже имѣло свои неудобства, потому что недостаточно осторожный ѣздокъ могъ задѣть ежеминутно плечомъ или головою за неровность, нависавшаго надъ нимъ полусвода, а этого было совершенно достаточно, чтобы сбросить и себя, и коня въ сѣдую бездну, гдѣ далеко внизу кружились орлы, кажущіеся отсюда не болѣе комаровъ и мухъ.

Наконецъ, затѣняющіе видъ утесы оборвались и передъ путниками открылась безпредѣльная панорама на изгибы, хребты и горбы горъ, уступами опускающихся къ морю. Всѣ гребни были темные, курчавые отъ лѣсовъ, изсиня туманные отъ воздушной дали. Въ ущельяхъ сверкали нити рѣкъ. Блѣдныя, квадратныя плѣши воздѣланныхъ полей виднѣлись кой-гдѣ на скатахъ; кой-гдѣ бѣлѣли аулы, а далеко на краю горизонта, какъ горчичное

зерно, горѣло въ лучахъ солнца мѣстечко. Еще дальше—голубое море и голубое небо сливались въ одно.

Надъ собою путники чувствовали холодную верхушку Риштау, но не видѣли ее, такъ какъ имъ мѣшали высокіе ближайшіе утесы.

Отсюда дорога пошла еще круче внизъ, но не показалась имъ очень непріятной, потому что шла не по обрыву, а по откосу, поросшему кустами и буковымъ лѣсомъ. Было на чемъ остановиться взорамъ—и въ случаѣ чего—ногѣ. Къ букамъ вскорѣ присоединились грабы, тисъ, дубы, и въ подлѣскѣ къ орѣшнику подмѣшался кизиль. Знойный, насыщенный знакомымъ ароматомъ воздухъ долинъ обвѣялъ ихъ и имъ, привыкшимъ уже къ живительному воздуху вершинъ, стало душно. Ліаны, виноградная лоза, воздушный хмѣль, темный, курчавый плющъ опять густой сѣтью оплели деревья, опутали ихъ мощныя пни и вѣтви. Рощи грецкихъ орѣховъ, сладкихъ каштановъ, тутовыхъ деревьевъ, разнообразныхъ плодоносныхъ растеній смутили и украсили суровую простоту и однообразіе нагорныхъ лѣсовъ, ниспадающихъ сюда концами своихъ складокъ. На тропинкѣ, которая постепенно выровнялась и расширилась, показались признаки аула: слѣды копытъ, пни срубленныхъ деревьевъ. Вскорѣ они услышали лай собакъ, а затѣмъ неожиданно выѣхали на маленькую среди лѣса полянку. Посерединѣ, на бугоркѣ, скрытая среди ярко зеленыхъ кистей высоко уже выросшей кукурузы, стояла низенькая сакля, сложенная изъ бѣлаго камня. Проводникъ остановился у изгороди, слѣзъ съ лошади и крикнулъ. На зовъ вышла высокая, молодая женщина въ бѣломъ. При видѣ незнакомцевъ, она поспѣшно надвинула на ротъ и подбородокъ, край повязаннаго на головѣ платка и попятилась назадъ. Она отвѣтила нѣсколько словъ, и проводникъ сейчасъ же сѣлъ спокойно подъ заборомъ.

— Мужикъ нѣ-ту!.. Мы си-ды — она хо-ды! — сказалъ онъ Еленѣ.

Дѣвушка сейчасъ же направилась въ домъ, а мужчины долго сидѣли, въ ожиданіи хозяина, не снимая вьюковъ изъ сѣделъ. Когда горецъ явился, то, послѣ краткаго разговора съ проводникомъ, онъ пригласилъ ихъ немедленно съ обычной у туземцевъ вѣжливостью, угостилъ, чѣмъ могъ, и согласился принять на сохраненіе лошадей и вещи, такъ какъ отсюда начинался уже для нихъ пѣшій путь.

На другой день они тронулись съ разсвѣтомъ. У мужчинъ были за плечами тяжелые дорожные мѣшки, а въ рукахъ берданки. Елена тоже несла небольшой грузъ, а вмѣсто ружья—крѣпкій посохъ съ желѣзнымъ наконечникомъ. Они вступали въ части горъ мало извѣстныя, дикія и совершенно безлюдныя. Про-

водникъ утверждалъ, что былъ здѣсь нѣсколько разъ; Юрій тоже заходилъ какъ-то разъ за „джеранами". Но оба они въ поискахъ дороги болѣе разсчитывали на общее представленіе о характерѣ мѣстности и свой горный инстинктъ, чѣмъ на свои прежнія воспоминанія. Сначала нѣкоторыя указанія представляли для нихъ сломанныя или надрубленныя вѣтви у чуть-чуть обозначавшихся тропъ; затѣмъ они искали старыя, заросшія „залѣсины" на матёрыхъ деревьяхъ, но вскорѣ все это исчезло. Все чаще путники брели безъ дороги, пробирались по исполинскому лѣсу, перевитому ліянами, колючкой, ежевикой, всякими кустами, въ которыхъ проходы пришлось прорубать кинжалами. И вездѣ встрѣчались имъ камни, неровности, скользкіе скаты — казалось не могло быть хуже. Между тѣмъ только когда они остановились у подошвы перваго подъема, вздымавшагося передъ ними исполинской, щетинистой дугою, Юрій сказалъ мягко:

— Это здѣсь. Мы хорошо прошли. Я узнаю мѣстность. Посмотри Лёля, какъ труденъ будетъ подъемъ! Не лучше ли тебѣ вернуться и подождать насъ въ саклѣ?

Дѣвушка рѣшительно закачала головой.

— Нѣтъ!

Послѣ короткаго отдыха началось восхожденіе. Мѣстами было до того круто, что они шли почти на четверенькахъ, придерживаясь за острую, крѣпкую траву, какая обыкновенно растетъ на каменистой почвѣ. Громадные выступы вывѣтрившихся породъ частенько пересѣкали имъ дорогу. Тогда имъ приходилось двигаться осторожно, ввиду хрупкости и узости этихъ скалистыхъ гребней, обыкновенно сильно сжатыхъ съ обѣихъ сторонъ, пропастями. Иногда имъ казалось, что они не взбираются, а ползутъ подъ огромной наваливающейся на нихъ громадой, между тѣмъ какъ подъ ними — бездна. Сванетъ постоянно опережалъ ихъ. Юрій вѣрно не отсталъ бы отъ горца, если бы рѣшился. покинуть Елену, за которой онъ шелъ и слѣдилъ напряженно за каждымъ ея шагомъ, оберегалъ, чтобы она не поскользнулась или, чего Боже сохрани, не покатилась внизъ. Больше всего страдалъ и отставалъ студентъ.

— Да накажетъ васъ Господь Богъ за меня! Что вы со мной дѣлаете? Куда бѣжите, какъ сумасшедшіе! Гора какъ печка, а они все прутъ безъ отдыха, точно по Невскому!..—кричалъ онъ. Онъ запыхался и немедленно садился, какъ только они останавливались хоть на мгновеніе.

Сванетъ смотрѣлъ на него и сомнительно качалъ головою.

— Чай скоро ли будетъ? Эти веревки отъ мѣшка ужасно рѣжутъ мнѣ тѣло... Уже понатеръ я себѣ раны... Необходимо перевязать!..

— У всѣхъ рѣжутъ!—утѣшалъ его Юрій.—А чай будетъ не скоро. Мы должны пройти три горы. Ближе нѣтъ воды. Вы вернитесь лучше...

— Вернусь съ Еленой Ивановной, но не иначе! Иначе мнѣ... стыдно! Вѣдь и взять-то я въ качествѣ пажа...—шутилъ студентъ, опять веселый, лишь только отдышался. Юрій былъ увѣренъ, что они рано или поздно отстанутъ, что ему удастся уговорить Елену въ подходящій моментъ. Поэтому онъ въ началѣ не особенно настаивалъ. Дѣвушка, однако, несмотря на блѣдность лица и затрудненное дыханіе, не жаловалась и держалась вообще молодцомъ.

Солнце высоко поднялось на небо; пропасти, долины и горные хребты въ нихъ, потеряли тѣни, приплюснулись; голубоватая, знойная мгла покрыла ихъ; воздухъ задрожалъ надъ безднами и медленно поплылъ кверху. Несмотря на то, что путники шли большею частью лѣсомъ, жара надоѣдала имъ; потѣли они до того сильно, что потъ на груди и спинѣ, просачиваясь сквозь рубаху и блузу, образовалъ большія темныя пятна. Губы и языкъ ихъ трескались отъ жажды, а утолить ее было нечѣмъ, потому что здѣсь рѣдки источники на высотахъ. „Коллега́-естественникъ" до того истомился, что пилъ противную рыжую воду, съ массой насѣкомыхъ, которую сохраняли въ странныхъ углубленіяхъ корней, безобразно выгнутые на крутизнахъ буки и дубы.

Когда добрались до первой остановки, Елена и студентъ, окончательно истощенные, легли сейчасъ же на голой землѣ и мгновенно уснули. Юрій развелъ огонь, а сванетъ съ котелкомъ и чайникомъ спустился внизъ за водою.

Оттуда дорога стала менѣе утомительной. Правда, приходилось все взбираться и спускаться по огромнымъ зубцамъ гребня, но не встрѣчались уже подъемы и крутизны, какъ раньше. Проводникъ потораплoвалъ, объясняя, что воды нѣтъ нигдѣ по пути до самой ночевки. Облако, плывущее отъ Риштау, задѣло ихъ своимъ крыломъ, прогремѣлъ громъ, дождь проливной и мелкій промочилъ ихъ мгновенно насквозь. Впрочемъ, это ихъ не задержало. Юрій утѣшалъ ихъ, что это обычный горный дождь, который падаетъ ежедневно послѣ обѣда и скоро проходитъ. Его предсказаніе оправдалось, и раньше, чѣмъ пришли въ котловину, гдѣ предполагалось ночевать, вѣтеръ сухой и теплый высушилъ ихъ одежду.

Остановились отдыхать не особенно поздно. Красные лучи заката еще блуждали въ коронахъ высокихъ пепельныхъ буковъ, которые образовали здѣсь могучую сплошную рощу. Сванетъ отправился на скалы, посмотрѣть нѣтъ ли козъ. Остальные развели огонь и распаковали вещи. Елена собралась за водой къ ключу

въ маленькій „ёрекъ“ *), но Юрій не отпустилъ ее одну. Они пошли вмѣстѣ. На поросшемъ папоротникомъ болотцѣ охотникъ показалъ ей многочисленные оттиски лапъ хищныхъ животныхъ и большія „пролежни“ кабановъ.

— Нѣтъ близко другого водопоя. Тутъ даже рысь и барсы заходятъ. А вотъ совсѣмъ свѣжій медвѣжій слѣдъ!..

Сванета, который вернулся ни съ чѣмъ, сильно заинтересовало извѣстіе о свѣжихъ медвѣжьихъ слѣдахъ, но по незнанію языка они не могли толкомъ разговориться.

Ночь наступила быстрая, южная, очень тихая и очень темная. Ихъ крошечный огонечекъ, чуть мерцающій среди мощной колонады деревьевъ, производилъ впечатлѣніе маленькой свѣтильни, горящей въ исполинскомъ ассирійскомъ храмѣ. Фигуры охотниковъ, крѣпкія, характерныя, частью скрытыя въ темнотѣ, частью багрово-красныя отъ свѣта костра, походили на бронзовыя статуи боговъ или воиновъ тѣхъ отдаленныхъ временъ. Вскорѣ мракъ до того сгустился, что кромѣ предметовъ, задѣтыхъ свѣтомъ огня, ничего въ лѣсу не было видно. Студентъ впервые сталъ постигать дѣвственные лѣса, пустыню — огромныя пространства, гдѣ живутъ и умираютъ въ глубокомъ молчаніи толпы деревьевъ, гдѣ шныряетъ безчисленное населеніе неизвѣстныхъ, невиданныхъ человѣкомъ твореній, гдѣ живетъ, помимо человѣка, по своимъ вѣковѣчнымъ законамъ мощная, самодовлѣющая жизнь. Несмотря на утомленіе, юноша не могъ уснуть и чутко вслушивался въ шопотъ деревьевъ, плывущій гдѣ-то верхами, среди утопающихъ въ темнотѣ буковыхъ вершинъ. Вдругъ необычная возня, пискъ и трескъ въ кустахъ, заставили его вскочить и схватиться за ружье, но Юрій, который тоже поднялъ голову, успокоилъ его:

— Летяги грызутся... Векши... Спите... Завтра опять двинемся до разсвѣта.

Студентъ послушался и почти уже спалъ, когда странное протяжное жужжаніе и осторожное движеніе товарищей вблизи снова разбудили его. Онъ присѣлъ и сейчасъ же замѣтилъ, что сванетъ и Юрій тоже сидятъ и, внимательно прислушиваясь, подтягиваютъ къ себѣ штуцера и патронташи. Тогда и онъ жадно схватился за свое ружье, но они пріостановили его порывистыя движенія гнѣвнымъ шопотомъ. Затѣмъ сванетъ принялся торопливо разбрасывать огонь а Юрій коснулся руки спящей Елены:

— Встань! Будемъ стрѣлять...

Бормотаніе, похожее на бормотаніе идущаго по дорогѣ одиноко быка, постепенно приближалось. Звѣрь шелъ прямо къ нимъ, обычною тропинкой на водопой. Вдругъ онъ умолкъ. По всей

*) Маленькое ущелie.

вѣроятности замѣтилъ свѣтлыя клубы дыма, струящіяся изъ дурно затушенныхъ головней костра. Но онъ не остановился. Слышно было все ближе мѣрное шлепанье его лапъ и легкій стукъ когтей. Онъ сопѣлъ, и былъ такъ близко, что несмотря на мракъ, болѣе темное пятно, крупнаго его тѣла обрисовывалось довольно отчетливо во тьмѣ. Наконецъ, въ блѣдномъ заревѣ дальше всего отброшенной головни замелькала бурая, косматая морда. Въ тоже мгновеніе рѣзкій, кровавый блескъ прорѣзалъ мракъ и громъ выстрѣла смѣшался съ оглушительнымъ ревомъ медвѣдя. Еленѣ показалось, что земля дрожитъ подъ нею, и она безсознательно ухватила Юрія за рукавъ.

— Пусти! Что ты?!—прошипѣлъ тотъ, выдергивая поспѣшно свѣжій патронъ изъ патронташа.

Тамъ, гдѣ недавно горѣлъ костеръ, теперь черный кубарь ревѣлъ, щелкалъ зубами и кувыркался. Песокъ, полѣнья, искры, горящія уголья летѣли во всѣ стороны.

— Огонь... Зажгите огонь!—кричалъ Юрій.

Онъ боялся отойти на шагъ отъ Елены. Ему казалось, что раненный звѣрь катится именно къ ней. Минуту спустя одна изъ головешекъ поднялась на воздухъ, описала большую огненную ленту и зажглась желтымъ смолистымъ пламенемъ въ рукахъ сванета. Юрій немедленно прицѣлился съ колѣна и выстрѣлилъ. Звѣрь покатился и упалъ такъ близко отъ нихъ, что струя черной крови, брызнувшая ему изъ пасти, облила ботинки Елены. Онъ дышалъ, храпѣлъ, царапалъ когтями землю, но больше не всталъ.

XI.

Всѣ они согласно рѣшили, что „коллега-естественникъ“ останется на мѣстѣ сушить въ запасъ медвѣжье мясо и ждать ихъ возвращенія. Сванетъ рѣшительно утверждалъ, что юноша не взойдетъ на вершину, а дальше уже нѣтъ мѣстъ столь удобныхъ для стоянки. Юрій опять пробовалъ склонить къ тому же Елену.

— Клянусь тебѣ, что сдѣлаю все доступное для человѣческихъ силъ! Твое присутствіе будетъ только мѣшать намъ!

Ему показалось, что дѣвушка заколебалась, онъ настаивалъ долго и неотвязно. Она между тѣмъ молча раздумывала про себя. Допустимъ, что ея физическая неподготовленность задержитъ немного походъ, зато, она въ этомъ была увѣрена, вопреки всякимъ доказательствамъ, она это прекрасно чувствовала, что многое, кажущееся невозможнымъ, станетъ возможнымъ отъ одного ея присутствія. Юрій—хорошій, благородный юноша, искренно къ ней привязанъ. Тѣмъ не менѣе... „нашъ разумъ почти всегда

является слугою нашихъ желаній", вспомнила она фразу, сказанную когда-то Вихлицкимъ. Она смутно угадывала, что Юрій увѣренъ въ гибели Станислава. Она же сама все еще не разувѣрилась, все еще лелѣяла въ душѣ неопредѣленную надежду.

— Проводникъ говоритъ то же, что и я!—настаивалъ Юрій.

— Хорошо, будь увѣренъ, если замѣчу, что мѣшаю вамъ—прыгну въ пропасть!

Охотникъ посмотрѣлъ на нее тоскливо: пожалуй готова это сдѣлать!

— Послушайте,—серьезно сказалъ онъ передъ уходомъ студенту,—я вездѣ, гдѣ могъ, дѣлалъ по дорогѣ надрѣзы, затѣсины на пняхъ, рубилъ вѣтки. По нимъ вамъ легко можно будетъ вернуться въ случаѣ чего назадъ въ саклю. Только будьте внимательны. Увѣряю васъ: разъ упущенныхъ слѣдовъ вы не найдете. Вернуться отсюда труднѣе, чѣмъ взойти. Всѣ развилки хребтовъ къ горѣ сходятся, а отъ горы расходятся. Возвращаясь вы наткнетесь на массу сомнительныхъ мѣстъ: и тутъ „шиханъ", и тамъ „шиханъ", и всѣ они очень похожи другъ на друга и часто самый, повидимому, подходящій будетъ не настоящій. Теперь вы даже не замѣтили ихъ, тогда всѣ они всплывутъ. Не довѣряйте вашему разсужденію. Ищите мѣтокъ, иначе заблудитесь и придется искать и васъ. Можете здѣсь поохотиться. На скалахъ встрѣчаются козы и всякій звѣрь ходитъ къ ключу. Но будьте осторожны. Кабана не стрѣляйте спереди, а медвѣдя не стрѣляйте ни вечеромъ, ни ночью... Не совѣтую: вы не умѣете, и онъ еще бросится на васъ. Рысей и барсовъ не трогайте... Мясо на ночь вѣшайте высоко на вѣтви, иначе вамъ его растащутъ шакалы. Смотрите также, чтобы не поѣли у васъ муравьи. Будьте осторожны... далеко не уходите, не спускайтесь въ пропасти... Держитесь знаковъ, повторяю: держитесь знаковъ! Говорю все это на случай, если... не вернемся!.. Ну, прощайте!

Слезы навернулись на глаза милаго „коллеги". Онъ разцѣловалъ многократно Юрія, хотѣлъ поцѣловать Елену, хотѣлъ поцѣловать даже сванета, но тотъ равнодушно курилъ свою трубочку, не проявляя ни малѣйшей къ тому охоты. Долго махалъ онъ отходящимъ шляпою, и кричалъ, и трубилъ вмѣсто рога въ дуло своего ружья. Въ глубинѣ души онъ былъ чрезвычайно радъ, что они не потащали его съ собой дальше и, весело посвистывая, принялся строить коптилку. Только когда совершенно затихли звуки удаляющихся товарищей, когда лѣсъ властно и ненарушимо затянулъ свою однообразную пѣсенку, юношу охватила тревога безусловнаго, никогда еще не испытаннаго имъ одиночества. Первый день онъ боялся даже далеко уходить отъ огня и все посматривалъ выжидательно въ мрачные пролеты среди исполин-

скихъ пней, гдѣ царствовалъ зеленоватый сумракъ и вѣчно дрожали неясныя тѣни, раздавались голоса и шопотъ. Впослѣдствіи онъ привыкъ и съ гордостью называлъ себя „совсѣмъ лѣснымъ человѣкомъ“.

Между тѣмъ три остальные путника взбирались все выше и выше. Скалистый подъемъ, зубчатый какъ пила, заступилъ имъ дорогу. Это былъ тотъ второй трудный перевалъ, про который говорилъ сванетъ. Еслибъ не густые заросли рододендроновъ и кустовидной черники, за вѣтви которыхъ можно было хвататься и втягиваться вверхъ точно по канату, еслибы не навыкъ, пріобрѣтенный вчера, еслибъ, наконецъ, не холодный, замѣчательно бодрящій воздухъ горныхъ высотъ, Елена не взошла бы на этотъ валъ. Временами она отъ утомленія чувствовала себя близкой къ обмороку, и Юрій, хотя она по гордости избѣгала его помощи, часто ставилъ прикладъ своего ружья на пласты отвѣсныхъ почти скалъ, чтобы создать опору для ея заплетающихся ногъ.

Когда они взошли на вершину перевала, ледники Риштау засверкали такъ близко отъ нихъ, что отраженіе снѣговъ окрасило имъ лица, платье и весь кругомъ лѣсъ въ блѣдные и нѣжные цвѣта. Все показалось имъ чрезвычайно прозрачно, воздушно... Только луга на покатостяхъ горѣли необычно пышной зеленью. Лѣса порѣдѣли и измельчали. Сквозь вѣтви ихъ вездѣ просвѣчивало голубое небо и бѣлѣли снѣговые конусы конечныхъ вершинъ. На все чаще встрѣчающихся безлѣсныхъ плѣшинахъ густые и высокіе папоротники затрудняли путникамъ дорогу. Папоротники эти подымались выше ихъ роста, мѣшали слѣдить за направленіемъ, а обильная роса, каплющая съ широкихъ ихъ лопастей, смачивала имъ платье и ружья не хуже дождя. Къ тому же почва на такихъ лужайкахъ всегда была влажна и скользка. Облака все чаще проходили мимо путниковъ, оставляя по лѣсамъ и кустамъ обрывки и клубочки холодныхъ тумановъ. Наконецъ, стало настолько холодно, что несмотря на постоянное напряженіе и усиленное движеніе, идущіе больше уже не потѣли. Наоборотъ, частенько, когда дулъ вѣтеръ, ихъ прохватывала дрожь. На краю высокоствольнаго лѣса, когда, чтобы обогнуть очень трудный и опасный гребень, они спустились немного внизъ, проводникъ ошибся и спуталъ. Убѣдившись въ этомъ, онъ оставилъ имъ свой мѣшокъ и пошелъ налегкѣ отыскивать дорогу. Юрій и Елена сидѣли безмолвно во мглѣ, на камняхъ, грустные и усталые.

— Чѣмъ все это кончится?—раздумывалъ онъ, со страхомъ наблюдая за движеніями дѣвушки склонившейся надъ пропастью. Свистъ сверху увѣдомилъ ихъ, что сванетъ розыскалъ дорогу.

Они стали къ нему взбираться, но оказалось до того круто, скользко, папоротники представляли до того ненадежную опору, что Юрій съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ крикнулъ на горца, чтобы онъ помогъ имъ. Тотъ вынырнулъ изъ тумана неожиданно близко отъ нихъ, взялъ узлы и сказалъ съ веселой улыбкой:

— Риштау!

Немного спустя они очутились на высокомъ каменномъ мысу. Напротивъ нихъ дремалъ на солнцѣ холодный, бѣлый великанъ. Исполинской ледяной грудью онъ навалился на кучу сѣрыхъ утесовъ, распустилъ во всѣ стороны свои каменныя лапы, усы и щупальцы съ острыми, зубчатыми гребнями, съ боками изрытыми безчисленнымъ количествомъ трещинъ, щелей, овраговъ; этой гигантской чудовищной сѣтью онъ охватилъ, опуталъ, подчинилъ толпу сосѣднихъ горъ, покоился на нихъ и величаво властвовалъ надъ ними. Между прожилками и гребнями его главы, по бахромѣ размочаленныхъ скалъ, по узкимъ щелямъ, по крутымъ извилистымъ ложбинамъ, далеко внизъ сползали блѣдные глетчеры. Изъ подъ нихъ лились водопады и съ бѣшенствомъ низвергались внизъ, гдѣ зеленѣли прелестные луга, гдѣ виднѣлись лѣса мельче мховъ. Изрѣдка облако, плывущее въ синевѣ, налетало на дивно-спокойную вершину великана, орошало ее дождемъ или обсыпало снѣгомъ и летѣло дальше, отбрасывая на горы, долины, воды и лѣса внизу прозрачную голубую тѣнь.

— Близко... близко!.. — повторяла въ упоеніи Елена. Она рвала цвѣты желтыхъ азалій, ростущихъ здѣсь въ изобиліи, и погружала въ ихъ холодныя, пахучія грозди лихорадочно горѣвшее лицо. Рядомъ сванетъ, опираясь на дуло ружья, смотрѣлъ хищно на горы и неукротимое лицо его полно было неукротимаго восторга. Печаленъ былъ одинъ Юрій.

Чтобы попасть на центральный узелъ, имъ необходимо было спуститься внизъ, пройти глубокую котловину, затѣмъ опять взобраться по узенькому гребню, покрытому только мхами да лишайниками. Гребень этотъ, точно ребро въ позвоночникѣ, проникалъ подъ снѣга главнаго массива и даже тамъ чуть отмѣчался нѣкоторой вздутостью ледяной толщи.

По этой грани, за тѣмъ краемъ ледника, они должны были обойти прилежащее ущелье и спуститься въ слѣдующее къ истокамъ Уруха. Все это разсказалъ имъ, больше пальцами, чѣмъ словами, проводникъ. Онъ торопилъ ихъ. Въ котловинѣ предполагалось пообѣдать, а ночевать уже слѣдовало у ледниковъ. Спускъ былъ очень труденъ и утѣшалъ ихъ только видъ долины выстланной, точно ковромъ, сочной живой муравою и массой цвѣтовъ. Поляны вѣчныхъ снѣговъ островками бѣлѣли въ „падушкахъ“ и чистый, какъ слеза, ручей струился изъ подъ нихъ

по лугу. Въ котловинѣ путники вспугнули стадо пасущихся „джерановъ“. Не торопясь отошли красивые животные на снѣга, посматривая съ любопытствомъ на невиданныхъ никогда гостей. Юрій выстрѣлилъ и убилъ одного. Тогда козы вдругъ поняли, бросились въ разсыпную и замелькали по скаламъ быстро, какъ вспышки рыжихъ зарницъ.

До сихъ поръ погода благопріятствовала имъ. Они привыкли къ яснымъ, ведреннымъ днямъ. Поэтому, когда они взошли на послѣдній гребень, Елена вскрикнула отъ неожиданности. Всю пропасть сѣверной стороны заполняли облака. Они тихо клубились, вздымались и падали, но въ ихъ сонномъ движеніи чувствовались зародыши недалекой бури.

Гребень скалы все уже, путь—все труднѣе. Мужчины, которые кромѣ прежнихъ узловъ несли теперь еще связки дровъ и куски убитаго „джерана“, двигались очень тихо. Шли они по неровному скату, точно по вершинѣ черепичатой крыши. Елена постоянно боролась съ неодолимымъ желаніемъ сѣсть и двигаться на колѣняхъ. Она радовалась всякой остановкѣ, даже препятствію, когда, перелѣзая зубцы, могла цѣпляться руками за тощія травы, за ненадежные рыхлые выступы. Тутъ было несомнѣнно опаснѣе, но дѣвушка, занятая переходомъ, не видѣла зіяющихъ проваловъ, не ощущала головокружительной высоты, не испытывала страха, что неожиданное дуновеніе вѣтерка лишитъ ее равновѣсія и она полетитъ, точно пылинка, точно одинъ изъ этихъ листочковъ, которые бросалъ небрежно въ пропасть безпечный сванетъ. Двигались они очень тихо и путь, несмотря на незначительность разстоянія, обѣщалъ быть долгъ. Между тѣмъ солнце склонялось къ западу. Пропасть съ подсолнечной стороны покрылась длинными рѣзкими тѣнями. Туманы сѣверной стороны вспучились, задвигались точно перебродившее тѣсто и стали тонкими ручьями переливаться сквозь выемки гребня. Вскорѣ путники шли въ туманѣ, какъ въ водѣ, по щиколку. Облака переливались подъ ними и падали внизъ, въ другую пропасть быстрымъ каскадомъ.

— Юрій!.. Я не могу идти... Я нечего не вижу... Я чувствую, что меня смоетъ этотъ бѣгущій туманъ! Это ужасно!

— Только бы не вѣтеръ... Только бы не вѣтеръ! — шепталъ охотникъ, подавая ей руку.—Держись за мое плечо и ощупывай впереди себя палкой... Вотъ такъ, какъ я ружьемъ... Скоро, вѣрно, гдѣ-нибудь остановимся...

Туманъ густѣлъ, поднимался густой и холодный. Скоро бѣлая пелена залила путешественниковъ по горло. Чтобы разглядѣть подъ ногами препятствія, они принуждены были нырять туда съ головою. Они еле-еле двигались, все ощупывая впереди почву прикладами ружей. Наконецъ, проводникъ весело вскрикнулъ и

нырнулъ окончательно внизъ. Недалеко отъ гребня, на южномъ его склонѣ, еще свѣтлѣвшемъ въ послѣднихъ лучахъ заката, виднѣлось небольшое мелко-гальчатое углубленіе, запертое со стороны пропасти большимъ выступомъ скалы. Раньше здѣсь, по всей вѣроятности проходилъ ледникъ, потому что поверхность утеса была гладко отшлифована и углы его спилены. Въ скалѣ главнаго гребня, сохранилось немного глины и на ней выросли буйно сорныя травы, да каменная осока. Охотники быстро выкосили траву кинжалами, выстлали ею землю подъ утесомъ; надъ этимъ изъ ружья и палокъ они устроили маленькій сводикъ, покрыли его бурками, заставили подъ ихъ защиту сѣсть Елену и всунули туда вещи. Сдѣлано это было очень своевременно, потому что вѣтры уже взвыли и принялись кидать на нихъ яростно водопады мглы и дождя. Охотники даже боялись, что ливень не позволитъ имъ развести огня. Когда же, послѣ многихъ попытокъ, они добились своего, то пришлось въ защиту отъ сѣкущихъ съ верху потоковъ тщательно прикрыть костеръ листьями лопушника. Стало тепло и уютно въ ихъ орлиномъ гнѣздышкѣ. Вѣтеръ не доходилъ туда. Сизый дымокъ, веселыя вспышки огня, запахъ „шашлыка", жарящагося на веретелѣ, чайникъ, который шипѣлъ и бурлилъ совсѣмъ по-домашнему, заставляли забыть о непогодѣ, бѣснующейся надъ ними и подъ ними, и зіяющей со всѣхъ сторонъ безднѣ подъ пеленой тучъ. Сванетъ пришелъ въ хорошее расположеніе духа, потрепалъ Юрія по колѣну и сказалъ:

— Завтра карошъ... Утре солнце...

— Завтра будемъ на той сторонѣ. Слышишь, что говоритъ проводникъ. Онъ обѣщаетъ на завтра хорошій день... Улыбнись, Лёля! Это обычный „горный" дождь... Пройдетъ къ ночи... А если не пройдетъ, то спустимся на долину, станемъ стрѣлять „джерановъ" и ждать удобнаго времени...

Дѣвушка не знала, чѣмъ и выразить ему свою благодарность за эти слова, за все что дѣлалъ онъ. Она все видѣла, все замѣчала, какъ онъ неусыпно лелѣетъ ее, какъ старается заткнуть малѣйшую скважину, малѣйшее отверстіе, сквозь которыя дождь или вѣтеръ могли бы ее обдать.

Они съѣли котелокъ горячей „мамалыги" изъ кукурузной муки съ осетинскимъ сыромъ да четверть „джерана", выпили безконечное число чайниковъ чаю, а дождь все лилъ да лилъ. Тогда, по совѣту проводника, натянули на ноги дорожные мѣшки и легли спать; одну бурку положили вмѣсто постели, а другою укрылись съ головой. Имъ было тепло, хотя дождь все лилъ, и они потушили огонь, чтобы сберечь на завтра дрова.

Разбудилъ Елену холодъ. Влажная бурка отвердѣла, края ея оттопырились и студеный воздухъ проникалъ къ спящимъ. Елена

высунула осторожно голову наружу и увидѣла звѣзды. Ночь, безконечно тихая и безконечно неподвижная, рѣяла надъ ними. Дѣвушкѣ показалось еще очень рано и она попробовала уснуть вторично. Тщетно. Все, что случилось, что привело ее сюда, встало передъ ней съ ясностью видѣнія и дрожь холода увеличилась дрожью страданія. Было не до сна. У нея постоянно являлся порывъ встать, глядѣть на свѣтъ, двигаться, чтобы отогнать прочь эти тяжелыя мысли, но глубокое дыханіе спящихъ мужчинъ удерживало ее.

— Пусть спятъ, пусть отдыхаютъ!.. — думала она съ нѣжностью и опять размышляла о Юріи, о Семенѣ, о пани Страсевичъ, о родинѣ „плоской и сѣрой“, о томъ, что будетъ, что ждетъ ее и что можетъ случиться... Нѣтъ ея орла, ея рыцаря... Онъ погибъ или, можетъ быть, умираетъ именно теперь... А если онъ найдется, то будутъ страдать другіе. Гдѣ предѣлъ, гдѣ конецъ? И зачѣмъ все это такъ?.. Зачѣмъ нѣтъ у каждаго опредѣленной своей доли, а всѣ бродятъ въ поискахъ счастія, точно во тьмѣ?!.

Несмотря на эти терзанія, она коснулась плеча Юрія не раньше разсвѣта. Мужчины быстро вскочили и, стуча зубами отъ холода, принялись разводить огонь.

Звѣзды еще ярко мерцали надъ пустынными ледниками Риштау. Внизу, надъ землею, стлались туманы, и ничего тамъ не было видно кромѣ мутныхъ, неопредѣленныхъ привидѣній, закутанныхъ мглою горъ. Вдругъ среди этого мертваго царства вспыхнулъ весело огонекъ костра, освѣтилъ лица путниковъ, протянутыя къ пламени руки и отбросилъ на скалы увеличенныя, подвижныя тѣни.

Неуспѣли напиться чаю, а уже дневной свѣтъ сталъ пробиваться къ нимъ снизу сквозь облака; воздухъ свѣтлѣлъ, серебрился; покрытыя инеемъ карнизы скалъ засверкали какъ перламутръ. На этой волнѣ свѣта изъ дальнихъ безднъ взлетали вверхъ и одѣвались въ золото и багряницу вершины горъ, а выше всѣхъ поднялся, взмахнувъ сѣдыми облаками какъ крыльями, ихъ ледяной владыка. Только когда солнце во всемъ блескѣ поднялось надъ землею, горы вдругъ опустились и даже Риштау длинными, испещренный рѣзкими тѣнями, опять сталъ явственнѣе и меньше.

Путешественники были въ это время недалеко уже отъ его ледниковъ. Шли они, какъ вчера, — гусемъ, другъ за другомъ, только сегодня связались къ тому же веревками. Елену они помѣстили посерединѣ. Къ обуви они подвязали желѣзные шипы, которыми запасся сванетъ. Когда они взошли на снѣговую покатость, проводникъ сталъ прикладомъ ружья долбить шагъ за шагомъ ступени для ногъ. Они должны были по снѣгамъ окружить пропасть и спуститься по другой сторонѣ ущелья внизъ по узкому

ледяному мысу, конецъ котораго утопалъ въ тучахъ. На эти тучи и солнце частенько съ нѣкоторымъ безпокойствомъ посматривалъ проводникъ. Его безпокойство естественно отразилось на Еленѣ и Юріи. Имъ ничуть не улыбалась возможность провести ночь среди снѣговъ, безъ огня и теплой пищи. Въ полдень солнце изрядно припекало и влажный снѣгъ превратился въ кашицевидное тѣсто, что сильно затрудняло путь. Ноги ихъ тонули по щиколку, скользили; обувь ихъ размокла. У поворота, откуда путешественники должны были свернуть на ледяной гребень, они присѣли отдохнуть и поѣсть. Погода стояла хорошая и все шло какъ нельзя лучше, тѣмъ не менѣе съ лица сванета исчезла беззаботная отвага. Его все усиливающееся безпокойство удручающе дѣйствовало на остальныхъ. Медленное соскальзываніе внизъ къ неизвѣстнымъ, покрытымъ тучами пропастямъ, которое теперь пришлось имъ продѣлывать, вдругъ стало ихъ пугать. Страхъ, правда, исчезъ въ пути, но только потому, что вниманіе ихъ всецѣло поглощено было трудностью дороги. Большую часть они ползли полулежа. Уже недалеко отъ тучъ сванетъ повернулъ къ нимъ мрачное лицо и махнулъ назадъ рукою:

— Назадъ!.. Буде пропалъ!..

Но цѣль была черезъ-чуръ близка, черезъ-чуръ было много принесено жертъ, чтобы Юрій и Елена согласились. Нѣкоторое время еще шли они по блестящей спинкѣ ледника, освѣщенной солнцемъ. Затѣмъ опять, какъ вчера, съ обѣихъ сторонъ заклубились бѣлыя, пронизанныя солнцемъ тучи и вѣтры, укрытые въ нихъ, брызнули подъ ноги смѣльчаковъ молочной пѣной тумана. Постепенно они, какъ вчера, совершенно утонули въ влажномъ холодномъ облачномъ пуху. Буря еще не тронулась, но каждая частичка воздуха кругомъ, каждая порошинка снѣга взмытая одиночными ударами вѣтра уже дрожали лихарадочной дрожью и можно было ждать ежеминутно, что блуждающія неопредѣленно струи вдругъ сольются въ страшный, неожиданный ударъ метели. Проводникъ нагнулся и принялся быстро рыть кинжаломъ яму въ снѣгу. Юрій и Елена усиленно ему помогали.

Въ этой ямѣ, прикрытые бурками, они провели страшную, невѣроятную ночь. Имъ казалось, что вѣтры дерутся надъ ними, топчутъ по нимъ, что вотъ-вотъ они сорвутся и вмѣстѣ съ ледяной верхушкой, въ которой они были включены, они скатятся внизъ. Къ счастью, ихъ вскорѣ занесло снѣгомъ, прибило ихъ и стало имъ тепло и безопасно. Пищи у нихъ было вдоволь. Къ утру метель прошла. Они вышли изъ своей норы и увидѣли, что находятся почти на краю ледниковаго поля. Сквозь рѣдкій туманъ просвѣчивала недалеко внизу темная долина. Не дожидая восхода солнца, они пошли внизъ. Когда солнце засіяло и легкій

вѣтерокъ окончательно разогналъ облака, путешественники увидѣли подъ собою зеленыя пятна полузатопленныхъ луговъ и стройныя ряды черныхъ отвѣсныхъ скалъ, отражающихся въ длинномъ какъ рѣка и какъ небо голубомъ озерѣ.

— Утонулъ!—воскликнулъ невольно Юрій.

Елена съ плачемъ упала на камни.

XII.

Съ того момента, когда землетрясеніе разбудило Вихлицкаго, и Селима, а неожиданная волна наводненія заставила ихъ бѣжать на скалы, начался для нихъ рядъ неудачъ и горькихъ испытаній. Сразу они, безъ всякаго соображенія, бросились прочь отъ воды, которая съ грознымъ шумомъ гналась за ними по пятамъ. Но поднявшись выше, когда по затихшему шуму они заключили, что приливъ далеко, они стали окликать другъ друга. Первый подалъ голосъ Вихлицкій, черкесъ отвѣтилъ, что онъ недалеко, но боится двинуться, потому что ничего не видитъ и не понимаетъ, гдѣ находится. Онъ совѣтовалъ подождать до разсвѣта. Ждали они долго въ непроницаемой тьмѣ, а глухіе удары, содраганіе горъ и отчаянные всплески рѣки долго говорили, что еще не конецъ приключенію. Только, когда блѣдный разсвѣтъ отразился въ огромномъ зеркалѣ сѣрой грязной воды, наполнявшей высоко ущелье, они поняли все значеніе постигшаго ихъ бѣдствія. Вода казалась спокойною, но при болѣе тщательномъ наблюденіи не трудно было замѣтить, что вся ея масса дрожитъ мощнымъ внутреннимъ движеніемъ, подобно тому, какъ дрожитъ бассейнъ воды, которую питаетъ непрерывный, обильный притокъ. Края озера, вздутые и пѣнистые, съ легкимъ шипѣніемъ медленно поглощали все новыя полосы песка и камней. Разливъ ослабъ, но не прекратился. Необходимо было торопится возможно скоро уйти изъ этихъ мѣстъ, отъ этихъ отвѣсныхъ стѣнъ, похожихъ на западню. Селимъ согласился въ этомъ съ Вихлицкимъ, но настаивалъ, чтобы итти не внизъ, а вверхъ рѣки. Вихлицкій, который хорошо помнилъ, что утесы тамъ круче, спорилъ съ нимъ.

— Внизу упадутъ на насъ камни. Тамъ воды много... Тамъ никогда не выйдемъ. Надо итти къ Риштау!—упрямо повторялъ горецъ. Вихлицкій подумалъ подумалъ и уступилъ.

До ухода они хорошенько обыскали берега въ расчетѣ, что вода выбросила хоть что-нибудь изъ ихъ вещей. Тщетно: дорогоцѣнныя коллекціи, пища, платье, оружіе, даже вьючный мулъ—все исчезло безслѣдно. Осталось только ружье, патронташъ и кинжалъ, который по привычкѣ стараго воина захватилъ-таки

съ собою Селимъ, да еще небольшой узелокъ всякой дребедени, который въ смятеніи унесъ съ собою Вихлицкій. Находились тамъ: мыло, зубная щеточка, иглы, нитки, пуговицы, нашлась, къ счастью, и коробка спичекъ.

Немедленно они отправились незалитымъ краемъ покатистаго вверхъ Уруха. На одной изъ лужаекъ они застигли стадо запертыхъ разливомъ „джерановъ" и Селимъ убилъ двоихъ. Здѣсь же они и заночевали. Развели огонь, устроили коптилку и; тонко изрѣзавши мясо козъ, всю ночь вялили и сушили его. Грохотъ падающихъ утесовъ и землетрясеніе уже не возобновлялись; только разливъ не пріостанавливался нисколько. Поутру вода подошла къ самой ихъ стоянкѣ. Отвѣсные выступы и острые зубчатые гребни, совершенно недоступные, непролазные все чаще перерѣзывали имъ путь. Вода уже омывала ихъ подножья и охотникамъ приходилось часто бродить по поясъ въ водѣ, а иногда даже и плыть. Все время они жадно высматривали лазейку, по которой могли бы взобраться наверхъ, и тѣ переходы, что часъ тому назадъ казались имъ невозможны, впослѣдствіи мучили ихъ, какъ пропущенный, потерянный случай. Нѣсколько разъ они пробовали взбираться, но подошли къ такимъ крутизнамъ, гдѣ не за что было уцѣпиться ни рукѣ, ни ногѣ. Между тѣмъ у воды внизу мѣста, годныя для прохода, быстро уменьшались. Вскорѣ сплошная почти колоннада отвѣсныхъ скалъ окружала озеро. Думать переплыть этотъ мрачный корридоръ съ грузомъ пищи и оружіемъ на спинѣ въ ледяной водѣ—было безуміемъ. Гдѣ кончался этотъ корридоръ—трудно было предвидѣть! Вихлицкій настаивалъ, чтобы дальше не итти вверхъ, чтобы вернуться къ тѣмъ возможнымъ подъемамъ, мимо которыхъ они прошли недавно. Селимъ былъ мраченъ, не перечилъ. Онъ только причмокивалъ и тоскливо посматривалъ на вершины.

Они вернулись. Но сзади путь былъ уже отрѣзанъ. Съ неимовѣрными усиліями и страданіемъ, дрожащіе отъ холода, раздѣтые, съ платьемъ, грузомъ и оружьемъ, привязанными на головахъ, они перебрались на другую сторону озера. Но противоположный берегъ оказался такимъ же. Буквально прижатые водою къ стѣнѣ, они отыскали больше другихъ потрескавшійся, неровный утесъ и стали по нему взбираться, точно по карнизамъ готической церкви. Сдерживая дыханіе, прильнувши къ скалѣ, они незамѣтно ползли, похожіе на маленькихъ ящерицъ, карабкающихся по отвѣснымъ утесамъ. Хорошо еще, что положеніе мѣшало имъ глядѣть внизъ подъ ноги, гдѣ ослѣпительно блестѣло стальное зеркало озера. Уже добрались они до половины утеса, когда Вихлицкій, который считалъ для себя обязательнымъ ползти впереди оборвался и полетѣлъ съ камнемъ въ ру-

кахъ. Селимъ увидѣлъ, какъ тѣнь охотника мелькнула мимо него и затѣмъ разслышалъ, какъ всплеснула однозвучно волна. Обернуться онъ не могъ. Осторожно онъ принялся ползти обратно, что заняло много времени. Когда онъ очутился у подножія утеса, Вихлицкій уже сидѣлъ на берегу и мокрый, блѣдный, тщательно искалъ что-то въ подмоченной котомкѣ.

— Не подмокли... почти совсѣмъ неподмокли...—сказалъ онъ съ блѣдной, торжествующей улыбкой, съ усильемъ подавляя выраженіе сдержанной боли. Селимъ замѣтилъ, что лѣвая рука „барина" свисаетъ и кровь течетъ изъ нея ручьемъ.

— Богъ великъ!—сказалъ онъ важно, повѣсилъ ружье на выступъ скалы и сѣлъ около раненаго.

Глубина воды спасла Вихлицкаго. Рука была только ушиблена. Черкесъ ловко обмылъ ее, перевязалъ, затѣмъ посовѣтывалъ немедленно перебраться выше. Тамъ скалы сходились подъ угломъ и образовали небольшой плоскій гротъ. Селимъ прежде всего воткнулъ въ щель кинжалъ, повѣсилъ на немъ бережно патронташъ, ружье, затѣмъ принялся устраивать стоянку. Онъ выровнялъ немного камни, нарвалъ травы, соорудилъ нѣчто вродѣ постели, собралъ дровъ для костра. Вихлицкій между тѣмъ отмѣчалъ знаки на утесѣ для опредѣленія скорости прилива. Все это, впрочемъ, заняло немного времени: откосъ былъ скалистъ и то количество, мховъ и травы, которое прозябало въ щеляхъ, черкесъ быстро собралъ. Хуже было съ топливомъ: имъ приходилось выжидать у воды, когда наводненіе по временамъ приносило щепки. Остальное время они сидѣли молча у костра и глядѣли на ровную гладь воды, ужасную въ своемъ кажущемся мертвенномъ спокойствіи. Даже рябь не бѣжала по ней, только изрѣдка пузыри тамъ и сямъ всплывали и лопались, да пѣна, мусоръ и горная пыль спокойно, сонно скатывались съ середины къ краямъ. Значило это, что прежній водоемъ малъ, что вода все прибываетъ и она все, какъ говорятъ хохлы, „съ чубомъ". Разсѣянный свѣтъ солнца, скрытаго за утесами, тускло отражался въ мутной водѣ.

— Полъ стопы... Двѣ съ половиною стопы приблизительно въ сутки... Значитъ запасъ земли у насъ всего на пять дней...—сказалъ, наконецъ, Вихлицкій, внимательно осмотрѣвши свои знаки.—Какъ думаешь, Селимъ, изъ аула скоро могли дать знать въ городъ?

— Думаю, господинъ, что не торопились!..

Вихлицкій отвернулъ лицо и опять они на долго замолкли.

Скоро потемнѣли сѣрые утесы, потемнѣло надъ ними небо, заря заполнила багрянымъ свѣтомъ и окрасила въ кровавый цвѣтъ воду. Мусульманинъ снялъ свой бешметъ, разложилъ его на берегу вмѣсто коврика, разулся и сталъ босой на молитву лицомъ на

востокъ. Долго онъ билъ поклоны, шепталъ священныя слова, падалъ ницъ, опять поднимался и поднималъ вверхъ загорѣлое лицо съ нѣмою мольбою. Вихлицкій прилегъ на кучу мха и все время глядѣлъ вверхъ на слабо мерцающія надъ утесами звѣзды, на темнѣющее прозрачное небо, лишь бы не видѣть этого обреченнаго и несомнѣнно готовящагося къ смерти человѣка.

Послѣ заката солнца близость ледниковъ дала себя чувствовать. Повѣяло сыростью, холодомъ; туманы заструились вдругъ по поверхности воды, выползли изъ щелей и трещинъ горъ, скатывались съ ихъ вершинъ въ видѣ завитушекъ и клубочковъ, тихо скользящихъ по камнямъ. Вскорѣ бѣлая занавѣсь мглы покрыла дно ущелья, смягчила очертанія утесовъ и только небо вверху осталось все такимъ же звѣзднымъ и прозрачнымъ. Узники ближе придвинулись къ огню.

— У тебя, Селимъ, есть кто-нибудь въ горахъ?

— Нѣтъ никакой, господинъ. Братовья моя погибла на войнѣ. Мой родъ Турція пошелъ, за море... Остался я одинъ, какъ волкъ, и никто меня не думаетъ. Скорѣй тебѣ думаетъ, твой другъ съ хутора...

Лицо Вихлицкаго покрылось неожиданной краской.

— Ты, Селимъ, не понялъ меня. Я спрашивалъ не о тѣхъ, что помогутъ, а о тѣхъ, что будутъ плакать по тебѣ.

— О, да!.. Меня есть жена и дѣти...

— Знаешь, Селимъ, ты брось меня здѣсь. Я не ловокъ, я выросъ въ городѣ, я мѣшаю тебѣ... Ты, пожалуй, выйдешь отсюда... Тогда пойдешь и скажешь...

— Не кончай, господинъ! Не слѣдуетъ слушать... Черкесъ не броситъ товарищъ... Ты хорошъ дѣлалъ для меня въ дорогѣ, хорошъ ты товарищъ... Выходить нельзя... Богъ хочетъ, мы вмѣстѣ погибай... Богъ не хочетъ, мы не погибай!..

— Зачѣмъ погибать?! Рано еще говорить объ этомъ... Впереди у насъ пять дней... Есть у насъ пища, оружіе, огонь... Еще вода можетъ пойти на убыль... Я сказалъ на всякій случай. Я думалъ, что ты захочешь вмѣсто того, чтобы сидѣть здѣсь... А для меня все равно... А погибать—такъ даже лучше одному... Между тѣмъ, ты, можетъ быть, людей привелъ бы...

— Дорога туда шесть день! Пища мало, платье худой... Ходить по снѣгу надо... Одинъ человѣкъ нельзя ходить. Рукамъ держать надо, ногамъ другъ дружка подставка дѣлать надо... Ты сказалъ, баринъ, что вода пять день... Выходить нельзя... Что Богъ сказалъ, то будетъ!.. Пусть будетъ...

— Я привыкъ разсчитывать только на людей, Селимъ!

Они смолкли.

— Богъ показалъ своя сердитость. Люди далеко, не услы-

шать!—проворчалъ мрачно черкесъ...—Никто не смѣетъ ходить, развѣ одна Юрія смѣетъ ходить... Очень трудно!

— Юрій не придетъ!

— Вотъ видишь, господинъ. Надо Богу покориться, чтобы онъ насъ похоронилъ хорошо... Твой большой господинъ изъ Россея тебя искать будетъ?..

Вихлицкій не отвѣтилъ. Что случится впослѣдствіи, когда ихъ затопитъ вода, ничуть не занимало его. Сомнѣвался онъ, чтобы „большіе господа“ стали его особенно сильно искать... Онъ не сказалъ этого, конечно, Селиму и, чтобы прекратить разговоръ, вступающій на опасный путь, притворился, что хочетъ заснуть. Это ему впрочемъ не удалось; вскорѣ онъ всталъ и пошелъ посмотрѣть прибыль воды. Черкесъ тоже не спалъ и слѣдилъ за нимъ блестящими глазами:

— Прибыватъ?!—спросилъ онъ тихо.

Вихлицкій молча кивнулъ головою и прилегъ около него.

Пасмурное, сѣрое утро заглянуло, наконецъ, въ ущелье. Тѣ же утесы, та же вода, только береговъ осталось меньше, чѣмъ вчера. Низко плывущія облака часто задѣвали за грани скалъ и обрывки ихъ, въ видѣ разсыпчатыхъ струекъ падали медленно внизъ. Мягкая, сѣрая зыбь лизала камни съ тихимъ шептаніемъ. Селимъ все больше лежалъ на спинѣ съ руками подъ головой, Вихлицкій на боку и оба глядѣли, глядѣли неустанно на эти мелкіе зубчики волнъ, на искристую ихъ чешую, расползающуюся все шире, подступающую незамѣтно къ нимъ и отнимающую незамѣтно дюймъ за дюймомъ землю.

„Вѣдь такъ всегда. Вѣдь въ сущности время дѣлаетъ съ нами то же самое... Вѣдь съ каждой прожитой секундой приближаемся къ смерти... Почему это не страшно. а теперь страшно?“—раздумывалъ Вихлицкій. Иногда онъ представлялъ себѣ, что будетъ дальше и видѣлъ свое тѣло и тѣло Селима мертвыми, холодными, вздутыми; видѣлъ какъ ихъ лижутъ точь въ точь такія же мелкія, сѣрыя волны и они стукаются мѣрно головами о сѣрые утесы... Онъ не приходилъ въ отчаяніе, не возмущался; онъ ясно видѣлъ, что гибель *неизбѣжна,* и эта неизбѣжность, точно острая холодная сталь, пересѣкала всякій разъ подымающіяся въ немъ размышленія. Онъ не хотѣлъ думать объ этомъ: онъ боялся ужаса, который жилъ, спрятанный на днѣ его сознанія, и давалъ о себѣ знать минутными вспышками. Вынужденное бездѣйствіе мучило Вихлицкаго все сильнѣе. Онъ милліонъ разъ предпочелъ бы какую ни на есть, даже нелѣпую, тяжелую, изнурительную борьбу этому медленному тлѣнію. Конечно, въ борьбѣ должна была быть хоть крошечная искра надежды!..

— Когда увижу, что дѣйствительно нѣтъ уже надежды, бро-

шусь и поплыву... Пока еще не время!..— раздумывалъ онъ.— Селимъ, разскажи что-нибудь!.. Разскажи, какъ ты былъ на войнѣ... Разскажи, откуда ты, гдѣ ты жилъ и кто такіе твои близкіе. Вѣдь я не знаю всего этого: ты не говорилъ мнѣ никогда.

— Ты не спрашивалъ, господинъ. Хорошо я тебѣ разскажу... Никто не знаетъ, но я тебѣ разскажу. Помирать скоро будемъ, поэтому тебѣ разскажу. Я старикъ и старое разскажу тебѣ время. Ты въ городѣ видѣлъ, туда, къ турецкой землѣ, большія горы съ большимъ на верху снѣгомъ! Оттуда я. Жили мы вначалѣ подъ горою въ долинахъ, гдѣ растетъ орѣхъ, сладкій каштанъ, айва и виноградъ... Тамъ стоялъ нашъ аулъ... Мой отецъ былъ „узденъ“; много земли держалъ, много баранъ, много коровъ и лошадь въ горахъ держалъ. Старшіе братья ходили туда караулить. Четыре сына старикъ держалъ и три дочери. Я былъ предпослѣдній; одинъ братъ былъ меньшой. О войнѣ я слышалъ совсѣмъ маленькій, но онъ долго не приходилъ, далеко былъ. Вдругъ въ одинъ день корабль плыветъ, тамъ гдѣ городъ садысь. Пушки на земля таскай, солдаты выходи, крѣпость дѣлаютъ. Стали ходить туды сюды, стала война. Моя два старшій братъ былъ большой „абрекъ“. Ихъ бралъ, крѣпость сажалъ. Потомъ отецъ бралъ. Я да маленькій братъ баранъ въ горахъ караулилъ. Всѣ плакали, мать плакала, я плакалъ—отца жалко нѣту! Посылалъ мать выкупъ: много денегъ и старшую дочь. Сестра шибко красива была. Много плакала дѣвушка, убить себя хотѣла и мы плакали. Большой человѣкъ продать совсѣмъ другой, чѣмъ маленькій ребенокъ продать! Отецъ вернулся, насъ взялъ, вещи взялъ, въ горы ушелъ. „Помирать лучше, чѣмъ „урусъ“ слушаться“,—сказывалъ онъ. Въ горахъ было худо, холодно и лѣсъ плохой. Не долго тамъ сидѣли мы. Пришла святой война. Старикъ взялъ всѣхъ сыновей, взялъ лошадей и пошелъ. Дома осталась мать да сестра... Я такъ и не увидѣлъ мать. Мой старикъ коранъ читалъ, умный былъ, святой старикъ былъ, „мюридъ“. Шибко хорошо насъ война водилъ, всегда „урусовъ“ билъ. Одинъ братъ пропалъ, другой братъ пропалъ, я пуля въ бокъ получалъ. Тогда мы въ горы ушли. Такой гора былъ, никакой сторона ходить нѣту. Никто не зналъ дороги. Тамъ мы сидѣли, войной низъ какъ орлы летали; добычу таскали, женщинъ таскали... Хорошо жили. Много аулъ сожженъ, много „урусъ“, много измѣнникъ побили. Былъ одинъ дурной человѣкъ, дурной товарищъ— мы его прогнали. Онъ „урусъ“ пошелъ, и „урусъ“ къ намъ таскалъ. Туманъ большой былъ, мы даже караулъ не ставилъ: ни кто не придетъ—думалъ. Вдругъ бренчитъ, сабля бренчитъ. Мы оружье схватили. Солдаты въ лицо стрѣляли, штыками кололи. Мой старикъ на солдатъ бросался, солдаты его убили. Пришло много. Весь майданъ полный солдатъ. Мы край пропасть стояли. Мой

маленькая братишка, глупый ребенокъ испугался, когда солдатъ близко стрѣлилъ, на колѣни упалъ братъ, „пардонъ“ кричалъ. Я его кинжалъ вонзалъ. Черкесъ „пардонъ“ не кричитъ; солдатъ „братъ“ не знаетъ! Тогда каждый черкесъ одинъ солдатъ поймалъ и внизъ пригалъ. Мы знаемъ съ горъ кататься. Все-таки много померъ. Я руку сломалъ. Долго ходилъ въ горахъ. Не искали,—померъ думали. Въ Турцію пошелъ. Въ Меккѣ былъ, „хаджи“ сталъ. Въ гвардіи султана служилъ. Не долго сидѣлъ. Тосковалъ за горами, шибко я тосковалъ. Глазами посмотрѣть я хотѣлъ. Пришелъ. „Аулъ“ — нѣту, большой лѣсъ тамъ растетъ. Вода высохла, дорожка нѣту, „сакли“ совсѣмъ мусоръ сталъ. Гдѣ человѣкъ хоронилъ мы, медвѣдь ходитъ, кабанъ ходитъ. Сердце у меня болѣло, Селимъ „абрекъ“ не ходилъ, не мстилъ. Можетъ теперь за то въ водѣ помираетъ! Шибко хотѣлъ я здѣшняя воздухъ дышать, здѣшняя лѣсъ нюхать. За „чапара“ въ полиціи служилъ, только бы позволили жить. Деньги мало-мало собиралъ я, землю купилъ... въ горахъ. Коровъ купилъ, коня купилъ, жена бралъ, три дѣтей родилъ... Не хватаетъ достатокъ. Сталъ господа въ горы на охоту водить. Брали Селима. Селимъ по русски знаетъ, Селимъ все знаетъ, никакой худой дѣло съ Селимомъ не бываетъ... Хорошо господа платили. Никто въ горахъ не скажетъ: Селимъ худой, Селимъ неправда говоритъ, Селимъ обманетъ... Селимъ никогда не обманетъ. Селимъ только на война обманетъ. Теперь Селима Богъ наказалъ не за обманъ, а за то, что Селимъ душа продалъ за Кавказъ, за сладкій вѣтеръ, за лѣсъ, гдѣ растетъ каштанъ и орѣхъ, гдѣ померли братъ и отецъ. Селимъ не боится смерти...

Вихлицкій хотѣлъ отвѣтить, ободрить старика, но въ суровомъ, враждебномъ почти взглядѣ послѣдняго было что-то, что остановило его. Этотъ человѣкъ видимо былъ выше теперь такихъ мелочей. Вихлицкій почувствовалъ, что онъ ему не нуженъ, и отвелъ глаза въ глубь долины. Тамъ тяжелыя дождевыя облака заложили всѣ выхода, всѣ щели. Мелкій дождикъ начиналъ моросить въ ихъ сырой каменный ящикъ. Стороною глухо гремѣлъ громъ. Порывы вѣтра то и дѣло врывались подъ крышу тучъ въ скалистые корридоры и съ воемъ, съ свистомъ крутили туманомъ и вздымали ржавыя волны на озерѣ. Затѣмъ полилъ дождь; ручьи грязной воды заструились съ уступовъ скалъ. Необходимо было поскорѣе уберечь отъ потопленія огонь и спрятаться поукромнѣе самимъ. Это ихъ заняло на столько, что на время забыли о пѣнистыхъ волнахъ, все ближе налетающихъ на берегъ изъ подъ сѣдой мглы.

Ночью вызвѣздило и туманы осѣли на дно, на воду. Когда волненіе на озерѣ утихло, Вихлицкій отправился посмотрѣть знаки и пришелъ въ ужасъ. Этотъ дождь отнялъ у нихъ, ни меньше—

ни больше, какъ день жизни. И такъ, не хватало дня до срока, когда прибытіе самой торопливой и энергичной помощи было возможно. Теперь же не хватало уже двухъ дней. Вихлицкій рѣшилъ, что все потеряно, что нечего надѣяться и нужно ждать спокойно конца, какъ Селимъ. „Неужели этотъ дикарь мужественнѣе его"? — спрашивалъ онъ себя, вглядываясь въ безучастное лицо черкеса. Дровъ они въ бурю не успѣли собрать, да и волны не приносили ихъ больше. Огонь чуть тлѣлъ крошечный, убогій. Мохъ и вѣтви постели, которыми пришлось его поддерживать, плохо горѣли. Вихлицкій заставлялъ себя уснуть во чтобы то ни стало, считалъ мысленно, закрывалъ глаза, корчился, ежился, собиралъ въ кучу одеревенѣлыя члены, замиралъ, но засыпалъ только на короткія мгновенія. Во снѣ преслѣдовали его видѣнія. Просыпался онъ не отдохнувшимъ, а измученнымъ и ждалъ съ тоскою восхода. Ночь между тѣмъ тянулась безконечно. Все неодолимѣе осаждали его разныя непріятныя мысли, которыхъ раньше онъ не знавалъ и которыхъ знать не хотѣлъ.

То видѣлъ онъ то, „чего не будетъ": видѣлъ Елену, плачущую, тоскующую и мать въ неописанномъ горѣ. Елена молодая,—разсуждалъ онъ,—Елена утѣшится. Хотя возможно, что не выведетъ ее никто уже въ свѣтъ широкій, что „товарищемъ бойца" уже она не будетъ. Жаль ее: славный она матеріалъ на человѣка, но она не разъ еще улыбнется въ жизни. Другое дѣло—мать. Мысль о матери поражала Вихлицкаго мучительно, до судороги. У ней все будетъ отнято, исчезнетъ онъ, выращенный съ трудомъ, съ болью, съ тревогами. Вся жизнь ея вмѣстѣ съ нимъ меркнула, умирала. Ея лицо съ темными глазами, полными слезъ, ни на минуту не исчезало въ воображеніи Вихлицкаго. И по временамъ онъ нѣжно говорилъ ей, подчасъ забывая, что ея нѣтъ. „Милая! Развѣ не все равно?.. Развѣ человѣческая волна не затопила бы насъ, не залила? Поэтому-то я пошелъ сюда... Ты меня отпустила, вѣдь ты согласилась!.. Вѣдь ты согласилась? ...Теперь я погибну, но ты не будешь терпѣть недостатка... Люблю тебя, родимая, за твою твердость, за святость твою, за твои жертвы... Вѣдь отца моего ты тоже потеряла рано, а я не слышалъ отъ тебя жалобы!?. Не плачь! Увѣряю тебя: не жаль мнѣ жизни, не жаль мнѣ ничего, кромѣ... тебя! Не плачь дорогая, тогда и я буду спокоенъ!.. Я мечталъ сдѣлать многое и погибаю на первыхъ шагахъ, но вѣдь крупная удача всегда ходитъ рядомъ съ гибелью! Не сдѣлалъ я, правда, добра, но не сдѣлалъ и зла... Какая тоска! Умремъ и ничего не останется послѣ насъ... Ахъ, зачѣмъ я не могу вѣрить, зачѣмъ не могу вѣрить!.."

Этотъ взрывъ успокоилъ его и когда взошедшее солнце согрѣло немного воздухъ, онъ уснулъ глубоко и крѣпко. Спокой-

ствіе и бодрость, которыя вернулись къ нему съ силами, не оставили его даже тогда, когда онъ, открывши глаза, увидѣлъ волны почти-что у своихъ ногъ.

— Эге!—воскликнулъ онъ.—Вижу что для вещей придется строить башню!

Его вдругъ осѣнила мысль, что не дурно бы при помощи искусственной насыпи отдалить минуту гибели. Онъ принялся немедленно за работу и только жалѣлъ, что проектъ этотъ не пришелъ ему раньше въ голову. Теперь пришлось камни добывать изъ воды, сохраняя не залитую еще площадку, какъ пьедесталъ. Весь день онъ проработалъ, очень утомился, промокъ, но былъ веселъ.

— Посмотри, Селимъ, какая башня?—обратился онъ къ черкесу, который мрачно сидѣлъ, не принимая участья въ работѣ.— А что? Если бы мы раньше догадались, вѣдь могли бы выстроить повыше... Немного нехватаетъ!..—разсмѣялся онъ.

Мусульманинъ пробормоталъ что-то себѣ подъ носъ, но тоже повеселѣлъ, кинжалъ, ружье, оставшуюся часть пищи подвѣсилъ выше и самъ пересѣлъ выше.

Вода все прибывала. Уже тонкій блестящій ея слой покрылъ ихъ прежнюю стоянку. Ночь они продремали на устроенной вновь кучѣ, прислонившись къ скалѣ. Сильнѣе всего мучило ихъ отсутствіе огня; они привыкли къ нему; вмѣстѣ съ огнемъ какъ будто что-то уже умерло въ нихъ. А дровъ у нихъ не было и не было даже мѣста для костра. Несчастные дрожали, страшно, невѣроятно дрожали отъ холода, душевнаго волненія и усталости. Съ истощеніемъ пришло опять уныніе. Они почти не разговаривали между собою... Селимъ все шепталъ что-то, должно быть молился, а Вихлицкій при помощи разныхъ ухищреній старался развлечься. Напрасно. Видѣнія, какъ стая коршуновъ, кружились надъ нимъ. Онъ понималъ, что все это вздорныя мысли, плодъ усталости и страданія; онъ пробовалъ стать выше ихъ, но не могъ. Нѣчто мощное, внѣ его лежащее, клонило его, гнуло какъ былинку.

„Въ сущности... все вздоръ! Все не стоитъ понюшки табаку!— разсуждалъ онъ.—Каждый существуетъ, потому что хочетъ, а теперь вотъ... я не хочу... брошусь и поплыву! Все ждать!.. Чего ждать?.. Душа вытянулась въ ниточку... Умѣть ждать,—это умѣть побѣдить, говорятъ... Фу!.. какой вздоръ и какая мука! Все это напрасно, мы умремъ и не останется отъ насъ ничего. Все умретъ и все вздоръ: и мужество, и добродѣтель, и самая жизнь. Кинусь въ волны... и конецъ, а то день еще, по крайней мѣрѣ, будетъ насъ глотать это чудовище"...

Онъ наклонился жадно къ водѣ, закрывъ глаза; голова его кружилась, но чуть онъ коснулся воды, какъ немедленно отшатнулся.

...Нѣтъ! Ни за что!.. Погибну, какъ солдатъ на посту!.. Пусть она убьетъ меня, но безъ моего согласія!

Онъ выпрямился, открылъ глаза и жадно искалъ, на чемъ бы остановить вниманіе. Кругомъ высились все тѣ же сѣрые утесы, простиралась сѣрая гладь воды и темная, покорно согбенная фигура Селима чернѣла надъ ней. Видъ этого человѣка повергалъ Вихлицкаго въ полное отчаяніе.

— Сманилъ я его сюда и теперь онъ умираетъ, Богъ знаетъ за что: за деньги, за жалкую сумму, за меня... а все-таки не жалуется... Селимъ, сядь выше, здѣсь будетъ тебѣ лучше!..

Черкесъ поднялъ медленно опущенныя внизъ вѣки и пристально взглянулъ на Вихлицкаго.

— Знай, гяуръ!—сказалъ онъ высокомѣрно,—Селимъ сидитъ, гдѣ хочетъ!

Слѣдующая ночь показалась имъ прямо адской. Темная, сырая отъ моросящаго съ верху дождика, она давила ихъ сверху, а снизу поглощала ихъ дюймъ за дюймомъ вода. Она залила ихъ уже по колѣни. Утопающіе потеряли всякую охоту двигаться и сидѣли въ оцѣпенѣніи въ плещущей водѣ.

Только утро вернуло Вихлицкому немного сознанія: онъ встряхнулся, вползъ выше, гдѣ еще была незалита площадка. Здѣсь онъ выпрямился и, прислонившись къ скалѣ, смотрѣлъ, дрожащій отъ холода, на синѣющія въ блескѣ разсвѣта воздухъ и воду. Затѣмъ Вихлицкій вынулъ изъ мѣшечка нѣсколько кусковъ заплесневѣлаго мяса и жадно сталъ ѣсть. Пища согрѣла его, онъ взглянулъ на все продолжающаго сидѣть въ водѣ черкеса.

— Селимъ, иди сюда, на мяса, поѣшь! Здѣсь хватитъ мѣста на двоихъ. Иди, товарищъ!.. иди!—проговорилъ онъ мягко.

Селимъ не двинулся. Плечи его вздрагивали, каждый волосокъ дрожалъ въ бородѣ, онъ щелкалъ зубами, какъ пойманный волкъ, но поникшей головы не поднималъ. Тогда Вихлицкій нагнулся, схватилъ его подъ мышки и поднялъ. Онъ успѣлъ посадить его выше, но самъ зато оборвался вмѣстѣ съ камнями и погрузился въ воду по поясъ. Вода была до того холодна, паденіе до того неожиданно, что боль, какъ пламя, хлынула ему въ голову. Онъ порывался выскочить, но камни опять скользнули у него изъ подъ ногъ. Тогда онъ понялъ, что дальнѣйшія усилія невозможны, что все возвышеніе подмытое, непрочное можетъ рухнуть. Онъ посмотрѣлъ на безумное, отупѣлое отъ страха и боли лицо Селима; спокойствіе и воля вернулись вдругъ къ нему. Онъ закрылъ глаза, стиснулъ губы, плечами уперся въ скалу и ждалъ пытки.

Она тихо шла къ нему снизу; члены его коченѣли, ломило въ костяхъ, сверлило въ мозгу, въ каждой живой косточкѣ тѣла,

затѣмъ наступило общее каменное безчувствіе и только сердце мѣталось безпокойно, въ груди, по мѣрѣ того, какъ вода подходила къ нему.

И опять окружили его видѣнія... Онъ видѣлъ мать, Елену, горы... теплую лунную ночь... Что-то хотѣлъ сказать, но не могъ... и вдругъ... сорвался и полетѣлъ въ пропасть съ камнемъ въ рукахъ... Вѣрно смерть! подумалъ онъ и широко раскрылъ глаза. Такъ вотъ она какая! Только зачѣмъ такъ близко отъ него этотъ безмѣрный, холодный блескъ воды?!. Онъ уже не думалъ, не соображалъ, а наблюдалъ за водой и за собой какъ за чѣмъ то постороннимъ. Онъ окаменѣлъ. Что то мощное уже сковало на вѣки его руки и ноги, жива еще только голова. Точно сквозь туманъ онъ запомнилъ, что Селимъ въ этотъ мигъ сошелъ съ ума, что онъ прыгалъ и кричалъ ему: „гяуръ! гяуръ!. не помирай! люди!.. стрѣляютъ!..“ И самъ черкесъ стрѣлялъ и трубилъ въ дуло ружья и эти металическіе, мощные звуки, точно побѣдная пѣснь смерти, неслись по долинѣ, по водѣ, расходились по всему свѣту, и эхо многократно повторяло ихъ...

Вихлицкому было все равно: онъ чувствовалъ, что умираетъ, и поддался смерти. Онъ не видѣлъ, что дѣйствительно на утесахъ противоположнаго берега появились люди, что они тамъ отчаянно бѣгали и кричали, смотрѣли внизъ, что затѣмъ они успокоились, одинъ изъ нихъ исчезъ, а другіе сошли по уступамъ скалъ и сбросили внизъ веревки. Послѣ долгаго для Селима, какъ самая вѣчность, ожиданія, изъ-за высокаго каменнаго мыса появился на озерѣ маленькій, тощій плотикъ, а на немъ плылъ полу-погруженный въ воду Юрій. Селимъ сейчасъ же узналъ его, смѣялся и повторялъ Вихлицкому безконечное число разъ:

— Юрій! Твой товарищъ... Юрій!.. Юрій!.. Пришелъ твой товарищъ!..

Но Вихлицкій его уже не слышалъ; ноги подогнулись подъ нимъ, тѣло его всплыло. Омертвѣлую его голову держалъ крѣпко на колѣняхъ мусульманинъ, охраняя отъ окончательнаго потопленія.

— Живъ, живъ!—вскричалъ Юрій, обращаясь къ товарищамъ, когда принялъ, наконецъ, юношу изъ рукъ черкеса.

Вацлавъ Сѣрошевскій

ВЪ СФЕРѢ НЕРѢШЕННЫХЪ ПРОБЛЕМЪ БІОЛОГІИ.

(Жизнедѣятельность клѣтки).

I.

Біологія, истолковательница многообразнаго міра жизненныхъ явленій, имѣетъ въ виду не только нарисовать картину жизни животныхъ и растеній, но и пытается раскрыть содержаніе жизненныхъ процессовъ, уловить ихъ сокровенный смыслъ, связать явленія жизни въ нѣчто стройное, гармоничное и нераздѣльное съ цѣлымъ рядомъ другихъ явленій природы.

Задача въ высшей степени интересная, хотя и очень смѣлая, а подчасъ и дерзкая.

Правда, представители естествознанія прекрасно понимаютъ, насколько трудно рѣшеніе основныхъ проблемъ науки о жизни; однако, это обстоятельство не только не ослабляетъ научнаго ихъ рвенія, но, наоборотъ, заставляетъ всячески измѣнять и совершенствовать методы изслѣдованія. Неизмѣннымъ спутникомъ и надежнѣйшимъ другомъ ихъ въ этихъ поискахъ за истиной служитъ микроскопъ,—современный микроскопъ, дающій громаднѣйшія увеличенія,—со всѣми относящимися къ нему приспособленіями. Микроскопъ значительно измѣнилъ существовавшую до послѣдняго времени постановку основныхъ вопросовъ біологіи. Посмотримъ, что же далъ онъ намъ новаго?

Прежде всего микроскопъ открылъ намъ цѣлый міръ крохотныхъ созданій—растеній и животныхъ,—созданій, отличающихся замѣчательно простымъ сложеніемъ и, не смотря на это, обнаруживающихъ въ своей дѣятельности все то, что мы привыкли называть жизнью; онъ показалъ намъ, что эти микроскопическія существа—жалкіе, ничтожные паріи вселенной, кишащіе милліонами въ какой-нибудь каплѣ гнилой воды и гибнущіе также милліонами отъ дѣйствія капли крѣпкаго спирта, что они принимаютъ пищу, переработываютъ ее, обмѣниваютъ вещества, растутъ, размножаются, способны двигаться, воспринимать впечатлѣнія и отвѣчать такъ или иначе на внѣшнія раздраженія; онъ убѣдилъ насъ въ томъ, что и въ сферѣ одноклѣтныхъ, невидимыхъ простымъ гла-

зомъ, организмовъ идетъ неустанная борьба за элементарныя блага жизни, за свѣтъ, тепло, воздухъ, пищу, за право плодиться и размножаться—борьба, создающая цѣлый рядъ роковыхъ схватокъ, побѣдъ и пораженій, и кончающаяся торжествомъ избранныхъ, какъ болѣе приспособленныхъ, и гибелью менѣе приспособленныхъ, негодныхъ для преходящаго момента жизни. Микроскопъ показалъ, наконецъ, что одноклѣтныя животныя и растенія точно такъ же, какъ и наиболѣе совершенные изъ организмовъ, трансформируются подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, борьбы за существованіе и естественнаго подбора и передаютъ по наслѣдству въ ряды быстро мѣняющихъ другъ друга поколѣній характерныя особенности своего строенія и своей жизненной дѣятельности.

Благодаря все тому же микроскопу мы узнали нѣчто въ высшей степени важное для уразумѣнія основныхъ явленій жизни: мы узнали, что каждое растеніе или животное представляетъ собою цѣлое скопище разнообразныхъ по формѣ и роду дѣятельности клѣтокъ; говорю «скопище», а не «общество» или «государство» для того только, чтобы не вводить читателя въ заблужденіе употребленіемъ, правда, фигуральнаго, но совершенно неправильнаго сравненія: нѣтъ никакихъ основаній отождествлять сложный организмъ съ человѣческимъ обществомъ, и наоборотъ—общество съ организмомъ, хотя аналогія получается на первый взглядъ полная и въ высшей степени соблазнительная.

Каждая клѣтка сложнаго организма живетъ сама и въ то же время поддерживаетъ до извѣстной степени жизнь этого организма своею спеціальною дѣятельностью. Однородныя клѣтки образуютъ нѣчто вродѣ товариществъ или ассоціацій, которые несутъ ту или иную службу въ жизни многоклѣтнаго животнаго или растенія. Напримѣръ, многочисленныя группы особенныхъ клѣтокъ (железистыхъ), расположившихся отдѣльными кучками подъ вѣчно темными сводами кишечника, приготовляютъ все нужное для переработки пищевыхъ веществъ, поступающихъ въ кишечникъ; тутъ же, въ кишечникѣ, другого рода клѣтки—эпителіальныя—выстроились правильными колоннами въ ожиданіи богатой питательными веществами и уже совершенно переваренной пищи, которую онѣ съ большимъ самоотверженіемъ передаютъ по принадлежности всѣмъ остальнымъ ассоціаціямъ клѣтокъ, оставляя себѣ лишь самое необходимое. Въ одномъ мѣстѣ идетъ дружная, напряженная и безостановочная работа мускульныхъ клѣтокъ—онѣ мощные атлеты среди своихъ остальныхъ товарищей, которые выпроваживаютъ изъ сердца и гонятъ по цѣлой сѣти оригинальныхъ путей сообщенія кровь; въ этомъ животворномъ кровяномъ потокѣ, несутся милліоны свободныхъ клѣточекъ *), изъ которыхъ одни (красные кровя-

*) Оскаръ Гертвигъ пытается, впрочемъ, доказать, что кровяные шарики млекопитающихъ вовсе не клѣтки, какъ это принято думать, а всего лишь «продукты превращенія или образованія бывшихъ клѣтокъ».

ные шарики), нагружаясь кислородомъ, подвозятъ его ко всѣмъ тканямъ и органамъ тѣла, а другія (бѣлые кровяные шарики—лейкоциты), какъ только почувствуютъ, что организму грозитъ опасность со стороны зловредныхъ бактерій, собираются въ тѣсно сплоченную рать, отважно защищая организмъ отъ враговъ и вступая съ ними въ открытый, нерѣдко рискованный бой. Въ другомъ мѣстѣ сгруппировался цѣлый легіонъ клѣтокъ «интеллигентовъ» (нервныя клѣтки), очень чувствительныхъ и впечатлительныхъ, легко раздражающихся, вѣчно рефлектирующихъ, а иногда и просто-таки нервноразстроенныхъ; на нихъ лежитъ тяжелая, отвѣтственная работа: нужно все время вести сношенія съ внѣшнимъ міромъ, получать извѣщенія отъ различныхъ органовъ, отдавать имъ приказанія, дѣлать распоряженія, чутко слѣдить за недугами и разстройствами организма, руководить работой всѣхъ остальныхъ клѣточныхъ группъ, входящихъ въ составъ многоклѣтнаго организма. На ряду со всѣми этими клѣтками въ томъ же организмѣ встрѣчается много другихъ, также имѣющихъ свое опредѣленное назначеніе, несущихъ весьма разнородныя, нерѣдко очень оригинальныя обязанности.

Итакъ, съ одной стороны передъ нами на лицо цѣлый міръ *одноклѣтныхъ*, простѣйшихъ по устройству организмовъ, которые обнаруживаютъ всѣ главныя явленія жизни, съ другой стороны—несравненно болѣе богатый и многообразный міръ организмовъ многоклѣтныхъ, жизнедѣятельность которыхъ сводится къ жизнедѣятельности отдѣльныхъ, составляющихъ ихъ клѣтокъ. Какой же выводъ можно сдѣлать изъ всего этого? Только тотъ, который сдѣлалъ Брюкке, назвавшій клѣтку «элементарнымъ организмомъ», или Оскаръ Гертвигъ, сказавшій, что «всѣ тайны жизни заключены уже въ зародышѣ въ простой клѣткѣ», или же Максъ Ферворнъ, доказывающій, что «клѣтка служитъ очагомъ жизненныхъ явленій, мѣстомъ, гдѣ протекаетъ жизненный процессъ». Въ мускульной клѣткѣ,—говоритъ Ферворнъ,—лежитъ «загадка движенія сердца и сокращенія мускуловъ; въ железистой клѣткѣ находится причина выдѣленія; въ эпителіальной, въ бѣлой кровяной клѣткѣ лежитъ проблема принятія пищи и въ гонгліозной клѣткѣ покоятся тайны души»... Словомъ, жизнь—въ жизни клѣтки, и тотъ, кому интересно рѣшеніе главнѣйшихъ проблемъ біологіи, долженъ обратиться къ клѣткѣ.

На первый взглядъ жизнь клѣтки не представляетъ ничего особенно загадочнаго и протекаетъ довольно однообразно. Питаться, расти, измѣнять форму, иногда обнаруживать признаки поступательнаго движенія, отвѣчать очень несложно на впечатлѣнія внѣшняго міра и размножаться—вотъ и все, что выпало на долю клѣтки, вотъ тотъ, видимо тѣсный и ограниченный, циклъ, въ которомъ протекаетъ жизнь ея.

Но въ этомъ и заключается содержаніе всякой жизни: *питаніе, ростъ, движеніе, раздражимость и размноженіе* на самомъ дѣлѣ, при

болѣе внимательномъ и серьезномъ разсмотрѣніи, представляютъ нѣчто въ высшей степени сложное и неподдающееся *пока* вполнѣ удовлетворительному объясненію. Жизнь ставитъ здѣсь біологіи не мало загадокъ, на которыя наука о жизни отвѣчаетъ *пока* однѣми лишь догадками, несмѣлымъ и невнятнымъ лепетомъ. Само собою разумѣется, что тутъ рѣчь идетъ не о фактическомъ матеріалѣ: фактическій матеріалъ, касающійся жизнедѣятельности клѣтки, и сейчасъ уже очень богатъ, разнообразенъ и полонъ глубокаго интереса.

Начнемъ съ *питанія* клѣтокъ. Сколько любопытныхъ явленій и наблюденій связано съ этимъ, видимо очень простымъ процессомъ! Чтобы питаться, надо прежде всего знать, чѣмъ питаться, а не бросаться безъ разбору на все, что попадается на пути. И вотъ тутъ-то какъ различныя клѣтки сложнаго организма, такъ и различныя одноклѣтныя животныя и растенія обнаруживаютъ иногда просто поразительную *избирательную способность*, очень прихотливую разборчивость, которая, однако, безусловно, необходима для поддержанія ихъ жизни.

Всѣмъ разнообразнымъ клѣткамъ организма человѣка пищу доставляетъ жидкая плазма крови, состоящая изъ смѣси самыхъ разнородныхъ органическихъ и неорганическихъ веществъ. Между тѣмъ, клѣтки печени берутъ себѣ главнымъ образомъ то, что нужно для приготовленія желчи, клѣтки слюнныхъ желѣзъ съ жадностью извлекаютъ изъ питательной плазмы строительный матеріалъ слюны, мускульныя и нервныя овладѣваютъ веществами, придающими первымъ физическую мощь, а послѣднимъ исключительную чувствительность, и т. д.

Простѣйшія одноклѣтныя организмы обнаруживаютъ не меньшую способность *выбирать* себѣ подходящую пищу.

Нѣкоторыя микроскопическія животныя, напр., корненожки, строятъ себѣ раковины—одни изъ кремнезема, другіе изъ углекислой извести. Живя въ такой водѣ, въ которой всегда есть небольшое количество и углекислой извести, и кремнезема въ растворенномъ видѣ, эти микроскопическія существа имѣютъ полную возможность пользоваться *безъ разбора* строительнымъ матеріаломъ для своихъ раковинокъ; но, нѣтъ: одни изъ нихъ всегда извлекаютъ изъ воды частички углекислой извести, другія—такъ же корректно пользуются частичками кремнезема.

Въ выборѣ пищи микроорганизмы въ общемъ не особенно разборчивы, хотя нѣкоторыя изъ нихъ, надо отдать имъ справедливость, прихотливы и въ этомъ отношеніи иногда просто до смѣшного. Такъ, напр., проф. Ценковскій разсказываетъ про одну голую (безъ оболочки) корненожку, которая съ особеннымъ, повидимому, удовольствіемъ питается хлорофильными зернами микроскопическихъ водорослей, а другая корненожка, тоже очень простая по устройству, разыскиваетъ обыкновенно въ водѣ особенную породу нитчатыхъ водорослей (спирогира) и, нашедши подходящій экземпляръ, присасывается къ одной изъ клѣтокъ водоросли, пробуравливаетъ оболочку и втягиваетъ въ

себя все содержимое клѣтки. «Кажется,—говоритъ Ценковскій,—что Vampyrella Spirogirae (такъ называется эта своенравная корненожка) можетъ утолить свой голодъ только на спирогирѣ».

Ничто, однако, не можетъ сравниться съ избирательною дѣятельностью лейкоцитовъ, бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ. Роль и значеніе бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ до знаменитыхъ работъ и изслѣдованій проф. Мечникова были совершенно почти неизвѣстны. Что они? Зачѣмъ они? Никто не могъ отвѣтить. Теперь же жизненная работа лейкоцитовъ выяснена во многихъ отношеніяхъ вполнѣ: имъ приходится вести не легкое, въ нѣкоторыхъ случаяхъ очень отвѣтственное, да къ тому же и не безопасное дѣло. Мечниковъ окрестилъ лейкоциты именемъ *фагоцитовъ*, что значитъ приблизительно—«клѣтки-обжоры». Эта, нелестная съ перваго взгляда для лейкоцитовъ, кличка тѣмъ не менѣе вполнѣ ими заслужена и не только не дискредитируетъ ихъ въ глазахъ остальныхъ клѣтокъ живого организма, но наоборотъ, составляетъ ихъ славу и гордость. Какъ преданные защитники животнаго организма, они денно и нощно стоятъ на стражѣ, выжидая, не покажутся ли гдѣ какіе-нибудь вредные или просто негодные, посторонніе элементы, которые немедленно нужно удалить изъ организма. Но какъ удалить? Самое лучшее—пожрать ихъ, конечно. И они пожираютъ. Погибнутъ ли въ тѣлѣ животнаго какія-нибудь клѣтки, завершившія уже кругъ своей дѣятельности *),—фагоциты собираются дружно вокругъ мертвыхъ клѣтокъ и начинаютъ пожирать и переваривать ихъ, чтобы освободить организмъ отъ лишняго, быть можетъ, вреднаго балласта; попадетъ ли въ ткань кожи заноза,—фагоциты обступаютъ со всѣхъ сторонъ занозу и стараются разрушить и проглотить ее частями; образуется ли гдѣ-нибудь въ ткани кровоизліяніе, при которомъ кровяные шарики гибнутъ цѣлыми тысячами, клѣтки-обжоры принимаются опять за свою всегдашнюю работу. Когда же въ тѣло животнаго попадаютъ зловредныя бактеріи — носительницы заразныхъ болѣзней,—тогда фагоциты оказываются на высотѣ своего призванія: съ жаромъ набрасываются они на коварныхъ пришлецовъ, и между тѣми и другими завязывается отчаянная схватка не на жизнь, а на смерть: выбора нѣтъ—либо бактеріи должны погибнуть, проглоченныя живьемъ и немедленно переваренныя фагоцитами; либо изможденные въ неравной борьбѣ, фагоциты умираютъ вмѣстѣ со смертью животнаго, въ тѣло котораго пробрались болѣзнетворныя бактеріи.

Все это, вмѣстѣ взятое, еще разъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что клѣтки дѣйствительно надѣлены избирательною способностью, что они неодинаково относятся къ различнымъ пищевымъ веществамъ и останавливаются предпочтительно на той или иной пищѣ, смотря по роду

---

*) Такъ, напр., «красные кровяные шарики разрушаются послѣ того, какъ они нѣкоторое время обращались въ крови» (Оск. Гертвигъ).

ея и по характеру своей дѣятельности, что клѣтки, наконецъ, очень рѣшительно отказываются отъ нѣкоторыхъ—почти всегда вредныхъ—сортовъ пищи. Но почему это такъ, въ силу какихъ причинъ протоплазма и ядро какъ бы рѣшаютъ, «войдетъ ли извѣстное вещество внутрь клѣтки или нѣтъ» *), каковы условія создающія, регулирующія и направляющія «избирательную способность» клѣтокъ? Тутъ передъ нами одна изъ нерѣшенныхъ проблемъ біологіи. Для однихъ «избирательная способность» клѣтокъ результатъ обыкновенныхъ физико-химическихъ процессовъ—притяженія и отталкиванія различныхъ группъ атомовъ; для другихъ она—нѣчто болѣе сложное, нѣчто такое, что выходитъ за предѣлы обыкновенныхъ физико-химическихъ явленій, и и потому не можетъ быть втиснуто въ рамки механическихъ обобщеній.

II.

Лишь только клѣтка получила необходимыя для ея жизни и спеціальной дѣятельности пищевые продукты, протоплазмѣ и ядру приходится приниматься за дѣло: надо переработать полученную пищу, превратить ее въ плоть и кровь свою. Задача нелегкая. Для самой клѣтки работа эта, повидимому, не особенно трудна, такъ какъ иногда она совершается очень быстро; но для ученыхъ, пытающихся постичь суть этой работы, прослѣдить различныя моменты ея, вопросъ этотъ крайне труденъ. Растеніе получаетъ изъ воздуха угольную кислоту, а изъ почвы растворы различныхъ солей; и вотъ эти обыкновеннѣйшія химическія вещества клѣтка должна обработать такимъ образомъ, чтобы изъ нихъ въ конечномъ результатѣ получилось сложнѣйшее, по признанію всѣхъ ученыхъ, химическое соединеніе—бѣлокъ, не одинъ, а нѣсколько разныхъ бѣлковъ, и само собою разумѣется живыхъ, а не мертвыхъ. Но вотъ живые бѣлки готовы. Однако, это еще не протоплазма, не ядро. Частицы бѣлковъ образуютъ, *по всей вѣроятности*, какія-то своеобразныя, очень оригинальныя и, должно быть, различныя по формѣ и строенію группы, а изъ послѣднихъ, въ концѣ концовъ, слагаются всѣ тѣ «ниточки», «сѣточки», «ячейки» и «зернышки», изъ которыхъ, по мнѣнію различныхъ ученыхъ, состоятъ протоплазма и дро. Говоря короче, протоплазма и ядро какими-то непознанными еще путями воспроизводятъ самихъ себя.

Впрочемъ, и это еще не все. Клѣтки растеній (нерѣдко и животныхъ), какъ извѣстно, одѣты въ оболочку, очень часто замѣчательно изящную, со всевозможными точно скульптурными украшеніями; въ различныхъ клѣткахъ млекопитающаго содержится то желчь, то слизь, то пепсинъ, то кишечный сокъ, то слюна, то иное какое-нибудь специфи-

*) Оск. Гертвигъ.

ческое вещество, играющее, быть можетъ, очень важную роль въ жизни животнаго; наконецъ, многія изъ одноклѣтныхъ животныхъ, какъ уже говорилось выше, скрываютъ свое нѣжное тѣло въ микроскопическихъ раковинкахъ, отличающихся иногда замѣчательнымъ изяществомъ, тонкостью и красотою отдѣлки. И кто же является во всѣхъ такихъ случаяхъ въ роли механика, химика, искуснаго архитектора и зодчаго? Сама клѣтка, конечно, — протоплазма и ядро ея. А что служитъ ей строительнымъ матеріаломъ? У растеній—угольная кислота, кислородъ, вода и минеральныя вещества, у животныхъ — правда нѣчто болѣе сложное въ структурно-молекулярномъ отношеніи, однако, очень мало похожее на конечные продукты *творческой дѣятельности* клѣтки. Но какъ все это совершается?

Несомнѣнно, что процессъ переработки пищевыхъ веществъ у растеній значительно сложнѣе, чѣмъ у животныхъ; вѣдь растеніе (*зеленое*) должно само приготовить изъ неорганическихъ соединеній—углекислоты, воды и солей—такія органическія вещества, какъ углеводы (крахмалъ, сахаръ, клѣтчатка-древесина), жиры и бѣлки, тогда какъ животныя получаютъ все это уже *въ готовомъ видѣ* или отъ растеній, или отъ другихъ животныхъ, употребляемыхъ ими въ пищу. Правда, и животныя, получая готовые бѣлки, жиры и углеводы, должны не только ихъ *усвоить*, т. е. подвергнуть весьма сложной переработкѣ, сдѣлать похожими на бѣлки, жиры и углеводы своего собственнаго тѣла, но и *оживить*, т. е. превратить *мертвые бѣлки* пищи въ *живые бѣлки* протоплазмы и ядра. Однако, повторяемъ, процессъ превращенія питательныхъ веществъ (прогрессивный метаморфозъ) у животныхъ проще, или вѣрнѣе—*короче*, чѣмъ у растеній.

Первое, что образуется въ растеніяхъ изъ принятой ими пищи, это крахмалъ (Ванъ-Тигемъ, впрочемъ, думаетъ, что не крахмалъ, а сахаристое вещество-глюкоза). Крахмалъ, какъ извѣстно, состоитъ изъ кислорода, водорода и углерода и создается подъ вліяніемъ свѣта и благодаря дѣятельности хлорофилла изъ поступающихъ въ листья воды и углекислоты. Однако, какъ образуется«—это еще совершенно невыяснено» (О. Гертвигъ). Извѣстно, лишь, что угольная кислота, поглощенная листьями, распадается на углеродъ и кислородъ, и что этотъ именно углеродъ идетъ на образованіе крахмала; но какимъ образомъ это происходитъ—прямо ли углеродъ соединяется съ водою, или же сначала строится цѣлый рядъ промежуточныхъ соединеній, и только въ концѣ длинной химической процедуры получается крахмалъ,—неизвѣстно. Такъ, напримѣръ, говоря объ усвоеніи листьями угольной кислоты, Оскаръ Гертвигъ рѣшительно заявляетъ: «Каковы химическіе процессы, разыгрывающіеся въ зеленой протоплазмѣ при поглощеніи углекислоты и воды и отщепленіи кислорода съ использованіемъ живой силы солнца, этого мы еще не знаемъ».

Точно также одними лишь догадками, болѣе или менѣе остроум

ными, приходится отвѣчать на вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ крахмала въ растительныхъ клѣткахъ. Теоретически возможно допустить, что изъ крахмала и другихъ углеводовъ *) путемъ длинной цѣпи смѣняющихъ другъ друга превращеній строится бѣлокъ. Дѣйствительно, въ бѣлкахъ, какъ извѣстно, кромѣ углерода, водорода и кислорода,—все это есть уже въ углеводахъ,—содержатся еще *азотъ* и *сѣра* (въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр., въ ядерномъ веществѣ, и *фосфоръ*); а азотъ и сѣра приносятся въ листья изъ почвы въ видѣ азотно-кислыхъ (селитра) и сѣрно-кислыхъ (глауберова соль) солей. Можно предположить что частицы этихъ солей сначала сами претерпѣваютъ какія-то измѣненія, затѣмъ вступаютъ въ соединеніе съ частицами углеводовъ, которые, быть можетъ, предварительно распадаются на составляющія ихъ элементы, и въ результатѣ этой сложной, запутанной и совершенно невыясненной игры химическихъ дѣйствій и взаимодѣйствій получаются частицы бѣлка. Все это весьма и весьма возможно, тѣмъ болѣе, что иначе и быть не можетъ: что-то съ чѣмъ-то какъ-то соединяется и образуетъ молекулу бѣлка! Есть, впрочемъ, одно предположеніе, до извѣстной степени подтвержденное фактами, согласно которому бѣлки въ нѣкоторыхъ случаяхъ образуются въ растеніяхъ изъ особеннаго азотистаго соединенія, изъ такъ-называемаго *аспарагина* (Гартвигъ, Пфefферъ). При этомъ остается совершенно невыясненнымъ, откуда въ клѣткахъ берется аспарагинъ, и какія онъ претерпѣваетъ измѣненія прежде, чѣмъ преобразуется въ бѣлокъ: ухвачена лишь одна изъ промежуточныхъ стадій совершающагося въ зеленой клѣткѣ *синтетическаго* процесса, тогда какъ всѣ остальные моменты его, какъ предшествующіе, такъ и послѣдующіе, не изслѣдованы даже въ общихъ чертахъ. «Неоднократныя попытки выяснить синтезъ углеводовъ въ зеленыхъ частяхъ растеній не увѣнчался пока желаемымъ успѣхомъ... О постепенномъ ходѣ реакцій синтеза органическихъ соединеній въ настоящее время ничего положительнаго мы не знаемъ и должны довольствоваться только одними предположеніями безъ опредѣленной фактической подкладки... При посредствѣ минеральныхъ солей и углеводовъ (а можетъ быть, и болѣе простыхъ продуктовъ синтеза) въ хлорофиллоносныхъ растеніяхъ образуются всѣ остальныя болѣе раскисленныя и сложнѣйшія органическія соединенія. *Относительно хода синтеза послѣднихъ ровно неизвѣстно ничего*»,—такъ говорилъ проф. Фаминцынъ въ своемъ учебникѣ по физіологіи растеній еще лѣтъ десять-двѣнадцать тому назадъ. Достойно вниманія, что и новѣйшія произведенія, напр., О. Гертвига, утверждаютъ почти тоже самое. Такъ Гертвигъ говоритъ: «Химическіе процессы въ клѣткахъ большею частью остаются совершенно темными... Отдѣльныя фазы синтетическаго про-

---

*) Доказано, что нѣкоторые углеводы и даже жиры сравнительно легко получаются изъ крахмала.

цесса, совершающагося въ растительной клѣткѣ при ассимиляціи углекислоты, *еще совершенно не выяснены*».

Словомъ, тутъ передъ нами самая трудная, запутанная и темная область физіологіи и физіологической химіи. То же самое приходится пока сказать и на вопросъ о томъ, какъ строится изъ молекулъ бѣлка живая матерія. Сошлюсь на слова такого серьезнаго авторитета, какъ Максъ Ферворнъ. «Что касается того, какимъ образомъ бѣлковая молекула употребляется далѣе на образованіе живой матеріи, то объ этомъ,—говоритъ Ферворнъ,—при нашихъ крайне недостаточныхъ свѣдѣніяхъ о химическомъ строеніи бѣлковыхъ тѣлъ, мы ничего не можемъ сказать».

Пойдемъ, однако, дальше. Пищевыя вещества, заготовлѐнныя растеніями, претерпѣваютъ цѣлый рядъ превращеній при поступленіи *въ клѣтки животныхъ*. Подчеркиваемъ слово «въ клѣтки», ибо эта сторона совершающихся въ животномъ организмѣ явленій особенно интересна и, къ сожалѣнію, особенно загадочна. Физіологія прекрасно знаетъ, что дѣлается съ пищей въ *органахъ пищеваренія* подъ вліяніемъ различныхъ пищеварительныхъ соковъ (ферментовъ); знаетъ она, между прочимъ, и то, что бѣлки пищи отъ дѣйствія соляной кислоты и пепсина переходятъ въ растворимое состояніе (пептонизируются), т. е. получаютъ способность просачиваться сквозь органическія перепонки. Очутившись въ клѣткахъ кишечника, пептоны — раств. бѣлки — *уже здѣсь* измѣняются, пропадаютъ, какъ таковые, преобразуются, очевидно, въ другіе бѣлки (Гофмейстеръ). Нѣтъ, однако, никакой пока возможности услѣдить за всѣми метаморфозами бѣлковъ въ клѣткахъ сложнаго организма, нѣтъ силъ показать, какъ изъ нихъ строится живая матерія, какъ возсоздаются протоплазма и ядро.

Интересно знать, конечно, какую роль играетъ сама протоплазма въ этой переработкѣ пищевыхъ веществъ. Многіе изъ ученыхъ глубоко убѣждены въ томъ, что протоплазма пользуется очень цѣлесообразно сырымъ матеріаломъ, который доставляется ей извнѣ въ видѣ пищи: изъ этого матеріала она создаетъ весьма разнообразныя и удивительныя по своей структурѣ вещества, изъ которыхъ каждое несетъ какую-нибудь службу въ жизни клѣтки. Однако, такого рода «формирующая» дѣятельность протоплазмы — дѣятельность, при которой она выступаетъ уже въ роли «зодчаго» или, какъ говоритъ Геккель, «образовательницы»—толкуется весьма различно, хотя и не отрицается. Оскаръ Гертвигъ, напримѣръ, очень рѣшительно заявляетъ, что «одна изъ наиболѣе темныхъ сторонъ вопроса о превращеніи веществъ въ клѣткѣ—это роль, играемая въ данномъ случаѣ протоплазмою». Извѣстно, вѣдь, что до сихъ поръ ботаники никакъ не придутъ къ соглашенію относительно того, какъ образуется оболочка растительной клѣтки: однимъ кажется, что часть самой протоплазмы превращается въ клѣточную оболочку, тогда какъ другіе настаиваютъ на томъ, что веще-

ство протоплазмы тутъ не причемъ, что протоплазма въ данномъ случаѣ пользуется лишь доставляемымъ ей извнѣ пластическимъ матеріаломъ, измѣняетъ и направляетъ его въ видѣ *клѣтчатки*—такъ называется вещество, изъ котораго состоитъ клѣточная оболочка — къ поверхности клѣтки, т. е. туда, гдѣ ему и быть надлежитъ. Въ первомъ случаѣ протоплазма играетъ пассивную роль, роль строительнаго матеріала; во второмъ—она несетъ миссію зодчаго, она—главное дѣйствующее лицо въ жизненномъ процессѣ клѣтокъ, организаторъ, отличающійся рѣдкимъ архитектурнымъ талантомъ. Разница громадная, хотя—кто правъ, кто заблуждается, рѣшить довольно трудно, такъ какъ и здѣсь, какъ всегда, спорящія стороны имѣютъ въ распоряженіи аргументы и pro, и contra.

Живое вещество, пока оно живетъ, медленно разрушается, тратится и не умираетъ всецѣло потому только, что постоянно возстановляется, снова строится изъ притекающаго въ клѣтку питательнаго матеріала. Разрушеніе и обновленіе—таковъ удѣлъ живой матеріи, таковъ заколдованный кругъ, въ которомъ вращается она, пока жива. И только тогда, когда живое вещество умретъ, творческая дѣятельность его кончается, уступая мѣсто однимъ лишь разрушительнымъ процессамъ, которыя постепенно возвращаютъ конечные продукты разложенія живого вещества въ круговоротъ природы. Къ сожалѣнію, біологія до сихъ поръ еще очень плохо знаетъ, въ какомъ послѣдовательномъ порядкѣ идетъ разрушеніе живого вещества въ клѣткѣ. Оказывается, что вопросъ о превращеніи живыхъ бѣлковъ въ простыя химическія соединенія не менѣе сложенъ, чѣмъ вопросъ объ образованіи живого вещества изъ неорганическаго матеріала: тайна смерти ничуть не доступнѣе тайны жизни.

Итакъ, въ нѣдрахъ живого вещества, параллельно съ творческою дѣятельностью, идетъ разрушительная работа, безъ которой, повидимому, немыслимо ни одно изъ проявленій жизни, и продукты разрушенія непрерывно, всю жизнь, такъ или иначе удаляются изъ тѣла клѣтки то въ видѣ газообразныхъ, то въ видѣ жидкихъ и даже твердыхъ веществъ. Угольная кислота, водяные пары, мочевина — вотъ главнѣйшія продукты выдѣленій, послѣднія, конечныя члены длиннаго процесса разрушеній, испытываемыхъ живою протоплазмой и ядромъ.

Передъ нами на лицо живое вещество и то, что изъ него въ концѣ-концовъ получается въ водоворотѣ жизненныхъ отправленій клѣтки, первыя и послѣднія звенья въ длинной цѣпи превращеній: промежуточныя стадіи разрушительнаго процесса, этапные пункты, чрезъ которые проходитъ живая матерія на пути своей гибели и смерти,—совершенно неизвѣстны; о нихъ лишь можно съ большею или меньшею вѣроятностью догадываться, какъ это мы дѣлаемъ, напримѣръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда хотимъ узнать, какими путями неорганическія составныя части почвы, воды и воздуха преобразуются въ нѣчто, одаренное способностью расти, двигаться, питаться и т. д., словомъ, жить.

Клѣтка, какъ мы уже знаемъ, съ большимъ нерѣдко расчетомъ выбираетъ себѣ изъ пищи все нужное для жизни и спеціальной дѣятельности, если, конечно, таковая имѣется у нея. Такъ же заботливо относится клѣтка и къ тому, чтобы внутри ея тѣла не залеживались остатки пищи и ненужныя, почти всегда вредныя продукты разрушенія живого вещества или, какъ говорятъ иначе, продукты регрессивнаго метаморфоза. Одноклѣтные организмы, вродѣ амебъ, довольно энергично выталкиваютъ изъ своего тѣла обломки раковинокъ и песчинки, попавшіе вмѣстѣ съ пищею въ ихъ протоплазму; инфузоріи, снабженныя бьющимися вакуолями, удаляютъ жидкіе продукты разрушенія съ помощью этихъ оригинальныхъ «органовъ выдѣленія»: ненужныя для инфузоріи жидкости собираются въ пульсирующихъ пузырькахъ и затѣмъ уже отсюда выбрасываются наружу *); наконецъ, всякая клѣтка сложнаго организма стремится такъ или иначе удалить изъ своего тѣла и газообразные, и жидкіе продукты распада бѣлковъ, жировъ и углеводовъ. Во всемъ этомъ опять-таки сказывается, по мнѣнію однихъ ученыхъ, жизнедѣятельность клѣтки, прямое, непосредственное участіе различныхъ частей ея, до нѣкоторой степени *активная* работа протоплазмы и ядра; другіе же ученые думаютъ, что и тутъ, какъ и во всей вообще дѣятельности клѣтки, мы имѣемъ дѣло лишь съ причудливо-сложною, пока еще мало изслѣдованною игрою химическихъ и механическихъ агентовъ...

Итакъ, въ клѣткахъ совершается одинъ изъ важнѣйшихъ жизненныхъ процессовъ—обмѣнъ веществъ, т. е. *поглощеніе, переработка и выдѣленіе ихъ.* Питательный матеріалъ, поступающій въ лабораторію клѣтки, пробѣгаетъ цѣлый рядъ пока еще мало извѣстныхъ измѣненій и превращеній; въ результатѣ этой работы получаются бѣлки, идущіе на построеніе живой матеріи. Но дальше, только что созданное живое вещество вступаетъ въ кругъ жизненной дѣятельности клѣтки, и тутъ снова, такъ же постепенно, какъ оно создавалось, разрушается, переходя отъ сложнаго-загадочнаго къ простому-ординарному. Наука прекрасно изучила какъ тотъ матеріалъ, изъ котораго получается, въ концѣ-концовъ, живое вещество такъ и конечные продукты его разрушенія; но она плохо освѣдомлена относительно строенія и функцій одухотворенной матеріи и ничего почти не знаетъ о той цѣпи смѣняющихъ другъ друга измѣненій, которыя ведутъ отъ мертвой матеріи къ сложно-организованному живому веществу и отъ этого послѣдняго обратно къ безжизненнымъ продуктамъ разрушенія. Безконечно-разнообразныя, дивно-построенныя и необыкновенно-красивыя формы, которыя принимаетъ живое вещество въ различныхъ клѣткахъ остаются пока совершенно недоступными для біологіи: ихъ описываютъ, но не объясняютъ.

---

*) Значеніе и работа вакуолъ, впрочемъ, не вполнѣ еще выяснена.

III.

«Клѣтка живетъ»—это значитъ, что она не только принимаетъ и перерабатываетъ пищу, но и запасается энергіей, которая очень часто проявляется въ видѣ движенія.

У многоклѣтныхъ животныхъ и растеній живое вещество клѣтокъ обнаруживаетъ способность двигаться, повидимому, совершенно самопроизвольно; а среди нѣкоторыхъ одноклѣтныхъ организмовъ эта способность выражена замѣчательно ярко и интенсивно.

Много любопытныхъ страницъ можно было бы посвятить одному лишь описанію всевозможныхъ способовъ движенія живого вещества. Интересное и поучительное зрѣлище представляетъ эта сторона жизни клѣтокъ: интересна она богатствомъ и разнообразіемъ формъ движенія, а особенно поучительна для тѣхъ, кто слѣдитъ за споромъ между сторонниками витализма и механическаго міровоззрѣнія. Движеніе живого вещества составляетъ одинъ изъ краеугольныхъ камней въ аргументаціи сторонниковъ витализма и потому на этотъ пунктъ направлено особенное вниманіе антивиталистовъ (Квинке, Бючли, Ферворнъ).

Остановимся въ самомъ дѣлѣ хоть слегка на той чудной картинѣ, которую подъ микроскопомъ представляетъ движущееся живое вещество.

Вотъ *амёба*—простѣйшее изъ живыхъ созданій, медленно и неуклюже переползающая съ одной песчинки на другую при помощи небольшихъ отростковъ, псевдоподій, которые время отъ времени то тамъ, то здѣсь появляются и исчезаютъ на ея тѣлѣ. Вотъ и знаменитая корненожка *громія*: ея протоплазматическое тѣло одѣто оболочкой, сквозь которую въ различныхъ мѣстахъ выступаетъ часть протоплазмы, образуя множество тоненькихъ и толстыхъ, длинныхъ и короткихъ нитевидныхъ отростковъ; присмотрѣвшись къ этимъ нитямъ повнимательнѣе, не трудно замѣтить, что протоплазма ихъ движется: мелкія зернышки ея (микрозомы) скользятъ, передвигаются и текутъ, догоняя и обгоняя или задерживая другъ друга, то впередъ къ концамъ нитей, то обратно къ тѣлу корненожки, то быстро, то медленно, то едва-едва замѣтно; иногда зернышки эти текутъ навстрѣчу другъ другу—одни впередъ, другія назадъ, и если встрѣчаются, то или стараются обойти другъ друга, или же на нѣсколько мгновеній останавливаются, кружатся на одномъ мѣстѣ и снова пускаются вплавь каждый по избранной дорожкѣ, причемъ можетъ случиться и такъ, что одно изъ нихъ увлекаетъ за собою другое (Максъ Шульце). Но вотъ не менѣе знаменитыя жгутиковыя инфузоріи, снабженныя однимъ или нѣсколькими подвижными жгутами: не въ примѣръ флегматичнымъ амёбамъ и не особенно подвижнымъ микрозомамъ въ протоплазмѣ громіи, энергично и ловко ударяютъ онѣ своими бичами, юрко шныряя въ родной имъ водной стихіи и нерѣдко отдѣльно проносясь черезъ все поле зрѣнія микроскопа. Не хуже ихъ работаютъ своими изящными волосками и рѣсничатыя инфузоріи: подобно ловкимъ гребцамъ, мѣрно и дружно ударяющимъ своими веслами,

инфузоріи эти ритмично и плавно двигаютъ своими рѣсничками, разсѣкая ими микроскопическія волны водяной капли и быстро, порою стремительно, налетая на добычу...

Остановимся подробнѣе на нѣкоторыхъ формахъ движенія живого вещества.

Прежде всего особенный интересъ должно вызывать движеніе протоплазмы *внутри* клѣтокъ. Такого рода «внутриклѣточное» движеніе, главнымъ образомъ, и даже преимущественно наблюдается въ клѣткахъ растеній; въ клѣткахъ животныхъ оно встрѣчается сравнительно рѣдко. Однако, и въ клѣткахъ растеній движеніе это сказывается неодинаково. Поэтому нѣкоторые ученые вполнѣ резонно различаютъ три вида движенія протоплазмы внутри клѣтокъ: вращательное, фонтановидное и струйчатое.

У нѣкоторыхъ водорослей протоплазма располагается довольно толстымъ слоемъ сейчасъ же подъ клѣточной оболочкой, тогда какъ остальная часть клѣтки вся сплошь заполнена клѣточнымъ сокомъ съ растворенными въ немъ различными веществами. Вотъ въ такой-то «стѣнкоположной» (ужасно неуклюжее слово!) протоплазмѣ и замѣчается вращательное движеніе: она поднимается вверхъ по одной продольной стѣнкѣ клѣтки, переходитъ на поперечную, спускается по другой продольной и снова, по нижней поперечной стѣнкѣ, направляется къ тому мѣсту, откуда началось ея движеніе, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать новый туръ, затѣмъ другой, третій и т. д., пока какая-нибудь внѣшняя причина не положитъ конецъ ея вращенію, умертвивши и разрушивши живое вещество.

Совсѣмъ иное зрѣлище представляетъ движеніе протоплазмы въ клѣткахъ листового черешка обыкновенной клещевины. Тутъ протоплазма подымается толстою струей съ нижней перегородки и течетъ вверхъ посерединѣ клѣтки; дойдя до верхней перегородки она фонтаномъ разсыпается на множество мелкихъ струекъ, которыя, спустившись внизъ, сливаются вмѣстѣ и снова подымаются вверхъ въ видѣ толстой центральной струи.

Если же мы возьмемъ, напр., молодые волоски крапивы или тыквы и разсмотримъ ихъ подъ микроскопомъ, то картина движенія протоплазмы опять получится совершенно новая. Протоплазма молодыхъ волосковъ крапивы имѣетъ видъ сѣти. Это довольно грубая и прекрасно видимая въ микроскопъ сѣть, которая образовалась оттого, что клѣточный сокъ собрался въ довольно крупныя капли и разбилъ протоплазму на отдѣльные нитевидные участки, связанные между собою еще болѣе тонкими нитями. Въ тонкихъ нитяхъ движутся маленькія зернышки (микрозомы) гуськомъ, изрѣдка наталкиваясь одно на другое и переползая впередъ; въ толстыхъ нитяхъ тѣ же зернышки плывутъ въ два, а иногда и въ нѣсколько рядовъ, то въ одну сторону, то навстрѣчу другъ другу. Зрѣлище становится особенно интереснымъ и эффектнымъ, когда вмѣстѣ съ микрозомами пускаются въ движеніе

крахмальныя и хлорофильныя зерна, а также и ядро. Быстро несутся тогда мелкія зернышки впередъ, расчищая путь и увлекая вмѣстѣ съ собою болѣе грузныя и неповоротливыя крахмальныя и хлорофильныя зерна, которыя толкаются и съ трудомъ протискиваются сквозь тѣсную толпу микрозомъ, а за всею этою клѣточною челядью медленно, чинно и точно нехотя ползетъ «царственное» ядро. Теперь собственно задвигалось все, безконечно мѣняя и разнообразя форму содержимаго клѣтки: какъ планеты любой изъ солнечныхъ системъ описываютъ свои собственныя пути движенія и вмѣстѣ со всѣми членами своей семьи вихремъ несутся въ безконечномъ пространствѣ по направленію къ опредѣленной точкѣ его, такъ и здѣсь различныя части живого вещества—микрозомы, хлорофильныя и крахмальныя зерна, ядро—двигаясь самосостоятельно, движутся въ то же время вмѣстѣ со всѣмъ содержимымъ клѣтки въ замкнутыхъ предѣлахъ послѣдней.

Можно ли сомнѣваться въ томъ, что всѣ эти движенія имѣютъ какое-нибудь значеніе въ жизни клѣтки? Быть можетъ, они способствуютъ *равномѣрному смѣшенію* питательныхъ веществъ? Быть можетъ, на нихъ до извѣстной степени зиждется *обмѣнъ и правильное распредѣленіе* веществъ? Быть можетъ, безъ движенія протоплазмы внутри клѣтокъ не мыслима была бы *выдѣлительная* дѣятельность послѣднихъ? Догадокъ и предположеній въ этомъ смыслѣ дѣлается очень много, но положительнаго, несомнѣннаго пока никто ничего не знаетъ. Одно доподлинно извѣстно, что хлорофилловыя зерна въ клѣткахъ растеній размѣщаются наивыгоднѣйшимъ образомъ въ интересахъ своей исключительной дѣятельности; они, какъ извѣстно, ведутъ дѣло разложенія угольной кислоты на ея составныя части и дѣлаютъ это съ помощью свѣта; поэтому очень естественно, что имъ приходится, смотря по силѣ солнечнаго свѣта, занимать въ клѣткѣ различное положеніе, чтобы всегда имѣть въ распоряженіи достаточное количество солнечной энергіи.

Теперь поговоримъ о тѣхъ, также чрезвычайно любопытныхъ случаяхъ движенія, когда живое вещество движется цѣликомъ въ качествѣ самостоятельнаго до извѣстной степени существа.

Минуя всѣ простыя формы такого движенія (напр., амёбъ, лейкоцитовъ и т. п.), мы остановимся на движеніяхъ жгутиковыхъ и рѣсничатыхъ инфузорій, сѣмянныхъ тѣлецъ различныхъ животныхъ и зооспоръ нѣкоторыхъ грибовъ и водорослей. Всѣ онѣ—и инфузоріи, и сперматоизоиды, и зооспоры микроскопически малы, но, несмотря на это, полны жизни и движенія: онѣ самыя безпокойныя и неугомонныя среди микроскопическихъ созданій и, если корненожки страдаютъ нѣкоторою флегматичностью, то и инфузоріи и зооспоры надѣлены съ избыткомъ сангвиническимъ темпераментомъ.

Жгутами снабжены не только нѣкоторые виды инфузорій, но и сперматозоиды (сѣм. тѣльца), и зооспоры. Жгутъ можетъ быть одинъ, можетъ быть ихъ и нѣсколько (у сперматозоидовъ всегда одинъ). За-

тѣмъ жгутъ можетъ прикрѣпляться или къ переднему концу тѣла инфузоріи и зооспоры, или къ заднему. Если жгутъ спереди, то, двигаясь, онъ *волочитъ за собою* тѣло; если же сзади, то при движеніи онъ *толкаетъ* тѣло впередъ. Ученые, особенно интересовавшіеся движеніемъ сперматозоидовъ, жгутиковыхъ инфузорій и зооспоръ, напр., Брюнъ, Платнеръ, Ла Валлетъ, Эймеръ, Френцель, Негели, Бючли и друг.— описывали очень подробно все то, что они наблюдали, и оказывается, что движеніе клѣтокъ, снабженныхъ жгутиками, вовсе не такъ просто, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Здѣсь, конечно, не мѣсто останавливаться подробно на результатахъ изслѣдованій всѣхъ только что упомянутыхъ ученыхъ: два-три рельефныхъ факта изъ интересовавшей ихъ области представятъ съ достаточной ясностью справедливость моихъ словъ.

Ла Валлетъ, напр., утверждаетъ, что хвостикъ сперматозоида при движеніи послѣдняго, «изгибается, вращается, качается, ундулируетъ», и всѣ эти выраженія указываютъ прежде всего на то, что движеніе сперматозоидовъ отличается большимъ разнообразіемъ. Эймеръ же стоитъ не столько за разнообразіе этихъ движеній, сколько за сложность ихъ. По его мнѣнію, жгутъ сперматозоидовъ не просто двигается вправо, влѣво, вверхъ и внизъ, а продѣлываетъ вращательныя, вѣрнѣе, винтообразныя, буравящія движенія, причемъ передній конецъ жгута описываетъ маленькій конусъ, а задній конецъ тоже конусъ, но значительно бо̀льшихъ размѣровъ. Нѣчто подобное наблюдалъ и Негели на зооспорахъ. Онъ находитъ, что «однѣ изъ зооспоръ плывутъ впередъ безъ всякихъ колебаній, другія ясно описываютъ прямую или слегка винтовую линію, у третьихъ передній конецъ движется по винтовой линіи, задній же по прямой или винтовой меньшаго діаметра». Если къ этому прибавить, что жгуты сѣмянныхъ тѣлецъ нѣкоторыхъ животныхъ, напр., саламандры, снабжены мерцательною перепонкой, которая при движеніи сперматозоида играетъ такую же роль, какъ плавникъ у рыбъ, то станетъ яснымъ, что движеніе жгутиковъ дѣйствительно отличается большимъ разнообразіемъ и сложностью.

Отъ движенія жгутиковъ не трудно перейти къ движенію волосковъ на тѣлѣ рѣснитчатыхъ инфузорій и на клѣткахъ мерцательнаго эпителія. Что особенно интересно въ движеніи инфузорій, такъ это то, что они при помощи своихъ рѣсничекъ не только подвигаются впередъ, но и вертятся «колесомъ» или, вѣрнѣе, какъ хорошо заведенный волчокъ вокругъ длинной оси своего тѣла. Эффектное зрѣлище представляетъ движеніе самихъ рѣсничекъ, которыя цѣлыми сотнями покрываютъ микроскопическое тѣло инфузоріи. Они колеблются ритмично, одинаково быстро, дѣлая равные размахи. Этотъ чудный живой механизмъ движенія лучше всего наблюдается на клѣткахъ мерцательнаго эпителія, гдѣ отдѣльныя рѣснички движутся съ извѣстной послѣдовательностью другъ за другомъ, такъ что за взмахомъ одной рѣснички слѣдуетъ взмахъс лѣдующей за нею, дальше—третьей, четвертой и т. д.

Есть, наконецъ, еще особенный родъ движенія, который, встрѣчается, повидимому, только среди животныхъ *). Такое движеніе принято называть сокращеніемъ, и оно всегда связано съ дѣятельностью особенныхъ организованныхъ элементовъ, которые называются мышечными *волокнами и волоконцами*. Способность мышцъ быстро сокращаться подъ вліяніемъ какого-нибудь импульса всецѣло зависитъ отъ такой же способности мускульныхъ волоконъ, цѣлые пучки которыхъ образуютъ обыкновенно любой мускулъ. У одноклѣтныхъ животныхъ, конечно, не можетъ быть мускульныхъ *волоконъ*, такъ какъ само волокно представляетъ собою всего лишь видоизмѣненную клѣтку; но зато въ тѣлѣ такихъ животныхъ иногда встрѣчаются *волоконца* или, какъ называютъ ихъ иначе, *фибриллы*. Есть, напр., инфузорія, которую называютъ *трубачомъ*, потому что она по формѣ походитъ нѣсколько на прямую трубу. Трубачъ (Stentor) движется въ водѣ съ помощью рѣсничекъ, но кромѣ того онъ можетъ еще и сокращаться, съеживаться и принимать шарообразную форму подъ давленіемъ какого-нибудь раздраженія. Дѣло въ томъ, что въ протоплазмѣ трубача заложено довольно много волоконецъ-фибриллъ, которые тянутся вдоль его тѣла, отъ раструба къ ножкѣ, почти параллельно: сокращаясь, т. е. укорачиваясь подъ вліяніемъ раздраженія, эти фибриллы заставляютъ трубача съеживаться въ круглый комочекъ; зато, когда фибриллы возвращаются къ своимъ первоначальнымъ размѣрамъ, то и трубачъ принимаетъ снова свой настоящій, оправдывающій данное ему названіе видъ. Есть и другая инфузорія, не менѣе любопытная въ этомъ отношеніи. Называется она сувойкой (Vorticella). Отъ всѣхъ прочихъ инфузорій сувойки отличаются тѣмъ, во-первыхъ, что живутъ по большей части колоніями, а, во-вторыхъ, и это самое главное—онѣ не плаваютъ свободно въ водѣ, а сидятъ на тоненькихъ ножкахъ, точно микроскопическіе цвѣточки на длинныхъ стебелькахъ. Каждый такой стебелекъ состоитъ изъ цѣлаго пучка мускульныхъ волоконецъ; при раздраженіи всѣ волоконца, а значитъ и стебелекъ, быстро сокращаются, сворачиваясь въ спираль, и, стоявшая почти вертикально, сувойка опускается глубоко, увлекаемая своею укоротившеюся ножкой...

Нахожу излишнимъ дальнѣйшее перечисленіе различныхъ формъ движенія живого вещества; надо полагать, что и приведенныхъ вполнѣ достаточно, чтобы составить себѣ болѣе или менѣе ясное понятіе объ одномъ изъ характернѣйшихъ проявленій жизни въ клѣткѣ.

В. Лункевичъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

*) Сюда, быть можетъ, примыкаютъ и движенія, свойственныя листьямъ нѣкоторыхъ насѣкомоядныхъ растеній, напр., мухоловки.

ИЗЪ МАРІИ КОНОПНИЦКОЙ.

Зачѣмъ же та бездна обиды и горя,
Что слабыхъ отъ сильныхъ отрѣзала прочь,
Безмолвнѣе смерти, безбрежнѣе моря,
Зіяетъ какъ рана, какъ черная ночь?
    Мрачнѣе и глубже открытаго гроба,
    Страшнѣе заразы, чернѣе тюрьмы...
    И тщетно стремится страданье и злоба
    Наполнить пожаромъ пучину той тьмы.
Народы не могутъ залить ее кровью,
Въ угрюмую пропасть летятъ, что ни день,
И доблесть, и зависть, и дружба съ любовью,
И слезы, и клятвы,—и гибнутъ, какъ тѣнь.
    И время бросаетъ несчетныя силы,
    Безмѣрныя страсти въ утробу ея,
    Живыя рожденья, нѣмыя могилы,
    Но сблизить не можетъ края.
Мудрецъ отдаетъ ей свой разумъ пытливый,
Пророкъ вдохновенный—кипучую рѣчь,
И нищій-работникъ—свой трудъ терпѣливый,
И воинъ даетъ ей свой мечъ;
Герой—свою славу и жажду свободы,
И творческій геній—могучую страсть,
Душа—свои муки и вѣчность—народы;
Самъ Богъ свои громы бросаетъ ей въ пасть,
Но тѣмъ же проклятьемъ и казнью природы
    Надъ міромъ виситъ ея власть.
О, кто же дастъ силу тѣмъ зернамъ посѣва,
Что бездна пожрала въ зіяющей мглѣ,
Чтобъ выросли всходы изъ мрачнаго зѣва
На жатву благую голодной землѣ?
    О ясное солнце, зачѣмъ такъ несмѣло
    Ты всходишь въ туманѣ надъ бездной нѣмой?
    Спѣши же, чтобъ утро нашъ холодъ согрѣло,
    Чтобъ свѣтъ воцарился надъ тьмой!..

Танъ.

СТУДЕНТКА.

Романъ Грэхэмъ Трэверса.

Переводъ съ англійскаго З. Журавской.

(*Продолженіе* *).

Глава XXXVIII.

Бабочка съ обожженными крылышками.

Къ новому году жизнь въ маленькомъ домикѣ уже опять шла по старому. Мона украсила гостиную гирляндами изъ остролистника, по сто разъ на день бѣгала въ кухню, наблюдая за приготовленіемъ праздничныхъ тортовъ,—вообще, дѣлала все, что могла, чтобы привести себя и другихъ въ праздничное настроеніе. Нельзя, однако, сказать, чтобы попытки ея увѣнчались успѣхомъ; Рэчель была совершенно неспособна искать, или находить поэзію въ домашней жизни, а смутныя мечты Моны устроить угощеніе для своихъ маленькихъ *protegées*, или ёлку для дѣтей изъ воскресной школы разбились о необходимость держаться въ границахъ принятой на себя роли. Для себя она не искала и не желала развлеченій. Изъ всѣхъ сосѣдей тетя Белль была единственнымъ существомъ, съ которымъ ей было бы пріятно повидаться,—тетя Белль и, пожалуй, еще одинъ человѣкъ: за эти дни Мона часто видала докторскую бричку, но самого доктора не встрѣтила ни разу.

Новогодній обѣдъ—не очень-то веселая штука, когда въ вынужденномъ одиночествѣ вдвоемъ сходятся люди, мало подходящіе другъ къ другу, и Мона обрадовалась, когда Рэчель получила отъ одной своей старинной пріятельницы приглашеніе на чай. Ее тоже звали, но она отговорилась и не пошла, да и сама Рэчель не очень настаивала. Мона въ общемъ была довольно популярна среди пріятельницъ своей кузины, но всѣ говорили въ одинъ голосъ, что для дружеской болтовни у камелька она не годится—скучна. Салли была отпущена на весь вечеръ,

---

*) См. «Міръ Божій», № 6, іюнь.

и Рэчель нѣсколько стѣснялась оставить кузину одну, но Мона, смѣясь, сказала ей:

— Полноте, такъ будетъ удобнѣе и для васъ, и для меня. Я снесу кусокъ пирога старой Дженни, и она, навѣрное, угоститъ меня чаемъ. У меня давно уже лежитъ на совѣсти этотъ визитъ. Погода самая подходящая для прогулки, а ночью мнѣ будетъ свѣтить луна.

Дѣйствительно, погода была прелестная.

Солнце медленно скрывалось за линіей горизонта; серпъ мѣсяца выступалъ все яснѣе; когда Мона вошла въ лѣсъ, мистическая, неземная красота окружающей природы такъ захватила ее, что у нея выступили на глазахъ слезы. Тишина прерывалась только шепотомъ лѣса; при свѣтѣ мѣсяца граціозно изогнутыя вѣтви и тонкія вершины казались кристаллами.

Мона сама не знала, сколько времени она простояла у калитки. Ее вывелъ изъ забытья стукъ колесъ. Кто это? Ужъ не полковникъ ли вернулся? Или можетъ быть Дженни больна? Она вдругъ догадалась, кого ей предстоитъ увидѣть.

Это былъ докторъ Дудлей; онъ шелъ, ведя лошадь въ поводу; лицо у него было усталое и озабоченное. При видѣ женской фигуры у калитки онъ обрадовался и ускорилъ шаги, но, узнавъ, кто это, остановился, какъ вкопанный, и чуть не застоналъ отъ досады. Минуту тому назадъ онъ дорого бы далъ за встрѣчу съ женщиной, но теперь, когда желаніе его исполнилось, горько жалѣлъ, что изъ всѣхъ женщинъ судьба послала ему на встрѣчу именно эту.

Однако выбора не было, и онъ сразу приступилъ къ дѣлу; губы у него побѣлѣли, но голосъ звучалъ твердо.

— Я нахожусь въ очень тягостномъ положеніи, миссъ Маклинъ. За мной прислали спасать отравившагося мышьякомъ, а, проѣзжая мимо этого коттэджа, я узналъ, что здѣсь женщина мучается родами. Кстати, эта несчастная—ваша маленькая Магги. Бѣдняжка! Вотъ когда она дѣйствительно можетъ спросить себя: стоитъ ли жить! Разумѣется, мнѣ пришлось сначала съѣздить къ больному, но я оставилъ его, не дождавшись конца, и теперь долженъ спѣшить назадъ. Ребенокъ только что родился.

— Дженни здѣсь?—глухо спросила Мона. Она едва могла говорить подъ наплывомъ охватившей ее горечи и жалости.

— Дженни уѣхала въ Лейхъ повидать брата-шкипера, который только что возвратился изъ плаванія. Дѣвушка вернулась домой нежданно-негаданно. Всѣ сосѣди въ городѣ празднуютъ Новый годъ; въ коттэджѣ остались только дѣти, да больной старикъ-сторожъ. Онъ замѣтилъ, что бѣдняжкѣ плохо приходится, и позвалъ меня, когда я проѣзжалъ мимо. Можетъ быть вы зайдете туда? Тамъ нѣтъ даже огня, а бѣдное дитя нуждается въ уходѣ. Конечно, это—работа не для васъ...

Мона посмотрѣла на него съ какимъ-то страннымъ блескомъ въ глазахъ.

— Не можетъ быть, чтобъ вы говорили серьезно. Еслибъ вы встрѣтили герцогиню—и то эта работа не была бы низка для нея. Я думаю, въ коттэджѣ можно достать молока? Магги должно быть весь день ничего не ѣла.

У него дрожали губы, но онъ вздохнулъ съ облегченіемъ, видя, какъ просто она все это приняла.

— Благослови васъ Боже!—сказалъ онъ, беря въ руки возжи.— Я думаю, съ Магги все обойдется благополучно. Я постараюсь вернуться какъ можно скорѣе и первую женщину, какая мнѣ попадется, пришлю вамъ на смѣну.

— Не дѣлайте этого. Лучше мнѣ просидѣть здѣсь всю ночь, чѣмъ пустить сюда чужую, неизвѣстную мнѣ женщину. Поѣзжайте. Помоги вамъ Боже!

Она добыла молока и стрѣлой помчалась къ дому полковника. Онъ и въ хорошую погоду смотрѣлъ угрюмо, а теперь казался совсѣмъ чернымъ, мрачнымъ и страшнымъ—самый подходящій пріютъ для бѣдной обжегшей крылышки бабочки, прилетѣвшей сюда въ часъ смертельной тоски и муки.

Работы предстояло много, и Мона была рада этому: такое негодованіе закипало въ ея душѣ при видѣ измученнаго, осунувшагося лица прежней толстушки Магги. Воздадимъ должное скромнымъ, благороднымъ женщинамъ, строго блюдущимъ цѣломудріе и достоинство своего пола; но поблагодаримъ и тѣхъ, которыя, подобно Монѣ въ тяжкій часъ испытанія забываютъ о винѣ бѣдной грѣшницы и видятъ въ ней лишь обиженное, страдающее дитя.

Скоро на очагѣ запылалъ огонь, постель была прибрана, и Мона напоила горячимъ молокомъ изголодавшуюся родильницу. Только больной знаетъ, какъ отрадно имѣть въ комнатѣ близкаго человѣка, который, безъ разговоровъ и разспросовъ, сразу берется за дѣло. Бѣдняжка Магги смотрѣла на свою благодѣтельницу глазами загнаннаго животнаго, которое, истекая кровью, спряталось въ чащу лѣса и внезапно открыло, что оно нашло надежный пріютъ.

Въ первыя минуты Мона сомнѣвалась, доживетъ ли ребенокъ до возвращенія доктора. Онъ былъ такой слабенькій и тщедушный,— жалкое существо, брошенное раньше времени въ холодный, суетный міръ, который не ждалъ его и не нуждался въ немъ. «Лучше бы ему умереть!»—думала Мона, но въ то же время принимала всѣ мѣры къ тому, чтобъ онъ остался живъ, и сердечно обрадовалась, убѣдившись, что немедленная опасность миновала. Не знаю, что при этомъ сильнѣе говорило въ ней: врачъ или женщина.

Все успокоилось, и Магги уснула съ необсохшими слезами на длинныхъ рѣсницахъ, когда вернулся докторъ Дудлей.

Онъ извинился за свое долгое отсутствіе, наскоро задалъ нѣсколько вопросовъ, потомъ прошелъ въ кухню, подвинулъ къ Монѣ расшатанное, старое кресло, и самъ усѣлся на столъ.

— Боюсь, что вы очень устали?

— О, нѣтъ!

— Это вы оставляете на завтра?

Онъ охотно пощупалъ бы ея пульсъ, но не рѣшился.

— Не знаю, что бы мы съ бѣдняжкой Магги дѣлали безъ васъ! Мнѣ таки пришлось повозиться со своимъ больнымъ. Я засталъ его въ обморочномъ состояніи,—блѣднымъ, похолодѣвшимъ, съ синими пятнами подъ глазами.

— Что же вы сдѣлали?—спросила Мона съ жаднымъ любопытствомъ студентки.

— Хорошо вамъ спрашивать. Насъ учатъ какъ вывести ядъ изъ желудка или нейтрализовать его дѣйствіе, начиняютъ намъ головы выдержками и цитатами, но какъ спасти жизнь больному—этому не учатъ,—это вѣдь только подробность... Само собой я обложилъ его горячими бутылками. Возбуждающія боялся давать,—они вѣдь способствуютъ поглощенію яда, но въ концѣ концовъ рискнулъ дать виски съ водой и больной сразу очнулся. Я ужасно тревожился за васъ, но думалъ, что какая-нибудь замужняя сосѣдка уже пришла вамъ на помощь.

— Не пришла и не придетъ. Я дала старику соверенъ, чтобы онъ держалъ языкъ за зубами,—начала Мона и вдругъ запнулась, вспомнивъ, что помощницѣ миссъ Симпсонъ вовсе не подобаетъ такъ сорить деньгами.

Дудлей улыбнулся, немножко насмѣшливо, но очень ласково, и это моментально отразилось на лицѣ Моны.

— Вы находите, что это было глупо?—спросила она просто.

— Боже меня сохрани критиковать женскій инстинктъ! Я бы, конечно, не сумѣлъ заставить его молчать. Я давно уже убѣдился, что если вы не хотите, чтобы люди говорили о чемъ-нибудь, самое лучшее—опубликовать это въ газетахъ, поднять воротникъ пальто, сложить руки и—ждать.

— Все это хорошо, когда дѣло идетъ о самомъ себѣ, но вѣдь надо принять въ расчетъ и старую Дженни. Такъ она сама рѣшитъ, какъ ей поступить, а если бы сторожъ проболтался, у нея не было бы выбора.

— Совершенно вѣрно! мнѣ слѣдовало бы сразу сообразить, что вы правы. Имѣть возможность сказать Дженни, что никто ничего не знаетъ—это стоитъ дороже соверена. Ну, слава Богу! Значитъ, все какъ слѣдуетъ быть. Я своего больного отходилъ и такъ радъ, что готовъ кричать ура, какъ школьникъ. Отравленіе вѣдь дѣло не шуточное: тутъ ничего не знаешь навѣрное, торопишься, дѣйствуешь на-

угадъ; а въ перспективѣ—судебное слѣдствіе.—«Вы говорите, сэръ»,—Дудлей сдѣлалъ видъ, будто надѣваетъ парикъ и поправляетъ очки:—вы хотите сказать, что, имѣя на своей отвѣтственности человѣческую жизнь, вы дѣйствовали такъ-то и такъ-то?»—Уфъ! Кто смѣетъ сказать, что врачу легко достается его заработокъ? Послѣ такого случая, нужно много разстройствъ пищеваренія, или болѣзней печени, чтобы возстановить душевное равновѣсіе!

— Охотно вѣрю и потому совѣтую вамъ отправиться домой и постараться хорошенько уснуть.

— А вы-то какже? Неужто же вы думаете, что я способенъ уснуть сномъ праведныхъ, оставивъ васъ здѣсь одну?

— Вамъ именно это и надо сдѣлать. Мнѣ часъ ходьбы не повредитъ; кстати я за послѣднее время мало гуляла. А вы отвезите записочку моей кузинѣ и если можно, зайдите сказать м-рсъ Арнотъ—вы знаете, о комъ я говорю, это большая пріятельница Дженни,—чтобъ она пришла завтра утромъ. Ей можно сказать: она человѣкъ надежный. Скажите, чтобы она подождала, пока откроютъ магазины, и купила мнѣ все, что тутъ записано.

Магги проснулась, и Дудлей передъ уходомъ зашелъ къ ней. Бѣдняжка находила, что докторъ очень добръ, но страшно конфузилась и рада была, когда онъ ушелъ. Оставшись одна съ Моной, она начала съ того, что разрыдалась.

— Я вамъ разскажу, какъ это все вышло.

— Не сегодня, милая,—ласково сказала Мона, гладя ея густые темные волосы.—Когда окрѣпнете немножко, тогда и разскажете все по порядку, а сегодня лежите спокойно и отдыхайте. Я сдѣлаю все, что надо.

Странно тянулись для нея долгіе часы ночи, среди тишины, нарушаемой только ровнымъ дыханіемъ спящей молодой матери, тиканьемъ часовъ да случайнымъ шумомъ отъ паденія головни. Ей казалось невѣроятнымъ, чтобы эта дѣвочка—эта бабочка—уже вступила, суетная и неподготовленная въ ту страну, которая для каждой новой путницы представляется почти такой-же неизвѣданной и таинственной, какъ область смерти. Еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Мона чувствовала себя старухой, умудренной опытомъ, рядомъ съ этимъ наивнымъ ребенкомъ; теперь между ними лежала цѣлая бездна познанія и скорби, и Мона стояла у края бездны, а эта дѣвочка-мать была на *томъ* берегу.

Глава XXXIX.

Разспросы.

Избирая медицинскую карьеру, Мона руководилась отчасти страстной любовью къ наукѣ и научнымъ занятіямъ, отчасти же глубокимъ убѣ-

жденіемъ, что, если годность женщинъ для нѣкоторыхъ сферъ дѣятельности—пока еще вопросъ открытый, занятіе медициной составляетъ ихъ долгъ и естественное право, независимо отъ всѣхъ измѣнчивыхъ знаменъ и условныхъ взглядовъ. Неудачи «сбили съ нея спѣсь», какъ она выражалась, но, оставляя на время занятія, она лишь въ первые дни серьезно думала о томъ, чтобы отречься отъ своего дѣла. Человѣкъ часто и долго колеблется; нужно много посвященій, чтобы онъ убѣдился въ своемъ призваніи, и Мона прошла черезъ такое посвященіе въ эту ночь въ Бартноумъ-Вудѣ, за сотни миль отъ своей школы, въ храмѣ изъ осеребренныхъ инеемъ сосенъ, гдѣ алтаремъ служилъ заброшенный домъ—прибѣжище грѣха и скорби.

Ночь прошла и утреннее солнышко весело заиграло на ледяныхъ кристаллахъ. Вмѣстѣ съ первыми лучами его явилась и м-рсъ Арнотъ, добрая и матерински-заботливая, но страшно сконфуженная такимъ неожиданнымъ происшествіемъ; Мона взяла съ нея слово не заводить съ больной никакихъ разговоровъ о прошломъ, и ушла пообѣщавъ вернуться вечеромъ. Магги проводила свою благодѣтельницу глазами, полными слезъ, потомъ отвернулась къ стѣнѣ и притворилась спящей Если бъ можно было никогда не разставаться съ миссъ Маклинъ какъ бы это было хорошо! Можетъ быть, при такихъ условіяхъ, она со временемъ даже начала бы забывать его.

Во время своей болѣзни Рэчель была очень ласкова съ кузиной и Мона была совершенно не подготовлена къ негодованію и упрекамъ, обрушившимся на нее, лишь только она вошла въ гостиную. Въ запискѣ, переданной докторомъ, было сказано, что Мона осталась ходить за Магги, внезапно заболѣвшей въ лѣсу, и Рэчель сразу догадалась, что случилось.

Мона попыталась было спокойно обсудить этотъ вопросъ, но злыя безжалостныя слова такъ больно язвили ей сердце, что она не въ силахъ была говорить. Она поднялась, взяла со стола перчатки и холодно сказала:

— Достаточно кузина! Вы забываете только что то же самое, въ смыслѣ внезапнаго заболѣванія, могло бы случиться съ вами или со мной.

Это, несомнѣнно, было труизмомъ, но Рэчель не расположена была взглянуть на дѣло съ этой точки зрѣнія. Наоборотъ, она раскипятилась еще больше.

— Дженни можетъ нанять сидѣлку въ Киркстоунѣ. Я не позволю вамъ ухаживать за тварью, о которой и говорить-то неприлично порядочной женщинѣ. Вы не пойдете больше въ этотъ домъ!

— Я обѣщала придти послѣ обѣда. Разумѣется, вы имѣете полное право сказать мнѣ, чтобы я больше сюда не возвращалась. Но я очень устала, и было бы жаль, если бы послѣ всей вашей доброты ко мнѣ, вы отослали меня изъ дому съ такимъ толкованіемъ притчи о добромъ

самарянинѣ. Если вы сами не станете разсказывать, никто и не узнаетъ, что я имѣла какое-либо отношеніе къ этому происшествію.

Прежде, чѣмъ кузина успѣла отвѣтить, Мона вышла изъ комнаты. Вскорѣ Салли постучалась къ ней и внесла на подносѣ довольно аппетитный завтракъ. Бѣдная Рэчель! ее легко было побить ея же собственнымъ оружіемъ. Она была вполнѣ увѣрена, что притча о добромъ самарянинѣ тутъ ни при чемъ, но при одномъ упоминаніи объ этой притчѣ, ей вспомнились и другія мѣста изъ Евангелія, какъ бы подтверждавшія слова Моны. Но вѣдь теперь не тѣ времена. Свѣтъ совсѣмъ перемѣнился. Неужели же поощрять эту развращенную дѣвчонку, чтобы она еще смѣла задирать носъ послѣ того, что случилось?

Даже ради Дженни, Мона не унизилась бы передъ Рэчелью до просьбы никому не говорить о происшедшемъ, но у Рэчели были свои причины молчать. Она была достаточно умна, чтобы сообразить, что если правда выйдетъ наружу, она выйдетъ вся «безъ остатка, и, чтобы не повредить своей плоти и крови», она готова была временно щадить даже Магги.

Въ полдень зашелъ Дудлей.

— Я такъ и разсчитывалъ, что судьба поможетъ мнѣ застать васъ одну. Ваши паціенты чувствуютъ себя превосходно. Я зашелъ сказать, что сегодня вечеромъ должна возвратиться Дженни; она выйдетъ въ Киркстоунѣ. Я знаю, что вамъ не легко будетъ исполнить мою просьбу, но, право, все обошлось бы гораздо легче, если бы ее встрѣтили.

— Спасибо, что зашли предупредить; я ужасно волновалась по поводу ея возвращенія. Боюсь, что многого не могу сдѣлать, но, конечно, сдѣлаю все, что могу. Я хотѣла итти сейчасъ же послѣ обѣда, но теперь подожду и пойду вмѣстѣ съ Дженни. Бѣдная! Какой это будетъ ударъ для нея!

Дудлей пристально смотрѣлъ на нее.

— Я только-что выразилъ свой восторгъ по поводу того, что вижу васъ, а теперь, съ истинно-мужской непослѣдовательностью хочу побранить васъ за то, что вы не легли отдохнуть. Вамъ бы слѣдовало поспать часика два. У васъ страшно усталый видъ.

— Наружность обманчива.

— Боюсь, что миссъ Симпсонъ не особенно довольна тѣмъ, какъ вы провели эту ночь.

Мона немножко смутилась, потомъ улыбнулась:

— Миссъ Симпсонъ не имѣетъ власти надъ моей совѣстью.

— И слава Богу! Но сегодня, надѣюсь, вы останетесь не дольше получаса.

— Не знаю.

— Нѣтъ, миссъ Маклинъ, дольше вы не останетесь; я вамъ этого не позволю.

Глаза ея заискрились лукавствомъ.

— Простите мою навязчивость,—сказала она,—и объясните мнѣ, по какому праву вы вмѣшиваетесь. Развѣ дѣло врача опредѣлять, сколько времени сидѣлка должна оставаться при исполненіи своихъ обязанностей? Я, знаете, такъ спрашиваю, чтобы знать.

— Да, это дѣло врача.

— А! Въ такомъ случаѣ надо повиноваться. Спасибо что объяснили.

Но вдругъ кровь бросилась ей въ лицо.

— О, докторъ Дудлей,—вскричала она порывисто,—какъ это гадко, что сейчасъ же послѣ такой трагедіи я способна смѣяться и шутить!

— Чѣмъ же гадко? Смѣхъ и шутки, какъ цвѣты и солнечный свѣтъ, показываютъ только, что въ основѣ вещей не все трагедія. Это здоровая реакція. Если бы, увидавъ слишкомъ близко изнанку жизни, мы утратили бы способность смѣяться, мы, пожалуй, сошли бы съ ума, не правда ли?

— Да,—сказала она серьезно.

— Я нахожу, что это большая ошибка—выводить чувствительность за предѣлы побудительнаго мотива. Физіологія учитъ насъ, что наисильнѣйшій стимулъ тотъ, который вызываетъ *maximum* сокращенія, такъ и наисильнѣйшее чувство даетъ не *maximum* чувства, но maximum дѣйствія. Магги подъ вашимъ крылышкомъ все равно, что у Христа за пазухой. Я немногое могу для нея сдѣлать, такъ какъ законъ не дозволяетъ намъ сворачивать шеи своимъ ближнимъ иначе, какъ въ видѣ самозащиты; но я завтра же повидаюсь съ Дженни и постараюсь устроить такъ, чтобы отецъ давалъ деньги на содержаніе ребенка. Такъ почему же намъ и не посмѣяться немножко? неужели это такое преступленіе?

Дудлей говорилъ искренно и просто, не думая о томъ, какое впечатлѣніе произведетъ его рыцарская рѣчь на женщину, глубоко преданную своему полу. Мона хотѣла поблагодарить его, но не нашла словъ и, какъ ребенокъ, посмотрѣла на него полными слезъ глазами.

Тутъ Дудлей понялъ въ первый разъ, какъ прекрасно лицо его возлюбленной, понялъ, что это лицо, подобно глинѣ въ рукахъ горшечника, только отпечатокъ чудной души.

Онъ молча протянулъ ей руку и вышелъ.

Глава XL.

«Матушка.»

Сумерки быстро сгущались; по небу неслись разорванныя тучи; Мона ходила взадъ и впередъ по платформѣ полустанка, поджидая возвращенія Дженни. Перспектива длинной прогулки подъ этимъ мрачнымъ небомъ и тягостнаго разговора не улыбалась ей, и Мона серьезно

подумывала о томъ, чтобы нанять экипажъ; но это былъ вѣрный способъ обратить на себя общее вниманіе, и Мона вынуждена была отказаться отъ этой мысли. Поѣздъ опоздалъ; вѣтеръ съ каждой минутой усиливался; наконецъ, раздался свистокъ и черезъ нѣсколько минутъ на подножкѣ грязнаго вагона третьяго класса показалась маленькая сухая фигурка Дженни, усиливавшейся протиснуть черезъ двери узелокъ и корзину.

Сердце Моны заныло сильнѣе при видѣ этого усталаго старческаго лица и все существо ея возмутилось противъ принятой на себя задачи. Въ сущности, къ чему вмѣшиваться? Развѣ въ такихъ случаяхъ можно быть увѣреннымъ, что не принесешь больше вреда, чѣмъ пользы? Не лучше ли предоставить все судьбѣ и природѣ?

— Это вы, Дженни?—сказала она.—Намъ по дорогѣ, пойдемте вмѣстѣ. Дайте мнѣ вашу корзину.

— Богъ съ вами, миссъ Маклинъ! Развѣ барышнѣ годится таскать такія корзины! Вы посмотрите, какая она тяжелая.

— Пустяки!—сказала Мона, напрягая мускулы, чтобы поднять корзину, какъ перышко.—Я возьму и узелъ, если хотите. А теперь, Дженни, разсказывайте, какъ вы съѣздили.

Она больше всего боялась, какъ бы старуха не заподозрила чего-нибудь раньше, чѣмъ онѣ выйдутъ изъ города и, чтобы отвлечь ея вниманіе, не переставала болтать о чемъ придется. Когда онѣ вышли на шоссе, дѣвушка перевела духъ съ облегченіемъ и вмѣстѣ со страхомъ, думая: сейчасъ начнется.

— Какая ужасная ночь,—задыхаясь, выговорила Дженни, вѣтеръ все время дулъ имъ въ лицо—и взяла Мону подъ руку,—не знаю, какъ я домой доберусь. Съ чего это вы, барышня, выбрались гулять въ такую погоду?

— Я была у васъ вчера вечеромъ,—уклончиво отвѣтила Мона,—и не застала.

— Ахъ вы бѣдненькая, даромъ прошлись! Вотъ вѣдь досада-то. И вы не знали, конечно, что ключъ у сосѣдей, а то могли бы хоть войти отдохнуть. Я бы теперь пригласила васъ зайти, да вѣдь домъ-то не топленъ, а вы, навѣрное, идете куда-нибудь въ гости.

— Да, да,—разсѣянно протянула Мона и сразу перешла къ предмету, занимавшему ея мысли.—Давно вы имѣли извѣстія отъ Магги?

Лицо старухи омрачилось.

— Да, вотъ, можетъ быть, дома ждетъ письмецо. А то давно не получала. Вотъ ужъ полтора мѣсяца ни строчки. Въ февралѣ, слава Богу, кончается ей годъ службы. Я не буду имѣть минуты покоя до тѣхъ поръ, пока она не вернется домой.

— Можетъ быть, она больна,—многозначительно сказала Мона.

Дженни воззрилась на свою спутницу.

— Почему вы это говорите?

— Дженни, — начала Мона дрожащимъ голосомъ, — я вчера застала, вмѣсто васъ, Магги. Она вернулась домой.

Впослѣдствіи она не могла припомнить, сказала ли она еще что-нибудь, или Дженни сама догадалась. Еще нѣсколько вопросовъ, спѣшныхъ, повелительныхъ и затѣмъ—взрывъ негодованія, отъ котораго у Моны застыла кровь въ жилахъ. Въ первую минуту она ничего не поняла въ этомъ потокѣ гнѣвныхъ безсвязныхъ рѣчей; она только смутно видѣла худенькую, старческую фигурку, потрясающую въ воздухѣ кулаками, призывая проклятія на голову своего ребенка, и ей страшно было смотрѣть на эту мать, клянущую дочь.

Старуха неожиданно схватила свой узелъ и пошла впередъ такъ быстро, что Мона едва поспѣвала за ней.

— Какъ она смѣла вернуться домой!—бормотала Дженни.—Какъ у нея духу хватило? Пошла бы куда-нибудь, гдѣ ея никто не знаетъ, а не срамила бы мать. Босоногая дрянь! Счастье твое, что меня дома не было: я бы у тебя подъ носомъ дверь захлопнула. Погоди, я тебя сегодня же вышвырну на улицу и тебя, и твое отродье поганое. Я съ такой не стану жить подъ одной кровлей. Пусть пропадаетъ — туда ей и дорога! Зачѣмъ не думала раньше! Что посѣешь, то и пожнешь. Съ этого дня она мнѣ не дочь. Я глазъ не сомкну, пока не вышвырну этой негодницы изъ своего дома!

— Выгнать ее изъ дому, значитъ всѣмъ объяснить, что случилось,—спокойно возразила Мона.—А пока никто ничего не знаетъ.

Лицо старухи просіяло, но не надолго.

— Къ чему вы меня утѣшаете?—сказала она съ горечью.—Или вы сами еще ребенокъ и не знаете, что такіе секреты скоро всплываютъ наружу. Я сама въ такихъ случаяхъ не держала языка за зубами, и другія молчать не станутъ,—и вдругъ у нея вырвалось воплемъ:—ой, барышня, милая вы моя, какъ же мнѣ тяжко! Что мнѣ дѣлать, горькой-горюшѣ! Ну, пусть я ее выгоню изъ дому, да какъ же я-то сама людямъ въ глаза смотрѣть буду? Пропала моя головушка бѣдная! Видно, что сдѣлано, того ужъ не передѣлаешь!

— Сдѣланнаго не передѣлаешь,—тихо молвила Мона, — но можно сдѣлать его еще хуже. Дѣвочка, идя къ вамъ, не знала, что часъ ея близокъ. Она шла къ вамъ за совѣтомъ и помощью. Да и куда же ей было пойти, къ кому обратиться? Неужели вы предпочли бы, чтобы она бродила по улицамъ? Изъ-за того, что она утратила такъ-называемое доброе имя, вы готовы отречься отъ нея. А душа ея развѣ не дорога вамъ? Я въ жизнь не видѣла ничего прелестнѣе и трогательнѣе этого глубокаго довѣрія, съ которымъ бѣдняжка пришла къ своей матери. У меня бы навѣрное не хватило на это мужества. Она знаетъ васъ лучше, чѣмъ вы сами себя. Она не даромъ засыпала у васъ на колѣняхъ, она не забыла вашихъ ласкъ: когда свѣтъ обошелся съ ней жестоко, и она впала въ искушеніе, она знала, къ кому обратиться.

Это лучше всякихъ клятвъ и обѣщаній исправиться. Будь я ея матерью, я бы плюнула на всякое злословіе и клевету и на колѣняхъ благодарила бы за это Бога.

Мона остановилась; въ темнотѣ раздалось подавленное рыданіе.

— Я не ребенокъ, Дженни,—продолжала она.— Я не хуже васъ знаю, что скажетъ свѣтъ, но сейчасъ мы съ вами далеки отъ свѣта; мы однѣ во мракѣ передъ лицомъ Божіимъ. Попытаемся же взглянуть на это такъ, какъ Онъ смотрѣлъ. Вы сами знаете, что если теперь отнестись къ Магги ласково и любовно, она, послѣ своего паденія, станетъ не хуже, а лучше. *Онъ* тоже зналъ это и далъ ей, матери, власть обратить зло въ добро. Не думайте, что ея жизнь безвозвратно испорчена. Она еще совсѣмъ дитя. Разумѣется, ей нельзя оставаться здѣсь, но, если вы позволите, я пріищу ей такое мѣсто, гдѣ за ней будетъ хорошій присмотръ и уходъ; и вы еще доживете до того, что увидите ее замужемъ и въ кругу дѣтей, которыми будете гордиться.

Дженни всхлипывала уже громко.

— Нѣтъ, нѣтъ, миссъ Маклинъ; хоть вы и склеите куски, хоть и никто не будетъ знать о томъ, что кувшинъ разбитъ, трещина все-таки останется.

— Правда ваша, милая Дженни; но, вѣдь, передъ Богомъ мы всѣ такіе же треснувшіе сосуды. Мы не совершили именно этого грѣха, но, можетъ быть, наша гордость и себялюбіе въ Его глазахъ еще большій грѣхъ. Я увѣрена, что Христосъ излилъ бы свой праведный гнѣвъ на мужчину, который своимъ эгоизмомъ довелъ ее до этого ужаса, но бѣдной маленькой Магги, уже вдоволь настрадавшейся, Онъ сказалъ бы только: «Я не осуждаю тебя; иди и не грѣши болѣе!»

Мнѣ кажется, въ этомъ мірѣ только тотъ и можетъ обрѣсти душевное спокойствіе, кто старается смотрѣть на вещи такъ, какъ смотрѣлъ Онъ.

Онѣ говорили все время, пока не дошли до дому. Вліяніе Моны было сильно, но и противодѣйствіе ему оказывалось не менѣе сильное. Въ такую минуту, когда, казалось, все было выиграно, камень тяжело срывался съ мѣста и откатывался назадъ. Мона совсѣмъ измучилась отъ этой неустанной борьбы и даже, подходя къ двери, не была вполнѣ увѣрена, что Дженни не исполнитъ своей давешней угрозы.

М-рсъ Арнотъ уже съ полчаса какъ ушла, и Магги лежала одна, блѣдная, съ ширико-раскрытыми, скорбными глазами. Она издали заслышала шаги матери и, вся дрожа, повернулась къ двери.

— Матушка!—вскрикнула она, когда та вошла, и зарыдала.

Послѣ нѣсколькихъ секундъ мучительной нерѣшимости въ отвѣтъ ей раздался горестный вопль:

— Дочка моя, доченька милая! Дитятко ты мое безталанное! И зачѣмъ только я тебя отпустила въ чужіе люди!..

Мона неслышно выскользнула за дверь и пошла въ кухню. Яркій

огонь на очагѣ и блестѣвшая на полкахъ посуда плавали въ какомъ то туманѣ передъ ея глазами, но душа ея ликовала.

— Какъ она крикнула «Матушка!» Что такое всѣ мои увѣщанія въ сравненіи съ этимъ воплемъ измученнаго сердца? А все-таки я рада, что пошла.

Минутъ черезъ десять она вернулась въ спальню съ подносомъ въ рукахъ.

— Не знаю, какъ вы, Дженни, а я такъ очень озябла и проголодалась, и потому позволила себѣ заварить чай. Я думаю даже Магги можно позволить выпить, чашечку, слабенькаго, если она пообѣщаетъ сегодня больше не разговаривать.

Дженни выпила горячаго чаю и, несмотря на ея тяжкое горе, у нея стало легче на душѣ.. Конечно, люди будутъ чесать языки, но вѣдь у нея есть и поддержка: дружба миссъ Маклинъ тоже чего-нибудь да стоитъ; и потомъ — она подумала, что не худо бы почитать на ночь Евангеліе и отыскать *ту* главу,—объ Іисусѣ и грѣшницѣ. Еслибъ кто-нибудь сказалъ Дженни, что черезъ какихъ-нибудь два часа послѣ того, какъ до нея дойдетъ страшная вѣсть, сердце ея будетъ биться сравнительно спокойно, она бы только презрительно засмѣялась. А между тѣмъ такъ оно было. Бѣдная старая Дженни! Утро принесетъ съ собой иныя мысли, возвратъ старыхъ взглядовъ и предразсудковъ; но она въ простотѣ души, не думала объ этомъ и на нѣсколько короткихъ часовъ обрѣла душевный миръ.

Глава XLI.

Цвѣтокъ распускается.

Какъ только чай былъ выпитъ, Мона стала прощаться. Дженни уговаривала ее переночевать и пугала вѣтромъ, свиставшимъ въ верхушкахъ сосенъ, но Мона только смѣялась. Однако, очутившись одна въ темнотѣ, она пожалѣла о своей опрометчивости. Держась за плетень, она ощупью пробиралась къ воротамъ, какъ вдругъ невдалекѣ передъ нею мелькнули огоньки фонарей, и она сразу почувствовала себя подъ защитой.

Заслышавъ ея шаги, Дудлей выступилъ впередъ.

— Вотъ это хорошо, что вы послушались,—сказалъ онъ, и въ его бархатномъ голосѣ зазвучали радостныя нотки.

— Очень рада, что начальство удостоило меня одобреніемъ.

— Дженни вернулась?

— Да. Все благополучно, по крайней мѣрѣ, на сегодня. Завтра надо будетъ пойти пораньше туда. Какое это было чудное зрѣлище! — И Мона описала встрѣчу матери съ дочерью.

— Вы сдѣлали доброе дѣло,—помолчавъ, сказалъ Дудлей.

— О, я ровно ничего не сдѣлала. Всѣ мои героическія усилія про-

пали бы даромъ, еслибъ не этотъ крикъ Магги: «Матушка!» Мнѣ потомъ было прямо смѣшно, что я такъ старалась.

— Вы забываете, что и крикъ Магги пропалъ бы даромъ, еслибъ вы не взяли на себя неблагодарный трудъ подготовить почву.

— Вы навѣстите больную?

— А развѣ нужно?

— По моему, нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ я буду имѣть удовольствіе отвезти васъ домой.

— О нѣтъ, благодарю васъ. Я предпочитаю итти пѣшкомъ.

Оба они стояли на свѣту. Дудлей вдругъ расхрабрился.

— Посмотрите мнѣ въ глаза, миссъ Маклинъ, и скажите, что это правда.

Мона подняла на него глаза, испытывая странное смущеніе: ей казалось, что земля ускользаетъ изъ подъ ея ногъ.

— Нѣтъ,—сказала она,—это не правда. Я даже боюсь итти пѣшкомъ, но—вы знаете, что я не могу ѣхать съ вами.

— Почему?

Мона сдвинула брови—ей была непріятна эта настойчивость—и глаза ихъ снова встрѣтились.

— Потому что я не сдѣлала-бы этого при дневномъ свѣтѣ,—выговорила она строго и гордо.

Наступило минутное молчаніе.

— Завтра пріѣжаетъ замѣститель Бёрнея, будто вскользь замѣтилъ Дудлей.

Она чуть-чуть измѣнилась въ лицѣ, но отъ его зоркихъ глазъ не укрылась эта перемѣна.

— Я сдамъ ему больныхъ и затѣмъ долженъ буду уѣхать: я обѣщалъ теткѣ свезти её въ теплые края. Вернусь я только въ августѣ.

Отвѣта не было. Внезапно налетѣвшій порывъ вѣтра заставилъ Мону вздрогнуть и она инстинктивно схватилась за бортъ брички.

Дудлей подалъ ей руку.

— Подножка высока, но вы, пожалуй, достанете.

Мона безсознательно оперлась на его руку, хотѣла сказать что-то колкое, но не смогла и, молча, сѣла въ бричку.

— Что со мной?—говорила она себѣ.—Околдовали меня? Или я начинаю сходить съ ума?

Ни разу еще во всю свою жизнь она не чувствовала себя такой безпомощной. Обычная находчивость совсѣмъ измѣнила ей. Она смутно чувствовала, что завтра будетъ негодовать на себя за свою слабость и недостатокъ гордости, но въ данный моментъ ей было только хорошо.

Дудлей закуталъ ей ноги пледомъ и взялъ вожжи.

— Ну что же, развѣ это не лучше, чѣмъ итти пѣшкомъ?—спросилъ онъ тихо, наклоняясь къ ней, чтобы разслышать ея отвѣтъ.

Всего минуту колебалась она прежде, чѣмъ окончательно поддаться овладѣвшимъ ею чарамъ.

— Лучше,—выговорила она тихо.

— Вы рады, что поѣхали?

На этотъ разъ она даже не пыталась бороться.

— Рада.

— Вотъ это хорошо! — Онъ отпустилъ возжи.—Пепи устала. Не спѣши, старушонка. Можешь пройтись шагомъ.

Мона нервно вздрагивала.

— Вамъ холодно. Накиньте это на себя.

Онъ снялъ съ сидѣнья другой пледъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ. Мнѣ въ сущности не холодно, и потомъ надо, чтобы у меня руки были свободны. Меня сдуетъ вѣтромъ, если я не буду держаться.

— Будто?—переспросилъ онъ съ какой-то странной интонаціей.— Подержите-ка возжи.

Онъ передалъ ей возжи, развернулъ пледъ и окуталъ ей плечи. Одно мгновеніе онъ чувствовалъ на своей щекѣ ее теплое дыханіе; локонъ ея волосъ, развитый вѣтромъ, легко коснулся его руки. Она сидѣла возлѣ него, покорная, беззащитная, какъ ребенокъ, держа въ одной рукѣ возжи, а другой цѣпляясь за край брички.

И Дудлей забылся. Благія намѣренія вылетѣли у него изъ головы; онъ, какъ игрокъ, испытывалъ лишь страстное желаніе поставить все на карту. Если карта бита, онъ погибъ, но если онъ выиграетъ, весь міръ не вмѣститъ его сокровищъ. Онъ не можетъ ждать,—не можетъ, не въ силахъ. Одинъ мигъ скажетъ ему все; онъ долженъ знать. Можетъ-быть и будущее таитъ наслажденіе, но кто вернетъ имъ этотъ часъ, эту ночь, бурю, уединеніе и пылкость желаній..

И рука, охватившая талію Моны, чтобы запахнуть пледъ, не была принята.

— Дайте мнѣ возжи,—сказалъ онъ твердо, съ тѣмъ спокойствіемъ, которое и въ минуты самаго сильнаго возбужденія не покидаетъ любимцевъ природы; — дайте мнѣ возжи и примите руку; я буду держать васъ.

Онъ нѣжно и властно обнялъ ее и придвинулъ къ себѣ вплотную.

Что же Мона? Почему она не оттолкнула его? Никогда еще ни одинъ мужчина, кромѣ сэръ Дугласа и стараго м-ра Рейнольдса, не позволялъ себѣ съ ней ничего, кромѣ пожатія руки; почему же теперь она покорилась безъ словъ, даже не пытаясь освободиться? Почему? Она сама не знала, что съ ней. Послѣдній проблескъ инстинкта самосохраненія побуждалъ ее сидѣть смирно, чтобы ни словомъ, ни звукомъ не выдать себя, чтобъ онъ не зналъ, какъ безумно бьется ея сердце.

«Я умираю»,—думала она, но это была не смерть, а жизнь. Зоркій глазъ Дудлея угадалъ въ закрытой почкѣ пышный цвѣтокъ, и въ эту бурную ночь на вѣтрѣ и холоду, подъ солнцемъ его ласки, цвѣтокъ началъ распускаться!

Такимъ образомъ Ральфъ узналъ, что эта женщина будетъ его женой.

Ни слова не было сказано между ними.—Мона не въ состояніи была говорить, Ральфъ радовался видя, что все сказано безъ словъ. У подъѣзда миссъ Симпсонъ онъ остановился, высадилъ Мону, поднесъ къ губамъ ея руку и подождалъ, пока за ней не захлопнулась дверь.

Глава XLII.

Передъ отъѣздомъ.

Передъ отдъѣздомъ изъ Борроунесса Мона больше не видала Дудлея и, какъ это ни странно, ей даже не захотѣлось его видѣть. Къ полнотѣ ея душевной жизни въ этотъ моментъ ничего нельзя было прибавить. Она жила въ мірѣ золотыхъ грезъ. Свои обычныя обязанности она исполняла, можетъ-быть, даже лучше обыкновеннаго, но все время сознавала, что это все не настоящее. Когда же дѣйствительность настоятельно заявила свои права, ей пришлось не мало потрудиться надъ собой, чтобы войти въ колею.

— Я теперь,—говорила она себѣ,—точно человѣкъ, который полжизни прожилъ въ домѣ, вполнѣ удовлетворяющемъ всѣмъ его требованіямъ, и вдругъ, случайно коснувшись пружины, открылъ потайную дверь въ стѣнѣ и увидалъ лѣстницу, ведущую въ амфиладу очарованныхъ комнатъ. Онъ прошелъ ихъ всѣ и вернулся назадъ, въ свою столовую, въ рабочій кабинетъ и не узнаетъ ихъ; все то же, да не то; онъ уже не можетъ забыть объ очарованныхъ комнатахъ. Ему необходимо привести ихъ въ связь съ остальными, превратить ихъ въ жилые покои; но для этого ему надо исправить и расширить свои взгляды, раздвинуть рамки своей жизни.

Писемъ она не ждала и не получала. «Въ іюлѣ, когда я сдамъ экзамены, я буду вправѣ говорить и дѣлать то, чего не смѣю говорить и дѣлать теперь». Когда эти слова были сказаны, Мона не придала имъ опредѣленнаго значенія, но теперь она знала, что въ августѣ услышитъ о своемъ другѣ.

Ей даже въ голову не приходило, что его поведеніе въ *ту* ночь было непослѣдовательно и въ высшей степени неприлично. Когда человѣкъ въ первый разъ присутствуетъ при землетрясеніи, онъ не задается вопросомъ, какія въ этомъ землетрясеніи есть особенныя, только ему присущія черты и какія присущи всѣмъ землетрясеніямъ вообще. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, прежде чѣмъ Мона поняла, что все происшедшее между нею и докторомъ Дудлеемъ, старо, какъ міръ. Мнѣ почти стыдно сказать это о женщинѣ уже не первой молодости и притомъ имѣющей претензію на опытность, но надо сознаться, что ея отношенія къ Дудлею представлялись ей чѣмъ-то единственнымъ въ своемъ родѣ. Большинство дѣвушекъ мечтаетъ о любви. Мона мечтала

только о долгѣ, и любовь предстала передъ нею невѣдомымъ гостемъ, одареннымъ волшебной властью открывать самые потаенные уголки ея сердца. Она не анализировала не спрашивала себя, что это значитъ? Она жила день за день и была счастлива.

Прошло много дней, прежде чѣмъ на ея небѣ появилось облачко, величиной не больше ладони, въ видѣ знакомаго вопроса: «Что скажетъ докторъ Дудлей, когда узнаетъ, что она студентка, изучающая медицину, и что жизнь ея совсѣмъ не такова, какъ онъ представлялъ себѣ?» Въ первый моментъ, она просто закрыла глаза и отвернулась, не желая отвѣчать на вопросъ, но облачко не исчезало и росло. Потомъ ей пришло въ голову написать ему, но она тотчасъ же отогнала эту мысль. Писать, объясняться—значитъ говорить о томъ, что онъ первый долженъ выразить словами.

Къ февралю Мона уже начала подыскивать себѣ замѣстительницу и подготовлять кузину къ своему отъѣзду. Долгое время Рэчель не хотѣла и слышать объ этомъ; потомъ наступилъ періодъ упрековъ и негодующихъ жалобъ; наконецъ, убѣдившись, что Мона никогда не принадлежала ей всецѣло, добрая душа принялась лить потоки слезъ, окружая ее самой нѣжной заботою, которая страшно трогала Мону.

— Мнѣ, право, жаль уѣзжать,—сказала однажды Мона.—Это была такая тихая, спокойная зима, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ счастливѣйшая въ моей жизни.

— Такъ зачѣмъ же вы ѣдете? Разумѣется, не мое дѣло говорить объ этомъ, но вѣдь всякій же видитъ, что творится съ м-ромъ Броуномъ. Я со дня на день жду, что онъ выскажется. Надѣюсь, вы не упустите такого случая. М-ръ Броунъ такой умный солидный, и вкусы у васъ одинаковые.

Мона вспыхнула, но тотчасъ же овладѣла собой:—Во-первыхъ, дорогая, такой «случай», какъ вы его называете, врядъ ли представится мнѣ; а во-вторыхъ, еслибъ онъ и представился, я несомнѣнно упущу его.

— Ну, знаете, васъ не разберешь. Я понимаю, еслибъ вы имѣли что-нибудь противъ лавки,—нѣкоторые этимъ брезгаютъ,—но вѣдь вы сами мастерица торговать. Я всегда говорила, что у васъ золотая голова для этого дѣла. До васъ я совсѣмъ не вела счетныхъ книгъ, да и дохода съ магазина не имѣла никакого,—ей Богу, одинъ убытокъ! Все шло кое-какъ, черезъ пень-колоду: то, глядишь, запачкалось, то выцвѣло, то забыли купить,—и такъ все. А давеча, какъ я показала м-ру Броуну наши книги и сказала ему, сколько мы наторговали за послѣдніе три мѣсяца, онъ просто диву дался. А пусти васъ въ большой магазинъ,—да вамъ цѣны не будетъ! Моя племянница—отличная дѣвушка но куда же ей до васъ! Она, бывало, вѣчно все перепутаетъ, забудетъ положить вещь на мѣсто, а потомъ ищешь, ищешь безъ конца. А все таки хорошо мы съ ней жили. Что-то она теперь подѣлываетъ, бѣдняжка?..

— Вы, по крайней мѣрѣ, пріѣзжайте погостить ко мнѣ,—сказала Рэчель нѣсколько дней спустя.

— Непремѣнно. Лѣто я обѣщала провести у однихъ друзей, но, какъ только освобожусь, пріѣду къ вамъ на недѣльку, если вы захотите принять меня,—такъ, приблизительно, въ первой половинѣ августа.

Читателю, конечно, пріятно будетъ узнать, что, говоря это, Мона ощущала угрызенія совѣсти.

Первая половина августа! Какъ билось ея сердце, при мысли объ этихъ дняхъ! Экзамены будутъ уже сданы. На актѣ, въ Бёрлингтонъ-гоузѣ Дудлей навѣрное не замѣтитъ ея: онъ слишкомъ близорукъ. А здѣсь, въ замкѣ Маклинъ, когда солнце будетъ играть на волнахъ, а волны плескаться о берегъ, она разскажетъ ему всю правду, прежде чѣмъ имя ея появится въ спискахъ. Теперь она была увѣрена въ успѣхѣ, не допускала даже возможности провала. Потомъ выйдутъ списки, и они просмотрятъ ихъ вмѣстѣ. Если надо будетъ, она смирится и попроситъ прощенія за то, что она въ извѣстномъ смыслѣ обманула его; но въ этомъ, конечно, не будетъ надобности. Все устроится само собой легко, естественно и чудно-хорошо, думала Мона.

Вѣсть о скоромъ отъѣздѣ миссъ Маклинъ вызвала большую сенсацію: всѣ удивлялись, сожалѣли, многіе были искренно огорчены, и больше всѣхъ тетя Белль. Умная старуха была невысокаго мнѣнія о людяхъ вообще и не очень любила ихъ, особенно «бабъ», но Мона пришлась ей по душѣ; тетя Бель была заранѣе расположена въ ея пользу и всѣмъ говорила, что «у миссъ Маклинъ есть царь въ головѣ, а для дѣвки и это уже много».

Въ одно прекрасное утро, въ концѣ февраля, тетя Белль уложила въ корзиночку два десятка свѣжеснесенныхъ яицъ и, въ первый разъ за много мѣсяцевъ, отправилась съ визитомъ къ Рэчели Симпсонъ. Къ немалому своему удовольствію, проходя черезъ Кильвинни, она встрѣтила сестеръ м-ра Броуна.

— Куда это вы собрались, м-рсъ Иссонъ! Васъ теперь не часто увидишь.

Тетя Белль зорко посмотрѣла на говорившую.

— Куда собралось? А повидать миссъ Маклинъ. Она скоро уѣзжаетъ.

— Почему уѣзжаетъ? Я слышала, что миссъ Симпсонъ была очень довольна ею, какъ помощницей.

— Довольна! Еще бы не довольна! Тетя Белль едва сдерживала свое негодованіе. Миссъ Маклинъ вездѣ умѣетъ быть полезной; жалко, что не о каждой изъ насъ можно это сказать. Миссъ Симпсонъ, я думаю, дорого бы дала, чтобъ удержать ее. Да развѣ такую дѣвушку здѣсь удержишь! Вы имѣете понятіе о томъ, что за человѣкъ былъ ея отецъ? Вѣдь у нея своихъ денегъ-то сколько угодно—копи, да откладывай. Да и воспитанія она тонкаго,—не то, что мы съ вами или Рэчель Симпсонъ; вѣдь это сразу видно, что она къ такому обществу не привыкла.

Отведя, такимъ образомъ, душу, тетя Белль поставила свою корзинку на первый попавшійся камень, вытерла лицо и очки бѣлоснѣжнымъ носовымъ платкомъ и съ легкимъ сердцемъ продолжала свой путь.

Рэчели она не застала, но Мона встрѣтила ее съ такой шумной радостью, что добрая женщина была болѣе чѣмъ вознаграждена за понесенный трудъ. Эксцентричность тети Белль, доставившая ей прозвище «старой чудачки», наполовину происходила отъ избытка энтузіазма, заложеннаго природой въ ея душу; и потому старуха высоко цѣнила это качество въ другихъ, когда оно умѣрялось выдержкой.

— У васъ усталый видъ,—сказала Мона, подавая тетѣ Белль чашку собственноручно приготовленнаго чаю.

— Ахъ, и не говори! Измучилась я съ этими дѣвчонками. Одна больна — въ первый разъ пью въ этомъ домѣ вкусный чай. Одна больна, — да она и не дѣвчонка уже; ей въ Мартиновъ день минетъ сорокъ, но она служитъ у меня съ шестнадцати лѣтъ; заболѣла и не хочетъ, глупая, итти къ доктору; прямо не знаю, что съ ней дѣлать.

— Что же съ ней такое?

— Вотъ еще выдумала разспрашивать. Ты еще молода, дѣвочка, да и не интересно тебѣ про это слушать.

— Именно мнѣ-то и интересно. Я не ребенокъ, тетя, и притомъ— теперь, когда я уѣзжаю, Рэчель не разсердится, если я скажу вамъ, что я учусь, чтобы сдѣлаться врачомъ.

Удивленіе, недовѣріе, недовольство—всѣ эти чувства почти одновременно отразились на подвижномъ старомъ лицѣ; затѣмъ это лицо стало вдругъ страшно серьезнымъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, дѣвочка,—сказала она строго.—Ты этакъ не шути со мной. Ты дѣвка умная; тебѣ не слѣдъ подражать всѣмъ этимъ заграничнымъ фокусамъ. Это—мода въ Америкѣ, а не у насъ. Вспомни о своемъ отцѣ! Ты должна такъ себя вести, чтобъ никакой тѣни не бросить на свое имя.

— Разскажите мнѣ о вашей служанкѣ,—продолжала Мона ласково, но твердо; эта настойчивость была убѣдительнѣе всякихъ возраженій.— На что она жалуется?

Тетя Белль колебалась, но эта болѣзнь тяжелымъ бременемъ лежала у нея на душѣ, а тутъ ей обѣщали сочувствіе—и она не устояла.

— Видишь, она не то, что жалуется, а...—и тетя Белль зашептала на ухо Монѣ.

Та слушала внимательно, изрѣдка предлагая вопросы.

— Я пошла бы васъ проводить, чтобъ посмотрѣть ее сегодня же, но я обѣщала быть сегодня дома: ко мнѣ придетъ одна женщина переговорить насчетъ мѣста. Я приду къ вамъ завтра. Всего вѣрнѣе, что мнѣ ничего не удастся сдѣлать,—я еще слишкомъ мало знаю,—но такіе симптомы могутъ происходить отъ разныхъ причинъ. Если я увижу, что ничего не могу сдѣлать, я уговорю ее пойти къ доктору, или же возьму ее въ Эдинбургъ и помѣщу въ женскую больницу.

— Да тебѣ-то съ какой стати возиться съ ней?

Мона засмѣялась.

— Это моя профессія. Всѣ мы живемъ для того, чтобы приносить пользу другимъ.

— Полно, полно! ты лучше уговори ее сходить къ доктору Робертсону. Я, можетъ, плохо ее убѣждала,—ну да вѣдь я и сама невысокаго мнѣнія о докторахъ. Придетъ время помирать, такъ помру и безъ ихней помощи, а отравляться аптечными снадобьями не желаю.

Вошла Рэчель и разговоръ былъ прерванъ.

Прощаясь у садовой калитки, Мона сказала:

— И такъ, до завтра.

— Ахъ, дѣвочка, какъ же ты меня разогорчила! Я вѣдь тебя люблю, какъ свое родное дитя. Этакое задумала... Кто бы могъ ожидать отъ такой разумной дѣвушки!.. Полно, выкинь ты эту дурь изъ головы.

— Мона положила руки на плечи старухѣ и, нагнувшись, поцѣловала ее въ морщинистый лобъ.

— Я ни за что въ мірѣ не хотѣла бы огорчить васъ, тетя Белль. Если позволите, мы обсудимъ это завтра.

— Нечего тутъ обсуждать. Негодится это для тебя, *неприлично*— вотъ и все.

Старуха пришла веселая, а ушла съ большой тяжестью на душѣ.

Лѣкарство, прописанное Моной, подѣйствовало, хотя Мона говорила, что это «скорѣе удача, чѣмъ успѣхъ», и больная скоро оправилась. Тетя Белль ходила серьезная и ни съ кѣмъ объ этомъ не говорила, но сама больная была менѣе сдержанна, и передъ отъѣздомъ Мона пріобрѣла еще одну паціентку въ Кильвинни. Здѣсь болѣзнь была слишкомъ запущена, даже и для хирургической помощи, но больная отнеслась съ глубокимъ довѣріемъ къ новой докторшѣ, а ея смиреніе, кроткая покорность судьбѣ такъ тронули дѣвушку, что она ушла потрясенная. Мона была молода и здорова, дорожила жизнью и не могла примириться съ невозможностью помочь.

«Слава Богу, скоро я опять примусь за работу»,—думала она, спѣша домой». Я хочу знать, знать, какъ можно больше. Это ужасно быть заживо погребенной подъ своимъ собственнымъ невѣжествомъ и безпомощностью.

Увы, грезы молодости несбыточны! Можно стремиться, можно работать, но развѣ этимъ раздвинешь стѣнки гроба?

Глава XLIII.

Прости Борроунессъ!

Передъ отъѣздомъ изъ Борроунесса Монѣ оказаны были двѣ большія почести.

Во первыхъ, дѣвицы Броунъ нанесли ей формальный визитъ. Всѣ три явились въ парадныхъ костюмахъ и были любезны даже до чрезвычайности, но не приглашали къ себѣ Мону и ни словомъ не заикнулись о новой прогулкѣ.

Слова тети Белль достигли цѣли: онѣ поняли какое разстояніе отдѣляетъ ихъ отъ Моны, но, поразмысливъ, разсудили, что все равно имъ нельзя было поступать иначе. Не въ томъ вѣдь дѣло, женится ли ихъ братъ на богатой дѣвушкѣ или на бѣдной; ему вовсе не слѣдовало жениться; это не входило въ ихъ программу. Положеніе несомнѣнно представлялось теперь въ новомъ свѣтѣ, но, не зная хорошенько, какъ къ этому отнесется ихъ братъ, онѣ, пока что, сочли за лучшее ничего не говорить ему.

Тѣмъ не менѣе, таинственные и преувеличенные слухи о «знатномъ родствѣ» миссъ Маклинъ должно быть распространились по городу; иначе трудно было объяснить вторую великую почесть, выпавшую на долю Моны и явившуюся въ видѣ письма, на толстой дорогой бумагѣ, украшенной затѣйливымъ гербомъ.

М-ръ и м-рсъ Куксонъ, просятъ, миссъ Маклинъ сдѣлать имъ удовольствіе, отобѣдать съ ними е. t. с.».

Отобѣдать! Мона уже забыла, что значитъ «обѣдать». Она со смѣхомъ отложила въ сторону письмо.

— Если мой другъ Матильда не выдала меня,—чего я не думаю—это положительно успѣхъ!

Первымъ побужденіемъ ея было отказать, но она подумала объ огорченіи Матильды, подумала, что докторъ Дудлей, зная объ ея близости съ этой дѣвушкой нашелъ бы отказъ недостойнымъ ея—и показала записку Рэчели.

— Разумѣется, надо идти,—сказала та;—но, въ виду того что намъ такъ мало остается быть вмѣстѣ, они могли бы пригласить и меня!

Мона чувствовала сильное искушеніе написать въ отвѣтъ, что она нигдѣ не бываетъ безъ своей кузины, но она по совѣсти не могла сказать, что Куксоны могли бы пригласить и Рэчель.

Она кончила тѣмъ, что пошла, одѣвшись очень тщательно, чтобы не разочаровать ожиданій Матильды, и въ общемъ была пріятно удивлена. Семейство оказалось менѣе вульгарнымъ чѣмъ она ожидала.

Наконецъ всѣ прощальные визиты были окончены, и она принялась за укладку, говоря себѣ: — Могла ли я думать шесть мѣсяцевъ тому назадъ, что мнѣ такъ грустно будетъ уѣзжать!

Ей надарили множество кипсэковъ, книжечекъ для иголокъ, подушечекъ для булавокъ; каждая дѣвушка, приходившая къ ней совѣтоваться на счетъ шляпки, мѣста или жениха, считала долгомъ принести ей что нибудь на память. Рэчель подарила ей двѣ вышитыя скамеечки, дешево пріобрѣтенныя на базарѣ; дѣвицы Бонтронъ великолѣпную библію (какъ Монѣ хотѣлось показать её доктору Дудлею), Матильда—

плато изъ раковинъ и водорослей, собранныхъ близь Замка Маклинъ и наклеенныхъ на картонъ, съ надписью посрединѣ

«Отъ признательной
М. К.
въ память
Счастливѣйшихъ часовъ ея жизни».

Это было удачно придумано и выполнено почти артистически, но воспитаніе и привычки сказались таки въ массивной золотой рамѣ, совершенно не подходящей къ простенькому вѣнку.

— О, Боже! къ чему это,—подумала Мона, но тѣмъ не менѣе осторожно уложила подарокъ, словно какую-нибудь драгоцѣнность.

Труднѣе всего было разстоваться съ Рэчелью.

На мѣсто Моны, была нанята толковая и расторопная молодая особа, но Рэчель не хотѣла и смотрѣть на нее.

— Что мнѣ въ томъ, что она хорошая?—повторяла она рыдая,— вѣдь это не моя плоть и кровь. Лучше бы вы ужъ не пріѣзжали!

Мона чувствовала, что это горе скоро пройдетъ,—но тѣмъ не менѣе, когда мокрый, мелькавшій въ воздухѣ платокъ Рэчели, скрылся за поворотомъ дороги, она откинулась на подушки, совершенно измученная.

Уже смерклось, когда поѣздъ остановился въ Эдинбургѣ. Мона не ошиблась: ее ждали Дорисъ и Сагибъ. Дорисъ пристально смотрѣла въ ту сторону, откуда долженъ былъ придти поѣздъ, а Сагибъ смотрѣлъ на Дорисъ, но оба такъ сердечно встрѣтили усталую путницу, что она сразу забыла обо всемъ кромѣ того, что она сестра Дорисъ, другъ Сагиба и—еще что-то для кого-то.

— Пони и мальчикъ съ пальчикъ тоже здѣсь?—спрашивала Мона, идя по платформѣ.

— О, да! только въ послѣднее время меня преслѣдуетъ страшная мысль, что мальчикъ съ пальчикъ начинаетъ расти.

— А вы развѣ не съ нами?—спросила Мона Сагиба, когда тотъ началъ застегивать фартукъ колясочки.

Онъ съ добродушной улыбкой посмотрѣлъ на свою атлетическую фигуру.

— Какъ же мнѣ это сдѣлать? Развѣ посадить васъ всѣхъ въ карманъ: пони, коляску и сѣдоковъ? Миссъ Колькхунъ была такъ любезна, что пригласила меня обѣдать,—вотъ мы и увидимся.

Подруги почти не разговаривали по дорогѣ домой и Мона была очень рада, что ее оставили одну отдыхать до обѣда.

— Какъ я радъ видѣть васъ, миссъ Маклинъ,—вскричалъ мистеръ Колькхунъ, когда Мона вошла въ гостиную.—Вы пріѣхали какъ разъ во время: я хотѣлъ посовѣтоваться съ вами на счетъ новаго микроскопа, который собираюсь купить; еще день и я бы не выдержалъ.—Послушайте, да вы похорошѣли, ей Богу, похорошѣли!

— Она смотритъ на пять лѣтъ моложе,—подхватила Дорисъ.

— Разъ ужъ мы перешли на личности,—вставилъ Сагибъ,—я бы сказалъ: на пять лѣтъ старше, но это не мѣшаетъ мнѣ отъ души согласиться съ мистеромъ Колькхунъ.

Мона покраснѣла и засмѣялась, чтобы скрыть смущеніе,

— Конечно, старше, — сказала она, кивнувъ головой Сагибу, — я страшно постарѣла.

Войдя въ столовую, она обвела взглядомъ, красивую безъ всякой вычурности, комнату; прекрасно сервированный столъ—и даже вздохнула отъ удовольствія.

— Въ цѣломъ мірѣ нѣтъ дома, гдѣ бы я себя чувствовала такъ хорошо, какъ здѣсь. Ничто меня не раздражаетъ; я говорю когда мнѣ хочется, и разрѣшаю себѣ быть самой собою.

— Вотъ это пріятно слышать,—вскричалъ мистеръ Колькхунъ,— давайте-ка я налью вамъ супу.

За обѣдомъ разговоръ поддерживали главнымъ образомъ мужчины. Мона была утомлена, а Дорисъ вообще становилась разговорчивѣе только съ глазу на глазъ. А между тѣмъ, какъ живо чувствовалось за столомъ присутствіе этой милой, граціозной дѣвушки, этого прелестнаго, полудѣтскаго личика, по которому трудно было угадать, сколько воли и энтузіазма таила въ себѣ его обладательница.

— Мнѣ просто не вѣриться, что вы пробудете у меня цѣлую недѣлю,—сказала Дорисъ, входя вмѣстѣ съ Моной въ свою комнату, и поправляя огонь въ каминѣ; — это слишкомъ хорошо. А какъ я рада, что вы опять возметесь за работу!

— И я рада, дорогая,—просто сказала Мона.

— Еще бы! Я знала, что вы вернетесь къ вашему исходному пункту.

Мона улыбнулась.— Вы рѣшительно отказываетесь отъ спирали? Ну ладно, скажемъ, что это кругъ, но во всякомъ случаѣ кругъ вышелъ больше, чѣмъ я воображала.

Дорисъ поразили не слова, а тонъ, какимъ они были сказаны. Она обернулась къ подругѣ.

— Что же расширило его?

Мона лежала на низенькой кушеткѣ, заложивъ руки за голову, неотрывая глазъ отъ потолка.

— Не знаю выговорила она.—Многое. Какъ поживаетъ Магги?

— Отлично. Лаура увѣряетъ, что изъ нея выйдетъ отличная кухарка. Посмотрѣли бы вы, какъ у нея просіяло лицо, когда я сказала, что вы пріѣдете! Я такъ благодарна вамъ, Мона, что вы дали мнѣ случай помочь ей. Такъ мало можно сдѣлать—то-есть я могу сдѣлать. Она очень милая и такая хорошенькая. Когда я подумаю объ этомъ человѣкѣ... Дорисъ вся вспыхнула и запнулась.

— Не думайте о немъ, дорогая. Это безполезно. И знаете что, не балуйте Магги.

Дорисъ низко наклонилась къ огню, и слезы повисли на ея длин-

ныхъ рѣсницахъ. Она старалась смахнуть ихъ—напрасно; къ тому же около нея никого не было, кромѣ Моны, а Мона была для нея все равно, что второе *я*. Дорисъ прижала платокъ къ глазамъ и черезъ минуту уже съ улыбкой повернулась къ подругѣ.

— Какъ вамъ должно быть тяжело было тогда ночью, въ лѣсу! Вотъ-то я гордилась вами!

— Я желала бы, чтобы у васъ больше было причинъ гордиться мной, дорогая. То, что мнѣ пришлось сдѣлать, было до крайности просто.

— А тотъ деревенскій врачъ, — что онъ сказалъ, когда увидѣлъ, что вы оказались на высотѣ положенія?

Мона опять подняла глаза къ потолку.

— Не думаю, чтобы онъ сказалъ что-нибудь достойное быть занесеннымъ въ скрижали исторіи. Кажется онъ намекнулъ, что Магги не дурно было бы выпить немного бульону.

Это, какъ могъ бы засвидѣтельствовать Дудлэй, было чистѣйшей выдумкой.

— Не думаю, чтобы у него хватило мужества сознаться въ этомъ, но долженъ же онъ былъ видѣть, что тамъ *вы* были на своемъ мѣстѣ, а не онъ.

Мона раскрыла было ротъ для отвѣта, но удержалась.

— Во всякомъ случаѣ Магги была не единственной моей паціенткой, сказала она, помолчавъ.—Потомъ у меня была масса практики. Еслибъ мнѣ только платили за визиты, могу васъ увѣрить, я уѣхала бы оттуда богачкой. О, Дорисъ, какъ это иногда бываетъ печально!..—И она разсказала о своей послѣдней паціенткѣ.

— Бѣдняжка! Я ужасно рада, что вы уѣхали оттуда, но не понимаю, какъ вы могли рѣшиться оставить ее.

— И я тоже.

— Ее нельзя было привезти въ Эдинбургъ?

Мона покачала головой.

Слишкомъ поздно.

— Но вѣдь это ужасно отказаться отъ нея, передать ее мужчинѣ! Я не понимаю, какъ вы рѣшились сдѣлать это.

— Это потому, что вы не знаете, какъ онъ добръ, какъ онъ понималъ меня съ полуслова и облегчалъ этимъ мою задачу. Я говорю о докторѣ изъ Кильвинни,—это уже пожилой человѣкъ.

Мона вскочила на ноги и прислонилась къ рѣшеткѣ камина.

— Рискуя навсегда потерять ваше уваженіе, Дорисъ, я все-таки должна сказать, что мужчины врачи удивительно ласковы и внимательны къ больнымъ. Когда я вспомню, какіе милые встрѣчаются между ними, я просто удивляюсь, что у насъ, женщинъ есть паціентки!

— *Милые*! — Спокойно, но съ глубокимъ презрѣніемъ повторила Дорисъ. — Вѣдь это ихъ ремесло быть милыми. Я въ жизнь свою не

обращалась къ мужчинѣ врачу и никогда не обращусь, но, еслибы пришлось, я ужъ лучше бы выбрала медвѣдя, чѣмъ такого *милаго* доктора.

Мона засмѣялась.

— Полноте, не унижайте этого слова; право же, милые люди гораздо привлекательнѣе большинства добродѣтельныхъ. Кстати, какъ вамъ нравится Сагибъ?

Лицо Дорисъ просвѣтлѣло.

— Онъ вѣритъ въ женщинъ-врачей.

— Да, и вообще онъ ужасно симпатичный.

— У него очень здравые взгляды на вещи,—задумчиво продолжала Дорисъ.

— Вы часто съ нимъ видѣлись?

— Довольно часто. Онъ очень интересуется занятіями моего отца. Теперь я понимаю, что вы подразумѣвали, говоря, что такого человѣка каждая женщина хотѣла бы имѣть братомъ.

Въ этомъ было мало утѣшительнаго, и Мона поспѣшила перемѣнить разговоръ.

Во время ея прибыванія въ Эдинбургѣ, Сагибъ каждый день заходилъ на часъ, на два, то къ завтраку, то къ обѣду, то для того чтобы сопровождать барышень на лекцію или въ концертъ. Онъ былъ одинаково милъ и братски ласковъ съ обѣими, но Монѣ казалось, что по временамъ онъ чувствуетъ себя не совсѣмъ ловко.

— Еслибъ у него только хватило здраваго смысла, выбросить все изъ головы, — думала она, — какимъ бы облегченіемъ это было для насъ обоихъ!

Но желаніе ея не сбылось.

Въ воскресенье послѣ завтрака, Дорисъ отправилась въ воскресную школу, отецъ ея прилегъ отдохнуть, а Мона сидѣла одна въ библіотекѣ, въ глубочайшемъ креслѣ, съ книгой на колѣняхъ.

Вдругъ дверь отворилась и вошелъ Сагибъ, безъ доклада.

— Вы однѣ? — спросилъ онъ, какъ будто не надѣялся застать ее одну.

— Да,—отвѣтила Мона, и не нашлась сказать ничего больше.

Онъ нервнымъ жестомъ взялъ книгу съ ея колѣнъ и посмотрѣлъ заглавіе.

— У васъ образцовый выборъ книгъ.

— Боюсь, что моя образцовость этимъ и оканчивается,—краснѣя, сказала Мона,—Я не прочла ни единой строчки; я мечтала.

Онъ глянулъ на нее и вдругъ рѣшился.

— Миссъ Маклинъ, я пришелъ за отвѣтомъ.

Мона подняла на него глаза.

— Какой же отвѣтъ, вы желали бы получить, мистеръ Дикинсонъ?

Еслибъ Сагибъ захотѣлъ отвѣтить по совѣсти онъ сказалъ бы:

«Ей Богу, не знаю!» Но есть моменты, когда и лучшіе изъ людей, считаютъ необходимымъ уклоняться отъ истины, сообразуясь съ обстоятельствами. До пріѣзда Моны въ Эдинбургъ, онъ несомнѣнно сожалѣлъ, что у него тогда на балу вырвалось признаніе; но теперь, при встрѣчахъ съ нею, въ особенности, когда они оставались наединѣ, прежнее очарованіе возвращалось во всей своей силѣ. Дорисъ—жемчужина, но Мона—бриллiантъ; Дорисъ—безупречна, но Мона—чиста какъ хрусталь. Еслибъ судьба столкнула его съ одной изъ нихъ три года назадъ, какъ бы онъ былъ счастливъ! Сагибъ былъ человѣкъ прямолинейный, искренній; онъ прямо таки негодовалъ на судьбу, за то, что она поставила передъ нимъ такую дилемму, но у природы бываютъ свои причуды. Когда онъ оставался наединѣ съ жемчужиной, бриллiантъ казался слишкомъ твердымъ, а игра его граней ослѣпляющей; когда же онъ былъ одинъ съ бриллiантомъ... но нѣтъ, даже красота и блескъ бриллiанта не могли заставить потускнѣть жемчужину.

— Я не мальчикъ,—выговорилъ онъ почти негодующе,—чтобы не знать чего я хочу.

Мона знала, что онъ настоящій мужчина, но чуткое ухо ея уловило въ этихъ словахъ фальшивую ноту. Она медленно поднялась съ кресла и стала передъ каминомъ.

— И я не дѣвочка. Не моя вина, мистеръ Дикинсонъ, что вы два мѣсяца тому назадъ не хотѣли принять моего отвѣта за окончательный. Я могу только повторить, что сказала.

Онъ глубоко чувствовалъ всю несправедливость и въ тоже время всю справедливость ея гнѣва. Но онъ былъ слишкомъ добросовѣстный человѣкъ, чтобы только жаловаться, не признавая себя виновнымъ.

— Принимая во вниманіе, что произошло между нами, — молвилъ онъ просто,—вы могли бы сказать это менѣе рѣзко. Онъ сознавалъ, что это слабо, но никакимъ другимъ отвѣтомъ сильнѣе задѣть ее онъ не могъ. Мона увидала передъ собой прежняго Сагиба и почувствовала угрызеніе совѣсти.

— Развѣ я была рѣзка? Это я право не хотѣла; но я думала, что вы достаточно честны и достаточно хорошо знаете меня, чтобы прійти и прямо сказать, что вы ошиблись. Мнѣ обидно, что вы считаете меня такой мелочной.—Съ минуту она колебалась.—Сагибъ, мы съ Дорисъ друзья съ самаго дѣтства и не было еще мужчины, который, познакомившись съ нами обѣими, не предпочелъ бы ее. Мнѣ даже не вѣрится, чтобы какому либо изъ мужчинъ выпало счастье покорить ея сердце, но я не могу ревновать къ Дорисъ....

Она запнулась. Тогда, на Рождество, она была совершенно правдива съ нимъ,—но была ли она правдива теперь? Вопросъ этотъ, какъ молнія, блеснулъ въ ея умѣ, и она вся поблѣднѣла. Сагибъ наблюдалъ за нею съ живѣйшимъ интересомъ.

— Сагибъ,—выговорила она дрожащимъ голосомъ, опершись рукой на каминъ, — жизнь такъ сложна..... такъ трудно иногда сказать то,

что нужно сказать... Вы спрашивали меня тогда, нѣтъ ли—у меня—кого нибудь другого.... Другой есть — и тогда былъ. Но я вамъ не лгала. Я не знала. Да и теперь—онъ еще не сказалъ...... Она повернулась и убѣжала.

Сагибъ поднялъ брошенную ею книгу и еще разъ прочелъ заглавіе, не видя ни одной буквы. Вопросъ былъ окончательно рѣшенъ для него, но въ эту минуту онъ отдалъ бы почти все что имѣлъ, чтобы быть на мѣстѣ человѣка, покорившаго сердце Моны Маклинъ.

Глава XLIV.

Анатомическій залъ.

Былъ часъ втораго завтрака, и занятія въ Медицинской школѣ близились къ концу. Большинство студентокъ разошлись по домамъ, остались немногія, ужъ очень прилежныя. Долгое время въ залѣ царила напряженная дѣятельность, но деморализующее вліяніе приближавшихся праздниковъ постепенно сказалось, и теперь студентки попросту болтали между собой.

— Госпожи первокурсницы, — начала одна, кладя щипцы;—если вамъ нуженъ добрый совѣтъ, вы можете получить его даромъ;—впрочемъ, совѣты вамъ нужны только, когда экзамены уже на носу, да и то вы не принимаете ихъ. Ну да все ровно. Совѣтую вамъ составить себѣ точное представленіе о клиновидной челюстной ямкѣ. Когда вы это сдѣлаете, вамъ нечего уже бояться анатоміи. Миссъ Уорденъ, не разскажете-ли вы намъ о ней подробно, чтобъ освѣжить это въ памяти намъ и себѣ?

— Не мучьте!—съ напускнымъ отчаяніемъ простонала студентка, занятая сѣченіемъ подошвеннаго сгиба.—Экзаменъ такъ близко, что я дѣлаюсь просто больна, когда мнѣ начинаютъ предлагать вопросы. Я бы даже не пошла экзаменоваться еслибъ не знала, что миссъ Кларкъ тоже идетъ.

— Я бы на вашемъ мѣстѣ не стала особенно разсчитывать на ея поддержку.

— Ахъ, вы не знаете!.. Если она перейдетъ, я и подавно могу надѣяться. Представьте себѣ, на дняхъ я дѣлаю сѣченіе подколѣнной ямки, а она меня спрашиваетъ, не Скарповъ-ли это треугольникъ!

По залѣ пронесся ропотъ недовѣрія.—Полноте, миссъ Уорденъ, Богъ знаетъ, что вы выдумываете.—Вы гдѣ намѣрены держать второй экзаменъ, миссъ Филлисъ, въ Эдинбургѣ или въ Гласго?

— О, конечно, въ Гласго. Я страшно дорожу временемъ. Я еще не начинала читать о мозгѣ. Скажите, пожалуйста, гдѣ можно получить бычачій глазъ?

— У Диксона, я думаю.

— А сѣченіе уха?

— У насъ есть модель уха въ музеѣ.

— *Модель!*—Въ тонѣ говорившей прозвучало безконечное презрѣніе.

— И охота вамъ каждый разъ ѣздить въ Шотландію? Почему вы не экзаменуетесь въ Лондонѣ?

— Помилуйте, столько времени потратить! Шесть лѣтъ! — и это еще въ лучшемъ случаѣ, если не провалюсь.

— Кстати, о провалахъ, вмѣшалась только что вошедшая студентка,—угадайте, кого я сейчасъ встрѣтила? Миссъ Маклинъ.

— Миссъ Маклинъ?—въ Лондонѣ?

— И даже въ химической лабораторіи. Она намѣрена опять держать переходный экзаменъ на старшій курсъ въ іюлѣ.

— Кто такая миссъ Маклинъ?—спросила одна изъ студентокъ.

Всѣ удивились.

— Вы не знаете, кто такая миссъ Маклинъ? Милая моя, это не говоритъ въ вашу пользу. Миссъ Маклинъ — хроническая второкурсница.

— Миссъ Маклинъ чрезвычайно даровитая дѣвушка, — возразила миссъ Уорденъ.

— Въ первый мѣсяцъ послѣ поступленія,—вставила миссъ Филипсъ,—я писала домой, что студентки очень похожи на обыкновенныхъ смертныхъ, но между ними есть нѣсколько выдающихся, и назвала миссъ Маклинъ.

— Для студентки пробный камень—экзаменъ.

— Это не вѣрно или вѣрно только въ широкомъ смыслѣ слова. Вы, напримѣръ, сразу выдержали переходный экзаменъ, но вѣдь никому не придетъ въ голову сравнивать васъ съ миссъ Маклинъ.

— Благодарю васъ,—былъ спокойный отвѣтъ.—Я люблю, когда говорятъ правду въ глаза. Совершенно вѣрно: я никогда такъ много не читала и не гонюсь за послѣднимъ словомъ въ дѣлѣ теорій, но работала я добросовѣстно и знала свой предметъ,—по крайней мѣрѣ въ то время, когда держала экзаменъ.

— Миссъ Маклинъ слишкомъ хороша для студентки; вотъ въ чемъ бѣда.

Студентка, затѣявшая весь этотъ разговоръ, засмѣялась. — Миссъ Маклинъ страшно добра и всегда готова помочь; но я никогда не забуду, какъ я разъ попросила ее показать мнѣ какой-то нервъ въ ея собственномъ сѣченіи. Она отодвинула мышцы крючкомъ и передо мной открылась цѣлая сѣть телеграфныхъ проволокъ, такъ что у меня волосы встали дыбомъ.

— Ну да. На одинъ извѣстный нервъ, она покажетъ вамъ дюжину безымянныхъ, а ужъ ненормальностей сколько ухитрится отыскать, такъ это просто уму непостижимо.

— Иными словами, въ ней сидитъ духъ самостоятельнаго научнаго изслѣдованія,—подхватила миссъ Филипсъ.—Если такая женщина срѣзалась на экзаменѣ, это не говоритъ въ пользу экзаменаторовъ.

Студентка съ тонкими чертами интеллигентнаго лица, работавшая въ уголкѣ надъ мозгомъ и до тѣхъ поръ не принимавшая участія въ разговорѣ, подняла голову, тряхнувъ густой гривой короткихъ черныхъ кудрей.

— Бѣдные экзаменаторы!—воскликнула она.—Отъ кого только имъ не достается! Не желала бы я быть въ ихъ числѣ. Очень можетъ быть, что миссъ Маклинъ весьма даровита и что въ ней сидитъ духъ самостоятельнаго изслѣдованія, но вѣдь изъ-за этого еще никто не проваливался на экзаменѣ. Миссъ Маклинъ схватываетъ очень быстро и сразу составляетъ себѣ довольно правильное сужденіе. Выражаясь метафорически, она вбиваетъ гвозди именно туда, куда нужно и вбиваетъ ихъ часто гораздо больше, чѣмъ нужно, но вбиваетъ-то не накрѣпко. Глядишь, къ экзамену самые главные-то и выпали — поди, подбирай ихъ. А тутъ еще она, не покончивъ со вторымъ курсомъ, начала слушать лекціи на послѣднемъ; это была страшная ошибка съ ея стороны. Не знаю, на чемъ именно срѣзалась Маклинъ, но что она срѣзалась,— это меня нисколько не удивляетъ.

Студентки, затаивъ дыханіе, сконфуженно переглядывались между собой: въ началѣ этой тирады вошла Мона и остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ говорившей. Замѣтивъ смущеніе товарокъ, та обернулась, покраснѣла и, досадуя сама на себя за то, что покраснѣла, сказала гордо:

— Я не знала, что вы здѣсь, миссъ Маклинъ.

Мона придвинула табуретку къ ея столу и сѣла.

— Это мнѣ слѣдуетъ извиниться, миссъ Ласселль, за то, что я слушала рѣчи, не предназначавшіяся для меня; но я была такъ заинтересована, что не подумала объ этомъ. Не часто услышишь такой откровенный діагнозъ.

— Тутъ дѣло не откровенности. Кто-то напалъ на экзаменаторовъ, я вспылила и...

— По моему, только то и стоитъ слушать, что говорится сгоряча. Обдуманныя сужденія, когда ихъ начнешь анализировать, часто оказываются труизмами.

— Притомъ же, въ послѣднемъ я даже покривила душой—я *была* удивлена, когда вы срѣзались.

Заговорили объ особенностяхъ экзаменовъ въ Лондонѣ и въ другихъ городахъ; поднялся принципіальный споръ, въ которомъ приняли участіе всѣ студентки.

— Вы навѣрное достаточно уже поработали сегодня, миссъ Лассель,—сказала наконецъ Мона;—не хотите ли позавтракать со мною. До моей квартиры отсюда всего нѣсколько минутъ ходьбы.

Та колебалась, потомъ вдругъ рѣшилась.

Дѣвушки пошли пѣшкомъ. Худенькая миніатюрная фигурка миссъ Лассель въ изящномъ, но полудѣтскомъ костюмѣ, представляла странный

контрастъ съ величавой фигурой ея спутницы, но лица обѣихъ выражали рѣшимость и волю.

— Хорошо, что вы вернулись.—Сказала миссъ Лассель.

— Я чувствую себя такой старухой среди всѣхъ васъ.

— Да: Студентки съ каждымъ годомъ все молодѣютъ. Это ужасно жаль. Поступаютъ чуть не дѣвочки: даже трудно представить ихъ себѣ на старшемъ курсѣ. Что онѣ знаютъ о жизни?

— А въ результатѣ черезъ десять лѣтъ предложеніе на женщинъ-врачей превыситъ спросъ, по крайней мѣрѣ, у насъ въ Англіи. Потомъ это сгладится, но теперь, чтобы имѣть успѣхъ, женщина должна быть по развитію выше средняго мужчины.

— А у насъ выходитъ все больше среднія женщины, а средняя женщина всегда ниже средняго мужчины.

— Какая ересь!

— Это ничего, дайте срокъ—все перемѣнится. Дайте только женщинамъ настоящее образованіе.

— Вы думаете? Ну, знаете, я бы чувствовала себя очень несчастной, еслибъ не вѣрила въ женщинъ. Я очень цѣню высшее образованіе, но надо принимать въ расчетъ и природу.

— Что жъ, и природа не сказала еще своего послѣдняго слова.

— Объясняться вообще не слѣдуетъ,—неожиданно начала миссъ Лассель, когда онѣ уже сидѣли за завтракомъ.

— Безусловно не слѣдуетъ, особенно когда въ этомъ нѣтъ никакой надобности.

— ...Но мнѣ хотѣлось сказать вамъ, что мнѣ кажется, что у насъ съ вами одинаковый складъ ума, только, разумѣется, вашъ взглядъ на вещи новѣе и шире. ...а у меня познанія глубже,—добавила она мысленно.

— Оказывается, иногда полезно бываетъ объясниться,—сказала Мона.—Я очень рада, что вамъ пришла такая благая мысль. Пріятно думать, что мой складъ ума похожъ на вашъ, боюсь только, что это сходство поверхностное, вродѣ того, какъ скрипка ученика похожа на скрипку учителя.

— А вѣдь пріятно иногда выбраться изъ пыльныхъ музеевъ и посмотрѣть, какъ наука растетъ на свободѣ. Мнѣ тѣмъ нравится лондонскій университетъ, что здѣсь это можно. «То дѣлай, и этого не оставляй». Трудно только найти время для того и для другого.

— Ахъ какъ трудно! — особенно, когда время нужно еще и на третье.

— Да. Я это очень понимаю. Ненавижу жить замурованной. Мнѣ нужно много точекъ соприкосновенія, а не одна. Но все-таки я стараюсь работать добросовѣстно; вѣрнѣе, даже не стараюсь. Это въ моей натурѣ. Учиться для меня наслажденіе.

— Я увѣрена, что вы получите награды по всѣмъ предметамъ.

— Хорошо и то, что есть шансъ на награду: это помогаетъ работать; но времени все таки идетъ ужасно много. Я не въ состояніи работать больше десяти часовъ въ день... Мона отъ ужаса даже выронила вилку.

— Десять часовъ въ день!

— Да; я попробовала было двѣнадцать, но не выдержала.

— Я думаю! По моему, и восемь часовъ—безуміе. Я никогда не занимаюсь больше шести, а въ послѣднія недѣли передъ экзаменами не больше двухъ.

— Почему?

— Подъ конецъ я уже не въ состояніи даже читать. Въ томъ то и горе мое. Вплоть до послѣднихъ двухъ недѣль я какъ будто знаю предметъ, знаю даже лучше большинства студентокъ; но потомъ я ослабѣваю, а къ какимъ заклинаніямъ и чарамъ другія прибѣгаютъ,—не могу себѣ даже и представить; но выходятъ онѣ во всеоружіи, побѣдоносныя—и побѣждаютъ, а я выхожу изъ своей летаргіи только для того чтобы пасть.

— Вы можете утѣшать себя сознаніемъ, что изучили свое дѣло основательнѣе, чѣмъ онѣ.

— Ну, знаете, съ меня ужъ достаточно подобнаго рода утѣшеній. Я бы помирилась теперь и на чемъ нибудь болѣе грубомъ, но болѣе существенномъ.

— Теперь у васъ будетъ и это.

Мона вздохнула.—Дай то Богъ!—Дайте, я налью вамъ еще немного вина; выпьемте за успѣшные экзамены.

— Сознаюсь, я была порядкомъ удивлена, узнавъ, что миссъ Рейнольдсъ перешла. Я не мѣшалась въ чужія дѣла, но все таки скажу, что вы вернулись во время. Видѣли вы ее?

— Всего на нѣсколько минутъ. Она придетъ ко мнѣ вечеромъ.

— Вы знаете, что подъ ея легкомысленной внѣшностью скрывалась способность работать очень серьезно. Теперь это какъ разъ наоборотъ. Она представляется серьезной, а въ сущности ничего не дѣлаетъ; я въ этомъ увѣрена. Вы удивляетесь, откуда я это знаю? Да объ этомъ всѣ говорятъ. Она вѣдь никогда особенно много не читала. Весь секретъ ея успѣха въ томъ, что она внимательно слушала на лекціяхъ и составляла записки, а потомъ училась по нимъ. А теперь она, говорятъ, совсѣмъ не записываетъ. И то уже нехорошо, что она явилась въ серединѣ учебнаго года, но я тогда предсказывала, что она будетъ заниматься вдвое усерднѣе.

— Почему? Я бы этого не стала предсказывать. Она слишкомъ много работала прошлое лѣто, и такая реакція—хорошій знакъ. Мнѣ кажется, этимъ вполнѣ объясняется то, что вы говорите о ней. Миссъ Бейнользи—здоровое животное; на ея натуру можно положиться; она знаетъ мѣру. Теперь ея уму нуженъ отдыхъ, но, въ концѣ концовъ онъ все наверстаетъ.

Мона говорила какъ будто съ убѣжденіемъ, но на душѣ у нея было тревожно. Въ послѣднее время Люси писала ей рѣдко и мало; при встрѣчѣ со старымъ другомъ на вокзалѣ, она тоже была очень сдержанна. Все это не обѣщало ничего утѣшительнаго.

«Но не могу же я насильно вызвать ее на откровенность,—думала Мона по уходѣ гостьи;—авось сама разскажетъ, въ чемъ дѣло. Бѣдная дѣвочка».

Люси пришла поздно, блѣдная, усталая. Я заставила васъ ждать—сказала она: Простите! Только что я собралась уходить, какъ привезли больного съ проломаннымъ черепомъ; я и осталась посмотрѣть на трепанацію. Доктора не надѣются на благополучный исходъ, ну—я и раскисла немножко по этому поводу. Но операція сдѣлана замѣчательно чисто.

Мона налила ей рюмку вина.

— Выпейте это; потомъ подите въ мою спальню и хорошенько умойтесь: это васъ освѣжитъ. За обѣдомъ я берусь вести разговоръ одна, а вы, когда совсѣмъ отдохнете тогда и разскажете мнѣ, что у васъ новенькаго.

— Какъ хорошо, что вы вернулись!—сказала Люси, когда онѣ сѣли за столъ.—Теперь легче будетъ жить. Какіе прелестные цвѣты!

— Полюбуйтесь. Это тетя Модъ прислала мнѣ изъ вашихъ возлюбленныхъ Каннъ.

При упоминаніи о Каннахъ, Люси неизвѣстно почему, вдругъ страшно покраснѣла. Мона поспѣшила перевести разговоръ.

— Я была сегодня въ школѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Воображаю, какъ это было ужасно для васъ.

— Ужасно было найти въ химической лабораторіи такъ мало органическихъ растворовъ. Но я думаю, что до лѣта это еще пополнится.

— Охъ ужъ эти мнѣ нелѣпые анализы!..

— Вы заходили и въ анатомическій?

— Да, и какъ бы вы думали, надъ чѣмъ они производили сѣченіе.

— Что-нибудь новенькое?

— Да, въ этой области совсѣмъ новое: объектомъ была моя собственная персона. И Мона расказала о своемъ маленькомъ приключеніи·

— Нѣтъ, этихъ дѣвчонокъ положительно нужно осадить?—съ негодованіемъ вскричала Люси.—Въ жизнь свою не слыхала о такомъ безстыдствѣ. Что онѣ знаютъ о васъ, кромѣ того, что вы у насъ одна изъ лучшихъ студентокъ?

— Будетъ вамъ! вотъ горячка-то,—смѣялась Мона, радуясь, что видитъ передъ собою прежнюю Люси. Мы съ вами въ свое время тоже безъ церемоніи судили о старшихъ. Право же, мнѣ это было очень полезно. Мнѣ такъ жутко было войти въ анатомическій—отчасти потому, что я уже выбилась изъ рабочей колеи, и еще потому, что никто бы не зналъ о чемъ говорить со мною и мнѣ пришлось бы выбирать

между безтактными замѣчаніями и еще болѣе неловкимъ молчаніемъ. Когда я увидала, что мой провалъ всѣмъ извѣстенъ и обсуждается открыто—у меня отлегло отъ сердца. Надо сознаться, что въ словахъ миссъ Лассель много правды. Въ слѣдующіе четыре мѣсяца я посвящу свою жизнь *вбиванію гвоздей*.

Люси содрогнулась. Нельзя ли *ввинчивать ихъ*? Это, по крайней мѣрѣ, не такъ шумно. Мона подумала. Нѣтъ, это хорошо: стукнулъ хорошенько молоткомъ и готово: это облегчаетъ. И она съ такой силой стукнула кулакомъ по столу, что ея бѣлые пальчики покраснѣли.

— Ну-съ, теперь ваша очередь. Выкладывайте: я хочу все знать. Какъ вамъ нравиться госпиталь?

— О, тамъ ужасно интересно!—вскричала Люси,—но въ тонѣ ея не слышалось особеннаго энтузіазма.

— Гм... а не показалось вамъ, что въ Лондонѣ очень холодно, послѣ благодатнаго юга?

Люси опять вздрогнула. Это былъ ужасный переходъ.

— Ну, а тамъ вы провели хорошо время,—весело, беззаботно?

Съ минуту отвѣта не было; потомъ Люси, будто опомнившись, быстро заговорила:

— О, да! тамъ было прелестно. Простите, я... я на минуту забылась.

— Неправда, вы о чемъ-то думали. Ну-ка, признавайтесь, о чемъ?

Снова наступило молчаніе. Очевидно Люси очень хотѣлось выложить все начистоту, но она не сдавалась.

— Я теперь на дурномъ счету у отца,—выговорила она наконецъ.

Мона посмотрѣла на нее испытующимъ взглядомъ. Она не сомнѣвалась, что пріятельница говоритъ правду, но и не могла повѣрить, чтобы это было единственной причиной видимо угнетеннаго состоянія Люси.

— Какъ же вы это ухитрились?

— Ничего особеннаго: просто поѣхала съ Мунро въ Монтекарло.

— А онъ противъ этого?

— Страшно! Видите ли: я хотѣла-было написать, потомъ рѣшила, что лучше сама разскажу когда пріѣду домой, но меня тамъ видѣлъ одинъ нашъ попечитель, мистеръ Вильсонъ, и проболтался: все и вышло наружу.

— Но вѣдь вы не играли?

— Нѣтъ,—то есть, если хотите, да,—но вѣдь какая же это игра? Эвелина такая медлительная... ну я, и подтолкнула лопаточкой ея ставку. Да отецъ не этимъ собственно возмутился. Онъ вообще недоволенъ, что я тамъ была.

— Изъ-за одного раза?

— Изъ-за одного раза. Онъ говоритъ, что вы бы не поѣхали.

— Это большое заблужденіе. Мнѣ очень бы хотѣлось посмотрѣть игорный залъ. И я, конечно, поѣхала бы. Я скажу ему это въ первый же разъ, какъ увижу его.

— Нѣтъ, Мона, ненадо. Зачѣмъ, развѣ мнѣ это поможетъ!

— Не то, что поможетъ, но просто я не имѣю права скрыть это отъ него. Вашъ отецъ считаетъ меня гораздо лучшей, чѣмъ я есть и это обязываетъ меня быть съ нимъ искренней. Къ тому же, я намѣрена защищать свою точку зрѣнія. Конечно, я не поѣхала-бы, еслибъ считала это дурнымъ. Полноте, Люси, тутъ не о чемъ убиваться. Сдѣланнаго не передѣлаешь, и отецъ вашъ, конечно, не пожелалъ бы, чтобы вы мучили себя напрасно.

— Я вовсе не мучаюсь,—сказала Люси, заставляя себя улыбнутся.— Я вамъ разсказывала, Мона, о юношѣ, котораго мы встрѣтили въ Монтекарло? Онъ проигрался и просто съ ума сходилъ. Мы упросили леди Мунро поговорить съ нимъ, и она его пригласила въ Канны, а потомъ сэръ Дугласъ на свой счетъ отправилъ его домой. И знаете, какъ смѣшно—онъ оказался студентомъ-медикомъ изъ госпиталя св. Кунигунды. Я была одна въ гостинной, когда онъ пріѣхалъ съ визитомъ. Это прелестная комнатка, вся залитая солнцемъ; свѣтъ въ ней какой-то сливочно желтый — и мое платье при этомъ освѣщеніи выглядѣло просто очаровательно! Ну, разумѣется, мы стали сравнивать баллы. У него только второй экзаменъ въ іюлѣ; и если бы вы видѣли, какъ онъ былъ пораженъ, когда узналъ, что я уже перешла на старшій курсъ! Ему должно быть и въ голову не приходило, что женщина моложе 30 лѣтъ и не носящая очковъ, способна выдержать переходный экзаменъ на старшій курсъ. Онъ обѣщался какъ-нибудь зайти ко мнѣ.

Это было жалкое подобіе обычной манеры Люси разсказывать, изобилующей сравненіями и яркими характеристиками. Мона была очень удивлена, но поняла, что отъ Люси теперь больше ничего не добьешься. и перестала разспрашивать.

Глава XLV.

Признаніе.

Былъ жаркій іюньскій день, и богоспасаемый Блумсбѐри превратился въ большую пекарню. Немногіе счастливые обладатели спущенныхъ жалюзи были предметомъ зависти всѣхъ своихъ сосѣдей.

Мона сидѣла за письменнымъ столомъ, съ перомъ въ рукѣ, разложивъ передъ собой внушительнаго вида синій разграфленный листъ бумаги. Она смотрѣла въ окно, но передъ глазами ея была не пыльная душная улица, а прохладныя окрестности замка Маклинъ; въ ушахъ отдавался не шумъ и говоръ толпы, а тихій плескъ волнъ. Улыбаясь одними глазами, она положила перо и облокотилась на горячій подоконникъ, повторяя стихи, читанные *имъ* на скалѣ.

— Что это, Мона? вы, кажется, изволите заниматься риѳмоплетствомъ?—безцеремонно вскричала Люси, вбѣгая въ комнату.

— Ничуть не бывало,—сухо отозвалась Мона. Я занимаюсь самымъ

прозаическимъ дѣломъ, какое только можно себѣ представить—заполняю графы прошенія о допущеніи меня къ экзамену. Я, кажется, большую часть своей жизни только это и дѣлала. Если я еще разъ провалюсь, я ужъ возьму секретаря спеціально для этого занятія. Ну-ка, п огите мнѣ. Имя и фамилія, полностью?

— Мона, Маргарита Маклинъ.

— Маргариту по-боку. Пусть будетъ одна Мона. Авось подумаютъ что это другая Мона Маклинъ. Возрастъ?

— Двадцать девять.

— Годъ прибавили. Придется когда-нибудь вписывать и двадцать девять—я въ этомъ увѣрена—но еще не сейчасъ.—Интересно знать, измѣнится ли къ тому времени система преподаванія практической химіи? Сегодня тепло, не правда ли?

— Страшно жарко! Я только-что встрѣтила миссъ Лассель, и она увѣряла, что если бъ мы были на самомъ дѣлѣ цивилизованные люди, мы бы въ такую жару ходили совсѣмъ безъ платья; у меня до сихъ поръ звенитъ въ ушахъ ея голосъ, что твой колокольчикъ! Я ей сказала: надѣюсь, что на мой вѣкъ хватитъ остатковъ варварства.

— Можете быть увѣрены, что въ другой разъ миссъ Ласселль не станетъ метать бисеръ передъ свиньями. Вы куда шли? въ госпиталь

— О нѣтъ! Госпиталь въ такую жару невыносимъ; тамъ весь воздухъ пропитанъ микробами.

Мона задумчиво смотрѣла на пріятельницу.—Не съѣздить ли намъ въ Ричмондъ, чтобъ утопить часть микробовъ въ Темзѣ?

— О Мона, какъ это мило съ вашей стороны! Но развѣ у васъ есть время?

— Да, сегодня я начала рано. Но теперь надо позавтракать. А пока я вамъ спою послѣднюю вещь, которую я разучила, а вы критикуйте.

— Вы продолжаете брать уроки пѣнія? Какъ вы ухитряетесь находить время?

Въ сущности, это только сберегаетъ мнѣ время. Пѣніе—мой предохранительный клапанъ, и потомъ—женщина теряетъ 50% когда она не умѣетъ пользоваться своимъ голосомъ.

Руки Моны легко пробѣжали по клавишамъ, и она запѣла Шубертовское *Ave Maria*.

— Миссъ Дальримпль увѣряетъ, что это мой *chef-d'oeuvre*. Вы какъ находите?

Люси не отвѣтила.

— Мона, — выговорила она, минуту спустя, — вы думаете стоитъ ѣхать? Это такъ утомительно, да и къ чему?

Голосъ ея звучалъ хрипло: въ немъ слышалась безконечная усталость. Мона встала изъ-за піанино и безцеремонно, почти грубо отвела руки дѣвушки отъ лица. Она не ошиблась: хорошенькіе глазки Люси были полны слезъ.

— Люси довольно мы съ вами ломали комедію. Чего же стоитъ дружба, если на нее нельзя опереться въ трудную минуту! Скажите мнѣ правду: что отравило вамъ пребываніе въ Каннахъ?

У Люси пылали и уши, и щеки.

— Ничего, кромѣ развѣ моей собственной глупости. Мона, милая, голубушка, да вѣдь и говорить-то нечего. Я думала, что всю жизнь буду играть мужчинами, а вышло такъ, что мной поиграли. Это только справедливо. Ну вотъ, теперь вы все знаете. Можете презирать меня, если хотите.

— Если ужъ мнѣ презирать людей, такъ надо бы начать съ кого нибудь поближе. Вы думаете, вамъ легче будетъ, если вы мнѣ скажете? А можетъ быть лучше все это предать забвенію?

— Я не могу предать это забвенію. Хотя разсказывать въ сущности нечего. Оглядываясь назадъ, я по совѣсти не могу сказать, чтобы этотъ мой флёртъ зашелъ дальше, чѣмъ всѣ предыдущіе, но тутъ какъ-то все было по другому.

— Это кто-нибудь изъ знакомыхъ Мунро?

Люси кивнула головой.

— Да; вы его знаете—м-ръ Монтизъ. Онъ пріѣхалъ въ курзалъ какъ разъ въ тотъ день, когда тамъ былъ первый танцовальный вечеръ. Я была одѣта русалкой и онъ все время смотрѣлъ на меня. Онъ не то чтобы очень красивъ, но въ немъ есть что-то особенное—правда? Я при немъ чувствовала себя такой вульгарной, чернорабочей. А когда я пошла съ нимъ танцовать, мнѣ показалось, что я никогда въ жизни раньше не танцовала съ мужчиной. Мы даже не очень часто видѣлись—леди Мунро такъ щепетильна; но разъ мы цѣлой компаніей отправились пѣшкомъ смотрѣть часовню на горѣ и какъ-то случилось такъ, что мы съ нимъ отстали отъ другихъ. Я въ первый разъ тогда увидала Альпы и никогда уже потомъ они не казались мнѣ такими прекрасными. Закатъ былъ такъ лучезаренъ... Передо мной точно открылись золотыя двери счастья... Ну, потомъ онъ уѣхалъ. Дня два я страшно тосковала, но каждый разъ, какъ я вспоминала тотъ вечеръ на горѣ, мнѣ почему-то казалось, что будущее—мое. Однажды мы поѣхали въ Монте-Карло, и тамъ я опять съ нимъ встрѣтилась. Онъ спросилъ, хочу ли я, чтобы онъ пріѣхалъ на нѣсколько дней въ Канны. Я сказала, что мнѣ все равно. Онъ и не пріѣхалъ. Вотъ и все. Иногда я жалѣю, что не попросила его пріѣхать Да, Мона, вотъ до какого униженія я дошла! Иногда же мнѣ кажется, что онъ угадалъ мою тайну, и тогда я готова убить себя отъ стыда. Мона, хоть бы вы помогли мнѣ стряхнуть это съ себя!

— Ахъ вы, бѣдная дѣточка! Люси, милая, вамъ надо какъ можно больше работать. Постарайтесь уйти съ головой въ свою работу въ госпиталѣ. Это звучитъ тривіально, но что же дѣлать; работа—единственное спасеніе.

— Напрасно вы это говорите. Я ненавижу госпиталь. Я не понимаю теперь, какъ я могла такъ волноваться изъ-за наградъ, отмѣтокъ, экзаменовъ. Это все дѣтскія игрушки.

— Да; но горе не игрушка; болѣзнь и смерть тоже не игрушки. Надо только хорошенько взяться за работу, а тамъ она и заинтересуетъ васъ; это единственное средство уйти отъ себя, дорогая, хотя, можетъ быть, вамъ и странно слышать это отъ меня. Говорятъ, что мы, женщины нашего поколѣнія, приносимъ въ жертву большую часть нашихъ правъ первородства; но у насъ есть награда: когда зайдетъ солнце, мы можемъ зажечь свѣчи; не будемъ же отвергать ее. Помните, Вертеръ описываетъ деревенскую дѣвушку, которой измѣнилъ милый, и съ тѣхъ поръ жизнь потеряла для нея всякій смыслъ? У насъ, по крайней мѣрѣ, есть другіе интересы, Люси; мы, если постараемся хорошенько, можемъ запереть на ключъ очарованныя комнаты и жить въ остальной части дома.

— А если остальная часть дома—жалкая нора, какъ у меня!

Мона сочувственно вздохнула.

— Что же дѣлать! Надо работать и постараться какъ-нибудь пріукрасить нашу нору.

Разговоръ былъ прерванъ появленіемъ служанки съ подносомъ.

— Ну что же, ѣдемъ въ Ричмондъ?—спросила Мона по окончаніи завтрака.

Люси покраснѣла.

— Пожалуй, лучше будетъ, если я пойду въ госпиталь. Теперь уже кажется не такъ жарко.

— Нѣтъ, какъ будто вѣтеркомъ пахнуло. До свиданія. Приходите поскорѣе.

Примѣръ Люси такъ же благодѣтельно подѣйствовалъ на Мону, какъ на Люси ея проповѣдь, Долго сидѣла она, сдвинувъ брови, въ своемъ любимомъ креслѣ-качалкѣ. «Неужели онъ только забавлялся ею? Негодяй»! Потомъ у нея мелькнула другая мысль, въ началѣ почти безсознательная; но эта мысль, какъ черная собака въ Фаустѣ, описывала постепенно суживавшіеся круги, и Мона должна была сознаться себѣ, что, рано или поздно, ей придется стать съ этой мыслью лицомъ къ лицу. И вдругъ она закрыла руками лицо, хотя въ комнатѣ никого не было, и въ ушахъ у нея прозвучалъ ужасный вопросъ: «А что если и *онъ* только игралъ мною?»

«Что же, Мона? Запри на ключъ дверь очарованныхъ комнатъ и живи въ остальной части дома». Но она даже не вспомнила о совѣтѣ, данномъ ею Люси. Она бросилась на кушетку и долго лежала не подымая головы, терзаемая стыдомъ. Неужели же послѣ всѣхъ своихъ высокопарныхъ рѣчей, она отдала свое сердце человѣку, который даже и не просилъ объ этомъ. Почему онъ не сказалъ хоть слова, чтобы избавить ее отъ всѣхъ этихъ мученій?

По какой-то странной ассоціаціи идей, ей вдругъ вспомнился стихъ изъ Гёте:

«Denn, was man schwarz auf weiss besitzt,
Kann man getrost nach Hause tragen».

Она смущенно засмѣялась и провела рукою по мокрому лбу.

«Я глупа и трусиха,—сказала она себѣ.—Что значатъ слова между такими людьми, какъ онъ и я?»

Она подошла къ стѣнному календарю и сосчитала, сколько дней остается до десятаго августа, потомъ съ сокрушеннымъ сердцемъ вздохнула.

Какой сухой и безчувственной я должна была показаться бѣдной маленькой Люси!

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ПОЭЗІЯ И ПРАВДА МІРОВОЙ ЛЮБВИ.

I.

Исторія русской литературы искони изобиловала въ высшей степени своеобразными происшествіями, ей одной только свойственными. Ими она обязана преимущественно литературной критикѣ. Какихъ только подвиговъ не совершала эта отрасль нашей словесности! Она можетъ гордиться нѣсколькими блестящими именами, но, сравнительно съ богатствомъ и силой русской художественной литературы, наша критика бѣдна и немощна. Но ни бѣдность, ни безсиліе не помѣшали ей неукоснительно совершать самые воинственные набѣги на величайшихъ художниковъ. Рѣдкій изъ нихъ успѣлъ спастись отъ безпощадныхъ униженій своего таланта и часто даже своей личности.

Оригинальный порядокъ установился очень рано, лишь только явился дѣйствительно великій художественный талантъ.

Пушкина привѣтствовали и сопровождали до самой смерти залпы самой откровенной брани, безпрестанно переходившей въ личныя поношенія, въ клевету и даже въ доносъ. По поводу него впервые было пущено въ ходъ столь страшное впослѣдствіи слово *нигилистъ*. Оно долженствовало означать писателя, лишеннаго всякихъ нравственныхъ задачъ и вообще серьезныхъ интересовъ.

Не болѣе благосклонно былъ встрѣченъ и Гоголь. Праздное балагурство, неприличное паясничество и удручающая безграмотность— первыя и самыя яркія черты геніальнаго художника, подмѣченныя современной критикой. Менѣе тяжкія, но все-таки преступныя качества—отрицательное, непатріотическое отношеніе къ людямъ и фактамъ своего отечества, безсердечное издѣвательство, не позволяющее самому автору и его читателямъ видѣть добродѣтели и умъ русскаго человѣка... На этомъ основаніи цѣлыя десятилѣтія созидалась гоголевская критика, и весьма яркіе отголоски ея сохранились даже до нашихъ дней.

Наконецъ, еще одинъ примѣръ.

Пушкина и Гоголя еще, пожалуй, трудно было сразу уразумѣть. Какъ художники, они не принадлежали ни къ какому публицистическому направленію и безпрестанно заявляли о своей творческой свободѣ, даже

18 9/VI 99 ВлКороленко

весьма нелестно выражались насчетъ толпы и журнальной литературы, питающей эту толпу. Эти отзывы часто звучали чрезвычайно аристократично и подчасъ могли оскорблять «литературныхъ насѣкомыхъ» очень чувствительно. Пушкинъ именно такъ и обзывалъ своихъ періодическихъ судей, внушалъ то же отношеніе къ нимъ и Гоголю. Естественно, насѣкомыя не оставались въ долгу и изъ силъ выбивались—отравить жизнь и творческій трудъ *царя-художника*.

Но за ними слѣдовалъ писатель также геніальный, но безъ всякихъ аристократическихъ притязаній, терпимый и снисходительный до послѣдней степени, лично готовый быть скромнымъ работникомъ печати, совершенно чуждый свѣтскихъ и сановныхъ связей, весь сосредоточенный на интересахъ демократическаго литературнаго слова.

При такихъ условіяхъ и направленіе писателя не могло подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, и оно вполнѣ опредѣленно сказалось въ первыхъ же его произведеніяхъ. Кажется,—всѣ данныя для того, чтобы талантъ былъ доброжелательно оцѣненъ, по крайней мѣрѣ, принятъ вдумчиво и осмотрительно.

Но русской критикѣ даже и эти скромныя добродѣтели оказались не по силамъ. Именно Тургеневу суждено было испытать самый свирѣпый натискъ журнальной критики и при томъ, съ разныхъ сторонъ, другъ другу противоположныхъ.

Для обыкновеннаго читателя, повидимому, безусловно немыслимо открыть въ романахъ Тургенева пороки, подлежащіе одинаково законному уничтоженію со стороны консерваторовъ и либераловъ. Публика такъ и рѣшила съ самаго начала и безповоротно причислила Тургенева къ одному лагерю. Но критика очень долго и съ большимъ безпокойствомъ искала истину, при чемъ недосягаемость истины, созданная самой же критикой, всей тяжестью злобы и недоразумѣній падала на художника.

Для насъ въ настоящее время все это—исторія, но она когда-то была драмой и чрезвычайно мучительной для невольныхъ жертвъ. Ничего подобнаго никогда не видѣла критика другихъ литературъ. Борьба, разумѣется, велась повсюду, но она всегда носила характеръ правильной культурной войны. Каждый лагерь въ точности зналъ, за что̀ и противъ чего онъ тратитъ силы, кто и почему является его врагомъ или другомъ. *Сочувствовать* можно здѣсь только одной сторонѣ, но *понимать*—одинаково доступно обѣ. Сила малосознательной, почти стихійной запальчивости, чисто художественное увлеченіе полемическимъ искусствомъ не имѣли и до сихъ поръ не имѣютъ мѣста въ литературныхъ междоусобицахъ западной печати.

Даже во времена самыхъ жестокихъ политическихъ распрей, напримѣръ, въ наши дни, литературная критика сохраняетъ логику и тактъ чисто идейной борьбы. Джентльменство новѣйшихъ французскихъ критиковъ поразительно. Они безпрестанно говорятъ другъ о другѣ и можно подумать это одна патріархальная семья. До такой степени

бережно, предупредительно они разсуждаютъ о чужихъ взглядахъ, о размѣрахъ чужого таланта. Каждому новичку они любезно даютъ мѣсто въ своей средѣ и не проходитъ пяти, шести лѣтъ—о немъ уже пишутся благосклонные этюды и тщательно отмѣчается всякая болѣе или менѣе положительная черта его дѣятельности.

Пусть дрейфусисты и антидрейфусисты дерутся въ печати и на улицѣ: это вопросы полиціи и политики. Литература должна жить своей преемственно-идейной жизнью и заботливо, независимо отъ личныхъ чувствъ и вкусовъ, накоплять общій національный капиталъ ума и творчества. И Леметръ, способный въ толпѣ явиться крикуномъ и агитаторомъ ради политической страсти, въ критической статьѣ останется спокойнымъ, невозмутимо-изящнымъ диспутантомъ, кто бы ни былъ его стороной, даже ненавистный Онэ и глубоко-антипатичный Гюго. Таковы плоды почвенной культурной зрѣлости, просвѣщенія, воспринятаго органически, наслѣдственно, а не усвоеннаго только въ формѣ заученныхъ фактовъ и заимствованныхъ мыслей.

Для русской публицистики этотъ идеалъ до сихъ поръ остается недосягаемымъ. Эпиграммы Пушкина на хавроніосовъ, ругателей закоснѣлыхъ, на ежемѣсячныхъ клеветниковъ, на пасквилей томительную тупость—до нашихъ дней не утратили своей свѣжести и остроты. Каждое поколѣніе неукоснительно производитъ художниковъ журнальной брани, полемистовъ ради самой полемики, получающихъ громадное личное удовлетвореніе отъ собственныхъ звуковъ скверны и проклятій. Этотъ жанръ литературной критики процвѣтаетъ только у насъ, свидѣтельствуя, до какой степени сама *природа* русскаго, даже просвѣщеннаго человѣка мало поддалась культурной переработкѣ и просвѣтительнымъ воздѣйствіямъ. Существуетъ, конечно, и здѣсь, какъ почти и при всякой винѣ, нѣкоторое смягчающее обстоятельство.

Журнальная литература—для русскаго писателя единственное поприще проявить свой характеръ и темпераментъ. Онъ подходитъ къ своему письменному столу со всѣми болями своихъ нервовъ, со всей полнотой накопившихся впечатлѣній, и всему этому нѣтъ другого выхода, помимо листа бѣлой бумаги. Естественно, сюда, рядомъ съ продуманными мыслями и благородными чувствами, ложатся накипь и чадъ сдавленнаго жара и чистый огонь нерѣдко заволакивается дымомъ и копотью болѣзненнаго умственнаго процесса.

И онъ не перестаетъ отравлять глубокое и могучее теченіе русской литературы даже послѣ поучительнѣйшихъ опытовъ съ Пушкинымъ, Гоголемъ и Тургеневымъ. Русская печать никакъ не можетъ дорости до самого скромнаго уровня сознательности и отчетности въ своихъ дѣйствіяхъ. Она будто та знаменитая *Tiers parti*, которая приводила въ отчаяніе французскихъ политиковъ сороковыхъ годовъ. Въ составъ ея входили все люди очень неважные по своимъ личнымъ дарованіямъ и очень неопредѣленные по своимъ политическимъ идеаламъ. Но ихъ,

конечно, набиралось большое количество, и всѣ вмѣстѣ они представляли силу.

Чего хотѣла эта сила, не могъ бы разгадать никакой Эдипъ. Либерализма? Можетъ быть,— но тогда зачѣмъ же она при всякомъ случаѣ пускала ехидныя шпильки по адресу либеральныхъ министровъ? Консерватизма?—врядъ ли: каждый изъ членовъ партіи ретиво открещивался отъ преданій и предразсудковъ. И такъ шло изъ года въ годъ. Практиковалась какая-то неуловимая, эгоистическая, мелкая политика лукаваго подсиживанія, трепетной жажды популярности безъ всякаго риска, ученическая наивность и узость мысли и неукротимая зависть ко всему независимому и яркому. Стоило какому-нибудь министру или депутату выйти изъ общей нудной стадной колеи, вся «третья партія» мгновенно настараживалась, приходила сначала въ подспудное движеніе, сочиняла адресы-палимсесты, т. е. съ двусмысленными намеками и подмигиваніями, а потомъ становилась въ открытое воинственное положеніе, безъ всякой видимой принципіальной причины.

Русская публицистика неуклонно повторяетъ эту тактику по поводу чуть ли не всякаго новаго таланта. Какъ настоящая нравственная плебейка, она обнаруживаетъ прирожденный скептицизмъ предъ всякимъ свободнымъ явленіемъ умственной жизни, въ растерянномъ состояніи забываетъ даже о либерализмѣ, принимается защищать авторитеты простымъ выкрикиваніемъ именъ, впопыхахъ и въ полномъ забвеніи чувствъ и разсудка попадаетъ даже въ самое подозрительное сообщество, лишь бы только не уронить своего плебейскаго достоинства. Могла же, напримѣръ, русская несомнѣнно свободомыслящая печать оказаться въ одномъ строю съ *Русскимъ Вѣстникомъ* и *Московскими Вѣдомостями*, чтобы погубить Тургенева во мнѣніи общества! Это очень крупный историческій фактъ, болѣе мелкіе того же характера повторяются безпрестанно. Еще служилый человѣкъ старой московской Руси, говорилъ, что русскіе люди ѣдятъ другъ друга и этимъ сыты бываютъ. Московское царство превратилось во Всероссійскую имперію, но вкусъ и аппетитъ обитателей не измѣнились.

До сихъ поръ у насъ явленіе—почти противоестественное признаніе писателя талантливымъ и значительнымъ только на основаніи его таланта и дѣйствительнаго общественнаго значенія. Это было бы нечеловѣческимъ самоотверженіемъ для русскаго критика съ «соображеніями». Онъ предпочитаетъ простодушно и усердно собирать по иностраннымъ газетамъ свѣдѣнія о заграничныхъ знаменитостяхъ, часто знаменитыхъ именно только благодаря особымъ свойствамъ заграничной печати въ вопросахъ литературы. Какъ послушный школьникъ, онъ переписываетъ отзывы о Сарсэ, Нэрдау, Леметрѣ, Тэнѣ, воображая себя въ самомъ центрѣ общечеловѣческой культуры и не внося ни единой прочной искры ея въ свою отечественную.

Въ результатѣ русская критика поразительно мелка и идейно-

тщедушна сравнительно съ русскимъ художественнымъ творчествомъ. Даже и идеями она въ большинствѣ случаевъ обязана не критикамъ, а художникамъ. Бѣлинскій былъ и остается единственнымъ исключеніемъ. Только ему оказалось подъ силу стать въ уровень съ современнымъ искусствомъ и создать въ этомъ направленіи не болѣе двухъ учениковъ — Чернышевскаго и Добролюбова. Большинство почтенныхъ старыхъ ученыхъ и бойкихъ рецензентовъ, со всѣми ихъ трактатами и обозрѣніями, не стоятъ нѣсколькихъ стиховъ Пушкина въ *Евгеніи Онѣгинѣ*—о реализмѣ и народничествѣ, нѣсколькихъ статей Гоголя о поэзіи и журналистикѣ и нѣсколькихъ замѣчаній Грибоѣдова о писательскомъ творчествѣ. Наши величайшіе поэты—въ то же время и первостепенные критики и имъ на каждомъ шагу приходилось отвоевывать права своихъ талантовъ предъ покушеніями теоретическихъ деспотовъ или практическихъ невѣждъ.

И вотъ въ самое послѣднее время, когда, повидимому, разбродъ въ русской публицистикѣ достигъ крайнихъ предѣловъ, обнаружилось совершенно исключительное явленіе. Явился писатель, сумѣвшій вокругъ своего имени объединить всѣ направленія, вызвавшій благосклонные и почтительные отзывы даже тамъ, гдѣ до сихъ поръ критика продолжаетъ жить собственными знаменистостями, такъ сказать, домашними великими людьми. И фактъ тѣмъ любопытнѣй, что писатель, совершившій такое чудо, самъ лично принадлежитъ къ совершенно опредѣленному направленію, художественный талантъ соединяетъ съ дѣятельностью публициста въ высшей степени искренняго и благороднаго. И его привѣтствуютъ тамъ, гдѣ ни искренность, ни благородство никогда не считались заслугами и отнюдь не принадлежали къ добродѣтелямъ публицистики.

Такой фактъ слѣдуетъ считать самымъ яркимъ въ литературной характеристикѣ нашего писателя; онъ долженъ имѣть свои основанія, очевидно, отсутствовавшія даже въ талантахъ первостепенныхъ русскихъ художниковъ.

II.

Имя В. Г. Короленко принадлежитъ къ самымъ любимымъ и уважаемымъ именамъ современной русской печати. Все подписанное этимъ именемъ можетъ разсчитывать на множество внимательнѣйшихъ читателей, и всѣ они будутъ изъ лучшей и просвѣщеннѣйшей публики. Такъ ведется съ самаго начала литературной дѣятельности г-на Короленко. Большіе перерывы въ ея развитіи нисколько не вредятъ популярности писателя, и у русскаго общества память оказывается благодарной и твердой.

Этой благодарности не смутило даже обстоятельство, при всякихъ другихъ условіяхъ непремѣнно способное повредить доброму имени жи-

вого писателя. Г. Короленко встрѣтилъ очень обширныя привѣтствія своему таланту и отчасти даже своему міросозерцанію на страницахъ *Русскаго Обозрѣнія* и *Московскихъ Вѣдомостей*,—и привѣтствія высказывались писателемъ, безусловно компрометировавшимъ все, на что направлялась его хвалебная рѣчь. Можно было считать истиннымъ бѣдствіемъ и несмываемой нравственной обидой благосклонность публициста, предававшаго поношенію имя Бѣлинскаго и съ непримиримымъ слѣпымъ ожесточеніемъ сводившаго счеты съ незапятнанными людьми во имя мерзости запустѣнія собственной рабски-озлобленной души.

И изъ этихъ именно устъ послышалась якобы безпристрастная и доброжелательная рѣчь по адресу г. Короленко. Она, разумѣется, не предвѣщала ничего хорошаго даже при самыхъ чувствительныхъ настроеніяхъ неожиданнаго почитателя, и видимо лестныя слова критика должны были оказаться все-таки дарами данайцевъ. Но уже замѣчательно *укрощенное* настроеніе, съ какимъ подносились эти дары, и самый замыселъ именно изъ произведеній безусловно популярнаго писателя извлечь кое-какія иллюстраціи для своей проходимской вѣры.

Вѣра эта сводилась къ *ярыжному* ученію о смиреніи. Мы употребляемъ выраженіе Аполлона Григорьева, писателя благороднаго, несчастнаго при жизни и еще болѣе потерпѣвшаго по смерти въ ту минуту, когда ярыжные спасители отечества привлекли его въ свое добровольческое сонмище. А онъ-то задолго до событій и изобрѣлъ самое мѣткое опредѣленіе для ихъ религіи и политики.

Смиреніе!—Какая чистота и возвышенное благородство заключены въ этомъ словѣ. Смиренными были христіанскіе мученики, мужественные исповѣдники Евангелія, смиренъ былъ самъ Спаситель. Выше нѣтъ и не можетъ быть добродѣтели! И она именно составляетъ неотъемлемую принадлежность того самаго лагеря, откуда несмолкаемо раздается *слово* и *дѣло* и налетаютъ отряды опричниковъ на всѣхъ, кто имѣетъ притязанія на сколько-нибудь независимое слово и человѣческую личность!

Какое преступное, кощунственное извращеніе понятій! Евангельское смиреніе, сила, призывавшая самыхъ загнанныхъ и бѣдныхъ людей на подвиги героевъ, влагавшая въ уста рабовъ жгучія рѣчи обличенія, зажигавшая въ плебейскихъ униженныхъ сердцахъ неутолимую жажду идеала, сила, внесшая въ среду людей мечь противъ всего, позорящаго нравственную свободу человѣка,—и эта сила на сторонѣ опричниковъ! Сама инквизиція не больше извращала идею евангельской любви, чѣмъ эти покушенія пресмыкающихся на прекраснѣйшую черту человѣческой природы—мужественную борьбу съ міромъ во имя преклоненія предъ идеаломъ.

И вотъ ее-то, превращенную и ярыжно перетолкованную, попытались объяснить произведеніями г. Короленко и посѣтовать только на недостатокъ въ немъ вѣры, понимаемой все тѣми же данайцами какъ

отреченіе отъ собственнаго разума. Оскорбленіе этимъ не ограничилось. Съ талантомъ писателя, съ его психологіей былъ произведенъ еще другой не менѣе противоестественный опытъ. Онъ, г. Короленко, далъ поводъ раскрыть тайны поэтическаго творчества, уполномочивъ своего судью подвергнуть попутной эксплоатаціи извѣстное стихотвореніе Пушкина о поэтѣ, и придти къ заключенію: писатель, въ минуты творчества, существо чрезвычайное, личность преображенная, проснувшаяся. Во всякое другое время это—личность, глухая и нѣмая, со спящей душой. Писательская и просто человѣческая личность это два совершенно различныхъ несходственныхъ другъ съ другомъ явленія! Какое удобное и практическое ученіе!

Переведите его на простой житейскій языкъ и получится идеально-іезуитская этика. Пока ты сочиняешь статьи и стихи, ты сынъ божества, твои уста вѣщаютъ объ истинѣ и красотѣ, но лишь только ты прервалъ сочинительство—ты можешь быть «смиреннымъ» и ярыжнымъ, сколько душѣ угодно: ты получилъ право быть *субъективнымъ*, глядя по обстоятельствамъ и соображеніямъ.

Вотъ какъ пишутся статьи подъ эпиграфами, заимствованными изъ св. писанія! Великій поэтъ говорилъ о неизбѣжномъ хотя бы и временномъ приспособленіи даже геніальной личности къ жизненнымъ условіямъ пошлаго и глупаго общества. Вѣдь немыслимо же ежеминутно стоять въ воинственномъ положеніи, нападать и разить, если на каждомъ шагу приходится вступать въ будничвыя отношенія съ людьми ничтожными и суетными. Тогда ужъ лучше совсѣмъ уйти изъ человѣческаго общества. Но это значитъ отказаться и отъ жертвъ Аполлону, потому что именно пребываніе въ суетномъ свѣтѣ обогащаетъ умъ и сердце поэта грозными пророческими мотивами. И развѣ истинный поэтъ-пророкъ можетъ внутренне, лично стать дѣйствительно ничтожнымъ, хотя бы на одну минуту! Какую же цѣну тогда имѣли бы его пророческія рѣчи, вся его *преображенная* личность! Пламенный ученикъ и почитатель Пушкина—Гоголь разсказываетъ слѣдующее.

Однажды Пушкинъ прочиталъ стихи Державина:

За слова меня пусть гложетъ,
За дѣла сатирикъ чтитъ,—

и здѣсь же замѣтилъ: «Державинъ не совсѣмъ правъ: слова поэта суть уже его дѣла». Гоголь прибавляетъ, что Пушкинъ правъ, и дальше разсуждаетъ такъ: «Если писатель станетъ оправдываться какими-нибудь обстоятельствами, бывшими причиной неискренности или необдуманности, или поспѣшной торопливости его словъ, тогда и всякій несправедливый судья можетъ оправдаться въ томъ, что взялъ взятки и торговалъ правосудіемъ, складывая вину на свои тѣсныя обстоятельства, на жену, на большое семейство, словомъ, мало ли на что можно сослаться».

Такъ и поэтъ, свободный отъ своей *преображенной* личности,

имѣлъ бы право смиренномудрствовать и лукавить по правиламъ самыхъ смиренныхъ критиковъ, оставаться глухимъ къ истинѣ, нѣмымъ для чувства правды, спать въ минуты прямыхъ оскорбленій его человѣческому и писательскому достоинству. Такъ, дѣйствительно, и слѣдуетъ понимать поэзію и талантъ нѣкоторымъ «христіанамъ» и «писателямъ», не хуже судьи взяточника, разсуждающаго о правосудіи и трудныхъ обстоятельствахъ.

И Пушкинъ оказался отвѣтственнымъ за эту мораль, творцомъ теоріи *субъективной* и *объективной* правды, покрывателемъ приживальщиковъ литературы и паразитовъ общественной мысли! Только потому, что онъ не могъ простить себѣ даже временнаго безмолвія передъ людьми, не онѣмѣнія и преображенія своей природы, а молчанія своей лиры среди свѣтскаго шума.

И г. Короленко такъ же субъективенъ и объективенъ! У него также двѣ личности—настоящая и фальшивая,—и онъ попеременно говоритъ отъ лица той и другой и попеременно является то талантливымъ, то скучнымъ и вялымъ. Онъ насилуетъ себя во славу *современности*, отрекается отъ своей души, и тогда онъ лишенъ вѣры, смиренія, объективности.

Вотъ что значитъ имѣть несчастье привлечь сочувственное вниманіе данайцевъ!.. Они, во всеоружіи своей христіанской любви, располосуютъ человѣческую душу на части, одну присвоятъ себѣ, другую осквернятъ, попутно надругаются надъ неправовѣрными іудеями, совлекутъ съ писателя его собственное *я* и подмѣнятъ угодной себѣ личиной. А для этого произведутъ варварскій разгромъ самыхъ очевидныхъ и высокихъ идей, какія только встрѣтятся на ихъ пути. Ихъ сочувствіе въ результатѣ будетъ куплено цѣлымъ рядомъ лжей, оскорбленій и ехидствъ. И каждое льстивое слово ихъ непремѣнно будетъ таить посягательство на цѣльность и жизненную силу писательскаго таланта.

И смиренный критикъ заключаетъ свое слѣдствіе надъ личностью г. Короленки: ему, даровитому автору, необходимо освободиться отъ духовнаго рабства, взглянуть на жизнь взглядомъ художника,—и, надо полагать, вполнѣ удовлетворить этимъ преобразованіемъ міросозерцанію опричниковъ. Ибо духовное рабство означаетъ вѣру въ человѣческій разумъ, въ человѣческую личность, душевную боль при видѣ умственной темноты, безотчетной затраты великихъ, но не просвѣщенныхъ нравственныхъ силъ. А духовная свобода—благоговѣйный *страхъ* предъ явленіями природы, *страхъ* предъ гнѣвомъ Божіимъ по случаю затменія, *страхъ*, какъ плодъ вѣры, презрѣніе къ *жалкой* наукѣ и уваженіе къ предразсудкамъ, скрывающимъ зерно вѣры, слѣдовательно болѣе высокое почтеніе къ той толпѣ, которая намѣрена «разнести» «остроумовъ» съ ихъ трубами, чѣмъ къ этимъ самымъ «остроумамъ», не вѣдающимъ полной истины...

Такова *свобода* съ ея священнымъ спутникомъ—*страхомъ!* И опять,—посмотрите, сколько лицемѣрія, поддѣлки заключено въ этихъ сладкоглаголивыхъ рѣчахъ! Наука *жалка*—потому что не знаетъ полной истины... Но какой же дѣйствительный ученый приписывалъ наукѣ такое познаніе? И кто изъ «остроумовъ» сталъ бы увѣрять вѣрующаго защитника суевѣрій, что они, остроумы, постигли *тайну*? И отсюда заключеніе: *невѣжественный народъ*, считающій затменіе—свѣтопреставленіемъ и карой Господней на грѣшниковъ, *ближе къ истинѣ*, чѣмъ наука.

Таковъ разумъ смиреннаго критика. Онъ имѣетъ за себя то смягчающее обстоятельство, что именно такимъ способомъ искони—до самыхъ послѣднихъ дней—всѣми мракобѣсами и ясновидцами доказывалось ничтожество науки. Всѣми она призывалась къ отвѣту за то, что не могла постигнуть причины всѣхъ причинъ, будто сами ясновидцы дѣйствительно своей *вѣрой* постигали, т. е. понимали и объясняли эту причину.

И вотъ г. Короленко и здѣсь оказался вдохновителемъ.

Онъ устами одного изъ своихъ героевъ произнесъ законное осужденіе матерьялистическому всезнайству, защитилъ именно силу и полноту разума и настоящаго и положительнаго знанія,—а ехидное смиренномудріе поспѣшило перетянуть его въ одинъ лагерь съ фанатиками и мистиками. И на первый взглядъ подмѣнъ мыслей едва замѣтенъ: такъ ловко, по исконнымъ завѣтамъ инквизиціоннаго искусства, произведена передержка и побѣдоносно брошена передъ читателемъ шулерскимъ путемъ открытая истина.

Виноватъ ли во всемъ этомъ художникъ? Онъ, несомнѣнно, не могъ подать повода честному критику на его словахъ основать защиту невѣжества и инстинктовъ толпы. Не повиненъ онъ и въ смѣшеніи мужественнаго самосознанія идеалиста съ пресмыкательствомъ двуличнаго раба. Но почему же именно къ нему привязалась беззаконная мысль и его выдѣлила изъ круга остальныхъ писателей? Очевидно, въ произведеніяхъ и въ самомъ талантѣ г-на Короленко есть какая-то особенная черта, несвойственная, по крайней мѣрѣ, весьма многимъ, очень даровитымъ русскимъ художникамъ. Съ Тургеневымъ, напримѣръ, было бы немыслимо произвести подобное упражненіе, и онъ удостоился весьма нелестныхъ сужденій печати, любящей впадать въ славянскій діалектъ и прорицательскій тонъ. Не разница таланта спасла г-на Короленко отъ подобнаго же суда: съ высоты смиренія *Московскихъ Вѣдомостей* всякій геній—ничто, если нельзя извлечь изъ него служительскаго матерьяла. Нѣчто, слѣдовательно, идейное, психологическое навлекло на нашего писателя сочувствіе варваровъ. Оно нисколько не повредило уваженію и любви русскаго общества къ г-ну Короленко: этотъ результатъ косвенно доказалъ нелѣпость и безплодность лукавыхъ мудрствованій. Но оно все-таки въ исторіи русской

литературы создало фактъ въ своемъ родѣ единственный: съ нимъ уже считается современная критика, будетъ считаться и позднѣйшая. И это не все.

Странная судьба, создавшая жертву злого умысла изъ всего таланта и міросозерцанія г-на Короленко, не пощадила его и въ частности,—все въ той же критикѣ. Публика и здѣсь усвоила свой вкусъ и взглядъ, и усердно перечитывала и продолжаетъ перечитывать всѣ произведенія писателя, сожалѣя только, что ихъ слишкомъ мало. Публика лишній разъ доказала, какъ мало зависитъ она отъ препирательствъ газетчиковъ и журналистовъ, если передъ ней дѣйствительно большое художественное дарованіе и искренняя убѣжденная мысль. Среди нея гораздо скорѣе устанавливается единодушіе, чѣмъ въ печати, и если бы она, по поводу г. Короленко, пожелала слѣдовать указаніямъ критиковъ,—ее постигло бы самое мучительное, истинно гамлетовское состояніе духа.

III.

О г-нѣ Короленко писали сравнительно немного, — гораздо меньше, чѣмъ заслуживаетъ его талантъ и популярность. Но и это немногое, повидимому, нелегко давалось русской критикѣ. Кажется, ни одинъ писатель-художникъ не былъ такимъ благодарнымъ сотрудникомъ своихъ критиковъ, какъ г. Короленко. Статьи испещрены цитатами, переписываются цѣлыя страницы, подробно, съ обстоятельностью классныхъ сочиненій по словесности, излагается содержаніе разсказовъ, приводятся длинные діалоги и описанія. Критикъ *Московскихъ Вѣдомостей* выдержкамъ и пересказамъ посвятилъ, по крайней мѣрѣ, девять десятыхъ своего разсужденія, обнаруживая дѣйствительно образцовое смиреніе по части своего личнаго творчества. Не отстали отъ консервативнаго критика и либеральные. Они единодушно предпочитали предоставлять слово самому автору,—и ограничивать свою роль заключительными замѣчаніями одобрительнаго или порицательнаго характера.

Если вообще художникъ можетъ извлечь что либо поучительное изъ критическихъ статей о немъ,—г. Короленко, можно смѣло сказать,—ничему не могъ научиться отъ своихъ критиковъ. У него только могло укорениться глубокое убѣжденіе въ растерянности и безсиліи русской критики, лишь только она пыталась не то чтобы опредѣлить его мѣсто вообще въ русской литературѣ, а просто объяснить его громадную популярность среди избранной отечественной публики.

О чемъ критика говорила писателю? О томъ, что онъ умѣетъ прекрасно описывать природу, что онъ въ тоже время и жанристъ, очень ярко и трогательно изображаетъ разныхъ людей, что онъ вѣритъ въ добро, знаетъ и любитъ русскій народъ... И все это въ сопровожденіи обильнѣйшихъ подлинныхъ доказательствъ изъ произведеній автора.

Очень любопытно для него все это слышать и не менѣе для его читателей! Да развѣ существуетъ популярный писатель, сколько нибудь одаренный художественнымъ талантомъ и здравымъ смысломъ,—безъ такихъ замѣчательныхъ качествъ! Старались въ талантѣ г-на Короленко открыть и особые оттѣнки—въ пейзажной живописи и жанровой психологіи, «склонность къ постройкѣ звуковыхъ пейзажей» и къ особенно тонкому, миніатюрному психологическому анализу. Но это, повидимому, нарочито тщательное углубленіе въ предметъ нисколько не помогло его ясности.

Въ глазахъ различныхъ критиковъ произведенія г-на Короленко продолжали имѣть самое разнообразное значеніе и смыслъ. Одному, напримѣръ, разсказъ *Въ дурномъ обществѣ* кажется превосходнымъ,—другому весьма плохимъ, искусственнымъ подражаніемъ польскимъ беллетристамъ, да еще посредственнымъ. Гдѣ одному критику является искренность, задушевная поэзія, тамъ другой находитъ условность, утомительную приподнятость.

И такой разбродъ критическихъ впечатлѣній вызывается какъ разъ самыми крупными и извѣстнѣйшими произведеніями г-на Короленко. Не могутъ критики понять другъ друга и предъ «этюдомъ» *Слѣпой музыкантъ* и предъ очеркомъ *Ночью*. Совершенно противоположныя и одинаково рѣшительныя сужденія!

Этотъ фактъ былъ бы еще вполнѣ понятенъ, если бы въ подлежащихъ очеркахъ и разсказахъ рѣшались какіе либо сложные общественные вопросы, выводились загадочныя и геніальныя натуры. Совершенно напротивъ. На сценѣ дѣти и дѣтская жизнь—предметы, знакомые рѣшительно всякому и менѣе всего располагающіе автора къ сочиненію неразрѣшимыхъ идейныхъ загадокъ.

Не посчастливилось г-ну Короленко и относительно направленія. Одни читатели открыли въ немъ писателя съ большой объективностью, другіе причисляли его къ откровеннымъ исповѣдникамъ извѣстнаго толка, къ несомнѣннымъ либераламъ въ самомъ узкомъ смыслѣ слова. И опять выводы сдѣланы на основаніи простѣйшихъ фактовъ. Г. Короленко никогда не занимался художественнымъ изслѣдованіемъ запутанныхъ общественныхъ моментовъ и не рисовалъ культурныхъ личностей съ неизслѣдимой глубиной души и непостижимой пестротой идей и стремленій. Самые яркіе образы, созданные имъ, принадлежатъ народной средѣ и всегда отличаются точностью очертаній и опредѣленностью красокъ. Что же могло ввести критиковъ такого таланта въ столь безвыходныя противорѣчія?

Ясно одно: о г. Короленко труднѣе говорить, чѣмъ о какомъ либо другомъ писателѣ. Онъ почти не даетъ пищи публицистическому перу. Изъ его произведеній нѣтъ возможности извлечь рядъ темъ на газетныя и журнальныя злобы. Предъ читателемъ творчество, несомнѣнно, оригинальное и содержательное: это *чувствуется*, это очевидно изъ очень

живыхъ и прочныхъ *впечатлѣній*, остающихся послѣ прочтенія всякаго произведенія г-на Короленко.

Но въ чемъ тайна этихъ впечатлѣній?

Меньше всего въ благонамѣренной тенденціи: во всей русской литературѣ мало найдется такихъ спокойныхъ, безпристрастно-вдумчивыхъ художниковъ, какъ г. Короленко. Не можетъ увлекать онъ и особенной *прозрачностью* творческаго *процесса*: иначе не существовало бы столь противорѣчивыхъ приговоровъ надъ его произведеніями.

Разгадка, слѣдовательно, въ чемъ-нибудь другомъ. И она тѣмъ любопытнѣе, что даже иностранцы поддались своеобразному очарованію таланта нашего автора, —и при томъ французы. Это—большая и довольно неожиданная побѣда.

Ни одинъ народъ не привыкъ къ такимъ схематически-опредѣленнымъ, до осязаемости понятнымъ явленіямъ искусства. Французская литература—строгій лочическій процессъ, только иллюстрируемый художественными образами, и французская критика почти всегда сводилась и сводится къ отвлеченнымъ формуламъ, которыя прикидываются критикомъ къ драмѣ или роману. И всѣмъ извѣстно, какія затрудненія встрѣтила русская литература во французской критикѣ. Какъ нѣчто странное, дикое, съ французскимъ умомъ совершенно несоизмѣримое,—она, разумѣется, немедленно нашла себѣ защитницу въ модѣ. Но, по существу, она осталась «славянщиной», «туманами сѣвера», «грезами скиѳовъ», какой-то уродливой смѣсью какихъ-то первобытныхъ инстинктовъ и культурныхъ вліяній. И въ самыхъ благопріятныхъ случаяхъ французы только снизойдутъ до уподобленія русскихъ авторовъ французскимъ образцовымъ талантамъ—Достоевскаго—Виктору Гюго, и даже Габоріо, Тургенева—Флоберу и Жоржъ Занду, Островскаго—Бальзаку. Для француза это—высшая степень пониманія и безпристрастія.

Не могъ избѣжать общей участи и г. Короленко: онъ оказался похожитъ на Мериме, одного изъ самыхъ холодныхъ, вылощенныхъ, *формулированныхъ* беллетристовъ. Приходится благодарить и за это: для французовъ Мериме—настоящій парадный jeune premier изящной словесности, крупная величина, хотя, разумѣется, *психологически* онъ человѣкъ другой планеты сравнительно съ русскимъ, по природѣ простымъ, непритязательнымъ и отнюдь не аффектирующимъ художникомъ. Но, очевидно, и въ немъ нашлось нѣчто достойное французскаго сочувствія, при чемъ французская критика усмотрѣла въ его произведеніяхъ полное отсутствіе всякой общественной тенденціи.

Если остановиться на всѣхъ этихъ разсужденіяхъ, г. Короленко обрисуется предъ нами чрезвычайно *симпатичнымъ* писателемъ. Почтенное, но далеко не всегда почетное качество! Оно часто даже унизительно именно для представителя мысли и слова. Оно, закрѣпляя за нимъ привлекательность таланта и личности, намекаетъ на заурядность ихъ, на безобидную скромность авторскихъ идеаловъ и

средній уровень его писательской манеры. Однимъ словомъ, *симпатичность* грозитъ отвести ему мѣсто въ толпѣ и задушить его собственную личность подъ гнетомъ столь же благосклонныхъ и столь же банальныхъ похвалъ.

Мы думаемъ, г. Короленко стòитъ гораздо большаго. Его странный успѣхъ въ критикѣ *по ту сторону* русской просвѣщенной и гражданской мысли, изумительныя противорѣчія *по сю сторону* относительно крупнѣйшихъ его произведеній—все это, несомнѣнно, оригинальные факты и могли возникнуть только на очень своеобразной почвѣ.

Она—общая всеобъемлющая психологія писателя, его органическое міросозерцаніе, совершенная гармонія души и вдохновенія, ума и таланта. Мы думаемъ, въ лицѣ г-на Короленко предъ нами любопытнѣйшій міръ, идейный и художественный, не только въ ограниченной области русскаго искусства, но и широкій культурный смыслъ этого явленія чрезвычайно оригиналенъ, требуетъ не только особаго новаго изслѣдованія, но и не поддается старымъ общеупотребительнымъ опредѣленіямъ. Количество произведеній и размѣры таланта—здѣсь вопросъ второстепенный. Мы не хотимъ сказать, будто изученіе таланта г-на Короленки, должно стоять совершенно отдѣльно въ русской критикѣ по небывалой поучительности результатовъ. Мы убѣждены только, что это изученіе не менѣе плодотворно и обильно идеями, чѣмъ трактатъ о какомъ угодно другомъ русскомъ писателѣ.

Пусть этотъ другой будетъ геніаленъ и плодовитъ, пусть его дарованіе походитъ на царственное многовѣтвистое дерево,—рядомъ гораздо болѣе скромное растеніе будетъ соперничать съ нимъ интересомъ и красотой, если только его красота принадлежитъ ему исключительно, если и оно—среди окружающаго міра—единица, организмъ самъ по себѣ. Тогда, можетъ быть, ученый отдастъ ему нисколько не меньше любви и труда, чѣмъ самому величественному гиганту.

IV.

Одинъ нѣмецкій писатель утверждалъ, что способность наслаждаться природой означаетъ человѣка съ чистой совѣстью. Писатель подробно развилъ свою мысль и очень остроумно доказывалъ, какъ присутствіе въ душѣ низкихъ страстей дѣлаетъ людей равнодушными, даже враждебными къ красотамъ природы. Можетъ быть, все это только остроумно, но одна истина не подлежитъ сомнѣнію: отношеніе писателя къ природѣ, вѣрнѣйшее свидѣтельство не только его поэтической силы, но и *непосредственной* гуманности его натуры.

Отношеніе это можетъ быть въ высшей степени разнообразно. Природу можно любить какъ силу, какъ красоту, какъ осуществленіе великихъ таинственныхъ законовъ, какъ неисчерпаемое море звуковъ и красокъ, можно любить философски и эстетически. Въ сущности и та

и другая любовь идутъ изъ одного источника. Закономѣрность естественныхъ явленій сама по себѣ прекрасна, все равно какъ математическое сочетаніе звуковъ—музыкально. И ученое изслѣдованіе природы несомнѣнно должно соединяться съ восторженной любовью къ ней. Недаромъ Дарвинъ нерѣдко превращался въ живописца и въ невольномъ восхищеніи холодный стиль ученаго замѣнялся рѣчью художника.

Такое отношеніе къ природѣ, приведенное въ систему, даетъ міросозерцаніе, именуемое пантеизмомъ. Человѣкъ считаетъ одинаково необходимымъ и божественнымъ всякое проявленіе естественныхъ силъ. Онъ благоговѣетъ предъ необъятнымъ цѣлымъ, во имя разума и гармоніи осуществляющимъ великое и малое. Онъ въ то же время любуется стройностью вселенной, его идея полна эстетическаго содержанія и его благоговѣніе проникнуто художественнымъ восторгомъ. Отсюда глубокое спокойствіе созерцающаго духа. Пантеистъ, по самой сущности своего міросозерцанія, блаженный мудрецъ, возвышенно безразличный къ рѣзкимъ и нестройнымъ воплямъ торжествующей или страдающей твари. Ему недоступны ни страстное сочувствіе, ни трепетная боль. Какой смыслъ волноваться предъ логически-неизбѣжнымъ процессомъ! Это—зрѣлище: имъ можно любоваться или съ чувствомъ разочарованія, усталости и недовольства отвернуться отъ него.

Міръ—нѣчто одухотворенное и божественное, но именно поэтому онъ и не долженъ вызывать въ насъ сильныхъ ощущеній, особенно протеста и состраданія. Это значило бы возмущаться, почему дважды два четыре, зачѣмъ цвѣтъ неба голубой, а не розовый. И исторія знаетъ не мало уравновѣшанныхъ философовъ, мудрыхъ и невозмутимыхъ, благожелательныхъ и ровно на столько же безразличныхъ. Классическіе примѣры—олимпійство Гёте, эстетическое счастье Ренана. И оба они—подлинные пантеисты, съ необыкновенно развитымъ чутьемъ къ малѣйшимъ проявленіямъ міровой жизни въ человѣкѣ и въ природѣ, артисты по наблюдательности и великому таланту возсоздавать логику и красоту наблюденныхъ явленій.

Съ какой въ самомъ дѣлѣ прелестью и задушевностью пантеистъ долженъ описывать природу! Онъ, будто знатокъ и любитель сценическихъ зрѣлищъ, подмѣтитъ всякую мелочь—и травъ прозябанье и говоръ волны, найдетъ на своемъ языкѣ соотвѣтствующее слово, подберетъ даже особое музыкальное сочетаніе звуковъ для описанія грустной ночной тишины, торжественнаго восхода солнца, величественной морской бури. Онъ будетъ не сочинять, не придумывать, а только переводить нечленораздѣльные голоса природы на человѣческую рѣчь; онъ—одна изъ силъ этой всеобъемлющей жизни.

Всякій дѣйствительно вдохновенный поэтъ долженъ владѣть этой способностью, быть пантеистомъ, если не въ смыслѣ философскихъ воззрѣній, то инстинктивно, ощущеніями своей природы столь же чутко и неразрывно чувствовать съ окружающимъ міромъ, какъ волна неотдѣ-

лима отъ необозримой морской зыби. И по поводу г-на Короленко неразъ произносились слова «пантеистическое воззрѣніе». Оно должно означать философское благоволеніе автора ко всему живому, въ переводѣ на эстетическій языкъ, объективное изображеніе мрачной и свѣтлой дѣйствительности, т. е. чистое художество. А оно, въ свою очередь, неразрывно связано съ оптимистическими настроеніями, и г. Короленко, въ качествѣ пантеиста, былъ причисляемъ къ оптимистамъ. Дальше слѣдовали различныя *но*, ограниченія и оговорки, но они снова разбивали цѣльность личности и устраняли одинъ всеобъемлющій принципъ таланта и психологіи писателя.

Г. Короленко дѣйствительно одинъ изъ первостепенныхъ поэтовъ природы; въ этой чертѣ мы должны искать объясненій его авторской индивидуальности, но предъ нами вовсе не пантеистическое созерцаніе природы и сходство только внѣшнее: та же чуткость, та же находчивость рѣчи, та же, наконецъ, любовь къ жизненнымъ процессамъ, но по существу разница громадна до такой степени, что для пантеизма нашего автора слѣдуетъ изобрѣсти особое опредѣленіе: оно должно, безъ всякихъ исключеній, охватить талантъ художника и міросозерцаніе человѣка.

Въ одномъ изъ произведеній г-на Короленко, иносказательнаго отвлеченнаго содержанія, слѣдовательно явно предназначеннаго для авторской идейной исповѣди, встрѣчается краткое, но чрезвычайно краснорѣчивое признаніе. Авторъ говоритъ о несказанно величавомъ и свѣтломъ *ощущеніи природы, проникнутой вѣяніемъ единой невѣдомой жизни.*

Такъ именно выразился бы пантеистъ,—Гёте, Ренанъ и всякій другой одаренный художникъ и мыслитель. Разъ нашъ авторъ знаетъ о такомъ ощущеніи, онъ долженъ обладать артистическимъ слухомъ и зрѣніемъ и исключительной музыкальностью натуры. И г. Короленко, одинъ изъ самыхъ тонкихъ живописцевъ природы, въ этомъ отношеніи, можетъ быть, единственный въ русской литературѣ.

У него нѣтъ пространныхъ описаній, онъ почти не прибѣгаетъ къ сравненіямъ—любимому средству литературныхъ пейзажистовъ, никогда не старается ни однимъ словомъ подкрасить и облагородить реальное содержаніе явленія: онъ только переводитъ явленія природы на *психологическій* языкъ.

Всякій поэтъ непремѣнно *одушевляетъ* природу: это неизбѣжное условіе поэзіи, самого интереса стихійной жизни. Поэтъ, какого бы вѣка и просвѣщенія онъ ни былъ, поступаетъ какъ первобытный создатель религіи: міровую таинственную силу разлагаетъ на цѣлый рядъ одушевленныхъ существъ, снабженныхъ свойствами нравственнаго порядка: чувствомъ, волей и даже мыслью. И красота описаній именно и заключается въ находчивомъ, правдоподобномъ отождествленіи міра безсознательнаго съ фактами психологіи. И чѣмъ *естественнѣе* у поэта природа чувствуетъ и мыслитъ, тѣмъ поэтичнѣе ея изображеніе.

Произведенія г-на Короленки переполнены этой поэзіей. До какой степени онъ рожденъ для нея, доказываетъ оригинальнѣйшій «этюдъ», *Слѣпой Музыкантъ*. Въ «этюдѣ» слишкомъ много этюднаго, отвлеченно-продуманнаго и, мы увидимъ впослѣдствіи, весьма неудачно при всей благонамѣренности цѣлей. Авторъ задалъ себѣ неразрѣшимую задачу: создать творческое жизненное произведеніе для *доказательства* нравственной и психологической формулы. Доказывать формулы возможно только логически, отнюдь не художественно; въ свою очередь творчество, какъ и сама жизнь, даетъ только матеріалъ для тѣхъ или иныхъ формулъ, вовсе независимо отъ ихъ разумнаго или нравственнаго достоинства. Если бы было иначе, люди уже давно имѣли бы точный отвѣтъ на вопросъ: что такое истина?

И г-ну Короленко это *свободное* разнообразіе жизни извѣстно лучше, чѣмъ кому-либо. Онъ глубже всякаго другого современнаго писателя понялъ неисчерпаемую глубину положительныхъ и отрицательныхъ рѣшеній, какія жизнь способна давать на самые, повидимому, простые вопросы. И онъ знаетъ,—требуется настойчивое вмѣшательство человѣческой воли и разума, чтобы вопросы получили желательное разрѣшеніе. А въ *Слѣпомъ Музыкантѣ* онъ къ отвѣту призвалъ стихіи и поручилъ имъ говорить отъ его авторскаго лица. Естественно, авторскія внушенія далеко превзошли своей настойчивостью и количествомъ готовность жизни отвѣчать такъ, а не иначе. Какъ нашему автору, прирожденному художнику, могла придти на умъ подобная задача,—съ нашей точки зрѣнія вполнѣ объяснимо, и мы это объяснимъ. Теперь мы желаемъ указать только на одинъ изъ *художественныхъ* мотивовъ, лежащихъ въ основѣ *Слѣпого Музыканта*.

Всѣ ощущенія, приписанныя слѣпому, принадлежатъ самому автору. Г. Короленко, вольно или невольно, повѣдалъ намъ, какой изумительный музыкальный инструментъ его физическая и душевная организація. Для него нѣтъ рѣзкихъ границъ между ощущеніями различныхъ чувствъ: возбужденный слухъ мгновенно отражается на зрѣніи, зрительныя впечатлѣнія вызываютъ представленія о звукахъ.

Можно вспомнить,—именно таковы притязанія символистовъ. Они стремятся ввести въ обиходъ поэзіи цвѣтные звуки и звучащіе цвѣта, и они же подали поводъ медицинскимъ изслѣдованіямъ болѣзненной путаницы ощущеній. Символисты встрѣтили единодушный отпоръ людей здоровыхъ и поэтовъ дѣйствительно талантливыхъ, и послѣ этого художникъ, отнюдь несимволическаго направленія, отваживается на слѣдующія выраженія: «вѣтеръ, *окрашенный* дальнимъ звономъ и обрывками пѣсни», особенная *холодность* звуковъ, дающая знать слѣпому, что выпалъ первый снѣгъ—лучи солнца, тихіе удары оркестра... Развѣ это не символизмъ?

Несомнѣнно,—но только въ немъ нѣтъ ничего ни искусственнаго, ни болѣзненнаго. Вы, читая эти неожиданныя сопоставленія, убѣждаетесь,

что ярче и точнѣе и нельзя было изобразить картину. Символическія опредѣленія освободили автора отъ подробныхъ и цвѣтистыхъ описаній. Но, очевидно, надо обладать совсѣмъ особеннымъ психическимъ строемъ, чтобы вполнѣ естественно, мгновенно являлись на умъ подобныя аналогіи и какъ нельзя лучше соотвѣтствовали цѣлямъ поэзіи. Это не просто впечатлительность и еще менѣе художественная наблюдательность; это—*сродство душъ*, человѣческой и міровой. Самъ авторъ прекрасно выразилъ его, характеризуя слѣпого музыканта: «Чуткая тонкая организація подымалась, какъ упруго натянутая струна, навстрѣчу всякому впечатлѣнію, готовая застонать отвѣтными звуками». И слѣпому кажется, что тьма стремиться къ нему: онъ полонъ ожиданія, онъ томится жаждой возбужденій, которыя неминуемо налетятъ на него изъ внѣшняго міра.

Войдите въ эту психологію, вдумайтесь въ этотъ инстинктивный трепетъ, въ эту нервность эоловой арфы, и вамъ не будетъ странно слышать—о звукахъ, какъ цвѣтахъ, о цвѣтахъ, какъ душевныхъ настроеніяхъ, о свѣтѣ и мракѣ, какъ музыкѣ. Вѣдь въ организмѣ нѣтъ непроницаемыхъ перегородокъ между зрительными и слуховыми нервами, и чисто-физическія ощущенія совершенно неотдѣлимы отъ состояній души,—это дѣйствительно своего рода оркестръ, настроенный гармонически и стóитъ въ немъ зазвучать одной струнѣ, отзовутся всѣ другія, именно въ силу гармоніи и тонкости организаціи. И нашъ писатель одаренъ именно такой изощренной организаціей, *физіологически* трепетно и непрерывно звучащей.

И онъ описываетъ природу не потому только, что она прекрасна и поэтична, а потому, что онъ, описывая ее, говоритъ о самомъ себѣ, онъ не наблюдаетъ ея, а прислушивается къ ея отзвукамъ въ своей душѣ, и даже нельзя сказать о немъ, чтобы онъ *описывалъ*: онъ *констатируетъ*, свидѣтельствуетъ тотъ или другой пережитой имъ фактъ естественной міровой жизни. Поэтому у г-на Короленко въ дѣйствительности нѣтъ того, что принято называть пейзажемъ, и онъ вовсе не пейзажистъ, такъ же какъ и не пантеистъ въ общеупотребительномъ смыслѣ: онъ *психологъ* пейзажей и для внѣшняго міра—лицо не внѣшнее, не разумъ, наблюдающій и отмѣчающій явленія, а *соучаствующій* въ міровомъ процессѣ, сострадающій и сорадующійся съ нимъ. Если бы звуки и краски, утро и вечеръ, лѣса и облака могли получить даръ слова, они разсказали бы о себѣ именно словами нашего автора, просто, кратко, но неизгладимо сильно, потому что сила выраженій была бы почерпнута не изъ художественной впечатлительности, а изъ глубины взволнованнаго сердца. Это громадная разница: любить природу художественно, говорить *о ней*, находиться передъ ея явленіями, будто въ партерѣ передъ театральной сценой,—и не умѣть *психологически* отдѣлить себя отъ всей необъятной вселенной, не философски и не эстетически, а нравственно, это фактъ не столько писательскаго творче-

ства, сколько личнаго нравственнаго міра. Распространите его на *всю* жизнь, не только на природу, поставьте эту «чуткую тонкую организацію, будто туго-натянутую струну», рядомъ съ дѣлами и словами людей, вы получите полный типъ мыслителя и моралиста, нисколько не нарушая его цѣльности, какъ художника.

V.

Въ самомъ дѣлѣ, присмотритесь къ способу г-на Короленко одушевлять природу. Его картины, разумѣется, богаты обычными заурядно-поэтическими красками, и онѣ очень живы и красивы: «деревья встрѣчали меня шепотомъ лѣнивой дремоты», «туча тихо ползла по небу какъ бы раздумывая о чемъ-то и разглядывая то мѣсто, куда пролиться дождемъ»; «земля, казалось, тихо вздыхала полной грудью; отъ этого дыханія играя въ лучахъ величаво горѣвшаго звѣзднаго неба, вставали бѣлесоватые туманы, точно клубы кадильнаго дыма, подымавшіеся на встрѣчу идущему празднику»... И такъ безъ конца, и особенно артистическая картина затменія. Какой удачный подборъ самыхъ простыхъ словъ, для передачи одного изъ самыхъ рѣдкихъ сочетаній свѣта и тьмы. «будто тончайшая и густая сѣтка повисла въ воздухѣ. А тамъ гдѣ-то по бокамъ, въ верхнихъ слояхъ, чувствуется озаренная воздушная даль, которая сквозитъ въ нашу тьму, смывая тѣни, лишая темноту ея формы и густоты». И рядомъ изумительная изощренность ощущеній. Много ли любителей природы способны подмѣтить, какъ горы въ странномъ полумракѣ затменія будто лишаются своей тяжелой плотности, что бываетъ какой-то особенный вѣтеръ, высоко надъ землей машущій безшумными крыльями, не тотъ, что подымаетъ уличную пыль, какъ иногда кажется, что звѣзда *виситъ*— одинокая надъ головой и пронизываетъ холодную пелену острымъ лучомъ...

Это все штрихи истиннаго артиста, умѣющаго для всякаго момента найти соотвѣтствующій оттѣнокъ въ словѣ и одной фразой создать картину и вызвать у читателя то самое настроеніе, какое пережилъ самъ наблюдатель.

Но все это способность только пейзажиста. О ней не стоило бы распространяться: на этомъ поприщѣ у г-на Короленко много предшественниковъ и соревнователей. У него есть нѣчто свое; оно даетъ тонъ всему его таланту и сообщаетъ глубокую содержательность всякому его очерку, какъ бы несложенъ и отрывоченъ онъ ни казался.

Въ природѣ всюду распространена разумная божественная сила: это въ ученіи пантеиста,—въ природѣ всюду бьется чуткое сердце—это вѣра нашего автора. Природа—неисчерпаемый источникъ художественныхъ наслажденій, она—могучая лабораторія красоты, грозной и чарующей: это обычный поэтическій взглядъ; природа полна живыхъ, по-

разительно яркихъ, почти разумныхъ въ своей яркости ощущеній, она непрерывная цѣпь тѣхъ самыхъ волненій, печалей и радостей, какими сознательно живетъ человѣкъ: таковы впечатлѣнія г на Короленко. Наконецъ, природа—міръ человѣку внѣшній, въ сильной степени враждебный, требующій борьбы и по количеству одержанныхъ побѣдъ измѣряются успѣхи человѣческаго разума: таково ученіе науки; природа—логически-послѣдовательный, цѣлесообразный процессъ жизни, творящій благо и полноту физической и духовной жизни въ силу своего вѣчнаго развитія: на этомъ принципѣ основанъ смыслъ произведеній г-на Короленко.

Слѣпой музыкантъ и здѣсь поучительный примѣръ общаго закона. Онъ состоитъ въ гармоническомъ развитіи жизни, слѣдовательно, всякое отступленіе отъ этой гармоніи—явленіе исключительное, уродство не только съ точки зрѣнія человѣческаго разума и художественнаго чувства, но и для самой природы, стихійно возмущенной противъ ненормальнаго индивидуальнаго случая. Но вѣдь и этотъ случай вызванъ въ жизни тѣми же естественными законами? Несомнѣнно; но это не мѣшаетъ ему быть явленіемъ противоестественнымъ, уклоненіемъ отъ общаго закономѣрнаго порядка. Такія явленія, можетъ быть, возникаютъ потому, что еще естественныя силы находятся въ броженіи, матерія еще не успѣла приспособиться къ законамъ органическаго бытія и жизненному началу не всегда удается одолѣвать темныя косныя силы. Но оно *никогда* не замираетъ и не глохнетъ. Подавленное и изуродованное, оно продолжаетъ протестовать инстинктивно и стремится восполнить разрушенную гармонію.

На этой идеѣ основанъ этюдъ г. Короленко. «Инстинктивное органическое влеченіе къ свѣту»—такова несомнѣнная для автора истина уполномочившая его раскрыть сложную психологическую жизнь слѣпорожденнаго. Въ другой разъ онъ выражается еще опредѣленнѣе: «природа подымалась безсознательнымъ протестомъ противъ индивидуальнаго «случая» за нарушенный общій законъ». Въ природѣ слѣпого существуютъ «возможности» свѣтовыхъ представленій, и онѣ не даютъ покою ему съ первой же минуты сознанія, отражаются на его дѣтскомъ лицѣ болѣзненнымъ мучительнымъ вопросомъ, заставляютъ инстинктивно искать еще до рожденія утраченную способность, и бываютъ минуты, когда ему кажется, будто эта способность отыскана,—минуты особенно сильныхъ и глубокихъ потрясеній.

На этомъ, повидимому, вполнѣ отвлеченномъ положеніи г. Короленко построилъ свой этюдъ. Критики, восхваляя или порицая произведеніе, не замѣтили необыкновенно краснорѣчивой основной идеи, освѣщающей личность и міросозерцаніе самого автора. Этюдъ — ничто иное, какъ защитительный трактатъ въ пользу природы, реабилитація естественныхъ силъ, управляющихъ міромъ, можно сказать *очеловѣченіе* стихій. На взглядъ автора, природѣ такъ же, какъ и разумному существу,—

больно, тягостно производить уродство и, слѣдовательно, зло—все несовершенное и порочное. Она тогда бьется и возмущается, будто птица съ отбитымъ крыломъ и напрягаетъ всѣ усилія подняться въ мощномъ и плавномъ полетѣ. Поэтому она у слѣпорожденнаго до послѣдней степени изощритъ слухъ и осязаніе, одаритъ его поразительной способностью воспринимать внѣшнія явленія съ такой точностью и быстротой, будто онъ ихъ видитъ глазами, всю его физическую организацію разовьетъ въ своего рода музыкальный инструментъ, сообщающій его уму и сердцу отнюдь не меньше, пожалуй даже больше впечатлѣній, чѣмъ усваиваетъ обыкновенный зрячій человѣкъ.

И авторъ вполнѣ убѣдительно умѣетъ доказать свою идею насколько она касается «общаго закона». Природа торжествуетъ необходимо, логически и въ высшей степени поэтично. Надо самому обладать исключительной музыкальностью натуры, чтобы съ такимъ изяществомъ и съ такой проникновенной глубиной изобразить стремленіе человѣческой души къ гармоніи и полнотѣ нравственнаго существованія. До сихъ поръ г. Короленко—поэтъ и психологъ; онъ перестаетъ быть и тѣмъ и другимъ, когда замышляетъ оправдать еще другой законъ, не подсказанный ему *чутьемъ природы*, а посторонними, чисто-литературными соображеніями. И мы увидимъ, это не первая неудача автора, увидимъ и ея смыслъ и причину. Пока насъ занимаетъ общій руководящій принципъ творчества и идей автора.

Слѣпой музыкантъ—одно изъ позднѣйшихъ произведеній г. Короленко, но читатели должны были ожидать подобнаго этюда. Его безпрестанно предвозвѣщала въ высшей степени своеобразная манера оживлять природу—точнѣе *очеловѣчивать*. Предъ г. Короленко живетъ и ширится не только одухотворенный міръ, но еще *осердеченный*. Именно это слово даетъ самое вѣрное представленіе о «пантеизмѣ» нашего автора,—мы видимъ, совершенно другомъ, чѣмъ пантеизмъ философскій и поэтическій. Можно бы сказать, это пантеизмъ моральный,—мы бы выразились даже иначе—*панкардизмъ* *), не пугаясь новаго слова, если оно приближаетъ насъ къ оригинальному психологическому міру художника. По нашему мнѣнію, именно это слово какъ нельзя точнѣе соотвѣтствуетъ поэтическому таланту, открывающему въ природѣ всю гамму человѣческихъ чувствъ и настроеній, сочувствій и негодованій, жгучей боли и торжествующаго счастья.

И всѣ эти настроенія не навязываются природою, а непосредственно *вѣютъ* отъ нея: авторъ всегда умѣетъ ввести читателя въ сущность міровой психологіи и до такой степени кстати сопоставить ее съ многообразными явленіями человѣческой жизни, что эта жизнь безъ участія природы казалась бы неполной и неясной.

Напримѣръ, молодой герой, переживающій первыя муки молодыхъ

---

*) Греческое ἡ καρδία—сердце.

сомнѣній. Въ молодости и для не поэтовъ природа полна красоты и увлекательнаго разнообразія. Естественно, молодое счастье и горе развиваются въ тактъ міровому пульсу, и вотъ предъ нами живая картина сродства душъ—естественной и разумной:

«Обнаженныя и обмерзшія вѣтки бились другъ о друга и жалобно, сухо трещали, а по всей аллеѣ вѣтеръ шумѣлъ глухо и протяжно, съ выраженіемъ того холоднаго страданія, не сознающаго себя и потому не знающаго ни сочувствія, ни пощады, какимъ было полно мое сердце».

Здѣсь, можетъ быть, извѣстную психологическую окраску сообщило природѣ слишкомъ напряженное настроеніе человѣка,—и самъ по себѣ пейзажъ мертвъ и безразличенъ? Нисколько. Смерти нѣтъ въ природѣ, пока она создаетъ мысль и чувство. Независимо отъ наблюдателей, впечатлительныхъ или нѣтъ, — природа полна своего внутренняго *нравственнаго* смысла.

По сибирской дорогѣ ѣдутъ три путника, и только одинъ заинтересованъ внѣшнимъ міромъ, лично не переживая никакихъ рѣзкихъ чувствъ, но *духъ земли* вѣетъ на всѣхъ неотразимой силой какого-то невысказаннаго страданія и томительной боли. «Туманы продолжали ползти въ вышинѣ какими-то смутными намеками на что-то грустное».

И природѣ, повидимому, гораздо свойственнѣе грустная дума, неразгаданная печаль, неудовлетворенная жалоба, неоправданная надежда. И это не потому, что русская природа вообще блѣдна и скромна, а потому, что такое огромное сердце, какимъ является міръ, такое благородное и чуткое, не можетъ не грустить, не жаловаться, пока въ его царствѣ раздается хотя одинъ стонъ. И неумолкающій «таинственный говоръ природы» чаще всего звучитъ чувствомъ утраченнаго или недостигнутаго счастья.

При наступленіи зимы земля кажется смирившеюся и притихшей, *овдовѣвшей* землей; снѣжинки, будто насѣкомыя, бьются у оконныхъ стеколъ, съ *любопытствомъ* заглядывая на людей, угнетенныхъ нечистыми умыслами; старый садъ полонъ *недовольнаго* шороха, нарушая молчаніе только-что едва не поссорившихся собесѣдниковъ; послѣ бури на небѣ замѣтна какая-то торопливость: надо возстановить порядокъ и миръ среди раскиданныхъ и перерытыхъ тучъ... Это все *настроенія*.

Но природа знаетъ годами окрѣпшую *психологію*. Она, живая и краснорѣчивая носительница безчисленныхъ отголосковъ, какими полна человѣческая жизнь. На ея могучемъ образѣ неизгладимыми чертами врѣзывается прошлое, все равно какъ морщинами на человѣческомъ лицѣ, и иногда трудно сказать, кѣмъ глубже и *разумнѣе* ощущается неправда—забывчивыми людьми или безсмертной природой. Надо только умѣть понимать ея языкъ.

Молодая дѣвушка слушаетъ повѣсть объ ужасахъ стараго крѣпостного времени. Ея чувство, наивное и тепличное, напряжено до по-

слѣдней степени. Она страдаетъ въ первый разъ въ жизни такимъ человѣчнымъ прекраснымъ страданіемъ, и окружающій міръ дышитъ той же болью и мукой.

«У дороги опять шептала рожь и томительная печаль, нависшая надъ всѣмъ этимъ пейзажемъ, казалось, получала свой особенный смыслъ и значеніе. Эти поля видѣли, они вынесли все это»...

Повѣсть растетъ и темнѣетъ въ своихъ ужасахъ. Разсказъ ямщика— простъ и правдивъ, но въ него сынъ порабощеннаго народа вложилъ всю душу свою, вдохнулъ вѣками заглушаемое чувство человѣческаго достоинства, и каждое его слово, будто новый призракъ тяжелаго кошмара налегаетъ на безпомощно-мятущуюся душу слушательницы. А этотъ міръ кругомъ сталъ еще нервнѣе и очеловѣченнѣе.

«И ей, дѣвушкѣ, показалось, что самая природа насупилась и загрустила еще больше. Черта между землей и небомъ потемнѣла, поля лежали синія, затянутыя мглой, а бѣлыя прежде облака теперь отдѣлялись отъ тучъ какія-то рыжія или опаловыя, какъ будто на нихъ умирали послѣдніе отблески дня, чтобы уступить молчаливой ночи.»

Такъ природа неистощимо краснорѣчива и весь смыслъ ея жизни заключается въ неразрывной гармоніи съ явленіями нравственнаго міра—не отвлеченнаго а сердечнаго, патетическаго. Одна изъ величественнѣйшихъ философскихъ системъ, шеллингіанство, открыла законъ тождества, т. е. законъ совершеннаго совпаденія явленій органическаго міра съ умственными процессами,—предъ нами также тождество, только болѣе жизненнаго характера и болѣе глубокаго содержанія.

Какіе выводы можно сдѣлать изъ шеллингіанской идеи? Міръ въ своемъ развитіи слѣдуетъ путями логическаго разума. Поэтому онъ и доступенъ нашему познанію. Міръ представляется безконечной цѣпью *необходимыхъ* явленій; въ немъ ничего нѣтъ случайнаго, произвольнаго, нѣтъ перерывовъ и скачковъ. Въ общемъ это—грандіозная картина естественнаго творческаго разума, но по смыслу—это детерминизмъ. Стоитъ ли въ концѣ процесса красота и благо—для закона безсмертной эволюціи безразлично. Она просто осуществляетъ строго логическую формулу, стихійно, неотразимо, не заботясь объ идеяхъ справедливости и волненіяхъ чувствительнаго сердца.

Совершенно другіе выводы слѣдуютъ изъ патетическаго представленія о мірѣ. Пантеизмъ—религія, аристократическая и чисто-художественная, панкардизмъ—религія дѣятельной правды и состраданія.

VI.

Мы видѣли, какъ противоестественно, ненавистно природѣ всякое неполное и уродливое проявленіе жизни. Природа, въ силу присущихъ й стремленій къ гармоніи и самодовлѣющей силѣ, независимо отъ человѣческаго сознанія и искусства, усиливается возмѣстить немощи и не-

достатки. Очевидно, свободная и непосредственная, она сама по себѣ вызываетъ къ дѣятельности мысль и создаетъ поэзію.

Когда-то на сценѣ европейской литературы появилась идея объ естественномъ человѣкѣ. Она, повидимому, возникла изъ самаго восторженнаго представленія о природѣ. По крайней мѣрѣ писатели, восхвалявшіе естественное состояніе, не находили словъ достойно возвеличить его преимущества предъ культурой и, въ порывѣ пророческаго фанатизма, отняли у природы способность мыслить и говорить, оставили за ней одни инстинкты, несказанно благородные, но темные и безгласные.

Предъ нами также идеализація природы, но на этотъ разъ во всей ея физической и духовной полнотѣ. Мысль столь же естественна, органически необходима, какъ простѣйшія явленія физическаго порядка. Доказательство—*дѣти*.

Въ русской литературѣ нѣтъ писателя, такъ глубоко и съ такой истинно-философской послѣдовательностью разработавшаго психологію дѣтей, какъ это сдѣлалъ г. Короленко. И эта работа—первое необходимое слѣдствіе его общихъ воззрѣній. Дѣти—самая простая и наглядная иллюстрація къ тому естественно-нравственному порядку, какой, по представленію нашего автора, царствуетъ въ мірѣ. Авторъ до такой степени дорожитъ дѣтской психологіей именно ради этой цѣли, что даже склоненъ приналечь на природу, заставить ее говорить гораздо внятнѣе и настойчивѣе, чѣмъ обыкновенно звучитъ ея голосъ.

Авторъ видимо съ особенной любовью вникаетъ въ дѣтскую душу и для него въ сущности нѣтъ предѣловъ, какими ограничивается ея высшая жизнь. Уже въ самомъ раннемъ возрастѣ намѣчаются личности, умы и характеры, даже настоящія, полныя міросозерцанія. Природа до такой степени могуча и предусмотрительна, что *предупреждаетъ* культуру по всѣмъ направленіямъ. Она съ одинаковой легкостью производитъ философовъ, поэтовъ, сильныхъ борцовъ за существованіе. Семьѣ и обществу остается только постигнуть предначертанный ею путь и подчинить свое *искусство* стремленіямъ естественныхъ силъ. Это тѣмъ болѣе разумно и неизбѣжно, что эти силы именно въ избранныхъ личностяхъ всегда богаче и благороднѣе, чѣмъ теоретическій разсудокъ и такъ называемое трезвое сердце взрослыхъ.

Эта истина раскрывается въ двухъ наиболѣе художественныхъ произведеніяхъ г-на Короленко—*Въ дурномъ обществѣ* и *Ночью*.

Нѣкоторымъ критикамъ почудилось въ обоихъ разсказахъ излишество романтизма, даже подражаніе польской беллитристикѣ, дѣйствительно очень падкой, на наивныя чувствительности и полусказочныя чудеса. Мы думаемъ, романтизмъ и чувствительность г. Короленко другого происхожденія, гораздо болѣе глубокаго и жизненнаго, чѣмъ подражаніе чему бы то ни было.

Въ дѣтяхъ нашему автору слышится особенно внятно тотъ «таин-

ственный говоръ природы», на который у него въ душѣ столько музыкальнѣйшихъ созвучій. Его подлинный герой—безсмертная естественная сила, разлитая во всемъ мірѣ, вся исполненная неизсякаемымъ богатствомъ думъ, чувствъ и вдохновеній. Что же можетъ быть слишкомъ *романтично* для изображенія подобнаго предмета?

Природа вызываетъ у автора «особенное глубокое расширяющее сердце ощущеніе» и этому ощущенію, говоритъ онъ, «трудно подыскать настоящее опредѣленіе». А вѣдь дѣти и еще, увидимъ мы, одно столь же естественно-разумное явленіе ближе всего къ природѣ: очевидно, ощущенія, вызываемыя ими, столь же сложны, таинственны и, слѣдовательно, романтичны. Выразить ихъ часто можно только при посредствѣ той же природы. Только ея красками можно со всей правдой и поэзіей изобразить блѣдную, больную дѣвочку, которую медленно, но неотвратимо убиваетъ сѣрый камень: она едва ходитъ, шатаясь *какъ былинка*, головка покачивается на тонкой шеѣ, *какъ головка полевого колокольчика...*

Отнимите эти сравненія, останется невзрачный больной ребенокъ, одѣтый въ лохмотья, съ выпачканнымъ лицомъ, недоразвившійся физически, умирающій медленной смертью отъ голода, темноты и сырости. Вотъ Маруся—безъ романтизма! Но развѣ этотъ реализмъ, который еще можно усилить точнымъ опредѣленіемъ болѣзни дѣвочки и гигіеническимъ анализомъ условій ея жизни, развѣ все это сообщитъ вамъ больше правды о страшной драмѣ дѣтскаго существованія? И развѣ все это произведетъ на васъ болѣе глубокое, просвѣтительное впечатлѣніе, чѣмъ романтическое освѣщеніе автора? Другими словами: развѣ нравственная цѣль разсказа будетъ достигнута вѣрнѣе и проще?

Врядъ ли. Натурализмъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, имѣетъ одинъ крупный практическій недостатокъ: онъ безпрестанно вызываетъ у насъ впечатлѣніе исключительнаго, литературно-преувеличеннаго. А стоитъ лишь возникнуть этому впечатлѣнію, и сила авторской живописи мгновенно понижается въ своемъ *нравственномъ* вліяніи. Этой причиной, между прочимъ, можно объяснить общественную, вообще культурную безплодность французскаго натуральнаго романа даже на родинѣ. Реалисты, съ сильнѣйшимъ оттѣнкомъ романтизма, въ родѣ Тургенева, Достоевскаго, Ибсена, имѣли несравненно больше идейнаго значенія даже для чужестранной публики, чѣмъ самые положительные натуралисты, вродѣ Золя и его послѣдователей.

Также *дѣйствителенъ* и романтизмъ г. Короленко. Еще только одинъ русскій художникъ умѣлъ, не нарушая жизненной правды и, что еще важнѣе, не понижая внутренней силы своего творчества, изображать неотразимо-чарующими красками самыя, повидимому, печальныя явленія жизни. Это—Тургеневъ, и его *Живыя Мощи*—единственная художественная параллель Маруси г. Короленко. И тайна очарованія въ обоихъ случаяхъ одна и та же.

Припомните: предметъ разсказа, на первый взглядъ, ужасный, отвратительный,—рѣдкая физическая болѣзнь. «Голова совершенно высохшая, одноцвѣтная, бронзовая, носъ узкій, какъ лезвіе ножа, губъ почти не видать, только зубы бѣлѣютъ и глаза, да изъ-подъ платка выбиваются пряди желтыхъ волосъ»... Какое обширное поприще для натуральнаго вдохновенія! У нашего автора всего нѣсколько строкъ посвящено физіологическому вопросу, и затѣмъ развертывается поразительно богатая и поэтическая духовная жизнь полутрупа. Сколько свѣжести и жизни въ тихихъ восторгахъ безнадежно больной предъ едва замѣтными явленіями природы: запахъ гречихи, полевые цвѣты, щебетанье ласточки! А это непередаваемая рѣчью поэзія одиночества, безсознательное сліяніе угасающей жизни съ могучимъ потокомъ безсмертныхъ естественныхъ силъ!

То же самое въ разсказѣ г. Короленко. Маруся постоянно предъ нами съ цвѣтами или въ цвѣтахъ, и когда она умираетъ, кажется кончается день, наступаетъ осень, темнѣетъ небо,—вообще совершается что-то по-прежнему поэтическое и менѣе всего удручающее. Маруся и говоритъ, будто звуками природы: ея больной и слабый голосокъ звучитъ, какъ эхо среди говора взрослыхъ. Сколько наивной прелести и изысканной музыкальности въ словахъ, повторяемыхъ дѣвочкой вслѣдъ за другими! Именно такъ должно говорить это едва теплящееся жизнью созданіе, какъ трепетный, едва внятный, но безконечно гармоническій отголосокъ окружающей жизни. Она слишкомъ хрупка и безпомощна, чтобы самой самостоятельно участвовать въ этой жизни, но она слишкомъ чутка и нѣжна, чтобы эта жизнь беззвучно шла мимо нея.

«— Отчего она такая?—спросилъ я, указывая глазами на Марусю.

«— Не веселая?—переспросилъ Валекъ и затѣмъ сказалъ тономъ совершенно убѣжденнаго человѣка:—а это, видишь ли, отъ сѣраго камня...

«— Да-а,—повторила дѣвочка, точно слабое эхо,—это отъ сѣраго камня.

«— Отъ какого сѣраго камня?—переспросилъ я, не понимая.

«— Сѣрый камень высосалъ изъ нея жизнь,—пояснилъ опять Валекъ, по-прежнему смотря на небо. Такъ говоритъ Тыбурцій... Тыбурцій хорошо знаетъ.

«— Да-а,—опять повторила тихимъ эхо дѣвочка.—Тыбурцій все знаетъ».

И такъ постоянно. У насъ остается впечатлѣніе переливовъ какой-то далекой, необыкновенно нѣжной музыки и образъ дѣвочки пребываетъ будто въ золотистой дымкѣ солнечнаго заката. И автору достаточно самаго простого сравненія, чтобы обвѣять свою умирающую героиню ароматной, чарующей поэзіей. Дѣвочка наканунѣ смерти; сѣрый камень упорно доводитъ свою работу до конца, и такъ кстати на землю спускается темная и холодная осень. Только изрѣдка выдаются ясные

дни; тогда дѣвочку выносятъ изъ подземелья наверхъ и здѣсь «она какъ будто оживала, смотрѣла вокругъ широко раскрытыми глазами, на щекахъ ея загорался румянецъ; казалось, что вѣтеръ, обдававшій ее своими свѣжими, живительными взмахами, возвращалъ ей частицы жизни, похищенныя сѣрыми камнями подземелья»...

Столько поэзіи въ душѣ, близкой къ природѣ, и столько красоты въ самой слабости, даже въ смерти тамъ, гдѣ надъ послѣдними искрами жизни бордствуетъ все та же природа-мать!

Но здѣсь не одна поэзія. Авторъ желаетъ показать, какая глубокая и многозначительная работа *мысли* совершается въ дѣтскомъ мозгѣ? Откуда западаетъ сюда смутная жажда найти отвѣтъ на вопросы, неразрѣшимые даже для высшей науки и мудрости? И не только жажда возникаетъ и растетъ, но и добивается удовлетворенія, болѣе идейнаго и поучительнаго, чѣмъ иные отвѣты просвѣщеннаго ума и книжной учености.

Эта истина для автора не опровержима и онъ съ необыкновенной любовью, со всей силой своего психологическаго анализа нарисовалъ образъ *своего* «естественнаго человѣка», провиденціальнаго носителя цивилизаціи и нравственности. И никакой философъ и поэтъ прошлаго вѣка не увѣнчалъ природу такимъ роскошнымъ поистинѣ божественнымъ вѣнкомъ, хотя въ тотъ вѣкъ идеей природы стремились преобразовать человѣка и общество, а нашъ авторъ желаетъ только этой самой природой объяснить разумное и благородное, столь часто украшающее человѣка и его среду независимо отъ послѣднихъ словъ науки.

VII.

Дѣти со своими фантазіями часто въ высшей степени забавны и неразумны. Напримѣръ, двое ребятъ вздумали задній грязный дворъ преобразить въ какое-то сказочное царство, каждому заброшенному предмету навязать романтическій смыслъ, въ полусгнившемъ кузовѣ рыдвана совершать путешествія, исполненныя опасностей, вооружаться вполнѣ серьезно деревянными пистолетами и самодѣльной тесовой саблей, въ бадьѣ съ загнившей водой удить рыбу... На взглядъ взрослаго—сколько здѣсь глупостей! И взрослые съ обычной самоувѣренностью именно такъ и относятся къ дѣтскимъ фантазіямъ. Они, единственные представители критики и скептизма, слѣдовательно—истины; дѣти, чтобы познакомиться съ ней, должны усвоить тѣ же способности и наклонности. Истина добывается путемъ анализа, индукціи, проще—путемъ подробнаго и частностнаго изученія міра и людей,—иного пути нѣтъ. Все за предѣлами анализа и опытнаго знанія, ложь, фантасмагорія, *дѣтская сказка*.

Дѣйствительно ли это такъ? Нѣтъ ли какого-нибудь разумнаго со-

держанія даже въ дѣтскихъ фантазіяхъ? Не является ли нѣчто истинное интинктивному синтезу дѣтской души? Проще: нѣтъ ли непосредственнаго чутья общей и частной правды въ ощущеніяхъ и въ представленіяхъ дѣтей?

Положительные отвѣты на всѣ эти вопросы для нашего автора не подлежатъ сомнѣнію. Рядомъ съ анализомъ и изслѣдованіемъ существуетъ еще одна нравственная сила—интуиція, непосредственное воспріятіе и—результатъ ея,—вдохновеніе. Идея—не новая, даже въ самомъ значительномъ смыслѣ. Извѣстно, напримѣръ, какое обширное мѣсто даже въ опытныхъ наукахъ отводили родоначальники новѣйшаго позитивизма интуиціи и вдохновенію. По ихъ мнѣнію, безъ вдохновенія даже немыслимы великія обобщенія и геніальныя открытія. Опытъ даетъ только отдѣльные факты, часто разрозненные, противорѣчивые, трудно уловимые, только интуиція подсказываетъ ученому идею или законъ, объединяющій явленія. Безъ этой способности нѣтъ великаго ученаго-мыслителя, а только эрудитъ, чернорабочій науки.

Таковъ взглядъ людей, страстно защищавшихъ науку и разумъ. Эта же мысль лежитъ и въ основѣ дѣтской психологіи въ произведеніяхъ г-на Короленко. Даже по существу нѣтъ разницы: интуиція—свойство генія, т. е. нѣчто прирожденное, «естественное», слѣдовательно, свойственное человѣческой природѣ въ силу ея высшей человѣчности. Очевидно, дѣтская душа должна быть причастна этой способности и часто гораздо больше, чѣмъ души взрослыхъ заурядныхъ людей. А отсюда слѣдуетъ: общія міровыя истины нерѣдко ближе и правильнѣе *чуются* дѣтскимъ нравственнымъ міромъ, чѣмъ умомъ, порабощеннымъ отрывочной и поверхностной ученостью. Въ результатѣ, ребенокъ можетъ оказаться болѣе философомъ въ самомъ положительномъ смыслѣ слова, чѣмъ даже самый бойкій студентъ медицинской науки.

Это будетъ непремѣнно въ томъ случаѣ, когда ребенокъ одаренъ отъ природы здоровыми впечатлительными нервами, чуткимъ воображеніемъ, жаждущимъ сердцемъ. Тогда неизбѣжно отъ простого соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ въ дѣтской душѣ возникаетъ сложный и многосторонній процессъ мышленія, съ преобладаніемъ аналитическаго или творческаго содержанія въ зависимости отъ преобладающей естественной наклонности. Родятся не только поэты, но и ученые, и философы, если только эти всѣ типы понимать какъ *оригинальныя* проявленія нравственныхъ силъ и не считать ученымъ рабскаго воспроизводителя чужихъ выводовъ, поэтомъ—послушнаго отражателя банальныхъ и стадныхъ настроеній, а философію видѣть въ пережевываніи школьныхъ отвлеченій. Отсюда громадный интересъ дѣтской психологіи и отвѣтственнѣйшій долгъ взрослыхъ предъ дѣтьми. Въ дѣтскомъ мірѣ нѣтъ праздныхъ, совершенно безпочвенныхъ, безцѣльныхъ фантазій и безсмысленныхъ порывовъ, все равно, какъ въ

природѣ не можетъ быть незакономѣрныхъ явленій и фактовъ невмѣняемаго каприза. Эта философско-педагогическая истина разъяснена въ произведеніяхъ г-на Короленко увлекательнѣйшимъ способомъ, какой только можно представить для доказательства истины. Сами дѣти являются адвокатами въ своемъ процессѣ и защищаютъ его вполнѣ самостоятельно, безъ назойливыхъ подсказываній и внушеній заинтересованнаго педагога.

Въ разсказѣ *Ночью* совершается таинственное событіе. Разгадка его недоступна вообще человѣческому разуму, но человѣческая природа съ трудомъ мирится на неразрѣшимости загадокъ. Требуется исключительное умственное развитіе и обширный опытъ познанія, чтобы сказать вмѣстѣ съ Сократомъ: «Я знаю только то, что ничего не знаю», т. е. знаю только факты, подробности, внѣшность,—смыслъ всего этого, основной двигающій принципъ жизни, остается для меня тайной. И средствами науки безполезно и стремиться открыть эту тайну, и истинный, дѣйствительно научный позитивизмъ именно и заключается въ признаніи *великаго невѣдомаго* рядомъ съ ничтожной областью наблюдаемаго и изучаемаго. На этой мысли и остановились сильнѣйшіе положительные умы нашего вѣка, и та же самая мысль положена въ основу нашего разсказа.

Въ семьѣ появляется на свѣтъ новое существо... Откуда взялась *эта* жизнь? Откуда, слѣдовательно, вообще берется жизнь, еще вчера и сегодня не существовавшая въ нашемъ мірѣ?

Дѣйствительный ученый отвѣтитъ искренне и рѣшительно—*не знаю*; но ученый школьникъ, едва прошедшій азбуку науки, заявитъ: «я знаю, потому что изучалъ физіологію». Авторъ на это отвѣчаетъ: «Ты знаешь немногое, а думаешь, что знаешь все»... И, по его мнѣнію, дѣти *ближе* къ истинѣ, чѣмъ молодой отважный физіологъ.

Почему?

Никакое физіологическое изслѣдованіе не *объяснитъ* зарожденія: оно только можетъ разсказать внѣшнюю исторію его, и то далеко не съ начала; останется неразрѣшеннымъ цѣлый рядъ моментовъ, и вотъ они то принадлежатъ не опыту, а творчеству, не изслѣдованію, а интуиціи, не наукѣ, а поэзіи и религіи. Это неоспоримый фактъ, и его то осуществляютъ дѣти. «Они чувствуютъ тайну и стараются облечь ее въ образы»,—говоритъ авторъ, т. е. поступаютъ единственно возможнымъ путемъ предъ такими вопросами, поступаютъ, какъ искони вѣковъ поступали цѣлые народы, мудрѣйшіе философы и величайшіе поэты. Дѣти *творятъ* объясненіе, создаютъ извѣстное *вѣрованіе*, для насъ, разумѣется, нисколько не обязательное, но вполнѣ логическое и естественное, какъ фактъ нравственной необходимости.

Надо обладать большимъ творческимъ талантомъ и въ высшей степени глубокимъ анализомъ, чтобы дѣтскими «глупостями» воспользоваться такъ идейно и даже научно. И напрасно авторъ къ чисто-

логическому мотиву примѣшалъ еще чувствительный: онъ даже повредилъ убѣдительности общаго вывода. Незачѣмъ разумному защитнику дѣтей быть безнадежно печальнымъ супругомъ объ утраченной супругѣ. Для насъ безразлична и въ данномъ случаѣ даже досадна его трогательная тоска о личномъ, далеко не возвышенномъ счастьѣ. Дѣти правы не потому, что у какого-то пана Генриха безвременно скончалась его пани и онъ съ тѣхъ поръ не желаетъ, чтобы изъ «человѣка сдѣлался порошокъ». И бойкій философъ здѣсь можетъ быть вполнѣ побѣдоносенъ: вѣдь частный фактъ—смерть драгоцѣнной пани! На это обездоленный Генрихъ отвѣтитъ:

«— Этотъ частный фактъ для меня, пойми ты, общѣе всѣхъ твоихъ обобщеній».

Для него и *его* фактъ!.. Какимъ жалкимъ диссонансомъ звучитъ этотъ мѣщанскій вопль супружеской души предъ всечеловѣческой тоской о темной загадкѣ бытія! И насколько выше и осмысленнѣе этой домашней философіи разсужденія все тѣхъ же дѣтей, разгадывающихъ тайну не въ интересахъ своей дѣтской, а во имя всеобъемлющей міровой истины! И можно только удивляться, какъ столь проникновенно творящій художникъ рѣшился до такой степени принизить и размельчить идею своего разсказа!

Но она все-таки остается глубокой и великой, независимо отъ эгоистическаго и тщедушнаго вмѣшательства пана Генриха. И любопытнѣйшая черта этой идеи—яркій и, повидимому, неизбѣжный разладъ между міромъ дѣтей и взрослыхъ. Онъ появляется во всѣхъ разсказахъ г-на Короленко и всегда независимо отъ какой бы то ни было тенденціи, въ высшей степени тонко и послѣдовательно. Дѣти-философы въ своихъ ночныхъ бесѣдахъ, точно заговорщики противъ няньки; Вася изъ «дурного общества» носитъ въ себѣ цѣлый міръ вопросовъ, безразличныхъ даже для идеально-хорошаго и умнаго отца. И соприкосновенія поэзіи дѣтей съ прозой взрослыхъ почти всегда вызываютъ боль и тяжелыя чувства въ дѣтскихъ сердцахъ, все равно кѣмъ бы ни была представлена эта проза — ученымъ физіологомъ или туповатымъ мужикомъ Павломъ въ *Парадоксѣ*. И боль причиняется взрослыми безъ всякаго дурного желанія, невольно, мимоходомъ, только потому, что большіе не имѣютъ даже отдаленныхъ представленій о дѣтской психологіи, стоятъ слишкомъ далеко отъ простѣйшихъ проявленій естественной, духовной жизни.

Какъ, вѣроятно, удивился бы отецъ, если бы ему растолковали дѣйствительный смыслъ фантазій Голована и Мордика! У родителей только и хватило наблюдательности, чтобы отмѣтить кличками внѣшнія особенности своихъ дѣтей, и въ послѣдствіи они съ чистымъ сердцемъ и родительской заботливостью приступятъ къ опытамъ надъ ихъ душами: изъ поэта Голована постараются, можетъ быть, создать инженера, Мордика, прирожденнаго критика и оригинальнаго искателя

истинъ, преобразуютъ въ русскаго классика. И какъ часто, поэтому, даже для сильнѣйшихъ организацій, для людей, способныхъ справиться со всякими родительскими и наставническими опытами, дѣтство остается единственно свѣтлымъ воспоминаніемъ, наводящимъ невольную грусть о навсегда утраченной свободѣ чувствовать и думать по своему!..

VIII.

Г. Короленко чрезвычайно искусно выбираетъ обстановку для раскрытія извѣстныхъ психологическихъ явленій. Такъ какъ у дѣтей съ какими угодно преобладающими наклонностями воображеніе всетаки преобладаетъ надъ всѣми, то и сцена дѣйствія должна быть освѣщена романтическимъ свѣтомъ, не придуманнымъ, а сообразнымъ съ обстоятельствами. Ночь, на дворѣ бушуетъ дождь, порывы вѣтра, то падаютъ то налетаютъ съ новой силой, шумъ деревьевъ, стукъ дождя въ окно и въ крышу, и въ эту же ночь—странное загадочное событіе гдѣ-то въ отдаленной комнатѣ дома... Даже и не дѣтское воображеніе могло настроиться на необычный ладъ, а бесѣда дѣтей является будто отраженной музыкой этой кругомъ фантастически-звучащей атмосферы.

То же самое и въ другомъ разсказѣ. Онъ охватываетъ цѣлые мѣсяцы, но сцена его все время исключительная, и авторъ умѣетъ описать ее именно какъ «невиданное зрѣлище». Поразительная точность поэтическаго зрѣнія позволяетъ ему при помощи простѣйшаго средства, художественнаго описанія игры свѣта, превратить подземелье въ какой-то волшебный міръ и изобразить какъ настоящую фею больную дѣвочку съ кучкой цвѣтовъ. Подземелье начинаетъ жить и дышать: оно дѣйствительно «сторожитъ свою жертву». Таково впечатлѣніе и читателя. Оно романтично, но въ немъ ни одной черты нѣтъ лживой и подчеркнутой.

Иной реалистъ вздумаетъ заподозрить автора въ придуманномъ сочинительствѣ, въ подборѣ особенно выгодныхъ подробностей. Но такимъ сочинительствомъ пользовались величайшіе міровые поэты. Шекспиръ именно лѣтомъ и среди царственной итальянской природы заставилъ разыграться драму Ромео и Джульеты; наоборотъ, сумашествіе Лира окружилъ бурей и холодомъ; мука Гамлета обвѣяна пронизывающимъ сѣвернымъ вѣтромъ и зловѣщей ночной темнотой. И отъ всей этой внѣшней обстановки внутренняя правда является намъ ярче и внушительнѣй. А съ точки зрѣнія нашего автора, подобная обстановка безусловно логична и реальна. Сердце природы также одарено чуткостью, ему свойственны настроенія и желанія, волнующія людей, и даже подземелье можетъ смотрѣть невидимымъ но «пристальнымъ и жаднымъ взглядомъ». Естественно, думы и образы, всегда живущіе въ дѣтской душѣ, вереницей встаютъ въ моменты, дышащіе тайной и поэзіей. Нѣтъ, здѣсь художникъ правдивъ, потому что вѣренъ органическому принципу своего творческаго міросозерцанія.

Фальшивая нота начинаетъ звучать лишь только онъ увлекается въ сторону чувствительности, крайняго гуманизированья своихъ героевъ, если такъ можно выразиться. Панъ Генрихъ, мы видѣли, печально отплатилъ автору, за его склонность жалѣть и оплакивать все, что кажется жалкимъ и вызывающимъ на слезы. Мы не должны забывать,—на этой склонности развился и самый взглядъ автора на міръ и людей, но, къ сожалѣнію, автора иногда покидаетъ твердая принципіальная мысль и уступаетъ мѣсто просто нервной настроенности. Мы увидимъ, этотъ недостатокъ распространяется и на болѣе важный предметъ, чѣмъ характеристика дѣтей, и сильно вредитъ всякому общественному смыслу произведеній г-на Короленко.

Герой «дурного общества» отъ собственнаго лица ведетъ разсказъ и по временамъ забываетъ, что онъ разсказываетъ о себѣ—ребенкѣ, переноситъ на далекое дѣтство многое, что онъ могъ добыть только позднѣйшимъ анализомъ дѣтской психологіи и многое, что ему подсказано трогательной памятью о невозвратномъ прошломъ. Мы, напримѣръ, считаемъ несистематически-преувеличеннымъ горе ребенка о покойной матери, выраженное притомъ въ приподнято-краснорѣчивомъ стилѣ. Дѣти обыкновенно жалѣютъ проще и, надо признать, не такъ безнадежно. Для такого горя у нихъ слишкомъ мало рефлексіи и слишкомъ много непосредственной жизненной силы. Въ дѣтскомъ горѣ больше трогательности, чѣмъ эффекта и больше поэтической задумчивости, чѣмъ отчаянія, и г. Короленко изображаетъ не дѣтскую тоску въ слезахъ прожигавшихъ горячими струями щеки ребенка, въ безнадежныхъ порывахъ обнять ночью навѣки исчезнувшій образъ матери. Такъ могъ бы фантазировать развѣ французскій поэтъ школы Виктора Гюго. У этого романтика, великаго любителя дѣтей, они дѣйствительно, по картинности чувствъ и политурѣ недостойные соперники своего поэтическаго отца и друга.

Разукрашено и огорченіе все того же юного героя, по поводу весьма страннаго открытія. Вася, всю жизнь проводящій на улицѣ, подробно изслѣдовавшій всѣ закоулки города, умный, наблюдательный, впечатлительный, не догадывается, что «дурное общество» состоитъ изъ нищихъ! Не догадывается, пока Валекъ, его сверстникъ, не открываетъ ему ужасной тайны. Именно для него она оказывается ужасной! Будто онъ не зналъ нищихъ, какимъ-то чудомъ ни разу не видѣлъ нищенства обитателей подземелья! И теперь онъ «горько плачетъ»; даже привязанность его къ «дурному обществу какъ-то замутилась».

Всему этому не вѣритъ изумленный читатель. У него является невольная догадка: автору—нехудожественно и неидейно захотѣлось создать новый мелодраматическій мотивъ по поводу самаго зауряднаго обычнаго явленія, создать въ интересахъ трогательности и на этотъ разъ сверхъестественной нѣжности дѣтскаго состраданія, создать даже въ противорѣчіе съ собственнымъ повѣствованіемъ.

Наконецъ, еще одинъ ударъ по нервамъ читателя. Мы знаемъ, до какой степени чутка дѣтская природа къ правдѣ, не только нравственной, но даже логической. Мы вѣримъ, что дѣтское фантастическое творчество иногда можетъ оконфузить самый, повидимому, положительный умъ, глубиной своего смысла, но мы не думаемъ, чтобы ребенокъ являлся непремѣнно добрѣе взрослаго и проницательнѣе его понималъ чужое горе. Вопросъ зависитъ *отъ формы*, въ какой выражается горе и представляется несчастье, потому что дѣтское чувство и мысль въ сильнѣйшей сте: ени управляются воображеніемъ и часто внѣшнимъ впечатлѣніемъ. Это—основной законъ дѣтской психологіи при всей чуткости дѣтскаго сердца и при всемъ естественномъ благородствѣ дѣтской природы. Далеко не всякое горестное явленіе способно растрогать ребенка. Надо, чтобы въ самой обстановкѣ этого явленія трогательное перевѣшивало комическое, величавое преобладало надъ уродливымъ. Иначе, какъ разъ въ силу чуткости, ребенокъ начнетъ забавляться надъ страданіемъ и смѣяться надъ горемъ. Отсюда вѣрное, хотя и ошибочно обобщенное наблюденіе: «сей возрастъ жалости не знаетъ», т. е. дѣтскій. Точнѣе, дѣти часто, дѣйствительно не *понимаютъ* жалости. Вообще, всякое человѣческое чувство, при всей своей естественной силѣ и красотѣ, для своей *непогрѣшимости* требуетъ одинаково высокаго развитія и сердца, и ума.

Г. Короленко рисуетъ именно одинъ изъ такихъ случаевъ, гдѣ жестокость обусловливается умственной ограниченностью и гуманность всецѣло можетъ быть основана только на полной гармоніи чувства и разума.

Молодой чиновникъ спился и дошелъ до послѣдней степени униженій, вслѣдствіе несчастной любви. Толпа надъ нимъ издѣвается, это естественно: толпа, даже культурная, всегда наклонна къ жестокости именно надъ слабѣйшимъ. Но несчастный герой, помимо слабости, еще страдаетъ большими странностями. Въ пьяномъ видѣ онъ бесѣдуетъ съ неодушевленными предметами, исповѣдуется предъ ними въ величайшихъ небывалыхъ преступленіяхъ и, наконецъ, засыпаетъ... Взрослые смѣются надъ этой невмѣняемой исповѣдью, произносимой заплетающимся языкомъ. Какъ же относятся къ ней дѣти?

Авторъ увѣряетъ, будто они «чуткими ребячьими сердцами слышали въ стонахъ вопли искренней скорби и принимая аллегоріи несчастнаго буквально были все-таки ближе къ истинному пониманію этой трагически свернувшейся жизни».

Ближе къ пониманію... Это, очевидно, для автора символъ вѣры: въ другой разъ онъ скажетъ о тѣхъ же дѣтяхъ: ближе къ истинѣ. Но можно ли этой вѣрѣ придавать такое всеобъемлющее практическое значеніе?

Врядъ ли. Отрицательный отвѣтъ чувствуется въ самой описанной сценѣ. Она слишкомъ *сдѣлана* и дѣти въ ней слишкомъ преднамѣренно и благонамѣренно одноцвѣтны. На этотъ разъ ихъ добродѣтель принадлежитъ всецѣло восхищенному сердцу автора. Пьяный покаянникъ

для обыкновенныхъ дѣтей или страшенъ, или въ то же время и смѣшонъ. Чтобы нравственно оцѣнить его страданія, надо представлять ихъ психологически, надо понимать *трагическую* основу извнѣ ненормальнаго, уродливаго явленія. А потомъ, даже и пониманіе этой основы, измѣна «панны съ бѣлокурой косой», далеко не обезпечиваетъ за жертвой подобной трагедіи почтительнаго отношенія къ его паденію. По человѣчеству, онъ, разумѣется, жалокъ, но въ идеѣ жалости заключается оттѣнокъ *снисходительнаго* состраданія, покровительственнаго отношенія къ немощи и неразумію. А именно къ такого рода несчастію дѣтямъ трудно подойти близко и сочувственно. Дѣтское сердце скорѣе оцѣнитъ страдающую силу, дѣйствительно глубоко пожалѣетъ павшаго героя, но оно, хотя бы даже инстинктивно, только развѣ въ исключительномъ случаѣ будетъ тронуто агоніей очевиднаго безсилія и ничтожества. Сострадать малымъ и немощнымъ—гуманность высшаго порядка, превосходящая естественныя побужденія человѣческой природы, гуманность просвѣщенная или самоотверженной вѣрой, или идеально-культурнымъ разумомъ. До такой степени идеализировать *чуткость* природы, значитъ возводить ее въ «божество благое», вседовлѣющее, всесовершенное, дѣлающее излишнимъ ея же собственныя стремленія облагораживать и углублять свою чуткость.

Увлеченіе автора, по нашему мнѣнію, несомнѣнно, но оно вполнѣ естественно. *Пантеизмъ*, только *одухотворяющій* міръ, склоненъ всюду и во всемъ видѣть красоту, стройность, высшее наслажденіе для сознательно-художественнаго чувства. И въ самомъ разрушеніи начинается созиданіе, и въ смерти предчувствуется новая жизнь: все духъ, слѣдовательно, все энергія и движеніе. Идея міра *осердеченнаго* также должна имѣть свою поэзію и свою логику увлеченія. Въ мірѣ все полно тончайшей психологической жизни, все напряженно-чутко, невидимыми безчисленными нитями связано съ человѣческимъ сердцемъ, трепещетъ разнообразнѣйшими настроеніями, будто громадная эолова арфа, не перестающая звучать въ созвучіе радостямъ и болямъ человѣческой природы.

Очевидно,—все близкое природѣ столь же гармонично, чутко и благородно. На первомъ планѣ—дѣти, и посмотрите какой чудный и глубокій міръ—дѣтская душа! И благороднѣйшій отблескъ этого міра падаетъ на всѣхъ кто тѣснѣе всего связанъ съ нимъ. Посмотрите,—что можетъ быть прекраснѣе и возвышеннѣе образа *матери!* Какой изощренный инстинктъ любви и всезнанія, лишь только вопросъ касается ея ребенка! Этотъ инстинктъ оставляетъ за собой—рѣшительно все: науку, хитроумную опытность, обдуманнѣйшую педагогію.

Мать по крику новорожденнаго *чувствуетъ*, что онъ родился несчастнымъ, инвалидомъ. Мать умѣетъ разгадать жгучую жажду слѣпого сына—трагическую жажду свѣта. Только мать и природа одинаково неудержимо и обѣ стихійно стремятся—восполнить странное ли-

шеніе, поразившее ребенка до рожденія. Природа *протестуетъ* противъ нарушенной гармоніи жизни, мать—невыразимо *страдаетъ* изъ-за того же нарушенія,—и никто, кажется, проще и трогательнѣе нашего автора не умѣлъ создавать поэзію материнской любви. Эта поэзія у г-на Короленко стоитъ рядомъ съ неменѣе поразительнымъ искусствомъ двумя-тремя чертами внушить читателю настроеніе, соотвѣтствующее тому или другому явленію природы.

Въ *Слѣпомъ музыкантѣ* мать на сценѣ въ теченіе цѣлыхъ лѣтъ; здѣсь полный просторъ авторской живописи. Но въ разсказѣ *Парадоксъ* мать является всего на нѣсколько мгновеній,—но она изъ всей картины дѣлаетъ тотъ самый сюжетъ, какой въ живописи создаетъ геніально брошенный лучъ свѣта. Всего нѣсколько строкъ—и схвачена именно та черта всей фигуры, которая потомъ въ теченіе всего разсказа заставляетъ насъ искать именно эту фигуру, ждать, что сдѣлаетъ и скажетъ эта совсѣмъ обыкновенная женщина, но надъ всѣми недосягаемо великая и царственная въ своей простотѣ какъ мать.

Во дворъ въѣхалъ «феноменъ», уродъ, пользующійся ногами вмѣсто рукъ. Обитатели дома—высыпали наружу взглянуть на зрѣлище,—вышла и *она*. «Она стояла въ бѣломъ передникѣ, съ навернутыми рукавами, очевидно, только что оторванная отъ вѣчныхъ заботъ по хозяйству. Насъ у нея было шестеро, и на ея лицѣ ясно виднѣлось сомнѣніе: стоило ли выходить сюда въ самый разгаръ хлопотливаго дня. Однако, скептическая улыбка видимо сплывала съ ея красиваго лица. и въ синихъ глазахъ уже мелькало какое то испуганное сожалѣніе, обращенное къ предмету, стоявшему среди толпы, у крыльца»...

И дальше—весь свѣтъ сосредоточенъ на этомъ лицѣ. Самъ озлобленный феноменъ—явно нигиллистическаго воззрѣнія на міръ и людей только къ матери считаетъ нужнымъ относиться предупредительно, щадитъ только ея впечатлительность, признаетъ только за ней право—осудить или оправдать—его кощунственную выходку.

Такъ обольстительна и неотразима спокойная нравственная красота этой женщины. И только потому, что она—красота матери, красота—воспитательницы и стража шестерыхъ дѣтей.

Никакая идея, никакая культура не играетъ здѣсь ни малѣйшей роли,—одна природа царствуетъ и повелѣваетъ. Та самая природа, которая среди неодушевленнаго міра умѣетъ *говорить* съ разноообразнѣйшими оттѣнками,—именно говорить. Иначе нельзя назвать шумъ лѣса, когда совсѣмъ иначе шумитъ дубъ и сосна, иначе играетъ—звенитъ лѣсъ сильнѣйшій и величавый и стонетъ-гудитъ лѣсъ, ожидающій бури и борьбы. И человѣку, близко знающему лѣсъ, понятна эта многоголосая музыка,—понятна и невыразимо дорога и поэтична..

Такова природа сама по себѣ и въ людяхъ... Какъ же ей не таить въ себѣ великихъ чудесъ! Она мыслитъ и чувствуетъ, она могучая и безсмертная—какъ же ей своими внушеніями не стоять выше ограни-

ченнаго человѣческаго опыта и не давать поучительнѣйшихъ уроковъ робкому людскому уму! Пантеистъ не повѣритъ, будто человѣкъ можетъ создать нѣчто болѣе прекрасное и гармоничное, чѣмъ творчество природы; нашъ авторъ, истинный поэтъ міроваго сердца, готовъ сомнѣваться, есть ли въ искусствомъ и знаніемъ воздѣланной человѣческой личности болѣе чуткая и благородная сила, чѣмъ непосредственная воля природы-матери?..

Въ разсказѣ *На пути* есть одна изъ самыхъ глубокихъ психологическихъ сценъ; съ ней мы еще встрѣтимся. Смыслъ сцены—стихійное накопленіе злобы въ массѣ бродягъ при видѣ сытаго, довольнаго, юмористически-настроеннаго *хорошаго* человѣка. Именно эта самодовольная добродѣтель и счастливая доброта поднимаютъ всю тьму годами накопленной желчи, всѣ обиды часто невольнаго но всей жизнью искупаемаго одиночества и сиротства,—и преступная толпа едва сдерживаетъ себя. Ей чудится нестерпимое оскорбленіе именно въ добродушнѣйшихъ шуткахъ и снисходительныхъ рѣчахъ пригрѣтаго судьбой семьянина, и страшная драма зависти и мести съ каждымъ мгновеніемъ назрѣваетъ все больше.

И кто же чувствуетъ ея приближеніе?

Виновникъ ея менѣе всего,—такой опытный и разсудительный,—его сынъ, ребенокъ. Онъ съ одного взгляда чуетъ что-то грозное и жестокое въ лицѣ бродяги. На его душу дыханіе приближающейся катастрофы вѣетъ испугомъ и отчаяніемъ. И здѣсь все правда—до послѣдней черты: мальчикъ, прячущійся въ колѣняхъ отца отъ одного только выраженія на лицѣ острожника—моментъ, озаряющій всю картину...

И такихъ примѣровъ въ самой жизни безъ конца. Отчего же послѣ этого не открыть въ дѣтской душѣ отголосковъ, доступныхъ только самымъ развитымъ гуманизированнымъ натурамъ?

И авторъ открываетъ ихъ, невольно превращая природу въ какую-то самодовлѣющую, слѣдовательно косную силу, хотя и высоко-поэтическую и благородную.

Этотъ фактъ гораздо важнѣе и богаче послѣдствіями, чѣмъ простое увлеченіе мотивами чувствительности и естественности. У г-на Короленко здѣсь источникъ основного противорѣчія въ идейномъ содержаніи его произведеній, первопричина въ высшей степени оригинальной *разорванности* общихъ мыслей и личныхъ сочувствій, и разорванность эта звучитъ часто болѣзненнымъ диссонансомъ среди безукоризненно-художественныхъ образовъ и идеально-чистыхъ настроеній.

Такіе образы и настроенія, наравнѣ съ дѣтьми, принадлежатъ другому столь же излюбленному герою нашего автора *народу*.

Ив. Ивановъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

РАВНОДУШНЫЕ.

РОМАНЪ.

(*Продолженіе* *).

Глава семнадцатая.

I.

Никодимцевъ не докончилъ еще своего кофе и, нѣсколько растерянный отъ счастья, не просмотрѣлъ газетъ, какъ въ столовую торопливо вошелъ, сѣменя короткими ногами, Егоръ Ивановичъ и, улыбающійся, доложилъ тѣмъ веселымъ и значительнымъ тономъ, какимъ докладываютъ о желанномъ и пріятномъ гостѣ:

— Василій Николаевичъ Ордынцевъ!

— Сюда просите!

Но худощавая фигура Ордынцева въ черномъ поношенномъ сюртукѣ уже показалась въ дверяхъ.

— Какой счастливый вѣтеръ занесъ тебя?—обрадованно воскликнулъ Никодимцевъ, бросаясь на встрѣчу гостю и горячо пожимая ему руку.. Совсѣмъ ты меня забылъ, Василій Николаевичъ!—продолжалъ Никодимцевъ, ласково, почти нѣжно взглядывая на худое, болѣзненное и старообразное лицо своего пріятеля. Садись!—Егоръ Ивановичъ! Кофе Василію Николаевичу!

— Сію минуту... несу!—отвѣчалъ слуга.

Ордынцевъ присѣлъ и отвѣтилъ:

— Некогда было все это время.

— Много работы?

— И работы много и... и семейныя дѣла. Да, признаться, и помѣшать тебѣ боялся. На четверть часа заходить не хотѣлось, а отнимать у тебя время было совѣстно. Вѣдь ты дни и ночи работаешь.

— Ну, братъ, теперь я меньше работаю!—проговорилъ, краснѣя Никодимцевъ и тутъ же рѣшилъ разсказать Василію Нико-

---

*) См. «Міръ Божій», № 6, іюнь.

лаевичу, почему онъ сталъ меньше работать и почему онъ сегодня безконечно счастливъ.

Они были знакомы еще по университету и близко сошлись лѣтъ десять тому назадъ, когда оба служили въ одномъ изъ южныхъ городовъ Россіи. Никодимцевъ былъ тогда судебнымъ слѣдователемъ. Ордынцевъ—помощникомъ бухгалтера въ частномъ банкѣ.

Они часто видѣлись. Ордынцевъ нерѣдко убѣгалъ спасаться отъ семейныхъ сценъ къ одинокому домосѣду, державшемуся въ сторонѣ отъ мѣстнаго общества, и любилъ поговорить съ Никодимцевымъ по душѣ. Они расходились во многомъ и часто спорили, но это нисколько не мѣшало имъ любить и уважать другъ друга.

Благодаря неладамъ своимъ съ прокуроромъ, Никодимцевъ долженъ былъ оставить судебное вѣдомство. Его нашли слишкомъ независимымъ слѣдователемъ и предложили подать въ отставку. Онъ отказался и просилъ предать его суду, если его считаютъ виноватымъ, но вмѣсто того, его уволили безъ прошенія, и онъ отправился въ Петербургъ искать мѣста.

Когда Ордынцевъ переѣхалъ въ Петербургъ, Никодимцевъ уже былъ виднымъ чиновникомъ. Встрѣча пріятелей, послѣ долгой разлуки, была задушевная. Чиновникъ не убилъ въ Никодимцевѣ человѣка, и Ордынцевъ, испытавшій уже не мало разочарованій въ прежнихъ знакомыхъ, очень обрадовался, что пріятель его не перемѣнился и что блестящая карьера не вскружила ему головы.

Видѣлись они не особенно часто. Какъ и въ старыя времена, они при встрѣчахъ нерѣдко спорили и, какъ часто случается, ни до чего не договаривались. Ордынцевъ горячился, стараясь доказать что дѣятельность пріятеля пріятный самообманъ. Никодимцевъ сдержанно доказывалъ значеніе личности даже въ неблагопріятной и враждебной средѣ.

— Такъ ты меньше работаешь?—переспросилъ Ордынцевъ.

— Меньше.

— То-то ты словно помолодѣлъ и глядишь молодцомъ. Давно, братъ, пора тебѣ не изнывать надъ своими бумагами, отъ которыхъ никому не легче... Однако сперва о дѣлѣ. Вѣдь я зашелъ къ тебѣ, по дорогѣ въ свою каторгу, больше по дѣлу.

— Въ чемъ оно?

— Устрой одного молодого человѣка, если можешь.

И Ордынцевъ сталъ разсказывать, какъ молодой человѣкъ, окончившій университетъ и съ медалью, вотъ уже годъ, какъ ищетъ мѣсто и не можетъ найти, не имѣя протекціи. Вездѣ обѣщали только имѣть его въ виду, но отъ этого ему не легче. Ему необходимо мѣсто и немедленно. У него на рукахъ мать и сестра и кое-какой случайный заработокъ.

— У насъ въ правленіи пристроить его нельзя. Гобзинъ меня не терпитъ...

— Твой молодой человѣкъ провинціи не боится?

— Онъ поѣдетъ куда угодно.

— Такъ я его устрою на полторы или на двѣ тысячи. Пришли его ко мнѣ и пусть подаетъ докладную записку.

— Спасибо. Доброе дѣло сдѣлаешь.

— И одного новаго чиновника? — проговорилъ, усмѣхаясь, Никодимцевъ. А теперь идемъ въ кабинетъ, Василій Николаевичъ. Поговоримъ...

— А на службу?.. Ужъ скоро десять?—сказалъ Ордынцевъ, взглянувъ на часы. Да и тебѣ вѣрно надо передъ службой заняться...

— Опоздаешь полчаса, не бѣда. Въ кои вѣки зашелъ... А я сегодня въ департаментъ не поѣду.

Они перешли въ кабинетъ и усѣлись въ креслахъ. Никодимцевъ позвонилъ, и когда явился Егоръ Ивановичъ, — приказалъ никого не принимать.

— Ну разсказывай, какъ ты живешь, какъ тянешь свою лямку, Василій Николаевичъ?

— Лямку тяну по прежнему, а живу одинъ съ Шурой....

— А остальная семья?

— Здѣсь... На старой квартирѣ... Ты вѣдь знаешь, что моя семейная жизнь была не изъ особенно пріятныхъ... И имъ и мнѣ лучше, что мы живемъ отдѣльно и не стѣсняемъ другъ друга... Давно бы пора придти къ такому исходу, но... характера не хватало... За то теперь, Григорій Александровичъ, я ожилъ, хотя и пришлось вечернія занятія взять. Жалованье все я отдаю семьѣ... Такъ надо было придумать дополнительный заработокъ!..

— Сколько же ты нарабатываешь вечерними занятіями?

— Рублей сто, сто двадцать пять. Намъ вдвоемъ хватаетъ. А къ новому году наградныя намъ выйдутъ... Значитъ еще пятьсотъ рублей... Да и старикъ Гобзинъ обѣщалъ прибавку... Мы, съ Шурой и будемъ богаты... Какъ видишь, теперь я жаловаться на жизнь не могу... Насколько возможно, я счастливъ... Я не одинъ... Я спокоенъ у себя дома. Я не вижу своей жены.

— А я хочу, Василій Николаевичъ, на старости лѣтъ попытать счастья!—вдругъ проговорилъ Никодимцевъ.

— Какого?

— Жениться.

Ордынцевъ изумленно и испуганно взглянулъ на Никодимцева. Тотъ густо покраснѣлъ.

— Ты находишь, что поздно?—спросилъ онъ.

— Какое поздно?.. Ты еще молодецъ молодцомъ и жилъ всегда монахомъ... Не поздно, а...

— Что же? Договаривай.

— Страшно.

— Почему именно страшно?

— У тебя вѣдь требованія отъ брака серьезныя... Тебѣ нужна не только жена, болѣе или менѣе пріятная, тебѣ нуженъ другъ, товарищъ, который понималъ бы тебя, раздѣлялъ бы твои стремленія, сочувствовалъ бы твоимъ идеаламъ... Не такъ ли?

— Ну конечно... Иначе это не бракъ а свинство.

— Я это свинство вполнѣ прошелъ, и видишь ли результатъ?.. О, еслибъ ты зналъ, какой это ужасъ когда вмѣсто сочувствія ты встрѣтишь глухое противодѣйствіе, когда вмѣсто любимой женщины ты увидишь тупую и лживую тварь... А вѣдь передъ свадьбой всѣ онѣ болѣе или менѣе ангелы... Всѣ онѣ приспособляются... А ты къ тому же женихъ блестящій... Одно твое положеніе чего стоитъ... И въ будущемъ... пожалуй министръ?..

— Ничего въ будущемъ, Василій Николаевичъ, пу ничего! Министромъ я не буду да и не желалъ бы имъ быть! Ты правъ: я извѣрился въ плодотворность своей миссіи... Но за то я познал счастье жизни... И та женщина, которой я сегодня сдѣлаю предложеніе, не похожа на нарисованный тобою портретъ. Она именно не лжива и была слишкомъ несчастна потому, что не встрѣчала порядочныхъ людей около себя. И ты знаешь эту женщину, которая совершила переворотъ въ моей жизни...

— Кто она?

— Пока это между нами... Слышишь?

— Ну, разумѣется.

— Инна Николаевна Травинская...

Ордынцевъ чуть не ахнулъ.

Эта красивая и умная веселая барынька, пользовавшаяся скверной репутаціей, эта посѣтительница ресторановъ, окруженная весьма пестрыми молодыми людьми, и вдругъ избранница такого чистаго и цѣломудреннаго человѣка, какъ Никодимцевъ!

Ордынцевъ молчалъ, не рѣшаясь сказать, что онъ думаетъ о Травинской—съ такимъ восторженнымъ благоговѣніемъ произнесъ Никодимцевъ это имя—и только пожалѣлъ своего ослѣпленнаго пріятеля, влюбившагося въ одну изъ представительницъ ненавистной ему семьи Козельскихъ.

Противенъ ему былъ и Козельскій, этотъ равнодушный ко всему кромѣ наслажденій эпикуреецъ и дѣлецъ, прикрывающій громкими фразами свои вожделѣнія; отвратительна была Татьяна Николаевна, изъ за которой лежалъ въ больницѣ братъ Леонтьевой, его лучшаго друга, и болѣе чѣмъ несимпатична была Инна Николаевна, жившая съ

такимъ мужемъ, какъ Травинскій. Одна только Антонина Петровна возбуждала въ Ордынцевѣ нѣкоторое сочувствіе.

— Инна Николаевна, значитъ, разводится съ мужемъ?

— Да. Она ужъ уѣхала отъ этого негодяя и живетъ у родителей... Что жъ ты молчишь, Василій Николаевичъ. Ты конечно не одобряешь моего выбора?..

— Не одобряю. И еслибъ зналъ, что ты послушаешь меня, сказалъ бы: не женись на Иннѣ Николаевнѣ... Ты ее не знаешь...

Никодимцевъ восторженно произнесъ:

— Я знаю ее... И знаю ея прошлое... И потому что знаю его я, еще болѣе цѣню и уважаю женщину понявшую весь ужасъ прошлой жизни... Ты развѣ не вѣришь въ возрожденіе, Василій Николаевичъ... Ты развѣ не понимаешь до чего можетъ довести самого порядочнаго человѣка среда и пустота жизни?..

Ордынцевъ слушалъ эти восторженныя рѣчи и понялъ, что возражать было безполезно. Его Никодимцевъ влюбленъ въ Инну Николаевну до ослѣпленія.

„Ловко же она обошла бѣднаго Григорія Александровича"!— подумалъ Ордынцевъ, не сомнѣвавшійся, что Никодимцева обошли и что бракъ этотъ сдѣлаетъ несчастнымъ его пріятеля. Не вѣрилъ онъ въ возрожденіе такой женщины, какъ Травинская. Правда, онъ ее мало зналъ, но не даромъ же о ней составилась дурная репутація. Нѣтъ дыма безъ огня. И, наконецъ, этотъ шутъ гороховый, ея мужъ самъ же разсказывалъ при немъ, что онъ не ревнивъ и любитъ, когда за его женой ухаживаютъ.

— Отъ души желаю тебѣ счастья, Григорій Александровичъ!— проговорилъ наконецъ Ордынцевъ.

— Пожелай мнѣ, Василій Николаевичъ, успѣха и въ другомъ дѣлѣ...

— Въ какомъ?

— Черезъ недѣлю я ѣду на голодъ.

И Никодимцевъ разсказалъ, какъ устроилась эта командировка, и вслѣдствіе какихъ комбинацій и, быть можетъ, интригъ между власть имущими, выборъ палъ на него.

— Я конечно постараюсь узнать на мѣстѣ размѣры голода... Я не скрою ничего... И пусть не пѣняютъ на меня, если правда не понравится...

— Дай Богъ тебѣ успѣха!—горячо и взволнованно проговорилъ Ордынцевъ... О, еслибъ я былъ свободенъ!..

— Тогда что?

— Тогда я просилъ бы тебя взять меня съ собой...

Никодимцевъ зналъ, какой хорошій работникъ Василій Николаевичъ, и мысль о томъ, что лучшаго помощника ему не найти внезапно осѣнила его голову. Разумѣется, онъ могъ бы устроить,

чтобы правленіе увозило Ордынцева мѣсяца на три, сохранивъ за нимъ мѣсто. Но взглянувъ на больное лицо пріятеля, вспомнивъ, что у него на рукахъ Шура,—Никодимцевъ проговорилъ:

— Тебя не отпустятъ... И вспомни, что съ тобой Шура... А лучше порекомендуй мнѣ кого-нибудь изъ молодежи... Я буду тебѣ очень благодаренъ... Мнѣ нужны толковые, порядочные люди, и я выговорилъ себѣ, разумѣется, право взять съ собою, кого я хочу... И я наберу персоналъ не изъ чиновниковъ! — прибавилъ Никодимцевъ.

Ордынцевъ обѣщалъ это сдѣлать. Одного онъ ужъ знаетъ. Онъ встрѣчалъ его у своей знакомой Леонтьевой...

— Это прелестный молодой человѣкъ... Ужъ онъ былъ на голодѣ и опять туда собирается...

— Не Скурагинъ ли?

— Онъ самый. А ты какъ его знаешь?

— Вчера видѣлъ у Козельскихъ...

— У Козельскихъ? Зачѣмъ онъ къ нимъ попалъ?

— Не знаю. Знаю только, что Скурагинъ мнѣ очень понравился, и я просилъ его ѣхать со мной... Онъ обѣщалъ подумать... Объясни ему, что я не такой чиновникъ, какъ онъ вѣроятно думаетъ, и пусть не боиться ѣхать со мной.

— Я его увижу вѣроятно сегодня... И сегодня же спрошу о другихъ желающихъ. Конечно найдутся...

„Только разумѣется не изъ такихъ, какъ мой сынокъ!“— невольно подумалъ Ордынцевъ и вспомнилъ, что завтра, въ воскресенье, онъ непремѣнно явится на четверть часа съ обычнымъ визитомъ въ качествѣ внимательнаго сына.

— Присылай ихъ ко мнѣ... До двѣнадцати я дома... И самъ ко мнѣ зайди до моего отъѣзда... Зайдешь?..

— Теперь тебя вѣрно не застанешь...

— Приходи обѣдать, такъ застанешь!—сказалъ, краснѣя, Никодимцевъ... Приходи завтра и вмѣстѣ съ дочкой...

— Она обѣдаетъ у матери по воскресеньямъ. Я приду одинъ и сообщу о моихъ поискахъ... А пока до свиданія... И то опоздалъ на три четверти часа. Молодое животное, мой Гобзинъ не откажетъ себѣ въ удовольствіи намекнуть объ этомъ...

Ордынцевъ съ особенною горячностью пожалъ руку Никодимцева и еще разъ пожелалъ ему успѣха,—промолвивъ на прощанье:

— Это вѣдь не бумажное, а настоящее дѣло... И ты сослужишь большую службу, если откроешь кому слѣдуетъ глаза на то, что ужасъ голода заключается въ причинахъ его...

— Ты думаешь, я не представлялъ и объ этомъ записи?

— И что же?

— Лежатъ въ архивѣ.

— Но теперь... Не скроютъ же твоихъ донесеній?

Никодимцевъ вмѣсто отвѣта неопредѣленно пожалъ плечами и проговорилъ:

— Есть много тайнъ, Гораціо, которые не снились нашимъ мудрецамъ!.. Я многое передумалъ въ послѣднее время, Василій Николаевичъ, и убѣдился...

— Въ чемъ?

— Въ томъ, что я во многомъ обманывалъ себя и, еслибъ не встрѣча съ Инной Николаевной... Нѣтъ, братъ, ты судишь о женщинахъ пристрастно...

— По своему печальному опыту?—съ грустной улыбкой—промолвилъ Ордынцевъ.

— Да...

— Дай Богъ тебѣ не ошибиться, Григорій Александровичъ!.. Дай Богъ!.. А разводъ скоро устроится? Травинскій согласенъ?

— Согласенъ... За пятнадцать тысячъ согласенъ.

— Экая современная скотина!—брезгливо промолвилъ Ордынцевъ.

— Да, мерзавецъ!—со злобнымъ чувствомъ подтвердилъ Никодимцевъ, охваченный внезапно ревнивымъ чувствомъ къ человѣку, который смѣлъ быть мужемъ его избранницы.

Пріятели разстались, и Никодимцевъ сѣлъ за работу.

Ему не работалось. То онъ думалъ объ Иннѣ Николаевнѣ и словахъ Ордынцева. То онъ думалъ о своей поѣздкѣ и о томъ, какъ онъ будетъ дѣлиться впечатлѣніями со своей невѣстой.

Послѣ вчерашняго свиданія и особенно послѣ этой записки, которую онъ выучилъ наизусть, онъ не сомнѣвался, что онъ пользуется привязанностью, что его любятъ и что Инна — какъ мысленно онъ назвалъ любимую женщину—согласится быть его женой.

Не сомнѣвался и въ то же время вдругъ въ голову его подкрадывалась мысль, что онъ напрасно надѣется... Она, пожалуй, расположена къ нему, дорожитъ его дружбой, но... „съ чего вы вообразили, что я васъ люблю?"...

И ему дѣлалось жутко. И восторженная радость смѣнялась тоской. И онъ взглядывалъ на часы...

О, Боже мой, какъ безконечно тянется время передъ той минутой, когда рѣшится его судьба!

II.

Хотя Ордынцевъ и называлъ свое правленіе каторгой, но съ тѣхъ поръ, какъ онъ жилъ отдѣльно отъ семьи, эта „каторга" казалась для него несравненно легче. И съ какимъ радостнымъ

чувствомъ онъ возвращался теперь въ „свой домъ“, въ эту маленькую квартиру во дворѣ,—въ Торговой улицѣ, черезъ два дома отъ гимназіи, въ которой училась Шура,—состоящую изъ трехъ комнатъ—гостиной и вмѣстѣ столовой, кабинета и комнаты Шуры, большой, свѣтлой и убранной съ нѣкоторой даже роскошью.

Теперь онъ не видалъ ненавистнаго красиваго лица жены, не ждалъ, нервный и озлобленный, сценъ и язвительныхъ улыбокъ, не волновался, слушая разсужденія Николая и видя пустоту и развращенность Ольги...

Ровно въ половинѣ шестого онъ входилъ домой, и Шура встрѣчала отца ласковымъ поцѣлуемъ и звала обѣдать, заботливо исполняя роль маленькой хозяйки и нерѣдко совѣщаясь, по приходѣ изъ гимназіи, на счетъ того, понравился ли обѣдъ отцу,—съ Аксиньей, пожилой, хлопотливой женщиной, жившей у Ордынцева одной прислугой и какъ-то скоро сдѣлавшейся своею въ домѣ, расположенною и къ барину, и особенно къ его маленькой, смуглой дочкѣ, которую Аксинья жалѣла, какъ невольную сироту изъ-за семейной свары.

И водка и селедка всегда были на столѣ. И супъ и жаркое казались теперь Ордынцеву совсѣмъ не такими, какими казались въ прежнемъ домѣ, а какими-то особенно вкусными, хорошо приготовленными. И онъ нѣжнымъ взглядомъ перехватывалъ озабоченный хозяйскій взглядъ черныхъ глазенокъ Шуры, слушалъ ея болтовню о томъ, что было въ гимназіи, и самъ разсказывалъ ей о томъ, что было въ правленіи. Обыкновенно послѣ обѣда Ордынцевъ угощалъ Шуру какимъ-нибудь лакомствомъ и шелъ въ кабинетъ отдохнуть съ полчаса и затѣмъ принимался за вечернія занятія. Онъ просиживалъ за ними до часа ночи, прерывая ихъ на полчаса, чтобы напиться чая вмѣстѣ съ Шурой и затѣмъ проститься съ ней въ десять часовъ, когда, сонная, она ложилась спать.

Не смотря на усиленную работу, Ордынцевъ чувствовалъ себя здоровѣе и бодрѣе, чѣмъ прежде, и тянулъ свою лямку, не жалуясь на тяготу жизни. Шура красила эту жизнь. Заботы о своей дѣвочкѣ, о томъ, чтобы изъ нея не вышло чего-нибудь похожаго на сестру являлись серьезной цѣлью для отца, и онъ нерѣдко думалъ объ образованной, трудолюбивой здоровой и крѣпкой дѣвушкѣ въ лицѣ своей Шуры. И ради этого онъ готовъ былъ работать еще болѣе, чтобъ добыть средства и на занятія гимнастикой и на основательное знакомство съ иностранными языками. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ дѣйствительно становился близокъ дочери, наблюдая и изучая ее и урывая время, чтобы читать вмѣстѣ съ нею и бесѣдовать по поводу прочитаннаго.

Отдавая почти все свободное время Шурѣ, Ордынцевъ нерѣдко чувствовалъ себя виновнымъ относительно старшихъ дѣтей, пре-

доставленныхъ въ дѣтствѣ и отрочествѣ исключительно вліянію матери и школы. Результаты на лицо. Школа помогла матери и дала тѣхъ стариковъ и эгоистовъ, „къ добру и злу постыдно равнодушныхъ“ и готовыхъ на всякіе компромиссы, которые въ практикѣ жизни находили словно бы подтвержденіе ненужности какихъ бы то ни было идеаловъ, какихъ бы то ни было убѣжденій, сколько-нибудь альтруистическихъ. Напротивъ! Чѣмъ безстыднѣе и наглѣе проявлялся культъ эгоизма и поклоненія своему „я“, чѣмъ циничнѣе проповѣдовалось „трезвое“ отношеніе къ дѣйствительности, тѣмъ скорѣе и успѣшнѣе достигались тѣ цѣли жизни, которыя исчерпывались карьеризмомъ и полученіемъ возможно большихъ средствъ для пользованія возможно большими благами жизни. И какими бы позорными подчасъ средствами не получались эти блага жизни,—большинство людей не только не оскорблялось этимъ, а, напротивъ, поклонялось успѣху и завидовало ему. Газеты печатали хвалебные отзывы, иллюстраціи—портреты нерѣдко такихъ общественныхъ дѣятелей, на совѣсти которыхъ было не мало черныхъ дѣлъ и загубленныхъ на законномъ основаніи жизней. И такихъ называли лучшими людьми, истинно русскими, и чуть ли не гордостью отечества.

А немногіе возмущенные, могли только молчать и ждать, что вдругъ что-то случится, и общественные идеалы повысятся, и вмѣстѣ съ этимъ явятся и сильные характеры, и независимые люди, и истинные слуги родины.

Такія думы нерѣдко приходили въ голову Ордынцева по поводу его дѣтей, и онъ сознавалъ громадную вину отцовъ, неумѣвшихъ или не хотѣвшихъ хоть сколько-нибудь парализовать разлагающее вліяніе школы.

И съ тѣмъ большею страстностью онъ хотѣлъ теперь загладить свою вину въ заботахъ о воспитаніи Шуры.

Глава восемнадцатая.

I.

Когда Ордынцевъ явился въ правленіе, опаздавши ровно на часъ, помощникъ его, г. Пронскій, молодой человѣкъ, необыкновенно скромный, тихій и исполнительный, сообщилъ ему, что предсѣдатель правленія его спрашивалъ.

— И я, Василій Николаевичъ, принужденъ былъ доложить, что васъ нѣтъ!—словно бы извиняясь, прибавилъ Пронскій, взглядывая на Ордынцева съ выраженіемъ ласковой льстивости въ своихъ небольшихъ сѣрыхъ глазахъ.

Ордынцевъ цѣнилъ своего помощника, какъ аккуратнаго и

добросовѣстнаго работника, но не былъ расположенъ къ нему. Не нравилась Ордынцеву и его льстивая манера говорить, и его желаніе выказать ему особенное расположеніе и преданность, и его раскосые, круглые, сѣрые глаза, ясные и ласковые и въ то же время, не внушающіе довѣрія.

Пронскій былъ товарищемъ Гобзина по университету и года три тому назадъ былъ назначенъ прямо помощникомъ бухгалтера вмѣсто прежняго, оставившаго службу. Въ правленіи ходили слухи, что Пронскій былъ близокъ съ предсѣдателемъ правленія и будто бы передаетъ ему о томъ, что говорится о немъ между служащими въ товарищеской интимной бесѣдѣ. Пронскаго поэтому боялись, многіе заискивали въ немъ и остерегались въ его присутствіи отзываться непочтительно о Гобзинѣ и вообще о начальствѣ и о порядкахъ въ правленіи.

— Вамъ не говорилъ Гобзинъ, зачѣмъ я ему нуженъ?—холодно спросилъ Ордынцевъ.

— Нѣтъ, Василій Николаевичъ, не говорилъ.

— А бумагъ, положенныхъ къ подписи, не передавалъ?

— Передалъ. Я ихъ сдалъ журналисту.

— Напрасно вы ихъ сдали безъ меня. Впередъ этого не дѣлайте—строго сказалъ Ордынцевъ.

— Извините, Василій Николаевичъ, я думалъ скорѣй отправить бумаги.

— Потрудитесь взять ихъ отъ журналиста и принести ко мнѣ.

— Слушаю-съ...

И Пронскій торопливо вышелъ съ огорченнымъ видомъ виноватаго человѣка.

Ордынцевъ поздоровался со всѣми сослуживцами, сидѣвшими въ двухъ комнатахъ, подходя къ каждому и пожимая руку, и прошелъ въ свой маленькій кабинетъ. Онъ вынулъ изъ портфеля бумаги, разложилъ ихъ на письменномъ столѣ, взглянулъ, поморщившись, на кипу новыхъ бумагъ и принялся за работу, не думая торопиться къ Гобзину.

„Если есть дѣло—его позовутъ!"—подумалъ Ордынцевъ, закуривая папиросу и углубляясь въ чтеніе бумаги, испещренной цифрами.

— Вотъ-съ, Василій Николаевичъ, пакеты. Ради Бога извините... Мнѣ очень непріятно, что я навлекъ на себя ваше неудовольствіе...

Ордынцевъ ничего не отвѣтилъ и только махнулъ головой. И началъ распечатывать пакеты не потому, что считалъ это необходимымъ, а единственно для того, чтобы показать Пронскому его безтактное вмѣшательство не въ свои дѣла.

„Интригуетъ. Вѣрно на мое мѣсто хочетъ!"—про себя про-

говорилъ Ордынцевъ и струсилъ при мысли о возможности потери мѣста именно теперь, когда жизнь его сложилась такъ хорошо и когда ему нужно зарабатывать больше денегъ.

Электрическій звонокъ прервалъ эти размышленія.

Ордынцевъ застегнулъ на всѣ пуговицы свой черный потертый сюртукъ и пошелъ на верхъ, въ комнату директора правленія.

— Здраствуйте, глубокоуважаемый Василій Николаевичъ!— проговорилъ нѣсколько приподнятымъ, любезно-торжественнымъ тономъ Гобзинъ, привставая съ кресла и какъ-то особенно любезно пожимая Ордынцеву руку.—Присядьте, пожалуйста, Василій Николаевичъ...

Ордынцевъ присѣлъ, нѣсколько изумленный такимъ любезнымъ пріемомъ этого „молодого животнаго“.

Послѣ недавней стычки отношенія были между ними исключительно оффиціальныя и холодныя, и Ордынцевъ очень хорошо зналъ, что Гобзинъ не прощалъ своему подчиненному его отношенія къ нему, независимаго и исключительно дѣлового, не похожаго на льстивое и угодливое отношеніе другихъ служащихъ.

И вдругъ такая любезность!

„Ужъ не хотятъ ли они меня сплавить?“—подумалъ Ордынцевъ, взглядывая на это полное, бѣлое, съ румянымъ отливомъ лицо и стеклянные рачьи глаза, въ которыхъ, на этотъ разъ, не было обычнаго вызывающаго и самоувѣреннаго выраженія.

— Мнѣ очень пріятно сообщить вамъ, Василій Николаевичъ,— продолжалъ между тѣмъ Гобзинъ все въ томъ же приподнятомъ тонѣ и выговаривая слова съ медленной отчетливостью и какъ бы слушая себя самого, — что вчера, въ засѣданіи правленія, былъ рѣшенъ вопросъ о прибавкѣ съ перваго января вамъ жалованья. Нечего и говорить, что правленіе единогласно приняло мое предложеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ поручило мнѣ выразить вамъ глубочайшую признательность за ваши труды и сказать вамъ, какъ оно дорожитъ такимъ сотрудникомъ... Вамъ прибавлено, Василій Николаевичъ, тысяча пятьсотъ рублей въ годъ... Такимъ образомъ, окладъ вашъ увеличился до шести тысячъ пятисотъ, кромѣ ежегодной награды, и я надѣюсь, что въ будущемъ увеличится еще... Повѣрьте, Василій Николаевичъ, что, не смотря на недоразумѣнія, которыя бывали между нами, я умѣю цѣнить въ васъ даровитаго и способнаго помощника!

Послѣ этихъ словъ Гобзинъ протянулъ свою пухлую красную руку съ бриллiантомъ на короткомъ мизинцѣ и, крѣпко пожимая руку Ордынцева, прибавилъ:

— И если въ недоразумѣніяхъ я бывалъ не правъ, то прошу извинить меня, Василій Николаевичъ!

Ордынцевъ поблагодарилъ за то, что „правленіе цѣнитъ его работу“ и прибавилъ:

— А недоразумѣнія всегда возможны, Иванъ Прокофьевичъ. Надобно только желать, чтобы они не возникали на личной почвѣ... Тогда, повѣрьте, и служить легче и служащіе болѣе увѣрены, что ихъ оцѣниваютъ исключительно по работѣ, а не по тому—нравятся ли они или нѣтъ. И я очень цѣню, что относительно меня правленіе именно такъ и поступило... Еще разъ благодарю въ лицѣ вашемъ, Иванъ Прокофьевичъ, правленіе, и обращусь къ вамъ съ большой просьбой.

— Съ какой?—спросилъ Гобзинъ уже не съ тою предупредительною любезностью, съ какой только что говорилъ, недовольный недостаточной, по его мнѣнію, прочувствованностью въ выраженіи благодарности за сдѣланную ему прибавку и за комплименты и за эти намеки на „личную почву".

— По моему мнѣнію, было бы несправедливымъ, Иванъ Прокофьевичъ, прибавить жалованье только мнѣ одному и позабыть моихъ помощниковъ...

— Но тогда выйдетъ очень велика сумма... Это невозможно.

— Въ такомъ случаѣ, какъ ни важна мнѣ прибавка, назначенная правленіемъ, я, къ сожалѣнію, долженъ отъ нея отказаться, Иванъ Прокофьевичъ.

Гобзинъ никакъ этого не ожидалъ и изумленно смотрѣлъ на этого страннаго человѣка, отказывающагося отъ 1.500 р. изъ-за какой-то нелѣпой щепетильности.

А въ то же время надо было какъ-нибудь да съ нимъ поладить, такъ какъ отецъ еще на-дняхъ сказалъ сыну, чтобы онъ не выпускалъ Ордынцева изъ правленія и особенно дорожилъ имъ, при чемъ пригрозилъ убрать его самого, если онъ доведетъ Василія Николаевича до ухода.

— Такихъ дураковъ, какъ ты много, а такихъ работниковъ, какъ Ордынцевъ мало!—рѣшительно прибавилъ старикъ и скоро послѣ этого внесъ въ правленіе предложеніе о прибавкѣ Ордынцеву.

И молодой Гобзинъ, по приказу отца, долженъ былъ объявить о благодарности правленія Ордынцеву и „вообще обойтись съ нимъ душевно".

— Кому же вы хотите прибавить жалованье? И какъ велика будетъ сумма? Прикиньте-ка сейчасъ!—промолвилъ Гобзинъ, придвигая Ордынцеву листки бумаги и карандашъ.

Ордынцевъ намѣтилъ прибавки рѣшительно всѣмъ служащимъ въ его отдѣлѣ. Получилась сумма въ двѣнадцать тысячъ.

Гобзинъ взглянулъ на списокъ.

— Цифра значительная!—нѣсколько разъ повторилъ онъ.

— И дивидентъ значительный!—замѣтилъ Ордынцевъ.

— Оставьте мнѣ вашъ списокъ... Я доложу сегодня правленію...

— Очень вамъ благодаренъ, Иванъ Прокофьевичъ.

Ордынцевъ поднялся.

— Больше я вамъ не нуженъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, Василій Николаевичъ. Послѣ засѣданія правленія я васъ попрошу, чтобъ сообщить вамъ его рѣшеніе.

Ордынцевъ ушелъ, сознавая, что поступилъ, какъ слѣдовало поступить порядочному человѣку. Онъ не сомнѣвался въ первую минуту, что требованіе его будетъ исполнено, если только старикъ Гобзинъ захочетъ поддержать его. Онъ зналъ, что въ сущности заправилою всего дѣла былъ этотъ милліонеръ изъ мужиковъ-каменьщиковъ, начавшій съ маленькихъ подрядовъ и сдѣлавшійся однимъ изъ видныхъ петербургскихъ дѣльцовъ. Остальные члены правленія были ставленниками Гобзина, имѣвшаго въ рукахъ большое количество акцій и располагавшаго большинствомъ голосовъ на общихъ собраніяхъ, и, разумѣется, не смѣли идти противъ его желаній, чтобъ не лишиться своихъ семи тысячъ директорскаго жалованья.

Ордынцевъ зналъ всѣхъ этихъ безличныхъ директоровъ: престарѣлаго архитектора, завѣдующаго хозяйственной частью и ловкаго мошенника, получавшаго съ подрядчиковъ значительные „коммиссіи" и „скидки", благодаря которымъ онъ имѣлъ тысячъ до двадцати въ годъ, прогорѣвшаго барина съ титулованной фамиліей, довольно ограниченнаго коммерсанта, съ братомъ котораго старикъ Гобзинъ велъ дѣла, и молодого инженера путей сообщенія—зятя Гобзина...

Только одинъ директоръ отъ правительства, бывшій литераторъ-публицистъ, былъ до нѣкоторой степени независимъ.

Но онъ конечно не подастъ голоса противъ прибавки жалованья младшимъ служащимъ, онъ, который въ своихъ прежнихъ статьяхъ, благодаря которымъ онъ и получилъ мѣсто,—ратовалъ, между прочимъ, и противъ несправедливаго распредѣленія вознагражденія въ желѣзнодорожныхъ правленіяхъ и управленіяхъ.

Весь вопросъ сводился къ тому: согласится ли старикъ Гобзинъ?

И Ордынцевъ не разъ отвлекался отъ работы, думая объ этомъ, очень интересующемъ его дѣлѣ. Эти полторы тысячи вмѣстѣ съ наградными дадутъ ему возможность отказаться отъ части вечернихъ занятій и посвящать болѣе времени Шурѣ. Можно будетъ тогда пригласить англичанку для занятій, учительницу гимнастики, нанять дачу и поѣхать съ Шурой во время мѣсячнаго отпуска въ Крымъ. Они бы поѣхали въ августѣ, и какъ бы это было хорошо. Давно ужъ Ордынцевъ мечталъ объ этой поѣздкѣ, объ отдыхѣ. Но прежде эти мечты такъ и оставались мечтами! Онъ проводилъ лѣто въ городѣ, уѣзжая только по субботамъ на дачу въ окрестностяхъ Петербурга и возвращаясь оттуда въ воскресенье, довольный, что на недѣлю свободенъ отъ сценъ.

Не могъ воспользоваться онъ и своимъ отпускомъ, не могъ уѣхать куда-нибудь подальше и отдохнуть. Для этого у него не было средствъ.

А какъ бы онъ поправился въ Крыму. Какъ было бы полезно и Шурѣ, и ему покупаться въ морѣ!.. Какъ хотѣлось ему этого моря, этихъ горъ и полнаго отдыха. Какъ хотѣлось ему забыть хоть на мѣсяцъ о правленіи, объ этой надоѣвшей ему работѣ и встрѣчахъ и объясненіяхъ съ Гобзинымъ-сыномъ.

И онъ припомнилъ, что во всю свою жизнь съ тѣхъ поръ, какъ женился, онъ ни разу дѣйствительно не отдыхалъ, ни разу никуда не ѣздилъ... Онъ все отдавалъ семьѣ и постоянно слышалъ жалобы и упреки, что зарабатываетъ мало, что семьѣ не хватаетъ, что дача не хороша...

И ни жена, ни старшія дѣти никогда не подумали, что онъ усталъ отъ работы, что онъ боленъ, что ему нужно отдохнуть!.. На него смотрѣли, какъ на ломовую лошадь, которая должна тянуть возъ. И онъ тянулъ, тянулъ и теперь начинаетъ чувствовать себя разбитой клячей.

О, еслибы получить эти полторы тысячи! Тогда онъ отдохнетъ и поправится.

„Но старикъ Гобзинъ упрямъ. Пожалуй, не согласится“!—подумалъ Ордынцевъ и такъ какъ очень желалъ, чтобы Гобзинъ согласился, то именно потому недавняя его увѣренность исчезла и онъ мало надѣялся.

Потерявши эту надежду, почти увѣренный, что старикъ обидится его ультиматумомъ, Ордынцевъ внезапно раздражился и озлобился, принимаясь за работу.

А работы предстояло много.

Цѣлая стопка бумагъ, испещренныхъ цифрами, лежала передъ нимъ. Всѣ эти бумаги надо просмотрѣть и провѣрить.

И Ордынцевъ защелкалъ счетами и пересталъ думать о томъ, что казалось теперь ему несбыточнымъ.

Въ самый разгаръ работы кто-то постучалъ въ двери.

— Войдите!—крикнулъ Ордынцевъ раздраженнымъ голосомъ.

Въ дверяхъ появился высокій, плотный старикъ въ черной парѣ, съ широкимъ, красноватымъ, моложавымъ лицомъ, грубые черты котораго сразу обличали бывшаго мужика. Сѣдые волосы были съ проборомъ посерединѣ и обстрижены въ скобку. Окладистая сѣдая борода придавала его лицу степенный, благообразный видъ. Маленькіе сѣрые глаза, острые и круглые, какъ у коршуна, блестѣли умомъ, энергіей и лукавствомъ изъ подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей.

Это былъ „самъ“ Гобзинъ.

— Добраго здоровья, Василій Николаевичъ... Помѣшалъ, ко-

нечно?.. Ну не обезсудьте... Я на минуту!—проговорилъ онъ тихимъ, пріятнымъ голосомъ.

Съ этими словами онъ приблизился къ Ордынцеву, сунулъ ему свою громадную жилистую руку и присѣлъ на стулъ у письменнаго стола напротивъ Ордынцева.

— По обыкновенію трудитесь, Василій Николаевичъ!—началъ Гобзинъ, чтобъ что-нибудь сказать передъ тѣмъ, чтобы перейти къ дѣлу, по которому пришелъ.

— А вы думали, Прокофій Лукичъ, лодырничаю?—съ раздраженіемъ отвѣтилъ Ордынцевъ, отодвигая счеты.

— Этого я о васъ никогда не полагалъ, Василій Николаевичъ. Слава Богу давно знакомы... Вамъ бы и не грѣхъ поменьше заниматься...

— Поменьше?.. А куда мнѣ вотъ это сбыть?—указалъ Ордынцевъ на стопку бумагъ...

— То-то вы во все сами любите входить... Не полагаетесь на другихъ.

— У другихъ тоже довольно работы. И другіе не сидятъ сложа руки...

Гобзинъ молчалъ и, опустивъ глаза, постукивалъ пальцами по столу. Ордынцевъ зналъ, что это постукиванье было обычной прелюдіей къ серьезному разговору и конечно догодался къ какому. Онъ взглянулъ на „умнаго мужика“, какъ называлъ онъ бывшаго предсѣдателя правленія, съ которымъ служилъ около четырехъ лѣтъ и не имѣлъ никогда никакихъ непріятностей, хотя нерѣдко и велъ съ нимъ дѣловые споры. Взглянулъ, и по тому, что широкій облысѣвшій лобъ Гобзина не былъ сморщенъ, скулы не двигались, и широкія плечи не ерзали, заключилъ, что Гобзинъ въ хорошемъ настроеніи.

И полученіе прибавки казалось ему теперь не невозможнымъ. Не даромъ же „умный мужикъ“ зашелъ сюда и говоритъ ласковыя слова. „Только надо держать съ нимъ ухо востро. Онъ—лукавая шельма“!—думалъ Ордынцевъ, имѣя нѣкоторое понятіе о Гобзинѣ-старикѣ и изъ личныхъ наблюденій, и изъ нѣкоторыхъ свѣдѣній о томъ, какими мошенническими продѣлками полна біографія этого „нашего извѣстнаго“ практическаго дѣятеля, портретъ котораго еще недавно былъ помѣщенъ въ одной изъ газетъ, особенно покровительствующей „истинно русскимъ“ людямъ, по поводу крупнаго пожертвованія Гобзина на церковно-приходскія и на техническія школы.

Зналъ такъ же Ордынцевъ, какъ ловко онъ обошелъ одного неподкупнаго сановника, удостоившись чести взять отъ его супруги пятьдесятъ тысячъ для помѣщенія ихъ въ дѣлѣ. Пятнадцать тысячъ которые ежегодно вносилъ Гобзинъ своей вѣрительницѣ въ

видѣ прибыли на ея капиталъ, невольно убѣдили въ его коммерческихъ способностяхъ молодую женщину, что было, разумѣется, очень лестно для Гобзина, понимавшаго, какъ важенъ иногда бываетъ въ коммерческихъ дѣлахъ учетъ женскаго покровительства. Старикъ умѣлъ, какъ онъ „выражался", „учитывать" разныя знакомства и связи и не разъ, бывало, удивлялся Ордынцеву, что онъ не „учитываетъ" своихъ пріятельскихъ отношеній къ Никодимцеву. Давно бы назначили Василія Николаевича директоромъ правленія отъ правительства. Получалъ бы себѣ семь тысячъ и ѣздилъ бы разъ въ недѣлю на засѣданія. Чего лучше?

Пробивъ нѣсколько разъ по столу трели, Гобзинъ поднялъ глаза на Ордынцева и добродушно-шутливымъ тономъ—проговорилъ:

— Признаться, Василій Николаевичъ, вы даже и меня, дорогой, огорошили!

— Чѣмъ?—спросилъ Ордынцевъ, хотя и отлично зналъ чѣмъ.

И въ то же время подумалъ:

„Тебя, старая шельма, ничѣмъ не огорошишь"!

— Мнѣ сейчасъ сынъ обсказалъ, какую вы намъ загвоздку закатили... Простите, что я вамъ скажу, Василій Николаевичъ?

— Говорите.

— Такого, съ позволенія сказать, чудака, какъ вы, по нонѣшнимъ временамъ не найти.

И старикъ разсмѣялся, показывая свои крупные бѣлые зубы.

— Въ чемъ же вы находите чудачество?

— Да, помилуйте, Василій Николаевичъ, ужъ если прямо говорить, такъ это даже довольно неосновательно съ вашей стороны... Вамъ, не въ примѣръ прочимъ, какъ служащему, которымъ правленіе особенно дорожитъ, назначаютъ прибавку, а вы, съ позволенія сказать, выкидываете неслыханную штуку. Это не порядокъ, дорогой Василій Николаевичъ..: И ради чего? Вѣдь я знаю, вамъ по теперешнему вашему положенію очень нужна прибавка.

— Нужна.

— Вы вотъ и вечернія занятія берете... Себя только изморяваете... И вмѣстѣ съ тѣмъ такой камуфлетъ! На двѣнадцать тысячъ насъ хотите ахнуть. За что? Ежели мы вамъ хотимъ дать прибавку обязаны мы что ли другимъ давать?

— Но вы и мнѣ не обязаны...

— Эхъ какой вы, Василій Николаевичъ!.. Положимъ, не обязаны, но вы намъ нужны. А нужнаго человѣка надо держать въ сытѣ. Надо, чтобы онъ былъ доволенъ... А то васъ то и гляди переманятъ... Вѣрно ужъ есть предложеніе, а?

Ордынцевъ разсмѣялся.

— Нѣтъ, Прокофій Лукичъ. Да я пока и не собираюсь уходить...

— Не собираетесь, а между тѣмъ, если будете недовольны, соберетесь... А вы намъ нужны... И часть свою знаете, и не подведете... И на съѣздахъ толково говорите... Мы за то и предлагаемъ вамъ шесть тысячъ съ половиной вмѣсто пяти... И больше дадимъ. Семь можемъ дать, если...

— Если что?..

— Если вы, Василій Николаевичъ, не станете бунтовать!— шутливо проговорилъ Гобзинъ... Получайте свою прибавку, а потомъ мы обсудимъ вашу просьбу о другихъ служащихъ... Идетъ, что ли?

— Нѣтъ, Прокофій Лукичъ, не идетъ... Я вамъ, вы говорите, нуженъ. И мнѣ нужны мои помощники, и я, какъ вы, люблю, чтобъ нужные люди были довольны...

— Это вы моей же палкой да меня по шеѣ? Ну съ вами не сговоришь... Будь по вашему, но только скиньте процентовъ двадцать съ этого списка!—сказалъ Гобзинъ, вынимая изъ кармана списокъ Ордынцева... Уважьте меня.

Ордынцевъ согласился и благодарилъ Гобзина.

Въ свою очередь и Гобзинъ сказалъ, что онъ только ради Василія Николаевича согласился на его просьбу... Онъ, молъ, понимаетъ, кто чего стоитъ...

И, вставая, прибавилъ, пожимая Ордынцеву руку:

— А въ будущемъ году вамъ будетъ данъ двухмѣсячный отпускъ, Василій Николаевичъ. Вамъ надо хорошенько отдохнуть и поправиться... Вы вѣдь раньше не пользовались отпусками. Да съ сыномъ... того... поснисходительнѣй будьте... Я ему ужъ наказывалъ, чтобъ онъ не форсилъ... Молодъ еще... Не понимаетъ людей... Не того ищетъ въ нихъ, что слѣдуетъ... Ну, очень радъ, что мы „обуродовали“ съ вами дѣло... А затѣмъ прощайте пока Василій Николаевичъ...

II.

Необыкновенно радостный возвратился въ этотъ день домой Ордынцевъ и, цѣлуя отворившую ему двери Шуру,—проговорилъ:

— Ну, Шурочка, теперь мы съ тобой лучше заживемъ... Черезъ двѣ недѣли будемъ получать прибавку къ жалованью... Тысячу пятьсотъ. Да награды получу столько же. Понимаешь у насъ три тысячи будетъ... Вечернія занятія по боку... А лѣтомъ мы на два мѣсяца поѣдемъ съ тобой въ Крымъ... Рада, дѣточка?

— Еще бы не рада... Главное рада, что ты эти вечернія занятія бросишь... Не будешь такъ уставать. Ну, идемъ обѣдать,

папочка... Супъ, поданъ... Идемъ, а то остынетъ, а ты любишь горячій... За обѣдомъ все разскажешь.

— Сію минуту, моя хозяюшка. Дай только руки вымою!

Тѣмъ временемъ маленькая хозяйка еще разъ оглянула столъ— все ли въ порядкѣ и шепнула кухаркѣ:

— Говядины не передержите, Анисья. Папа не любитъ.

— Не передержу, барышня... Не бойся, хлопотунья!

— И огурцы чтобы хорошіе были...

— Отличные. Нарочно въ Офицерскую бѣгала!

— Ну вотъ и я! — весело воскликнулъ Ордынцевъ.

И онъ сѣлъ за столъ, сбоку отъ Шуры, занявшей, по обыкновенію, хозяйское мѣсто.

Шура между тѣмъ налила отцу маленькую рюмку водки, и графинчикъ унесла въ буфетъ.

— За твое здоровье, Шура! За нашу лучшую жизнь!

Ордынцевъ выпилъ и сталъ закусывать.

— И что за важная селедка... Это ты приготовляла?

— Я, папочка!—радостно отвѣчала Шура, довольная похвалой отца.

— Прелесть... А вторую рюмку нельзя?

— А что докторъ сказалъ?

— Ну не буду, не буду, умница... Наливай мнѣ супу.

Онъ съ жадностью проголодавшагося человѣка принялся за супъ и временами съ безконечной нѣжностью взглядывалъ на эту маленькую смуглянку съ большими черными глазами, которая такъ берегла его и такъ ухаживала за нимъ... И при мысли, что теперь онъ можетъ дать лучшее образованіе своей дѣвочкѣ и доставлять ей больше удовольствій, онъ чувствовалъ себя счастливымъ.

Когда супъ былъ оконченъ, и Ордынцевъ утолилъ голодъ, онъ сталъ разсказывать Шурѣ, какъ онъ получилъ прибавку и какъ отстоялъ ее для служащихъ и спросилъ:

— Не правда ли и ты такъ бы поступила, моя милая?

— А то какъ же? Я понимаю тебя, папа. И Гобзинъ добрый...

— Ну положимъ, не особенно добрый, а умный... Онъ дорожитъ, мною, поэтому мы и поѣдемъ съ тобою въ Крымъ... И въ театръ на святки поѣдемъ... „Ревизора“ посмотримъ... И елку сдѣлаемъ—ты пригласи своихъ подругъ... На какой день назначимъ елку?

— На первый день... А сколько можно позвать подругъ, папочка?

— Зови кого хочешь.

— А не дорого это будетъ?

— Милая, деликатная ты моя дѣвочка!—проговорилъ умиленный отецъ. Мы дорогую елку не сдѣлаемъ... Не правда ли?

— Разумѣется, самую дешевую.

— У насъ на все денегъ хватитъ.

— Откуда же ты получишь?

— Сто десять рублей за вечернія занятія, да сто рублей прихвачу у насъ изъ кассы въ счетъ наградныхъ. Ихъ въ февралѣ выдадутъ. Полтораста рублей пойдутъ на прожитокъ, а пятьдесятъ рублей пойдутъ на праздники... Надо дать сторожамъ въ правленіи, нашей Аксиньѣ, дворникамъ... Надо сдѣлать подарокъ тебѣ...

— И сестрѣ и братьямъ?—спросила Шура.

И тотчасъ же вспыхнула и взглянула смущенно на отца, словно бы извиняясь.

— Конечно, и имъ!—отвѣтилъ отецъ и тоже смутился.

— А я мамѣ вышиваю одну работу...

— Отлично дѣлаешь!—похвалилъ Ордынцевъ.

Онъ докончилъ жаркое и отодвинулъ тарелку.

— Скушай еще, папочка.

Ордынцевъ отказался.

— Не понравилось?—съ безпокойствомъ спросила Шура.

— Очень понравилось, но я сытъ... Спасибо за обѣдъ... А вотъ тебѣ груша... Кушай, дѣтка, на здоровье... Осенью мы ихъ будемъ съ деревьевъ рвать...

Аксинья убрала со стола и подала самоваръ. Шура налила отцу чай, скушала грушу и разсказала отцу, что сегодня ее спрашивали изъ ариѳметики и изъ русскаго.

— И хорошо отвѣчала?

— Кажется, не дурно. По пятеркѣ поставили.

— Ай да молодецъ!—воскликнулъ Ордынцевъ съ такою радостью, точно онъ самъ получилъ по пятеркѣ...

Онъ выпилъ чай, поцѣловалъ Шуру и сказалъ:

— Надо уходить.

— А отдохнуть?

— Некогда. Надо зайти къ Вѣрѣ Александровнѣ, узнать адресъ Скурагина и поискать желающихъ ѣхать на голодъ... Никодимцевъ просилъ. Онъ ѣдетъ и ищетъ помощниковъ.

Шура нѣсколько минутъ молчала и наконецъ спросила:

— А ты, папа, далъ въ пользу голодающихъ?

— Далъ, родная. Пятьдесятъ рублей далъ въ прошломъ мѣсяцѣ. И съ января буду давать по десяти рублей въ мѣсяцъ.

— И мы въ гимназіи собираемъ. И я дала рубль, что ты мнѣ подарилъ.

— Ай да молодцы гимназисточки... Ну до свиданія, голубка. Постараюсь скоро вернуться. А ты что безъ меня будешь дѣлать?

— Ко мнѣ обѣщали двѣ подруги придти...

— И отлично. Не будешь одна... Угости подругъ чѣмъ-нибудь. Вотъ тебѣ на лакомство...

Ордынцевъ далъ Шурѣ нѣсколько мелочи и ушелъ, провожаемый, по обыкновенію, дочерью.

Вѣры Александровны онъ дома не засталъ. Мужъ ея сказалъ, что она все время у брата, въ больницѣ и что братъ безнадеженъ. Тамъ же вѣрно и Скурагинъ.

Ордынцевъ просидѣлъ нѣсколько минутъ у Леонтьева, сообщилъ о порученіи Никодимцева и сказалъ, что поѣдетъ въ больницу, чтобы навѣстить больнаго и повидаться съ Скурагинымъ и отъ него узнать нѣтъ ли желающихъ ѣхать съ Никодимцевымъ. О томъ, что ему хотѣлось повидать Вѣру Александровну и быть около нея въ первыя минуты остраго горя,—онъ умолчалъ, хотя и зналъ, что Леонтьевъ понялъ это, потому что, провожая Ордынцева, онъ сказалъ съ какимъ-то напряженнымъ выраженіемъ на своемъ утомленномъ лицѣ:

— Если что случится тамъ, то вы пожалуйста побудьте около Вѣры и привезите домой. А мнѣ нельзя оставить дѣтей однихъ... Вы знаете наше правило?—прибавилъ уныло статистикъ.

Глава девятнадцатая.

I.

Потому, какъ легко приподнялся съ кровати Борисъ Александровичъ и какъ крѣпко, точно цѣпляясь, сжалъ своей тонкой, сухой и горячей рукой руку Ордынцева,—Ордынцевъ рѣшительно не могъ подумать, что передъ нимъ осужденный на очень близкую смерть.

Только послѣ двухъ, трехъ, неестественно оживленныхъ фразъ больного о томъ, что онъ чувствуетъ себя значительно лучше и при первой же возможности уѣдетъ въ Ниццу и по мутному, словно бы подернутому туманомъ взгляду глубоко ввалившихся глазъ, Ордынцевъ понялъ, что смерть уже витаетъ въ этой небольшой комнатѣ, освѣщенной слабымъ свѣтомъ лампы.

И еще болѣе убѣдился въ этомъ Ордынцевъ по напряженно-серьезному и злому выраженію на безбородомъ и безъусомъ лицѣ врача въ длинномъ бѣломъ балахонѣ—злому, что не можетъ вырвать изъ когтей смерти человѣка, котораго разсчитывалъ вырвать—и потому еще, что врачъ избѣгалъ встрѣчаться глазами со взглядомъ больного, и по притворно спокойнымъ и ласково-улыбающимся лицамъ двухъ сестеръ милосердія.

— Когда давали шампанское?—освѣдомился врачъ.

— Въ восемь часовъ.

— Дайте еще стаканъ...

И, взявъ отъ „сестры“ скорбный листокъ, докторъ отмѣтилъ

въ немъ что-то и, не глядя ни на кого изъ присутствующихъ, вышелъ изъ комнаты вмѣстѣ со старшей сестрой продолжать свой вечерній обходъ.

Оставшаяся въ комнатѣ сестра налила маленькій стаканъ шампанскаго и, приподнявъ съ подушкой голову больного, предложила ему выпить.

Больной нарочно закрылъ глаза.

— Выпейте, голубчикъ... Вамъ лучше будетъ!—необыкновенно ласково проговорила „сестра“.

— Выпей Боря!.. Выпей, милый! — сдерживая слезы сказала Вѣра Александровна.

И Борисъ Александровичъ открылъ глаза и выпилъ съ жадностью шампанское...

— Ну теперь я засну... Спасибо сестра!—сказалъ онъ сестрѣ милосердія. — А ты Вѣра не уходи! — приказалъ онъ раздражаясь.—Будемъ вмѣстѣ пить чай!

Черезъ нѣсколько минутъ онъ заснулъ. Среди мертвой тишины слышно было, какъ изъ груди вырывался странный хрипъ и слышалося какое-то бульканіе.

Вѣра Александровна и Скурагинъ вышли въ корридоръ. За ними вышелъ и Ордынцевъ.

Ордынцевъ молча поздоровался съ ними.

Въ эту минуту къ Вѣрѣ Александровнѣ подошла одна изъ „сестеръ“, пожилая женщина съ обычной пріятной улыбкой на своемъ полномъ, отливавшемъ желтизной, лицѣ, и сказала:

— Простите меня, сударыня, что я позволю себѣ напомнить вамъ о томъ, что вы, въ огорченіи своемъ, забыли.

— О чемъ?—испуганно спросила Леонтьева.

— О приглашеніи священника для исповѣди и пріобщенія Святыхъ Тайнъ больного.

— А развѣ...

Она не могла окончить вопроса. Рыданія душили ее.

— Все въ рукахъ Господнихъ... Но не мѣшаетъ теперь же послать за батюшкой.

— Не взволнуетъ ли это бѣднаго брата?

— Взволнуетъ? — удивленно и строго спросила „сестра“.— Напротивъ, больные обыкновенно чувствуютъ облегченіе страданій послѣ таинства. Впрочемъ, какъ вамъ будетъ угодно!—съ огорченнымъ видомъ прибавила „сестра“.

— Тогда... пожалуйста, пригласите священника... А я приготовлю брата...

— Не волнуйте себя... Когда батюшка придетъ, дежурная сестра скажетъ больному. Она съумѣетъ это сдѣлать... А я сейчасъ же пошлю просить батюшку!—сказала „сестра“.

И съ мягкимъ короткимъ поклономъ тихо удалилась и исчезла за дверями.

— Вѣра! — донесся изъ-за полуотворенныхъ дверей голосъ Бориса Александровича.

Леонтьева вытерла слезы и пошла въ комнату.

Тѣмъ временемъ Ордынцевъ совѣтовалъ Скурагину ѣхать съ Никодимцевымъ, ручаясь, что Никодимцевъ вполнѣ порядочный человѣкъ.

— Я ѣду съ нимъ. Мнѣ онъ понравился! — отвѣчалъ Скурагинъ.

Ордынцевъ просилъ Скурагина указать еще кого-нибудь... Скурагинъ обѣщалъ прислать къ Никодимцеву желающихъ и, между прочимъ, сказалъ, что по близости живетъ одинъ студентъ-медикъ, Петровъ, который навѣрное поѣдетъ.

— Знаете его адресъ? Я сейчасъ же зайду къ нему.

— Я охотно бы пошелъ, Василій Николаевичъ, да дѣло въ томъ, что больной поминутно зоветъ меня... И Вѣру Александровну нельзя оставить одну!—промолвилъ, словно бы извиняясь, Скурагинъ.

— Плохъ бѣдный Борисъ Александровичъ!

— Докторъ говоритъ, что едва ли дотянетъ до утра!.. А Петровъ живетъ недалеко отъ академіи, въ Вильманстрандскомъ переулкѣ, д. 6, кв. 27, въ третьемъ этажѣ. Вѣрно его застанете!

Ордынцевъ тотчасъ же ушелъ, сказавши Скурагину, что немедленно вернется въ больницу.

Онъ вышелъ изъ больницы въ пустынную улицу. Поднималась вьюга. Снѣгъ билъ въ лицо, сухой и холодный. Сильный морозъ давалъ себя знать, пронизывая Ордынцева сквозь старую и жиденькую его шубенку. И эта непривѣтная погода заставила Ордынцева еще болѣе пожалѣть умиравшаго.

Только у Сампсоніевскаго моста онъ нашелъ плохонькаго извозчика и черезъ минутъ десять тихой ѣзды, продрогшій и озябшій, остановился у подъѣзда небольшого трехэтажнаго дома. Въ глухомъ переулкѣ не было ни одного извозчика. Только лихачъ стоялъ у подъѣзда, дожидаясь кого-то.

— Подожди меня. Черезъ десять минутъ выйду!—сказалъ онъ извозчику и вошелъ въ подъѣздъ.

Швейцара не было. Ордынцевъ поднялся по лѣстницѣ, скудно освѣщенной керосиновыми фонарями, на верхъ и позвонилъ. Молодая, чѣмъ-то озлобленная кухарка отворила дверь и раздраженно спросила „кого нужно“?

— Студента Петрова.

— Нѣтъ его дома!

И она хотѣла было захлопнуть двери, но Ордынцевъ остановилъ ее и попросился войти и написать записку.

Кухарка неохотно впустила Ордынцева и ввела его въ крошечную комнатку, занимаемую студентомъ.

— Пишите, что вамъ нужно. Вотъ тутъ на столѣ есть бумага и перо.

Ордынцевъ не сразу могъ написать озябшими пальцами. Наконецъ, онъ написалъ Петрову приглашеніе побывать у Никодимцева и просилъ передать записку немедленно, какъ вернется Петровъ.

— Ладно, скажу!—рѣзко сказала кухарка.

— Однако вы сердитая!—промолвилъ, поднимаясь, Ордынцевъ, чувствуя, что недостаточно еще согрѣлся.

— Поневолѣ будешь сердитая! — ожесточенно отвѣтила кухарка.

— Отчего же?

— А оттого, что я одна на всю квартиру. Все прибери да подмети, и все хозяйка зудитъ... А тутъ еще то и дѣло звонки. Комнаты-то всѣ студентамъ сданы, ну и шляются къ нимъ и они шляются... Отворяй только. А ноги-то у меня не чугунныя. Такъ какъ вы думаете, господинъ, можно мнѣ быть доброй? — спросила она.

Ордынцевъ принужденъ былъ согласиться, что нельзя и, извинившись, что побезпокоилъ ее, вышелъ за двери.

И въ ту же секунду изъ дверей противуположной квартиры, вышли его жена и Козельскій.

Не смотря на густую вуаль, Ордынцевъ отлично разглядѣлъ жену. Онъ встрѣтился съ ней, такъ сказать носомъ къ носу.

Она немедленно скрылась въ квартиру. Вслѣдъ за ней вошелъ и смутившійся Козельскій, и двери захлопнулись.

Ордынцевъ машинально подошелъ къ двери, никакой дощечки на ней не нашелъ и, постоявъ нѣсколько секундъ у дверей, сталъ тихо спускаться по лѣстницѣ.

— Такъ вотъ оно что!—наконецъ произнесъ онъ, словно бы внезапно озаренный и понявшій что-то такое, чего онъ прежде не понималъ.

Онъ сѣлъ на извозчика и велѣлъ везти въ больницу, взглянувъ предварительно на рысака.

„А еще хвалилась своей безупречностью... старая развратная тварь!"—думалъ, полный презрѣнія къ женѣ Ордынцевъ, и многое ему стало понятнымъ. И ея наряды, и ея посѣщеніе журъ-фиксовъ Козельскаго и эти даровые билеты на ложи, получаемые будто-бы отъ знакомой актрисы, и кольца, и ея кокоточный видъ.

А онъ-то въ самомъ дѣлѣ вѣрилъ, что она безупречная жена и еще считалъ себя передъ ней виноватымъ!

„Подлая! И что могъ найти въ ней хорошаго эта скотина

Козельскій!" — мысленно проговорилъ Ордынцевъ, испытывая невольное ревнивое чувство къ любовнику своей давно нелюбимой жены и въ то же время какое-то скверное злорадство, что она, не смотря на свою осторожность, попалась таки со своимъ любовникомъ. Видно, у нихъ тамъ пріютъ для свиданій, и конечно Козельскій оплачиваетъ свои удовольствія ласкать эту жирную, подкрашенную и подмазанную даму.

Но что было главнѣйшимъ источникомъ злости Ордынцева такъ это то, что онъ былъ въ дуракахъ, когда вѣрилъ ея патетическимъ и горделивымъ увѣреніямъ въ супружеской вѣрности и выслушивалъ сцены, разыгрываемыя именно на тему объ ея добродѣтели.

О, еслибъ онъ догадывался объ этомъ раньше! Онъ давно бы оставилъ эту лживую и порочную женщину, не считая себя виноватымъ, что она страдаетъ безъ любви, какъ она говорила.

„Не бойся, не страдала!"—подумалъ онъ.

И семейка Козельскихъ нечего сказать хороша! Отецъ-то каковъ? А эта барышня, изъ за которой гибнетъ молодой человѣкъ! А эта Инна, уловившая въ свои сѣти бѣднаго Никодимцева. И вѣдь нѣтъ средствъ удержать его отъ гибели. Онъ вѣритъ въ нее, потому что влюбленъ въ нее и потому что она умно продѣлала комедію раскаянія. Она, навѣрное, она сама имѣла безстыдство познакомить Никодимцева со своимъ прошлымъ, разсчитывая на эффектъ собственнаго признанія.

Такъ мысленно поносилъ Ордынцевъ женщину, съ которой говорилъ раза два и которую не зналъ, а судилъ по наслышкѣ и, главнымъ образомъ, по злоязычнымъ словамъ своей жены. Полный ненависти и презрѣнія къ Козельскому, онъ готовъ былъ теперь ненавидѣть всю семью его несравненно сильнѣе, чѣмъ до только что бывшей встрѣчи съ женой.

Ему хотѣлось разсказать объ этомъ кому нибудь, чтобы знали, какъ лжива эта женщина. Но когда онъ вошелъ въ больницу и поднялся въ корридоръ, то всѣ его злыя мысли разсѣялись при видѣ Вѣры Александровны, стоявшей, уткнувшись головой въ стѣну и глухо рыдавшей.

Ордынцевъ понялъ, что все кончено.

— Тотчасъ послѣ причастія умеръ!—шепнулъ ему Скурагинъ.

— Спокойно?

— Совсѣмъ. Онъ, кажется, и не сознавалъ, что умираетъ...

-- А объ той... о Козельской что нибудь говорилъ?

— Ни слова. И послѣ одного ея посѣщенія видѣть ее не хотѣлъ.

Ордынцевъ позвалъ Вѣру Александровну домой. Она тотчасъ же покорно согласилась ѣхать вмѣстѣ съ Ордынцевымъ. Скурагинъ остался, чтобы посмотрѣть, какъ перенесутъ тѣло покойнаго въ ча-

совню, и это почему-то подѣйствовало очень успокоительно на Леонтьеву.

— Побудьте, голубчикъ, съ нимъ, пока его не вынесутъ!—сказала она, крѣпко пожимая Свурагину руку въ знакъ благодарности.

Леонтьевъ тотчасъ же отправился, чтобы распорядиться на счетъ читальщика, панихидъ, объявленій въ газетахъ и похоронъ, а Ордынцевъ остался посидѣть у Леонтьевой. Пока ставили самоваръ. она была въ дѣтской, и видъ двухъ здоровыхъ мальчиковъ и дочери, спавшей въ комнатѣ Леонтьевой, значительно уменьшилъ ея печаль о братѣ. Счастливое эгоистическое чувство матери невольно умѣряло горе, и ей самой сдѣлалось стыдно, что она какъ будто недовольно жалѣетъ брата.

И она нарочно стала вызывать воспоминанія о послѣднихъ его минутахъ, вспомнила его, казалось ей, молящій о жизни взглядъ, обращенный къ священнику, вспомнила его исхудалое лицо съ заостреннымъ носомъ, его послѣдній глубокій вздохъ, и слезы полились изъ ея глазъ, и она почувствовала себѣ какъ бы менѣе виноватой.

Пришла она звать пить чай Ордынцева съ заплаканными глазами, но уже болѣе спокойной.

Она начала разсказывать о братѣ, вспоминала о томъ, какой онъ былъ добрый и веселый до тѣхъ поръ, пока...

— Надѣюсь, она не покажется на панихидѣ! — неожиданно возбуждаясь, проговорила Вѣра Александровна.

— Отъ этой барышни всего можно ждать, Вѣра Александровна.

И чтобы отвлечь вниманіе Леонтьевой и вмѣстѣ съ тѣмъ подѣлиться съ ней, Ордынцевъ сообщилъ о томъ, какъ онъ сейчасъ встрѣтилъ жену съ Козельскимъ.

И Вѣра Александровна съ любопытствомъ слушала разсказъ Ордынцева о встрѣчи. Слушала и какъ будто радовалась, что Ордынцевъ теперь понялъ, какова у него жена. Очень порадовалась она за него, узнавши о прибавкѣ и о томъ, что онъ поѣдетъ съ Шурой въ Крымъ.

Въ полночь пришелъ мужъ.

Онъ разсказалъ, что все имъ сдѣлано и что похороны обойдутся не дорого; этотъ разговоръ снова напомнилъ Вѣрѣ Александровнѣ о братѣ, и она заплакала.

Въ первомъ часу ушелъ Ордынцевъ, обѣщая быть завтра на панихидѣ.

Глава двадцатая.

Ордынцевъ всталъ поздно и вышелъ пить кофе въ десять часовъ. Проголодавшаяся Шура уже давно ждала отца. Она всегда съ нимъ пила по утрамъ кофе.

Отецъ расцѣловалъ Шуру и, присѣвши къ столу, принялся

за чтеніе газеты, отхлебывая маленькими глотками горячій кофе со сливками. Шура торопливо намазывала ломоть бѣлаго хлѣба масломъ и поставила тарелочку съ хлѣбомъ около Ордынцева.

Она пила кофе и часто взглядывала на отца. Онъ, видимо, былъ не въ духѣ и чѣмъ-то встревоженъ и разсѣянно читалъ газету, очевидно думая о другомъ. Онъ не разсказалъ ей, какъ провелъ вечеръ и почему поздно вернулся. Подруги ушли отъ нея вчера въ одиннадцать часовъ, а папы не было...

„Что съ нимъ голубчикомъ?"—думала въ тревогѣ дѣвочка.—„Вчера онъ былъ такой веселый, а сегодня..."

— Ты развѣ хлѣба не хочешь, папочка?—спросила она, замѣтивши, что отецъ не притронулся къ нему.

— Нѣтъ, Шура, не хочется...

— Ты, вѣрно, плохо спалъ...

— А что, милая?

— Да ты сегодня какой-то сердитый... Ужъ не на меня ли?

— Что ты, дѣточка? За что на тебя сердиться?.. Я, видишь ли, вчера былъ въ больницѣ... Тамъ умеръ братъ Вѣры Александровны, Борисъ Александровичъ... Ну вотъ и отразилось непріятное впечатлѣніе отъ гибели молодой жизни!—объяснилъ Ордынцевъ, не смѣя сказать дочери объ истинной причинѣ его мрачнаго настроенія. Не станетъ же онъ позорить мать въ глазахъ дочери. Пусть она никогда не узнаетъ ничего позорнаго для матери.

„А Ольга?"—подумалъ Ордынцевъ и вспомнилъ пререканья между матерью и дочерью, когда онѣ вернулись съ фикса у Козельскихъ, и онъ слышалъ ихъ изъ кабинета...

„Ольга навѣрное догадывается... И Алексѣй тоже!"—рѣшилъ Ордынцевъ и это его взволновало еще болѣе.

„Какой хорошій примѣръ для Ольги!.. Она ужъ и такъ порядочно испорчена, а теперь что будетъ съ ней!?"

И онъ ничто не можетъ сдѣлать!? Ничему помѣшать, чтобы ни случилось!

Раздался звонокъ.

Ордынцевъ взглянулъ на часы. Было половина одиннадцатаго.

„Аккуратенъ, какъ хронометръ!"—подумалъ Ордынцевъ.

— Это вѣрно Алеша, папа!—сказала Шура, выбѣгая въ переднюю, чтобъ встрѣтить брата.

— Навѣрное онъ!—проговорилъ отецъ, откладывая въ сторону газету.

Онъ не испытывалъ ни малѣйшей радости въ ожиданіи сына, но когда онъ вошелъ, по обыкновенію свѣжій и чистенькій, красивый со своими большими, серьезными голубыми глазами и тонкими чертами изящнаго лица, щегольски одѣтый въ длиннополомъ студенческомъ сюртукѣ,—отцовское чувство невольно сказалось

въ смягченномъ взглядѣ и въ просвѣтлѣвшемъ на мгновеніе лицѣ.

„Молодецъ!“—невольно пронеслось у него въ головѣ и отозвалось въ сердцѣ.

— Здравствуй, папа. Здоровъ, надѣюсь!—проговорилъ свое обыкновенное привѣтствіе Алексѣй.

И, пожавши протянутую ему руку, сѣлъ противъ отца, и прибавилъ:

— Ольга и Сережа кланяются тебѣ и извиняются, что не придутъ сегодня къ тебѣ. Ольга ѣдетъ въ концертъ, а Сережа, по обыкновенію, что-то долбитъ...

О матери онъ не обмолвился ни единымъ словомъ.

— Спасибо за поклоны. Здоровъ, какъ видишь... Кофе хочешь?

— Благодарю, не хочу. Только что пилъ!—съ обычной своей основательностью отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Выпей, Леша... Я тебя прошу выпей... Попробуй нашего кофе!—почти умоляла Шура въ качествѣ хозяйки, желавшей похвастать кофе, который казался ей совсѣмъ не такимъ, какой пьютъ другіе, а какимъ-то особенно вкуснымъ.

Алексѣй не понялъ или не соблаговолилъ понять, сколько удовольствія доставилъ бы онъ маленькой сестрѣ своимъ согласіемъ выпить чашку, и спокойнымъ авторитетнымъ тономъ сказалъ ей:

— Не приставай, Шура. Вѣдь я говорю, что только что пилъ.

— А развѣ одну чашку... ну полчашки нельзя?

— Нельзя. Я свои два стакана выпилъ и до завтрака ничего не ѣмъ. Надо, Шура, и въ ѣдѣ соблюдать порядокъ... Это крайне полезно.

Шура примолкла. Отецъ едва замѣтно усмѣхнулся.

— Такъ налей мнѣ третій стаканъ. Твой кофе дѣйствительно прелестенъ!—сказалъ Ордынцевъ, чтобъ доставить удовольствіе Шурѣ.

При всемъ желаніи поговорить съ сыномъ, Ордынцевъ какъ-то не находилъ темы, и нѣсколько стѣснялся этимъ.

Но Алексѣй самъ постарался занимать отца и проговорилъ:

— Читалъ о смерти Бориса Александровича?

— Читалъ...

— Вотъ глупая смерть! Тебѣ извѣстны причины?

— Извѣстны.

— Признаться, я считалъ покойника умнѣе. А то стрѣляться изъ за такой глупости—не понимаю!

Этотъ спокойно-увѣренный тонъ сына начиналъ раздражать Ордынцева.

— Ты конечно и вообще не понимаешь самоубійства?—спросилъ онъ, стараясь быть сдержаннымъ.

— Не понимаю, хотя и допускаю, что каждый воленъ располагать своей жизнью, какъ ему заблагоразсудится... А ты развѣ одобряешь самоубійства?

— Бываютъ случаи, когда вполнѣ одобряю! — возбужденно воскликнулъ Ордынцевъ.

Сынъ сталъ занимать отца, перейдя осторожно на другую тему, сожалѣя, что коснулся первой. Но онъ никакъ не разсчитывалъ встрѣтить въ отцѣ защитника самоубійства.

И онъ, чтобъ занять отца, сталъ разсказывать—и, по обыкновенію, ясно, точно и красиво, о новомъ, интересномъ открытіи въ химіи.

— А съ кѣмъ Ольга поѣхала въ концертъ? — прервалъ на половинѣ разсказа Ордынцевъ.

— Съ мамой и съ Уздечкинымъ!—отвѣтилъ Алексѣй нѣсколько удивленный вопросомъ и тѣмъ, что его перебиваютъ.

И онъ докончилъ разсказъ, значительно сокративъ его.

Наступило молчаніе.

— Ты знакомъ со Скурагинымъ... студентомъ на математическомъ факультетѣ?—вдругъ спросилъ Ордынцевъ.

— Нѣтъ, не знакомъ... Видѣлъ его и слышалъ о немъ.

— Жаль, что не знакомъ...

— А развѣ такъ интересно?..

— Очень... Интереснѣй новаго открытія по химіи!—иронически промолвилъ Ордынцевъ.

Алексѣй слегка пожалъ плечами.

А Ордынцевъ, видимо раздражаясь, продолжалъ:

— А о голодѣ слышалъ?

— Читалъ.

— И что же?..

— Ничего... Извѣстныя слѣдствія извѣстныхъ бытовыхъ условій.

— Равнодушенъ къ этому вопросу?..

— Почти...

— И находишь, вѣроятно, что помогать не слѣдуетъ?

— Нахожу... И имѣю основанія находить... Но такъ какъ чужія мнѣнія тебя раздражаютъ, то я лучше уйду... Прощай!

— Прощай!—холодно сказалъ Ордынцевъ.

И въ догонку крикнулъ:

— Попроси Ольгу зайти ко мнѣ на-дняхъ...

— Когда именно... Утромъ или вечеромъ?

— Вечеромъ завтра...

И когда сынъ ушелъ, Ордынцевъ шепнулъ:

„О что за опредѣленный молодой человѣкъ!“

И въ ту же минуту сорвался съ мѣста и побѣжалъ въ прихожую.

Алексѣй одѣвалъ пальто.

— Не сердись, Алеша... Ты не виноватъ, что такой... Не виноватъ! Прости меня! Пойми, что мнѣ больно твое равнодушіе къ общественнымъ вопросамъ.

И Ордынцевъ съ глазами, полными слезъ, обнялъ сына.

— Я ни въ чемъ не обвиняю тебя папа... Намъ не нужно только говорить о томъ, что тебя раздражаетъ. — Вотъ и все... У тебя нервы взвинчены... Прощай и на меня не сердись за то, что я не такой, какимъ ты бы хотѣлъ меня видѣть!..

И онъ ушелъ, не выказавъ никакой ласки отцу. Снисходительная нотка звучала въ его словахъ и только.

Ордынцевъ прошелъ въ свой кабинетъ и принялся за газету. Шура, грустная, сидѣла въ своей комнатѣ и, не понимая истинныхъ причинъ раздраженія отца, считала его виноватымъ.

— Папочка да за что ты прогналъ Алешу?—спросила она, прибѣжавъ черезъ нѣсколько минутъ къ отцу, встревоженная и негодующая.

— Онъ самъ ушелъ...

— Но ты сердился на него... Ты показывалъ свою нелюбовь... За что же ты не любишь?.. Отчего ты никогда не поговоришь съ нимъ ласково. Не скажешь, что онъ не правъ...

Отецъ слушалъ заступницу и вдругъ обнялъ ее и взволнованно проговорилъ:

— Онъ не виноватъ дѣточка, и я извинялся... Но его не убѣдить... Онъ... законченный!—тоскливо прибавилъ онъ.

— Что значитъ: законченный?

— Безнадежный! Онъ останется такимъ же сухимъ, себялюбивымъ и равнодушнымъ ко всему, что не касается его собственной особы...

— Такъ зачѣмъ ты... ты не училъ его, что такимъ быть не хорошо?

— Милая! Мнѣ некогда было смотрѣть за вами... Но я виноватъ... Знаю это и все-таки раздражаюсь... Такой, какъ Алеша не одинъ... Алеша уменъ и даровитъ... и отъ этого другимъ будетъ хуже... Онъ заставитъ страдать болѣе слабыхъ... Его будутъ ненавидѣть...

— Почему?—испуганно спросила Шурочка.

— Потому, дѣвочка, что у него сердца нѣтъ, нѣтъ доброты и жалости къ людямъ. А безъ этого нѣтъ настоящаго человѣка. Умъ безъ человѣчности — свѣтитъ, но не грѣетъ!.. Разскажи я Алексѣю, при какихъ условіяхъ получилъ вчера прибавку жалованья, онъ назоветъ меня дуракомъ... Ты помнишь тогда, когда я разсказалъ, что заступился за Горохова, какъ Алексѣй основательно доказывалъ, что я былъ неправъ?..

— Помню... Помню, папочка... И не забуду этого дня...

— А я вѣдь надѣялся, что Алеша меня пойметъ, порадуетъ своимъ сочувствіемъ, а между тѣмъ одна только ты... О, Шура!.. Ты не понимаешь еще голубка, какъ больно ошибиться въ близкихъ... Конечно самъ виноватъ... Но, милая! Хотя бы по крайней мѣрѣ не лгали... А то вдругъ узнаешь...

Ордынцевъ остановился во время.

Блѣдная и испуганная, смотрѣла Шура своими большими скорбными глазами на отца, и губы ея вздрагивали.

— Кто же лгалъ, папа?—кинула вдругъ въ упоръ Шура.

Ордынцевъ молчалъ.

— Кого же ты обвиняешь, папочка?—настойчиво повторила дѣвочка.

Ордынцевъ смущенно смотрѣлъ на Шуру. Она ждала отвѣта. Надо же что-нибудь отвѣтить.

И отецъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ... нѣтъ... я не виню. Это вырвалось въ минуту раздраженія... Ни Алексѣй, ни Ольга, ни Сережа не лживы... Нѣтъ, нѣтъ... И ты не волнуйся, дѣвочка...

— А мама?.. Мама?—прошептала дѣвочка... И голосъ ея дрогнулъ.

— И мама не лгала... Богъ съ тобой!.. Мы съ ней ссорились, это правда... И я былъ часто неправъ...

— То-то!—облегченно вздохнула дѣвочка.

И послѣ паузы сказала:

— Я и тебя люблю и маму люблю...

— Конечно, маму нужно любить!

Ордынцевъ говорилъ это, а между тѣмъ думалъ, что было бы лучше, еслибъ Шура не любила такую мать.

И оттого, что Шура любитъ мать, онъ съ большой ненавистью относился теперь къ бывшей женѣ.

— Я вѣдь сегодня на цѣлый день къ нашимъ?

— Конечно. Иди къ нимъ... Какъ разъ къ завтраку попадешь... Иди, милая.

— А ты останешься одинъ... И опять будешь грустить?

— И я скоро уйду... И грустный не буду... Вотъ развѣ на панихидѣ...

И Ордынцевъ, прощаясь съ Шурой, снова увѣрилъ ее, что мрачное настроеніе прошло, осмотрѣлъ такъ ли она одѣта и просилъ поцѣловать за него сестру и братьевъ.

— И ты позови ихъ на елку!—прибавилъ онъ.

К. Станюковичъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

КАРАНДАШОМЪ СЪ НАТУРЫ.

(Изъ путешествія вокругъ свѣта чрезъ Корею и Манджурію).

(*Продолженіе* *).

29-го сентября 1898 г.

Мы подходимъ къ кульминаціонному пункту и въ то же время главной цѣли нашего путешествія—къ Пектусану, самой высокой вершинѣ (8000 футъ надъ уровнемъ моря) Ченьбошанскаго хребта, — громадный хребетъ, разрѣзывающій всю Манджурію съ запада на востокъ.

До насъ на Пектусанѣ, какъ я уже упоминалъ, побывало двое: въ 17-мъ столѣтіи одинъ миссіонеръ и въ 1894 году нашъ полковникъ Стрѣльбицкій. Миссіонеръ подошелъ къ хребту съ запада по тому притоку Амнока-ганъ (она же Ялу), въ устьѣ котораго расположилась и нынѣ существующая китайская деревня Мауерлшань.

Той же дорогой миссіонеръ возвратился и обратно.

Полковникъ Стрѣльбицкій подошелъ къ Пектусану съ востока дорогой, по которой и мы теперь идемъ. Онъ былъ на вершинѣ Пектусана и даже спускался въ его озеро, помѣщенное на глубинѣ 1300 футъ въ жерлѣ бывшаго кратера.

Можно съ полной увѣренностью сказать, что полковникъ Стрѣльбицкій первый изъ людей, нога котораго ступила на берегъ этого священнаго озера. Это очевидно изъ того, что бывшій здѣсь миссіонеръ не спускался, а что до мѣстныхъ жителей, то и китайцы и корейцы проникнуты такимъ страхомъ къ священному озеру, въ которомъ живетъ драконъ, что не только не помышляютъ о спускѣ въ озеро, но и къ вершинѣ Пектусана близко не подходятъ. Непрерывныя, періодичныя явленія, происходящія на вершинѣ Пектусана,—вихри, вылетающіе изъ потухшаго кратера пары, а иногда и пемзовая пыль; раздающійся по временамъ подземный гулъ, — всѣ эти явленія принимаются мѣстными жителями, за доказательство живущаго тамъ дракона, и поэтому и китаецъ, и кореецъ,—случайные охотники здѣшнихъ мѣстъ,—спѣшатъ уйдти подальше отъ таинственнаго, дикій ужасъ наводящаго, дракона.

---

*) См. «Міръ Божій», № 6, іюнь.

Полковникъ Стрѣльбицкій, предполагавшій было изъ Пектусана пройдти на Амнокаганъ, не прошелъ туда и возвратился той же дорогой назадъ на Тянпай, такъ какъ проводники категорически заявили ему, что ни дороги, ни жилья на западъ отъ Пектусана нѣтъ.

Мой проводникъ сперва проговорился было о дорогѣ, но потомъ и мнѣ тоже заявилъ, что дороги нѣтъ.

Я не теряю надежды: попаду-ли я на дорогу миссіонера 17-го столѣтія, пройду ли новой, но я рѣшилъ во что бы то ни стало не возвращаться назадъ, а идти впередъ, въ крайнемъ случаѣ, даже по компасу.

Это свое рѣшеніе я, однако, держу пока въ тайнѣ отъ проводника, чтобъ не напугать его.

Кромѣ этой, для всѣхъ заманчивой мечты, побывать въ такихъ мѣстахъ, гдѣ еще нога бѣлаго не бывала, цѣль экспедиціи, какъ я уже упоминалъ, заключалась въ изслѣдованіи истоковъ трехъ громадныхъ рѣкъ этого уголка міра: Тумангана, текущаго на востокъ въ Японское море, Амнокаганъ—на сѣверо-западъ въ Желтое море, и Сунгари, впадающей въ Амуръ и текущей на сѣверъ. По легендѣ, истоки всѣхъ этихъ трехъ рѣкъ выходятъ изъ таинственнаго Пектусанскаго озера, при чемъ истоки одного изъ притоковъ Сунгари непосредственно черезъ разщелину кратера сообщаются съ его озеромъ, падая каскадомъ въ долину на высотѣ нѣсколькихъ тысячъ футъ, а Туманганъ и Амнока набираются изъ ключей, просачивающихся изъ озера.

Полковникъ Стрѣльбицкій сдѣлалъ предположеніе, которое нашими изслѣдованіями и подтвердилось, что рѣка Туманганъ беретъ начало не на Пектусанѣ, а южнѣе, въ лѣсахъ и болотахъ, окружающихъ его. А именно верстахъ въ 20-ти отъ Пектусана, близъ озера Понга, діаметромъ около ста саженей.

Относительно двухъ другихъ рѣкъ скоро узнаемъ въ чемъ дѣло.

Сегодня наша ночевка будетъ уже у подножья Пектусана...

Дорога все та же, среди овраговъ и лѣса, едва замѣтная тропка.

Нерѣдко мы теряемъ, обходя буреломы, эту тропу и долго ищемъ ее, узенькую въ полъ-аршина, глубоко ушедшую въ землю, такъ глубоко, что лошадь можетъ идти только шагомъ.

Это все еще первый слѣдъ перваго человѣка.

Странное ощущеніе мое, человѣка нашего столѣтія: съ одной стороны невѣроятный прогрессъ, съ другой—все то же первобытное состояніе только что изгнанныхъ изъ рая голыхъ людей.

Дорога расходится и проводникъ проситъ подождать отставшій обозъ.

Мы стоимъ у какого-то шалаша изъ вѣтвей.

Это жилище хунгузовъ.

Хунгузы, хунгузы,—но гдѣ же, наконецъ, эти хунгузы?!

И вдругъ изъ глубокаго оврага выходятъ... два оборванныхъ китайца...

— Хунгузы...—испуганно шепчуть мнѣ.

Но, я радъ: я наконецъ-то вижу ихъ, а то вѣдь пріѣду—спросятъ: «хунгузовъ видѣли?»—нѣтъ...

Теперь они передо мной. Ничего, что они оборванные, съ желтыми лицами, жалкіе. У старика испитое блѣдное отъ опіума лицо...

У нихъ китайскіе широкіе штаны; китайскія короткія кофты; косы, за плечами котомки, какъ и у нашихъ сибирскихъ бродягъ.

— Давайте скорѣй фотографическій аппаратъ: вотъ здѣсь, здѣсь, около этого балагана ставьте ихъ... вотъ вамъ печенья, папиросы, только стойте, ради Бога и не шевелитесь. Ножъ торчитъ изъ сумки? Ножъ, ножъ, ради всего святого, такъ, чтобъ онъ былъ виденъ.

— Вас. Вас! Да гдѣ же онъ отсталъ? Наконецъ! Спросите ихъ—куда они идутъ?

— Домой,—отвѣчаетъ переводчикъ.

— Какъ домой? Какой же домъ у хунгузовъ?

— Они охотники и ихъ манза здѣсь въ лѣсу, въ нѣсколькихъ ли.

— На кого они охотятся и чѣмъ?

— Они охотятся на всѣхъ звѣрей западнями и ловушками.

— Есть у нихъ ружья?

— У нихъ ружей нѣтъ, но есть стрѣлы,—стрѣлами они бьютъ пантовъ (изюбры).

— Но ножомъ, ножомъ этимъ что дѣлаютъ они?

— Этимъ ножомъ они роютъ корни.

— Откуда они идутъ?

— Они идутъ съ Амнокаганъ, гдѣ были у родныхъ.

— Какъ? значитъ есть дорога на Амнокаганъ?

В. В. спрашиваетъ и переводитъ мнѣ:

— Вотъ эта самая, вотъ поворотъ.

— Кто же ходитъ по этой дорогѣ?

— Они говорятъ, что ходятъ китайцы, корейцы. Корейцы къ своимъ родственникамъ въ Тяпнэ, китайцы, занимаясь торговлей, ходятъ на Амнокаганъ, ходятъ въ Гиринъ черезъ Пектусанъ.

— Что же это? мы, значитъ, идемъ чуть не по большой дорогѣ?

А люди бывавшіе здѣсь, вотъ что пишутъ: «Итакъ, мы забрались въ такія мѣста (Тяпнэ), откуда, казалось, не было другого выхода, какъ назадъ».

Казалось?

— Почему-же вы не показали этой дороги на Ялу?—Спрашиваю я у проводника.

Молчитъ. А гдѣ хунгузы? Отвѣчаютъ: Хунгузовъ нѣтъ.

Рѣшено: съ Пектусана весь излишній грузъ я отправляю обратно назадъ и на Амнокаганъ иду на легкѣ.

А съ Амнокагана отпускаю всю свою свиту

Корейцы опять затягиваютъ свою пѣсню:

— Но Амнокаганъ опаснѣе всего,—тамъ прямо стрѣляютъ съ китайскаго берега... А въ Манджуріи столько хунгузовъ...

— Ну, довольно,—сказки меня интересуютъ, но не такія.

Съ двумя «хунгузами» я распростился очень дружелюбно и на вопросъ ихъ: «куда мы дальше пойдемъ послѣ Пектусана?» отвѣтилъ:

— Возвратимся къ этому балагану и пойдемъ по этой указанной вами дорожкѣ на Амноку.

— Когда?

— Черезъ 2, 3 или 4 дня.

Еще было свѣтло, когда мы подошли къ привалу.

Мѣстность, гдѣ мы остановились на ночлегѣ называется Буртопой, что значитъ «тупой конецъ».

Большой охотничій балаганъ, совершенно такой-же, какихъ много въ Уфимской губерніи на отдаленныхъ сѣнокосахъ или въ лѣсахъ, въ которомъ всѣ мы и помѣстились.

Вокругъ меня спятъ корейцы, наши три солдата, Н. Е., П. Н., И. А.

Корейцы сморились за прошлую ночь и сегодня мы смѣнили ихъ.

Моя очередь и я то выхожу, то сижу и пишу дневникъ.

Посреди балагана маленькій костеръ и острый дымъ прежде чѣмъ уйти въ верхнее отверстіе, стелется синимъ облакомъ по балагану и ѣсть глаза.

Не спитъ только Бесѣдкинъ и разсказываетъ мнѣ странную исторію изъ своей жизни. На него, что называется, нашла линія и онъ хочетъ выложить душу.

— Мѣста вотъ какія,—какъ бы безъ покаянія не остаться...

Въ 11 ч. я разбудилъ И. А. и легъ спать.

Въ половинѣ третьяго проснулся, окликнулъ И. А. и распорядился будить народъ.

Развели костеръ побольше, поставили чайникъ и сидятъ, всѣ вокругъ костра, пожимаясь отъ свѣжихъ струекъ, проникающаго наружнаго воздуха.

Корейцы привыкли къ намъ и говорятъ, не стѣсняясь, обо всемъ.

Говорятъ о прежнихъ экспедиціяхъ, немного жалуются на безцеремонныя дѣйствія экспедиціонныхъ командъ.

30 сентября.

На Пектусанъ!

Выступили въ шесть часовъ, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда солнце собиралось всходить. Мы остановили лошадей на пригоркѣ и видѣли всю волшебную понораму этого восхода.

Къ востоку на необъятномъ пространствѣ громоздятся горы. Всѣ эти горы подернуты синей прозрачной занавѣской. Сквозь нее уже виденъ розовый отблескъ поднимающагося солнца.

Все еще въ полусвѣтѣ, но Пектусанъ уже въ лучахъ и весь про-

зрачный горитъ пурпуромъ. Здѣсь можно опредѣлить относительную высоту каждой горы, по очереди ихъ освѣщенія восходящимъ солнцемъ.

Вотъ освѣтились еще двѣ и обѣ кроваво-фіолетовыя. У каждой горы свое одѣяніе и только царь горъ — Пектусанъ — въ пурпурной мантіи. Но парадъ скоро кончается,—убраны нарядные костюмы первыхъ лучей и освѣщенный полнымъ солнцемъ Пектусанъ уже выглядитъ опять неказисто: сѣро-грязный, съ полосами въ оврагахъ бѣлаго снѣга. Та же мягкость формъ, что и въ остальныхъ корейскихъ горахъ, и нѣтъ нависшихъ грозныхъ скалъ Кавказа. Съ виду также мирно и спокойно, какъ и все предыдущее.

Напротивъ, гораздо красивѣе Пектусана, хотя бы эта длинная гора, вершина которой представляетъ изъ себя профиль покойника-богатыря. Вотъ лобъ, немного широкій носъ, острый ротъ, грудь въ латахъ, ноги. Съ боку шлемъ. Или вотъ та священная гора—туловище безъ головы—лучъ Пектусана.

Даже малый Пектусанъ интереснѣе, потому что его коническая фигура видна сразу, тогда какъ здѣсь, у подножья, Пектусанъ долго производитъ впечатлѣніе чего-то широкаго и расползшагося.

Такимъ образомъ первое короткое, но очень сильное, совершенно своеобразное впечатлѣніе быстро смѣняется прозой чего-то обыкновеннаго и даже мизернаго.

Равнодушные, мы поднимаемся выше.

Лѣсъ рѣдѣетъ. Исчезла и изумрудно зеленая, жесткая травка одна въ желтой осени не побитая еще морозомъ. Вотъ пошли мхи, ковры изъ мховъ, по которымъ беззвучно ступаютъ ноги лошадей, оставляя вѣчный слѣдъ. Отъ колесъ прежней, 1894 года, экспедиціи слѣдъ совершенно свѣжій и теперь.

Какъ красивы эти ковры мховъ: изумрудно-сѣрые, темно-красные, нѣжно-лиловые, затканные сѣрымъ и бѣлымъ жемчугомъ. Перо не опишетъ ихъ красоты, не передастъ фотографія; нужна кисть и я вспоминаю К. А. Коровина, его прекрасную картину архангельской тундры съ иными, чѣмъ эти, мхами.

Все выше и выше. Нѣтъ деревьевъ, нѣтъ мховъ: мелкій пемзовый сѣрый песокъ, да изрѣка тамъ и сямъ мелкорослая березка.

Иногда поднимается вѣтеръ подхватываетъ этотъ мелкій песокъ и бросаетъ его въ лицо. Лицу, рукамъ больно. Больно и глазамъ, такъ какъ песокъ этотъ ѣстъ глаза и вызываетъ воспаленіе вѣкъ.

Съ лошади—впечатлѣніе морского песка, но при болѣе близкомъ разсматриваніи это что-то совершенно особенное: тамъ, на берегу моря, и видно, что работало море, здѣсь же работалъ огонь. Здѣсь характеръ песка легкій, перегорѣлый, между тѣмъ какъ море, не измѣняя естества, только шлифуетъ песокъ. Здѣсь химическая, тамъ, у моря, только механическая переработка. Преобладающій цвѣтъ здѣшняго песку грязно-сѣрый.

Этимъ пемзовымъ пескомъ засыпано все. Вѣтеръ и вода свободно переносятъ его съ мѣста на мѣсто и поэтому вся поверхность изрыта буграми и оврагами.

Въ одномъ изъ такихъ овраговъ, гдѣ не было воды, но былъ снѣгъ, перемѣшанный съ пемзой мы остановились и стали готовиться къ предстоящему подъему на вершину.

Развязываются: лодка, геодезическіе, астрономическіе инструменты, веревки, лотъ для промѣрки глубины озера. На привезенныхъ съ собой дровахъ кипятится чай, разогрѣваются консервы гороховой похлебки. Сторожей въ лагерѣ остается довольно много, такъ какъ корейцы, привезшіе грузъ, ждутъ обратнаго, который освободится послѣ подъема. Обратно я отправляю всѣ палатки, часть инструментовъ, часть вещей.

Напились чаю и тронулись на вершину.

Посреди перевала оглядываюсь—идутъ за нами и всѣ девять нашихъ корейцевъ, оставленныхъ сторожить лагерь.

Оказывается они, увидѣвъ дымокъ на мѣстѣ нашего послѣдняго ночлега, рѣшили, что это хунгузы, и пошли, бросивъ нашихъ и своихъ лошадей.

Они подошли и горько сѣтуютъ на меня, зачѣмъ я тогда тѣхъ двухъ хунгузовъ не убилъ или не арестовалъ.

— Да вѣдь они не хунгузы.

— Они хунгузы. Еслибы они были мѣстные жители, они знали бы по-корейски названіе Шадаренъ (селеніе у верховьевъ притока Ялу, куда мы пойдемъ), а они знали только китайское «Маньонъ». А между тѣмъ сорокъ хунгузовъ теперь есть въ лѣсахъ,—они пойдутъ и скажутъ имъ: уже сказали, — что горитъ, то костеръ хунгузовъ, и мы всѣ заперты теперь на Пектусанѣ, какъ мыши въ ловушкѣ.

— Что могутъ дѣлать 40 человѣкъ въ это время года въ лѣсу? что они ѣсть будутъ: зима подходитъ, дожди, снѣгъ, гдѣ спать будутъ?

— Мы всю правду вамъ разскажемъ и вы узнаете, что имъ дѣлать. Весной шайка въ 23 хунгуза поймала двухъ корейцевъ и отвела въ одну, здѣсь недалеко, китайскую фанзу. Тамъ ихъ пытали и они сознались, что у нихъ дома деньги есть. Одного хотѣли задержать, а другого отпустить, но оба были изъ разныхъ деревень. Тогда хозяинъ фанзы поручился, что корейцы заплатятъ по 500 лянъ каждый. Ихъ отпустили. Поймали ихъ въ четвертую луну, а долгъ обѣщали отдать въ седьмую, теперь восьмая кончается, а тѣ долгъ все не отдаютъ. Вотъ хунгузы и не уходятъ, все дожидаются и хотятъ мстить всѣмъ корейцамъ. Въ этомъ году уже было нападеніе на Тяпнэ и всѣ на мѣсяцъ убѣгали. А теперь мы пойдемъ домой и хунгузы насъ схватятъ.

— Откуда же хунгузы знаютъ, что вы пойдете домой, а не съ нами?

— Они все знаютъ: они, навѣрно, и теперь видятъ и слышатъ,

что говоримъ мы. И хунгузы насъ убьютъ, а потомъ дадутъ знать въ Шадаренъ, тамъ хунгузовъ еще больше и тѣ васъ убьютъ.

— Такъ что лучше всего назадъ съ вами на Тяпнэ?

— Э-ге, э-ге,—радостно закивали корейцы.

Смотрю на нихъ и невыразимо жаль ихъ за тѣ страданія, которыя причиняетъ имъ ихъ мучительный унизительный страхъ.

Надо замѣтить, что и за нами идти не радость имъ. Вѣдь тамъ, на этой святой горѣ, въ спрятанномъ отъ всѣхъ озерѣ живетъ суровый драконъ суровый и страшный: то онъ гремитъ, то облакомъ взлетаетъ, то посылаетъ такой вѣтеръ, что стоять нельзя. Стоитъ только разсердить его, такъ и не то сдѣлаетъ. А такого дикаго, своевольнаго и самъ не знаешь, какъ разсердишь. Наши корейцы стоятъ совершенно растерянные.

Кончили тѣмъ, что В. В. (китайскій переводчикъ) и маленькій кореецъ идутъ съ ними обратно. Маленькій кореецъ въ европейскомъ платьѣ, а издали это все равно, что русскій, а В. В. свой человѣкъ для хунгузовъ. Успокоились корейцы и пошли назадъ.

Въ зависимости отъ ограниченности нашихъ припасовъ и необходимость, слѣдовательно, все закончить въ день, два; работа раздѣлена между Н. Е. и мною. Онъ съ И. А., Бибикомъ, Бесѣдинымъ, Хаповымъ и Сапаги спускаются къ озеру. Я, поднявшись на вершину, обхожу ее до мѣста предполагаемаго истока Ялу (Амнокаганъ) и Сунгари, а къ вечеру мы всѣ собираемся въ лагерѣ.

Мы разлучаемся: Н. Е. съ своей партіей и двумя вьючными лошадьми идетъ налѣво, я, П. Н. и проводникъ направо,—Н. Е. такимъ образомъ пошелъ къ западу, я къ востоку.

Почти до самой вершины Пектусана я ѣхалъ на лошади.

Затрудненія были только въ овражкахъ, гдѣ лежалъ плотный примерзшій снѣгъ. По этому снѣгу скользитъ нога и лошади, и человѣка и легко упасть.

Въ одномъ мѣстѣ, у самой вершины, я неосторожно заѣхалъ съ лошадью на такой ледяной откосъ. Осматриваясь, куда дальше ѣхать, я оглянулся назадъ и кровь застыла въ жилахъ. Поднимаясь, я не замѣчалъ высоты, но теперь, глядя внизъ, я рѣшительно не понималъ, какъ держалась лошадь, да еще со мной надъ всѣми этими обрывами, которые мы, поднимаясь, обходили и которые теперь зіяющими безднами стерегутъ мою лошадь и меня тамъ внизу.

Прежде всего я соскочилъ съ лошади, но тутъ же поскользнулся и поѣхалъ было внизъ,—если бы не поводъ, за который я держался, то далеко бы уѣхалъ я, и хорошо, еслибъ отдѣлался только ушибами и даже поломами костей.

Попробовалъ-было я поворотить назадъ лошадь—скользитъ. Попробовалъ-было я снять сапоги и босикомъ пройти—тоже нельзя. Тогда прибѣгли къ послѣднему средству: проводникъ и П. Н. съ той стороны

оврага, я—съ этой принялись рыть траншею, потративъ на эту работу около часа.

Но вотъ, наконецъ, и верхъ и весь грозный Пектусанъ съ иззубреннымъ жерломъ своего кратера сразу открылся.

Картина, развернувшаяся предъ нами, была поразительная, захватывающая, ошеломляющая. Тамъ, внизу, на отвѣсной глубинѣ полуторы тысячи футъ сверкало зеленое, версты въ двѣ, озеро. Какъ самый лучшій изумрудъ, сверкало это зеленое, прозрачное, чудное озеро, окруженное все черными иззубренными зáмками или развалинами этихъ зáмковъ. Темныя, закоптѣлыя стѣны снизу поднимались отвѣсно вверхъ и причудливыми громадными иззубринами окружали кратеръ.

Какая-то чарующая, тамъ на озерѣ, безмятежная тишина. Какая-то иная совсѣмъ жизнь тамъ.

Очень сильное впечатлѣніе именно жизни.

Кажется вотъ-вотъ выйдутъ всѣ эти живущіе тамъ, внизу, изъ своихъ замковъ, въ какихъ-то нарядныхъ костюмахъ, раздастся музыка, поплывутъ нарядныя лодки и начнется какая-то забытая, какъ сказка, какъ сонъ, иная жизнь.

И въ то же время сознаніе, что этотъ уголокъ земли — смерть, полная смерть, гдѣ на берегу того озера Стрѣльбицкій нашелъ изъ органическаго міра только кость, вѣроятно, занесенную мимо летѣвшей птицей.

Смерть! Самъ вулканъ умеръ здѣсь и это прозрачное озеро—только его чудная могила, эти черныя отвѣсныя, копотью, какъ трауромъ, покрытыя бастіоны—стѣны этой могилы.

И стоятъ они грозные, охраняя тайну могилы. Я усталъ смотрѣть туда, внизъ, и любуюсь причудливыми выступами скалъ, окружающихъ кратеръ.

Вотъ гигантъ медвѣдь опустилъ свою большую голову и притихъ. Вотъ башня съ остроконечнымъ шпицемъ. А вотъ на скалѣ чудное и нѣжное, какъ мечта, изваяніе женщины. Одной рукой она оперлась о край и заглядываетъ туда, внизъ, гдѣ озеро. Въ этой фигурѣ и покой вѣковъ, и свѣжесть мгновенья. Словно задумалась она, охваченная сожалѣніемъ, сомнѣніемъ, колебаніемъ и такъ и осталась въ этомъ таинственномъ уголкѣ не вполнѣ еще сотвореннаго міра.

Что-то словно дымится тамъ внизу, какъ-будто заметалось вдругъ озеро, вздрогнуло и зарябило и съ какимъ-то страшнымъ ревомъ уже приближается сюда это что-то.

— Къ землѣ, къ землѣ лицомъ,—кричитъ проводникъ.

Я пригибаюсь, но все-таки смотрю, пока можно: прямо со дна озера летитъ вверхъ облако, въ которомъ все: и мелкіе камни, и пыль, и пары, которые тамъ, на озерѣ, какъ въ закипѣвшемъ вдругъ котлѣ пробѣжали по его поверхности. Насъ обдало этимъ страшнымъ паромъ-пескомъ. А черезъ мгновеніе еще и нѣжное, бѣлое облако уже высоко

надъ потухшимъ кратеромъ поднялось въ небо въ причудливой формѣ фантастическаго змѣя. Старикъ проводникъ поднялъ-было глаза къ облаку и сейчасъ же, опустивъ голову, сложивъ руки, началъ качаться.

— Что такое?

Проводникъ вскользь угрюмо бросилъ нѣсколько словъ.

— Молится,—перевелъ мнѣ П. Н.,—говоритъ, драконъ это, не надо смотрѣть и лучше уйти. Разсердится—худо будетъ.

— Скажите ему, что я очень извиняюсь передъ дракономъ, но мнѣ необходимо снять фотографію съ его дворца.

Старикъ кончилъ молиться, успокоился, покорно развелъ руками и сказалъ:

— Драконъ милостивъ къ русскимъ,—у нихъ счастье, а насъ—корейцевъ онъ убилъ бы за это. Но и русскіе приносили жертвы,—тотъ, который былъ съ баранами, зарѣзалъ здѣсь одного барана.

— Скажите ему, что у насъ не приносятъ жертвъ.

— Здѣсь дракона законы.

И опять все тихо кругомъ. Сверкаетъ озеро въ глубинѣ, а кругомъ необъятная, сколько глазъ хватитъ, золотистая даль лиственичныхъ лѣсовъ, а еще выше—и надъ этой желтой далью, и надъ бѣлымъ Пектусаномъ безоблачная лазурь неба, голубого, какъ бирюза, сверкающаго, и еще болѣе голубого отъ позолоты желтой дали лѣсовъ.

И опять смотришь внизъ туда, гдѣ сверкаетъ это волшебное зеленое озеро. И опять очарованіе, ощущеніе заколдованной жизни. И новый страшный вихрь.

Сдѣлавъ нужныя работы, опредѣливъ положеніе кажущейся вдали расщелины, откуда вытекаетъ, по словамъ туземцевъ, притокъ Сунгари, я занялся выясненіемъ истоковъ двухъ другихъ рѣкъ: Тумангана и Амнокагана.

Съ этой высоты видно все, какъ на ладони. Здѣсь водораздѣлъ всѣхъ этихъ трехъ рѣкъ: къ западу Амнока, къ востоку Туманганъ, къ сѣверу и сѣверо-востоку Сунгари. Мнѣ видны всѣ овраги Амноки. Я уже видѣлъ ихъ снизу и, всѣ они сухіе.

Такіе же овраги идутъ по направленію и къ Тумангану — тоже сухіе.

Такимъ образомъ внѣ сомнѣнія, что истоки Тумангана и Амноки не имѣетъ никакого непосредственнаго сношенія съ озеромъ.

Остается дѣло за истоками Сунгари.

Мы отправляемся къ той части Пектусана на сѣверо-востокъ, гдѣ видна эта какъ будто расщелина.

Уже часъ дня.

— И зачѣмъ идемъ, когда я говорю вамъ, что тамъ щель,—ворчитъ проводникъ.

— Онъ самъ видѣлъ ее?—Спрашиваю я П. Н.

Онъ самъ не видѣлъ, но товарищи-охотники были въ томъ китай-

скомъ лѣсу и видѣли, какъ сверху падаетъ вода изъ глубокой и высокой щели.

— Надо идти,—говорю я.

Мы идемъ. Новые періодичные, минутъ черезъ пять, вихри, все болѣе и болѣе сильные, отъ которыхъ вздрагиваетъ земля.

Иногда, когда мы идемъ, подъ нами слышится гулъ пустоты.

Мы идемъ до щели три часа, все время любуясь озеромъ и видами, снимая фотографіи и дѣлая засѣчки на новые открывшіяся мѣста.

Вотъ послѣдній подъемъ и тамъ должна открыться щель: сердце бьется отъ усиленнаго подъема, отъ напряженнаго ожиданія, лошадь давно оставлена съ проводникомъ, который, спустившись внизъ, ведетъ ее и едва виденъ.

Щели нѣтъ...

Такой же грозный и неприступный бастіонъ и здѣсь въ углубленіи какъ и вездѣ. Отсюда виденъ весь Пектусанъ и вездѣ все шире обнаженная и неприступная стѣна. Я смотрю въ бинокль и вижу внизу подъ нами, гдѣ идетъ нашъ проводникъ съ лошадью, воду. Щели нѣтъ, но вода есть. Гдѣ, на какой высотѣ, ея источникъ? Чтобъ узнать, надо спуститься. Намъ предстоитъ очень тяжелый спускъ внизъ по карнизу одного изъ крыльевъ этого гигантскаго бастіона, чтобъ найдти начало источника. Лучше не смотрѣть ни вверхъ, ни внизъ, лучше бы и совсѣмъ не спускаться.

Но вечеръ приближается; морозитъ; страшные вихри все сильнѣе; темныя тучи ползутъ изъ кратера и ужъ не видно озера.

Прощай, прекрасное! Всегда останешься ты въ моей душѣ, какъ чудная мечта, какъ сонъ, который трудно отличить отъ дѣйствительности. Несмотря на короткія мгновенія, проведенныя здѣсь, я уже сжился съ тобой: мнѣ близки и безмятежная тишина твоя, и твои дикія вспышки; кажется, что привыкъ я къ тебѣ, что уже давно давно знаю тебя.

Я не люблю кручъ.

Съ мужествомъ труса, съ мужествомъ отчаянія, стиснувъ зубы и умертвивъ все въ себѣ, я звѣремъ, дорожащимъ только своей жизнью, цѣпляясь руками и ногами, проворно, какъ по лѣстницѣ, спускаюсь по уступамъ камней. Камни надежные, твердые, на шагъ разстоянія другъ отъ друга, но какъ тяжело дѣлать этотъ шагъ! Ноги, какъ сросшіяся не хотятъ ступать! Ступай, ступай, несчастный!

Вотъ, гдѣ опасность! Что передъ ней хунгузы, барсы, тигры? Вотъ настоящіе владыки этихъ мѣстъ,—эти утесы, эти вихри, которые вотъ-вотъ сорвутъ и бросятъ туда внизъ; эта надвигающаяся ночь, которая закроетъ скоро всѣ эти бездны и не будешь знать, куда ступить, а морозный холодъ ночи проникетъ насквозь легкое пальто. Что-то съ Н. Е. и его спутниками? Скорѣй, скорѣй же!

А когда остается саженей тридцать до пологаго откоса, я уже

безпечно и весело, какъ самый отважный ходокъ, шагаю и даже прыгаю съ камня на камень.

Гопъ! Послѣдній прыжокъ и опять я на ногахъ, на твердой землѣ,— хочу стою, хочу иду; опять живой и здоровый.

О Боже, неужели мы съ П. Н. были тамъ? Здѣсь снизу вся обнаженная вершина Пектусана еще болѣе напоминаетъ гигантскіе грозные бастіоны, круглыя башни, обстрѣливающія всѣ выступы.

Но некогда: скорѣй, пока свѣтло окончить осмотръ овраговъ.

Что это шумитъ?

А! вотъ, откуда пробирается вода!

Барометръ! Разница высоты—1.630 футъ. Ниже, слѣдовательно, поверхности озера на 330 футъ. Это и возможная глубина озера. Подземный ходъ изъ озера сюда. Вода красивымъ узкимъ ручейкомъ стремительно падаетъ внизъ и чѣмъ ниже, тѣмъ круче.

Отъ этого оврага дальше, среди желтаго лѣса, тянется темная полоса и уходитъ на сѣверо-западъ. Сколько видитъ глазъ кругомъ—вездѣ безпредѣльная равнина.

Съ правой стороны, стоя лицомъ къ Сунгари, вьется еще одна темная полоска среди желтаго лѣса и соединяется съ тѣмъ оврагомъ, у котораго стоимъ мы.

Такъ какъ на право и дорога наша, то мы и спѣшимъ осмотрѣть уже пройденный другой оврагъ.

Въ трехъ верстахъ отъ спуска по обратному, направленію пришли мы и къ этому второму истоку. Онъ значительно больше перваго—если тамъ силы три, то здѣсь ихъ около 15. Я опредѣляю силы на глазъ, руководствуясь опытомъ предыдущихъ лѣтъ.

Солнца уже нѣтъ, ночная мгла на всемъ и только двѣ-три вершины во всемъ округѣ видятъ еще опустившееся солнце.

Послѣдній подходъ къ оврагу былъ очень неудачный: мы взбирались полчаса на какую-то вершину для того, чтобы спуститься назадъ по той-же дорогѣ. Совсѣмъ стемнѣло.

— Проводникъ говоритъ, что онъ здѣшнихъ мѣстъ не знаетъ.

— Плохо. Ну, не знаетъ, такъ ночевать надо здѣсь: благо, вода и кормъ для лошадей есть, а вотъ и нѣсколько деревьевъ, слѣдовательно, и дрова есть.

Я повелъ свою лошадь къ ручью.

Странная вещь, вотъ уже третій день лошадь моя стала спотыкаться на каждомъ шагу, точно слѣпая.

— Да она и есть слѣпая,—говоритъ П. Н.

Осматриваемъ и убѣждаемся, что несчастная лошадь, дѣйствительно, слѣпая.

Тянемъ ее къ деревьямъ, гдѣ кормъ, и тамъ въ оврагѣ устраиваемся.

Все устройство заключается, впрочемъ, въ томъ, что мы рубимъ

*

ножами вѣтви, ломаемъ ихъ руками, собираемъ сухостой и разводимъ костеръ. Лошадь выпускаемъ на поляну, она жадно ѣстъ сухую траву. П. Н. пригнулся и ищетъ голубицу. Уже почти сухая, сморщенная голубица все таки пища и лучше, чѣмъ ничего. Нѣсколько ягодъ съѣлъ и я, но я не любилъ ихъ никогда и теперь не люблю.

Да и не хочется ѣсть,—ни ѣсть, ни пить. Я очень усталъ. Вотъ разгорѣлся костеръ, тепло, сидишь и хорошо. Я такъ усталъ, что даже радъ наступившей темнотѣ: на законномъ основаніи можно сѣсть и не идти дальше. По горамъ трудно ходить: воздухъ разрѣженный, и тутъ еще эти леденящіе вихри. Какъ то Н. Е.?

Шесть часовъ, но уже совершенно темно.

Тамъ изъ вулкана все еще клубятся темныя тучи: курятся. Вѣтеръ рветъ и мечетъ и нѣтъ отъ него спасенья. Огонь и искры и дымъ бьютъ то въ лицо, то летятъ въ противоположную сторону и опять бѣшено возвращаются къ намъ.

Все темнѣе и дрожь пробѣгаетъ по тѣлу.

— П. Н., лошадь-бы привязать.

Пусть поѣстъ,—куда она уйдетъ, несчастная, слѣпая.

И П. Н, ложится, ложится и старикъ, я принимаю на себя караулъ.

Пошелъ къ лошади,—жадно ѣстъ. Пусть поѣстъ, часа черезъ два привяжу.

Хуже всего, что папиросы вышли.

Долго ждать до свѣта. Смотрю на часы: половина седьмого. Полчаса всего прошло съ тѣхъ поръ, какъ эти заснули.

Что-то дѣлаетъ Н. Е.? Можетъ быть, гдѣ-нибудь, какъ и я, сидитъ теперь. Но тамъ нѣтъ ни воды, ни дровъ. Воды имъ и не нужно, такъ, какъ, согласно уговору, лошадей Сапаги долженъ былъ отвести въ лагерь. А безъ дровъ трудно имъ будетъ, если опоздаютъ. Плохо я разсчиталъ время—въ этихъ горахъ измѣнилъ глазомѣръ.

Что-то мокрое?! Дождь? Это нехорошо, надо будить.

Проснулись, пошли, сломали двѣ молодыя лиственницы и устроили родъ шалаша. Легли и опять заснули оба.

Дождь свободно проходитъ сквозь шатеръ и мочитъ насъ. Вода понемногу пропитываетъ окружающую вѣчно зеленую траву, протекаетъ мелкими струйками подъ намокшіе пальто, сапоги, шапки,—уже мокры шея и руки, а рѣзкій вѣтеръ сильнѣетъ и не перестаетъ дрожь, несмотря на костеръ.

Нѣтъ, надо идти хоть сучья ломать. Надо, но нѣтъ охоты шевельнуть пальцемъ: словно нѣтъ меня, я отдѣленъ отъ себя и теперь я другой уже непосильный для себя грузъ. Этотъ грузъ съ неимовѣрнымъ усиліемъ, а всетаки подвигаю кое какъ ближе къ огню. Лицу жарко и ногамъ жарко, кажется, сожгу себѣ сапоги. Но спинѣ все таки холодно. Лошадь надо бы привязать. Ахъ, это П. Н., онъ идетъ за лошадью, ну, спасибо, а то я усталъ.

Все это уже сонъ,—я, согнувшись передъ костромъ, сплю.

Просыпаюсь отъ нестерпимаго холода. Дождь, какъ изъ ведра, костеръ почти потухъ, смотрю на часы 10 часовъ.

— П. Н., П. Н., вставайте же, пропадемъ всѣ.

— Голова болитъ.

— Будите проводника, идемъ въ лѣсъ и за лошадью.

Встаемъ, идемъ, но лошади не видно.

— Легла,—говоритъ П. Н.,—не найдти теперь.

Наломали сучьевъ, кое-какъ развели опять костеръ. Пересталъ было дождь и вдругъ пошелъ снѣгъ. Кто-то воетъ. Это проводникъ?!

П. Н. смущено слушаетъ.

— Что онъ говоритъ?—Спрашиваю я.

— Говоритъ, что драконъ очень сердится, и онъ боится, что мы пропадемъ, потому что пошелъ снѣгъ. А снѣгъ пошелъ, онъ не остановится — это зима—и завтра будетъ столько снѣгу, что, если мы и вытерпимъ, то все равно пропадемъ безъ дорогъ.

— Скажите ему, что во снѣ приходилъ ко мнѣ драконъ и сказалъ, что, если я отдамъ ему лошадь свою, то онъ перестанетъ сердиться.

Проводникъ быстро, оживленно спрашиваетъ: что я отвѣтилъ?

— Я сказалъ, что я согласенъ.

Старикъ удовлетворенно киваетъ головой. Черезъ нѣсколько минутъ снѣгъ перестаетъ и надъ нами совершенно чистое небо.

Старикъ радостно говоритъ:

— Драконъ пересталъ сердиться.

Костеръ ярко горитъ. Но опять туча и дождь. Старикъ убѣжденно говоритъ, что теперь скоро все пройдетъ, потому что драконъ умилостивленъ.

Оба—П. Н. и проводникъ, лежа чуть не въ лужѣ, засыпаютъ.

Туча проходитъ, небо звѣздное, но дождь идетъ. Вѣтеръ еще, кажется, злѣе и ножами рѣжетъ тѣло и руки и дымъ летитъ въ лицо. Часть земли изъ подъ костра освобождается; я ногами отгребаю пепелъ и ложусь: сухо и тепло. Разбудивъ П. Н. на дежурство, я моментально засыпаю.

Я открываю глаза. Часъ ночи. Костеръ ярко горитъ. П. Н. и проводникъ не спятъ. Вызвѣздило и ясно, хотя темно. Небо усыпано звѣздами. Большая Медвѣдица такъ близка къ горизонту, что кажется, рукой достанешь.

Еще пять часовъ до дня. Начинаетъ просыхать по немногу.

Старикъ совсѣмъ повеселѣлъ.

— Драконъ спитъ.

Но вѣтеръ надоѣдливый нагло рветъ и мечетъ по прежнему.

Покурить хорошо-бы, но ѣсть и пить не хочется.

А всетаки истоки всѣхъ трехъ рѣкъ изслѣдованы.

Но само озеро только красивая игрушка и ничему въ дѣлѣ улучшенія судоходства помочь не можетъ... Теперь это ясно, какъ день.

Я вспоминаю Тартарена, когда онъ въ отчаяніи кричалъ:

— Алла, алла, а Магометъ старый плутъ и весь востокъ и всѣ дѣвы востока не стоятъ ослинаго уха!

Я прибавляю:

— И лѣса его и золото его, которыхъ у насъ въ Сибири во сто разъ больше, и всѣ богатства, которыхъ у насъ на Алтаѣ во сто разъ больше, ничего не стоятъ въ Кореѣ.

Остается одна чистая наука: да здравствуетъ она!

Пойти посмотрѣть лошадь. Нигдѣ не видно ее. Гдѣ-то возлѣ лѣса рѣзкое кошачье мяуканье. Наконецъ и я, если не вижу, то слышу господина. А, можетъ быть, гдѣ-нибудь въ этихъ кустахъ уже крадется барсъ.

Нѣтъ, лучше итти къ костру. Вотъ хорошее дерево, начну ножомъ рубить его, часа на два работы,—согрѣюсь и время пройдетъ

Кто-то идетъ.

— Вы что тутъ дѣлаете?—спрашиваетъ П. Н.

— Да вотъ дерево рублю.

— Давайте ножъ, идите спать, я больше не буду спать...

— Да у васъ голова болитъ?

— Прошла.

— А у меня горло прошло,—говорю я,—ну, спасибо, рубите...

— Хорошо бы дома въ теплой кровати теперь,—думаю я, и съ отвращеніемъ сажусь, какъ приговоренный, въ свою тюрьму: съ одной стороны пламя въ лицо, съ другой вѣтеръ съ ножами, мокрая земля мокрое платье,—насквозь мокрое.

Все это пустяки, одна ночь, и передъ Нансеновскими испытаніями стыдно и говорить объ этомъ..,

Измученъ, усталъ, сколько впереди еще... И ни заслугъ, ни славы... Нѣтъ, что-то есть... есть... есть... что же? А, Сунгари и выясненный вопросъ истоковъ... По новой дорогѣ пойдемъ, гдѣ не была еще нога европейца, да и здѣсь въ этихъ дебряхъ не была, у этихъ мнимыхъ щелей впервые тоже стоитъ человѣкъ.

Пусть сердится драконъ, тайна вырвана у него.

Разсвѣтъ. Я просыпаюсь.

П. Н. уныло говоритъ:

— Пропала лошадь...

— Господи, какъ холодно. Ну, пропала, что же тутъ сдѣлаешь?

— Я все-таки еще пойду искать ее.

— Гдѣ проводникъ?

— Ушелъ дорогу искать.

П. Н. ушелъ, я остаюсь одинъ.

Жуткое чувство одиночества въ этой мокротѣ. Все промокло,— сѣдло, попоны, самъ. Брр...—какая гадость! Поднялся на ноги: не хотятъ стоять ноги, тѣло тяжелое. Но костеръ тухнетъ и надо идти за сучьями.

Иду, ломаю, смотрю, нигдѣ не видно лошади. Вспоминаю ее: какая несчастная она была, слѣпая, покорная... Если тигръ ее схватилъ, проиграла ли она что-нибудь? Все-таки жалко ее...

П. Н. пришелъ и сказавъ угрюмо: «нѣтъ лошади», повалился и уже спитъ.

Солнце взошло. Гдѣ же проводникъ? Сѣлъ дневникъ писать, но руки окоченѣли, окоченѣли и слова: тяжело, неуклюже и одна фраза отвратительнѣе другой.

Странно, отчего ѣсть не хочется? Восемь часовъ и ровно 24 часа, какъ я не ѣлъ уже.

Выше поднялось солнце, такой же вѣтеръ, но солнце и костеръ сушатъ и грѣютъ.

Все спитъ. Какъ-то голо и уныло смотритъ съ своей вершины Пектусанъ и вся неприступная твердыня его, все также вылетаютъ облака оттуда и, сидя здѣсь, я чувствую пронизывающій холодъ его вершины.

Все та же желтая скатерть лѣсовъ передъ глазами и синяя даль горъ. Все подернуто какой-то мглой, точно не выспалось, какъ и я, и не ѣло больше сутокъ.

Чей-то голосъ! Съ горы спускаются пять лошадей и впереди Н. Е.

— Все благополучно?—кричу я.

— Какое благополучно: трехъ солдатъ нѣтъ.

— Какъ нѣтъ?!—вскакиваю я.

— Пока вылѣзали съ озера наверхъ, насъ сразу захватила ночь, ну и сбились, куда ни пойдемъ, вездѣ кончается кручей. Спускались, поднимались, опять спускались, дождь пошелъ, намокли. Главное лошади, безъ лошадей все-таки какъ-нибудь бы справились..-

— Какія лошади?

— Двѣ вьючныя, которыя были съ нами...

— Но почему же этихъ лошадей не отправили въ лагерь, какъ вѣдь и было предположено?

— Ну вотъ, Сапаги... Не понялъ или побоялся итти... Вылѣземъ наверхъ, а онъ тутъ и съ лошадьми... Лошади и зарѣзали... Я просто выбился изъ всѣхъ силъ... Полушубокъ намокъ, тяжесть, словно сто пудовъ на плечахъ, итти вверхъ прямо не могу, не передвигаются ноги, могу только внизъ двигаться. Подошли опять къ какому-то спуску—нельзя спускаться, надо опять итти вверхъ назадъ. Главное вижу, что я ихъ задерживаю, пройду два шага и упаду, лежу, не могу встать. Ну, думаю себѣ, я пропалъ, за что же другіе пропадать будутъ, говорю имъ: «Подождите здѣсь, я попробую спуститься и крикну вамъ снизу, есть ли выходъ. Если со мной, не дай Богъ, что случится, старшимъ назначаю Бесѣдина. Если устанете, имѣете право бросить лошадей». Ну и полѣзъ внизъ... лѣзъ... лѣзъ... Я уже не знаю, какъ только и не убился... Сегодня посмотрѣлъ, откуда спустился...

— Какія распоряженія вы оставили относительно розыска людей?

— Послалъ Ив. Аф. и самъ вотъ ѣздилъ. Ив. Аф. послалъ на прежнюю стоянку. Тамъ былъ пожаръ и свѣтилось, когда мы были наверху... Если они пропустили лагерь, то, навѣрно, попадутъ на Буртопой.

— Дайте папиросу и ѣдемъ...

— Ахъ, Ник. Георг... ну, гдѣ тамъ еще мнѣ было думать о папиросахъ: вотъ взялъ краснаго вина, нѣсколько сухарей.

— Да вы сами курите же?

— Да теперь не курилъ, не ѣлъ и не спалъ...

— Что вы дѣлали?

— Всю ночь звонилъ въ колоколъ, стрѣлялъ, жгли костеръ, пока были дрова, потомъ на шестъ поставилъ фонарь, такъ какъ глухой онъ,—одна только свѣтлая сторона,—ну и вертѣли его, какъ маякъ... Я только и попалъ на фонарь... Буря,—выстрѣловъ въ нѣсколькихъ шагахъ не слышно... Корейцы разбѣжались... Корму лошадямъ нѣтъ, воды нѣтъ, дровъ нѣтъ.

— Здѣсь и вода, и дрова и кормъ,—показалъ я на свою ночевку, которая теперь была уже далеко подъ нашими ногами,—надо сейчасъ же перевести лагерь сюда, потому что не уйдемъ же, пока людей не разыщемъ.

— Я думаю они уже погибли.

Н. Е. оборвался и замолчалъ.

Только теперь я замѣтилъ, какъ измѣнился онъ за ночь. Осунулся, складки на лицѣ, напряженный взглядъ и вся фигура и лицо отжившаго высохшаго старика.

— Полно вамъ. Три солдата, чтобъ погибли...

— Замерзнутъ...

— Да вѣдь морозъ всего градусъ, два.

— Ну и обледенитъ—все вѣдь мокрое, спички размокли, выбьются изъ силъ...

— Ну, выбьются, остановятся, начнутъ драться, наконецъ, чтобы согрѣться... Я, вѣдь, мокрый, и П. Н., и проводникъ: сѣли, просохли, силы появятся, опять за дровами...

— Да вѣдь у васъ они есть...

— Да не такой же холодъ... Ну, они вмѣсто дровъ пойдутъ... Не безпокойтесь, человѣкъ такое живучее животное... Какъ же вы попали въ лагерь?

— Я и не знаю. Слѣзъ я въ оврагъ, осмотрѣлъ, крикнулъ имъ: обходите вправо. Отвѣтили: «идемъ» и все смолкло. Я легъ и думаю, ну хоть не задержу ихъ. Спать хочется, знаю, что засну—пропалъ, а самъ уже засыпаю... Слышу, что-то камни около меня шевелятся: упало на меня... «Кто?» Сапаги. «Ты какъ попалъ?» «Моя капитанъ пошла? Айда, ходи». «Не могу». «Надо ходи, лежать нѣтъ надо». Пошли мы... Идемъ, идемъ и ляжемъ. «Надо ходи». Вдругъ свѣтъ фо-

наря... Оказывается, я лежалъ въ послѣдній разъ въ десяти саженяхъ отъ лагеря... Прихожу, спрашиваю: «Солдаты пришли?»—Нѣтъ, говорятъ. Повернулся къ палаткѣ, кричу: Н. Г. солдатъ нѣтъ!

— Да и Н. Г. нѣтъ,—говоритъ И. А.

— Ну, тутъ я совсѣмъ... Я вѣдь думалъ, что и вы задрогли...

— Всѣ трое?

— Да, вѣдь, ночь же какая... Чѣмъ еще кончится? Не можемъ мы не простудиться.

— Ну, у меня вчера, когда выступали, горло такъ болѣло, что глотнуть не могъ, теперь все прошло... Ну, ѣдемъ скорѣй.

Вотъ и лагерь. Полное разрушеніе, кромѣ В. В. всѣ разбѣжались, палатки сломаны, вещи разбросаны.

Ив. Аф. уже пріѣзжалъ съ Буртопоя,— солдаты тамъ! Ура! послалъ имъ спирту и пищу И. А., а самъ уѣхалъ въ горы разыскивать лошадей, которыхъ солдаты упустили.

— Какъ упустили?

В. В. не могъ объяснить.

— Ну, въ такомъ случаѣ сниматься и отступать на Буртопой... Папиросъ дайте.

— Моя чай варила...—говоритъ В. В.

В. В. въ маленькой китайской шапочкѣ съ красной шишкой и обмотанной вкругъ головы косой.

— Ну, давайте вашъ чай...

— Моя щи варила...

— Давайте щи.

— Я вчера,—говоритъ Н. Е.,—три раза пробовалъ ѣсть, три раза вырвало.

Совсѣмъ другой человѣкъ опять сталъ Н. Е.: повеселѣлъ.

— Вѣрно, значитъ, я разсудилъ, что на Буртопой послалъ, — говоритъ онъ.

Н. Е. говоритъ и уплетаетъ щи.

Я съѣлъ три ложки,—тошнитъ.

— Давайте чаю.

Чай съ какимъ-то саломъ. Заставилъ себя выпить и сейчасъ же все назадъ.

Китаецъ, Сапаги и маленькій уродъ Танъ укладываютъ тюки.

— Лошадей поили?

— Воды нѣтъ.

— Снѣгъ кипятите, Сапаги, бросьте укладку, берите снѣгъ и варите...

Напоили кое-какъ лошадей. И. А. подъѣхалъ:

— Нѣтъ... Главное съ тюками вѣдь. Такъ все-таки имъ легко бы было, а съ тюками пропадутъ... Главное, Сѣрый слѣпой вѣдь.

— Другая какая лошадь?

— Маленькая бѣлая, самая умная, положимъ и колокольчикъ на шеѣ, слѣпому-то и слышно...

— Ну, укладывайтесь, ѣдемъ.

Все тотъ же вѣтеръ и холодъ и во всей своей неприступности передъ нами великолѣпный Пектусанъ, сегодня весь покрытый снѣгомъ.

— Скажите старику,—говорю я,—драконъ молодецъ, задалъ намъ трепку.

— Онъ говоритъ, что это за то, что лодку спустили.

— Ну, разсказывайте Н. Е.: что же вы дѣлали вчера?

И Н. Е. разсказываетъ, пока мы укладываемся.

— Разсказывайте все съ самаго начала.

— Ну вотъ, пришли мы...

— Хорошій спускъ?

— По камнямъ. На глазъ—почти отвѣсно, а дальше розсыпь... Вѣдь мы потеряли лотъ... Ну, ищу я глазами камень... Смотрю внизу на берегу озера лежитъ камень, ну такъ съ три кулака... Ну, думаю, камень, значитъ, есть и полѣзъ внизъ. За мной остальные, лодку разобрали, я надѣлъ на плечи пробки...

— Голова не кружилась?..

— У меня не кружится...

— У людей?

— Ни у кого... И. А., какъ кошка лазитъ... У Хапова камень оборвался, слышу: «берегись, берегись». Смотрю, прямо на меня летитъ. Я стою одна нога на одномъ камнѣ, другая на другомъ: куда беречься? Только вправо или влѣво туловище наклонить. Ну, я, положимъ, такъ и приготовился... все равно, какъ изъ ружья, цѣлитъ: нацѣлился прямо на меня, я влѣво, да спину повернулъ и схватился за камень... Какъ хватитъ по пробкамъ на спинѣ... Ну и цѣлъ и удержался... Такъ и спустились. Стали лодку собирать. Камень мой въ три кулака оказался скалой саженей въ пять. Снизу вверхъ смотрѣть, такъ просто не вѣришь себѣ, какъ спуститься тутъ можно. Когда мы спустились, озеро слегка волновалось, вода прозрачная, такая, что не видишь ее. Ключъ падаетъ съ горы. Пока падаетъ, едва замѣтно, а гдѣ-нибудь въ ложбинкѣ, воды не видно... Пока собирали лодку, приготовляли лотъ, поднялась такая буря, что стоять нельзя. Снизу рветъ, камни поднимаетъ вверхъ... Спустили лодку, поѣхалъ сперва И. А. — не можетъ выгрести... прибило назадъ. Потомъ И. А. полѣзъ вверхъ назадъ въ лагерь, а я съ Бесѣдинымъ сѣли въ лодку, гребемъ, на шагъ не подвигаемся... Тутъ какъ-то стихло было, мы двинулись саженей на двадцать и сразу такой порывъ, что полную лодку налило: маленькое озеро, а волны полтора аршина. Положимъ, лодка—хоть и полная воды, но держится...

— Сколько градусовъ?

— Семь.

— А въ воздухѣ?

— Три... Промокли... ноги не терпятъ и грести нельзя: тутъ и пароходомъ не выгребешь, прямо, такъ и выбросило на берегъ... Бились, бились, всѣ по очереди пробовали, тоже самое... Зальетъ лодку и выброситъ... Глубина страшная, это прямо видно: отъ берега мелко, а тамъ сразу обрывается и уходитъ въ глубину обратнымъ откосомъ, почти вездѣ такъ... Контуръ снялъ.

— Инструменты благополучно спустили?

— Благополучно... Ну, пока работали, смотримъ солнца ужъ мало видно. Промокли, продрогли, да и дѣлать больше нечего... Вытащили лодку, опрокинули ее, веревки для лота положили подъ нее весла и полѣзли назади.

— Лодку не унесетъ въ озеро? Вода въ озерѣ не замѣтили, опускается, поднимается?

— На полсажени высоты замѣтно, какъ будто пониженіе. Можетъ быть, это волны, можетъ быть, усыхаетъ. Ключи есть, — бьютъ изъ скалъ.

— Трещина есть въ озерѣ?

— Когда я выѣхалъ на лодкѣ, видно было, что на сѣверо-востокѣ нѣтъ, а на западѣ какая-то бухта. Я не разсмотрѣлъ...

— Я стоялъ передъ этой бухтой на восточной сторонѣ, какъ разъ напротивъ, такія же стѣны отвѣсныя, какъ и вездѣ.

— Ну, значитъ, нѣтъ выхода. Впечатлѣніе собственно отъ озера-игрушка... И опасная игрушка... Въ смыслѣ же питанія рѣкъ...

— Объ этомъ и говорить нечего,—горсть воды.

Все уложено и мы покидаемъ негостепріимную гору. Отъ нея вѣетъ холодомъ и неуживчивостью. Какой-то взбалмошный, больной драконъ. Дуритъ, какъ только можетъ. Вотъ уже опять летятъ облака изъ него и даже здѣсь качаетъ вѣтромъ насъ.

— Нѣтъ, подыматься было трудно,—говоритъ тихо весь поглощенный разсказомъ Н. Е. и по обыкновенію улыбается,—назначили скалу, половину дороги, а доползли—оказывается и пятой части не прошли еще. Вдругъ туча подошла къ краю и вдругъ всю ее втянуло въ озеро и сразу темнота. Какъ только закрыло тучей озеро, буквально, черное стало, а потомъ все исчезло. Я ужъ думалъ ночевать гдѣ-нибудь на полдорогѣ, да негдѣ было. Ужъ и незнаю, какъ долѣзли, черезъ каждыя три-четыре сажени—отдыхъ... Я послѣднимъ ползъ...

Камни летятъ изъ подъ ногъ тѣхъ верхнихъ: одинъ по колѣну такъ хватилъ, что, думалъ, свалюсь... Вышли на верхъ, просто, какъ выкачали все изъ меня: ноги дрожатъ, дышешь ужъ не легкими, легкіе, какъ будто лопнули, а такъ какъ то, всѣмъ тѣломъ... Тошнитъ, голова кружится, упалъ-бы, кажется, и заснулъ, умереть согласенъ, что хотите, только дальше не итти. А тутъ дождь, какъ изъ ведра, сразу намочилъ, промокли и, хоть, что хочешь.. Сто лѣтъ проживешь, а не

забудешь этой ночи... Тьма, дождь, ревъ такой, что голосовъ не слышно: Господи, что ужъ это такое. Я ужъ такъ и думалъ: ну, конецъ. Между тѣмъ пока мы ѣхали и Н. Е. разсказывалъ свои впечатлѣнія, наступилъ вечеръ и опять сразу тьма, мы сбиваемся съ дороги, благодаря проводнику, который хотѣлъ пройдти покороче, попадаемъ въ оврагъ истоковъ Тумангана, валимся, падаемъ, теряемъ вьюки, разыскиваемъ ихъ и уже собираемся съ лошадьми, въ конецъ изморенными вторично ночевать въ какой-то трущобѣ, когда на два сигнальныхъ выстрѣла, услышали наконецъ гдѣ-то далеко, далеко отвѣтные выстрѣлы. Замѣтили звѣзды и пошли напрямикъ. Выстрѣлы ближе, ближе, затѣмъ свистки, огонь костра и мы надъ оврагомъ Буртопоя. Гдѣ-то онъ тамъ въ безконечной глубинѣ.

Спустились. Тепло у костра,—солдаты, корейцы, разсказы и судъ надъ всѣми.

Корейцы на какомъ основаніи бросили лагерь?—Не было дровъ, не было корму и воды.

Виноватъ проводникъ. Но проводникъ самъ не зналъ, что есть вода на Пектусанѣ. Никто невиноватъ.

Очередь за солдатами.

— Вы поступили правильно, что бросили лошадей, но зачѣмъ вы во-первыхъ не развьючили ихъ: жаль несчастныхъ животныхъ, а во-вторыхъ, почему вы не привязали лошадей?

Выступаетъ Бесѣдинъ.

— Позвольте объяснить... Когда Н. Е. крикнулъ намъ: направо—мы такъ и пошли. Шли, шли,—приходимъ такой же оврагъ. Что дѣлать? Назадъ пошли, поднялись на самый верхъ, опять на то мѣсто, откуда начали спускаться, опять запутались, опять назадъ... Стали выбиваться на вашу дорогу,—Павелъ днемъ ходилъ за вами,—ну, такъ и пошли, дошли до того мѣста, гдѣ проводникъ васъ черезъ оврагъ проводилъ,—стали дѣлать ступеньки, сошли сами и лошадей, Господь помогъ, спустили. Тутъ обезсилили, попали въ какой-то оврагъ—трава. Надо покормить лошадей, а самимъ отдохнуть. Пустили лошадей, сами сидимъ. Мокрые, давай грѣться: стали бороть другъ друга, возиться, въ родѣ, какъ будто танцимъ въ плѣнъ другъ дружку. Сколько времени прошло, такъ и незнаемъ. Спохватились—и нѣтъ лошадей. Туда, сюда—нѣтъ лошадей. А темно, реветъ, какъ въ трубѣ и не видно и не слышно. И вещи, которыя сняли съ себя, не найдемъ. Ну чтожъ?—поискали, поискали, а уже всѣ мокрые, коченѣемъ, сами пошли... Куда идти? Огонь въ лѣсу горитъ: знаемъ, что это Буртопой, наше же пожарище. Компасъ у меня. Я хоть и не умѣю читать, а стрѣлку, какъ стоитъ, замѣтилъ и звѣзды замѣтилъ. Спустились въ оврагъ и пошли по стрѣлкѣ. Шли, шли, тутъ свѣтать стало, видимъ и Буртопой подъ нами. Спустились, отъ горящаго пня огонь достали, наломали сучьевъ, огонь развели. Отогрѣлись, тутъ корейцы пріѣхали, погодя и И. А.

— Ну, молодцы, значитъ. Не простудились никто?

— Господь миловалъ...

— Ну, спать.

— Ужинать будете?—спрашиваетъ И. А.

— Мнѣ только чаю и спать.

Хорошо въ балаганѣ. Горѣлъ и онъ, но не сгорѣлъ весь, — одна стѣна прогорѣла. Да, вотъ разслѣдовать, кто не залилъ огонь...

Разслѣдованіе ни къ чему не приводитъ,—послѣдніе ушли, оказывается, корейцы. Всѣ собрались въ балаганѣ и сидятъ вокругъ костра. Разсказы о проведенныхъ двухъ дняхъ.

Корейцы все время дрожали отъ страха и холода. Они очень извиняются, что, убѣдившись, что здѣсь на Буртопоѣ нѣтъ хунгузовъ, ушли сюда. Я говорю имъ, что я не въ претензіи,—другое дѣло, еслибы мы остановились тамъ, гдѣ есть вода, кормъ лошадямъ, дрова.

— Конечно, конечно,—соглашаются корейцы.

Старикъ кореецъ нашъ проводникъ съ дѣтскимъ добрымъ лицомъ, незлобивый и кроткій, мужественный охотникъ на тигровъ, первый стрѣлецъ и лука, за что въ свое время и получилъ отъ императора похвальный отзывъ и на его могилѣ поставятъ, когда онъ умретъ, высокую палку, а на ней райскую птицу или дракона, а при жизни его всѣ называютъ его полнымъ именемъ Дишандари (стрѣлокъ, получившій похвальный листъ).

Я спѣшу оправдать выносливаго старика и говорю:

— Я сказалъ Дишандари, что мы въ тотъ же день снимемся съ лагеря--онъ поэтому и заботился выбрать стоянку наиболѣе попутную для нашихъ будущихъ цѣлей. А, еслибъ онъ зналъ, что будетъ, то и выбралъ-бы ту, гдѣ мы ночевали.

Дишандари очень смущенъ, тронутъ моими словами, а корейцы радостно кричатъ со всѣхъ сторонъ:

— Такъ, такъ...

Я смотрю въ его прекрасное лицо, ласковые, неувѣренные въ себѣ глаза и говорю П. Н.:

— Скажите ему, что у него ноги заячьи, глаза волчьи, сердце тигра, а душа женщины. И онъ не даромъ Дишандари.

П. Н. передаетъ,—среди корейцевъ восторгъ. Дишандари на мгновеніе становится героемъ, на пьедесталѣ своихъ подвиговъ. О нихъ теперь энергично говорятъ. П. Н. слушаетъ ихъ говоръ и весело смѣется.

— Они говорятъ, что каждое ваше слово, какъ золото падаетъ, что вы все понимаете, каждаго человѣка знаете, что онъ думаетъ. Что, еслибъ ихъ начальники такъ все понимали, то Корея не хуже бы другихъ была, а ихъ начальники такіе же глупые, какъ и они, и только бьютъ и грабятъ ихъ не хуже хунгузовъ.

Разговоръ переходитъ къ результатамъ нашихъ изслѣдованій.

Они очень разочарованы въ томъ, что изъ озера нѣтъ выхода. Никто изъ нихъ этого выхода не видалъ и тамъ не былъ, но такъ ужъ говорятъ у нихъ изъ рода въ родъ.

Относительно Ялу (Амноки) откуда она вытекаетъ, покажетъ завтрашній и послѣзавтрашній день, которые мы посвятимъ изслѣдованію южной и западной стороны Пектусана.

Я говорю имъ, что Пектусанъ былъ прежде кратеръ, показываю лаву, объясняю всѣ лежащіе передъ нами инструменты. Несмотря на поздній часъ, интересъ и корейцевъ и нашихъ не ослабѣваетъ.

Рѣчь опять заходитъ о таинственномъ озерѣ, — есть-ли тамъ жизнь?

Н. Е. и его спутники говорятъ, что голубицы тамъ множество, видѣли одну птичку.

Я спрашиваю Дишандари, что это, точно, за тропки внутри вулкана, по отсыпямъ,—вѣроятно потоки воды?

— Нѣтъ, это изюбры ходятъ туда въ шестую и седьмую луну, когда много оводовъ, а въ озерѣ нѣтъ ихъ. Онъ и другіе охотники тогда стерегутъ ихъ у выхода, и онъ, Дишандари, такимъ образомъ убилъ на своемъ вѣку пять пантовъ, продалъ рога каждаго отъ 200—300 рублей, по оцѣнкѣ начальства, которое другую половину, такимъ образомъ украло у него.

— А, еслибъ внизъ озера спуститься и тамъ ихъ подстеречь?

Тамъ, конечно, совсѣмъ другое-бы дѣло. Пока они лѣзутъ на откосъ, ихъ всѣхъ перестрѣляешь, а они ходятъ табуномъ, головъ въ 30—50.

— Охъ ты Боже мой, — говоритъ Бесѣдинъ,—насъ бы вотъ такъ русскихъ, которые не боятся въ озеро лазить — въ разъ это сколько-же денегъ? По 500 рублей—полторы, нѣтъ, пятнадцать тысячъ.

— А теперь тамъ и лодка есть,—говорю я.—Вотъ дѣйствительно, вамъ, русскимъ людямъ, составить артель, человѣкъ въ десять и въ маѣ приходитъ сюда: жень-шень, изюбры, тигры, барсы, — богатыми людьми всѣ сдѣлаетесь. Человѣка три спустились-бы въ озеро, а семь проходы стерегли-бы. А то если всѣ спуститесь, васъ будутъ стеречь, какъ изюбровъ.

И Бесѣдинъ, и Бибикъ, и молчаливый Хаповъ оживленно начинаютъ обсуждать возможность такой артельной организаціи.

Я съ своей стороны увлекаюсь и назначаю, если такая экспедиція составится, дать имъ 200 р. на обзаведеніе. Съ тѣмъ, чтобъ они сдѣлали промѣръ озера.

Вотъ компасъ, вотъ его употребленіе, — всѣ новыя дорожки, всѣ входы и выходы въ этой трущобѣ, всѣ поселенія, — кто ихъ знаетъ? А, узнавъ, они могутъ сообщить о нихъ и получить хорошія деньги. Быть въ случаѣ надобности проводниками. Вотъ образецъ простѣйшаго журнала, простѣйшей съемки,—они люди грамотные.

Но, конечно, прежде всего надо научиться уважать хозяевъ здѣшнихъ мѣстъ. У каждаго своя религія и нельзя смѣяться надъ ней. О женщинахъ тоже надо забыть. Надо умѣть и съ хунгузами дружить, — они научатъ и корень искать, и звѣриныя мѣста покажутъ, и золото.

Два часа ночи однако. Вотъ что я предлагаю корейцамъ: не хотятъ ли они поискать нашихъ лошадей,—за каждую лошадь я заплачу по 15 рублей.

Корейцы согласны и сейчасъ же идутъ. Солдаты тоже рѣшили идти искать растерянныя вещи: предложили сами,—вчера они выспались и тоже сейчасъ идутъ.

3 октября.

Семь часовъ, яркое солнце, тепло, вѣтру нѣтъ.

Сегодня я умываюсь. Всѣ руки исцарапаны, въ нѣсколькихъ мѣстахъ содрана кожа,—это все результаты прошлой ночи, когда ломалъ вѣтви для костра.

И. А. возится съ перекладкой вещей,—отсюда мы идемъ уже на легкѣ: лодку оставили на озерѣ, палатки отправляются съ корейцами обратно,—изломало ихъ, да и громоздки и мало пригодны.

По лѣсу несутся радостно-отчаянные вопли возвращающихся корейцевъ:

— Гей! Ги! Ги, ги!

Гонятъ нашихъ двухъ лошадей: слѣпую и бѣлую. Вотъ они ужъ на опушкѣ, а за ними радостные бѣлые корейцы. Впереди съ колокольчикомъ на шеѣ умненькая бѣлая лошадка, сзади нее, какъ слѣпой кобзарь за своимъ повадыремъ, плетется сѣрая слѣпая лошадь.

Трогательная картинка.

На ихъ спинахъ вьюки, ихъ нашли въ укрытой долинкѣ, гдѣ была трава и снѣгъ.

Бѣлая, вѣроятно, водила своего слѣпого товарища на водопой къ снѣгу, а затѣмъ они возвращались опять въ долинку.

Когда подошли къ нимъ корейцы, бѣлый тихо, привѣтливо храпнулъ, а сѣрый остался такимъ же равнодушнымъ, поникшимъ, какимъ былъ всегда.

Чтобъ выбраться въ эту долинку, имъ пришлось спускаться съ очень большихъ кручъ и какъ слѣпого училъ бѣлый ставить куда надо ногу—осталось ихъ тайной. Но результатъ этой тайны—трогательная дружба между ними: они не разстаются. Бѣлый пошелъ пить и сѣрый за нимъ, — пили, пили. Затѣмъ бѣлый смѣло подошелъ къ мѣшку съ овсомъ и рванулъ его зубами, сѣрый подошелъ и то же самое продѣлалъ. Насыпали имъ овса, стали ѣсть они, и всѣ корейскія лошади стараются присосѣдиться къ нимъ. Сѣрый съ покорностью слѣпого равнодушенъ, но бѣлый прижимаетъ уши и ляскаетъ зубами на всѣ стороны, какъ только приближаются чужія лошади.

Моей лошади не нашли, а можетъ быть, и не искали.

— Драконъ себѣ взялъ одну, а этихъ самъ снесъ въ долину,—лошади не сошли бы своей силой. Этихъ лошадей посылаетъ драконъ, посылаетъ съ нимъ и счастье начальнику экспедиціи, ждетъ его большое счастье.

Съ какой глубокой вѣрой и даже завистью говорится это.

Мы поѣли съ Н. Е. и отправляемся на изслѣдованія истоковъ р. Амноки.

Возвращаемся мы въ Буртопай засвѣтло, выяснивъ, что всѣ овраги по направленію къ Амнокѣ сухіе.

— Амнока вонъ гдѣ беретъ начало,—показываетъ проводникъ на Малый Пектусанъ.

Это верстъ пять къ югу отъ Большого.

Остатокъ дня мы проводимъ въ пріятномъ ничего недѣланіи.

Возвратились солдаты, принесли кой-какіе потерянныя вещи, видѣли медвѣдя,—чернаго, небольшого,—стрѣляли, но не попали.

Корейцы собираются въ дорогу, мы тоже завтра на разсвѣтѣ выступаемъ: поѣсть и спать по раньше.

Сапаги предлагаетъ разсказать сказку, имѣющую отношеніе къ здѣшнему мѣсту. И пока пища варится въ котлахъ, мы всѣ усаживаемся и, послѣ пережитыхъ треволненій, благодушно слушаемъ высокаго длинноногаго Сапаги въ его полуевропейскомъ костюмѣ, съ дамской прической на головѣ.

Пакъ. Корейская сказка-мифъ.

«Жилъ былъ на свѣтѣ бѣдный юноша, по имени Пакъ. У него не было ни отца, ни матери, ни родныхъ. Жилъ онъ тѣмъ, что срѣзалъ серпомъ высокую, болотную траву, растущую у озера, и продавалъ ее на топливо. Онъ давалъ траву, а ему давали немного чумизы. Однажды, когда Пакъ срѣзалъ траву, выбѣжалъ къ нему изъ чащи олень и сказалъ человѣческимъ голосомъ:

— Спрячь меня, Пакъ,—за мной гонится охотникъ!

— Куда я тебя спрячу?—сказалъ Пакъ.

— Спрячь меня въ этомъ стогѣ травы, который ты накосилъ.

Пакъ спряталъ оленя, прикрывъ его и его рога травою. Скоро сюда прибѣжалъ и охотникъ и грозно спросилъ у Пака:

— Гдѣ олень?

Пакъ его нисколько не испугался и, въ свою очередь, спросилъ охотника:

— Олень, что такое олень?

Охотникъ не сталъ больше и разговаривать съ человѣкомъ, который никогда не видалъ и не знаетъ, что такое олень, а побѣжалъ дальше.

— Ну спасибо тебѣ,—сказалъ олень,—постараюсь и я тебѣ услу-

жить! Тебѣ минуло сегодня какъ разъ шестнадцать лѣтъ, ты совершеннолѣтній, а потому пора подумать и о женитьбѣ. Кстати, сегодня же въ это озеро, всегда разъ въ годъ, спускаются восемь небожительницъ, чтобы купаться въ немъ. Укройся въ кусты и смотри, какая тебѣ больше всѣхъ понравится,—той юбку возьми и спрячь и, помни, не отдавай ей юбку назадъ, несмотря на всѣ ея просьбы, раньше того, какъ у васъ будутъ трое дѣтей! Помни еще одно: если я тебѣ зачѣмъ-нибудь понадоблюсь, только крикни меня до трехъ разъ: «олень, зову тебя!»

Сказавъ это, олень скрылся въ лѣсу, а обрадованный Пакъ спрятался въ кусты. И было пора, потому что, только успѣлъ онъ укрыться, какъ восемь прекрасныхъ дѣвушекъ, въ бѣлыхъ одеждахъ, спускалися къ озеру. Спустившись, онѣ раздѣлись и стали купаться, играя между собой въ прозрачныхъ водахъ озера.

Пакъ выбралъ себѣ самую младшую и осторожно спряталъ ея юбку. Сейчасъ же послѣ этого одна изъ дѣвушекъ тревожно сказала:

— Какъ будто человѣкъ тутъ близко—лучше улетимъ отсюда!

И всѣ дѣвушки сейчасъ же бросились къ берегу, одѣлись и исчезли въ облакахъ. Только восьмая осталась, нигдѣ не находя свою юбку. Тогда показался изъ-за кустовъ Пакъ и сказалъ ей:

— Юбку твою я взялъ, потому что я полюбилъ тебя и хочу, чтобы ты была моей женою, если ты согласна?

Она была согласна,—потому что Пакъ былъ тоже красивъ и нравился ей, но она просила назадъ свою юбку. Пакъ не далъ и они стали мужемъ и женой.

Когда пришла ночь, жена спросила у мужа:

— А гдѣ же твой домъ?

— Мой домъ? Вотъ мой домъ,—и онъ показалъ на камыши, озеро. Крыша моя—голубое небо. Стѣны—эти горы, а ущелье это—мое окно.

И Пакъ подвелъ ее къ ущелью, въ которомъ, какъ въ панорамѣ, всѣ въ ковровыхъ уборахъ, уходили вдаль всѣ горы Кореи.

— Домъ хорошъ,—сказала жена,—но когда идетъ дождь, твоя крыша протекаетъ?

— Такъ,—отвѣтилъ Пакъ,—но когда онъ проходитъ, платье мое просыхаетъ и я грѣюсь у огня великаго солнца!

— Домъ хорошъ,—повторила молодая жена,—но не совсѣмъ.

Разговаривая такимъ образомъ, они заснули прямо на полянѣ, а на другой день, Пакъ, счастливый, проснулся въ большой, богатой фанзѣ. Онъ всталъ и вышелъ на дворъ и здѣсь увидѣлъ, что фанза его покрыта черепицею; большой дворъ съ постройками; амбаръ, полный чумизой и рисомъ, а подъ навѣсомъ стоялъ огромный корейскій быкъ и лѣниво жевалъ кукурузныя зерна.

— Это тебѣ мой свадебный подарокъ!—сказала жена и на всякій случай спросила:—не отдашь ли мнѣ теперь мою бѣлую юбку?

— Нѣтъ, нѣтъ, моя милая жена,—отвѣтилъ онъ,—не отдамъ.

И стали они жить весело и счастливо.

Прошло нѣсколько лѣтъ. У нихъ уже было двое сыновей, когда однажды жена Пака опять попросила мужа возвратить ей ея юбку. И Пакъ согласился, разсуждая, что жена его любитъ и наконецъ, куда же она уйдетъ теперь отъ своихъ дѣтей? И онъ отдалъ ей ея юбку. Но, проснувшись, на другой день, онъ увидалъ только свое озеро! жена, дѣти, домъ съ постройками, всегда полный амбаръ съ хлѣбомъ-- все это исчезло, какъ сонъ. Огорченный Пакъ вскричалъ тогда:

— Буду я послѣ этого вѣрить женщинамъ!

Но это было конечно слабое утѣшеніе. Къ его счастью онъ тутъ же вспомнилъ объ оленѣ громко позвалъ его, три раза крикнувъ:

— Олень, зову тебя!

Олень, не медля явился передъ нимъ и сказалъ:

— Лучше было бы для тебя. Пакъ, если бы ты хорошенько помнилъ слова мои. Но такъ и быть я помогу тебѣ. Вотъ, возьми эти три тыквенныхъ зерна, посади ихъ сейчасъ же и завтра они выростутъ до неба. По нимъ ты взберешься на небо, при условіи, если не будешь оглядываться внизъ!

Олень исчезъ, а три зерна на другой день, дѣйствительно выросли до неба. И Пакъ полѣзъ на небо, но позабывъ опять приказанія оленя, посмотрѣлъ внизъ и тыквы сразу исчезли, а Пакъ полетѣлъ на землю. Хорошо, что было еще не высоко и онъ не поломалъ себѣ рукъ и ногъ. Оставалось одно: опять звать оленя. Олень явился и на этотъ разъ сердито сказалъ:

— Однако же ты, Пакъ, плохо слушаешь приказанія! Даю тебѣ еще три такихъ же зерна, но помни это послѣднія и больше ты меня не увидишь!

Пакъ посадилъ опять три тыквенныя зерна въ землю, а на утро, когда тыквы—деревья опять выросли до неба, Пакъ полѣзъ и внизъ больше не оглядывался, пока не добрался до неба.

Взобравшись туда, Пакъ присѣлъ отдохнуть на голубую землю Невдалекѣ онъ увидалъ прекрасную фанзу, съ обширными пристройками, амбарами, съ громадными садами, обнесенными заборомъ. Отдохнувъ, Пакъ полѣзъ черезъ заборъ въ садъ и къ великой радости увидалъ тамъ своихъ двухъ любимыхъ сыновей. Дѣти, подбѣжавъ къ нему, обрадовались, поздоровались и побѣжали къ матери, весело крича ей:

— Отецъ пришелъ, отецъ нашъ пришелъ!

Мать не повѣрила и печально отвѣтила имъ:

— Какъ можетъ вашъ отецъ придти съ земли на небо?

Но увидавъ мужа, она обрадовалась и сказала:

— Не сердись на меня, ты самъ виноватъ, я любила и люблю тебя по прежнему, но это была воля отца моего, чтобы я требовала свою юбку, но ты не долженъ былъ давать ее.

Въ это время вышелъ изъ фанзы старикъ; это и былъ отецъ жены Пака.

— Вотъ мой мужъ,—сказала дочь отцу, и подвела мужа къ своему отцу.

Старикъ не очень обрадовался новому зятю.

— Мужъ-то мужъ!—ворчалъ онъ,—вотъ онъ умудрился взобраться на небо; пусть-ка умудрится на землю слѣзть! Что говорить, ловкій парень! А все-таки дочь мою тебѣ не увести такъ просто отсюда назадъ на землю. Долженъ ты будешь сперва угадать мои двѣ, да одну загадку старшаго моего зятя, вотъ когда всѣ мои молодцы вернутся съ работы у Оконшанте *). А чтобы не терять время, я начну тебя испытывать; вотъ я спрячусь, а ты отыщи меня.

— Когда выйдешь во дворъ,—шепнула жена Паку,—увидишь пѣтуха, который роется въ навозной кучѣ—это и будетъ отецъ.

Пакъ вышелъ на дворъ, увидѣлъ пѣтуха и говоритъ ему:

— Что вамъ за охота тестюшка рыться въ навозѣ?

Пѣтухъ преобразился въ отца жены и сказалъ:

— Ну что-жъ, на этотъ разъ угадалъ, какъ-то въ другой разъ угадаешь?

— Теперь онъ будетъ чернымъ, жирнымъ боровомъ, вотъ тамъ, за тѣмъ амбаромъ, прошептала жена Паку.

Пакъ зашелъ за амбаръ и говоритъ черному борову:

— Что вамъ за охота, тестюшка, свой собственный амбаръ подрывать?

Въ то же мгновеніе боровъ превратился опять въ тестя.

— Хорошо, и на этотъ разъ угадалъ ты. Какъ-то справишь съ старшимъ моимъ зятемъ!

Скоро пришли мужья и всѣхъ остальныхъ семи дочерей старика, который и предложилъ старшему задать какую-нибудь загадку Паку

— А вотъ я пущу стрѣлу изъ лука,—сказалъ старшій зять,—а онъ, Пакъ, пусть не дозволитъ упасть ей ни на небо, ни на землю..

— Ничего справимся,—шепнула жена мужу!

И какъ только старшій зять выпустилъ стрѣлу, жена Пака въ то же мгновеніе обратилась въ кречета и подхватила стрѣлу. Старшій зять, видя это, въ свою очередь, превратился въ орла и пустился за кречетомъ. Видитъ кречетъ, что не спастись ему отъ орла, выпустилъ стрѣлу на землю какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ это время проходилъ сынъ одного предводителя дворянства.

— Ну все равно,—сказалъ старшій зять, превратившійся опять въ человѣка,—стрѣла моя упала на землю и жены мы тебѣ не отдадимъ!

— Скажи, что не на землю упала стрѣла, а попала въ затылокъ сына предводителя дворянства,—шепнула жена Паку.

— Ну, въ такомъ случаѣ,—сказалъ опять старшій зять,—по уговору

*) Начальникъ небеснаго сада.

ты долженъ стрѣлу передать мнѣ въ руки, а потому иди на землю и принеси ее мнѣ.

— Проси у нихъ лошадь,—шепнула жена.—Когда тебѣ будутъ давать красивыхъ лошадей, ты проси маленькую, мохнатую, горбатую—уродца-лошадь; она стоитъ въ заднемъ стойлѣ.

Такъ Пакъ и сдѣлалъ, несмотря на всѣ насмѣшки и остроты старика и зятьевъ, что его выборъ палъ на такого урода-коня, никому ненужнаго. А конь-то этотъ и былъ конь удивительный; какъ только Пакъ сѣлъ на него, сейчасъ же конь спустился легко и покойно съ неба прямо къ дому предводителя дворянства. Тамъ по случаю смерти сына, всѣ были въ глубокомъ траурѣ и громко плакали.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ плачущихъ Пакъ.

— Да вотъ былъ у насъ сынокъ живой, веселый и здоровый, а вотъ только что передъ тобой упалъ и лежитъ мертвый!

Ни кто изъ родныхъ не замѣтилъ стрѣлы, потому она была очень тонка и вся ушла въ тѣло молодаго дворянина.

Ну хорошо,—сказалъ Пакъ,—вашъ сынъ не умеръ, я оживлю его, но для этого уйдите всѣ и оставьте меня одного съ нимъ.

Оставшись, онъ осторожно вытащилъ тонкую стрѣлу и покойникъ тотчасъ же ожилъ. Поднялась въ домѣ радость и веселье. Пакъ хотѣлъ въ тотъ же день уѣхать назадъ на небо, но обрадованные родители не отпускали такого дорогого гостя и три дня пировали съ нимъ. На четвертый день Пакъ сказалъ, что ему необходимо ѣхать; распрощавшись съ гостепріимными хозяевами, сѣлъ на своего мохнатаго коня-уродца и скрылся въ облакахъ.

— Ну, вотъ твоя стрѣла—сказалъ онъ старшему зятю.

Дѣлать было нечего, надо было покориться уговору и отпустить Пака съ женою на землю. Но всѣ родные стали уговарить Пака остаться здѣсь жить на небѣ.

— Что тебѣ дѣлать на землѣ?—говорили они. Ни родныхъ, ни друзей у тебя нѣтъ тамъ. А здѣсь, коли останешься съ нами, мы пристроимъ тебя на службу къ Окощанте и будешь доволенъ.

Подумалъ Пакъ, посовѣтовался съ женою и порѣшили они остаться навсегда жить на небѣ.

Въ ожиданіи мѣста Пакъ ѣздилъ пока съ женою, которая была на службѣ у Окошанте. Они ѣздили на драконѣ и жена его изъ мраморнаго флакончика выливала дождь, гдѣ онъ нуженъ былъ на землѣ. Когда они летѣли надъ Кореей Пакъ, показывая, говоритъ женѣ:—Вотъ Корея! Это Сеулъ, а это провинція Піандо, а вотъ смотри и наше милое озеро! Какъ оно высохло съ тѣхъ поръ: налей же побольше воды въ него изъ флакона!

Жена исполняла его просьбу, но онъ просилъ ее не скупиться. Она лила еще, но Паку все было мало; онъ отнималъ у нея флаконъ, пока, шутя и играя такъ, однажды они уронили флаконъ. Онъ упалъ въ

жерло вулкана, который и потухъ оттого, а въ его кратерѣ образовалось озеро Великаго Дракона, изъ котораго и потекли съ тѣхъ поръ три рѣки: Амнока, Тумангань и Сунгари. Великій Окошанте не прогнѣвался на свою любимицу—жену Пака, но онъ отстранилъ ее отъ дѣла и не далъ никакой службы ея мужу.

Онъ сказалъ:

— У нихъ довольно и безъ того дѣла.

А дѣло ихъ было—любить другъ друга!

Такъ и до сихъ поръ живутъ Пакъ и жена его на небѣ.

Кончилъ Сапаги свою сказку, я закрылъ глаза и опять въ фантастически иззубренныхъ почти отвѣсныхъ стѣнахъ кратера, тамъ, въ глубинѣ сверкаетъ предо мной озеро ярко-изумрудное, представляя изъ себя со всей окружающей на сотни верстъ мѣстностью и самимъ Пектусаномъ, что-то до того ошеломляющее, что не можешь забыть и, какъ очарованный, точно видишь это все опять наяву. Кажется, опять стоишь и смотришь на близкое, голубое небо—безпредѣльно нѣжно-желтую, какъ золото, даль лиственныхъ первобытныхъ лѣсовъ! Смотришь на эту бѣлую гору, на иззубренныя, какъ башни, какъ старинные замки, вершины кратера. Смотришь туда, въ глубь его, гдѣ этотъ безмятежный изумрудъ-озеро, гдѣ такъ тихо, такъ уютно, гдѣ всѣ эти повороты въ черныхъ стѣнахъ, точно улицы заколдованнаго города, съ его дворцами и башнями. Первыя впечатлѣнія смѣнятся другими, потрясутъ, можетъ быть, до основанія вашу душу, всѣ эти явленія, неуспокоившагося еще вулкана, этого, не вышедшаго еще изъ періода сотворенія міра клочка земли. А какая охота! Здѣсь изюбры; здѣсь тигръ, и болѣе кровожадный, чѣмъ онъ—барсъ; здѣсь не торопится бросать свое лакомство—голубицу, при видѣ человѣка, — черный медвѣдь; стада сернъ, антилопъ и горныхъ козловъ. Здѣсь первобытно все: трава въ ростъ всадника и первобытный лѣсъ. Здѣсь фазаны, лебеди, гуси, утки, рѣчная и болотная дичь. Здѣсь произрастаетъ лучшій и драгоцѣнный жень-шень, цѣлебный корень, продающійся на вѣсъ золота.

Эти дѣвственныя мѣста ждутъ еще своихъ охотниковъ, своихъ Эмаровъ и Куперовъ! Охотники, мы должны прибавить, забѣгая впередъ, должны быть въ обществѣ не меньшемъ, чѣмъ 20 человѣкъ, потому что разбойники, хунгузы, какъ оказалось,—такая же реальная величина здѣсь, какою нѣкогда были индѣйцы въ свое время въ Америкѣ. Ждутъ эти мѣста и художниковъ! Сколько найдутъ они своеобразнаго очарованія во всей этой дикой, чисто фантастической азіатской красотѣ! Одна Сунгари чего стоитъ! Сунгари со своими берегами, какими только можетъ представить фантазія,—блестящая, коварная, измѣнчивая, но всегда поразительно прекрасная. Это отсюда кристалло-прозрачнымъ каскадомъ падаетъ она туда внизъ, въ это безпредѣльное море желтаго золотого лѣса въ голубомъ небѣ.

Корейцы уложились и уѣзжаютъ.

Мы прощаемся.

Я даю имъ обѣщанную премію, плачу за простой и корейцы быстро собираются въ обратный путь.

— Итакъ,—говорю я на прощанье,—мы съ дракономъ теперь друзья?

— О, да, да,—радостно киваютъ головами корейцы,—вонъ какая погода.

Тихо, и въ безоблачной синевѣ угрюмо, неподвижно нахохлился спокойный теперь Пектусанъ. Съ невольнымъ уваженіемъ я смотрю на него: страшнаго врага уважаешь.

— Онъ, вѣрно,—говорю я,—покатался самъ сегодня на лодкѣ и ему понравилось...

Корейцы смѣются.

— А вы сами на насъ никакой претензіи не имѣете? Можетъ быть, васъ или въ деревнѣ кто-нибудь обидѣлъ?

— Никто не обидѣлъ.

— Спросить: довольны ли переводчикомъ?—спрашиваетъ П. Н.

— Спросите.

— Довольны, всѣмъ очень довольны.

— Спросите: можетъ я съ нихъ взятку взялъ?

— Не бралъ, не бралъ.

Каждый кореецъ подходитъ ко мнѣ, складываетъ обѣ руки и посылаетъ ими привѣтствіе мнѣ.

Я говорю:

— Азунчано! благодарю!

Они дѣлаютъ послѣднюю попытку уговорить меня ѣхать назадъ. Я смѣюсь, машу рукой и говорю:

— Пусть только ѣдутъ, не останавливаясь,—груза нѣтъ, лошади вытерпятъ; на рысяхъ къ утру, пока проснутся хунгузы, они уже будутъ дома.

— Е, е,—киваютъ корейцы въ знакъ согласія.

Одинъ за другимъ, на своихъ маленькихъ лошадкахъ, они скрываются въ лѣсу. Послѣдніе лучи—и опять горитъ Пектусанъ.

Гдѣ-то тамъ теперь моя бѣдная лошадь?

Впрочемъ, я не очень жалѣю о ней: слѣпая она свалила бы меня гдѣ-нибудь съ кручи.

Н. Гаринъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Полное собраніе сочиненій П. И. Мельникова».—Оригинальный типъ писателя.—Мельниковъ—чиновникъ-сыщикъ и Мельниковъ—художникъ.—Крѣпкая совѣсть этого писателя.—Ничтожное значеніе его изслѣдованій о расколѣ.—Образчики его «научныхъ» работъ.—Художественныя произведенія Мельникова.—Дѣланность его quasi-народнаго языка.—Невѣрное освѣщеніе бытовой жизни.—Его идеалы и ихъ низменность.—Положительное наслѣдіе, имъ оставленное.—Оригинальные типы раскольничьей среды.—Мельниковъ отнюдь не классическій писатель, какимъ его хотятъ выставить.—Книга г. Якушкина о Пушкинѣ.—Его интересный взглядъ на эволюцію общественныхъ убѣжденій поэта.—Памяти В. Г. Батя.

Среди бытописателей русской жизни одну изъ оригинальнѣйшихъ фигуръ представляетъ Мельниковъ, псевдонимъ Печерскій, извѣстность котораго въ большой публикѣ распространили его послѣднія два крупныхъ произведенія «Въ лѣсахъ» и «На горахъ». Въ 70-хъ годахъ, когда эти бытовые романы печатались въ «Рус. Вѣстникѣ», имя Мельникова ставили на ряду съ Тургеневымъ и Гончаровымъ, а литературная партія, къ которой принадлежали Катковъ и Леонтьевъ, превозносила его превыше пирамидъ. Его сравнивали съ Гомеромъ, видѣли въ его романахъ новое откровеніе, всю глубину народной жизни и мудрости, а въ авторѣ усматривали чуть ли не того провиденціальнаго человѣка, которому удалось, наконецъ, найти истинные устои народнаго уклада и народной души. Его цитировали, какъ великаго знатока народнаго быта, на него ссылались, имъ аргументировали. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что шумъ дѣлала реакціонная партія. Противная сторона больше отмалчивалась и серьезной критикѣ не подвергала его произведеній, ограничиваясь только признаніемъ несомнѣннаго таланта за авторомъ вездѣ, гдѣ онъ описываетъ бытъ Заволожья, преимущественно одного его уголка, и жизнь раскольничьихъ скитовъ.

Теперь имя Мельникова уже исторія, и о немъ можно говорить совершенно спокойно. Изданное М. Вольфомъ полное собраніе его сочиненій даетъ достаточный матеріалъ для оцѣнки оригинальной личности Мельникова—безъ преувеличеній, съ возможной объективностью при оцѣнкѣ его интересной литературной физіономіи.

Мельниковъ представляетъ особый типъ писателя, который можно сравнить съ двуликимъ Янусомъ, и эту его двуличность не обойдетъ никакая, самая объективная критика. Иначе его нельзя понять и объяснить, какъ только разсмотрѣвъ въ отдѣльности каждое изъ его лицъ: лицо житейское и лицо литературное. Прежде всего предъ нами чиновникъ, и притомъ не просто чиновникъ, выполняющій съ достодолжнымъ вниманіемъ возложенныя на него обязанности, а сыщикъ-доброволецъ, съ вдохновеннымъ увлеченіемъ выполняющій принятую на себя миссію. Вначалѣ учитель гимназіи, онъ скоро понялъ, что не въ этомъ его призваніе. Уловленіе юныхъ душъ не давало удовлетворенія

его природнымъ дарованіямъ и очень скоро по выходѣ изъ Казанскаго университета мы его видимъ съ жаромъ и усердіемъ человѣка, нашедшаго свой путь, въ роли сыщика по расколу, учиняющаго энергичный сыскъ въ этой богатой для изслѣдователя области. Онъ носится по Нижегородской губерніи, осматриваетъ скиты, заглядываетъ въ молельни и пишетъ, не покладаючи рукъ, доносительныя записки и проекты о мѣрахъ къ сокращенію раскола.

Время тогдашнее, сороковые годы, было жестокое, мрачное время, и такіе люди, какъ Мельниковъ, съ его энергіей разрушителя и страстью прирожденнаго искоренителя, были чистымъ кладомъ. Какъ быстро усвоилъ молодой борецъ стремленія и духъ своего времени, показываютъ его проекты на первыхъ же порахъ,—проекты стремительные, сокрушительные, истинно кипящіе юношеской удалью и полнымъ забвеніемъ всего, что мы нынѣ называемъ гуманностью. П. Усовъ, авторъ біографіи Мельникова, помѣщенной въ первомъ томѣ, біографіи, прямо безцѣнной по ея наивности и спокойному тону, съ какимъ Усовъ повѣтствуетъ о своемъ героѣ,—приводитъ два образчика этихъ проектовъ, одинъ другого превосходнѣе. Занимаясь расколомъ въ Нижегородской губерніи, Мельниковъ замѣтилъ, что нѣкоторые помѣщики, чтобы избавиться отъ раскольниковъ, сдаютъ ихъ въ солдаты, отчего, по ихъ словамъ, расколъ знатно сокращается. Поэтому Мельниковъ внесъ предложеніе вездѣ, гдѣ раскольники живутъ вмѣстѣ съ православными, отдавать въ рекруты первыхъ. Однимъ словомъ, онъ задумалъ, ревнуя о вѣрѣ, превратить ряды русской арміи въ исправительное для раскольниковъ учрежденіе. Мысль эта понравилась нижегородскому губернатору, который внесъ ее и въ свой всеподданнѣйшій докладъ. Но императоръ Николай оказался много сдержаннѣе, чѣмъ юный ревнитель православія, и отмѣтилъ на докладѣ: «Сдѣлать объ этой мѣрѣ соображеніе»,—и мѣра, послѣ нѣкоторыхъ соображеній, осталась не приведенной въ исполненіе.

Другой проектъ Мельникова, ни мало, повидимому, не обезкураженнаго первой неудачей, еще чудовищнѣе. Онъ предложилъ, какъ самое дѣйствительное средство, отбирать у раскольниковъ всѣхъ дѣтей, рожденныхъ отъ браковъ, совершенныхъ бѣглыми попами, наставниками безпоповщинскихъ сектъ или по родительскому благословенію, словомъ, отъ «браковъ, неизвѣстныхъ правительству», и отдавать такихъ дѣтей въ кантонисты. Кто знаетъ, что такое были въ тѣ времена школы для кантонистовъ, гдѣ тысячи дѣтей засѣкались на смерть, а остальныя выходили на всю жизнь искалѣченными физически и нравственно, гдѣ единственнымъ руководствомъ воспитанія служили знаменитыя слова Клейнмихеля: «Сѣките ихъ, мерзавцевъ, сѣките на смерть»,—тотъ пойметъ, какой ужасъ охватилъ раскольниковъ, когда до нихъ дошелъ слухъ объ этомъ предложеніи Мельникова. Въ раскольничьей средѣ имя его стало скоро произноситься на ряду съ именемъ Антихриста, хотя на верху и на эту мѣру взглянули недостаточно внимательно, и она осталась въ области проектовъ, къ прискорбію ея автора.

Съ неменьшимъ усердіемъ выполнялъ Мельниковъ и свои «изслѣдованія», какъ выражается почтительно его біографъ Усовъ. Объ этомъ сохранилась любопытная жалоба какой-то раскольничьей купчихи Головастиковой. Съ мужемъ ея онъ вначалѣ велъ дружбу и вмѣстѣ съ Погодинымъ нерѣдко осматривалъ его хранилище, гдѣ было много любопытныхъ старыхъ иконъ, книгъ и рукописей, которыми торговалъ Головастиковъ. А черезъ нѣсколько лѣтъ жена послѣдняго очень картинно разсказываетъ въ жалобѣ, какъ Мельниковъ, въ отсутствіи ея мужа, производилъ обыскъ у нея въ домѣ. Въ сопровожденіи цѣлой свиты будочниковъ, Мельниковъ втихомолку напалъ ночью на домъ Головастиковой, взялъ его штурмомъ и вошелъ въ числѣ шести человѣкъ «въ нижній этажъ дома, гдѣ Головастикова со своими домашними находилась при больной замужней своей дочери, разрѣшившейся за 18 часовъ передъ тѣмъ отъ бремени».

Дѣлая вездѣ обыскъ, Мельниковъ «обратилъ вниманіе и на больную дочь мою,— жалуется мать,—и приступилъ къ осмотру ея постели и чего-то искалъ за нею, на ея кровати, на которой она лежала, да и за оной, держа въ одной рукѣ зажженную свѣчу, и таковымъ неожиданнымъ своимъ дѣйствіемъ привелъ больную въ бо́льшее болѣзненное состояніе, и у нея отъ испуга произошла нервическая съ бредомъ лихорадка».

Представимъ себѣ только современнаго писателя, лазящаго со свѣчей подъ кровать, обыскивающаго и ощупывающаго безъ памяти лежащую роженицу, запускающаго безтрепетно лапу въ сундуки и сдирающаго со стѣны иконы— и мы поймемъ, насколько личность Мельникова изъ ряду вонъ выдающаяся, не подходящая подъ наши мѣрки и требующая особаго измѣренія и опредѣленія своей нравственной стороны. И вѣдь, добро бы это былъ фанатикъ, въ пылу сжигающаго его фанатизма не сознающій, что творитъ. О нѣтъ!—это былъ истый чиновникъ, всегда держащій носъ по вѣтру и отлично примѣняющійся къ обстоятельствамъ. Когда съ воцареніемъ Александра II повѣялъ иной духъ, Мельниковъ «сдѣлался, по словамъ его наивнаго біографа, жаркимъ сторонникомъ того снисходительнаго образа дѣйствій, который замѣнилъ прежнее преслѣдованіе». Случилась эта крутая перемѣна въ немъ два года спустя послѣ описаннаго обыска у Головастиковой. Нечего, поэтому, и предполагать, будто у Мельникова были свои взгляды или убѣжденія по вопросу о расколѣ. Для него расколъ явился только конькомъ, на которомъ этотъ дошлый малый сдѣлалъ двойную карьеру. Какъ чиновникъ—онъ преуспѣвалъ въ глазахъ начальства, всегда умѣвшаго оцѣнить по достоинству эту талантливую натуру, которую даже не приходилось поворачивать въ ту или иную сторону: Мельниковъ, какъ флюгеръ, самъ поворачивался съ подобострастной готовностью. Сегодня онъ съ съ яростью вопіялъ: «распни Его! распни!»—а завтра лилъ потоки слезъ и милость къ павшимъ призывалъ. Какъ писатель, онъ тоже не клалъ охулки на руку, и богатый запасъ наблюденій, добытыхъ во время лазанія со свѣчей подъ кроватями, по чердакамъ и сундукамъ раскольниковъ, чеканилъ въ мѣткія слова и переливалъ въ художественные образы.

Нельзя отказать ему въ разносторонности, отличавшей его въ средѣ чиновниковъ и въ средѣ писателей. Онъ отъ обыска переходилъ къ перу, отъ пера къ обыску, и вездѣ былъ на мѣстѣ. Изъ сыщика по расколу, зорившаго скита, обдиравшаго иконы со стѣнъ и обыскивавшаго бабъ, не скрываютъ ли онѣ плода запрещеннаго, онъ дѣлается соредакторомъ министерскаго органа при Валуевѣ, пишетъ разсказы изъ стараго помѣщичьяго быта на Волгѣ («Старые годы») и «ученыя» изслѣдованія по расколу, гдѣ правда и ложь подогнаны подъ мѣрку устава благочинія, наконецъ, заканчиваетъ свое литературное поприще двумя безспорно выдающимися произведеніями «Въ лѣсахъ» и «На горахъ», гдѣ съ удивительной любовью описываетъ то самое, надъ разрушеніемъ чего такъ усердно поработалъ въ молодости. Но это творчество ни мало не мѣшаетъ ему закончить свою чиновничью карьеру исполненіемъ роли начальника тайной охраны во время нижегородской ярмарки въ 1879 г.

Можно сказать—крѣпкой совѣсти былъ человѣкъ. Онъ не зналъ мучительныхъ сомнѣній раздвоенной личности, несмотря на всю двойственность его жизни и дѣятельности. Гдѣ же причина этой безмятежности? Неужели такъ-таки его

«Совѣсть никогда не грызла,—совѣсть,
Когтистый звѣрь, скребящій сердце,—совѣсть,
Незванный гость, докучный собесѣдникъ,
Заимодавецъ грубый; эта вѣдьма,
Отъ коей меркнетъ мѣсяцъ и могилы
Смущаются и мертвыхъ высылаютъ?»

На этотъ любопытный вопросъ мы не находимъ никакого отвѣта: въ его произведеніяхъ по части совѣсти все обстоитъ благополучно, а его біографъ приводитъ наивно-восторженные отзывы современниковъ, которые могли только усилить благодушіе Мельникова, когда онъ любовно живописалъ своихъ Манефъ и Чапуриныхъ, проклинавшихъ его, какъ антихриста, и имѣвшихъ на то всѣ права и основанія. «А теперь позвольте, г. Андрей Печерскій,—пишетъ одинъ изъ такихъ немудрыхъ цѣнителей и судей,—выразить предъ вами искреннее желаніе, чтобы и вашему художественному возсозданію старыхъ годовъ выпала доля вашего соплеменника Печерскаго Нестора: благородная доля—быть предметомъ уваженія для 800 лѣтъ потомства». Послѣднее едва ли. Даже навѣрное можно сказать, что именно предметомъ уваженія не будетъ ни самъ Печерскій, ни его произведенія, въ которыхъ съ теченіемъ времени все ярче и ярче выступаютъ ихъ недостатки и все скромнѣе достоинства.

О его научныхъ работахъ по расколу можно говорить лишь съ большими оговорками. Въ нихъ нѣтъ ни научнаго безпристрастія, ни желанія критически разобраться въ богатомъ матеріалѣ, который, благодаря условіямъ службы, самъ собою накопился въ рукахъ Мельникова. Говоритъ-ли онъ о раскольникахъ или о сектантахъ, какъ хлысты и молокане, предъ нами не ученый, не безпристрастный изслѣдователь, безкорыстно радующійся новому открытію, а всегда и вездѣ чиновникъ, прежде всего взирающій на начальство, которому онъ во что бы то ни стало стремится угодить. Бранчивый тонъ, прокурорскіе пріемы и неблаговидное толкованіе самыхъ глупыхъ слуховъ и толковъ—таковъ Мельниковъ - ученый. Образцомъ его ученой критики можетъ служить ужасное обвиненіе, которое онъ *по слухамъ* возводитъ на хлыстовъ, будто они причащаются тѣломъ младенца, рожденнаго отъ избранной ими въ богородицы дѣвушки. Мельниковъ подробно, съ обстоятельностью, не уступающею добросовѣстности знаменитаго отца Блинова въ его работѣ о человѣческомъ жертвоприношеніи у вотяковъ,—описываетъ всю процедуру причащенія у хлыстовъ и только въ концѣ вскользь бросаетъ замѣчаніе, что «юридически ни разу самый фактъ причащенія тѣломъ младенца установленъ не былъ». Ни гдѣ, ни однимъ словомъ онъ не упоминаетъ, откуда взяты имъ эти подробности, а самое краснорѣчіе описанія внушаетъ даже не критически расположенному читателю подозрѣніе, что все это сплошная выдумка. Если же принять во вниманіе, что подобный вздоръ помѣщался Мельниковымъ въ оффиціальныхъ докладахъ, имѣвшихъ прямое вліяніе на судьбу сектантовъ, то для всякаго, надѣемся, яснымъ становится, какъ велики права Мельникова на «уваженіе 800 лѣтъ потомства». А между тѣмъ, этотъ человѣкъ дѣйствительно зналъ много и могъ бы знать еще больше, но чиновникъ и сыщикъ убили въ немъ научнаго изслѣдователя, и весь этотъ матеріалъ, наполняющій три тома въ изданіи его сочиненій, представляетъ теперь научный хламъ, лучше сказать—труху казенщины, отравившей талантливаго человѣка и выѣвшей у него и душу, и умъ.

Да, и умъ, ибо Мельниковъ, при всей даровитости, былъ неумнымъ человѣкомъ. Не смываемая печать пошлости лежитъ на всемъ, что онъ писалъ, на всѣхъ его работахъ по расколу, на его повѣстяхъ и разсказахъ и больше всего на его романахъ «Въ лѣсахъ» и «На горахъ». Сказывается эта пошлость въ любованіи своими подвигами, о которыхъ онъ разсказываетъ въ дневникѣ, напечатанномъ Усовымъ, въ его проектахъ и мѣрахъ противъ раскола. Но сильнѣе всего пробивается она въ тонѣ его художественныхъ произведеній. Такъ, лучшій изъ его небольшихъ разсказовъ «Старые годы», написанный наполовину въ видѣ разсказа отъ лица стараго крѣпостного, весь проникнутъ благоговѣйной восторженностью предъ старымъ временемъ. Если такое настроеніе можно допустить въ старикѣ крѣпостномъ, то тамъ, гдѣ авторъ повѣствуетъ отъ себя, это настроеніе производитъ впечатлѣніе искусственности, выдавая голо-

вой авторскій взглядъ и его неглубокое пониманіе старины. Въ этомъ отношеніи Мельниковъ напоминаетъ Лѣскова. Какъ и послѣдній, онъ — писатель безъ мѣры и безъ твердаго собственнаго взгляда на вещи. Не онъ матеріаломъ, а матеріалъ имъ владѣетъ. Онъ не можетъ установить на него опредѣленной точки зрѣнія и сразу впадаетъ въ дѣланную восторженность, переходящую въ его романахъ въ сантиментализмъ и пошловатое восхваленіе яко бы народной жизни, которую Мельниковъ не понималъ совершенно, что съ особой очевидностью онъ доказалъ въ двухъ самыхъ крупныхъ своихъ произведеніяхъ «Въ лѣсахъ» и «На горахъ», которыя развѣ по недоразумѣнію можно считать художественнымъ воспроизведеніемъ народнаго быта.

Эти два произведенія, занимающія восемь томовъ въ полномъ собраніи сочиненій Мельникова, сдѣлали его популярнымъ и создали ему огромный кругъ читателей. При первомъ появленіи «Въ лѣсахъ» были встрѣчены восторженно, но теперь, когда прошло четверть вѣка и народная жизнь значительно освящена и беллетристикой Гл. Успенскаго, и рядомъ земскихъ работъ,—намъ уже трудно раздѣлять эти восторги.

Первое, что бросается въ глаза, это языкъ Мельникова, слащавый и дѣланный, какимъ написанъ весь романъ. Можно развѣ подивиться искусству, съ какимъ авторъ выдерживаетъ свою поддѣлку подъ народную рѣчь на пространствѣ двухъ тысячъ страницъ. То онъ поддѣлывается подъ тонъ сказаній, то пишетъ, словно былину сочиняетъ, то заговоритъ ломаннымъ полу-церковнымъ языкомъ, неустанно пребывая въ восторженномъ настроеніи.

«Не стучитъ, не гремитъ, ни копытомъ говоритъ, безмолвно, беззвучно по синему небу стрѣлой каленой несется олень златорогій... Безъ огня онъ горитъ, безъ крыльевъ летитъ, на какую тварь ни взглянетъ, тварь возрадуется... Тотъ олень златорогій—око и образъ свѣтлаго бога Ярилы—красное солнышко.

«Бѣжитъ олень, летитъ златорогій, серебрянымъ копытомъ хочетъ въ воду ступить. И станетъ отъ того вода студена и пойдетъ солнце на зиму, а лѣто на жары.

«Шумитъ въ лѣсахъ, трещитъ въ кустахъ, бренчитъ по травѣ муравѣ звонкокопытный очень. Солнечнымъ лучомъ, что ременнымъ бичомъ, гонитъ его свѣтоносный Ярило изъ темнаго бора на свѣтлую поляну рода людского моляну... Брать его руками, колоть его ножами и на братчинѣ на Петровщинѣ людямъ ѣсть благодарно моленый кусъ».

Такова «запѣвка» про Ярилу, взятая нами безъ выбора, какъ образчикъ мельниковскаго языка, какимъ написаны двѣ трети книги. «Добрые молодцы», «красны дѣвицы», «старушки-колотушки» и тому подобные эпитеты щедрой рукой разсыпаны повсюду, уснащаютъ рѣчи дѣйствующихъ лицъ, словно на плохомъ театрѣ, гдѣ для народа дается «народное представленіе». Къ этому надо прибавить массу мѣстныхъ выраженій, чтобы сохранить couleur locale, отчего красота ничего не выигрываетъ, а дѣланность языка усугубляется. Намъ трудно понять теперь, что такимъ «штилемъ» могли восторгаться и превозносить его, какъ истинную народную рѣчь. Какъ будто народъ говоритъ подобнымъ языкомъ, напоминающимъ ломающагося актера. Еще тамъ, гдѣ приводятся рѣчи дѣйствующихъ лицъ, языкъ мѣстами живой и образный, хотя и здѣсь чувствуется поддѣлка, а не настоящая народная рѣчь, потому что нельзя представить людей, постоянно говорящихъ напыщеннымъ высокопарнымъ языкомъ. Но когда авторъ описываетъ, эта дѣланность становится невыносимой.

Крупнѣйшій, однако, недостатокъ обоихъ романовъ, особенно «Въ лѣсахъ», составляетъ слащавость въ описаніи быта и взаимныхъ отношеній. Авторъ все время рисуетъ какую-то идиллію, гдѣ лишь изрѣдка проявляются темныя пятна, да и то съ цѣлью оттѣнить «доброжитье» остальной народной массы. Живутъ люди въ Заволжьѣ припѣваючи, сладко ѣдятъ, сладко спятъ, милуются да крас-

ныя рѣчи говорятъ. А между тѣмъ описывается самый бѣдный уѣздъ Нижегородской губерніи, гдѣ кулачество расцвѣло самымъ пышнымъ цвѣтомъ. Но у Мельникова фигурируютъ не кулаки, какихъ знаетъ земская статистика, а истинные благодѣтели рода человѣческаго, одинъ другого лучше, одинъ другого краше и добродѣтельнѣе. Самый главный герой, Потапъ Чапуринъ, расписанъ такъ, что лучше и быть нельзя,—и доберъ, и уменъ, и удачливъ. Въ его лицѣ Мельниковъ хотѣлъ возсоздать истиннаго представителя великороссійскаго племени, легендарнаго героя нашего времени, чистаго сердцемъ, простого душой, великодушнаго и великоумнаго. Ни одной отрицательной черточки, одно великолѣпіе. Его богатство само плыветъ къ нему, и онъ лишь пожинаетъ плоды своей добродѣтели. Получается типичная суздальская мазня.

Въ Чапуринѣ она еще не такъ претитъ, благодаря интересу, какой возбуждаетъ его дѣятельность и отчасти живость его языка. Но въ обрисовкѣ остальныхъ характеровъ суздальская манера живописи не скрашена ничѣмъ. Ужъ если добродѣтель, такъ безъ сучка безъ задоринки, если красавица, такъ непремѣнно писаная, и т. д. Въ особенности приторны добрые купеческіе молодцы у Мельникова: для нихъ онъ не жалѣетъ красокъ и сотни страницъ посвящаетъ любованію ихъ ухарствомъ, ухаживаніемъ, ихъ сердечной тоскѣ и млѣнію предъ писаными подругами, чему посвящена треть романа «На горахъ». Вообще, этотъ второй романъ несравненно хуже перваго. Старческая болтливость, отъ которой много страдаютъ и «Въ лѣсахъ», здѣсь не знаетъ удержу. Еще когда романъ печатался въ «Рус. Вѣстникѣ», редакція изо всѣхъ силъ боролась съ авторомъ, который просто потоплялъ журналъ обиліемъ ненужныхъ и неинтересныхъ подробностей. Понадобится автору, напр., описать возникновеніе хлыстовской общины въ одной деревнѣ, и онъ на сотнѣ страницъ разсказываетъ и скучно, и вяло исторію деревни. Тутъ и кулачные бои, и прохожій солдатъ, повѣствующій о солдатской жизни, и любовь разныхъ добрыхъ молодцевъ и красныхъ дѣвицъ.

Не высока мораль, которую проводитъ авторъ подъ видомъ яко бы мудрости народной. Поклоненіе богатству, преклоненіе предъ силой, восхваленіе ловкой хитрости и удачливаго обмана—вотъ и все, что составляетъ идеалы Мельникова. Они такъ примитивны и такъ животны, что вся несложная философія автора выступаетъ какъ на ладони. Онъ является не прикрытымъ хвалителемъ купеческаго сословія въ первой стадіи его развитія, когда преобладающимъ въ немъ элементомъ выступаетъ хищничество, которое восхищаетъ Мельникова, какъ явный признакъ силы и могущества. Стоитъ прочесть, съ какимъ смакованіемъ онъ расписываетъ разные подвохи въ этой средѣ, какъ восхищается пирами и ликованіями по поводу ловкой штуки того или иного удалого грабителя. Его ни мало не смущаютъ средства, и читатель чувствуетъ все время, что симпатіи автора всецѣло на сторонѣ удачи.

Но этими чисто отрицательными сторонами не ограничивается творчество Мельникова, и если бы только въ этомъ заключалось значеніе его произведеній, о немъ давно уже забыли бы. Положительное и несомнѣнное достоинство его двухъ большихъ романовъ заключается въ художественномъ описаніи раскольничихъ скитовъ и въ созданіи цѣлаго ряда раскольничьихъ типовъ. Эту жизнь Мельниковъ не только хорошо зналъ, но и сумѣлъ ее описать. Вездѣ, гдѣ онъ разсказываетъ про скиты и ихъ обитателей, онъ разомъ оживляется, становится интересенъ, уменъ и умѣетъ увлечь читателя. Даже длинноты, и здѣсь дающія себя чувствовать, не мѣшаютъ общему интересу разсказа, а художественность типовъ мѣстами указываетъ, какимъ описательнымъ талантомъ обладалъ Мельниковъ. Его мать Манефа, Фленушка, рядъ скитницъ и московскій начетчикъ, пріѣзжающій въ скитъ, останутся навсегда достояніемъ русской художественной литературы. Ни до него, ни послѣ этотъ своеобразный

бытъ не былъ затронутъ съ такой полнотой художественнаго изображенія, раскрывшаго цѣлый міръ типовъ, цѣльныхъ, крѣпкихъ натуръ, съ которыми по образности и жизненности могутъ соперничать только типы Островскаго. Мельникову не достаетъ только глубины послѣдняго. Низменность натуры художника-сыщика, узость взгляда и присущая Мельникову пошловатость не дали ему возвести свои типы въ «перлъ созданія», каковы типы Любима Торцова, Китъ Китыча или Кабанихи у Островскаго.

Читая эти превосходныя страницы описанія скитовъ и ихъ обитателей, испытываешь жгучее сожалѣніе, что художникъ Мельниковъ не выбился изъ-подъ всяческаго хлама, какимъ завалила его душу казенщина. Чиновникъ и художникъ не совмѣстимы, и одинъ непремѣнно задавитъ другого. Щедринъ понялъ это и во время сбросилъ съ себя мертвящее иго чиновничества. Мы бы никогда не имѣли ни «Головлевыхъ», ни «Пошехонской старины», если бы Щедринъ не сдѣлалъ этого рѣшительнаго шага въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. У Мельникова не хватило на это силы, хотя и онъ временами сознавалъ, что его литературная дѣятельность несовмѣстима съ его оффиціальными обязанностями, которыя, по его словамъ, не давали «необходимаго спокойствія духа» и—мы добавимъ—свободы духа, чего всегда не доставало Мельникову. Сплошь и рядомъ чувствуется недоговоренность, желаніе прикрыть и то, и другое, что могло бы послужить для очень и очень яркой картины. Таковы, напр., отношенія администраціи къ скитамъ, о чемъ только вскользь упоминается, но нигдѣ лица администраціи не дѣйствуютъ, какъ самостоятельные персонажи. Точно такъ же финалъ скитовъ сухо разсказанъ на нѣсколькихъ страничкахъ, хотя именно сцена закрытія могла бы послужить для художественно-бытовой картины. Положимъ, Мельникову пришлось бы тогда описывать собственные некрасивые подвиги, слава о которыхъ до сихъ поръ держится въ Семеновскомъ уѣздѣ. Такого самоотверженія трудно было бы ожидать отъ человѣка, всю жизнь служившаго не истинѣ, а видамъ начальства и согласно имъ мѣнявшаго взгляды и убѣжденія.

Но это-то и лишаетъ произведенія Мельникова значенія классическихъ, которыя для всѣхъ временъ были бы поучительны и интересны, какъ напр., творенія Тургенева или Островскаго. Талантъ Мельникова не настолько обширенъ, чтобы окупить недостатокъ правдивости и ума, если вообще подобный недостатокъ можетъ быть чѣмъ-либо окупаемъ. Его талантъ чисто описательнаго свойства. Схватить особенно яркія бытовыя черты, подмѣтить вѣрно мѣстныя особенности и нарисовать живую бытовую сцену—вотъ и все, на что способенъ Мельниковъ. Но если онъ пробуетъ заглянуть въ душу своихъ героевъ, пытается представить всю сложность борьбы различныхъ душевныхъ настроеній,—всякій разъ получается плачевнѣйшее фіаско. Послѣ превосходнаго, напр., описанія ветлужскихъ лѣсовъ и артелей лѣсныхъ рабочихъ, просто комичное впечатлѣніе производятъ его любовныя сцены между добрыми молодцами и разными красными дѣвицами. Мало того, и самыя его описанія не столько художественны, сколько вѣрны дѣйствительности: онъ скорѣе талантливый фотографъ, чѣмъ художникъ. Насколько, напр., хороши его описанія керженскихъ скитовъ, которые онъ видѣлъ и изучилъ во время учиняемаго ихъ разоренія, настолько блѣдны, выдуманны и мертвы его сцены изъ жизни хлыстовской общины. Чувствуется грубая фальшь на каждомъ шагу и полное безсиліе понять хлыстовскихъ сектантовъ, которыхъ онъ не видѣлъ и описывалъ по слухамъ, на основаніи нелѣпыхъ данныхъ обвинительныхъ актовъ, составленныхъ такими же, не по разуму усердными сыщиками, какимъ былъ онъ самъ. Онъ здѣсь становится скучнымъ, расплывается въ длиннѣйшихъ подробностяхъ, не можетъ схватить главнаго, установить центра, около котораго могъ бы сосредоточить повѣствованіе. Получается смѣшное заключеніе, что въ хлыстовскіе ко-

рабли идутъ всѣ поврежденные въ умѣ, дѣвицы, потерпѣвшія крушеніе въ сердечныхъ дѣлахъ, и юродивые. Мельниковъ просто набралъ разные факты обвинительныхъ актовъ, не смогъ ихъ соединить общей идеей и согрѣть художественнымъ пониманіемъ, потому что художника въ немъ не было, а былъ лишь этнографъ, испорченный прокурорскими навыками.

Такова эта оригинальная фигура въ русской литературѣ. Трудно сравнить его съ кѣмъ-либо, что подчеркиваетъ его самобытность и цѣльность. Ближе всего онъ подходитъ къ Далю, съ которымъ имѣетъ много общаго по матеріалу, надъ которымъ работалъ. Какъ и Даль, онъ хорошо зналъ нѣкоторыя мѣстныя нарѣчія и особенности великорусскаго племени и далъ кое-что для разработки русскаго языка, въ который внесъ нѣсколько оригинальныхъ и мѣткихъ выраженій. Отчасти онъ напоминаетъ Лѣскова своею анекдотичностью, неумѣніемъ овладѣть матеріаломъ и отсутствіемъ своихъ взглядовъ и убѣжденій. Но въ концѣ-концовъ, онъ далъ немного и меньше всего можно сопоставлять его съ такими художниками, какъ Тургеневъ или Островскій. Значеніе Мельникова уже теперь ничтожно, а въ будущемъ онъ перейдетъ окончательно въ разрядъ забытыхъ писателей, имѣвшихъ въ свое время значеніе, съ тою лишь разницей, что о немъ меньше всего можно будетъ сказать «уважаемый» и «почтенный», такъ какъ никогда не будетъ забыта его дѣятельность въ керженскихъ лѣсахъ, столь хорошо имъ описанныхъ впослѣдствіи.

Закончились Пушкинскія празднества, но отголоски ихъ еще возмущаютъ наступившую обыденную тишину. Подводя итоги, приходится сказать, что въ общемъ Пушкинскіе дни, несмотря на разные недочеты, дали хорошіе результаты. Правда, не было, быть можетъ, такого блеска и упоенія, какими, по словамъ очевидцевъ, было ознаменовано Пушкинское торжество въ 1880 году, когда, по словамъ хроникера «Вѣстника Европы», «все способствовало глубинѣ и силѣ впечатлѣнія: и единодушіе восторга, смѣнившаго попытки отрицательнаго отношенія къ Пушкину, и участіе въ празднествѣ знаменитыхъ писателей (Тургеневъ, Достоевскій, Островскій), и въ особенности настроеніе общества, полнаго надежды и свѣтлыхъ ожиданій. Никто не предвидѣлъ тогда,—говоритъ почтенный хроникеръ,—что только-что прояснившійся горизонтъ опять, и очень скоро, покроется грозными тучами, еще болѣе мрачными, чѣмъ теперь. Широко была распространена вѣра въ близость новой эпохи мирнаго развитія... Народная масса не испытывала лѣтомъ 1880 года никакихъ особыхъ лишеній... Не было, однимъ словомъ, ничего омрачавшаго то празднество или вносившаго въ него дисгармоническія ноты». Теперь, продолжаетъ онъ, не то. «При иной обстановкѣ наступила столѣтняя годовщина дня рожденія Пушкина». Голодъ поразилъ значительную часть родины поэта, нѣтъ единодушія въ обществѣ, рознь въ печати и т. д. Тѣмъ не менѣе, нынѣшнее празднество имѣло одно огромное преимущество: оно вышло далеко за предѣлы литературы и даже за предѣлы родины Пушкина, вызвавъ сочувственный откликъ въ Краковѣ, Парижѣ и Лондонѣ. Въ 1880 году московское торжество было блестяще, но исключительно литературное, исключительно домашнее. Въ 1899 г. въ чествованіи поэта приняли участіе всѣ города, думы и земства рѣшили основать рядъ просвѣтительныхъ учрежденій въ память Пушкина; пожертвованія на этотъ предметъ достигаютъ милліонныхъ суммъ. Его произведенія розданы по народнымъ школамъ въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Конечно, если принять въ расчетъ существующую нужду въ просвѣщеніи, съ одной стороны, съ другой—значеніе Пушкина, какъ творца русской литературы,—все это окажется довольно скромно. Но все же нельзя отрицать, что въ общемъ Пушкинскіе дни оставили замѣтный слѣдъ и ярко выдѣлились на сѣромъ фонѣ современной общественной жизни.

Не прошли они безслѣдно и для литературы о Пушкинѣ, хотя и не было такихъ вдохновенныхъ рѣчей и характеристикъ его, какъ Тургенева и Достоевскаго. Но масса статей и разборовъ произведеній Пушкина, появившихся за май мѣсяцъ о немъ, составляютъ солидную литературу, сдѣлать оцѣнку которой не легко будетъ историку нашей эпохи. Говорить о нихъ подробно не входитъ въ нашу задачу, и мы остановимся на одной лишь книжкѣ г. Якушкина «О Пушкинѣ», очень цѣнной для выясненія духовной жизни великаго поэта, котораго до сихъ поръ мы еще не настолько знаемъ, какъ онъ того заслуживаетъ.

Вопросъ объ общественныхъ взглядахъ Пушкина во второй зрѣлый періодъ его творчества всегда представлялъ большой общественный интересъ. Для однихъ какъ бы существуютъ два Пушкина: до возвращенія изъ ссылки въ Михайловское и послѣ. Смотря по личнымъ настроеніямъ и убѣжденіямъ, они прославляютъ то того, то другого Пушкина. Преклоняясь предъ Пушкинымъ, творцомъ «Кинжала», «Деревни» или оды къ «Вольности», они жестоко нападаютъ на автора «Стансовъ», «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинской годовщины». И обратно, консервативная партія признаетъ только послѣдняго Пушкина, а юнаго пѣвца свободы считаетъ чуть ли не увлекавшимся мальчикомъ и относитъ его вольнолюбивыя творенія къ разряду естественныхъ ошибокъ молодости. Тѣмъ интереснѣе попытка г. Якушкина примирить эти два противорѣчивыя взгляда, доказавъ, что Пушкинъ былъ всегда одинъ и тотъ же и никогда не измѣнялъ своимъ основнымъ воззрѣніямъ.

Въ статьѣ «Радищевъ и Пушкинъ», написанной еще въ 1885 г. и вошедшей въ новое изданіе почтеннаго автора «О Пушкинѣ», г. Якушкинъ дѣлаетъ подробный разборъ мнѣній и взглядовъ Пушкина по общественнымъ вопросамъ, начиная съ его статьи о Радищевѣ, которая и служитъ однимъ изъ главныхъ доказательствъ, будто Пушкинъ былъ консерваторомъ по убѣжденію въ періодъ тридцатыхъ годовъ. Очень подробно разсмотрѣвъ эту любопытную во многихъ отношеніяхъ статью, сличивъ два ея варіанта, принадлежащіе къ разному времени (33 и 36 гг.), онъ приходитъ къ заключенію, что Пушкинъ очень сочувственно относится къ идеямъ Радищева, но по необходимости прибѣгаетъ мѣстами къ «эзопскому» языку и нѣкоторымъ довольно рѣзкимъ эпитетамъ. Расчетъ Пушкина, какъ извѣстно, не оправдался и статья не была пропущена тогдашней цензурой. «Но если бы только статья могла быть напечатана,—говоритъ онъ,—она, также какъ и первая (33 г.), составила бы выдающееся, единственное явленіе въ литературѣ того времени, какъ обѣ онѣ имѣли большое значеніе даже при своемъ появленіи въ концѣ 50-хъ годовъ; говоря о Радищевѣ и наружно высказывая ему осужденіе, Пушкинъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, касается очень важныхъ общественныхъ вопросовъ,—дѣло въ то время запретное. Это первая попытка создать истинную русскую публицистику въ николаевское время». Мысль г. Якушкина совершенно вѣрна, и осуждающіе Пушкина за эту статью, забываютъ именно историческую точку зрѣнія, нападая на него съ высоты конца XIX-го вѣка, когда можно открыто и безъ опасенія говорить о многомъ, о чемъ Пушкинъ долженъ былъ говорить иносказательно и проводить подъ прикрытіемъ. Вообще говоря, это пріемъ рабій, и во многихъ случаяхъ лучше молчать, чѣмъ прибѣгать къ нему. Не говоря уже о томъ, что онъ рѣдко удается, но въ немъ есть и та опасность, что и читателя можно ввести въ такое же заблужденіе, какъ и цензуру.

Указываютъ затѣмъ, что эта статья отвѣчаетъ общему умѣренному образу мысли Пушкина въ 30-е года, который въ николаевскую эпоху уже иначе смотрѣли на многіе коренные общественные вопросы, чѣмъ въ александровское время. Авторъ не видитъ такого рѣзкаго противорѣчія въ воззрѣніяхъ Пушкина и очень тонкимъ анализомъ его произведеній и на основаніи теперь из-

вѣстныхъ фактовъ изъ его переписки доказываетъ, что Пушкинъ не измѣнилъ своихъ взглядовъ на сущность тѣхъ вопросовъ, которыми глубоко волновался въ 20-е годы, но лишь иначе относился къ средствамъ проведенія ихъ въ жизнь.

Пушкинъ въ 20-е годы, какъ и многіе изъ ближайшихъ его друзей, увлекался идеей свободы и думалъ о возможности добиться ея путемъ насильственнаго переворота. При всемъ, однако, увлекающемся характерѣ своемъ, онъ обладалъ удивительно трезвымъ взглядомъ на дѣйствительную жизнь. Послѣ декабрьскаго погрома, онъ не могъ не понять, что никакое насильственное дѣйствіе не мыслимо. Но тѣмъ не менѣе дорогія и излюбленныя имъ идеи объ уничтоженіи крѣпостного права и распространеніи просвѣщенія не перестали быть для него дорогими. Онъ считалъ себя *обязаннымъ* отстаивать эти идеи, и въ этомъ смыслѣ смотрѣлъ на себя какъ на уцѣлѣвшаго отъ погрома, чтобы «пѣть прежнія пѣсни» («Аріонъ»). Но было бы странно требовать отъ него, чтобы онъ задумалъ идти по пути своихъ погибшихъ друзей. Заключая какъ бы договоръ съ правительствомъ,—какъ онъ выражается въ письмѣ къ Жуковскому,—«онъ не отказывается отъ своихъ воззрѣній («какой бы ни былъ мой образъ мыслей политическій и религіозный»), а только обѣщается не выставлять свои взгляды прямо въ противорѣчіе съ общепризнаннымъ порядкомъ».

Что же могъ онъ дѣлать при новомъ общественномъ порядкѣ, отлично понимая его силу и признавая безуміе «идти противъ необходимости»?

«Въ поэзіи Пушкина,—говоритъ г. Якушкинъ,—рядомъ съ поэтическимъ увлеченіемъ, постоянно проявляется его высокій умъ; то же было и въ жизни: рядомъ съ увлеченіемъ, Пушкинъ, какъ не разъ доказалъ это, былъ способенъ на самую хладнокровную и всестороннюю оцѣнку положенія. Благодаря этому свойству, благодаря своему свѣтлому уму, онъ сразу, почти въ минуту катастрофы, понялъ роль, которая ему предстояла впереди. Его идеи остались въ сущности тѣ же, но онъ, для ихъ распространенія и осуществленія въ предѣлахъ возможнаго, впредь долженъ употреблять уже другія средства. Поэтому-то въ письмахъ къ друзьямъ въ 1826 г. Пушкинъ уже высказывается противъ «бунта и революціи». Онъ видитъ, что революція не удалась, понимаетъ, что повтореніе ея невозможно и нежелательно: онъ считаетъ необходимыми другія, мирныя, дозволенныя средства. Эту мысль мы встрѣчаемъ ясно выраженною въ статьѣ о Радищевѣ; но то же самое Пушкинъ высказалъ еще раньше, въ запискѣ «О народномъ воспитаніи» (вскорѣ послѣ свиданія съ Николаемъ I въ 1826 г.): «Должно надѣяться, что люди, раздѣлявшіе образъ мыслей заговорщиковъ, образумились; что, съ одной стороны, они увидѣли ничтожность своихъ замысловъ и средствъ, а съ другой—необъятную силу правительства, *основанную на силѣ вещей*». Пушкинъ и хочетъ дѣйствовать не противъ силы вещей, не противъ правительства, а, *по возможности*, съ нимъ, черезъ него».

Эту идею Пушкинъ проводитъ постоянно и въ своихъ стихотвореніяхъ, подвергающихъ его наибольшему осужденію, и въ письмахъ къ друзьямъ. Пушкинъ высказываетъ въ нихъ свои pia desideria, основанія для которыхъ онъ, можетъ быть, имѣлъ право видѣть въ отношеніи къ нему новаго правительства. Пушкинъ ждетъ (въ «Стансахъ»: «Въ надеждѣ славы и добра»...) отъ будущаго много добра для Россіи, такъ какъ онъ надѣется, что новый царь будетъ походить на Петра Великаго, который умѣлъ отличить Як. Долгорукова отъ буйнаго стрѣльца, т. е. наказывая открытое возстаніе, допускалъ и одобрялъ законную оппозицію, не боялся просвѣщенія, любилъ и понималъ родину и былъ вѣчнымъ работникомъ на ея пользу; новый царь долженъ былъ во всемъ подражать пращуру... Для оцѣнки этого стихотворенія всего важнѣе выяснить въ немъ отношеніе Пушкина къ декабристамъ. Поэтъ приравниваетъ ихъ къ буйнымъ стрѣльцамъ... Вотъ, говорятъ, какъ быстро измѣнилось его

отношеніе къ прежнимъ товарищамъ! Нѣтъ, мы знаемъ, что сочувствіе и идеи Пушкина не измѣнились, мы знаемъ, что за нѣсколько дней до стансовъ (1826 г.) онъ написалъ посланіе къ Пущину и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ посланіе въ Сибирь. При этомъ мы не должны видѣть въ стансахъ грубую лесть противъ убѣжденій... Пушкинъ желаетъ дѣйствовать съ правительствомъ, для этого оно должно быть просвѣщенно, и онъ старается выяснить обязанности правительства по отношенію къ просвѣщенію, указать ему, что, несмотря на все происшедшее, оно можетъ и должно быть за прогрессъ и за реформы. Правительство побѣдило, раздавило вооруженное возстаніе, но, слѣдуя примѣру Петра, оно должно теперь идти по пути преобразованія, допускать свободную оппозицію, нужную для выясненія истины и потребностей народа. Таковъ былъ смыслъ стансовъ, смыслъ благородный; тутъ не лесть, а высокое наставленіе для новой власти».

Мы знаемъ теперь, какъ въ концѣ концовъ сложились эти отношенія и насколько оптимизмъ Пушкина былъ преждевременен. Понялъ это впослѣдствіи и самъ Пушкинъ, когда рвался изъ Петербурга въ деревню, стремясь во чтобы то ни стало порвать сѣть опутавшихъ его офиціальныхъ отношеній, отъ которыхъ онъ задыхался и подъ бременемъ которыхъ палъ. Легко поэтому укорять Пушкина, но едва ли разумно. Нужно стать прежде всего на историческую точку зрѣнію и представить себѣ Пушкина въ обстановкѣ того времени. Тогда мы поймемъ, что не Пушкинъ измѣнилъ завѣтамъ молодости, а *ему* измѣнили... Онъ это понялъ, но уже поздно для себя.

Не поздно, однако, признать теперь, что всякіе подобные упреки по адресу Пушкина по меньшей мѣрѣ не основательны. Они подчеркиваютъ лишній разъ ту нетерпимость, которая свидѣтельствуетъ скорѣе о дешевомъ радикализмѣ, чѣмъ о вдумчивомъ отношеніи къ прошлому.

Есть скромные, неоцѣнимые труженики, которыхъ при жизни почти не замѣчаютъ, и только по смерти ихъ становится очевиднымъ для всѣхъ, какую трудно замѣнимую потерю понесло общество. Объ одномъ изъ такихъ рядовыхъ работниковъ позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ—не въ похвалу ему,—онъ въ ней уже не нуждается,—а въ укоръ живущимъ которымъ онъ беззавѣтно отдавалъ себя и отъ которыхъ мало видѣлъ радости. Мы имѣемъ въ виду недавно скончавшагося сотрудника нашего журнала—Владиміра Гедеоновича Батя, некрологъ котораго читатели найдутъ ниже, въ отдѣлѣ «На родинѣ».

Вся жизнь покойнаго была сплошная борьба за право... служить людямъ, работать для страстно имъ любимаго русскаго народа. Изъ кіевскаго университета онъ вылетѣлъ по «независящимъ обстоятельствамъ», по которымъ много въ то время (1878 г.) юношей улетало туда въ далекія страны, какъ и Бать, очутившійся съ благословеннаго юга на полюсѣ холода—въ Верхоянскѣ, Якутской области. Пребываніе въ этомъ суровомъ краю въ теченіе пяти лѣтъ закалило Батя въ нравственномъ отношеніи. Здѣсь выработался изъ него спокойный, уравновѣшенный человѣкъ, ни на пядь не отступающій отъ того, что онъ считалъ своимъ долгомъ. Здѣсь же жизнь въ условіяхъ почти первобытнаго существованія укрѣпила его натуру, доведя потребности его личной жизни до тѣхъ болѣе чѣмъ скромныхъ размѣровъ, при которыхъ никакія превратности не ощутительны и личныя потребности отступаютъ всецѣло на задній планъ, уступая мѣсто высокимъ задачамъ служенія дѣлу прежде всего. Такимъ онъ оставался впослѣдствіи, удивляя товарищей и окружающихъ своей истинно спартанской жизнью, поразительной чистотой ея и высокой нравственностью.

Отбывъ срокъ ссылки, Бать получилъ право поступить въ казанскій университетъ для окончанія медицинскаго образованія. Въ 1883 г. онъ перебрался

въ Казань, гдѣ съ жаромъ и упорной настойчивостью занимался наукой, несмотря на крайне тяжелыя условія, при которыхъ шли занятія. Тяжесть эта заключалась не въ матеріальныхъ лишеніяхъ, не имѣвшихъ для Батя никакого значенія, а въ особыхъ условіяхъ университетской жизни для него, какъ для бывшаго ссыльнаго. Въ концѣ концовъ Бать, несогласный ни на какіе компромиссы, вынужденъ былъ бросить университетъ, и послѣ многихъ хлопотъ добился права уѣхать за границу. Онъ поступилъ въ мюнхенскій университетъ, гдѣ послѣ трехъ лѣтъ сдалъ экзаменъ на врача. Живя въ Мюнхенѣ, онъ много работалъ, подготовляя себя къ дѣятельности земскаго врача, бывшей его постоянной мечтой.

Вернувшись на родину, онъ только въ 1890 г. могъ сдать экзаменъ на право практики въ Россіи. Такимъ образомъ, цѣлыхъ *двѣнадцать* лѣтъ добивался онъ права врача! И не слѣдуетъ думать, что это былъ человѣкъ архирадикальнаго образа мыслей и поведенія или неуживчивый и безпокойный. Совсѣмъ нѣтъ. Онъ только былъ *человѣкъ* прежде всего, и многаго, съ чѣмъ мирились другіе, не выносилъ органически. Было въ немъ что-то простое, стойкое и непреклонное, что не укладывалось въ рамки университетской жизни 80-хъ годовъ. Тихій и скромный, этотъ человѣкъ не могъ органически поступиться своимъ достоинствомъ, предпочитая всѣ мытарства, которыми такъ богата русская жизнь для подобныхъ людей.

Для Батя эти мытарства не прекращались всю жизнь. Какъ врачъ, онъ обладалъ солидной подготовкой, изучилъ акушерство и хирургію и былъ бы несомнѣнно чрезвычайно цѣннымъ работникомъ именно для земской дѣятельности, къ которой страстно стремился. Но онъ былъ... *еврей*. Въ 80-тые годы развитіе «русскаго самосознанія», какъ извѣстно, далеко пошло впередъ, и антисемитизмъ проникъ понемногу и въ земство. Земскіе дѣятели стараго типа, еще не знавшіе, что такое антисемитизмъ, сходили со сцены, а ихъ замѣстители не могли допустить, чтобы евреи лѣчили русскихъ. Новая струя въ земской жизни жестоко отразилась на судьбѣ Батя, которому доступъ на земскую службу оказался закрытымъ. При своихъ знаніяхъ онъ могъ бы отлично устроиться и живо завоевать себѣ практику въ городѣ, но его никогда не тянуло къ дѣятельности врача-практика, и онъ предпочелъ занять трудную и отвѣтственную роль врача на заводѣ, вблизи Кіева, гдѣ превосходно поставилъ больничное дѣло. Въ сущности онъ могъ бы долго занимать эту должность, но его всегда тянуло на *общественную* службу, гдѣ кругъ дѣятельности болѣе широкъ. Несмотря на хорошія условія, отличное вознагражденіе, заводская жизнь не могла дать удовлетворенія, тѣмъ болѣе, что приходилось-таки кое-чѣмъ поступаться, принимать во вниманіе такіе интересы, которые врачу не могли не претить. Бать бросилъ заводъ и взялъ болѣе чѣмъ скромное мѣсто сверхштатнаго врача-хирурга въ кіевской еврейской больницѣ.

Но мечта о земской дѣятельности не давала ему покоя. Всѣ попытки въ этомъ направленіи были безуспѣшны на югѣ, и Бать рѣшилъ попытать счастья на сѣверѣ. Съ этою цѣлью, отчасти также, чтобы усовершенствоваться въ нѣкоторыхъ отрасляхъ медицины, преимущественно бактеріологіи и излюбленной имъ хирургіи, онъ перебрался, послѣ многихъ хлопотъ, въ Петербургъ, гдѣ два почти года работалъ въ высшихъ медицинскихъ учрежденіяхъ. Чуть было ему не удалось поступить и на земскую службу въ Петергофскомъ уѣздѣ, гдѣ онъ нѣсколько мѣсяцевъ замѣщалъ врача и работалъ въ дѣтской больницѣ. Однако, остаться здѣсь ему не пришлось. Кромѣ еврейства, помѣшало и прошлое...

Въ Петербургѣ онъ много работалъ и для печати, сотрудничая въ разныхъ журналахъ. У насъ имъ было помѣщено нѣсколько превосходно обработанныхъ популярныхъ статей, какъ-то: «Алкоголизмъ и борьба съ нимъ», «Н. И. Пироговъ, его жизнь и дѣятельность», «Чахотка и народныя санаторіи»; за-

тѣмъ рядъ рецензій по популярнымъ медицинскимъ книгамъ и нѣсколько замѣтокъ въ отдѣлѣ «Научной хроники». Кромѣ того, онъ работалъ въ журналѣ «Образованіе» и въ спеціальныхъ медицинскихъ изданіяхъ, дѣлалъ переводы и издалъ нѣсколько брошюръ популярнаго характера. Сравнительно съ предыдущей жизнью, въ Петербургѣ Бать жилъ полнѣе и лучше и могъ-бы вполнѣ завоевать себѣ выгодное положеніе. Но онъ неустанно искалъ земской службы, которой, наконецъ, и добился. Насколько его работа здѣсь была полезна, читатели могутъ видѣть изъ некролога.

Онъ умеръ въ полномъ расцвѣтѣ силъ, унеся въ могилу огромный запасъ энергіи и настойчивости,—умеръ, какъ солдатъ на посту. Личной жизни для него не существовало, это былъ въ полномъ смыслѣ слова *общественный* человѣкъ, и невольно думается, какимъ неоцѣненнымъ дѣятелемъ могъ бы онъ быть при иныхъ условіяхъ нашей общественности. Изъ самыхъ тяжелыхъ положеній онъ выходилъ побѣдителемъ, сохранивъ до конца стойкость и иниціативу, не опустившись до зауряднаго существованія, когда человѣкъ успокоивается и примирительно смотритъ на жизнь. Для него жизнь была борьбой и постояннымъ стремленіемъ впередъ. Спокойный, тихій и удивительно кроткій, Бать призводилъ прекрасное впечатлѣніе на всякаго, и намъ лично приходилось слышать отъ знавшихъ его земцевъ сожалѣніе: «ахъ, зачѣмъ онъ еврей!» Покойный, не возмущаясь, выслушивалъ эту своеобразную похвалу, но крестъ своего еврейства несъ съ гордымъ достоинствомъ, пользуясь всякой возможностью служить людямъ, не спрашивая о ихъ національности. Обыкновенно, въ Петербургѣ онъ становился даровымъ врачомъ бѣдноты, населяющей низы и верхи огромныхъ столичныхъ домовъ, и каждый его переѣздъ вызывалъ большія сожалѣнія, чему намъ не разъ приходилось быть свидѣтелями.

Во всѣхъ его знавшихъ онъ оставилъ прекраснѣйшее воспоминаніе и горькое сожалѣніе, что эта чистая и прекрасная жизнь такъ рано и неожиданно погасла, не давъ ему ни радости личнаго счастія, ни высокаго удовлетворенія полноты общественной дѣятельности. Съ полнымъ правомъ могъ бы покойный сказать про свою жизнь словами Никитина:

Горько она, моя бѣдная, шла
И какъ степной огонекъ замерла.

А. Б.

ЦЫНГА, ЕЯ ПРИЧИНЫ, ТЕЧЕНІЕ И ЛѢЧЕНІЕ.

Въ то время, какъ въ Европѣ вопросъ о цынгѣ занимаетъ почти только ученыхъ медиковъ, представляя большой теоритическій интересъ въ смыслѣ изученія разстройствъ питанія, у насъ, къ прискорбію, помимо теоритическаго интереса, цынга имѣетъ огромное практическое значеніе. Благодаря часто повторяющимся голодовкамъ и общему санитарному неустройству, у насъ хворають цынгой не отдѣльныя лица, а цѣлыя группы населенія. Относительно числа всѣхъ больныхъ цынгой въ настоящее время въ пораженныхъ голодомъ губерніяхъ, мы не имѣемъ пока точныхъ данныхъ, но ежедневныя газетныя извѣстія и та регистрація больныхъ, которую удалось сдѣлать въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, даютъ основаніе думать, что число больныхъ можно считать многими десятками тысячъ. Въ виду такихъ грустныхъ обстоятельствъ, врядъ-ли нуждается въ объясненіи и оправданіи появленіе краткаго описанія тяжелой болѣзни.

Мы не будемъ долго останавливаться на исторіи цынги. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, цынга или скорбутъ была извѣстна еще Гиппократу и другимъ древнимъ авторамъ, по другому мнѣнію—существованіе цынги въ глубокой древности представляется недоказаннымъ. Но болѣе чѣмъ 600 лѣтнее существованіе болѣзни никѣмъ не оспаривается. Эпидеміи цынги, свирѣпствовавшія во время крестовыхъ походовъ, уже точно описаны. Со второй половины XV вѣка, вмѣстѣ съ развитіемъ мореплаванія, все чаще и чаще встрѣчаются эпидеміи цынги, бравшей много жертвъ именно среди моряковъ, такъ что ее тогда называли «болѣзнью мореплавателей». Съ XVI ст. отмѣчаются довольно часто материковыя эпидеміи, при чемъ большинство изъ нихъ приходится на время войнъ, главнымъ образомъ, жертвами болѣзни дѣлаются осажденныя крѣпости. Кромѣ крѣпостей, лагерей, цынга часто наблюдалась въ тюрьмахъ, богадѣльняхъ и другихъ закрытыхъ учрежденіяхъ. Послѣдняя большая эпидемія цынги относится къ 1871 г., ко времени осады Парижа нѣмцами. Географія цынги показываетъ, что Европейская и Азіатская Россія часто подвергались тяжелымъ эпидеміямъ этой болѣзни и изъ 114 эпидемій, наблюдавшихся въ послѣднія три столѣтія на долю Россіи приходится 31, при чемъ всегда почти наблюдалось совпаденіе эпидемій цынги, тифа и другихъ болѣзней съ неурожайными годами, послѣдствіемъ которыхъ является голоданіе населенія.

Не смотря на то, что цынга изучалась и изучается цѣлой массой врачей, не смотря на обильный матеріалъ, который былъ къ услугамъ, наблюдателей, вопросъ о причинахъ сущности этой болѣзни до сихъ поръ представляется далеко не рѣшеннымъ и самыя противоположныя мнѣнія имѣютъ своихъ очень сильныхъ защитниковъ. Въ одномъ, однако, согласны всѣ наблюдатели, именно въ томъ, что цынга представляетъ собою тяжелое общее разстройство питанія организма. Но фактъ этотъ оцѣнивается разными авторами различно: въ то время какъ одни готовы считать нарушенное питаніе единственной причиной

болѣзни, другіе—отводятъ ему мѣсто въ числѣ многихъ причинъ, содѣйствующихъ появленію болѣзни, а третьи смотрятъ на недостаточное питаніе только какъ на располагающую, но не производящую причину болѣзни. Какъ бы то ни было, говоря о цынгѣ, неизбѣжно затронуть и вопросъ о питаніи организма. такъ какъ безъ яснаго представленія о процессахъ питанія трудно понять многія явленія, наблюдаемыя при цынгѣ. Необходимо также коснуться и нѣкоторыхъ изъ теорій, предложенныхъ для объясненія сущности болѣзни.

Потребность въ пищѣ для животнаго организма является результатомъ безсознательнаго инстинктивнаго стремленія къ самосохраненію и къ возможно лучшему самочувствію. Въ дѣлѣ питанія, какъ, впрочемъ, и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ, организмъ уподобляется паровой машинѣ. Какъ послѣдняя для правильнаго дѣйствія нуждается всегда въ доставкѣ топлива, такъ и организмъ, для возмѣщенія потерь, неизбѣжныхъ при работѣ и вообще при отправленіи жизненныхъ процессовъ, и для поддержанія температуры тѣла на извѣстной высотѣ, требуетъ всегда доставки питательнаго матеріала. Растущій организмъ, кромѣ сейчасъ указанныхъ потребностей, нуждается еще въ извѣстномъ излишкѣ питательнаго матеріала, такъ какъ кромѣ поддержанія равновѣсія, часть вещества идетъ на увеличеніе самого тѣла. Въ то время, какъ въ растеніяхъ совершаются процессы возстановленія, т. е. подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, простые химическія соединенія превращаются въ сложныя, въ животномъ организмѣ происходитъ усиленное окисленіе веществъ, т. е. разложеніе сложныхъ соединеній на простыя начала, главнымъ образомъ, углекислоту и воду. Часть вводимыхъ веществъ, сгорая въ организмѣ и превращаясь въ простѣйшія соединенія, лишается своей потенціальной (скрытой) энергіи, другая же часть, не сгорая окончательно, сохраняетъ значительную часть скрытой силы. Ненужныя, отработанныя части введенныхъ веществъ выбрасываются разными способами изъ организма, а скрытая сила въ оставшихся веществахъ освобождается и проявляется въ видѣ механической работы или тепла.

Процессъ питанія именно и состоитъ въ томъ, чтобы доставлять организму необходимый матеріалъ для поддержанія вещественнаго состава его элементовъ. Нужный для жизни, т. е. для окислительныхъ процессовъ, кислородъ, организмъ получаетъ въ воздухѣ, вводя его въ легкія, необходимыя же питательныя вещества и вода проникаютъ въ тѣло черезъ желудочно-кишечный трактъ. Подъ питательными началами надо разумѣть не только тѣ органическія (содержащія углеродъ) вещества, которыя идутъ непосредственно на указанныя выше потребности, но и цѣлый рядъ неорганическихъ (безъ углерода) веществъ, присутствіе которыхъ необходимо для правильнаго использованія всѣхъ органическихъ веществъ. Питательныя начала, вводимыя въ организмъ, чрезвычайно разнообразны, какъ напр. бѣлокъ, жиръ, крахмалъ, сахаръ, поваренная соль, вода и т. д., но въ чистомъ видѣ они чрезвычайно рѣдко вводятся въ организмъ, обыкновенно мы ихъ получаемъ въ видѣ пищевыхъ средствъ, т. е. разнообразныхъ искусственныхъ или естественныхъ смѣсей, какъ мясо, хлѣбъ, яйца, молоко и т. п.

Но для питанія человѣческаго организма однихъ пищевыхъ средствъ тоже недостаточно. Только молокомъ онъ можетъ пользоваться, не подвергая его дальнѣйшей обработкѣ, всѣ же остальныя питательныя начала и пищевыя средства ему приходится превращать въ пищу, т. е. составлять искусственно всевозможныя комбинаціи изъ пищевыхъ средствъ для того, чтобы они съ наибольшей пользой могли быть потребляемы организмомъ. Но для человѣка и этого, оказывается, мало. Самыя лучшія, въ качественномъ и количественномъ отношеніи, пищевыя смѣси будутъ ему казаться безвкусными и скоро вызовутъ отвращеніе, если будутъ лишены такъ называемыхъ вкусовыхъ веществъ. Послѣднія, не являясь питательными въ строгомъ смыслѣ этого слова, однако необходимы и отчасти находятся уже готовыми въ пищевыхъ средствахъ въ видѣ эфирнаго

масла, растительныхъ кислотъ, отчасти прибавляются къ пищѣ во время ея приготовленія, какъ уксусъ, перецъ и проч.

Наука о питаніи самымъ подробнымъ образомъ выяснила значеніе каждаго питательнаго начала для человѣческаго организма, выработавъ нормы необходимыхъ количествъ каждаго вещества, при разнообразнѣйшихъ условіяхъ жизни и состоянія организма, указавъ на тѣ минимальныя количества пищи, безъ которыхъ существованіе организма становится затруднительнымъ или даже невозможнымъ, дала богатый матеріалъ для изученія тѣхъ патологическихъ измѣненій, которыя неизбѣжно наступаютъ при рѣзкихъ и, главное, продолжительныхъ отступленіяхъ отъ установленныхъ нормъ. Не имѣя возможности останавливаться здѣсь на подробностяхъ, мы приведемъ только нѣкоторые выводы, полученные наукой о питаніи и имѣющіе для нашей цѣли, особое значеніе.

По вычисленіямъ, изъ главныхъ составныхъ частей пищи для мужчины, сильно работающаго, необходимо: 145 грам. бѣлка, 100 грам. жира и 500 грам. углеводовъ, при умѣренной работѣ—110 грам. бѣлка, 56 грам. жира и 500 грам. углеводовъ; для женщины при умѣренной работѣ: 96 грам. бѣлка, 44 грам. жира и 400 грам. углеводовъ; для ребенка 6 лѣтъ: 55,8 грам. бѣлка, 40 грам жира и 180 грам. углеводовъ. Это—минимальныя количества необходимыхъ веществъ. При групповомъ кормленіи будутъ встрѣчаться лица, для которыхъ означеннаго количества недостаточно, будутъ и такія, для которыхъ оно очень велико и, такимъ образомъ, именно при групповомъ кормленіи указанныя нормы являются подходящими.

Параллельно съ этимъ интересно сопоставить усвояемость, т. е. способность проникнуть изъ желудочно-кишечнаго тракта въ кровь, главныхъ пищевыхъ веществъ, которыя мы сопоставимъ въ слѣдующей таблицѣ:

	Бѣлки.	Жиры.	Углеводы.
Мясо (чистая говядина)	97	95	—
Яйца	97	95	—
Молоко	89	95—97	100
Бѣлый хлѣбъ	78	—	99
Черный хлѣбъ	68—78	—	88
Макароны	83	94	99
Кукуруза	85	83	97
Рисъ	80	93	99
Горохъ (протертый)	83	—	96
Картофель (протертый)	68	96	92
Капуста	82	94	85
Морковь	61	94	82

Изъ этой таблицы видно, что жиры и углеводы усвояются довольно хорошо и что бѣлки животнаго происхожденія воспринимаются организмомъ въ гораздо большихъ количествахъ, чѣмъ растительные.

Чѣмъ большей и лучшей предварительной обработкѣ подвергаются растительные вещества, тѣмъ лучше идетъ усвоеніе ихъ, потому что во время обработки они освобождаются отъ клѣтчатки и становятся болѣе доступными для дѣйствія пищеварительныхъ соковъ. Опыты кормленія людей однимъ какимъ-либо пищевымъ средствомъ, напр., хлѣбомъ, картофелемъ и т. д. показали, что продолжительное такое кормленіе невозможно, что каждый разъ приходится вводить огромныя количества вещества, при чемъ нѣкоторыя необходимыя начала вводятся въ слишкомъ большомъ количествѣ, а нѣкоторыхъ оказывается все-таки мало. Такъ, напр., средній рабочій при кормленіи однимъ картофелемъ долженъ получать его до 1900 грам. Тѣмъ не менѣе надо отмѣтить, что въ случаѣ нужды возможно кормленіе однимъ картофелемъ, хлѣбомъ или рисомъ. Одними

овощами человѣкъ не въ состояніи питаться. А вообще при растительной пищи количество вводимыхъ за день и при каждомъ пріемѣ пищи веществъ должно быть значительно больше, чѣмъ при смѣшанной пищѣ.

Такъ какъ бѣлки являются преимущественно образовательными (пластическими) веществами, а жиры и углеводы (крахмалы) идутъ на согрѣваніе и образованіе тепла, то замѣна жировъ и углеводовъ другъ другомъ совершается проще, проходитъ болѣе безнаказанно для организма, чѣмъ попытка замѣнить бѣлки, напр., жиромъ, не обладающимъ вовсе пластическими свойствами. 100 вѣсовыхъ частей жира можно замѣнить 240 частями крахмальныхъ веществъ. Рыба, играющая важную роль въ постной пищѣ, по количеству питательныхъ веществъ, приближается къ мясу, но только богаче послѣдняго водой и бѣднѣе жиромъ.

Значеніе воды для организма слишкомъ понятно. Тѣло взрослаго человѣка состоитъ приблизительно на 60—65% изъ воды, доставленіе питательнаго матеріала въ самыя отдаленныя части тѣла возможно только при помощи надлежащаго количества воды, далѣе большинство химическихъ процессовъ въ организмѣ происходятъ только въ растворахъ. Взрослый человѣкъ принимаетъ въ день, въ видѣ пищи и питья, около 2000—3500 грам. воды.

Что касается минеральныхъ веществъ, то различные опыты съ недостачей ихъ, показали всю важность ихъ для организма, въ особенности для растущаго. Большинство солей участвуетъ въ построеніи тканей, входя какъ химическое соединеніе съ бѣлкомъ и другими веществами.

Чтобы покончить съ вопросомъ о болѣе или менѣе нормальномъ питаніи, скажемъ еще нѣсколько словъ о пищѣ въ народныхъ столовыхъ. Въ такихъ столовыхъ можетъ быть дана только часть потребныхъ для питанія веществъ, и такъ какъ такими столовыми пользуется бѣднѣйшая или прямо нищенствующая часть населенія, то желательно, чтобы въ составъ обѣда входило хоть незначительное количество мяса, не менѣе 1/4 ф., т. е. 100 грам.; порція хлѣба, отпускаемаго въ столовой, должна соотвѣтствовать приблизительно 1/3 всего количества хлѣба, съѣдаемаго взрослымъ человѣкомъ, т. е. приблизительно 70 золот. или 300 граммъ хлѣба, считая на взрослаго въ день 2 1/8 ф. ржанаго хлѣба. Такимъ образомъ, въ народной столовой схема нормальной порціи выразится слѣдующимъ образомъ:

			Бѣлковъ.	Жира.	Углев.
Мяса.	100	грам.	20	5	—
Ржаного хлѣба . . .	300	»	24	4	135
Крупъ гречневыхъ. .	130	»	15	1,8	91
Капусты	100	»	1,4	0,2	4,5
Сала.	30	»	—	—	—
			60,4	41	230,5

Для большаго разнообразія такихъ обѣдовъ знаменитымъ гигіенистомъ Фойтомъ, творцомъ всей науки о питаніи, составлено много рецептовъ для обѣдовъ въ народныхъ столовыхъ. Приведенъ для примѣра одинъ такой рецептъ: горохъ—50 грм., жира—19 грм., телятины—161 грм., картофеля—380 грм., масла—12 грм. Всѣ эти требованія, которыя слѣдуетъ предъявлять къ народнымъ столовымъ, имѣютъ въ виду взрослаго рабочаго человѣка. Но такъ какъ въ нихъ кормятся и старики, и женщины, и дѣти, съѣдающіе абсолютно меньше (дѣти, напр., относительно вѣса своего тѣла ѣдятъ больше взрослыхъ), то при общемъ кормленіи на долю взрослыхъ рабочихъ можетъ приходится больше пищи.

Переходя къ патологическимъ формамъ питанія, мы не будемъ говорить здѣсь о недостачѣ кислорода, о такъ называемомъ кислородномъ голоданіи, прой-

демъ мимо чрезмѣрнаго введенія пищи, которымъ страдаютъ очень немногія, насъ здѣсь не интересующія лица, и остановимся на недостаточномъ питаніи, т. е. на голоданіи, подъ которымъ надо разумѣть недостаточное, не отвѣчающее тратамъ организма введеніе питательныхъ началъ или полное прекращеніе поступленія ихъ въ организмъ. Полное голоданіе можетъ быть съ принятіемъ воды или безъ воды. Въ послѣднемъ случаѣ всѣ явленія протекаютъ болѣе бурно и смерть наступаетъ быстрѣе. Во время голоданія организмъ живетъ на счетъ составныхъ частей своего тѣла и, поэтому конечно, вѣсъ тѣла долженъ непрерывно падать. Потеря въ вѣсѣ различными органами и тканями тѣла, при голоданіи представляется далеко не одинаковой. Повидимому, можно было бы предполагать, что органы болѣе дѣятельные должны бы лучше сохраняться, такъ какъ и при нормальныхъ условіяхъ слабо дѣйствующіе органы и ткани скорѣе и легче подвергаются атрофіи и, если бы дѣло было такъ, то наиболѣе пострадавшимъ органамъ при голоданіи должна бы оказаться кровь, изъ которой всѣ ткани стремятся извлечь питательный матеріалъ, а между тѣмъ изъ желудочно-кишечнаго канала потери крови не восполняются. На самомъ дѣлѣ, анализъ крови при голоданіи показываетъ, что она—одна изъ самыхъ стойкихъ тканей и почти до самаго конца сохраняетъ свой нормальный составъ. Достигаетъ она этого, повидимому, тѣмъ, что, отдавая много матеріала сильнымъ въ борьбѣ тканямъ, сама извлекаетъ изъ болѣе слабыхъ недостающій ей матеріалъ.

Въ организмѣ во время голоданія происходитъ жестокая борьба, изъ которой побѣдителями, какъ изъ всякой борьбы, выходятъ болѣе сильныя. А самыми сильными и устойчивыми въ данномъ случаѣ должны быть всѣ органы и ткани, сохраненіе которыхъ особенно важно для жизни всего организма. И вотъ на первомъ планѣ стоитъ мозговой аппаратъ, регуляторъ дѣятельности всѣхъ элементовъ тѣла, который обладаетъ наибольшей устойчивостью. Незначительны потери костной и хрящевой ткани, какъ какъ и при нормальныхъ условіяхъ обмѣнъ веществъ въ нихъ происходитъ очень вяло. Самыми неустойчивыми тканями является жировая ткань, вообще не стойкая, прежде всего идущая на удовлетвореніе нуждъ голодающаго организма, затѣмъ тѣ органы, которымъ приписывается кроветворная способность и изъ которыхъ кровь старается извлечь возможно больше матеріала. Къ такимъ органамъ относятся печень, селезенка, поджелудочная железа, сильно и быстро уменьшающіяся въ вѣсѣ при голоданіи.

Голодающій организмъ представляется вялымъ, апатичнымъ, инстинктивно оберегая свои силы, избѣгаетъ излишнихъ движеній, вяло отвѣчаетъ на раздраженія, дыханіе у него замедляется, температура тѣла понижается, слабость и вялость, постепенно усиливаясь, доходитъ до того, что животное неспособно перемѣнить положеніе, которое ему придали, хотя бы такое положеніе было неудобно. Общій вѣсъ тѣла при голоданіи уменьшается непрерывно, но не равномѣрно: въ первые дни паденіе вѣса идетъ быстро, а затѣмъ по мѣрѣ приспособленія организма къ новому, хотя и патологическому состоянію, потеря вѣса идетъ не такъ рѣзко.

Смерть взрослаго животнаго обыкновенно наступаетъ, когда вѣсъ тѣла уменьшился на 40—45%, а молодыя животныя умираютъ уже при потерѣ вѣса въ 20%. Величина животнаго тоже оказываетъ вліяніе на продолжительность жизни при голоданіи: въ то время какъ взрослая мышь живетъ безъ пищи дня три, лошадь или верблюдъ живутъ мѣсяцъ. Относительно людей установлены слѣдующіе приблизительные предѣлы продолжительности жизни при голоданіи: дѣти могутъ жить безъ пищи 3—4 дня, взрослые отъ 3 до 4 недѣль, а старики у которыхъ всѣ жизненные процессы проходятъ вяло, до 2 мѣсяцевъ. Само собой понятно, что картина голоданія, продолжительность его теченія будетъ измѣняться въ зависимости отъ условій обстановки голодающаго организма. Если

напр., во время голоданія приходится еще тратить силы на работу, то вся картина будетъ рѣзче выражена и грозныя явленія наступятъ раньше.

Неполное голоданіе можетъ быть количественное и качественное. Подъ количественнымъ понимаютъ такое, при которомъ всѣ необходимыя для питанія организма вещества входятъ въ пищевую смѣсь, но не въ достаточномъ для поддержанія равновѣсія организма количествѣ, т. е. когда рѣчь идетъ о хроническомъ недоѣданіи, самомъ частомъ у насъ въ Россіи явленіи. Качественное же голоданіе можетъ состоять либо въ томъ, что вводится достаточное количество веществъ, но веществъ испорченныхъ, либо въ томъ, что въ пищевой смѣси недостаетъ одного изъ необходимыхъ для питанія элементовъ.

Всѣ эти тяжелыя формы неполнаго голоданія наблюдаются обыкновенно при какихъ-либо большихъ народныхъ бѣдствіяхъ, какъ неурожаи, войны и т. п. и въ обыкновенное время выпадаютъ на долю неимущихъ классовъ. При количественномъ неполномъ голоданіи имѣютъ мѣсто тѣ же явленія, что и при голоданіи полномъ, но еще, пожалуй, въ болѣе мрачной формѣ, такъ какъ жизнь при такомъ голоданіи можетъ продолжаться дольше и органы и ткани тѣла успѣваютъ перетерпѣть цѣлый рядъ болѣе глубокихъ и стойкихъ измѣненій. Кровь, сильно вопиющая при абсолютномъ лишеніи организма пищи, здѣсь подвергается рѣзкимъ измѣненіямъ, становится жидкою, болѣе бѣдной форменными элементами, измѣненныя стѣнки сосудовъ легко пропускаютъ жидкость въ ткани, образуются водяночныя скопленія, отеки—отсюда и пошло народное выраженіе «пухнуть съ голода». Въ брошюрѣ о голодѣ г. А. А. Липскаго приводится картина хроническаго голоданія, сдѣланная еще Овидіемъ: «Ихъ глаза запали, лица были блѣдны, губы посинѣли, зубы сдѣлались темными, кожа была тверда, сквозь нее виднѣлись сосуды, кости выдавались изъ суставовъ, вмѣсто живота была впадина». При неполномъ голоданіи жизнь можетъ продолжаться въ 3—5 разъ дольше, чѣмъ при голоданіи полномъ.

При качественномъ голоданіи, обусловленномъ порчей вводимыхъ продуктовъ, наблюдается обыкновенно острая картина отравленія, болѣзни, оставляющей нерѣдко тяжелыя послѣдствія на продолжительное время или всю жизнь или же ведущей иногда быстро къ смерти. Другая форма качественнаго голоданія можетъ выразиться либо въ отсутствіи въ пищѣ органическихъ, т. е. растительныхъ и животныхъ веществъ, либо неорганическихъ минеральныхъ веществъ. Хотя значеніе послѣднихъ очень долгое время недостаточно оцѣнивалось при изученіи физіологіи питанія, тѣмъ не менѣе многочисленные опыты на животныхъ показали всю важность минеральныхъ веществъ для питанія организма. Какія были ни составлялись удачныя питательныя смѣси, но лишенныя одной какой-либо или нѣсколькихъ солей, будь то хлористый натръ или углекислая известь, или фосфорно-кислый натръ и т. п.—животныя не могли долго высиживать на такихъ смѣсяхъ и, проволочивъ болѣе или менѣе продолжительное время жалкое существованіе, умирали.

Опыты эти дали возможность сдѣлать много крайне интересныхъ выводовъ. Оказывается, что хотя соли, напр. известковыя, входятъ, главнымъ образомъ, въ составъ костей, тѣмъ не менѣе, при отсутствіи ихъ въ пищѣ, страдаютъ не только кости, гдѣ соли находятся въ такой прочной связи съ органическими веществами, что всюду отыскивающая ихъ кровь лишена возможности извлечь ихъ изъ костей и набрасывается на болѣе уступчивыя мягкія ткани, которыя при минеральномъ голоданіи страдаютъ больше всего. Опыты эти, выясняя крайнюю необходимость минеральныхъ веществъ для питанія, вмѣстѣ съ тѣмъ показали, что обильное введеніе органическихъ веществъ при минеральномъ голоданіи не только не улучшаетъ и поддерживаетъ жизнь животнаго, но какъ будто ведетъ его къ еще скорѣйшей гибели. Это послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что органическія вещества, лишенныя для опыта солей, при

поступленіи въ организмъ жадно набрасываются на тканевыя клѣтки, извлекая изъ нихъ содержащіяся тамъ соли и тѣмъ производя большія нарушенія въ жизни организма. При обычныхъ условіяхъ въ пищевой смѣси, состоящей изъ продуктовъ растительнаго и животнаго царства, находится достаточное количество необходимыхъ солей, значительная доля которыхъ попадаетъ въ организмъ вмѣстѣ съ водой и, поэтому, въ организмѣ, совершенно не выработавшемъ никакихъ приспособленій на случай отсутствія въ пищѣ солей, и происходятъ такія бурныя явленія при минеральномъ голоданіи.

Органическое голоданіе можетъ обусловливаться отсутствіемъ въ пищѣ содержащихъ азотъ веществъ, т. е. бѣлковъ и ихъ производныхъ или безъазотистыхъ, т. е. жировъ и углеводовъ. Полное отсутствіе послѣднихъ можетъ въ значительной степени восполняться обильнымъ введеніемъ бѣлковыхъ веществъ. Но такая замѣна не проходитъ для организма даромъ. Большое количество бѣлковъ требуетъ для своего перевариванія, для обработки большого напряженія всѣхъ занятыхъ перевариваніемъ органовъ, а такое напряженіе долго продолжаться не можетъ, не говоря уже про то, что аппараты, предназначенные для обработки жировъ и углеводовъ, подвергаются атрофіи вслѣдствіе бездѣйствія. При отсутствіи въ пищѣ бѣлковъ съ замѣной ихъ жирами и углеводами нѣкоторое время поддерживается равновѣсіе, которое, однако, должно нарушиться, такъ какъ организмъ начинаетъ жить насчетъ своего организованнаго, т. е. входящаго въ составъ тканей бѣлка. Если же при отсутствіи въ пищѣ бѣлковъ животное будетъ пользоваться только жирами или только углеводами, то результаты получатся еще болѣе печальные и при томъ гораздо быстрѣе. Наблюденія показываютъ, что при одномъ углеводномъ режимѣ животное чувствуетъ себя лучше, чѣмъ при чисто жировомъ. Это, вѣроятно, примѣнимо и къ человѣку, въ пищѣ котораго обыкновенно углеводовъ больше, чѣмъ жировъ.

Раньше, чѣмъ покончить съ вопросомъ о питаніи, которое, какъ видно, будетъ правильнымъ только тогда, когда въ организмъ будетъ вводиться въ достаточномъ количествѣ смѣшанная пища изъ всѣхъ необходимыхъ для жизни элементовъ, скажемъ еще нѣсколько словъ объ общихъ явленіяхъ, наблюдаемыхъ при голоданіи. Ослабѣвшій, изголодавшійся организмъ дѣлается неспособнымъ противостоять вреднымъ внѣшнимъ вліяніямъ, его невоспріимчивость къ заразнымъ началамъ значительно падаетъ. Животныя голодающія дѣлаются способными заболѣвать такими формами болѣзней, которыми они никогда не хвораютъ при нормальныхъ условіяхъ. Поэтому, неудивительно, что всѣ голодовки всегда сопровождаются цѣлымъ рядомъ эпидемическихъ болѣзней (тифъ, оспа и др.), протекающихъ крайне тяжело и уносящихъ много жертвъ. Всякаго рода незаразныя болѣзни у голодающихъ тоже протекаютъ тяжело и медленно. Вся нервная система и психика у голодающихъ рѣзко измѣняются: постоянная мысль о кускѣ хлѣба, лишаетъ человѣка необходимаго душевнаго покоя, психическое равновѣсіе нарушается, работа валится изъ рукъ. А при массовомъ голоданіи, понятно, страдаетъ весь строй народной жизни, и историческіе примѣры подтверждаютъ, что многіе спеціальные и политическіе перевороты имѣли ближайшими поводами предшествовавшіе голодовки и неурожаи. Нечего говорить, какъ гибельно отзывается на культурной жизни страны это хроническое голоданіе значительной части населенія.

Послѣ этихъ хотя и бѣглыхъ замѣчаній о питаніи при нормальныхъ и патологическихъ условіяхъ, мы возвращаемся къ изложенію тѣхъ теорій, которыя были предложены для объясненія причинъ и сущности цынги. Кажется, все, на что человѣческій умъ могъ обратить вниманіе, подверглось изслѣдованію для выясненія вопроса о цынгѣ, но кромѣ противорѣчивыхъ данныхъ мы пока ничего не имѣемъ. Личному предрасположенію придаютъ значеніе постольку, по скольку оно сводится къ врожденной ломкости сосудовъ, къ со-

стоянію, извѣстному подъ названіемъ гэмофиліи (кровоточивости). Истощенные предшествовавшей тяжелой болѣзнью, въ особенности перемежающейся лихорадкой, легче заболѣваютъ цынгой. Полъ, возрастъ и раса не оказываютъ, повидимому, рѣзкаго вліянія на воспріимчивость къ цынгѣ, хотя наблюденія, произведенныя въ Россіи, показываютъ, что инородцы болѣютъ цынгой больше, чѣмъ великороссы. Уроженцы прибалтійскихъ губерній, финны, поляки, литовцы даютъ большой контингентъ цынготныхъ больныхъ.

Атмосферныя вліянія тоже изучались и отмѣчено, что въ холодное время года цынга развивается чаще, хотя у насъ въ Россіи большинство заболѣваній падаетъ на весенніе и отчасти лѣтніе мѣсяцы. Въ то время какъ одни придаютъ большое значеніе влажности воздуха, другіе отрицаютъ важность этого момента.

Относительно вліянія сырости жилищъ и болотистой почвы мѣстности сходятся мнѣнія почти всѣхъ изслѣдователей, изъ которыхъ нѣкоторые особое значеніе придаютъ не столько самой сырости, сколько тому обстоятельству, что сырость подпольнаго пространства въ связи съ грязью представляетъ благопріятную почву для развитія микроорганизмовъ, вызывающихъ цынгу.

Какъ ужъ сказано было выше, пищѣ въ дѣлѣ развитія цынги приписывалось всегда большое значеніе. Въ то время какъ одни, основываясь на совпаденіи эпидемій цынги съ неурожаями и голодовками, готовы были видѣть въ количественномъ голоданіи главную причину цынги, другіе все дѣло сводили къ качеству пищи. Послѣднее мнѣніе находитъ себѣ подтвержденіе въ нѣсколькихъ эпидеміяхъ цынги, развивавшихся вслѣдъ за употребленіемъ въ пищу недоброкачественной пищи и воды. Качественные недостатки пищи въ смыслѣ отсутствія или, наоборотъ, избыточнаго присутствія какихъ-либо пищевыхъ продуктовъ тоже изучались самымъ тщательнымъ образомъ. И было время, когда избытокъ поваренной соли въ пищѣ считался моментомъ, благопріятствующимъ развитію цынги, но многочисленныя наблюденія не подтвердили этой «соляной» теоріи: цынга часто посѣщала населеніе, кормившееся свѣжимъ, т. е. не соленымъ мясомъ. Также не подтвердилась теорія, желавшая видѣть причину цынги въ недостаткѣ въ пищѣ жировъ и углеводовъ. Нѣкоторые лѣчебныя пріемы содѣйствовали паденію однихъ теорій и возникновенію другихъ. Когда придавали значеніе въ развитіи цынги отсутствію или малому количеству растительной пищи и зеленыхъ овощей, главнымъ образомъ, растительно-кислыхъ солей, то думали, что назначеніе больнымъ этихъ солей въ видѣ лѣкарствъ должно повести къ прекращенію болѣзни. Но опытъ этого не подтвердилъ, а то обстоятельство, что картофель, бѣдный растительными кислотами и богатый углекислымъ кали, оказался однимъ изъ сильныхъ противоцынготныхъ пищевыхъ средствъ, привело съ созданію въ 1848 году теоріи калійнаго голоданія при цынгѣ. Изслѣдованія крови только будто подтвердили эту теорію, такъ въ крови цынготныхъ замѣчается уменьшеніе калійныхъ солей. Калійная теорія, имѣющая многихъ сторонниковъ и въ настоящее время, не можетъ однако считаться самой достовѣрной, такъ какъ при полномъ устраненіи изъ пищи животныхъ калійныхъ солей не удалось вызывать у нихъ цынгу.

Такимъ образомъ, всѣ приведенныя до сихъ поръ мнѣнія относительно причинъ цынги не представляются удовлетворительными. Каждое изъ этихъ мнѣній, указывая на очень существенное обстоятельство, не можетъ объяснить всѣхъ явленій, наблюдаемыхъ при цынгѣ. Очевидно, что всѣ перечисленныя до сихъ поръ причины,—каждая въ отдѣльности и при комбинаціи нѣсколькихъ,—являются только предрасполагающими, но не вызывающими причинами болѣзни.

Уже болѣе чѣмъ 300 лѣтъ тому назадъ было сдѣлано предположеніе о заразномъ характерѣ цынги. Заразная теорія имѣетъ въ настоящее время многихъ послѣдователей и, повидимому, ближе всѣхъ другихъ стоитъ къ истинѣ.

Относительно свойствъ заразнаго начала мнѣнія расходятся. Въ то время какъ одни считаютъ эту заразу міазматической, т. е. не передающейся отъ человѣка къ человѣку, а ютящейся въ данной почвѣ, какъ перемежающаяся лихорадка, и при благопріятныхъ обстоятельствахъ попадающей въ кровь человѣка,—другіе признаютъ ее болѣзнью контагіозной, т. е. способной передаваться отъ одного къ другому, независимо отъ свойствъ почвы. Съ развитіемъ бактеріологіи стали искать въ крови и органахъ цынготныхъ предполагаемую заразу, и въ этомъ направленіи уже достигнуты кой-какіе результаты. Многимъ изслѣдователямъ удалось выдѣлить какой-то микробъ. Понятно, что для окончательнаго рѣшенія вопроса требуются еще дальнѣйшія наблюденія.

Теченіе цынги обыкновенно хроническое. Какъ первое явленіе болѣзни отмѣчается въ большинствѣ случаевъ худосочіе (кахексія). Больной жалуется на слабость, быструю утомляемость, разбитость, особенная тяжесть замѣчается въ ногахъ, настроеніе духа угнетенное, больной впадаетъ въ уныніе, становится боязливымъ, сонливымъ и зябкимъ—малѣйшее пониженіе окружающей температуры для него чувствительно. Лицо становится блѣднымъ съ грязноватымъ оттѣнкомъ, губы синѣютъ, глаза зваливаются и быстро идетъ общее похуданіе. Ко всему этому присоединяются рвущія боли въ мышцахъ и суставахъ.

Такъ дѣло идетъ дней 10—14 и постепенно начинаютъ обнаруживаться спеціально-цынготные признаки. Однимъ изъ первыхъ такихъ признаковъ является измѣненіе десенъ. Сначала вся слизистая оболочка рта представляется темно-красной, а постепенно она начинаетъ у края десенъ, въ особенности возлѣ рѣзцовъ припухать, становится болѣзненной, кровоточивой и понемногу отстаетъ отъ зубовъ. Надо тутъ же замѣтить, что въ мѣстахъ, гдѣ уже зубовъ нѣтъ, десна измѣненіямъ не подвергается. Къ этому присоединяется отвратительный запахъ изо рта. Параллельно съ кровоточивостью десенъ, нерѣдко нѣсколько позже, появляются кровоизліянія въ ткань кожи, которая представляется какъ бы обрызганной кровью. Раньше всего такія кровоизліянія обозначаются на нижнихъ конечностяхъ, а затѣмъ распространяются по всему тѣлу. По наблюденіямъ авторовъ, кровоизліяній бываетъ больше въ тѣхъ мѣстахъ, которыя въ здоровомъ состояніи производили наибольшую работу. Такъ у дровосѣковъ и у вертящихъ колесо прядильной машины больше поражается правая рука, у прачекъ обѣ руки и т. д.

По мѣрѣ существованія кровяныхъ пятенъ они, какъ всякій кровоподтекъ, мѣняютъ свой цвѣтъ въ синій, зеленый и желтый. Съ исчезновеніемъ однихъ кровоподтековъ появляются новые. Кровоподтеки эти образуютъ на тѣлѣ цѣлый рядъ опухолей, иногда крайне болѣзненныхъ. Кромѣ десенъ, даютъ кровотеченія и слизистая оболочка носа и желудка, и кишекъ. Подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ кровоизліяній подвергаются воспаленію какъ суставы, такъ и внутренніе органы, что представляетъ собой особенно тягостное осложненіе болѣзни.

При неблагопріятномъ ходѣ болѣзни, всѣ отмѣченныя здѣсь явленія все больше и больше развиваются, слабость возрастаетъ, при малѣйшей попыткѣ подняться дѣлается обморокъ; появляется одышка, большіе отеки, и при все увеличивающемся худосочіи наступаетъ смерть. При болѣе легкомъ теченіи болѣзни выздоровленіе идетъ крайне медленно и надолго остается опасность возобновленія припадковъ. При легкихъ формахъ цынги лихорадки обыкновенно нѣтъ, при тяжелыхъ—всегда бываетъ лихорадка.

Что касается лѣченія цынги, то послѣ того, что сказано было о причинахъ этой тяжелой болѣзни, ясно, что о настоящемъ лѣченіи, направленномъ противъ самой причины, пока, къ сожалѣнію, не можетъ быть рѣчи, такъ какъ причина эта еще неизвѣстна. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что мы безсильны

противъ цынги. Напротивъ, борьба съ болѣзнью возможна и притомъ весьма успѣшная.

И мѣры, принимаемыя противъ цынги, можно раздѣлить на двѣ категоріи: на мѣры общественныя и мѣры индивидуальныя. На первомъ планѣ среди общественныхъ мѣръ, при массовыхъ заболѣваніяхъ, стоитъ прежде всего и главнѣе всего дѣло пищевого продовольствія населенія. Какова бы ни была настоящая причина цынги, вопросъ о пищѣ, по выраженію Гирша, лучшаго географа и историка медицины, составляетъ альфу и омегу въ развитіи скорбута. Поэтому, первой заботой является снабженіе мѣстъ, пораженныхъ цынготной эпидеміей, достаточнымъ количествомъ пищевыхъ продуктовъ, свѣжихъ и содержащихъ всѣ необходимые для правильнаго питанія элементы. При этомъ здоровая пища должна предлагаться не только населенію, уже заболѣвшему, но еще и здоровому, уже истощенному предшествовавшимъ недоѣданіемъ. Иначе принимаемыя мѣры не достигнутъ цѣли; давъ возможность поправиться одной части населенія, мы рискуемъ получить новый контингентъ больныхъ и такъ дѣло можетъ тянуться до безконечности. Поэтому, широкое распространеніе въ пораженныхъ цынгой мѣстахъ правильно функціонирующихъ народныхъ столовыхъ, съ доставкой тяжело-больнымъ пищи на домъ, является самой существенной мѣрой въ борьбѣ съ этой болѣзнью. О томъ, какъ должны составляться меню такихъ столовыхъ, мы говорили выше.

На ряду съ улучшеніемъ питанія населенія должны стоять и другія мѣры, содѣйствующія улучшенію санитарной обстановки населенія. Сюда относится осушка данной мѣстности, если она болотистая и сырая, улучшеніе жилищъ въ смыслѣ устраненія изъ нихъ сырости и чистоты ихъ содержанія, предоставленіе населенію права безплатнаго пользованія баней и т. п. Въ виду того, что есть много основаній считать цынгу болѣзнью инфекціонной, представляется крайне желательной изоляція больныхъ, во всякомъ случаѣ надо избѣгать скученности ихъ въ одномъ мѣстѣ. А помѣщеніе, гдѣ находятся больные, должно содержаться крайне опрятно, часто провѣтриваться и т. д.

Назовемъ здѣсь нѣкоторые изъ продуктовъ, которые многими считаются чрезвычайно полезными при цынгѣ. Сюда относится такъ называемое сосновое пиво, приготовляемое прибавленіемъ сосновыхъ или еловыхъ шишекъ къ бродящему затору или къ перебродившему напитку *). Далѣе, большой славой пользуется свѣже выжатый сокъ различныхъ травъ, корней и плодовъ, какъ-то: разные сорта капусты, настурція, далѣе морской салатъ, дикій перецъ, заячья капуста, чистотѣлъ, щавель, рѣпа, рѣдька, хрѣнъ, вишня, яблоко, смородина, лимонъ, барбарисъ, брусника, кизиль и другія. Вмѣсто сока, конечно, можно употреблять все это въ видѣ салата, фруктовъ и т. д. Сюда же, пожалуй, слѣдуетъ отнести и пивныя дрожжи, которыя даются или въ чистомъ видѣ, или съ водой и сахаромъ по 200—300 грам. ежедневно.

Изъ лѣкарственныхъ средствъ, которыхъ предложено было очень много, что лучше всего свидѣтельствуетъ объ отсутствіи настоящаго средства, мы назовемъ здѣсь такія, которыя могутъ примѣняться и не врачемъ. Можно давать больнымъ небольшія дозы хинина, рекомендована сравнительно недавно—и въ послѣднемъ выпускѣ журнала «Врачъ» рекомендація эта врачемъ Мартыновымъ подтверждается—іодная настойка по 4—5 капель въ рюмкѣ воды, раза три въ сутки.

---

*) Вотъ полный рецептъ для приготовленія этого пива: 60 грм. свѣжаго хрѣна 30 грм. ложечной травы, 30 грм. еловыхъ или сосновыхъ шишекъ на 2 литра молодого пива.

Пораженныя десна лѣчатся полосканіями изъ спиртнаго настоя свѣжей ложечной травы и растворомъ бертолетовой соли (чайная ложка на стаканъ воды. Ротъ нужно прополаскивать возможно чаще.

Къ кровоподтекамъ на конечностяхъ множно прикладывать компрессы изъ теплой воды, смѣшанной съ нашатыремъ. Образующіяся раны и язвы требуютъ уже врачебнаго вмѣшательства.

Всѣ перечисленныя здѣсь противоцынготныя мѣры должны, конечно, примѣняться не по шаблону, а сообразно условіямъ данной мѣстности, сообразно индивидуальности каждаго больного.

Будемъ надѣяться, что дружными усиліями общества удастся скоро одолѣть тяжелую болѣзнь и что будутъ приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы хроническія голодовки, которымъ подвергается уже много лѣтъ населеніе въ разныхъ мѣстахъ Россіи, прекратили, наконецъ, свое существованіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ прекратятся и неизбѣжные спутники голода—тифъ, цынга и другія болѣзни.

Врачъ. В. И. Бинштокъ.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

На голодѣ. Наступившее холодное и дождливое лѣто не принесло пока облегченія мѣстностямъ, пораженнымъ неурожаемъ. Изъ губерній Казанской, Симбирской, Уфимской, Вятской, Самарской продолжаютъ поступать въ газеты извѣщенія о крайне безъотрадномъ положеніи мѣстнаго населенія, хотя уже затрачено изъ государственныхъ средствъ до 34 мил. на продовольствіе и обсѣмененіе. Этихъ средствъ было-бы достаточно, если бы пришлось имѣть дѣло съ острымъ случаемъ нужды, и только. Къ сожалѣнію, нужда этого года только обостреніе постояннаго длительнаго экономическаго упадка населенія, какъ можно судить по многочисленнымъ заявленіямъ лицъ, уѣхавшихъ для помощи на мѣстѣ. Не дѣлая особаго выбора, приводимъ одну подобную корреспонденцію изъ «С. Петербургскихъ Вѣдомостей».

«На моей обязанности лежитъ завѣдываніе столовой и уходъ за больными въ деревнѣ Баланяѣ Казанской губ. Но прежде чѣмъ говорить о столовой, о которой ничего утѣшительнаго сообщить не могу, слѣдуетъ дать нѣкоторое понятіе о самой деревнѣ... Это, воистину, — нѣчто удивительное: положительно скопище калѣкъ, глухихъ, слѣпыхъ. Лихорадка, чахотка, сифилисъ, всякія другія недомоганія и особенно глазныя болѣзни—въ полномъ ходу. Уже не собрались ли они всѣ сюда, со всего міра, въ эту несчастную Баланду?..

«Ни одного крѣпкаго здороваго человѣка!.. О женщинахъ, дѣтахъ, старикахъ—и говорить нечего. У кормящихъ женщинъ нѣтъ молока, а рѣдкая изъ нихъ безъ грудного ребенка...

«Старики... всѣ они голодны и больны, почти всѣ слѣпы. Дѣти... Некрасовъ, конечно, не видѣлъ вотъ этихъ, когда писалъ свои «Крестьянскія дѣти»! Ихъ руки, и щеки, и губы—холодныя, хотя теперь ужъ тепло: личики обрюзгшія, блѣдныя, будто они никогда не бывали на воздухѣ. Даже тѣ, которые бѣгаютъ и смѣются, даже тѣ—не выглядятъ здоровѣй. Но всего больше поражаетъ видъ мужчинъ-работниковъ «кормильцевъ».

«Эти кормильцы едва ходятъ: всѣ жалуются на шумъ въ ушахъ, головокруженіе, общую слабость.

«Лица—угрюмыя, глаза воспаленные. Это—«народъ»... По крайней мѣрѣ, таковъ народъ въ Баландѣ. Правда, мнѣ говорилъ врачъ, что въ сосѣднихъ деревняхъ положеніе еще хуже, еще ужаснѣе, что, напримѣръ, въ селѣ Щербинѣ чуть ли не всѣ слѣпы отъ выдѣлки рогожи, — причемъ работаетъ вся семья и дѣти, но заработка не хватаетъ даже на хлѣбъ; что тамъ, кромѣ цынги и всѣхъ прочихъ болѣзней,—еще и сыпной тифъ. Но этому странно вѣрить: неужели существуетъ что-нибудь ужаснѣе Баланды? Ихъ жилище (большинства)—это крохотная клѣтушка, вся прокоптѣвшая отъ дыма, въ сажень

ширины, столько же длины, съ грудой зловоннаго тряпья и съ потолкомъ такимъ низкимъ, что высокому человѣку приходится стоять съ нагнутой головой. Здѣсь валяется цынготная мать, здѣсь же въ полнѣйшемъ безмолвіи—дѣти.

«Теперь о столовой... Впрочемъ, еще нѣсколько словъ о надеждахъ и мечтахъ жителя Баланды! Онъ мечтаетъ (безъ различія пола и возраста), страстно жаждетъ, какъ избавленія послѣ долгихъ страданій, онъ желаетъ имѣть... цынгу!! Да, я не преувеличиваю нисколько. Извѣстно, что цынга есть слѣдствіе хронической голодовки, «недоѣданія», какъ у насъ называютъ. Проявляется и сопровождается она выпаденіемъ зубовъ, волосъ, скрючиваньемъ ногъ и часто слѣпотой. Болѣзненность—сильная, но видно «голодъ» больнѣе! Моя столовая открыта отъ земства, на средства ли Краснаго Креста или только подъ его контролемъ—точно не знаю, да это и неважно, а важно то, что кормятъ исключительно цынготныхъ: только этимъ выдаютъ ярлыки и, если бы въ деревнѣ было 5 цынготныхъ, то кормили бы только пятерыхъ. Изъ двухсотъ слишнимъ жителей Баланды оказалось счастливчиковъ 56,—а слѣдовательно, только 56, болѣющихъ цынгой, наслаждаются кашей, чувствуютъ себя угодниками Божьими, царями-побѣдителями!.. Лица ихъ ужъ бодрѣй и веселѣй, несмотря на то, что ѣдятъ только 1 разъ въ день,—причемъ на 56 человѣкъ выдается 8 ф. мяса, 7 ф. пшена и по фунту хлѣба. Многіе изъ нихъ *умоляютъ позволить имъ принести дѣтей, чтобы подѣлиться порціей*... Но приказъ строжайшій—не приводить никого и ѣсть здѣсь, въ столовой, иначе тебя прогонятъ...

«Большинство—не попавшіе въ ряды избранниковъ, не болѣющіе счастливой болѣзью,—падаютъ духомъ и тѣломъ слабѣютъ, пускаются на всякія ухищренія, чтобъ обмануть врача (здѣсь есть студентъ-медикъ) и подорвать довѣріе высшихъ къ правильности его діагноза... Но тщетно! цынгу слишкомъ легко отличить,—особенно при стараніи оказаться на высотѣ своего призванія или при стремленіи расходовать, какъ можно меньше... Вчера ко мнѣ пришелъ парень, который все время не давалъ мнѣ покоя, слѣдуя за мною какъ тѣнь по пятамъ, умоляя принять его въ столовую. И вотъ, вошелъ — счастливый, торжествующій: оказалось, что наконецъ и у него признана цынга... Да и всѣмъ имъ ждать придется недолго: завтра или послѣ завтра сойдетъ и на нихъ благодать въ видѣ цынги, тогда и ихъ будутъ кормить (разъ въ день). Но... нетерпѣніе беретъ! ѣсть хочется! «Силы вовсе нѣтъ!» (здѣсь все—чуваши, только нѣсколько русскихъ семей). Разъ двадцать, тридцать въ день говорю: «уходи! нѣтъ для тебя ничего! кормятъ только больныхъ, только у которыхъ цынга!...»

— «А и то грудь разломило! Гляди руки-то какія!..» и непремѣнно покажетъ свою руку, какъ плетку, и голова то у него кружится, и «сердце подводитъ», и дѣтей кормить «стало быть нечѣмъ — и т. д. и т. д...»—«А все-таки уходи!..» Въ общемъ получается нѣчто ужасное, громадное, которое наваливается со всѣхъ сторонъ и давитъ. Тутъ не разберешься... Не въ психологіи и впечатлѣніяхъ тутъ дѣло! Это не психологія... а «голодъ»...

Нечего прибавлять къ этимъ даннымъ. Приводимъ адресъ для посылки денегъ: «Прошу, отъ лица всей этой голодной толпы, прислать денегъ по слѣдующему адресу:

Гор. *Чистополь* (Казанской губ.), предсѣдателю уѣздной земской управы для передачи Ольгѣ Эммануиловнѣ Котылевой въ дер. Нижнюю Баланду».

Ниже читатели найдутъ сообщеніе нашей сотрудницы, г-жи Нелидовой, изъ другой мѣстности Казанской губ. Думаемъ, что этихъ сообщеній вполнѣ достаточно для обрисовки положенія на мѣстѣ.

Ожидаемый неурожай этого года. Съ хлѣбороднаго нѣкогда юга начинаютъ все чаще и чаще доходить извѣстія объ угрожающемъ въ этомъ году неурожаѣ.

По мнѣнію «Одесск. Новостей», «необходимо выяснить заблаговременно размѣры нужды и необходимыя мѣропріятія для борьбы съ нею.

«Необходимо также на дѣло посмотрѣть шире, и только тогда можно будетъ составить планъ кампаніи не только съ цѣлью накормленія голоднаго населенія, но также съ цѣлью поддержки его хозяйства, этой основы благосостоянія всей губерніи,—того самаго благосостоянія, которому теперь грозитъ серіозная опасность».

Газета возражаетъ противъ предубѣжденія, будто-бы въ южныхъ губерніяхъ «голода не бываетъ».

«Въ 1889 году въ Херсонской губ. былъ неурожай. и 1890 годъ далъ 7,000 лишнихъ смертей сравнительно съ предыдущимъ годомъ, число браковъ дало сокращеніе на 3,500, а число рожденій на 12,000; въ общемъ приростъ населенія сократился съ 2,75 проц. на 1,87 проц. Еще хуже было положеніе въ 1892 году, когда смертность получила лишнюю жатву въ 15,500 человѣкъ, а число рожденій уменьшилось на 24.000, при уменьшеніи числа браковъ на 6,000; общій же приростъ населенія упалъ до 1,6 проц. Нѣтъ сомнѣнія, жертвы центра въ голодные годы гораздо сильнѣе. Но развѣ это можетъ дать намъ право утверждать, что на югѣ голода не бываетъ, — утверждать вопреки всякой очевидности?

«Что же касается «неурожаевъ», то и они не составляютъ привилегіи центральныхъ губерній, противополагавшихся въ этомъ отношеніи окраинамъ. Такъ, въ Херсонской губерніи, при среднемъ сборѣ зерновыхъ хлѣбовъ съ одной десятины въ 40 пудовъ, собиралось: въ 1889 году 18 пудовъ, въ 1891 году 21 пудъ, въ 1892 году 28 пудовъ, въ 1896 г. опять 28 пудовъ, наконецъ, въ настоящемъ 1899 году едва-ли будетъ собрано столько, сколько было собрано въ 1892 году, — такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаютъ люди, знающіе деревню. Слѣдовательно, Херсонская губернія не далеко ушла отъ центральныхъ губерній: пять неурожаевъ на протяженіи одного десятилѣтія и тѣ же четыре неурожая, что въ центральныхъ губерніяхъ, начиная съ 1891 года».

«Южное Обозрѣніе» подтверждаетъ, что въ «губерніяхъ Херсонской, Бессарабской, частью Таврической и Екатеринославской и люди и скотъ наканунѣ голодовки, могущей имѣть весьма серіозныя послѣдствія, если своевременно не будутъ приняты мѣры помощи. Общество уже встревожено, города и земства уже заговорили о необходимыхъ мѣрахъ, дабы у насъ не повторилась та же массовая голодная драма, которая происходитъ еще въ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ, взывая къ нашему великодушію».

Другой районъ недорода намѣчается, по свѣдѣніямъ «Торгово-Промышленной газеты», на сѣверо-западѣ. Въ Сѣверо-западномъ краѣ и Приозерныхъ губерніяхъ озимые испытали значительныя повреждения, сѣвъ яровыхъ запоздалъ, и развитіе ихъ дало неудовлетворительные разультаты. Словомъ, и тутъ произошло расширеніе неурожайнаго района подъ вліяніемъ дурной погоды.

Въ предѣлахъ Европейской Россіи органъ Министерства Финансовъ указываетъ 14 губерній съ неудовлетворительными озимыми и 10 съ плохими яровыми посѣвами. При этомъ въ восьми губерніяхъ предвидится неурожай какъ тѣхъ, такъ и другихъ хлѣбовъ, а общее число губерній, имѣющихъ недородъ, достигаетъ шестнадцати.

Неурожай въ Сибири. «Сибирскій Вѣстникъ» въ рядѣ статей г. Селихова указываетъ на значительный неурожай въ Сибири, которая переживаетъ въ этомъ году очень тяжелое время.

«Районъ недорода,—цитируемъ по изложенію «Рус. Вѣдомостей», — захватилъ огромное, даже по сибирскому масштабу, разстояніе. Уже въ *Томской* губерніи не вездѣ обстоитъ благополучно съ продовольствіемъ крестьянскаго на-

селенія; еще въ январѣ крестьяне въ селѣ Тисуль Маріинскаго округа, въ виду нужды и безработицы, бросились на хищническую добычу золота, несмотря на строгость карательныхъ мѣръ, установленныхъ въ законѣ. Но здѣсь во всякомъ случаѣ неурожай постигъ лишь отдѣльныя мѣстности. Совсѣмъ иначе въ *Енисейской* губерніи. Два предыдущіе года были не особенно благопріятны не только въ Канскомъ и Красноярскомъ, но даже въ Минусинскомъ округѣ,— этой житницѣ Сибири. Тѣмъ не менѣе населеніе кое-какъ справилось съ неурожаемъ и не терпѣло особенной нужды, хотя мѣстами уже въ прошломъ году были розданы ссуды на сѣмена. Но неурожай, постигшій губернію въ нынѣшнемъ году, является уже настоящимъ бѣдствіемъ, которому необходимо оказать скорую и энергичную помощь. Въ *Минусинскомъ* округѣ урожай ниже средняго, въ нѣкоторыхъ частяхъ—какъ, въ Курганской волости—прямо плохой. Въ *Енисейскомъ* округѣ дѣло обстоитъ еще хуже, потому что населеніе этой мѣстности не имѣетъ своего хлѣба и живетъ покупнымъ; особенныя затрудненія испытываетъ Ангарскій край — Пинчугская и Кежемская волости,— такъ какъ въ ближайшихъ земледѣльческихъ округахъ хлѣбъ не уродился; для продовольствія населенія закупленъ по распоряженію губернатора хлѣбъ, который хранится въ «Стрѣлкѣ» Енисейскаго округа. Такія же вѣсти идутъ изъ другихъ волостей: въ районѣ деревни Заледѣевой—полный неурожай хлѣба и сѣна; населеніе испытываетъ большую нужду въ продовольственныхъ средствахъ; заработковъ никакихъ нѣтъ. Въ Рождественскомъ селѣ еще *въ декабрѣ* констатировано было начало дѣйствительной голодовки со всѣми сопровождающими ее мрачными послѣдствіями—до распродажи скота включительно; между тѣмъ, по словамъ корреспондента *Восточнаго Обозрѣнія*, крестьяне «подтянуты настойчивымъ собираніемъ податей». Иллюстраціей тѣхъ затрудненій, какія приходится испытывать даже высшей администраціи при опредѣленіи размѣровъ нужды, можетъ служить слѣдующій фактъ.

«Губернаторъ командировалъ въ январѣ въ Казачинскую волость, Енисейскаго округа, окружнаго исправника, которому приказано было объѣздить районъ, съ цѣлью выяснить степень продовольственной нужды населенія. Дѣло простое: оказалось, что до начальства дошло извѣстіе о нуждѣ населенія; но это было не по вкусу земскому засѣдателю, и онъ донесъ, что «все обстоитъ благополучно»: всѣ, молъ, довольны, сыты и благословляютъ начальство за его заботы. По счастью, губернаторъ не повѣрилъ столь точнымъ свѣдѣніямъ. Посланный имъ исправникъ съ первыхъ же шаговъ убѣдился въ справедливости жалобъ общественныхъ приговоровъ на необезпеченность населенія продовольствіемъ; при этомъ выяснилось, что урожай хлѣбовъ и травъ въ районѣ былъ плохой, что хлѣбъ въ деревняхъ этой волости истребленъ «кобылкою» и вслѣдствіе этого большинство деревень Казачинской волости не въ состояніи прокормиться своимъ хлѣбомъ».

Картина неурожая чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ становится все мрачнѣе какъ по обширности захваченнаго бѣдствіемъ района, такъ и по степени продовольственной нужды населенія. Мы въ *Иркутской губерніи*.

«Неурожай охватилъ мѣстность отъ Яндинской волости (Балаганскаго уѣзда), распространившись далѣе по Ангарѣ на сѣверъ до Братской волости (Нижнеуд. уѣзда) включительно, отсюда на сѣверо-востокъ на Илимъ (Киренскаго уѣзда) и далѣе до с. Усть Куты по Ленѣ, потомъ вверхъ по Ленѣ до Орлинской волости включительно. Есть мѣстности неурожая въ Верхоленскомъ (село Косьминское) и Иркутскомъ уѣздахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (напримѣръ, Усть Удинской и Якутской волостяхъ) неурожай, повидимому, свилъ себѣ гнѣздо, посѣщая населеніе нѣсколько лѣтъ подрядъ. Въ деревнѣ Рижской не было вовсе хлѣба въ теченіе двухъ недѣль; крестьяне питались молодымъ картофелемъ, который былъ перехваченъ у плывшаго бусовщика. Въ довершеніе

бѣдъ, откуда ни возьмись, скарлатина, тифъ. Помощи противъ голода никакой. Чтобы получить представленіе какъ велика во многихъ мѣстностяхъ Енисейской губерніи нужда, достаточно привести хлѣбныя цѣны: въ Усть-Кутѣ еще въ началѣ ноября продавали муку по 2 р. 80 к. пудъ, въ деревнѣ Жигаловой—по 2 р. 60 к. Еще въ худшихъ условіяхъ положеніе *Забайкальской* области, гдѣ неурожай достигъ особенно ощутительныхъ размѣровъ, гдѣ мѣстами крестьяне уже питаются хлѣбомъ, испеченнымъ пополамъ съ кореньями пырея.

«Въ *Баргузинскомъ* округѣ уже въ декабрѣ неурожай давалъ себя чувствовать сильно; цѣны страшно повысились: ржаная мука до 2 р., а пшеничная до 2 р. 50 к. и дороже. Но затѣмъ изъ той же мѣстности (баргузинской тайги, окрестности озера Баунтъ) стали доходить ужасныя вѣсти, что баргузинскіе орочане находятся въ крайнемъ положеніи. Хлѣбъ немедленно поднялся въ цѣнѣ,—до 4 р. за пудъ ржаной муки. При такихъ цѣнахъ положеніе усугубляется еще тѣмъ, что и промыселъ былъ неудаченъ вслѣдствіе недостатка пороха и свинца. Полиція, въ вѣдѣніи которой находятся орочане, до января ничего не предпринимала; какъ пишетъ горный исправникъ, только нѣкто Хавскій нашелъ возможность оказать небольшую помощь.

«Овесъ за Байкаломъ также дошелъ до крайнихъ цѣнъ,—до 2 р. за пудъ. На Ленѣ хлѣбъ дошелъ уже до 3 руб.»

Нужно помнить, что во многихъ округахъ масса переселенцевъ, положеніе которыхъ еще хуже, такъ какъ на новыхъ мѣстахъ они еще не успѣли устроиться и неурожай захватилъ ихъ совершенно неподготовленными.

Откликъ окраинъ на народную нужду. «С.-Петербургскія Вѣдомости» сообщаютъ, что въ № 159, отъ 15 (3) іюня, гельсингфорской газеты «Hufvudstadsbladet» напечатано, за подписью «Нѣсколько горожанъ», слѣдующее воззваніе: «Уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ сюда сталъ проникать слухъ объ ужасной нуждѣ и тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя господствуютъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ Россіи. Долго можно было склоняться къ тому предположенію, что описанія тамошняго положенія въ нѣкоторой степени преувеличены, но съ каждымъ днемъ дѣлается все яснѣе, что нужда сильнѣе, чѣмъ думали какъ у насъ, такъ даже и въ самой Россіи. Полныя ужаса описанія ежедневно приходятъ сюда о тѣхъ страданіяхъ, которыя переноситъ населеніе пораженныхъ неурожаемъ губерній, уже ранѣе подвергавшееся тяжелымъ испытаніямъ. Надѣялись, что весна и лѣто облегчатъ тяжелыя испытанія зимы; теперь лѣто уже на дворѣ, но изъ-за холодныхъ погодъ бѣдствіе стало больше, чѣмъ когда-либо. Люди и животныя одинаково лишены самаго необходимаго для поддержанія жизни, а возникшія, къ тому же, болѣзни дѣлаютъ и со своей стороны все, чтобы ухудшить тяжелое положеніе населенія. Неужели мы здѣсь, въ Финляндіи, станемся глухи къ тому внутреннему голосу, который приглашаетъ насъ, изъ чисто человѣческихъ чувствъ, придти и нашими маленькими средствами на помощь страдающимъ въ нуждѣ восточнымъ сосѣдямъ? Многимъ, вѣроятно, покажется, что нужда настолько громадна, что наша небольшая помощь исчезнетъ, какъ капля въ морѣ. Пусть такъ, но если эта капля можетъ спасти хотя бы нѣсколько сотенъ отъ голодной смерти,—она, все же, не останется безцѣльна. Примемся, поэтому, бодро за дѣло, ибо скорая помощь—двойная помощь»!

Редакція газеты, съ своей стороны, проситъ позволенія остановить вниманіе общества на вышеприведенномъ приглашеніи, исходящемъ изъ чистаго человѣколюбія. «Правда, конечно, что край нашъ не богато одѣленъ природою, что его рессурсы крайне ограничены и что та помощь, которую мы можемъ дать, будетъ неизмѣримо мала въ сравненіи съ нуждою. Правда также, что и наши

собственные виды на урожай въ будущемъ далеко немногообѣщающи и что знаменія на политическомъ горизонтѣ указываютъ, что нашему народу придется въ самомъ ближайшемъ будущемъ встрѣтиться съ тяжелыми въ экономическомъ также отношеніи годами. Но, несмотря на все это, наша обязанность, по мѣрѣ нашихъ силъ, придти на помощь нуждающимся въ Россіи, отчаянное положеніе которыхъ принимается къ сердцу и такими націями, которыя стояли отъ голодающихъ гораздо дальше, чѣмъ мы. Если даже наша жертва и будетъ мала, она все-таки нужна и можетъ во всякомъ случаѣ способствовать уменьшенію бѣдствія и спасти ближнихъ отъ мучительной смерти. Если даже природа и климатъ суровы въ Финляндіи, за то мы, охраняемые правовымъ порядкомъ, унаслѣдованнымъ отъ нашихъ отцовъ, и подъ сѣнью закономѣрныхъ общественныхъ формъ, путемъ разумной эксплуатаціи доходныхъ источниковъ страны, путемъ энергичнаго и неустаннаго труда, достигли такого экономическаго положенія, къ которому, быть можетъ, скоро будутъ предъявлены чрезвычайно большія требованія, но которое все-таки, съ другой стороны, даетъ намъ возможность, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, принести и свою жертву, когда существуетъ нужда въ другихъ частяхъ государства. Финляндія которой и самой пришлось много разъ испытывать неурожаи, знаетъ всѣ ужасы голода и хранитъ благодарную память о томъ вспомоществованіи, которое получилъ нашъ народъ въ бѣдственную годину неурожая въ концѣ шестидеятыхъ годовъ. Поэтому мы должны показать на дѣлѣ, что тотъ призывъ къ милосердію, который содержится въ воззваніи нашихъ согражданъ, не прозвучитъ безслѣдно и что, когда рѣчь идетъ о чистой человѣчности, мы хорошо узнаемъ свои обязанности».

Далѣе редакція сообщаетъ, что подписные листы находятся въ конторахъ четырехъ издающихся въ Гельсингфорсѣ газетъ и въ пяти изъ мѣстныхъ книжныхъ магазиновъ.

Такой же откликъ встрѣтила народная нужда и въ губерніяхъ царства Польскаго, гдѣ мѣстные католическіе епископы опубликовали циркулярныя посланія по епархіямъ съ воззваніями къ прихожанамъ о пожертвованіяхъ для русскихъ крестьянъ. Во всѣхъ костелахъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ идутъ дѣятельные сборы, дающіе обильную жатву. Деньги, по мѣрѣ поступленія, пересылаются въ Красный Крестъ, а также непосредственно въ мѣста нужды.

Дѣло о безпорядкахъ на фабрикѣ т-ва В. Морозова 18-го мая въ московской судебной палатѣ слушалось дѣло о безпорядкахъ за фабрикѣ Викула Морозова. Обвинялось 95 человѣкъ, въ томъ числѣ 11 женщинъ.

Какъ видно изъ обвинительнаго акта,

«7-го октября 1897 г., въ 10 час. утра, въ мѣстечкѣ Никольскомъ Покровскаго уѣзда, Владимірской губ., на бумагопрядильной и ткацкой фабрикѣ т-ва мануфактуръ Викулы Морозова съ с-ми, гдѣ до того времени среди рабочихъ никакихъ признаковъ какого-либо общаго недовольства не замѣчалось, около прядильнаго корпуса сгруппировалась толпа рабочихъ сначала незначительная, но затѣмъ увеличившаяся до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, вслѣдствіе того, что стоявшіе у входной двери прядильнаго корпуса рабочіе изъ второй смѣны, которая должна была стать на работу съ 10-ти часовъ, не пропускали на фабрику своихъ товарищей изъ той-же смѣны. Узнавъ объ этомъ, директоръ прядильнаго отдѣленія Яковъ Васильевичъ Чарнокъ и старшій табельщикъ Николай Поспѣловъ, дабы разъяснить недоразумѣніе, вышли къ толпѣ, состоявшей изъ прядильщиковъ, присучальщиковъ и ставельщиковъ, изъ которыхъ первые находились позади остальныхъ. На вопросъ Чарнока и Поспѣлова, почему они не идутъ на работы, изъ толпы отвѣчали, что имъ не приказано идти, а нѣкоторые изъ рабочихъ жаловались при этомъ на то, что

имъ приходится работать по 12-ти часовъ въ сутки, между тѣмъ какъ, по ихъ мнѣнію, по новому закону они съ 1-го октября должны работать не болѣе 9-ти часовъ въ сутки. Слышались также жалобы на уменьшеніе съ 1-го октября заработной платы вслѣдствіе пониженія расцѣнокъ на выработанный товаръ. Директоръ Чарнокъ разъяснилъ рабочимъ, что до 1-го января 1898 г. переходъ на 9-тичасовой рабочій день для фабрикантовъ не обязателенъ и что фабрика Викула Морозова по положенію своихъ дѣлъ не можетъ сдѣлать такого перехода до 1-го января; что расцѣнки на товаръ остались прежнія и заработная плата нисколько не понижена, въ чемъ они сами убѣдятся черезъ мѣсяцъ. Послѣ этого разъясненія большинство рабочихъ 2-й смѣны, главнымъ образомъ женщины и подручные рабочіе, одинъ за другимъ вошли въ прядильную и стали работать, такъ что внѣ фабрики остались только прядильщики и присучальщики, которые, не слушаясь мѣстнаго полицейскаго пристава Кондратьева, убѣждавшаго ихъ стать на работу, двинулись цѣлой толпой къ ткацкой фабрикѣ. За ними пошли Чарнокъ, завѣдующій хозяйственной частью фабрики Свѣшниковъ и приставъ Кондратьевъ. Не прошло послѣ этого и 20-ти минутъ, какъ Чарноку дали знать, что въ прядильной идетъ драка. Оказалось, что какъ только Чарнокъ, Свѣшниковъ и Кондратьевъ ушли за толпой, нѣсколько человѣкъ изъ оставшихся прядильщиковъ ворвались въ прядильный корпусъ и стали всѣхъ оттуда выгонять, мальчики-рабочіе швыряли катушками, и за невозможностью продолжать работу почти всѣ рабочіе ушли, такъ что Чарнокъ засталъ въ прядильной всего нѣсколько человѣкъ рабочихъ. По приказанію Чарнока была остановлена машина, а оставшіеся въ зданіи табельщикъ, смотритель и сторожа заперли наружныя двери прядильной. Между тѣмъ толпа рабочихъ подъ предводительствомъ прядильщика Семена Лукьянова, кричавшаго: «чего смотрите, валяй», направилась къ Никольской конторѣ, откуда вышли управляющій Свѣшниковъ и приставъ Кондратьевъ. На ихъ вопросъ, чего рабочіе желаютъ, многіе изъ толпы отвѣчали, что работать они не желаютъ потому, что расцѣнки понижены и слишкомъ рано начинается работа послѣ праздниковъ, да и харчи стали дороже. Раздавались крики: «давай намъ хозяина!..» Свѣшниковъ объяснилъ, что хозяева не могутъ пріѣхать изъ Москвы ранѣе 8-ми часовъ вечера, и предлагалъ рабочимъ разойтись по домамъ, но они сказали, что расходиться не желаютъ и будутъ ждать хозяевъ на улицѣ. Пробовалъ успокоить рабочихъ и прибывшій въ контору директоръ Чарнокъ, но рабочіе продолжали кричать, требуя такого-же перехода на 9-тичасовой рабочій день, какой уже состоялся на сосѣдней фабрикѣ Саввы Морозова, а также удаленія приказчиковъ Курочкина и Гарцева и табельщика Поспѣлова. Чарнокъ убѣждалъ рабочихъ приняться за работу, указывая на то, что уже вызванъ телеграммой фабричный инспекторъ и всѣ законныя ихъ претензіи будутъ удовлетворены. Ближе стоявшіе рабочіе выражали-было готовность идти на работу и нѣкоторые кричали даже: «идемъ», тѣмъ не менѣе толпа на фабрику не пошла, а разошлась въ разныя стороны.

«Затѣмъ въ 12-мъ часу толпа, состоявшая преимущественно изъ прядильщиковъ, двинулась отъ Никольской конторы къ ткацкимъ фабрикамъ, видимо, для того, чтобы не пускать на работу предстоящую смѣну ткачей. Подойдя къ ткацкимъ, толпа прядильщиковъ остановилась среди улицы, не переставая шумѣть и кричать, а мальчики стали швырять изъ толпы камнями въ окна ткацкихъ корпусовъ, пока не подошелъ управляющій Свѣшниковъ. Несмотря на вызывающее поведеніе прядильщиковъ, ткачи безостановочно шли на свою смѣну въ продолженіе около получаса. Послѣ этого толпа направилась опять къ Никольской конторѣ съ пѣснями, криками, свистомъ. Около трехъ часовъ пополудни толпа вернулась къ ткацкимъ корпусамъ и стала вызывать оттуда ткачей и бросать въ окна фабрики камни, причемъ былъ легко раненъ въ

голову, стоявшій у воротъ фабрики управляющій ткацкимъ отдѣленіемъ Иванъ Рыжовъ. Когда окна въ ткацкихъ корпусахъ были выбиты камнями и вслѣдствіе этого ткачи принуждены оставить работу и выйти на улицу, вся толпа направилась къ прядильному корпусу. Здѣсь рабочіе тоже стали бить окна и таскать изъ оконъ нижняго этажа хранившійся тамъ миткаль, который тутъ же рвали въ клочки, причемъ прядильщикъ Кирилловъ кричалъ: «не берите съ собою,—рвите!» Разбиты были окна и въ новомъ, пристроенномъ къ прядильной, еще не отдѣланномъ ткацкомъ корпусѣ. Послѣ этого толпа направилась къ находившемуся вблизи полотна желѣзной дороги дому директора прядильнаго отдѣленія Чарнока. Предупрежденная о грозящей ей опасности, жена Чарнока съ своею воспитанницей около 4-хъ часовъ удалилась изъ этого дома, и въ немъ оставались только горничная Квасова и кухарка Камберова. Началось битье оконъ, а прядильщики Кирилловъ и Андреевъ вошли черезъ парадную дверь въ квартиру директора и, узнавъ, что его нѣтъ дома, стали требовать у прислуги сначала водки, потомъ денегъ, но, не получивъ ни того, ни другого, вышли, и Квасова заперла за ними парадную дверь на ключъ. Тогда толпа выломала дверь, ворвалась въ домъ, начала ломать мебель и выбрасывать въ окна книги и другія вещи, причемъ Кирилловъ, вынося изъ дому какую-то серебряную вещь, въ родѣ кубка, бросилъ ее на землю и тутъ же растопталъ. Тутъ явился помощникъ полицейскаго пристава съ 15-ю полицейскими служителями, изъ которыхъ нѣсколько человѣкъ, несмотря на градъ камней, успѣли вбѣжать въ домъ и захлопнуть за собою двери, а громившіе квартиру рабочіе стали выбѣгать оттуда. Вскорѣ, однако, толпа вновь ворвалась въ домъ Чарнока. Полицейскій служитель Цыгановъ и нѣкоторые изъ его товарищей, желая остановить нападавшихъ, сдѣлали изъ револьверовъ нѣсколько выстрѣловъ, и однимъ изъ нихъ былъ смертельно раненъ рабочій Маркъ Ивановъ Крючковъ, который, добѣжавъ до полотна желѣзной дороги, упалъ мертвымъ неподалеку отъ директорскаго дома. Раздраженная убійствомъ Крючкова, толпа фабричныхъ бросилась на полицейскихъ служителей, обратившихся въ бѣгство, причемъ одинъ изъ нихъ, Секретаревъ, брошеннымъ изъ толпы камнемъ былъ легко раненъ въ голову, а другой, Никаноровъ, получилъ настолько сильный ударъ камнемъ по лѣвой скулѣ, что лишился чувствъ. Впослѣдствіи, при судебно-медицинскомъ осмотрѣ у него обнаружены были ушибъ лѣваго глаза и опухоль съ краснотою въ области лѣвой скулы, отнесенные врачемъ къ легкимъ поврежденіямъ.

«Между тѣмъ разгромъ директорскаго дома продолжался. Нѣкоторые рабочіе проникли въ подвалъ, наполненный разными винами и водкой «виски», стали разбивать ящики и пить вино прямо изъ бутылокъ, а другіе сваливали въ это время въ нижнемъ этажѣ около топившагося камина обрывки бумаги и обломки разныхъ вещей, причемъ вся эта куча и полъ возлѣ нея загорѣлись, вѣроятно, отъ выпавшаго изъ камина угля, но кухарка Камберова съ помощью конторщиковъ Устинова и Рожкова потушила огонь. Въ 8-мъ часу вечера вспыхнулъ пожаръ во второмъ этажѣ. Потушить его уже не удалось: толпа бросала камнями въ пытавшихся затушить огонь сторожа Прохоренкова и дворника Исаева, перерѣзала пожарные рукава у прибывшей съ фабрики пожарной команды, и домъ директора сгорѣлъ.

«Еще въ началѣ пожара по приказанію Прохоренкова и Исаева былъ вынесенъ изъ дому несгораемый денежный сундукъ. Рабочіе разбили его кувалдами и расхватали хранившіяся въ немъ цѣнности. Выбрасываемую изъ оконъ мебель и другія вещи рабочіе ломали и жгли на разведенномъ возлѣ горѣвшаго дома кострѣ. Та же участь постигла и вынесенную изъ дома рояль, на которой рабочіе сначала поиграли. Таскали на костеръ вещи и изъ сосѣдняго дома, занимаемаго родственникомъ директора, мастеромъ Чарнокомъ, а потомъ сожгли

и самый домъ, пригнувъ къ обоямъ газовые рожки, горѣвшіе во второмъ этажѣ этого дома.

«Отъ дома мастера Чарнока толпа двинулась къ слѣдующему дому, принадлежавшему уже т-ву Саввы Морозова, въ которомъ жилъ повѣренный этой фирмы Никольскій. Подойдя къ дому, толпа стала выбивать въ немъ рамы, а часть рабочихъ вошла въ домъ и зажгла его въ четырехъ мѣстахъ. Прибывшая еще до поджога пожарная команда Саввы Морозова ничего не могла сдѣлать, такъ какъ бунтовавшіе рабочіе бросали въ пожарныхъ камнями, стаскивали съ машинъ и наступали ногами на пожарный рукавъ. Вмѣстѣ съ домомъ Никольскаго сгорѣла и находившаяся рядомъ съ нимъ сторожка, принадлежавшая тоже т-ву Саввы Морозова.

«Около 5-ти часовъ вечера часть буйствовавшихъ около дома директора Чарнока рабочихъ въ количествѣ около 400 человѣкъ, направилась къ Никольской конторѣ, куда, между тѣмъ, въ сопровожденіи полицейскихъ служителей прибылъ приставъ Кондратьевъ, которому дали знать, что рабочіе хотятъ разгромить контору и харчевую лавку. По распоряженію исправника Харкевича и управляющаго Свѣшникова ворота конторы были заперты и приперты извнутри толстыми бревнами, а во дворѣ поставленъ караулъ изъ 300 чернорабочихъ. Подойдя къ конторѣ, толпа стала ломиться въ ворота и бить камнями окна конторы и квартиры хозяевъ Морозовыхъ, помѣщавшейся въ томъ же домѣ. По приказанію пристава находившіеся во дворѣ полицейскіе служители сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ внизъ подъ ворота. Толпа немного отступила, но продолжала кидать камни. Изъ толпы сдѣлано было и нѣсколько выстрѣловъ. По попоказанію одного изъ свидѣтелей, въ толпѣ кричали: «въ директорскомъ домѣ сундукъ раздѣлили, теперь въ конторѣ кассу дѣлить надо»; а нѣкоторые кричали: «пойдемъ въ харчевую лавку завтракать». Нѣкоторыя изъ толпы черезъ разбитыя окна нижняго этажа проникли въ домъ, но послѣ нѣсколькихъ, сдѣланныхъ полицейскими выстрѣловъ на воздухъ, однимъ изъ которыхъ былъ легко раненъ стоявшій на улицѣ 9-лѣтній мальчикъ Тушинъ, повыскакали обратно на улицу. Въ это же время толпа разбила окна красильно-отбѣльнаго заведенія и расхитила весь находившійся тамъ товаръ въ количествѣ болѣе 1 т. пудовъ. Около 8 часовъ вечера толпа порѣдѣла и была разогнана охранявшими контору чернорабочими, при чемъ убѣгавшіе отъ преслѣдованія рабочіе били по дорогѣ стекла въ домахъ служащихъ на фабрикѣ.

«Буйство рабочихъ у горѣвшихъ домовъ Чарнока и Никольскаго затянулось за полночь, и въ толпѣ стали поговаривать о поджогѣ баковъ съ керосиномъ и складовъ хлопка, но къ этому времени служащій на фабрикѣ механикомъ англичанинъ Гилль, возмущенный происходившими у него на глазахъ безпорядками, собралъ нѣсколько сотъ рабочихъ, преимущественно ткачей, не принимавшихъ участія въ безпорядкѣ, вооружилъ ихъ кольями, съ крикомъ «ура» бросился къ горѣвшему еще дому Чарнока и разогналъ все скопище, послѣ чего поставилъ караулъ какъ на мѣстѣ пожара, такъ и вoзлѣ фабричныхъ корпусовъ и домовъ, занимаемыхъ служащими. Во 2-мъ часу ночи безпорядки окончательно прекратились, а къ 5 часамъ утра прибыли войска, а затѣмъ и владимірскій вице-губернаторъ, распорядившійся, чтобы фабрика немедленно была пущена въ ходъ, но за отсутствіемъ Чарнока, выѣхавшаго съ семьею въ Москву, это могло быть исполнено только въ 12 часовъ дня. Когда фабрика стала дѣйствовать, вице-губернаторъ обратился къ рабочимъ съ требованіемъ, чтобы они немедленно стали на работу, что̀ послѣ нѣкотораго колебанія и было исполнено почти всѣми рабочими въ тотъ же день.

«На предварительномъ слѣдствіи директоръ прядильной фабрики Чарнокъ показалъ, что понесенный имъ отъ безпорядковъ убытокъ простирается до 46-ти тысячъ рублей слишкомъ, и въ томъ числѣ у него похищено болѣе 12 тыс.

рублей деньгами, хранившимися вмѣстѣ съ брилліантами его жены въ несгораемомъ сундукѣ, стоявшемъ въ квартирѣ.

«Показаніями того же Чарнока и фабричныхъ инспекторовъ: старшаго Свирскаго и участковаго Гончарова выяснено, что изъ причинъ недовольства рабочихъ фабрики Викулы Морозова, выраженныхъ ими самими въ началѣ безпорядковъ, двѣ причины не лишены основательности, а именно желаніе перехода на 9-ти-часовой рабочій день и слишкомъ раннее начало работъ послѣ праздниковъ. Дѣло въ томъ, что рабочіе желали работать только девять часовъ въ сутки, какъ на сосѣдней фабрикѣ Саввы Морозова, но съ тѣмъ, чтобы уменьшеніе рабочаго времени было вознаграждено соотвѣтствующей прибавкой къ разцѣнкѣ и чтобы такимъ образомъ заработокъ ихъ остался приблизительно прежнимъ. Товарищество Саввы Морозова, идя на встрѣчу новому закону о количествѣ рабочаго времени, обязательному для введенія съ 1-го января 1898 года, еще съ лѣта 1897 г. перешло на своей фабрикѣ, находящейся такъ же въ мѣстѣчкѣ Никольскомъ, къ 9-ти-часовому рабочему дню, между тѣмъ какъ на фабрикѣ Викулы Морозова по разнымъ хозяйственнымъ соображеніямъ переходъ съ 12-ти-часоваго рабочаго дня на 9-ти-часовой не могъ состояться ранѣе 1-го января 1898 г. Въ виду этого при исчисленіи заработковъ каждаго изъ рабочихъ прядильного отдѣленія оказалось, что хотя средній мѣсячный заработокъ рабочаго у Викулы Морозова былъ на 10% больше, чѣмъ у Саввы Морозова, но тѣмъ не менѣе каждый рабочій часъ въ отдѣльности у Викулы Морозова оплачивались на цѣлыхъ 8% дешевле. Кромѣ того прядильщики Викула Морозова видимо были недовольны еще и тѣмъ, что послѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней они вмѣстѣ съ присучальщиками и ставельщиками начинали работу въ четыре часа утра, тогда какъ ткачи и другіе рабочіе той же фабрики приступали къ работамъ на часъ, а прядильщики Саввы Морозова даже на два часа позднѣе.

«Часть подсудимыхъ была оправдана, другіе приговорены къ аресту на болѣе или менѣе продолжительные сроки.

Состояніе народнаго просвѣщенія въ Петербургѣ. 22 года тому назадъ, когда народное образованіе въ Петербургѣ перешло въ завѣдываніе думы, городскихъ училищъ въ столицѣ насчитывалось всего 14, а въ сентябрѣ 1898 г. было уже 396 училищъ съ 19.000 учащихся. Въ отчетномъ 1898—1899 г. городскою думою открыто 20 новыхъ классовъ на 1.000 учащихся и постановлено думою открыть первое городское четырехклассное училище на 200 мальчиковъ, окончившихъ курсъ городскихъ начальныхъ училищъ. Благодаря быстрому росту числа школъ, число отказовъ въ пріемѣ въ школы за недостаткомъ мѣстъ ежегодно уменьшается, и въ отчетномъ году оно едва достигло 690, тогда какъ еще недавно отказы насчитывались тысячами. Число многоклассныхъ училищъ достигло 21 съ 76 классами; въ минувшемъ году дума сдѣлала постановленіе о постройкѣ второго городского училищнаго дома съ 18 классами на 1.000 дѣтей обоего пола. Результаты учебнаго года выразились въ слѣдующемъ: успѣшно окончили трехлѣтній курсъ ученія въ начальныхъ училищахъ около 4.300 дѣтей, въ томъ числѣ 1.800 дѣвочекъ; въ процентномъ отношеніи числа окончившихъ курсъ къ общему числу учащихся достигнуто повышеніе на полпроцента противъ результатовъ прошлаго года (21%). Сравнительно небольшой процентъ оканчивающихъ курсъ объясняется тѣмъ, что родители берутъ дѣтей изъ школы часто ранѣе срока. Освобождено было отъ платы за ученіе свыше 3.300 дѣтей; въ отчетномъ году коммиссіею былъ возбужденъ вопросъ объ освобожденіи отъ платы всѣхъ учащихся, причемъ сдѣлано предположеніе не освобождать имущихъ дѣтей отъ платы, а употребить эту плату на удовлетвореніе нуждъ бѣднѣйшихъ учащихся. Около 1.000 бѣдныхъ дѣтей

получали въ училищахъ ежедневные даровые завтраки, многія получали даровыя пособія, и около 500 слабыхъ и больныхъ дѣтей были отправлены на городской счетъ въ лечебныя колоніи, санаторіи и т. п., на что, вмѣстѣ съ устройствомъ лѣтняго дѣтскаго сада для остающихся въ городѣ дѣтей, было израсходовано около 17.000 рублей.

Общій итогъ расходовъ городского управленія на начальное народное образованіе достигъ въ отчетномъ году 870.000 рублей; на текущій же гражданскій годъ городскою думою ассигновано на народное образованіе 1.103.000 р., что при городскомъ бюджетѣ въ 12.783.000 руб. составитъ 9 проц.

Одновременно съ расширеніемъ площади народнаго образованія, городское управленіе принимало мѣры и къ углубленію его. Хотя по закону на начальное народное образованіе полагается 6 лѣтъ, но въ Петербургѣ не было до сихъ поръ ни одного народнаго училища съ 6-ти-лѣтнимъ курсомъ, а имѣющіяся нѣсколько училищъ съ четырехгодичнымъ курсомъ, представляющихъ послѣдующую за начальными городскими училищами ступень образованія, содержатся или министерствомъ народнаго просвѣщенія или частными лицами; поэтому, учащимся въ городскихъ училищахъ приходилось въ большинствѣ случаевъ ограничиваться лишь тѣмъ образованіемъ, которое они выносили, и то далеко не всѣ, изъ этихъ училищъ. Городское управленіе пошло на встрѣчу къ удовлетворенію нужды дѣтей городского населенія въ болѣе полномъ начальномъ образованіи и еще въ 1896 году, когда исполнилось 100 лѣтъ со дня смерти основательницы городскихъ училищъ, Императрицы Екатерины II, сдѣлало постановленіе объ открытіи перваго четырехкласснаго городского училища въ память Императрицы Екатерины II. Въ настоящее время городской думѣ разрѣшено открыть это училище на правахъ частнаго лица. Программа этого училища одинакова съ программами министерскихъ училищъ такого же типа, но думѣ дано право расширять ее, вводя въ курсъ училища новые предметы, соотвѣтственно мѣстнымъ нуждамъ. Насажденіе подобныхъ училищъ въ числѣ, соотвѣтствующемъ числу начальныхъ училищъ, можетъ дать ту полноту начальнаго народнаго образованія, которая предусмотрѣна закономъ.

Такіе результаты несомнѣнно блестящи, но есть и темныя стороны, указанія на которыя читатели могутъ найти въ интересныхъ очеркахъ г-жи Манасеиной, печатающихся съ іюльской книги въ нашемъ журналѣ. Желаемъ искренно, чтобы по мѣрѣ развитія дѣятельности городской думы на этомъ поприщѣ, эти темныя стороны отошли въ область прошлаго.

Учрежденія въ память Пушкина. Число городовъ, пожелавшихъ ознаменовать столѣтнюю годовщину рожденія Пушкина учрежденіемъ «народныхъ домовъ» имени поэта, превышаетъ 20. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ городовъ уже состоялась закладка «народнаго дома», въ другихъ сдѣлано постановленіе объ ассигнованіи или изысканіи необходимыхъ средствъ и о скорѣйшемъ осуществленіи мысли о «народномъ домѣ». Кромѣ Москвы, городское управленіе которой ассигновало 100 тысячъ рублей на постройку «народнаго дома» близъ мѣста, гдѣ родился Пушкинъ, къ такимъ городамъ принадлежатъ: Баку (городскою думой ассигновано 150 тысячъ рублей; обычныя празднества въ память Пушкина имѣли мѣсто своимъ чередомъ); Каменецъ-Подольскъ (состоялась закладка; ассигновано около 50 тысячъ рублей); Псковъ (по утвержденному плану «комитета по сбору пожертвованій на устройство учрежденій въ память Пушкина въ Псковской губерніи»); Казань (собственно, народная аудиторія, но о размѣрахъ ея и о предполагаемыхъ при ней приспособленіяхъ можно судить по тому, что по смѣтѣ городскаго строительнаго комитета стоимость аудиторіи должна превысить 70 тысячъ рублей; закладка—26-го мая); Батумъ (кромѣ обычныхъ составныхъ частей «народнаго дома»—аудиторіи, библіотеки-читальни,

чайной и т. п.—въ немъ проектированъ также музей для произведеній кустарной промышленности Кутаисской губ.; смѣта—приблизительно 20 тысячъ рублей); Пермь (иниціатива мѣстнаго драматическаго кружка; городская коммиссія по вопросу о чествованіи памяти Пушкина постановила образовать фондъ); Майкопъ, Кубанской области (думой ассигновано 9.000 р., по частной подпискѣ деньгами и матеріалами собрано свыше 5.000 р.); Екатеринбургъ (постановлено открыть подписку); Верхнеднѣпровскъ, Екатеринославской губ. (иниціатива уѣзднаго комитета попечительства о народной трезвости, который постановилъ отчислять суммы изъ собственныхъ средствъ и привлекать средства изъ другихъ источниковъ); Уральскъ (26-го мая —освященіе и передача благотворительнымъ Обществомъ Обществу попеченія о начальномъ образованіи); Одесса (при учреждаемомъ убѣжищѣ для инвалидовъ печати); Ставрополь (думой постановлено ежегодно отчислять средства до тѣхъ поръ, пока составится необходимая для постройки «народнаго дома» сумма); Владивостокъ (думой ассигновано 15.000 р.); Каневъ, Кіевской губерніи (26-го мая состоялось открытіе уѣзднымъ комитетомъ попечительства о народной трезвости). Кромѣ этихъ городовъ учрежденіе «народныхъ домовъ» въ связи съ чествованіемъ памяти Пушкина предполагается въ Сергачѣ, Нижегородской губерніи, Таганрогѣ, Воронежѣ, Симферополѣ, Красноярскѣ, Екатеринодарѣ, Кіевѣ (иниціатива и проектъ кіевскаго Общества грамотности). Харьковскій «народный домъ», проектируемый уже давно, предполагается также наименовать «Пушкинскимъ».

В. Г. Бать. (Некрологъ). Въ ночь на 23 мая, сообщаетъ *«Врачъ»*, въ Новгородѣ, въ больницѣ для острозаразныхъ, скончался отъ сыпнаго тифа эпидемическій врачъГубернскаго Земства по Тихвинскому уѣзду Владиміръ Гедеоновичъ Бать, родившійся въ 1859 году.

Уроженецъ Юга, В. Г., по окончаніи курса въ одной изъ Кіевскихъ гимназій въ концѣ 70-хъ годовъ, поступилъ на медицинскій факультетъ Кіевскаго университета, но тутъ его страстное желаніе учиться было прервано въ самомъ началѣ по причинамъ отъ него независѣвшимъ; и только нѣсколько лѣтъ спустя ему удалось попасть на медицинскій факультетъ въ Казанскій университетъ, но и тамъ онъ не могъ закончить свое медицинское образованіе и вынужденъ былъ для этой цѣли уѣхать заграницу.

Прослушавъ два года медицинскій курсъ въ München'ѣ и получивъ тамъ степень доктора медицины, онъ въ 90-мъ году получилъ, наконецъ, возможность сдать правительственное испытаніе на лѣкаря при Харьковскомъ университетѣ. Добившись послѣ стольких усилій и препятствій званія русскаго врача, В. Г. началъ свою дѣятельность въ Кіевской еврейской больницѣ для бѣдныхъ, интерномъ хирургическаго отдѣленія. Прослуживъ въ больницѣ 3 года, онъ поступилъ врачемъ на одинъ изъ сахарныхъ заводовъ Кіевскаго уѣзда, а въ 1897 году ему удалось, наконецъ, получить право на жительство и въ Петербургѣ.

Живя въ Петербургѣ, В. Г. посвящалъ все свое, свободное отъ медицинскихъ занятій, время литературнымъ трудамъ и въ теченіе 1897 и въ началѣ 1898 г. напечаталъ въ «Мірѣ Божіемъ» статьи: «Н. И. Пироговъ», «Алкоголизмъ и борьба съ нимъ» и «Чахотка и народныя санаторіи»; кромѣ того, за тоже время онъ написалъ и издалъ общедоступную брошюру о сыпномъ, брюшномъ и возвратномъ тифахъ.

Въ февралѣ 1898 года онъ поступилъ на службу эпидемическимъ врачемъ Новгородскаго Губернскаго Земства и переѣхалъ на постоянное жительство въ г. Тихвинъ. Многотрудная, но по результатамъ не всегда плодотворная дѣятельность эпидемическаго врача не вполнѣ удовлетворяла В. Г., и онъ небольшой остатокъ свободнаго времени посвящалъ изученію санитарныхъ условій на-

селенія Тихвинскаго уѣзда, преобладающимъ занятіемъ котораго служитъ лѣсной промыселъ. Обративъ тщательное вниманіе на этотъ главный промыселъ населенія, В. Г. минувшей зимой, пользуясь каждымъ свободнымъ днемъ, разъѣзжалъ по лѣснымъ заготовкамъ, изучая временныя жилища рабочихъ, ихъ быть, питаніе и условія работы на лѣсныхъ промыслахъ. Результатомъ этого труда явилась работа В. Г. о лѣсныхъ промыслахъ въ Тихвинскомъ уѣздѣ, посланная имъ на VII съѣздъ русскихъ врачей въ Казани, куда всею душею стремился попасть и самъ покойный, но куда ему попасть не пришлось, такъ какъ почти одновременно съ Казанскимъ съѣздомъ былъ созванъ и Съѣздъ эпидемическихъ врачей въ Новгородѣ.

Передъ отъѣздомъ въ Новгородъ В. Г. заразился сыпнымъ тифомъ отъ одного изъ своихъ больныхъ, въ крестьянской семьѣ Тихвинскаго уѣзда, и пріѣхалъ въ Новгородъ уже больнымъ; 6 мая онъ поступилъ въ больницу, а 23-го его не стало. Вѣсть о смерти В. Г., какъ громомъ, поразила всѣхъ знавшихъ и любившихъ его въ Тихвинѣ и въ особенности кружокъ врачей города и уѣзда, которому въ короткій двухлѣтній промежутокъ времени пришлось похоронить уже двухъ достойнѣйшихъ изъ своихъ товарищей — эпидемическихъ врачей В. В. Ле-Дантю и В. Г. Батя.

На похоронахъ въ Новгородѣ, 27 мая, кромѣ Новгородскихъ врачей и депутата отъ Тихвинскихъ врачей, городскаго врача г. Тихвина С. И. Венделя, присутствовали: Новгородскій губернаторъ, вице-губернаторъ, Губернская Земская Управа въ полномъ составѣ и много людей изъ общества, пораженныхъ горькою участью безвременно погибшаго при выполненіи своихъ обязанностей врача. На гробъ были возложены вѣнки: отъ Тихвинскихъ врачей и друзей (2 вѣнка), отъ Тихвинскаго уѣзднаго земства, отъ Новгородскаго Губернскаго Земства и отъ родныхъ покойнаго. На могилѣ была произнесена потрясшая всѣхъ присутствовавшихъ своей грустною задушевностью рѣчь наиболѣе близкаго къ покойному изъ Тихвинскихъ товарищей д-ра С. И. Венделя.

На голодѣ.

(Письмо въ редакцію).

Въ темный холодный вечеръ 23-го апрѣля подъѣзжала я къ мѣсту моей будущей дѣятельности—большому селу Жедяевкѣ Спасскаго уѣзда Казанской губ. Отвратительная разбитая дорога шла вдоль низкаго берега маленькой рѣченки, которая расплескала свои весеннія воды по плоскимъ берегамъ, какъ по блюдечку, и омыла близъ лежащее сельское кладбище.

— Жедяевка—очагъ всякихъ заразительныхъ болѣзней,—сказалъ мнѣ земскій врачъ этого раіона.

И немудрено, если жители всю весну пьютъ воду, стекающую съ кладбища и дышатъ испареніями болотъ окружающихъ село. Съ какимъ-то чувствомъ тоскливаго ужаса смотрѣла я на тусклые огоньки, мелькающіе тамъ и сямъ въ селѣ и, подъ впечатлѣніемъ только что слышанныхъ разсказовъ, представляла себѣ его обитателей голодныхъ, оборванныхъ, истощенныхъ всякаго рода болѣзнями и терпѣливо ждущихъ откуда-нибудь помощи.

Съ чѣмъ я ѣду къ нимъ и что я въ силахъ сдѣлать для нихъ? Мѣсяцъ свободнаго времени и 225 рублей собранныхъ денегъ—было все, что я могла имъ дать. И при томъ еще полная неопытность въ дѣлѣ. Только искренность моего желанія—помочь чѣмъ могу—ободряла меня.

По дорогѣ, отъ Казани до Спасска и отъ Спасска до Жедяевки, я уже

успѣла собрать кое-какія свѣдѣнія относительно цѣнъ на муку, солонину, дрова и т. п., успѣла повидаться и поговорить съ нѣкоторыми завѣдующими столовыми и мѣстными жителями, стоящими въ курсѣ дѣла.

— Насъ все просятъ,—говорили они мнѣ,—указать мѣста, гдѣ дѣйствительная нужда. А гдѣ ея нѣтъ теперь? Сразу-то можетъ быть ее и не вездѣ замѣтишь, а какъ поживешь недѣльку, такъ всякихъ диковинъ насмотришься. Иногда руки опускаются отъ отчаянія и отъ сознанія полнаго безсилія передъ общей бѣдой.

Говорили мнѣ также о необходимости питательныхъ пунктовъ для цынготныхъ. Во многихъ селахъ и деревняхъ, находящихся въ раіонахъ медицинскихъ пунктовъ, не было еще столовыхъ и цынготные продолжали питаться хлѣбомъ съ водой.

Но устраивать столовыя только для цынготныхъ и оставлять безъ вниманія еще не заболѣвшихъ, но голодающихъ, вовсе не входило въ мои планы (вѣдь каждый голодающій есть несомнѣнный кандидатъ на цынгу); я рѣшила устроить общую столовую для бѣднѣйшихъ, въ число которыхъ входили, конечно, всѣ больные цынгою. Съ нихъ я и начала списокъ, обходя избы по указаніямъ медика, камандированнаго въ эту мѣстность «Краснымъ Крестомъ».

Цынга для мѣстныхъ крестьянъ явилась незнакомой гостьей.

— И что за немощь такая,—говорятъ они,—никогда такой не было.

А немощь тяжелая и злая: во рту все болитъ, ни ѣсть, ни пить нельзя, зубы шатаются, изъ десенъ кровь идетъ, а потомъ ударится боль въ ноги и онѣ покроются сине-багровыми пятнами, разбухнутъ какъ бревна—ни согнуть, ни разогнуть; что дальше, то хуже и въ концѣ концовъ не можетъ человѣкъ ни сѣсть, ни встать, ни лечь, ни пошевельнуться. Цѣлыя семьи иногда лежатъ въ такомъ состояніи. И единственное ихъ утѣшеніе это лежать на печкѣ—все какъ будто теплѣе-то, такъ легче, говорятъ они: «да и тутъ горе: залѣзть-то залѣзешь, а слѣзть-то и не въ моготу и помочь некому—совсѣмъ хоть помирай на печкѣ».

И въ хорошей компаніи гуляетъ цынга по злополучнымъ мѣстамъ неурожая: гдѣ тифъ и дифтиритъ, гдѣ малярія и многія другія болѣзни, усиленныя плохимъ питаніемъ, сопутствуютъ ей.

Въ Жедяевкѣ всю осень былъ повальный тифъ. Много народу молодого и сильнаго прибралось за это время и надо удивляться крѣпости организма перенесшихъ тифъ и поправляющихся послѣ него на хлѣбѣ съ водой, причемъ первый употребляется въ болѣе, чѣмъ умѣренномъ количествѣ, а вторая сколько угодно. Конечно, поправляются они относительно, т. е. не умираютъ, а бродятъ худые, желтые, обезсиленные.

Вижу въ одной избѣ молодую рослую бабу сильнаго сложенія—чуть не валится съ ногъ отъ слабости. Въ глазахъ безысходная тоска. Спрашиваю и выслушиваю грустную повѣсть, слышанную уже въ нѣсколькихъ избахъ съ небольшими измѣненіями: «Осенью заболѣлъ хозяинъ горячкой и померъ, ходила за нимъ, сама свалилась, да вотъ всю зиму и промаялась, и ѣсть-то нечего и тоска-то грызетъ: что я съ ребятами буду дѣлать, какъ подымать безъ отца, когда въ избѣ ни куска хлѣба и скотина вся проѣдена».

Тутъ двое ребятъ, а у другихъ вдовъ четверо, пятеро, малъ-мала меньше, голодныя, оборванныя цѣпляются за сарафанъ матери, которая сама только-что отъ вѣтра не падаетъ.

Что они ѣдятъ, какъ существуютъ—неизвѣстно. Земская ссуда—30 фунтовъ на ѣдока—съѣдается семьей чуть не въ полмѣсяца. А откуда взять до новой получки? По міру ходить нечего, потому что подавать некому—кто прежде и богатъ былъ, нынче подтянулся. Невольно повѣришь разсказамъ о томъ, какъ зимой заваривали солому вмѣсто чая или золу въ горшкѣ вмѣсто каши.

Вездѣ одна и та же пѣсня: «какая нынче ѣда, матушка, хлѣбъ одинъ, да и то не каждый день, а хлебова-то горячаго и въ разговѣнье не попробывали,—только сырой водой надуваешь брюхо».

— Картофельку бы я, померла бы ,поѣла,—говоритъ одна больная женщина съ какой-то страстной тоской въ голосѣ.

— Луковки почитай всю зиму не видали—говоритъ другая.

Чѣмъ-то дикимъ и непонятнымъ звучатъ для насъ тоскливыя жалобы о картофелѣ, горохѣ, квасѣ, лукѣ...

Кончила списки цынготныхъ—оказалось свыше сорока человѣкъ,—число небольшое на двухтысячное населеніе, но нужно замѣтить, что въ Жедяевкѣ есть богатые крестьяне изъ государственныхъ, голодъ же и нужда ютятся преимущественно у бывшихъ барскихъ крестьянъ, имѣющихъ однодесятинный надѣлъ. На ряду съ полуразрушенными избенками тамъ встрѣчаются большіе каменные дома съ желѣзными крышами.

Предстояло теперь переписывать бѣднѣйшія семьи съ тѣмъ, чтобы брать изъ нихъ двоихъ, троихъ членовъ, смотря по количеству ѣдоковъ въ семьѣ. Начались опросы о количествѣ членовъ семьи, о скотѣ, курахъ и т. п. Стыдно сказать — единственная оставшаяся коровенка служила предлогомъ уменьшить число записанныхъ.

— А что съ нея взять, съ коровенки-то? Сама она еле дышетъ—гнилой соломой всю зиму кормили.

Что дѣлать, у другихъ послѣдняя овца, курица проѣдены, и въ избѣ и во дворѣ хоть шаромъ покати — одни ребята пищатъ, да вѣтеръ свиститъ сквозь громадныя дыры полуразобранныхъ крышъ.

Больше чѣмъ на половину скота уменьшилось въ селѣ за минувшую зиму. Продавали по 4 рубля корову и лошадь, а овца шла за полтинникъ и меньше. Выбираешь, вычеркиваешь, приписываешь и въ концѣ концовъ будущая столовая начинаетъ походить на трапезу для нищихъ. Больше половины всего количества дѣти, больные, затѣмъ старики, старухи. Послѣднимъ совсѣмъ житья нѣтъ во время голода, на ихъ горе смерть не прибираетъ ихъ.

— Всѣ говорятъ, вамъ помирать пора, какая вамъ ѣда,—мы бы и рады, да смерть нейдетъ, а вѣдь поѣсть-то все хочется.

Весь рабочій людъ остается на томъ же хлѣбѣ съ водой. Мнѣ казалось это вопіющей несправедливостью и приводило меня въ отчаяніе. Я думала, что не умѣю справиться, распредѣлить, что въ другихъ мѣстахъ устраиваютъ иначе, но потомъ узнала, что вездѣ столовыя существуютъ на такихъ-же условіяхъ. Небольшая помощь, оказываемая при этомъ, заключается въ томъ, что убавляется одинъ—два рта въ семьѣ и, можетъ быть, останутся два лишніе фунта хлѣба въ день на мужика.

Я говорю, *можетъ быть*, потому что трудно себѣ представить, чтобы при ѣдѣ одинъ разъ въ день люди были сыты до слѣдующаго дня.

Однимъ словомъ, за мою недолгую практику и по разсказамъ другихъ, я вывела заключеніе, что столовыя исключительно бабья забота: онѣ записываютъ своихъ ребятъ, онѣ хлопочатъ о помѣщеніи стариковъ и старухъ, наконецъ, онѣ же поднимаютъ вопль при несправедливости, которую усмотрятъ въ составленіи списковъ. Изъ мужиковъ я видѣла за все время только цынготныхъ.

Невольно сопоставляешь приведенные факты съ разговорами о развращающемъ вліяніи дарового кормленія. Кого оно развращаетъ? И можетъ ли крестьянинъ хотя на одну минуту отложить заботы о семьѣ, вслѣдствіе того, что одинъ или два ребенка или больная старуха поѣдятъ разъ въ день въ столовой? Развѣ это что-нибудь прибавитъ къ его разоренному хозяйству? И вообще развѣ это помощь? Это только временная филантропія, филантропія необходимая, когда

рѣчь идетъ о поддержаніи жизни тысячи людей, но только жизни... Не помощь развращаетъ крестьянъ, а опускаются они нравственно и физически, вслѣдствіе постепеннаго разоренія и постояннаго недоѣданія.

Нужно предположить, что у мужика исчезло уже всякое понятіе о *человѣческой* жизни, если думать, что система столовыхъ и вообще кормленія во время голодовокъ развращаетъ его, т. е. пріучаетъ къ дармоѣдству.

Не зная еще хорошенько, какъ распредѣлить деньги, я хотѣла открыть столовую на 125 человѣкъ, но къ открытію ея—25-го апрѣля—списокъ увеличился уже до 150. На этомъ я думала закончить, имѣя въ виду еще хоть одну изъ сосѣднихъ деревень, на которыя мнѣ указывали, какъ на сильно нуждающіяся.

Рано утромъ, 25-го апрѣля, пошла я въ избу, отведенную подъ столовую. Кухарка—мощная высокая старуха—съ дѣловымъ видомъ хлопотала около громадныхъ чугуновъ съ хлебовомъ, а на столахъ уже лежали покрытые караваи хлѣба. Вмѣстѣ съ старухой суетилась помощница—бойкая, заискивающая, немолодая уже баба. О ея существованіи я еще не знала, но въ первый же день она безмолвно доказала мнѣ, что безъ нея не обойтись, а за работу «что пожалуете».

Съ восьми часовъ начали приходить ребятишки съ чашками и ложками. Терпѣливо сидѣли они на крыльцѣ и ждали до 11-ти часовъ, когда старуха съ нѣкоторой торжественностью объявила, что хлебово поспѣло и можно сажать за столъ.

Всѣ, врослые и маленькіе, ѣли молча, съ торопливой жадностью. Кухарки жаловались мнѣ потомъ, что всѣ «налегаютъ» на хлебово и совсѣмъ не ѣдятъ хлѣбъ. Понятно, что они хотятъ унести домой хлѣбъ, чтобы поѣсть еще хоть одинъ разъ въ продолженіе дня.

Ребята съ перваго же дня стали нарушать списокъ кормящихся. Маленькіе приходили съ «нянками», т. е. сестрами, дѣвочками отъ 10 до 13 лѣтъ, безъ которыхъ они боялись оставаться. «Няньки» сажали ихъ на полъ, растилали столешникъ, ставили чашку съ ложками и уходили къ сторонкѣ, откуда молча голодными глазами слѣдили за обѣдающими. Онѣ были всегда сверхъ количества записанныхъ ѣдоковъ отъ семьи, но оставлять ихъ тутъ молчаливыми свидѣтелями обѣда было положительно невозможно. Я не понимаю, какъ ихъ дѣтскій разумъ постигалъ эту несправедливость и какъ могли онѣ столь безропотно покоряться ей.

Вообще, съ перваго же дня я увидала, какъ много еще осталось обдѣленныхъ и обиженныхъ. Сколько еще жалобъ, слезъ и обвиненій въ несправедливости я слышала...

Въ продолженіе недѣли пришлось довести списокъ до 180 человѣкъ и я заявила, что больше никого не могу записывать. Къ счастію, какъ разъ въ это время были пожертвованы частнымъ лицомъ деньги спеціально на цынготныхъ Жедяевки. На эти деньги мѣстный священникъ сталъ кормить 50 человѣкъ больныхъ, отдѣлившихся отъ моей столовой. Разумѣется, въ тотъ же день недостатокъ былъ пополненъ пятидесятью новыми. Такимъ образомъ въ Жедяевкѣ кормилось теперь 293 человѣка: сто восемьдесятъ въ моей столовой, 50 цынготныхъ и 63 школьника (отъ «Краснаго Креста») у батюшки. Крошечнымъ дѣтямъ приходилось раздавать пшено на кашу, такъ какъ за неимѣніемъ молока, имъ совершенно нечѣмъ питаться. Мнѣ жаль было разставаться съ моими цынготными. Подобрались ли они случайно, или сдѣлались такими вслѣдствіе своей безпомощности — но они были удивительно симпатичны. Кроткіе, деликатные, необыкновенно терпѣливые, они какъ будто чувствовали себя виноватыми и извинялись передъ кѣмъ-то за свое долгое и томительное недомоганіе. На нихъ были видны результаты кормленія: въ началѣ большинство изъ нихъ

не могло двигаться, такъ что имъ носили пищу домой, а къ концу мѣсяца всѣ приходили сами, хотя и съ трудомъ. Отъ «Краснаго Креста» имъ раздавали чай, сахаръ и клюквенный экстрактъ. Частнымъ образомъ жертвовали и раздавали немного лимоновъ. Безъ боли въ сердцѣ невозможно вспомнить, сколько восторга и счастія въ однихъ и сколько зависти въ другихъ, вызывала возможность попить «горячаго чайку съ кисленькимъ», и какое блаженство изображалось при этомъ на лицахъ — «какъ въ рай попали»...

Въ Жедяевкѣ было теперь все налажено, нужно было направляться въ другую намѣченную мною деревню, откуда шли уже тревожные слухи. Разсказывали, что одинъ мужикъ на пашнѣ не могъ стоять на ногахъ и буквально падалъ, вслѣдствіе истощенія и слабости.

Деревня тоже большая и тоже нечего было мечтать о нововведеніяхъ. Какъ-то само собой быстро и легко укладывалось все въ обычную рутинную форму. Опять появились на сцену бабы съ ребятами и сами ребята, усердно хлопочущіе другъ за друга, опять выползли отовсюду старики и старухи, чувствуя, что хоть тутъ они имѣютъ право на кусокъ, котораго нигдѣ не получаютъ безъ попрековъ.

Набралось такого народу 145 человѣкъ и 4 мая была открыта столовая.

Къ этому времени пріѣхала изъ Петербурга г-жа Апостолопулло, членъ Женскаго Общества Взаимопомощи, и вскорѣ открыла четыре столовыхъ на разстояніи 8—10 верстъ. На ея долю выпало исключительное счастіе—открывать столовыя въ небольшихъ селеніяхъ, гдѣ при количествѣ 100—120 человѣкъ, обѣдали почти *поголовно*.

Въ Жедяевкѣ жизнь уже вошла въ свою колею. Волненіе, вызванное устройствомъ столовой улеглось; получившіе—успокоились, обдѣленныя,—смирились. Что обдѣленныя были я въ этомъ нисколько не сомнѣваюсь, мнѣ приходилось говорить уже о томъ, съ какой іезуитской точностью приходилось составлять списки *голодающихъ*. Во всякомъ случаѣ со стороны недовольныхъ я не встрѣчала больше непріятностей и могла болѣе или менѣе спокойно знакомиться, разговаривать и наблюдать, по мѣрѣ возможности, жизнь окружающихъ меня людей.

Жизнь тусклая, сѣрая, неподвижная,—яркимъ пятномъ выдѣляется на ней только неурожай, на которомъ сосредоточены всѣ помыслы крестьянскаго населенія. Отъ урожая будущаго года ждетъ крестьянинъ кое-какого облегченія и на него онъ разсчитываетъ, а не на постороннюю помощь. Къ сожалѣнію никакая помощь и никакой урожай не въ состояніи будутъ заполнить все болѣе и болѣе увеличивающіяся прорѣхи въ крестьянскомъ хозяйствѣ...

Весна холодная, дождей мало, сухіе вѣтры только разгоняютъ облака, да поднимаютъ тучу пыли, засыпая молодые всходы. Бабы крестятся, вздыхаютъ и охаютъ. Прошлый годъ была такая же весна, «если опять Богъ не уродитъ хлѣба, ложись да помирай всѣ. Продавать больше нечего, одеженку и ту всю спустили».

Дождались дождя, но вмѣстѣ съ нимъ усилились холода.

— Тепла Богъ не даетъ, ну да хоть дождичекъ есть, и то слава Богу.

Закутанная теплымъ платкомъ пришла я въ столовую, а мои маленькіе питомцы—босые, въ разорванныхъ рубашенкахъ—дрожали отъ холода, дожидаясь на крыльцѣ. Многимъ матери взяли обѣдъ на домъ, потому-что они уже успѣли захватить лихорадку.

Трудно сказать, что необходимѣе теперь крестьянамъ—столовыя или одежда.

— Голодный въ поле уйдетъ, а голый за порогъ избы не перейдетъ,—говорятъ они.

Немудрено, что половина села переполошилась при неожиданномъ извѣстіи о прибытіи на мое имя пожертвованной одежды. Къ сожалѣнію, это былъ ложный слухъ. Меня не было дома, когда пришли тюки съ матеріаломъ для вре-

менныхъ больничекъ, которыя предполагали открыть въ здѣшней волости для цынготныхъ. Послали разыскивать меня по всему селу и до моего прихода цѣлая толпа собралась во дворѣ въ ожиданіи распаковки таинственныхъ тюковъ.

Разочарованные и грустные ушли они домой.

Неурожай, болѣзни, столовыя и пожертвованія служатъ предметомъ безпрерывныхъ разговоровъ, обсужденій и сообщеній часто легендарнаго происхожденія.

— Слышали, барину въ Грибовкѣ привезли возъ хлѣба на дворъ ночью— для крестьянъ тайное пожертвованіе?

— А въ Зеленовкѣ барыня каждый день щами и кашей кормитъ...

— И чай съ сахаромъ даетъ...

— А бабамъ слышь по сарафану подарила...

— Барышня, а ты отъ кого будешь?—спрашиваютъ меня.

— Ни отъ кого, сама пріѣхала.

— А жалованье кто тебѣ даетъ?

— Никто.

Молчатъ, но видимо не вѣрятъ.

Черезъ нѣсколько дней возобновляютъ разговоръ.

— Въ Грязнухѣ, говорятъ, всѣмъ и старымъ и малымъ, кто въ столовыхъ обѣдаетъ, оспу будутъ прививать.

— Не однимъ обѣдающимъ, а всѣмъ, чтобы не хворали.

— Нѣтъ, однимъ только имъ. Бляхи имъ, вишь, мѣдныя даютъ тамъ.

— Зачѣмъ?

— Не знай.

Послѣ нѣкотораго молчанія начинаютъ съ осторожностью.

— Слуги антихристовы, говорятъ, жалованье не получаютъ, кормятъ, одежу выдаютъ, на сѣмена, на хозяйство... Что больше раздадутъ, то больше крещенаго люда къ антихристу въ рабство попадетъ...

— Пустое болтаютъ!—соглашаются они послѣ многихъ убѣжденій и усовѣщиваній. Очевидно въ ихъ умѣ плохо укладывается мысль о добровольномъ желаніи людей помочь имъ. Они объясняютъ это принужденіемъ властей или темныхъ таинственныхъ силъ въ родѣ антихриста или «англичанки», пускавшей отраву въ колодцы во время холерной эпидеміи...

Скоро я должна была уѣзжать и мысль, о передачѣ въ надежныя руки столовыхъ и о средствахъ на дальнѣйшее веденіе ихъ, сильно безпокоила меня. Жедяевскія бабы знали уже о томъ, что я останусь у нихъ не долго и каждый день высказывали мнѣ свои сожалѣнія. За ихъ комплиментами по моему адресу, я ясно слышала опасенія за столовую и, конечно, вполнѣ понимала эти опасенія. Ихъ раздѣляли со мной и знакомые сосѣдніе помѣщики, сильно озабоченные благополучіемъ окружающаго ихъ раіона. Зная до тонкости всѣ обстоятельства крестьянской жизни вообще и присмотрѣвшись къ ней въ неурожайные года, они не могли себѣ представить возможность закрытія столовыхъ ранѣе августа, даже при самыхъ лучшихъ надеждахъ на будущій урожай. И въ обыкновенное время іюнь и іюль самые голодные мѣсяцы въ деревнѣ. Всѣ запасы хлѣба и овощей проѣдаются къ іюлю и крестьяне часто занимаютъ подъ новый хлѣбъ. При настоящихъ условіяхъ, народу, совершенно обнищавшему за минувшую зиму, кромѣ того истощенному плохимъ питаніемъ и болѣзнями, выдержать тяжелое время страды безъ посторонней помощи было бы почти невозможно.

Пришлось людямъ, и безъ того занятымъ по горло и отдающимъ все свое время на борьбу съ крестьянской бѣдой, урвать свободную минуту на заботу о двухъ новыхъ столовыхъ и о доставленіи средствъ на нихъ. Я съ своей стороны могла только обѣщать имъ сдѣлать все возможное въ Петербургѣ,

чтобы помочь имъ средствами. Столовую въ Березовкѣ взяла на свое попеченіе г-жа Апостолопулло, о которой я уже упоминала въ своей замѣткѣ, а столовую въ Жедяевкѣ присоединилъ къ ряду своихъ столовыхъ сосѣдній помѣщикъ Н. Ф. Грибовскій.

Въ заключеніе считаю долгомъ привести отчетъ въ деньгахъ, пожертвованныхъ мнѣ на столовыя.

Отъ Вл. Г. Короленко—100 р., А. Д.—25 р., Л. Т. Б.—20 р., И. Н. Потапенко—38 р., Н. Я. Смѣлова—5 р., А. Б.—5 р., Л. В.—2 р., Н. М.—1 р., Е. Г.—1 р., А. М.—1., В. И.—1 р. 20 к., Р. М.—1., Р. Н.—2 р. 15 к., М. П.—40 к., Г. В.—50 к. Отъ одного изъ подписчиковъ «Міра Божьяго»—10 р., Н. А. Изнескова—15 р. (изъ денегъ собранныхъ между знакомыми). Всего 228 р. 25 копѣекъ.

Истрачено на хозяйство и куплено провизіи на двѣ столовыхъ отъ 23-го апрѣля до 22-го мая.

Мука	131	п.	10 ф.	103	р.	60	к.
Солонина	12	»	15 »	25	»	50	»
Капуста	29½	вед.		7	»	17	»
Пшено	15	п.	10 »	16	»	60	»
Горохъ	2	»	— »	2	»	—	»
Соль	4	»	— »	—	»	71	»
Коноплян. масло	—	»	36 »	5	»	41	»
Картофель	1	»	20 »	—	»	75	»
Лукъ	—	»	— »	—	»	50	»
Чай	—	»	1 »	1	»	50	»
Сахаръ	—	»	8 »	1	»	36	»
Мыло	—	»	2 »	—	»	23	»
Дрова	8¼	саж.		20	»	25	»
7 чугуновъ				5	»	56	»
Жалованье кухаркамъ				8	»	50	»
Разныя кухонныя принадлежности и столы				2	»	81	»
			Итого...	202	р.	45	к.

Оставшіеся 25 р. 80 к. переданы Н. Ф. Грибовскому. Также и 100 руб., присланныя въ Жедяевку, уже въ мое отсутствіе, В. Г. Короленко.

Ек. Нелидова.

За границей.

Негритянскіе выборщики и защитники черной расы въ Соединенныхъ Штатахъ. Черное населеніе Соединенныхъ Штатовъ въ началѣ этого столѣтія не превышало милліона, но въ 1890 г. оно уже увеличилось до семи съ половиною милліоновъ и полагаютъ, что въ 1900 году цифра эта достигнетъ девяти милліоновъ. Въ шести юго-восточныхъ штатахъ негры составляютъ большинство и это внушаетъ американцамъ серьезныя опасенія. Въ каждомъ изъ 11 штатовъ союза выбирающихъ по 90 депутатовъ, самымъ существеннымъ вопросомъ на выборахъ является вопросъ о преобладаніи бѣлой расы. Партія демократовъ—это партія бѣлыхъ, партія республиканцевъ—это партія черныхъ. Страхъ передъ негромъ заставляетъ людей самыхъ различныхъ взглядовъ сталкиваться въ одномъ и томъ же лагерѣ.

По законамъ федеральной конституціи негры пользуются такими же избира-

тельными правами какъ и бѣлые. Въ штатахъ, гдѣ большинство составляютъ негры, вся власть должна была бы, при такихъ условіяхъ, перейти въ ихъ руки и шесть этихъ штатовъ превратились бы такимъ образомъ въ негритянскія республики. Этого-то и боятся американцы и расовый вопросъ обостряется все больше.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ штатѣ Миссисипи существовалъ слѣдующій обычай: передъ наступленіемъ выборовъ бѣлое населеніе этого штата, съ оружіемъ въ рукахъ, обходило съ крикомъ улицы, гдѣ жили негры и устраивало салютъ изъ ружей у каждаго негритянскаго жилища. Но, конечно, въ палатѣ нашлись люди, которые протестовали противъ подобной системы запугиванія, лишавшей негровъ права подавать голосъ и одинъ изъ ораторовъ предложилъ даже объявить выборы недѣйствительными на этомъ основаніи. Но выбранный депутатъ самымъ невозмутимымъ образомъ объявилъ, что это не была вовсе система запугиванія и что выстрѣлы производились не съ цѣлью угрозы, а съ цѣлью предупрежденія негровъ о приближающемся срокѣ выборовъ. Онъ даже зашелъ такъ далеко въ своей наглости, что выразилъ сожалѣніе по поводу того, что его «цвѣтные братья» были введены въ заблужденіе и не пошли къ избирательнымъ урнамъ, несмотря на старанія бѣлыхъ освѣжить ихъ память. Тогда, чтобы окончательно искоренить этотъ обычай, штатъ Миссисипи прибавилъ къ своей конституціи слѣдующій параграфъ: «Каждый избиратель обязанъ умѣть читать и изъяснять соотвѣтствующимъ образомъ любой отрывокъ изъ конституціи». Установлено было слѣдовательно нѣчто вродѣ экзамена и жюри, конечно, изъ бѣлыхъ, оцѣнивало отвѣты экзаменующихся. Въ прошломъ году такая же точно поправка внесена была въ конституцію штата Луизіаны и другіе штаты вѣроятно скоро послѣдуютъ этому примѣру. Въ Сѣверной Каролинѣ, гдѣ не существуетъ никакихъ законовъ, препятствующихъ неграмъ, бѣлые прибѣгли къ оружію, чтобы помѣшать имъ участвовать въ выборахъ и одинъ изъ бывшихъ депутатовъ прехладнокровно заявилъ, что «бѣлые должны господствовать въ штатѣ, хотя бы пришлось для этого запрудить трупами негровъ теченіе рѣки «Cape Feas». Дѣйствительно, въ день выборовъ большинство негровъ не рѣшилось выходить изъ дому, а тѣ, которые все-таки отправились на выборы, чуть не поплатились за это жизнью.

На другой день въ столицѣ этого штата была сожжена типографія негритянской газеты. Тогда всѣ республиканцы изъ муниципальнаго совѣта подали въ отставку; въ городѣ произошли безпорядки и девять негровъ было убито, но затѣмъ все успокоилось и президентъ Макъ-Кинлей, совмѣстно съ министрами, рѣшилъ, что федеральному правительству нѣтъ никакихъ основаній вмѣшиваться во внутреннія дѣла Штата. Однако въ Сѣверныхъ Штатахъ извѣстіе объ этихъ событіяхъ произвело очень сильное впечатлѣніе. Негры большихъ городовъ тотчасъ же организовали митинги протеста. Въ Нью-Іоркѣ состоялся многолюдный митингъ, на которомъ присутствовало нѣсколько тысячъ негровъ и негритянокъ. Корреспондентъ одной парижской газеты, которому удалось присутствовать на этомъ митингѣ, разсказываетъ, что онъ произвелъ на него глубокое впечатлѣніе. Митингъ происходилъ въ огромной залѣ со сводами, предназначенной для народныхъ чтеній и волны электрическаго свѣта, отражаясь отъ бѣлыхъ стѣнъ и сводчатаго потолка, освѣщали яркимъ лучемъ массу черныхъ головъ африканцевъ, явившихся сюда, чтобы требовать своихъ гражданскихъ правъ. Всѣ ораторы, говорившіе на митингѣ, также какъ и слушатели, поражали своимъ хладнокровіемъ и умѣньемъ владѣть собой. Въ теченіе только одного поколѣнія, постоянное соприкосновеніе и общеніе съ сѣверо-американцами превратило этихъ бывшихъ рабовъ въ гражданъ республики. И что замѣчательно: ни разу ни въ чемъ не проявилась расовая ненависть. Когда кто-то заговорилъ о томъ, что терпѣніе негровъ подвергается слишкомъ долгому испытанію, то его вынудили замолчать. Всѣ единогласно заявили о своемъ же-

ланіи дѣйствовать законнымъ путемъ. Одинъ изъ ораторовъ, между прочимъ, указалъ на пороки негровъ южныхъ штатовъ и когда онъ извинялся передъ своими слушателями въ томъ, что такъ рѣзко выражался «о своихъ братьяхъ», то со всѣхъ сторонъ раздались крики: «Ничего, ничего! Говорите правду!» Нѣтъ никакого сомнѣнія, что негры сѣверныхъ штатовъ, стоящіе гораздо выше своихъ южныхъ собратьевъ, желали бы приблизить къ себѣ этихъ послѣднихъ, сравнять ихъ съ собою въ отношеніи развитія и воспитанія и поэтому-то они готовы сочувствовать и поощрять всякое предпріятіе, направленное къ повышенію нравственнаго и умственнаго уровня негровъ. Среди бѣлыхъ также находится не мало людей готовыхъ помогать имъ въ этомъ, въ особенности женщинъ. Одна дама, поставившая себѣ цѣлью организовать родъ воспитательныхъ миссій, которыя будутъ отправляться въ негритянскія деревни, явилась на митингъ негровъ и изложила свой планъ собранію. Послѣ того, какъ она это сдѣлала, поднялась съ мѣста какая-то молодая негритянка, желавшая что-то сказать, но ей начали свистать, полагая, что она хочетъ помѣшать говорить ораторамъ. Но молодая негритянка не испугалась этого шума и волей-неволей аудиторія должна была уступить и покориться неизбѣжному, т. е. выслушать рѣчь негритянки. Впрочемъ, съ первыхъ же словъ этого оратора-негритянки произошла перемѣна въ общемъ настроеніи залы и ораторъ вызвалъ всеобщее восторженное настроеніе своимъ предложеніемъ вотировать благодарность «благородной бѣлой женщинѣ», пришедшей на помощь неграмъ. Всѣ какъ одинъ человѣкъ встали со своихъ мѣстъ и начали махать платками и кланяться «бѣлой женщинѣ», развивавшей свои планы образованія и улучшенія положенія негровъ, какъ въ Южныхъ, такъ и въ Сѣверныхъ Штатахъ.

Героизмъ негритянскихъ полковъ во время кубанской войны отразился различнымъ образомъ на положеніи негровъ въ южныхъ и сѣверныхъ штатахъ. Въ южныхъ штатахъ негры, замкнутые въ своихъ округахъ и невѣжественные, вообразили, что именно они-то побѣдили Испанію и что вообще для нихъ теперь наступаетъ эра побѣдъ. У нихъ возникло нѣчто вродѣ имперіализма и сообразно съ этимъ возрасла ихъ наглость въ отношеніи бѣлыхъ, такъ что это обстоятельство еще болѣе разожгло расовую ненависть.

Въ сѣверныхъ штатахъ, наоборотъ, война привела къ сближенію между бѣлою и черною расой. Негры оказались лучшими изъ волонтеровъ, наиболѣе выносливыми и дисциплинированными и командиры не могли ими нахвалиться. Сближеніе дало себя почувствовать больше всего въ Вашингтонѣ, Бальтиморѣ и др. центрахъ, гдѣ философія сѣверянъ ведетъ постоянную борьбу съ предразсудками южанъ. Въ этихъ городахъ дочери плантаторовъ, бывшихъ рабовладѣльцевъ, самоотверженно ухаживали за ранеными неграми, доставленными съ театра военныхъ дѣйствій.

Во всѣхъ спорахъ и преніяхъ, которые возникаютъ по негритянскому вопросу, защитники черной расы непремѣнно указываютъ на мистера Букера Вашингтона. Онъ пользуется огромною популярностью въ Соединенныхъ Штатахъ и считается однимъ изъ лучшихъ ораторовъ, какіе когда либо выступали въ защиту угнетенной расы. Онъ часто объѣзжаетъ большіе города сѣверныхъ штатовъ, гдѣ произноситъ на митингахъ рѣчи въ защиту правъ негровъ. Въ Бостонѣ, гдѣ онъ проѣзжалъ недавно, состоялся большой банкетъ, устроенный въ честь его республиканскимъ клубомъ. Хотя Букеръ Вашингтонъ и называетъ себя негромъ, но онъ не настоящій негръ и по его свѣтлому цвѣту кожи можно тотчасъ же заключить, что въ жилахъ его течетъ больше англосаксонской, нежели негритянской крови. «Но, какъ сказалъ Букеръ Вашингтонъ улыбаясь, можно имѣть въ жилахъ 99% англосаксонской крови и этого все таки будетъ недостаточно, чтобы быть бѣлымъ. Всегда преобладаетъ капля негритянской крови и признавая это, вы сами признаете превосходство негритянской расы!» Въ своей рѣчи Букеръ

Вашингтонъ высказался противъ проекта массового переселенія негровъ въ ихъ прежнее отечество. «Мы—единственные американцы,—сказалъ онъ, обращаясь къ своимъ бѣлымъ слушателямъ,—которые явились сюда помимо собственнаго желанія. За нами отправились и привезли насъ сюда, не щадя издержекъ и жертвъ. Ну вотъ, мы и не хотимъ теперь, чтобы эти жертвы были принесены понапрасну. Насъ поселили тутъ и намъ тутъ нравится; мы хотимъ здѣсь оставаться... и даже разсчитываемъ умножиться, такъ что видя, что вы намѣреваетесь увеличить свое черное населеніе, прибавивъ къ нимъ еще малайцевъ и кубанцевъ, я невольно начинаю тревожиться за васъ и спрашиваю себя, что же будетъ съ вами, бѣлыми, теперь?..»

Начавъ свою рѣчь въ такомъ шутливомъ тонѣ, Букеръ Вашингтонъ затѣмъ перешелъ къ серьезному и жгучему вопросу расовой ненависти и злобы. Онъ мрачными красками обрисовалъ положеніе негровъ въ южныхъ штатахъ, частыя кровавыя вспышки расовой вражды и т. п. Но Букеръ Вашингтонъ сознаетъ также и всѣ недостатки своей расы. По его мнѣнію неграмъ прежде всего недостаетъ воспитанія и поэтому онъ рѣшилъ посвятить себя этому святому дѣлу, «Я родился рабомъ,—разсказывалъ онъ,—въ штатѣ Алабомѣ, въ 1858 году; гдѣ и когда—я не знаю хорошенько, я жилъ со своею матерью и когда насъ освободили, то я отправился въ рудники и сталъ тамъ работать, чтобы мы имѣли кусокъ хлѣба, потомъ мнѣ сказали, что есть такой городъ, гдѣ устроена школа для негровъ, и я сталъ мечтать о томъ, чтобы отправиться туда. Съ большими усиліями мнѣ удалось скопить сумму, необходимую для путешествія, и въ одинъ прекрасный день я отправился въ Гэмптонъ, гдѣ была негритянская школа». Зная по собственному опыту, какъ трудно негру получить образованіе, Букеръ Вашингтонъ рѣшилъ при первой же возможности основать обширное воспитательное учрежденіе для негровъ. Ему удалось выполнить свой планъ и въ 1881 году въ Тускеги была открыта школа, въ которой сначала было только тридцать учениковъ, а затѣмъ набралось до тысячи. Теперь это не только школа, но и обширная мастерская и сельскохозяйственное заведеніе и мануфактура. Оттуда, изъ этой школы, негры выходятъ дѣйствительно способныя бороться съ бѣлыми равнымъ оружіемъ на почвѣ конкурренціи. Букеръ Вашингтонъ находитъ, что для разрѣшенія негритянскаго вопроса прежде всего нужно дать черной расѣ возможность развиваться свободно также какъ и бѣлая раса и пріобрѣтать такимъ путемъ всѣ качества и достоинства, которыми она не можетъ обладать теперь, послѣ того какъ она пробыла 250 лѣтъ въ рабскомъ состояніи. Въ теченіе 250 лѣтъ негры находились на положеніи рабочаго скота и бѣлые содержали и кормили ихъ для того, чтобы утилизировать ихъ рабочую силу. Негру не надо было заботиться ни о своей матеріальной жизни, ни о завтрашнемъ днѣ. Бѣлые старались развить нѣкоторыя ихъ природныя способности и благодаря этому негръ становился предметомъ высокой цѣнности, тогда какъ за бѣлаго не давали ни гроша. Но когда наступило освобожденіе и негры были предоставлены сами себѣ, то оказалось, въ большинствѣ случаевъ, что они не въ состояніи сами о себѣ заботиться, что долгіе годы рабства наложили на нихъ свою печать. Но Букеръ Вашингтонъ твердо вѣритъ, что негритянская раса способна къ возрожденію, и ему удалось уже собрать около себя нѣсколько энергичныхъ дѣятелей, помогающихъ ему организовать негритянскую партію, лидеромъ которой онъ состоитъ въ настоящее время.

Конгрессъ нѣмецкихъ рабочихъ синдикатовъ во Франкфуртѣ. Въ маѣ этого года происходило во Франкфуртѣ на Майнѣ третій національный конгрессъ нѣмецкихъ рабочихъ синдикатовъ, доказавшій неопровержимымъ образомъ значительное развитіе и распространеніе синдикатовъ въ Германіи, могущество и единство ихъ организаціи, практическій характеръ ихъ направленія

и преданность интересамъ рабочихъ классовъ. Слѣдующія цифры подтверждаютъ эти слова: въ 1892 г. въ синдикатахъ участвовало 244,734 рабочихъ; въ 1896 г.—335.088; въ 1898 г.—520.000! Притомъ же надо имѣть въ виду, что германскіе синдикаты считаютъ своими членами лишь тѣхъ рабочихъ, которые правильно уплачиваютъ годовые взносы, такъ что въ этотъ списокъ не могли войти временные и случайные члены.

Какъ извѣстно, Бисмаркъ всячески старался заглушить эти стремленія нѣмецкихъ рабочихъ къ ассоціаціямъ и въ 1878 г. всѣ синдикаты были уничтожены, но они мало по малу снова возрождались въ тиши и окрѣпли, когда были отмѣнены исключительные законы, придуманные Бисмаркомъ. Необходимость воздерживаться отъ политики, въ силу закона объ ассоціаціяхъ, служила поводомъ къ весьма горячимъ преніямъ въ рабочей средѣ. Многіе предпочитали небольшія мѣстныя организаціи рабочихъ, потихоньку занимающіяся политикой, крупнымъ федераціямъ, политически нейтральнымъ. Но другіе находили, что выше всего надо поставить выгоды, доставляемыя единеніемъ, и требовали, чтобы не только синдикаты рабочихъ одной и той же профессіи образовывали федераціи, но и всѣ федераціи были бы сгруппированы подъ управленіемъ центральной власти. Такимъ образомъ возникла борьба двухъ партій и въ началѣ приверженцы идеи централизаціи были гораздо многочисленнѣе. Два первыхъ конгресса германскихъ синдикатовъ, одинъ, происходившій въ Гальберштадтѣ въ 1892 г. и другой въ Берлинѣ—въ 1896 г., были исключительно посвящены вопросамъ организаціи. Но теперь времена измѣнились и на франкфуртскомъ конгрессѣ вопросы эти занимали весьма мало мѣста, и послѣ продолжительной и упорной борьбы идея единенія силъ одержала верхъ, и объединеніе синдикатовъ подъ этою центральной организаціи составляетъ теперь совершившійся фактъ.

Наиболѣе интересными вопросами, разбиравшимися на франкфуртскомъ конгрессѣ, были конечно вопросы о правѣ коалиціи и объ инспекціи труда. Одна изъ ораторшъ конгресса, г-жа Келеръ, представила ужасающія картины злоупотребленій на фабрикахъ, эксплуатаціи женскаго и дѣтскаго труда и т. д. Она требовала, чтобы инспекція была распространена на такъ называемую «Hausindustrie», гдѣ чаще всего приходится наблюдать переутомленіе женщинъ и дѣтей.

Конгрессъ единогласно вотировалъ резолюцію относительно расширенія инспекторскаго надзора на всѣ области промышленнаго труда, учрежденія коммиссій жалобъ, черезъ посредство которыхъ инспектора будутъ узнавать о злоупотребленіяхъ, организаціи рабочихъ секретаріатовъ и картелей. Два послѣднія учрежденія составляютъ новость въ германскомъ рабочемъ движеніи. Картели синдикатовъ, представляя мѣстныя учрежденія, должны заботиться объ общихъ интересахъ всѣхъ синдикатовъ данной мѣстности, находить мѣста рабочимъ, устраивать библіотеки, секретаріаты и т. д. Рабочіе секретаріаты введены въ Германіи только недавно. Самый старый изъ нихъ, въ Нюренбергѣ, едва насчитываетъ четыре года существованія, во Франкфуртѣ и другихъ городахъ секретаріаты учреждены всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Эти секретаріаты представляютъ въ одно и тоже время и бюро справокъ, и институтъ судебной помощи рабочимъ. Дѣло въ томъ, что въ Германіи законодательство оказываетъ покровительство рабочимъ, но рабочіе сами, большею частью, совсѣмъ не знаютъ своихъ правъ и потому не могутъ воспользоваться тѣмъ покровительствомъ, которое имъ оказываютъ законы. Обязанность рабочихъ секретаріатовъ разъяснять все это своимъ кліентамъ и когда нужно вступиться за ихъ интересы передъ судомъ.

Таковы главныя вопросы, разбиравшіеся на франкфуртскомъ конгрессѣ. Но главное значеніе конгресса заключается въ томъ, что онъ указалъ силу и

развитіе организаціи рабочихъ въ Германіи, теперь уже не опасающихся никакихъ столкновеній съ современными общественными учрежденіями и организаціями хозяевъ, работодателей. На конгрессѣ присутствовали въ качествѣ делегатовъ нѣсколько депутатовъ рейхстага и сейма.

Европейцы и туземные кустарные ремесленники въ Индіи. Нѣкогда индійскіе ремесленники работали исключительно только для раджей и мѣстныхъ богачей. Произведеніями ихъ искусства были наполнены всѣ индійскіе дворцы, и удивительно тонкая и художественная работа этихъ ремесленниковъ до сихъ поръ продолжаетъ восхищать заѣзжихъ европейцевъ. Городъ Дели славился своими ювелирными произведеніями, Агра—своими вышивками, Алжедабадъ—своею рѣзьбою по дереву, Бомбей—инкрустаціями и т. д. Но теперь индійскіе кустари находятъ очень мало кліентовъ среди мѣстной аристократіи. Раджи научились по-англійски и одѣваются и меблируютъ свои дома также на англійскій манеръ. Замѣчательно, что и англичане не особенно-то уважаютъ мѣстныя произведенія искусства и тутъ, какъ и всюду, куда ихъ забрасываетъ судьба, они остаются вѣрны британскимъ привычкамъ и вкусамъ, не измѣняя ихъ ни на одну іоту. Никогда супруга англійскаго должностнаго лица въ Индіи не рѣшится надѣть какую-нибудь изящную бездѣлушку мѣстной ювелирной работы, хотя бы эта бездѣлушка представляла чудо ювелирнаго искусства. Не такъ давно жена одного только что назначеннаго высокопоставленнаго чиновника позволила себѣ такое отступленіе отъ правилъ, явившись на пріемъ вицекоролевы Индіи въ золотыхъ украшеніяхъ мѣстной работы, и все британское общество было возмущено такимъ непониманіемъ приличій.

Такое положеніе вещей должно было бы очень неблагопріятно отразиться на мѣстномъ кустарномъ производствѣ и погубить туземное искусство, еслибъ англичане не заинтересовались мѣстными произведеніями, какъ рѣдкостью. Въ такомъ видѣ они признаютъ туземное искусство, и каждый изъ англичанъ, побывавшихъ въ Индіи, непремѣнно вывозитъ оттуда цѣлую коллекцію такихъ *рѣдкостей*, которыя онъ потомъ показываетъ своимъ пріятелямъ. Пріобрѣтать индійскія рѣдкости сдѣлалось такимъ же правиломъ для британской аристократіи Индіи, какъ и одѣваться по послѣдней парижской модѣ и украшать себя парижскими произведеніями ювелирнаго искусства. Но, благодаря такой точкѣ зрѣнія, мѣстное производство все-таки не заглохло и торговля индійскими рѣдкостями процвѣтаетъ, только кустари уже работаютъ не такъ, какъ прежде, каждый за свой счетъ, а всѣ они превратились въ батраковъ и работаютъ для нѣсколькихъ крупныхъ англійскихъ фирмъ, извлекающихъ изъ этого громадныя выгоды.

Къ сожалѣнію, однако, въ этихъ мѣстныхъ произведеніяхъ становится все болѣе и болѣе замѣтнымъ европейское вліяніе. Дни вполнѣ оригинальнаго туземнаго искусства все-таки сочтены. Индійскіе кустари пріучаются копировать европейскіе образцы, чтобы угодить требованіямъ моды. Въ школахъ изящныхъ искусствъ, устроенныхъ во многихъ большихъ городахъ Индіи, учениковъ заставляютъ копировать всякаго рода стиль, за исключеніемъ мѣстнаго, и только въ Джейпурѣ продолжаютъ чеканить мѣдь и бронзу въ древнемъ индійскомъ стилѣ и дѣлаютъ эмалированныя вещи съ изображеніями сценъ изъ индійской миѳологіи. Однако эти же самые кустари, приготовляющіе изящныя вещицы въ древнемъ стилѣ, въ то же время изготовляютъ по заказу англійскихъ подрядчиковъ готическіе памятники и алтари въ романскомъ стилѣ для англиканскихъ церквей.

Такая постепенная ассимиляція мѣстнаго кустарнаго производства къ британскимъ требованіямъ началась давно. Агенты британской коммиссіи объѣзжали деревни и дѣлали заказы, указывая модели и рисунки въ европейскомъ

вкусѣ. Мало-по малу возникло нѣчто вродѣ фабрикъ самаго примитивнаго устройства. Подобнаго рода фабрики можно видѣть въ священномъ городѣ Пэнджаба-Амритсарѣ, который славится своими коврами. На этихъ фабрикахъ работаютъ даже шестилѣтнія дѣти по 12-ти и болѣе часовъ въ сутки. Конечно, они получаютъ ничтожную плату, такъ какъ даже взрослые работники получаютъ не болѣе 40—50 сантимовъ за рабочій день. Тамъ, гдѣ водворились такія фабрики, кустарное производство совершенно упало. Да оно и понятно: кустари не могутъ конкуррировать съ фабрикой, которая можетъ брать и выполнять много заказовъ заразъ. Такимъ образомъ, медленно, но вѣрно, фабричное производство замѣняетъ повсюду кустарное, но вмѣстѣ съ этимъ обращеніемъ прежнихъ свободныхъ ремесленниковъ въ поденщиковъ, исчезаетъ и прежняя оригинальность и художественность выполненія различныхъ издѣлій, уступая мѣсто шаблону, и, вѣроятно, недалеко то время, когда оригинальныя туземныя издѣлія «не пахнущія Европой» можно будетъ найти развѣ только у коллекціонеровъ и собирателей рѣдкостей.

Interview съ Матильдой Серао. Французскій журналистъ Адольфъ Бриссонъ посѣтившій недавно Матильду Серао, сообщаетъ нѣкоторыя интересныя біографическія свѣдѣнія объ этой популярной итальянской писательницѣ, пользующейся симпатіями и у насъ въ Россіи, такъ какъ многіе изъ ея романовъ переведены на русскій языкъ.

Матильда Серао родилась въ Патрасѣ, куда эмигрировалъ ея отецъ, но ей было три года, когда онъ вернулся въ Неаполь и снова принялся за свое прежнее ремесло журналистику. Занятіе это, однако, приносило ему лишь столько, чтобы не умереть съ голоду. Отецъ Матильды издававшій собственную газету, путемъ большихъ жертвъ и лишеній поддерживалъ ея существованіе. Всѣ раннія воспоминанія итальянской писательницы связаны съ обстановкою газетной редакціи. Ребенкомъ она играла обрѣзками бумаги, возлѣ типографскихъ станковъ и привыкла къ этой атмосферѣ, пропитанной запахомъ типографской краски. Часто случалось, что въ домѣ не было хлѣба, но если вдругъ получались деньги, то они всѣ истрачивались до послѣдняго сантима, безъ малѣйшей мысли о будущемъ. Въ такой обстановкѣ росла и развивалась будущая знаменитая писательница. Она училась хорошо и получивъ университетскую степень сдѣлалась сотрудницей газеты своего отца. Но ее потянуло къ болѣе широкому поприщу и она уѣхала въ Римъ, гдѣ также сдѣлалась постоянной сотрудницей политической, литературной и сатирической газеты «Capitan Fracassa». Вскорѣ она вышла замужъ тоже за журналиста, Эдуарда Скаржогліо, полемическій талантъ котораго славился во всей Италіи. Вдвоемъ съ мужемъ они основали послѣдовательно три газеты «Corriere di Romo», «Corriere di Napoli» и «Il Mattino». Двѣ первыхъ имѣли печальную судьбу, третья же газета «Il Mattino» пошла очень удачно, несмотря на то, что у Матильды Серао въ этотъ промежутокъ времени родилось четверо дѣтей, она выносила на своихъ плечахъ все газетное дѣло: правила рукописи, читала корректуру, составляла статьи и въ то же время сочиняла романы и повѣсти. Теперь, когда дѣло расширилось, они по очереди съ мужемъ ведутъ его. Когда синьоръ Скаржогліо почувствуетъ себя усталымъ, то онъ садится на свою яхту, главный предметъ его роскоши, и уѣзжаетъ, а Матильда беретъ бразды правленія въ свои руки. Она становится главнымъ редакторомъ и администраторомъ газеты. Все проходитъ черезъ ея руки и она снова, какъ прежде, входитъ во всѣ мельчайшія подробности дѣла. Но когда возвращается ея мужъ, то наступаетъ ея очередь и она также отправляется путешествовать. Такимъ образомъ, они оба, какъ два сотрудника и товарища работаютъ на пользу

своего общаго дѣла и стараются обезпечить успѣхъ своей газеты, которая теперь достигла высокой степени процвѣтанія. Они оба трудолюбивы и вкладываютъ душу въ свое дѣло, но оба независимы и свободны.

Однако, имъ пришлось недавно пережить трудныя минуты. Два года тому назадъ, послѣ Миланскихъ безпорядковъ, газета «Mattino» была закрыта и мужъ Матильды Серао былъ вызванъ въ военный судъ. Офицеры, засѣдавшіе въ этомъ судѣ, глубоко сочувствовали знаменитому журналисту и его достойной сподвижницѣ, но ихъ связывалъ военный долгъ. Однако, одинъ изъ нихъ все-таки предупредилъ Матильду Серао, что ея мужъ можетъ быть осужденъ и тогда онъ не вернется больше домой. Матильда быстро рѣшилась; ея мужъ уѣхалъ, а она осталась одна бороться съ опасностью. Настали тяжелыя времена. Ея типографія была закрыта, бюро редакціи опустѣли. Она видѣла, что ей грозитъ разореніе, но мужественная женщина не падала духомъ. И, дѣйствительно, туча разсѣялась, осадное положеніе въ Италіи прекратилось и «Il Mattino» снова возродился къ жизни, это былъ праздникъ во всемъ городѣ. Когда на разсвѣтѣ вышелъ первый номеръ газеты, то его расхватали въ моментъ; газетчики подверглись настоящей осадѣ и пришлось три раза возобновлять изданіе. Это было лучшею наградой Матильды Серао за всѣ пережитыя ею волненія и горе, такъ какъ тутъ она увидала какою популярностью и любовью пользуется она въ городѣ. Неаполитанцы стремились показать ей какъ они высоко цѣнятъ ея талантъ и литературную дѣятельность.

Теперь нормальная жизнь газеты возобновилась. Матильда Серао отдыхаетъ отъ газетной дѣятельности, когда пишетъ романъ и снова принимается за нее, когда требуется ея помощь. На вопросъ французскаго журналиста не утомляетъ ли ее такая жизнь и не лучше ли было бы, еслибъ она исключительно посвятила себя беллетристики, она отвѣчала:

— Нѣтъ! Вѣрьте мнѣ, журнализмъ для писателя—превосходная школа. Она научаетъ выражаться ясно, образно, научаетъ его искусству говорить толпѣ, дѣйствовать на нее и внушать ей свои убѣжденія. Журналистъ говоритъ для того, чтобы его слушали; онъ долженъ избѣгать неясныхъ выраженій, долженъ отыскивать простыя понятныя слова для выраженія своей мысли. Для распространенія личныхъ взглядовъ, идей, нѣтъ лучшаго средства какъ журнализмъ и нѣтъ лучшей награды для журналиста какъ видѣть, что его идеи пускаютъ ростки, растутъ и развиваются подъ вліяніемъ его усилій и онъ можетъ слѣдить за ихъ успѣхами по всему міру. Журналистъ—это такой же піонеръ, воинъ и завоеватель; можетъ ли быть что-нибудь благороднѣе этой роли?»

Австрійскій кризисъ. Австрія переживаетъ кризисъ, гораздо болѣе серьезный чѣмъ тѣ преходящія и случайныя затрудненія, отъ которыхъ не гарантировано ни одно изъ современныхъ государствъ. Но кризисъ, переживаемый въ данную минуту Австріей, имѣетъ огромное значеніе и для всей—Европы, такъ какъ Габсбургская монархія несомнѣнно составляетъ очень важный факторъ европейской политики и европейскаго равновѣсія.

Затрудненія, возникшія въ Австріи, произошли не случайно и не по винѣ министерства Бадени. Если теперь въ странѣ пріостановилась почти совершенно парламентская и конституціонная жизнь, то это указываетъ, что зло гнѣздится глубоко. Напрасно мы бы стали искать въ Австріи главныхъ элементовъ необходимыхъ для каждаго централизованнаго государства: единства расы, традицій, тожественности экономическихъ и соціальныхъ условій. Несмотря на это отсутствіе необходимыхъ элементовъ, въ Австріи было сдѣлано все таки не мало попытокъ уничтожить древнюю законодательную и административную автономію различныхъ странъ, входящихъ въ составъ австрійской имперіи и

замѣнить ее унитарной системой, сначала при помощи нѣмецкой централизованной бюрократіи, а затѣмъ, въ послѣднее время, при помощи парламента, такъ искусно устроеннаго, что большинство въ немъ повидимому всегда должно бы принадлежать нѣмцамъ.

Первый ударъ автономной администраціи австрійскихъ государствъ былъ нанесенъ Маріей Терезіей, но у нея не хватило силъ довести централизацію до конца и Венгрія избѣжала ее, сохранивъ свой отдѣльный режимъ. Такимъ образомъ было положено начало пресловутому дуализму и единству австрійскаго государства, поддерживаемому только нѣмецкою бюрократіей. не имѣющей никакой почвы подъ своими ногами и никакой связи съ населеніемъ, изъ котораго мечтали создать искусственнымъ образомъ новый народъ—австрійскій.

Нѣмецкая бюрократія, водворившаяся въ Австріи и поддерживавшая единство администраціи, конечно, добивалась и единства языка. Она достигла своей цѣли помимо законовъ, чисто административнымъ путемъ, вслѣдствіе привычки и полнаго отсутствія сопротивленія населенія. Между тѣмъ равенство правъ обоихъ языковъ въ Чехіи, нѣмецкаго и чешскаго, въ теоріи сохранилось. Въ 1848 г. вопросъ этотъ былъ снова выдвинутъ на сцену и тогда императоръ снова торжественно подтвердилъ равенство. Но это такъ и осталось однимъ обѣщаніемъ. Вѣнское правительство стремилось при помощи полицейскаго режима придать Австріи характеръ нѣмецкаго государства. Но забыто было одно, что отъ 1848 г. все-таки осталось нѣчто, остались новыя идеи: идея конституціонной свободы, идея правъ національностей. Въ 1848 г. эти идеи чуть-чуть народились въ Австріи, но все-таки онѣ обладали такою жизнеспособностью, что вырвать ихъ съ корнемъ было нельзя.

Дальнѣйшія событія,—когда послѣ побѣды Италіи Австрія очутилась въ двухъ шагахъ отъ банкротства,—заставили нѣсколько умолкнуть централистскія стремленія. Въ 1860 г. было извѣщено объ организаціи парламента и этому парламенту, составленному въ централистскомъ духѣ, пришлось немедленно вступить въ борьбу съ притязаніями различныхъ національностей, которыя чувствовали себя оскорбленными, такъ какъ за ними не признавали одинаковыхъ парламентскихъ правъ и въ имперіи былъ введенъ въ высшей степени сложный и несправедливый способъ выборовъ, посредствомъ котораго нѣмецкое меньшинство населенія въ парламентѣ всегда имѣло большинство. Такимъ образомъ парламентъ служилъ конституціоннымъ выраженіемъ тѣхъ же самыхъ централистскихъ стремленій, которыя преобладали въ государствѣ. Славяне протестовали противъ этого, воздерживаясь отъ участія въ парламентѣ. Тогда въ 1867 году былъ введенъ дуалистическій режимъ и имперія названа Австро-Венгріей, а въ 1873 году исчезли уже всякіе слѣды федерализма и сеймы лишились права посылать своихъ представителей въ рейхсратъ. Нѣмцы сдѣлались абсолютными господами положенія; въ рейхсратѣ они получали большинство и стали распоряжаться министерствами. Кромѣ Галиціи, гдѣ польскій языкъ сохранилъ свои прежнія права, всюду была введена нѣмецкая администрація и 19-ая статья конституціи 1877 г., устанавливающая абсолютное равенство всѣхъ языковъ въ Австріи, осталась мертвою буквой; нѣмецкій централизмъ достигъ своего апогея.

До 1879 г. изъ славянскихъ народностей Австріи въ рейхсратѣ оставались только поляки, которымъ, какъ мы уже сказали, центральное правительство сдѣлало уступку, сохранивъ права польскаго языка въ Галиціи, но съ 1879 г. наконецъ и чехи рѣшили прекратить обструкцію и явиться въ рейхсратъ. Ихъ появленіе въ австрійскомъ парламентѣ во всякомъ случаѣ послужило началомъ новой эры, хотя надежды ихъ и не сбылись. Графъ Таафе, стоящій тогда во главѣ министерства, находилъ, что для возвышенія престижа короны, необходимо покончить съ тиранiей одной парламентской партіи; пра-

вительство вовсе не имѣло въ виду отдать себя окончательно въ руки нѣмецкаго большинства и поэтому Таафе сдѣлалъ нѣкоторыя минимальныя уступки чешской партіи и введя избирательную реформу, не носящую однако никакого радикальнаго характера, Таафе пошатнулъ всемогущество нѣмецкой партіи, служащей единственнымъ фундаментомъ системы, созданной государственнымъ переворотомъ 1749 г., когда Марія Терезія положила начало централистскому режиму.

Разумѣется недовольная такими перемѣнами нѣмецкая партія тотчасъ же превратилась въ узконаціональную партію, признававшую только одно историческое право въ Австріи: централизмъ и господство нѣмцевъ. Блескъ германскаго могущества послѣ 1870 г. ослѣплялъ нѣмцевъ, разсерженныхъ уступками, сдѣланными другимъ національностямъ Австріи, въ ущербъ нѣмецкому господству и потерею преобладающаго вліянія въ парламентѣ. Отсюда и возникъ и разроссся пангерманизмъ, непримиримый характеръ котораго упорно поддерживаетъ теперь кризисъ въ Австріи.

Графъ Бадени, ставшій во главѣ кабинета, приверженецъ автономныхъ принциповъ, задумалъ трудное дѣло—создать парламентское большинство изъ поляковъ, чеховъ и умѣренныхъ нѣмцевъ и преобразовать Имперію посредствомъ цѣлаго ряда реформъ въ автономномъ духѣ, чтобы задержать такимъ образомъ ея разложеніе. Но съ перваго же шага онъ наткнулся на непреодолимыя затрудненія. Нѣмцы, возмущенные его ордоннансами о языкахъ, признающими въ принципѣ равенство чешскаго и нѣмецкаго языковъ, разожгли «furor teutonicus» въ каждомъ закоулкѣ австрійской имперіи, гдѣ только находились ихъ соотечественники. Огромное большинство этихъ разъяренныхъ тевтонцевъ, тирольскихъ и штирійскихъ крестьянъ, не только не вдумывалось въ эти ордоннансы, но даже не читало ихъ. Да это и не было нужно! Свирѣпые нѣмецкіе ораторы народныхъ митинговъ распространяли повсюду легенду о попраніи священныхъ правъ нѣмцевъ и всѣ австрійскіе нѣмцы этому повѣрили. Кабинетъ Бадени палъ, но нѣмцы не удовольствовались этою побѣдой; они потребовали отмѣны всѣхъ уступокъ, сдѣланныхъ чехамъ графомъ Таафе и возстановленія нѣмецкаго языка, какъ единаго государственнаго языка. Нѣмцы задумали соединить подъ общимъ знаменемъ германизма всѣхъ австрійскихъ нѣмцевъ, даже альпійскихъ католиковъ, до сихъ поръ не принимавшихъ участія въ націоналистской агитаціи. Министерство Гауча, рѣшившееся отмѣнить ордоннансы графа Бадени ради успокоенія нѣмцевъ, не достигло ничего. Нѣмцы, увидѣвъ, что имъ удалоса терроризировать государственную власть, разумѣется не соглашались ни на какія уступки и въ концѣ концовъ эти чрезмѣрныя притязанія нѣмцевъ заставили теперь правительство отказаться отъ всякихъ проектовъ примиренія и искать поддержки у партій, придерживающихся автономныхъ принциповъ: у чеховъ, словенъ, кроатовъ и русиновъ.

Но даже если правительству и удастся добиться временнаго затишья путемъ нѣкоторыхъ уступокъ національностямъ партій, кризисъ все-таки по прежнему будетъ существовать и по прежнему будетъ угрожать благосостоянію и прочности государства. Этотъ кризисъ поддерживается чисто механическимъ и поверхностнымъ объединеніемъ Имперіи, ради выгоды централизма. Такая система могла удержаться во времена Маріи Терезіи, когда функціи государства были весьма просты, но не теперь, когда экономическая и соціальная жизнь страны достигла высокой степени интенсивности и сложности. Нельзя примѣнять одинаковую административную формулу ко всѣмъ провинціямъ Австріи, къ такимъ богатымъ странамъ, какъ Чехія, Моравія и Силезія, и такимъ бѣднымъ, какъ альпійскія провинціи, Далмація и Галиція. Благодаря централизму, богатыя провинціи не могли развить всѣ свои природные рессурсы, тогда какъ бѣдныя стали еще бѣднѣе подъ игомъ бюрократіи, проникнутой самымъ отчаяннымъ формализмомъ и не взирающей

на различія расъ и экономическихъ условій. Между тѣмъ современная экономическая жизнь требуетъ интенсивной и систематической дѣятельности и вниманія къ условіямъ страны, поэтому всѣ эти провинціи чувствуютъ потребность въ такой общественной администраціи, которая бы относилась серьезно къ своимъ задачамъ. Примѣромъ можетъ служить Венгрія, достигшая высокой степени процвѣтанія послѣ освобожденія отъ ига централизма.

Такимъ образомъ, благополучное разрѣшеніе австрійскаго кризиса возможно только при условіи полной децентрализаціи. Въ Вѣнѣ должны, наконецъ, понять, что государство, составленное изъ столь разнородныхъ элементовъ, можетъ гарантировать прочность своего существованія лишь въ томъ случаѣ, если оно дѣйствительно будетъ служить убѣжищемъ для народовъ, слишкомъ малочисленныхъ, чтобы составить независимое государство, но достаточно сильныхъ, чтобы защищать свою свободу. Обезпечить этимъ народамъ свободное и правильное развитіе ихъ индивидуальности и доказать міру, что національная идея не должна имѣть своимъ непремѣннымъ послѣдствіемъ яростную борьбу за преобладаніе—вотъ высокая задача, которую должна была бы выполнить Австрія въ Европѣ.

Бельгійская антарктическая экспедиція. Недавно въ Лондонъ пріѣхалъ одинъ изъ членовъ и главныхъ организаторовъ бельгійской антарктической экспедиціи, молодой польскій ученый, геологъ экспедиціи Генрихъ Арктовскій. Экспедиція отправилась въ 1897 г. подъ управленіемъ лейтенанта Герлаха и теперь возвращается назадъ. Арктовскій покинулъ корабль «Belgica» въ Пунта-Аренасъ, нѣсколько недѣль тому назадъ, вмѣстѣ съ румынскимъ натуралистомъ Раковицей, и привезъ съ собою собранные имъ матеріалы, которые онъ теперь приводитъ въ порядокъ и относительно которыхъ онъ намѣренъ переговорить съ различными научными авторитетами, Элизе Реклю и др. Одинъ изъ бельгійскихъ журналистовъ, пріятель Арктовскаго, спросилъ его о результатахъ экспедиціи.

«Это щекотливый вопросъ, — отвѣчалъ ему Арктовскій; — нужно много поработать прежде, чѣмъ можно будетъ высказаться окончательно относительно природы и важности тѣхъ образцовъ, которые мы привезли съ собой. Другіе члены экспедиціи достигли болѣе прямыхъ результатовъ: одинъ изъ нихъ составилъ прекрасную карту мѣстности, а другой, докторъ Кукъ, привезъ массу фотографическихъ снимковъ. Кромѣ того, докторъ Кукъ, во время нашего прохода черезъ архипелагъ Огненной Земли, произвелъ массу этнографическихъ изслѣдованій и наблюденій надъ туземцами. Только бѣдному Данко смерть помѣшала довести до конца его магнетическія изслѣдованія.

«Насъ упрекаютъ въ томъ,—замѣтилъ Арктовскій,—что мы нѣсколько измѣнили свою первоначальную программу и не выполнили всѣхъ своихъ обѣщаній, но тѣ, кто дѣлаетъ намъ такой упрекъ очевидно смѣшиваютъ прежнія научныя экспедиціи съ теперешними. Прежнія имѣли только цѣлью пройти какъ можно дальше во льдахъ и опередить всѣхъ своихъ предшественниковъ хотя бы на одинъ градусъ. Но теперь придается большее значеніе научнымъ наблюденіямъ и экспедиціи должны стремиться къ тому, чтобы добыть какъ можно больше данныхъ объ этихъ малоизвѣстныхъ странахъ. Вотъ почему мы нашли, что 71°36′ широты, котораго мы достигли, можетъ удовлетворить желанія тѣхъ, кто непремѣнно хотѣлъ, чтобъ мы прошли какъ можно дальше. Мы были блокированы льдами въ теченіе тринадцати мѣсяцевъ, но это время не пропало для насъ даромъ: мы продолжали свои научныя наблюденія.

«Мы пережили трудныя минуты во время нашего путешествія. Наши первыя затрудненія произошли въ Пунта-Аренасъ, куда мы зашли, чтобы запастись углемъ, съ согласія аргентинскаго правительства, для дальнѣйшаго пу-

тешествія на югъ. Четыре матроса бельгійца напились пьяными и стали буянить и лейтенантъ Герлахъ рѣшилъ не брать ихъ съ собой, хотя замѣнить ихъ было некѣмъ и потеря четырехъ человѣкъ была очень чувствительна для нашего небольшого экипажа. Но самое худшее насъ ожидало впереди. 1-го января 1898 г. нашъ корабль сѣлъ на подводный камень. Въ это время приливъ уже достигъ высшей точки и скоро долженъ былъ начаться отливъ. Никакой надежды на избавленіе. Мы освободили судно отъ всякаго груза, но корабль ни съ мѣста; съ каждою минутой положеніе наше становилось все опаснѣе и опаснѣе. Мы спустили на воду лодки и въ одну изъ нихъ сѣлъ докторъ Кукъ. Велика сила страсти! докторъ Кукъ даже въ эту критическую минуту не забылъ свой фотографическій аппаратъ и, находясь въ лодкѣ, снялъ нѣсколько фотографій съ судна, застрявшаго въ подводной скалѣ. Мы всѣ, оставшіася на палубѣ, понимали, что намъ не удастся освободить судно собственными силами. Лейтенантъ Лекоинтъ, завидѣвъ меня, крикнулъ мнѣ: «Арктовскій, вы тамъ ничего не дѣлаете, придите помочь мнѣ поднять флагъ». Я подошелъ къ нему и увидалъ, что глаза у него наполнены слезами, но онъ старается сохранить спокойствіе. Поднятіе флага — это прощаніе съ жизнью погибающаго судна, это послѣдній актъ передъ опусканіемъ въ водяную могилу!

«На верху большой мачты взвился національный флагъ и мы, мрачные и безмолвные, окружили мачту, дожидаясь своей участи. Погибла «Belgica»! Но вдругъ въ этотъ моментъ налетѣлъ шквалъ; страшная волна ударила въ судно и окатила насъ съ ногъ до головы. Ударъ былъ настолько силенъ, что мы ежеминутно ожидали, что судно будетъ пробито и медленно пойдетъ ко дну. За этою волною налетѣла другая, потомъ третья. Раздался страшный трескъ и судно заколебалось: волна подкатила его и оно двинулось. Мы всѣ вскрикнули отъ радости: мы были спасены!

«Далѣе насъ ждали новыя испытанія. Матросъ Винке неосторожно перегнулся черезъ бортъ и его тотчасъ же подхватила волна и унесла. Не теряя ни секунды, лейтенантъ Лекоинтъ велитъ обвязать себя веревкой и бросается въ воду. Океанъ бушевалъ, водяная бездна грозила ежеминутно поглотить храбраго лейтенанта; его бросаетъ какъ щепку изъ стороны въ сторону и мы всѣ съ ужасомъ ждали, что вотъ-вотъ его ударитъ о корабль или подтянетъ къ ванту; кромѣ того, вода была страшно холодна и плыть было очень трудно. Тѣмъ не менѣе лейтенанту удалось все-таки схватить утопающаго матроса, но увы! не надолго. Новая волна вырвала его изъ рукъ лейтенанта и матросъ навсегда исчезъ въ пучинѣ.

«Это была страшная минута и мы всѣ долго не могли оправиться отъ перенесеннаго потрясенія. Черезъ два дня послѣ этого несчастнаго случая мы укрылись у западной стороны Лоуэпланда и тамъ приступили къ научнымъ наблюденіямъ. Эти новыя земли представляютъ необыкновенно величественное зрѣлище. Громадныя глыбы льда, айсберги самой разнообразной формы и скалы, выступающія въ разныхъ мѣстахъ изъ подъ общей массы льда и снѣга, все это производитъ поразительное впечатлѣніе. На землѣ нѣтъ фауны, но вокругъ насъ водились въ изобиліи киты и тюлени, свѣжее мясо которыхъ спасло насъ отъ заболѣванія цынгой во время зимы. Мы оставались тутъ три недѣли и 12-го февраля вступили, наконецъ, въ еще совершенно неизвѣстныя области антарктической зоны. Третьяго марта мы достигли 71°91′ южной широты, но холодъ былъ настолько силенъ, что мы не могли двигаться дальше и поневолѣ должны были принять мѣры къ зимовкѣ и устроиться какъ можно комфортабельнѣе на своемъ суднѣ. Холодъ былъ страшный, вызвавшій у многихъ разстройство сердечной дѣятельности. Полярная ночь продолжалась два мѣсяца и солнце не показывалось съ 17-го мая по 21-е іюля. Въ этотъ періодъ времени мы лишились одного изъ своихъ товарищей, лейтенанта Данко. Онъ за—

болѣлъ такими же сердечными припадками, какъ и многіе изъ насъ, но у него они быстро приняли опасный характеръ и онъ умеръ, не приходя въ себя. Тяжело было намъ хоронить его: мы съ трудомъ пробили во льду отверстіе достаточной величины и опустили въ него тѣло нашего умершаго товарища.

«Наконецъ «Belgica» освободилась отъ ледяныхъ оковъ и дальнѣйшее наше путешествіе уже обошлось безъ всякихъ приключеній».

Молодой ученый очень хвалитъ конструкцію корабля, который благополучно вынесъ зимовку, напоръ льда, бури въ океанѣ и т. п. Другія экспедиціи, отправляющіяся въ антарктическія области, воспользуются, конечно, открытіями и опытами бельгійской антарктической экспедиціи и мало-по-малу тайна, окружающая южныя полярныя страны, разсѣется.

Сады рабочихъ. Французское Общество соціальной экономіи издало брошюру о садахъ рабочихъ во Франціи и за границей, въ которой сообщаются успѣхи этой формы помощи посредствомъ труда. Въ свое время мы сообщали нашимъ читателямъ, что по иниціативѣ одной дамы, г-жи Гервье, былъ сдѣланъ въ Седанѣ первый опытъ такой помощи. Г-жа Гервье арендовала въ окрестностяхъ города землю и затѣмъ, распредѣливъ ее на участки, раздала ее бѣднымъ семьямъ для устройства садовъ и огородовъ, снабдивъ ихъ въ то же время всѣмъ необходимымъ для этого, т. е. сельско-хозяйственными орудіями, сѣменами и удобреніемъ. Результаты получились въ высшей степени удовлетворительные: сады и огороды не только обезпечили существованіе многихъ семействъ, буквально погибавшихъ съ голоду до этого, но при хорошемъ урожаѣ давали даже возможность семьямъ сдѣлать нѣкоторыя сбереженія. Къ иниціативѣ г-жи Гервье присоединились другіе жители Седана, образовалось цѣлое общество пособія посредствомъ труда. Затраты на аренду и устройство садовъ и огородовъ оказались, сравнительно, весьма незначительными и если бъ эти самыя деньги были розданы нуждающимся въ видѣ пособій, то они были-бы каплей въ морѣ и не принесли бы никакого существеннаго улучшенія въ ихъ положеніи.

Г-жа Гервье, имѣвшая, главнымъ образомъ, въ виду борьбу съ профессіональнымъ нищенствомъ и желаніе дать возможность всѣмъ членамъ семьи работать совмѣстно, назвала организованное ею общество: «Reconstitution de la famille» и результаты дѣятельности этого общества до нѣкоторой степени оправдали ея ожиданія, такъ какъ большинство рабочихъ охотно занимается въ свободное время въ своихъ садахъ и матери не посылаютъ своихъ дѣтей просить милостыню, пріучая ихъ работать въ саду, что имѣетъ благопріятное вліяніе на ихъ здоровье.

Идея г-жи Гервье нашла подражателей, и теперь уже въ разныхъ мѣстахъ во Франціи устроены такіе сады и огороды для рабочихъ. Бельгія, Германія и нѣкоторыя другія страны послѣдовали этому примѣру, а въ Соединенныхъ Штатахъ дѣло это организовано на очень широкихъ основаніяхъ. Въ системѣ организаціи этого дѣла помощи въ разныхъ странахъ также существуютъ различія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣютъ въ виду только непосредственную помощь, въ другихъ же стремятся къ полному обезпеченію семьи и образованію изъ рабочаго мелкаго землевладѣльца, собственника, имѣющаго свой домикъ и клочекъ земли. Но вездѣ принципъ одинъ и тотъ же: помощь семьямъ рабочихъ, заработокъ которыхъ недостаточенъ для существованія семьи. Участки земли раздаются, по возможности, ближе къ жилищамъ тѣхъ, кому оказывается эта помощь, такъ, чтобы они могли, не оставляя своего обычнаго заработка, воздѣлывать эту землю. Конечно, въ маленькихъ городахъ это было легче устроить, въ большихъ же городахъ труднѣе, такъ какъ нѣтъ столько свободной земли. Въ Брюсселѣ это дѣло уже достигло процвѣтанія и въ настоящее

время въ Парижѣ образовалось общество, поставившее себѣ цѣлью устройство такихъ садовъ и огородовъ. Къ сожалѣнію, во Франціи многіе предубѣждены противъ этого дѣла только потому, что его особенно усердно пропагандируетъ духовенство или такъ называемые воинствующіе католики. Произошло это, однако, совершенно случайно. Въ Седанѣ былъ сдѣланъ починъ помимо духовенства и клерикаловъ и безъ всякаго ихъ участія. Но когда г-жа Гервье, довольная результатами своего дѣла и желая поощрить другихъ къ организаціи такого же точно дѣла, опубликовала результаты въ брошюрѣ, имѣющей цѣлью пропаганду ея идей, то брошюра эта случайно попала на глаза отцу Вольмету, руководителю отдѣленіемъ іезуитской коллегіи въ Сентъ-Этьенѣ. Это было какъ разъ въ самый разгаръ продолжительной стачки, когда въ Сентъ-Этьенѣ царила страшная нужда и къ сострадательному священнику приходили за помощью жены и дѣти стачечниковъ. Ему тотчасъ же пришло въ голову, что если-бы каждая семья рабочаго имѣла такой побочный источникъ дохода, то забастовки, отчего бы онѣ ни происходили, и безработица не влекли бы за собою голодовку и усиленную смертность дѣтей. Вольметъ тотчасъ же приступилъ къ выполненію своей идеи и безъ труда собралъ необходимый фондъ для начала дѣла. Теперь его дѣло въ Сентъ-Этьенѣ такъ же процвѣтаетъ, какъ и дѣло г-жи Гервье въ Седанѣ, и въ обоихъ случаяхъ оно не носитъ характера католической пропаганды, такъ что въ немъ могутъ принимать участіе люди всѣхъ взглядовъ и вѣроисповѣданій. Въ послѣднее время, впрочемъ, за это дѣло взялись муниципалитеты многихъ городовъ и надо надѣяться, что такая идея помощи широко распространится.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue des Revues».—«Revue Scientifique».—«Wide World Magazine».—Vita internazionale».

Несмотря на постоянные разговоры о мірѣ, на усиленную пропаганду идей мира въ современномъ обществѣ, все-таки всѣ народы соперничаютъ другъ передъ другомъ въ изображеніи способовъ войны, въ искусствѣ убивать въ наивозможно короткое время наивозможно большее число людей. Къ этому стремится вся современная военная наука,—говоритъ «Revue des Revues» въ статьѣ, посвященной этому вопросу,—къ этому стремятся многіе ученые, работающіе въ тиши своихъ кабинетовъ и тѣ, которые считаютъ войну самымъ страшнымъ бѣдствіемъ для человѣчества, не думаютъ ни о чемъ иномъ, какъ только сдѣлать эту войну «идеально жестокой!» Всѣ эти изобрѣтатели, въ сущности очень добродушные люди, въ своихъ изобрѣтеніяхъ, результатомъ своей умственной дѣятельности, въ проявленіяхъ своего генія, являются самыми свирѣпыми и худшими изъ истребителей рода человѣческаго. Вотъ, напримѣръ, Щепаникъ, электро-техникъ, идущій по стопамъ Тюрпена; онъ проводитъ дни и ночи въ своей лабораторіи, не зная отдыха,—и какимъ же изобрѣтеніемъ онъ готовится облагодѣтельствовать весь міръ? Это будетъ страшный снарядъ, передъ истребительною силою котораго должны будутъ отступить всѣ находившіеся и находящіеся до сихъ поръ въ употребленіи снаряды. Самъ изобрѣтатель, принадлежащій по общему отзыву къ кротчайшимъ изъ людей, слѣдующимъ наивнымъ образомъ излагаетъ свои цѣли: «Битва началась, — говоритъ онъ,—непріятель приближается. Вмѣсто того, чтобы ждать его, я отступаю назадъ, покидая для виду свои фургоны. Въ дѣйствительности же эти фургоны наполнены новыми бомбами, заключенными въ ящики, снабженные взрывчатымъ аппара-

томъ весьма простого устройства. Я направляю на непріятеля и на всѣ его движенія сильный лучъ электрическаго свѣта и въ тотъ моментъ, когда непріятель приблизится къ фургонамъ, электрическая искра коснется взрывчатаго снаряда и отъ непріятельской арміи не останется ничего!»

Ученый даже не подозрѣваетъ чудовищности своего изобрѣтенія, всей низости такого способа веденія войны. Военная наука превозноситъ геніальность такихъ изобрѣтеній, за нихъ выдаются преміи и дальнѣйшая дѣятельность въ этомъ направленіи всячески поощряется. И это безуміе массоваго убійства, которое называется войной, захватываетъ порою самые здравые умы и возникаетъ состязаніе, которому нѣтъ имени на человѣческомъ языкѣ! На границѣ XX в., который нѣкоторые изъ современныхъ поэтовъ уже воспѣваютъ какъ наступленіе новой эры всеобщаго примиренія и т. д., призраки войны выступаютъ въ еще болѣе кровавомъ ореолѣ. Всѣ страны соперничаютъ другъ съ другомъ въ быстротѣ вооруженія, бросаютъ милліоны не только на укрѣпленіе границъ, но и на изготовленіе страшныхъ смертоносныхъ орудій всякаго рода. Всюду замѣчается лихорадочная дѣятельность въ этомъ направленіи, всюду замѣчается стремленіе найти такой способъ, который далъ бы возможность сразу истреблять цѣлыя арміи, флоты и разрушать крѣпости. Военная наука достигла на рубежѣ XX вѣка такой интенсивности, что, повидимому, дальше идти некуда. Но ежедневно получаются извѣстія о новыхъ удивительныхъ военныхъ изобрѣтеніяхъ, новыхъ способахъ веденія войны. Каждое такое изобрѣтеніе естественно ведетъ за собою переворотъ и въ способахъ защиты, и въ способахъ веденія войны. Изобрѣтеніе подводныхъ судовъ, плавающихъ одинаково и на поверхности воды, и подъ водою, недоступныхъ нападенію подъ водою и въ то же время могущихъ извергать торпеды въ любомъ направленіи, должно было бы нанести окончательный ударъ морской войнѣ. Никакое непріятельское судно не можетъ приблизиться къ берегу, охраняемому такого рода подводными лодками. Борьба съ ними невозможна и грозитъ полнымъ истребленіемъ всякому флоту. Но такъ какъ каждое такое изобрѣтеніе непремѣнно вызываетъ контръ-изобрѣтеніе, парализующее его дѣйствіе, то мы можемъ ожидать, что морская война сдѣлается подводной и что схватка будетъ происходить между подводными флотами государствъ. Мы можемъ ожидать также воздушной войны, такъ какъ давно уже изобрѣтательный геній работаетъ въ этомъ направленіи и въ Америкѣ, и Германіи военная аэростатика сдѣлала уже большіе успѣхи. Какъ нѣмцы, такъ и американцы преслѣдуютъ въ этомъ отношеніи только одну цѣль — истребить какъ можно больше людей, извергая на непріятельскій городъ съ высоты дождь взрывчатыхъ снарядовъ, который можетъ въ самое короткое время стереть съ лица земли цѣлый городъ съ его населеніемъ и цѣлую армію. Американцы, не скрывая, хвастаются своими успѣхами въ этой наукѣ истребленія. Во время испано-американской войны цѣлыя столбцы американскихъ газетъ были наполнены описаніями тѣхъ опустошеній, которыя производились орудіями американцевъ. Въ Омдурманѣ, во время послѣдней суданской кампаніи, англійское ядро новой системы сразу убило 200 дервишей; но американцы по этому поводу съ гордостью заявляютъ, что новоизобрѣтенный американскій снарядъ сразитъ еще большее число людей!

Авторъ статьи въ «Revue des Revues» приходитъ, однако, къ заключенію, что всѣ эти изобрѣтатели, безсознательно, а порою и сознательно, трудятся въ пользу того, чтобы сдѣлать войну невозможной. Эдиссонъ, Тесла, Нобель, Максимъ и даже Щепаникъ мечтаютъ о вѣчномъ мирѣ, объ уничтоженіи войны. Но можетъ ли, дѣйствительно, наука, направленная по преимуществу въ сторону изобрѣтенія лучшихъ способовъ истребленія, достигнуть такой цѣли?

«Revue Scientifique» печатаетъ статью одного нѣмецкаго профессора о гигіенѣ нервной системы. Наука эта находится еще въ самомъ зародышѣ. Общая гигіена, достигшая уже сильнаго развитія, не имѣла еще времени заняться этимъ спеціальнымъ вопросомъ, поглощенная борьбой съ эпидеміями и инфекціонными болѣзнями и введеніемъ мѣропріятій, направленныхъ къ оздоровленію городовъ, къ улучшенію санитарныхъ условій фабрикъ, жилищъ рабочихъ, къ усвоенію правилъ профессіональной гигіенѣ и т. п. Между тѣмъ распространеніе нервныхъ страданій, являющееся отчасти результатомъ прогресса цивилизаціи, требуетъ нашего вниманія и заставляетъ подумать о предохранительныхъ мѣрахъ, о профилактикѣ «нервозности», составляющей одну изъ характерныхъ чертъ нашего вѣка.

«Разумѣется было бы нелѣпо, говоритъ нѣмецкій профессоръ, проповѣдывать отреченіе отъ всѣхъ преимуществъ нашей цивилизаціи и возвращеніе къ первобытной и болѣе простой жизни нашихъ предковъ, ради оздоровленія будущихъ поколѣній. Конечно еслибъ мы могли изгнать изъ нашей жизни всякій черезъчуръ интенсивный интеллектуальный трудъ и всегда помнить правило умѣренности и аккуратности во всѣхъ своихъ пользованіяхъ жизнью и ея наслажденіями, то безъ сомнѣнія нервозность въ значительной степени ослабѣла бы. Но кто же изъ нашихъ современниковъ согласится на такую жертву? Кто, привыкшій къ постоянной интеллектуальной работѣ, согласится наложить узду на дѣятельность своего ума и сказать ему: ни шагу дальше! Точно такъ же и всѣ другія ограничительныя правила, въ родѣ запрещенія браковъ между невропатами и т. п., не могутъ достигнуть цѣли и, если мы хотимъ спасти новыя поколѣнія отъ этого зла, то прежде всего должны позаботиться о гигіенѣ нервной системы и примѣнять правила этой гигіены въ дѣтской и школѣ, стараясь укрѣпить нервную систему ребенка и юноши посредствомъ цѣлесообразнаго ухода и воспитанія. Первыми помощниками врачей въ этомъ отношеніи должны быть матери, а затѣмъ педагоги и всѣ просвѣщенные люди. Конечно, тутъ огромное значеніе имѣетъ школьная гигіена, которая должна быть доведена до высокой степени совершенства. Всего труднѣе тутъ бороться съ закоренѣлыми предразсудками и установившимися традиціями, въ особенности въ вопросѣ о переутомленіи. Воспитаніе вообще, какъ школьное, такъ и домашнее, должно руководствоваться правилами гигіены нервной системы и строго выполнять эти правила, стараясь развивать волю, самообладаніе, умѣнье подавлять чувственныя вожделѣнія и управлять своими инстинктами и склонностями.

Что касается умственнаго труда, то и въ этой области необходимо наблюдать правила гигіены. Какъ въ школахъ, такъ и въ университетахъ и прочихъ учебныхъ заведеніяхъ, программа ученія слишкомъ загромождена многими ненужными и лишними предметами, требующими непроизводительной растраты труда и вызывающими мозговое утомленіе, поэтому усилія гигіенистовъ должны быть направлены именно въ эту сторону.

Общество, съ своей стороны, можетъ многое сдѣлать для распространенія правильныхъ понятій и взглядовъ на гигіену нервной системы и, ведя борьбу съ алькоголизмомъ, являющимся одною изъ весьма важныхъ причинъ распространенія нервныхъ страданій, общество, конечно, содѣйствуетъ оздоровленію нервной системы и обезпеченію будущихъ поколѣній отъ нервныхъ страданій. Но больше всего и прежде всего мы должны позаботиться о школьной гигіенѣ и о томъ, чтобы оградить наше юное поколѣніе, поступающее въ разныя учебныя заведенія, отъ опасныхъ послѣдствій мозгового переутомленія.

Въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Теннеси, существуетъ деревушка, имѣющая 250 жителей и названная именемъ Рёскина. Деревушка эта лежитъ въ прекрасной и плодоносной долинѣ Іеллоу-Крикъ и занимаетъ пространство только

въ 1800 акровъ. Пять лѣтъ тому назадъ она была основана рабочими, желавшими примѣнить на практикѣ свои идеи кооперацiи и представляетъ въ настоящее время самостоятельную маленькую республику. «Wide World Magazine», называетъ эту республику Новой Икарiей, возникновенiе которой, конечно, должно удивить мiръ, такъ какъ принципы, которыхъ придерживается эта республика, совершенно несовмѣстимы съ условiями современной жизни. Каждый изъ членовъ республики обязанъ работать, но съ него спрашивается лишь то количество труда, которое онъ въ состоянiи выполнить, и всѣ рабочiе колонисты получаютъ одинаковую плату, каковы бы ни были возложенныя на нихъ задачи.

Любопытно, что толчкомъ въ учрежденiи такой колонiи на новыхъ началахъ послужилъ знаменитый проектъ «кооперативной деревни» Эдварда Беллами, помѣщенный имъ въ журналѣ «The Coming Nation», (грядущая нацiя). Издатель журнала пригласилъ всѣхъ своихъ поличитескихъ друзей распространять журналъ такимъ образомъ, чтобы онъ дошелъ до ста тысячъ экземпляровъ. Если это будетъ достигнуто, то, по его словамъ, получится барышъ, послѣ реализацiи котораго, можно будетъ прiобрѣсти отъ трехъ до четырехъ тысячъ акровъ земли и уже туда перенести дѣятельность, т. е. тамъ открыть редакцiю и типографiю журнала. Какъ только типографiя начала бы работать, то безъ сомнѣнiя всѣ редакторы, типографщики, сотрудники и проч. рабочiе, непремѣнно бы переселились бы къ ней поближе и каждому былъ бы отведенъ домикъ, какой онъ пожелаетъ, здоровый и удобный и подходящихъ размѣровъ.

Такимъ образомъ, должно было образоваться ядро будущей колонiи, которая, конечно, могла увеличиваться, вслѣдствiе появленiя въ ней новыхъ пришельцевъ. Воззванiе было услышано и скоро уже явилась возможность прiобрѣсти нѣсколько тысячъ акровъ земли. 29-го iюня 1894 г. было заложено основанiе новой колонiи въ долинѣ, покрытой дѣвственнымъ лѣсомъ. Пришлось прежде всего расчистить мѣсто, чтобы разбить палатку перваго колониста, къ которому уже на другой день присоединилось еще нѣсколько человѣкъ ремесленниковъ и работа закипѣла. Выстроено было зданiе-баракъ для типографiи и редакцiи журнала и кругомъ разбиты были одинадцать временныхъ шалашей для членовъ колонiи, образовавшейся вокругъ типографiи журнала. Колонiя названа «Рёскинъ» и въ ней 11-го августа былъ въ первый разъ отпечатанъ номеръ журнала, который въ тотъ же день разошелся въ огромномъ количествѣ экземпляровъ. Въ iюлѣ 1895 г. былъ выстроенъ тридцатый по счету домъ для колонистовъ. Въ 1896 году, въ февралѣ, прiобрѣтено еще 384 акровъ, а въ iюлѣ 1897 г. типографiя журнала переведена въ новое и гораздо болѣе обширное помѣщенiе. Въ настоящее время вокругъ этого зданiя, на разномъ разстоянiи, расположены 40 домовъ, въ которыхъ обитаютъ колонисты.

Въ деревнѣ «Рёскинъ» не работаютъ ни въ субботу, начиная съ полдня, ни въ воскресенье. За каждый часъ работы выплачивается чекъ; такiе чеки представляютъ единственную размѣнную монету, допускаемую въ колонiи. За всѣ продукты выплачивается этими чеками. Такимъ образомъ эквивалентомъ одного фунта чая будетъ 11 часовъ работы, кофе—семь часовъ и т. д. Пара мужскихъ сапогъ, напримѣръ, равняется 70 часовъ, женская соломенная шляпа —пятнадцати часамъ и т. д.

Колонiя теперь процвѣтаетъ. Упрощенная финансовая система не даетъ повода ни къ какимъ распрямъ и, дѣйствительно; въ колонiи царитъ полное спокойствiе и благосостоянiе. Скептики однако не вѣрятъ, чтобы такое положенiе вещей могло продолжаться долго.

Объ итальянской «camorra» уже много было написано. Различныя авторы интересовались этимъ явленiемъ съ различныхъ точекъ зрѣнiя, но никому, по-

видимому, не приходило въ голову изслѣдовать этотъ вопросъ съ точки зрѣнія дѣтской преступности. Итальянскій журналъ «Vita Internatiónale», печатая статью о каморрѣ дѣтей, пробуетъ пополнить этотъ пробѣлъ.

Неаполь буквально кипитъ ребятишками, родители которыхъ никому рѣшительно неизвѣстны. Это брошенныя на произволъ судьбы дѣти, бродятъ по улицамъ днемъ и ночью, въ лохмотьяхъ и голодные. Это почти все будущіе члены каморры и еслибы въ одинъ прекрасный день исчезли всѣ взрослые члены этой обширной ассоціаціи злодѣевъ, то ряды ея тотчасъ же пополнились бы юными дѣятелями, жаждущими вступить въ нее. Въ дѣйствительности уже существуютъ двѣ каморры. Одна—каморра взрослыхъ и другая—дѣтей, мало извѣстная полиціи въ большинствѣ случаевъ, но очень прочно организованная и весьма дѣятельная. Въ миніатюрѣ это общество дикарей, имѣющее свой устный кодексъ правилъ, происхожденіе котораго вѣроятно относится къ нѣсколькимъ столѣтіямъ назадъ. Въ первомъ параграфѣ этого кодекса заявляется, что это прекрасное реформированное общество имѣютъ цѣлью объединить всѣхъ товарищей, обладающихъ сердцемъ, чтобы они могли въ спеціальныхъ обстоятельствахъ оказывать другъ другу нравственную и матеріальную поддержку».

Чтобы быть принятымъ въ это «прекрасное общество» необходимо совершить какой нибудь удальской поступокъ, доказать, что не боишься вида крови, ни чужой, ни собственной. Послѣ совершенія такого поступка доступъ въ общество становится открытымъ и новый членъ получаетъ титулъ «Grivinotto Onorato». Слѣдующія степени: «Piccinotto» и «Capintesta» и достигшій послѣдней степени, разумѣется, становится главою шайки и поддерживаетъ порядокъ въ средѣ своихъ сотоварищей. Конечно, правосудіе въ этой шайкѣ основано только на законѣ возмездія, а другіе законы тамъ неизвѣстны.

Въ кодексѣ говорится также и о взиманіи и распредѣленіи налоговъ. Налоги эти выплачиваются каморрѣ извощиками, лодочниками, продавцами фруктовъ и цвѣтовъ и т. д. Всѣ они уплачиваютъ извѣстную небольшую сумму членамъ каморры, чтобы тѣ ихъ не притѣсняли и оказывали имъ покровительство въ случаѣ нужды, и договоръ честно выполняется обѣими сторонами.

Какъ и всѣ первобытные дикари, и эти юные члены каморры питаютъ сильное пристрастіе къ татуированію. Въ госпиталяхъ Неаполя можно встрѣтить много такихъ юныхъ бродягъ обоего пола, отъ 10 до 15 лѣтъ, все тѣло которыхъ покрыто самыми разнообразными рисунками, часто весьма свирѣпаго и неприличнаго содержанія. Конечно у юныхъ каморристовъ есть и свой жаргонъ и притомъ очень образный. Всѣ юные преступники, попадающіе въ исправительныя тюрьмы, непремѣнно принадлежатъ къ этой ассоціаціи, которая, такимъ образомъ, служитъ подготовительной школой для будущихъ злодѣевъ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

О природѣ антагонизма между токсинами и антитоксинами. — Зоологія. 1) Защитительной аппаратъ жука-бомбардира. 2) Память рыбъ.—**Медицина.** Болѣзнь и раса.—**Микробіологія.** 1) Дѣйствіе дождя на количество бактерій въ водѣ для питья. 2) Микробы цвѣтовъ.—**Демографія и соціологія.** Количество рожденій въ европейскихъ странахъ. — **Геологія.** Недавнія вулканическія явленія на Исландіи. — **Астрономическія извѣстія.**

О природѣ антагонизма между токсинами и антитоксинами. Вопросъ о природѣ антагонизма между токсинами или ядовитыми веществами, попадающими въ организмъ или развивающимися въ немъ вслѣдствіе различныхъ причинъ, и антитоксинами, т. е. веществами, уничтожающими или ослабляющими дѣйствіе токсиновъ, служитъ предметомъ многочисленныхъ разногласій съ 1894 г., когда Берингъ и Бюхнеръ изложили въ первый разъ противорѣчивые взгляды свои на этотъ счетъ. По мнѣнію Беринга антагонизмъ токсина и антитоксина носитъ чисто химическій характеръ, т. е. антитоксинъ дѣйствуетъ на токсинъ, нейтрализуя послѣдній, какъ щелочь нейтрализуетъ кислоту. По взгляду Бюхнера дѣйствіе антитоксина не прямое: это дѣйствіе можетъ произойти только черезъ посредство клѣтокъ организма. Много изслѣдованій было произведено съ тѣхъ поръ съ цѣлью доказать справедливость того или другого воззрѣнія, но мнѣнія ученыхъ и до нашего времени раздѣляются: одни поддерживаютъ теорію Беринга, другіе защищаютъ взгляды Бюхнера; изъ выдающихся партизановъ теоріи Бюхнера назовемъ Ру, Мечникова, Виссермана. Новыя изслѣдованія къ изученію этого труднаго вопроса были представлены Мартеномъ и Черри въ засѣданіи Лондонскаго Королевскаго Общества. Изслѣдованія эти подтверждаютъ правильность взглядовъ Беринга и его школы и объясняютъ въ то же время причину нѣкоторыхъ противорѣчивыхъ результатовъ, на которыхъ основывается другая школа.

Опыты были произведены надъ дифтеритнымъ токсиномъ и надъ одной изъ составныхъ частей яда австралійской змѣи Hoplocephalus Curtus. Приготовленный дифтеритный токсинъ былъ испробованъ на морскихъ свинкахъ и минимальная смертельная доза (смерть наступаетъ черезъ 48 часовъ) найдена 0,12 куб. сент. на одинъ килограммъ вѣса животнаго. Антитоксиномъ служила сыворотка Беринга и сыворотка изъ института Пастера въ Парижѣ. Что касается змѣинаго яда, то употреблялась та составная часть его, которая не разрушается при нагрѣваніи раствора до 90° Ц. Эта часть яда похожа, если не вполнѣ идентична съ главною составною частью яда кобры; противоядная сыворотка Кальметта дѣйствуетъ на нее, какъ опредѣленный антитоксинъ, и дѣйствіе ея достаточно, такъ какъ при всѣхъ опытахъ употреблялись количества ея относительно большія въ сравненіи съ малыми смертельными дозами яда, такъ что въ этихъ условіяхъ ядъ нейтрализовался вполнѣ. Антитоксиномъ при опытахъ служила противоядная сыворотка пастеровскаго института въ Лиллѣ.

Чтобы опредѣлить какова природа воздѣйствія антитоксина на токсинъ, носитъ ли она *химическій* или *физіологическій* характеръ, авторы изслѣдованія прибѣгли къ физическому методу. Еще въ 1896 г. одинъ изъ нихъ доказалъ, что въ растворѣ, заключающемъ вещества съ большими молекулами и съ малыми молекулами, можно отдѣлить одни вещества отъ другихъ, фильтруя растворъ на желатиновой пластинкѣ въ особомъ фильтрѣ подъ давленіемъ 50 атмосферъ. Если подвергнуть такому фильтрованію растворъ дифтеритнаго токсина, послѣдній почти цѣликомъ проходитъ чрезъ фильтръ, при чемъ сила его уменьшается лишь въ очень слабой степени. Напротивъ, дифтеритный антитоксинъ не можетъ пройти черезъ такой фильтръ и жидкость, прошедшая черезъ фильтръ, не имѣетъ, такимъ образомъ, никакой силы, какъ противоядіе. Такимъ образомъ, имѣется простое средство раздѣлить смѣсь токсина съ антитоксиномъ, лишь бы они не подѣйствовали уже другъ на друга.

Авторы смѣшали растворъ токсина (дифтеритнаго), заключавшій восемь смертельныхъ дозъ на одинъ куб. сент. и на одинъ килограммъ вѣса морской свинки съ антитоксиномъ Беринга въ количествѣ болѣе чѣмъ достаточномъ, чтобы нейтрализовать ядъ. Смѣсь была оставлена въ теченіе двухъ часовъ при 30° Ц. и затѣмъ отфильтрирована черезъ желатиновую пластинку. Профильтрованная жидкость была инъецирована морскимъ свинкамъ въ количествѣ 4 куб. сент. на одинъ килограммъ вѣса животнаго, что соотвѣтствуетъ тридцати двумъ смертельнымъ дозамъ токсина. Инъекція не оказала никакого дѣйствія, не появилось даже мѣстныхъ болѣзненныхъ симптомовъ. Если бы токсинъ оставался нетронутыми на ряду съ антитоксиномъ, ничто не помѣшало бы ему отфильтроваться, принимая во вниманіе его небольшую молекулярную величину; если дѣло обстоитъ иначе, то это объясняется тѣмъ, что до фильтрованія онъ уже вступилъ въ нѣкоторый родъ химическаго соединенія съ большими молекулами антитоксина.

Въ другой серіи опытовъ Мартенъ и Черри брали кроликовъ и дѣлали имъ инъекцію смѣси части яда змѣи Hoplocephalus Curtus и противоядной сыворотки Кальметта. Два куб. сент. этой сыворотки нейтрализуютъ 0,002 грамма сухого яда (количество, достаточное для того, чтобы убить кролика приблизительно въ восемь часовъ). Смѣсь эту оставили сначала въ покоѣ въ теченіе 50 минутъ при комнатной температурѣ, затѣмъ нагрѣвали до 68° въ теченіе 10 минутъ, чтобы разрушить антитоксинъ. Въ ранѣе произведенныхъ опытахъ Кальметта кролики, которымъ была инъецирована предварительно нагрѣтая жидкость, умирали; тѣ же, которымъ инъецировалась жидкость безъ предварительнаго нагрѣванія, оставались невредимыми. Отсюда Кальметтъ сдѣлалъ выводъ, что ядъ и противоядная сыворотка находились вмѣстѣ, не реагируя одинъ на другой. Въ опытахъ Мартена и Черри наоборотъ, кролики, инъекція которымъ была сдѣлана и нагрѣтою и ненагрѣтою жидкостью безъ различія, всѣ остались невредимы. Единственнымъ заключеніемъ, къ которому можно придти изъ разсмотрѣнія приведенныхъ фактовъ, является то, что въ теченіе того времени, которое прошло отъ смѣшенія яда съ противоядной сывороткой и до инъекціи смѣси, сыворотка подѣйствовала на ядъ и въ значительной степени разрушила его.

Эти результаты, вполнѣ совпадающіе съ опытами надъ токсиномъ и антитоксиномъ дифтерита, совершенно противорѣчатъ тѣмъ, которые были получены Кальметтомъ. Авторы изслѣдованій не допускаютъ, чтобы это было слѣдствіемъ неправильной постановки опытовъ и приписываютъ противорѣчіе разницѣ въ условіяхъ производства опытовъ. Кальметтъ совершенно игнорировалъ возможное вліяніе времени, температуры и относительныхъ пропорцій дѣйствующихъ массъ токсина и антитоксина. Мартенъ и Черри изучили вліяніе этихъ факторовъ и констатировали, что оно имѣетъ чрезвычайно важное значеніе; если пренебречь въ большей или меньшей степени однимъ изъ этихъ факторовъ, можно получить діаметрально противоположные результаты.

Токсинъ и антитоксинъ изслѣдованнаго яда оба имѣютъ значительной величины молекулы, которыя и въ томъ и въ другомъ случаѣ являются очень сложными. Можно заранѣе предвидѣть, что коэффиціентъ скорости реакціи между этими сложными молекулами будетъ значительный и въ то же время, принимая въ соображеніе величину молекулъ, что растворъ будетъ содержать относительно небольшое ихъ количество; слѣдовательно, всякое химическое взаимодѣйствіе между ними потребуетъ опредѣленнаго времени. Значеніе фактора «время» и вліяніе пропорціи дѣйствующихъ массъ, наглядно изображено на прилагаемой таблицѣ.

Читая таблицу въ горизонтальномъ направленіи, мы видимъ вліяніе на результатъ опыта времени, въ теченіе котораго токсинъ и антитоксинъ дѣйствовали другъ на друга, при чемъ взаимная пропорція ихъ постоянна. Читая въ вертикальномъ направленіи, мы видимъ вліяніе измѣненія массъ токсина и антитоксина при одномъ и томъ же времени реакціи.

Вліяніе факторовъ, времени и массы на антагонизмъ токсиновъ и антитоксиновъ.

Пропорція токсина и антитоксина на 1 килогр. животн.		Контрольное животное, получавшее только одинъ ядъ.	Время, въ теченіе котораго антитоксинъ дѣйствовалъ на токсинъ при температурѣ 20—23° Ц.					
Антитоксинъ.	Токсинъ.		2 мин.	5 мин.	10 мин.	15 мин.	30 мин.	1 часъ.
1 куб. сен.	2 смер. дозы.	Смерть черезъ 15 час.	Ост. живо очень болѣло въ теченіе 2 дней.	Ост. живо болѣло 1 день.	Ост. живо безъ болѣзн. симпт.	Ост. живо безъ болѣзн. симпт.	Ост. живо безъ болѣзн. симпт.	Ост. живо безъ болѣзн. симпт.
1 к. с.	3 смер. дозы.	Смерть черезъ 12 час.	Смерть чер. 20 ч.	Смерть чер. 28 ч.	Ост. живо болѣло въ теченіе 2 дней.	Ост. живо болѣло 1 день.	Тоже.	Тоже.
1 к. с.	4 смер. дозы.	Смерть черезъ 9 час.	Смерть чер. 13 ч.	Смерть чер. 15 ч.	Смерть чер. 23 ч.	Ост. живо сильно болѣло въ теченіе 2 дней.	Тоже.	Тоже.

Изслѣдователи не опредѣлили еще третьяго фактора—«температуры», но достигнутые результаты кажутся имъ уже достаточно убѣдительными, чтобы придти къ заключенію, что антагонизмъ токсиновъ дифтерита и яда змѣи съ ихъ соотвѣтствующими антитоксинами основанъ на прямомъ химическомъ воздѣйствіи. Противоположные выводы Кальметта и другихъ ученыхъ явились слѣдствіемъ того, что они не приняли въ расчетъ вліянія времени, необходимаго для того, чтобы произошла химическая реакція. (Revue générale des sciences № 9, 1899).

Зоологія. 1) *Защитительный аппаратъ жука бомбардира.* Обыкновенный жукъ-бомбардиръ (Brachynus crepitans L.) снабженъ, какъ извѣстно, особаго устройства защитительнымъ аппаратомъ, которому онъ и обязанъ своимъ названіемъ. Fr. Dierckx занялся изслѣдованіемъ устройства этого аппарата и сообщаетъ результаты своихъ наблюденій въ «Comptes rendus de l'Acad. des Sciences» 1899, I, S. 622.

Аппаратъ представляетъ изъ себя двойной железистый органъ, расположенный по обѣимъ сторонамъ прямой кишки. Онъ состоитъ изъ части, выдѣляющей

особый секретъ, собирающаго канала и резервуара. Каждая лопасть железы, имѣющей форму виноградной кисти, снабжена каналомъ, вокругъ котораго расположены активныя клѣтки, заключающія въ себѣ, кромѣ ядра, еще грушевидный пузырекъ, пронизанный тонкою сѣтью мелкихъ канальцевъ. Собирающій каналъ имѣетъ въ длину отъ 25 до 30 миллиметровъ; онъ состоитъ изъ двухъ трубокъ, внутренность которыхъ держится открытою посредствомъ ряда кутикулярныхъ, гіалиновыхъ пластинокъ; стѣнка ихъ состоитъ всего лишь изъ одного слоя клѣтокъ. Резервуаръ имѣетъ форму сумки, въ глубинѣ которой открывается собирающій каналъ. Послѣдній оканчивается двумя отверстіями, стѣнки которыхъ снабжены особыми гребешкообразными хитиновыми образованіями на концѣ брюшка, нѣсколько впереди заднепроходного отверстія.

Выдѣляемая жидкость безцвѣтна, прозрачна и обладаетъ слабымъ, но въ то же время характернымъ запахомъ. Самое замѣчательное свойство ея—чрезвычайно большая ея летучесть: она кипитъ уже при температурѣ +9°. Если животное побезпокоить, оно поднимаетъ вверхъ заднюю часть своего тѣла, жидкое содержимое резервуара согрѣвается подъ вліяніемъ давленія и выбрасывается наружу. Несмотря на то, что содержимое резервуара, выдѣляемое железами, совершенно прозрачно, выстрѣлъ бамбардира оставляетъ твердый, желтоватый остатокъ, который подъ микроскопомъ оказывается ничѣмъ инымъ, какъ содержимымъ прямой кишки. Въ то время какъ жукъ приподнимаетъ заднюю часть своего тѣла, запирающіе задній проходъ мышцы ослабляются, прямая кишка опорожняется и выброшенные наружу экскременты уносятся съ достаточной силой потокомъ секрета, который на воздухѣ тотчасъ превращается въ газъ.

2) *Память у рыбъ*. Очевидно, что мы не можемъ представить себѣ даже самой элементарной психологіи, свойственной такимъ животнымъ, какъ рыбы, чтобы въ ней вовсе отсутствовалъ такой элементъ, какъ память и, слѣдовательно, здѣсь мы не будемъ задаваться вопросами: существуетъ ли вообще память у рыбъ?

Мы желаемъ лишь остановить вниманіе читателей на интересномъ фактѣ, наблюдавшемся R. Semon'омъ надъ Echineis remora, который, кромѣ прекрасной памяти, обнаруживаетъ у этихъ рыбъ достаточную способность наблюденія. Рыба эта снабжена на верхней части головы нѣкотораго рода присоской, которая служитъ ей для того, чтобы прикрѣпляться къ подводной части кораблей, брюшной части щита черепахи или же къ брюху болѣе крупныхъ рыбъ, какъ напр., акула, съ цѣлью перемѣны мѣста безъ усталости. Однажды, во время путешествія въ Торресовъ проливъ въ Австраліи, Semon бросилъ въ воду остатки отъ вареного краба. Каждый отдѣльный кусочекъ былъ тотчасъ подхватываемъ рыбкою, величиною сентиметровъ въ 25, которая появлялась изъ подъ судна и, схвативши добычу, отправлялась туда же обратно. Semon узналъ въ рыбѣ Echineis и захотѣлъ добыть себѣ экземпляръ этой породы. Онъ бросилъ кусочекъ краба съ крючкомъ на лесѣ и тотчасъ вытащилъ рыбу. Вновь была заброшена удочка, но, несмотря на всѣ одинаковыя условія, ни одна рыба не тронула приманки; мало того, ни одна рыба не тронула другихъ кусочковъ краба, брошенныхъ одновременно въ воду. Въ теченіе всего дня ни одна рыба не соблазнилась вкусной приманкой, которою ее привлекали; онѣ замѣтили, навѣрное, исчезновеніе одной изъ своихъ и остерегались, оставаясь подъ судномъ, не поддаваясь искушенію. То же наблюденіе было повторено нѣсколько разъ. Въ другомъ мѣстѣ и при другихъ обстоятельствахъ Semon'у удавалось легко поймать одинъ экземпляръ и никогда онъ не могъ поймать двухъ изъ одной и той же стаи въ одинъ и тотъ же день. Эти рыбы, очевидно, обладаютъ даромъ наблюденія и памятью лучшею, чѣмъ многія другія рыбы, такъ какъ каждому извѣстно, что въ одномъ и томъ же мѣстѣ рыбо-

ловъ нерѣдко поймаетъ большое количество индивидуумовъ, принадлежащихъ къ одному и тому же виду и къ одной и той же стаѣ, которые навѣрное видятъ таинственное исчезновеніе своихъ собратьевъ.

Что касается привычки Echineis прикрѣпляться къ подводной части судовъ и брюшной сторонѣ другихъ животныхъ, то Semon объясняетъ ее тѣмъ, что рыбы эти питаются обыкновенно экскрементами животныхъ и отбросами отъ пищи, которые попадаютъ съ судовъ въ море (Revue Scientifique № 17. 1899).

Медицина.—*Болѣзнь и раса.* Въ послѣднемъ номерѣ «Британскаго Медицинскаго Журнала» Т. Уачъ напечаталъ интересную работу объ относительномъ распространеніи по расамъ болѣзни глазъ—трахомы. Болѣзнь эта, какъ извѣстно, представляетъ особенности распространенія, которыя сначала приписывались климату и другимъ условіямъ, словомъ, географіи въ широкомъ смыслѣ этого слова. Но оказалось, что факты противорѣчатъ такому воззрѣнію и съ все большею очевидностью выясняется, что въ распространеніи этой болѣзни играетъ главную роль не географія, а раса.

Есть расы, вовсе не подверженныя заболѣванію трахомой. Такъ, напр., туземныя племена Канады, въ томъ числѣ и эскимосы, вовсе не даютъ случаевъ заболѣванія трахомой и это заключеніе основывается на многочисленныхъ наблюденіяхъ, систематически поставленныхъ для рѣшенія этого вопроса. Такая невоспріимчивость тѣмъ болѣе удивительна, что условія, въ которыхъ живутъ вышеупомянутыя племена крайне печальны и. какъ нельзя болѣе, благопріятны для зараженія и распространенія трахомы. Жилища очень малы и грязны, пища неудовлетворительна и по количеству, и по качеству; эпидемическія и заразныя болѣзни нерѣдки: сифилисъ, туберкулезъ и т. п. Особенно поразительна невоспріимчивость племенъ, живущихъ въ низменныхъ, болотистыхъ странахъ, гдѣ болѣзни, въ томъ числѣ и глазныя, изобилуютъ и въ то же время ни разу не было найдено ни одного случая заболѣванія трахомой. Если мы обратимся, далѣе, къ другимъ мѣстностямъ, гдѣ, на ряду съ туземнымъ населеніемъ, живутъ также русскіе менониты и притомъ въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ, то мы найдемъ слѣдующее: у менонитовъ трахома—явленіе достаточно частое, у туземцевъ же оно вовсе неизвѣстно. Упомянемъ также, что такою же абсолютною невоспріимчивостью къ трахомѣ отличаются индійцы Канады; индійцы Соединенныхъ Штатовъ, различные по расѣ, не пользуются этой привиллегіей.

Относительная невоспріимчивость наблюдается у негровъ чистой крови въ Сенегамбіи, Гвинеѣ и прилегающихъ къ Западной Африкѣ частей. Трахома рѣже поражаетъ ихъ, чѣмъ бѣлыхъ, въ Соединенныхъ же Штатахъ ихъ невоспріимчивость почти абсолютна. Фактъ этотъ былъ нѣсколько разъ констатированъ, напр., въ 1896 г., когда сравнивали санитарное состояніе чернокожихъ и бѣлыхъ, которые работали вмѣстѣ при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ Тенесси. Бѣлые, по большей части ирландцы, дали много случаевъ заболѣванія трахомой, тогда какъ среди негровъ не было ни одного больного. Условія же существованія были одни и тѣ же для негровъ и для бѣлыхъ, окружающая среда также одинаковая и, если одна изъ расъ была менѣе благопріятно обставлена въ гигіеническомъ отношеніи, то это скорѣе черная раса. Случается, однако, что случай трахомы наблюдается на чернокожихъ, но замѣчательно, что это почти всегда индивидуумы съ смѣшанной кровью—мулаты. Въ Нашвиллѣ, гдѣ двѣ трети населенія—чернокожіе, никогда не наблюдалось случаевъ трахомы у негровъ; напротивъ, оно очень обыкновенное явленіе у бѣлыхъ. Въ Луизвиллѣ одинъ врачъ-офтальмологъ насчитываетъ отъ 800 до 1.200 случаевъ заболѣванія глазными болѣзнями среди негровъ, но никогда ему не приходится встрѣтить трахомы: послѣдняя наблюдается только у бѣлыхъ. Въ общемъ у настоящаго негра трахома чрезвычайно рѣдкое явленіе.

Интересныя наблюденія были сдѣланы также на Кубѣ. На этомъ островѣ живутъ три различныя расы: негры, бѣлые и китайцы. Вотъ пропорція, въ которой наблюдается трахома у каждой изъ этихъ расъ:

Населеніе.	Раса.	Случаи трахомы.	% населенія.
460.000	Черная	78	0,016
1.100.000	Бѣлая	742	0,067
30.000	Желтая	33	0,111

На одного зараженнаго негра приходится четверо бѣлыхъ и семеро китайцевъ. Отсюда ясно выступаетъ относительная невосприимчивость негра и значительное расположеніе къ заболѣванію китайца.

Наконецъ, если мы возьмемъ только одну бѣлую расу, то навѣрное есть разница въ расположеніи къ заболѣванію у разныхъ національностей. Евреи, Поляки, Итальянцы и Ирландцы болѣе другихъ подвержены этой болѣзни и, конечно, бѣднѣйшіе классы страдаютъ отъ нея всего болѣе. Египетъ, Персія и Индія изобиловали трахомой и, безъ сомнѣнія, дурныя гигіеническія условія играли здѣсь видную роль, какъ и нѣкоторые метеорологическіе факторы. По Ванъ-Миллингену вотъ пропорція заболѣванія трахомой сравнительно съ другими глазными болѣзнями:

Въ Англіи	0,07	Въ Голландіи	7,05	Въ Греціи	25,00
» Шотландіи	0,70	» Испаніи	11,09	» Италіи	25,00
» Ирландіи	3,00	» Венгріи	12,00	» Португаліи	25,00
» Соедин.-Штаты	3,00	» Турціи	18,00	» Центр. Азіи	45,00
» Франціи	4,00	» Болгаріи	20,00	» Африкѣ	50,00
» Бельгіи	4,00	» Россіи	25,00	» Румыніи	52,00

Однако самою восприимчивою къ заболѣванію трахомой расою является желтая раса; китайцы и японцы, какъ ни одна другая нація, подвержены этой болѣзни. Въ Южномъ Китаѣ, по Гейшбергу, трахома составляетъ 78% глазныхъ болѣзней. Другой изслѣдователь даетъ для Токіо 75%. Та же пропорція наблюдается въ китайскихъ кварталахъ американскихъ городовъ.

Не нужно однако забывать и климатологическихъ условій, которыя также оказываютъ свое вліяніе. Извѣстно, что горныя станціи неблагопріятны для развитія болѣзни: она—рѣдкое явленіе въ Швейцаріи и случаи трахомы здѣсь быстро залѣчиваются. Съ другой стороны, въ Персіи, въ горахъ между Ширасомъ и Испаганомъ, трахома очень частое явленіе, несмотря на возвышенную мѣстность; извѣстны и другія исключенія въ томъ же родѣ. Они объясняются, повидимому, просто тѣмъ, что, если возвышенность оказываетъ благопріятное вліяніе, то это зависитъ отъ отсутствія пыли: тамъ, гдѣ пыль, жара и засуха царствуютъ, несмотря на возвышенное положеніе, является и трахома. Главными факторами, предрасполагающими къ заболѣванію трахомой, кромѣ расы, являются: пыль, жара, слишкомъ сильный свѣтъ, сухость воздуха и скверныя гигіеническія условія. (Revue scientifique № 21. 1899).

Микробіологія. 1) *Дѣйствіе дождя на количество бактерій въ питьевой водѣ.* Crooks и Dewar, производя бактеріологическія изслѣдованія воды для питья въ г. Лондонѣ въ теченіе многихъ дней подрядъ, сдѣлали интересное наблюденіе, что дождь оказываетъ громадное вліяніе на количество бактерій въ нефильтрованной водѣ Темзы. Такъ, 1, 2 и 3 февраля были безъ дождя и среднее количество бактерій въ водѣ, взятой въ Гэмптонѣ, равнялось 6510 на куб. сентим. до 4 февраля. Съ этого дня и до 10 числа дождь шелъ каждый день и для всего этого періода среднее количество бактерій повысилось до 38,354 на куб. сент. Когда дождь пересталъ выпадать послѣ 15 февраля, количество бактерій вновь уменьшилось до цифры 14.914.

Такое увеличеніе количества бактерій въ зависимости отъ выпаденія дождя должно быть приписано не только тому, что дождь смываетъ поверхностный слой почвы, но въ особенности тому обстоятельству, что дождь увлекаетъ съ

собою бактеріи, находящіяся въ атмосферѣ. Нужно добавить, что всѣ найденныя бактеріи оказались безвредными.

2) *Микробы цвѣтовъ.* Domingos Freire представилъ недавно Парижской Академіи Наукъ замѣтку подъ заглавіемъ «Микробы цвѣтовъ», въ которой онъ описываетъ опыты, доказывающіе, что цвѣты могутъ служить убѣжищемъ для множества зародышей микробовъ-сапрофитовъ и патогенныхъ микробовъ и что послѣдніе могутъ служить источникомъ заразы и, слѣдовательно, опасности.

Присутствіе въ цвѣтахъ патогенныхъ микробовъ является новымъ фактомъ, могущимъ освѣтить нѣкоторые вопросы растительной и животной патологіи. Цвѣты могутъ, такимъ образомъ, накопить въ себѣ множество зародышей, которые впослѣдствіи способны закончить циклъ своего развитія въ болѣе удобной, животной или растительной средѣ. Далѣе, между окраскою цвѣтовъ и пигментомъ микробовъ, которые на нихъ имѣютъ свое убѣжище, можетъ существовать какая нибудь скрытая для насъ связь. Такъ напримѣръ, слабо-розовая окраска одной розы похожа на окраску культуръ на пластинкѣ бактеріи Leptothrix ochracea, прежде чѣмъ она не перейдетъ въ кирпично-красный цвѣтъ. Тоже самое янчно-желтая окраска колоній Micrococcus cruciformis того же самаго тона, какъ красящее вещество, покрывающее пыльники Hibiscus rosa sinensis. Многіе виды бактерій распространяютъ даже, повидимому, запахъ аналогичный съ тѣмъ, какой даютъ эссенціи цвѣтовъ, на которыхъ они живутъ. Авторъ называетъ ихъ *осмогенными*.

Демографія и соціологія. *Количество рожденій въ европейскихъ странахъ.* Въ наличности печальнаго факта относительнаго уменьшенія французской націи, ведущаго за недостаточнымъ количествомъ рожденій къ вырожденію Франціи, французскіе демографы убѣдились на цѣломъ рядѣ точныхъ статистическихъ изслѣдованій. На ряду съ этимъ было бы весьма интересно посмотрѣть не представляетъ ли рождаемость и въ другихъ странахъ нѣкоторой тенденціи къ уменьшенію, пока еще замаскированному общей высокой цифрой рожденій. «Semaine medicale» даетъ нѣсколько точныхъ указаній на этотъ счетъ.

Итальянскій статистикъ Бодіо издалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ статистическія таблицы, изображающія количество рожденій большинства европейскихъ странъ; таблицы эти послужили основаніемъ для различныхъ трудовъ о движеніи европейскаго населенія. Вотъ порядокъ, въ которомъ располагаются европейскія страны по убывающей цифрѣ средней рождаемости въ нихъ:

1) Европейская Россія.	8) Испанія.	15) Норвегія.
2) Венгрія.	9) Финляндія.	16) Бельгія.
3) Сербія.	10) Португалія.	17) Швеція.
4) Румынія.	11) Голландія.	18) Швейцарія.
5) Австрія.	12) Англія.	19) Греція.
6) Германск. имперія.	13) Шотландія.	20) Франція.
7) Италія.	14) Данія.	21) Ирландія.

Если мы обратимся къ соотвѣтствующимъ для каждой страны цифрамъ, то мы найдемъ, что количество рожденій имѣетъ большую или меньшую тенденцію къ уменьшенію во всѣхъ почти странахъ, за исключеніемъ пяти. Анализируя цифры, данныя Бодіо, Вотье находитъ слѣдующія цифры для выраженія этой тенденціи къ уменьшенію количества рожденій. Англія является страною, гдѣ эта тенденція наиболѣе рѣзко выражена (годичный коэффиціентъ равенъ 0,306 на 1000). Для Шотландіи, гдѣ средняя рождаемость приблизительно одинакова, коэффиціентъ этотъ равенъ уже 0,267 на 1000, въ Ирландіи же, гдѣ средняя рождаемость значительно слабѣе, эта тенденція выражена слабѣе (0,233 на 1000). Сейчасъ за Англіей и Шотландіей и передъ Ирландіей помѣщаются Голландія и Германская имперія—обѣ съ коэффиціентами уменьшенія 0,244 на 1000, затѣмъ идетъ Бельгія (коэф. 0,239 на 1000). Затѣмъ черезъ Грецію (коэф.

0,209 на 1000) мы доходимъ до Франціи, рождаемость которой падаетъ ежегодно въ среднемъ на 0,179 на 1000. За Франціей слѣдуютъ Россія (коэф. 0,158 на 1000); Швеція—0,147 на 1000 (Норвегія обнаруживаетъ повышеніе, а не паденіе); Швейцарія—0,128 на 1000; наконецъ, въ самомъ низу лѣстницы, съ коэффиціентомъ уменьшенія менѣе 0,1 на 1000, находимъ: Данію—0,078; Австрію—0,076; Румынію—0,033 и, на самомъ концѣ, Венгрія, гдѣ оно выражается лишь въ 0,024 на 1000.

Что касается странъ, гдѣ замѣчается тенденція въ обратную сторону т. е. гдѣ рождаемость повышается, а не понижается, то мы находимъ въ этой серіи, за исключеніемъ Португаліи (коэф. 0,475 на 1000), которую нужно оставить въ сторонѣ, такъ какъ для нея имѣются свѣдѣнія лишь за послѣднее пятилѣтіе, Италію—(коэф. 0,083 на 1000), Испанію (0,040) и, наконецъ, Сербію (0,017) и Норвегію (0,012). Послѣднія двѣ, слѣдовательно, очень близки къ горизонтальной линіи.

Геологія. *Недавнія вулканическія явленія на Исландіи.* Островъ Исландія является областью, гдѣ вулканическія явленія проявляются очень часто, гдѣ сильныя землетрясенія обычны и, слѣдовательно, территорія эта могла бы служить прекраснымъ мѣстомъ для изученія подобнаго рода явленій. Къ сожалѣнію, страна эта, какъ извѣстно, очень бѣдна и не можетъ не только обзавестись хорошими сейсмографами, но не имѣетъ даже хронометровъ; безъ наблюденія точнаго времени невозможно освѣтить многихъ интересныхъ вопросовъ, какъ напр., изучить скорость распространенія сейсмическихъ волнъ.

Тородсенъ изучилъ недавно послѣдствія недавняго землетрясенія, происшедшаго въ Южной Исландіи осенью 1896 года. Съ 26 августа по 10 сентября цѣлый рядъ сильныхъ толчковъ потрясъ низменную область острова, расположенную между южнымъ берегомъ и южной подошвой Гохланда. По наблюденіямъ этаго ученаго субстратомъ этой области служатъ почти вездѣ туфы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ участковъ, гдѣ находятся базальты. Поверхностные слои состоятъ изъ толстыхъ покрововъ четвертичныхъ отложеній, аллювія и новыхъ лавъ.

Въ каждой отдѣльной области землетрясенія, оно обнаружилось вертикальнымъ толчкомъ, сопровождавшимся волнообразными движеніями. Отъ центра сотрясенія волны распространялись по всѣмъ направленіямъ; сначала это были волны высокія и короткія, далѣе широкія и низкія, по мѣрѣ удаленія отъ центра. Волны эти сотрясали почву такъ сильно, что люди не могли держаться на ногахъ. Изслѣдованіе Тороддсена еще лишній разъ съ очевидностью обнаруживаетъ вліяніе, которое оказываетъ геологическая природа почвы на распространеніе волнъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ явленіе сотрясенія обнаружилось съ максимумомъ интенсивности, волны были задержаны массивами плотныхъ породъ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ ихъ распространеніе было задержано купой базальта, расположенной посреди зоны туфовъ и наносныхъ породъ. Толчокъ объ эту естественную преграду, направлявшійся съ сѣвера, былъ ужасенъ: дома, построенные на соотвѣтствующемъ склонѣ холма, были сразу разрушены; въ то же время дома, расположенные на южномъ склонѣ остались невредимыми. Обратный ударъ вслѣдствіе задержки движенія волны былъ настолько силенъ, что рабочіе, находившіеся на верху стога сѣна, были сброшены на много метровъ по направленію къ сѣверу и желѣзная печка, одного разрушеннаго дома, вышиною въ 5 метровъ, была брошена впередъ на 25 метровъ по направленію сейсмической волны. Землетрясеніе это вызвало значительныя измѣненія въ формахъ поверхности и сильно сказалось на источникахъ. Громадныя кучи камней оторвались отъ горъ. Въ одномъ мѣстѣ толстый слой гумуса, покрывавшій южный склонъ горы былъ сорванъ и снесенъ внизъ громадными глыбами; массивъ горы былъ смѣщенъ и получилъ трещины. Въ Ландѣ и Скейдѣ почва дала трещины длиною болѣе 20 километровъ и шириною отъ

1,80 метра до 3 м. Въ другомъ мѣстѣ въ тотъ моментъ, когда сотрясеніе доходило до высшаго напряженія, внезапно образовался источникъ, воды котораго наполнили бассейнъ длиною въ 15 метровъ и шириною въ 7 м.; въ тоже самое время было выброшено много паровъ воды и песку, что образовало столбъ вышиною въ 250 метровъ. Въ іюлѣ 1897 г., когда Тороддсенъ посѣтилъ эту мѣстность, температура воды бассейна была +74° Ц. Со времени этого землетрясенія горячій ключъ въ Рейкголтѣ началъ періодически дѣйствовать, выбрасывая воду черезъ каждыя четыре минуты на высоту 10 метровъ. Землетрясеніе оказало свое вліяніе и на группу гейзеровъ. Большой гейзеръ, который съ давняго времени выбрасывалъ столбы воды только съ большими промежутками, теперь выбрасываетъ ежедневно болѣе высокій столбъ, чѣмъ прежде. Напротивъ, Стоккръ, источникъ, служившій для забавы туристовъ, такъ какъ можно было вызвать его изверженіе, бросая въ его каналъ камни, источникъ, образовавшійся послѣ изверженія 1789 г., не дѣйствуетъ болѣе послѣ сотрясеній, испытанныхъ имъ въ 1896 году; каналъ его покрытъ водою, температура которой доходитъ до 70° Ц. Блези, остававшійся недѣйствующимъ съ 1789 г., обнаруживаетъ явные признаки жизни, и въ его сосѣдствѣ вновь образовавшаяся трещина выбрасываетъ фонтаны воды, рядомъ же открылся бассейнъ длиною до 14 метровъ и шириною около 5 м., наполненный водою съ температурою +95° Ц.

Въ теченіе зимы 97—98 гг. Тороддсенъ роздалъ туземцамъ вопросные листки въ районѣ мѣстностей пострадавшихъ отъ землетрясенія, составленные по образцу циркуляровъ швейцарской комиссіи для изученія землетрясеній и надѣется этимъ путемъ собрать много интересныхъ эпизодическихъ свѣдѣній. При помощи этихъ документовъ, которые должны будутъ иллюстрировать его собственныя наблюденія, Тороддсенъ составитъ обстоятельный отчетъ о грандіозныхъ сейсмическихъ явленіяхъ, который явится драгоцѣннымъ матеріаломъ для изученія землетрясеній.—(«Revue scientifique»). **Н. М.**

Астрономическія извѣстія. *Экспедиція для наблюденія Леонидъ въ 1899 году.* Хотя падающія звѣзды давно уже перенесены изъ области метеорологіи въ область астрономическихъ явленій, тѣмъ не менѣе астрономы начали интересоваться ихъ наблюденіями сравнительно недавно. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ эти наблюденія привлекали вниманіе очень немногихъ изслѣдователей и часто бывали случайными. Открытіе Скіапарелли связи падающихъ звѣздъ съ кометами, труды Ньюктона, Адамса Вейсса, новая теорія происхожденія метеоровъ отъ кометъ, созданная Ѳ. А. Бредихинымъ, совершенно измѣнили положеніе дѣла. Теперь многія обсерваторіи организуютъ систематическія наблюденія падающихъ звѣздъ, *готовятся* къ наблюденіямъ болѣе замѣчательныхъ потоковъ, привлекая къ участію часто весь составъ наблюдателей и пропагандируя важность наблюденій въ публикѣ, снаряжаются своего рода и экспедиціи. Такъ въ прошломъ 1898 г. на обсерваторіи въ Медонѣ (близь Парижа), по случаю облачнаго неба (2-го ноября стар. стиля), рѣшили для наблюденія ожидавшагося богатаго звѣзднаго дождя подняться на воздушномъ шарѣ (между прочимъ поднимался русскій астрономъ г. Ганскій, работавшій въ то время на медонской обсерваторіи). Проф. Вейссъ, директоръ университетской обсерваторіи въ Вѣнѣ, организуетъ для наблюденія Леонидъ спеціальное восхожденіе на вершину Земмерингъ (пунктъ, съ котораго производились наблюденія, на высотѣ 1520 метровъ, гораздо выше тумана наполнявшаго долины). По ходу своихъ наблюденій Вейссъ пришелъ къ заключенію, что главную толщу потока земля прошла днемъ 3-го числа и что слѣдовательно явленіе могло быть особенно эффектно въ далекихъ восточныхъ странахъ, гдѣ въ этотъ моментъ была ночь. Такъ какъ потокъ Леонидъ ожидается въ нынѣшнемъ году, то проф. Вейссъ рѣшилъ отправиться для ихъ наблюденія въ Индію. Вѣроятно, экспедиція встрѣтитъ тамъ и лучшія атмо-

сферныя условія, чѣмъ можно надѣяться имѣть въ Европѣ въ виду осенняго времени.

Фотографическая карта неба. Въ 1887 году на международномъ астрономическомъ конгрессѣ въ Парижѣ рѣшено было составить фотографическимъ путемъ каталогъ всѣхъ звѣздъ на небѣ до 11-й величины (числомъ до 3-хъ милліоновъ). Эту громадную работу, которая должна имѣть чрезвычайно важное значеніе какъ въ отношеніи изслѣдованія движеній кометъ и планетъ, движенія самихъ звѣздъ, открытія новыхъ небесныхъ тѣлъ и пр., подѣлили между собой нѣсколько обсерваторій. И вотъ теперь появился первый томъ съ результатами этой работы. Знаменитая астрофизическая обсерваторія въ Потсдамѣ только что разослала каталогъ прямоугольныхъ координатъ и приближенныхъ положеній для 1900 года 20627 звѣздъ изъ зоны отъ 31° до 40° сѣвернаго склоненія. Это большой томъ въ 473 страницы *in quarto*, содержащій измѣренія 923 пластинокъ. Обработка произведена подъ руководствомъ проф. Шейнера, которымъ сдѣлано было много спеціальныхъ изслѣдованій какъ инструмента, такъ и методовъ наблюденій. Чтобы дать нѣкоторое представленіе о величинѣ труда въ задуманномъ предпріятіи, приведу имена лицъ, принимавшихъ участіе при составленіи тома, выпущеннаго теперь потсдамской обсерваторіей, съ указаніемъ, что приходилось дѣлать каждому.

Фотографировалъ - д-ръ Швассманъ.

Измѣренія и вычисленія произведены Швассманомъ и миссъ Эвереттъ.

Контрольныя вычисленія—учителями Тиле и Тодтъ.

Ревизія измѣреній и вычисленій—Шейнеромъ.

Составленіе каталога—д-мъ Клеменсомъ.

Ревизія—Шейнеромъ.

Сравненіе съ росписью звѣздъ «Banner Durchmusterung...» — Шейнеромъ и Клеменсомъ

И кромѣ того часть вычисленій, потребовавшихся для введенія и составленія вспомогательныхъ таблицъ, сдѣлано д-мъ Гартманомъ.

Девятый спутникъ Сатурна. 18-го марта (н. ст.). Центральный пунктъ всѣхъ астрономическихъ извѣстій—редакція журнала «*Astronomische Nachrichten*» получила телеграмму взволновавшую весь астрономическій міръ. Телеграмма шла отъ директора знаменитой обсерваторіи Гарвардскаго колледжа въ амер. Кэмбриджѣ Эдуарда Пикеринга и гласила: «Вильямъ Пикерингъ открылъ спутника Сатурна. 4 фотографіи. Переходъ оцѣнивается въ 17 мѣсяцевъ. Величина 15-я». Въ этомъ извѣстіи были интересны какъ самый фактъ открытія новаго, девятаго спутника Сатурна, такъ и особенности новаго небеснаго тѣла. Въ то время какъ самый дальній изъ прежде извѣстныхъ спутниковъ Сатурна—Япетъ находится отъ планеты на разстояніи 3.852.000 километровъ и для своего обращенія вокругъ Сатурна употребляетъ 12—13 дней, новый спутникъ оказался удаленнымъ болѣе чѣмъ на 12.000.000 кил., какъ требуетъ этого время обращенія,—въ 17 мѣсяцевъ. И въ то же время, насколько можно было дѣлать расчеты по яркости, это очень маленькое тѣло отъ 150 до 300 километровъ въ діаметрѣ. Вотъ новый примѣръ того громаднаго значенія, какое имѣетъ фотографія въ примѣненіи къ астрономіи. Позднѣйшій циркуляръ Эд. Пикеринга въ дополненіе къ телеграммѣ сообщалъ, что снимки, по которымъ было сдѣлано открытіе, получены съ 24-дюймовой двойной короткофокусной фотографической трубки, сооруженной на средства извѣстной меценатки г-жи Брюсъ и поставленной въ отдѣленіи обсерваторіи Гарвардскаго колледжа въ Арекиппѣ (въ Перу), и что они помѣчены еще датами 16, 17 и 18 августа 1898 года. По смѣщеніямъ новаго свѣтила отъ 16 до 17 и отъ 17 до 18 числа можно заключить, что орбита его—вытянутый эллипсъ, мало наклоненный къ плоскости эклиптики. Проф. Вильямъ Пикерингъ, открывшій спутника, назвалъ его Фойбэ—именемъ сестры Сатурна. Нельзя только не пожалѣть,

что изслѣдованіе пластинокъ, поведшее къ открытію, запоздало. Съ августа прошлаго года положеніе спутника много измѣнилось. Для подтвержденія открытія нужны новыя спеціальныя поиски. Послышались и голоса сомнѣнія въ томъ, что наблюдавшійся объектъ, со значительнымъ движеніемъ, былъ спутникъ Сатурна. Хотя по характеру движенія въ немъ нельзя заподозрить члена извѣстной группы астероидовъ, но вполнѣ возможно, что малыя планетки есть и между Юпитеромъ и Сатурномъ. Возможно также, что это была очень далекая и вслѣдствіе этого очень слабая комета.

Комета 1899 a (Swift). Уже черезъ нѣсколько дней послѣ открытія Swift'омъ (3-го марта) эта первая въ текущемъ году комета сдѣлалась доступной невооруженному глазу въ южныхъ широтахъ. Когда была вычислена орбита, то оказалось, что комета очень близко подойдетъ къ солнцу 13-го апрѣля, постоянно поднимаясь все выше и выше для нашего полушарія. Это обѣщало интересныя наблюденія. Дѣйствительно, выйдя изъ-за солнца, комета въ первыхъ числахъ мая была видима какъ туманность, общая яркость которой равна была яркости звѣзды 4-й величины. Во всякомъ случаѣ даже на нашемъ сѣверномъ небѣ она была доступна малымъ любительскимъ трубамъ. Среди довольно яркой туманности 10′ въ діаметрѣ, рѣзко выдѣлялось въ видѣ небольшого диска ядро; можно было замѣтить признаки слабаго хвоста, который, по наблюденіямъ, при благопріятныхъ условіяхъ тянулся, въ направленіи къ юго-востоку. Спектръ кометы состоялъ изъ шести полосъ между линіями Д. и Н. До конца мая комета все поднималась черезъ созвѣздіе Пегаса, Ящерицы и Лебедя, потомъ, продолжая перемѣщаться по направленію суточнаго вращенія небеснаго свода начала спускаться. Яркость ея ослабѣвала и въ концѣ мая она уже только съ трудомъ могла быть наблюдаема въ 9-тидюймовый рефракторъ въ Юрьевѣ (главнымъ образомъ, конечно, благодаря свѣтлому сѣверному небу). Но 4-го іюня вдругъ она увеличилась значительно въ яркости, сдѣлавшись опять доступной трубѣ въ $2^{1}/_{2}$ дюйма. Ея общая яркость была ровна 5-й величинѣ, а яркость ядра достигала приблизительно 8-й. Такой же яркой комета явилась 5-го числа, но 10-го іюня ее уже нельзя было видѣть въ юрьевскій рефракторъ. Фактъ внезапнаго и кратковременнаго увеличенія яркости удаляющейся отъ солнца кометы чрезвычайно загадоченъ и интересенъ. Подобное явленіе наблюдалось въ 1893 году въ періодической кометѣ Holmes'a, которая, кстати, какъ гласитъ телеграфъ, опять появилась на нашемъ небѣ, немного отступя въ своемъ положеніи отъ предвычисленной эфемериды.

Новая перемѣнная типа Альголя. Изучая снимки, полученные на московской обсерваторіи г. Блажко, г-жа Цераская, супруга директора обсерваторіи, нашла, что звѣзда, означаемая въ звѣздной росписи *Banner Durchmusterung* номеромъ 45°, 3062 (вел. 8—6) на пластинкѣ 20 мая 1898 г. слабѣе чѣмъ 18 іюня 1898 г. и др. Блажко началъ слѣдить за звѣздой и пришелъ къ заключенію, что это перемѣнная типа Альголя, но долго не могъ попасть на minimum. Наконецъ, 8-го мая ему удалось наблюдать его въ 1,4 часовъ утра средняго московскаго времени, при чемъ звѣзда была на 2 величины слабѣе обыкновеннаго. 21-го мая, какъ сообщаетъ проф. Цераскій, Блажко опять наблюдалъ отъ 10 час. до 9-ти увеличеніе яркости отъ 9.6 до 8.6 величины, при чемъ minimum, казалось, имѣлъ мѣсто на 7 часовъ раньше. Соединяя это наблюденіе съ наблюденіемъ 7-го мая, выводятъ вѣроятный періодъ перемѣнной въ 4 дня 13 час. 44 мин., при чемъ продолжительность измѣненія свѣта 13 часовъ и паденіе яркости 2.5—3.0 величины. Это уже третья перемѣнная звѣзда, открытая г-жей Цераской

Свѣтящіяся ночныя облака. Совѣтуемъ читателямъ въ іюлѣ слѣдить по ночамъ за сѣвернымъ небосклономъ: быть можетъ кому-нибудь удастся подкараулить интересное загадочное явленіе—серебристыя облака. Эти облака на первый разъ похожи на такъ называемыя *cirrus* (перистыя), но при вни-

мательномъ наблюденіи не трудно сразу подмѣтить ихъ особенности. Cirrus являются свѣтлыми на темномъ фонѣ, но если они попадаютъ въ сумеречный сегментъ, сразу становятся темнѣе окружающаго фона; *свѣтящіяся* же облака, наоборотъ, бываютъ видимы *только* въ сумеречномъ сегментѣ и всегда являются болѣе свѣтлыми, чѣмъ фонъ, а если ихъ коснется граница тѣни, пропадаютъ отъ взоровъ совсѣмъ. Поразительна высота свѣтящихся ночныхъ облаковъ. Она приблизительно постоянна и ровна 82 километрамъ, въ то время какъ высота обыкновенныхъ нашихъ облаковъ не превосходитъ 13 километровъ. Общая форма ихъ тоже постоянна. На широкомъ пространствѣ той части небосклона, надъ которой находится солнце, тянутся ярко бѣлыя, серебристыя *полосы*, соединенныя общимъ матовымъ флеромъ съ голубоватымъ оттѣнкомъ; иногда замѣтно рябоватое строеніе, иногда выдѣляется огромное *перо* съ рѣзкими поперечными отростками, а ниже, подъ облаками, черный сегментъ. Постоянно явленіе и по времени года. Они никогда не наблюдались у насъ раньше 23-го мая и позднѣе 11-го августа нов. ст. Впервые свѣтящіяся облака усмотрѣны проф. Цераскимъ въ Москвѣ числа 12-го іюня 1885 г.; 23 и 24 іюня они обратили на себя вниманіе во многихъ пунктахъ сѣверной Германіи. Повторяясь часто и интенсивно въ концѣ 80-хъ годовъ, свѣтящіяся облака затѣмъ отъ года къ году ослабѣвали и совсѣмъ даже пропали, оставивъ изслѣдователей въ большомъ недоумѣніи объ ихъ происхожденіи, но въ 1897 г. вдругъ появились опять и наблюдались нѣсколько разъ. Въ 1898 г. снова не было констатировано ни одного случая ихъ появленія. Чрезвычайно важно прослѣдить, появятся ли они въ нынѣшнемъ году. Интересно даже просто отмѣтить самый фактъ, если онъ будетъ имѣть мѣсто. Еще лучше сфотографировать явленіе. Вслѣдствіе измѣнчивой въ частностяхъ формы облаковъ, нужно выбирать свѣтосильные аппараты. Отпечатки снимковъ съ помѣткой мѣста наблюденія, числа и часа можно направлять по адресу юрьевской обсерваторіи.

Персеиды. Напоминаемъ читателямъ, что 28—29 іюля (стар. стиля)—maximum потока падающихъ звѣздъ, называемыхъ *Персеидами*, которыя интересно наблюдать. Вслѣдствіе изслѣдованій академика Ѳ. А. Бредихина о разбрасываніи потока подъ дѣйствіемъ возмущающей силы Юпитера важны, наблюденія не только во время самаго maximum'а, а также непрерывно въ теченіе двухъ-трехъ недѣль до него, двухъ-трехъ недѣль послѣ. Наблюденія не въ дни maximum'а тѣмъ болѣе цѣнны, что они утомительны, такъ какъ метеоровъ пролетаетъ мало: 4—5 за нѣсколько часовъ.

Покрытіе η Geminorum. Въ ночь съ 21-го на 22-е іюля во многихъ пунктахъ Россіи будетъ наблюдаться интересное явленіе—покрытіе луной довольно яркой звѣзды η въ созвѣздіи Близнецовъ (яркость $3^1/_2$ велич.). Для Москвы начало явленія произойдетъ въ 12 часовъ 51,6 минуты, конецъ въ 1 часъ 35,9 мин.

Minimum'ы блеска перемѣнной звѣзды Альголя въ іюнѣ падаютъ на слѣдующіе дни:

Іюля	1-го	въ	11	час.	52	мин.	вечера	по петербургскому времени
»	4-го	—	8	»	41	»	»	» »
»	22-го	—	1	»	34	»	утра	» » »
»	24-го	—	10	»	23	»	вечера	» »

Паденіе яркости звѣзды довольно значительно приблизительно на $1^1/_2$ величины, (т. е. блескъ звѣзды уменьшается почти въ 4 раза) и продолжается $4^1/_2$ часа, въ продолженіе $4^1/_2$ же часовъ блескъ постепенно возрастаетъ вновь.

К. Покровскій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„МІРЪ БОЖІЙ".
Іюль. 1899 г.

Содержаніе: *Русскія и переводныя книги*: Беллетристика.—Критика и исторія литературы.—Публицистика.—Соціологія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.—*Иностранная литература*.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

А. Коринфскій. «Бывальщины».—*Вл. Тихоновъ.* «Пустоцвѣтъ».—Князь *Дм. Голицынъ.* «Въ Петербургѣ».—*Хозе Марія де-Эредіа.* «Сонеты».—*Шелли.* «Освобожденный Прометей».

Аполлонъ Коринфскій. Бывальщины. Картины Поволжья. Спб. 1899 г. Цѣна 2 р. Плодовитостью и многообильемъ творчества г. Аполлонъ Коринфскій далеко превзошелъ остальныхъ современныхъ служителей Аполлона. На пространствѣ десяти лѣтъ его неустанная муза подарила міру рядъ увѣсистыхъ сборниковъ съ самыми заманчивыми заглавіями: тутъ и «Пѣсни сердца», и «Черныя розы», «Тѣни жизни» и «Гимнъ красотѣ», «Вольныя птицы» и «На ранней зорькѣ». Кромѣ этихъ плодовъ самостоятельнаго творчества, мы имѣемъ еще переводы, пересказы, передѣлки, критическіе опыты и біографіи. Въ общей сложности не менѣе десятка томовъ, довольно увѣсистыхъ съ виду, чего для уясненія поэтической физіономіи г. Коринфскаго болѣе чѣмъ достаточно. Къ счастью для будущаго историка литературы, ему не придется тратить много времени на изученіе творчества г. Коринфскаго, потому что по одному-двумъ его стихотвореніямъ онъ составитъ о немъ полное представленіе.

Дѣло въ томъ, что на современномъ русскомъ Парнасѣ нельзя указать болѣе примитивной, до послѣдней степени упрощенной фигурки, болѣе пустой и ничтожной по внутреннему содержанію, чѣмъ г. Коринфскій, который неизмѣнно повторяетъ одно и то же и даже тѣми же словами. Говорить о его идеяхъ или образахъ—лишній трудъ, такъ какъ ни идей, ни образовъ у г. Коринфскаго не полагается, а есть только неисчерпаемый потокъ словъ, въ которомъ тонетъ здравый смыслъ, размѣръ, риѳма, и вмѣсто поэзіи получается самая сѣрая, удручающая скука. Просматривая новый сборникъ «Бывальщины», только удивляешься, какъ могло у автора хватить терпѣнія, чтобы нанизать двадцать почти листовъ скучныхъ, ничего не выражающихъ словъ, которыя постоянно повторяются. Это однообразіе эпитетовъ, затасканныхъ и пошлыхъ, однообразіе риѳмъ и размѣра, однообразіе дрянной ложно-народной поэзіи и шаблоннаго паѳоса—дѣлаютъ чтеніе «Бывальщинъ» невыносимымъ.

Авторъ, при всемъ неограниченномъ самомнѣніи, столь характерномъ для бездарности вообще, а для г. Коринфскаго въ особенности, и самъ чувствуетъ, что въ его «поэзіи» что-то неладно, и совершенно неожиданно для читателя выкидываетъ надъ своими «Бывальщинами» флагъ... графа Алексѣя Толстого! Мы-бъ никогда не повѣрили такой дерзости, если бы не посвященіе—«Памяти графа А. К. Толстого», какъ озаглавлено вступительное стихотвореніе, въ которомъ нашъ бойкій піита примазывается къ имени знаменитаго поэта, тоже согрѣшившаго нѣсколькими недурными пересказами русскихъ былинъ. Мы далеко

не принадлежимъ къ завзятымъ поклонникамъ Алексѣя Толстого. Превосходный лирическій поэтъ, умѣющій передать съ рѣдкимъ совершенствомъ тончайшіе оттѣнки чувствъ, Толстой очень посредственъ въ своихъ большихъ произведеніяхъ, въ которыхъ попадаются прекрасныя отдѣльныя мѣста, но они тонутъ въ массѣ дѣланной, искусственной поэзіи, претендующей на особую глубину мысли, въ сущности весьма неглубокой и по большей части даже близкой къ пошлости. Такова, напр., его огромная поэма «Донъ-Жуанъ», конецъ которой прямо смѣшенъ: кающійся Донъ-Жуанъ—что можетъ быть комичнѣе? Или его пошлые гражданскіе стихи, въ которыхъ Толстой пытается высмѣять нѣкоторыя увлеченія шестидесятыхъ годовъ. Думаемъ, что безъ нихъ слава Толстого, какъ поэта, ничего не потеряла бы.

И вотъ за эту-то чисто отрицательную сторону творчества Толстого хватается г. Коринфскій и осмѣливается выступать, какъ его продолжатель.

Въ годину смутную озлобленной борьбы
Съумѣлъ онъ овладѣть святынь предвѣчныхъ тайной.
Не поняли тогда пролетныхъ дней рабы,
Что онъ въ ихъ станѣ былъ свободный «гость случайный!»

Возглашаетъ онъ съ паѳосомъ и заявляетъ, ни мало не смущаясь:

И вотъ живая пѣснь, какъ солнце надъ землею,
Восходитъ изъ его пророческой мечты;
И таютъ передъ ней весеннею водою
Снѣга надъ вѣчною святыней красоты...

Чья пѣснь—ясно сама собою, о чемъ, впрочемъ, слѣдуетъ поясненіе въ видѣ «Запѣвки», гдѣ нашъ Баянъ поетъ уже вполнѣ открыто про самого себя:

На пиру—всѣмъ честь и мѣсто,—
Только, пѣсня, нѣтъ тебѣ,
Безпокойныхъ думъ невѣста
И сестра мнѣ по себѣ!
Только мы одни съ тобою
Обойденные стоимъ:
Ты кручинишься со мною,
Я горю огнемъ твоимъ...

Но не бѣда, утѣшаетъ онъ свою «сестру по себѣ», пѣсню:

Мы, сестра, съ тобой пойдемъ:
По деревнямъ и по селамъ
Разстилается нашъ путь,—

И заканчиваетъ «удалымъ» напѣвомъ:

Гой вы, гей вы, гусли-мысли!
Гой ты струнъ гусельныхъ строй!
Что вамъ тучи, что нависли
Надъ побѣдной головой?!
Гряньте пѣсню дружнымъ ладомъ,
Какъ пѣвали въ старину!
Русскимъ словомъ, русскимъ складомъ
Подпѣвать я вамъ начну...

Не чувствуетъ ни мало г. Коринфскій, насколько все это именно не народно, насколько его «гей вы, гой вы» ничего общаго не имѣютъ ни съ пѣснью народа, ни съ его душой и мыслью, выражать которыя онъ такъ смѣло берется. Напрасно также онъ жалуется, будто на пиру ему нѣтъ мѣста.

Мало того, что онъ не чувствуетъ,—онъ до крайности доволенъ и увлеченъ своей поэзіей, настолько увлеченъ, что то и дѣло подноситъ себя читателямъ

подъ разными соусами, нисколько не мѣняя своего существа. Года два тому назадъ, давая отзывы о «Черныхъ розахъ» г. Коринфскаго, мы отмѣтили одно препотѣшное и прескверное стихотвореніе, какъ образчикъ его творчества, «Русалочья заводь», которое было написано тогда аршиннымъ размѣромъ:

Подъ суглинистымъ обрывомъ, надъ зеленымъ крутояромъ,
День и ночь на пышный берегъ плещутъ волны въ гнѣвѣ яромъ и т. д.

Тогда же мы посмѣялись надъ такой тяжеловѣсной прозой, съ которой могутъ сравниться развѣ силлабическія сатиры Кантеміра, да и то въ нихъ только тринадцать слоговъ, а не шестнадцать. Теперь ту же «Заводь» мы нашли и въ «Бывальщинахъ», но уже каждый стихъ раздѣленъ на два, въ восемь слоговъ, отчего «Заводь» стала вдвое длиннѣе, хотя ни мало не лучше.

Въ тѣхъ же «Бывальщинахъ» мы нашли и еще знакомое произведеніе изъ сборника «Черныя розы»—«Красная весна» и многое другое, что тогда же отмѣтили, какъ образчикъ, казалось, уже умершаго навсегда ложно-народнаго «штиля», нынѣ столь усердно воскрешаемаго г. Коринфскимъ. Вполнѣ понятно, что автору нравятся собственныя произведенія и онъ готовъ ихъ хоть сто разъ перепечатывать, поднося ихъ читателю то какъ «Черныя розы», то какъ «Бывальщины», но надо же имѣть нѣкоторое вниманіе и къ читателю, который за свои деньги станетъ получать все одинъ и тотъ же товаръ. Намъ кажется, что это соображеніе не мѣшаетъ имѣть въ виду и г. Коринфскому. Каковъ бы онъ ни былъ поэтъ, а все-таки подобная licentia чужда всякой поэтичности. Въ «Черныхъ розахъ» его «Бывальщины» составляли часть книжки, стоившей 1 руб., а теперь за тѣ же «Бывальщины» г. Аполлонъ Коринфскій уже требуетъ 2 руб. На какомъ Парнасѣ онъ выучился такимъ гостинодворскимъ пріемамъ?

Вл. А. Тихоновъ. Пустоцвѣтъ (Въ деревнѣ). Романъ. Спб. Изд. А. С. Суворина. 1899. Ц. 1 р. Есть заглавія, удивительно мѣткія не для содержанія книги, а для опредѣленія литературной характеристики автора. Именно «пустоцвѣтомъ» лучше, полнѣе и вѣрнѣе всего можно характеризовать авторство г. Тихонова. Онъ пишетъ давно, пишетъ много и пишетъ въ общемъ недурно, но если спросить у его читателей, что они помнятъ изъ его произведеній, врядъ ли кто изъ нихъ сможетъ дать отвѣтъ. Прочитавъ новое произведеніе г. Тихонова, мы заинтересовались этимъ вопросомъ, отчего трудъ г. Тихонова такъ безплоденъ? Отчего изъ чтенія его многочисленныхъ произведеній, гдѣ есть и романы, и повѣсти, и драмы, какъ-то ничего не выносишь ничего не сохраняешь въ душѣ, что оставалось бы тамъ, какъ воспоминаніе о г. Тихоновѣ? Забываются его произведенія съ поразительной быстротой, какъ факты, сценки и разговоры обыденной жизни, тихо и мирно текущей изо дня въ день. Попробуйте возстановить въ памяти любой будничный денекъ, вспомнить, что вы дѣлали, о чемъ говорили, кого видѣли хотя бы третьяго дня— и вы увидите, какое напряженіе необходимо сдѣлать, чтобы хотя отчасти припомнить это. Совершенно такое же впечатлѣніе производитъ и творчество г. Тихонова, у котораго фантазія не выходитъ ни на одну іоту за предѣлы обыденности, мысль скользитъ по поверхности жизни, не углубляясь внутрь и не расширяясь въ сторону, безъ полета, безъ вдохновенія, безъ жара любви и горечи негодованія. И вовсе не оттого, что г. Тихоновъ—объективный авторъ, который бы безъ жалости и гнѣва смотрѣлъ на изображаемую имъ жизнь. Скорѣе онъ производитъ впечатлѣніе человѣка, ни мало не заинтересованнаго тѣмъ, что онъ разсказываетъ. Такое отношеніе напоминаетъ профессіональныхъ дѣльцовъ, которые давно уже пріобыкли къ своему дѣлу, перестали имъ интересоваться и исполняютъ свою службу ни хорошо, ни дурно, и идетъ у нихъ дѣло ни шатко, ни валко, ни на сторону. Въ жизни это обыкновенно очень цѣнные люди: пороху они не выдумываютъ, но пользу приносятъ несомнѣнную.

Они же и составляютъ ту рядовую, сѣрую толпу, которыя незамѣтно, но неустанно и неудержимо двигаетъ ношу жизни.

Иное дѣло въ литературѣ, гдѣ безъ живого интереса нѣтъ творчества, и если самого автора не захватываютъ его образы, они останутся чужды и читателю, который еще холоднѣе и безстрастнѣе взглянетъ на нихъ и—забудетъ. Если же нѣтъ и выдающагося таланта въ описаніи, нѣтъ художественности въ изображеніи, то и получается въ полномъ смыслѣ слова «пустоцвѣтъ», какимъ и является въ литературѣ г. Тихоновъ.

Его новый романъ можетъ служить полнымъ подтвержденіемъ нашей характеристики. Гладко и литературно повѣствуетъ г. Тихоновъ о томъ, какъ у богатаго помѣщика собрались на лѣто пожить нѣсколько его друзей и знакомыхъ, какъ они весело, удобно и привольно проводятъ дни у гостепріимнаго хозяина. Незамѣтно, однако, трое изъ нихъ влюбляются въ красивую жену послѣдняго, которая, послѣ нѣкоторыхъ необходимыхъ для автора, но не посуществу дѣла, колебаній, выбираетъ наиболѣе виднаго, красиваго и сильнаго обожателя и съ нимъ уходитъ изъ дому. Супругъ страдаетъ, оставшіеся при печальномъ интересѣ вздыхатели философствуютъ на тему о суетѣ мірской, а г. Тихоновъ, радуясь что довелъ дѣло до конца, самодовольно ставитъ точку, оставляя читателя въ недоумѣніи, зачѣмъ все это разсказано вяло, скучно и безжизненно. Ни одного типичнаго лица, ни одного интереснаго положенія. Психологическія экскурсіи автора въ души своихъ персонажей написаны по давно установленному шаблону, какъ полагается въ изображеніи героини, идущей на открытый разрывъ, какъ предписывается удручать себя студенту съ благородными порывами, влюбившемуся въ неподходящій предметъ, и т. д. Пустоцвѣтомъ называется героиня романа, которая испытываетъ порывы къ свободѣ, но не знаетъ, къ чему ей эта свобода. Измѣняя мужу, она уходитъ рука объ руку съ человѣкомъ, котораго не любитъ, лишь бы уйти, а куда и зачѣмъ—ей все равно. Такъ окрестилъ ее студентъ, влюбленный въ нее, по мнѣнію котораго страсть, не обращенная на дѣло, не вдохновляющая на творческую дѣятельность, въ чемъ бы таковая ни проявилась, есть пустоцвѣтъ. Эта старая, какъ міръ, истина ни мало не трогаетъ читателя, такъ какъ ни героиня, ни остальныя окружающія ее лица не изображены со всей полнотой жизненнаго творчества. Они всѣ—только прилично написанныя фигуры, а не живыя личности. Авторъ прилично разсуждаетъ за нихъ, но они не живутъ, не волнуются сами, а только согласно въ темпъ двигаются, какъ маріонетки на хорошо устроенной кукольной сценѣ, когда сидящій за кулисами авторъ дергаетъ за веревочку. На такую кукольную комедію можно поглядѣть отъ нечего дѣлать, но она моментально забывается, лишь только отъ нея отвернешься.

Князь Дм. Голицынъ (Муравлинъ). Въ Петербургѣ. Спб. изд. А. С. Суворина. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к. Въ противоположность безстрастному и уравновѣшенному г. Тихонову, князь Дм. Голицынъ—человѣкъ недовольный, брюзга и великій критиканъ. Изъ-за всякаго пустяка онъ огорчается, желчь въ немъ закипаетъ и онъ начинаетъ брюзжать. Въ Петербургѣ мало солнца, много сырости,—и кн. Голицынъ брюзжитъ: «Петербургъ—это адъ и глухая провинція! Развѣ не адъ тотъ городъ, гдѣ въ теченіе восьми мѣсяцевъ солнца почти не видно, а въ теченіе остальнаго времени оно свѣтитъ, словно сквозь студень какой-то, безъ яркихъ пятенъ и безъ черныхъ тѣней! Развѣ не адъ то мѣсто, гдѣ люди гибнутъ отъ холода, вѣтра и гнили! Развѣ не адъ тамъ, гдѣ воздухъ отравленъ!» и т. д. Въ Петербургѣ много чиновниковъ—и г. Муравлинъ изъ себя выходитъ, зачѣмъ чиновники! Есть на свѣтѣ евреи—и нашъ огорченный авторъ окончательно теряетъ голову. Евреи—это его ахиллесова пята, самое больное мѣсто. Евреи завладѣли міромъ, а между прочимъ и литературой, и

кн. Голицынъ рветъ и мечетъ, понося литераторовъ и евреевъ, которые, по его мнѣнію, составляютъ одно и тоже. Еврей и литераторъ — едино суть, и еслибы онъ, князь, могъ уничтожить всѣхъ литераторовъ и евреевъ, то оказалъ бы міру огромную пользу. «Большую пользу, потому что общественная жизнь не нуждается въ помощи представителей того племени, которое посылаетъ своихъ сыновъ въ жизнь не съ программой, а съ прейсъ-курантомъ... И сегодня (дѣло происходитъ на литературномъ юбилеѣ) мы празднуемъ торжество еврейской наглости... Мы прикрываемся фразами о русской литературѣ и русской жизни, а тѣ, которые здѣсь дѣйствительно могутъ назваться русскими, задыхаются въ русской толпѣ, либо уже подверглись духовному обрѣзанію, продали себя», и т. д.

Что князь брюзжитъ, это уже его дѣло, но что брюзжаніе онъ считаетъ литературой, это большое съ его стороны недоразумѣніе, которое слѣдовало бы ему разъяснить. Но, судя по этимъ выдержкамъ, это будетъ трудъ напрасный. Кто уже вкусилъ отъ благъ антисемитизма, того ничѣмъ и никто не убѣдитъ. Для насъ дѣло ясно, какъ на ладони. Очевидно, князь чувствуетъ себя смертельно оскорбленнымъ. Пишетъ онъ уже давно и написалъ больше десятка романовъ и повѣстей. Мало того, онъ состряпалъ книгу «У синя моря», въ которой заключаются «географическіе, историческіе, этнографическіе, политическіе и путевые очерки Черногоріи и Далмаціи», которые рекомендованы (подчеркнуто дважды) для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ (опять подчеркнуто) учебныхъ заведеній Мин. Народн. Просвѣщенія и одобрены (тоже подчеркнуто) для—слѣдуетъ длиннѣйшій списокъ для кого. И тѣмъ не менѣе мы что-то мало наслышаны о столь великолѣпномъ, рекомендованномъ и одобренномъ сіятельнѣйшемъ авторѣ. Критика проходитъ его снисходительнымъ молчаніемъ и развѣ на задахъ «Новаго Времени» гдѣ-нибудь найдется словечко въ похвалу его трудамъ, изданнымъ г. Суворинымъ. Inde ira, т. е. причина гнѣва на литературу и, конечно, на евреевъ, которые, какъ шансонетная Паулина, всегда повинны тамъ, гдѣ нельзя почему-либо указать истинную причину. Евреи заполонили литературу и замалчиваютъ злополучнаго князя, иначе онъ давно уже сіялъ бы звѣздой первой величины на литературномъ небосклонѣ, а имя его стояло бы въ русскомъ пантеонѣ на ряду съ Тургеневымъ и Толстымъ.

Напрасно поэтому доказывать князю, что каплю таланта, отпущенную ему отъ Бога и проявлявшуюся въ его первыхъ произведеніяхъ («Теноръ», «Баба»), онъ давно истратилъ, размѣнялъ ее на рекомендаціи и одобренія разныхъ министерствъ и превратилъ свой остальной литературный багажъ въ макулатуру. «Ни свѣта, ни тепла, ни жизни»,—такими словами заканчивается его глупѣйшій разсказъ «Королева» въ сборникѣ «Петербургъ»,—и это лучшая характеристика, какъ этого разсказа, такъ и остальныхъ «романовъ» и «повѣстей» сборника. Героями ихъ служатъ разные все преуспѣвающіе чиновники, за успѣхами которыхъ авторъ крайне ревниво слѣдитъ, но которые не способны никого заинтересовать.

Мы бы тоже никогда не коснулись ихъ, еслибы не одно обстоятельство. Лѣтъ десять назадъ, когда еще начиналъ свою литературную карьеру г. Муравлинъ, критика встрѣтила его очень благосклонно. Затѣмъ замолчала. А теперь ей остается исполнить до конца свою роль и выполнить послѣдній печальный долгъ—поставить крестъ надъ г. Муравлинымъ, ибо больше ждать отъ него нечего.

Хозе-Марія де-Эредіа. Сонеты. Въ переводѣ Владиміра Жуковскаго. Спб. Ц. 1 р. 1899. Переводчикъ предлагаетъ свою книжку «тѣсному кругу истинныхъ любителей поэзіи». За честь принадлежать къ этому «тѣсному кругу» г. Жуковскій взимаетъ контрибуцію въ рубль за книжечку, заключающую ме-

нѣе 400 переводныхъ стиховъ (не стихотвореній). Лучше было бы, если бы г. Жуковскій возложилъ свои расчеты на какой-нибудь другой кругъ, болѣе богатый, чѣмъ обыкновенно бываютъ «истинные любители поэзіи», и менѣе способный оцѣнить отрицательныя стороны его произведенія. Мы не утверждаемъ, что г. Жуковскій совершенно лишенъ стихотворныхъ способностей,—въ послѣднемъ случаѣ мы бы не упомянули объ его книжечкѣ,—но эти способности не соотвѣтствуютъ его претензіямъ и трудности взятой имъ на себя задачи.

Эредіа стоитъ въ кульминаціонномъ пунктѣ извѣстнаго направленія французской поэзіи, ведущаго свою генеалогію отъ Леконтъ-де-Лиля. Важнѣйшія черты этого направленія слѣдующія: презрѣніе къ слезливымъ ламентаціямъ личной лирики, расплодившимся во времена романтизма, и любовь ко всему, что есть прекраснаго и величественнаго на земномъ шарѣ и даже за его предѣлами, отсюда и знаменитый экзотизмъ, ставшій за послѣднее время, въ свою очередь, мертвой школой. Такой взглядъ на поэзію даетъ громадный просторъ художнику, все зависитъ только отъ того, въ какой мѣрѣ онъ способенъ воспринимать безконечное разнообразіе явленій красоты въ окружающемъ мірѣ. Дѣло сводится, такимъ образомъ, опять къ качествамъ и объему личности поэта. Въ то время, какъ Леконтъ-де-Лиль видитъ красоту нетолько въ безличной природѣ, но и въ великихъ проявленіяхъ души человѣческой, не только въ дѣяніяхъ силы, но и въ подвигахъ благороднаго ума, непоколебимой воли и гуманности,—его ученикъ Эредіа способенъ понимать почти исключительно живописные и пластическіе эффекты. Но при этомъ онъ полностью унаслѣдовалъ отъ своего учителя и, если возможно, даже развилъ еще болѣе необыкновенную силу и концентрированное изящество поэтическихъ средствъ и языка. Каждое слово, каждый эпитетъ характеризуютъ какую-нибудь новую сторону предмета, а въ четырнадцати стихахъ сонета поэтъ умѣетъ дать цѣлую картину или разсказать цѣлый эпосъ. Не даромъ надъ Эредіа смѣялись, увѣряя, будто онъ цѣлый годъ вытачиваетъ одинъ сонетъ. Понятно, сколько искусства, вкуса и вниманія требуетъ переводъ подобныхъ стиховъ. Прежде всего необходимо строго держаться стихотворной формы и размѣра подлинника. C'est à prendre ou à laisser. Если переводчикъ не въ силахъ справиться съ дѣйствительно трудной формой сонета, то нечего браться за Эредіа. Говорятъ: не все ли равно, въ какомъ порядкѣ чередуются рифмы, лишь бы вышло красивое стихотвореніе. Къ этому прибавляютъ еще, что сонетъ несвойственъ русской поэзіи. Но на самомъ дѣлѣ русская поэзія обладаетъ прекрасными образцами строгаго сонета. Достаточно вспомнить классическія стихотворенія Пушкина: «Поэтъ, не дорожи любовію народной» или «Суровый Дантъ не презиралъ сонета». Что же касается безразличія стихотворной формы, то это далеко невѣрно: сонетъ Эредіа, переданный въ двадцати вольныхъ стихахъ, какъ это случается у г. Жуковскаго, совершенно теряетъ характеръ подлинника.

Если однако совсѣмъ забыть объ оригиналѣ, то болѣе удачными надо всетаки признать тѣ стихотворенія, гдѣ авторъ чувствовалъ себя свободнымъ отъ стѣсненій изящной формы.

Почти всюду, гдѣ онъ пытается написать сонетъ, не только не выигрываетъ Эредіа, но исчезаетъ и самая поэзія.

Для образчика приведемъ первыя восемь строкъ одного изъ самыхъ характерныхъ въ подлинникѣ стихотвореній *Старый рѣзчикъ*.

Арфé, да и другимъ въ рѣзьбѣ не уступая,
Я въ книги мастеровъ не внесъ своихъ *имёнъ*,
Я ручку вазы гнулъ, *искусствомъ вдохновленъ*,
И славится моя оправа золотая.

На вазѣ, въ серебрѣ, *у радужнаго края*,
Послѣдній часъ Христа *рѣзцомъ не оживленъ*:
Я Вакха вырѣзалъ,—и пьянъ, и веселъ онъ,
А *рядомъ*, стыдъ какой! *роскошная* Даная.

Пускай читатель судитъ, насколько эти вымученные стихи и фразы, не связанныя никакой логикой, напоминаютъ простыя и ясныя рѣчи стараго рѣзчика въ покаянномъ настроеніи, которыя мы здѣсь приводимъ въ дословной передачѣ: «Лучше всѣхъ мастеровъ, записанныхъ въ цеховую книгу, какъ бы они ни назывались—Рюи, Арфе, Хименесъ, Бесерриль, оправлялъ я рубинъ, жемчугъ и берилъ, выгибалъ ручку вазы и чеканилъ ея фризъ. По серебру, по эмали на радужной пластинкѣ я рисовалъ и вырѣзалъ, о стыдъ! пьянаго Вакха и изумленную Данаю, вмѣсто распятаго Христа или святого мученика на жаровнѣ» и т. д. Старый рѣзчикъ совсѣмъ не говоритъ, что онъ не внесенъ въ разрядъ мастеровъ ювелирнаго цеха, даже навѣрное внесенъ, но только онъ не такъ извѣстенъ, какъ нѣсколько знаменитостей. Ничего не говоритъ утвержденіе: «я ручку вазы гнулъ», — важно, что онъ это дѣлалъ лучше другихъ, а о вдохновеніи искусствомъ онъ, конечно, не упоминаетъ. Совершенно непонятно, о какомъ «радужномъ краѣ» идетъ рѣчь, если не упомянуть объ эмали, которая работается по металлической пластинкѣ, раскаленной на лампочкѣ, отчего на пластинкѣ образуются радужныя полосы. Какой манерный стиль: вмѣсто «вырѣзать распятіе»—«оживить рѣзцомъ послѣдній часъ Христа». Наконецъ, «роскошная Даная» банально и ничего не даетъ воображенію, тогда какъ «изумленная Даная» рисуетъ всю миѳологическую картину. Къ тому же Вакхъ и Даная никакъ не могли быть изображены «рядомъ». Если бы къ этому стилистическому разбору прибавить синтаксическій и перечислить еще все то, что переводчикъ совсѣмъ не передалъ, то получилась бы полная характеристика поэтическаго безсилія г. Жуковскаго.

Повторяемъ однако, въ видахъ справедливости, что у него встрѣчаются и несравненно болѣе гладкіе стихи, когда онъ разрѣшаетъ себѣ совсѣмъ вольно относиться къ формѣ и содержанію своего оригинала, какъ напр., въ стихотвореніи *Рабъ*, но зато тутъ уже не осталось почти ничего отъ Эредіа. Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что и выборъ г. Жуковскаго далеко неудаченъ, хотя онъ и находитъ, что переведенныя имъ стихотворенія самыя интересныя. Между прочимъ, не дано ни одного образчика тѣхъ прекрасныхъ по формѣ сонетовъ Эредіа, гдѣ онъ прославляетъ испанскихъ завоевателей Америки, къ потомкамъ которыхъ онъ самъ принадлежитъ. Для характеристики поэта, стоящаго «по ту сторону добра и зла», эти стихотворенія очень важны. Наконецъ, въ предисловіи переводчикъ обнаруживаетъ свое слабое знакомство съ французской поэзіей и весьма смутные, но претенціозные эстетическіе взгляды.

Шелли. Сочиненія. Переводъ съ англійскаго К. Д. Бальмонта. Выпускъ 6-й. Освобожденный Прометей. Лирическая драма (1819). С.-Петербургъ и Варшава 1899. Если оригинальные стихи г. Бальмонта большею частью вызываютъ одно недоумѣніе критики своею тенденціозною безсодержательностью, то дѣятельность его въ качествѣ переводчика заслужила ему никѣмъ неоспариваемую почтенную репутацію. Присущій ему крупный даръ стихотворной формы находитъ въ этой области прекрасное приложеніе.

Въ выборѣ своихъ оригиналовъ г. Бальмонтъ слѣдуетъ вкусу своихъ французскихъ собратьевъ по направленію. Эдгаръ По, Гофманъ и Шелли пріобрѣли въ послѣдніе годы необыкновенную популярность среди сотрудниковъ журналовъ «La Plume» и «La Revue blanche». Оставляя въ сторонѣ причины этихъ симпатій, надо сказать, что въ данномъ случаѣ онѣ пришлись, отчасти случайно—на долю дѣйствительно большихъ художниковъ слова, которые до того времени находились въ несправедливомъ забвеніи. У насъ въ Россіи это отно-

сится особенно къ Шелли. Тогда какъ его современникъ и другъ Байронъ имѣлъ такое неисчислимо громадное вліяніе въ нашей литературѣ, Шелли, по мнѣнію новѣйшей научной критики, нисколько неуступающій ему ни размѣрами, ни благородствомъ своего поэтическаго генія, до послѣдняго времени не вызывалъ у насъ никакого интереса. Наши великіе байронисты, Пушкинъ и Лермонтовъ, совершенно игнорировали его. Наступившая впослѣдствіи реакція байронизму, разумѣется, не могла способствовать и знакомству съ Шелли. Позднѣе, хотя переводы отдѣльныхъ произведеній его и появлялись въ русской печати, читатель оставался равнодушенъ и главное не получалъ сколько-нибудь полнаго представленія объ одномъ изъ роскошнѣйшихъ поэтическихъ дарованій XIX вѣка.

Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что заслуга ознакомленія болѣе или менѣе обширнаго круга читающей публики съ Шелли и возбужденія къ нему интереса принадлежитъ мастерскимъ переводамъ г. Бальмонта. Первые выпуски его труда встрѣчали единодушные сочувственные отзывы прессы, настоящій выпускъ, заключающій одно изъ крупнѣйшихъ по объему и по художественному достоинству произведеній Шелли, вполнѣ поддерживаетъ солидную репутацію переводчика.

Въ европейской литературѣ *Прометей* Шелли занимаетъ особенное мѣсто. Миѳъ Прометея представляетъ величайшую трагедію человѣчества: вѣчныя, самыя изысканныя терзанія, какъ результатъ попытки возвыситься и возвысить своихъ ближнихъ надъ скотскимъ состояніемъ, въ которое люди поставлены жестокою, слѣпою, раньше ихъ рожденною силою. Исторія человѣчества до сихъ поръ только слишкомъ оправдывала жизненность этого миѳа и не допускала иного эпилога трагедіи, кромѣ безпощадной гибели всего, что носитъ характеръ великаго подвига и великой красоты. Изъ трилогіи Эсхила до насъ дошла только одна часть *Прикованный Прометей*. Быть можетъ она и сохранялась только благодаря своей геніальной правдѣ. Заключительная часть, *Освобожденный Прометей*, содержаніе которой намъ все-таки извѣстно, далеко не соотвѣтствуетъ предыдущей по своему мрачному реализму. Примиреніе Прометея съ Зевсомъ натянуто, искусственно и случайно. Конецъ прекрасной драмы Лукіана на сюжетъ Прометея звучитъ также фальшиво и неудачно. Гордый вызовъ Зевсу, которымъ заканчивается извѣстный драматическій отрывокъ Гёте, служитъ только великолѣпнымъ прологомъ къ борьбѣ, предстоящей еще въ будущемъ. Искать гармоничной развязки, къ которой, очевидно, стремились всѣ художники, бравшіеся за эту тему, нельзя въ историческомъ опытѣ, а можно лишь въ человѣческихъ чаяніяхъ.

Этотъ путь и избралъ Шелли Его драматизированная поэма разыгрывается въ значительной своей части въ такомъ отдаленномъ будущемъ, до котораго мысль человѣческая не можетъ измѣрить разстояніе даже тысячелѣтіями. Это будетъ время, когда «сила будетъ, какъ рабъ, служитъ мудрости, мужеству и долготерпѣливой любви», когда

Цвѣты, свернувъ листки свои во мракѣ,
Найдутъ во снѣ таинственныя краски,
Что раньше имъ не грезились; а люди
И звѣри, въ сладкой нѣгѣ сновъ ночныхъ,
Для зрѣющаго дня найдутъ блаженство
Нетронутыхъ, нерасточенныхъ силъ;
И будетъ смерть объятіемъ послѣднимъ
Той матери, что жизнь дала ребенку
И шепчетъ: «Милый, будь со мной всегда».

«Что-бы время это все-таки наступило когда-нибудь, нужно, несмотря на пытки, которыя умъ безсиленъ счесть»—

Не вѣрить въ торжество несовершенства,
Прощать обиды, черныя, какъ ночь;
Упорствомъ невозможность превозмочь,
Терпѣть, любить и такъ желать блаженства,
Что солнце вспыхнетъ сквозь туманъ
И обезсилѣетъ отрава...

Трудный рецептъ этотъ выполнилъ Прометей и дождался, наконецъ, что страшный врагъ его Зевсъ (у Шелли—Юпитеръ), такъ безгранично долго державшій въ рабствѣ духъ человѣчества, силой времени низвергнутъ въ тьму вѣчности.

Надо было огромную силу фантазіи и поэтическаго воплощенія, чтобы наполнить живыми образами эту небывалую туманную рамку. Только необычайный талантъ Шелли, распоряжающійся безграничнымъ богатствомъ красокъ и небывало гибкимъ и красивымъ воображеніемъ, въ состояніи былъ взяться за такую задачу. Поэтъ объясняетъ колоритность и образность своего произведенія тою обстановкою, въ которой оно возникло. «Поэма эта,—говоритъ онъ въ предисловіи,—написана большею частью на горныхъ руинахъ термъ Каракаллы, среди цвѣточныхъ прогалинъ и въ чащахъ ароматныхъ деревъ... Яркое голубое небо Рима, вліяніе могущественно пробуждающейся весны въ этомъ божественномъ климатѣ и новая жизнь, которою она какъ будто опьяняетъ чувства, были вдохновеніемъ этой драмы».

Какъ бы то ни было, стиль ея, полный сравненій, эпитетовъ, самыхъ смѣлыхъ метафоръ, въ связи съ весьма точнымъ и глубокимъ идейнымъ содержаніемъ ставитъ переводчику почти неодолимыя преграды. Дарованіе г. Бальмонта преодолѣло многія изъ нихъ, но мы бы погрѣшили противъ истины, если бы сказали, что оно осталось побѣдоноснымъ на всемъ пространствѣ поэмы. Нельзя требовать, конечно, чтобы переводъ могъ сравняться съ подлинникомъ по силѣ, красотѣ и непринужденности языка, но въ стихахъ г. Бальмонта на этотъ разъ есть шероховатости, которыя замѣтны будутъ даже для читателя, незнакомаго съ текстомъ Шелли. Чувствуется иногда, что переводчику стоило большого труда втиснуть чужую мысль въ свой стихъ.

Мы не будемъ приводить примѣровъ этого рода, которые менѣе одаренному стихотворцу не были бы поставлены въ счетъ. Укажемъ только нѣсколько несовершенствъ языка, которыя нельзя объяснить ничѣмъ инымъ, кромѣ небрежности: ихъ слѣдовало и можно было избѣжать. Такія слова, какъ «накармливаетъ» (стр. 35), «перепляски» (стр. 88), «выброски» (the wreck, стр. 120) въ русскомъ языкѣ безусловно недопустимы. Едва ли также опытный просодистъ при вниманіи не сумѣлъ бы избѣжать такихъ невозможныхъ перестановокъ ударенія, какъ «утóнченный тиранъ» (стр. 59). Порою небрежность языка приводитъ прямо къ искаженію смысла. Въ подлинникѣ сказано: «Позволь мнѣ спрятать глаза въ твоихъ мягкихъ объятіяхъ, когда твои взоры утомятъ ихъ радостью». У г. Бальмонта это переведено такъ:

Прильнуть глазами къ ласковымъ рукамъ,
Когда отъ счастья взоры утомятся.

(стр. 135).

«Прильнуть глазами» нельзя понять иначе, какъ страстно или пристально смотрѣть, а не спрятать глаза.

Но еще менѣе допустимы иного рода погрѣшности, которыя встрѣчаются у г. Бальмонта недостаточно рѣдко. Наткнувшись на соединеніе такихъ разнородныхъ эпитетовъ, какъ «пронзительно-серебристые напѣвы» (стр. 157), вы, конечно, можете быть увѣрены, что Шелли тутъ не виноватъ, а виновата та школа, къ которой принадлежатъ оригинальные стихи г. Бальмонта. У Шелли говорится только о «чистыхъ, серебристыхъ, леденящихъ, пронизывающихъ

звукахъ». Къ подобнымъ же соединеніямъ взаимно исключающихъ другъ друга понятій принадлежитъ выраженіе «безмолвныя рѣчи» (стр. 75), тогда какъ въ подлинникѣ говорится о «разговорѣ безъ словъ», что вовсе не одно и то же.

Укажемъ еще на перестановку опредѣленія на мѣсто опредѣляемаго,—пріемъ, весьма любимый Метерлинкомъ: «исторгать изъ струнъ воздушность гимна» (стр. 123), вмѣсто «воздушный гимнъ»,—невозможное выраженіе въ переводѣ Шелли, у котораго этихъ словъ *совсѣмъ нѣтъ*. Въ прежнихъ переводахъ г. Бальмонта мы не замѣчали подобной обработки текста Шелли по модѣ конца вѣка и было бы грустно, если бы дальнѣйшіе выпуски въ общемъ прекрасныхъ переводовъ были испорчены такими безвкусными интерполяціями.

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Д. Н. Овсянико-Куликовскій. «Л. Н. Толстой, какъ художникъ».—«Памяти А. С. Пушкина» (сборникъ).

Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Л. Н. Толстой какъ художникъ. Выпускъ первый. 1899. С.-Петербургъ. Ц. 1 р. Каждое произведеніе гр. Толстого порождаетъ цѣлую критическую литературу въ русскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданіяхъ, между тѣмъ едва-ли подлежитъ сомнѣнію, что изъ всѣхъ крупныхъ писателей, современниковъ гр. Толстого, онъ менѣе всего изученъ. Съ одной стороны, его колоссальный художественный талантъ вызываетъ страстное поклоненіе и славословіе, съ другой стороны—его своеобразныя и часто противорѣчивыя идеи приводятъ къ не менѣе страстнымъ спорамъ. И, можетъ быть, не одно поколѣніе еще сойдетъ съ литературной арены, прежде чѣмъ произведенія этого удивительнаго писателя дождутся правильной и многосторонней оцѣнки, которая имъ подобаетъ.

Г. Овсянико-Куликовскій одинъ изъ первыхъ старается положить прочный фундаментъ серьезному и безпристрастному пониманію ихъ. Онъ не ограничивается изложеніемъ своихъ мыслей по поводу сочиненій гр. Толстого, не входитъ съ нимъ въ препирательства (по крайней мѣрѣ въ этомъ первомъ выпускѣ); онъ съ профессорскою вдумчивостью и обстоятельностью группируетъ изслѣдуемые факты, систематизируетъ и классифицируетъ ихъ.

Созданные художникомъ образы, критикъ раздѣляетъ на двѣ крупныя группы: первую составляютъ великосвѣтскіе типы, т. е. тѣ, которые были плодомъ наблюденія автора надъ ближайшею къ нему средою, художественнымъ отраженіемъ семейныхъ воспоминаній или воспроизведеніемъ личнаго психологическаго опыта. Эти автобіографическіе (въ широкомъ смыслѣ) типы указываютъ намъ переходъ къ другой группѣ. Жажда вложить въ свою жизнь положительное содержаніе, посвятить себя дѣятельной любви, омерзѣніе къ пустотѣ и засасывающей лжи своего прирожденнаго круга заставляютъ Оленина, да и другихъ, рѣзко порвать съ тѣмъ, что имъ такъ же, какъ и автору, кажется цивилизаціей, и искать новой жизни въ чуждой имъ средѣ, близкой къ природѣ и не тронутой лицемѣріемъ. Сначала эти народные, лучше было бы сказать крестьянскіе, типы представляются туманными и загадочными, напр., въ *Утрѣ помѣщика* или въ *Казакахъ*, но исканіе и сближеніе мало-по-малу приводитъ къ «открытіямъ»,—такъ критикъ называетъ народные характеры, получившіеся путемъ наблюденія со стороны, а не прирожденнаго пониманія, какъ въ типахъ великосвѣтскихъ. Эти открытія съ теченіемъ времени, при помощи творческой мысли, выливаются въ широкія обобщенія, въ общенародные, національные типы, каковы Каратаевъ и Кутузовъ.

И дѣйствительно, все художественное творчество Л. Н. Толстого до послѣдняго времени колеблется между этими двумя категоріями характеровъ. Психологія барства и крестьянства только и понятна ему. Не то, чтобы онъ пренебрежительно относился къ другимъ слоямъ народа, но онъ, повидимому, не замѣчаетъ ихъ. Все, что не крестьянство, кажется ему сплошной, однородной массой, которой онъ приписываетъ знакомую ему психологію барства, часто подставляя вмѣсто этого слова—«образованное общество».

Разбирая Каратаева, какъ національный типъ, критикъ старается опредѣлить черты, изъ которыхъ слагается его личность. Мы не будемъ перечислять ихъ, такъ какъ критикъ опредѣляетъ ихъ формулами, которыя безъ подробнаго разъясненія каждаго понятія могутъ вызвать много недоразумѣній. Отмѣтимъ только, что ко всѣмъ чертамъ, слагающимъ типъ Каратаева, г. Овсянико-Куликовскій справедливо считаетъ непримѣнимымъ одобреніе или порицаніе. Каратаевъ не имѣетъ ни одной черты, свойственной ему, какъ индивидууму,—всѣ онѣ принадлежатъ цѣлой русской націи (по мнѣнію Толстого) или, по крайней мѣрѣ, цѣлому крестьянству. Это тѣ, унаслѣдованныя человѣкомъ, безсознательныя *формы*, которыя могутъ заключать въ себѣ самое разнообразное индивидуальное содержаніе. Соглашаясь, что по замыслу художника, Каратаевъ долженъ представляться синтезомъ безличныхъ общенаціональныхъ элементовъ чисто формальнаго свойства, нельзя, однако, повѣрить критику, что наши національныя или даже рассовыя особенности дѣйствительно таковы, какими онѣ являются въ изображеніи гр. Толстого. Г. Овсянико-Куликовскій, обычно такой осторожный въ своихъ утвержденіяхъ, въ данномъ случаѣ не задумался надъ тѣмъ, какими фактами изъ области народной психологіи подтверждается интуиція художника. При современномъ состояніи нашихъ знаній, едва-ли можно съ какою-либо долею научности приписывать цѣлому народу какія бы то ни было *общія* свойства.

Обращаясь вновь при разборѣ *Войны и Мира* къ типамъ, въ которыхъ художникъ вложилъ отчасти субъективныя черты, и которые не совсѣмъ правильно получаютъ названіе «положительныхъ великосвѣтскихъ типовъ», критикъ дѣлаетъ сопоставленіе, способное весьма удачно освѣтить историческое значеніе этихъ образовъ. Извѣстно, что еще ранѣе *Войны и Мира* графъ Толстой задумывалъ романъ *Декабристы*, но, по правдоподобному предположенію Овсянико-Куликовскаго, «не написалъ его, потому что, стараясь возсоздать время декабристовъ, онъ невольно переходилъ мыслью къ предыдущему времени, къ прошлому своихъ героевъ. Постепенно передъ авторомъ раскрывались все глубже и глубже источники тѣхъ явленій, которыя онъ задумывалъ описать,—семья, воспитаніе, общественныя условія и проч. избранныхъ имъ лицъ». Такимъ образомъ и возникъ грандіозный эпосъ изъ временъ наполеоновскихъ войнъ. «Не трудно догадаться,—справедливо замѣчаетъ критикъ,—что, если бы романъ *Декабристы* былъ написанъ, то въ немъ въ числѣ лицъ, причастныхъ движенію, закончившемуся событіемъ 14-го декабря, оказался бы Пьеръ Безуховъ, а Наташа попала бы въ число тѣхъ «русскихъ женщинъ», которыхъ воспѣлъ Некрасовъ. Такъ же точно представляется очевиднымъ, что, если бы рана, полученная княземъ Андреемъ Болконскимъ въ Бородинскомъ сраженіи, не оказалась смертельною, онъ явился бы въ свое время однимъ изъ организаторовъ и вожаковъ движенія». Сохраняя эту точку зрѣнія, г. Овсянико-Куликовскій приходитъ къ правильной оцѣнкѣ личностей Пьера и князя Андрея, котораго при этомъ онъ слишкомъ тщательно ограждаетъ отъ предвзятой и односторонней критики ген. Драгомірова. Полезно было отмѣтить противорѣчіе этой критики съ содержащимися въ романѣ фактическими данными; что-же касается общаго взгляда военнаго «критика», скорѣе

критикана, на характеръ кн. Болконскаго, то едва ли онъ заслуживаетъ такого вниманія. «Бурбонская» точка зрѣнія ген. Драгомірова находится *внѣ* литературы и не можетъ правильно освѣтить тѣхъ качествъ, которыя являются излишними или даже вредными для солдата и офицера по точному смыслу «Воинскаго артикула». Къ критикамъ типа ген. Драгомірова вполнѣ примѣнимо знаменитое изреченіе Апеллеса: «Сапожникъ, знай свои колодки!» Этимъ все сказано, и распространяться столько надъ подобной критикой, какъ дѣлаетъ почтенный профессоръ, значитъ забывать это мудрое слово, сказанное двѣ слишкомъ тысячи лѣтъ назадъ по поводу такихъ набѣговъ критикановъ въ неподлежащую ихъ вѣдѣнію область.

Въ появившемся первомъ выпускѣ своей почтенной критической работы г. Овсянико-Куликовскій не идетъ далѣе *Войны и Мира*, обѣщая въ будущемъ еще два выпуска, которые будутъ посвящены *Аннѣ Карениной* и произведеніямъ послѣдняго періода творчества гр. Толстого. Ждемъ ихъ съ съ большимъ интересомъ.

Памяти А. С. Пушкина. Юбилейный сборникъ. Изданіе редакціи журнала «Жизнь». Спб. 1899 г. Ц. 1 р. Пушкинскіе дни, оживившіе на время память о великомъ поэтѣ, не прошли безслѣдно для изученія его творчества. Появился рядъ оригинальныхъ и компилятивныхъ работъ, посвященныхъ жизни поэта и выясненію различныхъ сторонъ его геніальной личности. Сборную работу такого рода представляетъ и изданіе редакціи журнала «Жизнь» «Памяти Пушкина». Составленъ сборникъ довольно интересно, хотя не все въ немъ равноцѣнно и рядомъ съ статьями, вполнѣ достойными имени того, кому они посвящены, есть и статьи, попавшія сюда очевидно по небрежности редакціи. Чтобы не возвращаться къ нимъ, отмѣтимъ, что къ такимъ ничтожнымъ по содержанію и небрежнымъ по формѣ мы относимъ самую большую статью сборника «Пушкинъ въ потомствѣ» г. Соловьева и г. Изгоева—«Смерть и поэзія Пушкина». Послѣдняя статья,—даже не статья, а вѣрнѣе статейка въ десяти страничекъ,—настолько ничтожна, пуста и безсодержательна, что и сказать о ней нечего. Она состоитъ изъ многочисленныхъ выдержекъ изъ Пушкина, хорошо знакомыхъ каждому еще со школьной скамьи, а остальное представляетъ претенціозную попытку сказать какое-то свое «новое» слово, которое такъ и остается не высказаннымъ и для читателя совершенно непонятнымъ. «Пушкинъ,—заканчиваетъ авторъ, такимъ образомъ является поэтомъ будущаго, многія его произведенія будутъ съ одинаковымъ наслажденіемъ читаться въ концѣ XX вѣка, какъ читаются и теперь. Русской поэзіи и русской творческой философской мысли еще предстоитъ вернуться къ Пушкину». Совершенно вѣрно, что и черезъ сто лѣтъ Пушкинъ не утратитъ значенія и интереса, но почему онъ именуется поэтомъ будущаго, если его и теперь читаютъ съ наслажденіемъ,—это тайна логики г. Изгоева.

Совершенно иного характера статья г. Ев. Соловьева, который не задается цѣлью сказать во что бы то ни стало новое слово, но повторяетъ давнымъ-давно извѣстныя старыя слова Бѣлинскаго, Чернышевскаго, Писарева до г. Вл. Соловьева включительно. Подобная сводка всего, болѣе или менѣе выдающагося, сказаннаго о Пушкинѣ могла бы быть и интересна, и цѣнна, если бы не манера г. Ев. Соловьева трактовать своихъ предшественниковъ, что называется, съ кондачка, тономъ легкомысленнаго папильона, съ нарочитой небрежностью порхающаго съ вѣтки на вѣтку. Можно подумать, что это генеральный смотръ старымъ критикамъ, дѣлаемый великимъ писателемъ. Впрочемъ, наше сравненіе не вѣрно: величіе сказывается прежде всего въ скромности, и только гг. Соловьевы могутъ такъ третировать Пушкина и его комментаторовъ, какъ дѣлаетъ это нашъ авторъ, который, свысока поглядывая на разныхъ

Бѣлинскихъ и К°, самого себя повторяетъ дважды въ одной и той же статьѣ. Сказавъ въ началѣ статьи, что Пушкинъ и въ будущемъ будетъ имѣть значеніе и даже больше, чѣмъ теперь, г. Ев. Соловьевъ повторяетъ эти слова и въ концѣ, просто заявивъ, «какъ я сказалъ выше» и затѣмъ цитируетъ свои же собственныя слова, ни мало не смущаясь и даже поставивъ кавычки.

Мы бы вовсе не коснулись этихъ неудачныхъ статей, если бы онѣ не производили такого непріятнаго диссонанса рядомъ съ продуманными и полными глубокаго интереса статьями гг. Овсянико-Куликовскаго, Ал. Веселовскаго, проф. Некрасова, Кашкина и хорошо составленной компиляціей г. Андреевича «Смирнова о Пушкинѣ». Самой интересной является статья профессора Овсянико-Куликовскаго—«Пушкинъ, какъ художественный геній», въ которой почтенный авторъ ставитъ задачу—разсмотрѣть геній Пушкина съ точки зрѣнія «психологіи художественнаго творчества, какъ особаго вида работы мысли». Мы не можемъ въ небольшой рецензіи изложить прекрасную статью г. Овсянико-Куликовскаго, полную новыхъ и глубоко-интересныхъ мыслей, оригинальныхъ и свѣжихъ, хотя авторъ отнюдь не гонится за новымъ словомъ. Чрезвычайно интересенъ его анализъ созданія типовъ у Пушкина и его характеристики ихъ. Позволимъ себѣ остановиться на его характеристикѣ Татьяны. Она, по мнѣнію автора, одно изъ наиболѣе крупныхъ художественныхъ обобщеній Пушкина, «истинная предшественница тургеневскихъ женщинъ, образъ пророческій не меньше Онѣгина». «Какъ и послѣдній, типъ Татьяны — *націоналенъ*: это русскій (а не какой-нибудь другой) женскій характеръ или, скажемъ лучше, укладъ женской психики». Указавъ затѣмъ, что образъ Татьяны, по его словамъ, «выдержалъ опаснѣйшій искусъ — конкурренцію типовъ Тургенева и Толстого»,—онъ говоритъ: «Геніальность мысли, создавшей первые художественные типы, впослѣдствіе разработанные дальше и, можетъ быть, глубже другихъ поэтами, лучше всего опредѣляется именно художественнымъ значеніемъ послѣдующихъ созданій того же порядка. Такъ, геніальность Пушкина, какъ творца Онѣгина и Татьяны, измѣряется художественной цѣнностью и значеніемъ образовъ Рудина, Лаврецкаго, Обломова и др. и всей галлереи соотвѣтственныхъ женскихъ типовъ у Тургенева, Толстого и другихъ. Если, положимъ, явится новый великій художникъ и довершитъ этотъ порядокъ типовъ созданіемъ новыхъ образовъ—еще выше, еще глубже того, что создали Тургеневъ, Гончаровъ, Толстой, то тѣмъ самымъ и Онѣгинъ съ Татьяной, и само творчество Пушкина подымутся *въ нашей оцѣнкѣ* еще ступенью выше. Почему это такъ? Потому, что умственная сила, проявленная художникомъ въ созданіи первыхъ обобщеній извѣстнаго порядка, является духовнымъ капиталомъ, процентами съ котораго пользуются послѣдующія поколѣнія художниковъ; для нихъ она служитъ стимуломъ дальнѣйшаго творчества—и на добрую половину облегчаетъ ихъ трудъ. Оттуда и тотъ фактъ, что послѣдующіе художники, сравнительно меньшей силы творческаго дара, могутъ создавать образы, по своему художественному значенію не уступающіе созданіямъ ихъ геніальнаго предшественника. Подобныя же явленія наблюдаются и въ исторіи мысли научной и философской. Цѣнность научной или философской идеи и геніальность ея творца лучше всего опредѣляется и, какъ умственная сила, въ извѣстномъ смыслѣ измѣряется значеніемъ и плодотворностью послѣдующихъ работъ и открытій, исходною точкой которыхъ была данная идея. Сила ученаго творчества Дарвина измѣряется великимъ значеніемъ всей ученой литературы *дарвинизма*. Геній Канта прямо пропорціоналенъ его вліянію на новую философію и науку,—онъ измѣряется кантіанствомъ со всѣми его развѣтвленіями. Великія заслуги Гельмгольца по установленію закона сохраненія энергіи привели, между прочимъ, къ заключенію въ ряды ученыхъ геніевъ скромнаго провинціальнаго врача Роберта Майера». Изъ этой длинной выдержки читатели

могутъ видѣть, какъ оригиналенъ ходъ мысли автора, насколько широки и необычны его обобщенія, что придаетъ всей статьѣ необыкновенную свѣжесть и какую-то особую крѣпость. Несомнѣнно, что среди пушкинской литературы послѣднихъ дней эта статья займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ.

Статьи профессоровъ А. Н. Веселовскаго, Кашкина и Некрасова болѣе частнаго характера. Г. Веселовскій знакомитъ съ вліяніемъ на Пушкина европейской поэзіи; г. Кашкинъ говоритъ о значеніи Пушкина въ русской музыкѣ, а г. Некрасовъ о томъ, что сдѣлалъ Пушкинъ для развитія русскаго языка. Кромѣ того, въ сборникѣ помѣщена небольшая статья Мицкевича о Пушкинѣ, статья г. Ге о значеніи Пушкина въ русскомъ пластическомъ искусствѣ, и два стихотворенія г. Тана.

ПУБЛИЦИСТИКА.

Филантропъ. «Трудовая Помощь.»—*Д. Жбанковъ* и *В. Яковенко.* «Тѣлесныя наказанія въ Россіи въ настоящее время».

Филантропъ. Трудовая помощь, ея основанія, задачи и важнѣйшія формы. Спб. 1899 г. Авторъ настоящей брошюры, появившейся первоначально въ видѣ статей въ журналѣ «Трудовая помощь» за октябрь, ноябрь и декабрь мѣсяцы 1898 года, справедливо полагаетъ, что отличительнымъ признакомъ филантропической или благотворительной дѣятельности служитъ безкорыстный, добровольный характеръ жертвы со стороны лица или лицъ, дѣлающихъ добро, моральное или религіозное побужденіе въ качествѣ главнаго стимула этого добра (стр. 4).

Вызываемая чувствомъ состраданія, благотворительная дѣятельность выражалась до послѣдняго времени главнымъ образомъ, въ двухъ формахъ,—раздачею милостыни и организаціею богадѣленнаго и пріютскаго содержанія. Но недостаточность и несовершенства второй изъ этихъ формъ и безрезультатность первой привели къ сознанію необходимости пересмотра дѣла призрѣнія. Опытъ показалъ, что безразборчивая раздача милостыни порождаетъ только тунеядство и профессіональное нищенство. О размѣрахъ послѣдняго въ крупныхъ городахъ и разнообразіи его формъ можетъ дать представленіе книжка L. Polian «Paris, qui mendie» (Людв. Поліанъ, «Нищенствующій Парижъ» перев. А. Тулубьева 1898 г. *). Современное развитіе нищеты и обострившаяся борьба за существованіе приводитъ въ ряды бѣдныхъ не мало лицъ трудоспособныхъ, но или не желающихъ, или не могущихъ найти примѣненія своему труду.

Частная благотворительность въ виду изолированности и случайности ея дѣйствій признается вовсе не достигающею своей цѣли, а только плодящею тунеядство и профессіональное нищенство. Въ дѣлѣ же общественнаго призрѣнія считаются необходимыми, во-первыхъ, индивидуализація помощи бѣднымъ, возможная лишь при личномъ знакомствѣ съ нуждающимся, при непосредственномъ дальнѣйшемъ участіи въ его судьбѣ, а во-вторыхъ, строгое отдѣленіе среди призрѣваемыхъ тѣхъ, кому помощь можетъ быть оказана путемъ доставленія заработка, отъ дѣйствительно немощныхъ: стариковъ, дѣтей, калѣкъ и пр. Первому требованію—индивидуализаціи помощи — удовлетворяетъ въ особенности такъ называемая, по мѣсту ея перваго примѣненія, эльберфельдская система общественнаго призрѣнія, по образцу которой учреждена у насъ въ Россіи организація московскихъ городскихъ попечительствъ. Что же касается организаціи помощи нуждающимся, способнымъ къ работѣ, путемъ

---

*) См. «М. Б.», 1898 г., «Библ. Отд.», августъ.

доставленія имъ возможности заработка, то эту задачу имѣютъ преимущественно въ виду попечительныя о домахъ трудолюбія общества.

Г. Филантропа интересуютъ задачи и формы осуществленія именно трудовой помощи. Задачи эти онъ понимаетъ, однако, весьма широко. Трудовая помощь ставитъ, своею цѣлью не только оказаніе непосредственной помощи трудоспособнымъ нуждающимся путемъ доставленія имъ заработка, но и вообще созданіе болѣе благопріятныхъ условій для трудовой жизни. Это сближаетъ область мѣръ общественнаго призрѣнія и мѣръ соціальныхъ въ одной общей цѣли борьбы съ бѣдностью. Авторъ полагаетъ, что сближеніе это обусловливается и общимъ источникомъ происхожденія того и другого ряда мѣръ, коренящимся въ нравственномъ чувствѣ людей (стр. 1). Давая имъ одинъ и тотъ же источникъ происхожденія и сливая ихъ цѣли, авторъ, въ сущности, вполнѣ смѣшиваетъ эти двѣ области. «Современная филантропія,—говоритъ онъ,—сдѣлалась уже доступна полнымъ и обширнымъ выраженіемъ *общественной помощи нуждающимся* во всемъ ея объемѣ и разнообразіи, и, слѣдовательно, охватываетъ собою какъ мѣры призрѣнія, такъ и соціальныя, въ границахъ, доступныхъ для частной дѣятельности» (стр. 5).

Ошибочность указаннаго смѣшенія очевидна. Необходимость соціальныхъ мѣръ коренится отнюдь не въ требованіи нравственнаго чувства людей, а въ интересахъ государства и общежитія, что и накладываетъ зачастую на эти мѣры характеръ подчиненія интересамъ господствующихъ въ обществѣ группъ. Нравственныя безкорыстныя чувства людей играютъ тутъ роль подчиненную. Авторъ и самъ въ частныхъ примѣрахъ отмѣчаетъ это. Приступая къ вопросу о необходимости организаціи общественныхъ работъ, онъ ссылается на *вредъ* и *опасность* для государственнаго благоустройства дарового кормленія населенія при все возрастающихъ размѣрахъ безработицы. Вообще, «невѣроятные успѣхи, которые дѣлаютъ у насъ бѣдность и нищета» (стр. 10), раскрываемые фактами обѣдненія и податной задолженности населенія, упадкомъ скотоводства, ухудшеніемъ питанія, увеличеніемъ отхода на сторону,—на промысла и фабрики,—служатъ для автора основаніемъ къ требованію возможно болѣе широкаго развитія трудовой помощи, при совмѣстномъ участіи въ этой работѣ и правительства, и добровольныхъ общественныхъ силъ. Но если имѣть въ виду, что самъ авторъ принимаетъ число безработныхъ у насъ до $^1/_3$ всей рабочей силы, трудно присоединиться къ его оптимистическому утвержденію, что вліяніе трудовой помощи должно стать громаднымъ, даже до возстановленія экономическаго благосостоянія крестьянства включительно (стр. 22). Подобнаго рода радужныя воззрѣнія г. Филантропа на скромныя задачи трудовой помощи приближаютъ ихъ къ безсмысленнымъ мечтаніямъ.

Очевидно, въ представленіи автора функціи трудовой помощи выступаютъ далеко за рамки «обычнаго общественнаго призрѣнія». Это уже не забота объ отдѣльныхъ личностяхъ, по тѣмъ или другимъ случайнымъ причинамъ дошедшихъ до состоянія крайней нужды, но дѣятельность, направленная на улучшеніе положенія обширныхъ слоевъ населенія. Подобныя задачи, какъ возстановленіе пошатнувшагося земледѣльческаго хозяйства и предупрежденіе разоренія крестьянской среды, предполагающія воздѣйствіе на основныя соціально-экономическія условія жизни страны, до сихъ поръ считались посильными лишь государству во всеоружіи его средствъ и законодательной власти. Г. Филантропъ полагаетъ, что поле дѣятельности здѣсь такъ широко, что на ряду съ дѣятельностью государства всегда найдется мѣста и простора и всѣмъ другимъ учрежденіямъ и союзамъ. Перечисливъ всѣ важнѣйшія формы трудовой помощи: дома и мастерскія трудолюбія, общественныя работы, бюро по найму рабочихъ, предоставленіе орудій и матеріаловъ производства, мелкій кредитъ и организацію сбыта, улучшеніе жилищныхъ условій, борьба съ алкоголизмомъ, различ-

ные виды просвѣтительнаго воздѣйствія, потребительныя общества, кассы взаимопомощи, страхованіе и артели,—авторъ находитъ, что для осуществленія всей этой системы мѣропріятій при условіи принятія во вниманіе всѣхъ мѣстныхъ особенностей и соблюденія индивидуализаціи помощи, у государства не хватитъ ни силъ, ни средствъ, ни дѣятелей. Бо́льшее участіе въ дѣлѣ трудовой помощи должно выпасть на долю общественныхъ управленій—земскихъ и городскихъ. Но за всѣмъ тѣмъ «необходимо, чтобы мѣропріятія по трудовой помощи имѣли свои спеціальные органы, занятые только этой одной помощью и объединяющіяся затѣмъ въ одномъ центральномъ учрежденіи, вѣдающемъ это одно важное дѣло; необходимо, чтобы у насъ существовали спеціальныя организаціи трудовой помощи, т. е. какъ центральный органъ, такъ и мѣстныя учрежденія» (стр. 109). Такимъ центральнымъ органомъ, по мнѣнію автора, и можетъ быть существующее уже въ Россіи «Попечительство о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ» съ соотвѣтствующимъ въ его организаціи измѣненіемъ, предположенія о которомъ авторъ тутъ же приводитъ вкратцѣ. Не вдаваясь въ критическій разборъ предлагаемой имъ организаціи, замѣтимъ только, что авторъ забылъ о приснопамятныхъ «Приказахъ общественнаго призрѣнія», которыя на бумагѣ дѣйствовали великолѣпно. Все это бывало, только казенщина всегда остается казенщиной, какое бы названіе она ни носила.

Авторъ возлагаетъ на проектируемую имъ организацію благотворительной трудовой помощи такія обширныя задачи, которыя граничатъ съ существенными измѣненіями въ общихъ экономическихъ и бытовыхъ условіяхъ жизни. Между тѣмъ примѣръ уже существующихъ попытокъ оказанія трудовой помощи показываетъ, что осуществляемая даже въ скромныхъ размѣрахъ помощь эта встрѣчаетъ массу осложненій и непреодолимыхъ трудностей. Это равно доказываютъ какъ приводимые самимъ авторомъ, факты, касающіеся устройства у насъ общественныхъ работъ, такъ и свѣдѣнія о существующихъ у насъ домахъ трудолюбія. Къ 20 окт. 1896 г. такихъ домовъ было 48. Призрѣвалось въ нихъ 2.016 человѣкъ. Однако, детальное разсмотрѣніе состава этихъ призрѣваемыхъ показало, что 32% ихъ составляютъ женщины и дѣти, изъ которыхъ послѣднія нуждаются не столько въ доставленіи имъ заработка, сколько въ школьномъ образованіи, что 24% всѣхъ трудолюбцевъ или старики, дряхлые и калѣки, или лица, представляющія собою продуктъ алкоголизма или вырожденія. Есть дома, въ которыхъ или часть призрѣваемыхъ, или даже всѣ они совсѣмъ не имѣютъ работъ. (стр. 49). Это обстоятельство объясняется, кромѣ состава населенія этихъ домовъ, трудностью избрать занятія и ремесла для лицъ, не имѣющихъ спеціальности, притомъ такія занятія, которыя удовлетворяли бы и требованіямъ мѣстнаго рынка. Благодаря всему этому, дома трудолюбія естественно обращаются въ обыкновенныя богадѣльни или исправительно-лѣчебные пріюты. И это становится вполнѣ естественнымъ, если имѣть въ виду существующую у насъ потребность въ самомъ элементарномъ общественномъ призрѣніи. Забота о его развитіи сама по себѣ представляетъ достаточно крупную и важную задачу, разрѣшеніе которой стоитъ на первой очереди въ дѣлѣ благотворительности. Что же касается бѣдности трудящихся классовъ, то она являясь результатомъ общаго уровня культуры и отношенія соціальныхъ и экономическихъ силъ такъ же мало доступна воздѣйствію какихъ бы то ни было благотворительныхъ организацій теперь, какъ и въ минувшее время. Конечно, всякая практическая разработка вопроса о положеніи нуждающихся классовъ не можетъ остаться безполезною. Но опытъ показалъ, что въ дѣлѣ созданія лучшихъ условій трудовой жизни просторъ, открытый *общественной* самодѣятельности, даетъ несравненно болѣе прочные результаты, чѣмъ самая мелочная и заботливая *опека*, тѣмъ болѣе почерпающая свои силы и средства изъ источника случайныхъ добровольныхъ пожертвованій.

Тѣлесныя наказанія въ Россіи въ настоящее время. Составили Д. Н. Жбанковъ и Вл. И. Яковенко. Москва 1899 г. Ц. 80 коп. Тяжело было авторамъ составлять свою книгу или вѣрнѣе—мартирологъ, щемящую тоску испытываетъ и читатель такой книги. Въ самомъ дѣлѣ, испытываешь чувство глубокаго стыда, когда въ концѣ просвѣщеннаго XIX вѣка приходится хладнокровно, на основаніи статистическихъ и другихъ научныхъ данныхъ, доказывать варварство, непригодность и неразумность тѣлесныхъ наказаній, противъ которыхъ вопіетъ самое элементарное человѣческое чувство. Какую душевную муку долженъ испытать человѣкъ, вынужденный спокойно разбивать доводы, приводившіеся и, къ стыду нашему, еще приводимые и теперь въ защиту розги! Розга дешева, розга быстро и хорошо дѣлаетъ свое дѣло! Читая книгу о тѣлесныхъ наказаніяхъ, испытываешь какой-то кошмаръ: предъ вами встаютъ замученныя фигуры мужчинъ, женщинъ, дѣтей, вы чувствуете себя на какой-то человѣческой бойнѣ, гдѣ ободранныя спины, клочья человѣческаго мяса, повѣсившіеся, утонившіеся и отравившіеся страдальцы и страдалицы съ нѣмымъ укоромъ смотрятъ на васъ, а лежащіе тутъ же шпицрутены, кошки, линьки показываютъ, что и на такое дѣло положено не мало человѣческой изобрѣтательности...

По предложенію почтеннаго д-ра Д. Н. Жбанкова, VI-ой пироговскій съѣздъ въ Кіевѣ рѣшилъ возбудить предъ правительствомъ ходатайство объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Для обоснованія ходатайства была избрана комиссія, въ составъ которой входили авторы настоящей книги, являющейся, такимъ образомъ, докладной запиской общества русскихъ врачей правительству. Историческая часть книги знакомитъ читателя со взглядами на тѣлесныя наказанія и тѣми пріемами, какіе предлагались разными лицами для лучшаго дѣйствія розги и плети. Исторія не забудетъ этихъ господъ, а равно и тѣхъ, которые, имѣя извѣстную власть, возвышали свой благородный голосъ противъ звѣрской расправы съ людьми. Такъ Д. А. Ровинскій пишетъ, что кнутъ мало-помалу сокращался въ числѣ ударовъ, а впослѣдствіи и вовсе размѣненъ на плети, которыя, въ свою очередь, сперва приведены въ систему, потомъ усовершенствованы и отрехвощены, и, наконецъ, со спины спущены на болѣе мягкія части, а шпицрутены, это дьявольское изобрѣтеніе бездушнаго нѣмца... прославились изобрѣтеніемъ новой аракчеевской манеры... По аракчеевскому рецепту значилось: «прогнать *сквозь тысячу—двѣнадцать разъ безъ медика*»... А въ 1858 году предсѣдатель редакціонныхъ комиссій Я. И. Ростовцевъ писалъ Александру II: «О наказаніи тѣлесномъ не слѣдуетъ упоминать вовсе (въ положеніи о крестьянахъ): это было-бы пятномъ настоящаго законодательства». Въ то же время великій князь Константинъ Николаевичъ самымъ рѣшительнымъ образомъ высказывался противъ тѣлесныхъ наказаній.

Въ настоящее время дѣло съ тѣлесными наказаніями обстоитъ у насъ слѣдующимъ образомъ: въ изданіи Уложенія о наказаніяхъ 1886 года устранены тѣ статьи, по которымъ, при явной невозможности заключить въ тюрьму, арестный и рабочій домъ или подъ арестъ, разрѣшались розги отъ 3 до 100 ударовъ. Такимъ образомъ, съ 1886 года въ судебномъ порядкѣ (кромѣ волостныхъ судовъ) нельзя присуждать къ наказанію розгами. Съ тѣхъ поръ тѣлесныя наказанія остаются на практикѣ въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) въ дисциплинарныхъ баталіонахъ для штрафованныхъ по суду солдатъ до 300 ударовъ, что равносильно квалифицированной *смертной казни*, 2) для сосланныхъ въ Сибирь въ каторжныя работы и на поселеніе—розги, въ неограниченномъ количествѣ, по усмотрѣнію администраціи, 3) для каторжныхъ, совершившихъ побѣгъ или другое преступленіе—плети и прикованіе къ телѣжкѣ, 4) за уголовныя преступленія, подсудныя волостнымъ судамъ—розги до 20 ударовъ, при чемъ опредѣленныя группы изъ крестьянскаго сословія изъяты отъ этого вида

наказанія, и 5) по усмотрѣнію высшей администраціи въ видѣ экзекуцій при народныхъ волненіяхъ или даже для предупрежденія ихъ—розги безъ *опредѣленія максимальнаго количества ударовъ*, а также *безъ различія пола и возраста*. Съ изданіемъ закона о земскихъ начальникахъ 12 іюля 1889 года и «Временныхъ правилъ о волостномъ судѣ» примѣненіе розогъ въ крестьянской средѣ, шедшее въ теченіе многихъ лѣтъ *на убыль*, вдругъ опять *расцвѣло*... Дѣло дошло до того, что уже въ 1891 году Министръ Внутреннихъ Дѣлъ «рекомендовалъ» бо́льшую осторожность въ примѣненіи тѣлесныхъ наказаній, которыя допущены законодателемъ какъ крайняя мѣра, безъ которой возможно обойтись. Закономъ 1893 года тѣлесныя наказанія отмѣнены для женщинъ.

Минуя 2-ю и 3-ю главы книги, посвященныя изслѣдованію современнаго положенія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ законодательствѣ и на практикѣ и разбору статистики тѣлесныхъ наказаній по разнымъ классамъ населенія и по годамъ, переходимъ къ той главѣ, которая трактуетъ объ отношеніи къ тѣлеснымъ наказаніямъ правительственныхъ и общественныхъ органовъ и всего русскаго общества. Здѣсь мы наталкиваемся на тотъ любопытный фактъ, что тѣлесныя наказанія какъ будто всѣми осуждаются, и между тѣмъ продолжаютъ существовать. Министерство внутреннихъ дѣлъ въ циркулярѣ 1891 г. предлагало съ крайней осторожностью относиться къ приговорамъ волостныхъ судовъ о назначеніи тѣлесныхъ наказаній и рекомендовало не назначать исполнителями такихъ приговоровъ молодыхъ людей, на которыхъ подобная операція производитъ развращающее впечатлѣніе. Изъ мнѣній, высказанныхъ военными людьми о тѣлесныхъ наказаніяхъ, особаго вниманія заслуживаетъ мнѣніе ген. Драгомирова, не разъ въ своихъ приказахъ высказывавшаго пожеланіе, чтобы «неприкосновенность» личности настолько вошла у насъ въ нравы, что упоминаніе о ней было бы излишне. Въ этомъ же смыслѣ высказываются генералъ-губернаторы окраинъ: ген. М. А. Таубе, степной генералъ-губернаторъ и туркестанскій—А. Б. Вревскій. Интересными представляются мнѣнія земскихъ начальниковъ, высказывающихся противъ тѣлесныхъ наказаній, при чемъ одинъ изъ нихъ А. М. Черновъ пишетъ: «Чтобы заставить звучать народную правду, только и возможно было бы теперь поступиться розгой,—этой колесницей крѣпостничества,—у которой нынѣ всѣ колеса выбиты закономъ и жизнью изъ ранѣе наѣзженной колеи». Что касается земствъ, то вопросъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній неоднократно подымался и обсуждался въ земскихъ собраніяхъ; не разъ земства возбуждали соотвѣтственныя ходатайства по этому поводу, хотя имъ и указывалось всякій разъ въ отвѣтѣ, что земства призваны обсуждать только мѣстныя нужды, а вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ является общегосударственнымъ. Авторы подробно излагаютъ исторію этого вопроса по каждому земству въ отдѣльности и здѣсь достаточно будетъ сказать, что ими собраны свѣдѣнія о 28 земствахъ, тщетно, но неустанно возбуждавшихъ вопросъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній.

Указавъ далѣе на мнѣнія отдѣльныхъ юристовъ, какъ А. Ф. Кони, Н. А. Неклюдовъ, Д. А. Дриль, писавшихъ и говорившихъ противъ тѣлесныхъ наказаній, перечисливъ ходатайства медицинскихъ обществъ и съѣздовъ, отмѣтивъ ходатайство Вольно-Экономическаго общества и приведя отзывы печати по этому вопросу, авторы даютъ яркую характеристику отношенія къ тѣлеснымъ наказаніямъ крестьянъ, относительно которыхъ «розголюбами» не разъ высказывалось мнѣніе, будто крестьяне прямо любятъ наказаніе розгами. Нечего говорить, что такое дикое мнѣніе опровергается наблюденіями повседневной жизни, показывающей, сколько самоубійствъ и психически-больныхъ давала и продолжаетъ давать крестьянская среда, не справляющаяся, какъ всѣ люди, съ ужасомъ и позоромъ наказанія. Послѣднія страницы книги посвящены разбору вреднаго вліянія тѣлесныхъ наказаній на физическое и психическое здоровье наказуемыхъ.

Отъ всей души присоединяемся къ заключительному пожеланію авторовъ, чтобы работа ихъ оказалась не одной изъ капель, которыя долбятъ камень, а той каплей, которой суждено переполнить чашу доводовъ противъ существованія позорныхъ наказаній въ нашемъ обществѣ...

— — —

СОЦІОЛОГІЯ.

Ф. Гиддингсъ. «Основаніе соціологіи».—*Г. Зиммель.* «Соціальная дифференціація».

Основанія соціологіи. Ф. Г. Гиддингса. Пер. съ англ. М. В. Лучицкой подъ ред. проф. И, В. Лучицкаго. Кіевъ—Харьковъ 1898 г. Съ тѣхъ поръ какъ Ог. Контъ пустилъ въ обращеніе слово *соціологія*, всевозможныя «основанія соціологіи», «введенія въ соціологію», «соціологическіе этюды» положительно какъ грибы растутъ. Въ соціологической литературѣ замѣчается странное перепроизводство и ежегодно на книжный рынокъ выбрасывается много пустопорожнихъ соціологическихъ трактатовъ, которые только компрометируютъ идею соціологической науки. Хотя мы имѣемъ безчисленное количество «соціологій», но соціологіи, соціологической науки еще нѣту, и для этого существуютъ важныя причины. Корень зла лежитъ въ томъ общественномъ источникѣ, изъ котораго современная соціологическая литература истекаетъ: онъ недостаточно чистъ. Общественная наука непосредственно отражаетъ на себѣ общественную борьбу и въ обществѣ съ рѣзко-классовой структурой она носитъ рѣзко классовой характеръ. Соціологія общечеловѣческая сдѣлается возможной лишь съ прекращеніемъ классовой борьбы, тогда и соціологическая литература будетъ отличаться большей содержательностью, чѣмъ теперь. Существуютъ и другія, второстепенныя причины безплодности современныхъ «соціологовъ». Каждый «соціологъ» стремится создать цѣлую соціологію и соціологію оригинальную, свою собственную, вмѣсто того чтобы заниматься соціологическими изслѣдованіями. Это всегда бываетъ съ наукою, основные принципы которой еще не установлены. Но соціологи-позитивисты, при всей своей склонности къ оригинальности, не идутъ далѣе повторенія общихъ мѣстъ, взятыхъ у Конта и Спенсера.

Книга американскаго соціолога Гиддингса, переведенная на русскій языкъ въ нѣсколькихъ изданіяхъ, мало чѣмъ отличается отъ преобладающаго тона соціологическихъ трактатовъ. Въ качествѣ «соціолога» онъ имѣетъ большія претензіи, въ качествѣ «позитивиста« онъ пробавляется преимущественно Контомъ и Спенсеромъ, хотя старается подать соціологическое блюдо подъ собственнымъ соусомъ. Гиддингса причисляютъ къ сторонникамъ *психологическаго* направленія въ соціологіи и сопоставляютъ съ другимъ американскимъ соціологомъ, болѣе даровитымъ, Лестеромъ Уордомъ. Какъ же понимаетъ Гиддингсъ задачи соціологіи? Мы должны сознаться, что изъ чтенія его объемистой книги не вынесли опредѣленнаго представленія объ его взглядахъ на этотъ вопросъ, хотя первыя четыре главы какъ будто бы посвящены задачи соціологіи (глава IV такъ и называется «задачи соціологіи»). Ясно только, что онъ признаетъ существованіе вопросовъ, которые могутъ быть названы соціологическими. На первой же страницѣ книжки Гиддингса мы встрѣчаемъ слѣдующую фразу: «Всѣ истинно общественныя явленія—психическія по своей природѣ». Въ концѣ книги онъ говоритъ, что «общество въ сущности психическое явленіе, обусловленное физическимъ процессомъ», что даетъ намъ право причислить Гиддингса къ сторонникамъ психологическаго направленія въ соціологіи, хотя не столь яркимъ какъ Л. Уордъ. Мы ничего не имѣемъ противъ психологизма и считаемъ совершенно неправильнымъ традиціонное про-

тивоположеніе психологизма матеріализму въ общественной наукѣ. И весь историческій процессъ, и отдѣльныя историческія событія понятны только тогда, если понятна психологія людей, скрывающаяся за общественными явленіями *). Соціальный процессъ требуетъ истолкованія въ терминахъ психологическихъ. Это, конечно, нисколько не противорѣчитъ основному положенію матеріалистической соціологіи, что психологія людей выростаетъ на почвѣ матеріальныхъ общественныхъ отношеній и отражаетъ на себѣ классовую структуру общества. Къ какимъ же выводамъ приводитъ Гиддингса его точка зрѣнія на общественныя явленія, какъ на психологическія? Да ни къ какимъ: это его ни къ чему не обязываетъ. Хотя Гиддингсъ, какъ и всякій соціологъ, имѣетъ философскія претензіи, но философъ онъ плохой. То, что можетъ быть названо теоріей познанія общественной науки, у него совершенно отсутствуетъ, и это характерно для все болѣе и болѣе опошляющагося позитивизма **).

Гиддингсъ склоненъ къ оригинальной, сразу даже не совсѣмъ понятной терминологіи. Такъ напр., у него играетъ большую роль понятіе «соціальнаго разума», онъ даже назвалъ такимъ образомъ цѣлую главу. «Соціальный разумъ, говоритъ Гиддингсъ,—нѣчто болѣе, чѣмъ индивидуальный разумъ и онъ владычествуетъ надъ индивидуальною волею. Но онъ существуетъ только въ индивидуальныхъ разумахъ и мы не можемъ составить себѣ понятія о какомъ-либо другомъ сознаніи, кромѣ сознанія индивидуумовъ. Слѣдовательно, соціальное сознаніе есть не иное что, какъ чувство или мысль, появляющаяся одновременно во всѣхъ индивидуумахъ или распространяющаяся отъ одного къ другому черезъ посредство общества или собранія. Соціальный разумъ есть явленіе многихъ взаимодѣйствующихъ соціальныхъ индивидуальныхъ разумовъ, вліяющихъ въ такой сильной степени другъ на друга, что они одновременно испытываютъ тоже ощущеніе или волненіе, приходятъ къ одному и тому же сужденію и, быть можетъ, дѣйствуютъ сообща. Это, въ краткихъ словахъ умственное единеніе многихъ индивидуумовъ или толпы». Намъ не представляется этотъ терминъ особенно удачнымъ; онъ скорѣе сбиваетъ съ толку, чѣмъ помогаетъ понять соціальный процессъ.

Та часть книги, которая трактуетъ объ ассоціаціи «зоогенической», «антропогенетической», «этногенической» и «демогенической», заключаетъ въ себѣ много матеріала по антропологіи и исторіи культуры, въ концѣ этого отдѣла Гиддингсъ даетъ нѣчто вродѣ «философіи исторіи», но цѣнныхъ соціологическихъ обобщеній мы здѣсь не находимъ. Послѣдня часть («Общественный процессъ, законъ и причина») должна была бы быть самой интересной и мы ожидали, что она, наконецъ, разъяснитъ намъ, въ чемъ заключается оригинальность Гиддингсовой соціологіи, но насъ постигло разочарованіе—обычный результатъ чтенія соціологическихъ книгъ ***). Послѣдняя часть трактуетъ о физическомъ и психическомъ процессѣ, такъ какъ по мнѣнію Гиддингса общественный процессъ представляетъ изъ себя взаимодѣйствіе физическихъ силъ и психическихъ мотивовъ». Глава о физическомъ процессѣ это—повтореніе того, что было сказано на эту тему Спенсеромъ въ «Основныхъ началахъ». Величественная по внѣшности попытка разсмотрѣть соціальный процессъ, какъ физическій процессъ интеграціи и дифференціаціи энергіи и матеріи, и у Спенсера не привела ни къ какимъ результатамъ—гора родила мышь. Тѣмъ болѣе

*) См. G. Simmel. «Die Probleme der Geschichtsphilosophie». Erstes Kapitel.

**) Подъ позитивизмомъ мы понимаемъ не научное направленіе въ философіи вообще, а только особенную его фракцію.

***) Мы признаемъ возможность соціологіи и сами придерживаемся опредѣленнаго соціологическаго міровоззрѣнія, но относимся рѣзко отрицательно къ продуктамъ буржуазной соціологической мысли и часто убѣждены въ ея неспособности понять тайну историческаго процесса.

это выходитъ неудачно у Гиддингса. Мало поучительнаго находимъ мы также въ главѣ о психическомъ процессѣ. Разсужденія вродѣ Гиддингсовыхъ объ односторонности индивидуализма и коллективизма смертельно всѣмъ надоѣли, это общія мѣста, которыя не удовлетворяютъ ни «нашихъ», ни «вашихъ». Кардинальному вопросу соціологіи о «свободѣ и необходимости» Гиддингсъ посвящаетъ всего нѣсколько строчекъ. Спецефическій характеръ соціальныхъ явленій совсѣмъ не выясняется изъ книги Гиддингса. Онъ много говоритъ объ «естественномъ подборѣ», но трудно было бы сказать, какъ онъ смотритъ на значеніе біологическихъ факторовъ въ историческомъ процессѣ. Вопросу о «природѣ и цѣли общества» посвящена послѣдняя глава, состоящая всего изъ двухъ страницъ. Тутъ онъ также мало разъясняетъ намъ тайну общественнаго бытія, какъ и на протяженіи всей книги, состоящей изъ пятисотъ страницъ. Характерно, что Гиддингсъ никогда не обнаруживаетъ знакомства съ нѣмецкой философско-соціологической литературой: онъ ссылается только на американскую, англійскую и отчасти французскую литературу. Гиддингсъ заканчиваетъ свою книгу словами: «Общество, создавшее человѣка, въ свою очередь преобразовывается имъ. Наибольшее значеніе въ этомъ дѣлѣ представляетъ вліяніе тѣхъ немногихъ умовъ, геній которыхъ проникаетъ въ неизвѣстное; тѣхъ піонеровъ мысли и поведенія, которые осмѣливаются вступать одни на новые пути, и тѣхъ самоотверженныхъ людей, полныхъ любви къ человѣчеству, которые, нерѣдко подвергаясь клеветамъ и испытывая горькія страданія, открываютъ ближнимъ возможность духовной жизни. Главнымъ образомъ, благодаря именно такого рода людямъ, масса человѣчества возвышается, хотя и въ слабой степени, надъ требованіемъ физической необходимости и вступаетъ въ болѣе святую область свободы и свѣта». «Немногіе піонеры мысли и поведенія», конечно, являются проводниками всего новаго и свѣжаго, но только потому, что они первые приспоспособляются къ нарождающимся формамъ жизни и мысли.

Мы сомнѣваемся, чтобы «соціологія» Гиддингса много дала русскому читателю: она не обогащаетъ фактическими знаніями, не будитъ критической мысли, не направляетъ соціологической мысли по правильному руслу. Средній русскій интеллигентъ нуждается въ умственной діэтѣ: мысль его такъ мало окрѣпла, что ее не слѣдуетъ сбивать съ толку книгами. носящими громкое заглавіе, но бѣдными содержаніемъ. Переводъ Гиддингса въ общемъ можно признать вполнѣ удовлетворительнымъ, но книга издана небрежно, встрѣчаются опечатки.

Г. Зиммель. Соціальная дифференціація. Соціологическія и психологическія изслѣдованія. Переводъ съ нѣм. С. Г. Кіевъ — Харьковъ. 1898 г. Зиммелю у насъ рѣшительно не повезло. Его «Проблемы философіи исторіи» были переведены безобразно: можно сказать, что любопытной книжки Зиммеля нѣтъ въ русской литературѣ. Такъ же безобразенъ лежащій передъ нами переводъ «Соціальной дифференціаціи». Уже одна фирма г. Іогансона заставляетъ насъ относиться подозрительно къ переводу Зиммеля, такъ какъ изданія г. Іогансона славятся своими плохими переводами. Зиммель писатель трудный и переводить его нелегко: для этого нужна и философская эрудиція, и знаніе языка. У него сплошь и рядомъ встрѣчаются такіе тонкіе оттѣнки мысли, которые съ трудомъ поддаются переводу. «Соціальная дифференціація» не только переведена отвратительнымъ, совсѣмъ не литературнымъ языкомъ но свидѣтельствуетъ также о грубомъ непониманіи нѣмецкаго текста и изобилуетъ ничѣмъ неоправдываемыми пропусками отдѣльныхъ словъ и даже цѣлыхъ фразъ.

Если мы не можемъ сказать, что переводчикъ начинаетъ грѣшить съ перваго же слова, то только потому, что у него отсутствуетъ не только первое слово книжки Зиммеля, но даже половина первой страницы. Онъ, можетъ быть, и пробовалъ начать сначала, но сразу споткнулся и предпочелъ начать съ того мѣста, которое ему показалось болѣе доступнымъ. Переводъ начинается со словъ:

«Im allgemeinen liegt dem Menschen mehr daran», т. е. съ девятнадцатой строчки (см. «Ueber sociale Differenzierung». Leipzig. 1890 г. стр. 1). И это далеко не единственное мѣсто, въ которомъ мы встрѣчаемся съ подобными пропусками. На стр. 24 пропущена цѣлая фраза (см. нѣмецкое изданіе, стр. 12). Мы уже и не говоримъ о томъ, что постоянно пропускаются отдѣльныя слова. Первая глава «Соціальной дифференціаціи» носитъ очень характерное для Зиммеля названіе «Zur Erkenntnistheorie der socialwissenschaft», но переводчикъ почему-то не перевелъ его. Вообще онъ, видно, не любитъ слова теорія познанія и вмѣсто «теоретикопознавательный» переводитъ просто «теоретическій», что, конечно, совсѣмъ не тоже самое (стр. 19 русск. изд. и стр. 10 нѣм. изд.). Мы не будемъ слѣдить за безчисленными промахами перевода, но приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ первой главы на удачу.

Что означаетъ, напримѣръ, слѣдующая фраза на стр. 24: «мы не сомнѣваемся, что рѣшающее основаніе относительнаго единства кроется въ разнообразныхъ взаимныхъ вліяніяхъ частей цѣлаго?» По-нѣмецки (стр. 12—13) сказано: «Es ist nun unzweifelhaft, dass es nur einen Grund giebt, der eine wenigstens relative Objektivität der Vereinheitlichung abgiebt: die Wechselwirkung der Teile». Эту фразу слѣдуетъ перевести такимъ образомъ: «несомнѣнно, что существуетъ только одно основаніе, которое свидѣтельствуетъ, по крайней мѣрѣ, объ относительной реальности единства: это взаимодѣйствіе частей». На стр. 21 (нѣм. 11) слова «unteilbare Persönlichkeit, deren «einfache» Seele in der einheitlichen Zusammengehörigkeit ihrer körperlichen Organe Ausdruk und Analogie fand» переведена: «недѣлимую личность, «простая душа» которой находила въ единствѣ субстрата свое выраженіе и аналогію». Переводъ слишкомъ вольный, а выраженіе «простая душа» напоминаетъ «простоту душевную»; слѣдовало бы сказать «простота» души. У Зиммеля часто встрѣчается слово Einheit, что значитъ «единство», но переводчикъ никакъ не можетъ справиться съ этимъ словомъ: то онъ его переводитъ «единица», то «величина», то «однородность», то «группа». Такой же черезчуръ вольный переводъ представляютъ изъ себя слова: «это не абсолютъ, который, стоя надъ всѣми отдѣльными представленіями, приводитъ ихъ къ единству, а лишь субъективное понятіе» (стр. 23). Въ нѣмецкомъ текстѣ мы не находимъ ни «абсолюта», ни «субъективнаго понятія», тамъ сказано: «der aber eben auch nur ein Gedanke ist und deshalb nicht das sein kann, was, vergeblich über allen einzelnen Vorstellungen stehend, sie einheitlich umschliesst» (стр. 12). Слова: «äusserlich in Berührung stehende sociale Einheiten bilden durch Zweckmässigkeit, Not und Gewalt bewogen diese Inhalte und Formen unter sich aus» (дѣло идетъ объ образованіи права, нравовъ и религіи) переданы слѣдующимъ образомъ: «вполнѣ чуждыя соціальныя группы, сталкиваясь въ цѣлесообразныхъ и насильственныхъ взаимодѣйствіяхъ, вырабатываютъ форму и содержаніе». Откуда взялось выраженіе «чуждыя», куда дѣвалось характерное слово Not? (русск. стр. 28, нѣм. 14). Вообще переводчикъ очень беззастѣнчиво обращается съ философскими терминами и суетъ выраженіе «абсолютъ», «субстанція», «субстратъ» туда, гдѣ въ нѣмецкомъ текстѣ и помину объ нихъ нѣтъ. Насъ очень разсмѣшила фраза: «опять приходится призадуматься надъ тѣмъ обстоятельствомъ, что существуютъ реальности, такъ сказать, по ту сторону отдѣльныхъ субъектовъ, хотя онѣ, очевидно, не имѣютъ, независимо отъ послѣднихъ, никакихъ средствъ къ существованію» (стр. 31). Реальности, не имѣющія никакихъ средствъ къ существованію! Это положеніе трагическое. Въ нѣмецкомъ текстѣ сказано: «gewisse Realitäten jenseits der Einzelnen existieren und doch offenbar, abgesehen von diesen, nichts haben, woran sie existieren könnten» (стр. 17). Это значитъ, что хотя въ обществѣ и «существуютъ нѣкоторыя реальности кромѣ отдѣльныхъ индивидуумовъ, но все-таки, очевидно, что независимо отъ послѣднихъ онѣ не имѣютъ никакихъ основаній

для существованія». Свободно эту глубоко важную мысль можно выразить такъ: реальность общества не исчерпывается суммой индивидуумовъ, но независимо отъ индивидуумовъ въ обществѣ нѣтъ никакой реальности. Уже достаточно очевидно, что мы должны еще ждать появленія на русскомъ языкѣ «Соціальной дифференціаціи».

Зиммель занимаетъ видное мѣсто въ современной философско-соціологической литературѣ и для оцѣнки его дѣятельности потребовалась бы цѣлая статья. Соціологическая литература отличается такою пустотою, что, какъ бы ни относиться къ направленію Зиммеля, нельзя не отмѣтить, что онъ выдѣляется на общемъ фонѣ своихъ собратьевъ по наукѣ. Оригинальность его заключается въ томъ, что онъ приложилъ методъ практической теоріи познанія къ общественной наукѣ и указалъ на задачи *соціологической гносеологіи*. Въ этомъ отношеніи за Зиммелемъ надо признать большія *формальныя* заслуги, такъ какъ до сихъ поръ слишкомъ мало обращали вниманія на анализъ конечныхъ понятій соціологіи. Теоретикопознавательныя и методическія основанія матеріалистическаго положенія исторіи совсѣмъ почти не разработаны и пополненіе этого пробѣла нельзя не признать важною задачей. Самъ Зиммель даетъ намъ мало положительнаго: его попыткамъ расшатать монизмъ мы совсѣмъ не склонны сочувствовать, но у него можно найти много любопытныхъ замѣчаній и отдѣльныхъ истинъ. Первая глава «Соціальной дифференціаціи» посвящена задачамъ теоріи познанія общественной науки; тутъ Зиммель разрушаетъ понятія, принимаемыя наивно-догматическимъ мышленіемъ, остальныя же главы это—этюды объ одномъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ соціологіи, который въ русской литературѣ, получилъ радикально ложное освѣщеніе. Особенно интересна была бы третья глава «Die Ausdehnung der Gruppe und die Ausbildung der Individualität», такъ какъ въ ней затрогивается вопросъ объ отношеніи между дифференціацiей общества и индивидуума, основной мотивъ всей почти литературной дѣятельности замѣчательнѣйшаго изъ русскихъ субъективистовъ г. Михайловскаго, но все это было бы интересно тогда, если бы существовалъ приличный переводъ Зиммеля, пока для незнающихъ нѣмецкаго языка Зиммель есть terra incognita. Зиммель не даетъ вполнѣ удовлетворительнаго рѣшенія вопроса объ отношеніи дифференціаціи общественной и индивидуальной, но толкаетъ мысль въ направленіи не индивидуалистическаго рѣшенія этого вопроса, а для насъ это весьма важно, такъ какъ у насъ замѣчается еще переживаніе міровоззрѣнія, поставившаго во главѣ угла абстрактную личность, находящуюся въ вѣчномъ антагонизмѣ съ общественнымъ развитіемъ.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА,

съ 15-го мая по 15-е іюня 1899 года.

М. Б. Карскій. Пушкинъ въ Тавридѣ. Монографія. Изд. 2-е. Симферополь. 1899. Ц. 25 к.

А. А. Венкстернъ. А. С. Пушкинъ. Біограф. очеркъ. Москва. 1899. Ц. 60 к.

В. Харціевъ. Чтеніе объ А. С. Пушкинѣ въ 100-лѣтнюю годовщину его рожденія. Изданіе Харьк. Комит. народныхъ чтеній. 1899. Ц. 4 к.

Избранныя стихотворенія Пушкина въ переводѣ на еврейскій языкъ Д. Фришмана. Съ портр. и біогр. Пушкина. Спб. 1899.

А. Рождествинъ. А. С. Пушкинъ. Первый русскій народный поэтъ. Казань. 1899. Ц. 20 к.

А. С. Пушкинъ. Въ сельскомъ населеніи и школѣ Ярославской губ. Труды Яросл. статист. губ. комитета. Вып. X.

А. С. Пушкинъ. Русланъ и Людмила. Роскошное юбилейное изданіе Мамонтова. Съ рисунками въ краскахъ Малютина. Москва. 1899.

— Сказка о царѣ Салтанѣ. Изд. Мамонтова. Москва. 1899. Ц. 25 к,

— Капитанская дочка. Изд. Мамонтова. Москва. 1899. Ц. 25 к.

Сборникъ Пушкину. Изд. Кіевскаго педаг. Общества. Кіевъ. 1899. Ц. 1 р. 50 к.

А. С. Пушкинъ. Избранныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Съ портр. и краткимъ біограф. очеркомъ подъ редакц. Трапани. Кишиневъ. 1899. Ц. 1 р. 50 к.

— Бахчисарайскій фонтанъ. Иллюстрир. В. Я. Суреньянцъ. Москва. 1899. Ц. 6 р.

Дж. Гобсонъ. Общественные идеалы Рёскина. Ред. Д. Протопопова.

И. Левитовъ. Ближайшія задачи русской промышленности на крайнемъ Востокѣ. Спб. 1899.

Сборникъ. Поможемъ, чѣмъ можемъ. Въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Казань. 1899. Ц. 40 к.

Я. Б. Зельдовичъ. На чуму. (Впечатлѣнія). Спб. 1899.

Г. С. Десятовъ. Башкирскіе припущенники Пермь. 1899.

Богородицкій. О преподаваніи русскаго языка. Изд. 2-е. Казань. 1899. Ц. 25 к.

И. П. Котляревскій. Вергилева Энеида на малор. языкѣ. Кіевъ. 1898.

N. Z. Гигіена купающихся. II изд. подъ ред. д-ра Лаура. Спб. 1890. Ц. 20 к.

Арт. Шопенгауеръ. О женщинахъ. Спб. 1890. Ц. 30 к.

В. П. Синькевичъ. Грѣхъ. Бытовая комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

Максъ Нордау. Докторъ Конъ. Современная гражданская комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Пер. А. Бурдъ. Харьковъ. 1890. Ц. 1 р.

Г. О. Коварскій. Какъ вскармливать дѣтей до 3-хъ-лѣтняго возраста? Вильна. 1899

Воробьевъ. О выгодахъ травосѣянія на крестьян. надѣльн. земляхъ. Кострома. 1899.

М. Ротшильдъ. Коммерческая энциклопедія. Подъ ред. С. Григовьева. Изданіе Эд. Э. Форселлеса. Вып. III и XII. Спб. Цѣна по подпискѣ 10 р.

С. Н. Терпигоревъ. (С. Атава). Собраніе сочиненій. Ред. С. Н. Шубинскій съ біографич. очерк. и портретомъ автора. Въ 6 т. Изд. Маркса. Спб. 1899. Ц. по подпискѣ 8 руб.

Свѣточи русской поэзіи. Изд. Мамонтова. Москва. 1899. Ц. 40 к.

В. Сысоевъ. Дѣдъ Миронычъ. Изд. Мамонтова. Москва. 1899. Ц. 8 к.

Картины изъ русской природы и быта. Изд. Мамонтова. Москва. 1899. Ц. 15 к.

Ю. Кречетовъ.—В. Сысоевъ. Бѣлочка.—Плотичка. Изд. Мамонтова. Москва. 1899. Ц. 8 к.

У чернокожихъ дикарей. Путешествіе къ источникамъ Нила С. Бэкера съ женой. Съ 34-мя рис. въ текстѣ. Изд. Мамонтова. 1899. Ц. 25 к.

I. Д. Трайль. Общественная жизнь Англіи. Т. VI. Съ 1815 г. до общ. выборовъ 1885 года. Изд. К. П. Солдатенкова. Москва. 1899. Ц. 3 р.

А. Гобсонъ. Джонъ Рёскинъ какъ соціальный реформаторъ. Пер. съ англ. П. Ни-

колаева. Изд. К. П. Солдатенкова. Москва. 1899. Ц. 1 р.

А. Торсое. Исторія нашего столѣтія. 1815—1863, Т. I и т. II 1863—1899 г. Перев. съ дат. М. В. Лучицкой. Изд. С. В. Кульженко. Кіевъ. 1899. Ц. 1 т.—1 р. 75 к.

Г. Бойезенъ. «Фаустъ» Гёте. Комментарій къ поэмѣ. Переводъ Н. В. Арскаго. Спб. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1899. Ц. 1 р. 50 к.

Л. Гумпловичъ. Основы соціологіи. Изд. Поповой. Спб. 1899. Ц. 1 р. 30 к.

М. Л. По поводу экзаменовъ. Москва. 1899. Ц. 25 к.

Эл. Реклю. Земля и люди. Вып. V. Британскіе острова. Полн. пер. съ франц. подъ ред. Коропчевскаго. Изд. Поповой. Спб. 1899. Ц. 2 р.

А. Строевъ. Помирилъ. (Шутки съ куплетами). Н.-Новг. 1899. Ц. 50 к.

А. Клоссовскій. Физическая жизнь нашей планеты на основаніи современныхъ воззрѣній. Одесса. 1899.

Къ дѣлу умиротворенія, возбужденнаго нотою 12 августа 1898 г. Воронежъ. 1899 Ц. 10 к.

Отчетъ Полтавскаго Общества содѣйствія физич. воспитанію дѣтей за 1898 г. Полтава. 1890.

Отчетъ о состояніи Нижегородскаго Кулиб. ремесл. училища за 1898 годъ. Н.-Новгородъ. 1899.

Отчетъ Пензенской Общественной библіотеки имени М. Ю. Лермонтова. Пенза. 1899.

Отчетъ Полтавской Общественной библіотеки за 1898 г. Полтава. 1899.

Отчетъ государствднныхъ сберегательныхъ кассъ за 1897 г. Спб.

Обзоръ Бакинской нефтяной промышленности за 1898 г. Съ прилож. 9-ти діаграммъ, 3-хъ картъ и 3 разр. буровыхъ скважинъ.

Отчетъ о дѣятельности и суммахъ Московскаго Общества грамотности за 1896—1897 г. Москва. 1898.

Д. Кайгородовъ. Наши зимніе пернатые гости. Со мног. рис. Изд. Суворина. Спб. 1899. Ц. 20 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«The soul of a People» by H. Fielding (Benttey and Lou). (Душа одного народа). Книга во многихъ отношеніяхъ заслуживающая вниманія. Авторъ ея обнаруживаетъ большія симпатіи къ буддизму и къ народу, исповѣдующему эту вѣру. Онъ имѣлъ возможность хорошо изучить этотъ народъ, такъ какъ ему пришлось въ теченіе многихъ лѣтъ управлять имъ. Глава «преступленіе и наказаніе» заключаетъ въ себѣ много полезныхъ свѣдѣній для тѣхъ, кому приходится имѣть дѣло съ восточными народами; но для тѣхъ, кто въ особенности интересуется буддизмомъ самую поучительную часть книги, представляетъ та, которая посвящена буддійскимъ монахамъ и монастырямъ. Авторъ, прожившій долго въ Бирманіи, съ большою теплотою отзывается о буддійскихъ монастыряхъ, которые служатъ хранилищемъ знанія, воспитательнымъ учрежденіемъ для дѣтей и чѣмъ-то вродѣ клуба для ихъ родителей, гдѣ они могутъ собираться для бесѣды о разныхъ научныхъ и религіозныхъ предметахъ.

(Athaeneum).

«Mad. Humanity» By Z. Forbes. Wonslow (Arthus Tearson). (Безумное человечество). Извѣстный спеціалистъ по душевнымъ болѣзнямъ, Форбесъ Уинслоу, разсказываетъ въ этой книгѣ свои личныя воспоминанія. Отдѣльныя главы посвящены изслѣдованію отношеній между геніемъ и помѣшательствомъ и связи, существующей между душевными болѣзнями и преступленіями, а также вліяніе пола на психическія заболѣванія. Книга написана очень популярно, такъ что вполнѣ доступна большому кругу читателей.

(Literary World).

«The Land of the Pigmies» by Guy Burrows. With introduction by N. Stanley. (Pearson). (Страна пигмеевъ). Авторъ этого путешествія, служившій въ Конго, посѣтилъ такія мѣста Африки, куда еще не вступалъ ни одинъ бѣлый человѣкъ. Племена, населяющія эту область,—каннибалы, за исключеніемъ пигмеевъ, очень страннаго племени маленькихъ людей, ростомъ не болѣе четырехъ футъ. Очень немногимъ изъ путешественниковъ удавалось видѣть ихъ, но автору посчастливилось въ этомъ отношеніи, такъ какъ онъ прожилъ съ ними довольно долго и имѣлъ возможность основательно познакомиться съ этимъ страннымъ племенемъ, его обычаями и характеромъ.

(Literary World).

«Les Congrès ouvriers en France, (1876—1896) par Léon de Seilhac. (Armand Collin). (Рабочіе конгрессы во Франціи). Эта книга можетъ служить прекраснымъ руководствомъ для всѣхъ, интересующихся исторіей рабочаго движенія во Франціи, такъ какъ она представляетъ подробный анализъ преній, рѣчей и вопросовъ, поднимавшихся на рабочихъ конгрессахъ.

(Journal des Débats).

«The Morality of Marriage and other Essaysenthe Destiny and Status of Woman. By Mona Caird (George Redmay). (Нравственность брака; изслѣдованіе судьбы и положеніи женщины). Нѣсколько лѣтъ тому назадъ авторъ этой книги, мистриссъ Мона Кэрдъ, возбудила на столбцахъ газеты «Daily Telegraph» вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли считать бракъ ошибкой? Общественное мнѣніе занялось этимъ вопросомъ и обнаружило многія темныя стороны брака, какъ государственнаго учрежденія. Въ своей книгѣ мистриссъ Мона Кэрдъ подвергаетъ всестороннему изслѣдованію вопросъ о бракѣ и положеніи женщины въ семьѣ и передъ закономъ.

(Literary World).

«Indian Village Folk; their works and Ways» Being a Series of Sketches of Life in the Villages of India. By T. B. Tandian (Elliot Stock's). (Сельское населеніе въ Индіи). Авторъ этой книги—индусъ, но христіанинъ. Его очерки сельской жизни въ Индіи чрезвычайно интересны и написаны очень живо.

(Literary World).

«The Encyclopedia of Social Reform» by W. Bliss (Funk and Wagnalls). (Энциклопедія соціальной реформы). Чрезвычайно полезная книга, заключающаяся на 1400 страницахъ компактнаго текста самыя подробныя свѣдѣнія обо всемъ, что касается соціальныхъ движеній и вопросовъ, интересующихъ всѣ цивилизованные народы. Вотъ вкратцѣ перечень вопросовъ, которымъ посвящены статьи «Энциклопедіи»: политическая экономія и политика, соціализмъ, криминологія, законы о бѣдныхъ, рабочіе союзы (Trade Union), монетный вопросъ, женскій вопросъ, протекціонизмъ и свобода торговли, негритянскій вопросъ и т. д. (Literary World).

«The Romance of Colonisation» (S. W. Tartridge and C°). (Романъ колонизаціи). Два новыхъ тома этой серіи заключаютъ въ себѣ исторію колонизаціи Америки и Индіи, написанную очень популярно и интересно. (Literary World).

«Journalism for Women» a practical Guide. By E. A. Bennett (John Zane). (Журнализмъ для женщинъ; практическій руководитель). Авторъ этой небольшой книги даетъ практическіе совѣты женщинамъ, готовящимся выступить на поприщѣ журналистики, посвящаетъ ихъ во всѣ тайны этой профессіи, знакомитъ съ пріемами журналистовъ, съ требованіями современнаго журнализма и со всѣмъ тѣмъ, что необходимо знать для успѣха въ журналистикѣ.

(Literary World).

«The Dungeons of old Paris: Being the Story an Romance of the most celebrated Prisons of the Monarchy and the Revolution. By Tigne Hopkins. (Putnam's Sons). Чрезвычайно любопытная исторія наиболѣе знаменитыхъ старинныхъ тюремъ временъ французской монархіи и революціи. Авторъ, на основаніи историческихъ документовъ, сообщаетъ разные эпизоды и описываетъ ужасы тюремъ Бисетръ, Бастиліи, Сентъ Пелажи и др. Разсказы эти полны драматизма и читаются съ захватывающимъ интересомъ. (Literary World).

«Les religions comparées au point de vue sociologique» par Masul de Grasserie. (Религія съ соціологической точки зрѣнія. Авторъ разсматриваетъ религію какъ науку и находитъ, что вмѣстѣ съ философіей и синтезомъ позитивныхъ наукъ, она должна завершить серію наукъ и увѣнчать ее. Религія, по его мнѣнію, представляетъ высшую соціологію, которая охватываетъ обширнѣйшую область, куда входятъ и люди и космическія тѣла, поэтому авторъ называетъ религію «космосоціологіей». Оригинальность выводовъ и точки зрѣнія автора придаетъ его книгѣ особенный интересъ.

(Journal des Débats).

«The Battle of the Press, as told in the story of the Life of Richard Carlile» by his daughter Theophila Carlile Campbell. London (Aand H. B. Bonnes). Битва печати разсказанная въ исторіи жизни Ричарда Карлейля). Въ этой біографіи Ричарда Карлейля, написанной его дочерью, разсказывается исторія борьбы за торжество идей либерализма въ Англіи. Трудно представить себѣ теперь, когда свобода слова окончательно установлена въ Англіи, чтобы въ 1842 г. могли сажать въ тюрьму на основаніи совершенно неопредѣленныхъ обвиненій въ атеизмѣ. Такая участь постигла мистера Голлока, единственнаго изъ остающихся въ живыхъ бывшихъ товарищей Ричарда Карлейля, но Ричарду Карлейлю пришлось не разъ за свою жизнь испробовать сладость тюремнаго заключенія. Въ 1819 году онъ былъ посаженъ въ тюрьму за опубликованіе рѣзкаго памфлета противъ Манчестерскихъ убійствъ и за изданіе сочиненій Томаса Пена. Во второй разъ его обвинили въ атеизмѣ и засадили въ тюрьму на шесть лѣтъ. Его дочь яркими чертами изображаетъ эту постоянную борьбу, которую велъ ея отецъ съ торійскою реакціей и очень трогательно описываетъ его домашнюю жизнь. Чтобы имѣть возможность говорить публично на открытомъ воздухѣ, Карлейль записался въ проповѣдники. Это было не болѣе какъ военною хитростью и хотя усилило предубѣжденія противъ него, но также усилило его и популярность; онъ сдѣлался настоящимъ героемъ романа, о которомъ распространялись легенды. Но толпа его слушателей относилась къ нему съ величайшимъ уваженіемъ и даже обожаніемъ. (Daily News).

«Weltgeshichte» heraus gegeben von Hans Helmolt. I. Die Vorgeschichte der Stille Ocean. von D-r Helmolt, D-r Kohler, Prof. Ratsel, Prof. Ranke, Prof. Haebler, Graf Wilezek, D-r K. Weule. Leipzig und Wien. Bibliographisches Institut. 1899. (Исторія міра. Часть первая: Первобытная исторія Тихаго Океана). Всеобщая исторія, изданіе которой предпринято Гельмольтомъ, отличается отъ всѣхъ подобныхъ изданій по обширности своего плана и замысла, такъ какъ эту исторію предполагается сдѣлать наиболѣе полной и наиболѣе научной. Исторія коснется всего человѣчества и начинается съ самыхъ отдаленныхъ временъ. Первый томъ занимается въ началѣ появленіемъ на землѣ человѣка и резюмируетъ всѣ наши современныя познанія о періодѣ, который носитъ названіе доисторическаго. Слѣдующія главы посвящены сѣверной и южной Америкѣ и Тихому Океану. Чтобы не забыть ни одной расы и ни одного народа авторы строго придерживаются географическаго порядка въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ.

(Frankfurter Zeitung).

«Les morts qui parlent» par E. M. de Voguë. (Мертвые говорятъ). Авторъ изображаетъ подъ видомъ романа всю исторію современной Франціи, описывая дѣйствительныя событія, но заставляя дѣйствовать вымышленныхъ лицъ. Всѣ его герои являются воплощеніемъ соціальныхъ и политическихъ группъ, идей, возмущающихъ современное общество и отражающихся на трибунѣ и порою въ уличныхъ демонстраціяхъ. Передъ читателемъ развертывается картина исторіи современной Франціи и онъ слышитъ какъ «Мертвые говорятъ». Вымышленные герои дѣйствительныхъ событій—это живыя лица, заинтересовывающія читателя и заставляющія его переживать вмѣстѣ съ ними всевозможныя перипетіи французской жизни.

(Revue de Paris).

«Among the Celestials» by Captain Francis Younghusband (John Murray) London (Среди жителей Небесной Имперiи). Авторъ описываетъ свое путешествіе по Китаю, очень богатое всякаго рода инцидентами. Европейскому путешественнику приходится подвергаться многимъ испытаніямъ въ этой интересной странѣ и запастись мужествомъ и терпѣніемъ, чтобы перенести всѣ лишенія и опасности, которыя встрѣчаютъ его на пути. Европейцу приходится много страдать и отъ назойливаго любопытства, и отъ враждебности низшихъ классовъ населенія Небесной Имперіи, и не меньше отъ всякаго рода насѣкомыхъ, изобилующихъ въ лѣсахъ, и отъ недостатка хорошей пищи, такъ какъ китайскій столъ разсчитанъ далеко не на всѣ вкусы. Высшіе классы въ Китаѣ, однако, отличаются большою вѣжливостью съ иностранцами, но обнаруживаютъ въ то же время замѣчательное невѣжество въ отношеніи всего, что находится за предѣлами ихъ страны и не имѣютъ никакого понятія о Европѣ и европейскихъ дѣлахъ, но зато чрезвычайно любятъ ученые диспуты о философскихъ предметахъ. (Athaeneum).

«Myth, Ritual and Religion» by Andrew Lang, in two volumes (Longmans, Green and C°) New edition. (Миѳъ, обрядность и религія). Въ предисловіи къ этому новому изданію своего сочиненія авторъ отвѣчаетъ на нѣкоторыя возраженія, сдѣланныя ему критиками. По его мнѣнію вопросъ о происхожденіи религій до сихъ поръ остается открытымъ, но несомнѣнно, что у всѣхъ дикихъ первобытныхъ народовъ можно отыскать во всѣхъ миѳахъ и суевѣріяхъ ядро сравнительно чистыхъ, хотя и не ясно выраженныхъ религіозныхъ вѣрованій. Человѣчество всегда имѣло склонность примѣшивать разныя фантастическія легенды къ первоначальной религіозной идеѣ и совершенно заслонять такимъ образомъ ея происхожденіе. Для этнологовъ и фольклористовъ книга Эндрью Линга представляетъ громадный интересъ, такъ какъ въ ней собранъ очень богатый матеріалъ по всѣмъ этимъ вопросамъ. (Literary World).

«Viaggio di un fisiologo intorno al mondo» «Guilio Fano», Milan. (Путешествіе физіолога вокругъ свѣта). Итальянскій физіологъ Фано описываетъ свое кругосвѣтное путешествіе, примѣшивая къ наблюденіямъ туриста выводы и заключенія ученаго. Особенный интересъ представляютъ страницы, посвященныя Индіи и, главнымъ образомъ, Венаресу. (Revue Internationale).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ И ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ

и проч., и проч., и проч.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Сего іюня въ 28 день скончался въ Абасъ-Туманѣ возлюбленный Братъ Нашъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Георгій Александровичъ. Болѣзнь, постигшая Его Императорское Высочество, могла еще, казалось, уступать дѣйствію предпринятаго лѣченія и вліянію южнаго климата, но Богъ судилъ иначе. Покоряясь безропотно промыслу Божію, Мы призываемъ всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ раздѣлять съ Нами душевную скорбь Нашу и усердныя моленія о упокоеніи души почившаго Нашего Брата.

Отнынѣ, доколѣ Господу не угодно еще благословить Насъ рожденіемъ Сына, ближайшее право наслѣдованія Всероссійскаго Престола на точномъ основаніи основного Государственнаго Закона о престолонаслѣдіи, принадлежитъ Любезнѣйшему Брату Нашему Великому Князю Михаилу Александровичу.

Данъ въ Петергофѣ въ 28-й день іюня, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ девяносто девятое, царствованія же Нашего въ Пятое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«НИКОЛАЙ».

---

28 іюня, въ 9 часовъ утра, Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Георгій Александровичъ выѣхалъ на прогулку на велосипедѣ съ бензиновымъ двигателемъ изъ Абасъ-Тумана, по направленію къ Зегарскому перевалу. Слѣдуя очень быстро, Его Императорское Высочество проѣхалъ около двухъ верстъ и потомъ повернулъ назадъ. Шедшая по пути слѣдованія Цесаревича молоканка Анна Дасаева увидала, какъ Наслѣдникъ, возвращаясь, замедлилъ движеніе велосипеда, отплевывая густую кровь; затѣмъ Его Высочество остановилъ ходъ и, сойдя съ велосипеда, пошатнулся. Подбѣжавъ, Дасаева поддержала Его Высочество, со словами: «Что съ Вами?» Наслѣдникъ Цесаревичъ отвѣтилъ: «ничего»,—а на предложеніе

воды знакомъ руки изъявилъ согласіе. Тогда Дасаева, опустивъ поддерживаемаго ею Великаго Князя на землю, стала освѣжать Ему водою голову и ротъ; тутъ же послѣдовала кончина Наслѣдника Цесаревича, тихо и безъ страданій. Тѣло въ Бозѣ почившаго Наслѣдника Цесаревича было доставлено во дворецъ, а мѣсто кончины обнесено рѣшеткою. («Правит. Вѣстникъ»).

Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ и Великій Князь Михаилъ Александровичъ — третій сынъ въ Бозѣ почивающаго Императора Александра III и Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Его Императорское Высочество родился въ С.-Петербургѣ, въ Собственномъ Его Величества (Аничковскомъ) Дворцѣ, 22 ноября 1878 года. При рожденіи Онъ былъ назначенъ шефомъ 129 пѣхотнаго Бессарабскаго полка и при святомъ крещеніи въ Бозѣ почивающій Императоръ Александръ II возложилъ на Него знаки Царскаго ордена Св. Равноапостольнаго Андрея Первозваннаго.

Воспитаніе и первоначальное образованіе Его Императорское Высочество получилъ въ семейномъ кругу Своихъ Августѣйшихъ Родителей, а затѣмъ былъ зачисленъ въ число юнкеровъ Михайловскаго артиллерійскаго училища, гдѣ подготовлялся къ службѣ въ артиллеріи. Въ прошломъ году, во время большихъ маневровъ, Онъ окончилъ курсъ училища. Въ дни празднованія пятидесятилѣтія со дня назначенія Августѣйшаго Генералъ-Фельдцейхмейстера Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича шефомъ л.-г. 2-й артиллерійской бригады, волею нынѣ царствующаго Императора Николая II Великій Князь Михаилъ Александровичъ былъ назначенъ вторымъ шефомъ л.-г. 2-й артиллерійской бригады. До этого Его Императорское Высочество, какъ близко интересующійся успѣхами электротехники, принялъ на себя, съ разрѣшенія Государя Императора, званіе Августѣйшаго покровителя электротехническаго института. Проходя военную службу въ артиллеріи, Его Императорское Высочество, наравнѣ съ прочими юнкерами Михайловскаго артиллерійскаго училища, принималъ участіе не только въ лагерныхъ занятіяхъ въ Красномъ Селѣ, но и несъ тяжелую службу во время большихъ маневровъ, совершая большіе переходы вмѣстѣ съ училищемъ. Великій Князь Михаилъ Александровичъ совершалъ довольно часто образовательныя путешествія по Россіи, а также не разъ сопровождалъ Своихъ Августѣйшихъ Родителей въ путешествіяхъ по Россіи, финляндскимъ шхерамъ и за границею. Въ прошломъ году Онъ предпринялъ спеціальную поѣздку въ Юго-Западный край для ознакомленія съ крѣпостями. 6 мая 1899 года Великій Князь Михаилъ Александровичъ, какъ достигшій совершеннолѣтія, приносилъ въ церкви Царскосельскаго Большого Дворца присягу на вѣрность службы Государю Императору и Отечеству и въ тотъ же день Государемъ Императоромъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ. Въ силу Высочайшаго Манифеста, ближайшее право наслѣдованія Всероссійскаго Престола, на точномъ основаніи основного Государственнаго Закона о престолонаслѣдіи, стало принадлежать Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Александровичу, и съ этого же дня Великій Князь Михаилъ Александровичъ, какъ Государь Наслѣдникъ, сталъ Атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ, оставаясь въ то же время шефомъ 129 пѣхотнаго Бессарабскаго полка и вторымъ шефомъ л.-гв. 2-й артиллерійской бригады («С.-Петерб. Вѣд.»).

Годъ VIII-й. № 8-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

АВГУСТЪ

1899 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43)
1899.

Дозволено цензурою 24-го іюля 1899 г. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Высочайшій Манифестъ.—Кончина Е. И В. Наслѣдника Цесаревича Георгія Александровича. — Е. И. В. Государь Наслѣдникъ и Великій Князь Михаилъ Александровичъ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Статистика и ея значеніе для современнаго общества *).

Говоря о статистикѣ, мы подразумѣваемъ въ настоящее время главнымъ образомъ 2 понятія. Въ 1) методъ систематическихъ числовыхъ наблюденій надъ массами; этотъ методъ проникъ уже, какъ извѣстно, въ большинство наукъ, и далъ почти повсюду блестящіе результаты. Во 2) подъ статистикой понимаютъ особую науку, пользующуюся вышеупомянутымъ методомъ для изслѣдованія явленій общественной жизни, для выясненія замѣчающейся при этомъ регулярности и закономѣрности явленій и установленія ихъ причинъ.

Однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ для нашей науки, какъ и для всѣхъ другихъ наукъ, является вопросъ объ ея зачаткахъ и дальнѣйшемъ развитіи.

Особенно ревностные приверженцы старались доказать, что статистика столь же давняго происхожденія, какъ утро народовъ и государствъ. «Est scientia perantiqua ante magnam annorum seriem cogitata», отвѣтилъ Goes туринской академіи, предложившей въ 1803 г., въ видѣ темы для полученія преміи, вопросъ, новая ли наука статистика? **).

При этомъ важно, конечно, прежде всего точно установить, что слѣдуетъ понимать подъ словомъ наука. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что насколько хватаютъ наши историческія свѣдѣнія почти повсюду можно отыскать факты, доказывающіе, что статистическія свѣдѣнія добывались почти во всѣ времена. Не менѣе достовѣренъ и тотъ фактъ, что статистическія наблюденія служили подчасъ государственнымъ людямъ древнихъ временъ *основой* для ихъ законодательныхъ актовъ. Такіе отрывочные факты, какъ ихъ повсюду можно встрѣтить, не даютъ однако ни въ коемъ случаѣ достаточнаго основанія

---

*) Статья эта представляетъ извлеченіе изъ вступительной лекціи, читанной 22-го октября 1898 года. Характеръ публики, состоявшей изъ слушателей всѣхъ факультетовъ, требовалъ, чтобы все, что не является общепризнаннымъ достояніемъ статистической науки, было оставлено, по возможности, въ сторонѣ. Со образно съ этимъ читатель найдетъ въ нижеслѣдующихъ строкахъ многочисленныя цитаты и указанія на труды извѣстныхъ статистиковъ, тогда какъ собственные взгляды и личныя пожеланія автора поставлены на задній планъ.

**) Ср. J. Wörl, «Erläuterungen zur Theorie der Statistik», S. 32.

для того, чтобы считать какую-либо отрасль знанія *древней наукой*. Это станетъ вполнѣ понятнымъ, если мы вспомнимъ, что подъ наукой понимается обыкновенно цѣлая система познаній и основательное изученіе причинной связи между многочисленными явленіями въ извѣстной области, а не кое-какъ и безпринципно-скомпилированные аггрегаты не систематизированныхъ наблюденій *).

Вышеприведенное служитъ достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы рѣшить нашъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что статистика никоимъ образомъ не можетъ быть названа древней наукой. Я не могу остановиться здѣсь подробно на интересныхъ десятки лѣтъ длившихся спорахъ о томъ, заслуживаетъ-ли современная статистика вообще названія самостоятельной науки и о томъ, какое мѣсто должно быть ей въ этомъ случаѣ отведено въ ряду другихъ наукъ.

Весьма интереснымъ является въ этомъ отношеніи мнѣніе, высказанное «Британской ассоціаціей» въ 1833 г. въ Кембриджѣ. Ассоціація эта рѣшила признать статистику наукой подъ условіемъ, чтобы въ ея трудахъ впредь избѣгались всякія гипотетическія спекуляціи и все то, что не носитъ вполнѣ позитивнаго характера **).

Мы отмѣтили уже, что подъ статистикой въ настоящее время понимаютъ науку, пользующуюся методомъ систематическихъ числовыхъ наблюденій для изслѣдованія явленій общественной жизни, для выясненія замѣчающейся при этомъ регулярности (Regelmässigkeit) и закономѣрности (Gesetzmässigkeit) явленій и установленія ея причинъ. Для избѣжанія всякихъ недоразумѣній я позволю себѣ сказать еще нѣсколько словъ о значеніи понятій *регулярность* и *закономѣрность*.

Различіе между этими двумя понятіями легче всего постичь при противопоставленіи понятію «регулярность» такъ часто употребляемаго въ естественныхъ наукахъ термина гипотеза, понятію «закономѣрность» термина—теорія. Различіе заключается, слѣдовательно, въ томъ, что установленіе закономѣрности явленій представляетъ собой болѣе высокую ступень теоретическаго познанія, нежели установленіе регулярностей.

Въ нашемъ изложеніи мы будемъ не разъ имѣть случай наблюдать, какъ различныя поступки отдѣльныхъ личностей, которые, какъ казалось, совершались вполнѣ произвольно, въ дѣйствительности были вызваны извѣстными внѣшними обстоятельствами. Мы увидимъ, напр., что на 1000 особъ того же возраста въ одной и той же странѣ—поскольку не произошло существенныхъ перемѣнъ во внѣшнихъ обстоятельствахъ—ежегодно приходится почти одно и тоже число смертныхъ случаевъ. Мы увидимъ далѣе, что въ спокойныя въ экономическомъ и политическомъ отношеніи эпохи на 1000 способныхъ къ дѣторожденію

*) Тамъ же стр. 32 и слѣд.

**) Сравн. E. Morpurgo, «Die Statistik und die Sozialwissenschaften», Jena 1877 стр. 27 и слѣд.

женщинъ извѣстной націи ежегодно приходится приблизительно одно и тоже число рожденій. Далѣе, что на 1000 рожденій—поскольку не случатся необыкновенныя событія, ежегодно приходится приблизительно тотъ же процентъ мертворожденныхъ, и что въ извѣстной странѣ почти изъ году въ годъ извѣстные мѣсяцы или времена года отличаются наибольшей смертностью дѣтей, что кривыя, изображающія собой смертность отъ различныхъ болѣзней въ извѣстные мѣсяцы разныхъ годовъ пробѣгаютъ приблизительно одинъ и тотъ-же путь и т. д. безъ конца.

Намъ станетъ послѣ этого яснымъ, что если и кажется, будто каждый изъ насъ воленъ лишить себя жизни, совершить или не совершить кражу, жениться, имѣть дѣтей и т. д., то для всего человѣчества или для отдѣльныхъ классовъ его существуетъ, въ силу воздѣйствія внѣшнихъ, часто даже не сознаваемыхъ нами моментовъ, извѣстное принужденіе къ совершенію тѣхъ или другихъ поступковъ, слѣдствіемъ чего и являются вышеупомянутыя нами регулярности и закономѣрности.

Въ исторіи статистики можно отмѣтить даже періоды, въ которые представители ея склонны были объяснять правильность и закономѣрность общественной жизни либо выраженіемъ божественной воли, либо особыми законами природы. Извѣстнѣйшимъ представителемъ перваго воззрѣнія былъ прусскій полковой священникъ Johann Peter Süssmilch, издавшій въ 1741 г. трудъ подъ заглавіемъ «Божественный порядокъ въ измѣненіяхъ человѣческаго рода, доказанный при помощи рождаемости, смертности и т. д.»

Согласно господствующему въ настоящее время мнѣнію, произведеніе это слѣдуетъ считать однимъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ исторіи развитія статистики, въ современномъ смыслѣ этого слова *). Какъ особую заслугу Süssmilch'а слѣдуетъ отмѣтить его постоянное стремленіе ссылаться, при установленіи закономѣрности явленій, на многочисленныя лично имъ для разныхъ мѣстностей собранныя данныя о рожденіяхъ, смертныхъ случаяхъ и бракахъ. Зная, какимъ убѣжденнымъ теологомъ былъ Süssmilch, мы едва ли станемъ удивляться названію «Божественный порядокъ», данному имъ этой закономѣрности явленій.

Извѣстнѣйшимъ представителемъ второго направленія, согласно которому жизнь народовъ подчинена вліянію извѣстныхъ природныхъ законовъ, былъ почти на 100 лѣтъ позже жившій бельгіецъ Quetelet, труды котораго привлекали къ себѣ долгое время не только вниманіе ученаго міра, но и вниманіе широкихъ слоевъ читающей публики.

Человѣческое общество должно, по его мнѣнію и по мнѣнію нѣко-

---

*) Сравни Georg Mayr, «Die Gesezmässigkeit in Gesellschaftsleben», München 1877, стр. 221.

торыхъ его учениковъ, предъявлять ежегодно опредѣленный бюджетъ преступленій, проступковъ, самоубійствъ, бракосочетаній и т. д., и т. д. Представители этого направленія склонны, какъ это, между прочимъ, удачно выражено Mayr'омъ, разсматривать совокупность статистически наблюдаемыхъ индивидуальныхъ поступковъ, какъ сборъ единичныхъ взносовъ для составленія какъ бы заранѣе опредѣленнаго бюджета.

За недостаткомъ мѣста мы не можемъ останавливаться здѣсь дольше на вопросѣ о свободѣ или несвободѣ человѣческой воли, тѣмъ болѣе что вопросъ этотъ можно скорѣе причислить къ области философіи, чѣмъ статистики. Достаточно констатировать, что точка зрѣнія, защищаемая Кетле въ его произведеніи «Antropometrie, ou mésure des différentes facultés de l'homme», согласно которой въ законахъ, управляющихъ міромъ, все такъ разумно установлено, что человѣкъ, повинуясь имъ, полагаетъ, будто имъ руководитъ въ его поступкахъ исключительно его личная воля,—что эта точка зрѣнія въ послѣднее время рѣдко кѣмъ-либо защищается. Громадное большинство статистиковъ придерживается въ настоящее время мнѣнія, что человѣкъ обладаетъ лишь очень ограниченной свободой воли.

Эта точка зрѣнія мѣтко характеризуется извѣстнымъ итальянскимъ статистикомъ Бодіо при помощи слѣдующаго примѣра: «Личность свободна,—говоритъ Бодіо,—и можетъ поступать такъ или иначе, но и общество имѣетъ свои законы самосохраненія и развитія... Личность—сама себѣ господинъ, но и человѣчество идетъ своей дорогой. Въ виду этого послѣдняго факта индивидуумъ находится въ такомъ же положеніи, какъ путешественникъ, которому позволено бродить по палубѣ парохода, но строго запрещено безпокоить какимъ бы то ни было образомъ команду» *).

Для обоснованія вышеприведеннаго конкретнымъ примѣромъ, достаточно упомянуть здѣсь о бракосочетаніяхъ, при заключеніи которыхъ индивидуумъ, повидимому, дѣйствуетъ совершенно по своей волѣ. Прежде всего, какъ извѣстно, почти во всѣхъ государствахъ личности, желающей вступить въ бракъ предписывается извѣстный возрастъ, до достиженія котораго бракосочетаніе ей не разрѣшается. Обладаетъ наблюдаемая нами личность надлежащимъ возрастомъ, тогда ей представляется возможность, по скольку дѣло идетъ о мужчинѣ, который въ этомъ отношеніи, какъ извѣстно, несравненно свободнѣе женщины, осмотрѣться между бракоспособными и желающими вступить въ бракъ дѣвицами, вдовами и разведенными женщинами. Онъ ограниченъ, такимъ образомъ, вдвойнѣ въ своихъ дѣйствіяхъ. Во-первыхъ, волей женщины, которая ему нравится, и во-вторыхъ тѣмъ—фактомъ, что, даже въ случаѣ обоюднаго согласія, женитьба на особѣ, находящейся уже замужемъ, сопряжена, какъ извѣстно, съ большими за-

*) Ср. Morpurgo, Die Statistik und die Socialwissenschaften, стр. 65.

трудненіями. Если, слѣдовательно, выборъ уже самъ по себѣ вещь не легкая, то вступленіе въ бракъ и того труднѣе. Желающій вступить въ бракъ начинаетъ обыкновенно обсуждать свое положеніе, т. е., съ одной стороны, свое отношеніе къ родным въ частности и къ родственникамъ вообще, съ другой стороны, величину и, что еще важнѣе, обезпеченность своихъ доходовъ и, наконецъ, свои физическія и умственныя качества и наклонности. Чѣмъ больше онъ поддается вліянію результатовъ своихъ размышленій и чѣмъ больше практическіе, этическіе, соціально-политическіе и другіе принципы вліяютъ на него, тѣмъ болѣе ему придется ограничиться небольшимъ кругомъ женщинъ. Подчасъ, пожалуй, ему придется и совсѣмъ отказаться отъ мысли вступить въ бракъ *).

Мы должны нѣсколько подробнѣе остановиться здѣсь на понятіи «законъ», такъ какъ этому выраженію въ естественныхъ наукахъ придается отчасти совсѣмъ иной смыслъ, чѣмъ въ статистикѣ и родственныхъ ей соціальныхъ наукахъ. Главное вспомогательное средство естественныхъ наукъ—экспериментъ—можетъ примѣняться въ соціальныхъ наукахъ и въ статистикѣ лишь въ весьма ограниченной мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ въ формѣ дифференціаціи.

Въ то время какъ физикъ при установленіи моментовъ, вліяющихъ на паденіе тѣлъ, имѣетъ возможность выкачать изъ наблюдаемаго сосуда воздухъ, чтобы уменьшить такимъ путемъ сопротивленіе, никакой статистикъ не въ состояніи, понятно, при изслѣдованіи вліянія повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ на преступность, устранить вліянія остальныхъ содѣйствующихъ факторовъ. Онъ не можетъ, напр., устранить послѣдствія имѣвшей мѣсто войны, превратить неурожай въ средній урожай, устранить какія-нибудь эпидеміи и т. д., и т. д. Общественная жизнь является настолько сложнымъ явленіемъ, что здѣсь никогда нельзя предсказать заранѣе, идетъ ли дѣло объ одномъ, двухъ или многихъ воздѣйствующихъ факторахъ. Мы видимъ здѣсь, наоборотъ, часто цѣлыя дюжины перекрещивающихся вліяній, изъ которыхъ многія отличаются кромѣ того непостоянствомъ, не будучи въ состояніи даже оцѣнить вліянія большинства изъ нихъ.

Мыслимо ли было бы, напр., изслѣдовать исключительно статистическимъ путемъ вліяніе образованія, воспитанія, умственныхъ способностей, моральныхъ воззрѣній и т. п. на производительность труда у различныхъ народовъ? Мы, вѣдь, не въ состояніи задавать при народныхъ переписяхъ населенію вопросы вродѣ слѣдующихъ: прилежны ли вы, воздержны ли, умны ли, и, если да, въ какой степени? Столь же малый успѣхъ имѣли бы наши освѣдомленія, если бъ мы пожелали опросить населеніе какой нибудь страны о томъ, порядоченъ ли образъ его жизни, много ли совершено имъ наказанныхъ и оставшихся безна-

*) Сравни «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», VI томъ, стр. 296.

казанными преступленій и проступковъ, нравственно ли оно и т. д. Нельзя, конечно, оспаривать того, что отдѣльныя личности и еще болѣе различныя національности чрезвычайно отличаются другъ отъ друга своими наклонностями и нравами, степенью прилежанія и воздержанности, своими нравственными возрѣніями, образомъ жизни и т. д., и т. д. Намъ не хватаетъ однако простыхъ, легко познаваемыхъ примѣтъ, при помощи которыхъ было бы возможно точное установленіе этихъ качествъ исключительно статистическимъ путемъ *). Статистикъ не въ состояніи, въ виду всего этого, въ противоположность естествоиспытателю, ни выключить побочно воздѣйствующіе моменты, ни оцѣнить ихъ вліяніе иногда даже приблизительно; потому что при безконечности и многосторонности общественной жизни, при постоянно мѣняющемся отношеніи отдѣльной личности къ цѣлому, какъ справедливо говоритъ Engel, мы не имѣемъ почти никакихъ средствъ для произвольнаго измѣненія обстоятельствъ, для искусственнаго воспроизведенія извѣстныхъ явленій, для наблюденія ихъ при взаимномъ вліяніи или въ изолированномъ видѣ отъ другихъ, хорошо намъ знакомыхъ явленій, и, наконецъ, для того, чтобы заставить эти явленія повториться. Въ жизни общества каждое новое явленіе не есть повтореніе чего бы то ни было стараго. Находясь подъ вліяніемъ дюжинъ извѣстныхъ и не извѣстныхъ вліяній, оно является сегодня въ одномъ, завтра въ иномъ освѣщеніи **).

Законовъ въ томъ смыслѣ, какъ ихъ понимаютъ въ естественныхъ наукахъ, т. е. законовъ, являющихся выраженіемъ постоянныхъ, во всѣхъ единичныхъ случаяхъ проявляющихся воздѣйствій извѣстныхъ силъ, въ статистикѣ не имѣется, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ случаевъ, когда соціальныя явленія скрываютъ въ себѣ сильные, чисто природные элементы (какъ, напр., при перевѣсѣ мальчиковъ среди новорожденных!!). То же, что обыкновенно называется статистическимъ закономъ, есть не что иное, какъ законъ вѣроятности (Wahrscheinlichkeitsgesetz), какъ высшая форма закономѣрности явленій.

Весьма характеристичнымъ слѣдуетъ въ виду этого считать то обстоятельство, что желаніе примѣнить статистическій методъ въ случаяхъ, гдѣ онъ совершенно непримѣнимъ, вмѣстѣ съ стремленіемъ выразить результатъ наблюденій при помощи чиселъ и, при случаѣ провозгласить эти результаты закономѣрностью, а то и закономъ, повредило статистикѣ, быть можетъ, больше, чѣмъ какое-нибудь другое обстоятельство. Какъ далеко многіе заходили въ злоупотребленіи статистикой, можно косвеннымъ образомъ заключить изъ того, что долгое время сочинители комедій, желая представить публикѣ смѣшную и

*) Ср. Georg Mayr. «Die Gesetzmässigkeit im Gesellschaftsleben», стр. 19.

**) Ср. D-r E. Engel, «Die Volkszählungen ihre Stellung zur Wissenschats» etc· «Zeitschrift der preussischen Statistischen Bureaus 1862, стр. 26.

жалкую личность, не находили для таковой болѣе подходящаго занятія, какъ занятіе статистикой. Многочисленныя доказательства вышесказаннаго приводитъ, между прочимъ, Alfred de Foville въ своемъ небольшомъ трудѣ: «Statistique et ses ennemis». Онъ разсказываетъ здѣсь, напр., что Labiche въ своемъ водевилѣ «Les vivacités du capitaine Tie» противопоставилъ своему герою-офицеру комическую фигуру нѣкоего Célestin Magis, секретаря статистическаго общества въ Vierzon'ѣ, который похваляется тѣмъ, что между прочими великими подвигами ему удалось подсчитать число вдовъ, проходившихъ въ 1860 г., по одному изъ парижскихъ мостовъ—по Pont-Neuf. Число этихъ вдовъ равнялось по его вычисленіемъ 13.498. Сверхъ того имѣлась еще одна персона, о семейномъ положеніи которой знаменитый статистикъ остался въ сомнѣніи. Въ другой комедіи мы встрѣчаемъ достойнаго коллегу Celestin Magis'а, знаменитаго Ponthérisson'а, который долгое время работалъ надъ разрѣшеніемъ вопроса, сколько женатыхъ личностей приходится въ его департаментѣ на квадратную милю? Его вычисленія показали, что на кв. милю приходилось $16^1/_2$ женатыхъ мужчинъ и $17^3/_4$ замужнихъ женщинъ. Пользуясь этими данными, Ponthérisson позволяетъ себѣ сдѣлать въ высшей степени важный выводъ, что для установленія равновѣсія на каждой кв. милѣ $1^1/_2$ мужчины должны пожениться на $2^3/_4$ женщинъ.

Въ еще болѣе забавномъ видѣ рисуетъ статистика Louis Reybaud въ своей комедіи «Jérome Paturot». Его статистикъ, членъ «Institut de France» хочетъ посвятить въ тайны своей профессіи простодушнаго филистера.

«Во всей Франціи,—объясняетъ онъ ему,—нѣтъ человѣка, который могъ бы привести въ движеніе мизинецъ своей руки, безъ того, чтобы это стало намъ извѣстнымъ. Намъ извѣстно число свѣжихъ яицъ, поѣдаемыхъ каждое утро. Мало того, мы можемъ даже подсчитать сколько находится птицъ въ воздухѣ и рыбъ въ водѣ. Въ мірѣ нѣтъ вообще ничего, что могло бы укрыться отъ нашего взгляда». Простякъ-собесѣдникъ, котораго нашъ ученый желалъ привлечь на лоно статистики, пугается понятно и объявляетъ себя неспособнымъ къ такому напряженію своихъ умственныхъ силъ. Статистикъ не унываетъ, однако, и старается успокоить трусливаго филистера слѣдующими разсужденіями: «Это сущіе пустяки, любезный коллега! Вы привыкнете къ этому со временемъ. Необходимо, собственно говоря, только немного самоувѣренности! Вы говорите, напр., въ Испаніи собираются 3.500.300.000 съ половиной сноповъ... Обратите вниманіе на эту *половину*: она необходима, такъ какъ служитъ пробнымъ камнемъ всякаго точнаго вычисленія. Эта половина снопа завоюетъ тотчасъ же сердца публики. Обратите вниманіе, скажутъ, на эту точность! Эти люди высчитываютъ вѣдь все до мельчайшихъ дробей. Вашу цифру станутъ съ этого момента считать равной изреченію изъ евангелія. Этой половиной снопа вы пріобрѣтете больше довѣрія, чѣмъ 3 милліардами».

Несмотря на всѣ преувеличенія, во всѣхъ этихъ разсказахъ кроется много правды, такъ какъ, за исключеніемъ исторіи, наврядъ ли найдется еще другая отрасль науки, въ области которой можно было бы встрѣтить столько грубаго шарлатанства, какъ это было, да и теперь еще случается, въ статистикѣ. Можно поэтому искренне посмѣяться надъ остроумной шуткой Тьера, сказанной имъ статистику, надъ которымъ онъ хотѣлъ подтрунить: «Statistique,—сказалъ онъ ему,—est l'art de préciser ce qu'on ignore».

Здѣсь не мѣсто характеризовать, хотя бы и самымъ поверхностнымъ образомъ, чрезвычайно многочисленные случаи злоупотребленія статистическими цифрами. Не менѣе невозможнымъ является, изъ-за недостатка мѣста, подробное изложеніе методовъ статистическихъ изслѣдованій. Все, что мы можемъ здѣсь дать, это краткая характеристика главныхъ и наиболѣе часто встрѣчающихся методологическихъ ошибокъ. Ошибки эти являются, во-первыхъ, результатомъ того, что большинство работающихъ въ области статистики лицъ, забываютъ, что общественная жизнь въ высшей степени сложна, такъ что только въ очень рѣдкихъ случаяхъ отдѣльныя явленія могутъ быть вполнѣ точно охарактеризованы.

Для статистики вытекаетъ отсюда обязанность при установленіи выводовъ обращать меньше вниманія на самыя числа, нежели на ихъ достовѣрность и пригодность. Если достаточная достовѣрность чиселъ доказана, тогда статистику предстоитъ выполненіе второй не менѣе сложной обязанности, а именно изслѣдовать, достаточно ли велика область наблюденій, потому что въ противоположность остальнымъ наукамъ, занимающимся большей частью изслѣдованіемъ индивидуумовъ и единичныхъ явленій, статистика занимается наблюденіями надъ массами и массовыми явленіями.

Мы достигли такимъ образомъ такъ называемаго закона большихъ чиселъ, о которомъ говорилъ уже съ рѣдкимъ пониманіемъ дѣла Iohann Peter Süssmilch. «Особое свойство этой закономѣрности,—писалъ Süssmilch больше 150 лѣтъ т. н.,—заключается въ томъ, что она остается скрытой при маломъ числѣ наблюденій и проявляется не иначе, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда собрано много свѣдѣній изъ многихъ мѣстъ и за многіе годы. Это и есть причина, изъ-за которой закономѣрность эта оставалась неизвѣстной ученымъ древности».

Воздѣйствіе, оказанное постепеннымъ укорененіемъ этого воззрѣнія, было въ высшей степени благотворно для дальнѣйшаго развитія статистики, такъ какъ вычисленіе среднихъ, имѣющее, впрочемъ, какъ и все въ мірѣ, и свои темныя стороны, и произведенныя при ихъ помощи обширныя сравнительныя изслѣдованія дали возможность совершенно или отчасти устранить безчисленныя пространственныя и временныя различія и такимъ образомъ ярче выдѣлить главныя явленія.

Третья крупная ошибка, совершаемая большинствомъ лицъ, работающихъ въ области статистики, объясняется, наконецъ, тѣмъ, что ими обращается, къ сожалѣнію, слишкомъ мало вниманія на то обстоятельство, что въ статистикѣ, въ большинствѣ случаевъ, слѣдуетъ придавать гораздо меньше значенія абсолютной величинѣ чиселъ, чѣмъ ихъ колебаніямъ, т. е. направленію развитія, характеризуемому числами. Незнакомство большинства лицъ, пользующихся въ своихъ трудахъ статистическимъ методомъ, съ этими тремя моментами является, главнымъ образомъ, причиной плохой репутаціи, которой статистика пользуется среди публики, потому что только благодаря этому статистикѣ осмѣливаются приписывать качество, будто съ ея помощью можетъ быть доказано все, что угодно.

Утверждая это, противники статистики опираются главнымъ образомъ на невозможность точнаго контроля надъ собранными данными. Многое,—говорятъ они.—совершенно скрывается отъ взоровъ органовъ, которымъ порученъ сборъ статистическаго матеріала. Собранныя такимъ образомъ статистическія данныя зависятъ въ слишкомъ большой степени отъ доброй воли, добросовѣстности и статистическаго смысла населенія, все свойства, встрѣчающіяся очень рѣдко. Никакой статистикъ не станетъ, понятно, отрицать, что возраженія эти, до извѣстной степени, вполнѣ справедливы. Но и только! Потому что въ большинствѣ случаевъ статистика даетъ много болѣе или менѣе точныхъ способовъ для провѣрки собранныхъ данныхъ.

Мы знаемъ, напр., что при нормальныхъ условіяхъ, вслѣдствіе постепеннаго вымиранія, каждая высшая возрастная группа должна быть замѣщена въ населеніи слабѣе, чѣмъ ей предшествующая. Большинство переписей, предпринятыхъ въ различныя времена у различныхъ народовъ, показало въ дѣйствительности, что—поскольку войны, значительная эмиграція или иммиграція, эпидеміи и другія подобныя событія не причиняли какихъ нибудь пертурбацій—явленіе это проявлялось среди мужского пола почти повсюду болѣе или менѣе ясно. Иначе обстояло дѣло у женскаго пола. Хотя войны, эмиграція и т. д. вліяютъ въ общемъ гораздо слабѣе на женскій полъ, чѣмъ на мужской, здѣсь все-таки нерѣдко наблюдалось, что извѣстные округленные годы напр., 25 — 30 и 35-лѣтній возрастъ и т. д., показываютъ гораздо большія числа, чѣмъ предшествующія возрастныя группы. Такъ какъ въ этихъ группахъ лишь немногія женщины испытываютъ желаніе повысить свой возрастъ, то явленіе это, при печальныхъ условіяхъ, подъ вліяніемъ которыхъ въ настоящее время заключаются многіе браки, можно объяснить только весьма обоснованнымъ желаніемъ многихъ женщинъ и дѣвицъ по возможности скрыть свой возрастъ. Какъ бы обосновано ни было, однако, это желаніе съ точки зрѣнія отдѣльныхъ личностей, предшествующія разсужденія показываютъ намъ съ достаточной ясностью, что статистика даже въ такихъ деликатныхъ вопро-

сахъ, какъ возрастъ прекраснаго пола, ни въ коемъ случаѣ не остается безоружной противъ злоупотребленій.

Еще интереснѣе примѣръ, приводимый выше цитированнымъ уже французскимъ статистикомъ Alfred de Fovill'емъ. Французское правительство,—разсказываетъ онъ,—предприняло въ 1878 г. спеціальное изслѣдованіе о монетномъ обращеніи во Франціи. Задача, преслѣдовавшаяся при этомъ правительствомъ, заключалась въ классификаціи 20-ти, 10-ти и 5-ти франковыхъ монетъ, сообразно съ временемъ ихъ чеканки и ихъ національностью. Для каждой изъ 20.000 общественныхъ кассъ Франціи, которыхъ въ данномъ случаѣ дѣло касалось, работа, предписанная министерствомъ финансовъ, ни въ коемъ случаѣ небыла обременительной. И дѣйствительно, громадное большинство счетчиковъ выполнило свою работу очень добросовѣстно. Нѣкоторые чиновники позволили себѣ однако подшутить надъ министерствомъ и заполнили графы переданныхъ имъ листовъ, не потрудившись прежде подсчитать находившіяся въ ихъ кассахъ монеты. Они радовались, что имъ удалось одурачить администрацію, и исподтишка посмѣивались по поводу удавшагося обмана. Шутники позабыли, къ несчастью, что чеканка извѣстныхъ серебряныхъ и золотыхъ монетъ пріостанавливалась часто во Франціи на цѣлые годы. Такъ напр., тамъ не существуетъ 20-ти франковыхъ монетъ чеканки 1872 г., ни 10-ти франк. 1853 г., ни 5-ти франк. 1861 года. Шутники внесли однако въ свои листы то тотъ, то другой изъ несуществующихъ для данной монеты годовъ. Благодаря этому обстоятельству виновники были, конечно, легко обнаружены и понесли заслуженное наказаніе.

Эти примѣры служатъ достаточнымъ доказательствомъ того, какъ несправедливъ упрекъ о безконтрольности добытыхъ при помощи статистическихъ изслѣдованій данныхъ. Впослѣдствіи мы увидимъ, что при употребленіи правильныхъ методовъ статистика даетъ заслуживающія полнѣйшаго довѣрія и даже незамѣнимыя вспомогательныя средства для изслѣдованія закономѣрностей въ общественной жизни. Прежде чѣмъ перейти къ этому, здѣсь необходимо дать однако краткій историческій обзоръ развитія статистики, чтобы уяснить себѣ, какимъ образомъ статистика достигла нынѣшняго, нерѣдко первоклассного значенія въ области экономической и соціальной жизни.

Пока люди жили небольшими, другъ отъ друга независимыми ордами или, какъ это утверждаютъ многіе экономисты и историки, большими семейными союзами, до тѣхъ поръ не представлялось особенныхъ трудностей при запоминаніи числа людей, лошадей, коровъ, овецъ, рабовъ и т. д., принадлежавшихъ ордѣ или семейному союзу.

Инымъ оказалось положеніе дѣлъ съ развитіемъ болѣе крупныхъ государственныхъ организмовъ. Уже вслѣдствіе плохихъ средствъ сообщенія того времени, для лицъ, стоявшихъ во главѣ такого государства не представлялось никакой возможности знать лично всѣхъ граж-

данъ. Еще менѣе были они въ состояніи ознакомиться, при помощи личныхъ наблюденій, съ имущественнымъ и инымъ положеніемъ всѣхъ гражданъ и установить, сколько способныхъ къ военной службѣ мужчинъ, сколько лошадей, денегъ, продовольственныхъ средствъ и т. д. можетъ любая провинція въ военное и въ мирное время доставить для удовлетворенія потребностей государственнаго бюджета.

Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, что развитіе крупныхъ государственныхъ организмовъ необходимо должно было повлечь за собой предпринятіе народныхъ переписей, имущественныхъ цензовъ и т. д. Мы видимъ, дѣйствительно, что въ большинствѣ болѣе крупныхъ государствъ древняго міра уже много тысячъ лѣтъ тому назадъ предпринимались то единовременно, то періодически переписи и другія изысканія подобнаго рода. Такъ напр., Ликургу, по сохранившимся преданіямъ, служили основаніемъ для его законодательства статистическія изысканія о числѣ гражданъ въ Спартѣ. То же самое можно констатировать относительно преданій о законодательствѣ Солона, Сервія Туллія и др. болѣе или менѣе мифическихъ законодателяхъ древности.

О періодическихъ статистическихъ наблюденіяхъ въ древнія времена повѣтствуютъ намъ далѣе сохранившіяся преданія объ организаціи римскихъ цензовъ, т. е. народныхъ переписей соединявшихся съ изысканіями объ имущественномъ положеніи населенія. Не менѣе оригинально было и другое римское учрежденіе, соотвѣтствующее западноевпропейскимъ цивильнымъ регистратурамъ. Сохранившіяся преданія приписываютъ основаніе этого учрежденія Сервію Туллію, который, какъ говоритъ преданіе, издалъ законъ, въ силу котораго каждое рожденіе и каждый смертный случай должны были быть заявлены. Первое происходило при помощи вложенія монеты въ особую урну въ храмѣ богини Iuno Lucina, къ которой обращались съ молитвой объ облегченіи женщины во время родовъ. Въ случаѣ чьей-либо смерти закономъ предписывалось вложеніе монеты въ предназначенную для этого урну въ храмѣ Либирины, супруги Оркуса, богини, къ которой взывали о мирной смерти и медленномъ изсяканіи жизни. Наконецъ, при вступленіи каждаго юноши въ вограстъ возмужалости, требовался вкладъ монеты въ урну, стоявшую въ святилищѣ храма Iuventus—богини юности. Такимъ остроумнымъ образомъ римляне уже 25 столѣтій тому назадъ умудрились замѣнить церковныя книги и цивильные регистры *).

Мы зашли бы слишкомъ далеко, еслибы пожелали дать здѣсь характеристику развитія статистики со времени паденія Римской имперіи до новѣйшаго времени. Это, впрочемъ, тѣмъ менѣе необходимо,

*) Vgl. «Die Volkszählungen etc». «Zeitschrift des Preuss. Stat. Bureaus» 1862 стр. 28,

что статистика, вслѣдствіе особенныхъ условій экономической и соціальной жизни среднихъ вѣковъ, играла тогда гораздо менѣе значительную роль, чѣмъ во время процвѣтанія Римской имперіи. Объясненіе этого явленія не представляетъ никакихъ трудностей.

Мѣсто сильно централизованнаго Римскаго государства, заняли въ средніе вѣка, какъ извѣстно, основанныя на феодальномъ правѣ, и потому децентрализованныя государства. Каждый крупный феодалъ былъ сравнительно независимъ даже относительно болѣе важныхъ государственныхъ дѣлъ. Еще болѣе это сказывалось въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось его внутреннихъ, особенно хозяйственныхъ обстоятельствъ. Такъ какъ при этомъ область, находившаяся подъ властью большинства феодаловъ, была сравнительно не велика, то имъ не приходилось преодолѣвать большихъ трудностей при опредѣленіи источниковъ своихъ доходовъ и распредѣленіи расходовъ, въ виду чего они и не испытывали особенно настоятельной потребности въ статистическихъ изысканіяхъ.

Предпринятію крупныхъ статистическихъ изслѣдованій столь же мало благопріятствовало затѣмъ господствовавшее въ средніе вѣка кулачное право и находящееся въ связи съ нимъ сильно распространенное взаимное недовѣріе, слабое развитіе мѣстныхъ и международныхъ торговыхъ сношеній и т. д., и т. д. Словомъ, преобладаніе децентрализаціи въ управленіи въ связи съ удовлетвореніемъ почти всѣхъ потребностей въ предѣлахъ собственнаго хозяйства, эти оба наиболѣе характерные признаки средневѣковой жизни, со всѣми ихъ послѣдствіями, лишь изрѣдка вызывали потребность въ крупныхъ статистическихъ изслѣдованіяхъ *).

Вышеупомянутые факты дѣлаютъ вполнѣ понятнымъ, почему потребность въ болѣе или менѣе регулярныхъ статистическихъ изслѣдованіяхъ народилась прежде всего въ Италіи и въ особенности въ Венеціи. Достигнувъ при помощи торговли крупнаго богатства и высокой степени культуры Венеціанская республика ввела довольно рано порядокъ въ свою систему управленія. Тамъ, поэтому, испытывалась уже тогда настоятельная потребность въ пріобрѣтеніи свѣдѣній какъ о положеніи и силахъ собственной страны, такъ и о соотвѣтствующихъ обстоятельствахъ въ другихъ государствахъ. Уже въ XII столѣтіи тамъ было, поэтому, предпринято составленіе особыхъ отчетовъ, такъ называемыхъ Atti della Republica. Нѣсколько позже (въ XIII столѣтіи), дипломатическимъ агентамъ республики было предписано составленіе особыхъ отчетовъ о политическихъ и экономическихъ силахъ государствъ, въ которыхъ они были аккредитированы; еще позднѣе, выпускъ такихъ отчетовъ былъ предписанъ губернаторамъ от-

*) Важнѣйшимъ статистическимъ документомъ среднихъ вѣковъ слѣдуетъ считать Doomesday-Book, т. е. государственный катастръ Англіи, предпринятый Вильгельмомъ Завоевателемъ въ 1083—1086 гг.

дѣльныхъ венеціанскихъ провинцій. Интересно отмѣтить фактъ, что вышеназванные оффиціальные доклады долгое время предоставлялись во всеобщее пользованіе. Публичность была долгое время основнымъ государственнымъ принципомъ венеціанскаго правительства, пока послѣднее не погрязло въ тинѣ жалкаго укрывательства, которое многими изслѣдователями не безъ основанія считается одной изъ важнѣйшихъ причинъ быстраго упадка республики.

Что касается возникновенія потребности въ статистическихъ изслѣдованіяхъ въ другихъ государствахъ, то дѣло обстояло тамъ такъ же, какъ и въ Венеціи. Открытіе Америки и восточной Индіи, развитіе торговли, съ одной стороны, и приниженіе феодализма королевской властью, т. е. побѣда централизаціи надъ децентрализаціей съ другой—стали вызывать среди органовъ управленія все болѣе живой интересъ къ точному установленію числа подлежащихъ ихъ управленію лицъ и различнаго рода объектовъ. Почти во всѣхъ культурныхъ странахъ начинаютъ, подъ вліяніемъ этихъ моментовъ, предприниматься извѣстныя мѣры для поощренія сбора и систематизаціи подобныхъ свѣдѣній. Благодаря особенно сильной централизаціи управленія, это стремленіе проявилось очень рано во Франціи. Извѣстный министръ Генриха IV, Сюлли, сообщаетъ намъ, напримѣръ, въ своихъ мемуарахъ, что король приказалъ ему основать особое учрежденіе для сбора свѣдѣній, относящихся къ націи и силамъ и особенностямъ страны. Учрежденіе это должно было служить королю вспомогательнымъ средствомъ для изученія положенія и образа жизни народа. Данныя, собиравшіяся этимъ учрежденіемъ, касались всѣхъ областей управленія и охватывали, между прочимъ, свѣдѣнія о положеніи сельскаго и домашняго хозяйства, о положеніи промышленности, торговли, судоходства, финансовъ, полиціи, сухопутныхъ и морскихъ силъ націи и т. д., и т. д. Это учрежденіе можетъ быть безспорно названо однимъ изъ значительнѣйшихъ статистическихъ бюро того времени.

Со смертью Сюлли этотъ институтъ пришелъ, однако, въ упадокъ. Изъ позднѣйшихъ попытокъ возстановить его мы упомянемъ только о попыткѣ сдѣланной знаменитымъ маршаломъ Людовика XIV Louvois. Louvois, стоявшій во главѣ военнаго министерства въ періодъ, когда почти безпрерывно свирѣпствовала война, убѣдился вскорѣ въ необходимости учрежденія, съ помощью котораго можно было бы постоянно имѣть подъ рукой свѣдѣнія о силахъ, передвиженіяхъ и т. п. своихъ и чужихъ армій. Онъ основалъ съ этой цѣлью въ своемъ собственномъ домѣ учрежденіе, ставшее впослѣдствіи знаменитымъ подъ именемъ Dépot de la guerre.

Само собой разумѣется, что приблизительно тѣ же потребности, какъ во Франціи и Венеціи, появились и въ другихъ болѣе или менѣе

*) Сравни J. Wörl, «Erläuterungen zur Theorie der Statictik», стр. 34.

централизованныхъ государствахъ, и вызвали тамъ подобныя же учрежденія. Впослѣдствіи эти институты были цѣликомъ или отчасти превращены въ статистическія бюро. Учрежденія эти обязаны, такимъ образомъ, своимъ происхожденіемъ не стремленію отдѣльныхъ правительствъ произвести какія-либо *научныя* изслѣдованія, а почти исключительно настоятельной потребности, испытываемой всякимъ большимъ и централизованнымъ государствомъ, къ возможно болѣе точному познанію числа лицъ и объектовъ, находящихся въ сферѣ власти его.

Наиболѣе точнымъ способомъ познанія является въ такихъ случаяхъ числовое выраженіе, которое можетъ быть, понятно, достигнуто только съ помощью статистическихъ наблюденій. Для поясненія сказаннаго достаточно будетъ упомянуть о часто осмѣиваемомъ и часто модифицированномъ выраженіи Schlözer'a: Исторія есть не что иное, какъ находящаяся въ движеніи статистика, статистика—остановившаяся исторія (Geschichte ist eine fortlaufende Statistik, Statistik eine stillstehende Geschichte). Какъ всякое bonmot изрѣченіе это звучитъ довольно парадоксально. Несмотря на это, содержаніе его, если не вдаваться въ крайность, во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно мѣтко, потому-что никакимъ описаніемъ, какъ бы блестяще оно ни было, ни ссылкой на многочисленные дипломатическіе и всякіе другіе акты нельзя охарактеризовать положеніе націи лучше, какъ съ помощью точныхъ числовыхъ данныхъ о величинѣ народонаселенія, о пространствѣ страны, о числѣ безграмотныхъ, о военныхъ силахъ націи, о величинѣ внутренней и внѣшней торговли и т. д., и т. д.

Еще незамѣнимѣе становятся всѣ эти собранныя при помощи массовыхъ статистическихъ наблюденій данныя при изученіи исторіи развитія какого-нибудь государства. Сравненіе статистическихъ наблюденій, предпринятыхъ въ разныя времена, даетъ намъ гораздо болѣе объективное представленіе объ этомъ, чѣмъ основанныя на личныхъ наблюденіяхъ описанія даже самыхъ объективныхъ историковъ.

Полезность и необходимость добросовѣстно собранныхъ статистическихъ данныхъ лежитъ, въ виду вышесказаннаго, внѣ всякаго сомнѣнія! Если, несмотря на все это, статистикѣ придавали до сихъ поръ относительно такъ мало значенія, то это слѣдуетъ приписать преимущественно тому обстоятельству, что государственная власть предпринимала такія массовыя наблюденія почти исключительно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось какихъ-либо фискальныхъ потребностей. Такъ, напримѣръ, для упрощенія и облегченія процедуры набора рекрутовъ, государство нерѣдко старалось опредѣлить во время народныхъ переписей не только число живущихъ лицъ вообще, но и ихъ полъ и возрастъ; нельзя же было, въ самомъ дѣлѣ, вербовать въ солдаты женщинъ, дѣтей и стариковъ.

Подобнымъ же образомъ различные военные и правовые интересы побудили государство взять въ свои руки веденіе списковъ рождаю-

щихся и умирающихъ, находившіеся до того времени, въ большинствѣ случаевъ, въ рукахъ духовенства. Въ томъ же направленіи дѣйствовали потребности нарождающейся крупной промышленности и торговли. Для соотвѣтственнаго урегулированія торговой и таможенной политики правительство стало нуждаться въ возможно болѣе точныхъ свѣдѣніяхъ о количествѣ ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ. Еще болѣе государство было, понятно, заинтересовано въ этомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось финансовыхъ пошлинъ, являющихся однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ государственнаго дохода.

Характернымъ примѣромъ того, какое громадное значеніе имѣли финансовые и торгово-политическіе интересы государства на развитіе разныхъ областей статистики, является исторія нѣмецкаго таможеннаго союза. За немногими исключеніями таможенные доходы распредѣлялись тамъ, какъ извѣстно, сообразно съ величиной населенія, участвовавшихъ въ договорахъ государствъ. Результатомъ этого явилась потребность имѣть точныя свѣдѣнія о величинѣ населенія отдѣльныхъ частей союза. Этимъ и подобнымъ фискальнымъ интересамъ слѣдуетъ, главнымъ образомъ, приписать значительныя улучшенія, предпринятыя въ Германіи въ первой половинѣ нашего столѣтія въ области народныхъ переписей.

Недовѣряющія другъ другу правительства отдѣльныхъ государствъ таможеннаго союза не могли, однако, ограничиться лишь свѣдѣніями о населеніи. Для пріобрѣтенія надежнаго средства для контроля, съ одной стороны, и нахожденія достаточныхъ основаній для реформированія таможеннаго тарифа, съ другой—правительства должны были согласиться на проведеніе существенныхъ улучшеній въ области статистики торговыхъ сношеній.

Такимъ же точно путемъ тамъ пришли къ пониманію необходимости сбора свѣдѣній о числѣ фабрикъ и иныхъ предпріятій, какъ и необходимости опредѣленія того, къ какой отрасли промышленности принадлежатъ эти предпріятія въ каждой изъ частей таможеннаго союза, такъ какъ только такимъ путемъ таможенные тарифы могли быть кое-какъ приведены въ согласіе съ интересами всѣхъ государствъ, принимавшихъ участіе въ таможенномъ союзѣ.

Постепенно и незамѣтно статистика проникла, такимъ образомъ, во всѣхъ государствахъ въ одну область административнаго управленія за другой, такъ что въ настоящее время нѣтъ ни одного государства, имѣющаго притязаніе на названіе культурной страны, которое могло бы, хотя бы въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, обойтись безъ статистики. Для доказательства справедливости вышесказаннаго достаточно указать на главныя отрасли дѣятельности современнаго государства.

Какъ могло бы, напримѣръ, какое-либо изъ современныхъ конституціонныхъ государствъ существовать безъ финансовой статистики?

Какимъ образомъ могъ бы въ такомъ случаѣ парламентъ контролировать, выполнены ли утвержденныя имъ смѣты доходовъ и расходовъ въ дѣйствительности такимъ образомъ, какъ это должно было быть сообразно съ его распоряженіями.

Какъ могли бы теперь торговля и промышленность обойтись хоть нѣсколько мѣсяцевъ безъ статистики ввоза и вывоза, безъ статистическихъ данныхъ о внутренней торговлѣ, безъ статистики цѣнъ и т. д. Почти полное отсутствіе всякаго заранѣе намѣченнаго плана и безъ того свойственное нашему способу производства—каждый производитъ, вѣдь, въ настоящее время, въ большинствѣ случаевъ за свой собственный рискъ — приняло бы, безъ сомнѣнія, еще большіе размѣры. Результатомъ всего этого былъ бы тяжелый, тормозящій на долгое время экономическое развитіе народовъ, кризисъ, который сдѣлалъ бы несчастными, а пожалуй, и привелъ бы къ гибели десятки тысячъ семействъ, какъ мы это видѣли, напримѣръ, во 2-й половинѣ 70-хъ годовъ.

Какъ тяжелы должны были-бы быть, затѣмъ, послѣдствія отсутствія статистики желѣзнодорожныхъ сообщеній для всей нашей экономической жизни? Желѣзнодорожныя правленія не знали бы, что начать съ ихъ, въ большинствѣ случаевъ, очень недостаточнымъ числомъ желѣзнодорожныхъ вагоновъ, локомотивовъ и т. д. Только благодаря статистикѣ они имѣютъ, вѣдь, возможность установить среднюю цыфру передвиженій на отдѣльныхъ линіяхъ и станціяхъ въ разные мѣсяцы и времена года и этимъ самымъ устранить, съ сравнительной легкостью, столь опасный для всей экономической жизни страны застой въ сообщеніяхъ.

Какъ справились бы въ данномъ случаѣ, напримѣръ, наши министерства просвѣщенія безъ статистики учебныхъ заведеній, т. е. безъ свѣдѣній о числѣ учениковъ и учителей въ народныхъ школахъ, гимназіяхъ и т. п.? Какъ могли бы они знать безъ статистики о числѣ необходимыхъ для этихъ цѣлей зданій, классныхъ комнатъ и т. д.?

Не иначе дѣло обстоитъ въ современныхъ государствахъ въ области законодательства. Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣніе, будто абстрактнымъ путемъ, не взирая на конкретныя условія времени и мѣста, можно создать въ видѣ образца для всѣхъ народовъ одинъ общій кодексъ законовъ, стало все болѣе и болѣе оспариваться, съ тѣхъ поръ, какъ все болѣе и болѣе стало распространяться убѣжденіе, что право не есть понятіе абсолютное и повсюду равное, а что оно, наоборотъ, подвергается измѣненіямъ въ зависимости отъ опредѣленныхъ условій и отношеній, что, поэтому, при созданіи законодательства, которое можно было бы назвать разумнымъ, должно считаться съ фактами жизни и сообразоваться съ ними: съ тѣхъ поръ повсюду начали все болѣе и болѣе признавать огромное значеніе статистики, какъ одного изъ важ-

нѣйшихъ оснований для научной обработки права и удачнаго развитія законодательства [1]).

Я обхожу молчаніемъ медицинскую статистику и множество другихъ столь же важныхъ отдѣловъ нашей науки, такъ какъ приведенные примѣры съ достаточной ясностью указываютъ на то, что статистика уже въ настоящее время проникла почти во всѣ отрасли административной дѣятельности, и что безъ ея помощи современное государство не могло бы быть управляемымъ: устраненіе статистики повело-бы, какъ мы видѣли, къ тяжелымъ политическимъ и экономическимъ катастрофамъ.

Вполнѣ правъ былъ, въ виду всего этого, Bruno Hildebrand, высказавшій въ своей, произнесенной 6-го августа 1865 г., проректорской рѣчи слѣдующія достопримѣчательныя слова: «Статистика ведетъ счетныя книги о мѣропріятіяхъ и о положеніи государства, служитъ вѣрнымъ зеркаломъ его собственной жизни и источникомъ его самосознанія. Мало того, она является какъ бы совѣстью государства и пробнымъ камнемъ для каждаго законодательнаго и административнаго акта» [2]).

Какъ-бы велики не были, однако, заслуги статистики на поприщѣ государственнаго управленія и законодательства, этимъ ея задачи еще ни въ коемъ случаѣ не исчерпываются. Статистика сопровождаетъ, какъ это въ блестящей формѣ высказано Энгелемъ, каждаго человѣка, чтобы получить точное представленіе объ его жизни, по всему пути его земного существованія. Она отмѣчаетъ его рожденіе, крещеніе, сдѣланную ему прививку оспы, поступленіе его въ школу и его школьные успѣхи, его прилежаніе, выпускъ изъ школы, ходъ его дальнѣйшаго развитія и образованія и, если это мужчина, характеръ его тѣлосложенія и способность къ военной службѣ. Она сопровождаетъ его и на дальнѣйшемъ пути въ его жизни, отмѣчая избранное имъ занятіе, мѣсто, гдѣ онъ поселился, характеръ веденія имъ своихъ дѣлъ, сберегаетъ ли онъ въ молодости кое-что на старость, женится ли онъ и въ какомъ возрастѣ и затѣмъ возрастъ и т. п. качества его супруги. Статистика заботится о немъ, когда ему хорошо, также какъ и тогда, когда ему скверно живется. Терпитъ ли онъ крушеніе въ жизни, гибнетъ ли въ матеріальномъ, нравственномъ или умственномъ отношеніи, она отмѣчаетъ равнымъ образомъ и это; она покидаетъ человѣка только съ его смертью, постаравшись установить предварительно, въ какомъ возрастѣ онъ умеръ и что было причиной его смерти. Только съ преданіемъ его праха землѣ, статистика подводитъ свои итоги, если, по-

---

[1]) Ср. «Zeitschrift des Preuss Stat. Bureaus». 1866, стр. 155 и статью «Die Organisation der Statistik der Rechtspflege», Jahrbücher für Nat. Oekon. Stat., IV т. стр. 32.

[2]) Ср. «Iahrb. für Nat. Oekon und Statistik.» 1866, I т., стр. 5.

нятно, его поступки не возлагаютъ на государство или общину какихъ-либо дальнѣйшихъ обязательствъ [1]).

Изложивъ, такимъ образомъ, значеніе статистики для всей нашей государственной и общественной жизни, намъ остается еще отвѣтить на вопросы, насколько правительство съ одной и публика съ другой стороны проникнулись сознаніемъ ея огромной важности и отведено ли ей подобающее ея значенію мѣсто.

Каждый статистикъ долженъ съ горечью признаться, что хотя администрація и пользуется имъ и плодами его дѣятельности, она все-таки относится къ большинству изъ провозглашенныхъ имъ во имя его науки требованій очень неблагосклонно. Стоящія во главѣ правительства лица часто и слышать не хотятъ о томъ, чтобы статистическія изслѣдованія совершались не только для удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей администраціи, но и для удовлетворенія потребностей науки, занимающейся изслѣдованіями о закономѣрностяхъ въ общественной жизни. Въ видѣ обоснованія такого отрицательнаго отношенія обыкновенно приводятся якобы слишкомъ большія издержки, причиняемыя подобными научными изслѣдованіями. Какъ мало заслуживаетъ быть принятой въ соображеніе, при огромныхъ расходахъ, совершаемыхъ современными государствами, часто на совершенно безполезныя вещи, именно эта точка зрѣнія, явствуетъ въ достаточной степени изъ того факта, что издержки при большинствѣ народныхъ переписей едва достигаютъ суммы въ 10 копѣекъ на человѣка.

Подобное отношеніе къ требованіямъ науки-статистики слѣдуетъ поэтому приписать другимъ причинамъ, въ которыхъ хотя и неохотно сознаются, но которыя тѣмъ не менѣе, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, имѣютъ и здѣсь рѣшающее значеніе. Эти причины были, между прочимъ, блестяще изложены знаменитымъ нѣмецкимъ статистикомъ Эрнстомъ Энгелемъ въ его появившейся въ 1862 г. статьѣ о значеніи народныхъ переписей: [2]) «Если не все населеніе, а только лишь извѣстные классы его выдвигаются на первый планъ, если государственная власть находится въ рукахъ одного или нѣсколькихъ классовъ, то и служащая государству статистика не можетъ давать, какъ зеркало, никакихъ другихъ отраженій»... Въ началѣ среднихъ вѣковъ статистика служитъ королевской власти средствомъ для приведенія въ извѣстность ихъ доходовъ. Въ качествѣ геральдики, она представляла собой позже перепись перваго и второго сословія... Съ постепеннымъ развитіемъ третьяго сословія это послѣднее начало мало-по-малу завладѣвать статистикой.

---

[1]) Ср. Dr. E. Engel, «Die Volkszählungen etc». «Zeitschrift d. Preus. Stat. Bureaus», 1862, стр. 31.

[2]) Сравн. «Die Volkszählungen etc». «Zeitschrift d. Preuss Stat. Bureaus. 1862, стр. 29.

Въ новѣйшее же время статистикой стали пользоваться особенно ревностно демократическія партіи вообще и въ особенности рабочій классъ, прибѣгающія къ ней для обоснованія своихъ реформаторскихъ стремленій. Чтобы лишить ихъ этого оружія, большинство правительствъ старается, къ сожалѣнію, ограничить, насколько это возможно, число научно обработанныхъ статистическихъ изслѣдованій даже по важнѣйшимъ вопросамъ экономической и соціальной жизни. Какъ будто подобная скрытность гдѣ и когда-либо способствовала мирному разрѣшенію противорѣчій, возникающихъ въ нѣдрахъ общества.

Мы пришли теперь къ одному изъ важнѣйшихъ пунктовъ разсматриваемаго нами предмета, а именно къ изложенію задачъ, рѣшеніе которыхъ принадлежитъ статистикѣ ближайшаго будущаго. Какъ таковыя должны быть поставлены на первый планъ слѣдующія проблемы:

1) Созданіе точной статистики производства. Первые шаги на этомъ поприщѣ сдѣланы уже для нѣкоторыхъ отраслей промышленности государствомъ, для нѣкоторыхъ другихъ—картелями.

2) Созданіе статистики сбыта, т. е. по возможности точное опредѣленіе количества потребляемыхъ продуктовъ. Обѣ эти области статистики окажутъ намъ неоцѣнимыя услуги, какъ противовѣсъ анархіи, являющейся однимъ изъ отличительныхъ признаковъ современнаго способа производства.

3) Выработка надежныхъ методовъ для статистики доходовъ, главнымъ образомъ, какъ средство для реформированія системы нашихъ государственныхъ и общиннаго сборовъ сообразно платежной способностью населенія.

4) Систематически проведенныя статистическія изслѣдованія и регулярныя записи о болѣзняхъ, старости и увѣчьяхъ рабочихъ въ различныхъ отрасляхъ промышленности, какъ средство для разрѣшенія вопроса о страхованіи больныхъ, старыхъ и инвалидовъ.

5) Систематически проводимыя статистическія изслѣдованія о лицахъ, страдающихъ отъ безработицы, какъ средство для удовлетворительнаго разрѣшенія этого вопроса, столь интересующаго уже въ настоящее время общественное мнѣніе культурныхъ странъ.

И, наконецъ, систематически проведенная реформа статистики народонаселенія, промышленной и торговой статистики и т. д. дастъ намъ возможность точно установить въ настоящее время еще такъ мало выясненные законы, вліяющіе на ростъ и уменьшеніе народонаселенія.

Для благополучнаго разрѣшенія всѣхъ этихъ и всякихъ другихъ экономическихъ и соціальныхъ задачъ, необходимо соблюденіе двухъ тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ условій. Во-первыхъ, необходимо разъ навсегда покончить съ формализмомъ, господствующимъ нерѣдко и въ настоящее время еще въ офиціальной статистикѣ. Во-вторыхъ, для достиженія этой цѣли необходима основательная реформа теоре-

тическаго и практическаго образованія, получаемаго работающими въ статистическихъ бюро лицами, такъ какъ доброкачественность результатовъ въ значительной степени зависитъ отъ характера плана и характера обработки изслѣдованій.

Съ полнѣйшимъ правомъ замѣчаетъ по этому поводу уже часто цитированный нами Энгель, что никто еще не сталъ статистикомъ въ силу полученнаго назначенія работать въ статистическомъ бюро и, что еще меньше можетъ быть названъ статистикомъ тотъ, кому присуща извѣстная любовь къ числамъ; напротивъ, каждое дѣло должно быть изучено! Статистики не должны, какъ это нерѣдко случается еще въ настоящее время, рекрутироваться изъ круга людей, потерпѣвшихъ крушеніе въ своемъ прежнемъ занятіи: ихъ слѣдуетъ выбирать, наоборотъ, только изъ числа лицъ, получившихъ систематическое статистическое образованіе, «потому что лишь при полномъ духовномъ проникновеніи относящагося къ тому или иному предмету числового матеріала и при отличномъ знаніи самого предмета можно вдохнуть въ числа духъ и жизнь и освободить ихъ отъ іероглифическаго характера, который имъ присущъ въ столь многочисленныхъ официіальныхъ статистическихъ публикаціяхъ стараго и новаго времени» *).

Будемъ надѣяться, что недалеко то время, когда оба эти условія будутъ выполнены.

Прив.-доц. І. Гольдштейнъ.

Цюрихъ.

---

*) Срвн. Dr. E. Engel, «Ueber die neuesten Fortschritte der Organisation der ämtlichen Statistik in Preussen», Zeitschr. des Preuss. Stat. Bur. 1862, стр. 174.

ВЪ СФЕРѢ НЕРѢШЕННЫХЪ ПРОБЛЕМЪ БІОЛОГІИ.

(Жизнедѣятельность клѣтки).

(*Окончаніе* *).

IV.

Кто интересуется основными проблемами біологіи, тотъ навѣрное знаетъ, какъ много споровъ возбуждалъ, и сейчасъ еще возбуждаетъ вопросъ о ***прямомъ вліяніи*** различныхъ внѣшнихъ условій на строеніе и жизнедѣятельность растеній и животныхъ. Вопросъ этотъ ставится вполнѣ ясно и опредѣленно: возможно ли, чтобы животное или растеніе измѣнилось хоть сколько-нибудь подъ вліяніемъ прямого, непосредственнаго дѣйствія свѣта, тепла, электричества, химическаго состава среды и т. п.? Пока рѣчь шла о сложныхъ организмахъ, о животныхъ и растеніяхъ высшаго порядка, рѣшеніе этого вопроса представлялось довольно-таки труднымъ и не разъ уже приводило ученыхъ къ разногласію. Нѣсколько иначе обстоитъ это дѣло въ послѣднее время, когда наука о жизни окончательно приходитъ къ тому убѣжденію, что очагомъ всѣхъ жизненныхъ явленій служитъ клѣтка. Что же говорятъ на это клѣтки и одноклѣтные организмы? Они въ громадномъ большинствѣ случаевъ показываютъ очень наглядно, что различныя формы энергіи—химическая, свѣтовая, тепловая, электрическая, механическая энергія—оказываютъ сильное вліяніе на ихъ жизнедѣятельность. Ростъ, размноженіе, обмѣнъ веществъ, способность двигаться и измѣнять форму, всѣ эти жизненныя отправленія клѣтки, подчиняются вліянію различныхъ энергій, все это такъ или иначе откликается на дѣйствіе внѣшнихъ раздражителей, ***приспособляется*** къ условіямъ окружающей среды. Измѣненная подъ вліяніемъ раздражителей жизненная работа влечетъ за собою и нѣкоторыя измѣненія въ строеніи клѣтки, а это именно и нужно для того, чтобы отвѣтить на поставленный выше вопросъ о прямомъ вліяніи внѣшнихъ условій. Если клѣтка «элементарный организмъ», приспособляется и формою и жизненной работой къ

*) См. «Міръ Божій», № 7, Іюль.

окружающей ея средѣ, если она подвержена прямому вліянію внѣшнихъ условій, то не будетъ особеннымъ рискомъ допустить, что и любой сложный организмъ, который, какъ извѣстно, есть прежде всего собраніе клѣтокъ, цѣлая колонія «элементарныхъ организмовъ»,—что и онъ также не въ силахъ уклониться отъ вліянія внѣшнихъ условій, не можетъ избѣжать трансформирующаго дѣйствія различныхъ въ природѣ силъ.

Правда, работа біологовъ въ этомъ направленіи только-что (говоримъ относительно, конечно), началась и въ наукѣ нѣтъ еще по этому вопросу какихъ-нибудь широкихъ, смѣлыхъ и въ то же время безупречно-справедливыхъ обобщеній; однако, фактовъ, очень интересныхъ, демонстративныхъ, и теперь уже накопилось достаточное количество.

Измѣненіе формы и жизненной работы при измѣненіи дѣйствующихъ извнѣ силъ составляетъ одну изъ характернѣйшихъ особенностей живого вещества и основано на способности *раздраженія*. Начнемъ съ вопроса о вліяніи *химическихъ* раздражителей на клѣтку.

Если взять растительную клѣтку, въ которой протоплазма двигается, и помѣстить ее на нѣкоторое время въ каплю масла или въ струю чистой углекислоты, то движеніе протоплазмы сначала замедлится, а затѣмъ и вовсе прекратится. Амёба, корненожка—actinosphaerium инфузоріи, попавшія, благодаря экспериментамъ ученыхъ, въ несвойственную имъ среду (напр., въ каплю воды, къ которой прибавлено немного соляной кислоты, ѣдкаго кали или поваренной соли), приходятъ сначала въ большую ажитацію: неповоротливая амёба начинаетъ энергично выпускать свои отростки и съ доступною ей скоростью переползаетъ съ одного мѣста на другое; у граціозной Actinosphaerium замѣчается усиленное движеніе зернышекъ протоплазмы въ лучистыхъ отросткахъ ея тѣла, а инфузоріи, какъ шальныя, мечутся въ различныя стороны микроскопическаго поля зрѣнія, увлекаемыя необыкновенно быстрымъ движеніемъ своихъ жгутовъ и рѣсничекъ; но черезъ нѣсколько мгновеній наступаетъ реакція, кончающаяся полнымъ покоемъ: амёба и Actinosphaerium втягиваютъ свои псевдоподіи—такъ называются протоплазматическіе отростки ихъ тѣла—и съеживаются въ комочекъ, а инфузоріи на время останавливаютъ движеніе своихъ рѣсничекъ и точно отдыхаютъ послѣ чрезмѣрно оживленной бѣготни. Ничего, однако, не стоитъ нарушить этотъ видимый покой, если только микроскопическія созданія не успѣли уже погибнуть подъ вліяніемъ непривычнаго для нихъ раздраженія: нужно только къ каплѣ жидкости, въ которой размѣстились угомонившіеся на время организмы, прибавить нѣсколько капель чистой, дистиллированной воды, и тогда все придетъ въ движеніе по прежнему, и парализованное было живое вещество снова проявитъ свою жизнедѣятельность.

Одни химическія вещества дѣйствуютъ на клѣтку возбуждающимъ образомъ, другія, наоборотъ, разслабляютъ ее, понижаютъ ея жизне-

способность, дѣлаютъ ее нечувствительною къ различнаго рода раздраженіямъ, и эта способность подвергаться *наркозу* одинаково присуща какъ растительнымъ, такъ и животнымъ клѣткамъ. Въ фактахъ, подтверждающихъ это, недостатка нѣтъ. Извѣстно, напр., что нѣкоторыя *зеленыя* водоросли, помѣщенныя въ среду, которая содержитъ эфиръ или хлороформъ, перестаютъ разлагать угольную кислоту и приготовлять крахмалъ; извѣстно точно также, что въ атмосферѣ эфира или хлороформа клѣтки теряютъ способность измѣнять форму, двигаться, расти, размножаться, отвѣчать какъ-нибудь на внѣшнія раздраженія. Все это можно наблюдать на всевозможныхъ амебахъ и инфузоріяхъ. Есть, конечно, и другіе примѣры, болѣе эффектные. Свѣченіе моря, какъ извѣстно, происходитъ отъ того, что иногда на поверхности волнъ скопляются цѣлыя миріады свѣтящихся микроспическихъ созданій, называемыхъ ноктилюками и морскими свѣчками. Ноктилюки могутъ свѣтиться и въ томъ случаѣ, если ихъ вмѣстѣ съ морскою водою помѣстить въ какой-нибудь сосудъ. Вечеромъ, когда стемнѣетъ, на поверхности воды въ сосудѣ будутъ мерцать и искриться слабые огоньки ночесвѣтокъ (и такъ ихъ называютъ). Но если вы вздумаете помѣстить надъ сосудомъ съ ноктилюками нѣсколько листовъ пропускной бумаги, пропитанной спиртомъ, то свѣченіе медленно прекращается: алкоголь какимъ-то образомъ уничтожаетъ на время способность ноктилюкъ испускать свѣтъ (Массаръ). Другой примѣръ не менѣе демонстративенъ. Оск. и Рих. Гертвиги произвели цѣлую серію опытовъ надъ живчиками (сѣм. тѣльцами) морскихъ ежей. Оказывается, что, будучи помѣщены въ морскую воду, къ которой прибавлено самое ничтожное количество хлоралъ-гидрата, живчики, дотолѣ необыкновенно подвижные, черезъ нѣсколько минутъ перестаютъ двигаться; но стоитъ перенести ихъ въ чистую морскую воду, какъ движеніе возобновляется. Чѣмъ дольше держать живчиковъ въ ненормальной для нихъ средѣ съ хлораломъ, тѣмъ сильнѣе поддаются они наркозу и тѣмъ дольше не приходятъ въ себя послѣ того, какъ ихъ снова помѣстятъ въ совершенно чистую воду.

Не менѣе чувствительно живое вещество и къ тепловымъ раздраженіямъ: и здѣсь оно такъ или иначе реагируетъ на болѣе или менѣе рѣзкія колебанія температуры. Частные факты говорятъ намъ въ данномъ случаѣ очень немного; ихъ, правда, масса, однако, говоря по совѣсти, всѣ они вмѣстѣ взятые не стоятъ одного, грандіознаго, совершающагося ежегодно на глазахъ всѣхъ людей: я имѣю въ виду смѣну временъ года, съ которою тѣсно связанъ пульсъ жизни на нашей планетѣ. Все, окоченѣвшее и замерзшее въ теченіе зимнихъ холодовъ, пробуждается къ дѣятельности вмѣстѣ съ дѣйствіемъ первыхъ теплыхъ лучей солнца и живетъ во всю ширь, когда температура подымается до того optimum'a *), при которомъ наилучшимъ образомъ, такъ ска-

*) Наилучшая температура.

зать, на всѣхъ парахъ идутъ всѣ жизненные процессы среди разнообразнѣйшихъ представителей животнаго и растительнаго царствъ. Лучшаго доказательства вліянія температуры на жизненныя отправленія клѣтки не нужны. Но чтобы показать, какъ колебанія температуры отражаются въ томъ или иномъ случаѣ на различныхъ клѣткахъ и на одноклѣтныхъ организмахъ, я приведу нѣсколько фактовъ.

Въ растительныхъ клѣткахъ разложеніе углекислоты, образованіе крахмала и бѣлковъ, формирующая дѣятельность идетъ все энергичнѣе и энергичнѣе по мѣрѣ повышенія температуры отъ 0° до извѣстнаго optimum'a; дальше повышеніе температуры дѣйствуетъ на живое вещество растительной клѣтки разслабляющимъ образомъ и приводитъ его сперва въ состояніе окоченѣнія, а дальше и къ смерти. Такое же окоченѣніе, а затѣмъ и смерть растительныхъ клѣтокъ можно вызвать и охлажденіемъ. Словомъ, для каждой растительной клѣтки есть извѣстный optimum температуры, при которой она наилучшимъ образомъ ведетъ всѣ свои жизненные процессы: движеніе температуры вверхъ и внизъ отъ этого optimum'a понижаетъ жизненную энергію растительной клѣтки, приводя ее сперва къ окоченѣнію, а затѣмъ уже къ полному распаду, къ смерти. Тоже, собственно говоря, наблюдается и на одноклѣтныхъ животныхъ: вмѣстѣ съ повышеніемъ температуры до опредѣленнаго optimum'a энергичнѣе движутся амебы, все быстрѣе и быстрѣе катятся зернышки протоплазмы въ длинныхъ нитевидныхъ придаткахъ actinosphaerium'a, бойчѣе и ловче работаютъ жгутики и рѣснички на тѣлѣ инфузорій; но вотъ температура переходитъ за optimum, и жизненная энергія всѣхъ этихъ созданій падаетъ. Наконецъ, температура достигла maximum'a; тутъ прекращаются уже всѣ видимые признаки жизни: амебы и actinosphaerium свернулись въ клубочекъ, притихли и инфузоріи. Жизнь замерла... Попробуйте слегка понизить температуру, и жизнь снова забьетъ ключомъ. Въ чемъ сказывается воздѣйствіе тепла на живую матерію? Какъ организмъ, коченѣющій отъ холода и жары, и теряющій всѣ видимые признаки жизни, не теряетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и жизнеспособности, а, наоборотъ, довольно легко возвращается къ жизни? Въ чемъ тутъ тайна и какова *существенная* разница между мнимою и дѣйствительною смертью? Отвѣта нѣтъ, или, вѣрнѣе, есть два, взаимно исключающихъ другъ друга отвѣта: одинъ изъ нихъ покоится на представленіи о жизненной силѣ, другой всецѣло зиждется на «механикѣ атомовъ»...

Въ ряду раздражителей свѣтовая энергія, а попросту свѣтъ, играетъ не меньшее значеніе, чѣмъ тепло. Два-три факта представятъ намъ это вліяніе вполнѣ ясно.

Среди амебъ есть одинъ видъ, проживающій въ болотахъ (Pelomyxa palustris). Эта амеба страдаетъ свѣтобоязнью и ползаетъ только въ темнотѣ: стоитъ направить на нее нѣсколько яркихъ лучей, и движеніе ея прекращается: амеба съеживается въ шаровидный комокъ и

не обнаруживаетъ никакихъ признаковъ жизни, точно ежъ, свернувшійся въ клубокъ, и начинаетъ двигаться только тогда, когда вокругъ нея снова воцарится темнота. Въ противоположность этой, страдающей мракобѣсіемъ амебѣ, одна изъ рѣснитчатыхъ инфузорій, обыкновенно довольно спокойная и малоподвижная, производитъ впечатлѣніе въ высшей степени экзальтированнаго созданія въ тѣхъ случаяхъ, когда на нее нарочно направятъ пучекъ солнечныхъ лучей: тутъ она начинаетъ прыгать, кувыркаться, скакать черезъ другихъ такихъ же, какъ сама, инфузорій и нѣсколько успокаивается только тогда, когда снова попадетъ въ затѣненную часть поля зрѣнія (дѣло происходитъ, само собою разумѣется, подъ микроскопомъ). Что заставляетъ ее такъ вести себя—удовольствіе ли, испытываемое отъ купанія въ яркихъ лучахъ солнца или, наоборотъ, искреннѣйшее желаніе скрыться куда-нибудь поскорѣе отъ свѣта—трудно сказать. Въ другихъ случаяхъ можно съ точностью установить, ищетъ ли клѣтка свѣта или убѣгаетъ отъ него. Особенно характерный въ этомъ отношеніи опытъ приводитъ извѣстный нѣмецкій ботаникъ Негели. Онъ беретъ стеклянную трубку аршина полтора длиною, наполняетъ ее водою и помѣщаетъ въ нее небольшую кучку зеленыхъ зооспоръ *) одной водоросли. Затѣмъ трубка ставится вертикально и вся сплошь, за исключеніемъ нижняго конца, обвертывается черною бумагою. Проходятъ часа два, и всѣ зооспоры скопляются въ нижней, освѣщенной части трубки. Когда же черною бумагою затемняется и нижняя часть трубки, тогда всѣ зооспоры всплываютъ на поверхность и тѣснятся у открытаго отверстія трубки, какъ бы желая получить возможно больше свѣта. Можно, конечно, затемнить и нижній и верхній концы трубки, оставивши свѣтлое кольцо по серединѣ ея: тогда зооспоры съ неизмѣнною вѣрностью своему непосредственному влеченію соберутся у освѣщеннаго кольца. Тутъ, какъ видно, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что свѣтъ играетъ весьма важное значеніе въ жизни зооспоръ: оттого-то онѣ къ нему и тяготѣютъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ качествѣ раздражителя очень сильно дѣйствуетъ электрическая энергія (электричество). Отвѣчая на отдѣльные разряды электрическаго тока, амебы втягиваютъ свои псевдоподіи и принимаютъ круглую форму; протоплазма въ клѣткахъ нѣкоторыхъ растеній распадается на отдѣльныя шарообразныя массы, рѣснички мерцательнаго эпителія ускоряютъ свои движенія, а жгуты инфузорій выходятъ за нормальные предѣлы своей дѣятельности и производятъ нѣсколько сильныхъ, какъ бы судорожныхъ ударовъ.

Особенно обстоятельно прослѣжено вліяніе электрическаго тока на клѣтки Максомъ Ферворномъ. Для своихъ наблюденій онъ бралъ уже извѣстную намъ корненожку actinosphaerium. «Если,—говоритъ онъ,—

*) Подвижныя споры, перемѣщающіяся съ помощью жгутиковъ или бичей.

раздражать постояннымъ токомъ actinosphaerium, когда онъ вытянетъ свои псевдоподіи изъ шарообразнаго тѣла по прямому направленію, подобно солнечнымъ лучамъ, то оказывается, что въ моментъ замыканія тока на псевдоподіяхъ, вытянутыхъ по направленію къ аноду и катоду, становятся замѣтны явленія сокращенія, при чемъ протоплазма псевдоподій собирается въ маленькіе шарики и веретенца и течетъ по направленію къ тѣлу... Затѣмъ становится замѣтнымъ сокращеніе самого тѣла: протоплазма на анодѣ стягивается и распадается отчасти на свои зернышки... Если токъ не размыкать, то тѣло actinosphaerium распадается со стороны анода все далѣе и далѣе... Если же токъ достаточно силенъ, процессъ распаденія быстро идетъ впередъ, пока все тѣло не распадется на безжизненную кучку зернышекъ».

Было бы, конечно, странно, если бы въ ряду другихъ энергій, дѣйствующихъ въ качествѣ раздражителей на живое вещество, обыкновенная *механическая энергія* не оказывала никакого вліянія на протекающіе въ клѣткѣ жизненные процессы. Если подъ микроскопомъ на предметномъ стеклѣ будетъ цѣлое общество разнообразныхъ инфузорій, сравнительно спокойно плавающихъ въ водѣ, и если потревожить ихъ легкимъ постукиваніемъ карандаша по предметному стеклу, то можно воочію убѣдиться насколько чутки инфузоріи къ механическому раздраженію: одна изъ инфузорій, плавно шедшая по прямому направленію, дѣлаетъ нѣсколько сильныхъ взмаховъ своимъ жгутомъ и мѣняетъ свой путь: другая инфузорія—та самая, что танцовала въ лучахъ солнца — производитъ нѣсколько энергичныхъ ударовъ своими рѣсничками и прыгаетъ въ водѣ, какъ угорѣлая; инфузорія-трубачъ останавливаетъ колебаніе своихъ рѣсничекъ и, какъ бы въ испугѣ собирается въ комокъ, а группа граціозныхъ сувоекъ, сидѣвшихъ только что совершенно покойно на своихъ стебелькахъ, внезапно скручиваютъ спиралью стебельки и спускаются глубже. И весь этотъ переполохъ среди населенія капли воды произошелъ отъ легкаго сотрясенія предметнаго стекла.

V.

Во всѣхъ приведенныхъ выше случаяхъ внѣшній раздражитель дѣйствовалъ на клѣтку равномѣрно со всѣхъ сторонъ (исключеніемъ можетъ служить развѣ опытъ Негели съ зооспорами водорослей). Можетъ, однако, статься,—и на самомъ дѣлѣ это встрѣчается гораздо чаще,—что внѣшній раздражитель дѣйствуетъ на живое вещество односторонне, въ одномъ какомъ-нибудь направленіи. Такъ можетъ дѣйствовать любой изъ раздражителей: и свѣтъ, и тепло, и электричество, и химическая энергія; а клѣтка, если только она ничѣмъ не связана въ своихъ движеніяхъ, обыкновенно или приближается къ такимъ односторонне дѣйствующимъ раздражителямъ, или, наоборотъ, убѣгаетъ

отъ нихъ, смотря по индивидуальнымъ особенностямъ своей организаціи и жизнедѣятельности.

Передъ нами, собственно говоря, очень интересная область знанія, отличающаяся богатствомъ фактическихъ данныхъ. Выберемъ изъ нихъ нѣсколько наиболѣе рельефныхъ и характерныхъ.

Прежде всего не мѣшаетъ помнить, что иногда даже такія обыкновенныя физическія вещества, какъ вода и кислородъ, могутъ дѣйствовать притягательнымъ или отталкивающимъ образомъ на нѣкоторыя свободно двигающіяся клѣтки.

Есть одинъ слизистый грибокъ по имени Aethalium: живетъ онъ на корѣ гніющихъ пней; въ извѣстную пору своего развитія грибокъ этотъ представляетъ довольно большую протоплазматическую массу грубо-сѣтчатаго строенія; называютъ ее *плазмодіемъ*. Плазмодій Aetalium'а любитъ влажность и потому, при высыханіи той подстилки, на которой онъ держится, перемѣщается въ мѣста болѣе влажныя.

Предположимъ, что у васъ есть сѣть Aethalium'а, расположившаяся на влажной пропускной бумагѣ. Бумага высыхаетъ; для Aethalium'а влаги уже мало: онъ выпускаетъ отростки и какъ бы ищетъ куда перебраться: вы держите надъ нимъ стеклянную пластинку, покрытую желатиномъ; плазмодій начинаетъ энергично тянуться къ желатиновой пластинкѣ, образуя вертикальныя вѣточки, которыя, наконецъ, достигаютъ желатины. Черезъ нѣкоторое время весь плазмодій оказывается уже не на высохшей пропускной бумагѣ, а на влажной желатиновой пластинкѣ. Еще больше влеченія обнаруживаетъ сѣть Aethalium'а къ настою изъ коры, которымъ она питается. Если къ пластинкѣ, на которой растянутъ плазмодій, поднести комочекъ пропускной бумаги, насквозь пропитанный настоемъ коры, то уже черезъ нѣсколько минутъ отъ протоплазмы Aethalium'а вытягиваются нити и направляются въ сторону этого комка, а черезъ нѣсколько часовъ весь плазмодій сползаетъ съ пластинки и пронизываетъ нитями своей сѣти всѣ промежутки въ комочкѣ изъ пропускной бумаги.

Такова сила влеченія къ излюбленной пищи! Здѣсь живое вещество не только выбираетъ себѣ пищу, но энергично и вполнѣ цѣлесообразно направляетъ свои движенія къ источнику избранной пищи— явленіе въ высшей степени загадочное для такого ничтожнаго по строенію существа, какъ слизистый грибокъ.

Пойдемъ дальше: быть можетъ, другіе факты въ такомъ же духѣ хоть немного приблизятъ насъ къ рѣшенію этой загадки. Вотъ, напримѣръ, въ полѣ зрѣнія микроскопа расположилась довольно крупная одноклѣтная водоросль, *діатомеа*. Она, подобно всѣмъ зеленымъ растеніямъ, поглощаетъ изъ окружающей среды углекислоту и разлагаетъ ее съ помощью хлорофилловыхъ зеренъ, выдѣляя наружу кислородъ. Тутъ же, подъ микроскопомъ, плаваетъ цѣлая стая бактерій-*спирохетъ*, которыя обступили со всѣхъ сторонъ водоросль и держатся

тѣсно возлѣ нея, хотя кругомъ свободнаго мѣста достаточно. Но вотъ діатомеа, которая только что лежала въ водѣ неподвижно, медленно поплыла впередъ, оставивши далеко за собою окружавшихъ ее спирохетъ; сейчасъ она свободна отъ нихъ. Проходитъ, однако, нѣсколько мгновеній, и вся толпа спирохетъ, точно сообразивши въ чемъ дѣло, стремглавъ несется за діатомеей, толкаясь и обгоняя другъ друга, догоняетъ ее и снова окружаетъ со всѣхъ сторонъ (Ферворнъ). Откуда такая привязанность лиллипутовъ микроскопическаго міра къ колоссу-діатомеѣ? Дѣло объясняется очень просто: спирохетъ привлекаетъ тотъ кислородъ, который выдѣляетъ водоросль — за нимъ погоня, а не за діатомеей, кислородъ манитъ бактерій, а не сама водоросль.

Эти бактеріи, такъ страстно любящія кислородъ, оказали ботаникамъ весьма важную услугу: съ помощью ихъ удалось доказать окончательно, что разложеніе углекислоты происходитъ не въ протоплазмѣ листовыхъ клѣтокъ, а въ хлорофилловыхъ зернахъ. Если мы выберемъ для микроскопическаго изслѣдованія такой листъ, «клѣточки котораго содержатъ крупные и далеко другъ отъ друга удаленныя хлорофилловыя зерна, то увидимъ, что бактеріи собираются *лишь вокругъ этихъ зеренъ, а не въ протоплазмѣ между ними*» (Ванъ-Тигемъ). Почему это такъ—не трудно догадаться, ибо изъ хлорофилловыхъ зеренъ выдѣляется кислородъ, образующійся при разложеніи угольной кислоты.

Наконецъ, тѣ же бактеріи показываютъ очень наглядно, что различно окрашенные лучи солнечнаго спектра далеко не одинаково дѣйствуютъ на угольную кислоту. Впрочемъ, опытъ, доказывающій это, настолько любопытенъ, что я опишу его подробно: онъ еще разъ убѣдитъ насъ въ существованіи *избирательной способности* у такихъ ничтожныхъ созданій, какъ бактеріи.

Возьмемъ тонкій разрѣзъ листа мха, помѣстимъ его на предметномъ стеклѣ въ каплѣ воды и затѣмъ освѣтимъ поле зрѣнія микроскопа солнечными лучами, которые предварительно прошли сквозь призму. Нашъ препаратъ будетъ, такимъ образомъ, погруженъ въ микроскопическій спектръ, и различныя клѣтки листа будутъ находиться подъ вліяніемъ различно-окрашенныхъ лучей: однѣ подъ вліяніемъ только красныхъ (въ красной части спектра), другія—только зеленыхъ, третьи—только фіолетовыхъ и т. д. Если теперь туда же, въ каплю съ тонкимъ разрѣзомъ листа, пустить бактерій, то онѣ, проплававши нѣкоторое время, соберутся у поверхности клѣтокъ. Но больше всего ихъ соберется у тѣхъ клѣтокъ, которыя находятся въ полосѣ красныхъ лучей, и совсѣмъ не будетъ ихъ тамъ, гдѣ проходитъ зеленая полоса спектра. Ихъ притягиваетъ кислородъ, а кислородъ образуется больше всего въ тѣхъ клѣткахъ, которыя попали въ полосу красныхъ лучей, такъ какъ красные лучи сильнѣе всего разлагаютъ угольную кислоту: оттого-то бактеріи и скопляются въ громадномъ числѣ у поверхности клѣтокъ, освѣщенныхъ красными лучами солнечнаго спектра. Зеленые лучи со-

всѣмъ не дѣйствуютъ на углекислоту: значитъ, клѣтки, расположенныя въ зеленой полосѣ свѣта, совсѣмъ не выдѣляютъ кислорода; поэтому-то онѣ и не удостаиваются посѣщенія бактерій (Страсбургеръ, Ванъ-Тигемъ).

Также подвержены одностороннему дѣйствію химическихъ раздражителей и лейкоциты (бѣлые кровяные шарики) позвоночныхъ животныхъ, тѣ самые лейкоциты, которые такъ энергично защищаютъ организмъ отъ зловредныхъ бактерій. Многіе изъ ученыхъ (Мечниковъ, Массаръ, Гертвигъ, Ферворнъ) думаютъ, что лейкоциты имѣютъ какое-то непреодолимое влеченіе къ жидкимъ продуктамъ выдѣленій бактерій. Поселившись въ тѣлѣ какого-нибудь животнаго, бактеріи вырабатываютъ особенныя вещества, и вотъ эти-то вещества привлекаютъ лейкоцитовъ къ бактеріямъ, указывая мѣстопребываніе послѣднихъ въ тѣлѣ зараженнаго животнаго. Такимъ образомъ, бактеріи сами подаютъ сигналъ къ борьбѣ съ лейкоцитами, привлекая къ себѣ опаснаго и злостнаго врага выдѣленіями собственнаго тѣла. Чтобы доказать это, Массаръ, а за нимъ и другіе продѣлали такого рода опытъ: въ короткую капиллярную трубку, запаянную съ одного конца и открытую съ другого, помѣщается культура съ микроорганизмами, вызывающими гнойное воспаленіе; затѣмъ эта трубочка вставляется подъ кожу кролика и лежитъ тамъ часовъ 12—15. Если послѣ этого вынуть трубочку и размотрѣть подъ микроскопомъ бѣловатый сгустокъ, заполнившій подобно пробкѣ открытый конецъ трубки, то окажется, что сгустокъ этотъ весь сплошь состоитъ изъ лейкоцитовъ, собравшихся, очевидно, на борьбу съ микроорганизмами.

Остроумный опытъ Массара не доказываетъ, однако, того, что онъ пытается доказать. Изъ того, что лейкоциты направляются цѣлыми толпами туда, гдѣ скопляется бактеріальная зараза, еще не слѣдуетъ, что они приманиваются не самими бактеріями, а выдѣляемыми ими продуктами обмѣна веществъ. Вѣдь лейкоциты устремляются не только къ тѣмъ пунктамъ, гдѣ скопляются бактеріи, но также и въ тѣ мѣста, гдѣ собираются остатки и обломки мертвыхъ тканей и красныхъ кровяныхъ шариковъ, гдѣ очутилось по чему-либо постороннее тѣло въ родѣ занозы и т. п. Что же привлекаетъ лейкоцитовъ въ подобныхъ случаяхъ? Опять «выдѣленія»? Но какія, чьи? Во всякомъ случаѣ, опытамъ Массара нельзя приписывать рѣшающаго значенія. Они только наглядно, и, правда, очень наглядно, показываютъ, что лейкоциты склонны стекаться къ тѣмъ пунктамъ, гдѣ гнѣздятся болѣзнетворныя бактеріи—вотъ и все.

Особенно интересные опыты съ одностороннимъ дѣйствіемъ различныхъ химическихъ веществъ на клѣтку производилъ извѣстный ботаникъ Пфефферъ.

Онъ бралъ капиллярныя трубки, запаянныя съ одного конца и открытыя съ другого, наполнялъ ихъ различными химическими веще-

ствами и помѣщалъ въ среду, гдѣ плавали подвижныя споры грибовъ, водорослей и папортниковъ, сперматозоиды различныхъ животныхъ, рѣснитчатыя и жгутиковыя инфузоріи. Опытовъ было произведено много, и всѣ они показали, что различныя подвижныя клѣтки не одинаково относятся къ различнымъ химическимъ веществамъ: кто сторонится отъ однихъ изъ нихъ и тянется къ другимъ, кто остается вовсе индифферентнымъ къ нѣкоторымъ изъ раздражителей. Опыты Пфеффера, какъ полагаютъ нѣкоторые изъ современныхъ ученыхъ, объясняютъ слѣдующее чрезвычайно важное явленіе въ области біологіи.

Безбрежныя воды океана населены тысячами видовъ животныхъ и растеній. Всѣ они размножаются, и очень многіе — путемъ предварительнаго оплодотворенія женскихъ элементовъ размноженія (яйца) мужскими (сперматозоиды, андроспоры и т. под.); оплодотвореніе же очень часто совершается не внутри органовъ размноженія, а въ самой водѣ. Тысячи разнообразныхъ яицъ плаваютъ въ водѣ, цѣлые легіоны разнообразнѣйшихъ живчиковъ отъ самыхъ различныхъ животныхъ и растеній шныряютъ тутъ же; и, не смотря на этотъ видимый хаосъ, сперматозоиды каждаго отдѣльнаго вида животныхъ и зооспоры каждаго отдѣльнаго вида растеній отыскиваютъ и оплодотворяютъ яйца своего же собственнаго вида. Почему не происходитъ ошибокъ? Что руководитъ сперматозоидами въ ихъ движеніяхъ? Какая невидимая сила приводитъ и наталкиваетъ ихъ на родныя яйца? Полагаютъ, что направляющую роль во всѣхъ подобныхъ случаяхъ играютъ продукты выдѣленія различныхъ яицъ: какъ спирохета устремляется къ тѣмъ мѣстамъ микроскопическаго поля зрѣнія, гдѣ есть кислородъ, такъ и каждый видъ сперматозоидовъ и зооспоръ притягивается продуктами выдѣленія яицъ своего же вида.

Объясненіе это производитъ впечатлѣніе какой-то натяжки. Думать, что едва замѣтныя количества выдѣленій каждаго отдѣльнаго яйца (микроскопической клѣтки!), растворяющіяся, *исчезающія въ колоссальныхъ массахъ воды* морей и океановъ, могутъ притягивать къ себѣ сперматозоидовъ направлять въ ту или, иную сторону ихъ движенія,—чтобы думать такъ, нужно быть больше чѣмъ гомеопатомъ. А между тѣмъ, блестящія изслѣдованія Пфеффера какъ будто и склоняютъ къ тому, чтобы принять это больше чѣмъ гомеопатическое объясненіе. Представьте себѣ только слѣдующее: если капиллярную трубочку, въ которой находится всего лишь *одна тридцати пяти милліонная часть миллиграмма яблочной кислоты*, помѣстить въ каплю жидкости, гдѣ плаваютъ живчики папортниковъ, то они испытываютъ уже нѣкоторое раздраженіе, оставляютъ поле зрѣнія и устремляются въ трубочку. Чувствительность просто поразительная! Не слѣдуетъ, однако, забывать, что если ничтожное количество, положимъ, яблочной кислоты оказываетъ притягательное дѣйствіе на живчиковъ, расположившихся въ *каплѣ воды*, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что и минимальныя количества выдѣленій яицъ и яйцевыхъ

клѣтокъ способны оказывать такое же дѣйствіе на живчиковъ, плавающихъ въ *водѣ рѣкъ, морей и океановъ.*

Что же, однако, представляютъ всѣ эти «притяженія» къ однимъ химическимъ веществамъ и «отталкиваніе» отъ другихъ? Неужели одинъ только простой физико-химическій процессъ? Замѣчательно, однако, что свободныя клѣтки всегда почти притягиваются къ веществамъ полезнымъ и отталкиваются отъ веществъ, вредно дѣйствующихъ. Это какъ будто уже цѣлесообразность, и что-то плохо вяжется съ чисто механическимъ пониманіемъ явленій притяженія и отталкиванія. Не нужно также думать, что во всѣхъ вышеизложенныхъ наблюденіяхъ мы непремѣнно имѣемъ дѣло съ чѣмъ-то таинственнымъ, чудеснымъ — нисколько. Не къ чему только увлекаться и думать, что наука знаетъ то, чего она вовсе не знаетъ, не нужно впадать въ другую крайность, стараясь сдѣлать простымъ то, что на самомъ дѣлѣ далеко не просто...

Приведу еще нѣсколько фактовъ, изъ которыхъ видно, какъ относятся одноклѣтные организмы къ одностороннимъ раздраженіямъ при помощи свѣта, электричества и тепла. Въ общемъ и здѣсь наблюдается то же, что и въ предыдущихъ случаяхъ: однѣ изъ зооспоръ, инфузорій, бактерій и т. п. избѣгаютъ свѣта, другія ищутъ его, однѣ не любятъ тепло, другія, наоборотъ, стремятся къ нему, однѣ сосредоточиваются у положительнаго электрода (анодъ), другія, напротивъ, предпочитаютъ группироваться у отрицательнаго электрода (катодъ). Такъ, напримѣръ, зооспоры одной водоросли (Ulotrix), помѣщенныя въ каплѣ воды, устремляются большею частью къ той сторонѣ капли, которая лучше освѣщена; однако, не всѣ онѣ поступаютъ такъ: одна часть, напротивъ, убѣгаетъ отъ свѣта и прячется въ неосвѣщенномъ краѣ капли. Движеніе зооспоръ въ противоположномъ направленіи представляетъ въ высшей степени любопытное и оригинальное зрѣлище. Если повернуть препаратъ съ зооспорами такъ, чтобы неосвѣщенная сторона капли обратилась къ источнику свѣта, а освѣщенная, наоборотъ, очутилась въ тѣни, то собравшіяся на противоположныхъ краяхъ зооспоры, точно по данному сигналу, побѣгутъ другъ другу на встрѣчу, стараясь занять излюбленныя позиціи: «свѣтолюбивыя» занимаютъ освѣщенный край капли, а «свѣтобоязливыя» располагаются на затѣненной сторонѣ ея. При этомъ не обходится дѣло и безъ курьезовъ, конечно: нѣкоторыя изъ зооспоръ, точно испуганныя неожиданной перемѣной въ окружающей ихъ обстановкѣ, летятъ въ сторону, сами не зная, куда и зачѣмъ, затѣмъ внезапно останавливаются на полпути и снова возвращаются къ тому мѣсту, откуда вышли (Страсбургеръ).

Нѣчто подобное продѣлываютъ и инфузоріи-парамеціи подъ вліяніемъ односторонне-дѣйствующаго теплового раздраженія. Если при помощи особенныхъ приспособленій къ микроскопу нагрѣть неравномѣрно жидкость, въ которой находятся парамеціи, больше, чѣмъ на 25° С., то инфузоріи живо удаляются въ болѣе холодныя части жид-

кости; если же температура той части жидкости, гдѣ скопились парамеціи, быстро падаетъ, то онѣ перебѣгаютъ въ другія, болѣе нагрѣтыя части ея. Особенно хорошо видно одностороннее вліяніе температуры на жизнедѣятельность клѣтки изъ слѣдующаго наблюденія.

Плазмодій Aethalium'а, — тотъ самый, что такъ жадно поглощалъ настой изъ коры,— особенно хорошо чувствуетъ себя при температурѣ около 30° тепла; поэтому, если взять два стакана—одинъ съ холодною водой, а другой съ нагрѣтою до 30—32°—поставить ихъ рядомъ бокъ-о-бокъ и перекинуть изъ одного стакана въ другой длинную полоску пропускной бумаги, на которой расползся плазмодій, то по прошествіи нѣкотораго времени весь плазмодій переберется въ стаканъ съ теплою водой. Интересно знать, теплота ли тянула на корѣ плазмодій изъ холодной среды въ теплую, или онъ самъ, путемъ цѣлаго ряда *цѣлесообразныхъ* движеній переползъ въ болѣе подходящую для его жизни среду?..

Еще одно наблюденіе и мы покончимъ съ вопросомъ о вліяніи различныхъ силъ на жизнедѣятельность клѣтки.

Въ каплѣ жидкости, черезъ которую проходитъ гальваническій токъ, *рѣсничатыя* инфузоріи группируются у *отрицательнаго полюса* (катодъ), а *жгутиковыя*, напротивъ, размѣщаются у *положительнаго полюса* (анодъ). Теперь не трудно представить себѣ, какая страшная суматоха должна произойти въ каплѣ жидкости *съ рѣсничатыми и жгутиковыми инфузоріями*, если только пропустить черезъ нее электрическій токъ.

Сначала, пока электричество еще не дѣйствуетъ, и рѣсничатые, и жгутиковыя инфузоріи снуютъ безпорядочно во всѣ концы своего ограниченнаго мѣстообиталища. Но вдругъ по всей ихъ территоріи стрѣлой проносится какое-то возбужденіе: электричество пущено, и всѣ рѣсничатыя спѣшатъ къ катоду, а жгутиковыя—къ аноду. Еще нѣсколько мгновеній, и каждая партія, совершенно угомонившись, твердо держится у своей позиціи. Тутъ экспериментатору приходитъ въ голову фантазія измѣнить направленіе тока: тамъ, гдѣ былъ положительный полюсъ, теперь — отрицательный, а гдѣ былъ отрицательный — тамъ положительный. Что же инфузоріи? Какъ только направленіе тока было измѣнено, обѣ партіи инфузорій, рѣсничатыя и жгутиковыя, ринулись навстрѣчу другъ другу, пронеслись мимо и снова заняли мѣста на противоположныхъ полюсахъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что способность раздражаться и такъ или иначе отвѣчать на дѣйствія различныхъ раздражителей составляетъ характерную особенность живого вещества. *Каждая клѣтка, каждый одноклѣтный организмъ по своему реагируетъ на внѣшнія импульсы, по своему измѣняется, по своему и приспособляется.*

VI.

Еще очень недавно думали, что протоплазма—единственная вершительница жизненныхъ судебъ клѣтки, что все, встрѣчающееся въ клѣткѣ—оболочка, ядро, ядрышко, зерна крахмала и хлорофилла—продуктъ ея жизнедѣятельности, твореніе ея рукъ. Теперь протоплазма отошла на второй планъ и мѣсто ея заняло клѣточное ядро. Ядро теперь для нѣкоторыхъ біологовъ все: въ немъ, какъ въ носителѣ наслѣдственныхъ качествъ, и минувшая слава нашихъ предковъ, и грядущій позоръ нашихъ потомковъ.

Въ оправданіе сошлюсь на слова нѣкоторыхъ ученыхъ.

«Многіе изъ современныхъ ученыхъ,—говоритъ проф. Бородинъ,—готовы искать всю жизненную суть въ ядрахъ, видѣть въ нихъ однихъ носителей всѣхъ наслѣдственныхъ свойствъ организма; протоплазму же они низводятъ на степень питающей массы, кормилицы ядра».

«Прежніе изслѣдователи протоплазмы,—говоритъ Максъ Ферворнъ,—были убѣждены, что главныя жизненныя явленія обнаруживаются протоплазмою, и что протоплазма есть единственный носитель всѣхъ жизненныхъ явленій... Рядъ изслѣдованій показалъ, что клѣточное ядро играетъ при различныхъ жизненныхъ явленіяхъ важную роль... Немедленно вслѣдъ за этимъ первоначальное мнѣніе о единовластіи протоплазмы измѣнилось въ противоположное, въ представленіе о единовластіи ядра. Подобно маятнику, мнѣнія переходятъ сначала точку покоя въ обѣ крайнія стороны и, лишь спустя нѣкоторое время, останавливаются прочно въ правильной серединѣ».

Самый фактъ всѣхъ этихъ увлеченій, преувеличеній и шатаній изъ одной крайности въ другую показываетъ, что современная біологія многаго еще не знаетъ о строеніи, свойствахъ и жизненныхъ отправленіяхъ какъ протоплазмы, такъ и ядра, и что ученые нашихъ дней еще далеки отъ той «правильной середины», о которой мечтаетъ почтенный профессоръ іенскаго университета. Не показываетъ ли это, между прочимъ, что ни витализмъ, ни антивитализмъ не сумѣютъ сдѣлать прочныхъ завоеваній на такой шаткой почвѣ? Не показываетъ ли это, что самый споръ между сторонниками той и другой доктрины въ значительной степени обязанъ тому разногласію, которое царитъ сейчасъ въ наукѣ по вопросу о структурѣ, функціяхъ и взаимныхъ отношеніяхъ ядра и протоплазмы?

Намъ предстоитъ еще указать, разумѣется, совершенно объективно, на нѣкоторые факты, вдохновляющіе какъ сторонниковъ, такъ и противниковъ витализма.

«Существуетъ ли одинъ только родъ ядернаго вещества, или много—это вопросъ спорный», говоритъ Рихардъ Гертвигъ; а между тѣмъ Оскаръ Гертвигъ категорически утверждаетъ, что «въ ядрѣ всегда можно доказать присутствіе двухъ, а часто даже трехъ или четырехъ

веществъ». Важнѣйшими и постоянными составными частями ядра, по мнѣнію уже обоихъ Гертвиговъ, слѣдуетъ считать *нуклеинъ* (отъ слова nycleus—ядро), вещество легко и хорошо окрашивающееся нѣкоторыми реактивами, и *парануклеинъ*, вещество, которое окрашивается слабо или вовсе не принимаетъ краски и встрѣчается въ ядрѣ въ видѣ маленькихъ шариковъ и зеренъ (это такъ называемыя ядрышки). На вопросъ, что такое нуклеинъ и парануклеинъ, приходится, къ сожалѣнію, отвѣтить стереотипнымъ выраженіемъ: «пока еще не выяснено». Извѣстно, что и тотъ, и другой—бѣлки, но, какъ и всѣ вообще бѣлки, мало изслѣдованы и изучены; отъ другихъ бѣлковъ они отличаются тѣмъ, что кромѣ кислорода, водорода, углерода, азота и сѣры, содержатъ еще небольшое количество фосфора. Однако, каковы химическія свойства, молекулярная структура и функціональныя особенности ихъ—все это пока извѣстно очень мало.

Остановимся для иллюстраціи только-что сказаннаго на вопросѣ объ отношеніи ядра къ протоплазмѣ, или, точнѣе, на вопросѣ о томъ, могутъ ли существовать одноклѣтные *безъядерные* организмы, или нѣтъ.

Пренебрежительное отношеніе къ протоплазмѣ и увеличенное мнѣніе о роли ядра, отразилось въ высшей степени неблагопріятно на рѣшеніи этого любопытнаго вопроса: изъ того факта, что *тамъ, гдѣ ядро существуетъ*, оно играетъ очень важную и отвѣтственную роль, заключили, что безъ ядра немыслима и жизнь клѣтки. Словомъ, безъядерныя клѣтки упразднили, рѣшивши, что если въ какихъ-либо клѣткахъ ядра до сихъ поръ и не отысканы, то *должны быть отысканы*, ибо того требуютъ теоретическія представленія о протоплазмѣ и ядрѣ.

Правда, изъ дальнѣйшаго изложенія видно будетъ, что въ дѣлѣ размноженія организмовъ и въ явленіяхъ наслѣдственности ядро имѣетъ, по всей вѣроятности, первенствующее значеніе. Однако, отъ признанія за ядромъ такого именно значенія до признанія его «единовластія» въ жизни клѣтки еще очень далеко. Допустимъ даже, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые изслѣдователи, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, *когда клѣтка содержитъ ядро*, протоплазма ея находится подъ началомъ у ядра, и все, что ни дѣлаетъ, дѣлаетъ лишь подъ его вліяніемъ и командой. Что же изъ этого слѣдуетъ? Почему не думать, что у *безъядерныхъ* клѣтокъ протоплазма беретъ на себя и ту работу, которую въ клѣткахъ съ ядрами исполняютъ послѣднія? Существуютъ, однако, факты, которые, повидимому, служатъ самымъ нагляднымъ доказательствомъ въ пользу того мнѣнія, что безъядерныхъ клѣтокъ нѣтъ и не можетъ быть.

Представьте себѣ въ самомъ дѣлѣ такого рода картину.

Подъ микроскопомъ копошится нѣсколько десятковъ простѣйшихъ одноклѣтныхъ организмовъ съ *ядрами*; жизнь ихъ въ полномъ разгарѣ: они суетятся, ловятъ добычу, перевариваютъ пищу, растутъ и размножаются на глазахъ наблюдателя. Но вотъ послѣднему вздумалось отнять у нѣкоторыхъ изъ нихъ ядра. Что же оказывается? Несчастные уродцы

поприт ихли, очень ослабли, еле волочатъ свое тѣло, почти не принимаютъ никакой пищи и черезъ нѣкоторое время погибаютъ. Однако, этимъ дѣло не ограничивается, и экспериментаторъ затѣваетъ цѣлый рядъ новыхъ опытовъ и наблюденій. Онъ беретъ простѣйшій организмъ и дѣлитъ протоплазму его на нѣсколько кусочковъ, оставляя при одномъ изъ нихъ ядро; другой одноклѣтный организмъ разсѣкается такъ же на нѣсколько отдѣльныхъ участковъ, но при этомъ въ каждомъ изъ отрѣзковъ протоплазмы оставляется небольшой обломокъ ядра. По прошествіи нѣкотораго времени наблюдатель замѣчаетъ, что всѣ кусочки протоплазмы *безъ ядра* погибли, тогда какъ тотъ отрѣзокъ, при которомъ было оставлено цѣлое ядро, а также всѣ кусочки *съ обломками ядеръ* продолжаютъ жизнь какъ ни въ чемъ не бывало (Нуссбаумъ, Груберъ).

Доктринерски-настроенный изслѣдователь послѣ всѣхъ этихъ опытовъ уже безповоротно рѣшаетъ, что безъядерныхъ клѣтокъ нѣтъ и не можетъ быть, такъ какъ ядро -хранилище жизненныхъ свойствъ, тамъ, гдѣ нѣтъ ядра, нѣтъ и жизни.

Всѣ вышеприведенные опыты, очень интересные и цѣнные сами по себѣ, показываютъ лишь, что одноклѣтные организмы, *содержащіе ядра*, не могутъ жить безъ послѣднихъ. Но могутъ ли они жить безъ протоплазмы, могутъ ли они двигаться, питаться, обмѣнивать вещества, расти, испытывать раздраженія безъ протоплазмы? Безусловно нѣтъ; по крайней мѣрѣ, никто еще этого не доказалъ *). Ядрасодержащія клѣтки по сравненію съ безъядерными болѣе совершенны; значитъ, въ такихъ клѣткахъ жизненная (физіологическая) работа распредѣлена между двумя элементами, протоплазмой и ядромъ: они могутъ жить лишь при совмѣстной и солидарной работѣ протоплазмы и ядра. У безъядерныхъ менѣе совершенныхъ клѣтокъ нѣтъ еще такого физіологическаго раздѣленія труда: у нихъ протоплазма самоотверженно несетъ на себѣ всѣ жизненныя тягости, работаетъ и за себя и за несуществующее еще ядро. По мѣрѣ того, какъ безъядерныя клѣтки, благодаря постепенному совершенствованію, превращались въ клѣтки съ ядрами, протоплазма ихъ теряла нѣкоторыя изъ своихъ жизненныхъ свойствъ, теряла по тому, что часть жизненной работы брало на себя новоявленное ядро. Нѣтъ, значитъ, ничего удивительнаго въ томъ, что теперь клѣтки съ ядрами, будучи лишены ядеръ, «функціонируютъ слабо и черезъ нѣсколько времени умираютъ» и было бы въ высшей степени не научно утверждать на основаніи приведенныхъ выше наблюденій, что «всѣ «жизненныя проявленія протоплазмы совершаются, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ ядра» **).

---

*) Вопросъ о существованіи организмовъ (простѣйшихъ, конечно), у которыхъ все тѣло состоитъ цѣликомъ изъ *ядернаго вещества* находится подъ большимъ сомнѣніемъ и не имѣетъ пока за себя безспорныхъ фактическихъ данныхъ.

**) Рихардъ Гертвигъ.

Итакъ, a priori нѣтъ основанія отрицать существованіе безъядерныхъ формъ. Что говорятъ на этотъ счетъ прямые факты?

Многимъ, по всей вѣроятности, извѣстно, что Геккель выдѣлилъ изъ разнообразной среды простѣйшихъ одноклѣтныхъ организмовъ особенную группу, представителей которой онъ окрестилъ общимъ именемъ *монеръ*. Всѣ монеры, по утвержденію Геккеля, лишены ядеръ. Съ тѣхъ поръ, какъ Геккель высказалъ эту мысль прошло лѣтъ 25—30. Микроскопъ значительно улучшился, и у многихъ изъ монеръ Геккеля были найдены ядра. Поклонники ядра рѣшили, что *всѣ* монеры снабжены ядрами, и что безъядерныхъ организмовъ не существуетъ. Рѣшили, но пока еще не доказали, такъ что и теперь еще стоитъ открытымъ вопросъ,—возможны ли безъядерныя клѣтки, или нѣтъ? Для однихъ, напримѣръ, нѣкоторыя изъ геккелевскихъ монеръ и большинство бактерій безъядерны; для другихъ онѣ ничто иное, какъ сплошныя, чистыя ядра. Однимъ кажется, что нельзя говорить о присутствіи ядра тамъ, гдѣ оно еще не найдено; другіе, напротивъ, находятъ, что можно и даже очень можно, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, микроскопъ современемъ будетъ еще больше усовершенствованъ и обнаружитъ ядра въ такихъ клѣткахъ, гдѣ мы ихъ еще не видимъ **).

Во всякомъ случаѣ въ настоящее время можно доказывать существованіе безъядерныхъ организмовъ съ такимъ же правомъ, какъ и отрицать таковое. Оскаръ Гертвигъ, напр., говоритъ, что «допущеніе, согласно которому микроорганизмы состоятъ только или преимущественно изъ ядра», имѣетъ за себя, по крайней мѣрѣ, столько же, если не больше, какъ и допущеніе, по которому эти организмы представляютъ собою простые комочки протоплазмы. А Рихардъ Гертвигъ не только утверждаетъ, что «нѣкоторыя теоретическія соображенія заставляютъ его принимать существованіе безъядерныхъ организмовъ», но и въ своемъ учебникѣ зоологіи, новѣйшемъ изъ учебниковъ, при разсмотрѣніи корненожекъ, выдѣляетъ изъ нихъ особенную группу, которую называетъ именемъ Monerae въ геккелевскомъ смыслѣ.

Во всякомъ случаѣ, вопросъ этотъ, очень важный при сужденіи о взаимныхъ отношеніяхъ ядра и протоплазмы, остается пока открытымъ.

Пойдемъ, однако, дальше въ этомъ вопросѣ о взаимныхъ отношеніяхъ между ядромъ и протоплазмой. Цѣлый рядъ опытовъ надъ различными одноклѣтными организмами, предпринятыхъ Эймеромъ и Гоферомъ, склонялъ ученыхъ къ тому выводу, что въ явленіяхъ движенія клѣтки доминирующую роль играетъ ядро. Но вслѣдъ за этимъ появились наблюденія и опыты Бальбіани и Ферворна; и тотъ, и другой въ свою очередь, манипулировали надъ одноклѣтными организмами. Ока-

---

**) Бючли удалось доказать существованіе въ бактеріяхъ двухъ различныхъ веществъ, изъ которыхъ одно, хорошо окрашивающееся, представляетъ собою, повидимому, *ядерное* вещество; во всякомъ случаѣ это пока дѣло нерѣшенное.

зывается, что протоплазма этихъ организмовъ продолжаетъ присущія ей движенія даже тогда, когда ядро изъ нея удалено. Это обстоятельство даетъ Ферворну полное право придти къ слѣдующему выводу: «Если нормальное движеніе протоплазмы продолжается еще цѣлыми днями по удаленіи ядра, то ядро никоимъ образомъ не можетъ быть регуляторнымъ центромъ движенія; вмѣстѣ съ этимъ падаетъ и теорія, приписывающая ему такое значеніе».

Если далѣе мы перейдемъ къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ ядра и протоплазмы при обмѣнѣ веществъ въ клѣткѣ, то и здѣсь натолкнемся прежде всего на разногласія.

Въ то время, какъ одни изъ ученыхъ находятъ возможнымъ указывать на первенствующую роль ядра при обмѣнѣ, другіе, напротивъ, продполагаютъ лишь солидарную работу обоихъ жизнедѣятельныхъ элементовъ клѣтки, т. е. протоплазмы и ядра. Максъ Ферворнъ, который во всѣхъ, почти вопросахъ, касающихся жизнедѣятельности клѣтокъ, старается быть возможно объективнымъ, и здѣсь находитъ нужнымъ заявить, что «между протоплазмой и ядромъ происходитъ взаимный обмѣнъ веществъ, безъ котораго не можетъ существовать ни одна изъ этихъ частей клѣтки», и что «ядро и протоплазма одинаково участвуютъ въ вещественномъ обмѣнѣ всей клѣтки и одинаково необходимы для ея существованія».

Теперь намъ остается ознакомиться съ однимъ изъ интереснѣйшихъ явленій въ жизни клѣтки, съ ея размноженіемъ. Размноженіе клѣтокъ и одноклѣтныхъ организмовъ должно служить ключомъ къ пониманію этого важнаго физіологическаго процесса во всемъ организованномъ мірѣ; съ размноженіемъ тѣсно связанъ спорный еще въ наукѣ вопросъ о развитіи организмовъ; размноженіе идетъ рука объ руку съ передачею изъ поколѣнія въ поколѣніе структурныхъ и функціональныхъ особенностей. Какъ же наука рѣшаетъ этотъ вопросъ? Какую роль отводитъ она ядру и протоплазмѣ клѣтки въ этомъ именно процессѣ?

Не останавливаясь на подробностяхъ размноженія, чрезвычайно сложныхъ и трудно уяснимыхъ безъ непосредственнаго наблюденія, приводимъ общее заключеніе, что измѣненія ядеръ, имѣющія мѣсто при дѣленіи клѣтокъ и при коньюгаціи и одноклѣтныхъ организмовъ, невольно наводятъ на мысль о «единовластіи ядра, о первенствующемъ значеніи его въ дѣлѣ размноженія». Но съ размноженіемъ тѣсно связана и наслѣдственная передача признаковъ. Не слѣдуетъ ли отсюда, что ядро, а не протоплазма, является носителемъ наслѣдственныхъ качествъ? Такъ склонны думать многіе изъ выдающихся ученыхъ нашихъ дней—братья Гертвиги, Вейсманъ, Де-Фризъ, Негели, Визнеръ и др. Однако, всегда осторожный въ своихъ выводахъ, всегда вѣрный научному безпристрастію, Ферворнъ и тутъ считаетъ нужнымъ остановиться на «правильной серединѣ». «То, что опредѣляетъ характеръ каждой клѣтки,—говоритъ

онъ,— есть ея своеобразный вещественный обмѣнъ. Если, слѣдовательно, особенности клѣтки должны передаваться по наслѣдству, то долженъ передаваться по наслѣдству и характерный для нея вещественный обмѣнъ, а это мыслимо лишь въ томъ случаѣ, если дочернимъ клѣткамъ будетъ передаваться *вещество ядра и протоплазма* со всѣми особенностями ихъ вещественнаго обмѣна. Послѣднее касается какъ полового размноженія высшихъ организмовъ, такъ и безполаго размноженія одноклѣтныхъ организмовъ... Можно ли сводить жизнедѣятельность клѣтокъ къ одному лишь вещественному обмѣну ихъ, или нѣтъ—это еще вопросъ, подлежащій строгому, всестороннему научному обсужденію. Одно лишь несомнѣнно: протоплазма, играющая, какъ мы видѣли, важную роль въ самыхъ разнообразныхъ функціяхъ клѣтки, не можетъ быть чужда, по крайней мѣрѣ, нѣкотораго вліянія на процессы размноженія и наслѣдственной передачи признаковъ изъ поколѣнія въ поколѣніе».

Итакъ, мы разсмотрѣли въ общихъ чертахъ всѣ важнѣйшія явленія въ жизни клѣтокъ. Теперь читатель имѣетъ право поставить цѣлый рядъ слѣдующихъ вопросовъ:

Чѣмъ вызывается «избирательная» способность и «формирующая» дѣятельность клѣтки? Какъ клѣтки избираютъ, активно или пассивно? Каковы тѣ силы, которыя ставятъ протоплазму и ядро въ положеніе геніальнѣйшихъ изъ зодчихъ, строющихъ «организованную» матерію? Чѣмъ вызывается движеніе протоплазмы внутри клѣтокъ и движеніе всевозможныхъ инфузорій, сперматозоидовъ, зооспоръ? Что сказать про способность клѣтокъ измѣнять свои жизненные процессы подъ вліяніемъ различныхъ раздражителей, про эту дивную способность искать благопріятныхъ вліяній и избѣгать вредныхъ, про эту своеобразную «избирательную» дѣятельность? Какъ, наконецъ, понимать проблемы размноженія и наслѣдственной передачи признаковъ? Что такое все это—*механизмъ или нѣчто болѣе сложное?*

Виталистамъ и сторонникамъ механическаго міровоззрѣнія предстоитъ дать отвѣтъ на всѣ эти вопросы, если только они желаютъ прочнаго, а не эфемернаго успѣха своимъ доктринамъ.

В. Лункевичъ.

ТИШИНА.

(Изъ Марiи Конопницкой).

Какъ тихо!..
                    Но чьи же то вздохи, чей ропотъ
    Такъ смутно несутся въ ночной тишинѣ?
    Какой же невнятный загадочный шопотъ
    Отъ дремлющихъ розъ долетаетъ ко мнѣ?
    И сердце земное забилось во снѣ...
Какъ тихо!..
                    Чей зовъ то, чей слышится голосъ?
    Чья дивная пѣсня трепещетъ какъ духъ?
    И чье дуновенье подъемлетъ мнѣ волосъ.
    Чье слово беззвучно закралось въ мой слухъ
        Безумнаго полное горя?..
Какъ тихо!..
                    Шумъ слышенъ, далекiй шумъ моря...
    О нѣтъ! То отъ вѣтра трясутся лѣса,
    То звонъ погребальный плыветъ надъ лугами,
    То слезы плывутъ надъ землей какъ роса,
    То падаютъ въ бездну вѣка за вѣками,
    И снова мгновенье изъ бездны встаетъ...
Какъ тихо!..
                    Какой же то шорохъ неясный?
    Не червь ли древесное сердце грызетъ,
    Не трубъ ли то отзвукъ пророчески властный,
    Чреватый торжественнымъ гимномъ утра,
    Не свистъ ли пожара, не трескъ ли костра,
    Иль первые громы невѣдомой бури,
    Готовой промчаться путями лазури
        Со свитой растрепанныхъ тучъ?
Какъ тихо!..
                    Но тяжко тому, кто не дремлетъ,
    И голосъ молчанья понятливо внемлетъ,

И знаетъ загадки таинственной ключъ,
Тому, кто во мракѣ внимательно слышитъ,
Какъ стонетъ хаосъ, и мятется, и дышитъ
Творя и рождая во тьмѣ пустоты,
И снова безформеннымъ пальцемъ стираетъ
Своихъ прихотливыхъ твореній черты.
Какъ тихо!..
И шелестъ березъ замираетъ,
Безсонныя очи звѣзда открываетъ,
Колеблются слабо нѣмые листы.

Танъ.

ВЪ ГОРОДСКОЙ ШКОЛѢ.

(Очерки и наблюденія).

(*Продолженіе* *).

Большаго труда стоило Вѣрѣ Павловнѣ наладить занятія, а главное присмотрѣться къ пятидесяти дѣвочкамъ, которыя казались ей удивительно похожими другъ на друга.

У нея составилось три отдѣленія.

Новенькія, которыхъ было большинство, отличались необыкновенною молчаливостью. Вѣра Павловна съ трудомъ добивалась отъ нихъ отвѣта на самые простые вопросы. Въ первые дни стоило только Вѣрѣ Павловнѣ подойти къ нимъ поближе, какъ они становились похожими на маленькихъ истукановъ съ безсмысленными глазами. Въ то время, какъ Вѣра Павловна занималась съ другими отдѣленіями, они невыносимо гремѣли досками, скрипѣли башмаками и перешептывались другъ съ другомъ; въ рекреаціонной онѣ жались по стѣнкамъ, а уходя изъ школы каждый разъ перепутывали платки и калоши. Пришлось поручить двумъ дѣвочкамъ изъ старшаго отдѣленія помогать одѣваться маленькимъ, но и съ ихъ помощью рѣдкій день обходился безъ какихъ-нибудь недоразумѣній, почти всегда какая-нибудь изъ новенькихъ заливалась слезами, отыскивая недостающую калошу или исчезнувшій платокъ, а иногда и шляпу, надѣтую разсѣянной сосѣдкой.

Двѣнадцать старшихъ дѣвочекъ очень гордились своимъ положеніемъ выпускныхъ и старались держаться отдѣльно отъ другихъ.

Въ перемѣны, пользуясь темнотой рекреаціонной, онѣ пристраивались въ кухнѣ. Въ началѣ это обстоятельство немного смущало Вѣру Павловну, но потомъ, когда она убѣдилась, что рекреаціонная такъ мала, что въ ней съ трудомъ помѣщается половина ученицъ, она даже радовалась, что старшія даютъ возможность хоть сколько-нибудь двигаться маленькимъ.

Выпускныя пристраивались обыкновенно на ларькѣ подъ вѣшалкой. Тамъ у каждой изъ нихъ было свое опредѣленное мѣсто. Брусенцева,

*). См. «Міръ Божій», № 7, Іюль.

высокая стройная дѣвочка лѣтъ тринадцати, съ толстой рыжей косой и добрыми карими глазами на усыпанномъ веснушками лицѣ, обыкновенно садилась по серединѣ. Волкова и Николаева пристраивались на краю поближе къ окошку, такъ какъ онѣ обѣ въ перемѣны имѣли обыкновеніе работать.

Маня Николаева, бѣлокурая дѣвочка, съ отпечаткомъ страданія на тонкомъ и нѣжномъ лицѣ сильно хромала. У нея уже три года болѣла нога и она до такой степени свыклась съ постоянной сверлящей болью въ колѣнѣ, что почти не обращала на нее вниманія; но временами боль эта обострялась, становилась невыносимой и дѣвочка на это время лишалась способности двигаться.

— Ты почему, Маня, въ школу не ходила?—спросила дружившая съ нею Брусенцева.

— Нога болѣла,—отвѣтила та и еще ниже опустила голову къ шитью.

О больной ногѣ она не любила говорить. Брусенцева знала это и больше не распрашивала.

— Что шьешь-то?—поинтересовалась Бронзова, маленькая тщедушная дѣвочка съ круглыми глазами и гладко зачесанными въ китайскую прическу волосами. По платью, по прическѣ и по манерамъ она походила скорѣе на гимназистку, чѣмъ на ученицу городской школы.

Ея мать занималась стиркой, отецъ когда-то служилъ лакеемъ, но страдалъ запоемъ и потому былъ почти постоянно безъ мѣста, дѣвочка же воспитывалась у купчихи крестной, которая взяла ее «для компаніи» къ шестилѣтнему сыну. Одѣвали ее хорошо, но въ школу она являлась голодная, даже безъ чаю, потому что вставала раньше всѣхъ и отдѣльно для нея самовара не ставили, а въ кухнѣ ей пить чай запретили. Шестилѣтній Вася былъ капризенъ до невозможности и дѣвочкѣ нелегко было угождать ему, но крестная обѣщала отдать ее въ гимназію и благодаря этому обѣщанію дѣвочка была готова на все. Подруги по школѣ косились на коричневое платье и косичку съ бантомъ на маковкѣ, звали ее «барышней», но въ общемъ любили за кроткій и тихій характеръ. Николаева охотно развернула передъ Бронзовой кусокъ желтой бумазеи, изъ которой она мастерила юбку младшей сестренкѣ, пятилѣтней Танѣ.

Всѣ выпускныя прекрасно знали Таню. Каждый день аккуратно въ два часа, когда въ школѣ кончались занятія, чумазая вихрастая дѣвочка поджидала старшую сестру у воротъ школы, чтобы донести до дому ея узелокъ съ книгами. Къ этой добровольно принятой на себя обязанности Таня относилась съ рѣдкой добросовѣстностью; ни погода, ни рваные башмаки не задерживали дѣвочку. Ровно въ два часа ея головенка въ неизмѣнномъ ситцевомъ платкѣ уже выглядывала изъ темнаго прохода подъ воротами, и дѣвочки, сидѣвшія у окна, считали появленіе Тани за несомнѣнный признакъ того, что урокъ приходитъ къ концу.

Получивъ узелокъ съ книгами, Таня стремительно летѣла впередъ, выжидая на углахъ ковылявшую Маню. У воротъ дома, гдѣ онѣ жили, она терпѣливо поджидала сестру, чтобы помочь ей взобраться на лѣстницу. Дома она помогала Манѣ приготовлять картофельный супъ и бѣгала въ лавочку.

Въ это время изъ школы возвращались два мальчика и дѣти садились обѣдать. Послѣ обѣда Таня исчезала и возвращалась домой только вечеромъ, когда приходила съ работы мать.

Гдѣ пропадала Таня, никто этого съ точностью не зналъ, но по разнымъ внѣшнимъ признакамъ можно было догадываться, что путешествія ея были полны приключеній, синяки и царапины не сходили съ ея смуглаго, подвижнаго лица.

Мать возвращалась домой поздно вечеромъ. Иногда она приносила съ собой въ ситцевомъ платкѣ какіе-нибудь объѣдки, количество и качество которыхъ зависѣло отъ доброты кухарокъ въ тѣхъ домахъ, гдѣ она работала. Иногда принесеннаго хватало одной Танѣ, но случалось, что кусочками ужинала и вся семья.

Вопросъ о томъ, что принесла мать, былъ однимъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ въ жизни Тани. Сладкое она любила больше всего на свѣтѣ и ея зоркіе глаза высматривали лакомыя крошки среди всевозможныхъ объѣдковъ. Маня была старшей въ семьѣ и дома на ней лежали всѣ хозяйственныя хлопоты. Она стряпала, стирала и прибирала, урывая съ трудомъ удобную минуту, чтобы выучить заданные уроки. Дома времени на шитье не хватало и потому-то въ перемѣны дѣвочка работала такъ усердно, что даже румянецъ выступалъ на ея обыкновенно блѣдныхъ, почти прозрачныхъ щекахъ. Танина юбка вызвала самый живой интересъ среди дѣвочекъ.

— Юбка хорошая выйдетъ, плотная,—щупая бумазею, тономъ глубокаго пониманія заявила Крылова, дочь сторожа на мосту. Отъ сильнаго малокровія лицо дѣвочки имѣло желтоватый оттѣнокъ, а взглядъ карихъ глазъ казался необыкновенно глубокимъ отъ окружавшей ихъ синевы. Руки у нея постоянно зябли и она имѣла привычку держать ихъ подъ фартукомъ.

— Не коротка ли только будетъ?—озабоченно проговорила Брусенцева.—Ты смотри, Маня, рубецъ поменьше загибай, какъ подшивать станешь,—тономъ предостереженія прибавила она.

Хорошенькая курчавая Михеева предложила помочь шить, но вдвоемъ съ крохотной юбкой было нечего дѣлать.

— Никакъ три аршина навязала,—вдругъ заявила громогласно Волкова и, выдернувъ крючекъ изъ вязанья, она стала прикидывать прошивку къ вытянутой рукѣ.

Дѣвочки молча посмотрѣли на нее.

Хвастливую дочку лавочника никто не любилъ и ея работа не вызвала ничего, кромѣ насмѣшливыхъ замѣчаній.

— Отъ прошивокъ у тебя никакъ давно сундукъ ломится?—проговорила золотушная Ильина съ больными подслѣповатыми глазами.

Волкова вспыхнула.

— Не ѣвши видно въ школу пришла,—буркнула она, злобно глядя на дѣвочку своими оловянными глазами. Она намекала на хроническое голоданіе Ильиной, проживавшей въ углу съ бабушкой. Мать дѣвочки жила въ горничныхъ и содержать старуху съ ребенкомъ ей было трудно.

Волкова прицѣлилась мѣтко, но и Ильина не любила давать спуска.

— Вяжи не вяжи, а ужъ сидѣть тебѣ въ дѣвкахъ. Ныньче на пучеглазыхъ моды нѣтъ,—огрызнулась она.

Всѣ дѣвочки знали, что Волкова работаетъ надъ своимъ будущимъ приданымъ и веселый хохотъ раздался въ кухнѣ. Смѣялись такъ громко, что Шурка, трусившая всякаго шума, испугалась и изъ предосторожности, по своему обыкновенію, даже нырнула на дно корзинки.

На лицѣ Волковой загорѣлись красныя пятна. Она отбросила злополучное вязанье и, широко открывъ большой ротъ, готовилась уже достойнымъ образомъ отплатить обидчицѣ...

— Ну, полно вамъ! Ужъ и сцѣпились!—укоризненно проговорила поднимая голову отъ шитья, Маня Николаева.

— Брусенцева, милая, доскажи вчерашнее,—попросила Крылова.

— Доскажи, Брусенцева, пожалуйста доскажи!—подхватили дѣвочки.

— Не помню, на чемъ и остановилась,—говоритъ Брусенцева. Она поднимаетъ вверхъ глаза и старается добросовѣстно вспомнить, на какомъ именно мѣстѣ разсказа она вчера остановилась.

— Пытать повели... Отъ вѣры она отказаться не хотѣла...—нетерпѣливо напоминаютъ дѣвочки.

— Вспомнила!—произноситъ, наконецъ, Брусенцева и пѣвучимъ красивымъ голосомъ принимается разсказывать.

Весело потрескиваютъ подъ плитой дрова.

Татьяна чиститъ картофель въ супъ «казеннымъ дѣвочкамъ» (такъ называетъ она всѣхъ, получающихъ въ школѣ даровой завтракъ). Маленькая серьезная Шурка что-то мастеритъ изъ лучинокъ, предусмотрительно положенныхъ ей матерью въ корзинку. Изъ рекреаціонной доносится пѣніе, разставленныхъ въ кружокъ дѣвочекъ. Каждое слово пѣсни о любопытной мышкѣ, бѣгающей по чужимъ теремкамъ, ясно и отчетливо раздается въ кухнѣ, но это нисколько не мѣшаетъ Брусенцевой разсказывать, а дѣвочкамъ внимательно слушать ее.

Полузакрывъ глаза и, приложивъ рыжую голову къ стѣнкѣ, дѣвочка пѣвучимъ мечтательнымъ голосомъ говоритъ про мученицу, о которой ей съ матерью надняхъ разсказывала монашенка изъ дальняго монастыря.

— И прижгли тѣло ея желѣзомъ каленымъ,—ощущая нервную дрожь во всемъ тѣлѣ, разсказываетъ она,—и смрадъ пошелъ по комнатѣ, но мученица боли не слышала, передъ ея очами раскрывались двери селенія райскаго...

Дѣвочки замерли. Разсказъ подхватилъ и унесъ ихъ куда-то далеко отъ всего, что составляетъ ихъ дѣйствительную жизнь и какъ разъ въ эту самую минуту изъ рекреаціонной доносился звонокъ, извѣщающій, что перемѣна кончилась и нужно отправляться въ классъ.

— Дальше разсказывай, успѣешь еще. Теперь маленькія только пошли,—уговариваютъ дѣвочки замолчавшую разсказчицу.

— Въ классъ, въ классъ!—кричитъ дежурная, потряхивая звонкомъ и очень довольная тѣмъ, что можетъ покомандовать старшими.

— Ну, раззвонилась! Оглушила! Рада, что дежурный фартукъ надѣли,—ворчатъ недовольныя дѣвочки, неохотно поднимаясь съ ларька.

— Въ большую перемѣну доскажу,—утѣшаетъ ихъ Брусенцева.

Въ только-что провѣтренномъ классѣ холодно, въ какія-нибудь десять минутъ сравнять воздухъ немыслимо и дѣтей приходится пускать въ нахолодѣвшую комнату.

Пробовала Вѣра Павловна совѣтоваться насчетъ провѣтриванія съ другими учительницами. Въ день полученія жалованья онѣ всѣ собирались у рѣшетки въ казначействѣ думы, но по справкамъ оказалось, что многія школы совсѣмъ не имѣютъ рекреаціонныхъ и провѣтривать приходится прямо при дѣтяхъ.

Вѣра Павловна стоитъ въ дверяхъ, пропуская проходящихъ въ классъ дѣвочекъ.

Вотъ тѣсня и обгоняя другъ друга со всѣхъ ногъ бросаются къ своимъ столамъ маленькія. Вѣра Павловна боится спугнуть ихъ какимъ-нибудь неосторожнымъ словомъ и дѣлаетъ имъ замѣчанія только въ крайнихъ случаяхъ.

— Подтянуть всегда успѣю,—такъ разсуждаетъ она, замѣчая, что нѣкоторыя дѣвочки съ трудомъ привыкаютъ къ школѣ.

Худая, смуглая Зина съ большими глазами и лохматой головой на длинной шеѣ все еще напоминаетъ дикую птицу, попавшую въ клѣтку. Тоска по улицамъ и знакомымъ закоулкамъ гложетъ дѣвочку, привыкшую къ бродяжничеству, она съ трудомъ выдерживаетъ обязательное сидѣнье въ классѣ и даже новые башмаки, подаренные учительницей, мало утѣшаютъ дѣвочку. До этихъ башмаковъ она часто прогуливала уроки, пользуясь тѣмъ, что матери некогда слѣдить за ней, но теперь продолжать обманывать учительницу, которая не только вѣрила каждому ея слову, но еще и подарила ей башмаки, становилось ей какъ-то неловко. Минутами въ Зинѣ пробуждалось необъяснимое раздраженіе къ Вѣрѣ Павловнѣ. Она привыкла къ брани и побоямъ, привыкла извѣстнымъ образомъ отвѣчать на привычное поведеніе окружающихъ лицъ, но какъ поступать относительно Вѣры Павловны, она положительно не знала и это незнаніе тревожило и порой даже мучило дѣвочку. Актриса изъ Зоологическаго сада тоже чувствовала себя довольно неуютно. Несмотря на высокій ростъ и знаніе жизни, она не умѣла ни читать, ни писать, и ей приходилось сидѣть съ ма-

ленькими, которыя сторонились большой дѣвочки, старшія ее тоже къ себѣ не принимали.

— Вотъ только бы этихъ еще приручить,—думаетъ Вѣра Павловна, провожая глазами Бортгаузенъ и Богданову. Маню Николаеву нужно непремѣнно докторшѣ показать,—рѣшаетъ она, присматриваясь къ дѣвочкѣ, которая, припадая на одну ногу, осторожно пробирается между скамейками, стараясь не зашибать больного колѣна.

Дѣвочки размѣстились по скамейкамъ и Вѣра Павловна, назначивъ самостоятельную работу двумъ младшимъ отдѣленіямъ, задаетъ устныя задачи старшимъ дѣвочкамъ.

Сегодня почэму-то урокъ идетъ особенно удачно. Дѣвочки считаютъ быстрѣе обыкновеннаго и то здѣсь, то тамъ безпрестанно поднимаются руки, показывающія, что задача сосчитана.

Бронзова считаетъ быстрѣе всѣхъ. Крылова считаетъ, по обыкновенію, очень медленно и эти, постоянно мелькающія предъ нею руки, лишаютъ ее всякой энергіи.

— Вѣра Павловна, у меня грифель сломался!—жалобно пищитъ кто-то изъ маленькихъ.

И Вѣра Павловна, не прекращая урока со старшими, проходитъ между скамейками, стараясь по возможности безъ словъ уладить возникшія недоразумѣнія. Сломанный грифель она замѣняетъ новымъ, жестомъ показываетъ Разсоловой, что рисунки нужно стереть и продолжать дальше, на ходу выпрямляетъ слишкомъ низко нагнувшуюся дѣвочку и бѣгло просматриваетъ оконченную письменную работу одной изъ среднихъ.

Въ передней раздается звонокъ.

— Докторша, докторша пришла,—шепчутъ дѣвочки, приподнимаясь на скамейкахъ и вытягивая шеи, чтобы посмотрѣть на раздѣвающуюся въ передней Дарью Ивановну Борцову.

— Мнѣ необходимо вамъ одну больную показать,—говоритъ Вѣра Павловна входящей въ классъ полной женщинѣ въ черномъ платьѣ съ кожанымъ саквояжемъ въ рукахъ.

— Страшно тороплюсь,—задыхаясь отъ подъема въ четвертый этажъ, прерывающимся голосомъ говоритъ докторша и грузно опускается на стулъ, подставленный дежурной.—Пять школъ обѣгала. Съ этими лѣстницами чистое мученье, жаловалась она, вытирая платкомъ вспотѣвшее лицо.

— Вотъ больная, съ ногой у нея что-то неладно,—сказала Вѣра Павловна, указывая на подошедшую къ столу Николаеву.

— Ну, больныхъ послѣ. Теперь я перемѣрю и перевѣшаю новенькихъ. Вотъ вамъ листы, голубушка. Вносите по графамъ то, что я диктовать буду, обратилась она къ Вѣрѣ Павловнѣ.—Двумъ дѣвочкамъ изъ тѣхъ, что попустрѣе, прикажите помочь раздѣться маленькимъ, чтобы задержекъ не было. Тороплюсь страшно...

И говоря это, Борцова поспѣшно устраивала все необходимое для предстоящей работы. Она отодвинула кожаную сумочку на край стола и разложила разграфленные листы. Съ вѣсами ей пришлось провозиться довольно долго, но въ концѣ концовъ и онѣ были прилажены и запыхавшаяся Дарья Ивановна, усѣвшись на стулѣ съ сантиметромъ въ рукахъ, велѣла полураздѣтымъ дѣвочкамъ по очереди подходить къ ней.

Дѣти ежились. Подходить никто не рѣшался. Глаза у всѣхъ были испуганные и растерянные. Голыя тѣла, поражавшія худобой вздрагивали отъ холода и отъ страха.

Это вымѣриваніе и взвѣшиваніе дѣтей было неожиданностью и для самой Вѣры Павловны и она жалѣла, что не знала объ этомъ раньше, чтобы подготовить дѣвочекъ.

— Подходите, подходите!—повторяла дѣтямъ Дарья Ивановна и, замѣтивъ, что они трусятъ прибавила въ видѣ успокоенія, что она не кусается.

Дѣвочки подходили очень нерѣшительно.

Дарья Ивановна проворно опоясывала ихъ сантиметромъ, заставляла раскрывать ротъ, щупала гланды.

— Сложеніе среднее... питаніе плохое... гланды есть... зубы испорченные...—раздавалось по классу.

Дарья Ивановна диктовала, Вѣра Павловна записывала.

— Зачѣмъ все это?—спросила Вѣра Павловна, поднимая голову отъ разграфленнаго листа и выпрямляя затекшія пальцы.

— О, это очень важно... По этимъ записямъ можно прослѣдить, какъ отзывается школа на физическомъ развитіи дѣтей,—торопливо отвѣтила докторша.

— Вотъ у меня въ рекреаціонной вентиляціи никакой нѣтъ...— начала было Вѣра Павловна.

— Ну объ этомъ въ концѣ года заявите, теперь ремонтовъ не полагается.—И опять по классу раздался голосъ, сообщавшій Вѣрѣ Павловнѣ о томъ, что у ея учениць питаніе плохое, а зубы у всѣхъ испорченные.

Полуголыя дрожащія дѣвочки производили довольно жалкое впечатлѣніе.

Тѣло у большинства было дряблое съ выдавшимися костями, а кожа грязновато-желтаго цвѣта.

На всѣхъ этихъ дѣтяхъ-бѣдняковъ большаго города лежалъ отпечатокъ хилости. Всѣмъ дѣвочкамъ было страшно стыдно и онѣ стыдились не столько своей наготы, сколько жалкихъ лохмотьевъ такъ неожиданно извлеченныхъ на Божій свѣтъ.

Почти у всѣхъ платье было сносное, но бѣлье у всѣхъ безъ исключенія было гораздо хуже платья. У нѣкоторыхъ вмѣсто рубашки висѣли какія-то жалкія грязныя тряпки и страшія, добросовѣстно вы-

полняя свою обязанность, выворачивали наружу всю эту грязь и убожество нищеты, боявшейся дневнаго свѣта.

Зина долго упиралась, не желая раздѣваться. Она сдѣлала даже попытку укусить услужливые пальцы Бронзовой, но взглянувъ на двухъ женщинъ у стола, потеряла желаніе сопротивляться.

Отстранивъ Бронзову плечемъ, она быстрымъ рѣшительнымъ движеніемъ растегнула старую розовую кофту и, швырнувъ ее на полъ, очутилась совсѣмъ готовой къ осмотру.

— Рубашки нѣтъ! Зинка-то безъ рубашки!—шопотомъ пробѣжало по классу и сотня дѣтскихъ глазъ уставилась на дѣвочку.

О, какъ въ эту минуту ненавидѣла ихъ Зинка.

— Безъ рубашки, ну да и безъ рубашки и всѣхъ-то я васъ терпѣть не могу,—казалось, говорило ея озлобленное лицо.

На всѣ вопросы докторши она упорно молчала.

Потомъ, когда ее отпустили она, усѣвшись на свое мѣсто, отвернулась къ окну и, не отрываясь смотрѣла на синій дымъ, бѣжавшій изъ трубы. Тоскливое невыносимое настроеніе охватывало дѣвочку все сильнѣе и сильнѣе. Она почти не слышала того, что дѣлалось въ классѣ, ее неудержимо тянуло изъ школы на улицу на свободу.

Подаренные башмаки нестерпимо жали ноги...

А докторскій осмотръ все еще продолжался.

Маня Рулева охотно показала свои гланды и даже постаралась обратить вниманіе докторши на свои точно подернутые пленкой глаза.

— Глазки часто застилаетъ,—съ заискивающей улыбкой заявила она и, такъ какъ озабоченная Дарья Ивановна никакого вниманія на ея слова не обратила, то дѣвочка, инстинктивно прибѣгая къ способу, давно практикуемому матерью начала разсказъ о томъ, какъ она ослѣпла:

— Пьянаго испугалась, кровью въ глазки мнѣ брызнуло...

Но Дарьѣ Ивановнѣ не до жалостныхъ разсказовъ.

— Къ глазному доктору сходи съ матерью,—обрываетъ она дѣвочку.—Такъ на ходу этого не вылѣчить.—И она обращается къ слѣдующей дѣвочкѣ.

Настюшка Савина въ грязныхъ лохмотьяхъ на грязномъ тѣлѣ не стыдится ровно ничего.

Вся процедура взвѣшиванія, вымѣриванія и выстукиванья вызываетъ въ ней самый живой интересъ какъ и все, что происходитъ въ школѣ.

Она широко раскрываетъ ротъ, показывая зеленые испорченные зубы и съ ловкостью обезъяны выгибаетъ передъ докторшей худое желтое тѣло съ торчащими ребрами.

Въ концѣ осмотра она заявляетъ, что у нея болитъ грудь.

Дарья Ивановна выслушиваетъ и выстукиваетъ грудь.

— Нѣтъ ничего,—увѣренно заявляетъ она.

— А все-таки болитъ,—настаиваетъ Настюшка и для большей наглядности тычетъ себя пальцемъ прямо въ животъ.

— На животъ показываешь, а на грудь жалуешься,—укоризненно покачивая головой говоритъ Борцова и ощупываетъ вздутый животъ Савиной.

— По утрамъ тошнитъ сильно,—предупредительно сообщаетъ Настюшка, придерживая обѣими руками юбку и спущенную рубашку.

— Пищу полегче тебѣ давать нужно. Каши не ѣшь много... щи не годятся...—говоритъ наставительно докторша.

— Щи?—почесывая рукой лохматую голову, раздумчиво повторяетъ Настюшка.

— Щи мы только по воскресеньямъ варимъ, по буднямъ у насъ завсегда картошка и щей никакихъ не бываетъ, а онъ все болитъ да болитъ.

— Скажи матери, чтобы супъ варила... или кашу манную, что ли...—видимо затрудняется докторша.

— Не послушаетъ,—съ увѣренностью заявляетъ Настюшка.

— Ея мать совсѣмъ бѣдная. Она всего тридцать копеекъ въ день на фабрикѣ зарабатываетъ,—скороговоркой и полушопотомъ сообщаетъ Борцовой Вѣра Павловна.

— Я ей казенный завтракъ выхлопотала, — разсказываетъ Вѣра Павловна.—Теперь у меня восемь дѣвочекъ завтраки получаютъ и я имъ горячій супъ стала варить. На каждую выдаютъ рубль въ мѣсяцъ и восьми рублей въ общемъ почти хватаетъ...

— Ну вотъ и прекрасно, похвалила ее Дарья Ивановна. А у этой Савиной катарръ желудка: въ этой болѣзни самое главное это питаніе...

Вѣра Павловна подводитъ къ Борцовой и Маню Николаеву.

— У ней нога болитъ,—объясняетъ она Дарьѣ Ивановнѣ.

— Покажи!—Дарья Ивановна встаетъ и, взявъ со стола мѣшочекъ, прищуривается на стѣнные часы.

Нѣтъ никакого сомнѣнія,—осмотръ затянулся и теперь она опоздаетъ повсюду, будетъ вездѣ попадать во время уроковъ и все-таки въ концѣ концовъ къ завтрашнему обходу прибавится еще двѣ школы, въ которыя она не успѣетъ попасть сегодня.

Дѣвочка между тѣмъ сняла тряпки съ больного колѣна.

— Вотъ какъ завяжу потуже все какъ будто легче, а такъ просто силъ нѣтъ,—морщась отъ боли и смущенная тѣмъ, что заставила дожидаться, говоритъ дѣвочка.

— Тебѣ въ больницу нужно. Такъ этого не вылѣчишь.

Борцова осматриваетъ колѣно.

— Съ матерью въ клинику съѣзди!—говоритъ она.

Дѣвочка молчитъ.

— Такъ больно? — Борцова осторожно прикасается къ больному мѣсту.

Дѣвочка только морщится.

— Давно болитъ?—разспрашиваетъ Дарья Ивановна.

— Года три. Ушибла, отъ ушиба и заболѣло. Въ началѣ болѣло сильнѣе въ больницу свезли. Доктора было рѣзать собрались, да мать не дала, домой силой увезла... Одно время лучше было, ну а теперь вотъ опять хуже...

— Какъ же ты въ школу добираешься?—спросила Борцова.

— А въ припрыжку. Устану—такъ гдѣ нибудь у воротъ посижу, дѣвочекъ встрѣчу,—онѣ помогаютъ: подъ руки подведутъ. Какъ завяжу потуже, оно ничего, терпѣть можно, — точно желая успокоить докторшу прибавила дѣвочка.

— Въ клинику, въ клинику! — повторила уже направляясь къ выходу Борцова.—Еще три школы обѣжать нужно,—обратилась она къ Вѣрѣ Павловнѣ.

— Мнѣ бы мази какой,—умоляюще проговорила дѣвочка.

— Не поможетъ. Съ матерью въ клинику поѣзжай!

Поспѣшно накинувъ драповую порыжевшую тальму и шляпу лодочкой съ черными слѣдами отъ дождя на запылившемся фетрѣ Борцова, захвативъ мѣшочекъ съ медикаментами, вышла на лѣстницу. На душѣ у нея было довольно скверно. Дѣвочка въ припрыжку добирающаяся до школы подѣйствовала и на ея притупившіеся нервы.

Когда она открывала дверь подъѣзда, ей стало досадно, что она не догадалась сообщить дѣвочкѣ о пріемныхъ часахъ въ клиникѣ. Сдѣлать это было такъ просто: у нея въ мѣшочкѣ какъ разъ лежала газета съ росписаніемъ пріемныхъ часовъ.

Результатомъ докторскаго осмотра было совершенно неожиданное происшествіе въ школѣ Вѣры Павловны.

Когда послѣ большой перемѣны дѣвочки собрались въ классъ, то мѣсто на послѣдней скамейкѣ у окошка осталось пустымъ. Дежурная бросилась отыскивать запоздавшую дѣвочку, обѣжала рекреаціонную, кухню и вернулась въ классъ съ недоумѣвающимъ лицомъ и парой ботинокъ въ рукахъ.

— Богдановой нигдѣ нѣтъ, а между дверями на чорной лѣстницѣ сапоги стояли! — объявила она, протягивая два башмака изумленной Вѣрѣ Павловнѣ.

Вся школа переполошилась.

Вѣра Павловна поспѣшила въ кухню, за ней бросились выпускныя. Среднія и маленькія метнулись за ними, но ихъ не пустили дежурныя.

Зины Богдановой не нашли нигдѣ. Она убѣжала въ старыхъ рваныхъ калошахъ, оставивъ новые башмаки въ школѣ. Вѣра Павловна поручила одной изъ дѣвочекъ, жившей по сосѣдству съ Богдановой, зайти послѣ уроковъ узнать, что случилось съ дѣвочкой.

На другой день Зину привела въ школу сама мать.

— Ну, смотри, удерешь—и не такъ еще отдеру,—напутствовала она дочь, впуская ее въ двери, но сама дальше лѣстницы не пошла: ей было некогда, она торопилась на фабрику.

Маленькія попробовали было дразнить бѣглянку. Люша Александрова обозвала ее бродягой, но старшія взяли ее подъ свое покровительство.

— Можно Богдановой въ кухнѣ посидѣть? — спросила Вѣру Павловну Крылова.—Она пѣсни пѣть не любитъ и играть не хочетъ.

Вѣра Павловна позволила Зинѣ сидѣть въ кухнѣ и каждый разъ, заходя туда, видѣла худенькую сгорбленную фигурку, прислоненную къ печкѣ вѣчно зябнувшей спиной и каждый разъ мучительный вопросъ о томъ, чего не хватаетъ дѣвочкѣ, поднимался въ душѣ Вѣры Павловны. Послѣ своего побѣга Зина стала еще болѣе молчаливой и угрюмой и дѣвочки перестали замѣчать ея присутствіе. На дворѣ съ каждымъ днемъ становилось все непригляднѣе, наступали холода и улица постепенно теряла вся обаяніе.

Манѣ Николаевой становилось все хуже и хуже.

Утренніе заморозки затягивали лужи и по скользкимъ тротуарамъ путешествіе въ припрыжку было довольно затруднительнымъ и мучительнымъ. Лицо дѣвочки похудѣло и пожелтѣло еще больше и въ перемѣны она просила Вѣру Павловну позволить ей оставаться въ классѣ, чтобы не тревожить лишній разъ больную ногу.

— Что же тебя мать въ клинику не везетъ?—спрашивала дѣвочку Вѣра Павловна.

— Некогда ей: стираетъ,—слышался ей постоянно неизмѣнный, уклончивый отвѣтъ.

Матери Николаевой пришлось какъ-то стирать въ томъ домѣ, гдѣ помѣщалась школа.

Таня, прибѣгавшая навѣстить мать, забѣжала и къ сестрѣ во время большой перемѣны.

Вѣра Павловна отправила Татьяну за прачкой.

— Что тамъ еще случилось? услышала она въ классѣ грубый нетерпѣливый голосъ, доносившійся изъ кухни.

Она только что собиралась почитать съ маленькими, но теперь велѣла имъ вынуть доски и списывать съ книги.

— Позовите учительницу! Мнѣ тоже дожидаться некогда! такъ все бѣлье изъ прачешной выкрадутъ...—продолжалъ все тотъ же нетерпѣливый голосъ.

Вѣра Павловна поспѣшила въ кухню.

— Звали, вотъ и пришла,—сказала ей растрепанная женщина въ рваномъ платкѣ, накинутомъ на плечи.

Изъ подъ платка виднѣлась мокрая юбка, а изъ подъ юбки калоши, надѣтыя на босую ногу.

Лицо у женщины было довольно пріятное съ мелкими чертами и

сѣткой морщинъ вокругъ глазъ, на лбу и около рта. Пахло отъ нея водкой и какою то прѣлью.

— Ежели вы насчетъ того, что Манька учится плохо, то это совсѣмъ напрасно. Мнѣ уроковъ у нея спрашивать некогда,—заявила она, недружелюбно посматривая на Вѣру Павловну.

— Какіе уроки! Зачѣмъ спрашивать?—изумилась Вѣра Павловна.— Ваша дочь и такъ хорошо учится, и я съ вами не объ ученьѣ говорить хотѣла, заговорила она.—Дѣвочка ваша больна, нужно непремѣнно ее свезти въ больницу...

Вѣра Павловна замолчала, поразившись внезапно исказившимся отъ прилива необъяснимой злобы лицомъ женщины.

— Въ больницу!—какъ то взвизгнула она.—Ну ужъ на больницу я ни въ какомъ случаѣ не согласна!—И запахнувшись плотнѣе въ платокъ она рѣшительно повернула къ дверямъ, волоча съѣзжавшія съ ногъ калоши.

— Послушайте, обождите немного,—растерянно загововорила Вѣра Павловна, стараясь удержать женщину.—Вѣдь вашей дочери съ такой ногой ходить трудно...

— Трудно! перебила ее женщина. Она почти кричала и лицо у нея стало совсѣмъ красное.—А мнѣ каково на нее хромую смотрѣть-то?.. Думаете вы, что мнѣ-то не трудно!

Послѣднія слова она произнесла значительно тише.

— Дѣвочкѣ очень больно. Вы, какъ мать, ее пожалѣть должны,— убѣдительно заговорила Вѣра Павловна.

Женщина стояла передъ ней молча, опустивъ голову и нервно перебирая пальцами бахрому платка. Вѣрѣ Павловнѣ вдругъ показалось, что она нашла вѣрный путь и ей удастся убѣдить ее.

— Вѣдь оставлять больную ногу безъ лѣченія это значитъ не чувствовать никакой жалости къ собственному ребенку...—продолжала она.

— Ишь вы какія скорыя!—покачивая головой и улыбаясь насмѣшливой улыбкой перебила ее женщина. Голосъ ея на этотъ разъ былъ тихій, точно сдавленный и звукъ его непріятно отдался въ ушахъ Вѣры Павловны.

— Жалости не имѣть! Вотъ какъ. А я, можетъ быть не изъ-за чего другого какъ изъ-за этой самой проклятой жалости и къ терпѣнью ее пріучаю.—Она посмотрѣла на Вѣру Павловну какимъ-то пронизывающимъ вопросительнымъ взглядомъ и затѣмъ, съ явнымъ намѣреніемъ подчеркнуть грубость словъ, неестественно громко и развязно прибавила:—Меня вотъ не пріучали, такъ я водку пью.

Она замолчала, видимо ожидая, что скажетъ Вѣра Павловна; но та не говорила ни слова и она продолжала съ тѣмъ же непріятнымъ выкрикиваньемъ:

— А на то, чтобы моего ребенка по больницамъ рѣзали, на это я не согласна. Докторамъ этимъ самымъ, понятное дѣло, все равно.

Нога болитъ—ногу прочь, тогда и болѣть нечему... Имъ горя мало. А вы только подумайте, госпожа учительница, куда же это моя дочка на одной ногѣ дѣнется?

Задавъ этотъ вопросъ женщина нѣкоторое время какъ будто наслаждалась смущеніемъ Вѣры Павловны. Хитро прищуренные воспаленные глаза Николаевой не открываясь смотрѣли на доброе, грустное лицо дѣвушки и что-то въ этомъ лицѣ подѣйствовало успокоительно на ея бѣдную озлобленную душу. Раздраженіе затихло и ей стало даже неловко за свои недавнія грубыя слова:

— А вотъ если вы точно, госпожа учительница, моей Манькѣ помочь захотѣли, то попрошу я васъ...

Она остановилась и ея глаза приняли выраженіе самой трогательной мольбы.

— Попрошу я васъ... Выхлопочите вы ей, Христа ради, желѣзную ногу!

Вѣра Павловна даже вздрогнула.

— Желѣзную ногу? Какую желѣзную ногу?—точно подъ впечатлѣніемъ кошмара переспросила она.

— Ногу желѣзную выхлопочите,—повторила еще разъ женщина.— Ежели къ больной ногѣ да желѣзный сапогъ придѣлать, то этотъ сапогъ будетъ ногу вытягивать и станетъ она, какъ здоровая,—въ видѣ поясненія прибавила она.

Вѣра Павловна, обрадовавшись благопріятному обороту разговора, упомянула опять про больницу.

— Доктора ногу осмотрятъ и рѣшатъ, что нужно дѣлать. Можетъ быть и желѣзный сапогъ дадутъ,—поспѣшила она прибавить,—или хотя бы костыли...

— Костыли!—опять вспыхнула женщина.—Ну ужъ покорно благодарю я васъ за эти костыли самые. Давали намъ изъ больницы и костыли, да я ихъ въ печкѣ сожгла.

— Почему же сожгли?—все еще не теряя надежды успокоить и разговорить собесѣдницу, мягко спросила Вѣра Павловна.

— А потому самому, госпожа учительница, что у меня на плечахъ голова съ мозгами, а не котелъ съ кашей, слава Тебѣ Господи, сидитъ. Съ костылями-то развѣ нога расти будетъ?

И женщина торжествующе посмотрѣла на растерявшуюся дѣвушку.

Будетъ или не будетъ расти нога—этого Вѣра Павловна дѣйствительно не знала.

— Ну, понятное дѣло, съ костылями нога расти бросить. Каждый человѣкъ отъ труднаго сторонится и Манька на костыляхъ больную ногу трудитъ не станетъ и нога безъ ходьбы все короче и короче дѣлаться будетъ,—съ оттѣнкомъ снисхожденія объяснила женщина.— Имъ, докторамъ, конечно, дѣла нѣтъ, какая у Маньки нога, ну а я мать—я понимать должна.

Она замолчала. На ея лицѣ не было прежняго злобнаго возбужденія: его смѣнило грустное раздумье. Раздраженіе на учительницу тоже прошло. Она разобрала, что барышня оторвавшая ее отъ работы, не со зла хотѣла поговорить съ ней. На Маньку не жаловалась, даже хвалила дѣвочку и за уроками, какъ другія учительницы, ее слѣдить не заставляла.

Барышня должно быть добрая, тихая такая. Пустяковъ много болтаетъ, правда. Ну да что и взять съ человѣка, когда онъ ничего совсѣмъ не понимаетъ...

— А ужъ насчетъ ноги желѣзной, если только милость ваша будетъ, похлопочите!—повторила она уже въ дверяхъ свою просьбу.

Маня Николаева продолжала ходить въ школу. Домой ее провожали обыкновенно подруги.

Вся школа относилась къ больной дѣвочкѣ съ необыкновеннымъ сочувствіемъ. Когда она случайно попадала въ шумную толпу, всѣ, даже самыя маленькія, давали ей дорогу, стараясь чтобы какимъ-нибудь неосторожнымъ движеніемъ не повредить больной ногѣ. Въ перемѣны вопросъ о томъ, кому провожать Николаеву, обсуждался долго и обстоятельно. Провожали обыкновенно старшія, среднія допускались въ провожатыя только въ видѣ исключенія и съ большимъ выборомъ. Между тѣмъ наступила зима. Выпалъ снѣгъ и сейчасъ же растаялъ, потомъ опять подморозило и Маня въ этотъ день пробираясь въ школу, поскользнулась и упала прямо на больное колѣно.

Отъ боли она лишилась сознанія. Ее подняли и отправили въ больницу.

Дали знать матери.

Когда она прибѣжала въ больницу, дѣвочка уже лежала въ свѣтлой палатѣ на чистой постели.

Мать долго, но безуспѣшно уговаривала дѣвочку вернуться домой.

Съ непревычнымъ для нея упорствомъ дѣвочка только покачивала головой въ отвѣтъ на всѣ доводы матери.

— Видишь, я больше не могу... Устала очень...—съ виноватой улыбкой на блѣдномъ лицѣ шептала разомъ ослабѣвшая дѣвочка.—Рѣзать не дамся, а отдохну здѣсь хоть немного.

И она осталась въ больницѣ.

Вѣра Павловна часто навѣщала больную дѣвочку, но самыя свѣжія новости о состояніи Манькина здоровья доставлялись ея сестренкой Таней.

Обыкновенно по утрамъ Таня, закутанная поверхъ легкаго пальто байковымъ платкомъ, завязаннымъ на спинѣ, являлась въ кухню съ поклонами отъ больной.

Передавать эти поклоны было довольно затруднительно, потому что Маня кланялась не всѣмъ вообще, а каждой изъ выпускныхъ въ

отдѣльности и Таня измѣненіями голоса добросовѣстно старалась передать оттѣнки поклоновъ.

Въ больницу Таня направлялась не съ пустыми руками. Дѣвочки одна за другой совали ей всевозможныя вещи для передачи сестрѣ. Посылались яблоки, леденцы, булки, а иногда, когда дать было нечего, Танѣ вручались предметы въ данное время для больной совершенно ненужные въ видѣ новаго перышка или грифеля.

Таня брала все.

Съ каждымъ днемъ больница захватывала все сильнѣе и сильнѣе ея любознательную натуру. Улицы и дворы были забыты, знакомство съ тетеньками, среди которыхъ она слыла спеціалисткой по части укачиванья безпокойныхъ грудныхъ младенцевъ, было запущено.

Таня перезнакомилась со всѣмъ низшимъ служебнымъ персоналомъ и пробиралась въ больницу помимо пріемныхъ дней.

Къ Рождеству занятія въ школѣ совсѣмъ наладились. Маленькія уже бойко читали по складамъ, старшія подходили къ концу программы, необходимой для выпускного экзамена.

У Вѣры Павловны почти не было свободнаго времени. Школа съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе захватывала дѣвушку. Среди занятій, дѣтскаго говора и шумной бѣготни она положительно не замѣчала какъ проходило время до 2-хъ часовъ, и только отпустивъ дѣвочекъ, она по утомленію и хрипотѣ въ горлѣ чувствовала, что дала восемь получасовыхъ уроковъ.

Утомленіе послѣ небольшого отдыха проходило, но справиться съ горломъ было гораздо труднѣе. Кунина, съ которой она часто совѣтовалась по поводу различныхъ затрудненій въ новомъ дѣлѣ, утѣшала ее, что это съ непривычки: «Голоса разсчитывать не умѣете: говорите, какъ можно тише», совѣтовала она. «Учительница въ гимназіи поговоритъ часъ и отдохнетъ въ перемѣну, а у насъ классныхъ дамъ не полагается. Горла на все и не хватаетъ».

Вѣра Павловна близко сошлась съ Куниной. Старыхъ знакомыхъ она почти забросила: ходить въ гости было положительно некогда, а когда и выдавалась свободная минута, то ее невольно тянуло къ людямъ, съ которыми у нея было одно съ нею общее дѣло. Ольга Ивановна была постоянно занята, разговаривать ей было некогда, а Марья Михайловна любила поговорить и въ ея уютной крохотной пріемной съ цвѣтами и широкимъ диваномъ, на которомъ ночью спала сама хозяйка, говорилось какъ-то особенно хорошо. Въ маленькой школьной квартирѣ вмѣстѣ съ Куниной помѣщалась ея семья: мать и три сестры.

— Ни одну въ городскія учительницы не пущу, — заявила Марья Михайловна, знакомя Вѣру Павловну съ двумя подростками гимназистками и тонкой стройной курсисткой съ озабоченнымъ лицомъ.

— Это почему?—удивилась Вѣра Павловна.—Мнѣ всегда казалось, что вы любите ваше дѣло.

— Конечно люблю. А только ихъ не пущу—жалко. Если это дѣло какъ слѣдуетъ дѣлать—силъ не хватитъ. Мнѣ вотъ одинъ докторъ дрова колоть отъ здоровья совѣтовалъ. Такъ такихъ, какъ я, много ли? Какъ-то на дняхъ собрались мы въ библіотекѣ и кто-то изъ учительницъ заговорилъ о пенсіи. Поговорили, погорячились, нашли, что пенсія ужъ очень ничтожная, а потомъ, какъ посмотрѣли хорошенько другъ на друга, разомъ успокоились: всѣ худыя, блѣдныя истощенныя, ну и порѣшили, что горячиться не изъ-за чего: все равно до пенсіи почти никому не дотянуть! Вечера Вѣра Павловна проводила обыкновенно за работой.

До полученія школы она давала уроки безъ всякой подготовки. Вначалѣ готовиться не приходилось по той простой причинѣ, что все было слишкомъ ясно и опредѣленно въ ея головѣ и приходилось только примѣнять на практикѣ то, что она знала пока въ теоріи, а потомъ у нея выработался извѣстный методъ преподаванія, который она примѣняла изъ года въ годъ. Раздумывать о томъ, насколько хороши ея пріемы, было положительно некогда, педагогическихъ журналовъ она не читала и ея преподаваніе обращалось постепенно и незамѣтно для нея самой въ какое-то машинное производство, которое практиковалось обыкновенно учительницами, бѣгающими съ урока на урокъ.

Теперь, отдыхая отъ суетливаго метанья своей прошлой жизни и вѣчной заботы о завтрашнемъ днѣ, Вѣра Павловна чувствовала, какъ въ ней постепенно пробуждается потребность какого-то внутренняго обновленія. Въ маленькой комнатѣ, гдѣ было такъ уютно и тихо послѣ меблированныхъ комнатъ, Вѣра Павловна отдыхала душой и тѣломъ.

Заглянувъ въ педагогическіе журналы, она пришла въ ужасъ отъ сознанія, до какой степени она отстала отъ всего, чѣмъ живутъ лучшіе изъ ея товарищей. Въ то время, когда она занималась механическимъ вколачиваньемъ въ головы учениковъ того матерьяла, которымъ ее самое начинили въ гимназіи и на курсахъ, они добивались чего-то новаго, искали лучшихъ путей. Вѣра Павловна принялась работать, стараясь наверстать упущенное ею въ безпрестанной погонѣ за кускомъ хлѣба, и вечера за работой проходили совсѣмъ незамѣтно.

Въ ея комнатѣ стояла тишина; тихо было и въ пустомъ темномъ классѣ и въ рекреаціонной; изъ кухни тоже не доносилось ни звука. Вѣра Павловна почти забывала о присутствіи Татьяны съ дочкой и чувствовала себя совсѣмъ одной въ большой квартирѣ, вечерняя тишина который особенно рѣзко оттѣнялась дневнымъ шумомъ и оживленіемъ.

— Какая она у тебя тихая! — замѣтила какъ-то Вѣра Павловна Татьянѣ, смотря на дѣвочку.

Вѣра Павловна зашла передъ сномъ въ кухню, чтобы, по обыкно-

венію, обсудить важный вопросъ о томъ, что готовить на завтра «казеннымъ дѣвочкамъ».

Татьяна, что то работавшая при свѣтѣ стѣнной лампочки, встала и, отложивъ шитье, посмотрѣла на дѣвочку, сидѣвшую въ одной рубашенкѣ.

— А потому и тихая, что понимаетъ. Знаетъ, что веревкой отстегаютъ, если шумѣть станетъ,—отвѣтила она на вопросъ Вѣры Павловны и голосъ ея звучалъ какъ-то неестественно грубо.

Шурка серьезными внимательными глазами смотрѣла то на мать, то на Вѣру Павловну и та, вглядѣвшись въ большіе глаза дѣвочки, выражавшіе не дѣтскую заботу и суровую сосредоточенность, какъ-то разомъ повѣрила, что ребенокъ понимаетъ рѣшительно все.

— Блѣдная она у тебя,—поглаживая лежавшую на краю корзинки ручку дѣвочки, проговорила Вѣра Павловна.

Безкровное лицо Шурки казалось застывшимъ, но въ глазахъ вдругъ появилось тревожное растерянное выраженіе и она вопросительно посмотрѣла на мать. Та стояла суровая, но совершенно спокойная и дѣвочка, увѣрившись по ея виду, что никакой опасности нѣтъ, успокоилась и оставила рученку на прежнемъ мѣстѣ.

— Съ чего же ей и розовой быть,—отозвалась Татьяна на замѣчаніе Вѣры Павловны. — Жизнь-то ея тоже не Богъ вѣсть какая сладкая была. Лѣтомъ чуть съ голоду не подохла...

И опять Вѣру Павловну непріятно поразила грубость Татьяны. «И зачѣмъ это она такъ говоритъ? — подумала дѣвушка.—«Дѣвочка блѣдненькая, жалкая такая»... И она нагнулась, чтобы поцѣловать ребенка, но поцѣлуй вмѣсто щеки пришелся въ мягкій пушокъ на затылкѣ, потому что Шурка изъ предосторожности бросилась головой въ подушку. Вѣра Павловна невольно улыбнулась.

Съ дѣвочки она перевела глаза на мать. Та стояла угрюмая, съ отпечаткомъ невеселой думы на еще молодомъ и красивомъ лицѣ.

Татьяна жила у Вѣры Павловны уже три мѣсяца. За это время никто рѣшительно не приходилъ къ ней.

Растерянное испуганное выраженіе, съ которымъ она появилась въ школѣ, постепенно исчезало съ ея лица.

Окончательно увѣрившись, что ее не прогонятъ, Татьяна начала здоровѣть и даже похорошѣла. Ея спокойныя, немного лѣнивыя движенія не имѣли ничего общаго съ суетливостью первыхъ дней. Даже грубость относительно дочери, такъ непріятно поразившая Вѣру Павловну, постепенно сглаживалась и дѣвушка убѣждалась съ каждымъ днемъ въ томъ, что въ окрикахъ и угрозахъ отстегать веревкой было много напускного. На самомъ дѣлѣ между матерью и дочерью существовало полное взаимное пониманіе. Перемѣна въ настроеніи Татьяны тотчасъ же отразилось и на дѣвочкѣ.

Молчалива Шурка была попрежнему, но въ ея глазахъ появилось

выраженіе любопытства. Изъ своей корзинки, поставленной на сундукѣ, она стала присматриваться къ сновавшимъ вокругъ нея дѣвочкамъ и блѣдная улыбка порой пробѣгала по ея лицу, еще болѣе оттѣняя его не дѣтскую серьезность. Боязлива она была попрежнему. При малѣйшей попыткѣ которой-нибудь изъ дѣвочекъ завязать съ нею болѣе близкія сношенія она вся какъ-то съеживалась и безъ единаго звука валилась лицомъ внизъ на дно корзинки, терпѣливо сохраняя это неудобное положеніе до перваго окрика матери. Случалось, что Татьяна, занявшись какимъ-нибудь дѣломъ, забывала о дочкѣ и только сопѣніе дѣвочки, задыхавшейся отъ продолжительнаго пребыванія въ подушкѣ, привлекало, наконецъ, ея вниманіе.

— У-у, глупая! — полусердито, полуласково говорила она тогда. Шурка, принимая эти слова за увѣреніе въ безопасности, поднимала лохматую головенку, отыскивая глазами привлекавшихъ и пугавшихъ ее въ то же время дѣвочекъ.

Вѣра Павловна знала, что Шурка дичится дѣвочекъ и была очень удивлена, когда разъ, зайдя въ кухню въ одну изъ большихъ перемѣнъ, сдѣлалась свидѣтельницей слѣдующей неожиданной сцены:

Корзинка была пуста, а у окна, придерживаясь за подоконникъ, на широко раставленныхъ ноженкахъ стояла Шурка съ раскрытымъ, какъ у птицы ртомъ и жадными глазами слѣдила за ложкой со щами, которую ей услужливо подносила сидѣвшая здѣсь же на корточкахъ Настюшка Савина.

— Ахъ, ахъ!—вскрикивала Шурка послѣ каждаго глотка и на лицѣ ея отражалась вся полнота испытываемаго наслажденія.

Щи текли по подбородку, стекали на платье, но на это никто не обращалъ никакого вниманія. Шурка была довольна; Савина тоже чему-то радовалась, дѣвочки улыбались, глядя на нихъ обѣихъ.

— Съ Настюшкой сдружилась!—объявила Татьяна, поймавъ изумленный взглядъ дѣвушки.

Какъ подружилась Шурка съ Настюшкой—осталось для всѣхъ тайной.

— Щи это я по мисочкамъ разлила, а сама побѣжала въ лавку: хлѣба забыла утромъ купить. Прихожу, а Шурка съ Настюшкой ужъ у окошка!—разсказывала Татьяна.—Ума не приложу, чѣмъ это она ее изъ корзинки выманила...—удивлялась мать.

Настюшка въ отвѣтъ только ухмылялась.

Съ этого дня дружба Шурки съ Настей Савиной стала для всей школы признаннымъ и неопровержимымъ фактомъ.

Съ ранняго утра, едва только мутный разсвѣтъ проникалъ въ окошко, Татьяна принималась растапливать плиту, чтобы обогрѣть кухню къ приходу дѣвочекъ.

Вмѣстѣ съ ней поднималась и Шурка. Татьяна наскоро одѣвала дочку, умывала ее съ руки ледяною водой изъ подъ крана и, пригла-

дивъ пушистый хохолъ на затылкѣ, усаживала дѣвочку на дровяной ящикъ, крышка котораго, за недостаткомъ мѣста, исполняла должность кухоннаго стола. Затѣмъ Татьяна принималась убирать кухню, а предоставленная самой себѣ Шурка, сложивъ на колѣняхъ худыя руки, не спускала глазъ съ входныхъ дверей, нетерпѣливо поджидая своего новаго друга.

Случалось, что Настюшка запаздывала и тогда на лицѣ ребенка появлялось тревожное тоскующее выраженіе. Но Настя запаздывала довольно рѣдко; обыкновенно она являлась раньше всѣхъ, стараясь попасть прямо къ чаю.

— Нася!—пронзительно вскрикивала Шурка, завидѣвъ въ дверяхъ закутанную знакомую фигурку.

Это было первое слово, которое она рѣшилась произнести громко.

Пока Настя раздѣвалась, Шурка ерзала по ящику и тянулась къ ней рученками.

Татьяна въ это время здѣсь же на ящикѣ собирала все необходимое для чаепитія.

— Садись, чай будемъ пить,—обращалась она къ Настюшкѣ.

И каждый день Вѣра Павловна, въ спальню которой доносился малѣйшій звукъ изъ кухни, слышала одинъ у тотъ же неизмѣнный отвѣтъ:

— Спасибо, тетенька! Я не хочу.

При этихъ словахъ голосъ Настюшки не выражалъ большой увѣренности. Ей, конечно, очень хотѣлось чаю и отказывалась она только изъ приличія.

— Ну чего тамъ не хочу,—обрывала ее Татьяна.—Пей!

И голосомъ значительно болѣе мягкимъ прибавляла:

— Одежа у тебя то же не Богъ знаетъ какая.

Убѣжденная Настюшка придвигала къ ящику табуретку.

— Тошнитъ все меня по утрамъ, тетенька, и въ животъ колетъ,— сообщаетъ она.

Въ плитѣ весело потрескиваютъ разгорѣвшіеся дрова. На дворѣ еще темно. Маленькая стѣнная лампочка тусклымъ свѣтомъ озаряетъ лохматую оборванную Настюшку и блѣдную, безъ кровинки въ лицѣ, Шурку, не спускающую глазъ съ матери, которая усердно дуетъ на блюдечко съ чаемъ, чтобы напоить дочку.

— А меня, тетенька, вчера мальчишки отодрать хотѣли!—болтая ногами, продолжаетъ Настюшка.

— Ишь ты, озорники какіе!—качаетъ головой Татьяна и подноситъ блюдечко къ выжидательно протянутымъ губамъ Шурки.

— Ну да и ты тоже хороша, спуску не дашь, даромъ что дѣвочка. Не ты ли первая и драку-то затѣяла?—подозрительно косится на дѣвочку Татьяна.

— Ну вотъ еще драться! Драться я совсѣмъ бросила,—аппетитно посасывая кусокъ сахара, съ достоинствомъ возражаетъ Настюшка.—

Да и узелокъ съ книгами къ тому же въ рукахъ: его на землю вѣдь не кинешь, доску того и гляди разобьешь,—объясняетъ она.—Убѣгла я отъ нихъ вчера. Какъ припущусь,—только меня и видѣли.

— А вчера ночью мнѣ долго не пришлось спать,—продолжаетъ дѣвочка, усвоившая себѣ привычку дѣлиться съ Татьяной всѣми впечатлѣніями своей богатой приключеніями жизни.

— Въ нашей комнатѣ жилецъ имянины справлялъ. Народищу къ нему набралось! Мнѣ тоже леденцовъ дали, пѣсни велѣли пѣть. Ужъ я имъ пѣла, пѣла: и про «Зайку сѣраго», и про «Лебедь бѣлую», всѣ пѣсни, которыя въ школѣ въ перемѣны поемъ, перепѣла, даже осипла совсѣмъ, а имъ все мало. Ругать меня подъ конецъ принялись. Ну, пьяные, извѣстно! — съ тонкимъ пониманіемъ дѣла вставила дѣвочка.

— Уйти хотѣла, да не тутъ-то было, не пускаютъ. Ну, думаю, плохо, того и гляди отдуютъ... Да не на таковскую тоже напали!

Она остановилась, чтобы перевести духъ. Глаза у нея заблестѣли и лукавое выраженіе проступило на ея некрасивомъ изрытомъ оспою сѣроватомъ лицѣ.

— Изловчилась это я тетенька и къ нашему сундуку пробралась, легла на него и притворилась, точно заснула, а какъ увидала, что никто на меня не смотритъ, за сундукъ и сползла. У насъ между сундукомъ и стѣною щель такая,—пояснила дѣвочка и показала руками величину щели. — Скатилась я туда, да тамъ на полу всю ночь и проспала.

— А мнѣ дяденька сапоги починилъ!—вдругъ налетаетъ она на входящую въ кухню Вѣру Павловну.

— Кто же тебѣ сапоги починилъ?—распрашиваетъ Вѣра Павловна, проводя рукой по мокрымъ отъ усерднаго умыванья волосамъ дѣвочки.

— Дяденька, который съ нами въ комнатѣ живетъ,—объясняетъ Настюшка.—Трезвый онъ съ мамки за починку 30 копѣекъ просилъ, а потомъ, какъ напился, задаромъ заплатки поставилъ.

— Ну и спасибо ему,—улыбается Вѣра Павловна.

Она привыкла просыпаться подъ утреннюю болтовню Настюшки и, благодаря наивнымъ разсказамъ дѣвочки, жизнь, которой живетъ большинство ея ученицъ, обрисовывалась передъ нею во всѣхъ ея неприглядныхъ подробностяхъ.

И Маня Леонтьева, и Зина Богданова, и Чернышова, и Еремѣева, и многія другія изъ ея ученицъ живутъ по угламъ въ духотѣ, сырости и полутьмѣ грязныхъ подваловъ.

Маня Леонтьева тоже помѣщается въ углу, но ея мать сама квартирная хозяйка, и уголъ у нихъ свѣтлый.

Вѣра Павловна слышала, какъ Маня уговаривала Ильину приходить къ ней учить уроки.

— Столъ у меня у самаго окошка. Приходи,—говорила она Ильиной, лицо которой было постоянно покрыто золотушными болячками.

— Хорошо, приду,—вяло согласилась апатичная ко всему дѣвочка.— А чернила-то у тебя есть?

Мать Ильиной, служившая въ горничныхъ, временно находилась безъ мѣста и ей съ бабушкой на пропитаніе ничего не давала. Вздумала было бабушка ходить по стиркамъ, но ея по старости никто не бралъ.

Одна за другой собираются дѣвочки.

Ночью мало кто изъ нихъ имѣлъ возможность вытянуться во всю длину подъ теплымъ одѣяломъ на сносномъ матрацѣ. Такъ спали развѣ только Брусенцева, Бронзова, да Волкова.

У Брусенцевой отецъ типографскій наборщикъ и они нанимаютъ квартиру въ двѣ комнаты съ кухней. Отецъ получаетъ порядочно, но денегъ едва хватаетъ, потому что семья у нихъ большая: дѣтей восемь человѣкъ. Мать работаетъ съ утра до ночи и ея работа отличается отъ работы поденьщицы только тѣмъ, что она не ходитъ по чужимъ людямъ. Живутъ они скромно, выгадываютъ каждую копѣйку, но ѣдятъ хорошо и у каждаго члена семьи, кромѣ самаго маленькаго, грудного, который спитъ съ матерью, своя отдѣльная кровать.

И по лицу, и по платью Брусенцевой видно сразу, что она изъ достаточной семьи. Платье у нея шерстяное, пальто на ватѣ, шапочка барашковая и калошки съ мерлушкой. Лицо у нея не такое блѣдное, какъ у другихъ, кожа чистая, бѣлая и на щекахъ легкій румянецъ.

Большинство дѣвочекъ провело ночь въ душномъ спертомъ воздухѣ, скорчившись въ уголкѣ большой кровати, на которой, кромѣ нихъ, спала цѣлая семья. Во время сна ихъ томили кошмары, вызванные спертымъ, отравленнымъ воздухомъ, кашей и картошкой, вздувавшей имъ животы. Запоздавшіе и часто пьяные жильцы, возвращаясь домой, будили ихъ ругательствами и шумомъ.

Утромъ, чуть брезжилъ разсвѣтъ, онѣ уже проснулись отъ возни, поднятой взрослыми, которые торопились на работу.

Невыспавшіяся, съ тяжелой головой, съ затекшими членами и пустыми желудками, захвативъ кусокъ хлѣба, оставленный имъ на завтракъ, спѣшили онѣ въ школу въ рваныхъ башмакахъ, промерзая до костей подъ худенькими подбитыми вѣтромъ пальтишками.

Полянская, крохотная дѣвочка, бѣгающая всю зиму въ драповой кофтѣ и въ ситцевомъ платкѣ на головѣ, раздѣвшись, долго грѣется передъ плитой. Она выбѣгаетъ на морозъ съ рѣшимостью человѣка бросающагося въ холодную воду и, отогрѣвшись, принимается горько плакать при одномъ воспоминаніи о томъ, какъ ей было холодно.

Вѣра Павловна зоветъ ее къ себѣ въ комнату, куда Татьяна уже подала самоваръ.

Она смотритъ, съ какимъ наслажденіемъ дѣвочка тянетъ горячій чай и мечтаетъ о томъ, какъ хорошо было бы имѣть возможность поить по утрамъ чаемъ всѣхъ ученицъ.

Такой расходъ не по силамъ самой Вѣрѣ Павловнѣ. Жалованья въ 45 рублей, которое въ началѣ казалось ей почти богатствомъ, едва хватаетъ для нея самой. Даже «благотворительные расходы», какъ сама она шутя называетъ покупку башмаковъ дѣвочкамъ, пришлось сократить.

А дѣвочки все приходятъ и приходятъ. Дверь въ кухнѣ отворяется поминутно, пропуская все новыя и новыя закутанныя фигуры.

На дворѣ морозно и отъ навѣшаннаго въ кухнѣ платья тянетъ холодомъ.

Въ классѣ раздается звонокъ, которымъ Вѣра Павловна собираетъ дѣвочекъ на молитву.

Кухня разомъ пустѣетъ.

Въ классѣ стоитъ полутьма. Лица и фигуры старшихъ, сидящихъ вдоль глухой стѣны, сливаются въ одну безформенную сѣрую массу, а лица маленькихъ, сидящихъ у окошекъ, кажутся Вѣрѣ Павловнѣ еще болѣе блѣдными и болѣзненными въ мутномъ освѣщеніи безсолнечнаго утра. Ни писать ни читать нѣтъ никакой возможности и Вѣра Павловна начинаетъ спрашивать у дѣвочекъ молитвы, заданныя батюшкой къ сегодняшнему уроку.

Сама она уроковъ не задаетъ, зная, какъ дорого обходится дѣвочкамъ ихъ приготовленіе.

Дома каждую изъ ея учепицъ ждетъ какое нибудь хозяйственное дѣло: кто матери помогаетъ, а кто и самъ управляться долженъ, потому что мать съ утра до ночи на работѣ. Дѣла не оберешься, а вечеромъ у многихъ даже и керосина не жгутъ... Стемнѣетъ и спать ложатся.

— Ты почему же молитвы не выучила?—спрашиваетъ Вѣра Павловна Бронзову.

— Мнѣ мамаша крестная не приказываетъ дома учиться. Какъ я за книжку—Васенька въ слезы,—отвѣчаетъ блѣдная малокровная дѣвочка.

Бронзова, не смотря на шелковый передникъ съ бантиками и высокіе башмаки на пуговкахъ, которымъ завидуетъ вся школа, производитъ жалкое впечатлѣніе.

Ей двѣнадцать лѣтъ, но по фигурѣ ей можно дать только десять, а по лицу дѣвочка производитъ впечатлѣніе совсѣмъ взрослой женщины. Способности у Бронзовой выдающіяся, ко всему, что говорится въ классѣ, она относится съ какимъ-то нервнымъ возбужденіемъ и выраженіе лица у нея постоянно сосредоточенное и напряженное. Невыученные уроки тяготятъ дѣвочку, она старается изо всѣхъ силъ и относится къ ученію съ не дѣтской серьезностью.

Крестная еще недавно повторила свое обѣщаніе отдать ее въ гимназію, если она будетъ угождать Васенькѣ и это обѣщаніе крѣпко засѣло въ головѣ дѣвочки, которая инстинктивно чувствуетъ, что между

ея прошлой жизнью съ родителями и настоящей у крестной легла цѣлая пропасть и вернуться назадъ у ней нѣтъ ни силъ, ни охоты. Тѣсная сырая комната приводитъ ее въ отчаяніе даже во время ея рѣдкихъ посѣщеній, она задыхается въ воздухѣ, пропитанномъ специфическимъ запахомъ бѣдности, нечистоплотность тѣсно связанная съ тѣснотой, вызываетъ въ ней брезгливость. Жить снова такъ, какъ жила она раньше, дѣвочка положительно не можетъ. Быть портнихой она не хочетъ. Ей слишкомъ знакома согнутая надъ работой фигура матери съ утомленнымъ лицомъ и красными вѣками. Работала она много, а жить лучше того, какъ жили, они все-таки не могли.

Бронзова хочетъ быть учительницей. Для того, чтобы сдѣлаться учительницей, необходимо попасть въ гимназію, поступленіе же въ гимназію всецѣло зависитъ отъ Васеньки и дѣвочка старается изъ всѣхъ силъ угодить капризному единственному ребенку заплывшей жиромъ купчихи, отъ которой зависитъ вся ея дальнѣйшая судьба.

Не знаетъ урока и Маня Леонтьева.

— Мама въ Кронштадтъ уѣхала,—смущенно говоритъ старательная и въ высшей степени исправная дѣвочка. Способностей большихъ у Мани нѣтъ, но учится она изо всѣхъ силъ, точно стараясь наверстать пропущенное за то время, когда она была слѣпою.

— Я за хозяйку оставалась,—съ достоинствомъ объясняетъ она, будучи не въ силахъ удержаться, чтобы не похвалиться своими сложными обязанностями передъ учительницей и подругами.

— Минуточки свободной не вижу,—съ важностью разсказываетъ она въ перемѣну окружавшимъ ее дѣвочкамъ.—Тамъ подмыть, тамъ прибрать нужно. Ночью, пока лампу послѣднюю не загашу, спать ни за что не лягу. Спаси Господи, пожаръ случится.

— А ты куда это вчера вечеромъ бѣгала?—перебиваетъ ее Ильина.—Я за хлѣбомъ въ лавочку ходила, а ты мимо меня точно кошка прыснула.

— А это я въ церковь бѣгала. У одной нашей жилицы ребеночекъ родился. Хорошенькій такой, глазки черненькіе, такъ я къ нему въ крестныя попросилась.

— Ну и взяли?—спрашиваетъ Волкова.

— Отчего же не взять, взяли, конечно, съ радостью. Теперь у меня этихъ самыхъ крестниковъ да крестницъ больше десяти наберется. Бабъ на квартирѣ мало ли, родится у кого младенчикъ, ну и просятъ, окрести, пожалуйста.

— Слушай, Маня, нельзя ли и мнѣ кого окрестить у васъ?—просительно говоритъ Демьянова, единственная дочь приказчика большого писчебумажнаго магазина.

— Можно. Почему нельзя. Къ бѣднымъ въ крестные совсѣмъ мало идутъ,—отвѣчаетъ Леонтьева.

— А распашенку-то я въ классѣ забыла! — спохватившись заявляетъ она и бросается изъ рекреаціонной.

Въ дверяхъ класса ее останавливаютъ дежурныя, но Маня такъ убѣдительно объясняетъ имъ, что ей необходимо дошить распашенку здѣсь же въ школѣ, потому что дома времени совсѣмъ нѣтъ, что ее въ концѣ концовъ пропускаютъ взять работу.

Роспашенку она шьетъ изъ своей старой рубашки.

— Младенчика совсѣмъ одѣть не во что,—разсказываетъ она.— Мужъ этой самой бабы малярь, жену изъ деревни выписалъ, а самъ въ больницѣ помирать собрался.

— А скоро мать твоя отъ батюшки назадъ будетъ?—спрашиваетъ дѣвочку Татьяна.

— Пожалуй, что сегодня вернется,—говоритъ дѣвочка.

И дѣйствительно Манина мать возвратилась въ этотъ же день и прямо съ парохода явилась въ школу. У дѣвочекъ только что началась большая перемѣна.

Онѣ вынули изъ ящиковъ и разложили передъ собой пестрые ситцевые мѣшочки съ завтраками, бутылочки съ чаемъ и съ чернымъ кофе. И кофе и чай тепловатые, потому что дѣвочки стараются пристроить свои бутылочки гдѣ нибудь на краю плиты. У большинства завтракъ самый неприхотливый: кусокъ ситника или вчерашняя булка, которую отдаютъ вмѣсто трехъ за двѣ копѣйки. Нѣкоторыя приносятъ одинъ черный хлѣбъ, а есть такія, которыя не приносятъ ничего. Эти получаютъ въ кухнѣ мисочку супа и ломоть хлѣба.

— А у тебя леденцы никакъ и булка съ вареньемъ! — подскакиваетъ къ Волковой подвижная черноволосая Яковлева.

— А ты сегодня никакъ и совсѣмъ безъ завтрака,—косится та на подсѣвшую къ ней Яковлеву, и запускаетъ зубы въ булку, сочно пропитанную брусничнымъ вареньемъ.

— Мама давала, да я не взяла, неохота возиться съ нимъ,—отвѣчаетъ съ небрежностью Яковлева.

Она строитъ самое равнодушное лицо и для большей убѣдительности даже снимаетъ съ головы гребенку и нѣсколько разъ старательно зачесываетъ свои прямые жесткіе волосы.

— Ну ужъ не повѣрю,—вмѣшивается въ разговоръ сосѣдка Волковой, уплетая кусокъ вчерашняго пирога.

— Напроказила вѣрно, ну и наказали,—замѣчаетъ одна это изъ среднихъ. Яковлева не возражаетъ. Близость пирога дѣйствуетъ на нее самымъ угнетающимъ образомъ. Еще минута и она начнетъ малодушно выпрашивать хоть кусочекъ.

— Все равно не дадутъ!—вдругъ рѣшаетъ она, всмотрѣвшись въ лица наслаждающихся вкуснымъ завтракомъ дѣвочекъ и, собравъ послѣднія силы, отправляется съ видомъ полнѣйшаго равнодушія бродить по классу.

Черезъ минуту она уже сидитъ рядомъ съ одной изъ маленькихъ.

— Дай кусочекъ, я тебѣ ариѳметику покажу,—шепчетъ она хорошенькой дѣвочкѣ съ большими блестящими глазами и гладко остриженой подъ гребенку круглой головой.

— Да у тебя у самой всегда невѣрно, — нерѣшительно возражаетъ та.

Поджаристая обсахаренная плюшка смотритъ необыкновенно вкусно, но и перспектива получить вѣрныя задачи тоже довольно заманчива и толстенькая Люба съ румяными щеками старается сообразить всю выгоду предложенія.

Съ ариѳметикой у нея совсѣмъ плохо. До десяти еще она кое-какъ сосчитаетъ по пальцамъ, но дальше у нея ни за что не выходитъ. Учительница правда добрая, но передъ дѣвочками какъ-то неловко да и передъ матерью стыдно.

Любина мать часто поджидаетъ дочку изъ окна рамочнаго заведенія на углу улицы. Сама въ школу она не заходитъ, потому что ей некогда, но старается справляться объ успѣхахъ дочери у проходящихъ дѣвочекъ.

— Ничего, вотъ только ариѳметика... — обыкновенно отвѣчаютъ спрашиваемыя.—Люба терпѣть не можетъ ариѳметики...

Внутренняя борьба разрѣшается, наконецъ, тѣмъ, что Яковлева уходитъ къ себѣ на мѣсто съ половиной плюшки, съ которой, однако, предусмотрительно сколупнуты всѣ изюминки.

Завтракъ почти конченъ, но Вѣры Павловны нѣтъ въ классѣ и дѣвочки въ ожиданіи молитвы, послѣ которой можно идти въ рекреаціонную, тихо разговариваютъ между собою.

— А у «казенныхъ» супъ съ рисомъ и къ Манѣ Леонтьевой мать пришла!—объявляетъ влетая въ классъ Разсолова.

Маня съ кускомъ недоѣденнаго хлѣба бросается въ кухню, за ней бѣгутъ дѣвочки.

— Вы куда? вы куда?—останавливаютъ старшія и сами бросаются въ кухню.

— Точно табунъ, прости Господи, — ворчитъ Татьяна. — Ребенка сонняго испугали!

Шумъ и топотъ ногъ разбудили спящую Шурку, она приподнялась ухватившись за край корзины и недоумѣвающими испуганными глазами смотрѣла на дѣвочекъ.

А тѣ уже забыли, зачѣмъ это понадобилось имъ сорваться такъ стремительно со своихъ мѣстъ.

Прибѣжала Разсолова, что-то крикнула. Что именно крикнула разобрали очень немногія, но когда нѣсколько дѣвочекъ бросились бѣжать, за ними пустились и другія, отдаваясь потребности подвигаться и пошумѣть послѣ цѣлаго часа занятій.

Нѣкоторыя, видимо сконфуженныя окрикомъ Татьяны, поспѣшно убѣжали назадъ, оставшіяся обступили корзинку.

— Шурка! Шурка! дай я тебѣ ножку обую, чулочки надѣну, — наперерывъ предлагаютъ они.

Но Шурка хмурится. Она не выспалась и только капризно поджимаетъ голенькіе нагрѣтыя во время сна ноженки.

— Гуленьки прилетѣли! — вдругъ вскрикиваетъ взобравшаяся на окно Полянская и всѣ дѣвочки отъ корзинки бросаются къ ней.

Полянская открыла форточку и выбрасываетъ за окно оставшіяся отъ завтрака крошки, стараясь попасть на деревянную доску, приколоченную съ наружной стороны подоконника.

— Гуль, гуль, гуль!—зовутъ дѣвочки и тянутся къ окошку взглянуть на слетѣвшихъ голубей.

На дворѣ ясно и тихо. Въ причудливыхъ сосулькахъ, спускающихся съ крыши, сверкаетъ солнце. Въ окно кухни смотритъ клочекъ голубого неба.

— Смотрите, смотрите: дымъ совсѣмъ какъ у Авеля! — кричитъ одна изъ маленькихъ, заглядѣвшись на дымъ, прямымъ столбомъ поднимающійся кверху.

— Что придумали-то? — раздается вдругъ негодующій возгласъ Татьяны.—Форточку закройте. Сами простудитесь, да и Шурку уморите. Озорницы!

А озорницы, возбужденныя солнцемъ и пахнувшимъ на нихъ морознымъ свѣжимъ воздухомъ, шумной толпой бросаются въ классъ.

Тише вы,—останавливаетъ дѣтей, чуть не сбитая ими съ ногъ Вѣра Павловна.—Идите въ классъ, прочтемъ молитву, а потомъ я васъ во дворъ погулять пущу.

Черезъ нѣсколько минутъ школа пустѣетъ. Остаются дома только тѣ, у кого башмаки ужъ очень плохи.

Н. Манасеина.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Общественныя ученія и историческія теоріи XVIII и XIX вѣковъ.

Проф. Р. Виппера.

(*Продолженіе* *).

X. Соціальная и историческая философія позитивизма.

Въ концѣ XVIII вѣка во всей Западной Европѣ растетъ религіозная волна: новыя секты, мистическія общества, религіозно-братскіе союзы возникаютъ всюду и охватываютъ широкіе круги, аристократическіе и придворные, мѣщанство и сельскіе классы. Въ Англіи методизмъ, или весляанство съ его массовыми митингами-проповѣдями подъ открытымъ небомъ, въ Баваріи—иллюминаты съ ихъ іезуитской организаціей, въ Пруссіи—розенкрейцеры, въ Швеціи—сведенборгіанцы, во Франціи мартинисты съ ихъ ожиданіемъ близкаго земного рая и теофилантропы во время террора, наконецъ, почти повсюду масоны. О томъ, какъ велика была во французскомъ революціонномъ обществѣ жажда культа, свидѣтельствуетъ попытка установить во время диктатуры Робеспьера поклоненіе Высшему Существу, попытка, въ которой заключены уже всѣ данныя перехода отъ вольной религіозной мысли къ церковнымъ, почти католическимъ, рамкамъ.

Въ XIX вѣкѣ эти исканія и блужданія, эти секты и идейныя направленія большею частью сходятся въ одно русло, въ русло старой и словно вѣчно-юной католической церкви. Происходитъ поразительное возрожденіе ея. Важны не отдѣльныя обращенія въ католичество представителей умственной аристократіи, вродѣ Фридриха Шлегеля, хотя эти обращенія крайне характерны. Важно ея общее укрѣпленіе въ умахъ, ея пробудившаяся энергія, сознаніе ея вождей, что у нихъ въ рукахъ массы и что они опять ими повелѣваютъ; важна организація и дисциплина, подъ которыми массы чувствуютъ себя, какъ въ ковчегѣ, избраннымъ народомъ, береженымъ исполнителемъ великой миссіи.

Въ свое время близкая къ Кондорсэ мадамъ Ролань, собиралась объяснить для потомства, что такое катехизисъ, такъ какъ черезъ 100 лѣтъ, по ея мнѣнію, не будутъ уже понимать, что это такое Сравните же съ ея вольнодумной мечтой настроеніе, которое ле-

*) См. «Міръ Божій», № 7, іюль.

житъ въ основѣ рѣчи одного изъ вождей новокатолицизма лѣтъ 50 спустя. Монталамберъ говорилъ въ 1844 г. въ палатѣ пэровъ: «Среди свободнаго народа мы—т. е. активные католики—не хотимъ быть илотами; мы—потомки мучениковъ и не трепещемъ передъ потомками Юліана Отступника; мы—дѣти крестоносцевъ и не уступимъ передъ сѣменемъ Вольтера. Среди васъ поднялось новое поколѣніе, котораго вы не знаете».

Лѣтъ черезъ 5, когда обсуждался во Франціи, во время второй республики, законъ о народномъ образованіи, тотъ же Монталамберъ говорилъ, напоминая о двухъ недавнихъ революціяхъ, одной, которая унесла Людовика-Филиппа, другой, которая въ іюньскіе дни 1848 года подняла рабочія массы противъ правящей буржуазіи: «Что стало съ обществомъ, создавшимся въ 1789 г., столь гордымъ и самоувѣреннымъ? Его подкапываютъ, потрясаютъ, одолѣваютъ въ одинъ день люди, которыхъ оно не удостоивало боязни». Ораторъ указывалъ на единственное спасеніе: смириться и искать покрова церкви. «Церковь никогда не говоритъ: «слишкомъ поздно!» Это—слово преступное и безжалостное, потому что никогда не слишкомъ поздно спасать душу, а тѣмъ паче никогда не слишкомъ поздно спасать общество, которое готово принять спасеніе!»

Такъ говорятъ только истинные повелители общества, такъ могъ говорить въ свое время какой-нибудь средневѣковый папа. Но отъ какой опасности собирался спасать общество возрождающійся католицизмъ? Если можно искать отвѣта въ короткихъ формулахъ, то отвѣтъ лежитъ въ восклицаніи, которое другой дѣятель, Ламеннэ, примѣнялъ, какъ эпиграфъ, къ завоевательной и строительной работѣ католицизма: «Vae soli! Горе одинокому!», т. е. горе изолированной морально личности, которая ищетъ опоры лишь въ себѣ, въ своемъ интересѣ, въ своемъ разумѣ, горе личности, которая въ буряхъ борьбы за существованіе, среди еще болѣе страшной ночи душевнаго одиночества, отчаянія и противорѣчій ума, лишена защиты всеспасающаго авторитета.

Это была другая форма для выраженія мысли, столь сильно выдвинутой сенсимонистами: найти снова верховный связующій догматъ, собрать снова нивеллированное теперь революціей, индивидуалистически разбитое общество въ цѣльную организацію, гдѣ оно не только работало бы вмѣстѣ, согласно, но и утѣшалось бы одной сплочивающей, всеобъясняющей вѣрой.

Любопытно, что новокатолики готовы были подать руку сенсимонистамъ. Въ моментъ, когда секта вызывала кругомъ смѣхъ или суровое осужденіе, впадая въ религіозно-мистическій коммунизмъ, когда ее отдавали на позорище суда, Монталамберъ рѣшился писать въ газетѣ «Avenir»: «Развѣ не вѣра, неполная, неясная, блуждающая, но все же развѣ не вѣра возрождается въ этой группѣ новыхъ людей, среди

этихъ сенсимонистовъ? Какъ ни оплеваны они, какое ни внушаютъ они намъ отвращеніе, но они заслуживаютъ нашего удивленія, потому что являются передъ обществомъ, чтобы говорить о вѣрѣ, и готовы претерпѣть мученіе, да, мученіе, принять нестерпимо жгучее и безпощадное мученіе нашего вѣка, показаться смѣшными?»

Но для того, чтобы спасать общество XIX вѣка, католицизмъ долженъ былъ надѣть новую одежду. Умный епископъ Имолы въ 1797 г., будущій папа Пій VII, намѣчая сближеніе съ новой демократіей, говорилъ въ своей проповѣди, въ то время, какъ въ Европѣ вездѣ съ ужасомъ отворачивались отъ сатанинской французской республики: «Республика, основанная на благочестіи, не противорѣчитъ вѣрѣ; Христосъ былъ демократическимъ другомъ народа. Будьте хорошими христіанами и вы будете хорошими демократами». Словно пророческими оказались слова одного французскаго консерватора эпохи первой революціи (Монлозье), который предупреждалъ, когда у духовенства отнимали привилегіи и владѣнія: «Если вы у нихъ отнимете золотой крестъ, они возьмутъ деревянный; вѣдь міръ спасенъ деревяннымъ крестомъ».

Крестъ католической церкви въ XIX в. дѣйствительно сталъ деревянный: она потеряла пышныхъ прелатовъ и великолѣпныя бенефиціи, но схватила всѣ средства демократіи; она пошла на политическіе выборы, завладѣла всѣми пріемами агитаціи, прессой, возбуждающимъ языкомъ, плебисцитами, афишами, общественными подписками, народной школой, рѣзкими эффектами народныхъ ораторовъ, вездѣсущими репортерами, рекламой, шумными благотворительными базарами и т. д. Она пишетъ на своемъ знамени: свобода школьнаго преподаванія, свобода ассоціацій; она требуетъ свободы печати или, какъ намѣренно рѣзко выражался Ламеннэ—«своеволія, распущенности печати». Языкъ газеты Ламеннэ, «l'Avenir», въ началѣ 30-хъ годовъ—точно продолженіе фразеологіи страшнаго конвента: въ немъ чувствуется вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренность, что передъ католицизмомъ великое будущее.

Мы невольно всякій разъ спрашиваемъ себя, какой же общественный идеалъ выставляло католичество, соединяя столь различные классы и группы въ своей организаціи? Невольно поражаетъ именно это разнообразіе дѣятельныхъ началъ, чувствъ и общественныхъ характеровъ, которые собираетъ въ себѣ церковь: въ то время, какъ высшіе классы находятъ въ ней принципъ охраны существующаго владѣнія, низшіе ждутъ отъ нея широкой помощи; энергическія натуры удовлетворяютъ своей потребности подвига, слабыя счастливы простирающимся надъ ними покровительствомъ. Вотъ это объединеніе противорѣчивыхъ, повидимому, интересовъ въ одной общей цѣли, вотъ это соединеніе частныхъ и матеріальныхъ интересовъ и общей вдохновляющей вѣры, эта гармонизація ежедневныхъ жизненныхъ потребностей и возвышенныхъ чувствъ, это и есть свойство, которое такъ отвѣчало умственному и моральному запросу массы людей первой по-

ловины XIX вѣка. Оно привлекало удивленіе, часто восторженную оцѣнку со стороны многихъ, кто не могъ одобрять самого содержанія католичества, но кто въ свою очередь искалъ того, что сенсимонисты называли органическимъ принципомъ.

Къ числу послѣднихъ принадлежалъ Огюстъ Контъ, и въ объясненіи его соціальной философіи надо постоянно имѣть въ виду это обстоятельство. Изученіе Конта заставляетъ однако вернуться къ С.-Симону, къ которому онъ тѣсно примыкаетъ.

Трудно придумать болѣе рѣзкую противоположность жизни и натуры Конта и С.-Симона. Въ начальной исторіи религіозныхъ системъ можно встрѣтить безпорядочно разбрасывающагося иниціатора-мечтателя, чуткаго къ людямъ и вещамъ, богатаго опытомъ, житейскими примѣрами и притчами, за которымъ позднѣе идетъ неумолимо строгій послѣдовательный сухой систематикъ, заковывающій, запирающій геніально брошенныя, конкретныя, обрывочныя мысли иниціатора въ тюрьму неподвижно-отвлеченныхъ понятій и правилъ. Типы такихъ двухъ породъ людей представляютъ С.-Симонъ и Контъ.

У Конта—ничего похожаго на «экспериментальную» жизнь пророка-авантюриста. Напротивъ величайшее однообразіе, удаленность отъ реальныхъ впечатлѣній, незнаніе и игнорированіе людей. Жизнь Конта, это—практика ученаго репетитора Политехнической школы и профессіональнаго экзаменатора кандидатовъ въ нее, передъ которымъ проходили не люди, а градусы технической выучки; все остальное время, это—работа надъ своимъ философскимъ завѣщаніемъ, надъ кодексомъ своихъ научныхъ принциповъ. Прибавьте къ этому еще воздержаніе Конта, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ работы надъ курсомъ, отъ чтенія газетъ и журналовъ, воздержаніе, которое онъ называлъ своей мозговой гигіеной.

Контъ — настоящій отшельникъ XIX вѣка, отшельникъ большого города; стѣны его кабинета-кельи создаются изъ своеобразной умственной обстановки, изъ отраженія отраженій фактовъ, изъ отвлеченій литературы, десять разъ надстроенныхъ надъ дѣйствительностью и десять разъ преломившихъ ея лучи. Здѣсь родятся новыя слова, «соціологія», «альтруизмъ», сочиненныя Контомъ, такъ сказать новыя еще болѣе высокія надстройки, но здѣсь не дѣлается новыхъ разрѣзовъ жизненнаго матеріала. Контъ можетъ высокомѣрно ставить крестъ надъ всѣми современными ему партіями и реформами, онъ гордо летитъ надъ ними, потому что, дойдя до его кельи, представленія о нихъ лишаются всѣхъ конкретныхъ признаковъ и обращаются въ голый принципіальный заголовокъ. Оттого его три тома соціальной философіи (IV—VI томы «Курса положительной философіи», вышедшаго въ 1837—1842 г.), раздѣленные на фиктивныя лекціи, по 200—300 страницъ каждая, представляютъ какую-то пустыню изложенія; ни одной метафоры, ни одного эпизода, почти нѣтъ реальныхъ примѣровъ; ни одной харак-

теристики, только сухія, однообразныя, экзаменаторскія отмѣтки: «знаменитый Боссюэтъ», «великій Аристотель», «ретроградъ Бонапартъ» и т. д.

Природная наклонность подъ вліяніемъ постоянныхъ жизненныхъ условій, этого ежедневнаго ничѣмъ не стѣсненнаго самоуглубленія выработалась у Конта въ поразительное самомнѣніе, въ сознаніе своего умственнаго одиночества въ мірѣ. «Къ несчастію, я остаюсь еще единственнымъ до сихъ поръ, кто въ настоящее время находится въ полномъ обладаніи основного принципа и раціональной системы новаго ученія». Онъ увѣренъ, что всѣ компетентные судьи признаютъ вмѣстѣ съ нимъ, насколько его принципы политической философіи становятся въ предстоящемъ IV томѣ «прозрачно ясными и устойчивыми благодаря своей связи съ необходимыми научными предпосылками, которыя шагъ за шагомъ подготовлены въ предшествующихъ трехъ томахъ». Онъ говоритъ затѣмъ: «Предстоитъ создать новый порядокъ научныхъ понятій, котораго ни одинъ предшествующій философъ не только не намѣтилъ, но самой возможности котораго никто никогда ясно не предвидѣлъ». Въ послѣднемъ томѣ Контъ даетъ резюме историческаго процесса и замѣчаетъ, что оно будетъ «крайне полезно для руководства при второмъ чтеніи, безъ котораго столь новая и трудная концепція не могла бы быть въ настоящее время оцѣнена даже наилучше подготовленными читателями». Впрочемъ, по временамъ, когда приходится примкнуть къ явно общераспространеннымъ представленіямъ, Контъ выражаетъ увѣренность, что такое совпаденіе его взглядовъ съ существующимъ мнѣніемъ не ослабитъ заслуги его работъ.

Это сознаніе омрачается только своего рода маніей видѣть всюду враговъ, предвосхищающихъ и грабящихъ его мысли и его новыя слова, а потомъ легкомысленно, извращенно профанирующихъ ихъ передъ публикой. Слово «трактатъ», которымъ Контъ обозначаетъ свое изслѣдованіе и которое возвращается на каждой страницѣ, онъ пишетъ съ большой буквы. Въ виду этого онъ считаетъ необычайно важнымъ для сознанія человѣчества все, что привелось испытать человѣку—Конту, главнымъ образомъ, возникновеніе, порядокъ и сцѣпленіе его мыслей. Но такихъ признаній Конта не много въ сущности. Притомъ они большею частью способны вводить въ заблужденіе въ виду того, что Контъ, окружая себя оградой новыхъ формулъ, иногда всего только новыхъ словъ, склоненъ сознавать въ нихъ реальную границу, отдѣляющую его философію отъ предшественниковъ.

Контъ объяснялъ свой разрывъ съ С.-Симономъ тѣмъ, что старый наставникъ впалъ въ религіозныя мечтанія. Съ этой же точки зрѣнія осуждалъ онъ и примыкавшую къ имени великаго фантазёра секту. Самъ Контъ считалъ возможнымъ ставить лишь строго научныя задачи, отстраняя объясненіе явленій сверхестественными силами или внутренними скрытыми свойствами вещей.

И тѣмъ не менѣе направители Конта—тѣ же сложившіяся группы

идей и представленій, какъ у С.-Симона и его школы, а между ними на первомъ мѣстѣ символы и образы католической церкви и католической философіи. Въ одномъ изъ автобіографическихъ признаній, сдѣланныхъ съ цѣлью поученія читателя, Контъ говоритъ: «Будучи рано проникнутъ, какъ мнѣ и слѣдовало, революціоннымъ духомъ, я не боюсь теперь признаться, съ искренней благодарностью и безъ страха быть обвиненнымъ въ непослѣдовательности, сколь благотворное вліяніе оказала на меня католическая ретроградная философія, и особенно знаменитый трактатъ О папѣ (Ж. де-Местра)». Контъ считаетъ себя обязаннымъ ей не только за вѣрный взглядъ на средніе вѣка, но и за то, что она научила видѣть во всякомъ соціальномъ состояніи его основное условіе, именно порядокъ.

Здѣсь Контъ самъ преклоняется передъ своимъ учителемъ и называетъ его передъ всѣмъ свѣтомъ. Но въ этомъ нѣтъ нужды. Каждая страница его «Курса положительной философіи» о томъ свидѣтельствуетъ. Почему такъ грандіозна въ его глазахъ культура Среднихъ вѣковъ? Потому что все, права и обязанности людей, государство и искусство, наука и мораль, уложены были въ цѣльную систему взаимныхъ связанныхъ потребностей и правилъ, и въ этой системѣ дано было и объясненіе сущаго, и безаппеляціонный приказъ, какъ жить. За то католицизму, «этому главному политическому творенію человѣческой мудрости», наша «вѣчная благодарность».

Контъ не устаетъ говорить о томъ, какъ важно регулировать «полетъ» ума и предпріимчивости человѣка, онъ точно хочетъ сказать, что, какъ былъ полезенъ въ свое время церковный папа, такъ необходимъ непогрѣшимый авторитетъ, своего рода идеальный папа въ научной и соціальной жизни.

Конечно, революція и связанная съ нею метафизика нужны были для перехода къ новому органическому періоду нашего времени, гдѣ будетъ царить положительная философія; конечно, философъ со своей высоты обязанъ спокойно взирать на правыхъ и виновныхъ, но Контъ не можетъ скрыть своей нелюбви къ этой критикующей, всеанализирующей породѣ и эпохѣ. Скептиковъ онъ не любитъ приблизительно, какъ церковникъ не терпитъ еретиковъ, слишкомъ много диспутирующихъ. Контъ — страшный врагъ умственной вольности и анархіи. Лучшая часть современнаго юношества, по его мнѣнію, испорчена эгоизмомъ и эмпиризмомъ. Нельзя позволять всякому и каждый день безконечно обсуждать основные принципы, на которыхъ держится общество; порядокъ общественный всегда будетъ несовмѣстимъ съ предоставленіемъ личности такой свободы. Въ будущемъ обществѣ этого безпорядка не будетъ. Не даромъ же Контъ считаетъ возможнымъ напередъ назвать гражданъ общества будущаго совершенно церковнымъ терминомъ «вѣрныхъ», вѣрной паствой.

Надо дисциплинировать, связать и запрячь критическій духъ: Контъ

не любитъ свойственной критицизму наклонности къ насмѣшкѣ и безпокойному перебору и пересмотру. Этотъ опасный духъ надо будетъ потомъ поставить на надлежащее мѣсто, на второстепенныя подчиненныя роли, обезвредить его, обратить его въ механическое орудіе; пусть онъ критикуетъ не то, что хочетъ, а лишь устарѣлыя отжившія системы, указывая ихъ недостатки и слушаясь наставленій, вдохновительныхъ повелѣній положительной философіи. Контъ еще и еще разъ напоминаетъ, что господство разума вообще есть утопія; настойчивыя требованія его вызываютъ анархію, а потому роль его въ дальнѣйшемъ должна быть лишь совѣщательная.

Съ этимъ страхомъ и съ этой антипатіей тѣсно связанъ культъ стараго католицизма, этого какъ бы прообраза позитивной философіи. Католицизмъ, думаетъ Контъ усвоилъ положительныя ученія и отвергъ все лишнее. Католицизмъ въ качествѣ «раціональной и миролюбивой системы общежитія», организовалъ соглашеніе между практиками и теоретиками. Контъ называетъ безбрачіе духовенства великимъ учрежденіемъ, онъ признаетъ крупную соціальную роль за церковной канонизаціей, возвышающей въ идеальномъ олицетвореніи благотворные акты общественнаго настроенія. Контъ оправдываетъ даже нетерпимость средневѣкового католицизма, потому что она была могущественнымъ средствомъ къ воспитанію рода человѣческаго въ духѣ единенія его умственныхъ и нравственныхъ силъ, къ развитію въ немъ сознанія закономѣрности явленій. Контъ высказываетъ поэтому мнѣніе, что протестантскія націи въ соціальномъ и умственномъ отношеніи постепенно отстали отъ католическихъ.

Въ этомъ увлеченіи церковностью Контъ вполнѣ сходится съ С. Симономъ послѣдняго періода и съ сенсимонистами. Какъ строгій систематикъ-богословъ и неумолимый педагогъ-доктринеръ, онъ даже съуживаетъ религіозную идею; въ церкви прошлаго и въ религіи будущаго для него явно организація выше ученія, іерархія важнѣе догмы. У него уже нѣтъ рѣчи о вдохновляющей роли искусства въ соціально-религіозномъ творчествѣ будущаго, нѣтъ рѣчи объ энтузіазмѣ, захватывающемъ массу общества. Но Контъ тѣмъ болѣе чутокъ къ универсальной идеѣ, оставленной въ наслѣдіе католицизмомъ, къ сложившейся въ его средѣ мысли о человѣчествѣ, какъ единомъ организмѣ.

Съ универсально-католической точки зрѣнія, подобно реакціонерамъ и сенсимонистамъ, склоненъ смотрѣть Контъ и на французскую революцію. Ея образъ, ея, можно сказать, неопредѣленное и колоссальное видѣніе служитъ для него также гранью міровыхъ стадій и новымъ великимъ объединяющимъ факторомъ. Контъ хочетъ подъ формами отрицанія и разрушенія видѣть въ ней органическія, творческія силы, приступъ къ великому перерожденію общественнаго строя и научныхъ методовъ:»... громадный соціальный кризисъ, необходимый и неизбѣжный, опредѣлился у націи (французской), предназначенной въ высшей

степени, по совокупности своего прошлаго, къ опасной чести принять на себя спасительную инициативу, естественно благотворную для всей остальной части великой западной республики, развитіе которой, по существу однородное, начиная со среднихъ вѣковъ, обнаруживало постоянную солидарность».

Если однимъ наставникомъ соціальной философіи Конта былъ католицизмъ, то другой крупный толчокъ для нея заключался въ великихъ успѣхахъ естественно-математическихъ наукъ. Въ этомъ отношеніи Контъ, вмѣстѣ съ С.-Симономъ и его школой, примыкаютъ къ теоріи прогресса Кондорсе. Въ философскихъ святцахъ «курса положительной философіи» немного именъ, но достойно вниманія, что у Конта рядомъ поставлены Боссюэтъ, ораторъ и художникъ католическаго міровоззрѣнія, и Кондорсе, какъ представитель точнаго знанія. Контъ обращаетъ вниманіе на то, что первый удовлетворительный взглядъ на прогрессъ принадлежитъ философу, руководившемуся духомъ геометріи: Контъ разумѣетъ Паскаля и его уподобленіе развитія человѣчества росту человѣка. Замѣчательной чертой переживаемаго момента Контъ считаетъ выдающіяся открытія въ астрономіи; такими именно открытіями всегда отмѣчались великіе умственные перевороты и смѣны религіозно-философскихъ системъ: и онъ думаетъ, что въ современности необычайный подъемъ въ сферѣ наукъ, изучающихъ неорганическую природу, и особенно въ математикѣ, показываетъ явно полную несовмѣстимость положительнаго духа съ устарѣлой философіей.

Контъ возвращается къ сенсимоновскому выраженію «соціальная физика» для обозначенія новаго ученія объ обществѣ; подраздѣленія этой науки названы у него терминами, взятыми изъ механики: «соціальная статика», ученіе о спокойномъ состояніи общества, «соціальная динамика», ученіе о его движеніи. Идеалъ науки, какъ онъ представляется Конту, опять внушенъ математическимъ мышленіемъ: подобно С.-Симону, онъ желалъ бы изображенія всѣхъ явленій въ мірѣ въ видѣ частныхъ примѣненій и случаевъ одного общаго факта, одной общей силы, какъ напримѣръ, всемірнаго тяготѣнія.

Контъ осматривается кругомъ, чтобы опредѣлить, въ какой мѣрѣ подготовлены умы къ воспринятію положительной философіи, основанной исключительно на данныхъ точныхъ наукъ. Нечего и разсчитывать на представителей общественныхъ наукъ; въ этой области царятъ еще дореформенные, богословскій и метафизическій, взгляды. Позитивное направленіе Контъ видитъ лишь у медиковъ, да въ своей Политехнической школѣ. Здѣсь онъ замѣчаетъ и разумный духъ синтеза, обобщенія, тогда какъ большинство современныхъ ученыхъ погружено въ безформенное, безцѣльное изученіе фактовъ, деталей, въ «дѣтскія изслѣдованія». Упорство, узость этихъ ученыхъ, пораженныхъ «порокомъ раздробляющей спеціализаціи», продолжающихъ высокомѣрно провозглашать «эмпиризмъ и индивидуальность», глубоко изумляетъ Конта.

Онъ не можетъ понять этой слѣпоты, когда именно синтезъ положительной философіи обѣщаетъ вознести ихъ на высоту міроправителей. Повторяя мысли, выраженныя въ Атлантидѣ Кондорсе и въ раннихъ сочиненіяхъ С.-Симона, Контъ предлагаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ образовать въ Парижѣ изъ передовыхъ ученыхъ предварительное духовное правительство, или западный позитивный комитетъ.

Въ приведенныхъ взглядахъ Конта нѣтъ ничего новаго. Это лишь болѣе сухія, рѣзкія, догматизированныя формулировки положеній сенсимонизма. Контъ становится своеобразнымъ тамъ, гдѣ его воззрѣнія дѣлаются ўже. Таково его отношеніе къ вопросу о содержаніи человѣческаго прогресса и объ его двигателяхъ. С.-Симонъ ставилъ наравнѣ явленія и эпохи умственнаго и соціальнаго развитія человѣчества; обѣ группы могутъ взаимно вліять другъ на друга; въ религіи онъ склоненъ видѣть завершительный принципъ, абстракцію сложившихся соціальныхъ отношеній. Контъ думаетъ, что умственное движеніе идетъ всегда впереди соціальнаго; каждая новая система міровоззрѣнія создаетъ, безусловно опредѣляетъ особый соціальный строй; изучать соціальныя перемѣны ранѣе умственныхъ, искать въ нихъ перваго толчка развитія—значитъ «ставить плугъ впереди быковъ».

Дѣятельность общественнаго организма, вся совокупность жизненныхъ отношеній человѣческаго міра управляется мнѣніями, идеями. Эта увѣренность опирается у Конта на положеніе еще болѣе общее, на нѣкоторую основную черту «органическихъ теорій», какъ бы возникшихъ изъ жажды порядка. Имъ всѣмъ свойственна та мысль, что міровые процессы, хотя и совершаются самопроизвольно, но въ то же время отвѣчаютъ разумному сознанію человѣка. Человѣкъ какъ бы открываетъ свою собственную логическую систему въ явленіяхъ окружающаго міра, узнаетъ ходъ своего логическаго развитія въ движеніи, развитіи міра.

Отсюда дѣлались два вывода — одинъ для организаціи науки, другой для устроенія практической жизни. Если міровой порядокъ есть порядокъ логической системы, то пути къ постиженію этого порядка, т. е. науки, должны образовать полное единство: они всѣ работаютъ къ открытію единаго закона, они должны составить іерархію, скрѣпленную строгимъ взаимнымъ подчиненіемъ. Съ другой стороны. раскрытіе логическаго порядка въ мірѣ должно увеличить власть надъ нимъ человѣка. Новая положительная философія, которая соберетъ въ стройную систему всѣ знанія, крѣпче свяжетъ и самыя вещи, самыя фактическія отношенія. Особенно это касается высшихъ ступеней жизни, отношеній общественныхъ. Они могутъ и должны быть цѣлесообразно организованы, потому что для общества можно и должно найти единую цѣль существованія. Безграничнымъ-же повелителемъ этой общественной организаціи станетъ наука, раскрывающая тайну самого организаторскаго закона.

Контъ отворачивается съ презрѣніемъ отъ современной ему политики. Почему такъ жалки ея пріемы, почему такой разладъ въ обществѣ, такое паденіе нравовъ? Потому что въ немъ нѣтъ цѣльнаго міровоззрѣнія и господствуетъ анархія понятій. Единственный путь къ общественной реформѣ—реорганизація мнѣній, умственное и моральное преобразованіе, объединенное философскимъ принципомъ. Возрожденію общественному можетъ помочь только философская операція. Безъ общаго взгляда нѣтъ общеполезнаго дѣйствія, безъ généralité нѣтъ générosité, т. е. безъ великаго обобщенія нѣтъ великодушія.

Для каждаго даннаго фазиса въ жизни человѣчества существуетъ и можетъ быть открыто свойственное ему единство жизненныхъ отношеній и понятій, тѣсное согласіе, по терминологіи Конта, «солидарность» теоретическихъ объясненій и моральныхъ мотивовъ. Новой высшей наукѣ, соціологіи, и предстоитъ открыть для каждой эпохи это внутреннее сцѣпленіе (consensus, какъ нерѣдко латинскимъ терминомъ выражается Контъ), затѣмъ показать непрерывную связь смѣняющихся системъ жизни во всемъ ходѣ развитія человѣчества. Тогда историческій матеріалъ потеряетъ свою безформенность и случайность, все станетъ въ стройные ряды. Разумно расположить историческіе факты значитъ вмѣстѣ съ тѣмъ дать высшее руководство соціальной жизни. Соціологія станетъ также основой будущаго управленія, теоретической политикой.

Но разъ общественный строй цѣликомъ опредѣляется системами мысли, разъ онѣ составляютъ и главный признакъ и главную двигательную силу каждой соціальной эпохи, то совершенно естественно всемірная исторія, преобразованная въ соціологію, сведется къ исторіи мысли, къ изученію смѣны великихъ общихъ религіозныхъ, философскихъ и научныхъ доктринъ.

Уже въ половинѣ XVIII в. Тюрго въ очеркѣ умственнаго развитія человѣчества отмѣтилъ три ступени: раннюю, когда все непонятное люди склонны объяснять чудеснымъ прямымъ воздѣйствіемъ божественной силы, слѣдующую, когда объясненія ищутъ во внутреннемъ существѣ или скрытыхъ свойствахъ самихъ вещей, и послѣднюю, когда люди стараются поставить на первое мѣсто точныя положительныя данныя, наблюденіе надъ реальными условіями явленій. У Тюрго это замѣчаніе высказано при случаѣ и относится лишь къ перемѣнамъ въ научныхъ пріемахъ. Контъ обращаетъ эти три фазиса науки, богословскій, метафизическій, положительный, въ три общихъ состоянія, три великія эпохи человѣчества.

Хронологическія рамки дѣленія всемірной исторіи по этимъ тремъ стадіямъ мысли совпадаютъ съ принятымъ у сенсимонистовъ различеніемъ двухъ эпохъ органическихъ, старой и нарождающейся, и одной критической, средней между ними эпохи. У Конта также второй фазисъ, метафизическій, начинается съ паденія феодально-католическаго міра,

торжества индустріи, развитія свободомыслія и революціоннаго духа, отъ XIV вѣка начиная, и достигаетъ вершины и конца въ революціи; третій, положительный, начинается послѣ революціи.

Но Контъ обстоятельно изучаетъ раннія ступени богословскихъ ученій и истолкованій міра, а въ средневѣковомъ католичествѣ видитъ уже переходъ къ высшему научному толкованію.

Богословскій вѣкъ, въ свою очередь, распадается на три эпохи, фетишизма, многобожія, единобожія. Въ теченіе каждой религіозная система создаетъ и закрѣпляетъ весь строй матеріальныхъ отношеній и понятій. Система фетишизма, когда боговъ представляли въ близкихъ вещахъ, въ деревѣ, животномъ, рѣкѣ и т. д., представляетъ собою первое обобщеніе: вызывая преклоненіе предъ окружающими предметами, между прочимъ полезными животными и землей, фетишизмъ ведетъ къ развитію домашней культуры и земледѣлія. Но индустрія еще не можетъ сложиться, потому что представленіе о божественности вещей не позволяетъ измѣнять ихъ видъ въ обработкѣ.

Позднѣе боговъ переносятъ на небо, ихъ начинаютъ почитать въ свѣтилахъ. Человѣчество переходитъ въ стадію многобожія. Число боговъ теперь сокращается; сравнительно съ предшествующимъ періодомъ сдѣланъ дальнѣйшій шагъ обобщенія, «наука» подвинулась. У каждаго племени теперь свой богъ. Неизбѣжно отсюда должны родиться войны, потому что племена ревнуютъ боговъ другъ у друга; такимъ образомъ многобожіе развиваетъ любовь къ отечеству. Измѣняется подъ вліяніемъ новыхъ представленій самое право войны. Военноплѣнныхъ уже не умерщвляютъ, какъ въ эпоху фетишизма: причина лежитъ въ томъ, что фетиши въ свое время были прямо враждебны другъ другу и требовали взаимнаго истребленія; между болѣе отвлеченными богами побѣдителей и побѣжденныхъ въ политеистическую эпоху предполагается родство, возможна іерархія; побѣжденные боги, будучи примирены съ богами-побѣдителями и подчинены имъ, заставляютъ и самихъ побѣжденныхъ людей служить людямъ-побѣдителямъ. Такъ многобожіе рождаетъ рабство.

Еще въ другомъ отношеніи религія эта является основой соціальнаго дѣленія. Недоступность небесныхъ боговъ вызвала необходимость посредниковъ между ними и массой вѣрующихъ: такъ явился властвующій классъ жрецовъ. Въ связи съ политеистическими вѣрованіями слагается и новый характеръ производства: трудовой классъ, рабы, не связанъ болѣе священной неприкосновенностью вещей; его работа начинаетъ создавать излишекъ, роскошь. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, рабство повело къ развитію жадности и возрастанію неравенства. Въ общемъ результатѣ слѣдовательно многобожіе породило аристократическій строй древняго общества.

Такъ Контъ объясняетъ послѣдовательно возникновеніе учрежденій, нравовъ, классоваго дѣленія изъ основной религіозной идеи, и вмѣстѣ

съ тѣмъ онъ всякій разъ опредѣляетъ ее, какъ высшее научное и философское обобщеніе, до какого только могло подняться общество. Контъ настойчиво заявляетъ, что новыя способности, обнаруживаемыя людьми, не создаются новыми реальными потребностями жизни, не вытекаютъ изъ нихъ. Усовершенствованные способы культуры земли, развитіе индустріи, расширеніе торговли и т. д. не стоятъ, напримѣръ, въ прямой зависимости отъ возрастанія плотности населенія. Новая способность образуется не иначе, какъ если человѣчество предрасположено къ ней извѣстнымъ логическимъ складомъ.

Идя исключительно по линіи развитія и смѣны религіозныхъ системъ, Контъ какъ бы не замѣчаетъ вовсе паденія древняго міра: монотеистическая религія конца римской имперіи образуетъ для него прямой переходъ къ культурѣ Среднихъ вѣковъ.

Въ единобожіи Контъ открываетъ великій соціальный принципъ. Уже въ эпоху политеизма идея общей судьбы, тяготѣющей одинаково надо всѣми, заключала въ себѣ начальное понятіе о закономѣрности явленій въ мірѣ. Самый монотеизмъ по простотѣ, стройности и отвлеченности міропониманія почти наука. Онъ и вызываетъ къ жизни единое мощное духовенство въ средніе вѣка, которое выступаетъ властно противъ государей и является прототипомъ будущаго господства «умозрительной корпораціи» въ царствѣ положительной философіи. Соотвѣтственно великой абстрактной идеѣ слагается и общественная организація. Такъ какъ съ точки зрѣнія единобожія всѣ люди—дѣти одного Бога и братья между собою, она должна охватить весь христіанскій міръ. Война изъ взаимной и наступательной становится лишь оборонительной борьбой европейско-христіанскаго союза противъ внѣшняго врага, ислама. Европѣ понадобилась огромная организація защиты; такова задача и сущность феодализма.

Растущая сила идеи и идейнаго вліянія по необходимости приводитъ къ выдѣленію особаго класса, сфера котораго есть мысль и теоретическое истолкованіе. Поэтому важнѣйшимъ фактомъ цивилизаціи было раздѣленіе властей, духовной и свѣтской въ Средніе вѣка. Дальнѣйшее и окончательное раздвоеніе авторитета между людьми мысли и людьми практическаго руководительства, учеными и промышленными вождями должно установиться и въ современности.

Законъ о трехъ фазахъ въ развитіи человѣчества дополняется закономъ о смѣнѣ двухъ разныхъ состояній, въ которыхъ легко узнать органическія и критическія эпохи сенсимонистовъ. Но Контъ соединяетъ съ различеніемъ двухъ крупныхъ реальныхъ фактовъ различеніе двухъ соотвѣтствующихъ имъ методовъ изслѣдованія.

Общество находится въ покоѣ или въ движеніи, подчиняется порядку или прогрессу. Сообразно этому различію соціальная статика изучаетъ гармонію общественнаго порядка, согласіе всѣхъ одновременно существующихъ частей, а соціальная динамика—формы и мотивы

прогресса. Съ другой стороны, можно различать въ человѣческомъ обществѣ его строеніе и его отправленія, его анатомію и его физіологію. Контъ находитъ, что это новое дѣленіе явленій вполнѣ отвѣчаетъ первому. Поэтому соціальная статика изучаетъ также строеніе, соціальная динамика—отправленія общественнаго организма.

Собственно органическое состояніе, состояніе покоя, въ которомъ всѣ стороны быта, потребности и понятія, наука и искусства, право и религія гармонируютъ, есть состояніе нормальное. Спрашивается, чтò же однако выводитъ общество, сначала въ его отдѣльныхъ представителяхъ, потомъ во всей его массѣ, изъ состоянія покоя и взаимнаго согласія элементовъ? Отчего не застываетъ общественная форма, а начинаетъ перерабатываться въ другую, высшую?

Контъ не отрицаетъ значенія такихъ условій, какъ раса, климатъ. Но это-факты второстепенные: они могутъ ускорять, но не создавать прогрессъ. Не отрицаетъ онъ и роли естественнаго размноженія людей, которое вызываетъ усиленный спросъ на жизненные продукты, создаетъ соціальное соперничество. Но и это фактъ дополнительный. Главный двигатель и направитель соціальнаго прогресса—умъ человѣческій. Прогрессъ зависитъ отъ его самопроизвольнаго движенія. Когда онъ достигаетъ извѣстныхъ запросовъ, не удовлетворяемыхъ болѣе даннымъ міровоззрѣніемъ, данной системой, тогда начинается его разрушительная работа, которая служитъ переходомъ къ новому состоянію покоя и гармоніи.

Но въ этихъ измѣненіяхъ нѣтъ безконечной очереди. Контъ комбинируетъ свои два обобщенія, законъ смѣны эпохъ гармоніи и эпохъ кризиса и законъ трехъ умственныхъ состояній. Онъ получаетъ тогда въ качествѣ перваго статическаго періода богословскій вѣкъ, главнымъ образомъ католическое средневѣковье; затѣмъ идетъ, въ качествѣ періода динамическаго, метафизическій, революціонный вѣкъ и, наконецъ, третій наступающій періодъ, положительный, кажется ему разумнымъ соединеніемъ обоихъ началъ, порядка и прогресса. Но въ изображеніи этого строя черты порядка явно перевѣшиваютъ надъ чертами движенія, и мы какъ бы получаемъ второй статическій вѣкъ.

Контъ считалъ возможнымъ ставить лишь строго научныя задачи, отстраняя объясненія явленій сверхестественными силами или внутренними скрытыми свойствами вещей. Все дѣло ученаго, не выходя изъ предѣловъ фактическихъ отношеній, отмѣтить фазы совершающагося развитія, показать, какъ одна вышла изъ другой. Такова была и главная формула положительной философіи, повторявшаяся учениками Конта.

Но въ соціологіи Конта нашла себѣ мѣсто вся мистика, созданная революціоннымъ періодомъ, его оптимистическими утопіями и отвѣтнымъ на нихъ представленіемъ о Божьемъ судѣ на землѣ. Въ фазахъ прогрессивнаго движенія человѣчества Контъ открываетъ великій, какъ-бы пред-

установленный планъ. Все развитіе человѣчества есть постоянная смѣна цѣлей и ихъ осуществленія. Всякое учрежденіе имѣетъ свое «соціальное назначеніе». Все является кстати, чтобы произвести опредѣленный результатъ: рабство было необходимымъ воспитательнымъ средствомъ древняго общества, важнѣйшимъ условіемъ промышленнаго развитія. Игра воображенія у грековъ, огромные захваты земли и людей со стороны римлянъ, все это нужно было, чтобы воспитать въ человѣчествѣ такія или иныя качества, поднять его на ту или другую высшую ступень. Метафизика явилась и показала свое безсиліе, такъ сказать, ввела въ заблужденіе людей съ тою цѣлью, чтобы въ качествѣ единственнаго спасенья осталась положительная философія. Всякое событіе служило и служитъ лишь подготовкой къ великой эпохѣ полной зрѣлости человѣчества, къ позитивизму.

Надъ всѣми цѣлями господствуетъ послѣдняя и высшая, «общее предназначеніе». Для Конта вся исторія прошлаго, оба предшествующіе періода—лишь прелиминаріи, лишь «медленное и трудное вступленіе», сначала продолжительная школа, а затѣмъ переходный антагонизмъ къ положительному вѣку, и въ этой подготовительной роли вся цѣна двухъ первыхъ вѣковъ.

Послѣдняя цѣль составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы предѣлъ прогресса; въ дальнѣйшемъ передъ нимъ не открывается перспективъ. Обобщеніе науки въ послѣднемъ наступающемъ фазисѣ и основанный на немъ порядокъ жизни Контъ называетъ окончательнымъ «финальнымъ».

Въ концѣ концовъ, Контовъ законъ трехъ смѣнъ не есть законъ, потому что отмѣченныя имъ фазы разъ были и не повторятся; это только суммировка, схема того, что случилось. Мѣсто движенія должна заступить разъ навсегда организація. Главный принципъ высказанъ, планъ умственной работы будущаго, чертежъ соціальной іерархіи готовы. Сообразно имъ навѣки сложатся соціальные устои, отдѣльныя научныя отрасли возьмутъ на себя исполнительную роль сгруппировать по верховнымъ указаніямъ системы спеціальныя данныя. Науки должны обратиться въ пассивные бюро, а человѣческое общество—въ громадный административный округъ.

Наука въ положительный вѣкъ включена будетъ въ опредѣленныя границы. Она не должна болѣе заниматься тѣмъ, что не входитъ въ кругъ непосредственныхъ интересовъ человѣчества, что служитъ одной любознательности, слѣдовательно астрономія, напримѣръ, не должна изучать звѣздъ, а лишь солнечную систему. Тѣмъ и былъ великъ католицизмъ, что онъ устранялъ властно все лишнее изъ сферы изысканія и разсужденія, все, что не входитъ въ кругъ собственно человѣческихъ отношеній и человѣческаго зрѣнія. И теперь должна подняться подобная же великая система, которая упокоитъ людей, все свяжетъ и опредѣлитъ, всѣмъ укажетъ назначеніе, устранитъ соблазны

и уничтожить то, что могло бы отвлекать людей отъ общихъ цѣлей. Невольно вспоминаются при этомъ монументальныя средневѣковыя религіозно-философскія энциклопедіи, какія-нибудь «Суммы» Ѳомы Аквинскаго и другихъ великихъ схоластиковъ, которыя предназначались къ тому, чтобы во всѣхъ вопросахъ и навсегда умиротворить пытливый умъ, и внѣ которыхъ могъ быть лишь грѣхъ и смертное заблужденіе.

Еще другое великое условіе введетъ жизнь будущаго общества въ строгія рамки дисциплины. Чѣмъ дальше развивается человѣчество, тѣмъ больше на его судьбы должна вліять традиція, опытъ и сознаніе предшествующихъ поколѣній; ихъ идеальная, какъ бы загробная жизнь въ дѣлахъ, учрежденіяхъ и ученіяхъ, оставшихся потомству, не исчезаетъ, но все накопляется. Соціологія именно учитъ преклоняться передъ стариной, предками. Контъ мечтаетъ о томъ, какъ духовная власть будущаго общества организуетъ въ широкихъ размѣрахъ прославленіе, культъ прошлыхъ дѣятелей человѣчества. Впослѣдствіи въ своей «Системѣ положительной политики» онъ дастъ этому формулу: «мертвые управляютъ живыми». Живущее меньшинство должно подчиняться большинству отошедшихъ съ земли. Прогрессъ именно состоитъ въ томъ, что судьба живущихъ людей все болѣе будетъ опредѣляться высшей, совершеннѣйшей, отъ нихъ независящей волей идеальнаго цѣлаго, черты котораго открываются въ планѣ завершающагося движенія человѣчества. Эта идея, въ свою очередь, напоминаетъ великаго учителя ранняго католицизма, блаженнаго Августина съ его видѣніемъ «града Божія», общины, лишь однимъ краемъ прикасающейся къ землѣ, къ современности, направляемой невидимыми и отошедшими въ вѣчность праведниками.

Можно припомнить, что въ первой половинѣ XVIII вѣка, напримѣръ, у Монтескье, человѣчество существуетъ лишь какъ собирательное имя, что живыми единицами выступаютъ націи, государства, общества извѣстной эпохи, извѣстныхъ климатическихъ полосъ, извѣстнаго нравственно-политическаго склада. Начало XVIII вѣка сознавало живо только одну «всемірную» организацію, именно общечеловѣческую, т. е. въ сущности западно-европейскую, литературную республику. Позднѣе, во второй половинѣ вѣка стали говорить о всемірной мастерской и о всемірномъ рынкѣ. Перевороты конца XVIII и начала XIX в. создали въ европейскомъ обществѣ подъемъ религіознаго настроенія, и образъ человѣческаго міра сложился уже въ видѣ великой церкви на землѣ. Человѣчество стало представляться огромной моральной организаціей, и съ его судьбой въ будущемъ стали связывать возбужденныя мистическія ожиданія.

Контъ вполнѣ стоитъ на этой почвѣ. Реальное существованіе для него имѣетъ лишь человѣчество; человѣкъ—только зоологическая абстракція. Но между человѣчествомъ и человѣкомъ онъ не видитъ и промежуточныхъ организмовъ. Его соціологія занимается не историче-

скими и современными обществами, не обществомъ въ нарицательномъ смыслѣ этого слова, т. е. не обществомъ, какъ совокупностью типичныхъ явленій, повторяющихся въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ. она занимается единственнымъ существовавшимъ и существующимъ обществомъ, человѣческимъ обществомъ, какъ именемъ собственнымъ, человѣчествомъ въ цѣломъ. Это общество есть какъ бы великая религіозная община, а соціологія—ея догматическая система и кодексъ.

Намъ не нужно обращаться къ послѣднему періоду жизни Конта, когда онъ, отдавшись мистикѣ, выработалъ философскую религію съ особымъ календаремъ, святыми, обрядами, догматической схоластикой и пр. Уже въ своемъ болѣе раннемъ научномъ сочиненіи онъ захваченъ религіозной системой. Можно бы даже сказать, что онъ пошелъ дальше спокойнаго католицизма и впалъ въ болѣе горячее, возбужденное религіозное направленіе, которое не разъ раньше поднималось въ Европѣ. Его мечта о предстоящемъ органическомъ періодѣ, когда наступитъ универсальная солидарность и закрѣпятся неподвижно разумныя и благотворныя нормы, освященныя великимъ, всеобъясняющимъ принципомъ, эта мечта близко подходитъ къ средневѣковому хиліазму, ожиданію тысячелѣтняго царства Христова на землѣ.

Въ сенсимонизмѣ и у Конта одинаково поражаетъ эта своеобразная черта сознанія, эта мысль объ окончаніи, завершеніи мірового развитія въ предстоящемъ вѣкѣ. Настойчивость и горячность этой идеи—удивительная иллюстрація силы воздѣйствія на умы революціонной катастрофы. Ея почти апокалиптическая форма носитъ на себѣ рѣзкую печать работы реакціоннаго воображенія. Въ этихъ-то очертаніяхъ и уложилась унаслѣдованная отъ просвѣщенія XVIII в. теорія прогресса. Она продолжала питаться тѣми же впечатлѣніями отъ роста промышленнаго и научнаго развитія, но въ новой формулировкѣ она утратила, вмѣстѣ съ неопредѣленностью ожиданій, понятіе о безконечномъ движеніи впередъ.

Теорія прогресса обогатилась, однако, въ своей исторической части, въ своей перспективѣ прошлаго, благодаря новымъ разрѣзамъ, новой группировкѣ періодовъ, въ которыхъ искали смѣны созидательныхъ и разрушительныхъ, гармоническихъ и критическихъ началъ. Этотъ запасъ историческихъ понятій и остался самымъ живучимъ элементомъ разбираемыхъ теорій, между тѣмъ какъ связанное съ ними сектантство быстро заглохло. Въ крупнѣйшихъ работахъ XIX в. по исторіи сословій, исторіи религіи и культуры отражается свойственная этимъ теоріямъ формула положительныхъ и отрицательныхъ эпохъ, различеніе соціальной формы и соціальнаго содержанія и зависящій отъ этого различенія законъ соціальнаго движенія и соціальныхъ катастрофъ, представленіе о религіи, какъ о верховномъ соціальномъ принципѣ каждой данной эпохи, періодизація всемірной исторіи по моментамъ развитія религіозно философской мысли и противоположеніе двухъ типовъ общества, средневѣковаго и современнаго.

XI. Послѣдняя философія прогресса единаго человѣчества.

Въ то время какъ С. Симонъ искалъ и формировалъ своихъ людей будущаго, во второе и третье десятилѣтіе XIX вѣка, въ университетахъ Германіи тѣснилось горячо настроенное студенчество. Оно было подъ впечатлѣніемъ крупныхъ событій національной войны противъ Наполеона, событій, какъ бы равнявшихся революціи. Въ недавнемъ народномъ подъемѣ чудилась какая то стихійная сила. Освобожденіе отъ иноземнаго господства казалось осуществленіемъ высшаго приговора справедливости и развивало религіозное настроеніе. Наконецъ то благо, которое многіе считали естественнымъ продолженіемъ національнаго освобожденія, а именно установленіе политической свободы, также намѣчалось впереди въ видѣ какого-то необходимаго, свыше предписаннаго нравственнаго торжества.

Общество было преисполнено сознанія, что въ пережитыхъ событіяхъ завершается огромный по своей важности моментъ. Своего рода завершенія хотѣли и тѣ круги, тѣ представители власти и владѣнія, авторитета и традиціи, положеніе которыхъ поколебалось въ національно-политическомъ водоворотѣ освободительнаго движенія: сохранить непотерянныя еще позиціи, закрѣпить ихъ священными формулами, остановить элементы сущаго и возвести ихъ въ спасительную систему, словомъ религіозно-революціонной программѣ противопоставить религіозно-консервативную—вотъ въ чемъ заключалось завершеніе момента для этихъ соціальныхъ группъ. Такъ или иначе, поколѣнія десятыхъ и двадцатыхъ годовъ жадно искали возведенія своихъ національныхъ и политическихъ симпатій къ общимъ философскимъ и религіознымъ принципамъ. Что же слышали они съ каѳедры?

Въ самый тяжелый моментъ Наполеоновскаго владычества, въ 1810 г., въ Берлинѣ, центрѣ чуть не уничтоженнаго Наполеономъ государства, былъ основанъ усиліями патріотовъ новый университетъ. Медлительному королю было подсказано удачное слово къ его основанію: «страна, говорилъ онъ, должна выиграть морально то, что она потеряла матеріальными жертвами». Въ этой обновленной умственной средѣ, гдѣ Фихте изъ философа превратился въ трибуна, въ горячаго національно-политическаго оратора, главнымъ изъ умственныхъ руководителей отъ конца десятыхъ до начала тридцатыхъ годовъ былъ другой философъ, скорѣе риторъ по своему паѳосу, поэтъ по игрѣ фантазіи, схоластикъ по пріемамъ и по формѣ, Гегель.

Истолкованіе гегелевской философіи въ ея логической связи, въ качествѣ естественнаго развитія ученій Канта, затѣмъ Фихте и Шеллинга, давно стало классическимъ общимъ мѣстомъ въ исторіи философіи. Намъ незачѣмъ касаться этой стороны. Въ нашу задачу входитъ лишь указать на тѣ основанія гегельянства, которыя заключались въ извѣстныхъ общихъ соціальныхъ впечатлѣніяхъ эпохи.

Правда, оцѣнку развитія мысли въ Германіи конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка въ этомъ смыслѣ несравненно труднѣе сдѣлать, чѣмъ для странъ, имѣвшихъ реальную политическую жизнь. Мы вступаемъ тутъ въ сферу символическихъ знаковъ, стократныхъ преломленій, геометрическихъ фигуръ, гдѣ конкретные признаки и указанія обыкновенно отсутствуютъ, гдѣ пропорціи невозможно установить, потому что всѣ реальныя величины продолжены до безконечности. Но подъ безтѣлесными призраками «абсолютнаго я», «бытія въ себѣ», «абсолютнаго тождества» и т. д., подъ этими тѣнями, касающимися однимъ краемъ неба, можно прочитать знакомыя очертанія общеевропейскаго настроенія.

Историкъ нѣмецкаго романтизма (Гаймъ) замѣтилъ по поводу романа Тика «Вильямъ Ловель», что герой его переживаетъ всѣ ужасы, все безобразіе, всю низость своего моральнаго паденія, что онъ совершаетъ невѣроятнѣйшія преступленія... въ концѣ концовъ только въ своемъ воображеніи, только теоретически, какъ бы въ видѣ умственнаго эксперимента, словно рѣшая моралистическую теорему, разрисовывая какой то психо-фантастическій узоръ, а въ сущности оставаясь въ своей филистерской обстановкѣ, сложивши руки.

Можно продолжить сравненіе и сказать, что нѣмцы вообще въ эпоху революціи переживали отрицанія, злодѣянія и всѣ разрушительныя дѣла критицизма, индивидуализма и даже «террора»—въ облакахъ, въ абстрактныхъ молніяхъ и громахъ напр. такой философіи, какъ ученіе Фихте, переживали въ той невѣроятной гордынѣ и тѣхъ высокомѣрныхъ вызовахъ, которые бросало всему міру «абсолютное я». Страшно звучали слова, которыми обозначались высшія требованія критицизма: по выраженію Гегеля, въ своей «величественной и ужасной» вѣрѣ Фихте воздвигалъ «чистое я на развалинахъ матеріальнаго тѣла, свѣтилъ небесныхъ и тысячи тысячъ міровъ».

За великимъ дерзаніемъ слѣдовало и здѣсь также раскаяніе, за провозглашеніемъ безграничной власти личности—страхъ передъ неизвѣстнымъ таинственнымъ «цѣлымъ». Шлейермахеръ далъ лозунгъ поворота къ религіи: онъ объявилъ ее «основнымъ отношеніемъ въ человѣческомъ существованіи, благодаря которому» я «чувствуетъ себя въ единствѣ съ міромъ». Шеллингъ, возводя это тождество личнаго сознанія съ міровой жизнью въ основной философскій принципъ, искалъ въ сущности «спасенія» личности.

Авторитетной силѣ давали только разныя, такъ сказать, мѣстныя названія: если въ странахъ, испытавшихъ политическую жизнь, мистическое цѣлое опредѣляли конкретно, какъ государство, то въ Германіи оно преимущественно покрывалось именемъ искусства, и оттого законодателемъ, пророкомъ здѣсь предполагался поэтъ, художникъ. Искусству доставались всѣ атрибуты неограниченной, непогрѣшимой власти. Передъ его приговоромъ должна была молчать наука. Эсте-

тико-романтическая школа выставила формулу, что міръ познается не путемъ критики, анализа и рефлексіи, а путемъ художественнаго творчества, живого непосредственнаго ощущенія, путемъ вдохновенной интуиціи, обладающей силой высшаго синтеза. Маски эти однако не трудно разгадать. Подъ именемъ осужденія науки здѣсь произносилась опала надъ безпокойными запросами личности, объявлялся въ подозрѣніи свободолюбивый разумъ.

Когда душевная тревога, покаянное настроеніе реакціи въ ея бурномъ видѣ стали проходить, въ Германіи наступила болѣе спокойная пора подведенія итоговъ. Въ окружающей соціально-политической обстановкѣ старое уложилось рядомъ съ новымъ; сметены были многія обветшавшія привилегіи, учрежденія и власти, но за то шире и прочнѣе сѣли другія; разбиты были старыя сословныя рамки, но выступившимъ вновь общественнымъ элементамъ еще не было свободнаго выхода. Надо было признать многіе совершившіеся факты; являлся запросъ, являлся, до извѣстной степени, соблазнъ искать примиренія принциповъ, между которыми шла до тѣхъ поръ борьба.

Вотъ такое мѣсто теоретическаго завершителя разыгравшагося столкновенія, такую роль научнаго систематизатора накопившихся моментовъ и формъ настроенія занималъ въ сущности Гегель въ теченіе второго и третьяго десятилѣтія XIX вѣка. Для собственнаго его сознанія и для сознанія его поклонниковъ и послѣдователей, его ученіе представляло собой такую-же «финальную» систему и окончательную умственную организацію въ открывающемся послѣднемъ періодѣ человѣчества, какую мнилъ выставить Контъ и слѣдовавшій за нимъ чистый позитивизмъ.

Но судьбы философіи Конта и Гегеля весьма различны. Вліяніе Гегеля было несравненно шире и продолжительнѣе, и въ этомъ смыслѣ съ нимъ не сравняется ни одинъ философъ XIX вѣка. Между тѣмъ какъ формулы Конта отступили теперь въ качествѣ пережитыхъ точекъ зрѣнія, сохранили для насъ лишь историческій интересъ, съ Гегелемъ произошло то, что рѣдко бываетъ въ исторіи мысли: онъ не только прозвучалъ громко для близкихъ къ нему поколѣній, онъ возродился еще разъ, лѣтъ 50—60 спустя послѣ смерти († 1831 г.) Если въ первый моментъ его философія преимущественно отразилась на изученіи исторіи религіозныхъ вѣрованій, то во второй разъ принципы ея сплелись съ экономической теоріей. Два крупнѣйшихъ научныхъ произведенія XIX столѣтія, въ которыхъ выразились двѣ главныя черты настроенія вѣка, «Жизнь Іисуса» Давида Штрауса и «Капиталъ» Карла Маркса—продукты гегельянской философіи.

Различіе между Гегелемъ и Контомъ и причина большей живучести перваго прежде всего состоитъ въ томъ, что Гегель не только даетъ выстроенную систему, общее истолкованіе сущаго, не только собираетъ въ огромный музей закрѣпленные объясненіемъ и снабженные

знаками факты, но вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаетъ общій методъ для рѣшенія научныхъ вопросовъ, предлагаетъ универсальный ключъ къ пониманію новыхъ отношеній, нахожденію новыхъ общихъ выводовъ, а отсюда, еще больше—средство, руководящее начало къ направленію, къ творенію послѣдующаго развитія. Его, можно бы сказать, магическое вліяніе зависитъ отъ степени совпаденія его метода съ нѣкоторыми характерными привычками и наклонностями нашего ума вообще. Вліяніе мысли Гегеля какъ будто опирается на его необычайной способности удовлетворить, хочется сказать, усладить одну слабость, одну почти періодически возвращающуюся болѣзнь нашего ума; всѣ, кто вмѣстѣ съ нимъ поддавались этой слабости, кто переживалъ этотъ умственный кризисъ, неизбѣжно подпадали и очарованію его системы, или, лучше сказать, его своеобразной эпопеи судебъ, приключеній и чудесныхъ подвиговъ человѣческаго духа.

Всѣ готовы будутъ согласиться, что ни одно созданіе человѣка, политическая-ли система, произведеніе-ли искусства или моральная теорія, не представляетъ собою логически безусловно стройнаго цѣлаго: мы всегда въ большей или меньшей степени непослѣдовательны, вносимъ посторонніи, случайныя, нарушающія черты въ наши построенія и оправдываемся несовершенствомъ нашей природы и требованіями жизни съ ея сложностью. Но въ тоже время наша мысль неотступно занята тѣмъ, чтобы навязать окружающему міру ту или другую логически законченную систему, открыть въ немъ разумность и послѣдовательность, т. е. найти въ немъ слѣдованіе началамъ нашего разума, найти отраженіе нашей логики.

Гегель довелъ эту черту, этотъ психическій недостатокъ нашего мышленія до величайшей крайности и одѣлъ его въ самыя ослѣпительныя формы.

Основой теоріи прогресса для Конта послужила исторія науки, успѣхи точныхъ знаній: Контъ пришелъ къ тому заключенію, что все движеніе человѣчества, всѣ его нравственныя, политическія, соціальныя пріобрѣтенія зависятъ отъ накопленія знаній или даже отъ измѣненія общаго направленія мысли. Онъ думалъ при этомъ, что въ каждый данный моментъ теоретическая мысль, наука организуетъ весь матеріалъ человѣческаго существованія. Отсюда было недалеко до культа научнаго принципа, до обоготворенія мысли и ея героевъ или святыхъ, что и получилось подъ конецъ у Конта.

Въ философіи Гегеля сдѣланъ еще шагъ дальше, обоготворено само мыслящее существо, обоготворенъ человѣческій духъ, потому что въ силу этой философіи все, что происходитъ въ мірѣ, не только организуется человѣческимъ умомъ, но и происходитъ только въ человѣческомъ умѣ. Міръ, «прекрасный космосъ», въ своемъ цѣломъ ничто иное, какъ мыслительный рефлективный процессъ нашего духа. Міръ есть только мысль о немъ.

Но это не все. Творческая работа духа, создающаго изъ себя весь живой міръ, не казалась Гегелю неподвижно закрѣпленной; онъ не возводилъ мысль на несдвигаемый, центральный престолъ. Великія историческія испытанія, пережитая борьба и драма принципіальныхъ столкновеній, катастрофъ и смѣны моментовъ — оставили свой слѣдъ на его философской формулировкѣ. Отражающій въ себѣ весь міръ, міротворящій духъ нашъ не есть только наше сознаніе, взятое въ извѣстный моментъ. Въ нашемъ духѣ собирается вмѣстѣ съ тѣмъ сознаніе всего рода человѣческаго, и духъ нашъ собираетъ въ себѣ все, что было пережито и продумано съ самаго начала человѣчества, съ начала міра. Нынѣшняя культура не только капиталъ, накопленный всею предшествующей работой человѣка; нѣтъ она — какъ будто послѣднее слово великой мысли, проходящей черезъ всю жизнь міра съ его возникновенія.

Слѣдовательно нашъ духъ, наша мысль есть вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстный процессъ мысли, есть колоссальный пробѣгъ мысли отъ начала временъ. Въ его развитіи нѣтъ остановки, нѣтъ конца, это непрерывное движеніе, вращеніе, перерожденіе, переходъ отъ формы къ формѣ, отъ опредѣленія къ опредѣленію. Гегель придалъ такимъ образомъ работѣ вѣковъ олицетвореніе въ видѣ фигуры вѣчнаго Протея, вѣчно безпокойнаго и мѣняющаго оболочку бога. Люди—временныя и случайныя оболочки единаго вѣчно живого общечеловѣческаго духа, проходящаго черезъ всѣ періоды и перемѣны и на минуту останавливающагося въ нашемъ сознаніи. Это—одна душа, безграничная, которая носитъ въ себѣ самой законъ, въ самой себѣ черпаетъ силу, открываетъ въ себѣ новыя и новыя богатства, «приходитъ къ самосознанію».

Итакъ мнѣнія разныхъ временъ, учрежденія, нравы — моменты и повороты сознанія мірового духа. Что представляетъ собою, напримѣръ, стремленіе рѣшить научный запросъ? Что такое наша неудовлетворенность старымъ понятіемъ, закономъ, обычаемъ, наше исканіе реформы? Это въ насъ бьется міровой духъ, стремясь понять самого себя, стремясь подняться на высшую ступень. Что такое переходъ нашъ къ новому политическому порядку, измѣненіе у насъ художественныхъ вкусовъ? Это міровой духъ выработалъ новую форму самосознанія. Что такое свойственное наукѣ XIX вѣка стремленіе обозрѣть все прошлое, оцѣнить его значеніе для современной культуры? Это — ничто иное, какъ наступленіе момента, когда міровой духъ дошелъ до полнаго торжества своей мысли, до полнаго самосознанія. Передъ глазами нашими происходитъ слѣдовательно изумительное переплетеніе психической картины въ глубинѣ человѣческаго существа и картины исторической въ глубинѣ вѣковъ. Мы уже не знаемъ больше, гдѣ явленіе и гдѣ его отраженіе, гдѣ кончается одно и начинается другое. На явленіе перенесены законы, наблюденные въ отраженіи, на отраженіе перенесена послѣдовательность, замѣченная въ явленіи.

Міровой процессъ, міровой духъ, сложенный по образу и подобію нашего разума, говоря правду, конечно—ничто иное, какъ пріемы философствующей головы человѣка XIX столѣтія, который приспособляетъ къ своимъ нуждамъ, къ своимъ коллекціямъ и энциклопедіямъ весь видимый міръ а въ частности и ближе—историческую среду и историческій капиталъ, и египетскихъ боговъ, и греческое искусство, и насилія римлянъ, и добродѣтели германцевъ. Въ этомъ своемъ качествѣ міровой духъ разсуждаетъ логично; онъ—сама логика. Иначе говоря исторія міра, исторія земли, исторія человѣчества есть логическій процессъ. Все человѣчество проходило слѣдовательно въ теченіе тысячелѣтій, какъ выражается одинъ историкъ гегельянства, тотъ же самый учебный курсъ, что̀ отдѣльная личность, экзаменовалась по тѣмъ же отдѣламъ, которые образуютъ періоды сознанія, моменты остановокъ въ психической жизни отдѣльнаго человѣка.

Изъ глубины вѣковъ и до нашихъ дней духъ шелъ и идетъ совершенно такъ, какъ работаетъ за своимъ столомъ ученый или читаетъ лекцію профессоръ. Вотъ на этомъ представленіи и опирается знаменитый гегелевскій законъ трехъ шаговъ, трехъ ступеней сознанія.

Простое наблюденіе надъ нашей психикой лежитъ въ основѣ его. При выработкѣ своего сужденія, при передачѣ другому извѣстнаго объясненія, человѣкъ обыкновенно начинаетъ съ простого положенія, утвержденія; чтобы подчеркнуть это положеніе, выдѣлить его существенныя черты или возвысить его силу, онъ указываетъ далѣе мнѣніе или положеніе, противорѣчащее первому, заключающее въ себѣ отрицаніе перваго. Намъ сначала приходится обыкновенно стоять передъ двумя крайними, взаимно исключающими другъ друга положеніями, колебаться между ними, переходить отъ одной крайности къ другой нашъ выводъ при объясненіи, наше заключеніе при выработкѣ взгляда нерѣдко представляетъ примиреніе двухъ крайнихъ положеній, двухъ односторонностей на нѣкоторой срединѣ.

Именно это самое, по Гегелю, духъ непрерывно совершаетъ въ процессѣ развитія природы и въ историческомъ процессѣ. Его повторяющіеся круги изъ трехъ шаговъ имѣютъ еще другой смыслъ. Простое утвержденіе (тезисъ) отвѣчаетъ общей задачѣ, которую себѣ ставитъ духъ, общей, еще неопредѣлившейся идеѣ. Ея проявленіе въ жизни, ея раздробленіе, разщепленіе въ частностяхъ, случайностяхъ, во влеченіяхъ и поступкахъ отдѣльныхъ людей соотвѣтствуетъ отрицанію, второму шагу духа, какъ бы утрачивающаго самого себя, свою силу, ставшаго въ противорѣчіе съ собою (антитезисъ). Полное проникновеніе идеи въ жизнь, когда охваченные ею люди, претворивъ ее въ дѣло, приходятъ къ сознанію цѣлостности результата, отвѣчаетъ третьей ступени духа, его возвращенію къ себѣ, его примиренію съ собой (синтезу); такъ получается новое утвержденіе, новое обобщеніе; будучи третьимъ въ завершенномъ кругѣ, оно открываетъ собой но-

вый кругъ, является въ немъ первымъ. Такимъ образомъ міровой духъ все рѣшаетъ логическія задачи и большею частью удивительно тонко и удачно, потому что міровой духъ, въ качествѣ продукта XIX вѣка, дисциплинированъ въ хорошей школѣ и способенъ на сложныя комбинаціи.

Разъ ставши на эту точку зрѣнія, можно привыкнуть говорить исключительно логическими фигурами. Напримѣръ, историческій фактъ давленія одного класса на другой, которое вызываетъ возстаніе, можно формулировать такъ: это—смѣна двухъ идей въ самосознаніи духа: идея власти, дойдя до крайняго напряженія, перекидывается въ свою противоположность, въ идею безначалія. Далѣе, въ историческомъ ходѣ слагается новое устройство, какъ результатъ борьбы, гдѣ примиренные классы создаютъ смѣшанное управленіе съ обоюднымъ участіемъ. Это—примиреніе противорѣчивыхъ идей, порядка и свободы, съ которымъ вмѣстѣ духъ поднялся на слѣдующую ступень сознанія.

То весьма простое наблюденіе, что жизнь—борьба и компромиссъ противоположныхъ интересовъ, превращается поэтому у Гегеля въ заключеніе: жизнь потому составляетъ борьбу и компромиссъ, что она есть смѣна и примиреніе противорѣчивыхъ мыслей. Такъ какъ безъ подобной смѣны нѣтъ движенія идей, то безъ борьбы противоположностей нѣтъ жизни, нѣтъ прогресса. Законъ человѣческаго прогресса слѣдовательно написанъ на одной всего страницѣ руководства къ логикѣ. Но Гегель придаетъ невѣроятное значеніе этому логическому пріему: способность нашего разума расчленять понятія создаетъ, какъ онъ говоритъ «изумительную, величайшую, правильнѣе сказать, неограниченную его (разума) силу».

Слѣдовательно, если мы располагаемъ умѣньемъ разбивать понятія на логическіе элементы, изъ которыхъ они составились, если мы умѣемъ развивать діалектически новыя понятія изъ данныхъ положеній, передъ нами раскрыта тайна всей исторіи и всего мірозданія. Исторія, это—воплощенная, развернутая діалектика. Среди міроправящихъ и міропреобразующихъ чудесъ діалектической техники одно изъ самыхъ изумительныхъ состоитъ въ томъ, что идея, положеніе, развиваясь до крайности, доходя до своего величайшаго напряженія, превращается сразу, «перекидывается» въ свою полную противоположность. Самъ Гегель называетъ это явленіе волшебствомъ. Духъ осуществляетъ, напримѣръ, подобную магическую перемѣну, превращая отрицательную силу въ положительную; отрицаніе разсыпало, разорвало общую истину въ тысячѣ частностей и уничтожило этимъ ее; духъ «глядитъ прямо и безтрепетно въ глаза отрицанію, въ безконечномъ множествѣ мелочей схватываетъ онъ снова и завоевываетъ истину, какъ объединяющій вещи принципъ и этимъ достигаетъ торжества надъ смертью, надъ отрицаніемъ».

Для историческаго истолкованія здѣсь заключалась сильная и воз-

буждающая формула: рожденіе свободы изъ деспотизма, и обратно деспотизма изъ свободы, терпимости изъ преслѣдованія и фанатизма изъ свободомыслія, равенства изъ господства немногихъ и іерархіи изъ нивеллировки—все это при діалектическомъ объясненіи гегелевской философіи становилось возможнымъ въ исторіи прошлаго и будущаго и получало научное оправданіе.

Но не только исторія есть сложенная изъ конкретныхъ фигуръ и моментовъ логика, не только исторія мысли представляетъ нормальный путь сознанія; и обратно также логика есть отложившаяся всѣми своими ступенями, сдвинутая въ одну плоскость исторія. Всякая мысль есть сжатая исторія, всякая мысль есть въ сущности образованіе мысли, ея переходъ и процессъ ея развитія, совершившій свой необходимый кругъ и соединившійся въ послѣднемъ результатѣ. Основное сочиненіе, отразившее главныя идеи Гегеля, его «Феноменологія духа» (1807 г.) формулируетъ это понятіе въ странныхъ патетическихъ словахъ заключенія: «Понятая (нами) исторія образуетъ воспоминаніе и Голгоѳу абсолютнаго духа, истину и прочную увѣренность его престола, безъ котораго онъ оставался бы безжизненнымъ одиночествомъ; лишь изъ чаши этого міра духовъ поднимается, пѣнясь, его (духа) безконечность».

Было бы слишкомъ мало сказать, что этотъ кругъ идей Гегеля есть отпаденіе въ старыя геоцентрическія представленія. Въ этой философіи передъ нами выступаетъ какой-то антропоцентрическій энтузіазмъ, заставляющій весь міръ передвигаться, вертѣться, превращаться согласно одному единственному правилу умственной игры человѣка. По удивительной настойчивости въ проведеніи этого принципа, по несокрушимости концепціи, которая всюду видитъ одну только діалектику, Гегеля можно бы назвать великимъ схоластикомъ XIX вѣка.

При всей отвлеченности терминологіи Гегеля его діалектическія опредѣленія и магическія трансформаціи въ концѣ концовъ коренятся въ реальныхъ впечатлѣніяхъ эпохи.

Гегель (род. 1770 г.) пережилъ на себѣ и увлеченія просвѣтительнаго вѣка, и реакцію. Онъ выросъ на раціоналистической литературѣ XVIII вѣка. Въ началѣ 90-хъ годовъ, во время революціи во Франціи, онъ студентомъ въ Тюбингенѣ сажалъ древо свободы, говорилъ якобинскія рѣчи, можетъ быть, даже дрался на улицахъ съ реакціонными французскими эмигрантами. Молодой Гегель выражалъ нетерпѣливый гнѣвъ по поводу того, что «слишкомъ поздно пришли къ признанію высшаго достоинства человѣка, его способности къ свободѣ, возносящей его въ равную для всѣхъ среду духовной жизни»! Въ глубокомъ вліяніи философіи на политику и исторію онъ видѣлъ «лучшій признакъ времени, указывающій, что человѣчество стало уважать себя. Это доказательство того, что исчезаетъ ореолъ, окружавшій головы притѣснителей и земныхъ боговъ. Философы доказываютъ это достоинство, народы же заставятъ его почувствовать и не требовать они будутъ

своихъ правъ, сброшенныхъ въ прахъ, а опять возьмутъ и присвоятъ ихъ».

Лѣтъ 12—14 спустя, во время нападенія Наполеона на Пруссію въ 1806 году, Гегель, уже въ качествѣ профессора въ Іенѣ, подъ стѣнами которой разбито было французами прусское войско, писалъ при громѣ пушекъ, увлеченный революціоннымъ геніемъ Наполеона и совершенно равнодушный къ нѣмецкому отечеству: «Я увидалъ императора, эту міровую душу. Поразительное ощущеніе видѣть подобную личность, видѣть эту силу сосредоточенной въ одномъ пунктѣ, сидящей на конѣ и правящей всѣмъ міромъ». Вскорѣ послѣ того онъ мѣняетъ профессуру на редакторство баварской оффиціозной газеты и выступаетъ здѣсь ревностнымъ наполеонистскимъ публицистомъ, врагомъ и традицій, и націонализма, сторонникомъ раціональной нивеллировки общества и однообразной администраціи. Германія представлялась ему лишь «мысленнымъ государствомъ», и онъ настаивалъ на реалистическихъ ближнихъ задачахъ, рѣшаемыхъ фактической силой и разсудкомъ.

Еще лѣтъ десять спустя Гегель принадлежитъ политической реакціи. Снова онъ становится профессоромъ и съ 1818 года переходитъ изъ южной Германіи въ Берлинъ, гдѣ правительство постепенно порывало съ традиціями и обѣщаніями освободительныхъ войнъ.

Ученая и лекторская дѣятельность Гегеля въ послѣдній періодъ (1818—1831 гг.) вращается въ кругу принциповъ и настроеній реставраціи. Съ наибольшей силой оправданіе существующаго порядка во имя логики духа проведено въ лекціяхъ по «Философіи права». Въ предисловіи къ нимъ и заключалась знаменитая фраза, гипнотизировавшая въ свое время многіе умы: «все, что дѣйствительно, разумно». Гегель напрасно пытался потомъ ослабить ее утвержденіемъ, что «только разумное дѣйствительно». Ограниченіе это лишь создавало ничего не говорящую тавтологію, и мысль невольно возвращалась къ тяжелой, безжалостной и безнадежной первоначальной формулѣ.

Въ «Философіи права» Гегеля государственный союзъ обоготворенъ. Всѣ атрибуты абсолютной идеи перенесены на него. Государство объявлено подобіемъ міра, управляемаго духомъ. Государство — абсолютная неподвижная цѣль въ себѣ. Оно — какъ бы малое Провидѣніе. Оно—истинное божество. Ему надо поклоняться, какъ земному богу. Всю цѣну, все духовное существованіе свое личность получаетъ отъ государства.

Мы слышимъ знакомые звуки и формулы реакціонныхъ и органическихъ теорій. Символы и алгебраическіе знаки Гегеля, логическія операціи, магія діалектическаго театра, сверкающая игра, умственные подвиги и чудеса перерожденія абсолютнаго духа, все это составилось въ сущности изъ широкихъ обобщеній историческихъ недавно пережитыхъ фактовъ. Великая катастрофа революціи и здѣсь въ обстановкѣ, гдѣ слагалась философія Гегеля, представлялась всемірнымъ разрѣзомъ

эпохъ, концомъ стараго и началомъ новаго міра. И здѣсь вслѣдъ за ея разрушительнымъ дѣломъ ждали великой новой организаціи.

Сравнивая гегельянскую философію съ сенсимонизмомъ и контизмомъ, мы могли бы сказать, что Гегель въ своихъ трехъ моментахъ исторической діалектики, совпадающихъ съ логическими поворотами человѣческаго ума и сознанія, воспроизводитъ дѣленіе жизни человѣчества на эпохи органическія и критическія, и дѣленіе человѣческихъ состояній на статическія и динамическія. У сенсимонистовъ и у Конта можно было сначала предположить подъ этими терминами общія опредѣленія, указаніе какъ будто на вѣчную и постоянную смѣну одинаковыхъ моментовъ; при ближайшемъ разсмотрѣніи однако оказалось, что они разумѣли не законъ, не многократную и повторимую смѣну, а единственные въ своемъ родѣ, разъ случившіеся факты и разъ пройденные моменты. Такимъ образомъ Контъ, какъ мы видѣли, выстроилъ въ исторіи всего только два положительныхъ вѣка, старый— вѣкъ вѣры, и новый, современный, вѣкъ науки, а между ними поставилъ только одинъ отрицательный критическій, въ то же время и революціонный. Подобныя три рубрики, стараго гармоническаго порядка, односторонней и отрицательной, культуры, и наконецъ наступающей эпохи новой примиряющей систематизаціи, кроются и у Гегеля подъ его лишенными, на первый взглядъ, плоти и крови логическими фигурами.

Разница замѣтна только въ расположеніи исторической перспективы. Романскіе мыслители придаютъ въ прошломъ центральное значеніе романской вѣрѣ, католицизму; наслѣдникъ германско-протестантской культуры, Гегель, свободенъ отъ культа средневѣковой церкви. Возродившійся съ половины XVIII вѣка классицизмъ даетъ другое направленіе его исторической конструкціи; первую положительную эпоху для него представляетъ античное эллинство. За духовнымъ рабствомъ восточныхъ народовъ идетъ гармонія греческой жизни. Изъ распаденія прекраснаго греческаго міра возникаетъ міровоззрѣніе, хотя и высшее, но съуженное субъективизмомъ и самоуглубленіемъ; это—христіанство. Оно обостряется въ мірѣ протестантскомъ и въ культурѣ просвѣщенія XVIII вѣка до величайшей односторонности. Такимъ образомъ «критическій» періодъ у Гегеля гораздо продолжительнѣе и захватываетъ все средневѣковье.

Миссія современности, по его мнѣнію, исправить односторонность новой культуры и слить «въ абсолютномъ знаніи реализмъ моральнаго и эстетическаго духа грековъ съ идеализмомъ абсолютной религіи христіанства». Послѣдняя характеристика близко напоминаетъ тотъ синтезъ порядка и прогресса, организаціи и критики, гармоніи и движенія, въ которомъ Контъ видѣлъ основу наступающаго завершительнаго періода.

Революція и у Гегеля также стоитъ громаднымъ раздѣломъ, про-

пастью между временами. Мы чувствуемъ, что моментъ отрицанія въ его діалектическомъ кругѣ выростаетъ у него невольно въ какой-то психологическій типъ со зловѣщими, хочется сказать даже, съ сатанинскими чертами; онъ помѣщенъ притомъ между двумя состояніями какъ бы святого покоя и гармоніи, между двумя догматическими періодами. Какъ не узнать въ немъ революціи? Скрыть источникъ, скрыть главный реальный мотивъ къ отвлеченнымъ построеніямъ было невозможно и Гегелю. Въ путяхъ развитія духа, изображенныхъ въ «Феноменологіи духа», чѣмъ ближе къ современности, тѣмъ болѣе сквозь абстракціи начинаютъ мелькать неясныя очертанія дореволюціонныхъ порядковъ Франціи, пока наконецъ затаенная мысль вдругъ не выскользаетъ изъ рукъ автора въ рѣзкомъ заголовкѣ одной изъ главъ: «абсолютная свобода и терроръ».

Уже въ послѣдніе годы жизни Гегель читалъ лекціи по «Философіи исторіи». Въ нихъ много реальнаго фактическаго матеріала, и Гегель пытался показать въ этомъ курсѣ, какъ можно построить факты исторіи разныхъ народовъ въ видѣ непрерывнаго роста самосознанія міроваго духа.

Гегель требовалъ отъ слушателей вѣры въ разумный планъ судебъ человѣческихъ. «Кто смотритъ разумно на міръ, на того и міръ разумно глядитъ». Вмѣсто доказательства, онъ ссылается на то, что были бы непонятны кровопролитія, жестокости, всѣ страшныя потери человѣчества, если бы все это не были жертвы, приносимыя ради великой разумной цѣли.

Но, можно спросить, вѣдь мотивы отдѣльныхъ людей безконечно разнообразны; отдѣльные люди не знаютъ цѣлей міроваго духа, не справляются съ его логическими рисунками. Какимъ же образомъ міровой духъ осуществляетъ свои планы съ этимъ неблагодарнымъ матеріаломъ человѣческихъ единицъ? Такъ же, говоритъ Гегель, какъ строитель дома пользуется деревомъ, глиной, желѣзомъ; онъ пользуется ихъ свойствами въ духѣ каждаго элемента для общей цѣли, ему одному лишь вѣдомой. Онъ пускаетъ въ ходъ, заставляетъ при стройкѣ служить себѣ огонь, вѣтеръ, воду, чтобы потомъ обуздать эти же элементы, создать противъ дождя, вѣтра и т. д. защиту. Кирпичи, черепицы, балки въ судьбѣ человѣчества, это—человѣческія страсти и чувства, это—отдѣльные люди. Сами по себѣ они необузданы, нелѣпы, жалки; сами по себѣ они не имѣютъ цѣны, и исторіи до нихъ нѣтъ дѣла. Важно только, что̀ изъ нихъ возведетъ разумъ, міровой духъ. Пусть бьются и стонутъ, и извиваются они въ страданіяхъ, пусть гоняются за призраками, и пусть гибнутъ люди, эти раздробленные, грубые, сырые элементы. «Міровой духъ—хитеръ»—таково подлинное выраженіе Гегеля—онъ пускаетъ для себя въ ходъ страсти, т. е. людей, а самъ «держится вдалекѣ отъ битвы, спрятавшись». «Онъ платитъ налогъ жизни и смерти не изъ себя самого, а

изъ человѣческихъ страстей и существованій». Въ утѣшеніе Гегель говоритъ намъ, что только противорѣчія, связанныя со страданіями и вели къ прогрессу. Періоды безмятежнаго счастья были безплодны.

Мысль жестокая, но, повидимому, способная по временамъ ослѣплять человѣка. Словно отзвукъ гегельянства слышится въ заключительныхъ словахъ новѣйшаго соціальнаго романа, принадлежащаго перу выдающагося французскаго политика, когда мы читаемъ слѣдующее поразительное самоутѣшеніе героя, разбитаго въ лучшихъ стремленіяхъ: «Что такое человѣческія пораженія? Ими оплачивается для будущаго торжество добра; нужны трупы для того, чтобы наполнить оврагъ и штурмомъ захватить счастье. Изъ массы испорченныхъ жизней создается путемъ страданій геній живущаго человѣчества». Къ чему ведутъ нашу мысль эти безразсудныя предложенія массовыхъ жертвъ? Къ признанію личности однимъ изъ кирпичиковъ, которые, въ слѣпомъ отборѣ, набранные съ излишкомъ на случай потерь, оглушаемые молотомъ, должны служить огромному зданію отвлеченнаго величія, строющемуся по непонятному плану, гдѣ всѣ частицы истекаютъ кровью, въ то время, какъ невѣдомый гигантъ, ворочающій милліонами пылинокъ, созерцаетъ цѣлое.

Мысль эта во всякомъ случаѣ наслѣдіе реакціи и ея мрачной теоріи великихъ искупительныхъ жертвоприношеній на землѣ. Она далѣе повторяетъ въ себѣ ученіе о предопредѣленіи, какое мы встрѣчаемъ, напр., у блаженнаго Августина или у Кальвина. Люди—орудія Высшей кары: что бы у нихъ ни было на душѣ, погибаетъ ли справедливый, добиваясь правды, торжествуетъ ли злодѣй въ преступленіи, чрезъ нихъ лишь исполняется великій и неумолимый законъ.

Какъ религіозные фаталисты склонны думать, что по временамъ выступаютъ особенныя орудія Божіи, провиденціальные люди, совершающіе крупные разрубы исторіи, такъ разсуждаетъ и Гегель. Культъ великихъ людей доведенъ у него до закланія въ честь ихъ остального человѣчества. Великіе люди должны знаменовать и осуществлять непостижимые для остальныхъ повороты въ развитіи духа. Они въ настоящемъ смыслѣ «герои» всемірной исторіи; они «черпаютъ не изъ спокойной, освященной временемъ традиціи, а изъ источника, содержаніе котораго сокрыто, изъ внутренняго духа, который еще скрывается подъ землей». Они видятъ, какъ пророки, но имъ нѣтъ счастья; ихъ ждетъ трагическая участь. Александръ Македонскій умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, Цезарь былъ убитъ, Наполеона заточили на островъ св. Елены.

Такъ Гегель поддается наклонности драматизировать исторію. У всемірно-историческихъ персонажей личные мотивы совпадаютъ съ линіей всемірнаго духа; поэтому ихъ мораль и вообще мораль исторіи выше обыкновенной морали. Во имя этой высшей морали имъ, такъ сказать, все дозволено. Гегель обращается съ высокомѣрной ироніей къ

«мелочнымъ торговцамъ» исторіи, которые приступаютъ къ героямъ съ общечеловѣческой мѣркой, требуютъ отъ нихъ обыкновенныхъ добродѣтелей. Это, говоритъ онъ,—внушеніе обыкновенной зависти.

Не только личности составляютъ подмостки исторіи, но и цѣлые народы, Міровой духъ, растянутый во времени, составляется изъ умственныхъ вкладовъ отдѣльныхъ народовъ; духъ, культура каждаго народа образуютъ составные принципы всемірнаго духа, ступени, которыя онъ пробѣгаетъ, оболочки, которыя онъ одѣваетъ и сбрасываетъ. Такъ опредѣляется за каждымъ народомъ его миссія. Каждый долженъ съиграть свою роль въ міровой пьесѣ и сойти со сцены; по мановенію всемірнаго духа входитъ онъ, исполняетъ положенную партію и исчезаетъ.

Еще и еще болѣе впадаетъ Гегель въ драматизацію. Культурный блескъ народа и его смерть представляютъ моменты встрѣчи его съ роковымъ шествіемъ прогрессирующаго мірового духа. Народный геній горитъ желаніемъ выразиться во всей полнотѣ: достигнувъ высшаго выраженія своей силы, онъ даетъ плодъ для всемірной исторіи, но это и есть его смерть или его самоубійство. «Принявъ горькій напитокъ всемірной исторіи, къ которому онъ тянулся въ безконечной жаждѣ, онъ узнаетъ свое назначеніе и погибаетъ». Работа его сдѣлана, духъ поднялся на слѣдующую ступень.

Вѣнчаніе на царство человѣческаго разума, подобное тому, какое мы встрѣчаемъ у Гегеля, неизбѣжно связано съ однимъ результатомъ: оно запираетъ въ заколдованный кругъ всѣ факты, поддающіеся пригнетенію въ систему, и выбрасываетъ остальные, какъ ненужные. Гегеля не смущаетъ, если народъ, давшій уже, по его плану, свой культурный плодъ, не умеръ, продолжаетъ еще существовать на землѣ: пусть живетъ, сколько хочетъ, онъ—«политическій нуль и скука», и для исторіи не существуетъ. Также вовсе не существуютъ всѣ тѣ народы, которые не понадобились для пробѣга всемірнаго духа. Стоитъ замѣтить, что сфера этого духа территоріально очень узка: ему достаточно было передней Азіи, только одной десятой этого материка, и западной трети Европы. Все остальное—народы неисторическіе. Не касается историка-философа и ранній бытъ народовъ; безразлично, какъ произошло государство. Народъ имѣетъ историческое значеніе лишь съ того момента, когда онъ начинаетъ сознавать себя, т. е. писать свою исторію; это значитъ его коснулся міровой духъ.

Конкретная исторія туго дается въ подобную систему. По временамъ міровому духу нечего дѣлать: таковъ, напримѣръ, XVII вѣкъ въ исторіи Западной Европы, который не подошелъ къ принятой Гегелемъ схемѣ и не далъ драматическихъ моментовъ. Наоборотъ иному событію или дѣятелю приходится фигурировать въ неподходящей роли, напримѣръ, вольнодумцу Фридриху II прусскому—въ качествѣ героя протестантизма, потому что таково повелительное требованіе общей системы, плана шествія всемірнаго духа.

Гегель признаетъ самъ, что исторія никогда не повторяется и потому не даетъ поученія для дальнѣйшаго развитія. Она лишь—литургія, славословіе мірового духа. И такъ же, какъ у Конта, историческое развитіе не имѣетъ будущаго. Всемірный духъ достигъ въ современности послѣдней ступени, онъ осуществилъ свое призваніе, онъ выработалъ въ себѣ сознаніе свободы. Онъ прошелъ всѣ возрасты; въ древнемъ Востокѣ—дѣтство, въ Греціи—юность, въ Римѣ—зрѣлость; въ германскомъ мірѣ—а Гегель не вѣритъ ни въ славянъ, ни въ романскіе народы и не говоритъ ни слова объ Америкѣ—онъ достигъ старости. Можно, правда, не тревожиться въ страхѣ смерти, даже не бояться старческихъ недуговъ. Старость мірового духа—старость бодрая, утѣшаетъ насъ Гегель, и конца ей не видно. Но все же это старость и остановка. Прогрессъ былъ великъ, но въ своихъ основныхъ моментахъ онъ закончился.

Таково поразительное заключеніе обѣихъ крупныхъ теорій прогресса, выставленныхъ въ XIX вѣкѣ, заключеніе, какъ бы неожиданное для самихъ авторовъ. Въ этомъ ихъ отличіе отъ теоретиковъ прогресса, выступившихъ въ прошломъ вѣкѣ, отъ Гердера, Кондорсе. Этотъ недостатокъ, словно червь, гложущій ихъ въ корнѣ. Имъ нечего обѣщать впереди, а между тѣмъ онѣ были такъ краснорѣчивы, когда говорили о необходимости жертвъ, о фатальности хода, о разумности его. Почему же должно прекратиться движеніе? Зачѣмъ оно было нужно? Таковы вопросы, ставить которые насъ научили, принудили именно эти теоріи, но на которые онѣ не даютъ отвѣта.

Всемірно-историческія построенія Гегеля и Конта имѣли множество эпигоновъ, ихъ формулы прогресса примѣнялись и повторялись на тысячи ладовъ, но общее движеніе идеи, которой они служили, закончилось; новой оригинальной теоріи безконечнаго, необходимаго прогресса единаго человѣчества потомъ никто больше не выставлялъ. Творчество въ этой области замерло вмѣстѣ съ слабѣющими колебаніями волнъ, поднятыхъ огромнымъ переворотомъ въ концѣ XVIII вѣка. Настроеніе, созданное имъ, блѣднѣло и проходило; его не стало больше, чтобы вдохновлять на грандіозныя историческія перспективы и драматическія картины. Широкія линіи философскаго полета, поэтическія аллегоріи, связанныя съ нимъ, сдѣлались постепенно школьными рубриками, сухими разрѣзами, обыденными терминами. Школа можетъ еще долго держать ихъ, но они будутъ только давить живую мысль, ставить ей ненужныя путы, или механически повторяться; новыя поколѣнія не могутъ чувствовать въ нихъ того содержанія, какое влагалось воображеніемъ поколѣній предшествующихъ.

Нельзя, однако, покинуть эту замѣчательную эпоху въ развитіи соціальной и исторической мысли, не указавши на ея особенности, путемъ сравненія ея съ другими болѣе ранними моментами движенія идеи о необходимомъ прогрессѣ совокупнаго человѣчества. Такое сра-

вненіе прежде всего дастъ возможность установить тотъ фактъ, что идея прогресса человѣчества не нова вообще, но что ея появленіе представляетъ прерывающіеся моменты, что оно почти всегда носило особенный, чрезвычайный характеръ, отвѣчало моментамъ сильнаго возбужденія, хотя своеобразная формулировка идеи прогресса для каждой эпохи зависѣла отъ различныхъ представленій о мірѣ и о человѣческомъ обществѣ на землѣ.

Древняя греко-римская общественная среда представляла условія мало благопріятныя для мысли о непрерывномъ и необходимомъ прогрессѣ человѣческаго рода. Культурный горизонтъ античныхъ народовъ былъ не широкъ и малоподвиженъ; изъ-за вѣнца средиземноморскихъ странъ глядѣлъ мрачный лѣсъ варварства, казавшагося безчисленнымъ. Общественныя формы были сравнительно устойчивы; техника слабо подвигалась; просвѣщеніе захватывало небольшіе слои. Вотъ почему, по преимуществу господствовала мысль о неподвижности жизни, или же въ воображеніи общества возвращалась идея золотого вѣка, стоявшаго на зарѣ человѣчества.

Только одна матеріалистическая школа эпикурейцевъ, которая наиболѣе эмансипировалась отъ старыхъ религіозныхъ воззрѣній, отъ идеи первоначальнаго земного рая, опредѣленно заявила, что люди двигаются впередъ, что культура, знанія, гуманность возникли усиліями человѣка и постепенно замѣняли варварство. Эпикуръ и его послѣдователи, согласно основному принципу своему, придавали разуму и опыту значеніе культурныхъ двигателей. Въ этомъ отношеніи знаменитую атеистическую поэму современника Цезаря, Лукреція, «О природѣ вещей» сравнивали съ «Очеркомъ картины прогресса» Кондорсе. Лукрецій нарисовалъ первобытное состояніе людей удивительно реальными красками; съ нимъ встрѣтились въ этомъ отношеніи изображенія новой науки, начиная съ Вико. Грубыя, сильныя, полуживотныя существа, лишенныя почти языка, безъ семьи, въ лѣсахъ— вотъ первые люди. Ихъ сближаетъ нужда; общеніе ведетъ ихъ къ установленію договора: вотъ первое появленіе мысли, такъ занимавшей потомъ людей XVII и XVIII вѣковъ. Лукрецій тонко объясняетъ возникновеніе и развитіе языка изъ усложненія психической жизни въ растущемъ общеніи людей. Онъ рисуетъ затѣмъ техническіе успѣхи, ростъ эксплуатаціи природныхъ силъ, появленіе городской жизни и т. д. Впервые примѣненъ у него и терминъ: «прогрессировать шагъ за шагомъ».

Надо, однако, имѣть въ виду, что эпикурейцы были убѣждены въ предстоящей остановкѣ не только прогресса, но и самой жизни на землѣ, въ постепенномъ разрушеніи міра. Притомъ прогрессъ они не считали настоящимъ и прочнымъ улучшеніемъ. Возрастающая культура развиваетъ бо́льшую чувствительность, и цивилизованный человѣкъ способенъ испытывать массу страданій, которыя неизвѣстны

первобытному. Лукрецій какъ будто имѣетъ слабость къ дикарю, подобно Руссо, и во всякомъ случаѣ онъ осуждаетъ развитіе индустріи и искусства.

Но и эти взгляды раціоналистовъ древности скоро были оттѣснены. Къ концу язычества, въ неоплатонизмѣ, въ восточныхъ откровеніяхъ выработалось даже представленіе, прямо обратное мысли о прогрессѣ, именно представленіе о непрерывномъ регрессѣ, ухудшеніи міра, о растущемъ торжествѣ злого начала, паденіи человѣческой природы. Эту мысль принимаетъ и раннее христіанство.

Первые христіанскіе энтузіасты находились подъ вліяніемъ ожиданія непосредственнаго конца міра, достигшаго въ ихъ глазахъ своего естественнаго предѣла. Послѣдующія поколѣнія конечно должны были устроиться прочнѣе въ виду того, что конецъ міра отодвигался; ежедневная жизнь вступала въ свои права; но земная обстановка тѣмъ не менѣе представлялась имъ формой мертвой, которая не приспособляется къ духовнымъ потребностямъ, а лишь способна имъ мѣшать или въ лучшемъ случаѣ служить имъ пассивнымъ мѣстопребываніемъ. У великаго систематика работы ранняго христіанства, Августина, къ которому потомъ постоянно возвращались въ Средніе Вѣка, получились два ряда явленій, два движенія съ тенденціями прямо противоположными другъ другу: въ то время какъ внѣшній міръ, матеріальная природа, политическая стройка человѣка, это царство діавола, разрушается, регрессируетъ,—духовное царство, государство Божіе въ лицѣ святыхъ и членовъ церкви наростаетъ, множится, идетъ къ торжеству.

Несомнѣнно, это—идея прогресса, но здѣсь весь прогрессъ въ небесахъ. Впередъ идетъ не реальный человѣкъ, не земныя отношенія; напротивъ, на ихъ разрушеніи строится совершенствованіе и расширеніе идеальнаго царства, которое только однимъ концомъ касается земли.

Въ воинственной средѣ средневѣковаго феодальнаго Запада эта мысль получаетъ форму болѣе реальную—торжества на землѣ христіанскаго оружія, расширенія христіанской пропаганды.

Въ XIII вѣкѣ въ средѣ францисканскаго ордена появилось своеобразное мистическое ученіе о прогрессивномъ развитіи и послѣдовательномъ откровеніи христіанства въ связи съ такъ называемымъ «Вѣчнымъ Евангеліемъ». Энтузіасты ссылались на обѣщаніе Христа о пришествіи параклета, св. Духа, и въ родоначальникѣ своемъ, св. Францискѣ, какъ бы новомъ Христѣ, видѣли апостола и провозвѣстника новой міровой религіозной эпохи. Фазы раскрывающейся религіи должны отвѣчать тремъ лицамъ Троицы: царство Бога Отца—Ветхому Завѣту, преобладанію плоти, господству свѣтской власти; царство Бога-Сына—времени Новаго Завѣта, буквальнаго пониманія Евангелія, времени преобладанія свѣтскаго бѣлаго духовенства. Наконецъ будущее

царство Бога-Духа св. станетъ временемъ Евангелія, которое откроется въ своемъ внутреннемъ духовномъ смыслѣ; это будетъ торжество монашества, дошедшаго до своего высшаго выраженія во францисканствѣ; требованія плоти въ этомъ царствѣ должны будутъ совершенно исчезнуть и наступитъ торжество созерцательной ангельской жизни.

Эта мысль о прогрессивномъ просвѣтлѣніи человѣчества, о приближеніи его къ небесному безплотному существованію, о возвышеніи человѣка до степени божества потомъ не разъ вспыхивала въ моменты горячаго религіознаго увлеченія въ XV, XVI, XVII вѣкахъ. Она доводила восторженныя натуры до отождествленія себя съ Христомъ. Изъ настроенія такого характера вытекали поразительные, но совершенно искренніе поступки и вдохновенія, въ родѣ, напримѣръ, воспроизведенія англійскимъ сектантомъ Нэйлеромъ въѣзда Христа въ Іерусалимъ среди своихъ учениковъ (1651 г.).

Индепенденты первой революціи и ранней эмиграціи въ Америку вообще склонялись къ вѣрѣ въ постепенное раскрытіе религіозной истины. Они ставили этотъ прогрессъ богопознанія, прогрессъ нравственной чистоты и возвышенности въ зависимость отъ новыхъ и новыхъ озареній отдѣльныхъ лицъ, отъ глубины и силы внутренняго откровенія, дающагося лишь избраннымъ людямъ.

Во всѣхъ этихъ воззрѣніяхъ надо обратить вниманіе на тѣсную связь между вѣрой въ прогрессъ человѣчества и религіознымъ экстазомъ, религіозной мистикой. Одновременно съ ними въ болѣе спокойной научной средѣ господствовали другія представленія. Если мы возьмемъ сферу философской мысли, изученія права, литературу, догматику церковную съ XIV по XVI вѣкъ, если мы возьмемъ романистовъ, схоластиковъ, гуманистовъ, реформаторовъ, мы увидимъ у нихъ то общее, что они всѣ ищутъ авторитетной опоры въ какомъ-либо зарытомъ и откапываемомъ сокровищѣ,—въ Аристотелѣ, въ кодексѣ Юстиніана, въ Цицеронѣ, въ первоначальномъ текстѣ Библіи. Они всѣ исходятъ отъ понятія о возвращеніи къ истинѣ послѣ вѣковой тьмы, заблужденій и искаженій. Въ ихъ взглядахъ нѣтъ благопріятной среды для мысли о постепенномъ совершенствованіи. Истина, моральная чистота, счастье даются или не даются сразу, какъ кладъ, ихъ надо умѣть присвоить, но они существуютъ сами по себѣ, существуютъ такъ сказать, раньше человѣка, внѣ его работы или, по крайней мѣрѣ, какъ вѣчная основа его природы, которая также должна быть открыта умѣлой рукой.

И въ XVIII вѣкѣ по большей части склонялись къ подобному представленію. Искомая причина стала теперь иначе называться—естественнымъ, разумнымъ порядкомъ или просвѣщеніемъ, просвѣщеніемъ въ особомъ смыслѣ какой-то высшей фиксированной ступени. Правда, путь, который необходимо пройти къ этому просвѣтлѣнію, чтобы достигнуть царства разума, стали представляться въ XVIII вѣкѣ прогрес-

сомъ, но самая цѣль не казалась подвижнымъ, возобновляющимся и перемѣннымъ идеаломъ. Цѣль готова заранѣе; она ждетъ пробуждающихся людей.

Въ концѣ XVIII вѣка, однако, въ теоріяхъ Гердера и Кондорсе сталъ выдвигаться на первый планъ именно тотъ путь, которымъ должно было раньше и дальше будетъ идти человѣчество, путь его совершенствованія; это движеніе къ великой цѣли начинають цѣнить само по себѣ, какъ процессъ облагороженія человѣческой личности, развитія солидарности, торжества симпатическихъ влеченій въ человѣческомъ обществѣ, а, съ другой стороны, какъ процессъ возрастанія человѣческихъ средствъ въ эксплуатаціи природныхъ силъ. Можно было отмѣтить и главные толчки, которые дали соціально-исторической мысли это направленіе: это были успѣхи естественныхъ наукъ, подъ вліяніемъ которыхъ уже тогда слагалась идея непрерывной эволюціи земныхъ формъ, а, съ другой стороны, захватывающій ростъ индустріи и техники.

Самая важная черта вновь возникающей теоріи прогресса человѣчества заключалась въ томъ, что она возводила наблюдаемый фактъ, фактъ усовершенствованія личности и общества, въ необходимость, въ законъ природы. Почему прогрессъ неизбѣженъ? Потому что человѣческое общество—послѣдняя стадія земного развитія, въ которомъ простыя формы постоянно и непрерывно подымались и переходили въ болѣе тонкія, сложныя и организованныя. Въ человѣческомъ обществѣ признали, однако, появленіе новой силы, какъ бы ускоряющей прогрессъ и придающій ему особую прочность, именно—силы знаній, мощи человѣческой мысли. Кондорсе, С. Симонъ, Контъ выразили это убѣжденіе особенно настойчиво въ томъ смыслѣ, что весь соціальный строй зависитъ отъ направляющей и организующей силы идей, что философская система, совокупность знаній создаетъ весь бытъ, всѣ человѣческія отношенія. Въ философской поэзіи и риторикѣ Гегеля это убѣжденіе получило крайнюю форму и какъ бы обратилось въ драматическій эффектъ; прогрессирующая идея совершаетъ логическую игру, прикасается къ землѣ, зажигаетъ факты дѣйствительности, гдѣ ей нравится, и оставляетъ все прочее въ безформенной тьмѣ.

Наконецъ, къ условіямъ, въ которыхъ сложилась теорія прогресса, присоединилось вліяніе сильнаго политическаго движенія, пережитаго европейскимъ обществомъ, движенія, первымъ кризисомъ котораго была французская революція. Оно направляло историческую мысль и своими принципами, и характерными чертами самого переворота. Программа либеральныхъ политиковъ, открывавшая собой ожидаемый золотой вѣкъ, гласила: освобожденіе личности. На рубежѣ XVIII и XIX вѣковъ это значило: свобода совѣсти, свобода слова, гарантія неприкосновенности личности въ государствѣ, свобода передвиженія и выбора профессіи, отчетливое право собственности и, наконецъ, предоставленіе всѣмъ и всякому голоса въ политической жизни. Будущее рисовалось въ видѣ

ряда ступеней освобожденія личности. Соотвѣтственно этому во взглядѣ назадъ, въ историческомъ обозрѣніи ясно выдѣлялась и прошлая судьба человѣческаго общества: она сводилась болѣе всего къ постепенному отпаденію стѣснявшихъ личность учрежденій, обычаевъ и формъ, она рисовалась въ видѣ эмансипаціи личности, т. е. выхода ея изъ безсознательнаго существованія въ первобытной семьѣ и общинѣ, изъ пригнетенія и несамостоятельности къ полному обладанію своими дарованіями и желаніями. Даже у Гегеля, очень далекаго отъ политическаго либерализма, главное содержаніе прогрессивнаго движенія духа—выработка сознанія свободы.

Общіе принципы эти развернулись среди единственнаго въ своемъ родѣ политическаго возбужденія, и это обстоятельство положило особую печать на представленія о прогрессѣ: поколѣнія, приходящіяся на эпоху отъ 1789 года до 1850 года, люди, пережившіе столько политическихъ революцій, невѣроятно много ломавшіе и строившіе, привыкшіе къ изобрѣтеніямъ, тонкостямъ и чудесамъ политической техники, выработали въ себѣ увѣренность, что никогда прогрессъ не двигался такъ быстро, какъ въ послѣднее время.

Религіозныя ожиданія и религіозный ужасъ, окружавшіе революцію, придали такимъ образомъ окончательную форму теоріи прогресса. Мысль о наступленіи царства Божія или о совершеніи великаго искупленія, великаго суда на землѣ подняла небольшую группу европейскихъ народовъ, захваченныхъ переворотомъ, ростомъ обмѣна науки и техники, на высоту всего человѣчества; это представленіе о человѣчествѣ, какъ великомъ связномъ цѣломъ, живущемъ общею жизнью, готовящемся къ великому возрожденію, было перенесено и на прошлое. Такимъ обра зомъ и на этотъ разъ идея прогресса сопровождала религіозный подъемъ и въ свою очередь была несома имъ. Время ея торжества, ея силы и процвѣтанія, ея оригинальнаго развитія можетъ быть весьма опредѣленно отграничено, и это—небольшая по продолжительности эпоха, отмѣченная особаго рода энтузіазмомъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПОЭЗІЯ И ПРАВДА МІРОВОЙ ЛЮБВИ.

(*Окончаніе* *).

IX.

Вопросъ о народѣ, его духовной личности и историческомъ значеніи занялъ первое мѣсто въ публицистикѣ, въ политикѣ и отчасти даже въ философіи нашего времени. Уже этотъ фактъ доказываетъ сложность и и многосторонность вопроса и, слѣдовательно, неизбѣжность различныхъ даже противоположныхъ рѣшеній. Они съ теченіемъ времени становятся все болѣе непримиримыми и концу нашего столѣтія суждено видѣть безнадежное разочарованіе въ демократическомъ принципѣ — чувство, совершенно противоположное выспреннимъ народническимъ увлеченіямъ конца минувшаго вѣка.

Между этими полюсами движется и русская публицистика и поэзія. Неустойчивость основного взгляда на народъ объясняется очень просто. Народъ можно понимать, какъ массу совершенно обособленную, какъ цѣлую расу, не только отличную отъ другихъ сословій и классовъ, но нравственно и исторически имъ противоположную. Этотъ взглядъ и является обыкновенно основой народническаго идеализма. Такъ было при первомъ появленіи на европейской сценѣ демократической идеи, такъ и остается до послѣднихъ вспышекъ нашего отечественнаго лирическаго народолюбія.

Ошибочность и чисто поэтическое простодушіе этого возрѣнія не требуютъ доказательствъ. Еще Тургеневъ, одинъ изъ родоначальниковъ русскаго народничества, очень близко подошелъ къ обличенію его младенческихъ заблужденій. Въ одномъ изъ писемъ къ Герцену онъ писалъ: «Народъ, предъ которымъ вы преклоняетесь, консерваторъ par excellence и даже носитъ въ себѣ зародыши такой буржуазіи въ дубленомъ тулупѣ, теплой и грязной избѣ, съ вѣчно набитымъ до изжоги брюхомъ и отвращеніемъ ко всякой гражданской отвѣтственности и самодѣятельности, что даже оставитъ за собою всѣ мѣтко-вѣрныя

---

*) См. «Міръ Божій», № 7, іюль.

черты, которыми ты изобразилъ западную буржуазію въ своихъ письмахъ. Далеко нечего ходить—посмотри на нашихъ купцовъ».

Эту мысль можно распространить вполнѣ логически, именно указать, что народъ не представляетъ изъ себя замкнутаго царства, что изъ него же получаются въ настоящее время всѣ другіе классы. На западѣ буржуазія пополняется богатѣющими рабочими, крестьянскія дѣти безпрестанно превращаются въ *Messieurs* и ихъ именно Прудонъ презрительно называлъ «господа демократы». Адвокаты, заполонившіе современные парламенты, тоже не аристократическаго происхожденія. Литература вся сплошь переполнена *толпой* и *массой*. То же самое и у насъ. На западѣ понятіе народъ, при всеобщей подачѣ голосовъ и при необыкновенно энергичной соціальной борьбѣ, постепенно становится чисто-идеальнымъ понятіемъ. Сегодняшній рабочій завтра можетъ стать патрономъ, публицистомъ, даже членомъ законодательнаго собранія.

Въ Россіи нѣтъ такого быстраго и естественнаго перемѣщенія классовъ, но Тургеневъ совершенно правильно указывалъ на купцовъ и на сельскую буржуазію, какъ дѣтищъ того же самого народа. И Герценъ не могъ отрицать весьма неприглядныхъ нравственныхъ и особенно гражданскихъ чертъ у этихъ несомнѣнно демократическихъ фигуръ. Откуда же взялись эти черты? Надо признать,—онѣ не чужды народной психологіи и остаются втайнѣ только до стеченія удобныхъ обстоятельствъ.

Извѣстно, напримѣръ, что едва ли не тягчайшій гнетъ и жесточайшія обиды при крѣпостномъ правѣ создавались не самими помѣщиками, а бурмистрами, старостами, дворовыми и просто лакеями. Этотъ фактъ установленъ и русской художественной литературой, подтверждается онъ и въ одномъ изъ произведеній нашего автора—«Въ облачный день». Мужикъ у г-на Короленко разсказываетъ: «Господа ничего были, на господъ что грѣшить... на господъ грѣшить нечего... Бурмистры вотъ, свой же братъ, ну, тѣ шибко примучивали».

«Свой братъ», т. е. народъ, оказывается способнымъ производить изъ своей среды усерднѣйшихъ добровольцевъ деспотизма и совершенно безцѣльнаго чисто любительскаго издѣвательства именно надъ «своимъ братомъ».

Очевидно, надо внести значительную поправку въ идеальное представленіе о нравственномъ мірѣ народа, тѣмъ болѣе, что возникновеніе буржуазіи въ дубленомъ тулупѣ не всегда можетъ быть приписано разстлѣвающему вліянію «города» и «цивилизаціи»: буржуазія весьма часто вполнѣ почвенное, самобытное растеніе, непримиримо враждебное «цивилизаціи» въ самыхъ ея скромныхъ формахъ—въ формѣ даже элементарнаго образованія и какихъ бы то ни было общихъ интересовъ.

При такихъ условіяхъ *идеализація* народа можетъ быть развѣ только боевымъ, полемическимъ средствомъ, отнюдь не положительной, неопро-

вержимой основой для какихъ бы то ни было идейныхъ сооруженій въ культурномъ и политическомъ смыслѣ. Народъ требуетъ чрезвычайно внимательнаго и безпристрастнаго изученія и изучающій не долженъ ни на одну минуту забывать, что въ законахъ самой природы лежитъ *необходимость* культурнаго развитія, вообще умственнаго и экономическаго движенія, что формы народной жизни, по самому своему существу—формы преходящія, несовершенныя, не исчерпывающія всего богатства нравственныхъ силъ человѣческой природы и что народная психологія производитъ впечатлѣніе свѣта и правды чаще всего только какъ яркій *контрастъ недугамъ* и *заблужденіямъ* интеллигентнаго быта, а вовсе не какъ идеальная конечная цѣль всѣхъ нравственныхъ и гражданскихъ стремленій. И у дѣтей имѣются свойства весьма похвальныя, даже у дикарей немало обычаевъ разумныхъ и подчасъ трогательныхъ, но это не значитъ, что мы, утративъ дѣтскую ясность души и навсегда лишившись первобытнаго склада жизни, должны стремиться вернуться къ дѣтству и уйти въ лѣса искать счастья и правды.

Именно эту программу готовы были предложить первоучители демократизма на западѣ и горькими слезами оплакивали невозможность ея осуществленія. Не спаслось и русское народничество отъ проповѣди опрощенія и одичанія, изрѣдка даже отъ открытой войны противъ «интеллигенціи», отъ страстнаго стремленія отдать её на выучку народу, разумному безъ просвѣщенія и мудрому безъ науки.

Г. Короленко несомнѣнно принадлежитъ къ писателямъ, съ особенной любовью изучающимъ народъ психологически. Подробности внѣшняго быта являются предъ нами лишь по поводу нравственныхъ вопросовъ. Все вниманіе автора сосредоточено на душѣ и міросозерцаніи народной массы и отдѣльныхъ личностей. Это самое поучительное изъ всѣхъ направленій народнической литературы. У автора нѣтъ въ распоряженіи дешевыхъ, но часто очень сильныхъ эффектовъ. Какъ художникъ онъ не пускается въ живописное изображеніе мужицкой бѣдности. У него нѣтъ патетическихъ жанровыхъ картинъ, столь свойственныхъ лирическому народничеству. Правда, у него имѣется *святочный разсказъ—Сонъ Макара*. Здѣсь описывается многострадальное житье-бытье объякутившагося русскаго мужика. Но прежде всего—Макаръ не представитель *русскаго* народа, и его бытъ, собственно не русская дѣйствительность, а потомъ, какъ увидимъ дальше, именно это произведеніе вопреки восторгамъ критиковъ слѣдуетъ считать самымъ слабымъ, въ художественномъ отношеніи,—изъ всѣхъ, признанныхъ авторомъ достойными отдѣльнаго изданія.

Сила г. Короленко тамъ, гдѣ вдумчивый анализъ внутренняго міра, поэтическое обобщеніе его разрозненныхъ мельчайшихъ чертъ, гдѣ встаетъ предъ нами цѣльный, яркій образъ, какъ извѣстный человѣческій типъ, независимо отъ статистическихъ и бытовыхъ условій. Рисуя дѣтскую психологію, авторъ не выбиралъ преднамѣренно дѣтей

интеллигентной, богатой или бѣдной и мужицкой семьи. Онъ желалъ показать глубину и богатство естественныхъ нравственныхъ силъ, независимо отъ внѣшней обстановки и болѣе или менѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Такъ и въ разсказахъ о народѣ.

Здѣсь можно указать только одну разграничительную черту—этнографическую, т. е. по существу тоже психологическую. Предъ нами два общихъ типа—хохолъ и великоруссъ и каждый изъ нихъ отмѣченъ родовымъ свойствомъ: одинъ—поэтъ, другой—съ природными наклонностями къ отвлеченной мысли, къ анализу, къ философскому и религіозному исканью истины.

Образъ поэта не представляетъ для автора ни малѣйшихъ затрудненій. Онъ усвоенъ авторомъ съ дѣтства, такъ же близко знакомъ ему, какъ южная природа, и авторъ знаетъ тѣснѣйшее сродство душъ этой природы и этого человѣка. На этомъ сродствѣ у него и построена характеристика малорусскаго народа.

Она всегда въ высшей степени увлекательна, проникнута живымъ авторскимъ сочувствіемъ, она *невольно* поэтична, такъ какъ является всецѣло отраженіемъ роскошной, богатой красками и звуками малорусской природы. Именно создавая образъ малорусскихъ крестьянъ, авторъ могъ во всей полнотѣ обнаружить чуткость своего слуха и зрѣнія къ мимолетнымъ явленіямъ родныхъ полей и лѣсовъ. Эта чуткость въ малорусской народной поэзіи творитъ чудеса *красоты* и *сердечности*, вдохновляясь обыденнѣйшими фактами и предметами. Музыка души восполняетъ звуки и краски внѣшняго міра и, напримѣръ, въ пѣсняхъ Шевченко умѣетъ одухотворить чарующей нѣжностью рѣчи и чувства—самый будничный пейзажъ, воспѣть иву будто живое олицетвореніе сиротливой грусти и безнадежной истомы, пышный цвѣтущій макъ уподобить сіяющему счастью, зеленый хмѣль сравнить съ беззаботной, неистощимо-живой молодостью... И эта поэма естественной, осердеченной жизни прелестью и разнообразіемъ психологіи не уступитъ художественнѣйшему анализу человѣческой души.

Такой же пріемъ и у нашего автора.

Герои его очень не краснорѣчивы. Они, повидимому, привычнѣе пѣть, чѣмъ говорить. Звуки пѣсни вызываютъ у нихъ первыя сознательныя впечатлѣнія дѣтства и они же дольше всѣхъ другихъ воспоминаній о родинѣ живутъ въ ихъ памяти. Старуха, выросшая въ Америкѣ, давно забыла свой родной языкъ, но слова пѣсни, убаюкивавшей ее въ дѣтствѣ, пережили всѣ утраты и забвенія, и она можетъ привѣтствовать земляка только этой пѣснью. Сколько здѣсь правды, тѣмъ болѣе глубокой, что она—истинно народное достояніе. И г. Короленко умѣетъ чрезвычайно просто раскрыть предъ читателемъ *поэтичность* и *сердечность* народнаго нравственнаго міра.

Беретъ онъ самаго сѣраго мужика, съ весьма ограниченной умственной жизнью, по количеству *идей* врядъ ли превышающей разумъ ребенка.

По крайней мѣрѣ, слѣпой мальчикъ даже превосходитъ Іохима прирожденнымъ безпокойствомъ мысли и богатствомъ общихъ запросовъ своей дѣтской души. Но у Іохима великое *народное* сердце и по натурѣ онъ богатырь сравнительно съ просвѣщеннѣйшимъ паномъ. Въ темномъ царствѣ его духа пока растетъ и развивается общее народное достояніе—простѣйшія чувства любви, горя, печали, радости, инстинктивной молодой жажды счастья. Для этихъ чувствъ не требуется вмѣшательства цивилизаціи и образованности: они благородны и сильны сами по себѣ, какъ органическое содержаніе народной психологіи. И они находятъ себѣ соотвѣтствующее выраженіе,—не разсудочную, складную рѣчь, а цѣлую вереницу поразительно *сознательныхъ* звуковъ. Все равно, какъ природа: вся исполненная чувствъ и настроеній, она умѣетъ выражать ихъ до безконечности разнообразнымъ шумомъ лѣса, журчаньемъ потока, сумракомъ вечера и живыми тѣнями ночи.

Іохимъ молчаливъ, робокъ и неуклюжъ. Онъ—хлопъ и словами не высказываетъ своего отношенія къ фактамъ панской жизни. Но онъ владѣетъ другой могущественной критикой—краснорѣчіемъ природы, поэзіей сердца и неотразимой красотой чувства. Это—сила неизмѣримо высшая, чѣмъ бездушное искусство, и дудка Іохима заглушитъ городскую музыку, взволнуетъ душу ребенка, будетъ грозить отнять ее даже у матери.

Оттуда такая власть?

Авторъ очень краснорѣчиво разсказываетъ исторію іохимовой дудки: можетъ быть, рѣчь могла бы быть проще и хладнокровнѣе, но смыслъ ея нисколько не страдаетъ отъ тона. Въ іохимовой музыкѣ дѣйствительно звучитъ сама украинская природа, вѣтеръ, солнце и плескъ рѣчныхъ волнъ—все это оживаетъ въ переливахъ мужицкой пѣсни и все это чуется дѣтскимъ сердцемъ, какъ родное и отнынѣ незабвенное. И сама гордая, образованная музыкантша-пани невольно смиряется предъ этой безсмертной властью естественной поэзіи и всего, что́ пережила и переболѣла душа народа.

И какая это спокойная, величавая, художественно-царственная власть! Ни одного назойливаго вопля, ни одной хитрой фіоритуры,—все неподдѣльно и стихійно, какъ ночь послѣ захода солнца, какъ свѣжесть послѣ бури, какъ вздохъ въ минуту горя, какъ радостный крикъ въ порывѣ счастья. И именно народному творчеству свойственна эта простота безсознательная и власть не разсчитанная.

Природа страны будто впитываетъ въ себя ея прошлое, а сердце и воображеніе народа вбираютъ въ себя чудные мотивы поэзіи и вдохновенныхъ думъ окружающаго ихъ міра,—это будто единый нервный творческій организмъ. И Іохимъ по какому-то тайному внушенію отыскиваетъ иву, изъ которой онъ сдѣлаетъ свою удивительную дудку. Матвѣй, «безъ языка» и съ самымъ мужичьимъ умомъ, становится лицомъ трогательнымъ и изящно-поэтическимъ, когда одинокій и безпріютный, угне-

тенный чуждой и враждебной ему цивилизаціей, онъ воскресаетъ душой при видѣ зеленыхъ полей, даже при звукѣ журчащей воды... Вѣдь это голосъ и черты безгранично любимой природы-матери: съ ней прожиты годы радостей и печалей и не однимъ Матвѣемъ, а необозримымъ рядомъ поколѣній такихъ же мужиковъ «съ дѣтскимъ сердцемъ» и наивными мыслями.

Онѣ оказываются особенно простодушны и даже смѣшны, когда приходится переводить ихъ на городской и образованный языкъ. Тогда и мистеръ *Берко* гораздо умнѣе и бойчѣе. Но у Матвѣя имѣется множество мыслей, какія никогда не приходятъ на умъ всѣмъ Берко на свѣтѣ: не хватаетъ только словъ. А иначе какія удивительныя вещи разсказалъ бы Матвѣй про океанъ, на который онъ часами смотритъ съ парохода! Какія дивныя волненія души онъ изобразилъ бы, вступая на берегъ чужой страны! И какими звуками всѣ эти мысли и волненія могъ бы передать поэтъ и музыкантъ Іохимъ!

Какъ блѣдна, пошла и тщедушна показалась бы тогда намъ эта неугомонная толпа мастеровъ, владѣющихъ многочисленными языками и какими угодно словами! Ни однимъ своимъ языкомъ она не могла бы выразить смысла любви Матвѣя къ случайно встрѣченной дѣвушкѣ-сироткѣ. И какое краснорѣчіе могло бы внушительнѣе подѣйствовать на ея испуганную душу, чѣмъ одна фраза Матвѣя: «Держись, малютка, меня»..

X.

Да, цивилизація со всѣми своими хитростями и завоеваніями— весьма часто—бездушна и даже глупа. Рояль подъ руками образованной музыкантши только оскорбляетъ слухъ чуткаго ребенка послѣ игры мужика на самодѣльной дудкѣ. А историческая пѣсня, имъ спѣтая, развертываетъ слушателю безграничную даль великихъ дѣлъ и еще болѣе великихъ страданій народа! Пусть попробуетъ самый краснорѣчивый и *письмéнный* панъ состязаться съ этой поэтической исторіей, съ этимъ *звучащимъ* прошлымъ!

Но цивилизація, кромѣ сердечнаго тщедушія, безпрестанно обнаруживаетъ удивительное тупоуміе и близорукость. Она способна отнять у людей самый простой здравый смыслъ, закрыть ихъ глаза на самыя естественныя явленія и пріучить исключительно къ искусственному, уродливому, притворному.

Разсказъ *Безъ языка* написанъ въ юмористическомъ тонѣ, но отъ него вѣетъ драмой на каждой страницѣ. Матвѣй, герой разсказа, слишкомъ живое и художественно-созданное лицо, чтобы своими приключеніями производить на насъ одно анекдотическое впечатлѣніе. А потомъ, и въ самомъ дѣлѣ издѣвательства цивилизаціи надъ человѣ-

комъ «съ дѣтскимъ сердцемъ» не только правдоподобны, но прямо неизбѣжны при современномъ ея уровнѣ и направленіи.

Что касается юмора,—у г-на Короленко онъ играетъ въ высшей степени своеобразную роль. Мы уже знаемъ, какъ тонко и изящно творчество автора: ему по природѣ претитъ все слишкомъ рѣзкое и крикливое. Но это творчество въ тоже время искренне и правдиво,—а въ человѣческой жизни—бездна горя, неправды и, слѣдовательно, отталкивающаго и безобразнаго. Какъ все это представить, не нарушая спокойнаго—гармоническаго развитія художественной идеи?

И вотъ здѣсь-то юморъ является на помощь. Это—настроеніе мудреца, исполненнаго жалости къ человѣческой слабости и бѣдѣ, улыбка, ободряющая несчастнаго на борьбу и сулящая ему лучшее будущее, и въ тоже время какая-то трогательная снисходительность къ человѣческому неразумію и часто безцѣльному жестокосердію. За этимъ юморомъ таится оптимистическая вѣра, все то же извѣстное намъ воззрѣніе на міръ, какъ на гармонію осердеченныхъ нравственныхъ силъ. Отъ этого юморъ и выходитъ такимъ свѣтлымъ, такимъ примирительнымъ и ободряющимъ.

Наконецъ, онъ—и именно этими своими чертами—достояніе народной психологіи. Только народъ, инстинктивно вѣрующій въ свою стихійную мощь, въ свое историческое безсмертіе, можетъ *юмористически* встрѣчать многочисленныя разочарованія и огорченія въ данный моментъ своего бытія. И г. Короленко именно здѣсь особенно близокъ къ народной почвѣ творчества и общихъ воззрѣній.

У него есть цѣлый разсказъ, вдохновенный этимъ юморомъ, разсказъ, блестящій по глубоко-художественной красотѣ и истинно философскому содержанію и тону,—разсказъ, къ великой потерѣ русской литературы, недоконченный. Прошка-жуликъ своего рода эпическая фигура, знаменующая цѣлый періодъ въ бытовой жизни деревни. Внезапно появившаяся высшая наука разрушила вѣковой укладъ, выбила изъ колеи мужика, и онъ на собственномъ родовомъ мѣстѣ оказался L'homme dépaysé,—изгоемъ и бродягой. Предъ нами одна изъ трудныхъ дилеммъ. Роза просвѣщенія должна цвѣсти, несомнѣнно, но и деревенскій репейникъ желаетъ жить, хотя онъ не можетъ соревновать розѣ красотой и ароматомъ. То и другое—явленія одинаково естественныя, и авторъ самъ не знаетъ въ чью пользу рѣшить вопросъ безусловно. Подобныя задачи представляются г-ну Короленко неоднократно, и онъ будто любитъ ставить ихъ, предоставляя невѣдомому Эдипу найти всепримиряющую и справедливую разгадку. Мы увидимъ истинный смыслъ этихъ дилеммъ и оцѣнимъ значеніе авторскаго безпристрастія; для насъ теперь одинъ фактъ не подлежитъ сомнѣнію; репейникъ, въ лицѣ хотя бы даже Прошки-жулика, можетъ представить настоящую драму, вопіять о нашемъ состраданіи и даже о чувствѣ правды.

Прошка, выброшенный за бортъ новымъ потокомъ жизни, превра-

щается въ своего рода вольнаго казака, общепризнаннаго врага существующихъ новыхъ порядковъ и онъ ведетъ войну съ ними упорно, сознательно и при сочувствіи всѣхъ представителей тѣснимаго репейнаго міра. Надо же ему ѣсть и жить,—и онъ безъ всякихъ теорій, по мелочамъ, осуществляетъ принципъ борьбы за существованіе, какъ онъ можетъ и умѣетъ.

И эту практику отлично понимаютъ всѣ другіе пока еще честные Прошки и относятся къ Прошкѣ-жулику терпимо, даже любовно, по-родственному. Такая постановка вопроса достойна всего нашего вниманія.

Взглянуть на предметъ съ точки зрѣнія нравственности, законности, просвѣщенія — Прошка окажется самымъ послѣднимъ человѣкомъ на землѣ. Уже въ самомъ его прозвищѣ звучитъ презрѣніе и отверженіе, такъ именно и произносятся слова *Жуликъ-Прошка* молодымъ теоретическимъ народникомъ. Прошка—не «народъ»,—думаетъ идиллическій любитель народа.

Онъ жестоко ошибается!

Прошка именно «народъ», только въ «черненькомъ» видѣ, народъ—въ безвыходно-трагической борьбѣ съ невѣдомой, чуждой ему цивилизаціей, вообще и по существу гуманной,—но вотъ съ этимъ народомъ не съумѣвшей сойтись и сговориться. Для него она какъ была, такъ и осталась благородная госпожа, въ высшей степени брезгливая, непонятная, величественная—въ лицѣ важныхъ профессоровъ, въ невразумительныхъ звукахъ лекцій, въ эффектной внушительности ученаго дворца, господина «давальца» и нанимателя не болѣе... Роза благоухала, но репейникъ не имѣлъ основаній—смѣнить свое досадное равнодушіе къ ея аромату—на любовь и интересъ.

И рядомъ—два міра, будто два государства или двѣ колоніи, населенныя двумя различными расами. Прошка—самое живое воплощеніе этой розни, краснорѣчивѣйшее свидѣтельство ненормальнаго, болѣзненнаго процесса, возникшаго въ деревенскомъ организмѣ, но это не мѣшаетъ Прошкѣ быть болячкой, язвой, преступникомъ.

Попробуйте слить эти, повидимому, исключающія другъ друга нравственныя данныя! У зауряднаго народника или у правовѣрнаго адвоката культуры неизбѣжно оказался бы пересолъ въ краскахъ: Прошка вышелъ бы или мелодраматической жертвой разрушенныхъ «устоевъ» или отбросомъ и уродомъ народной среды.

Передъ нами ни то, ни другое. Авторъ отнесся къ Прошкѣ, какъ относится къ нему народный мудрый юморъ, и поступилъ съ нимъ, какъ поступаетъ «мать-природа». Какія высоко-юмористическіе моменты, когда Прошка жалуется на разныя новшества, вродѣ кастетовъ: «Право-ну, какой народъ пошелъ... неаккуратный: хоть совсѣмъ не работай!»... Потомъ, когда онъ въ полномъ разгарѣ «работы». Сцена по существу дикая: Прошка является богатыремъ и артистомъ драки,—

но посмотрите, какъ она описана! Наконецъ, этотъ несравненный духовный дворникъ! Всѣ его понятія о законномъ и объ общественномъ порядкѣ не идутъ дальше принципа: «не трогай своихъ». Какіе тупые люди и варварскіе нравы!—воскликнетъ иной слушатель, если ему пересказать частные факты и представить доблестныя черты героевъ! И слушатель съ негодованіемъ отвернется отъ этого разгула первобытныхъ инстинктовъ.

Но пусть онъ прочитаетъ самый разсказъ, и впечатлѣніе поразитъ его самого. Авторъ не говоритъ ни единаго слова въ пользу Прошки; онъ только непосредственно послѣ дикаго разгула Прошки рисуетъ слѣдующую картину.

Утро, Прошка ушелъ въ лѣсъ освѣжить свою одурманенную голову. Онъ лежитъ на травѣ и чувствуетъ себя необыкновенно блаженно.

«Онъ былъ похожъ на кота, котораго гладятъ по спинѣ. Но его никто не гладилъ по спинѣ или, вѣрнѣе, его гладила общая мать-природа. Она коснулась его души своимъ нѣжащимъ и любящимъ прикосновеніемъ, и онъ почувствовалъ, какъ эта душа разглаживалась, «выпрямлялась», добрѣла. Что-то изъ нея улетучивалось, что-то утопало, стиралось въ сознаніи и взамѣнъ изъ глубины поднималось нѣчто другое, невѣдомое, неопредѣленное, смутное... Все это совершалось такъ ощутительно, что порой у Прошки являлся даже вопросъ: что это такое? что это наростаетъ въ немъ, пробивается къ сознанію, напоминаетъ о чемъ-то, «подмываетъ» на что-то? О чемъ напоминаетъ, на что подмываетъ?.. Порой Прошка ощущалъ въ себѣ неясное желаніе. И когда, по привычкѣ, онъ задавалъ себѣ вопросъ: ужъ не выпить ли ему хочется? то поднимавшаяся въ душѣ безвкусица не оставляла ни малѣйшаго сомнѣнія, что дѣло не въ выпивкѣ. Такъ въ чемъ же?»

Прошкѣ неизвѣстно въ чемъ, не отвѣчаетъ и авторъ. Но сущность не въ опредѣленности прошкиныхъ желаній, и въ самомъ ихъ существованіи — смутныхъ, неуловимыхъ, далекихъ отъ водки и обычной «работы».

Вы видите, какія чудеса творитъ мать-природа съ безнадежнымъ жуликомъ. И вы не сомнѣваетесь въ вѣроятности чудесъ. Нѣчто подобное творитъ и самъ авторъ со своимъ героемъ. Онъ и природа идутъ къ одной цѣли—отнять у васъ, читателя и моралиста, основаніе для патетическаго гнѣва на Прошку или для безпощаднаго презрѣнія къ его грубой душѣ.

Вѣдь паѳосъ въ какомъ бы то ни было направленіи возможенъ только при единственномъ условіи,—при существованіи одного рѣшительнаго взгляда на предметъ. Возможенъ ли такой взглядъ на Прошку?

Мы знаемъ парализующіе другъ друга *факты*, съ которыми связано появленіе Прошки на сцену утѣсненнаго рѣпейнаго царства. Мы знаемъ отношеніе къ Прошкѣ людей, не промышляющихъ его работой, даже студентовъ и именно симпатичнѣйшаго студенческаго поколѣнія. Очевидно,

это общественное мнѣніе не могло придти къ безповоротному осужденію Прошки, но не стало, разумѣется, и на его сторону. Эта встрѣча фактовъ и мыслей, противорѣчащихъ другъ другу, не результатъ усиленнаго логическаго анализа, не плодъ какой-нибудь *Grübelei*, это—творчество самой жизни. И оно въ эту минуту—*глубоко юмористично*. Оно будто забавляется исконнымъ стремленіемъ человѣка знать правду «чистую и подлинную какъ монета», по выраженію Натана, и безпрестанно ставитъ нашъ умъ предъ дилеммами великаго *нравственнаго* значенія.

Недаромъ, у величайшихъ мудрецовъ древняго міра создалось убѣжденіе, что смыслъ жизни по существу ироничевъ, мы окружены юморомъ какой-то невѣдомой силы, на каждомъ шагу добродушно поднимающей на смѣхъ наши одностороннія чувства энтузіазма и гнѣва, отчаяніе или восторгъ, ненависть или страсть. И глубочайшій жизненный умъ древности воплотился въ лицѣ Сократа—*эйрона*, Сократа—юмориста, взирающаго на человѣческія мнѣнія и истины съ особаго рода улыбкой. Она напоминаетъ настроеніе отца или матери, умудренныхъ тяжелымъ опытомъ жизни и съ грустнымъ невыразимо-любовнымъ участіемъ внимающихъ пылкимъ идеалистическимъ рѣчамъ сына-юноши, или необъятнымъ надеждамъ на счастье красавицы дочери.

Они знаютъ, какъ жизнь далека отъ идеала и какая жестокая сказка—счастье, но у нихъ не поднимется рука разбить иллюзію рѣзкимъ холоднымъ словомъ. Можетъ быть, и иллюзіи имѣютъ свое положительное значеніе въ міровой драмѣ...

Лучшій отвѣтъ — юморъ, исполненный добродушія, гуманности и пощады, и онъ играетъ именно такую роль въ произведеніяхъ нашего автора. Въ одномъ случаѣ г. Короленко вполнѣ опредѣленно подчеркиваетъ эту черту своего художественнаго міросозерцанія, онъ создаетъ одну изъ любопытнѣйшихъ фигуръ во всей русской народнической литературѣ Тюлина. О немъ авторъ говоритъ: «онъ весь проникнутъ какимъ-то особеннымъ безсознательнымъ юморомъ».

Совершенно вѣрное опредѣленіе; именно юморъ—основа тюлинской психологіи. Это значитъ отрицаніе всего патетическаго, односторонне-страстнаго, инстинктивное, «безсознательное» признаніе безчисленныхъ противорѣчій жизни, слѣдовательно, невозможности найти цѣль, достойную безраздѣльнаго увлеченія, неутомимаго труда, горячаго отклика.

И Тюлинъ величаво равнодушенъ къ окружающему міру, къ людскимъ дѣламъ и суетѣ, даже къ своимъ личнымъ дѣламъ. Онъ одаренъ исключительнымъ перевозническимъ талантомъ, но этотъ талантъ просыпается у него только въ ту минуту, когда грозитъ опасность тюлинской философской лѣни и «серьезному взгляду на вещи». Во всѣхъ другихъ случаяхъ, міръ не стóитъ того, чтобы изъ-за него сдѣлать лишнее усиліе или даже движеніе. Это юморъ, доведенный до степени идеала, ставшій единственнымъ содержаніемъ всей жизни человѣка!

И именно юморъ заставляетъ автора рисовать своего героя-пьяницу и тунеядца увлекательнѣйшими художественными красками. Тюлина можно полюбить, и ужъ во всякомъ случаѣ, у читателя не остается ни тѣни презрѣнія къ лѣнивому мужику, неутомимо лакающему винище.

Чѣмъ создано такое, повидимому, странное впечатлѣніе? Вотъ, напримѣръ, уреневцы, умственные мужики и начетчики смотрятъ на Тюлина съ явнымъ пренебреженіемъ и даютъ подобнымъ юмористамъ обычныя клички. Уреневцы энергичны, сильные волей; они внушаютъ къ себѣ уваженіе даже Тюлину, авторъ ихъ называетъ богатырями, но его сочувствіе не на ихъ сторонѣ. Оно всецѣло принадлежитъ Тюлину, и самъ авторъ недоумѣваетъ, почему его Тюлинъ для него такой *милый?*

Отвѣтъ теперь намъ ясенъ. Тюлинъ—подлинный, хотя и безсознательный представитель народной мудрости, можно сказать, мудрости высшей, чѣмъ приговоръ съ точки зрѣнія строгой личной нравственности и даже общественнаго долга. Уреневцы несомнѣнно превосходно выражаютъ эту точку, и она далека отъ мудрости. Она отвлеченна, формальна, безпощадна къ проявленіямъ свободной жизни, не входящимъ въ узко-очерченный логическій кругъ. Она исключительна и деспотична, и ежеминутно можетъ привести къ нетерпимости и угнетенію чужой личности и чужихъ воззрѣній.

У нея есть и достоинства: она по самой природѣ стремится къ практическому самоосуществленію, она ведетъ къ прозелитизму, къ дѣятельному воздѣйствію на окружающій міръ, она проповѣдь разрушительная или созидательная.

Ничего подобнаго въ психологіи Тюлина. Отбросимъ крайнія случайныя ея черты: мудрецъ-юмористъ можетъ и не быть пьяницей и лежебокомъ,—сущность типа не измѣнится, и именно въ ней тайна его очарованія. Эта сущность—любовное отношеніе ко всякому жизненному процессу во имя его жизненности, терпимость ко всякой человѣческой душѣ, снисходительное и сострадательное воззрѣніе на всякій фактъ человѣческой жизни.

У этой мудрости есть и свои недостатки, и очень крупные. Гдѣ положить предѣлъ терпимости? Какой процессъ жизни признать жизненнымъ и всякую ли душу *человѣческою?* Если паѳосъ является часто, можетъ быть, логически-неосновательнымъ и нравственно-несправедливымъ настроеніемъ, то и неограниченная терпимость и невозмутимый юморъ также подлежатъ сомнѣнію, какъ силы косныя и парализующія дѣятельныя побужденія человѣческой природы. Онѣ, слѣдовательно, также не представляютъ послѣдняго слова разума и нравственности, все равно какъ критика, анализъ и скептицизмъ не могутъ и даже не должны быть конечной цѣлью живой человѣческой природы.

Недаромъ самъ Тюлинъ попадаетъ подъ *обаяніе* «грозныхъ уреневскихъ богатырей». Его юморъ не можетъ устоять предъ окрикомъ людей

паѳоса и, если угодно, нетерпимости. Симпатичность склоняется предъ силой холодной и чуждой даже для самого автора.

Фактъ, можетъ быть, грустный, но неизбѣжный, и онъ совершается среди людей на самыхъ обширныхъ сценахъ и въ грандіознѣйшихъ размѣрахъ. Онъ въ сущности выражаетъ собой вѣчную борьбу органическихъ процессовъ жизни съ человѣческой волей, природы съ наукой, народной жизни съ цивилизаціей, естественности съ условными формами. И этотъ вѣковой нравственный и культурный вопросъ нашъ авторъ умѣетъ *поставить* ясно, въ высшей степени художественно, но не такъ *разрѣшить* его.

XI.

Рѣшеніе достается, между прочимъ, на долю лозищанина Матвѣя. Онъ попадаетъ непосредственно изъ захолустной русской деревни въ Нью-Іоркъ и воспринимаетъ всѣ блага цивилизаціи совершенно беззащитный, способный противоставить имъ только свою громадную физическую силу да свое дѣтское сердце. Борьба оказывается въ высшей степени жестокой.

Цивилизація вовсе не нападаетъ на Матвѣя, готова, пожалуй, оказать ему снисхожденіе и даже облагодѣтельствовать, и все-таки бѣдный мужикъ доходитъ до отчаянія, переживаетъ мучительнѣйшіе дни своей жизни и самую тюрьму готовъ считать спасеніемъ.

Правда, Матвѣй «безъ языка», но не въ этомъ главная причина его бѣдствій. Цивилизація неспособна понимать не только его словъ, но всей его личности, его лучшихъ чувствъ, его трогательнѣйшихъ порывовъ. Для нея онъ дикарь, смѣшной, странный, подлежащій только одному воздѣйствію—укрощенію, и въ короткое время она въ душѣ незлобивѣйшаго человѣка умѣетъ пробудить волка. Среди громаднаго культурнаго города онъ дичаетъ и свирѣпѣетъ до такой степени, какъ это не случилось бы съ нимъ во всю жизнь среди родныхъ пустынь и лѣсовъ. И здѣсь же, въ томъ же очагѣ цивилизаціи, Матвѣй впервые видитъ, какъ человѣкъ кончаетъ самоубійствомъ отъ голода и отчаянія...

Перевезите Матвѣя обратно домой послѣ всѣхъ этихъ впечатлѣній и опытовъ,—какая память останется у него объ этомъ мірѣ? Навѣрное онъ отдаленнѣйшему потомству завѣщаетъ не мѣнять бѣдныхъ и темныхъ Лозищей на богатую и блестящую столицу высокопросвѣщенной страны. И разскажетъ онъ въ назиданіе потомкамъ вовсе не какіе-нибудь исключительные ужасы, а самые обыденные факты. Никакого особенно несчастнаго стеченія обстоятельствъ съ Матвѣемъ не произошло: онъ просто совершилъ путешествіе по нью-іоркскимъ улицамъ и окрестностямъ въ одни изъ американскихъ будней.

Въ этой именно будничности, т. е. неизбѣжности страданій «дикаря» въ нѣдрахъ культуры и заключается весь ихъ ужасъ. Оказывается,

человѣчество создаетъ непроходимую пропасть между цивилизованными и не цивилизованными и виновникомъ пропасти является прогрессъ. Чѣмъ онъ выше и шире, тѣмъ безнадежнѣе положеніе не краснокожаго индѣйца,—тотъ просто вымираетъ,—а даже бѣлаго, только не стоящаго на уровнѣ современнаго просвѣщенія.

И взвѣсьте страданія множества этихъ людей съ дѣтскими сердцами, оцѣните по достоинству сцену, когда Матвѣй съ рыданіемъ бросается цѣловать руки земляка при звукѣ родного языка и дружескаго голоса... Вѣдь точно такъ же почувствовалъ бы себя человѣкъ, неожиданно спасенный отъ пытки, смертной казни, вообще отъ страшнаго непоправимаго несчастья!

И авторъ не жалѣетъ красокъ на живопись *глупости* культурныхъ людей, даже добрыхъ, но слишкомъ цивилизованныхъ, чтобы понимать просто человѣка независимо отъ той или другой культурной ливреи. Не владѣй авторъ поистинѣ волшебной силой юмора и мудраго взгляда на вещи, изъ мотивовъ его разсказа можно бы сдѣлать одну изъ самыхъ жестокихъ драмъ. Объ ея напряженности можно судить по дѣтской беззавѣтной радости злополучнаго героя при однихъ только звукахъ славянской рѣчи, при одномъ намекѣ, что онъ все-таки не одинокъ на землѣ...

Имѣется и соотвѣтствующій фонъ для этой драмы, также обвѣянный юморомъ, но и юморъ на этотъ разъ не спасаетъ цивилизаціи. Впрочемъ, и у автора тонъ становится патетичнѣе: не утрачивая спокойствія и сдержанной красоты,—онъ контрастомъ красокъ рисуетъ удручающую истинно-культурную трагедію.

Сколько злой иронiи заключается въ миттингѣ голодныхъ, собравшихся рядомъ съ висѣльникомъ, однимъ изъ ихъ же числа, и внимающихъ краснорѣчивому агитатору, во что бъ то ни стало стороннику достоинства, порядка и дисциплины! И это одобрительное настроеніе полиціи, и оркестръ музыки—все по поводу людей, не знающихъ что̀ дѣлать съ собой, гдѣ искать спасенія и жизни!..

«А городъ, объятый тонкою мглою собственныхъ испареній, стоялъ спокойно, будто тихо дыша и продолжая жить своею ничѣмъ невозмутимою жизнью. По площади тянулись вагоны, грохотали экспрессы, пыхтѣлъ гдѣ то въ туннелѣ быстрый поѣздъ... Вѣтеръ несъ надъ площадью пыльное облако отъ парка»...

И городъ даже могъ съ гордостью покоиться въ своей невозмутимости. Онъ выполнилъ весь конституціонный порядокъ, дозволилъ голоднымъ собраться, составить петицію, агитатору говорить въ протестующемъ направленіи. Все какъ слѣдуетъ въ странѣ гражданской свободы, въ странѣ терпимой вплоть до протестовъ путемъ самоубійствъ.

У героя разсказа—своя звѣзда и она превращаетъ его въ джентльмэна. Бываетъ, конечно, и это и вся исторія окончательно становится пріятной и юмористической. Но это впечатлѣніе не выражаетъ взгляда

автора на вопросъ. Матвѣй—своего рода *Sonntagskind*,—предъ нами необозримая толпа людей, совершенно иначе кончившихъ тяжбу «дѣтскаго сердца» съ благодѣяніями цивилизаціи,—и не на чужбинѣ, а у себя на родинѣ.

Прежде всего отдѣльныя, будто случайныя вспышки борьбы. Они безпрестанно загораются при всевозможныхъ обстоятельствахъ. Встрѣтится ли Прошка-жуликъ съ направленскимъ студентомъ интеллигентно-сатирическаго нрава, онъ уже терпитъ обиду и пренебреженіе. Случится ямщику везти господина, когда-то чуть не краснаго, но съ годами, какъ водится, поумнѣвшаго и прокисшаго—ему уже страшно какъ нибудь ненарокомъ оскорбить деликатное барское самолюбіе. Ямщикъ—поэтъ и эпическій хранитель мужицкаго многострадальнаго прошлаго; ему—среди родныхъ полей, въ виду близкой сердцу вѣковой сцены крѣпостнической оргіи—невозможно не подѣлиться съ сѣдокомъ наслѣдственно-накипѣвшими чувствами. Но этотъ сѣдокъ—просвѣщенный баринъ, и поэту-историку грозитъ соотвѣтственное возмездіе за то, что онъ взволновалъ птичье невинное сердце благородной дѣвицы. И по дѣломъ! Мужикъ долженъ понимать, до какой степени цивилизація утончаетъ чувства и изощряетъ нервы.

Все это—случайныя встрѣчи,—а вооружите цивилизацію еще начальственной властью, украсьте ее внѣшними признаками права и силы,—во что же тогда придется превратиться человѣку, чувствующему не по себѣ рядомъ даже съ мирной и гуманной культурой!

Власть, разумѣется, одинъ изъ спутниковъ цивилизаціи—все равно американской или россійской. Въ Америкѣ полиція весьма легко пускаетъ въ ходъ «клобы»,—не станетъ же стѣсняться менѣе культурная власть въ еще болѣе «дикой» средѣ! Естественно, вопросъ объ отношеніяхъ народа къ власти и наоборотъ—является центральнымъ вопросомъ отечественной гражданственности. А въ силу историческихъ преданій представленіе о власти до сихъ поръ въ умѣ мужика почти неотдѣлимо отъ идеи о баринѣ, т. е. спеціально-цивилизованномъ субъектѣ. Поэтому Матвѣй свято хранитъ отеческій завѣтъ—всюду уступать мѣсто даже подпанку и вести съ нимъ совсѣмъ другой разговоръ, чѣмъ съ своимъ братомъ.

Выходитъ,—для народа,—вообще вся цивилизація—нѣчто въ родѣ начальства. Посмотрите, напримѣръ, съ какимъ страхомъ полотеры и плотники скрываются предъ профессоромъ. Почему? Авторъ даетъ по обыкновенію нѣсколько юмористическое, но по существу весьма грозное объясненіе. «Въ этой поспѣшности сказывалось обоюдное молчаливое признаніе того, что самое существованіе выселковца столь близко отъ науки есть уже нѣчто шокирующее и неприличное».

На самомъ дѣлѣ наука такъ не можетъ полагать, но выселковцу отъ этого не легче. Тоже самое впечатлѣніе «дикій» человѣкъ получаетъ даже отъ религіи и церкви. Ужъ, кажется, чему же и стоять

близко къ народной душѣ какъ не религіи и на чье сочувствіе больше всего должна полагаться Христова церковь, какъ не на сочувствіе малыхъ сихъ? Оказывается—все это также далеко и чуждо народному сознанію, какъ и всякая другая облеченная властью цивилизація.

Макаръ, напримѣръ, несомнѣнно религіозенъ отъ природы. Ему, въ его неизбѣжномъ житейскомъ горѣ, становится легче, когда онъ вспоминаетъ о Богѣ. Но что̀ онъ знаетъ о Богѣ? Въ чемъ состоитъ его вѣра и почему она утѣшаетъ его?

На всѣ эти вопросы Макаръ могъ бы дать не болѣе точные отвѣты, чѣмъ умная собака, по мнѣнію Дарвина, съ религіознымъ чувствомъ привязанная къ своему господину. Макаръ не знаетъ, что попъ читаетъ въ церкви и за что идетъ попу руга. Слѣдовательно, платить попу деньги для него то же самое, что возить исправника, т. е. подчиняться за страхъ, а не за совѣсть. И, если бы Макаръ могъ говорить такъ на яву, какъ его заставляетъ авторъ во снѣ, онъ не сдѣлалъ бы никакого различія между своими отношеніями къ церковному и полицейскому тойону.

Но, можетъ быть, Макаръ — нарѣдкость ограниченный и забитый «житель», одичавшій среди тайги и тундры, а русскій народъ вообще понимаетъ блага духовной и свѣтской цивилизаціи.

Врядъ ли. Онъ понимаетъ только одну ея сторону—грозную и карающую. Собственно *нравственнаго* содержанія въ ней народъ даже не подозрѣваетъ и не въ силахъ допустить. Она является ему въ блескѣ форменной фуражки, ясныхъ пуговицъ, болѣе или менѣе разукрашеннаго мундира. Этихъ признаковъ часто вполнѣ достаточно, чтобы въ глазахъ народа создать полный престижъ власти и права. Оба эти понятія въ представленіи народа тождественны, разъ рѣчь идетъ о цивилизованной власти, т. е. о чиновникѣ. Народъ вѣками привыкъ видѣть торжество на сторонѣ силы, и онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о законности или незаконности властныхъ дѣйствій: достаточно если они *властны*, исходятъ отъ лица съ кокардой и въ мундирѣ, изображены на бумагѣ за печатью, именуются предписаніемъ, отношеніемъ, циркуляромъ.

А такъ какъ мундирная власть для народа часто единственный посредникъ между нимъ и цивилизаціей, вообще культурнымъ общественнымъ строемъ, то у народа является еще одно незыблемое основаніе—пріурочить все интеллигентное къ начальственному, и съ этой точки зрѣнія встрѣчать всякое вмѣшательство людей просвѣщенныхъ въ народную жизнь.

Это—капитальнѣйшій фактъ русской національной гражданственности, и г. Короленко превосходно воспользовался имъ, какъ поэтъ и какъ публицистъ.

Онъ не сочиняетъ пространныхъ драматическихъ повѣстей на тему: «съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не тягайся», не изображаетъ

извергов въ лицѣ высшихъ и низшихъ полицейскихъ чиновъ, не живописуетъ мытарствъ мучениковъ за правду. Какъ вездѣ, такъ и здѣсь художественная гармонія и всепримиряющій юморъ въ полномъ блескѣ. Но явленіе жизни само по себѣ до такой степени своеобразно, а искренность и сердечность автора такъ глубоко проникаютъ всякій его художественный штрихъ, что впечатлѣніе наше еще болѣе усиливается отъ сдержанности и миролюбія художника.

Между народомъ и властной цивилизаціей ежедневно происходитъ діалогъ вродѣ слѣдующаго, какой ведетъ «убивецъ» съ засѣдателемъ.

Власть. Ну, дѣло твое у меня. Много ли дашь я—тебя вовсе оправлю?

Народъ. Ничего не дамъ. По закону судите, чему я теперича подверженъ...

Власть (смѣется). Дуракъ ты, я вижу. По закону твое дѣло въ двухъ смыслахъ выходитъ. Законъ на полкѣ лежитъ, а я, между прочимъ—власть. Куда захочу, туда тебя и суну.

Совершенно вѣрно, и этой истины не знаетъ только такой юродивый искатель правды, какимъ является убивецъ. Всѣ другіе превосходно понимаютъ эту науку и безъ толкованій. На этотъ счетъ имѣется также діалогъ между уже добродѣтельнымъ начальствомъ, праведнымъ судьей и народомъ. Дѣло идетъ о поимкѣ преступника, лица значительнаго и сильнаго: «міръ» весь вооруженъ противъ него и, повидимому, добродѣтельному начальнику здѣсь-то и осуществить правду. Но выходитъ нѣчто совершенно несообразное.

Благонамѣренная власть (съ важностью): Что жъ, помогите вы правосудію и правосудіе вамъ поможетъ.

Народъ (задумчиво). Извѣстно... Ну только опять такъ мы, значитъ, промежду себя мекаемъ: ежели молъ, теперича вамъ, ваше благородіе, супротивъ начальниковъ не выстоять будетъ, тутъ мы должны вовсе пропасть и съ ребятами. Потому—ихняя сила...

Добродѣтельный начальникъ выходитъ изъ себя отъ подобнаго торга, но люди, понимающіе дѣло, становятся на сторону народа. По ихъ мнѣнію, иначе народъ и не можетъ разсуждать съ какимъ угодно праведнымъ судьей. Такова ужъ политика и порядокъ вещей! И тѣ же понимающіе люди смѣются даже надъ начальнической добродѣтелью *безъ политики*: такую добродѣтель «бука съѣстъ». И даже автору кажется, что именно въ минуту самого горячаго добродѣтельнаго негодованія герой похожъ на... теленка!

Вотъ къ какимъ результатамъ привела цивилизація! Не только умный но даже и добродѣтельный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ, т. е. по дипломатическому выраженію умнаго практика—не прать впередъ безъ всякой политики.

Вдумайтесь въ этотъ прочно установившійся урокъ русской жизни, и предъ вами раскроется тайна множества тягостныхъ и, повидимому,

безсмысленныхъ и даже преступныхъ явленій народнаго быта и вообще народной психологіи.

XII.

Въ деревню являются люди безъ всякихъ аттрибутовъ власти, являются добровольно съ единственнымъ желаніемъ помочь мужику. Какъ же онъ встрѣчаетъ ихъ?

Ему понятно, если человѣкъ въ мундирѣ принимаетъ разныя тяготы: за это онъ получаетъ жалованье. Но какое дѣло до благосостоянія деревни просто чужому человѣку? Въ *голодный годъ* такихъ добровольцевъ въ иныхъ мѣстахъ непрочь были счесть за антихристовъ и заподозрѣть самыя дикія козни со стороны интиллегентныхъ людей скорѣе, чѣмъ повѣрить въ ихъ безкорыстное служеніе народу.

Въ той же книгѣ о голодномъ годѣ авторъ даетъ даже слишкомъ достаточно объясненій этому факту. Мужикъ привыкъ видѣть, что его самого или его старосту садятъ въ кутузку *за правду*. Такъ онъ и выражается: «скажешь правду, теряешь дружбу». Усвоилъ и другое правило: всякое распоряженіе власти безапелляціонно; жалоба хотя бы даже на самого мелкаго представителя власти—бунтъ, и во всякомъ случаѣ преступленіе. И мужикъ скорѣе предпочтетъ «помирать», чѣмъ оскорбить фактическую неприкосновенность и непогрѣшимость своего начальства. Наконецъ, деревня унаслѣдовала одно лишь представленіе о вмѣшательствѣ «господъ» въ ея жизнь; низшіе господа стараются угодить высшимъ и на мужикѣ строятъ свои благополучія, пріобрѣтаютъ чины и награды. Только съ этой точки зрѣнія мужикъ и интересенъ для «власти»: иначе заботливость о деревнѣ обнаруживалась бы непрерывно,—вѣдь деревня не перестаетъ болѣть заразными болѣзнями и голодать. Это ея обычное положеніе, гдѣ же ея радѣтели и кормильцы? Естественно, если они вдругъ появляются на свѣтъ Божій, значитъ что̀-то неладно: наступили послѣдніе дни...

Вотъ до такой степени для народа невразумительна дѣятельная и цѣлесообразная гуманность цивилизаціи! Только развѣ какъ знаменіе предъ свѣтопредставленіемъ можно допустить ее!

И народъ правъ. Посмотрите, какихъ земскихъ дѣятелей и начальниковъ *съ натуры* рисуетъ авторъ! *Практики* въ интересахъ народнаго благоденствія закрывающіе школы, философы, въ цѣляхъ общественнаго порядка усвоивающіе политику некормленія, психологи, полагающіе народъ благополучнымъ, пока нѣкоторые мужики ѣдятъ чистый хлѣбъ, граждане, способные подписываться подъ оффиціальными донесеніями совершенно противоположнаго смысла... Какъ же иначе если только не чудомъ всѣ эти рѣдкостные продукты русской фауны могутъ стать дѣйствительно просвѣтителями народа, его попечителями и мужественными защитниками! Народъ воображаетъ самое отчаянное чудо—

прямо свѣтопредставленіе. Эта крайность показываетъ, до какой степени неожиданна и *по опыту* невѣроятна для него честная, сердечная заботливость о немъ, идущая изъ цивилизованнаго «Назарета». Но по существу его догадка именно о нѣкоемъ чудѣ—вполнѣ логична. Для него чистая интелигентная рука, приносящая дары,—рука данайцевъ и онъ невольно настораживается и старается оберечь себя отъ нѣкоего подвоха и ловкаго посягательства на его мужицкую *душу*,—такъ какъ мошна безнадежно пуста.

И одинъ ли мужикъ проникнутъ такими средневѣковыми чувствами къ власти и въ его глазахъ неразрывно связанной съ ней «образованности!» Простой курьеръ Арабинъ, совершенно ничтожный—лично и по своему положенію, въ Иркутскѣ, выростаетъ до недостигаемой высоты среди не только якутъ и мужиковъ, но даже станціонныхъ смотрителей и, казалось бы, совсѣмъ неподверженныхъ ему вольныхъ сибиряковъ. Купецъ Копыленковъ весьма неглупый русскій человѣкъ, въ своихъ дѣлахъ боевой и несомнѣнно властный, мгновенно впадаетъ въ робкое состояніе духа только потому, что курьеръ необыкновенно внушительно укротилъ «бунтъ» смотрителя, сваливъ его съ ногъ кулакомъ за напоминаніе о прогонахъ.

И этого оказалось достаточно, чтобы повергнуть въ трепетъ русскаго гражданина, даже хорошо знакомаго съ героемъ, видѣвшаго его — безъ всякаго героическаго блеска, простымъ курьеромъ и гостемъ исправника!... «Такъ смотрятъ только у насъ на Руси»,—говоритъ авторъ о побитомъ смотрителѣ. И чувствуютъ такъ только на Руси,—можно прибавить о сибирскомъ торговомъ человѣкѣ—въ эту минуту представляющемъ своей особой обыкновеннаго россійскаго обывателя.

Что можно представить безотраднѣе этой картины! И самъ авторъ, повидимому, не желаетъ скрывать тѣней, падающихъ даже на самыя трогательныя сцены. Чисто-пластическая художественность не мѣшаетъ ему, въ силу все того-же юмористическаго взгляда на вещи—обнимать *всѣ* стороны поэтическаго и нравственно-увлекательнаго явленія. Наклонность смотрѣть какъ-то особенно *по-русски* — эта своеобразная и печальная черта присуща именно самымъ яркимъ представителямъ русскаго типа.

Мы знаемъ, какъ Тюлинъ струсилъ уреневскихъ богатырей... Читателю хотѣлось бы видѣть нѣсколько больше достоинства и храбрости въ столь почтенной національной личности,—но почвенность, надо думать, нисколько не обезпечиваетъ отъ малодушной растерянности предъ силой, хотя бы «холодной» и несимпатичной. Еще больше поражаетъ читателя мимоходомъ брошенная фраза въ концѣ эпизода *Въ облачный день*: «какая-то темная небольшая фигура противно суетилась около тарантаса». Фраза относится къ ямщику, эпическому повѣствователю, только что произведшему уничтожающее впечатлѣніе своими разсказами, даже своимъ выразительнымъ и сильнымъ голосомъ на

благородную дѣвицу. А тарантасъ — это начальство, исправникъ. И вотъ онъ-то грозный обличитель, презрительно выражавшійся о лукавыхъ «господишкахъ»,—теперь малъ, ничтоженъ и раболѣпенъ...

И не онъ только.

Тотъ же станціонный смотритель, побитый курьеромъ... Нѣсколько часовъ назадъ онъ пересказалъ драму своей жизни. Оказалось,—онъ любилъ страстно и искренно, даже выстрѣлилъ изъ-за любви въ своего начальника. Повидимому,—сильный человѣкъ. Въ дѣйствительности,—вся эта сила—одно сценическое представленіе: выстрѣлъ былъ направленъ сзади: не могъ герой перенести лицезрѣнія начальства! Теперь онъ вспомнилъ обо всемъ томъ, вспомнилъ, что и онъ былъ когда-то человѣкомъ и его даже любила хорошая дѣвушка. Такія воспоминанія приподнимаютъ душу, пробуждаютъ въ ней заглохшее чувство человѣческаго достоинства, вызываютъ въ человѣкѣ совѣсть за свое паденіе и малодушіе...

Такъ произошло и съ нашимъ героемъ. Правда, авторъ спѣшитъ напомнить намъ также о «парахъ» водки, выпитой героемъ,—но все-таки его попытка вести себя независимо съ грубымъ курьеромъ *психологически* возникла изъ воспоминаній о трагическомъ прошломъ. Онъ любилъ и жестоко поплатился за любовь: самое смутное чувство самоуваженія должно подсказать ему извѣстное достоинство въ словахъ и поступкахъ. И оно проявляется это—достоинство, но на нѣсколько мгновеній. Одинъ взмахъ курьерскаго кулака,—и вся отвага, весь *человѣкъ* исчезаетъ безслѣдно, — и несчастный становится еще жалче и, можетъ быть, уже до конца дней своихъ ни разу не дерзнетъ вспомнить о своемъ личномъ бытіи.

А между тѣмъ, все это какіе хорошіе русскіе люди! нѣкоторые даже талантливыя натуры. И всѣ ихъ силы пропадаютъ втунѣ, задыхаются наравнѣ со всей сѣрой народной массой подъ окриками и насиліемъ ими же презираемыхъ «господишекъ» или явно и возмутительно преступнаго начальства. И это безсиліе, самоотреченіе—столь же народная психологическая черта, какъ поэтичность, глубокая житейская мудрость и вообще всякая даровитость. Рядомъ со всѣмъ этимъ нѣтъ чего-то самаго необходимаго, нѣтъ той власти, какая звучитъ въ надменныхъ голосахъ уреневцевъ, нѣтъ той силы, какая удержала бы Копыленкова отъ чисто-любительскаго хамства, нѣтъ мужественной вѣры въ себя, способной заставить Ямщика-поэта взглянуть въ глаза сердитому барину во всемъ сознаніи своей правоты и нравственнаго достоинства. Нѣтъ, — а есть всегда на готовѣ смиреніе именно въ томъ смыслѣ, о какомъ дерзнулъ вести позорную рѣчь литераторъ-рабъ.

И предъ нами неотступно стоитъ все та же дилемма, какая недавно возникала у насъ среди идеально-художественныхъ картинъ и образовъ нашего автора. Природа—міръ не только цѣлесообразный,

но и осердеченный. Все, на что простирается ея вдохновляющая сила,—исполнено поэзіи, духовной красоты и художественной гармоніи. Таковъ именно народъ. Онъ, разумѣется, не чуждъ отрицательныхъ свойствъ, умъ часто обнаруживаетъ ограниченность, черты быта—не всегда могутъ восхитить эстетика и моралиста. Но вѣдь и цивилизація нерѣдко блещетъ самой неподдѣльной глупостью, и еще вопросъ, гдѣ больше жестокости—утонченной, разсчитанной,—въ Лозищахъ, или въ Нью-Іоркѣ.

Да, народъ—прекраснѣйшее воплощеніе естественной красоты и силы,—и какъ бы было на свѣтѣ тепло и свѣтло, если бы только эта красота и сила царствовала невозбранно и безраздѣльно!

Этого нѣтъ и на это нельзя разсчитывать. Раса Матвѣевъ и Тюлиныхъ осуждена на вымираніе или перерожденіе. Патріархальный, хоровой порядокъ жизни и эпическій строй психологіи безсильны отвоевать свои права на существованіе предъ безчисленными и повелительными усложненіями цивилизаціи. Всякое соприкосновеніе съ ней людей «съ дѣтскими сердцами» обнаруживаетъ страдальческую растерянность самыхъ симпатичныхъ нравственныхъ народныхъ силъ,—и даже самъ народъ давно дошелъ до пониманія, что ему необходима политика, что съ однѣми непосредственными добродѣтелями его «бука съѣстъ».

И народъ усиливается приспособиться къ новымъ условіямъ жизненной борьбы, прибѣгаетъ къ разнымъ военнымъ хитростямъ, или вступаетъ со врагомъ—въ открытую битву. Цѣльность внѣшней жизни и нравственнаго міра разрушены безвозвратно. Какъ всякая борьба, такъ и столкновеніе народа съ культурой, вызываетъ на сцену *личность*, разлагаетъ массу, міръ на единицы, обладающія политикой или силой и массу—безпрекословно смиренную и пассивную.

При господствѣ хорового начала жизни, личности изъ народа являются точными представителями все той-же народной коллективной души. Они только ярче и настойчивѣе выражаютъ общую духовную физіономію, подробнѣе развиваютъ массовое міросозерцаніе и мужественнѣе осуществляютъ его въ дѣйствительности. Это въ полномъ смыслѣ—эпическіе герои, т. е. личности не индивидуальныя, а собирательныя, племенныя, расовыя,—и чѣмъ глубже ихъ психологія и энергичнѣе ихъ дѣятельность—тѣмъ они болѣе благодарный показатель основныхъ нравственныхъ чертъ своей среды.

Совершенно другаго склада появляются личности подъ вліяніемъ цивилизаціи. Въ патріархальномъ быту личность — результатъ *синтеза*, воплощеніе вѣками накопленныхъ народныхъ вѣрованій, это міръ цѣльный, положительный и потому часто — неотразимо вдохновенный. При разложеніи вѣкового уклада жизни — личность—созданіе *анализа*, критики, сомнѣній, непримиренныхъ противорѣчій стараго съ новымъ, и потому часто нестерпимо-мучительной душевной борьбы и холоднаго

отчаяннаго отрицанія. Во время естественной цѣльности народныхъ воззрѣній и чувствъ личность — пророкъ, если угодно святой и юродивый, во время колебаній народныхъ устоевъ—личность—мыслитель, лишенный твердой неопровержимой опоры, т. е. общепризнанной вѣры весьма часто — теоретически, нигилистъ въ самомъ крайнемъ смыслѣ слова, и практически, преступникъ.

И вотъ появленіе именно такой личности неизбѣжно при первомъ столкновеніи народной жизни съ культурой, особенно культурой внѣшней, первобытной, лишенной нравственнаго содержанія и одухотворяющаго начала. А именно съ такой культурой народу и приходится сталкиваться чаще всего. Посредниками между народомъ и благороднѣйшими формами цивилизаціи—являются прежде всего удачливые борцы за существованіе изъ его же среды, усвоившіе искусство владѣть только военными средствами цивилизаціи, своего рода дикари, научившіеся стрѣлять и во всемъ другомъ оставшіеся дикарями. Разрушительная и эксплуататорская *политика* и *техника* являются первыми піонерами цивилизаціи въ народѣ — и естественно вызываютъ настоящія нравственныя, а часто и практическія катастрофы въ средѣ, подлежащей завоеванію и порабощенію.

Произведенія нашего автора полны отраженіями той борьбы. Художественный изобразитель синтетическихъ явленій народной жизни, г. Короленко—не менѣе чуткій психологъ ея аналитическаго періода. Это свидѣтельствуетъ о разносторонности и глубинѣ авторскихъ наблюденій. Въ нѣсколькихъ весьма непространныхъ очеркахъ, онъ сумѣлъ исчерпать основные факты народной психологіи съ полнотой и художественностью, недосягаемыми для другихъ гораздо болѣе плодовитыхъ народническихъ беллетристовъ.

Да, *факты* у г-на Короленко значительны и многообразны, *исторія*, слѣдовательно,—исчерпывающая предметъ съ ея героями и событіями. Но всякая исторія пишется не ради этихъ героевъ и событій не ради жанровъ и пейзажей,—а ради своего философскаго смысла, въ высшей степени разносторонняго, нравственнаго и гражданскаго. Исторія безъ вытекающей изъ нея идеи, разсказъ о происшествіяхъ безъ одухотворяющаго его практическаго принципа, не можетъ быть исторіей ни о нашемъ времени ни для нашего времени.

Это не значитъ, будто историкъ непремѣнно долженъ навязывать излюбленный смыслъ своему повѣствованію и втискивать жизнь въ ярмо теоріи. Ничего подобнаго. Напротивъ,—онъ долженъ, во чтобы то ни стало, на сколько хватитъ его умственныхъ силъ и опыта, проникнуть въ *жизненный* смыслъ описываемыхъ явленій. Этотъ смыслъ и будетъ его идеей, логическій выводъ—принципомъ, а осуществленіе принципа—политикой.

Жизнь неустанно растетъ и развивается затѣмъ чтобы и людямъ внушить законъ роста и развитія, т. е. сознательной и, слѣдова-

тельно, мужественной дѣятельности *въ пользу* наиболѣе жизненныхъ и совершенныхъ цѣлей. Въ самой сущности жизни заключается принципъ дѣятельности, т. е. въ самихъ процессахъ, прошлаго или настоящаго таится основа для человѣческихъ *убѣжденій* и *вѣры*. Открыть ихъ— значитъ опредѣлить *положительныя* силы въ этихъ процессахъ и во всеоружіи ума и воли встать на ихъ сторону. Предъ нами, очевидно, вопросъ не въ тенденціи, не въ партіи, не въ направленіи, а въ болѣе или менѣе широкой освѣдомленности, въ глубинѣ пониманія, и въ добросовѣстности—заключеній. Всѣ эти способности, разумѣется, относительны и принципы дѣятельности *не могутъ* быть общеобязательными догматами, — но они *должны* быть таковыми для самого историка.

Въ нашемъ случаѣ этотъ вопросъ принимаетъ такую форму: можно ли художественную исторію въ произведеніяхъ г. Короленка свести къ какимъ-либо опредѣленнымъ принципамъ и имѣлъ ли самъ авторъ право усвоить себѣ тотъ или другой *догматъ* по важнѣйшимъ вопросомъ русской жизни?

XIII.

Авторъ съ обычной ясностью и искренностью рисуетъ источники разложенія народнаго эпическаго міросозерцанія. Объясненія въ высшей степени кратки, почти всегда представляются въ формѣ намековъ, но цѣль все-таки достигается художественной полнотой личныхъ характеристикъ.

Прежде всего въ народной средѣ, какъ и вообще вездѣ, подъ наплывомъ новыхъ идей и формъ жизни, рѣзко опредѣляются два направленія: реакціонное и революціонное. То и другое, по отношенію къ *настоящему*, одинаково революціонны, и реакція, что тоже является общимъ правиломъ,—революціоннѣе самой передовой революціи.

Она—общеизвѣстна; это—староверіе и старообрядчество. Явленіе по существу трагическое, похожее на то, какъ если бы жителя земли мгновенно перенесли въ атмосферу совершенно другого состава и плотности. Онъ немедленно смертной тоской затосковалъ бы о своей жалкой преисполненной бѣдствіями планетѣ, и она показалась бы ему неописанно прекрасной сравнительно съ самымъ яснымъ и глубокимъ небомъ, подъ которымъ у него нѣтъ силъ дышать и жить.

И старообрядцы также тоскуютъ о своемъ утраченномъ Іерусалимѣ, о старой темной и жестокой московской Руси. Но она для нихъ «взыскуемый» — идеальный градъ и они, будто древніе іудеи, плачутъ на его развалинахъ, тщетно взывая къ призракамъ невозвратно минувшаго и стараясь жаромъ своего обездоленнаго сердца вдохнуть жизнь въ трупы и развалины.

И посмотрите, сколько воли, иногда какой-то страдальчески—надор-

ванной порывистой энергіи въ этихъ поискахъ! Искатели града — неукротимые идеологи, ихъ все прибѣжище—книги въ старыхъ переплетахъ да еще иконы древняго письма, и они эти предметы давно уже возвели въ культъ, поставили едва ли не выше всякаго религіознаго чувства и, пожалуй, самого Божества. Они трепетно хватаются за буквы, знаки и слова, потому что безжалостная жизнь развѣяла прахомъ все *духовное* и *идейное*, когда-то одушевлявшее далекихъ предковъ этихъ реакціонеровъ. И въ ихъ взыскуемомъ градѣ нѣтъ ни духа, ни истины: есть только *благолѣпіе*. Но на поиски этого града идутъ часто великія нравственныя силы народа, лишеннаго свѣта и властнаго нравственно-руководителя по пути къ просвѣщенію.

Для такихъ искателей задача рѣшается легко. Книга въ кожаномъ переплетѣ дастъ отвѣтъ на всѣ вопросы совѣсти и вѣры,—и фанатизмъ вѣры тѣмъ безпощаднѣе и мрачнѣе, чѣмъ опредѣленнѣе и доступнѣе эти отвѣты. А что́ же можетъ быть опредѣленнѣе—церковныхъ формъ, религіозныхъ обрядовъ, вообще *чина* и *обычая*! Сложно и трудно постижимо только внутреннее содержаніе вѣры...

И поэтому такъ самоувѣренны «уреневскіе богатыри», такъ убѣжденны и непоколебимы въ убѣжденіяхъ начетчики старообрядства Ихъ вѣра давно сложилась въ *формулу*, окристаллизовалась и вѣрующему остается только усвоить всѣ знаки и цифры этой формулы и твердо хранить въ памяти.

Совершенно другое положеніе революціонеровъ, искателей примирительнаго принципа, не способныхъ закоченѣть на преданіи и покориться безропотно цивилизаціи въ лицѣ своего ближайшаго начальства и повседневныхъ благодѣтелей. Эти люди стоятъ на распутьи, со всѣхъ сторонъ окружены противорѣчіями и неразрѣшимыми загадками. Старое, взыскуемый градъ, отжило свой вѣкъ и постепенно заносится прахомъ и плѣсенью, новое на каждомъ шагу оскорбляетъ совѣсть и даже здравый смыслъ. Гдѣ же правда? Гдѣ истинный путь, на которомъ мирно сходится стремленіе жизни обновляться и жажда человѣческой совѣсти, во всякомъ обновленіи видѣть торжество добра и справедливости?

Это—въ полномъ смыслѣ гамлетовскій вопросъ, и онъ всей тяжестью падаетъ на души людей, со особенной страстью жаждущихъ какого-либо единаго вдохновляющаго нравственнаго принципа, разрѣшается безъисходными сомнѣніями и они переходятъ часто въ холодное отрицаніе всякой вѣры и всякаго принципа, въ безпріютное духовное бродяжество.

Одинъ изъ такихъ бродягъ находитъ въ книгѣ слова: «Нашъ вѣкъ страстно ищетъ вѣры», и немедленно заявляетъ: «это вѣрно». Онъ самъ изъ такихъ искателей, бродяга по ремеслу и вѣчно чего-то жаждущій, о чемъ-то тоскующій по своей натурѣ. Эта жажда родилась вмѣстѣ съ нимъ. Жизнь не дала на нее никакого отвѣта, помимо на-

чальственныхъ вразумленій и она такъ и осталась неутоленной. По временамъ чувство неудовлетворенности просыпается въ страстномъ жгучемъ порывѣ, будто застарѣлая, на время замолкшая боль, но именно въ покоѣ и молчаніи накопляющая свою силу... Тогда обыкновенно мирный и любвеобильный Пановъ становится страшнымъ. Его превращаетъ въ звѣря одинъ видъ людей, облагодѣтельствованныхъ внѣшнимъ и нравственнымъ пристанищемъ, и онъ готовъ вымѣстить на нихъ неотвязную тоску своего безцѣльнаго и ничѣмъ не искупленнаго одиночества.

Пановъ—фигура сравнительно блѣдная, отчасти реторическая, она даетъ только смутное представленіе о томъ, какъ умѣетъ авторъ рисовать мучениковъ взыскуемаго града. Исторія Панова заурядна, даже банальна, какъ біографія невольнаго вора. Преступленіе на экономической почвѣ, фактъ, разумѣется, неопровержимый, но психологически онъ безсодержателенъ. И нравственный интересъ личности Панова понижается равно на столько, на сколько его положеніе арестанта является вынужденнымъ благодаря стеченію внѣшнихъ обстоятельствъ.

Иначе очерченъ *убивецъ*. Это—одна изъ фигуръ, составляющихъ въ русской литературѣ непреодолимый камень преткновенія для западной критики и психологіи. Трудно представить, сколько пошлостей написано парижскими Леметрами о Катеринѣ Островскаго, Сонѣ Достоевскаго, даже о Раскольниковѣ! Чисто-народный, органическій гамлетизмъ не понятенъ западному человѣку, всегда имѣющему подъ рукой свободное рѣшеніе вопросовъ, угнетающихъ русскаго искателя правды. Другое дѣло, гамлетизмъ на почвѣ міровыхъ проблеммъ! Онъ понятенъ, хотя въ настоящее время для достаточно просвѣщеннаго мыслителя сталъ уже забавнымъ.

Но что же можно сказать о субъектѣ, въ родѣ *убивца*!

Біографія его очень проста, въ ней каждая черта въ высшей степени краснорѣчива. Убивецъ расказываетъ:

«Крѣпко меня люди обидѣли,—начальники. А тутъ и Богъ, вдобавокъ, убилъ; жена молодая да сынишко въ одинъ день померли. Родителей не было, остался одинъ-одинёшенокъ на свѣтѣ: ни у меня родныхъ, ни у меня друга. Попъ и тотъ послѣднее имѣніе за похороны прибралъ».

И все. Кажется, такъ буднично, стóитъ ли изъ-за этого создавать цѣлую философію безпріютной мытарствующей души! Но именно въ будничности и заключается весь ужасъ драмы. Начальники и попы, ближайшіе хранители порядка и вѣры въ народной жизни, и они-то оскорбили совѣсть одинокаго мужика, они явно доказали, что среди нихъ не можетъ быть настоящей вѣры, слѣдовательно, ихъ вѣра, т. е. «старая», вѣра потерянная,—и разсказчикъ «попятился» въ ней, и началъ искать новой.

Конечно, *такихъ* искателей народная жизнь производитъ не каждый день, но во всякомъ случаѣ вполнѣ достаточно, чтобы «убивца» считать типомъ. Въ немъ типично прежде всего *невольное* вынужденное шатанье. Онъ, не будь ужъ очень внушительныхъ уроковъ жизни, такъ и прожилъ бы до смерти въ старой вѣрѣ. Онъ самъ по себѣ не шелъ на неё ни съ критикой, ни съ анализомъ, напротивъ, навѣрное, онъ любовнѣе и искреннѣе другихъ относился къ ней. Онъ только желалъ, чтобы она не противорѣчила его нравственному чувству,—отнюдь не разуму. Разуму онъ и пошатнувшись въ вѣрѣ «не вовсе довѣряетъ» и готовъ всей душой воспринять чужой авторитетъ, лишь бы только онъ не противорѣчилъ его совѣсти.

Легко понять, какой смыслъ имѣетъ шатаніе именно такого скептика! Будь онъ вооруженъ силой отвлеченнаго или научнаго ума, противъ его отрицаній возможны были бы безконечные споры, и діалектикѣ пришлось бы рѣшать, на чьей сторонѣ правда, другими словами привести къ весьма спорнымъ и двусмысленнымъ выводамъ. Но что же можно возразить противъ непосредственнаго протеста самой скромной и смиренной совѣсти? До какой степени должны быть невыносимы нравственныя противорѣчія дѣйствительности, чтобы создать отрицателя на почвѣ одного лишь благороднаго инстинкта, вызвать негодованіе сердца независимо отъ умственнаго развитія и чисто-критическихъ наклонностей?

Но именно такимъ путемъ и возникаютъ самые глубокіе *народные* протесты. Такъ, напримѣръ, Лютеръ дошелъ до отрицанія старой вѣры и увлекъ за собой массу. Такъ вообще протестовали всѣ религіозные нравственные преобразователи и производили неотразимое дѣйствіе не на критическіе и ученые умы, а на чистыя и честныя сердца.

И протестъ одного «убивца» по своему общественному смыслу выше и для «старой» вѣры опаснѣе, чѣмъ самая основательная книжная критика. Въ этомъ протестѣ—съ самого начала и по самому его существу—захвачена вся *натура* человѣка, заранѣе устранена всякая возможность недостойныхъ компромиссовъ и отступленій въ пользу покинутой вѣры,—и великая жизненность народа доказывается съ неопровержимой силой именно появленіемъ въ его средѣ подобныхъ искателей правды,—доказывается гораздо внушительнѣе, чѣмъ какими угодно научными подвигами и художественными успѣхами.

И какъ народенъ и націоналенъ этотъ «убивецъ». Недаромъ авторъ такой знатокъ—умомъ и сердцемъ—русскаго народа. Онъ не упустилъ ни одной характернѣйшей черты русскаго протестанта Какой столь рѣшительный революціонеръ, т. е. человѣкъ, порвавшій со старой вѣрой,—сталъ бы сѣтовать на гордость своего ума! Да вѣдь совѣсть столкнула его съ общаго торнаго пути и въ поискахъ правды онъ менѣе всего давалъ воли именно уму, критическому анализу людей и фак-

товъ! Иначе не поддался бы онъ власти чудовищнаго преступника, выторговывающаго у Бога свое будущее покаяніе непрерывными злодѣйствами.

Но убивецъ, ставшій имъ невольно, готовъ изобличить себя съ гордости: «отъ міру отбился, людей не слушался, все своимъ совѣтомъ поступалъ»...

Какой же надо питать прирожденный страхъ своей личности, чтобы послѣ исторіи съ Безрукимъ—укорять себя въ излишней самостоятельности. Казалось-бы,—выводъ слѣдовало сдѣлать какъ разъ обратный. Самъ же убивецъ говоритъ о власти надъ нимъ старика: «Совсѣмъ онъ завладѣлъ мною!» На что же больше смиренія, способности вѣровать не только въ вѣру, но вò всякаго, кто *похожъ* на проповѣдника вѣры.

И все таки убивецъ негодуетъ на свой разумъ,—и здѣсь онъ болѣе націоналенъ, чѣмъ во всемъ остальномъ.

Г. Короленко, желая объяснить психологическую и общественную причину русскаго самозванства, употребляетъ очень мѣткое выраженіе: «стыдъ собственнаго существованія». Да, русскому человѣку, свойственъ такой стыдъ. И какъ не стыдиться *существованія*, разъ нѣтъ *личности!* Вѣдь у насъ имѣется казенный терминъ: «удостовѣреніе личности»,—это значитъ признаніе человѣка—существующимъ, имѣющимъ законное право существовать. А если нѣтъ личности,—само собой отпадаетъ и право на существованіе. Какъ ни странны эти соображенія, а между тѣмъ—они вполнѣ точно соотвѣтствуютъ многимъ реальнымъ условіямъ русскòй жизни.

Бываютъ случаи, когда мужикъ перестаетъ считать себя *жителемъ*. Г. Короленко въ голодный годъ открылъ не одну деревню такихъ *не-жителей*, т. е. мужиковъ оплошавшихъ до утраты даже мужицкаго хозяйскаго достоинства,—до впаденія въ нищенство. Для мужика это также потеря личности и начало стыда за собственное существованіе. Нежители именно съ такимъ чувствомъ и относятся къ своей жизни и къ самимъ себѣ.

Но это *не-жители* въ экономическомъ смыслѣ, гораздо больше на Руси не-жителей—нравственно, обезличенныхъ не какъ хозяйственныя единицы, а какъ члены общества и государства. И вотъ у насъ то особенно мучителенъ и глубокъ стыдъ уже не существованія, а личности, своей независимой духовной индивидуальности. И этотъ стыдъ—въ народѣ—черта историческая, наслѣдственная, она часто уживается рядомъ съ великой талантливостью и великимъ благородствомъ натуры,—сохраняется она и у искателей правды, даже рѣшившихъ отвергнуться стадной вѣры.

Этотъ стыдъ—не только чувство или настроеніе,—онъ жизненная стихія громаднаго значенія. Онъ парализируетъ и даже совсѣмъ убиваетъ энергію человѣка, вѣру въ себя, необходимую для осуществле-

нія идей въ дѣйствительности, онъ мѣшаетъ развитію принципіально-убѣжденныхъ и практически-мужественныхъ дѣятелей.

Доказательство—тотъ же герой нашего автора.

XIV.

Какія результаты получились изъ поисковъ убивца? Нашелъ ли онъ правду, удовлетворяющую его совѣсть. Нѣтъ, если не считать такой правдой—его раскаянія въ своей временной нравственной свободѣ. Отразились ли его поиски положительно и благотворно на окружающей жизни? Нѣтъ, если не придавать общаго значенія—подвигу убивца съ Безрукимъ, т. е. спасеніе матери и дѣтей отъ насильственной смерти. Этотъ подвигъ производитъ гипнотическое дѣйствіе на разбойниковъ, личность убивца получаетъ сказочный ореолъ,—умѣетъ ли убивецъ воспользоваться своимъ исключительнымъ и вполнѣ заслуженнымъ положеніемъ? Нѣтъ,—потому что самъ гибнетъ отъ разбойничьей руки—гибнетъ героически но неразумно, потому что самъ себя лишаетъ средствъ къ защитѣ.

Можетъ быть одно изъ нихъ—убійство или, по крайней мѣрѣ, нанесеніе увѣчья разбойнику. Убивецъ воздерживается отъ подобной самозащиты и гибнетъ подъ ножомъ уже побѣжденнаго врага. Поступокъ этотъ можно представить въ чрезвычайно умилительной формѣ: человѣкъ скорѣе рискнулъ собственной жизнью, чѣмъ рѣшился поднять руку на человѣка. Но вѣдь мы уже слышали отъ автора наименованіе *теленка* по адресу безразсудно-добродушнаго начальства. Не уподобляется ли убивецъ *барану*, попадающему подъ ножъ?

И сообразите—послѣдствія его добродѣтели. Прежде всего онъ, умирая, лишаетъ множество людей своей защиты, наводившей трепетъ на мѣстныхъ разбойниковъ. И по смыслу всѣхъ «очерковъ сибирскаго туриста» надо полагать, что злодѣи широко воспользуются вольнымъ воздухомъ и блистательно отпразднуютъ поминки по страшномъ убивцѣ. Это одно. Потомъ,—его смиренная смерть не произвела прочнаго просвѣтляющаго впечатлѣнія даже на его убійцу,—а жизнь такъ и прошла тяжелымъ мимолетнымъ сномъ для рыцарей большой дороги, вызвала только у наиболѣе отважныхъ—своего рода спортъ, можно ли «желѣзомъ взять»—его, убившаго даже Безрукаго?

И безплодно погибла столь чуткая, столь возвышенная совѣсть убивца! И не только его. Возьмите человѣка съ такой психологіей изъ другой общественной среды, гдѣ борьба за правду ведется не ножами и пистолетами, но гдѣ она не менѣе ожесточенна и въ гражданскомъ отношеніи еще болѣе отвѣтственна... Результаты получатся тѣже. Представители совѣсти своимъ умомъ и своей волей воспользуются съ особенной энергіей именно противъ *своего* ума и *своей* воли

и пустятъ въ ходъ рефлексію какъ разъ тамъ, гдѣ станетъ вопросъ ребромъ—о торжествѣ права надъ силой и правды надъ ложью.

Убивецъ—самый благородный и яркій образъ искателя правды,—но онъ не единственный онъ—натура созерцательная, глубокая, въ сильной степени художественная—изъ тѣхъ людей, какіе подъ вліяніемъ высшей культуры становятся творцами новаго логически-стройнаго и вдохновенно-прекраснаго міросозерцанія. Другаго типа—камышинскій мѣщанинъ.

Онъ является будто случайный незнакомецъ, авторъ не останавливается на этой фигурѣ,—что безусловно жаль. Если въ народной средѣ живутъ стремленія къ духовному созиданію на непреложныхъ основахъ совѣсти,—тамъ же возникаютъ и совершенно противоположныя теченія,—пожалуй даже болѣе любопытныя, чѣмъ *вѣрующія* исканія вѣры.

Стремленіе къ вѣрѣ—одно изъ основныхъ свойствъ человѣческой природы, желаніе *утверждать* что-либо—необходимое условіе человѣскаго счастья и нравственнаго свѣта и мира. И человѣкъ одну вѣру отрицаетъ непремѣнно во имя другой,—и только въ исключительныхъ случаяхъ во имя *ничего*.

Паскаль не могъ себѣ представить чистаго отрицателя, одареннаго разумомъ и чувствомъ. Это своего рода нравственное чудовище—противоестественное и презрѣнное... И противоестественность, повидимому, вполнѣ доказывается непрерывными усиліями человѣчества—думать убѣжденно и жить принципіально.

И вотъ изъ темной массы русскаго народа является «подвижникъ чистаго отрицанія», безстрашно и страстно исповѣдующій *ничто* и взирающій на всѣхъ другихъ какъ существо высшаго порядка. Онъ даже страдаетъ за своё *ничто*,—совершенно какъ мученикъ, попадаетъ подъ судъ, въ тюрьму, въ ссылку. Вѣдь такъ можно поступать только во имя убѣжденія и вѣры. Камышинскій мѣщанинъ открыто говоритъ всѣмъ начальствамъ, что нѣтъ *ничего*.—Но вѣдь уже въ этомъ *открытомъ* провозглашеніи, караемомъ жестоко, безпощадно,—есть *нѣчто*,—и вполнѣ положительное, есть какая то сила, превозмогшая страхъ, физическія лишенія, поставившая человѣка выше начальственной грозы и всякихъ другихъ внѣшнихъ воздѣйствій на его убѣжденіе.

Какъ оно могло возникнуть и до такой степени закалить всего человѣка! Онъ не убійца и не идіотъ,—совершенно напротивъ; начальству онъ задаетъ по существу тотъ же самый вопросъ, какой только въ болѣе литературной и философской формѣ—искони вѣковъ ставятъ всѣ матерьялисты: «Гдѣ онъ, какой Богъ?.. Ты что ли Его видѣлъ»?..

Вѣдь это тоже самое, что отвѣтъ знаменитаго астронома вѣрующему другу: «Я тщательно изслѣдовалъ все звѣздное небо и нигдѣ не нашелъ ни малѣйшихъ признаковъ пребыванія Бога».

Но въ устахъ ученаго эта фраза не удивитъ насъ: мы сейчасъ

сообразимъ насчетъ философскаго направленія и все прочее, что касается пирронизма, нигилизма, матерьялизма, сенсуализма.

Но камышинскій мѣщанинъ не имѣетъ понятія ни объ одномъ изъ этихъ измовъ, и между тѣмъ онъ матерьялистъ, столь убѣжденный, послѣдовательный и вѣрующій, что предъ нимъ могли бы преклониться всѣ древніе и новые враги идеализма. Очевидно и онъ прошелъ нѣкоторую науку—только практическую и она испепелила въ немъ не только *старую* вѣру, но и всякую вообще.

И для этого не требовалось быть непремѣнно чудовищемъ, какъ это кажется критикѣ урядническаго направленія,—надо было не обладать только безграничной гуманностью и совѣстливостью убивца. «Начальники обидѣли», говоритъ убивецъ и продолжаютъ обижать, какъ видно изъ его разсказа: онъ дѣлаетъ заключеніе, что виноваты только вотъ эти данные люди, а на свѣтѣ есть и правда и законъ. Попъ обездолилъ,—убивецъ опять разсуждаетъ: попъ плохъ,—но ни религія, ни Христово ученіе здѣсь ни причемъ,—найдутся люди, которые непремѣнно оправдаютъ свою принадлежность къ христіанской церкви. И убивецъ—не рѣшается дѣлать рѣшительныхъ обобщеній, потому что онъ вообще не очень полагается на свой умъ.

Другіе выводы но изъ такихъ же фактовъ дѣлаетъ камышинскій мѣщанинъ. Отъ природы онъ болѣе самоувѣренъ, менѣе глубокъ, несравненно болѣе самолюбивъ,—и что убивца повергаетъ въ мучительное раздумье, проводитъ по его лбу страдальческую складку,—то поднимаетъ страсть у мѣщанина, вызываетъ бурю оскорбленнаго самолюбія и вдохновляетъ его на уничтожающія обобщенія. Представьте,—что опытовъ житейскихъ у мѣщанина было сколько угодно для оцѣнки человѣческой правды и вообще всего земнаго порядка,—и отрицаніе постепенно слилось съ его умомъ и чувствомъ.

Вотъ, напримѣръ,—другой совсѣмъ готовый отрицатель. Онъ гораздо ниже мѣщанина по своему отношенію къ своему отрицанію,—но сущность въ обоихъ случаяхъ одна. Этотъ отрицатель-убійца, но не совсѣмъ закоренѣлый. Ему даже будто жаль своей жертвы, и проблескъ этого чувства вдохновляетъ автора спросить у преступника,—боится ли ли онъ Бога?

Отвѣтъ слѣдуетъ такой:

— Бога то? усмѣхнулся бродяга и тряхнулъ головой.—Давненько что-то я съ нимъ, съ Богомъ то, не считался... А надо бы! Можетъ, еще за нимъ сколько нибудь моего замоленаго осталось.

И у этого бродяги есть также вѣра: «такая ужъ моя линія»,—т. е. быть убійцей и каторжникомъ. И потому, что «мы съ измалѣтства на тюремномъ положеніи».

А на этомъ положеніи, оказывается, трудно сохранить вѣру въ Бога, если только не считать его виновникомъ зла.

Такъ просто зарождается нигилизмъ у «малыхъ» и неученыхъ. И онъ

несомнѣнно—плодъ неудовлетвореннаго чувства правды, на какомъ бы уровнѣ ни стояло это чувство. Бродяга Пановъ, понимающій современное исканіе вѣры, говоритъ о себѣ: «человѣка я хорошаго настоящаго не видалъ и слова хорошаго не слыхивалъ». И онъ не сталъ отрицателемъ только потому, что природа снабдила его отходчивымъ и даже нѣжнымъ сердцемъ, способнымъ любить чужихъ дѣтей будто своихъ. Только это и помѣшало ему уподобиться камышинскому мѣщанину,—а жизнь все сдѣлала, чтобы и изъ него выработать нигилиста,—изъ него, повиннаго только въ томъ, что онъ сынъ бродяги.

Между этими двумя предѣлами томительной жажды новой вѣры и отрицаніемъ самой основы вѣры—мыслятъ и страдаютъ *личности* изъ народа. Сравнительно съ ними счастливы тѣ, кто обрѣлъ вѣру въ невозвратной station старинѣ, кто живетъ съ ней до самой могилы. Для «убивца» такая вѣра слишкомъ мелка, для камышинскаго мѣщанина прямо презрѣнна,—но среди своихъ послѣдователей она также создаетъ подвижниковъ. И предъ нами одинъ изъ нихъ—искренній представитель изувѣрства, жаждущій подвига до самозабвенія.

Яшка—психологически личность гораздо менѣе сложная, чѣмъ убивецъ, но какъ общественное явленіе, онъ одинъ изъ поучительныхъ фактовъ.

Собственно поучительность не въ томъ, что̀ особенно занимаетъ автора, не въ подвижничествѣ Яшки: оно вполнѣ безсмысленно и вызываетъ только чувство состраданія къ больному мученику. И напрасно авторъ пускается въ общую оцѣнку Яшкиной отваги: она во всѣхъ отношеніяхъ для насъ безразлична, и по своему идейному смыслу, и по своему временному значенію для среды Яшки. Подвижничество само по себѣ вовсе не добродѣтель, таковой оно становится только отъ степени своей осмысленности, по своимъ побудительнымъ причинамъ и цѣлямъ. Индусы, кидающіеся подъ колесницу Джагернаута, также подвижники,—но въ интересахъ человѣческаго разума и достоинства было бы желательно совершенное упраздненіе этого подвижничества.

Яшка изъ той же породы невропатическихъ фанатиковъ, съ больной душой и непроглядно темнымъ разсудкомъ. Рѣчи его едва ли вразумительны даже для него самаго, идеалы—бредъ помѣшаннаго, однимъ словомъ это скорѣе буйный больной, чѣмъ протестантъ.

Но въ Яшкѣ есть одна черта достойная вниманія. Онъ помѣшался на непостижимыхъ для него противорѣчіяхъ новаго времени съ тѣми истинами, какія онъ вычиталъ въ *Сборникѣ*. Въ результатѣ изувѣрство XVII-го вѣка съ примѣсью новѣйшаго нервнаго разстройства. Но непостижимость явленій фактъ несомнѣнный не только для юродиваго Яшки. Варварская московская Русь во всей своей неприкосновенности пережила всевозможныя реформы, и быстрыя и постепенныя, пережила даже въ центрахъ русской гражданственности, и особенно «въ глухихъ мѣстахъ». Вплоть до конца XIX-го вѣка она

донесла только два идейныхъ образа: протопопа Аввакума и врага протопопа, т. е. всего рода христіанскаго—антихриста. Къ этимъ идеальнымъ понятіямъ она и прикидываетъ все, что̀ совершается на ея глазахъ. Яшка, разумѣется, желаетъ быть одесную съ Аввакумомъ и онъ протестуетъ, «стучитъ» въ своемъ узилищѣ, сообщая любопытному и добродушному сосѣду полу-безумный, полу-страдальческій вопль темной души, смущенной и подавленной ясными предвѣстіями антихристова пришествія.

Таково воздѣйствіе на наиболѣе нервныхъ и слабыхъ разсудкомъ непонятной цивилизаціи. Она низводитъ несчастныхъ почти до полной потери человѣческаго пониманія и превращаетъ въ паціентовъ сумасшедшаго дома. Авторъ незаслуженно высоко представляетъ себѣ значеніе Яшкинаго «стучу вотъ», изображаетъ полупомѣшаннаго раскольника подвижникомъ идеи. Слишкомъ дешево употребляется здѣсь слово *идея*! Именно полное отсутствіе не только идей, а просто мыслей лежитъ въ основѣ подвиговъ Яшки. И самъ же авторъ въ другихъ случаяхъ очень строго относится къ идеалистамъ Яшкинаго типа и произноситъ смертный приговоръ ихъ идеализму.

Онъ у раскольничьяго озера наслушался даже болѣе осмысленныхъ рѣчей, чѣмъ Яшкины вопли,—и вотъ съ какимъ чувствомъ возвращался онъ съ береговъ святого озера:

«Тяжелыя, нерадостныя впечатлѣнія уносилъ я отъ невидимаго, но страстно взыскуемаго народомъ града... Точно въ душномъ склепѣ, при тускломъ свѣтѣ угасающей лампадки провелъ я всю эту безсонную ночь, прислушиваясь, какъ гдѣ-то за стѣной кто то читаетъ мѣрнымъ голосомъ заупокойныя молитвы надъ заснувшей навѣки народною мыслью».

Въ другой разъ авторъ выражается не менѣе опредѣленно и опять не въ прославленіе Яшекъ. Онъ говоритъ о *странныхъ спорахъ* и о *странныхъ формахъ* мысли: онъ видѣлъ много живого наивнаго чувства, и *ни одной живой мысли*... А у Яшки мы не видимъ даже и живого чувства: все оно ушло у него въ мрачныя ясновидѣнія и апокалипсическія аллегоріи.

Очевидно, не здѣсь, будущее русскаго народа. Правда, изъ всѣхъ протестантовъ Яшка самый энергичный и дѣятельный, можетъ быть это единственный идеалистъ съ практическими талантами, по крайней мѣрѣ, досаждать начальству. Но все, совершающееся не во имя жизненной и свободной идеи, обречено безслѣдной и безплодной смерти. И Яшку переводятъ изъ тюрьмы въ сумасшедшій домъ, оставляя единственный отголосокъ его смутнаго подвижничества: смѣхотворный подражательный возгласъ сумасшедшаго остяка.

И опять самъ же авторъ произноситъ правдивый судъ надъ участью Яшки, и его соратниковъ.

Ему пришлось посѣтить раскольничій скитъ и увидѣть запустѣніе

на мѣстѣ древляго благочестія. И авторъ читаетъ такую «отходную»:

«Дай Богъ тебѣ, старая Русь, во блаженномъ успеніи вѣчный покой, и пусть на мѣстѣ мертвой воцарится живая народная мысль, рожденная свободнымъ исканіемъ истины, вскормленная не старымъ буквоѣдствомъ въ глуши пустынныхъ лѣсовъ, не узкой исключительностью, а широкимъ общеніемъ съ общечеловѣческими живыми родниками».

Праведный приговоръ, а для Яшки даже слишкомъ лестный и развѣ только *по человѣчеству*—подобающій.

Предъ нами прошли искатели всѣхъ типовъ, и теперь мы въ правѣ спросить: отъ кого же изъ нихъ явится намъ «живая народная мысль»? Живая, т. е. дѣйствующая и преобразующая. Самъ авторъ, мы видимъ, увлеченъ надеждой на такую мысль, видитъ ли онъ ея зарю и гдѣ именно?

XV.

Мы не разъ могли убѣдиться, до какой степени глубоко вѣритъ нашъ авторъ въ народъ и какія сокровища души умѣетъ открывать въ его первобытной природѣ. Несомнѣнно, онъ долженъ бы открыть здѣсь и искры живой мысли и задатки ея общенія съ общечеловѣческими родниками.

И авторъ полонъ усердія—совершить это открытіе. Онъ показалъ намъ рядъ избранныхъ личностей среди народа, онъ постарался даже при всей законной строгости къ древнему буквоѣдству—указать на самоотреченіе его безкорыстныхъ служителей и пожелалъ, чтобы и будущая живая мысль научилась вѣрности и настойчивости у защитниковъ старины. Желаніе—благородное, но мы уже видѣли, почему такъ настойчивы люди древляго благочестія и насколько ихъ вѣрность естественнѣе и доступнѣе, чѣмъ самоотреченіе искателей свѣта не въ старыхъ переплетахъ, а духовной и живой истины. Во всякомъ случаѣ внѣ сомнѣнія всеобъемлющая духовная сила народа, по представленію автора, точнѣе по его вѣрѣ. Какъ всякая вѣра, и въ вѣрѣ г-на Короленко есть своя тайна и даже свои чудеса. Къ сожалѣнію, при всей поэтичности и замысловатости чудеса даже не всегда служатъ достоинству вѣры.

Г. Короленко показываетъ ихъ въ формѣ сновидѣній. Эти сны—единственное крупное нарушеніе высокой художественности и искренней правдивости произведеній нашего автора, и можно подивиться, какъ столь чуткій и вдумчивый художникъ могъ излюбить такое наивное средство, преподать своимъ читателямъ тотъ или другой нравственный урокъ.

На первомъ мѣстѣ долженъ быть поставленъ *Сонъ Макара*. Весь разсказъ состоитъ изъ изложенія сна, посѣтившаго будто пьянаго якутскаго мужика, и съ этихъ поръ авторъ неоднократно будетъ заставлять

своихъ героевъ видѣть вѣщіе сны. Цѣль его вездѣ останется одна и та же. На яву его герои мыслятъ крайне туго, говорятъ еще хуже, и чтобы показать смыслъ ихъ бытія или необнаруженныя ими сокровища души, авторъ погружаетъ ихъ въ сонъ и являетъ предъ ними, но нарочно для читателя, рядъ чудесныхъ происшествій и картинъ.

Бѣда только въ томъ, что всѣмъ этимъ сновидцамъ снятся вещи совершенно невѣроятныя, явно навязанныя ихъ воображенію хитрымъ умысломъ автора. Никоимъ образомъ нельзя представить, чтобы житель нашей планеты, хотя бы даже напившись до безсознанія, мгновенно поумнѣлъ до уровня просвѣщеннѣйшаго русскаго публициста. Очевидно, этими моментами транса авторъ пользуется исключительно для своихъ личныхъ цѣлей и моменты стоятъ внѣ всякой психологической связи съ основной темой и содержаніемъ разсказа.

Несомнѣнно, смыслъ жизни Макара именно такой, какой ему чудится во снѣ: сонъ Макара—превосходная философія сибирской бѣдности и темноты. Но только ни единому изъ Макаровъ эта философія и во снѣ не снилась. Это авторъ на нѣкоторое время принялъ личину Макара и отъ его лица произнесъ превосходную оправдательную рѣчь въ пользу пьянаго якута.

Но, положимъ, *Сонъ Макара* святочный разсказъ, т. е. сказка, гдѣ и Сандрильона превращается въ царевну и Иванушка-дурачекъ—въ царевича. Пусть и Макаръ, въ будни едва владѣющій членораздѣльной рѣчью, въ святки обрететъ въ себѣ даръ слова и силу разума. Авторъ согласенъ признать это происшествіе «чѣмъ-то страннымъ», хотя въ искусствѣ желательно было бы *видѣть* философію жизни, а не *слышать* ее, какъ проповѣдь или публицистическую статью.

Проповѣдь составлена очень трогательно и приспособлена, если не къ уровню Макарова пониманія, то, по крайней мѣрѣ, къ общему смыслу и тону его многострадальнаго существованія. Она совершенно неумѣстна въ художественномъ произведеніи, остается чуждымъ ему привѣскомъ, но какъ монологъ автора, близко освѣдомленнаго въ предметѣ, она свидѣтельствуетъ о несомнѣнномъ публицистическомъ талантѣ.

Такого же качества и *Судный день*—«малорусская сказка». Это опять нравственное иносказаніе, поучительная притча. Художникъ почти замѣненъ совершенно откровеннымъ моралистомъ и обнаруживается только въ частностяхъ, въ превосходномъ народномъ языкѣ, въ чисто-гоголевской бытовой атмосферѣ. Здѣсь проблески художественности въ высшей степени ярки, фигура солдата, очерченная силуэтно и введенная эпизодически, вполнѣ достойна творца Убивца и Тюлина. И по всему фону разлита, если такъ можно выразиться, тончайшая музыка гуманнаго чувства, столь ярко характеризующая нашего автора. Напримѣръ, сколько сердца, и поэзіи, и идеи вложено въ мимолетное замѣчаніе о жидовской молитвѣ! «Жиденята плакали, надрывались, и опять мельнику показалось, что кто-то другой внутри ихъ плачетъ и молитъ о

чемъ-то невѣдомомъ, давно-давно утраченномъ и на половину уже позабытомъ».

Великолѣпно, только врядъ ли мельнику могли приходить на умъ подобныя мысли. Опять «что-то странное», и оно только предисловіе къ *сну* мельника, необыкновенно философски-продуманному и поразительно-поучительному. И въ теченіи этого сна искры художественности все больше и больше блѣднѣютъ, пока, наконецъ, совершенно не гаснутъ подъ моралью и публицистикой. И читателю невольно приходитъ мысль: почему бы автору не дѣлать двухъ разныхъ дѣлъ отдѣльно: въ разсказѣ ограничиться творчествомъ, а вмѣсто аллегорическаго сна просто написать этнографическій очеркъ или рядъ статей, какъ онъ впослѣдствіи поступитъ по поводу Мультанскаго дѣла?

Но публицистика не даетъ покою вдохновенію нашего автора и сонныя видѣнія даже не въ сказкахъ нарушаютъ реальное развитіе творческихъ мотивовъ. Матвѣй лозищанинъ также видитъ сонъ, вѣщающій ему самыя мудрыя и полезныя истины, точно внезапно воскресшій Стародумъ съ неисчерпаемымъ запасомъ глубокихъ житейскихъ и даже философскихъ истинъ.

Невольно хочешь воскликнуть: о, если бы только сны такіе видѣлись Макарамъ и Матвѣямъ, всетаки на Руси было больше умственнаго свѣта, а, можетъ быть, и нравственной силы!

А то теперь приходится сдѣлать печальное заключеніе. Русскій народъ только въ сновидѣніяхъ постигаетъ тяжелый и часто унизительный смыслъ своего существованія, только во снѣ онъ умѣетъ говорить сильныя исполненныя достоинства рѣчи, только въ забвеніи чувствъ сознаетъ себя *личностью!* Стóитъ проснуться, и не только въ сказкѣ, а даже въ самой подлинной были, какой-нибудь Матвѣй чувствуетъ себя растерявнымъ и существомъ низшей породы даже передъ совсѣмъ чужимъ паномъ, и нѣтъ у него умѣнья и смѣлости выразить словомъ даже самую законную свою мысль.

Бываютъ, впрочемъ, случаи, когда и наяву мужикъ начинаетъ разсуждать не хуже сонваго Макара. Одинъ, напримѣръ, какой-то простой мужикъ съ проселочной дороги—такъ между разговоромъ, даетъ такое объясненіе деревенской вѣрѣ въ чудеса, что въ пору даже умнѣйшему этнографу. Рѣчь мужика, разумѣется, простонародна и неизящна, но она производитъ впечатлѣніе *перевода* чрезвычайно дѣльнаго научнаго разсужденія на мужицкій языкъ.

Мужикъ указываетъ на зависимость деревни отъ явленій природы и, слѣдовательно, ежеминутную наклонность «прибѣгать» къ милосердію небесъ. Въ городахъ нѣтъ такой связи людского благополучія и несчастія съ природой, для сапожника, напримѣръ, «давалецъ» важнѣе всякой погоды и сапожникъ за нимъ и ухаживаетъ.

Весь этотъ разговоръ деревенскаго религіознаго философа съ мѣщаниномъ-скептикомъ изъ города — настоящій философскій диспутъ. Мѣ-

щанинъ еще, пожалуй, правоспособенъ на скептицизмъ,—его *раціоналистическое* объясненіе мужицкой религіозности—со стороны *вѣрующаго* мужика стоитъ любого сна, потому что, вѣдь мужикъ дѣйствительно *объясняетъ* и *отъ разума*, не утверждаетъ свой вѣры, а анализируетъ ее, обнажаетъ ея чувственныя, физическія основы и вполнѣ практическій первоисточникъ. И съ этой чисто разсудочной идеологіей плохо мирится дальнѣйшее простодушное повѣствованіе удивительнаго скептика—о «заступленіи иконы».

Это два момента исключающіе другъ друга, и надо полагать, діалектика вся—изъ области сна, а явь—только повѣсть о чудесахъ.

Но это совмѣщеніе показываетъ, какъ авторъ усиленно ищетъ глубоко идейнаго содержанія въ народной душѣ. Что касается «красоты чувства»—это его выраженіе—здѣсь полный просторъ его вдохновенію и оно подчасъ впадаетъ даже въ лирическую чувствительность, не свойственную классически-строгому искусству автора.

Напримѣръ, у г-на Короленко есть разсказъ о случайной встрѣчѣ въ «пустынныхъ мѣстахъ», потомъ разсказъ передѣланъ въ «быль» для народнаго чтенія подъ заглавіемъ *Пріемышъ*. Вообще всѣ очерки подъ общимъ заглавіемъ *Въ пустынныхъ мѣстахъ*, печатавшіеся въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*,—должны быть признаны едва ли не художественнѣйшими образцами во всей русской туристической литературѣ. Простота разсказа, неотразимая прелесть пейзажа, изящная эскизность жанра и въ то же время до такой степени богатая идейность содержанія, что кажется, нѣтъ ни одного штриха лишняго, чисто орнаментальнаго: все это заставляетъ жалѣть, почему эти чудныя миньятюры до сихъ поръ похоронены на газетныхъ столбцахъ и не изданы отдѣльно. Изданіе было бы поучительно не только для читателей, но для писателей: они увидѣли бы, что могутъ дать истинно-художественному таланту даже русскія «пустынныя мѣста», если только этотъ талантъ обладаетъ благородной чуткостью къ народной душѣ и къ многострадальнымъ судьбамъ русской народной мысли и дѣйствительности. Иные мотивы, брошенныя авторомъ мимоходомъ, могли бы дать содержаніе для краснорѣчивѣйшаго разсужденія о нѣкоторыхъ «странностяхъ», въ народной средѣ и для любопытнаго бытового очерка. Напримѣръ, ночной разсказъ захолустнаго и мужика на тему, что мужику часто приходится плакаться и съ хорошими людьми, а пользу получать отъ проходящаго незнакомца... И самая сцена разсказа—цѣлая картина національнѣйшаго русскаго жанра, какой только можетъ представить самый сильный реалистъ.

И вотъ среди этихъ встрѣчъ и разговоровъ, большей частью мало утѣшительныхъ и нерѣдко прямо драматическихъ, авторъ наталкивается на настоящую идиллію.

Въ семьѣ рыбака живетъ пріемышъ; въ семьѣ родныхъ дѣтей нѣтъ, и пріемышъ окруженъ нѣжнѣйшей любовью и лаской. Здѣсь

еще нѣтъ ничего особеннаго, — особенное начинается съ подробнаго описанія хозяйки семьи, съ передачи ея разсказа, какъ ей достался пріемышъ. Какъ эта женщина легко краснѣетъ даже отъ намека на ея молодость сравнительно съ возрастомъ мужа, какъ она горестно оплакиваетъ сына, умершаго двадцать лѣтъ назадъ, и не только она, но и мужъ ея было извелся въ тоскѣ по этой утратѣ,—какъ она гуманно и психологически-проницательно оправдываетъ «дѣвкины грѣхи», какъ она счастлива тѣмъ, что самоотверженнымъ уходомъ за пріемышемъ завоевала себѣ новое материнство!.. Все это происходитъ на берегахъ Ветлуги,—и такъ складно и красиво говорится. Самая солнечная идиллія! И чтобы разогнать малѣйшія тѣни, именно на слѣдующій день послѣ разсказа хозяину семьи попадаетъ необыкновенно удачный уловъ, а раньше ужъ сколько времени онъ не могъ поймать «ни одной рыбешки». И авторъ восторженно заканчиваетъ свой разсказъ: «Я забылъ о засухѣ, даже о выжженныхъ поляхъ, забылъ о пожарахъ, о плохихъ промыслахъ. И что ни черта, то новой красотой вѣяло на меня отъ воспоминаній объ этой неожиданно посланной мнѣ судьбою идилліи».

Это—безусловно искренне,—но только идиллія, къ сожалѣнію, нисколько не мѣшаетъ ни засухамъ, ни пожарамъ, ни весьма печальнымъ и нравственнымъ фактамъ все въ тѣхъ же пустынныхъ мѣстахъ, идиллія, только что описанная, также своего рода сонъ,—и ода изъ самыхъ мимолетныхъ. Красота чувства, несомнѣнно, болѣе достовѣрное явленіе народной жизни, чѣмъ «живая мысль» — но оно *личное* достояніе исключительныхъ личностей. До какой степени исключительныхъ — доказываетъ необыкновенное восхищеніе автора. Оно *превышаетъ* цѣнность факта и совершенно напрасно, хотя бы даже на нѣсколько минутъ заслоняетъ въ его памяти другія не идиллическія, но и не личныя и не исключительныя явленія народной дѣйствительности.

Но авторское чувство имѣетъ гораздо болѣе глубокій смыслъ чѣмъ мгновенное забвеніе.—Оно—это чувство—свидѣтельствуетъ объ общемъ отношеніи автора, какъ художника, къ народной психологіи. Это отношеніе коренится во всемъ міросозерцаніи писателя, въ самомъ складѣ его художественной натуры. Это отношеніе можно бы назвать *эпическимъ благоволеніемъ*, т. е. спокойнымъ, чисто умиленнымъ чувствомъ любви, не во имя отвлеченныхъ народническихъ убѣжденій, вообще теоретическихъ принциповъ, а въ силу прирожденной всеобъемлющей сердечности предъ всякимъ естественнымъ жизненнымъ процессомъ. Это, снова повторяемъ, не *идеологія* автора, а *императивъ* его природы.

Мы видѣли,—на этой почвѣ выросъ и развился своеобразный пріемъ автора рисовать даже, повидимому, вполнѣ отрицательныя явленія жизни: *юморъ*. Онъ не что иное, какъ длящаяся борьба контрастовъ,

результатъ отсутствія одного рѣзко опредѣленнаго смысла извѣстнаго факта или характера.

Наконецъ, на той же почвѣ возникли и содержательнѣйшіе художественные образы, извлеченные авторомъ изъ народной среды,—личности протестантовъ и отрицателей. Мы видѣли,—общую черту, роднящую самыхъ разнородныхъ представителей типа,—жизненную безплодность и добросовѣстнѣйшаго исканія истины и рѣшительнаго отрицанія ея. Искатель запутывается въ дилеммѣ примирить свой личный протестъ съ хоровымъ инстинктомъ и въ самую рѣшительную минуту чувствуетъ стыдъ своего независимаго, критикующаго и созидающаго *я*. Отрицатель просто отряхаетъ прахъ отъ всего, что не касается его ближайшихъ личныхъ интересовъ, — и вполнѣ послѣдовательно: нельзя безъ вѣры — во что-либо положительное — работать на общую пользу.

Такая работа оказывается только на сторонѣ темныхъ фанатическихъ послѣдователей древняго благочестія. Здѣсь достаточно и вѣры, и самоотреченія во имя вѣры, — но обо всемъ этомъ можно повторить восклицаніе автора предъ извѣстной картиной Сурикова—*Боярыня Морозова*: «Какая убогая бѣдная мысль для такого пламеннаго чувства, для такого подвига.

Итакъ, на одной сторонѣ — и это сторона *живой мысли* — мучительное исканіе истины, страстная жажда вѣры, совпадающей съ благороднѣйшею совѣстью, и стыдъ своей личности, — на другой— и это сторона умственной смерти—слѣпая преданность буквѣ, ужасъ передъ жизнью человѣческаго духа, и подвижническая сила воли, мужественное провозглашеніе своего права вѣровать и умирать за вѣру. Чтобы показать намъ соединеніе нравственнаго благородства и личной рѣшительности, автору приходится рисовать русскихъ людей въ состояніи сна...

Какая злая насмѣшка и какое поучительное противорѣчіе—эта стихійная вражда идеализма и воли!

И тотъ же авторъ, все по поводу той же *Боярыни Морозовой* выразилъ наше настроеніе краснорѣчиво и мѣтко:

«И возбужденное чувство зрителя, не находящее логическаго выраженія, мятется въ душѣ, въ которой господствующее ощущеніе теперь—ощущеніе разлада, дисгармоніи».

Авторъ испыталъ это ощущеніе предъ сліяніемъ убогой мысли съ пламеннымъ чувствомъ и подвигомъ, но то же самое ощущеніе и неизмѣримо болѣе могучее овладѣваетъ нами предъ великой мыслью въ соединеніи съ убогимъ чувствомъ и подвигомъ. И именно въ этомъ ощущеніи заключается дѣйствительно плодотворное преобразовательное движеніе свободной мысли.

Но о немъ-то и не говоритъ нашъ авторъ, и живетъ ли оно вообще въ глубинѣ, его творческихъ созданій?

XVI.

Нашъ вѣкъ ищетъ вѣры—мы это уже слышали,—можемъ услышать и какой именно вѣры? «Вѣры, — отвѣтитъ авторъ, — которая осуществила бы любовь и не противорѣчила истинѣ, знанію».

Вдумайтесь въ это опредѣленіе и не забывайте, что только *вѣра* творитъ *дѣла*, отнюдь не знаніе и не истина,

Опредѣленіе — не новое. Съ самаго начала нашего вѣка возникло философское направленіе, поставившее себѣ задачей создать *позитивную религію*, Это именно и есть вѣра, не противорѣчащая знанію. Направленіе увлекло первостепенные умы вѣка, создало рядъ блестящихъ философскихъ и философско-научныхъ построеній, и все-таки не пришло къ вожделѣнной пристани. Правда, позитивная религія создалась, но она не была вѣрой, основанной на наукѣ, она скорѣе выродилась въ соревновательницу католической церкви — съ догматами, культомъ и таинствами.

И вотъ мы отъ русскаго писателя-художника вновь слышимъ о вѣрѣ, не противорѣчащей истинѣ, даже больше, — о вѣрѣ, при всей своей научности, осуществляющей еще любовь.

Въ столь немногихъ словахъ и столько неразрѣшимыхъ задачъ и сокровенныхъ отъ вѣка изреченій!

Прежде всего—что есть истина? И притомъ истина, основанная на знаніи? Наука признаетъ одну истину въ предѣлахъ своего вѣдѣнія, именно: *истины* нѣтъ, а есть множество *истинъ*, за непреложность которыхъ не въ силахъ поручиться та же наука. Истина, неразрывная съ реальнымъ знаніемъ, значитъ: общій выводъ, несомнѣнный при *наличномъ* количествѣ данныхъ и при современномъ искусствѣ анализировать эти данныя. Одинъ вновь открытый фактъ можетъ погубить самую почтенную истину и превратить ее въ суевѣріе, предразсудокъ, невѣжественную ложь.

Представьте же, что съ такого рода истинами связана наша вѣра и наша любовь! Что можно вообразить печальнѣе положенія тѣхъ, кто становится предметомъ такой вѣры и любви? Имъ ежедневно грозитъ опасность быть развѣнчанными и подвергнуться тѣмъ болѣе стремительной ненависти, чѣмъ болѣе страстной была любовь, или, въ лучшемъ случаѣ, холодъ души и отчаяніе должны поразить вчерашняго рыцаря и пророка.

Намъ думается—нашему автору должна быть извѣстна эта психологія. У него есть очень обширный разсказъ, напечатанный въ журналѣ *Русская Мысль* и не включенный имъ въ отдѣльное изданіе *Очерковъ и разсказовъ*. Произведеніе носитъ любопытное и иносказательное названіе *Съ двухъ сторонъ* и имѣетъ въ виду представить преобразованія именно вѣры, основанной на знаніи, разумѣется научномъ.

Герой разсказа—юный студентъ, романтически-позитивнаго направленія, т. е. положительнаго въ національномъ русскомъ смыслѣ слова. У насъ вѣдь и нигилисты сумѣли явиться самыми мечтательными послѣдователями матеріалистической метафизики со всѣми признаками чисто-религіознаго фанатическаго прозелитизма. Герой, точнѣе жертва, «двухъ построеній», одинъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ представителей секты. Онъ говоритъ о себѣ: «Я взялъ у Бокля истину о мясѣ и картофелѣ и принялъ ее со нсѣмъ жаромъ прозелита». Истину, чарующую своей простотой, видимой осязательностью, истину научную, но по существу самую романтическую, какую только можно представить въ мнимо-научномъ ореолѣ. Дальше герой признается: «Мысль есть выдѣленіе мозга, какъ жёлчь печени», Это казалось мнѣ и новымъ и геніальнымъ. Я видѣлъ въ этомъ безстрашно провозглашенную истину и съ ревностью прозелита готовъ былъ довести ее до логическихъ предѣловъ». И до такихъ предѣловъ истина дѣйствительно доводилась болѣе счастливыми прозелитами.

Нашего героя постигло несчастье. Истины онъ усвоилъ все чрезвычайно прозаическія и жестокія, а натура у него все время оставалась самая художественная и эстетическая. И очень кстати для наиболѣе яркаго освѣщенія религіи на почвѣ знанія. Именно идеалистическій строй нравственнаго міра превратилъ юношу изъ студента въ послѣдователя, изъ ученаго въ пророка,—и ближайшіе, дѣйствительно положительные, опыты показали, чего стоитъ подобный прозелитизмъ.

Юноша, одновременно съ простыми истинами изъ Бокля и Бюхнера, не замедлилъ создать себѣ культъ героизма, нарисовать въ своихъ мечтахъ образъ осуществителя этихъ истинъ и даже воплотить мечту въ лицѣ товарища студента. Но этотъ провиденціальный герой гибнетъ весьма жалко отъ несчастной любви, и нашему мечтателю приходится видѣть не самую катастрофу, а ея слѣды—именно мозгъ раздавленнаго поѣздомъ.

Казалось бы, что̀ здѣсь особенно потрясающаго, тѣмъ болѣе для такого положительнаго мыслителя! Для него и самая мысль нѣчто вродѣ желчи,—что̀ же смущаться видомъ мозга! Сцѣпленіе матеріальныхъ частицъ—больше ничего. Но оказывается, истины, столь простыя теоретически и неотразимо увлекательныя на страницахъ книги, не выдерживаютъ перваго болѣе или менѣе серьезнаго столкновенія съ жизнью. И тогда кажется, ужъ лучше бы совсѣмъ прозелитъ не исповѣдывалъ никакихъ истинъ и не питалъ никакой любви. Такъ глубоко его отчаяніе и такъ мучительно и медлительно его возрожденіе. А часто и вовсѣ не бываетъ его: разбитый идеалистъ такъ и остается на всю жизнь орломъ съ перебитыми крыльями и жалко и немощно угнетаемый горькими чувствами и злобными мыслями доползаетъ до могилы заживо умершимъ человѣкомъ.

Героя «двухъ настроеній» къ жизни возвращаетъ любовь къ дѣвицѣ:

очень завидная участь, но отнюдь не героическая! Что же это за мыслитель и дѣятель, кому надо набираться разумнаго идеализма и практической энергіи на груди женщины? Весь разсказъ проникнутъ духомъ мелодрамы, очень растянутъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ страдаетъ слишкомъ ухищреннымъ анализомъ, просто сочинительствомъ. И происходитъ это, повидимому, отъ нецѣлесообразныхъ усилій автора представить своего героя въ болѣе значительномъ свѣтѣ, чѣмъ онъ этого заслуживаетъ и, помимо состраданія, вызвать у читателя нѣчто похожее на уваженіе.

Напрасная трата добрыхъ чувствъ! Всякій идеализмъ самъ по себѣ вовсе не почтенное явленіе, такъ же какъ и подвигъ. Идеализмъ можетъ быть глупымъ, а подвигъ шальнымъ. Спасти человѣка отъ той и другой участи можетъ только осмысленная воля, жизненно-сильное содержаніе идеализма и жизненно-плодотворный смыслъ подвига. Иначе идеалистъ и подвижникъ могутъ попасть въ положеніе Герострата или мокрой курицы.

У нашего автора и на этотъ мотивъ имѣется произведеніе, вышедшее таковымъ опять противъ его воли. Это самый ранній его разсказъ, напечатанный въ іюльской книгѣ *Слова* въ 1879 году—*Эпизоды изъ жизни искателя*. Разсказъ даже не подписанъ полнымъ именемъ автора и не заслуживаетъ этого, но въ немъ есть нѣкоторыя *короленковскія* черты. прежде всего выборъ героя—«искателя».

Чего собственно ищетъ искатель — остается неизвѣстнымъ. Онъ— студентъ съ большими способностями, съ обширными книжными опытами и «съ массой впечатлѣній», по его словамъ. Онъ даже нарочно уѣзжаетъ въ деревню, чтобы разобраться на свободѣ съ своими идеями и чувствами.

Но на самомъ дѣлѣ—это громкая увертюра къ очень тихой оперѣ. Никакого выясненія идей не происходитъ: герой совершаетъ только весьма донъ-кихотское доброе дѣло, благородное, но ровно настолько же, по безпощадной ироніи «духа земли»,—идейно-ничтожное. Юноша спасаетъ отъ смерти нѣкоего пошлаго господина, намѣревавшагося покончить свое существованіе изъ-за сердечнаго вопроса. Такая ужъ судьба даровитыхъ русскихъ идеалистовъ! Или горячія слезы оскорбленной идеальной души или самоотверженіе во славу какого-нибудь мирнаго мѣщанина, ради процвѣтанія отечественной болотной тины! И въ то время, когда спасенные коптители неба благоденствуютъ съ соотвѣтственными дѣвицами и женами, искателю, говоритъ авторъ, «ужъ на роду написано обрѣтать слишкомъ часто то, чего совсѣмъ не искалъ».

Истинно трагическій приговоръ—*на роду написано!* Неужели авторъ желаетъ убѣдить насъ въ *фатальныхъ* несчастіяхъ своихъ искателей? Врядъ ли. Авторъ не фаталистъ и, повидимому, не былъ имъ и въ самомъ началѣ своего писательства. У него есть «восточная сказка»—

Необходимость—очень утѣшительнаго смысла. Необходимость опредѣляется такъ: «это божество признаетъ своими законами все то, что рѣшитъ намъ выборъ. Необходимость—не хозяинъ, а только будущій счетчикъ нашихъ движеній».

Это чрезвычайно рѣшительно сказано, и вопросъ о необходимости и нравственной свободѣ, разумѣется, по прежнему остается нерѣшеннымъ, и врядъ ли когда дождется удовлетворительнаго рѣшенія. И вполнѣ ясно, почему. Чтобы рѣшить въ пользу необходимости или свободы или точно распредѣлить ихъ значеніе въ человѣческой дѣятельности, надо владѣть основнымъ принципомъ естественной и психической жизни, умѣть примирить міровой законъ причинности съ нравственнымъ чувствомъ свободы, а это именно одна изъ задачъ, лежащихъ за предѣлами разума и знанія.

Но невозможность философскаго отвѣта на вопросъ не устраняетъ цѣлесообразности *практическихъ* рѣшеній, и такія рѣшенія даются въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, начиная съ религіознаго ученія о предопредѣленіи и благодати. Рѣшаетъ, въ извѣстномъ смыслѣ, и нашъ авторъ, давая перевѣсъ свободѣ надъ необходимостью.

Мы присоединяемся къ этому рѣшенію, и приговоръ судьбы надъ «искателями» понимаемъ иносказательно, т. е. желаемъ искать основаній этого приговора въ природѣ и жизни самихъ приговоренныхъ.

Если русскій искатель обрѣтаетъ вовсе не то, чего онъ искалъ, возможны только два объясненія съ точки зрѣнія свободной человѣческой личности: или искатель намѣтилъ себѣ недостижимую цѣль, или не сумѣлъ отыскать ее, слѣдовательно, смыслъ судьбы заключается въ ограниченности разума или въ немощахъ воли, т. е. въ личныхъ несовершенствахъ искателя.

И мы это видимъ во-очію. Религія юныхъ матеріалистовъ, основанная на наукѣ,—чистѣйшая миѳологія и грубѣйшее суевѣріе. Уже въ сущности этой религіи заключаются непреодолимыя затрудненія—осуществить ея истины. Мало того. При полной послѣдовательности безполезна даже и самая мысль объ осуществленіи, такъ какъ матесіализмъ является самой естественной основой для фаталистическаго ученія, для догмата о необходимости.

Но оставимъ религію искателей: ея банкротство до такой степени безнадежно, что врядъ ли еще разъ человѣческій умъ попадетъ на тарую дорогу. Можетъ быть, обанкрутилась только извѣстная отвлеченная система, а принципъ вѣры, не противорѣчащей знанію, самъ по себѣ неопровержимъ и, главное, нравственно и практически пріемлемъ.

Мы опять предъ вопросомъ громадной важности и такой же сложности. Ничего не можетъ быть увлекательнѣе идеи вѣровать въ то, что *провѣрено* анализомъ, любить то, что удостовѣрено знаніемъ. И на самомъ дѣлѣ нѣтъ, кажется, ни одной иллюзіи столь на видъ законной и даже правдоподобной и столь же въ дѣйствительности обманчивой.

Вѣровать—вѣдь это значитъ не только не сомнѣваться, но даже не предполагать возможности усомниться, если только вѣра зависитъ отъ знанія. Вѣровать—это значитъ дѣйствовать неуклонно, не знать нравственныхъ препятствій на пути дѣятельности, не испытывать раздумья въ моментъ дѣла если, опять повторяемъ, вѣра—результатъ анализа.

Но кто же и когда такъ вѣровалъ и дѣйствовалъ?

Въ художественной литературѣ существуетъ произведеніе, создавшее громадную философскую литературу, именно потому, что смыслъ его въ разрѣшеніи вопроса о зависимости вѣры отъ знанія. Среди безчисленныхъ объясненій гамлетовской драмы, существуетъ одно, по нашему мнѣнію, единственно вѣрное. Гамлетъ мучается въ бездѣйствіи именно потому, что не вѣритъ, а не вѣритъ потому, что достовѣрно не знаетъ,—не фактически, а нравственно, именно не знаетъ, справедлива ли будетъ его месть, обезпечена ли она отъ всякихъ возраженій съ точки зрѣнія высшаго человѣческаго разума?

Можно ли рѣшить подобный вопросъ *абсолютно?* Свойство человѣческаго анализа—его неограниченность, діалектическая безпредѣльность, и преимущественно въ вопросахъ нравственныхъ. Установите самое, повидимому, неопровержимое положеніе, мгновеніе спустя, уже возникаетъ его антитезисъ и такъ безъ конца. И это совершенно понятно. Мы не владѣемъ безусловной истиной ни въ какомъ отношеніи и Паскаль чрезвычайно мѣтко изобразилъ шаткость человѣческихъ нравственныхъ принциповъ: часто достаточно рѣки, чтобы жителей-сосѣдей непримиримо разъединить по вопросамъ нравственности: что̀ на одномъ берегу считается подвигомъ, на другомъ покараютъ какъ преступленіе. Чтобы открыть предметы вѣры при помощи ума, надо *остановить* анализъ на какой-либо точкѣ, намѣренно или подъ вліяніемъ увлеченія, паѳоса, иначе умъ безъ конца будетъ анализировать и упразднитъ совершенно волю.

Но есть другой источникъ познанія истины—непосредственное чувство или совѣсть, когда сердце заступаетъ мѣсто разсудка. Это будетъ вѣра, основанная на любви, вѣра, какъ видимъ, несовершенная, такъ какъ уровень совѣсти всецѣло зависитъ отъ общаго духовнаго развитія человѣческой природы, и совѣсть рѣзко мѣняется въ прямой зависимости отъ культуры. Древнему іудею совѣсть не дала бы покоя, если бы онъ не истребилъ своего побѣжденнаго врага съ его дѣтьми и даже скотомъ, античному эллину та же совѣсть повелѣвала всѣхъ не эллиновъ считать *прирожденными* рабами, въ новое время и то и другое по крайней мѣрѣ теоретически, считается преступленіемъ и безуміемъ, слѣдовательно, совѣсть также не абсолютна, и чувство въ сущности тотъ же анализъ. Въ самомъ дѣлѣ, если умъ безъ конца можетъ *объяснять*, то чувство столь же неограниченно можетъ *сострадать* и, слѣдовательно, также парализировать энергію борьбы, т. е.

волю. Если анализъ можетъ довести до фатализма, къ чему и приходитъ Гамлетъ, то чувство способно внушить истину непротивленія злу; и въ томъ и въ другомъ случаѣ не будетъ вѣры, не будетъ жизненно-дѣятельнаго принципа, не будетъ самой личности, какъ явленія творческаго.

Таковы результаты, если послѣдовательно примѣнять исканіе вѣры, не противорѣчащей знанію, и любви, основанной на такой вѣрѣ.

И мы видѣли эти результаты на художественныхъ созданіяхъ нашего автора. Но неужели не существуетъ выхода изъ этой дилеммы? Неужели такъ и суждено идеалистамъ, взыскующимъ града, жалко гибнуть на пути и предоставить вѣру и самоотреченіе людямъ, завѣдомо враждебнымъ идеѣ и духовной истинѣ?

Если бы нашъ авторъ отвѣчалъ утвердительно, онъ поступилъ бы послѣдовательно какъ *художникъ*, авторъ разобранныхъ нами произведеній. Но какъ мыслитель, онъ *прервалъ* анализъ своего творческаго таланта и отвѣтилъ непослѣдовательно, но въ высшей степени краснорѣчиво. И эта непослѣдовательность—замѣчательнѣйшій фактъ не только въ писательской дѣятельности нашего автора, но и вообще въ исторіи русской общественной мысли.

Г. Короленко явился искреннѣйшимъ и наиболѣе глубокимъ выразителемъ одного изъ національныхъ моментовъ нашего самосознанія.

XVII.

Непослѣдовательный отвѣтъ нашего автора, всѣмъ извѣстенъ. Г. Короленко публицистъ вполнѣ опредѣленнаго направленія. Его статьи отличаются тремя рѣдкими въ публистикѣ достоинствами и особенно въ русской. Онѣ никогда не являются упражненіемъ полемическаго чистаго искусства, не блещутъ, можетъ быть и забавнымъ, но совершенно безплоднымъ уловленіемъ непріятельскихъ микроскопическихъ промаховъ, не изощряются въ словесномъ вольтижёрствѣ, не доказываютъ преимущественно фехтовальной ловкости полемиста и уже потомъ его освѣдомленности и добросовѣстности въ вопросѣ. Потомъ, полемика г-на Короленко всегда литературна въ самомъ высокомъ смыслѣ слова, она самый рѣдкій образчикъ джентльменства въ русской журналистикѣ. Эти качества далеко не всегда выгодны для полемиста. Читатель безпрестанно подвергается искушенію подпасть гипнозу громкаго голоса, самоувѣреннаго тона, нравственно-невмѣняемаго зубоскальства и совершенно безпредразсудочнаго обращенія съ фактами и личностями. Надо обладать большимъ личнымъ авторитетомъ и писательскимъ кредитомъ, чтобы остаться побѣдителемъ при помощи безукоризненно культурныхъ средствъ. Г. Короленко, очевидно, обладаетъ всѣмъ этимъ. Но у него имѣется и еще одно преимущество надъ разнузданной улицей,—его художественный талантъ.

Кто, напримѣръ, кромѣ г-на Короленко, могъ написать такую спокойную и въ то же время такую яркую статью о *русской дуэли въ послѣдніе годы?* Одна характеристика бреттёра способна, пожалуй, вызвать краску конфуза даже на лицѣ самаго наглаго представителя типа. И этой характеристикой мы обязаны автору-художнику. Дѣйствительнѣе всякихъ полемическихъ громовъ такое же художественное изображеніе удивительныхъ операцій, какія производила русская «патріотическая» печать съ болгарскими дѣятелями, въ зависимости отъ ихъ отношеній къ русскому оффиціальному міру. Наконецъ, какая скромная, но какая многогорящая картина одинокой дѣятельности провинціальнаго публициста! Ее авторъ набросалъ въ память поволжскаго литературнаго работника—Гацисскаго, но она опять-таки благодаря художественной силѣ автора вышла типичнымъ изображеніемъ замѣчательнаго явленія русской интеллигентной жизни.

Но особенно большую услугу оказалъ автору художественный талантъ въ его очеркахъ: *Въ голодный годъ* и *Самозванцы.*

Въ *Голодномъ годѣ* нѣкоторыя беллетристическія страницы, по идеѣ Бѣлинскаго, дѣйствительно могутъ быть поставлены рядомъ съ экономическимъ трактатомъ по богатству и ясности реальнаго содержанія. Картинность изображенія вполнѣ замѣняетъ краснорѣчіе цифръ. Таковъ разсказъ о чисто-русскомъ бунтѣ василевцевъ, о бунтѣ на колѣняхъ, поразительно жизненная встрѣча съ «лѣснымъ человѣкомъ», донесшимъ все патріархальное простодушіе и первобытную безпомощность отъ миѳическихъ временъ славянскаго племени до конца XIX-го вѣка, наконецъ, характернѣйшая сцена съ женщинами, усердно скрывающими свои голодныя страданія. Вообще, ни одинъ краснорѣчивѣйшій идиллическій народникъ не умѣетъ такъ просто и убѣдительно показать въ мужикѣ сознаніе человѣческаго и даже гражданскаго достоинства, доказательство, какъ глубоко и непоколебимо авторъ вѣритъ въ эту черту народной психологіи. Мужикъ, еще не потерявшій надежды быть «жителемъ», стыдится даже казаться нищимъ. Онъ и дѣтей своихъ не пуститъ попрошайничать, вообще обнаружитъ гораздо больше достоинства, чѣмъ можно подозрѣвать по его сѣрой приниженной внѣшности и по неизбывно страдальческой жизни.

Все это ложится подъ перо нашего автора съ удивительной непосредственностью и рельефностью, будто естественные контуры ярко освѣщенныхъ предметовъ. Иллюзія усиливается еще живымъ реализмомъ народной рѣчи, и вся книга является незамѣнимой лѣтописью не только тяжелой годины въ деревенской жизни, но и вообще, современныхъ культурныхъ и экономическихъ условій народнаго быта.

И все-таки самое любопытное для характеристики самого автора — заключеніе книги. Ему приходитъ на мысль вопросъ: какова же «мораль голоднаго года?» Вопросъ этотъ, разумѣется, возникаетъ рѣшительно у всякаго читателя, и всякій читатель несомнѣнно выводитъ

ту или другую мораль. Это неизбѣжное послѣдствіе всякаго правдиваго жизненнаго произведенія. Витай оно на какихъ угодно вершинахъ безстрастнаго художественнаго созерцанія, оно непремѣнно таитъ въ въ себѣ *смыслъ* созерцанія, не тенденцію, не преднамѣренное внушеніе, а просто преобладающее настроеніе, слѣдовательно и идею и мораль.

У автора «десятки и сотни моралей тѣснятся въ голову», и мы вѣримъ ему: матерьялъ книги дѣйствительно изобилуетъ смысломъ и что ни страница, то готовый тезисъ для публицистическаго разсужденія.

Такъ и должно быть, и не этотъ фактъ замѣчателенъ. Для насъ поучительно, что наблюденія и впечатлѣнія подсказали автору «сотни моралей». На этотъ разъ онъ ихъ не развиваетъ, но, напримѣръ, въ очеркахъ *Современная самозванщина*, еще болѣе художественной хотя и фактической лѣтописи—мораль подчеркивается чрезвычайно настойчиво.

Художественность здѣсь не въ пейзажахъ и жанрахъ, а въ психологическомъ анализѣ, всецѣло направленномъ къ извѣстному моральному выводу. Объясненіе самозванщины нестерпимыми страданіями личности русскаго человѣка давно уже художественно раскрыто Гоголемъ въ судьбѣ Поприщина — Фердинанда VIII. Но только нашъ авторъ послѣ Гоголя умѣлъ такъ убѣдительно и просто опредѣлить громадное значеніе *обиды* въ жизни беззащитныхъ русскихъ людей. Достоевскаго называютъ поэтомъ униженныхъ и оскорбленныхъ, такъ кстати называется и одинъ изъ романовъ автора. Но убѣдительность, жизненная значительность писательства Достоевскаго въ сильнѣйшей степени понижается исключительностью мотивовъ его вдохновенія. Достоевскій психологъ *единицъ* и историкъ *событій*, поэтъ униковъ и любитель происшествій. Всякое его произведеніе—катастрофа и революція, очень глубоко обслѣдованныя, но не представляющія и не могущія представить болѣе или менѣе вѣрнаго освѣщенія нормальнаго хода жизни внѣшней и духовной. А между тѣмъ познаніе жизни и души отдѣльной личности и цѣлаго народа менѣе всего можетъ основываться на изученіи революціонныхъ моментовъ, когда у отдѣльнаго человѣка господствуютъ преимущественно атавистическіе инстинкты, а среди націи руководящая роль попадаетъ въ руки меньшинства, часто самаго тѣснаго, съ крайне узкимъ нравственнымъ міромъ.

Г. Короленко гораздо скромнѣе и цѣлесообразнѣе рисуетъ громадную власть униженій и оскорбленій, царящихъ надъ русской жизнью. Въ очеркѣ *По пути* мимоходомъ разсказано, какъ мальчикъ слуга, побитый мальчикомъ-барчукомъ, не могъ простить обиды и въ горѣ и въ тоскѣ одиночества ушелъ изъ дому. Герою этого факта кажется, что предъ нимъ въ лицѣ бродягъ такіе-же оскорбленные, грубымъ ударомъ вытолкнутые изъ среды людей и они теперь не въ состояніи избыть личной обиды, не въ силахъ сойтись съ другими не униженными и не обезличенными.

Эта мораль лежитъ и въ основѣ *Самозванщины*. Личность человѣка вопіетъ о возмездіи, о свѣтѣ и волѣ; «страшная горечь, жгучая боль попранной личности» доводитъ отверженцевъ общества до безумнаго опьяненія небывалымъ личнымъ величіемъ. Это крикъ отчаянія, роковая игра на счастье, увлекающая именно тѣхъ, кто все потерялъ— даже честь.

Мораль очевидна. Неустанное издѣвательство надъ человѣкомъ даже самаго кроткаго духа и самаго безправнаго положенія можетъ вызвать грозный протестъ. Смиреніе, очевидно, не входитъ въ число безусловно надежныхъ добродѣтелей русскаго народа, и авторъ даже прямо возстаетъ противъ «доктринерскихъ теорій о миссіи смиренія», присущей будто бы народу. И автору извѣстно, какъ единодушно поднимался русскій народъ въ рѣшительные моменты своего національнаго бытія, и извѣстно опять въ интересахъ морали — ясной, настойчивой превосходно доказываемой фактами. Наконецъ, авторъ отрицательно настроенъ и насчетъ «романтическихъ мечтаній о какомъ-то вѣщемъ словѣ, которое кроется гдѣ-то въ глубинѣ народной мудрости».

Повидимому, воззрѣнія ясныя, какъ дневной свѣтъ: защита личности и рѣшающей власти цивилизація. Хоровое народное начало, поглощающее личность, создающее «стремленіе къ равненію», естественныя достоинства народнаго сердца и ума вовсе не представляются идеальными самодовлѣющими силами. Они должны уступить мѣсто чему-то болѣе совершенному, и авторъ въ *Голодномъ годѣ* съ особенной рѣзкостью отмѣчаетъ рознь и разложеніе, глубоко проникающія современный крестьянскій міръ. Особенно краснорѣчивъ фактъ полной неудачи именно тѣхъ расчетовъ, какіе власть возлагаетъ на будто бы цѣльный патріархально-сплоченный строй крестьянской общины, напримѣръ, пользованіе круговой порукой, какъ вѣрнѣйшимъ средствомъ, заставить деревню выполнять повинности. Очевидно, сама жизнь, стихійно, непреодолимо выдвигаетъ на сцену личностей, т. е. силу критическую, для вѣковыхъ стадныхъ основъ духовной и внѣшней жизни и оригинально-созидательную.

Создаетъ ли народъ такихъ личностей въ наше время?

Этотъ вопросъ, обращенный къ нашему автору, получаетъ смутные и какіе-то двусмысленные отвѣты. Если оставить въ сторонѣ оппозиціонныя сновидѣнія, въ родѣ сна Макара, самымъ сильнымъ представителемъ личнаго начала явится герой разсказа *За иконой* — Андрей Ивановичъ. Но его *личность* еще болѣе юмористическая, чѣмъ фигура Тюлина, даже забавная и вовсе не располагающая читателя къ серьезному взгляду на его «оппозицію».

Андрей Ивановичъ обыкновенно трудится съ утра до вечера, въ качествѣ сапожника, съ давальцами обращается очень почтительно. Но по временамъ имъ овладѣваетъ духъ возмущенія. Тогда онъ «снимаетъ хомутъ» и становится другимъ человѣкомъ. «Въ немъ,—поясняетъ

авторъ,—проявлялся строптивый демократизмъ и наклоность къ отрицанію. «Давальцевъ» онъ начиналъ разсматривать, какъ своихъ личныхъ враговъ, духовенство обвинялъ въ чревоугодіи, полицію въ томъ, что она слишкомъ величается предъ народомъ и, кромѣ того, у пьяныхъ, ночующихъ въ части, шаритъ по карманамъ (онъ это испыталъ горестнымъ опытомъ во время своего запивойства). Но больше всего доставалось купцамъ».

Легко представить, какой ничтожный авторитетъ могло имѣть «отрицаніе» подобнаго демократа и моралиста! И притомъ отрицаніе еще ниже по своему качеству, чѣмъ вѣщіе сны Макара, потому что оно, повидимому, чаще всего совпадаетъ съ «запивойствомъ».

По общему смыслу—это весьма краснорѣчивый портретъ русскаго отрицателя, необыкновенно либеральнаго подъ вліяніемъ внѣшняго и менѣе всего *идеальнаго* вдохновенія и, конечно, отрицателя, крайне *неправоспособнаго* на истинно-гражданскій протестъ въ силу многочисленныхъ «хвостовъ» своей по человѣчеству слабой и даже мало благородной натуры. Все это вполнѣ въ порядкѣ вещей, когда вопросъ идетъ о весьма распространенномъ типѣ отечественнаго «либерала». Но вѣдь Андрей Ивановичъ не либералъ, не сочинитель застольныхъ гражданскихъ спичей, онъ просто сапожникъ и мѣщанинъ, даже, повидимому, вовсе не растленный городской цивилизаціей. Слѣдовательно, его слѣдуетъ считать *личностью* изъ народа, тѣмъ болѣе что онъ и споры ведетъ въ духѣ уреневскихъ богатырей, въ родѣ того, напримѣръ, какъ правильнѣе сказать—*во́-плоти* или *во-плоти́* Іисусъ Христосъ сошелъ на землю?..

Итакъ, русскій народъ не создаетъ независимыхъ жизнедѣятельныхъ міросозерцаній. Самое положительное критическое явленіе въ его средѣ искренняя богобоязненная борьба просыпающейся личной мысли съ завѣтами отцовъ, борьба, далекая отъ практическаго разрѣшенія и осуждающая личность скорѣе на созерцательную оторопь, чѣмъ на прямое вмѣшательство въ теченіе окружающей жизни. Нельзя, повидимому, ожидать, чтобы *городъ* просвѣтилъ на этотъ счетъ *деревню*. Мы знаемъ, какъ мѣтко, по свѣдѣніямъ автора, деревня умѣетъ отразить городской скептицизмъ насчетъ чудесъ. Это лучшіе деревенскіе люди, и городское невѣріе распространяетъ свою власть только на самыхъ легкомысленныхъ, вродѣ, напримѣръ, молодого парня въ разсказѣ *Щось буде*.

Заразился онъ скептицизмомъ весьма легко, будто пріобрѣлъ въ городской лавкѣ пиджакъ вмѣсто армяка. Всего одна поѣздка въ Одессу, и скептикъ готовъ, но скептицизмъ этотъ не выдерживаетъ перваго же испытанія и отрицатель «глупо» и «растерянно» становится на сторону суевѣрной деревни по поводу самыхъ темныхъ мужицкихъ суевѣрій.

Соедините всѣ эти данныя вмѣстѣ и попытайтесь сдѣлать общій выводъ. Онъ окажется *чисто-художественнымъ*, т. е. въ смыслѣ самаго чистаго искусства, свободнаго отъ всякихъ опредѣленныхъ отвѣтовъ

на вопросы, даже непосредственно вытекающіе изъ литературныхъ произведеній. Авторъ стоитъ предъ многообразно волнующейся жизнью, онъ весь проникнутъ любовнымъ чувствомъ къ ея процессамъ, онъ откликается на тончайшіе переливы ея волнъ. Но видитъ ли онъ цѣль ихъ стремленія и готовъ ли онъ выразить сочувственное напутствіе какой-нибудь одной волнѣ? Мы, разумѣется, говоримъ не объ убѣжденіяхъ нашего писателя, какъ представителя общественной мысли; мы могли убѣдиться въ ихъ опредѣленности и практической энергіи. Роль г-на Короленка въ мултанскомъ дѣлѣ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ фактовъ русской публицистики и онъ по достоинству будетъ оцѣненъ впослѣдствіи, когда историку ясно и открыто предстанутъ всѣ условія идейной неоффиціальной дѣятельности русскаго современнаго человѣка. Не можетъ быть сомнѣнія, что горячая защита вотяковъ, мнимыхъ виновниковъ въ человѣческомъ жертвоприношеніи, была подсказана г-ну Короленко его общимъ отношеніемъ къ народу, явилась частнымъ проявленіемъ его философско-общественнаго міросозерцанія. То же міросозерцаніе внушило автору и публицистическія рѣчи яркой, если угодно, направленской окраски. Противорѣчій нѣтъ между художникомъ и публицистомъ,—это личность одна, безъ всякихъ временныхъ преображеній и самоизмѣнъ. Но существуетъ разница въ настроеніяхъ, въ высотѣ тона—художественнаго разсказа г-на Короленко и его публицистической статьи. Разница до такой степени велика, что ее и въ самомъ дѣлѣ можно перетолковать какъ, съ одной стороны, смиреніе, съ другой—насильственная покорность внѣшнему теченію. Вдохновеніе художника, по своему паѳосу, не достигаетъ уровня идей публициста. Только одинъ разъ г. Короленко измѣнилъ мѣрному строю своего искусства,—въ *Слѣпомъ музыкантѣ*, измѣнилъ съ ясно-преднамѣренной цѣлью. Онъ создалъ цѣлый рядъ опытовъ для героя и героини своего разсказа, опытовъ отрывочныхъ, придуманныхъ, направленныхъ на желательный закалъ и просвѣщеніе юныхъ думъ. Исторія начинаетъ производить впечатлѣніе нравоучительнаго педагогическаго романа въ духѣ прошлаго вѣка. Эвелина должна выдержать соблазнъ шумнаго, юношескаго увлекательнаго будущаго на необозримой сценѣ общаго дѣла, слѣпой, долженъ перестать быть «тепличнымъ цвѣткомъ», дойти до мысли, что его слѣпота еще не послѣдній предѣлъ человѣческихъ бѣдствій, что на свѣтѣ есть и слѣпые и въ то же время нищіе и одинокіе люди, однимъ словомъ слѣпой долженъ утратить слишкомъ острое и эгоистическое сознаніе личнаго горя.

Это сознаніе осуждало его на бездѣйствіе, угнетало врожденную энергію. Благодаря встрѣчамъ съ слѣпыми нищими, оно исчезаетъ и слѣпой будетъ своимъ талантомъ напоминать счастливымъ о несчастныхъ...

Такова исторія, единственная въ разсказахъ нашего автора напоминающая наивный гражданскій мелодраматизмъ мелкихъ черезъ силу идейныхъ беллетристовъ. Она рѣшительно не удалась, не смотря на самыя благородныя намѣренія и авторъ къ счастью ни разу больше

не прибѣгалъ къ подобной горько-усладительной защитѣ «меньшаго брата».

И эта попытка осталась мимолетной. Въ самый горячій періодъ публицистической дѣятельности г. Короленко, какъ художникъ, не покидалъ своего обычнаго художественнаго жанра. И ничто не могло краснорѣчивѣе подтвердить постоянство автора, чѣмъ «картинка съ натуры» *Смиренные*.

XVIII.

Предъ читателемъ неограниченное царство *смиренія*, даже отъ пейзажа вѣетъ «смиреніемъ и покорностью», обитатели деревни смиренны до послѣдней степени, и иными они и быть не могутъ. Куда бы не обернулась ихъ тоскующая страдальческая дума, всюду ее встрѣчаетъ какая-то жестокая, противозаконная сила. И мученія тѣмъ невыносимѣе, что не знаешь, гдѣ первоисточникъ жестокостей и противозаконій. Виситъ надъ міромъ какая-то роковая тайна, будто *необходимость* зла и охватываетъ смиренныхъ людей нескончаемая цѣпь неправдъ и притѣсненій. Нестерпимо тяжело на сердцѣ униженнаго человѣка! Если бы онъ зналъ виновника своихъ золъ, онъ, по крайней мѣрѣ, могъ бы отвести душу если не въ борьбѣ, то въ надеждѣ на нее въ будущемъ, могъ бы найти и немалое удовлетвореніе всякаго немощнаго страдальца въ глухомъ но опредѣленномъ сознательномъ ропотѣ.

А здѣсь ничего!

Изъ поколѣнія въ поколѣніе прозябаетъ деревня среди мрака и лишеній и то и другое она привыкла считать столь же неотразимыми, какъ градобитіе, засуха, неурожай, моровое повѣтріе. Деревня не только безпомощна, но не имѣетъ даже и представленія о возможности получить откуда либо дѣйствительную помощь. У нея имѣются только *частныя* объясненія частныхъ явленій, общаго смысла своего бытія она даже не подозрѣваетъ: тяжко и безвыходно, вотъ и вся философія «смиренныхъ». Развѣ только, какъ ужъ самое послѣднее высшее нравственное объясненіе, мысль о «грѣхахъ тяжкихъ». Но она ровно ничего не объясняетъ и своей способностью успокоивать цѣлые милліоны людей свидѣтельствуетъ только о полномъ исчезновеніи энергическаго и сознательнаго отношенія къ фатальности деревенскихъ невзгодъ.

И авторъ понимаетъ значеніе покорныхъ мужицкихъ вздоховъ. Но онъ не останавливается на мужицкой растерянности. Онъ считаетъ это состояніе духа единственно возможнымъ при извѣстномъ порядкѣ вещей. Предъ нами мужики выведены только, какъ дѣйствующія лица для интеллигентной нравственной драмы. Жизнь ихъ наблюдаетъ литераторъ, повидимому,—человѣкъ бывалый и не изъ послѣднихъ осмысливателей фактовъ: онъ переутомившійся корреспондентъ нѣсколькихъ столичныхъ газетъ и на лонѣ природы его не покидаютъ безпокойныя общія мысли о частныхъ явленіяхъ.

Естественно,—онъ видитъ и негодуетъ. На его глазахъ—сумасшед-

шаго держать на цѣпи и ужъ, конечно, дѣло не обходится безъ мужицкаго средства лечить психическую болѣзнь. Литераторъ внѣ себя и въ страстномъ гражданскомъ гнѣвѣ устремляется на поиски за виноватымъ. Въ самое короткое время—литератору приходится укротить свое расходившееся сердце: виноватаго не оказывается! И сердобольный герой приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

«Не виновата деревня, «міромъ» приковывавшая на цѣпь живого человѣка... Нельзя же допустить чтобы сумашедшій рубилъ людей топоромъ. Не виноваты бабы,—теперь онѣ представлялись Бухвостову мученицами, предъ подвигомъ которыхъ дрожь проходила у него по всему тѣлу,—вѣдь онѣ могли бы оставить Гараську въ старомъ корпусѣ (въ первобытной больницѣ гдѣ его истязали)... Не виноваты врачи: они все время толкуютъ земству о необходимости новыхъ затратъ. Не виновато земство—оно не можетъ взыскать своихъ недоимокъ, а нуждъ такъ много... Не виноваты ни эти поля, ни перелѣски, ни хлѣба, ни темный лѣсъ, съ одной стороны все ближе подступавшій къ его думѣ»...

Эти размышленія литератора — краснорѣчивѣйшая рѣчь, какая только была написана нашимъ авторомъ за самое послѣднее время. Болѣе точной и полной характеристики художественнаго міросозерцанія г-на Короленко нельзя и придумать. Какая неограниченная терпимость, какое универсальное состраданіе, настоящій пантеизмъ сердца! И мы теперь видимъ—неразрывную связь между народными личностями извѣстнаго нравственнаго склада и идеями самого автора. Эти личности, въ родѣ самой глубокой среди нихъ,—также *панкардисты*, философы, осердечивающіе всякое проявленіе жизни и чувствующіе смущеніе и страхъ—предъ необходимостью—поднять руку и прервать какой бы то ни было живой процессъ. Развѣ онъ самъ по себѣ виноватъ? Развѣ виновато чудовищное растеніе, истребляющее бабочекъ? Развѣ преступно одно изъ прекраснѣйшихъ морскихъ животныхъ, при малѣйшемъ прикосновеніи поражающее человѣческое тѣло нестерпимо жгучими ядовитыми ожогами? Все это жизнь и тайна жизни,— и во всякомъ явленіи для человѣческаго ума и чувства есть *двѣ стороны*.

Это прекрасно объяснено авторомъ уже давно, еще въ разсказѣ «*Съ двухъ сторонъ*». Тамъ описывается романтическое настроеніе затосковавшаго юноши, разбитаго въ своей научной вѣрѣ. Въ тоскѣ онъ пересталъ признавать даже красоту природы и при видѣ великолѣпнаго зимняго вечера, золотаго блеска и багрянца, началъ восклицать:

«Ложь, ложь и пустая блестящая иллюзія! Въ дѣйствительности нѣтъ ни этой красоты, ни этого золота, ни этого «багрянца»,—пустое и звонкое слово! Стоитъ подняться къ этой красивой мишурѣ, войти въ нее, и васъ окружитъ только холодный пронизывающій туманъ».

Отсюда романтикъ дѣлаетъ уничтожающее заключеніе и насчетъ жизни: если посмотрѣть на нее по настоящему,—она просто безсмысленная слякоть и мгла, безъ красоты, безъ свѣта, безъ тьмы, безъ цѣли и смысла...

Таково воззрѣніе разобиженнаго юноши. Авторъ несогласенъ и вноситъ слѣдующую поправку, вполнѣ совпадающую съ философей *смиренныхъ*. На вопросъ, гдѣ же полная истина?—онъ отвѣчаетъ: «Къ ней мы нѣсколько приблизимся, когда, мирно любуясь золотомъ, будемъ помнить, что то же золото для иныхъ является только туманомъ и холодомъ... И съ другой стороны—среди тумана сохранимъ въ душѣ свѣтъ и багрянецъ»...

Перенесите это настроеніе, этотъ взглядъ въ міръ нравственныхъ явленій, поставьте подобнаго художника въ необходимость произнести ясный и рѣшительный судъ надъ личностью или фактомъ,—вы создадите для него безвыходное положеніе. Мы не хотимъ сказать, чтобы вы заставили художника прибѣгнуть къ шаржу въ общей картинѣ и къ разсчитанной комбинаціи частностей. Судъ художника—не приговоръ публициста. Въ то время когда публицистическое сочувствіе или негодованіе является повелительнымъ разсудочнымъ выводомъ, чисто-логическимъ обобщеніемъ данныхъ фактовъ или умозаключеніемъ поставленнаго силлогизма,—судъ художника—непосредственное, патетическое воздѣйствіе его созданій на сердце и волю читателя. Чтобы вызвать у насъ вполнѣ опредѣленное отношеніе къ извѣстной дѣйствительности, художнику нѣтъ никакой нужды прибѣгать къ морали или выводить какого-нибудь особаго героя въ роли выразителя авторскихъ воззрѣній. Художнику достаточно быть лично *патетически* настроеннымъ,—и этотъ паѳосъ неизбѣжно сообщится читателю на какой бы высотѣ объективнаго творчества ни стоялъ художникъ. У него будетъ *невидимый*, но неотразимо *ощущаемый* и воздѣйствующій добродѣтельный герой.

Для примѣра можно привести гоголевскую сатиру. Геніальный художникъ, какъ извѣстно, былъ въ высшей степени далекъ отъ точнаго *разсудочнаго* представленія о дѣйствительномъ идейномъ значеніи своей сатиры. Какъ *публицистъ*, Гоголь, сравнительно съ общественнымъ смысломъ своего *творчества*,—человѣкъ первобытный и старозавѣтный. *Мертвыя души* и *Ревизоръ*, какъ *всеобъемлющіе* преобразовательные факты русскаго общественнаго сознанія, для Гоголя - моралиста не существовали. И эта всеобъемлемость была вложена въ великія произведенія не разсудкомъ автора, а паѳосомъ. Просвѣтительный, безусловно ясный смыслъ былъ сообщенъ не при помощи лирическихъ отступленій: они скорѣе противорѣчили и во всякомъ случаѣ ограничивали этотъ смыслъ, чѣмъ выясняли его,—отвергъ также авторъ и «добродѣтельнаго человѣка»,—Стародума добраго стараго времени,—и все-таки у него оказался самый краснорѣчивый и настойчивый моралистъ,—*смѣхъ* автора. Гоголь именуетъ его восторженнымъ смѣхомъ: онъ излетаетъ изъ глубины *потрясенной* души, онъ, вызывая сочувственный себѣ откликъ, столь же непосредственный, лирическій, этимъ самымъ совершаетъ дѣло просвѣщенія и очищенія также потрясенной души человѣческой. Зачѣмъ тогда еще нравоучительныя поясненія и про-

повѣди! Вся природа человѣка взволнована въ пользу добра и противъ зла,—не умъ только, но именно *природа*, какъ чувство и воля. Она находится въ *патетическомъ* состояніи, въ томъ самомъ, какое внушилъ автору художественный но карающій смѣхъ.

Мы видимъ, до какой степени безцѣльны и прямо неосмысленны допросы съ пристрастіемъ, обращенные къ художникамъ на счетъ ихъ направленія, т. е. публицистическаго содержанія ихъ произведеній. Дѣло не въ направленіи, не въ тенденціи, а въ самой психологіи творчества. Оно, какъ сила художнику прирожденная, какъ власть стихійная и вдохновенная, само по себѣ есть уже направленіе. Оно полно внутренняго содержанія, непремѣнно жизненнаго, слѣдовательно, нравственнаго и общественнаго смысла, все равно—желаетъ ли *разсудочно* самъ авторъ вложить тотъ или другой смыслъ въ свое творчество. И если «направленія» нѣтъ или оно сбивчиво и не достаточно энергично, это порокъ не идейный, а творческій; это значитъ—самый талантъ художника страдаетъ какимъ-то недугомъ. Разъ этотъ талантъ дѣйствительно силенъ и глубокъ, онъ и изъ Гоголя-неуча и россійскаго обывателя создастъ громадную просвѣтительную умственную силу. А если самъ по себѣ талантъ нѣчто призрачное, взвинченное только благонамѣренной идеологіей, его хватитъ развѣ на чувствительныя нравоучительныя картинки, можетъ быть и очень тонко и разнообразно раскрашенныя, но по существу мертвыя и безароматныя, какъ даже самые художественные искусственные цвѣты. Онѣ, эти картинки, могутъ вызвать мимолетное впечатлѣніе, но для общественной мысли и литературнаго богатства онѣ такъ и останутся хламнымъ памятникомъ творческаго заблужденія и почтенныхъ, но безплодныхъ усилій добродѣтельнаго моралиста, по недоразумѣнію избравшаго оружіе художника.

Очевидно, дѣйствительно художественный талантъ не можетъ служить тьмѣ и злу опять не въ силу преднамѣреннаго направленія, а по своей естественной сущности. Зло и тьма лишены не только нравственнаго достоинства, но и вдохновляющей силы. Нормальный человѣкъ не можетъ искренне увлечься тѣмъ, что грозитъ страданіемъ человѣку, что насилуетъ и уродуетъ здоровую человѣческую природу, что становится препятствіемъ свободному развитію его духовныхъ прирожденныхъ силъ. Зло можно защищать только корыстно и тенденціозно, и поэтому зла можно быть только преднамѣренно или патологически. Ясно, художественный талантъ, не насилуемый извнѣ и не пораженный недугомъ, сила—органически жизненная, т. е. инстинктивно стремящаяся къ сохраненію, развитію и совершенствованію жизни. Въ переводѣ на публицистическій языкъ это значитъ: такой талантъ и при такихъ условіяхъ, всегда гуманенъ и прогрессивенъ.

Но этимъ не ограничивается необходимое содержаніе художественнаго дарованія. Прогрессивность и гуманность—сердце, чувствительная сторона таланта; должна быть еще другая—импульсивная, волевая, патетическая. Все равно какъ отвлеченная мысль, помимо логичности,

должна быть жизненно-содержательной, т. е. заключать въ себѣ побужденія къ самоосуществленію идей, такъ и вдохновеніе художника, помимо свободнаго творческаго, слѣдовательно нравственно-положительнаго процесса, должно быть одушевлено *паѳосомъ*, невольнымъ восторгомъ, яркимъ чувствомъ, должно жить въ *потрясенной* и *взволнованной* душѣ. Этотъ паѳосъ будетъ вызванъ не разсудкомъ, не нарочито поставленной темой: онъ такой же органическій фактъ, какъ и само вдохновеніе. И онъ дѣйствительно является волей и личностью художника, а для общества онъ превращается въ исходную точку и идеальную цѣль *дѣятельности*. Такой именно смыслъ и имѣлъ художественный, но *восторженный* смѣхъ Гоголя.

Теперь припомните выводы, сдѣланные нами изъ произведеній г-на Короленко и примѣните только что высказанныя соображенія къ его личности не какъ публициста, а какъ художника,—должно получиться заключеніе въ высшей степени своеобразное, похожее на контрастъ нашимъ представленіямъ о Гоголѣ-художникѣ и о Гоголѣ-публицистѣ.

XIX.

Намъ нѣтъ необходимости настаивать на несомнѣнной истинѣ, до какой степени богаты содержаніемъ, самымъ жизненнымъ и глубокимъ, произведенія нашего автора. Среди современныхъ беллетристовъ г. Короленко—самый поучительный и благодарный авторъ, т. е. никто не въ состояніи вызвать у читателя такой сложный и разносторонній идейный процессъ, никто не является до такой степени suggestif *умственно-возбудительнымъ*, и немногочисленность и краткость разсказовъ и очерковъ автора выкупается ихъ идейно-вдохновляющей содержательностью. Мы могли убѣдиться въ этомъ даже на отдѣльныхъ частностяхъ, не только на цѣлыхъ произведеніяхъ, и въ этомъ фактѣ залогъ прочнаго и почетнаго мѣста г-на Короленка въ русской литературѣ.

Но мы видѣли также, все богатство содержанія неизмѣнно подчиняется особому настроенію автора, основанному на его непосредственномъ художественномъ міросозерцаніи. Мы назвали это міросозерцаніе *панкардизмомъ*, желая выразить представленіе о мірѣ какъ явленіи *осердеченномъ*. Мы могли убѣдиться,—этотъ процессъ *осердечиванія* совершается неуклонно во всѣхъ произведеніяхъ нашего автора, вплоть до новѣйшаго—*Смиренные* и приводитъ его неуклонно къ одному и тому же *двустороннему настроенію*. Мы теперь можемъ опредѣлить смыслъ этой *двусторонности*. Она вовсе не лже-христіанское смиреніе, не смута идейныхъ взглядовъ и убѣжденій, она—отсутствіе художественнаго паѳоса, особой творческой вдохновенной воли. Это *гамлетизмъ таланта*, *рефлексія творчества*, все равно какъ извѣстенъ гамлетизмъ мысли, рефлексія ума. И то и другое—великій недостатокъ человѣческой природы, но одинаково органическій и, если угодно, одинаково благородный.

Умственный гамлетизмъ—колебанія необыкновенно развитаго и въ

высшей степени освѣдомленнаго ума—рѣшать, что—истинно безусловно и что только кажется таковымъ. Творческій гамлетизмъ—растерянность поразительно чуткаго сердца и музыкальной натуры предъ вопросомъ, чему, какому жизненному явленію произнести уничтожающій приговоръ, гдѣ открыть первопричину зла и несовершенства? Мы видѣли—и мысль и чувство одинаково естественно могутъ привести человѣка къ двустороннему, т. е. въ сущности безвыходному сужденію объ истинѣ. И г. Короленко въ нашей литературѣ единственный представитель оригинальнѣйшаго гамлетизма и дисгармоніи. Безусловно направленскій публицистъ, т. е. поневолѣ «односторонній», не въ порицательномъ смыслѣ слова, онъ—«двусторонній» художникъ. Обыкновенно и у насъ и вообще во всякой другой литературѣ двусторонностью страдала публицистика даровитыхъ и даже геніальныхъ художниковъ, здѣсь же въ общественныхъ *убѣжденіяхъ* не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, но художественный паѳосъ представляется неограниченной *міровой* жалостью и разрѣшается въ безысходный вопль сострадающаго сердца: «Чей же именно грѣхъ? И что такое грѣхъ?»

Авторъ-публицистъ *знаетъ* отвѣты на эти вопросы. Онъ въ концѣ разсказа о *Смиренныхъ* прибавляетъ по поводу статьи литератора о невзгодахъ деревни: «Хотя никто въ частности не обвинялся, но обидѣлись очень многіе»... Это значитъ—грѣшники нашлись и въ нихъ заговорило невольное раздраженное сознаніе вины. Они несомнѣнно отдавали себѣ ясный отчетъ въ томъ, что такое грѣхъ и чей онъ конечно, хотя могли какъ угодно объяснять свои *личныя* прегрѣшенія и противоставлять свои добродѣтели.

Г. Короленко, какъ публицистъ, сумѣлъ бы рѣшить эту тяжбу, но какъ художникъ, онъ все дѣло оставилъ подъ сомнѣніемъ, а самихъ грѣшниковъ развѣ только «въ подозрѣніи».

Такова, по нашему мнѣнію, сущность художественнаго дарованія нашего автора. Общество широко пользуется достоинствами таланта и не страдаетъ отъ его недостатковъ: они вполнѣ возмѣщаются публицистической дѣятельностью писателя. Но самъ писатель, несомнѣнно, является жертвой своеобразности своихъ творческихъ силъ. Отсутствіе паѳоса въ сильнѣйшей степени должно *обезпложивать* вдохновеніе, все равно какъ рефлексія мысли парализуетъ жизненный нервъ всей идейной работы. Патетическая душа художника то же что систематизирующій умъ и въ системѣ идей и въ паѳосѣ чувствъ заключаются одинаково могучія побужденія—*дѣйствовать*. И сравнительно малая производительность таланта г-на Короленко должна корениться, помимо всѣхъ другихъ внѣшнихъ причинъ, въ основномъ психологическомъ недостаткѣ художественной натуры.

Но мы видѣли, врядъ ли человѣку свойственъ болѣе почтенный и благородный недостатокъ, чѣмъ этотъ *панкардистическій гамлетизмъ*. Онъ только ярче освѣщаетъ *прочувствованность* личности и искренность художника. И онъ, мы знаемъ, роднитъ художника съ народ-

ной душой. Въ благороднѣйшихъ *личностяхъ* изъ народа мы встрѣтили ту же *двусторонность*, то же чувство невольной оторопи предъ рѣшительнымъ дѣятельнымъ чувствомъ ради одного какого либо теченія въ многообразномъ нескончаемо противорѣчивомъ процессѣ жизни. Эта оторопь — свидѣтельство истинно-философской глубины мысли и возвышенной совѣстливости всей человѣческой натуры, — но практически—она—*безсиліе*, лично-подвижническое но общественно-безразличное страданіе и фатальное подоощреніе злу и эгоизму издѣваться надъ глубиной, насиловать совѣстливость и устранять ихъ со своего *односторонняго* пути—во имя своихъ цѣлей. Очевидно,—панкардизмъ—только переходная ступень къ высшему строю нравственнаго міра, критическая полоса между «старой вѣрой» и болѣе совершеннымъ *творческимъ* идеализмомъ. И никто глубже нашего автора не проникъ въ психологію нашей національной *двусторонности*, никто *какъ художникъ*—не сумѣлъ освѣтить такъ ярко и воспроизвести такъ *исчерпывающе*—сложнѣйшаго явленія народной и культурной психологіи. У г. Короленко творчество—истинный актъ общественнаго самосознанія, тѣмъ болѣе убѣдительный и даже трогательный, что онъ въ тоже время личная исповѣдь художника. Она не говоритъ намъ послѣдняго вдохновляющаго слова, она тоже не нашла своихъ паролей и лозунговъ, но это потому что ихъ нѣтъ еще въ самой жизни русскаго народа, а она—правдивѣйшій отголосокъ этой жизни и раздѣляетъ вмѣстѣ съ ней—всю муку сомнѣній, невольной нерѣшительности, повременамъ непреодолимаго бездѣйствія, будто истощенія творческихъ силъ и идеальныхъ задачъ. Но это—истома и броженіе могучаго организма, пока еще не обрѣвшаго всей *воли*, равносильной богатству его *идей* не успѣвшаго подчинить весь убытокъ своихъ чувствъ единому стройному патетическому побужденію...

Мы не исчерпали всѣхъ достоинствъ произведеній г-на Короленко. Мы желали ограничиться только общимъ смысломъ ихъ содержанія, попутно отмѣчая ихъ высокую художественность. Но и эта цѣль привела насъ къ убѣжденію, какъ высоко стоитъ нашъ авторъ въ ряду *идейныхъ* художниковъ нашей литературы—онъ такой спокойный творческій талантъ, такой терпимый осмысливатель жизни! Какая краснорѣчивая защита искусства, какъ нравственной силы и какое завидное право не на современную беллетристическую популярность, а на историческое литературное имя!

Ив. Ивановъ.

ОСВОБОДИЛАСЬ.

Повѣсть.

I.

У присяжнаго повѣреннаго Быховцева собирались по воскресеньямъ. Это были очень скучные журъ-фиксы, безъ картъ, но всѣ считали нужнымъ хоть разъ въ мѣсяцъ побывать у радушнаго хозяина, который такъ дорожилъ своей популярностью.

Хозяйка сидѣла уже за третьимъ самоваромъ и всѣмъ улыбалась усталой улыбкой.

Знакомые, разбившись парами, заняли углы и вяло вели разговоры въ одиночку. Хозяинъ въ кабинетѣ занималъ двухъ почетныхъ гостей,—профессора и богатаго помѣщика изъ Смоленской губерніи. Слышались фразы о хлѣбныхъ цѣнахъ, о трудности вести хозяйство въ наши дни, объ экономической статьѣ, надѣлавшей немало шума. Помѣщикъ громко и сердясь доказывалъ профессору, что урожай въ Россіи прямо нежелателенъ, что помѣщику остается только зубы класть на полку при паденіи хлѣбныхъ цѣнъ.

— Вы можете не горевать,—возразилъ профессоръ съ саркастической усмѣшкой.—Слухи отовсюду тревожные. Ждутъ недорода...

За столомъ, возлѣ хозяйки, гости, чтобъ убить время, усердно пили чай и жевали печенье.

Какая-то полная барыня громко негодовала на поборы попечительствъ. Дня не проходитъ, чтобъ вамъ не всучили билета въ чью-нибудь пользу. Просто хоть на люди не показывайся.

Многіе подавляли зѣвки. Было скучно и жарко.

— Ахъ!.. И чего они копаются?..—про себя досадовала хозяйка.—„Ужъ пора ужинать“...

Послѣ одиннадцати звонки стали раздаваться чаще. Это возвращались изъ театра Парадизъ, гдѣ гастролировала знаменитая парижская артистка Режанъ.

Общество слегка встрепенулось.

— Ну что?—спрашивала хозяйка.

— Удивительно!—отвѣчалъ гость и дословно повторялъ мнѣніе рецензента той газеты, которую выписывалъ.

Новой темѣ обрадовались и напали на нее съ яростью. Сравнивали Режанъ съ Дузе, съ Ермоловой и т. д. Дамы заволновались. Каждая отстаивала свою любимицу и свою точку зрѣнія на искусство. Съ свойственной дамамъ несдержанностью черезъ десять минутъ онѣ уже сумѣли обострить споръ.

Хозяйка улыбалась за самоваромъ и облегченно вздыхала. „Наконецъ-то!.. разговорились... И что это Прокофьевъ такъ запоздалъ?..“

По правую руку отъ хозяйки, на почетномъ мѣстѣ, сидѣла женщина лѣтъ тридцати пяти. Она была маленькая, худенькая, съ лицомъ гувернантки, блѣднымъ и увядшимъ. Она два часа сидѣла у стола и очевидно утомилась. Темные глаза глядѣли печально, но иногда въ нихъ вспыхивалъ огонекъ насмѣшки, тонкія ноздри вздрагивали и лицо это молодѣло.

На ней было черное шерстяное платье, дорогое и тяжелое, съ модной отдѣлкой изъ стекляруса. Все это на ней казалось надѣтымъ съ чужого плеча. Бываютъ такія фигуры и лица, къ которымъ совсѣмъ не идетъ богатство.

Звали ее Лизаветой Николаевной Мельгуновой.

Она лѣниво допила вторую чашку.

— Хотите еще?—предложила хозяйка.

— Нѣтъ... благодарю васъ!

Быховцева оживленно поднялась и крикнула прислугѣ, чтобъ убирали самоваръ.

„И зачѣмъ я здѣсь сижу и скучаю весь вечеръ“? - думала Лизавета Николаевна.—„По желанью мужа, которому надо поддерживать связи... Какая глупость!.. А онъ, конечно, у своей Анны Васильевны“...

Вошелъ студентъ, красивый, бѣлокурый, съ розовыми отъ мороза щеками, и отправился прямо къ столу, гдѣ хозяйничала Быховцева.

— Вы изъ попечительства? — спросила она. — Ну что новенькаго?

Онъ досадливо сдвинулъ темныя брови и сдѣлалъ рукой жестъ нетерпѣнья.

— Все та же пѣсня... Нѣтъ денегъ... а потому студенты должны ходить по домамъ и собирать подачки... Знаете? Я ужасно волновался... Эдакое нахальство у нашего предсѣдателя... „Въ виду —говоритъ—того, что многіе студенты находятъ это для себя обременительнымъ, я предложилъ бы возложить эти обязанности на бѣдныхъ студентовъ за извѣстное вознагражденье“? Я тутъ всталъ и говорю ему...

— Позвольте васъ познакомить,—перебила хозяйка.—Нашъ репетиторъ Алексѣй Иванычъ Клименко... Лизавета Николаевна Мельгунова...

Дочки Быховцевыхъ, румяныя хохотушки, усѣвшіяся съ молодежью въ другой комнатѣ, встрѣтили студента веселымъ смѣхомъ.

— Здравствуйте „непримиримый!..“ кричали гостю барышни и курсистки.

— „Какая у него славная кличка“!.. подумала Мельгунова.

Сѣли, наконецъ, за ужинъ. Хозяйка улыбалась, предвкушая давно желанное объединенье и обмѣнъ мыслей.

Въ передней оглушительно задребезжалъ звонокъ. Многіе вздрогнули.

— Это Прокофьевъ,—радостно сообщила хозяйка въ пространство.

— Гвоздь вечера,—сказалъ на̀-ухо одинъ господинъ другому.

Всѣ съ ожиданьемъ оглянулись на дверь.

Вошелъ Прокофьевъ, плѣшивый толстякъ, съ сѣдѣющей бородой, съ лицомъ скорѣе коммерсанта, чѣмъ извѣстнаго адвоката. Его усадили рядомъ съ хозяйкой, по другую сторону стола.

— Позвольте васъ представить... г. Прокофьевъ... Лизавета Николаевна Мельгунова... жена нашего извѣстнаго хирурга...

Иронія сверкнула на мгновенье въ темныхъ глазахъ Мельгуновой.

„Ага!.. Вотъ она!..—про себя отмѣтилъ Прокофьевъ.—Совсѣмъ незамѣтна и ужъ не молода...—Неудивительно, что нашъ милѣйшій Павелъ Васильичъ жуируетъ на сторонѣ„.

Прокофьевъ тотчасъ овладѣлъ разговоромъ.

Аппетитно жуя осетрину и блистая глазами на розовыя личики притихшихъ курсистокъ, онъ говорилъ не спѣша, взвѣшивая каждое слово, какъ человѣкъ, привыкшій, чтобъ его слушали.

Его спросили о Режанъ.

— „Не скажетъ-ли онъ чего-нибудь оригинальнаго“?.. заинтересовалась Лизавета Николаевна...

Но съ первыхъ словъ ей пришлось разочароваться.—„Опять изъ своей газеты“,—со скукой подумала она. На-дняхъ, интересуясь узнать, что скажетъ о заѣзжей знаменитости наша убогая критика, Мельгунова проглядѣла всѣ отзывы. Характернѣе всего было мнѣніе одной консервативной газеты по поводу Ибсеновской „Норы“, гдѣ расточались похвалы ея „честному, любящему мужу“...

Прокофьевъ, дословно цитируя этотъ фельетонъ, доказывалъ что Режанъ „удивительно своеобразно освѣщаетъ типъ героини“. Нора въ ея игрѣ—это дегенеративный субъектъ, легкомысленный до мозга костей. Легкомысліе именно заставляетъ ее совершать

подлогъ. Оно же толкаетъ ее бросить мужа, когда подлогъ открытъ и мужъ кидаетъ ей въ лицо заслуженный упрекъ.

Прокофьеву налили вторую рюмку настойки; онъ чокнулся съ хозяиномъ и продолжалъ, возбужденно улыбаясь.

— Вы понимаете ли? Вѣдь это совсѣмъ—совсѣмъ новое толкованье. Только теперь мнѣ становится яснымъ этотъ ничѣмъ не мотивированный уходъ Норы отъ любящаго, честнаго мужа.

Онъ залпомъ выпилъ водку и крякнулъ.

Пока Прокофьевъ занялся пикулями и сморщился, прожевывая какой-то ядовитый стручокъ, настала маленькая пауза.

И среди тишины вдругъ раздался глубокій грудной голосъ Мельгуновой.

— Выходитъ такъ, что ни вы, ни тотъ фельетонистъ, статью котораго вы цитируете, не поняли совсѣмъ ни типа Норы, ни авторскаго замысла. Что Режанъ не поняла, позвольте вамъ не повѣрить...

За столомъ произошло движенье.

— Что такое?

Прокофьевъ всѣмъ корпусомъ повернулся къ Лизаветѣ Николаевнѣ. Стулъ затрещалъ подъ тяжестью его тѣла при этомъ рѣзкомъ поворотѣ.

— „Ай да барынька!..“—подумалъ Клименко и съ интересомъ прищурился на блѣдное, худенькое лицо Мельгуновой.

Прокофьевъ былъ видимо озадаченъ такимъ неожиданнымъ, а главное, дерзкимъ нападеніемъ.

— Но позвольте... Самъ Ибсенъ одобрилъ эту игру... Согласитесь, разъ авторъ...

— Pardon! Позвольте вамъ напомнить письмо самой Режанъ къ нѣмецкому критику Теодору Вольфу...

— Письмо ея?..

— Да... Оно было напечатано и, между прочимъ, она такъ говоритъ о Норѣ: „Десять лѣтъ она любила нѣжно и преданно мужа, и вдругъ — катастрофа. Вмѣсто прекрасной, безсмертной души у него оказалась буржуазная душонка, умѣющая думать только о собственной дрянненькой личности. Какое страданіе! Вотъ чѣмъ Нора безсмертна“... Таковъ, насколько помнится, смыслъ ея отзыва... Наврядъ ли, понимая такъ проникновенно героиню, артистка могла сыграть ее плохо...

Прококофьевъ пересталъ жевать, бросилъ салфетку и яро, какъ левъ, кинулся въ споръ. Онъ отстаивалъ „новую“ точку зрѣнія, называлъ Нору истеричкой, не понимающей своихъ обязанностей передъ семьей...

— А передъ собой обязанности вы признаете? — спросила Мельгунова и глаза ея сверкнули.

Что-то дрогнуло вдругъ въ ея лицѣ и голосѣ и выдало ее. Въ страстности этой защиты, въ тонѣ, въ глазахъ Мельгуновой было слишкомъ много личнаго, затаеннаго страданья. „Она несчастна"...—понялъ Клименко и на секунду словно замеръ передъ этой яркой душевной драмой, неожиданно раскрывшейся передъ нимъ.

— Ахъ, эта пресловутая теорія индивидуализма!..—какъ-то жалобно весь сморщился Прокофьевъ.—Но дѣти?.. позвольте, барынька милая...—вы забываете о дѣтяхъ...

— Да! Какъ она смѣла ихъ бросить?..—крикнула пожилая дама, свирѣпо глядя на Мельгунову.—И куда она помчалась, позвольте васъ спросить? Это ночью-то? На улицу... безъ гроша денегъ?.. Есть ли тутъ здравый смыслъ, я васъ спрашиваю.

— Право, я тутъ ни причемъ,—улыбнулась Мельгунова и искорки юмора зажглись въ ея зрачкахъ.—Спросите объ этомъ автора.

Молодежь переглянулась съ улыбками. Дама обидѣлась.

— Такъ нельзя говорить! Вы смѣшками отвѣчаете...

— Pardon... Какъ же вы хотите, чтобъ я серьезно отвѣчала на такіе... наивные вопросы?

— „А вѣдь она злая",—подумалъ Клименко. И ему это понравилось.

Онъ поднялся и протянулъ къ Елизаветѣ Николаевнѣ свой стаканъ съ виномъ.

— Позвольте чокнуться за вашу Нору.

Она вспыхнула и улыбнулась.

„Да она прямо интересна,—подумалъ Прокофьевъ.—И ой-ой какой бабецъ!.. Съ душкомъ и темпераментомъ... Какъ это я ее сразу не оцѣнилъ?.."

Въ глазахъ его загорѣлся огонекъ.

— Онъ тоже поднялся, чтобъ чокнуться съ Мельгуновой; за нимъ потянулись и другіе мужчины.

— „Странно, — думалъ студентъ, щурясь на ея нервное лицо,—вѣдь совсѣмъ—совсѣмъ другая женщина... не та, съ которой меня знакомили"...

Прокофьевъ тономъ ниже, но очень любезно продолжалъ развивать свои теоріи насчетъ кухни и дѣтской. Всѣ замѣтили, что онъ заинтересованъ, хозяйка ликовала. Но Лизавета Николаевна словно выдохлась. Лицо ея угасло сразу. Она или устала, или ей вдругъ стало безразлично, за кѣмъ останется послѣднее слово.

— Кто это? подъ шумокъ спросилъ Клименко свою сосѣдку-курсистку.

— Жена знаменитости,—усмѣхнулась она.

— Ахъ, она замѣчательная женщина!—вмѣшалась другая кур-

систка. Въ нашемъ попечительствѣ она первая работница. Надѣнетъ старую шубку и пойдетъ въ обходъ. Ни заразъ не боится, ничего. Въ прошломъ году денегъ не было столовую открыть,— она устроила концертъ! Двѣ тысячи сбору далъ. А воскресная школа у нея какъ идетъ!

— Да это что? — подхватила ея сосѣдка. Она сама уроки пѣнія и музыки даетъ въ частной гимназіи Панафидиной.

Клименко отодвинулся.

— Какъ уроки? За деньги?

— Ну, да... Сына сама въ гимназію подготовила... Латынь изучила. И шьетъ, говорятъ, на себя... Словомъ, на всѣ руки,— засмѣялась курсистка, ласково взглянула на Мельгунову и встрѣтила ея пытливый вспыхнувшій взглядъ.

Красивое лицо Клименки стало сразу холоднымъ, почти суровымъ. Онъ жестко посмотрѣлъ на Мельгунову, быстро опустившую рѣсницы, и отвернулся.

— Вотъ это самостоятельность, настоящая! —сказала другая курсистка подъ звонъ посуды, подъ шумъ разомъ возникшихъ повсюду разговоровъ.

— Самостоятельность!—Глаза Клименки злобно сверкнули.— Я называю это подлостью, — заявилъ онъ сдержанно, спокойно, съ виду. Но странно было слышать его мягкій, нѣжный голосъ южанина, произносившій такія жесткія слова.

Всѣ барышни всплеснули руками.

— Собственно говоря... какъ понимаете вы женскій вопросъ?— спросилъ онъ, пощипывая русый пухъ, вившійся на его подбородкѣ.—Развѣ, по вашему, онъ не вопросъ голодныхъ и одинокихъ женщинъ, у которыхъ нѣтъ кормильцевъ, и которыя требуютъ себѣ труда?..

Курсистка сердито сощурилась на Клименко.

— Неужто, по вашему, только нужда и голодъ двигаютъ этотъ вопросъ?

— Да... Какъ и весь прогрессъ...

— А по моему всего важнѣе идеи: идеологи, и десятокъ такихъ, какъ Мельгунова, стоятъ дороже тысячи вашихъ голодныхъ, которымъ чужды всякія „идеи", а нуженъ только хлѣбъ...

— Позвольте,—сдержанно перебилъ Клименко, не повышая голоса.—Вы забываете главное: идеѣ предшествуютъ матеріальные факты... Она сама родится изъ фактовъ, а не рождаетъ ихъ...

— По вашему выходитъ, что какъ вышла замужъ, такъ и отходи въ сторону,—вмѣшалась сосѣдка,—какъ отверженныя!..

Клименко сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ своей небольшой, почти женской. изящной рукой.

— Повѣрьте, что выходя на трудовой рынокъ изъ прихоти

или моды, замужнія женщины только сбиваютъ заработную плату, и безъ того низкую и только отодвигаютъ рѣшеніе женскаго вопроса въ желательномъ смыслѣ... И если всѣ сытыя начнутъ у голодныхъ отнимать послѣднее, какъ ваша Мельгунова...

Въ комнатѣ случайно стихли разомъ. Внесли сладкій пирогъ, который, какъ волшебствомъ, прекратилъ разговоры. И среди этой неожиданной тишины нервный голосъ Клименко, его жесткія слова раздались громко, какъ ударъ бича.

Курсистка тихо ахнула. Студентъ смолкъ, покраснѣвъ, какъ дѣвушка, и растерянно оглянулся:

Неужто она слышала?

Да. Это было видно по ея разомъ поблѣднѣвшему лицу.

Послѣ ужина многіе тотчасъ же стали разъѣзжаться. Нѣкоторые уходили потихоньку, не прощаясь съ хозяевами, чтобъ не пожимать десятка чужихъ, ненужныхъ рукъ.

Молодежь, столпившись у піанино, стала пѣть хоромъ.

Клименко, пользуясь суматохой, вышелъ въ переднюю и искалъ свое жиденькое пальто на загроможденной вѣшалкѣ.

— „Славу Богу!.. Тутъ!.. Вотъ еслибъ теперь разыскать калоши!.. А!.. вотъ и онѣ.. Хуже моихъ здѣсь навѣрно ни у кого не найдется“...

Онъ влѣзъ въ калоши, поднялъ голову и замеръ. Передъ нимъ стояла Лизавета Николаевна, запахиваясь въ ротонду. Она въ упоръ глядѣла на студента и въ чертахъ ея нервнаго лица ясно читалось выраженіе затаенной боли. Губы ея легко вздрагивали.

— Не можете ли вы проводить меня до извозчика?

Въ ея красивомъ звенящемъ голосѣ была сила. Она не заискивала, а приказывала. Клименко весь съежился и почтительно наклонилъ голову. Хозяйка у дверей расцѣловала гостью.

— Прощайте, моя душечка!.. Спасибо вамъ!.. Выта къ оживили вечеръ... Прокофьевъ совсѣмъ заинтересованъ...

Ночь была синяя, лунная. Легкій морозъ пріятно покалывалъ кожу.

Нѣсколько шаговъ Мельгунова прошла молча. Потомъ остановилась и прямо взглянула въ смущенное лицо спутника.

— Я слышала вашъ разговоръ... Весь... отъ слова до слова.

Изъ голубыхъ глазъ Клименко вдругъ выглянулъ фанатикъ безпощадный и упорный. Онъ хотѣлъ заговорить, но она, рѣзко перебила его:

— Почему подлость? Я ничего не понимаю... И потомъ эта странная манера осуждать съ плеча, не взвѣсивъ, не понявъ, не узнавъ причины. Безпощадная логика... дѣтей.

Она чуть не сказала—мальчишекъ.

Голосъ ея вздрагивалъ. Какъ въ ту минуту, когда она гово-

рила о Норѣ, отъ нея вѣяло какой-то сдержанной страстностью, какой-то скрытой силой. Что-то задѣло ее заживо и словно разбудило.

Бываютъ такія лица. Взгляните на нихъ въ минуты сна или инертнаго состоянія — вы пройдете мимо и забудете... Въ нихъ нѣтъ оригинальности, нѣтъ жизни и красоты... Но вотъ на такомъ лицѣ блеснула улыбка, дрогнула страсть... вотъ оно озарилось внутренней работой мысли, и вы съ удивленьемъ спрашиваете себя: неужели это тотъ самый человѣкъ? Да какъ же я не замѣчалъ его раньше?

У Лизаветы Николаевны было именно такое лицо.

Она не шла, а почти бѣжала. Гулко звучали ихъ шаги по тротуару. На углу чернѣлъ силуэтъ извощичьей лошади.

— Мнѣ надо съ вами говорить. Вы меня такъ сразили. Завтра мы должны встрѣтиться, и вы объясните мнѣ... Но гдѣ?..

Она задумалась на мгновенье. Когда она подняла глаза вверхъ, въ зрачкахъ ея блеснулъ синій свѣтъ луны.

„Какъ она молода еще и интересна!..—съ удивленіемъ замѣтилъ Клименко.—Или это лунное освѣщеніе придаетъ ей такую странную прелесть?.. Мнѣ положительно нравится такое лицо"...

— Наймете, сударыня?.. — спросилъ извозчикъ, похлопывая рукавицами.

Она бѣгло взглянула на его обвѣтренное старое лицо и назвала улицу.

— Я завтра свободна все утро. Но у меня это невозможно...

— Пожалуйте,—сказалъ извозчикъ, слѣзъ, кряхтя откинулъ полость и похлопалъ по сидѣнью, стряхивая съ него сухую снѣжную пыль.

Мельгунова сѣла.

— Я живу (онъ назвалъ адресъ)... Если вы ничего не имѣете противъ... я бы попросилъ васъ ко мнѣ... Я познакомлю васъ съ моей хозяйкой... у которой я живу. Это порядочная особа... вполнѣ...

Она сосредоточенно соображала что-то. Брови ея сдвинулись. За минуту нѣжное и, казалось, юное лицо было теперь рѣшительнымъ, почти суровымъ.

— Хорошо... Я приду... Въ которомъ?

— Я могу и не идти на лекціи... Въ десять... Вамъ это рано?

— Нѣтъ. Я встаю въ семь... Хорошо... Въ десять. До свиданья...

Она холодно кивнула ему головой, не только при этомъ не подала руки, но еще какъ-то плотнѣе прижала ихъ къ груди, кутаясь въ ротонду.

Сани тихо завизжали и тронулись. Клименко шелъ, глядя

вслѣдъ, замедленнымъ шагомъ. Онъ все ждалъ, не обернется ли она на поворотѣ въ другую улицу?

Но она не оглянулась.

Сани скрылись. Длинная улица была пуста.

„Зачѣмъ я оскорбилъ ее?—подумалъ Клименко съ болью въ душѣ. Она такая... особенная и навѣрно хорошій человѣкъ... Но я не могъ поступить иначе... не могъ..."

Онъ шелъ домой,—и прекрасная ночь казалась теперь такой холодной...

II.

Въ большой столовой, освѣщенной яркимъ зимнимъ солнцемъ, было холодно. Печи затопили только недавно. Вся обстановка была солидная, въ строго выдержанномъ стилѣ. Дубовый буфетъ, дубовый огромный столъ, такіе же стулья, тяжелые, съ высокими рѣзными спинками.

За столомъ, облокотившись и подперевъ рукою голову, сидѣла Лизавета Николаевна. Передъ ней на спиртовкѣ кипѣлъ кофе въ оригинальномъ новомъ кофейникѣ. На англійскихъ тяжелыхъ тарелкахъ, съ замысловатымъ узоромъ, была холодная закуска. Синяго стекла съ золотомъ графинчикъ баккара̀ съ коньякомъ fine champagne, весело сверкалъ подъ брызгами солнечныхъ лучей, заливавшихъ весь столъ.

На хозяйкѣ былъ темный бумазейный капотъ, съ кушакомъ и черным узкимъ кружевомъ у шеи. Въ этомъ скромномъ туалетѣ Мельгунова опять-таки была похожа скорѣй на гувернантку, чѣмъ на хозяйку богатаго дома. И вся ея фигурка удивительно не подходила къ этимъ дорогимъ рѣзнымъ буфетамъ, къ заграничному фаянсу и высокому лѣпному потолку. Она казалась еще меньше, еще незамѣтнѣе, чѣмъ въ салонѣ Быховцевыхъ. Точно вошла сюда съ улицы и заняла чужое мѣсто.

Лицо ея было совсѣмъ сѣрое въ этомъ безпощадномъ солнечномъ освѣщеніи. Темныя кольца вокругъ глазъ говорили о безсонной ночи, о серьезномъ нравственномъ страданьѣ. Она заснула въ четыре, а въ семь, какъ всегда, была на ногахъ. Она вышла съ кухаркой на рынокъ, накинувъ старую шубку, съ барашковымъ воротникомъ. Этой шубкѣ шесть лѣтъ. Въ ней она ходитъ на уроки и на обходъ бѣдныхъ въ своемъ участкѣ во всякую погоду. Если шить новую, или даже перекрывать ее за̀ново и подбавлять мѣху, который обтерся у всѣхъ швовъ, то придется затратить всѣ пятьдесятъ рублей, ея мѣсячный заработокъ. А мать пишетъ, что ей къ Рождеству нужно рублей сто. Она тоже обносилась и брату надо помочь. Невѣстка родила неблагополучно, хвораетъ третій мѣсяцъ.

Андрей въ отчаяніи, весь кругомъ въ долгу. Отъ нея,—богатой дочери и сестры,—всѣ ждутъ денегъ, всѣ привыкли къ ея помощи и принимаютъ ее, какъ должное.

Когда Мельгунова возвращалась домой, горничная вносила самоваръ. Лизавета Николаевна поила Шуру чаемъ передъ его уходомъ въ гимназію. Гувернантокъ у нея никогда не было, она была противъ этого; да и Павелъ Васильевичъ не допустилъ бы. Шура—крѣпкій, краснощекій, красивый мальчикъ, лѣтъ двѣнадцати,— портретъ отца—ѣлъ всегда много, съ аппетитомъ жевалъ ветчину своими крѣпкими зубами и односложно отвѣчалъ на разспросы матери.

Иногда, когда снаряжая его, она оглядывала его ранецъ,—не забыто ли что на нынче,—онъ обиженно говорилъ:

— Ну что ты, мама, право?.. Маленькій я, что ли? Развѣ забываю я что-нибудь?

На лѣстницѣ она глядѣла ему вслѣдъ, потомъ подходила къ окну и прильнувъ къ нему, слѣдила напряженнымъ взглядомъ за маленькой фигуркой, твердо, самоувѣренно шагавшей черезъ улицу.

„Здѣсь такой разъѣздъ, конка... Слава Богу!.. перешелъ на троттуаръ... Вонъ скрылся...“

Она отходила отъ окна съ опущенной головой, съ опущенными руками.

Она безумно любила сына. Онъ былъ ея первенецъ и единственный, который пережилъ остальныхъ трехъ ребятъ, въ раннемъ дѣтствѣ погибшихъ отъ дифтерита.

Она любила въ немъ свою юность, свое счастье въ прошломъ, которое давно изчезло, какъ исчезаютъ яркіе сны на зарѣ. Невольно, когда она глядѣла на этого черноброваго мальчика,—она вспоминала, что была любима, что сама была безумно-счастлива, вѣрила слѣпо, смѣло шла на трудъ и лишенья за великую радость быть вмѣстѣ.

Среди крушенья, безвозвратно поглотившаго всѣ ея сокровища и разрушившаго иллюзіи,— остался только этотъ мальчикъ, страстно любимый обоими.

Въ чувствѣ этомъ было что-то органическое, стихійное, почти болѣзненное. Лизавета Николаевна хорошо видѣла недостатки сына, съ огорченьемъ подмѣчала, какъ опредѣляются въ его натурѣ глубоко-антипатичныя для нея черты Павла Васильича: его практичность, скупость, какая-то разсудочная сухость души.

Отецъ былъ его идеаломъ. Уже въ дѣтствѣ, въ маленькомъ сердечкѣ Шуры проснулось какое-то безсознательное, органическое презрѣнье къ женщинѣ... Мать, нянька, сестры — всѣ были ниже его... Выростая, онъ тяготился страстной любовью матери и ея заботой. Съ каждымъ годомъ онъ какъ бы ускользалъ изъ ея рукъ все дальше.

Въ это утро Лизавета Николаевна уже вернулась съ рынка, снарядила и отпустила сына въ гимназію и теперь варила кофе для мужа. Это тоже входило въ кругъ ея обязанностей.

Былъ десятый часъ.

Она такъ задумалась, что не слыхала шаговъ Павла Васильича.

Онъ вошелъ изящный, свѣжій послѣ ванны, которую бралъ каждое утро, красивый, моложе своихъ сорока лѣтъ.

— Здравствуй, Лиза,—сказалъ онъ ласково и сѣлъ за столъ. Онъ очевидно былъ въ духѣ.

Она вздрогнула и слабо покраснѣла. Пока она суетилась, наливая кофе и намазывая тартинки масломъ, по его вкусу, она чувствовала, что онъ глядитъ на ея увядшее, измученное безсонной ночью лицо, на ея тоненькую фигурку, на ея старую блузу и дѣлаетъ въ умѣ невыгодныя для нея сравненья съ Анной Васильевной. Та такая пышная, эффектная женщина. Ей всего двадцать восемь лѣтъ.

Рука ея чуть-чуть дрожала, пока она рѣзала сыръ. Онъ крошился на длинной тарелочкѣ.

— Оставь, ты не умѣешь,—сказалъ мужъ спокойно.

Она положила новый, вчера купленный мужемъ ножикъ-серпъ, красивый и блестящій.

— Да, этимъ ножомъ совсѣмъ не умѣю.

Онъ взялъ въ руки этотъ ножикъ и озабоченно сталъ осматривать сталь.

„Слава Богу... Занялся...“—облегченно подумала Лизавета Николаевна.

За послѣдніе пять лѣтъ она совершенно отвыкла отъ мужа. Жизнь каждаго шла сама по себѣ. Отъ Анны Васильевны у Мельгунова было уже двое дѣтей. Лизавета Никоваевна это знала давно и была благодарна этой женщинѣ, что она избавила ее отъ всякой интимности съ этимъ чужимъ ей сейчасъ человѣкомъ.

Теперь все вошло въ колею. Мельгуновъ практикуетъ въ пріютѣ Анны Васильевны. Какъ помощница ея мужа, она принята въ домѣ Лизаветы Николаевны и всюду, гдѣ дорожатъ талантливымъ хирургомъ. Дѣти ихъ выдаются за чужихъ, отданныхъ будто бы „секретными“ въ пріютъ, на воспитанье. Приличія всѣ соблюдены. Буквально придраться не къ чему!.. Лизавета Николаевна раза два въ годъ, въ большіе праздники, отдаетъ визитъ акушеркѣ и цѣлуетъ щечки прелестныхъ ребятъ, безъ тѣни враждебности... За что? Развѣ такъ не въ сто разъ лучше для всѣхъ?

Павелъ Васильичъ безспорно умный человѣкъ, но у него есть слабости глупаго страуса, который, спрятавъ голову подъ крыло, воображаетъ, что его не видно, что онъ одурачилъ охотника. Счастливая своей свободой, она ни разу не намекнула ему

на акушерку за эти пять лѣтъ, и онъ, кажется, вообразилъ, что она ничего не знаетъ... Ну что же?.. Пусть! Хотя иногда такъ хорошо испугать намекомъ!.. Какъ онъ блѣднѣетъ и теряется!.. Вѣдь у него слабость—слыть за образцоваго семьянина... Но эти „боевыя“ минуты, какъ называла Лизавета Николаевича вспыхивающую въ ней иногда потребность къ задору и насмѣшкѣ, приходили все рѣже за послѣдній годъ... Она чувствовала себя здѣсь чужой ненужной и эта удручающая мысль отражалась въ ея манерахъ. Ей хотѣлось какъ-будто стать незамѣтной. Клименко здѣсь не узналъ бы ее. Это была совсѣмъ не та женщина, которая страстно говорила о Норѣ и покорила его своей душевной силой и оригинальностью.

Павелъ Васильичъ кончилъ осмотръ ножа и искусно нарѣзалъ тонкими ломтями ноздреватый сыръ, изъ котораго сочилась слеза.

— Видишь, Лиза?.. Вотъ какъ надо рѣзать!.. И пожалуйста обтирай его всякій разъ сама... не довѣряй прислугѣ... сталь быстро портится...

Искорки юмора сверкнули въ глазахъ Лизаветы Николаевны.

„Онъ говорилъ вчера за ужиномъ у Анны Васильевны точьвъ-точь тоже самое, только вмѣсто Лизы онъ произнесъ Анюта... Онъ ей привезъ такой же ножикъ и училъ ее рѣзать сыръ... Охъ ужъ и хозяйственный же этотъ Павелъ Васильичъ!..“ думала Лизавета Николаевна подвигая мужу графинчикъ съ коньякомъ.— „И конечно, Анна Васильевна оказалась понятливѣе меня... какъ во всемъ...“

Мельгуновъ аппетитно пилъ кофе и, какъ Шура, крѣпкими зубами жевалъ ветчину.

— Ну что? вчера у Быховцевыхъ было много народу?

Лизавета Николаевна разсказала свои впечатлѣнія. Она умѣла разсказывать и неподражаемо копировала людей незамѣтнымъ движеньемъ мускуловъ лица, внезапной интонаціей. У ней былъ юморъ, наблюдательность, умѣнье нѣсколькими штрихами набросать картину.

— Фу, батюшки!.. Какая тощища!—разсмѣялся Мельгуновъ и протянулъ женѣ стаканъ.—Налей еще! Хорошо, что я непоѣхалъ.

Вспомнивъ, что этимъ онъ обязанъ женѣ, онъ любезно поцѣловалъ у ней руку.

— Спасибо, Лиза... Я знаю, что съ твоей стороны, это нѣкимъ образомъ „жертва“ и тѣмъ болѣе цѣню твою доброту.— Въ его тонѣ зазвучала легкая иронія.—Ну теперь мы смѣло мѣсяца два можемъ туда не показываться. А кто жъ тамъ былъ изъ „великихъ“ людей?

Лизатета Николаевна назвала двухъ профессоровъ и Прокофьева.

Мельгуновъ опустилъ руку съ тартинкой, которую несъ-было въ ротъ, и все лицо его выразило тревогу.

— Тебѣ его представили? Вѣдь эта Быховцева—такая простота!.. Растеряется вѣчно, всѣхъ спутаетъ, имена перезабудетъ... Я помню, меня какъ-то съ двумя только студентами и познакомила...

Искорки опять вспыхнули въ глазахъ Лизаветы Николаевны.

— Мы съ нимъ говорили весь ужинъ...

— Да?.. О чемъ же?

Лицо его просіяло. Онъ началъ вкусно жевать холодный ростбифъ.

— О театрѣ, о Режанъ... такъ... о многомъ, — протянула Лизавета Николаевна и, вдругъ затуманившись, задумчиво стала слѣдить за игрой солнечныхъ лучей въ графинчикѣ.

— Ты сказала, что была?.. что видѣла ее?..

— Кажется, сказала.

— То-то... А не правда ли, уменъ и оригиналенъ этотъ Прокофьевъ?

— Развѣ? Я не нахожу.

Мельгуновъ опять пересталъ ѣсть.

— На тебя не угодишь. Гдѣ ты умнѣе видала?.. Сама ты все оригинальничаешь. И онъ тобой занимался весь вечеръ?

Она усмѣхнулась мужу прямо въ лицо.

— Насъ всѣ слушали.

Онъ покраснѣлъ отъ удовольствія.

„Умна! Этого у нея нельзя отнять... Въ грязь лицомъ не ударитъ“.

Онъ тщательно вытеръ усы и красныя губы, которыя отъ ѣды, казалось, стали еще краснѣе. Потомъ аккуратно стряхнулъ съ бороды крошки и сложилъ твердую бѣлоснѣжную салфетку.

— Еще разъ спасибо! Ты у меня—умница.

Онъ крѣпко поцѣловалъ опять маленькую руку жены.

Лизавета Николаева усмѣхнулась.—„Чѣмъ это Анна Васильевна ему угодила такъ, что онъ нынче сіяетъ, какъ именинникъ“?

Онъ всталъ и посмотрѣлъ на часы.

„Сейчасъ поѣдетъ въ ея пріютъ... Тамъ у нихъ „секретныя“ больныя, которыхъ они оба обдираютъ какъ липку“...

Вдругъ на лицѣ его показалась прежняя тревога.

— А въ чемъ ты была?.. Надѣюсь, въ новомъ платьѣ?

— Да...

— То-то!.. Отъ тебя станется, что вырядишься, какъ курсистка... Но отчего ты не носишь серегъ, которыя я подарилъ тебѣ?

Лицо ея сразу стало холоднымъ.

— Я тебѣ, кажется, ихъ вернула?..

— Ну да! Но отчего не носишь? Какая странная щепетильность!

— Ничего страннаго... Это просто... не въ моихъ правилахъ носить на себѣ тысячу рублей. Дико какъ-то... Ты напрасно только раззорился.

Она вдругъ разсмѣялась, покраснѣла и стала похожа на дѣвчонку.

— Чему ты рада?..— недовольно замѣтилъ Мельгуновъ, вынимая зубочистку и начиная ковырять ею въ зубахъ...

— Н-нѣтъ... Такъ... ничего...

Она вспомнила объ акушеркѣ, у которой такихъ серегъ не будетъ. О, еслибъ она ихъ видѣла!..

Мельгуновъ укоризненно покачалъ головой.

— Ахъ, Лиза, Лиза! Отчего ты такой—„студентъ?" Вѣдь вотъ сколько лѣтъ я стараюсь развить въ тебѣ эту.. женственность! И все зря... Кажется, мы оба уже въ люди вышли, на виду у всѣхъ! Можно бы отстать отъ старыхъ привычекъ!.. Вѣдь оригинальностью, милая, никого не удивишь... Да вотъ еще,— вдругъ вспомнилъ онъ,— ты бы себѣ на ротонду пелерину сдѣлала... знаешь?.. такую модную?..

„Какъ у Анны Васильевны?.." —мелькнула въ ея головѣ.

— Я обойдусь и безъ пелерины,—коротко отвѣтила Лизавета Николаевна и стала мыть посуду.—Довольно того, что я потратилась на это глупое платье...

Онъ нахмурился. Не любилъ онъ у нея этого тона.

— Зачѣмъ же обходиться, когда всѣ такъ носятъ?

— Я не люблю того, что всѣ носятъ... Это дико какъ-то... точно одно стадо.

— Вотъ-вотъ! Я зналъ твои возраженія. Глупое упрямство и больше ничего...

Онъ прошелъ нѣсколько шаговъ по столовой, нервно крутя бороду.

Она добавила холодно:

— Наконецъ у меня есть свои нужды поважнѣе пелеринъ и ротондъ.

— Еще бы!.. maman, милый братецъ-бездѣльникъ, орава родственниковъ и нищихъ.

Лизавета Николаевна поблѣднѣла.

— Ну къ чему? Къ чему эти попреки? Чѣмъ тебѣ мѣшаютъ мои родные?..

— Очень мѣшаютъ... очень!..—желчно возвысилъ голосъ Мельгуновъ и красивые глаза его засверкали гнѣвомъ.—Ради нихъ моя супруга, какъ гувернантка — какая-то несчастная, треплется по урокамъ, во всякую погоду на конкахъ... Ты думаешь, я мирюсь съ этимъ, если молчу?

— Что же въ этомъ позорнаго?

— А то что ты деньги получаешь вотъ что! Это жена профессора... который зарабатываетъ тысячъ двадцать въ годъ... И сколько разъ я просилъ тебя не срамить меня передъ людьми?.. Ну, давала бы уроки даромъ?.. Мало ли блажи у бабъ?.. Вотъ, напримѣръ, я ничего не имѣю противъ воскресной школы твоей или попечительства въ городской? Еслибъ ты пожелала быть попечительницей, какъ Быховцева и Сивушина?.. Я бы тебѣ это устроилъ черезъ Алферова... А то трепаться за какіе-то несчастные шестьсотъ рублей въ годъ?.. Подумаютъ, я отказываю тебѣ въ необходимомъ...

— Мнѣ все равно, что думаютъ другіе...

— Да мнѣ-то не все равно,—крикнулъ Мельгуновъ и ударилъ себя въ грудь по крахмальной рубашкѣ. — На-дняхъ, только, Алферовъ меня спрашиваетъ: „Неужели эта ваша жена уроки даетъ въ гимназіи Панафидиной?“ Я со стыда сгорѣлъ. Что онъ долженъ обо мнѣ, о насъ думать?.. А вѣдь ты знаешь, какъ мнѣ нуженъ Алферовъ, какъ я дорожу мнѣніемъ такого вліятельнаго человѣка!..

— Для меня это мнѣніе безразлично,—тихо возразила Лизавета Николаевна. Она была очень блѣдна. Ей вспомнились слова Клименко.

Но Мельгуновъ ея не слыхалъ. Онъ продолжалъ, смягчивъ невольно голосъ.

— Я понимаю, когда мы были бѣдны и начинали жизнь. Ты меня, всю семью кормила трудомъ пока у меня не было практики. Ты думаешь, я это забылъ, Лиза? Я всегда гордился тобой... Съ другой женой, конечно, я не выбился бы изъ нужды... Я такъ страшно тебѣ обязанъ, но теперь... теперь? Какой смыслъ, Боже мой? Ты значитъ хочешь, чтобъ я остался твоимъ вѣчнымъ должникомъ? Ты никогда—никогда копѣйки не попросила у меня. И какъ-будто гордишься этимъ. Это фанатизмъ какой-то! Больная и извращенная гордость... Какъ будто это не такъ просто, не такъ естественно, чтобъ мужъ содержалъ семью. Вотъ!.. Тебя и сейчасъ всю передернуло. Ты даже словъ боишься. Содержать... фи! Какое униженье.

Онъ горько засмѣялся.

Она сидѣла не двигаясь, облокотясь на столъ и закрывъ лицо

Онъ прошелся по комнатѣ, поглядѣлъ на ея склоненныя плечи, на старенькую блузу, на опущенную голову. Что-то кольнуло его въ сердце, что-то похожее на жалость къ ней... Вѣдь, въ сущности, теперь ему нечѣмъ упрекнуть ее; она отвергла его тогда, давно... Но развѣ онъ не сумѣлъ утѣшиться? Не сумѣлъ вычеркнуть изъ своей жизни эту женщину, когда-то любимую безумно, которая заставила его такъ настрадаться?..

Онъ подошелъ и положилъ ей руку на плечо. Она не шевельнулась.

— Лиза! Ты, пожалуйста, не сердись... Этотъ разговоръ назрѣлъ, видишь ли?.. и былъ неизбѣженъ... Твои уроки мнѣ вотъ гдѣ сидятъ!..—Онъ хлопнулъ себя рукой по затылку.—Въ послѣдній разъ прошу, не можешь ли ты ихъ бросить?

Она открыла лицо, подбородкомъ оперлась на скрещенные пальцы рукъ и напряженно стала глядѣть передъ собой. Въ лицѣ ея отразилась мучительная борьба. Между бровей залегла морщинка. Она ее старила.

Мельгуновъ внимательно глядѣлъ въ это лицо. Этой морщинки онъ всегда боялся. Вся безпощадная критика его личности, которой жена стала донимать его, когда онъ круто сошелъ съ прежней дороги и заговорилъ въ тонъ новымъ пѣснямъ, зазвучавшимъ кругомъ,— вся эта критика, которую онъ не прощалъ женѣ, всѣ гнѣвныя размолвки ихъ, всѣ горькія минуты семейнаго разлада, постепеннаго отчужденія и, наконецъ, разрыва,— все это въ памяти Мельгунова соединялось съ этими сжатыми губами Лизаветы Николаевны, съ этой грозной морщинкой между бровей, съ этимъ загадочнымъ выраженіемъ ея глазъ...

Она молчала. Только вѣки ея тяжело сомкнулись и голова опять опустилась на руки.

Онъ заходилъ по комнатѣ, забирая въ ладонь кончикъ бороды, тихонько покусывая ее и опять расправляя своими холеными тонкими пальцами.

— И если стать на твою точку зрѣнья,—ты развѣ мало вносишь въ домъ? Ты замѣняла Шурѣ гувернантку, теперь — репетитора. Ты была первой нянькой у своихъ дѣтей, ихъ и себя обшивала... Ты — превосходная хозяйка,—вѣдь это деньги, душа моя, тѣ же деньги?..

Она вдругъ открыла лицо и встала.

— Ты кончилъ?

Онъ осѣкся словно и круто повернулся на каблукахъ на другомъ концѣ комнаты.

— А что?

— Тебѣ пора въ пріютъ...

Она взяла посуду, уставила ее на подносъ и подошла къ буфету. Тамъ она выдвинула доску, отворила рѣзную дверцу и не спѣша, аккуратно стала разставлять посуду на полкахъ.

Мужъ исподлобья слѣдилъ за ея движеніями.

Никогда ему не взять ее въ руки, никогда!.. Не сумѣлъ покорить, когда любила безумно... глупо и поздно пробовать теперь!.. Его охватило чувство досаднаго безсилія. Психика этой женщины всегда была чужда ему. Одно онъ чувствовалъ, что съ Лизой

нельзя натягивать струны: отъ нея всегда можно ждать всякихъ выходокъ, несмотря на весь ея умъ и тактъ. Она изъ семьи психопатовъ... Съ этимъ тоже надо считаться.

— Павелъ Васильевичъ,—вдругъ зазвенѣлъ ея голосъ.

Мельгуновъ встрепенулся.

— Ты бы заглянулъ въ мои записныя книги... Отчего ты цѣлый мѣсяцъ ихъ не провѣрялъ? Я такъ привыкла къ твоей аккуратности. Почему, ты вдругъ измѣнилъ этой почтенной привычкѣ?

Онъ сморщился и взялся рукой за ослѣпительный воротъ крахмальной рубашки, словно она давила ему горло.

Она говорила это, уже обернувшись лицомъ къ мужу и прислонясь спиной къ буфету. Въ лицѣ ея застыла холодная, неподвижная, дѣланная усмѣшка.

— Лиза!.. Ну къ чему это?.. Развѣ я затѣмъ началъ этотъ разговоръ?.. Ахъ, Боже мой!..

— Да и вообще мнѣ такъ удобнѣе настаивала она... Ты самъ увидишь, на что ушли твои деньги?.. Тогда не повторятся, быть можетъ, эти разговоры... о вымогательствѣ моихъ... нищихъ родныхъ... эти подозрѣнія... упреки...

Ея голосъ сорвался.

Уголъ рта ея вдругъ нервически задергало. Она быстро отдѣлилась отъ буфета и, не глядя на мужа, вышла изъ комнаты.

Хорошее настроеніе Мельгунова, которымъ онъ такъ дорожилъ, было нарушено.

III.

Лизавета Николаевна пришла въ свою комнату и машинально сѣла за письменный столъ.

У нея была „своя“ обстановка. Послѣ роскошной столовой и богатой гостинной, не говоря уже о красивомъ кабинетѣ мужа, стоившемъ ему немалыхъ денегъ, комната Лизаветы Николаевны поражала своей простотой и почти строгостью.

Въ ней, какъ и въ сосѣдней комнатѣ Шуры, было много солнца и воздуха. На окнахъ не было сторъ. Коврикъ—одинъ—только у постели. Обѣ комнаты были убраны одинаково. Только въ спальной Лизаветы Николаевны кровать стояла за ширмами и на окнахъ красовалась зелень. Каждый листочекъ на растеньяхъ сверкалъ, словно радовался. Прислуга такъ за цвѣтами не ходитъ.

Ни картинъ на стѣнахъ, ни этажерокъ, ни хрупкихъ бездѣлушекъ, которыя такъ любятъ женщины. Даже не было туалетнаго стола въ спальной Мельгуновой. У окна пріютилась швейная машина,

а у Шуры стоялъ токарный станокъ, на которомъ въ праздники онъ работалъ съ увлеченьемъ.

На письменномъ столѣ Лизаветы Николаевны, въ черныхъ простыхъ рамкахъ, стояли три портрета. Первый изображалъ ея мать, второй брата ея съ десятилѣтией Олей, крестницей Лизаветы Николаевны. Какое прелестное, доброе личико! Еслибъ у нея была такая же ласковая, любящая дочка!.. Какъ измѣнилась бы, какъ согрѣлась бы вся жизнь!..

Третій портретъ былъ—семейная группа: Павелъ Васильевичъ на третій годъ ихъ свадьбы,—красивый, влюбленный... Она все такая же маленькая, худенькая, съ задумчивымъ взглядомъ. А на рукахъ у мужа двухлѣтній бутузъ—Шурка...

Какіе они были тогда счастливые!.. Сказка это была, или сонъ?..

Она такъ задумалась, держа въ рукахъ портретъ, что не разслышала легкаго стука въ дверь и шаговъ мужа.

Онъ вошелъ въ пальто, съ бобровой шапкой въ рукахъ и остановился невольно. Что-то дрогнуло въ его лицѣ...

Половица скрипнула.

Лизавета Николаевна оглянулась и покраснѣла.

„Зачѣмъ онъ пришелъ?.. Какъ это безтактно"!..

— Ты меня испугалъ, — сухо сказала она и отвернулась, чтобъ скрыть свое смущенье.

Онъ тоже былъ замѣтно сконфуженъ.

— Извини, Лиза! Я по дѣлу, на минутку. Видишь ли?.. У насъ завтра обѣдъ... человѣкъ на десять... Будутъ нужные, для меня люди. въ общемъ, даже интересные... Я забылъ тебя предупредить. Можно сѣсть?

Онъ сѣлъ на кушетку и посмотрѣлъ на книгу, брошенную на маленькій столикъ. Алая лента закладки, выглядывавшая изъ листовъ, показывала, что книга прочтена уже до половины.

Онъ прочелъ заглавіе. *Бенжаменъ Киддъ. Соціальная эволюція.*

Ему стало пріятно. Какъ, она много читаетъ, за всѣмъ слѣдитъ! „А вотъ я отсталъ, — сознался онъ себѣ съ искреннимъ сожалѣньемъ. — Совсѣмъ отсталъ... Загребаемъ мы тамъ въ пріютѣ и по Москвѣ съ Анютой денежки, а сами мохомъ обросли".

— Интересно? спросилъ онъ, перелиставъ книгу.

— Я еще не кончила,—тихо отвѣтила она и сѣла у стола, лицомъ къ мужу.

— Мнѣ бы хотѣлось, Лиза, чтобы ты нынче проѣхала въ Охотный. Ты вѣдь нынче свободна?

Она украдкой взглянула на часы. Половина десятаго. Въ десять она должна быть у Клименки. Остается нѣсколько минутъ, чтобъ переодѣться.

— Дамы будутъ?—спросила, не глядя, Лизавета Николаевна

и стала осматривать свои ногти съ какимъ-то сосредоточеннымъ вниманьемъ.

Онъ усмѣхнулся въ бороду.

— Ты одна. Больше и не нужно никого.

— Что такъ?—съ легкимъ задоромъ вырвалось у нея. Очевидно выдалась „боевая“ минутка...

Онъ насторожился и всталъ, захвативъ со стола шапку.

— Ты, Лиза, умница... Пожалуйста займи гостей, особенно Сафронова... Я знаю, когда ты захочешь кого-нибудь обворожить... Ну словомъ, будь съ нимъ любезна... развернись. Онъ тоже—человѣкъ начитанный, видавшій виды. Такого человѣка оцѣнка мнѣ будетъ вдвойнѣ дорога.

Онъ пошелъ къ двери.

— Отчего ты не попробуешь перенести твои журъ-фиксы и обѣды... въ другое мѣсто?

На лицѣ его показался испугъ.

— Лиза! Бога ради...

Она весело разсмѣялась, какъ тогда въ столовой.

— О Господи! До чего ты боишься словъ! Ну, прекрасно... я понимаю этотъ твой страхъ передъ тѣмъ, что скажутъ? Ты всегда, какъ заяцъ, трепеталъ передъ людьми и ихъ мнѣньемъ, всегда стремился соблюдать приличія, слыть образцовымъ семьяниномъ. Но между нами-то? Ха!.. Ха!.. И чего ты испугался? Даже поблѣднѣлъ!

Отъ волненья у него было сухо во рту и въ горлѣ.

— Лиза,—началъ онъ,—если до тебя дошли слухи...

Она встала и выпрямилась.

— Павелъ Васильевичъ... Оставь!.. Мнѣ за тебя стыдно!.. Это не слухи, а факты... Ахъ, да развѣ я вмѣшиваюсь въ твою жизнь?.. живи съ кѣмъ хочешь, дѣлай, что хочешь, мнѣ безразлично... Но не дурачь меня, если ты меня хоть, капельку уважаешь?.. Что мы—другъ другу?.. Чужіе—и оба свободные...

Онъ былъ блѣденъ.

— Анна Васильевна... Моя правая рука... Увѣряю тебя, Лиза... Вѣдь этотъ пріютъ—ея только оффиціально... Онъ на ея имя, хозяинъ—я...

— Ахъ... сорвалось у нея и она разомъ поблѣднѣла такъ сильно, что онъ испугался еще больше.

— Она пайщица—только... Но она мнѣ крайне нужна, лепеталъ онъ, совершенно растерявшись. Ты, Лиза... Я не знаю, право, почему именно нынче... такая нервозность? Я тебѣ былъ такъ обязанъ за твою тактичность и доброту къ Аннѣ Васильевнѣ... Она женщина безъ образованія: если что у нея и сорвется—ты должна ее извинить. Она дальше акушерскихъ курсовъ нигдѣ не была—

людей не видала. Она, конечно, энергична, работы не боится... акушерка прекрасная... Я за нее не боюсь даже въ трудныхъ случаяхъ. Мы всюду принимаемъ вмѣстѣ...

— Парочка—на подборъ!..

Онъ опять дрогнулъ. Что это? Иронія? Вызовъ? Она задумчиво глядѣла на улицу, сидя у окна. Неужели она все поняла?.. И быть можетъ давно? Ему стало жутко.

— Нѣтъ, Лиза, мнѣ нужна жена только такая какъ ты,— заговорилъ онъ искренно и сдѣлалъ шагъ къ окну.—Ты женщина чуткая, развитая, съ широкимъ кругозоромъ. Ты и принять можешь, и поговорить... Когда за столомъ, при гостяхъ... другія (онъ запнулся; онъ чуть не назвалъ Анну Васильевну)... другія разѣваютъ ротъ, мнѣ всегда страшно: вотъ—вотъ сейчасъ осрамятся. За тебя я никогда не боюсь...

Она съ нетерпѣньемъ на этотъ разъ оглянулась на часы. Уголъ рта ея нервически дергался.

— Ты спѣшишь куда-нибудь?

— Да! да и тебѣ пора въ *вашъ* пріютъ...

Онъ протянулъ ей руку, но она не подала ему своей.

— До свиданья, Лиза! Къ обѣду вернусь.—Онъ на минуту смолкъ и медлилъ уйти, совсѣмъ сбитый съ толку ея рѣзкостью.

— Да!—ты удивительная женщина... я всегда всѣмъ говорю, что ты—идеальная семьянинка... вотъ еслибы только не была такой... Такой прямолинейной... Въ твоей натурѣ совсѣмъ нѣтъ гибкости. А женщина намъ дорога именно этой способностью все понять... Tout comprendre, c'est tout pardonner... Все понять, все простить.

— Даже пріютъ для „секретныхъ"?—сощурилась она и нервно засмѣялась, глядя въ его сконфуженное лицо. Помните? Лѣтъ пять назадъ я вамъ предсказала что вы кончите этимъ... А теперь извините... Мнѣ надо переодѣться...

Онъ вышелъ блѣдный, растерянный, съ видомъ побитой собаки. Медленно пройдя гостиную и столовую, онъ услышалъ какіе-то звуки изъ спальни жены. Что это? не то хохотъ, не то слезы?.. Неужели истерика?

Онъ замеръ на мгновенье. Вдругъ лицо его приняло жесткое выраженье. Онъ нахлобучилъ шапку и вышелъ на подъѣздъ.

IV.

Погода стояла чудесная. Морозило. Снѣгъ твердый, бѣлый, какъ сахаръ, искрился на солнцѣ.

Лизавета Николаевна и не замѣтила, какъ подошла къ той улицѣ, гдѣ жилъ Клименко.

Не безъ труда разыскала она домъ. Дворъ былъ грязный, вонючій, съ горой мерзлаго мусора посрединѣ. Дворника нигдѣ не оказывалось. Она бродила отъ крыльца къ крыльцу и наткнулась на оборваннаго мальчишку:

— Голубчикъ, не знаете гдѣ живетъ госпожа Шмидтъ?

— Шмитиха? Это никакъ учительша?

— Не знаю, милый! У нея студентъ живетъ.

— Эге!.. Она самая... Вотъ сюды пожалуйте.

Мальчикъ любезно указалъ въ уголъ, гдѣ чернѣла дверь подвальнаго этажа. При этомъ онъ такъ выразительно поглядѣлъ на барашковую муфту барыни, что та догадалась сейчасъ же вручить ему гривенникъ.

— Вы осторожнѣй... тамъ склизко...—предупредилъ мальчикъ ее очень кстати.

Лизавета Николаевна потеряла-было равновѣсіе, ахнула и уперлась всѣми пятью растопыренными пальцами въ стѣну. Рука ея была безъ перчатки и она ощутила на кожѣ холодъ липкой, склизлой каменной стѣны.

„Какая гадость!"—подумала она, брезгливо вытирая руку о платокъ.

Мальчикъ любезно предупредилъ ее, дернувъ звонокъ.

Клименко тотчасъ же самъ отперъ дверь. Видно было, что онъ поджидалъ гостью.

— Я ужъ думалъ, вы не придете.

— Извините, запоздала.

— Ужъ одиннадцать скоро,—сказалъ онъ робко.

Онъ все время волновался, увѣренный, что Мельгунова махнула на него вчера рукой и рѣшила, что мнѣніе его гроша сломаннаго не стоитъ...

Ее пріятно поразилъ его задушевный тонъ. Она тоже какъ-то сразу подбодрилась.

Въ передней было темно и угарно. За стѣной плакалъ грудной ребенокъ.

— Пожалуйте... вотъ сюда,—говорилъ Клименко и взялъ гостью подъ локоть.—Не споткнитесь... Здѣсь порогъ.

Мельгунова оглянулась. Комнатка въ одно окно, скудная мебель, запахъ сырости и угара. Гдѣ-то чадилъ самоваръ. Чистенькая постель, столъ въ порядкѣ, на немъ книги, лекціи. Въ углу на гвоздяхъ одежа, подъ чистой простыней. Цвѣты на окнахъ. На стѣнѣ фотографическій снимокъ съ знаменитой Венеры Милосской, въ рамкѣ.

„Вотъ какъ! Онъ—эстетикъ!"—съ удовольствіемъ отмѣтила Лизавета Николаевна.

Безъ тѣни вчерашней враждебности она сѣла у окна.—Здѣсь

дуетъ,—предупредилъ онъ,—лучше сядьте тутъ. Матрена,—зазвенѣлъ его голосъ,—давайте самоваръ!..

Никто не отозвался. Ребенокъ все также жалобно плакалъ.. Клименко покраснѣлъ.

— Вы меня извините... я сейчасъ...

— Зачѣмъ вы хлопочете?—ласково спросила Мельгунова.

Но онъ уже вышелъ. Когда онъ вернулся, онъ казался еще болѣе сконфуженнымъ.

— Извините... кухарки нѣтъ. Она сейчасъ вернется.

Онъ сѣлъ у стола и первый разъ взглянулъ гостьѣ въ лицо.

— Вы пришли какъ... врагъ?—невольно вырвалось у него.

Она смотрѣла серьезно, но мягко.

— Нѣтъ! Зачѣмъ вражда? Я пришла поговорить по душѣ.

— Спасибо! Вотъ именно это я хотѣлъ... чтобъ по душѣ. Мою вчерашнюю рѣзкость забудьте... Да? Забудете?

Она улыбнулась.

— Я не злопамятна. Но вы все-таки объяснитесь и точнѣе.. Мнѣ надо знать кто изъ насъ правъ?

Кто-то отворилъ дверь ногой. Они оглянулись. Какая-то женщина внесла самоваръ въ комнату. Клименко вскочилъ.

— Марья Васильевна. Зачѣмъ же сами? Вы бы мнѣ сказали...

— Матрены нѣтъ. Не все ли равно? — отвѣтила молодая женщина.

Что она была молода, можно было только догадаться по звуку ея красиваго, вибрирующаго голоса. Все лицо ея распухло отъ флюса, голова была завязана теплымъ платкомъ.

— Позвольте васъ познакомить... Моя хозяйка—Марья Васильевна Шмидтъ... г-жа Мельгунова.

Лизавета Николаевна встала и протянула руку.

Хозяйка разсмѣялась, быстро поправила платокъ на щекѣ и спрятала свои руки за спину.

— Извините! я вся въ сажѣ... Очень пріятно познакомиться.

Она скрылась и за стѣной тотчасъ послышался ея грудной голосъ, убаюкивающій ребенка.

— Кто она?—спросила Мельгунова. По грязной ситцевой блузѣ она приняла бы ее за прислугу.

— Учительница пѣнія... Артистка бывшая. Консерваторію кончила...

— Неужели?.. Замужемъ?

— Нѣтъ... Двое дѣтей, это ея незаконныя... Отецъ ихъ—актеръ—бросилъ ее.

— Чѣмъ же она живетъ? Вотъ бѣдняжка!..

— Урокъ имѣетъ въ городской школѣ на 16 рублей въ мѣсяцъ... Черезъ городского голову получила... Онъ ее еще пом-

нить, какъ она, лѣтъ десять назадъ, въ консерваторіи восходящей звѣздой была. И вотъ видите?.. Какъ жизнь-то складывается!.. Послѣ родовъ у нея голосъ пропалъ. Все потеряла сразу—и любимаго человѣка, и положеніе. И удивительная женщина, знаете?.. Другая бы на ея мѣстѣ кляла бы жизнь и духомъ пала бы, а она хоть бы что! Поплачетъ втихомолку, выплачется, встряхнется и опять ничего. Ни одной жалобы... А ужъ такъ бьется,— глядѣть больно...

— Отчего ея малютка плачетъ? Боленъ?

— Да, катарръ кишокъ. Приводилъ я тутъ одного медикуса знакомаго... конечно, безплатно. „Ничего,—говоритъ,—не подѣлаешь... Должно быть помретъ. Молоко въ Москвѣ скверное, да и всѣ условія... А и выживетъ, такъ не на радость матери и себѣ: будетъ хилымъ. Лучше бъ ужъ помиралъ!" А она души просто въ немъ не чаетъ...

Въ дверь стукнули.

Клименко живо вскочилъ.

— Баринъ, возьмите-ка: я съ холоду.

Онъ взялъ у кухарки сахаръ, лимонъ, хлѣбъ и заварилъ чай.

— Пейте, пожалуйста,—просилъ онъ, подвигая къ ней чашку.

— Но вѣдь нельзя же жить на шестнадцать рублей,—заговорила Мельгунова, оборачивая къ Клименко свое сразу угасшее лицо.—Вы ей что платите?

— Десять рублей.—Онъ замялся на мгновенье, вспыхнулъ, потомъ рѣшительно поднялъ на гостью глаза.—Видите ли? Я прежде въ той жилъ... въ другой... тамъ два окна, свѣтлѣе и больше. А она сама съ дѣтьми вотъ тутъ ютилась... Ну, я ее упросилъ перебраться, потому что мнѣ, собственно говоря, много ли нужно? Я одинъ. Жалко мнѣ ее очень!..

Она слушала, какъ будто разсѣянно и машинально мѣшала ложкой въ чаю. Между бровей ея опять залегла глубокая морщинка.

Студентъ вспомнилъ что-то, вскочилъ и досталъ изъ ящика комода полуфунтовую коробку, обвязанную пестрой тесемкой.

— Лизавета Николаевна... Не хотите ли мармеладу? Вы ужъ извините, плохой... Въ нашей мѣстности ничего порядочнаго не найдешь...

„Какой онъ милый,—даже совѣстно какъ-то",—подумала она и взяла конфекту. Мармеладъ былъ пыльный, старый, засиженный еще съ осени мухами.

— Сколько же она за квартиру платитъ?

— Тринадцать рублей.

Мельгунова нервно повела плечами.

— Вамъ холодно? Здѣсь, извините, еще нетоплено нынче.

— Нѣтъ, это такъ! Скажите, какъ же она умудряется жить? Вѣдь это — нищета?

— Нищета, — подтвердилъ Клименко и энергично сталъ болтать ложкой въ стаканѣ.

Настала тишина. Они пили чай, не глядя другъ на друга.

Клименко всталъ и тихонько постучалъ въ стѣну.

— Ну?.. Весело раздалось оттуда.

— Чашечку чаю на дорогу не хотите ли?

— Съ удовольствіемъ, — отозвалась хозяйка.

Черезъ минуту она сидѣла съ ними и пила чай.

На Марьѣ Васильевнѣ было теперь темное платье, довольно приличное, кое гдѣ аккуратно подштопанное на локтяхъ. Ея густая русая коса виднѣлась изъ-подъ платка, закрывавшаго щеку. Она была стройна и должно быть недурна.

— Вы на урокъ сейчасъ? — спросила Мельгунова.

— Да, въ школу. Отсюда недалеко.

— А какже зубы-то?

— Ну — вотъ! — Марья Васильевна махнула рукой. — Мнѣ теперь легче, какъ разнесло щеку. Нельзя у насъ въ школахъ манкировать: тамъ строго, живо вышибутъ... Тамъ учителями вотъ какъ пошвыриваютъ!.. Потому что много насъ очень: на каждую вакансію сотня...

— Вы легко мѣсто достали?

— Да, я-то легко: протекція была. А вотъ подруга моя по консерваторіи пять лѣтъ череда дожидается, а мѣстъ нѣтъ. Мы, піанистки и пѣвицы, изъ горла другъ у друга готовы кусокъ вырвать. Ужъ очень насъ много развелось... дѣвать некуда...

— Неужели вы потеряли голосъ?

— Для оперы — да. Что дѣлать!.. А вѣдь порядочное жалованье получала въ провинціи... подарки какіе... Теперь все спустила и выкупить не придется.

Она пила чай, дуя на блюдечко, и не смолкая болтала, откровенная, вульгарная, вся нараспашку.

— Школъ у насъ мало, а учителей много, — говорила она. — Теперь каждая консерваторка кончившая рада и за такое мѣсто схватиться. Намедни пришла я въ одинъ домъ, гдѣ искали учительницу музыки, да и заломи семьдесятъ пять копеекъ въ часъ. Думала, уже за мной урокъ-то... Прихожу, а мнѣ отказываютъ. „Нашли говорятъ другую, полтинникъ въ часъ“... Такъ я за волосы и схватилась!.. Не будетъ ли у васъ урока какого? Можетъ у знакомыхъ или такъ услышите?.. Ужъ такое-то спасибо сказала бы вамъ... Пока, знаете ли, дѣти не захворали, туда-сюда, а сохрани Богъ — что приключится... ложись тогда да и помирай!

Клименко быстро опустилъ глаза и опять заболталъ ложкой въ чаю.

Лизавета Николаевна выпрямилась и плотно прижалась къ спинкѣ стула. Вѣки ея прищуренныхъ глазъ незамѣтно вздрагивали.

Марья Васильевна встала.

— Ну, спасибо,— сказала она, пожимая руку Клименко. Я пойду, голубчикъ! Пока вы дома, приглядите за моими-то... Боюсь Матрена не ушла бы... До свиданья!

Она привѣтливо кивнула Мельгуновой и вышла.

Мельгунова сидѣла неподвижно, молча, все такъ же плотно прижавшись къ спинкѣ стула.

Клименко поднялъ на нее глаза и рѣшительно придвинулся къ столу.

— Ну-съ,—сорвавшимся звукомъ началъ онъ,—давайте теперь поговоримъ.

Она подняла руку какъ бы защищаясь отъ занесеннаго удара.

— Постойте... постойте!.. Я васъ поняла: я знаю теперь, что вы хотѣли сказать.

Не глядя на нее, Клименко зналъ, что она блѣдна, что у нея дрожатъ губы, что въ ней идетъ сейчасъ тяжелый душевный процессъ. Онъ долженъ былъ бы торжествовать, какъ побѣдитель, и не могъ. Ему было жаль ее.

— Сколько лѣтъ,—заговорила она тихо, глухо, съ трудомъ выговаривая слова,—сколько лѣтъ я считала себя правой. Даже вчера, даже нынче утромъ, вплоть до этой минуты .. И вдругъ... почва уходитъ у меня изъ подъ ногъ. Я не молоденькая: все это знала я, конечно, и слышала, и читала,—но натолкнуться такъ, какъ сейчасъ, лицомъ къ лицу...

— Я знаю теперь,—снова заговорила она,—почему вы пригласили меня сюда: факты говорятъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ. Да... я отымаю хлѣбъ у нея и такихъ, какъ она... Да, я дѣлаю подлость! Но послушайте...—она передохнула и голосъ ея опять зазвенѣлъ,—есть и другая точка зрѣнія,—та, которая руководила мною всю жизнь... и я не могу ее признать фальшивой... все-таки не могу.

— Какая?—тихо сказалъ Клименко.

— Вѣдь не однимъ хлѣбомъ живъ человѣкъ, поймите...

Онъ поднялъ голову. Лицо его было холодно.

— Я вижу факты, Лизавета Николаевна! У васъ есть мужъ, заработывающій тысячи. Марья Васильевна одинока и притомъ нищая... Этого никакими софизмами не оправдаешь...

— Не будемъ затрогивать личностей.

— Извольте! И мнѣ это удобнѣе.

Онъ придвинулся и положилъ локти на столъ.

— На единичномъ примѣрѣ доказывать что-нибуть труднѣе... Мы возьмемъ большія цифры. Вообразите, что на сто вакансій является тысяча голодныхъ женщинъ. Конкурренція жестокая: Девятьсотъ изъ нихъ остаются за флагомъ. Все это печально и и возмутительно, не такъ ли?

Она молча кивнула головой.

— Теперь представьте себѣ, что тысяча сытыхъ и обезпеченныхъ замужнихъ женщинъ, не желая обязываться мужьямъ, или чтобъ заработать на булавки, или же, изъ моды, или отъ скуки—вздумаютъ явиться также съ предложеньемъ своихъ услугъ туда, куда явились голодныя. Что получается? Сытая, сбивъ заработную плату донельзя, заработала на булавки, на перчатки, на прихоти, голодная осталась безъ хлѣба. Лизавета Николаевна, вѣдь это уже не только печальное, это безнравственное явленье! Наконецъ, все это азбучныя истины. Вы навѣрно и раньше все это обдумали?

— Нѣтъ, говорю вамъ. Я не хотѣла на этомъ останавливаться... Повторяю вамъ, есть другая сторона вопроса. Многія сытыя женщины охотнѣе согласились бы голодать, чѣмъ быть содержанками своихъ мужей. Почему вы думаете, что несчастливъ только тотъ, кто голоденъ? Жизнь сложнѣе, чѣмъ вы полагаете.

Она смолкла разомъ и стала кусать губы.

— Какъ васъ зовутъ?—спросила тихо Мельгунова.

— Меня?—Клименко встрепенулся.—Алексѣемъ Иванычемъ.

Она блѣдно усмѣхнулась.

— Какъ это странно! Я шла сюда и даже имени вашего не знала. И вотъ вы—чужой, еще вчера мнѣ незнакомый человѣкъ, чините мнѣ допросъ, какъ судья.

Губы его дрогнули.

— Лизавета Николаевна!..

— Нѣтъ, нѣтъ... Безъ обидъ и рѣзкостей!.. пожалуйста... Но я сама хочу, чтобъ вы меня поняли. Я никогда не боялась того, что другіе думаютъ обо мнѣ... Но теперь не передъ вами, я передъ собой хочу оправдаться. Вы подняли въ моей душѣ такой хаосъ... Помогите же мнѣ въ немъ разобраться!

Съ глубокой мукой вырвалась эта фраза у Лизаветы Николаевны.

— Мнѣ было шестнадцать лѣтъ, когда я кончила курсъ... я была наивна и легкомысленна, мнѣ такъ хотѣлось веселиться... Мать была добрая женщина... но горячая, несдержанная... нужда и горе ее измучили. Она разъ какъ-то назвала меня дармоѣдкой...

Лизавета Николаевна тоскливо стиснула руки.

— Боже мой! Вѣдь есть же слова, которыя не забываются!

Это—было изъ такихъ... Оно мнѣ... душу перевернуло. Я думала, что я помѣшалась... Потомъ я поняла мать и простила ее. Но мысль, разъ заработавшая, уже не могла остановиться. Моя гордость проснулась. Я упорно искала заработка. И вотъ скоро двадцать лѣтъ, какъ я никому не стою ни копейки. Я привыкла каждымъ кускомъ быть обязанной себѣ, одной себѣ, ни роднымъ въ прошломъ, ни мужу, ни сыну — въ будущемъ... Вы скажете, это узкая, односторонняя идея? Можетъ быть. Но я ее выстрадала, выносила, она — моя. Не быть содержанкой— ничьей, никогда. Это вошло въ плоть и кровь мою, это моя привычка, моя потребность. Гордость моя, поймите... гордость! Я не могу сдѣлаться другой.

Не сводя глазъ, Клименко вдумчиво слѣдилъ за ней, какъ она нервно двигалась по тѣсной комнаткѣ и говорила торопливо, какъ бы сама съ собой, не глядя на него, словно забывъ о немъ.

— Я вышла замужъ. У меня были только мои уроки, у него—ничего, кромѣ плановъ и надеждъ. Долго, долго онъ не имѣлъ практики,—всѣ кормились мною. Я заработывала до ста рублей въ мѣсяцъ. Я себѣ не ставлю этого въ заслугу. Пошли дѣти, началась безработица. Всякій разъ послѣ родовъ и болѣзней надо было начинать сызнова. Откуда силы брались? Вспомнить жутко... Я, наконецъ, догадалась открыть школу. Дѣло пошло... По немногу мы стали на ноги. Мужъ выдвинулся также. Дома я опять-таки по принципу дѣлала все сама. Я была кормилицей моихъ дѣтей, учительницей, портнихой, все не бросая школы. Потомъ мы— для мужа—переѣхали въ другую мѣстность. Школа не пошла, дѣти умерли,—одинъ Шура остался. Я была ему репетиторомъ... И вотъ эти уроки, за которые вы меня осуждаете, я даю уже семь лѣтъ...

— Въ прошломъ вы были правы, — тихо заговорилъ Клименко, — но теперь, когда г. Мельгуновъ, назначивъ таксу, сталъ доступенъ только богатымъ людямъ и зарабатываетъ десятки тысячъ?

Она прижмурила вѣки. Казалось, каждое слово его причиняетъ ей боль.

— Вы не дали мнѣ досказать. Мы давно... мы съ мужемъ давно—чужіе.

Она сѣла и закрыла глаза рукой.

— Вы... его уже не любите?..—тихо, чуть слышно спросилъ Клименко. Но она разслыхала и молча наклонила голову.

— Почему же вы отъ него не уйдете?.. — вырвался у него горячій возгласъ.

— Я не могу бросить сына... А онъ его не отдастъ...

Даже голосъ ея угасъ, утратилъ звучность. Она сидѣла, съежившись, такая маленькая, худенькая, такая жалкая...

И лицо ея угасло. Теперь каждый смѣло далъ бы ей ея возрастъ. Сердце Клименки дрогнуло. Настала тяжелая пауза.

— Чего мнѣ ждать впереди? — начала она тихо, все съ тѣмъ же больнымъ выраженіемъ померкшихъ глазъ. Каждый протекшій день разводитъ насъ съ мужемъ все дальше, въ разныя стороны. Семьи нѣтъ... Сынъ?.. И онъ тоже уходитъ отъ меня все дальше. Я это чувствую. Когда онъ выростетъ и женится, я буду ему... уже совсѣмъ въ тягость. Мнѣ не на кого-надѣяться, да и не надо!.. Я хочу сохранить мой кусокъ хлѣба, мною заработанный, не потому, что у меня нѣтъ кормильцевъ, а потому, что я хочу сохранить уваженіе къ самой себѣ. Мнѣ подачекъ не надо ни изъ состраданья, ни на законномъ основаніи...

Она встала и взяла съ кровати свою шубку. Клименко встрепенулся.

— Вы уже уходите?

— Да, мнѣ надо идти.

Онъ молча подавалъ ей одѣться. Онъ чувствовалъ, что еще не все сказано, что оба они неудовлетворены.

Она все старалась застегнуть воротникъ у шубки, но крючокъ не попадалъ въ петлю. Руки ея дрожали;.

— Здѣсь у меня, сейчасъ... въ карманѣ... письмо отъ матери. Просятъ къ празднику денегъ... Если я отвѣчу: „у меня ничего нѣтъ“, — мнѣ не повѣрятъ. Мы богаты... Не могу я имъ сказать, что мы съ мужемъ—чужіе. Они не поймутъ меня. Наконецъ, у меня бываютъ затраты... и крупныя... У меня есть крестница... На мой счетъ она учится въ гимназіи. Отымите у меня заработокъ гдѣ я возьму на все это?

Крючокъ попалъ, наконецъ, въ петлю. Лизавета Николаевна застегнула всѣ пуговицы и выпрямилась.

Лицо Клименки было угрюмо. Она поняла, что не убѣдила его, и сердце ея упало.

— Вы... вы все-таки... не оправдали меня?—спросила она глухо.

Онъ молча опустилъ рѣсницы.

— Вотъ вы сейчасъ спросили меня: „почему я не уйду отъ мужа“?. Вы, значитъ, допускаете такой исходъ? Представьте, и я тоже... я мечтаю объ этомъ... Иногда мнѣ кажется, что у меня хватитъ силы отнять Шуру, выдержать всю эту ужасную борьбу изъ-за него и начать жизнь сызнова... Поступить на курсы, мало ли что? Ну вотъ мнѣ дорого, вдвойнѣ дорого, что я имѣю заработокъ. Съ нимъ я всегда, во всякую минуту... когда переполнится чаша...

могу уйти. У меня, есть почва подъ ногами. Я съ голода не умру и унижаться изъ-за хлѣба не стану...

Ея голосъ окрѣпъ, глаза сверкнули. Это была та Лизавета Николаевна, которая говорила о Норѣ, которая задѣла воображеніе Клименко.

Онъ молча поднялъ на нее глаза.

— Да, Алексѣй Ивановичъ, только та женщина сильна, только та горда, которая всегда можетъ уйти отъ мужа и не пропасть съ голода... Она должна быть единицей, личностью, общественнымъ дѣятелемъ, а не только женой своего мужа... И только такихъ уважаютъ всѣ, начиная съ мужей.

Она поискала глазами свои ботики, увидала ихъ подъ стуломъ и сѣла, чтобы надѣть ихъ.

Клименко невольно замѣтилъ, что ботики ея стары, что мерлушка на нихъ отрепалась.

— Вы все-таки не убѣдились?—тихо спросила она.

Онъ усмѣхнулся.

— Въ чемъ? Если всѣ обезпеченныя женщины, даже въ такихъ же условіяхъ, какъ вы, начнутъ по вашему отстаивать свою независимость, гдѣ же найдется заработокъ для одинокихъ и необезпеченныхъ? Имъ остается помереть съ голоду. Не слишкомъ ли дорогой цѣной купите вы себѣ нравственное удовлетвореніе?

Она встала. Щеки ея загорѣлись. Нервно, торопясь, она начала натягивать свои обрыжѣлыя, подштопанныя перчатки.

— Пока вы будете оберегать вашу гордость отъ оскорбленій, ряды погибшихъ будутъ пополняться вотъ такими, какъ Марья Васильевна, которыя дойдутъ до крайности и нигдѣ не встрѣтятъ поддержки. Пока вы отстаивали, сидя въ теплѣ и сытая, ваши идеи, ее жизнь выбросила за бортъ...

Она всплеснула руками.

— И это все, что вы можете мнѣ сказать въ отвѣтъ? Кромѣ долга къ ближнимъ, Алексѣй Ивановичъ, есть долгъ къ себѣ. Есть права личности, которыя нельзя попирать ногами. Неужели я, мы всѣ, обезпеченныя, обречены на безысходное униженіе только потому, что на каждое мѣсто тысячи конкуррентокъ? А если деньги мужа... краденыя... или нажиты позорнымъ ремесломъ... Тогда какъ же?.. Все-таки ѣсть его хлѣбъ?.. Нѣтъ, это жестоко!.. Вотъ эту свою личность я оберегала отъ оскорбленій и грязи. И развѣ я не права? Вѣдь это основа, поймите, смыслъ всей моей жизни, идея моя, это радость, свѣтъ. Ничего вѣдь у меня нѣтъ больше. Отымите у меня уваженіе къ себѣ, разрушьте эту основу, и что останется тогда?

Слезы зазвенѣли въ ея голосѣ. Она вынула платокъ и отошла къ окну.

— Лизавета Николаевна,—тихо началъ Клименко, и голосъ его дрогнулъ.—Я согласенъ съ вами, что жизнь сложна; въ затруднительныхъ случаяхъ я всегда ищу отвѣта въ наукѣ. Да, конечно, жизнь руководствуется многими нравственными законами. Ваша идея — маленькій нравственный законъ, — альтруизмъ — большой нравственный законъ... Какъ я ни стараюсь оправдать васъ,— повѣрьте, мнѣ васъ глубоко жаль,—но я вспоминаю Канта. Вы помните, что онъ совѣтуетъ для провѣрки своихъ нравственныхъ принциповъ?

Онъ подождалъ съ секунду отвѣта и продолжалъ, глядя на неподвижный силуэтъ Мельгуновой на яркомъ фонѣ окна.

— Чтобы рѣшить, правиленъ ли извѣстный нравственный принципъ, надо предположить, что всѣ станутъ поступать согласно съ нимъ... Вы меня слушаете, Лизавета Николаевна?

Не оборачиваясь, она кивнула головой.

— Если при этомъ станетъ очевиднымъ, что сумма счастья увеличилась, то онъ правиленъ, если же нѣтъ, то принципъ этотъ безнравственъ... Лизавета Николаевна... Статистика показала, что въ Европѣ три съ половиной милліона лишнихъ женщинъ. У нихъ нѣтъ мужей—и зачастую нѣтъ хлѣба... Ваша теорія тонетъ въ морѣ этой нищеты... Не увеличивая суммы счастья, она напротивъ, обрекаетъ милліоны женщинъ на голодную смерть или проституцію... Больше мнѣ, пожалуй, нечего сказать....

Она почувствовала съ тоской и болью, что между ними словно встала стѣна, что говорить и спорить безполезно.

Она подошла къ двери, тоскливо озираясь, словно забыла здѣсь что-то. Онъ по своему истолковалъ это движенье, оглянулся и увидалъ на столѣ ея муфту.

Она все не рѣшалась уйти. Блѣдная, вымученная улыбка появилась на ея лицѣ. Губы беззвучно зашевелились. Зачѣмъ она пришла сюда? Зачѣмъ? Развѣ ей стало легче?

Онъ подалъ ей муфту молча, не подымая глазъ, но лицо его было сурово.

— Прощайте,—прошептала она и вышла.

Онъ замеръ на мгновенье. Вдругъ онъ услыхалъ, что она споткнулась въ темнотѣ о порогъ.

Быстро растворилъ онъ дверь. Она въ передней безпомощно шарила рукой, ища въ темнотѣ выхода.

— Сюда. Позвольте я отопру вамъ.

Она даже не поблагодарила.

Онъ остался подавленный, несчастный. Они разстались болѣе чужими, чѣмъ когда встрѣтились. И онъ зналъ, что она не вернется.

V.

— Ты больна?—спросилъ Мельгуновъ жену какъ-то за обѣдомъ.

Это было двѣ недѣли спустя послѣ визита Лизаветы Николаевны къ Клименко.

Она дѣйствительно такъ осунулась, смотрѣла такой растерянной и подавленной, что перемѣна бросалась въ глаза.

— Я совсѣмъ здорова... Съ чего ты взялъ?—протестовала Лизавета Николаевна.—Хочешь еще супу?

— Н—нѣтъ... Мельгуновъ отодвинулъ тарелку. Вода у нея нынче вмѣсто бульона. Балуется она, вотъ что... Придется искать другую кухарку.

— Только не передъ праздникомъ, ради Бога, Павелъ Васильевичъ!

— Вотъ именно передъ праздникомъ... Она будетъ небрежничать, а мы ее дари?..

— Aprés,—шепнула Лизавета Николаевна, замѣтивъ входившаго лакея съ жаркимъ.

Конецъ обѣда прошелъ въ молчаньи. Одинъ Шура былъ невозмутимъ и попросилъ, какъ всегда, третью порцію сладкаго.

Вечеромъ она сѣла репетировать съ сыномъ. Раза два на вопросы Шуры Лизавета Николаевна отвѣтила невпопадъ.

— Что это? Какая ты нынче чудна̀я? — спросилъ онъ, покосившись на ея похудѣвшее лицо.—Вотъ спроси меня французскія слова, вотъ отсюда. — Онъ указалъ на страницу. — Ну?

Лизавета Николаевна машинально читала, Шура отвѣчалъ. Одинъ разъ онъ спутался, поймалъ себя на этомъ и остановился, сдвинувъ брови.

А мама не замѣтила и дальше продолжала читать, точно во снѣ. Онъ молчалъ. Она удивленно подняла голову.

— Ну что же ты, Шура? какъ „объяснять?..“

— Я вру, а ты и не замѣчаешь.

— Развѣ?

— Ахъ, не люблю я, когда ты такая!

Шура надулся и сѣлъ молча рѣшать задачи.

Лизавета Николаевна прошла къ себѣ, принялась было читать, но книга не могла ни на мгновенье отвлечь ея мысли отъ назрѣвавшаго въ ней рѣшенья. Ее била лихорадка.

Черезъ темную столовую она прошла въ гостинную и позвонила.

— Дома баринъ?—спросила она лакея.

— Никакъ нѣтъ-съ. Въ десять будутъ назадъ, сказывали... Самоваръ ставимъ.

Она ходила по анфиладѣ комнатъ и ждала звонка. Въ поло-

винѣ десятаго подали самоваръ. Лизавета Николаевна въ освѣщенной столовой заварила чай и кликнула Шуру.

У него были совсѣмъ сонные глаза. Онъ равнодушно посмотрѣлъ на мать, отрѣзалъ себѣ большой кусокъ хлѣба и методически сталъ его намазывать масломъ.

— У меня ремень оторвался у ранца,—коротко сказалъ онъ и сталъ громко чавкать.

— Хорошо. Я зашью.

Она съ грустью глядѣла на его стриженную голову съ правильнымъ профилемъ. Какъ растетъ!.. Давно ли былъ крошкой, съ тупымъ носикомъ, съ пухлыми ручками, какъ бы перевязанными ниточкой у кисти!.. Какой онъ былъ милый тогда!.. Черезъ пять лѣтъ онъ будетъ уже большимъ.

Въ передней послышался звонокъ. Она встала порывисто и налила чаю въ граненый стаканъ съ серебрянымъ подстаканникомъ. Руки ея вздрагивали, пока она ставила на маленькій подносъ чай, лимонъ и ромъ.

— Подайте въ кабинетъ,—сказала она лакею въ передней, гдѣ тотъ стряхивалъ снѣгъ съ боброваго воротника бариновой шинели.

— Къ тебѣ можно?—постучалась она у двери.

— Пожалуйста,—глухо раздался изъ-за портьеры голосъ Мельгунова.

„О деньгахъ опять",—подумалъ онъ съ досадой, предчувствуя необходимость выдать сейчасъ порядочный кушъ.

Она вошла въ кабинетъ. Мельгуновъ переодѣвался за перегородкой.

— Метель нынче, всего занесло,—объяснилъ онъ и началъ мыть руки.

Она присѣла на широкій турецкій диванъ.

— Тебѣ сейчасъ сюда подадутъ чаю.

Онъ на минуту пересталъ мыться и насторожился. Всякое нарушеніе его вседневныхъ привычекъ будило въ немъ тревогу и досаду.

— Это зачѣмъ же?

— Мнѣ поговорить съ тобой надо и серьезно...

Лакей внесъ чай и ушелъ, притворивъ двери.

Мельгуновъ наскоро вытиралъ руки. Изъ-за ширмъ онъ вышелъ въ нарядной тужуркѣ, на ходу расчесывая бороду черепаховой гребенкой.

— Что такое?—спросилъ онъ и глаза его округлились.

Онъ по тону Лизаветы Николаевны угадалъ, что рѣчь здѣсь не о деньгахъ. Но это именно и испугало его. Они не о чемъ, кромѣ денегъ, обыкновенно не разговаривали.

— Сядь, пожалуйста, и пей,—мягко сказала Лизавета Николаевна.—Разговоръ будетъ долгій.

— Да что такое?—повторилъ онъ еще тревожнѣе, сѣлъ въ кресло къ столику и слегка поднялъ абажуръ, чтобъ разглядѣть лицо жены.

Она угадала это, инстинктивно сѣла глубже на тахту, такъ что голова ея опять была въ тѣни.

— Да ты не очень пугайся,—усмѣхнулась она. Страшнаго ничего не будетъ. По крайней мѣрѣ, я съ этой мыслью свыклась. Видишь ли?..

Она захватила въ руку полную горсть бахромы отъ диванной подушки и внимательно стала ее разглядывать.

— Мнѣ хотѣлось бы... безъ сценъ и непріятностей разойтись...

— Что?

Онъ такъ и дрогнулъ. Рука, въ которой онъ держалъ стаканъ, замерла у его губъ.

— Павелъ Васильевичъ,—пожалуйста не волнуйся! Въ сущности, это будетъ естественно. Жизнь сама рѣшила это за насъ. Я здѣсь лишняя.

Онъ поставилъ стаканъ на столикъ и поднялся.

— Ты лишняя?.. ты?.. Послушай, Лиза... У меня даже словъ нѣтъ на эту выходку.

Онъ забѣгалъ по ковру, мягко ступая своими тонкими подошвами. Походка его была всегда легкая, осторожная, почти беззвучная.

— Какъ можетъ жена быть лишней въ домѣ своего мужа?

— Мы—чужіе,—тихо обронила Лизавета Николаевна и судорожно сжала синелевую кисть вышитой подушки.

Она сидѣла наклонившись, такъ что свѣтъ лампы ярко озарялъ только нижнюю часть ея лица, нѣжную линію подбородка и губы. Вся она съ ея худенькой фигуркой въ этомъ полусвѣтѣ, въ своемъ коричневомъ платьѣ напоминала гимназистку. Съ секунду онъ пристально глядѣлъ на жену, потомъ какъ-то безсознательно опустился на тахту, рядомъ съ ней.

— Лиза! Да кто же въ этомъ виноватъ?

Ихъ раздѣляла только подушка. Она испуганно вскинула на него глаза, показавшіеся ему большими. Она хотѣла снять свой локоть съ подушки, но онъ удержалъ ее. Въ его пальцахъ была не обыкновенная сила и цѣпкость.

— Я развѣ виню?..—прошептала она, пробуя отодвинуться.

— Не ты ли оттолкнула меня—враждебно, съ какой-то непонятной ненавистью? Вспомни! Этому уже шесть лѣтъ скоро... Ты думаешь, я простилъ? Ты думаешь, такія оскорбленія забы-

ваются? Вѣдь я любилъ тебя, Лиза... ничьимъ мнѣніемъ, ничьимъ чувствомъ я не дорожилъ такъ, какъ твоимъ. У меня были всѣ задатки, чтобъ остаться образцовымъ семьяниномъ. Вспомни! Сколько разъ, прежде чѣмъ... дойти до полнаго отчужденія, я дѣлалъ попытки помириться.

Она морщилась отъ боли въ локтѣ и отъ тоскливаго чувства возникшаго недоразумѣнія.

— Павелъ Васильевичъ, ради Бога!..

Но онъ продолжалъ взволнованно, задѣтый за-живо, готовый на все, чтобъ удержать эту женщину, способную ускользнуть.

Онъ выпустилъ ея локоть и всплеснулъ руками.

— Знаю, знаю, что ты мнѣ ставишь въ вину... Легкія увлеченья, минутныя измѣны... Но, Лиза... Я повторю то же что пять лѣтъ назадъ! мы, врачи, поставлены въ такія условія. Искушеній и случаевъ у насъ вдесятеро больше, чѣмъ у всякаго другого. Но я никогда серьезно не думалъ ни о комъ. Нельзя терять вѣру въ человѣка за такіе... ничтожные проступки.

Въ лицѣ ея было страданье.

— Павелъ Васильевичъ, это все давно умерло. Къ чему тревожить прошлое?

— Вотъ и тогда ты не хотѣла слушать никакихъ оправданій. Ты не хочешь понять мужскую натуру... А въ тебѣ самой никакой нѣтъ гибкости, никогда и не было. А теперь ты подозрѣваешь...

Она откинулась и зажала уши.

— Молчи, молчи!.. Не надо оправданій... Не надо! Я все знаю и мнѣ все равно Такъ лучше... въ двадцать разъ лучше!.. Мнѣ ничего отъ тебя не надо.

— Вотъ видишь, Лиза?... видишь?.. Опять? Ты даже отвращенія своего не хочешь скрыть... А я—человѣкъ самолюбивый... Довольно одной такой сцены, чтобъ убить страсть.

— У тебя страсть? Ко мнѣ?..

Она залилась принужденнымъ смѣхомъ.

Онъ вскочилъ и пробѣжалъ по кабинету.

— Мы, кажется, еще не старики... Что же тутъ смѣшного?

Изъ подъ ея платья виднѣлся крошечный носокъ ея ноги. Мельгуновъ невольно вспомнилъ большія и неуклюжія ноги Анны Васильевны... Вспомнилъ тоже, съ какою страстью цѣловалъ когда-то эти маленькія ножки жены... Его словно толкнуло что-то къ тахтѣ.

Онъ сѣлъ опять. Самолюбіе мужчины громко протестовало противъ этого упорнаго равнодушія женщины. Вѣдь онъ зналъ, навѣрно зналъ, что она живетъ, какъ монахиня. Вѣдь она любила его, ревновала и страдала когда-то. И черезъ пять лѣтъ онъ не могъ успокоиться на мысли, что онъ для нея безразличенъ.

Онъ взялъ ея руку. Потемнѣвшіе глаза его жадно разглядывали ея лицо. Какъ она становится интересна, неузнаваема, когда у нея такъ разгорятся щеки и заблестятъ глаза! Это бывало всегда, когда она спорила съ нимъ, защищая свои „идеи". Онъ переставалъ слушать, улыбаясь, любовался ею и потомъ грубо схватывалъ ее въ объятія, безъ возраженій, безъ всякаго желанья понять ея требованья. Она сердилась и была еще пикантнѣе.

„Не повторить ли и сейчасъ этотъ маневръ"? — подползало искушенье.

Она взглянула въ его склонившееся лицо и разомъ отодвинулась. Она почувствовала на своей щекѣ его дыханіе, ее обдало запахомъ его любимыхъ духовъ, запахомъ его кожи и бороды...

Какъ живуча память чувствъ!.. Никакія рѣчи, никакія воспоминанія не были въ силахъ воскресить въ ея душѣ прошлое, а этотъ знакомый, опьянявшій ее прежде запахъ ударилъ сразу по нервамъ. Цѣлыя картины пронеслись ярко въ ея мозгу.

— Лиза, знаешь?—глухо говорилъ онъ, сжимая ея пальцы,— я... я кажется... опять готовъ въ тебя влюбиться...

Она молчала, съ любопытствомъ приглядываясь къ тому, что поднялось и заговорило въ ея душѣ. Тоскливая неудовлетворенность, жажда полноты ощущеній, что-то мечтательное и сладкое, желанье плакать радостными, свѣтлыми слезами на преданной груди, желанье открыть душу, почувствовать ласку... Передъ ней пронеслась картина—комнатка въ одно окно, на столѣ нечищенный самоваръ, коробка съ пыльнымъ мармеладомъ...

Она вздрогнула и выпрямилась... Что это? Къ какому странному выводу привела ее ассоціація идей!.. Такъ неожиданно! Какое безсознательное душевное движеніе вызвало передъ ней лицо Клименки?

Ей стало грустно и горько, какъ-будто жаль себя.

А онъ все глядѣлъ на нее и странное волненіе захватывало его душу. Сердце билось глухо, болѣзненно. Почти безсознательно онъ прошепталъ:

— Послушай!.. А чтобы ты сказала бы, еслибъ я...

Она пристально вглянула въ лицо мужу.

Какъ бѣдна была дѣйствительность!

Она перебила его, отодвигаясь.

— Поздно, Павелъ Васильичъ! Мы слишкомъ стары для иллюзій. А ты самъ понимаешь, что безъ нихъ чувство жалко и безсильно.

По ея тону онъ понялъ, что партія его проиграна. Онъ всталъ, досадуя на свою вспышку, подсказанную самонадѣянностью. Быть смѣшнымъ въ ея глазахъ всегда казалось ему страшнымъ.

— И знаешь что?—заговорила она опять, облокачиваясь на

диванную подушку и теребя мягкую синелевую бахрому, которая упруго и слабо шурша, ласкала ея кожу.—Между нами сейчасъ могло возникнуть печальное недоразумѣніе. Я не на близость къ тебѣ навязываюсь... Съ этимъ покончено...

— Лиза!..

Онъ нервно двинулся къ ней, но передумалъ, подошелъ къ столику и залпомъ выпилъ свой стаканъ.

— Если я тебя оттолкнула тогда, то не изъ ревности, повѣрь... не изъ самолюбія... Такія увлеченія и слабости я нашла бы въ себѣ силы простить... Это—мелочи. Но были другія измѣны... и ихъ забыть я не могу...

— Послушай...

Онъ двинулся къ ней опять порывисто, но не сѣлъ, а остановился вблизи, стараясь разглядѣть выраженіе ея лица въ тѣни отъ абажура. Онъ какъ будто боялся себя самого.

— Ты невозможнаго отъ меня требовала. Идеалъ—одно, жизнь — другое. Ты ригористка, Лиза, и не отъ міра сего, а я—практикъ по натурѣ. Еслибъ я слѣдовалъ твоей программѣ, мы не выбились бы изъ нужды, а у насъ были дѣти...

— Аминь!.. О прошломъ довольно, Павелъ Васильичъ!.. Утраченнаго не вернешь.

Она говорила безъ раздраженія и горечи, какъ-то задумчиво опустивъ голову. Настала короткая пауза.

— Скажи, пожалуйста, на какомъ основаніи ты опять подымаешь этотъ разговоръ о разводѣ? — заговорилъ наконецъ Мельгуновъ, раздраженно шагая по ковру.—Зачѣмъ тебѣ нуженъ разрывъ, скандалъ? Развѣ я тебѣ мѣшаю чѣмъ-нибудь? Стѣсняю? Я готовъ на всѣ уступки... Ты—въ домѣ хозяйка... Насъ считаютъ образцовымъ супружествомъ... И вдругъ—разойтись!.. Это послѣ столькихъ лѣтъ? Именно теперь, когда я такъ дорожу связями, репутаціей. И за что такой срамъ мнѣ на голову? За что?..

Онъ взялся руками за волосы.

— Мнѣ слишкомъ тяжело такъ жить,—тихо отвѣтила она.— Большаго я не скажу: ты, все равно, не захочешь меня понять.

Онъ горько засмѣялся.

— Ну да еще бы!.. Гдѣ мнѣ васъ понять?

Вдругъ онъ круто повернулъ къ тахтѣ, остановился передъ женой и близко заглянулъ ей въ лицо.

— Ты другого полюбила? Да?

Она отшатнулась и крѣпко прижалась въ уголъ.

— Я?..

По ея тону, по звуку ея голоса онъ понялъ, что ошибся и вздохнулъ съ облегченіемъ. Остальное не страшно!

— Такъ зачѣмъ же тебѣ эта свобода, скажи пожалуйста?

Объясни, какими бреднями ты заразилась теперь, что приходишь мучить меня и портить мнѣ жизнь?.. Да... да... Мучить... Ты знаешь, какъ я дорожу покоемъ, своими привычками? Ты отлично понимаешь, что ты мнѣ нужна... Ну—мало денегъ даю тебѣ, что ли? Въ хозяйствѣ стѣсняю?

Она молча закрыла глаза.

— Изволь!.. Не буду стѣснять. Хочешь, чтобъ роднымъ твоимъ помогалъ? И на это согласенъ. Если тебѣ скучно, Олю выпиши на Рождество опять. Пусть гоститъ, слова больше не скажу. Я, повторяю, на все готовъ... Неужто я плохой мужъ? Кромѣ уваженія къ тебѣ никогда ничего... Сама знаешь, какого высокаго мнѣнія... Что, наконецъ, тебѣ нужно?

Она устало взглянула на него.

— Я знала, что ты меня не поймешь...

— И понимать не хочу,—вдругъ гаркнулъ онъ и швырнулъ кресло, стоявшее по дорогѣ.

Она широко открыла глаза и отдѣлилась отъ дивана.

Онъ взглянулъ на жену округлившимися, злыми глазами, пробѣжалъ раза два по кабинету, поднялъ по дорогѣ кресло и съ такой силой поставилъ его на мѣсто, надавивъ на спинку, словно хотѣлъ пригвоздить его къ полу. Это его успокоило, разрядило его гнѣвъ.

Жена, приподнявъ брови, слѣдила за всѣми его движеніями.

— Интересно, до чего мы теперь договоримся,—какъ бы вскользь бросила она.

Онъ поправилъ воротъ рубашки, словно вдругъ ставшій тѣснымъ.

— Если ты будешь настаивать на разводѣ, то я и говорить не стану. Слышишь? Я не изъ тѣхъ мужей, которые позволяютъ надъ собой смѣяться, Лизавета Николаевна! Пока ваши протесты не идутъ дальше трепанья по урокамъ, сдѣлайте одолженіе, я молчу... Но дальше ни-ни!..

— Развѣ ты можешь удержать меня?—спокойно, даже съ оттѣнкомъ любопытства спросила Лизавета Николаевна.

Глаза Мельгунова сверкнули.

— А вотъ ты попробуй уйти... Увидишь.

Она усмѣхнулась недовѣрчиво.

— Что же ты мнѣ вида не дашь развѣ? Такъ тебя заставятъ дать...

Онъ стоялъ, раскачиваясь на каблукахъ, крутя бороду.

— Бредни-съ... Однѣ бредни... и ничего больше... Сейчасъ видно, что ты жизни не знаешь. Да я тебя въ такую грязь затяну, что ты жизни рада не будешь! Не забывай, что на моей сторонѣ и законъ, и право, и общественное мнѣніе... Это чего-нибудь да

стоитъ... А у тебя — что?.. Я правъ своихъ на тебя даромъ не уступлю... Дудки-съ!..

Она поблѣднѣла такъ сильно, что на минуту ему показалось, что ей сейчасъ будетъ дурно... Но она, не сморгнувъ, смотрѣла ему въ лицо большими глазами, словно видѣла въ первый разъ.

— Твои права?.. прошептала она.—Какія?

— Законныя, Лизавета Николаевна. Вотъ какія... У насъ сынъ... ты имя мое носишь... Дай тебѣ волю, ты съ своими „идеями“ черезъ годъ очутишься... чортъ знаетъ гдѣ... А я теряй все изъ-за тебя, всю карьеру?.. Меня вѣдь тоже за это по головкѣ не погладятъ... Да и чего ради я буду свою жизнь коверкать изъ-за бабьяго каприза? Коли мы чужіе, — живи со мной... Я тебя прошу объ этомъ...

Она медленно встала съ дивана и пошла къ портьерѣ.

— Не хочешь?.. Твое дѣло... но и жертву изъ себя не разыгрывай... Тебѣ не въ чемъ упрекнуть меня... Люди не расходятся изъ-за какихъ-то тамъ... дурацкихъ убѣжденій... У всякаго—свои...

Она быстро обернулась.

— А твой пріютъ?

Онъ понялъ по-своему.

— И этого ты ничѣмъ не докажешь. Она — моя помощница—и только.

Лизавета Николаевна была уже у двери.

— Лиза... Ты что?.. Ты куда?.. Что ты хочешь дѣлать?

— Налить тебѣ еще чаю.

— Послушай... ты... я человѣкъ терпѣливый... Но не доводи меня до крайности!..

Она вышла, не оборачиваясь.

Въ передней она столкнулась съ лакеемъ, испуганно бѣжавшимъ на раздраженный звонокъ барина.

VI.

Лизавета Николаевна заперлась въ своей комнатѣ.

Она была потрясена. Къ такому отпору со стороны мужа она не приготовилась. Почему она вообразила, что онъ согласится?..

Она легла на кушетку и закрыла глаза. Душевная и физическая усталость словно разбили ее.

Будетъ долгая борьба... мелочная, грязная, упорная... Хватитъ ли у нея энергіи? Павелъ Васильичъ будетъ безпощаденъ въ своей враждѣ... Вѣдь онъ оберегаетъ свои права, свое самолюбіе и покой.

Въ столовой часы пробили одиннадцать.

Она лежала, вперивъ неподвижный взоръ въ темноту.

Страхъ передъ жизнью, — отвращеніе къ ней... Съ мощной силой эти чувства вдругъ поднялись въ ея душѣ... Онѣ приходили и раньше, но робко, тайкомъ, какъ незваные гости. Теперь эти голоса зазвучали властно, какъ голоса хозяевъ въ ея измученномъ сердцѣ... Исчезнуть...

Давно, когда она была маленькой, тетка ея по матери, гостившая у нихъ съ мужемъ,—отравилась въ ихъ домѣ. Какъ сейчасъ помнитъ она лицо покойницы въ гробу, уже черезъ нѣсколько часовъ покрывшееся зеленовато-темными пятнами; помнитъ слезы матери, ужасъ всей семьи.

Она была такая красивая, молодая, замужемъ... Жить бы ей, да жить,—говорили кругомъ... Положимъ, она не любила мужа, онъ былъ такого тяжелаго характера, ревновалъ... Но вѣдь онъ по-своему любилъ ее, не измѣнялъ ей... Гдѣ-жъ тутъ достаточныя причины, чтобъ умирать?.. Развѣ жизнь—наконецъ, сама по себѣ не благо?

Маленькая дѣвочка жадно слушала эти рѣчи... Неизгладимыми чертами врѣзалось ей въ душу воспоминаніе о вечерѣ наканунѣ роковаго дня.

Маленькая Лиза бѣгала по темной залѣ, ища закатившійся мячикъ и наткнулась на неподвижную фигуру, молчаливо и одиноко сидѣвшую въ углу. Въ это время всѣ въ столовой пили чай.

— Это ты, тетя? удивилась Лиза, узнавшая ее по какому-то инстинкту.—Что ты тутъ дѣлаешь?

— Думаю, Лизочка, думаю, съ грустью отвѣтила тетя.

Вдругъ она обняла ребенка и прижала къ груди.

— Поцѣлуй меня, дѣточка... Спасибо, милая, спасибо... И завтра поцѣлуй меня... Не побоишься, Лизочка?.. Помни... я только несчастная... Обѣщай мнѣ это...

Въ ея голосѣ зазвенѣли слезы.

Но Лиза не могла побѣдить своего ужаса и не исполнила обѣщанія. Она не рѣшилась поцѣловать это зеленоватое чужое лицо въ гробу, такое нѣмое, такое страшное...

Она никому не передала этого послѣдняго разговора, этого завѣта покойницы. Совѣсть мучила ее, она не спала по ночамъ. Какъ силился ея дѣтскій мозгъ проникнуть въ тайну смерти, понять, куда ушла эта живая, ласковая тетя, такъ горько плакавшая въ темномъ уголку!..

Но годы прошли, воспоминанія поблѣднѣли... Много позднѣе, уже будучи взрослой, она по просьбѣ матери, рылась въ ея шкатулкѣ, ища рецептъ отъ ревматизма. Ей попался конвертъ съ пожелтѣвшими чернилами: „сестрѣ Анютѣ“...

Она вздрогнула. Кто это могъ писать, кромѣ тети-Нади? У матери не было другихъ сестеръ.

Мать позволила прочесть ей предсмертныя строки:

„Не сердитесь на меня, мои дорогіе Оля и Николай Николаичъ... И не жалѣйте меня... Устала жить, поэтому умираю... Какъ хочется успокоиться и исчезнуть!“..

Лиза ничего не поняла. Ей было семнадцать лѣтъ. Какъ манила ее жизнь! Какой грезилась она ей прекрасной, яркой... грандіозной!..

„Тетя... милая тетя... теперь я тебя поняла“...

Она лежала недвижно. Глубокая тишина стояла въ домѣ. Въ комнатѣ было совсѣмъ темно. Только дрожащая полоска свѣта проникала изъ подъ двери дѣтской. У Шуры всегда горѣла лампадка. Не смотря на свои красныя щеки и презрѣнье къ женщинамъ, Шура боялся спать впотьмахъ.

За окномъ тихо пѣла начинавшаяся вьюга. Она забиралась въ трубы и тамъ выла жалобно, точно кого-то хороня. Слышно было, какъ Шура посапывалъ носомъ во снѣ.

Отецъ не отдастъ его никогда... Шесть лѣтъ назадъ, когда она тоже рвалась на свободу, мечтала о новой жизни,—только этимъ именемъ ее удержали... Да и рѣшится-ли она сама тянуть за собой мальчика изъ этого комфорта на лишенья? Голодать и зябнуть самой,—о этого она не боится!.. Но Шура? Не проклянетъ-ли онъ ее первый?

Уйти одной, безъ Шуры? Какой смыслъ?.. Она—не героиня... Она прежде всего—мать... И онъ—ея единственная радость.

Волной нахлынула въ душу тоска. Слезы зажглись въ глазахъ.

Новая жизнь въ тридцать пять лѣтъ, не поздно-ли? Шесть лѣтъ, назадъ—сколько, еще въ ней было энергіи! Сколько плановъ!.. Силы ушли въ мелочной, ежедневной борьбѣ за свое *я*, за личность, которую оскорбляли и топтали въ грязь. Гдѣ-же взять мужества, чтобъ снова гнаться за иллюзіями?

Дыханье Шуры мѣрно доносилось къ ней.

— „Мальчикъ, милый, счастье мое! Дай мнѣ силу дотянуть до конца“!

Она не замѣтила, какъ забылась...

Что-то ее разбудило. Можетъ бой часовъ, который уже замеръ, когда она открыла глаза?.. А можетъ звалъ ее кто-нибудь?.. Кто звалъ?.. Шура?.. Или это приснилось?..

Какъ-будто кто-то вошелъ? Вздоръ! Вѣдь она заперлась на ключъ.

Она озиралась въ темнотѣ. Она сѣла на кушеткѣ, свѣсивъ ноги. Сердце билось болѣзненно, неровно.

Есть здѣсь кто нибудь?.. Но почему-же такая тишина и неподвижность?

Вздоръ! Чего она испугалась? Это нервы...

Она напряженно глядѣла въ тьму. И въ этой глубокой, казалось, звенящей тишинѣ росла ея тоска, холодная, давящая, необъяснимая.

Вдругъ ужасъ охватилъ ее.

— Кто здѣсь? беззвучно спросила она. Сердце стукнуло и замерло.

Она не въ силахъ была шевельнуться.

Кто-то вошелъ, какъ-будто, черезъ запертую дверь—незримый, безлицый, — и стоялъ тамъ, въ тишинѣ и тьмѣ надвигавшейся ночи...

Что-то случилось, чего ни вернуть, ни отвратить нельзя.

Шура! вырвался у нея тихій вопль ужаса.

Она кинулась въ дѣтскую, упала на колѣни передъ кроватью.

Шура крѣпко спалъ, на лѣвомъ боку, подложивъ руку подъ голову. Всѣ его вещи, аккуратно сложенныя, лежали на стулѣ, въ ногахъ. Сапоги чинно стояли на коврикѣ.

Лизавета Николаевна съ трепетомъ приникла губами къ его щекѣ, къ волосамъ, къ чуть влажному лбу.

Живъ... Живъ... Боже, какой ужасъ!.. Все лишь бы не это!..

Она вернулась въ спальню съ зажженной свѣчой—и оглядѣла комнату съ порога.

Слабый свѣтъ колыхался, борясь съ темнотой.

Тѣни безшумно уходили въ углы.

Она попробовала дверь. Заперта на замокъ. Что ей померещилось?.. Какія шутки играютъ нервы!..

Она все-таки зажгла лампу и въ первый разъ легла спать съ огнемъ. Дверь въ комнатку Шуры осталась открытой.

VII.

Это было дней за пять до Рождества.

Лизавета Николаевна подошла къ квартирѣ госпожи Шмидтъ и дернула съ силой звонокъ.

— Барыня дома? спросила она отворившую дверь кухарку.

— Дома, пожалуйте.

Лизавета Николаевна кинула бѣглый взглядъ на дверь жильца.

„Заперта.—Кажется, его нѣтъ дома? Какъ это удачно“!

Она быстро, не раздѣваясь, черезъ переднюю и кухню, прошла къ комнатѣ Марьи Васильевны. Она искренно не хотѣла встрѣчи съ Клименко, даже боялась ея. То, съ чѣмъ она шла сюда, она дѣлала не для Клименко, а для своей совѣсти.

Она постучалась.

— Кто тамъ?.. удивилась Марья Васильевна и высунула голову.

Съ секунду она всматривалась въ лицо Мельгуновой подъ вуалькой, не узнавая гостью.

— Я къ вамъ по дѣлу,—тихо сказала Лизавета Николаевна.— Не узнаете?.. Помните, у Клименко?

— Ахъ, это вы?

Марья Васильевна радостно и сконфуженно протянула гостьѣ холодную, какъ-будто мокрую руку.—Вы къ Клименко? Его нѣтъ сейчасъ...

— Я къ вамъ...

— Пожалуйста войдите... Только извините ради Бога!.. У меня безпорядокъ.

Въ плетеной корзинѣ на постели Марьи Васильевны спалъ ея младенецъ. Трехлѣтняя худенькая и блѣдная до синевы дѣвочка сидѣла на полу, среди вороха какихъ-то обломковъ, бывшихъ когда-то игрушками. Дѣвочка грызла баранку и сопѣла носикомъ. Она кашляла сухо и звонко.

Воздухъ былъ тяжелый, спертый.

Марья Васильевна засуетилась.

— Не хотите-ли чайку?.. Нынче такой морозъ... Вы, ради Бога извините... Вотъ я тутъ наплескала... стирать начала...

— Вы сами стираете?

— А то кому-же? Кухаркѣ я плачу три рубля. За эту цѣну ни одна на стирку не пойдетъ, особенно теперь, передъ праздникомъ... Ихъ ни о чемъ теперь не допросишься... А мнѣ трудно развѣ?.. Я здоровая... Это все, право, пустяки!.. Давайте, въ самомъ дѣлѣ, чай пить?

Мельгунова отказалась.

— Помните, Марья Васильевна, вы меня объ урокѣ просили?..

— Ну-съ?.. Помню...

— Вотъ я вамъ нашла!..

Марья Васильевна всплеснула руками.

— Нашли урокъ?.. Мнѣ?.. Да голубушка вы моя... Ужъ какъ я вамъ благодарна... и разсказать не могу... Я, знаете, какъ разъ тутъ, передъ праздникомъ совсѣмъ обнищала... совсѣмъ... Спасибо Алексѣю Иванычу... Далъ мнѣ деньги впередъ... а то просто хоть вой... Ахъ, что за золото этотъ Алексѣй Ивановичъ! Дровъ мнѣ купилъ, представьте!.. А самъ-то бѣденъ!.. Бѣлье у него худое... Родныхъ тутъ ни души... Я ему рубашку къ лѣту хочу вышить. Тихій онъ такой, точно монахъ... И все читаетъ... Вмѣстѣ читать предлагалъ... Только я, знаете ли, не охотница... У меня сейчасъ голова тяжелѣть начнетъ. То ли дѣло въ театръ сходить!..

Она вдругъ спохватилась и, отыскавъ табуретку, сѣла.

— А гдѣ же этотъ урокъ?—спросила она тише.

Мельгунова объяснила. Въ одной частной гимназіи. Два раза въ недѣлю по два часа. Двадцать пять въ мѣсяцъ... Тамъ уже ждутъ ее, переговоровъ не надо.

— Придите только представиться начальницѣ, вотъ вамъ моя карточка... Уроки начнете съ 8-го января...

Марья Васильевна улыбалась растерянной, счастливой улыбкой.

Лизавета Николаевна поднялась. Ее мутило въ этомъ воздухѣ, пропитанномъ запахомъ пеленокъ и скисшагося молока.

— Вы тамъ съ пятнадцатаго числитесь,—сдержанно заговорила она, глядя съ страннымъ смутнымъ чувствомъ недоброжелательства на эту рослую, стройную женщину. Безъ флюса и платка бывшая артистка была очень недурна и пикантна, несмотря на красные отъ стирки пальцы и грязную блузу.

„Читаютъ вмѣстѣ... Гдѣ же это они читаютъ?.. Неужели въ такомъ воздухѣ?.. Онъ видно не брезгливъ“—враждебно думала Лизавета Николаевна.

— Какъ съ пятнадцатаго? Я тамъ не была,—удивилась Марья Васильевна.—Что это, голубушка Лизавета Николаевна, я васъ не пойму никакъ?..

— И не стоитъ понимать,—сухо усмѣхнулась Мельгунова и вынула кошелекъ.—Тамъ учительница отказалась пятнадцатаго... Начальница предложила вамъ, въ виду праздниковъ, впередъ тринадцать рублей... Вотъ они...

Марья Васильевна осторожно взяла деньги и засіяла улыбкой. На щекахъ ея выступили ямочки.

„Теперь читаютъ,—думала Мельгунова, а потомъ онъ ее въ эти ямки будетъ цѣловать... О какъ пошло... какъ старо!“

— Ну что за ангелъ ваша начальница!.. Вѣдь вотъ бываютъ же добрые люди на свѣтѣ!.. Я всегда говорила Алексѣю Ивановичу, что вѣрю въ свою звѣзду... Не падала духомъ и не упаду... Я счастливая...

Она вдругъ запѣла и нѣсколько разъ перевернулась передъ отодвинувшейся гостьей.

— Вотъ нынче же Алексѣю Ивановичу верну долгъ... Онъ, знаете ли, изъ-за меня кажется, домой на праздники не ѣдетъ... Ему на дорогу деньги выслали, а онъ мнѣ дровъ купилъ... да Настѣ пять рублей за меня далъ...

— Кто эта Настя?.. быстро спросила Мельгунова и рука ея замерла на пуговицѣ шубки, которую она разстегнула, доставая деньги.

— А это подруга моя... піанистка тутъ одна... Бѣдствовала страшно... Тоже изъ консерваторіи... Уроки у нея были и поря-

дочные... Да заработалась что ли? Вдругъ заговариваться начала... Хочетъ сказать: „сыграйте гамму...", а сама говоритъ— „сыграйте палку..." Это ученику-то. Разъ такъ, другой... а потомъ и совсѣмъ замолола что-то несуразное. Пролежала въ клиникѣ годъ... Вышла,—уроки всѣ потеряла, піанино за долги продано... Хоть въ прислуги нанимайся... Уголъ снимаетъ гдѣ-то... Плакала я тутъ, плакала надъ ней какъ-то... А что я могу? Лизавета Николаевна, голубушка... Вотъ вы такая добрая... Мою нужду пожалѣли, запомнили... Вѣдь я всего разъ васъ видѣла... а вы запомнили, да схлопотали... Не услышите ли урочка музыки гдѣ? Или просто такъ работу? Она шить тоже мастерица... она и въ бонны теперь идти рада... Вѣдь ей только съ голоду остается померетъ, коли мѣсто не выйдетъ... Да и въ бонны-то не скоро возьмутъ. Первымъ дѣломъ,—въ нервной клиникѣ была, кто и побоится ребенка ей довѣрить... а потомъ неохотно барышню возьмутъ, будутъ стѣсняться... Она такая несчастная...

Голосъ ея дрогнулъ и оборвался. Слезы быстро наполнили ея круглые глаза.

— Дайте мнѣ адресъ вашей подруги,—сказала Мельгунова.

— Адресъ... Зачѣмъ?.. Неужто у васъ урокъ есть?

— Д-да... кажется, что есть.

— Ахъ, Господи!.. Вотъ бѣда-то!.. засуетилась хозяйка.—Ни карандаша, ни бумаги... Постойте, у жильца возьму... Его дома нѣтъ.

Она выбѣжала, напѣвая.

Лизавета Николаевна сѣла на стулъ. Волненья, съ которымъ она шла сюда, давно уже не было. Оно угасло, какъ пламя, на которое подулъ холодный вѣтеръ. И у нея въ душѣ стало такъ холодно, такъ мертво...

— Послѣднее отдаю... теперь сама безъ копейки... Ничего не подѣлаешь... Отдавать надо... Ахъ, и не все ли равно?..

Апатія сковала ледяной корой ея душу, и эта вялость передавалась тѣлу. Не хотѣлось встать, уходить на морозъ, тащиться домой въ такую даль... А дома что ждетъ?.. Одиночество... тоска, тоска...

Отчего раньше не было этой удручающей тоски? Откуда оно это невыносимое сознаніе одиночества и своей ненужности?

Марья Васильевна торопливо вбѣжала и протянула клочекъ бумаги гостьѣ.

— Вотъ... разберете ли только?..

Мельгунова поднялась и протянула руку.

— До свиданья.

Она была уже у двери въ кухнѣ, когда въ передней дрогнулъ звонокъ.

Мельгунова такъ и захолодѣла вся.

— Господи!.. Чего вы испугались? Это Алексѣй Ивановичъ навѣрно изъ кухмистерской своей вернулся.

— Молчите,—зашептала Мельгунова,—молчите. Я не хочу, чтобъ онъ меня встрѣтилъ...

Ея расширенные глаза блестѣли. Дыханіе было короткое. Она сама не понимала, отчего такъ забилось ея сердце?

„Все нервы глупые... Ну что мнѣ—увижу я его или нѣтъ?“

Марья Васильевна, удивленная, сконфуженная, проводила ее въ переднюю и откинула крючокъ.

Мельгунова, выходя, слышала шаги и кашель Клименко... Какой глухой звукъ!.. Отчего? Кажется, онъ раньше не кашлялъ.

Она бѣжала по обледенѣлой панели, словно боясь погони. Только за угломъ она перевела духъ и оглянулась...

Никого... И что за блажь—вообразить, что онъ побѣжитъ за ней!.. И зачѣмъ?.. Чтобъ сказать, что онъ теперь вернулъ ей свое уваженье?.. Какъ будто она все это сдѣлала для него?..

Она шла медленно, вялая, разбитая. Домой не тянуло. И никуда не тянуло. Чувство одиночества, безсилія и тоски, сковывало постепенно ея мысли, которыя за минуту передъ тѣмъ лихорадочно бились, какъ вспугнутыя ночью въ лѣсу птицы. Она знала, что кончена борьба этихъ двухъ недѣль, мучительная борьба совѣсти ея, не будетъ волненій и тревоги, наполнявшихъ ея жизнь. Теперь и жизни не будетъ. Она сожгла за собой корабли, отреклась отъ независимости, добровольно отреклась отъ всего чѣмъ жила эти двадцать лѣтъ...

А дальше что? Дальше какъ?

Она ничего не видѣла во мглѣ грядущаго, не озареннаго никакими радостями и ей было жутко...

А. Вербицкая.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

АГРАРНЫЙ КРИЗИСЪ.

(*Продолженіе* *).

IV.

Крупная фабрика и ремесленная мастерская, крупное и мелкое земледѣліе.—Различныя техническія единицы въ земледѣліи и ихъ зависимость отъ орудій труда.—Техническая централизація и концентрація, право собственности.—Большая производительность мелкой собственности и значеніе этого факта.

Многіе полагали и еще теперь полагаютъ, что законы развитія, замѣчаемые въ сферѣ обрабатывающей промышленности, могутъ быть цѣликомъ примѣнены и къ развитію земельныхъ отношеній. Какъ централизація и вообще крупное производство постоянно возрастаютъ, такъ точно и въ земледѣліи, по обще-ходячему мнѣнію, крупная собственность должна со временемъ поглотить крестьянскую усадьбу. И если даже не всѣ понимали вопросъ о взаимномъ соотношеніи между различными формами земледѣлія такимъ шаблоннымъ образомъ, то все-таки тяготѣли безсознательно къ такому рѣшенію. Но жизнь въ своемъ развитіи выдвинула болѣе сложныя стремленія, не укладывающіяся въ такую черезъ чуръ незамысловатую формулу. Она пошла еще дальше, такъ какъ въ каждой провинціи международной территоріи создала другую постановку поземельныхъ отношеній и иначе противопоставила мелкое и большое землевладѣніе. Въ одномъ лишь нечего сомнѣваться, именно въ томъ, что вездѣ, гдѣ мелкое производство преобладаетъ, агрономическій прогрессъ подвигается медленно, скажемъ даже: неуклюже. На этотъ счетъ мы могли бы повторить сказанное нѣкогда Я. Г. Эккаріусомъ: «Мы можемъ назвать неисправимымъ глупцомъ каждаго, кто готовъ защищать ручное веретено и ручной ткацкій станокъ противъ автоматическаго веретена и автоматическаго станка, или возъ, тащимый лошадьми и волами, противъ транспорта, совершаемаго при помощи пара. Мелкое земледѣліе находится въ такомъ же самомъ положеніи по отношенію къ крупному, въ какомъ ручное веретено и ручной станокъ въ сравненіи съ механическими приборами. Въ былыя времена

*) См. «Міръ Божій» № 7, іюль.

тысячи веретенъ и тысячи паръ рукъ и ногъ пряли тысячу нитей, все равно составляла ли эта тысяча веретенъ собственность одного лица, или каждое веретено принадлежало кому нибудь другому. Равнымъ образомъ для обработки имѣнія, занимающаго 10.000 акровъ требовалось столько труда, сколько для обработки тысячи крестьянскихъ усадьбъ, каждая пространствомъ въ десять акровъ. Мелкое крестьянское хозяйство—земледѣліе прошедшаго. Оно принадлежитъ къ той общественной формаціи и находится въ соотвѣтствіи съ тѣми общественными отношеніями, когда потребности членовъ каждой провинціи, каждаго села, даже каждой семьи удовлетворялись продуктами собственнаго поля. Оно—пережитокъ той эпохи, когда громадныя массы людей были до нѣкоторой степени прикрѣплены къ почвѣ. Крупное земледѣліе создаетъ средства пропитанія и сырье для промышленнаго населенія, мелкая крестьянская усадьба лишь для самого крестьянина».

Централизація въ обрабатывающей промышленности опирается на томъ, что вмѣсто технической единицы, свойственной ремеслу и состоящей изъ одного ремесленника съ необходимыми снарядами, возникла техническая единица высшаго разряда, въ составъ которой входитъ ассоціація дополняющихъ другъ друга машинъ съ надлежащей силы механическимъ моторомъ, а иногда многочисленнымъ отрядомъ рабочихъ. Фабрика никакъ не преставляетъ собой простой суммы ремесленныхъ единицъ, но вводитъ новое мѣрило, въ основаніи котораго покоится такая высшая единица. И въ земледѣліи появляется такая высшая техническая единица, вызывающая за собой тотъ фактъ, что 1.000 акровая ферма не представляетъ простой арифметической суммы ста крестьянскихъ усадебъ, каждая по десяти акровъ. Возникновеніе такой высшей единицы въ земледѣліи возможно лишь при соотвѣтственномъ увеличеніи размѣровъ самой фермы. Каждый фазисъ техническаго развитія въ земледѣліи создаетъ другой минимумъ пространства, ниже котораго не стóитъ или невозможно употреблять данныхъ орудій. По мнѣнію Г. Краффта молотилка вполнѣ оплачивается на фермѣ, заключающей по крайней мѣрѣ 70 гектаровъ пространства, паровая же молотилка требуетъ 250 гектаровъ, наконецъ паровой плугъ—1.000.

«Величина крестьянской усадьбы—пишетъ Р. Мейеръ—т. е. хозяйства, рабочая сила котораго состоитъ изъ семьи, заключающей 4—5 лицъ, способныхъ работать, зависитъ отъ качества орудій, употребляемыхъ земледѣльцемъ. Въ древнемъ Римѣ равнялась она 1—5 югерамъ, позднѣе 7 югерамъ. Мужчина при помощи двухъ-трехъ домашнихъ невольниковъ употреблялъ плугъ, но сѣяніе и обкапываніе совершались при посредствѣ рукъ. Послѣ изобрѣтенія бороны появляется манза, около тридцати морговъ: бросали зерно въ землю широкимъ размахомъ, проводили борону по полю передъ и послѣ посѣва. Славян-

скій крестьянинъ надъ Эльбой, лѣтъ тому 500, употреблялъ мотыку, съ помощью которой онъ могъ воздѣлывать лишь легкую почву, славянская усадьба заключала въ себѣ только 30 морговъ: когда голландскіе колонисты поселились туда, принося съ собой плугъ на колесахъ, усадьба возросла до 60 морговъ. Теперь мы находимся наканунѣ перехода отъ «вьючной» къ «машинной» усадьбѣ, пространствомъ около 250 морговъ» *).

Столько о крестьянской усадьбѣ. Но дѣло ею не исчерпывается.

«Вѣроятно и въ земледѣліи произойдетъ тоже самое измѣненіе, которое совершилось въ промышленности. Оно все еще пользуется животной силой, именно лошадьми и волами. Но съ тѣхъ поръ, какъ появились электрическіе акумуляторы и малыя паровыя машины, замѣняющія силу двухъ лошадей, ближайшій прогрессъ машинной техники будетъ заключаться въ изобрѣтеніи малыхъ моторовъ для земледѣльца. Такая реформа еще увеличитъ размѣры имѣнія. Пока пользовались вьючной силой воловъ, именно въ каролингскую эпоху, земледѣльческія хозяйства должны были быть очень малы. Онѣ возрасли съ примѣненіемъ лошадиной силы. Въ наше время величина 2.000—3.000 морговъ самая подходящая; при примѣненіи болѣе скораго мотора, чѣмъ лошадь, помѣстье можетъ заключать 5.000—18.000 морговъ».

Мы вовсе не убѣждены въ достовѣрности цифръ, приведенныхъ германскимъ экономистомъ, но основная мысль его выводовъ, именно, что въ земледѣліи существуетъ минимальная граница пространства, ниже котораго не оплачивается употребленіе данныхъ орудій, и что каждому фазису орудій соотвѣтствуетъ опредѣленная площадь воздѣлываемой земли, несомнѣнно вѣрна. Но и тутъ нѣтъ той простоты, которая свойственна сферѣ обрабатывающей промышленности. Во первыхъ земледѣліе состоитъ изъ большаго количества различныхъ работъ и задачъ, обособляющихся другъ отъ друга въ колоніяхъ и въ болѣе развитыхъ пунктахъ старой культурной территоріи, но въ большинствѣ случаевъ еще крѣпко держащихся вмѣстѣ. Каждая изъ этихъ работъ обладаетъ другой технической единицей, которыя не находятся въ одномъ и томъ же фазисѣ развитія, между тѣмъ, какъ техника мелкой и крупной промышленности мало взаимно разнятся. Во-вторыхъ, если возьмемъ даже хлѣбопашество, то и тамъ отдѣльныя дѣятельности не составляютъ органическаго цѣлаго, и высшая техническая единица не такъ выразительна, какъ въ обрабатывающей промышленности.

Все-таки, такая высшая единица, довольно неопредѣленная и хаотическая, существуетъ. Но нечего доказывать, что она, составляя основу централизаціи, никакъ не можетъ служить исходной точкой для концентраціи правъ собственности. Если мы желаемъ изслѣдовать ростъ

*) R. Meyer. *Das Sinken der Grundrente und dessen mögliche sociale und politische Folgen.* Вѣна, 1894, str. 145 и 101.

централизаціи въ земледѣліи, мы должны были бы познакомиться съ распространеніемъ ея, т. е. технической единицы. Можетъ случиться, что имѣніе распадается. По виду происходитъ децентрализація. Но въ окончательномъ результатѣ, такое распаденіе, быть можетъ, создаетъ, вмѣсто бывшей простой суммы техническихъ силъ болѣе низкаго разряда, техническія единицы, опирающіяся на орудіяхъ высшаго разряда. Но, къ несчастію, нѣтъ ни малѣйшихъ данныхъ, позволяющихъ рѣшить этотъ вопросъ. По необходимости мы должны ограничиться статистическими данными, дающими величину концентраціи правъ собственности, какъ единственнымъ указаніемъ хода развитія поземельныхъ отношеній.

Высшая техническая единица, возникающая вслѣдствіе примѣненія молотилки вмѣсто прадѣдовскихъ обыкновенныхъ цѣповъ, и паровой машины вмѣсто улучшенной молотилки, составляетъ исходную точку дальнѣйшаго развитія централизаціи. Фабрика производитъ дешевле, если въ своихъ стѣнахъ совмѣщаетъ нѣсколько производительныхъ единицъ, т. е. однообразныхъ ассоціацій машинъ, она тогда экономитъ на освѣщеніи, администраціи и т. д. И земледѣльческое предпріятіе можетъ съ пользой возрастать дальше предѣловъ, обусловленныхъ технической единицей. Зоотехническій прогрессъ возможенъ лишь тогда, когда скотоводство ведется въ болѣе широкихъ размѣрахъ. И раціональная эксплоатація другихъ промысловъ, особенно если она должна пользоваться систематическими совѣтами спеціалистовъ, неразрывно связана съ опредѣленной, довольно значительной величиной имѣнія. Но съ другой стороны, по мѣрѣ увеличенія размѣровъ помѣстья, начинаютъ возрастать издержки и противодѣйствовать положительнымъ сторонамъ. Какъ существуетъ минимальная граница для производительнаго примѣненія данныхъ орудій въ земледѣліи, такъ точно техническія условія накладываютъ предѣлы и для максимальной величины фермы, выше которыхъ производство перестаетъ оплачиваться. Мы это поймемъ лучше, останавливаясь на вычисленіяхъ фанъ-Тюнена, какъ рента на фермѣ уменьшается по мѣрѣ увеличенія издержекъ, транспорта навоза, хлѣба и т. д. По счетамъ германскаго экономиста рента, приносимая гектаромъ пашни, равняется:

Разстояніе отъ фермы.	Производительность въ гектометрахъ.		
	25	20	15
100 метровъ	23 мар.	15 мар.	7 мар.
1,000 »	17 »	11 »	4 »
2,000 »	14 »	7 »	4 »
3,000 »	10 »	3 »	— »
4,000 »	5 »	0 »	— »
5,000 »	0 »	— »	— »

Латифундіи по этому поводу должны всегда распадаться на меньшія единицы, въ земледѣльческомъ отношеніи иногда вполнѣ незави-

сивыя. Концентрація правъ собственности, при существующихъ правовыхъ порядкахъ, теоретически не знаетъ предѣловъ, но техническое сосредоточеніе производства находится не въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ. Мы этимъ никакъ не желаемъ сказать, чтобы такая концентрація правъ собственности не вызывала положительныхъ результатовъ, но эти послѣднія не всегда бываютъ эксплоатированы и даже въ случаѣ эксплоатаціи не такъ значительны, чтобы рѣшить дѣло въ исключительную пользу латифундіи. Г. Краффтъ въ своемъ трудѣ объ управленіи имѣніемъ представляетъ положительныя стороны организаціи крупныхъ помѣстій въ Австріи: «имѣніемъ завѣдуетъ т. н. центральная канцелярія съ экономическимъ совѣтникомъ во главѣ. Дѣятельность этого послѣдняго состоитъ въ изслѣдованіи плановъ, выработанныхъ канцеляріей. Онъ руководитъ годичными собраніями управляющихъ отдѣльными помѣстьями, производимыми для объедененія экономическихъ задачъ. Благодаря такому цѣльному управленію, нѣкоторые промыслы выиграли отъ такого сосредоточенія. Скотоводство находится подъ контролемъ одного спеціалиста, который руководитъ общимъ направленіемъ этой отрасли сельскаго хозяйства. Коневодство ведется на болѣе отдаленныхъ фермахъ, производство воловъ для собственнаго употребленія на другихъ, выкармливанію скота отведены помѣстья, находящіяся вблизи желѣзной дороги, куда еще невыкормленный или полувыкормленный скотъ прибываетъ изъ дальнѣйшихъ фермъ. Молочное хозяйство подобнымъ образомъ сосредоточено и ведется по фабричнымъ образцамъ. Если въ имѣніи находится свеклосахарный или винокуренный заводъ, все хозяйство пріурочено къ доставкѣ для нихъ сырья. Лѣсное хозяйство, кузнечныя работы, питомники, все это принимаетъ другой видъ, сообразный съ указаніями науки и техники».

Положительныя стороны, проистекающія изъ объединенія производства, концентраціи управленія на большихъ пространствахъ и соединенія земледѣльческаго труда съ обработывающей промышленностью, возможность захвата въ свои руки мѣстнаго рынка и вообще болѣе ловкая купеческая сноровка,—таковы положительныя стороны латифундій, завѣдываемыхъ умѣлой рукой. Но какъ мы уже замѣтили, онѣ недостаточны, чтобы противодѣйствовать другимъ факторамъ, благопріятствующимъ сохраненію мелкаго земледѣлія. Даже въ такомъ усовершенствованномъ промыслѣ, какъ текстильный, существуютъ въ Силезіи и Богеміи, вблизи современныхъ фабрикъ, ручные станки. Нечего и говорить, что въ земледѣліи, въ которомъ техническія преимущества крупнаго производства не разнятся такъ глубоко отъ условій мелкаго производства, и въ которомъ существуютъ причины, мѣшающія росту централизаціи, болѣе почвы для того, чтобы мелкія формы борьбы человѣка съ природой, не смотря на свою рутину и консерватизмъ, сохранялись упорнѣе.

Есть обстоятельства, и техническія, и соціальныя, благопріятствующія сохраненію крестьянскаго землевладѣнія, особенно въ странахъ старой Европы.

Многіе старались доказать, что мелкая крестьянская собственность отличается бо́льшей производительностью, чѣмъ крупная. Въ самомъ дѣлѣ, мы должны, относительно нѣкоторыхъ частей Фландріи, Нормандіи и другихъ мѣстностей, признать, что крестьянская усадьба можетъ тамъ похвастать необычной производительностью и что десятина такой земли доставляетъ больше продукта, чѣмъ на крупной фермѣ. О Китаѣ съ его мелкой собственностью мы не говоримъ, не желая вводить въ анализъ слишкомъ обособленныхъ общественныхъ условій. Но, приводя такіе примѣры крестьянской усидчивости, не слѣдуетъ забывать о громадномъ количествѣ труда, затраченномъ на такую усадьбу. Вся семья проводитъ цѣлый день въ работѣ, всегда находя тамъ что-нибудь для дополненія. Если бы, при сравненіи взаимной производительности мелкаго и крупнаго земледѣлія, мы обратили вниманіе не на площадь, изъ котораго получается продуктъ, но на количество затраченнаго человѣческаго труда, можетъ быть,—и даже навѣрное,—наше восхищеніе исчезло бы, какъ вполнѣ неумѣстное. При современномъ правовомъ режимѣ, когда на фермѣ приходится платить за всякую работу, между тѣмъ какъ крестьянская усадьба расходуетъ трудъ своихъ членовъ, не считаясь съ копѣйкой, такая усадьба можетъ обладать бо́льшей производительностью. Въ ея продуктѣ воплощенъ трудъ, быть можетъ, два раза и болѣе интенсивный. Мы можемъ присмотрѣться къ этой разницѣ въ пшеничной степи Дакоты, гдѣ рабочій на крупныхъ фермахъ трудится опредѣленное количество часовъ и гдѣ крестьянинъ не ведетъ такихъ счетовъ самъ съ собой и работаетъ ежедневно три и четыре часа дольше. Благодаря такому излишнему труду, и культура земли на малой фермѣ можетъ находиться на болѣе высокомъ уровнѣ. «Бѣдный крестьянинъ,—пишетъ Лавеле о фландрскомъ землепашцѣ,—обращается къ деревенской лавкѣ за покупкой одного или двухъ мѣшковъ гуано. Лишь мелкій собственникъ съ мотыкой въ рукѣ можетъ воздѣлывать плохія земли и произвести тамъ чудеса подъ вліяніемъ своей любви къ матери-землѣ... Крестьянинъ не обращаетъ вниманія на то, что ему приходится трудиться весь день, не считается съ своимъ утомленіемъ и, работая два раза больше, собираетъ два раза столько продукта, чѣмъ тогда, когда бы работалъ въ качествѣ наемнаго рабочаго». Въ такихъ условіяхъ неудивительно, что какой-нибудь кусокъ крестьянской земли въ Фландріи воздѣланъ образцовымъ образомъ, хотя собственникъ его пользуется примитивными орудіями и мало знакомъ съ прогрессомъ агрономіи.

Да, крестьянская усадьба бываетъ пристанищемъ очень интенсивнаго труда. Но еще разъ повторяемъ, что результаты не соотвѣтство-

вали бы затратѣ, если бы мы сравнили количество вложенныхъ усилій съ полученными послѣдствіями, особенно если бы мы взяли въ счетъ вознагражденіе, которое мелкій земледѣлецъ получаетъ за свой трудъ. Я полагаю, что получилась бы очень любопытная монографія, если бы кто-нибудь задался цѣлью проанализировать, какъ крестьянинъ, нѣкогда вполнѣ независимый отъ всѣхъ рыночныхъ условій, становится теперь общественнымъ батракомъ, трудящимся для безличнаго господина и оплачиваемымъ отчасти продуктами, отчасти деньгами, и окончательное его вознагражденіе ниже въ большинствѣ случаевъ чѣмъ получаемое фабричнымъ рабочимъ. Съ нимъ происходитъ тоже самое, что съ ручнытъ ткачемъ: усиленный трудъ всей семьи долженъ ей доставить лишь столько, сколько нужно, чтобы прожить самымъ скромнымъ образомъ.

Крестьянинъ работаетъ, сколько можетъ, не считаясь съ потраченными усиліями, лишь бы добыть то количество продукта и денегъ, которое необходимо для поддержанія его плачевнаго существованія. Хлѣбъ его на мѣстномъ рынкѣ продается по самой низкой цѣнѣ, онъ самъ удовлетворяется такимъ доходомъ съ усадьбы, который далъ бы ему возможность кое-какъ просуществовать, не мечтая о прибыли, безъ которой большое имѣніе немыслимо. Безпомощный, онъ готовъ уплачивать высокія цѣны, покупая или беря въ аренду землю. Мейценъ замѣчаетъ, что большія имѣнія въ Германіи продаются за цѣну, представляющую 52 кратную величину поземельной подати, крупныя крестьянскія усадьбы 65, мелкія же 78 кратную названной подати. Тутъ мы можемъ привести тотъ фактъ, что никакой капиталистъ не далъ бы ирландскому лорду такой высокой аренды, какую уплачиваетъ мелкій фермеръ, питающійся исключительно картошкой. Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, большія помѣстья во многихъ мѣстахъ распадаются на мелкіе куски земли,—землевладѣльцу выгоднѣе отдавать ихъ въ аренду или продавать въ такой формѣ. Подъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ условій въ обществѣ происходитъ раздробленіе поземельной собственности всякій разъ, когда цѣны продуктовъ на рынкѣ начинаютъ предъявлять постоянное стремленіе къ своему пониженію и уровень поземельной ренты падаетъ—вѣдь крестьянинъ стремится не къ прибыли, но желаетъ пріобрѣсти «мастерскую», которая, позволяя вкладывать чрезмѣрный трудъ, доставляла бы взамѣнъ скромныя средства существованія. Онъ выходитъ побѣдителемъ изъ борьбы съ крупной собственностью точно также, какъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ Германіи табачныя фабрики распались на мастерскія деревенскихъ кустарей, собственными руками выдѣлывающихъ издѣлія; а вмѣсто фабрики возникла контора, выдающая сырье. Но такая побѣда—несчастье для общественнаго прогресса. Она—закабаленіе человѣка въ рабство нищеты, неспособной отыскать исходъ.

Съ теоретической точки зрѣнія мы представили преимущества каж-

дой формы землевладѣнія. Какъ онѣ взаимно укладываются въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, это зависитъ отъ множества частныхъ обстоятельствъ, причемъ каждая мѣстность развивается иначе, сообразно съ взаимнымъ характеромъ производительности разныхъ формъ землевладѣнія, огуломъ экономическихъ условій и наконецъ историческимъ прошлымъ, не говоря уже о существующихъ правовыхъ учрежденіяхъ. Но, кончая нашъ теоретическій обзоръ взаимнаго соотношенія крупной и мелкой поземельной собственности, мы должны еще обратить вниманіе читателя на одинъ факторъ, мѣшающій сосредоточенію земли. «Банкротство,—пишетъ К. Каутскій,—множества мелкихъ хозяйствъ—вотъ необходимое условіе для возникновенія крупнаго поземельнаго предпріятія. Но этого недостаточно. Лишаемые надѣловъ, мелкіе землевладѣльцы должны составлять сплошное пространство въ томъ случаѣ, если на мѣсто ихъ должна появиться крупная собственность. Ипотечный банкъ въ теченіе года можетъ объявить продажу нѣсколькихъ сотенъ крестьянскихъ надѣловъ, но изъ нихъ не образуется еще большое имѣніе, такъ какъ они не соединены другъ съ другомъ, но лежатъ въ различныхъ мѣстахъ. Банкъ можетъ съ ними продѣлать лишь одно, именно продать отдѣльно, такимъ же образомъ, какъ ихъ получилъ, или раздѣлить еще больше, если скорѣе найдетъ покупателей для такихъ еще болѣе раздробленныхъ кусковъ».

V.

Концентрація помѣстій въ Германіи до появленія заморскаго соперничества.— Рентовыя усадьбы.—Неодинаковое вліяніе рыночныхъ условій на крупное и мелкое землевладѣніе.—Динамика развитія обѣихъ формъ собственности—особенная въ каждой мѣстности.—Крупная собственность не побѣждаетъ.—Централизирующее вліяніе общественной обстановки.

Мы уже обратили вниманіе на тотъ фактъ, что до появленія колоніальнаго соперничества, цѣны земли все росли. Каждый вкладъ капиталовъ въ землю, кромѣ почетнаго положенія въ обществѣ, обезпечивалъ покупателю не только надлежащей величины доходы, но еще нѣкоторую премію на будущее. Соціальный прогрессъ трудился въ пользу помѣщика. А потому во всѣхъ странахъ, на сколько этому не противодѣйствовали правовыя учрежденія, проявлялось стремленіе «округлять» имѣнія. Въ этомъ отношеніи Германія представляетъ образцовые примѣры. Р. Мейеръ въ одной изъ своихъ книгъ даетъ списокъ крупныхъ имѣній штетинскаго округа. Данныя его обнимаютъ лишь ростъ латифундій, но они на столько систематичны и связаны совокупностью аграрныхъ отношеній, что служатъ иллюстраціей вообще стремленій, свойственныхъ поземельному развитію.

«Сто лѣтъ тому назадъ крестьяне владѣли большею площадью земли чѣмъ теперь. Въ нынѣшней Помераніи существовало тогда 1769 помѣстій и 1276 крестьянскихъ деревень. Теперь находится 2.263, т. е.

ровно на 500 помѣстій больше въ индивидуальномъ владѣніи. Значительное ихъ количество образовалось путемъ децентрализаціи. Такимъ образомъ слѣдуетъ объяснить возникновеніе громаднаго числа имѣній семьи Путбусъ; другія произошли отъ захвата крестьянскихъ земель въ частныя руки во время и послѣ войнъ Наполеона I. При регулировкѣ крестьянскихъ отношеній въ 1816 г. количество луговъ и пашенъ въ 353 рыцарскихъ имѣніяхъ, заключающее въ 15 помѣстьяхъ 102.000 гектаровъ, увеличилось на 40.000. Кромѣ того слѣдуетъ прибавить и то пространство, на которое возрасли пастбища и лѣса. Въ теченіе 1822—1836 въ одномъ изъ трехъ округовъ провинцій, кеслинскомъ, 312 крестьянскихъ имѣній включено въ составъ рыцарскихъ имѣній, 16 же соединено въ крупныя помѣстья. И въ позднѣйшія времена, концентрація происходила часто. Въ штетинскомъ округѣ рыцарскія имѣнія въ среднемъ заключали 612 гектаровъ въ 1837 г.; 629 въ 1851 г.; наконецъ 840 гектаровъ въ 1891 г. или, въ общей своей площади: 385.000 гектаровъ въ 1837 г.; 390.000 въ 1851 г. и 512.000 гектаровъ въ 1891 г.

«Слѣдуетъ удивляться развитію латифундій въ продолженіи послѣднихъ сорока лѣтъ. 62 землевладѣльца въ теченіе этого промежутка времени увеличили количество своихъ имѣній съ 229 на 485, ихъ родственники и однофамильцы съ 229 на 609» *).

Какъ пополненіе данныхъ Р. Мейера, мы приведемъ еще нѣсколько выдержекъ изъ одного труда, написаннаго въ 1885 г. и тоже относящагося къ Германіи:

«Еще недавно тутъ существовала деревня съ волостнымъ правленіемъ, училищемъ и т. д. Сегодня ея нѣтъ.

«Здѣсь была расположена деревня, но жители ея эмигрировали и дома проданы на сломъ. Плугъ запахалъ прежнее мѣстопребываніе человѣка. Лишь кладбище служитъ свидѣтельствомъ, что нѣкогда здѣсь жили люди.

«Такъ разсказываютъ о монгольскомъ погромѣ и послѣдствіяхъ тридцатилѣтней войны... Германія находится наканунѣ ландлордизма. Латифундіи растутъ».

Все это лишь отдѣльные факты, не представляющіе еще концентрацій, ни того, на сколько разбираемыя стремленія были повсемѣстны въ Германіи. Но все-таки они показываютъ существованіе извѣстной тенденціи. О томъ же самомъ свидѣтельствуетъ и отношеніе юнкеровъ къ народническимъ планамъ раздробленія земли. Ягеповъ-Родбертусъ, этотъ удивительный теоретикъ, стремящійся согласовать соціализмъ съ гогенцоллернской идеологіей, проектировалъ создать зажиточное многочисленное крестьянское сословіе при помощи рентовыхъ усадебъ. Онъ стремился доставить матеріальное благосостояніе крестьянамъ,— группѣ, которая по своей природѣ будетъ всегда лелѣять консервативныя идеалы. Простой счетъ показалъ бы величину годичной ренты,

*) R. Meyer Das Sinken der Grundrente. Вѣна 1894, стр. 90—92.

получаемой отъ даннаго куска земли, колонистъ покупалъ бы его, уплачивая только эту годичную сумму и даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, внося ее барщиной, но пользуясь правомъ совсѣмъ выкупить землю, если бы пожелалъ. Родбертусъ разработалъ свой проектъ еще въ то время, когда поземельная рента постоянно поднималась, съ нею и стоимость имѣнія—обстоятельства, позволяющія крестьянину дѣлать сбереженія и окончательно выкупить участокъ. Но его стремленія оказались мечтой, помѣщики не желали пожертвовать своей привиллегіей получать все возрастающій доходъ для цѣлей созданія зажиточнаго крестьянства. Но о нихъ вспомнили въ Германіи нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда положеніе измѣнилось и рента начала падать. Въ парламентѣ были проведены такъ называемыя рентовыя права. Первое изъ нихъ, принятое въ іюнѣ 1890, позволяетъ каждому землевладѣльцу раздѣлить свое имѣніе на малые участки; покупающій такой надѣлъ не уплачиваетъ стоимости земли, но обязывается къ уплатѣ опредѣленной ренты, причемъ безъ позволенія «барина» не имѣетъ—права ни дѣлить его, ни продавать его, ни закладывать. Рента можетъ быть замѣнена капиталомъ и разъ на всегда въ такой формѣ уплачена съ согласія обѣихъ сторонъ. Такой договоръ позволяетъ землевладѣльцу предупредить уменьшеніе дохода. Мы не останавливаемся надъ дальнѣйшими рентовыми правами, относящимися, напр., къ рентовымъ банкамъ, замѣтимъ только, что всѣ эти правовыя усилія создать крестьянское сословіе,—лишь политическое и общественное мошенничество со стороны юнкеровъ, произведенное съ тою цѣлью, чтобы поймать мелкихъ собственниковъ на невыгодныхъ условіяхъ.

Такая перемѣна настроенія среди юнкеровъ, нѣкогда не обращавшихъ никакого вниманія на проекты Родбертуса, теперь же проводящихъ ихъ въ жизнь, свидѣтельствуетъ о томъ, что перспектива получать въ будущемъ все возрастающую поземельную ренту уменьшилась, между тѣмъ какъ увеличились шансы ея упадка. Поведеніе землевладѣльцевъ доказываетъ еще, что вмѣсто прежнихъ стремленій по направленію къ концентраціи земли появились другія, благопріятствующія раздробленію.

Разумѣется, хорошо управляемыя имѣнія будутъ бороться, понижая, быть можетъ свою интенсивность, но оскудѣлыя и опустошенныя помѣстья могутъ распасться на участки. Тутъ во всей своей полнотѣ выступаетъ неодинаковая общественная природа крупнаго и мелкаго землевладѣнія: крестьянинъ всегда готовъ покупать землю даже при невыгодныхъ рыночныхъ условіяхъ, капиталистъ лишь тогда, когда существуютъ виды на увеличеніе ренты. Раздробленіе всегда возможно, такъ какъ всегда найдется соотвѣтственный общественный элементъ мелкихъ покупателей, но концентрація дѣйствуетъ только при существованіи опредѣленныхъ условій.

Наши выводы показываютъ, что если мы желаемъ понять статис-

тическія цифры, относящіяся къ движенію поземельной собственности, мы должны помнить, что рыночныя условія составляютъ исходную точку для всѣхъ явленій этой сферы. Мы должны тоже не забывать и о томъ, что дѣйствіе рынка иначе вліяетъ на окрестности, въ которыхъ развилось интенсивное земледѣліе, и на тѣ, гдѣ царствуютъ рутинныя методы. Мы должны къ этому прибавить и то обстоятельство, что, по мѣрѣ развитія фабричныхъ и вообще промышленныхъ центровъ вокругъ каждаго изъ нихъ, въ сосѣдствѣ возникаетъ провинція очень интенсивнаго хлѣбопашества и скотоводства, и что вмѣсто крупныхъ имѣній, опирающихся на низшей технической единицѣ, возникаютъ меньшія предпріятія, но воплощающія въ жизнь высшую техническую единицу, или мелкія усадьбы очень интенсивнаго ручнаго труда. Мы должны принять во вниманіе еще и то, что существуютъ бѣдныя и непромышленныя территоріи, не дающія заработка «излишку» своего народонаселенія и что крестьяне, какъ собственники и какъ арендаторы, переплачиваютъ за землю, задерживая всякій земледѣльческій прогрессъ. Въ концѣ концовъ слѣдуетъ помнить, что въ нѣкоторыхъ странахъ правовыя учрежденія защищаютъ мелкую крестьянскую собственность противъ уменьшенія ея площади, между тѣмъ какъ нѣтъ соотвѣтственныхъ предписаній, благопріятствующихъ концентраціи; что, напротивъ, въ другихъ странахъ, институтъ майоратовъ сохраняетъ существованіе латифундій. Всѣ эти обстоятельства приводятъ къ тому, что взаимная динамика развитія крупной и мелкой поземельной собственности неодинакова въ различныхъ пунктахъ и что всѣ старанія сопоставить въ одной формулѣ всѣ теченія свойственныя различнымъ мѣстностямъ, лишь пустая затѣя. Каждая, такъ или иначе обособленная окрестность развивается другимъ образомъ. Если, напр., мы остановимся надъ Германіей, то условія развитія землевладѣнія въ Баваріи и Вестфаліи, въ Мекленбургѣ и на пространствѣ свеклосахарнаго пояса Саксоніи и Брауншвейга или винокуренной территоріи восточной Пруссіи, совсѣмъ другія. Только принявъ во вниманіе такія обособленныя провинціи, мы можемъ съ пользой анализировать статистическій матеріалъ и извлечь изъ него точныя и соотвѣтствующія дѣйствительности заключенія. Но если мы будемъ разбирать матеріалъ, обнимающій всю Германію или всю Францію, то мы создадимъ фикціи, ничего не доказывающія, такъ какъ полученныя цифры—результатъ очень различныхъ стремленій. Невыгоды такого анализа еще увеличатся, если мы, вмѣсто провинцій одного и того же государства, будемъ сопоставлять отдаленныя мѣста, напр., пшеничную степь Красной рѣки съ Англіей, Нормандіей или Мекленбургомъ. На сколько ходъ развитія относительно простъ и прозраченъ въ сферѣ обрабатывающей промышленности, на столько онъ сложенъ въ земледѣліи. Тутъ мы не находимъ типической страны, указывающей другимъ направленіе ихъ развитія, но имѣемъ много самостоятельныхъ территорій, каждая съ его свойственными законами. Несомнѣнно,

существуютъ нѣкоторыя повсемѣстныя стремленія, но опредѣлить ихъ возможно лишь при болѣе подробномъ разборѣ. Кромѣ того, мы должны еще прибавить, что статистическія данныя, относящіяся къ развитію землевладѣнія, очень неполны. Одна лишь Бельгія ведетъ ихъ съ 1846 г., причемъ, собирая матеріалъ, позволяющій опредѣлить количество различныхъ формъ землевладѣнія, она не даетъ количества площади, принадлежащей каждой категоріи.

Въ Англіи напечатали первый разъ полную картину поземельныхъ отношеній въ 1886; въ Германіи перепись 1882—1883 доставила надлежащій матеріалъ, во Франціи освѣтили эту сторону общественнаго быта едва въ 1881—1882. Австрія до сихъ поръ не обладаетъ такими данными. Приведенныя промежутки времени слишкомъ незначительны, чтобы мы могли на основаніи такихъ статистическихъ данныхъ начертить полную динамику развитія поземельныхъ отношеній. Но все таки и отсюда мы выведемъ нѣкоторыя заключенія.

Прежде всего мы замѣтимъ, что данныя аграрной статистики въ предѣлахъ наиболѣе развитыхъ странъ Европы никакъ не свидѣтельствуютъ о побѣдоносномъ ходѣ концентраціи правъ собственности на землю (въ ниже приведенныхъ данныхъ мы не беремъ въ счетъ подраздѣленій мелкой собственности).

I. Англія 1885—1895. Прибыло или убыло:

	Количество имѣній.	Площадь въ акрахъ.
Ниже 20 гектаровъ	15,242	28,444
20—40 гектаровъ	1,910	138,683
40—120 гектаровъ	1,672	217,429
Выше 120 гектаровъ	577	354,130

II. Франція 1882—1892. Прибыло или убыло:

	Количество имѣній.	Площадь въ гектарахъ.
Ниже 10 гектаровъ	50,266	121,846
10—40 гектаровъ	16,104	532.243
Выше 40 гектаровъ	3,417	197,288

III. Германія 1882—1895. Прибыло или убыло:

	Количество имѣній.	Площадь въ гектарахъ.
Ниже 20 гектаровъ	281,646	651,764
20—100 гектаровъ	257	38,333
Выше 100 гектаровъ	70	45,538

Мы поймемъ еще лучше перемѣну въ количествѣ площади, входящей въ составъ каждой изъ приведенныхъ категорій, принимая въ расчетъ все количество воздѣлываемыхъ и наименованныхъ въ переписи земель.—Именно было:

Въ Англіи	1895	32.577,813	акровъ.
» Франціи	1892	49.278,763	гектаровъ.
» Германіи	1895	32.517,941	»

Сравнивая съ послѣдними цифрами измѣненія, которыя произошли въ теченіе разсмотрѣннаго промежутка времени въ размѣщеніи почвы между различными категоріями землевладѣльцевъ, мы убѣдимся, что,

крупная собственность не можетъ похвастать своимъ побѣдоноснымъ развитіемъ. За то, если бы мы изслѣдовали данныя, относящіяся къ категоріямъ мелкой собственности, мы замѣтили бы сильное увеличеніе раздробленія почвы. Вообще, нечего говорить о концентраціи правъ собственности, насколько дѣло касается общей картины выше названныхъ странъ.

Но современное развитіе все таки дѣйствуетъ, не создавая непосредственно концентраціи,—оно вліяетъ косвеннымъ образомъ, воплощая въ обществѣ образцы централизаціи, которыя извнѣ, какъ будто обручами, окружаютъ земледѣліе и тащатъ его въ соотвѣтственномъ направленіи.

На первомъ мѣстѣ мы поставимъ прогрессъ агрономическихъ станцій и исходящихъ отсюда совѣтовъ вмѣстѣ съ учрежденіемъ ученыхъ агрономовъ-инспекторовъ, въ дальнѣйшемъ же будущемъ агрономически-геологическихъ территорій, по направленію которыхъ идетъ и развитіе спеціализированныхъ округовъ. Какъ примѣръ такой государственной дѣятельности, организирующей земледѣліе, мы можемъ привести намѣренія и задачи, исполняемыя венгерскимъ правительствомъ, первымъ въ Европѣ, которое принялось за такую широкую дѣятельность.

Въ Венгріи существуетъ нѣсколько химическихъ агрономическихъ станцій, анализирующихъ присылаемые земледѣльческіе продукты и получающихъ установленную государствомъ плату. Основаны станціи для изслѣдованій надъ качествомъ сѣмянъ. Есть земледѣльческія учрежденія, исполняющія роль совѣтниковъ: члены ихъ, профессора агрономическихъ заведеній, даютъ указанія, какъ слѣдуетъ вести хозяйство, какія заводить породы и какъ кормить скотъ. Эти учрежденія дѣйствуютъ безплатно устно или письменно, и лишь въ томъ случаѣ, когда земледѣлецъ вызоветъ къ себѣ на домъ такого совѣтника, онъ долженъ покрыть расходы пріѣзда. Въ Будапештѣ находится энтомологическая станція, которая занимается изслѣдованіями вредныхъ насѣкомыхъ, ищетъ средствъ противъ нихъ и увѣдомляетъ земледѣльцевъ о возможномъ несчастіи и способахъ противодѣйствія. Въ случаѣ необходимости заведеніе высылаетъ спеціалистовъ, руководящихъ борьбой. Есть департаментъ инженеровъ-агрономовъ, приготовляющихъ планы, какъ вести хозяйство. Венгерское правительство, слѣдуя принципу, что улучшеніе скотоводства не можетъ быть достигнуто частными крестьянскими усиліями, взяло и тутъ починъ въ свои руки: раздѣлило страну на округи, для каждаго изъ этихъ послѣднихъ отыскало наиболѣе подходящую породу, смотря по тому, выкармливается ли въ немъ скотъ, или преимущественно ведется молочное хозяйство,—и уставомъ 1890 г. возложило на каждую волость обязанность держать расоваго быка, причемъ само государство покупаетъ быковъ за границей и по цѣнѣ издержекъ уступаетъ волостямъ (2.376 штукъ въ г. 1893). Основанъ пчелиный департаментъ, раздающій лѣсничимъ, приходскимъ священникамъ и сельскимъ учителямъ даромъ образцовыя ульи, чтобы такимъ образомъ познакомить крестьянъ съ улучшенными методами пчеловодства; названныя должностныя лица часто употребляются

правительствомъ, какъ разсадники земледѣльческаго прогресса, получая напр., расовыхъ пѣтуховъ съ обязанностью снабжать ими крестьянъ.

Въ томъ же направленіи дѣйствуютъ свеклосахарные заводы, маслобойни, овощныя сушильни, требуя отъ земледѣльцевъ, чтобы они разводили опредѣленнаго сорта растенія и животныхъ, давая имъ опредѣленный кормъ. Такъ точно поступаютъ и земледѣльческіе синдикаты, покупающіе даже машины для поочереднаго употребленія ихъ своими членами. Еще далѣе забѣгаютъ потребительныя сельскія коопераціи, дѣйствующія при покупкѣ сѣмянъ и орудій.

И ростъ централизаціи механизма, отвозящаго земледѣльческіе продукты на рынокъ, производитъ свое дѣйствіе. Онъ поощряетъ однообразіе земледѣльческой культуры, вводитъ спеціализацію и т. д. особенно въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ, среди землевладѣльцевъ, возникли общества, задающіяся цѣлью войти въ непосредственное сношеніе съ потребителями.

Въ количествѣ разбираемыхъ вліяній мы не можемъ забыть и о централизаціи ипотечнаго долга при посредствѣ различныхъ земскихъ банковъ. Пока еще мы имѣемъ тутъ дѣло лишь съ концентраціей кредита, но мы должны не забывать, что при случаѣ такая централизація можетъ сдѣлаться исходной точкой для сосредоточія указаній и распоряженій, даже экспропріаціи техническаго контроля, вообще для централизированной дѣятельности. При какихъ обстоятельствахъ такая дѣятельность можетъ возникнуть, мы не будемъ останавливаться надъ этимъ, удовлетворяясь лишь намекомъ на то, что централизація создаетъ условія такой возможности.

Всѣ эти вліянія окружаютъ земледѣліе со всѣхъ сторонъ. Земледѣльческія усадьбы, крупныя и мелкія, по виду сохраняютъ свою самостоятельность, но въ дѣйствительности какъ будто очутились подъ особымъ надзоромъ. Это общественная централизація, посредственный и непосредственный результатъ производительныхъ силъ, которыя возникли внѣ сферы земледѣлія и дѣйствуютъ, медленно измѣняя условія существованія земледѣльческаго промысла. При появленіи организованной въ экономическомъ отношеніи общественной воли, все равно какого характера будетъ послѣдняя, выше названныя позиціи станутъ рычагами, измѣняющими природу земледѣлія и землевладѣнія. Но эти прогрессивныя стремленія встрѣчаютъ на своей дорогѣ рутинный и регрессивный элементъ—крестьянъ. Возникаетъ борьба между прогрессивными силами и консервативнымъ, неуклюжимъ человѣческимъ матеріаломъ, неспособнымъ приспособиться къ новымъ требованіямъ жизни. Къ этому вопросу мы и перейдемъ въ слѣдующей статьѣ.

Л. Кржнвицкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

CONTRA SPEM SPERO.

(Изъ Маріи Конопницкой).

На зло надеждѣ, чей взоръ сквозь слезы
Напрасно ищетъ небесъ лазури,
Чей челнъ разбили бичомъ угрозы
Ночныя бури,
Я вѣрю въ солнце во тьмѣ, какъ прежде
На зло надеждѣ.

Такъ яснымъ утромъ пѣвецъ незрячій,
Восторга полный и полный муки,
Подъемлетъ очи къ зарѣ горячей,
Подъемлетъ руки,
Сквозь мракъ стремится къ ея привѣту,
И вѣритъ свѣту.

Увы! Я знаю! Пѣвцы безмолвны,
Забыты пѣсни подъ игомъ горя,
И рѣкъ родимыхъ живыя волны
Не ищутъ моря,
И холодъ смерти, не трепетъ жизни,
Разлитъ въ отчизнѣ.

Самъ Богъ разрушилъ ея святыни,
Нагіе камни засыпалъ прахомъ,
А мы—мы бродимъ въ нѣмой пустынѣ
Съ тоской и страхомъ,
И буйный вѣтеръ окуталъ тайной
Нашъ слѣдъ случайный.

Увы, я знаю! Зачѣмъ упрямо
Несетъ мнѣ эхо свой стонъ кровавый?
И я вѣдь родомъ съ развалинъ храма,
Съ кладбища славы,
И я скитаюсь надъ ихъ границей
Бездомной птицей.

Но въ дверь гробницы стуча крылами,
Во мглѣ ненастья холодной, сѣрой,
Дневного блеска ищу очами
Съ ревнивой вѣрой,
Ищу въ могилахъ движенья знаки
И жду во station мракѣ.

На зло надеждъ, подъ властью злобы
Давно угасшей во мглѣ туманной,
Я жду, чтобъ къ жизни воскресли гробы
Съ зарей румяной,
Я вѣрю въ солнце средь бурь, какъ прежде,
На зло надеждѣ.

В. Б.

СТУДЕНТКА.

Романъ Грэхэмъ Трэверса.

Переводъ съ англійскаго З. Журавской.

(*Окончаніе* *).

Глава XLVI.

Экзаменъ.

Снова въ Берлингтонъ гоузѣ собралась пестрая толпа нервной, взволнованной молодежи; мужчины тѣснились на крыльцѣ и въ швейцарской, что-то отмѣчали въ своихъ записныхъ книжкахъ, обмѣнивались рукопожатіями или же критиковали наружность студентокъ.

— Пожалуйте, барышни!—сказалъ внушительнаго вида, ливрейный лакей, и группа студентокъ двинулась черезъ швейцарскую въ экзаменаціонную залу.

— Зачѣмъ это миссъ Маклинъ перемѣнила прическу?—сказала одна студентка другой. — Прежняя гораздо больше къ ней шла.

Это было справедливо. Мона перемѣнила прическу для того чтобы, по возможности, измѣнить очертанія своей головы; она страшно боялась, какъ бы докторъ Дудлей не узналъ ея въ этой обстановкѣ, гдѣ объясненіе было невозможно. Черезъ минуту имъ роздали темы и въ слѣдующіе три часа для нея не существовало ни доктора Дудлея и никого на свѣтѣ. Она писала до тѣхъ поръ, пока не подошелъ къ ней экзаменаторъ, тотъ самый, котораго Дудлей называлъ «Столпомъ эрудиціи»—и не взялъ ея сочиненія.

— Я какъ-будто уже видѣлъ васъ раньше,—сказалъ онъ ласково.

— Дважды,—улыбнулась Мона;—и боюсь, что вы рискуете увидѣть меня и въ третій разъ.

Онъ посмотрѣлъ на нее съ усмѣшкой, видимо заинтересованный.

— Вы, кажется, не очень этого боитесь,—замѣтилъ онъ, отходя.

Мона проводила его глазами и черезъ минуту увидала его на другомъ концѣ комнаты сердечно пожимающимъ руку доктору Дудлею. Она

*) См. «Міръ Божій», № 7, іюль.

отвернулась и, наскоро собравъ свои тетрадки и цвѣтные карандаши, вышла изъ комнаты. Сердце ея часто билось, когда она шла по Ридженть Стритъ: ей каждую минуту чудились его шаги позади.

Но бояться было нечего. Во всѣ три дня письменныхъ экзаменовъ, Дудлей видѣлъ только цвѣтное пятно на противоположномъ концѣ залы, гдѣ сидѣли женщины; онъ былъ слишкомъ занятъ и слишкомъ равнодушенъ, чтобы разсматривать ихъ. Единственнымъ его желаніемъ было сдать поскорѣй экзаменъ и развязаться.

Теперь, когда Мона знала, гдѣ онъ сидитъ, ей не трудно было избѣгать его, тѣмъ болѣе, что онъ былъ близорукъ. Мало-по-малу она стала смѣлѣе и подолгу любовалась имъ издали. Дудлей всегда былъ окруженъ студентами: съ нимъ совѣтывались, его осыпали вопросами.

Наконецъ, наступила пятница. Вечеромъ, спускаясь съ лѣстницы, Мона чувствовала волненіе и усталость, граничившую съ физическою болью.

На улицѣ ее ждала Люси. Онѣ зашли въ первый попавшійся ресторанчикъ напиться чаю.

— Ну что? Какъ вы думаете? Выдержали?

Мона вздохнула.—Анатомія сошла очень порядочно, въ особенности, утренній письменный; физіологія между нами говоря, это лучшее мое сочиненіе; химія—кажется, сносно,—во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ въ прошлый разъ.

— Браво!

— Погодите радоваться. И напрасно я все это говорю вамъ. Это значитъ испытывать судьбу.

— Пустяки! Послѣ такихъ экзаменовъ не страшно испытывать судьбу. Ахъ, Мона, я увѣрена, что вы получите медаль за физіологію!— Она подняла чашку.—Пью за Мону Маклинъ, по случаю полученія золотой медали за физіологію.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Мое сочиненіе вовсе ужъ не такъ хорошо, и не забывайте, что впереди еще устный.

Въ тотъ же вечеръ Мона написала Рэчели, назначая день и часъ своего прибытія въ Борроунессъ, а на другой день поѣхала въ гости, въ Борнмаузъ. Только случай, и притомъ очень неправдоподобный, могъ бы привести въ Борнмаузъ Дудлея, но каждый разъ, завидѣвъ на утесахъ высокую худощавую мужскую фигуру, Мона вздрагивала отъ волненія. Это волненіе было радостное, но въ общемъ ей не хотѣлось встрѣтиться съ нимъ здѣсь. Нѣтъ, нѣтъ: пусть все идетъ своимъ чередомъ! Они встрѣтятся, какъ было условлено, въ миломъ старомъ замкѣ Маклинъ, въ десятыхъ числахъ августа.

Она вернулась въ городъ за нѣсколько дней до устнаго экзамена по физіологіи и нашла на столѣ письмо отъ Рэчели.

«Дорогая кузина! Я очень обрадовалась, получивши ваше письмо съ извѣщеніемъ, что вы собираетесь навѣстить меня; но съ тѣхъ поръ,

какъ я вамъ въ послѣдній разъ писала, въ моей жизни произошла большая перемѣна. Послѣ вашего отъѣзда я все время была сама не своя. Ваша хваленая миссъ Дженкинсъ, дѣйствительно, хорошо управлялась въ лавкѣ, и считаетъ она хорошо, но вѣдь она мнѣ не родная. Она и другого прихода, и знакомыхъ у нея куча: каждый вечеръ она все въ гости, да въ гости, а я одна, такъ что, не будь Салли, я бы прямо, кажется, съ ума спятила. Взяла я, да и написала обо всемъ этомъ Мэри-Аннѣ, а она мнѣ и пишетъ: отчего бы молъ, тетенька, вамъ ко мнѣ не пріѣхать, въ Америку? Понятно, мнѣ это раньше и въ голову не приходило, ну а тутъ я давай совѣтоваться съ умными людьми,—всѣ говорятъ: «само собой поѣзжайте»? А черезъ нѣсколько дней нашелся и покупатель на лавку, цѣну даетъ хорошую. Такъ все одно къ одному, точно указаніе свыше, но я себѣ и не думаю—гдѣ же мнѣ ѣхать, такую даль! Только вдругъ опять получаю письмо отъ Мэри-Анны. Не дождавшись моего отвѣта пишетъ, проситъ опять, чтобы я пріѣхала,—говоритъ, что скоро у нея ребеночекъ долженъ родиться—ну, понятное дѣло, въ такое время каждому хочется имѣть возлѣ себя свою плоть и кровь. Она вѣдь не изъ нынѣшнихъ вашихъ, самостоятельныхъ! Что жъ, думаю, оно и впрямь не худо бы поѣхать, да вотъ бѣда: я до страсти боюсь моря и чужихъ людей, и что жъ бы вы думали? На дняхъ приходитъ ко мнѣ м-рсъ Андерсонъ и говоритъ, что ея братъ черезъ десять дней ѣдетъ въ Америку со всѣмъ своимъ семействомъ, изъ Гласго, и что онъ съ удовольствіемъ присмотритъ за мной, если я поѣду съ ними на одномъ пароходѣ. Такъ дѣло и уладилось.

«Такъ что, какъ видите, душенька, мнѣ придется выѣхать на пароходѣ изъ Гласго въ тотъ самый день, въ какой вы собирались прибыть сюда. Еслибъ вамъ жилось у меня хорошо и счастливо, мнѣ бы и въ голову не пришло затѣвать всю эту передрягу, но одной мнѣ такъ тошно было, что я просто не въ состояніи была выдержать дольше, хоть и тяжело отрываться отъ всего, съ чѣмъ сжился.

«Пишите мнѣ почаще, разскажите, что подѣлываете; нѣтъ ли и для васъ надежды пристроиться?

«Любящая васъ кузина
Рэчель Симпсонъ».

«P. S. Не знаете ли вы какого-нибудь средства отъ морской болѣзни?»

Мона не сразу оцѣнила все значеніе этого письма. Въ первую минуту она только подивилась, что Мэри-Анна такъ тревожится въ ожиданіи ребенка, что даже вызываетъ тетку изъ за моря. Но скоро эта мысль стушевалась передъ важностью послѣдствій, вытекавшихъ изъ рѣшенія Рэчели. Нѣтъ больше Рэчели и лавки,—нѣтъ ни скалистаго берега, ни замка Маклинъ, ни долгожданнаго объясненія,—нѣтъ доктора Дудлея! Истина предстала передъ ней во всей своей ужасающей наготѣ, и она была совершенно подавлена.

— Мнѣ слѣдовало предвидѣть это,—поблѣдѣвшими устами шептала Мона, глядя въ окно и ничего не видя передъ собой,—я возлагала на это свиданіе слишкомъ много надеждъ. Вся жизнь моя вертѣлась на этомъ одномъ.

Вдругъ у нея блеснула мысль: у тети Белль въ домѣ много свободнаго мѣста, и милая старушка будетъ рада ей во всякое время.

Но на ея робкій намекъ, тетя Белль отвѣтила что она просто въ отчаяніи, но ее еще раньше упросили отдать внаймы верхнія комнаты одному художнику на весь августъ. Она была бы такъ счастлива и горда, еслибъ Мона согласилась пріѣхать въ сентябрѣ.

Но Мона уже обѣщала во второй половинѣ августа гостить у Мунро.

Оставалась надежда на случайную встрѣчу во время устныхъ экзаменовъ; но Мона по опыту знала, что буквы Д. и М. слишкомъ удалены другъ отъ друга, чтобы тѣхъ, чьи фамиліи начинаются на эти буквы, позвали экзаменоваться одновременно.

Такъ оно и было. Ни въ Берлингтонъ-гоузѣ ни въ канцеляріи Мона не встрѣтила своего друга.

Они кончились, наконецъ, эти экзамены, которые когда-то казались ей цѣлью и смысломъ существованія, но сознаніе, что все сошло хорошо не доставило Монѣ ни одной пріятной минуты. Вернувшись домой, она въ безумномъ отчаяніи повторяла:

— Господи, помоги мнѣ! Я не въ силахъ это вынести!

Глава XLVII.

Успѣхъ или неудача.

Снова списки выдержавшихъ были выставлены у дверей университета и снова молодежь толпилась вокругъ, пробѣгая ихъ жадными взглядами. Вотъ въ концѣ улицы показалась высокая мужская фигура. Дудлей быстро взбѣжалъ на крыльцо и, даже не взглянувъ на списокъ перешедшихъ, направился прямо къ списку удостоенныхъ награды.

Вышло, какъ онъ ожидалъ, даже лучше, чѣмъ онъ смѣлъ надѣяться.

Анатомія.

Первый разрядъ.

Дудлей, Ральфъ, изъ госпиталя св. Кунигунды, удостоенъ стипендіи и золотой медали.

Радостно забилось сердце Ральфа.

— Теперь выговорилъ онъ чуть не вслухъ,—я могу ѣхать въ Борроунессъ и просить миссъ Маклинъ быть моей женой.

Въ то же мгновеніе, словно въ отвѣтъ на его мысль, ему бросилось въ глаза имя *Маклинъ*, стоявшее подъ его собственнымъ. Онъ всмотрѣлся пристальнѣе. Да, это не ошибка.

Физіологія.

Первый разрядъ.

Маклинъ, Мона, Лондонская женская медицинская школа, удостоена стипендіи и золотой медали.

Мона Маклинъ—*её* зовутъ Маргаритой. Она сама сказала ему въ замкѣ Маклинъ; кромѣ того онъ прочелъ ея имя въ церкви на старомъ молитвенникѣ. А все таки странное совпаденіе. Онъ круто повернулся и тронулъ за плечо своего сосѣда.

— Кто такая миссъ Маклинъ?

— Миссъ Маклинъ,—о это одна изъ звѣздочекъ женской школы. Она получила первую награду за ботанику въ тотъ годъ, когда я поступалъ.

Очевидно, это только совпаденіе. Безъ сомнѣнія эта медальерка съ головы до ногъ синій чулокъ, и ничего больше, несмотря на свое хорошенькое имя.

Онъ зналъ, что старая тетка страшно обрадуется его успѣху, но не хотѣлъ телеграфировать, чтобы эта вѣсть какъ-либо стороной не дошла до Моны. Ему хотѣлось самому сказать ей объ этомъ. Нѣтъ, это слишкомъ большое счастье! Ему просто не вѣрилось, что завтра въ это самое время, онъ будетъ сидѣть одинъ съ ней на скалѣ, что теперь онъ имѣетъ право говорить о своей любви, подстеречь ея тайну, вырвать у нея полуневольное признаніе, строить воздушные замки, набрасывать смѣлые контуры чуднаго будущаго.

Онъ поминутно смотрѣлъ на часы, не зная какъ дожить до 8, до отхода вечерняго поѣзда въ Эдинбургъ.

Дудлей, наконецъ, вышелъ на маленькой станціи Борроунессъ. Было чудное августовское утро. Никогда еще родина не казалась ему такой привлекательной.

Дудлей ни минуты не сомнѣвался, что найдетъ Мону въ замкѣ Маклинъ. Она такъ часто ходитъ туда, а теперь и подавно: вѣдь она знаетъ что онъ можетъ пріѣхать со дня на день и будетъ искать её тамъ. Онъ такъ часто представлялъ себѣ, какъ они встрѣтятся, и теперь еще разъ мысленно пережилъ этотъ моментъ.

Ральфъ ускорилъ шаги и поднялся на утесъ.

Но замокъ Маклинъ былъ пустъ.

— Незачѣмъ было такъ торопиться,—пробормоталъ онъ серьезно, взглянувъ на часы.—Миссъ Симпсонъ навѣрное еще обѣдаетъ.

Прошло два часа, но никто не явился.

Миссъ Симпсонъ навѣрное уже отбѣдала. Ральфъ испытывалъ жестокое разочарованіе. Миссъ Маклинъ такъ чутка,—она всегда угадывала его съ полуслова,—неужели она не догадается именно теперь, когда онъ такъ разсчитывалъ на нее? Неужели она не поняла его, не ждала этой встрѣчи съ такимъ же нетерпѣніемъ? Если такъ, отношенія ихъ утратятъ половину своей поэзіи.

Онъ рѣшилъ идти домой, но не выдержалъ и въ невѣроятно короткое время очутился у подъѣзда миссъ Симпсонъ.

Видъ магазина тоже разочаровалъ его. Сегодня ему кажется суждено во всемъ разочаровываться!

При звукѣ колокольчика въ лавку вошла молодая женщина.

Ральфъ былъ такъ ошеломленъ, что ему даже не пришло въ голову спросить черной резины.

— Дома миссъ Симпсонъ?—освѣдомился онъ наконецъ.

— Что вы, сэръ! Миссъ Симпсонъ уже съ недѣлю какъ уѣхала въ Америку. Мы купили у нея торговлю. Мы намѣрены повести дѣло совсѣмъ по другому. Что вамъ угодно, сэръ? чѣмъ могу служить? Онъ хотѣлъ спросить о миссъ Маклинъ, но не могъ рѣшиться произнести ея имя, приподнялъ шляпу и вышелъ.

За обѣдомъ онъ залпомъ выпилъ для храбрости стаканьчикъ вина и вдругъ обратился къ теткѣ:

— А вы и не сказали мнѣ, что миссъ Симпсонъ эмигрировала.

— Миссъ Симпсонъ! Какая миссъ Симпсонъ? Господи помилуй, какъ тебя однако интересуютъ всѣ здѣшнія новости! Я сама это узнала только на дняхъ. Кажется, племянница ея—та самая въ которой ты откопалъ скрытый геній—раньше переселилась въ Америку, а потомъ вызвала тетку.

— Вздоръ!—Ральфъ нервно разсмѣялся,—я не могу себѣ представить, чтобы кому-нибудь понадобилось вызывать изъ за моря старую миссъ Симпсонъ. Притомъ же эта молодая леди вовсе не была ея племянницей, тетя милая. Она ея дальняя родственница.

— Ты должно быть ошибся, другъ мой. Эта молодая женщина сама мнѣ сказала, что она родная племянница миссъ Симпсонъ, кому же лучше знать, какъ не ей?

Ральфъ смутно сознавалъ, что они съ теткой говорятъ о двухъ разныхъ личностяхъ, но въ головѣ его былъ такой, хаосъ, что ничего толковаго сообразить онъ не могъ и сейчасъ же послѣ обѣда ушелъ въ свою комнату, подъ предлогомъ адской головной боли.

Что произошло? Что это — страшный ли кошмаръ, который онъ вотъ-вотъ стряхнетъ съ себя и проснется, или, дѣйствительно, злой духъ опрокинулъ всѣ его планы, разбилъ всѣ надежды? Господи, какой онъ идіотъ! Отчего было не высказаться прямо полгода тому назадъ? И чего онъ дожидался? Конца экзаменовъ?—Какая нелѣпость, какое ребячество! Можетъ быть *она* думала, что онъ напишетъ и, не дождавшись, съ отчаянія уѣхала въ Америку?.. Не все ли равно, что и какъ?.. Она исчезла изъ его жизни, какъ героиня волшебной сказки, и онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, гдѣ искать ея.

Потомъ пришли болѣе трезвыя мысли. Вѣдь онъ живетъ въ концѣ девятнадцатаго столѣтія. Въ наше время люди не исчезаютъ безслѣдно. Вѣдь ее многіе знали въ Борроунессѣ; найдется же кто-нибудь, кто скажетъ ему, гдѣ она.

Да, но кто? У него было мало знакомыхъ въ мѣстечкѣ, да и нельзя же лазить отъ двери къ двери съ разспросами...

И вдругъ—о радость! онъ вспомнилъ о м-ръ Стюартѣ и Матильдѣ Куксонъ. Оба они навѣрное знаютъ, гдѣ миссъ Маклинъ. Ральфъ взглянулъ на часы: тетя навѣрное уже спитъ, но къ м-ру Стюарту зайти еще не поздно. Онъ велѣлъ лакею не ждать его, въ случаѣ если онъ запоздаетъ, и двинулся по дорогѣ въ Киркстоунъ такимъ шагомъ, что и профессіональному скороходу не легко было бы угнаться за нимъ.

Его ждало еще одно разочарованіе. М-ръ Стюартъ уѣхалъ на мѣсяцъ въ отпускъ, передавъ свои обязанности викарію. Дудлей былъ не настолько хорошо знакомъ съ Куксонами, чтобы нанести имъ визитъ въ такой поздній часъ: волей-неволей пришлось отложить разспросы на завтра.

— Навѣрное и Куксоны куда-нибудь уѣхали,—говорилъ онъ себѣ мечась по постели, но судьба на этотъ разъ благопріятствовала ему. Онъ нашелъ Матильду и отца ея на лужайкѣ передъ домомъ.

— Добро пожаловать, докторъ,—сердечно привѣтствовалъ его м-ръ Куксонъ.—Какія у меня сигарки—я вамъ скажу: пальчики оближите. Присаживайтесь-ка. Что у васъ новенькаго?

Прошло полчаса, прежде чѣмъ Дудлею удалось повести разговоръ на отъѣздъ Рэчели Симпсонъ.

— А миссъ Маклинъ тоже уѣхала въ Америку?—спросилъ онъ, будто вскользь, не отрывая глазъ отъ колецъ табачнаго дыма, расходившихся вокругъ его сигары.

— Помилуйте, какъ можно!—м-ръ Куксонъ хлопнулъ по колѣну своего гостя.—Вы развѣ не слышали! Это прелестно! Какъ вы думаете, гдѣ я послѣдній разъ видѣлъ миссъ Маклинъ? Въ Гайдъ-Паркѣ, въ элегантнѣйшей коляскѣ, какую только можно себѣ представить. Съ ней была еще другая дама, такая тонкая, вся въ кружевахъ, зонтикъ—умопомраченіе,—м-ръ Куксонъ довольно неуклюже изобразилъ позы обѣихъ дамъ,—а рядомъ ѣхалъ молодой человѣкъ верхомъ. Такой шикъ.

Лицо Дудлея омрачилось, но онъ не прерывалъ хозяина.

— Я кое-что пронюхалъ, еще когда она здѣсь была,—продолжалъ словоохотливый м-ръ Куксонъ,—полковникъ Лауренсъ проговорился; а потомъ она разъ обѣдала у насъ; красивая барышня что и говорить, очень красивая! Я въ дѣтствѣ слыхалъ объ ея дѣдѣ; говорятъ, онъ составилъ себѣ огромное состояніе, но они такъ давно уже выселились отсюда: мнѣ и въ голову не пришло, что она изъ этихъ Маклиновъ. Матильда—та должно быть все знала, но не выдала пріятельницы. Вѣдь она съ миссъ Маклинъ такіе друзья—водой не разольешь.

— Я узнала это случайно,—съ достоинствомъ сказала Матильда,—но и безъ того всякій, у кого есть хоть капля смысла въ головѣ, не могъ бы при видѣ миссъ Маклинъ усумниться въ томъ, что она—леди.

— Я совершенно согласенъ съ вами,—но, скажите пожалуйста, миссъ Маклинъ не говорила вамъ, ради чего она устроила весь этотъ маскарадъ?

Не успѣлъ онъ договорить, какъ пожалѣлъ о томъ, что сказалъ; но было уже поздно.

Матильда вся вспыхнула.

— Еслибъ вы хоть немного знали миссъ Маклинъ, вы постыдились бы говорить такъ. Она не справлялась, принимаютъ ли ее за чью-нибудь кузину или племянницу: она всегда и вездѣ была и будетъ самой собой. Что жъ изъ того, что у нея знатные родственники? Все-таки миссъ Симпсонъ остается ея кузиной. Для миссъ Маклинъ такъ же просто и легко объявить о своемъ родствѣ съ вульгарной лавочницей, какъ и о своемъ родствѣ съ знатной дамой.

Это было, несомнѣнно, маленькое преувеличеніе, но Дудлей слушалъ съ жадностью, дивясь, какое огромное вліяніе имѣла Мона на Матильду.

— Еще одинъ вопросъ: она не студентка медицинской школы?

— Господи помилуй, вотъ выдумали!—расхохотался м-ръ Куксонъ.— Съ какой стати ей этимъ заниматься? Вѣдь она, такъ сказать, наслѣдница.

Ральфъ обернулся къ Матильдѣ.

— Вы знаете, гдѣ теперь миссъ Маклинъ? Въ Лондонѣ?

— Я вчера получила отъ нея письмо,—съ гордостью отвѣчала Матильда, вытаскивая изъ кармана смятый листокъ.—Она уѣзжаетъ на дняхъ съ друзьями въ Швейцарію.

Дудлей началъ прощаться. Онъ все время шутилъ но сердце его было полно горечи. Онъ не думалъ о томъ, въ какое ложное положеніе онъ поставилъ любимую женщину; ему не пришло въ голову, что было бы гораздо хуже, еслибы она гонялась за нимъ вмѣсто того, чтобы какъ будто бѣжать отъ него. Онъ не могъ, не могъ считать ее лживой,— а между тѣмъ какъ жестоко она обманула его! Что за безуміе вѣриться взгляду женщины!

— Ну-съ, милый другъ,—цинично хохоталъ онъ самъ надъ собой на обратномъ пути,—не собираемся ли мы написать вторично «Страданія молодого Вертера?»

Глава XLVIII.

Старые друзья.

— Какъ ты поздно?—сказала леди Мунро.—Развѣ ты забылъ, что мы сегодня ѣдемъ въ театръ?

Она сидѣла одна, у камина, положивъ на рѣшетку изящно обутую ножку.

Сэръ Дугласъ, не отвѣчая, обвелъ взглядомъ комнату.

— Мона здѣсь?

— Нѣтъ; она не могла придти къ обѣду: у нея не было времени. Мы должны заѣхать за ней.

Черезъ часъ коляска Мунро остановилась у подъѣзда Моны, въ Гоуэръ-Стритѣ. Мона появилась, лишь только дрогнулъ колокольчикъ.

Сэръ Дугласъ взглядомъ знатока окинулъ ея туалетъ и остался доволенъ.

Театръ былъ переполненъ; шла новая мелодрама—новая, по времени появленія, но по смыслу старая, какъ міръ. Благородный герой, прелестная и вѣрная героиня; преслѣдованія, разлука, взаимная преданность; счастливый конецъ и торжество любви.

Съ точки зрѣнія современнаго реалистическаго искусства это было шаблонно до смѣшнаго, но превосходное исполненіе заставляло прощать многое, такъ что даже сэръ Дугласъ и Мона заразились общимъ энтузіазмомъ, а Эвелина и мать ея были растроганы до слезъ. Одной рисовался въ мечтахъ туманный, но свѣтлый идеалъ будущаго, другая плакала о томъ, что этотъ идеалъ не осуществился въ ея жизни.

Во второмъ антрактѣ, не успѣлъ сэръ Дугласъ выйти, какъ въ ложу вошелъ высокій, дородный мужчина съ выставленнымъ на показъ огромнымъ жабо и массой брелоковъ на цѣпочкѣ.

— Я такъ и думалъ, что не ошибся,—началъ онъ съ замѣтнымъ шотландскимъ акцентомъ, протягивая руку Монѣ. Я уже давно запримѣтилъ васъ, миссъ Маклинъ, и вотъ пришелъ засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе.

Леди Мунро была поражена ужасомъ; но Мона скрыла свое смущеніе и ласково отвѣтила на пожатіе его руки.

— Какъ это мило съ вашей стороны,—сказала она просто.—М-ръ Куксонъ—моя тетя, леди Мунро,—миссъ Мунро.

М-ръ Куксонъ раскрылъ ротъ и осѣкся. Наступила неловкая пауза. Къ счастью, въ эту минуту вошли два молодыхъ человѣка, и м-ръ Куксонъ былъ предоставленъ исключительно Монѣ.

— Надѣюсь у васъ все благополучно, въ Барроунессѣ?

— Благодарствуйте, ничего, живемъ по маленьку. Вотъ Матильда-то обрадуется, когда я ей скажу, что видѣлся съ вами.

— Пожалуйста, передайте ей мой сердечный привѣтъ.

Снова наступило молчаніе. Мона сгорала желаніемъ спросить, гдѣ м-рсъ Гамильтонъ и д-ръ Дудлей, но не смѣла.

— Матильда была такъ счастлива, что познакомилась съ вами. Мы часто жалѣемъ, что вы насъ покинули. Если вамъ когда-нибудь вздумается возобновить старое знакомство, у насъ въ домѣ всегда найдется свободная комнатка къ вашимъ услугамъ—милости просимъ!

Боже мой,—да она ничего лучшаго и не желала. На радостяхъ, Мона даже забыла о присутствіи тетки.

— Благодарю васъ. Вы очень добры. Мнѣ бы очень хотѣлось увидать милый старый Барроунессъ.

М-ръ Куксонъ весь просіялъ отъ радостной неожиданности.

— Сейчасъ онъ не казистъ; и такъ—когда бы вы ни пріѣхали, мы всегда будемъ вамъ рады.

— Благодарю васъ. Если это не очень стѣснитъ м-рсъ Куксонъ, я можетъ быть пріѣду денька на два въ началѣ января. Я не могу забыть, какой волшебной декораціей для новаго года подарила насъ, прошлая зима. Помните этотъ иней?

М-ръ Куксонъ засмѣялся.

— Ну такой декораціи въ другой разъ врядъ ли дождешься. Я самъ въ жизнь свою не видалъ ничего подобнаго.

Онъ повернулся къ леди Мунро, смутно чувствуя, что надо бы постараться произвести на нее пріятное впечатлѣніе.

— Мои дѣвочки готовы были оборвать всѣ вѣтки съ деревьевъ и унести къ себѣ—просто жаль было думать, что это все растаетъ.

Мона въ душѣ благословляла тетку за обворожительную улыбку, которой та наградила разсказчика; но леди Мунро, не въ состояніи была быть немилостивой съ кѣмъ бы то ни было.

Въ общемъ судьба все таки покровительствовала Монѣ. М-ръ Куксонъ ушелъ раньше, чѣмъ возвратился сэръ Дугласъ.

— Мона! *милая моя!*—вотъ все, что могла сказать леди Мунро, когда онѣ остались однѣ.

— Бѣдная милая тетя Модъ!—ласкалась къ ней Мона.—Это просто стыдно—навязывать вамъ мои знакомства. Но вы не бойтесь, дорогая. Онъ живетъ далеко отсюда, и вы навѣрное никогда больше не встрѣтитесь.

Леди Мунро только вздохнула. Къ счастью, она не слыхала приглашенія, и черезъ минуту была уже снова поглощена пьесой.

Домой они ѣхали молча. Въ Гоуэръ-Стритѣ сэръ Дугласъ соскочилъ первый и подалъ руку Монѣ.

— Благодарю, дядя милый. Спокойной ночи.

— Нѣтъ; я зайду на минутку. Мнѣ нужно поговорить съ вами. Пошелъ домой!

Мона отперла дверь и повела его по тускло-освѣщенной лѣстницѣ въ свою уютную гостиную.

— Ну-съ, Мона,—началъ сэръ Дугласъ, затворивъ за собой дверь,— я желаю знать всю правду о Борроунессѣ.

Мона вздрогнула.

— Неужели это правда, Мона, что вы стояли за конторкой,—торговали въ лавкѣ?

— Истинная правда.—Мона, не сморгнувъ, встрѣтила его взглядъ.— Сознаюсь, что у меня не было спеціальной подготовки, но въ общемъ, я вела дѣло не такъ ужъ плохо.

Углы рта сэръ Дугласа чуть-чуть дрогнули, словно отъ мимолетной улыбки, но онъ тотчасъ сдержалъ себя.

— Когда же прикажете ожидать новаго періода увлеченія торговлей?

— Моя кузина уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ переселилась въ Америку.

— Значитъ, съ Борроунессомъ все покончено, или у васъ еще есть тамъ родственники?

— Друзья есть, два-три человѣка; родныхъ больше нѣтъ.

— Значитъ, больше вамъ туда незачѣмъ возвращаться?

— Сегодня я встрѣтила въ театрѣ знакомаго изъ Борроунесса и обѣщала пріѣхать къ нимъ дня на два на Рождество. Дядя Дугласъ, вамъ слѣдовало бы взглянуть на мое генеалогическое дерево, прежде чѣмъ везти меня въ Норвегію. Я горжусь тѣмъ, что мой дѣдъ—выходецъ изъ народа, да еслибы и не такъ, я не стала бы выбирать себѣ знакомыхъ только изъ одного слоя общества. Въ цѣпи четыре звена: вашъ кругъ, вы, я и мой кругъ. Вашъ кругъ не пускаетъ васъ, а я не могу выйти изъ своего круга. Если вамъ необходимо разорвать цѣпь, вы можете сдѣлать это только въ одномъ мѣстѣ.

— Вамъ, кажется, было бы рѣшительно все равно еслибы я это сдѣлалъ.

— Мнѣ было бы далеко не все равно,—возразила Мона съ полными слезъ глазами,—я люблю васъ почти какъ отца. Но право же вы можете быть спокойны: я не заставлю васъ краснѣть за себя.

Она поднялась съ кресла. Сэръ Дугласъ подошелъ и крѣпко поцѣловалъ её.

— Скажите пожалуйста! Она же еще и условія диктуетъ! Слава Богу, что хоть эта старая вѣдьма убралась за море!

Онъ ушелъ, а Мона, оставшись одна, перебирала въ памяти событія дня.

Всѣ эти мѣсяцы Мона больше всего страдала отъ остраго чувства стыда. Приступы жгучей боли длились недолго, но возвращались каждый разъ, въ минуты усталости, или угнетеннаго состоянія духа. Она давно поняла, что на посторонній взглядъ ея маленькій романъ не представлялъ ничего исключительнаго,—что тысячи мужчинъ выражаютъ подобнымъ образомъ мгновенно налетѣвшую страсть. Но вѣдь докторъ Дудлей не таковъ; вѣдь каждый мужчина долженъ понять, что съ такой женщиной, какъ она, возможно только одно изъ двухъ: все или ничего! Если онъ взялъ ея душу и не далъ ей ничего взамѣнъ, зачѣмъ же тогда... онъ... Мона обыкновенно не доканчивала: ей вспоминались его слова, взгляды, жесты, разныя мелкія черточки ихъ отношеній, и горечь превращалась въ сладость. И всякій разъ изъ души ея вырывалось жалобнымъ стономъ:—зачѣмъ я не сказала ему всю правду! зачѣмъ дала поводъ думать, что я обманула его!

Но не вѣчно же она будетъ оставаться въ неизвѣстности. Только бы дождаться Рождества! Если она поѣдетъ въ Борроунессъ, она навѣрное услышитъ о своемъ другѣ,—можетъ быть даже увидитъ его...

ГЛАВА XLIX.

Ожиданіе.

Время до Рождества тянулось очень медленно, но въ общемъ жизнь стала для Моны болѣе сносной. Будущее представлялось по прежнему неопредѣленнымъ, но теперь въ немъ явилась хоть одна ясная точка, хоть одно событіе, котораго можно было ждать; впереди мерцалъ свѣтъ, хотя еще неизвѣстно было, не блуждающій-ли это огонекъ.

Такъ оно и оказалось на дѣлѣ. Мона пріѣхала въ Борроунессъ поздно вечеромъ, и на другой же день, сейчасъ-же послѣ завтрака, Матильда потащила ее въ замокъ Маклинъ. Надо было проходить мимо Карльтонъ-лоджа, и съ перваго-же взгляда она убѣдилась, что домъ опустѣлъ.

Это былъ первый ударъ; Мона даже не сразу измѣрила всю силу его

— Что сталось съ м-рсъ Гамильтонъ?—спросила она наконецъ отвернувшись, чтобы скрыть свое волненіе.

— Ахъ, вы не знаете? Она была осенью страшно больна. Д-ръ Дудлей привозилъ къ ней изъ Лондона какую-то медицинскую знаменитость—и ей велѣли ѣхать на зиму за границу. Д-ръ Дудлей повезъ ее въ Каиръ или Алжиръ, словомъ, куда то въ этомъ родѣ,—и съ тѣхъ поръ мы о ней не слыхали. Кстати, миссъ Маклинъ, въ послѣдній разъ, какъ я видѣла м-ра Дудлея, онъ спрашивалъ о васъ.

Допытываться, что о ней говорили, было совсѣмъ не въ характерѣ Моны; это противорѣчило всѣмъ ея инстинктамъ, но нельзя-же упустить такой случай. Она рѣшилась пожертвовать своимъ достоинствомъ.

— Что же говорилъ докторъ Дудлей?—спросила она будто, вскользь.

Матильда колебалась, хотя ей очень хотѣлось похвастаться своимъ отвѣтомъ.

— Не знаю, слѣдуетъ ли мнѣ передавать... Видите-ли,—д-ръ Дудлей не знаетъ васъ такъ хорошо, какъ я. Онъ началъ подтрунивать—вѣдь онъ ужасный насмѣшникъ!—Съ чего же это она, говоритъ пріѣхала сюда разыгрывать комедіи?—Ну, я же его и отчитала!

И Матильда повторила свои слова, которыя часто вспоминала съ живѣйшимъ удовольствіемъ.

— Какая вы милая! Вотъ настоящій другъ!—похвалила Мона, но лицо ея стало бѣлѣе бумаги.

— И еще онъ насъ ужасно удивилъ однимъ вопросомъ—вообразите, спрашиваетъ, не *студентка* ли вы *медицинской школы*.

Ага! такъ онъ замѣтилъ ея имя въ спискахъ. Почему же онъ не написалъ ей въ школу?

Обдумывая все расказанное ей Матильдой, Мона не знала, радоваться ей, или отчаиваться. Она не жалѣла что Дудлей разсердился—разсердился до того, что даже забылся передъ Матильдой Куксонъ,—но неужели же онъ осудитъ ее, не выслушавъ? Вѣдь могъ бы онъ

какъ нибудь передать ей письмо. Алжиръ и Каиръ далеко, но вѣдь не на другой же планетѣ.

Нѣтъ, Мона не отчаявалась и не вѣрила, что навсегда утратила своего друга, хотя, для нея лучше было-бы, еслибъ она повѣрила. Будь она убѣждена, что Дудлей забылъ ее. она бы разъ на всегда заперла на ключъ очарованныя комнаты, но неизвѣстность, тревоги ожиданія, мало по малу подтачивали ея силы.

Къ веснѣ она чувствовала себя совершенно больной.

Какъ то утромъ, въ концѣ апрѣля, пробѣгая *Таймсъ*, она наткнулась на слѣдующее объявленіе—«23 сего мѣсяца скончалась въ Карльтонъ-лоджѣ, Борроунессъ, *Эллиноръ Дженъ*, вдова покойнаго сэръ Джорджа *Гамильтона*, на 79 году отъ рожденія».

— Такъ она пріѣхала домой умирать подумала Мона.—Теперь онъ, вѣроятно, пріѣдетъ въ Лондонъ и вернется къ своему дѣлу. Интересно знать, явится-ли онъ въ маѣ въ Бермингтонъ-гоузъ за своею медалью въ день раздачи наградъ. Если явится, такъ я вѣдь увижу его.

Глава L.

Актъ.

Знаменательный день наступилъ, наконецъ. Вѣялъ свѣжій весенній вѣтерокъ, но небо было яркое, какъ лѣтомъ.

— Можно подумать, что я по меньшей мѣрѣ невѣста, — смѣялась Мона, пока Люси и Эвелина помогали ей одѣваться.

— Если вы думаете, что мы стали бы такъ хлопотать изъ за «обыкновенной», невѣсты, вы глубоко ошибаетесь,—высокомѣрно возразила Люси.—Невѣста! скажите пожалуйста!

— Очаровательна!—объявила Мона, когда Эвелина и Люси, уставъ плясать вокругъ нея, позволили ей наконецъ взглянуть на себя въ зеркало. И дѣйствительно, никогда еще во всю свою жизнь Мона не была такъ интересна.

Въ это самое время Мельвиль спрашивалъ своего друга:

— А вы, Ральфъ, пойдете на актъ?

— Ну ужъ нѣтъ! Боже избави! Довольно я заполучилъ ученыхъ степеней въ Лондонѣ и Кэмбриджѣ, чтобъ еще продѣлывать ту же процедуру и въ Берлингтонъ-гоузѣ.

— Помнится, вы раньше говорили, что у Лондона есть свои преимущества, даже въ сравненіи съ Эдинбургомъ и Кэмбриджемъ?

— Я и теперь это говорю. Но церемонія раздачи наградъ сюда не относится. Вообще всякіе церемоніалы плохо прививаются на почвѣ девятнадцатаго вѣка. Не достаетъ традиціи, благоуханія вѣры... Назовите это нелѣпостью, чѣмъ хотите, но матеріализмъ чертовски не художественъ.

— Вы говорите, какъ книжка съ картинками. Но не будемъ входить въ разсмотрѣніе вопроса. Дѣло вотъ въ чемъ—мнѣ въ первый разъ въ жизни прислали билетъ на эту церемонію, и я хотѣлъ бы поздравить нѣкоторыхъ знакомыхъ. Студентки всѣ премиленькія, но я отказываюсь посвятить весь свой юношескій энтузіазмъ физіологу въ юбкѣ.

— Кстати, вѣдь медаль за физіологію досталась женщинѣ?

У Дудлея вдругъ явилось желаніе посмотрѣть на эту вторую миссъ-Маклинъ.

— Ну, если вы будете такъ тяжело вздыхать, я беру назадъ все, что сказалъ!—вскричалъ Мельвилъ.—Я не желаю приносить васъ въ жертву на алтарь дружбы.

— Развѣ я вздохнулъ?—устало протянулъ Ральфъ. Во всякомъ случаѣ, причина не та. Такъ и быть, голубчикъ, пойдемте. Не въ первый разъ мнѣ валять дурака, ради вашего удовольствія.

Всходя на эстраду за хорошенькой золотой игрушкой, Ральфъ чувствовалъ себя положительно нелѣпымъ. Онъ вздохнулъ свободнѣе, только когда смѣшался опять съ толпой; затѣмъ надѣлъ очки и сталъ ждать появленія миссъ Моны Маклинъ.

Хорошо, что теперь общее вниманіе было обращено уже не на него. Ральфъ не часто краснѣлъ, но минуту спустя онъ сдѣлался красенъ, какъ подушка его кресла; когда же краска волненья отхлынула, щеки его покрылись смертельной блѣдностью. При первомъ же взглядѣ на милое знакомое лицо, прелестное въ своемъ возбужденіи, такое же, какимъ онъ видѣлъ его въ замкѣ Маклинъ, вся его горькая обида растаяла и онъ думалъ только объ одномъ: какъ хорошо было бы снова поговорить съ ней. Онъ гордился ея красотой, гордился оваціей, которую ей устроили, гордился своей любовью къ ней.

Но мало по малу факты одинъ за другимъ вставали передъ нимъ. Лицо его омрачилось, на лбу легла глубокая складка.

— Я пройдусь съ ней по Риджентъ-стритъ,—думалъ онъ—и спрошу ее, что все это значитъ.

Наконецъ скучная «процедура» кончилась.

Мону окружили друзья; Ральфа тоже осыпали поздравленіями; но, минуту спустя, онъ уже спѣшилъ вслѣдъ за ней, догонялъ ее. Она была очень блѣдна. Что это—реакція послѣ давешняго волненія? Или она знаетъ, что онъ идетъ позади?

Онъ готовъ былъ заговорить, но, въ это время, толстый пожилой профессоръ, все время съ интересомъ и недоумѣніемъ слѣдившій за Моной, неожиданно схватилъ ее за руку.

— Это Юмъ, Юмъ! Не диво, что она показалась намъ волшебнымъ видѣньемъ на пустынномъ берегу, когда ей даже здѣсь устраиваютъ такія оваціи!

Мона остановилась поговорить съ нимъ, и Дудлей прошелъ мимо.

Какъ же онъ былъ слѣпъ! Какого болвана онъ изъ себя строилъ

когда разсказывалъ ей о своемъ настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ; а она сидѣла и смотрѣла на него своими невинными, будто бы искренними глазами.

Циническая усмѣшка кривила его губы. Ральфъ сталъ спускаться съ лѣстницы. Большая часть экипажей уже разъѣхалась, почти у самаго подъѣзда пара великолѣпныхъ гнѣдыхъ нетерпѣливо била о земь копытами. Ральфъ взглянулъ—и узналъ своего случайнаго англо-индійскаго знакомаго, сэра Дугласа Мунро; но сэръ Дугласъ очевидно ждалъ даму: онъ ни на кого не смотрѣлъ и не замѣтилъ молодого доктора. Ральфъ перевелъ взглядъ на другой экипажъ и, когда вернулся къ гнѣдымъ, увидалъ, что дама уже сидитъ на своемъ мѣстѣ—и очень краснорѣчиво смотритъ на него, Ральфа.

— Д-ръ Дудлей,—выговорила она, задыхаясь.

Одно мгновеніе Дудлей колебался, потомъ вѣжливо поклонился и прошелъ мимо. Онъ не могъ теперь говорить съ ней; ему нужно время подумать. Ему казалось, что душа его разрывается на двѣ части. Одна—любила Мону, рвалась къ ней, жадно простирала къ ней руки, готовая взять ее безъ всякихъ вопросовъ и условій; другая—не поддавалась чарамъ, отказывалась повиноваться слѣпому порыву, была оскорблена этимъ пошлымъ безцѣльнымъ обманомъ. Въ сущности, онъ такъ мало знаетъ ее. Они видѣлись разъ десять, не больше—не удивительно, что онъ могъ быть введенъ въ заблужденіе!

Пока онъ боролся съ собой, изящная коляска промчалась мимо. Дудлей угрюмо засмѣялся. А онъ-то воображалъ, что они пойдутъ «пѣшкомъ» по Ридженть-стритъ, и она скажетъ ему, «что все это значитъ!» Какой же онъ непроходимый болванъ!

Могъ ли онъ знать, что Мона съ радостью отдала бы все на свѣтѣ, чтобы имѣть возможность идти съ нимъ въ эту минуту «пѣшкомъ» по Ридженть-стритъ?

Глава LI.

Люси приходитъ на выручку.

— Мона, мнѣ пришла одна мысль.

— Неужели? Какъ бы я желала, чтобы со мной это случилось. У меня въ головѣ—ни одной.

Дѣвушки снова сидѣли въ саду, въ Гоуэръ-стритѣ, какъ два года назадъ, и Люси, какъ тогда, лѣниво покачивалась въ гамакѣ.

— Помните, я вамъ говорила, что Pater получилъ маленькое наслѣдство?

-- Помню, и отъ души порадовалась за него.

— Ну-съ, такъ вотъ, чѣмъ больше я смотрю на то, что продѣлываютъ теперь врачи, тѣмъ больше мнѣ кажется, что не худо было бы выписать сюда мать.

Мона отвѣтила не сразу. Она мысленно старалась оживить свои воспоминанія, относительно нѣсколько таинственной болѣзни м-рсъ Рейнольдсъ.

— Очень возможно, что это принесло бы ей пользу.

— Я покажу ее доктору Алисѣ Бэтсонъ, пусть она хорошенько изучитъ маминъ организмъ и сама выберетъ спеціалиста,—все равно, мужчину или женщину. Какъ вы находите, не глупо придумано?

— Очень умно.

Наступило минутное молчаніе.

— Вчера Эдгаръ Давидсонъ водилъ меня въ госпиталь св. Кунигунды,—начала Люси.

— Кто это Эдгаръ Давидсонъ?

— Желала бы я, чтобы кто-нибудь занялся вашей памятью, Мона. Право, и для васъ не мѣшало бы пригласить спеціалиста. Неужели вы не помните юноши, котораго мы встрѣтили въ Монте-Карло?

— Конечно, помню.

— Ну-съ, онъ начинаетъ питать ко мнѣ похвальное восхищеніе.

— Я думаю, что юноши-поклонники составляютъ привилегію женщинъ среднихъ лѣтъ, вродѣ меня.

— Въ сущности, онъ и не такъ ужъ юнъ,—возразила Люси, слегка краснѣя. — А поклоняется онъ не мнѣ, а одному своему пріятелю съ которымъ вчера познакомилъ и меня—д-ру Дудлею.

Мона наклонилась поправить подушки.

— Мнѣ очень нравится д-ръ Дудлей. Онъ, повидимому, имѣетъ огромное вліяніе на студентовъ. Особенно мнѣ понравилось, что онъ не заводитъ этихъ отвратительныхъ «постороннихъ» разговоровъ съ больными.

Говоря это, она встала.

— Кстати, Мона, вы должно быть видѣли д-ра Дудлея. Онъ получилъ медаль за анатомію.

— Да,—сказала Мона и ничего не прибавила, въ надеждѣ, что широкополая садовая шляпа скроетъ ее внезапную блѣдность.

Чуть ли не въ первый разъ посторонній человѣкъ заговорилъ съ ней о д-рѣ Дудлеѣ, и она сама удивилась, замѣтивъ, какъ сильна была ея увѣренность въ немъ. Характерно для нея, что, когда прошелъ первый моментъ негодованія, она почти не порицала Дудлея за его ледяную холодность съ ней въ Бѣрликстонъ-гоузѣ. Она живо представляла себѣ, что долженъ чувствовать онъ, какой видъ все это должно имѣть для *него*, съ *его* точки зрѣнія; она вообще отличалась чуткостью и способностью видѣть обѣ стороны вопроса, а потому видѣла и то, какая опасность грозитъ ей и молилась только объ одномъ: что бы ни случилось, не дай Господи, чтобы я утратила свою гордость!

— Приходите ко мнѣ пить чай въ субботу,—сказала Люси, когда пріятельницы встрѣтились въ госпиталѣ нѣсколько дней спустя. — Я

пригласила сестру Эдгара Давидсона. Она только-что вернулась изъ Санъ-Ремо; я еще не видывала такой хорошенькой дѣвушки.

— Я готова пойти за десять миль, чтобы увидать дѣйствительно красивую женщину,—смѣясь, сказала Мона;—но, къ сожалѣнію, у одной моей пріятельницы, всѣ лебеди обнаруживають прискорбную наклонность оказываться безобразными утятами.

— Хорошо, хорошо! Посмотримъ, что вы скажете, когда увидите миссъ Давидсонъ.

Когда наступила суббота, Мона убѣдилась, что Люси была права. Анжела Давидсонъ несомнѣнно была красавица.

— Миссъ Рейнольдсъ сказала мнѣ, что леди Мунро ваша тетя,— обратилась она къ Монѣ.—Какъ вы думаете, она не обидится, если я приду поблагодарить ее за ея удивительную доброту къ Эдгару?

— Я увѣрена, что она будетъ въ восторгѣ, но только она должно быть давно ужъ забыла объ этомъ.

— Но я то этого не могу забыть.

— *A propos*,—вставила Люси,—миссъ Маклинъ соперница д-ра Дудлея; она тоже получила медаль.

Миссъ Давидсонъ подняла на Мону большіе удивленные глаза.

— Вы знаете доктора Дудлея? Она даже не покраснѣла, предлагая этотъ вопросъ, и сама пришла въ восторгъ отъ своего самообладанія.

Прелестное лицо дѣвушки все просіяло.

— Еще бы не знать! Подъ его вліяніемъ братъ мой началъ новую жизнь. Нѣтъ человѣка въ мірѣ, которому я была бы болѣе обязана, чѣмъ Ральфу Дудлей.

При этихъ словахъ Мону точно кольнуло въ сердце. Это была страшная боль; ничего подобнаго она не испытывала раньше и не успѣла спросить себя, что это значить, какъ боль уже прошла.

Немного погодя она уже стала прощаться.

— Боюсь, что съ моей стороны это большая дерзость, вы такъ заняты, я буду страшно счастлива и горда, если вы придете ко мнѣ въ четвергъ на той недѣлѣ,—по дѣтски мило просила ее миссъ Давидсонъ.—Миссъ Рейнольдсъ обѣщала быть, и еще нѣсколько человѣкъ— мои лучшіе друзья.

— Съ удовольствіемъ приду,—поспѣшила отвѣтить Мона, и на этотъ разъ даже на лбу у нея выступила легкая краска. Ей хотѣлось еще разъ увидать красавицу-дѣвушку и кромѣ того интересно посмотрѣть, принадлежитъ ли «Ральфъ Дудлей» къ числу ея «лучшихъ друзей».

Вечеромъ, когда она сидѣла у окна, вглядываясь въ смутныя очертанія деревьевъ въ саду, сердце ея снова заныло той же странной болью, но на этотъ разъ Мона подвергла его безжалостному анализу. Долго сидѣла она, не шевелясь, съ глубокой складкой на лбу.

— А я думала, что достигла цѣли!—вырвалось у нея вдругъ.—Неужели же все было напрасно, всѣ эти годы борьбы, тоски и слезъ о

немъ? Я думала, что я у цѣли, и что же въ концѣ-концовъ я не что иное, какъ самая обыкновенная, ревнивая женщина!

— Ну что?—спросила ее на другой день Люси.—Развѣ я преувеличила? Развѣ не правда, что она хороша и мила, какъ только можетъ быть дѣвушка въ наши дни?

— Да, да,—задумчиво протянула Мона.

— Какъ я рада, что вы обѣщали быть у нея въ четвергъ. Я боялась, что вы не захотите. Когда вы ушли, я взяла съ нея слово, что она пригласитъ и д-ра Дудлея.

— Люси!

— Почему же нѣтъ! Онъ мнѣ нравится, а онъ, послѣ всѣхъ ученыхъ женщинъ, съ которыми ему приходится встрѣчаться, навѣрное испытываетъ пріятное чувство, когда это прелестное простое созданіе смотритъ на него большими восторженными глазами.

— А если она скажетъ ему, что вы ищите встрѣчи съ нимъ, вамъ это все равно?

— О, этого она не сдѣлаетъ. Я сказала ей, чтобы она даже не заикалась о «студенткахъ». А то бы онъ, пожалуй, сбѣжалъ. Мужчины не очень то охотно ходятъ въ гости, зная, что на порогѣ гостиной ихъ встрѣтитъ передовая женщина просьбой «забыть о различіи половъ». Такая перспектива имъ не особенно улыбается.

Но Мона не слушала.

— Это такое ребячество, такъ недостойно васъ! Точно школьница! Я никогда не унизилась бы до того, чтобы просить простую знакомую не передавать другому того, что я сказала.

Теперь Люси вспылила въ свою очередь.

— А если и передастъ? Великая бѣда! Точно это преступленіе—искать встрѣчи съ добрымъ и умнымъ человѣкомъ, который вдобавокъ гораздо старше меня?

Глава VII.

Пропущенный случай.

— Докторъ Дудлей, позвольте васъ представить миссъ Маклинъ.

Мона поклонилась, будто совершенно незнакомому человѣку; Дудлей сѣлъ съ ней рядомъ и съ полнымъ самообладаніемъ заговорилъ о постороннихъ вещахъ. Мона не могла бы сказать, было ли его спокойствіе естественное или напускное. Она старалась только о томъ, чтобы оказаться на высотѣ положенія, и съ полчаса живая бесѣда ихъ лилась, не умолкая.

Потомъ нѣсколько человѣкъ стали прощаться. Возникло легкое замѣшательство и на минуту Мона и Ральфъ остались одни у круглаго окна, предоставленные самимъ себѣ.

Оба разомъ умолкли; глаза ихъ встрѣтились.

— Докторъ Дудлей, что я сдѣлала?—чуть слышно выговорила Мона Тѣ же искренніе глаза смотрѣли на него,—тѣ самые глаза, которые обманывали его, улыбаясь.

— Сдѣлали?—холодно переспросилъ онъ тономъ удивленія.—Ничего особеннаго. Я былъ такъ глупъ, что не сразу понялъ, въ какихъ мы съ вами отношеніяхъ, но я давно уже созналъ свою ошибку. Вотъ и все.

Онъ былъ недоволенъ, что она подняла этотъ вопросъ въ такую неподходящую минуту—какъ будто женщины всегда могутъ выбирать случай!—но и теперь, когда онъ говорилъ, губы его дрожали: подъ его наружнымъ спокойствіемъ скрывалась жестокая борьба. Еще, немного и ледъ быть можетъ растаялъ бы;—но она также была горда.

Какъ только миссъ Давидсонъ вернулась къ оставшимся гостямъ, она поднялась.

— Ну-съ, кажется, и мнѣ пора идти.—Я не тороплю васъ, Люси; оставайтесь, если хотите.

Она привѣтливо кивнула ему головкой съ видомъ дружелюбія, гораздо болѣе обиднаго, чѣмъ его холодность, пожала руку хозяйкѣ и ушла. Люси, само собой, пошла вслѣдъ за нею, а докторъ Дудлей остался пожинать то, что посѣялъ.

Но даже общество Люси было въ эти минуты тягостно для Моны; пройдя нѣсколько шаговъ, она подъ какимъ-то предлогомъ извинилась и свернула въ другую улицу.

Оставшись одна, она гордо выпрямилась, говоря себѣ:

— Два раза я давала ему возможность объясниться; довольно, третьяго случая пусть ищетъ самъ!

Нѣсколько дней спустя, вернувшись изъ госпиталя, Мона узнала, что къ ней заходилъ какой-то господинъ и сказалъ, что еще зайдетъ вечеромъ.

Мона удивилась, что онъ не оставилъ карточки.

— И фамиліи своей не сказалъ?

— Нѣтъ, м'мъ; говоритъ, не стоитъ, потомъ зайду.

Монѣ пришло въ голову, что это могъ быть м-ръ Рейнольдсъ.

— Какой онъ изъ себя, пожилой?

— О нѣтъ, м'мъ, молоденькій, высокій такой и худой.

У Моны шибче забилось сердце.

— Когда онъ придетъ, проводите его въ гостиную,—спокойно приказала она.

Она, какъ всегда, пошла на лекціи, но на этотъ разъ ей очень трудно было сосредоточить все свое вниманіе на причинахъ, разновидностяхъ и лѣченіи аневризма. Лишь только прозвенѣлъ звонокъ, возвѣщавшій объ окончаніи лекцій, она поспѣшила домой, одѣлась тщательнѣе обыкновеннаго, разставила по другому цвѣты, пообѣдала, не замѣчая, что ѣстъ, и съ книгой въ рукѣ усѣлась, въ кресло—качалку.

Но читать она не могла.

Какъ умно съ его стороны придти прямо сюда: у себя дома ей гораздо легче говорить,—наконецъ-то выяснятся всѣ недоразумѣнія.

Послышался робкій стукъ у входной двери.

— Не можетъ быть, чтобъ это былъ онъ,—сказала себѣ Мона, но тѣмъ не менѣе, заслышавъ шаги на лѣстницѣ, сердце ея сильно забилось.

Минуту спустя дверь отворилась и служанка доложила:

— М-ръ Броунъ изъ Кильвинни.

— Какъ это мило съ вашей стороны прійти навѣстить меня!—воскликнула она, идя на встрѣчу гостю.

Мона указала рукой на покойное кресло. М-ръ Броунъ сѣлъ и вытеръ лобъ широкимъ фуляромъ.

— Я пріѣхалъ въ городъ по дѣлу,—началъ онъ застѣнчиво.— М-рсъ Иссонъ дала мнѣ вашъ адресъ...

— Ахъ, вотъ что! Какъ же поживаетъ м-рсъ Иссонъ?

— Недѣли двѣ тому назадъ прихворнула было, но теперь, кажется, опять все по прежнему.

— Я пріѣхалъ только вчера вечеромъ.—Онъ посмотрѣлъ на Мону.— Я уже заходилъ къ вамъ, утромъ.

— Мнѣ сказали, что кто-то заходилъ, но я не знала, что это вы. Мнѣ очень жаль, что вамъ пришлось дважды подниматься на лѣстницу. Вы, вѣроятно, находите, что въ Лондонѣ гораздо жарче, чѣмъ въ Кильвинни?

— Теперь вездѣ жарко.—Это плохая погода для брюквы.

— Миссъ Маклинъ,—выпалилъ онъ вдругъ,—вы будете смѣяться, если я скажу вамъ, что пріѣхалъ сюда просить васъ быть моей женой. Вамъ незачѣмъ говорить мнѣ, что этого не можетъ быть, но если вамъ когда-нибудь понадобится дружба простого преданнаго вамъ человѣка, вы знаете, гдѣ искать ея.

Онъ протянулъ ей руку. Когда Мона взяла ее, глаза ея были полны слезъ.

— Вы правы, м-ръ Броунъ: этого не можетъ быть, потому что я не люблю васъ такъ, какъ васъ когда нибудь полюбитъ другая женщина. Но я очень признательна вамъ и до конца жизни буду гордиться мыслью, что такой хорошій человѣкъ пожелалъ имѣть меня своей женой.

Она проводила его до самой двери и, возвращаясь, въ первый разъ почувствовала нѣчто вродѣ презрѣнія къ доктору Дудлею.

— Какая я глупая!—убиваться изъ-за него, когда двое гораздо лучшихъ людей сдѣлали мнѣ честь просить моей руки.

Но, говоря это, она сознавала, что не вполнѣ искренна сама съ собой.

Глава LIII.

Все наружу.

Люси подыскала для матери скромную квартирку въ Блумсбёри; м-ръ Рейнольдсъ охотно согласился провести свой коротенькій лѣтній отпускъ съ женой и дочерью въ Лондонѣ. Д-ръ Алиса Бэтсонъ зашла на другой же день послѣ ихъ пріѣзда и внимательно изслѣдовала больную.

— Операція необходима, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія,— какъ всегда напрямикъ объявила она Люси,—но убиваться вамъ не изъ-за чего. Насколько можно судить, всѣ шансы благопріятные, а послѣ операціи она станетъ другимъ человѣкомъ. Я бы посовѣтовала ей съ недѣльку отдохнуть, попринимать что нибудь укрѣпляющее, чтобы набраться силы, но надолго откладывать операцію не совѣтую.

Люси была на седьмомъ небѣ.

Операція прошла удачно и, какъ только м-рсъ Рейнольдсъ начала поправляться, Люси потащила отца посмотрѣть хоть «кусочекъ жизни», какъ она выражалась.

— А знаете, Мона, я таки потащила вчера отца на лекцію доктора Дудлея, — начала она разсказывать Монѣ, когда та зашла къ нимъ навѣстить больную.—Вотъ голосъ! стоитъ цѣлаго состоянія.

— Гдѣ же онъ читалъ и о чемъ?—спросила она.

— Въ Литературномъ обществѣ. Анжела Давидсонъ дала мнѣ знать запиской. Онъ читалъ о Теннисонѣ. Это было великолѣпно. Я думала, что знаю Теннисона, но д-ръ Дудлей показалъ мнѣ его совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Я не все поняла, но когда онъ остановился, я почувствовала, что у меня глаза полны слезъ, а отецъ былъ такъ пораженъ, что пошелъ и познакомился съ докторомъ Дудлеемъ.

Мона ничего не сказала. Много бы дала она, чтобы услыхать эту лекцію!

— А вотъ и папка. Пà! разскажи Монѣ о вчерашней лекціи.

— Тебя мама зоветъ, душа моя,—сказалъ м-ръ Рейнольдсъ, ласково потрепавъ дочь по плечу, и сѣлъ у открытаго окна.

— Да, сознаюсь, я былъ пораженъ. Рѣдко встрѣтишь такую тонкую оцѣнку: я увѣренъ, что этотъ молодой человѣкъ составитъ себѣ имя. Мнѣ очень бы хотѣлось, чтобы онъ мнѣ помогъ въ моей статьѣ о Водсвортѣ, которую я пишу какъ разъ теперь, и я просилъ его зайти какъ нибудь вечеркомъ. Онъ обѣщалъ прійти, завтра, и мнѣ хотѣлось бы познакомить съ нимъ мою «старшую дочь». У васъ найдется время? Вамъ навѣрное понравится, какъ онъ говоритъ. Придете?

У Моны хватило присутствія духа ровно настолько, чтобы спросить себя, стоитъ ли скрывать свое волненіе и тотчасъ же она, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, повернулась къ м-ру Рейнольдсу.

— Я думаю, мнѣ лучше не приходить—прошептала она.—Я—я знаю доктора Дудлея.

Нѣтъ, нѣтъ! Можетъ быть они и встрѣтятся, но во всякомъ случаѣ не она будетъ искать этой встрѣчи.

— Какъ хотите, дорогая, какъ вамъ удобнѣе.

Мона немножко удивилась, что м-ръ Рейнольдсъ не предлагалъ никакихъ вопросовъ; она видѣла что ея исторія для него понятна вполнѣ.

Во все продолженіе лекціи Дудлей спрашивалъ себя, кому принадлежитъ красивая сѣдая голова, виднѣвшаяся въ среднихъ рядахъ; когда же въ концѣ вечера обладатель этой головы подошелъ поблагодарить его за испытанное наслажденіе, и пригласилъ къ себѣ, Дудлей былъ очень польщенъ этимъ приглашеніемъ.

Въ назначенный день онъ пришелъ рано и уже при входѣ былъ пріятно пораженъ. Рейнольдсы какъ-будто привезли съ собой въ Лондонъ атмосферу своей деревенской жизни. На окнахъ цвѣли старомодные цвѣты; на бѣлоснѣжной скатерти разставлены были чай, фрукты и домашнія печенья; окна выходили въ зеленѣющій садъ. Одинъ уже видъ благородной старческой фигуры м-ра Рейнольдса, казалось, отодвигалъ въ безконечную даль всѣ мірскія заботы и суету. Въ этой небольшой, просто убранной комнаткѣ мелкіе цѣли теряли половину своей привлекательности; идеалъ же казался доступенъ и близокъ.

— Неужели я въ Лондонѣ? — спросилъ Дудлей, здороваясь съ лежавшей на диванѣ хозяйкой.

— Къ счастію, да,—улыбнулась больная.—Я очень многимъ обязана Лондону.

— Вотъ это хорошо. На него слышишь столько нареканій, что пріятно иногда освѣтить вопросъ и съ другой стороны.

Черезъ нѣсколько минутъ вошла Люси, веселая, улыбающаяся. Дудлей не замѣтилъ ея на лекціи и удивился узнавъ, что она приходится дочерью сѣдому патріарху.

— Какъ жаль, что я не пригласила сегодня Моны!—вскричала она, садясь заваривать чай.

Никто не отозвался, только м-ръ Рейнольдсъ посмотрѣлъ на своего гостя.

— Вы знаете, о комъ я говорю,—продолжала Люси, обращаясь къ Дудлею;—о моемъ другѣ миссъ Маклинъ. Вы у Давидсоновъ долго разговаривали съ ней. Не правда ли, она страшно умна?

— На рѣдкость.

Слова его не звучали насмѣшкой; но дружественная, почти дѣтская простота тона и обращенія исчезла и замѣнилась сдержанностью.

— «Цѣна ея дороже всѣхъ рубиновъ»,—спокойно продекламировалъ м-ръ Рейнольдсъ.

Теперь гость въ свою очередь съ живостью вскинулъ глаза на хозяина.

Люси пользовалась каждымъ предлогомъ, чтобъ разсказать что-нибудь о Монѣ. Для домашнихъ ея это было не ново, и отецъ не прерывалъ ея, радуясь, что она безсознательно играетъ ему въ руку. Онъ не могъ опредѣлить, былъ ли тягостенъ этотъ разговоръ для доктора Дудлея, но несомнѣнно, что молодой человѣкъ былъ глубоко заинтересованъ.

— Вы знакомы съ сэромъ Дугласомъ Мунро?—неожиданно спросилъ онъ у Люси.

— О да, очень хорошо. А вы?

— Мы встрѣтились случайно года два тому назадъ, а на дняхъ я зашелъ къ нему попросить его содѣйствія для помѣщенія одного субъекта въ больницу неизлечимыхъ. Онъ былъ очень любезенъ и пригласилъ меня на завтра, у нихъ, кажется, музыкальный вечеръ.

— Непремѣнно идите. Это будетъ чудесно! Вы вѣроятно услышите пѣніе миссъ Маклинъ. У нея такой симпатичный голосъ.

Оставшись вдвоемъ въ кабинѣ м-ра Рейнольдса новые друзья мало бесѣдовали о Водсворотѣ. Каждый изъ нихъ чувствовалъ свое духовное родство другъ съ другомъ, и они говорили по душѣ, какъ рѣдко говорятъ люди съ первой, или со второй встрѣчи.

— Однако, я безсовѣстно засидѣлся у васъ,—спохватился вдругъ Ральфъ.—Надѣюсь, вы мнѣ позволите прійти еще разъ. Неумѣю сказать вамъ, какъ много вы сдѣлали для меня. Вы заставили меня почувствовать, что «лучшее еще впереди».

М-ръ Рейнольдсъ отвѣтилъ не сразу.

— Д-ръ Дудлей,—выговорилъ онъ наконецъ.—Сегодняшній вечеръ выяснилъ, что мы съ вами можемъ довѣриться другъ другу. Прежде чѣмъ вы уйдете, я долженъ сказать вамъ одну вещь. Вы знаете, что миссъ Маклинъ другъ моей дочери. Не знаю, извѣстно-ли вамъ, что и мнѣ она дорога, какъ мое родное дитя. Я приглашалъ ее сегодня прійдти къ намъ, и она отказалась. Почему она отказалась? Еслибъ вы не заставили меня уважать васъ, я не предложилъ бы вамъ этого вопроса.

Лицо Дудлея выражало самыя противоположныя чувства.

— Что̀ она вамъ говорила обо мнѣ?—спросилъ онъ наконецъ.

— Она даже не упоминала вашего имени.—Мистеръ Рейнольдсъ съ минуту колебался, потомъ рѣшилъ поставить все на карту и продолжалъ.

— Однажды, когда я похвалилъ ее за выдержку, за то что она не измѣняетъ своему рѣшенію остаться въ Борроунессѣ, въ такой не подходящей обстановкѣ, и среди чужихъ ей по духу людей, она отвѣтила мнѣ, съ искренностью на которую мы едвали бы съ вами были способны, что тамъ не всѣ люди чужды ей по духу. Она говорила, какъ дѣвушка, которая вовсе не думаетъ ни о любви, ни о бракѣ, но для меня ея слова имѣли больше значенія, чѣмъ она сама придавала имъ.

Мистеръ Рейнольдсъ говорилъ довольно туманно, но онъ не могъ бы найти лучшаго ключа къ сердцу Ральфа. Въ душѣ Дудлея живо встали воспоминанія прежнихъ дней, идиллія въ замкѣ Маклинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ жгучее чувство сожалѣнія.

— Я все скажу вамъ, — вскричалъ онъ. Надо же мнѣ наконецъ отвести душу, и я надѣюсь, что вы поймете... Кромѣ того я долженъ дать объясненіе кому нибудь, кто любитъ ее. 99 человѣкъ изъ 100 не придали бы этому никакого значенія, но для меня это было *положительно все*. Разъ мы въ этомъ не сошлись, то и ни въ чемъ не сойдемся. Можно разсуждать о преступленіи, но о такихъ тонкостяхъ не разсуждаютъ. Одного это задѣваетъ, другого нѣтъ, для васъ это ничего не значитъ, для меня все,—что же тутъ разсуждать? Хуже всего что я оскорбилъ ее и теперь уже не могу этого поправить. Будь она обыкновенная женщина, я бы счелъ своимъ долгомъ не обратить на это вниманія и просить ея руки; но она миссъ Маклинъ. Теперь же единственное, что я могу сдѣлать, какъ порядочный человѣкъ, оставить ее въ покоѣ и не оскорблять ея дольше.

Старый священникъ на своемъ вѣку слышалъ не мало безпорядочныхъ исповѣдей, но никогда ему не доводилось слышать такихъ безсвязныхъ рѣчей; тѣмъ не менѣе лицо его оставалось спокойнымъ. Онъ только сказалъ:—Разскажите, какъ вы встрѣтились съ ней, и гдѣ.

Мало по малу истина вышла наружу. Горько издѣваясь самъ надъ собой, Дудлей разсказалъ ему о своихъ колебаніяхъ, о томъ, какъ его смущала мысль жениться на «лавочницѣ», какъ страсть его постепенно росла и побѣждала препятствія, и слегка намекнулъ на то, что произошло въ бурную ночь, когда онъ везъ ее домой изъ лѣсу,

— И тутъ вы сказали ей, что любите ее? — Это было сказано совершенно спокойно, какъ нѣчто такое, что разумѣется само собой?

Дудлей нервно засмѣялся и краска на щекахъ его выступила ярче.

— Въ ту ночь мы оба были выше словъ. Когда электрическая искра сближаеть двѣ сферы... Видите-ли, тогда меня угнетало чувство что я даромъ растратилъ свою жизнь; Лондонъ представлялся мнѣ чѣмъ то вродѣ искупленія, и я не считалъ себя въ правѣ просить женщину быть моей женой, пока я еще сижу на школьной скамьѣ.

— А когда вы встрѣтились съ ней въ слѣдующій разъ?..

— На другой день я уѣхалъ изъ Борроунесса.—Дудлей горько усмѣхнулся.—Мы встрѣтились съ нею уже въ Бѣрлингтонъ-Гоузѣ. Это была преинтересная драматическая сценка, нѣчто вродѣ внезапнаго превращенія Золушки въ принцессу.

— Но вы же писали ей?

Дудлей покачалъ головой.—Я сказалъ ей еще раньше,—что буду считать себя свободнымъ человѣкомъ только въ іюлѣ послѣ окончанія экзаменовъ. Она всегда была такая чуткая; мнѣ казалось, что она пойметъ. Но когда я пріѣхалъ въ Борроунессъ, сходя съ ума, отъ желанія

ее видѣть, мнѣ сказали, что ея кузина уѣхала въ Америку, а миссъ Маклинъ путешествуетъ съ друзьями по Швейцаріи!

— Но тогда наконецъ вы написали ей?

— Я не зналъ ея адреса. *Да и развѣ о такихъ вещахъ можно писать?* Потомъ заболѣла моя тетка, мой лучшій другъ. Она хворала долго и умерла.

М-ръ Рейнольдсъ подождалъ немного, и сказалъ:

— Когда я подумаю, сколько вы заставили выстрадать эту чуткую душу, я почти готовъ забыть, что обязанъ знаніемъ фактовъ исключительно вашей любезности.

Ральфъ посмотрѣлъ на него съ блѣдной улыбкой.

— Не щадите меня! Бейте сильнѣй!

— Я одного не могу объяснить: зачѣмъ она сказала вамъ, что ее зовутъ Маргаритой.

— О, это очень просто. Это было въ самомъ началѣ. Разговоръ былъ объ этомъ имени вообще, вотъ она и сказала, что это также и ея имя; потомъ я прочелъ его на молитвенникѣ, должно быть, молитвенникъ принадлежалъ ея матери. М-ръ Рейнольдсъ, я былъ слѣпъ и глупъ, но мнѣ все-таки кажется, что ей слѣдовало не скрывать отъ меня кто она.

— Разъ вы даете мнѣ, старику, позволеніе рубить сплеча, я позволю вамъ сказать, что вы сами не сознаете, насколько въ вашемъ негодованіи играетъ роль оскорбленная гордость, но я не желаю васъ убѣждать. Я предпочелъ бы видѣть мою «старшую дочь» женою болѣе благороднаго человѣка.

Ральфъ невольно улыбнулся.

— Это дѣйствительно называется «рубить сплеча»! Но увѣрены ли вы, что вы вполнѣ справедливы? У каждаго человѣка есть свои требованія; у меня были свои. Но я не варваръ. Ни одна женщина въ мірѣ не будетъ пользоваться бо́льшей свободой и бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ моя жена.

М-ръ Рейнольдсъ всталъ и протянулъ ему руку.

— Уже полночь; я все сказалъ. Идите домой и подумайте хорошенько.

Но, выйдя изъ дому пастора, Ральфъ пошелъ не домой; онъ долго еще бродилъ по улицамъ и площадямъ, съ такимъ волненіемъ и благодарностью въ душѣ, какое онъ никогда не испытывалъ раньше.

Глава LIV.

«Къ чорту любовь».

Вернувшись изъ-за границы, леди Мунро затѣяла у себя журъ-фиксы. Съ этими журъ-фиксами возни было дѣйствительно «по горло», какъ выразилась Люси. Сэръ Дугласъ называлъ «снобизмомъ» выходить

изъ рамокъ обычной жизни семьи ради пріема гостей; но—разъ дѣлать что-нибудь, такъ по крайней мѣрѣ такъ, чтобы не было хлопотъ хозяину и хозяйкѣ. Въ виду этого всѣ комнаты на Глочестеръ-Плэсѣ были на два дня предоставлены въ распоряженіе декораторовъ и обойщиковъ, взятыхъ изъ лучшаго магазина, и въ эти дни большинство домашнихъ считали за лучшее не попадаться на глаза сэръ Дугласу.

Мона не узнала квартиры тетки.

— Скорѣе, Мона!—нетерпѣливо крикнула ей Эвелина.—Люси здѣсь уже съ полчаса. Я такъ боялась, что ты опоздаешь и не увидишь комнатъ въ полномъ блескѣ. Столъ для ужина—одна мечта!

— Господи помилуй!—въ благоговѣйномъ ужасѣ зашептала Люси, когда Мона сбросила съ себя накидку.—Какая она импозантная! Почище Маріи Стюартъ, идущей на эшафотъ. Я кажется никогда еще не видала васъ въ черномъ. Еслибъ вы были немножно щедрѣе и показали бы, какъ слѣдуетъ, вашу лебединую шейку и ручки, это было-бы само совершенство.

— Дѣло въ томъ,—засмѣялась Мона,—что я уже не молода и могу казаться моложавой только когда возлѣ меня нѣтъ семнадцатилѣтнихъ; это мнѣ пришло въ голову только недавно и я рѣшила, какъ Вальтеръ Скоттъ, перейти «на другую линію».

Черезъ часъ залы были полны гостей.

На вечеръ приглашено было нѣсколько профессіональныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, но, когда большинство отправились ужинать, и гостиная, гдѣ стоялъ рояль, опустѣла, сэръ Дугласъ попросилъ Мону спѣть.

— Дайте немножко отдохнуть нашимъ нервамъ. Спойте эту маленькую вещицу Бетховена.

Мона сѣла за рояль.

«Но если твой обѣтъ сталъ тяготить тебя, хотя бы я и плакалъ о тебѣ, не приходи».

Дверь была открыта и, лишь только послѣдніе скорбные звуки замерли въ воздухѣ, Мона увидала въ зеркалѣ, мужскую фигуру на порогѣ...

Выраженіе лица ея мгновенно измѣнилось; она взяла нѣсколько вызывающихъ, звонкихъ аккордовъ и запѣла причудливую, пикантную пѣсенку Мура.

Она пѣла съ большимъ одушевленіемъ и, когда кончила, раздался градъ апплодисментовъ.

Ральфъ едва вѣрилъ своимъ глазамъ и ушамъ. Неужели она думала о немъ? Неужели это *его* любовь принесла ей сердечную боль и тоску? Пока она пѣла, онъ вѣрилъ въ это, но теперь, когда онъ взглянулъ на нее, такое предположеніе показалось ему только смѣшнымъ.

Что за хамелеонъ эта дѣвушка! Послѣ вчерашняго разговора съ м-ромъ Рейнольдсомъ, онъ все время представлялъ ее себѣ съ этимъ смущеннымъ полудѣтскимъ выраженіемъ лица, съ этимъ робкимъ во-

просомъ на устахъ: «Докторъ Дудлей, что я сдѣлала?» И вотъ она передъ нимъ, холодная, блестящая, вполнѣ владѣющая собой, окружена толпою мужчинъ и повидимому чувствуетъ себя съ ними легко и свободно.

— Мона, что съ вами?—сказалъ сэръ Дугласъ, взявъ ее за руку.

Какъ мило измѣнилось вдругъ ея лицо!

— Не сердитесь, дядя милый!—шепнула она, ласкаясь.—Весь вечеръ мы слушали сантиментальные романсы. Въ концѣ концовъ это надоѣло всѣмъ до тошноты.

— Объ этомъ мы поговоримъ въ другой разъ. А теперь идите ужинать.

Дудлей поспѣшилъ скрыться въ сосѣднюю комнату. Онъ положительно ревновалъ къ сэръ Дугласу.

— Какого чорта я пришелъ сюда?—говорилъ онъ себѣ, окидывая взоромъ море незнакомыхъ лицъ. Онъ не хотѣлъ сознаться даже самому себѣ, что пришелъ сюда въ надеждѣ поговорить и объясниться съ Моной. Въ эту минуту онъ замѣтилъ въ толпѣ фигурку Люси Рейнольдсъ и подошелъ къ ней.

— Ахъ, докторъ Дудлей, какъ я рада васъ видѣть!

Это было очень утѣшительно, и Ральфъ опустился на свободный стулъ рядомъ съ нею.

— У васъ здѣсь много знакомыхъ?

— Не особенно. Это вѣдь не мой кругъ.

— И не мой тоже. Такъ отрадно встрѣтить знакомое лицо.

— Вы видѣли миссъ Маклинъ?

— Я слышалъ ея пѣніе. Она такъ окружена...

— Да, вѣдь она здѣсь все равно, что дочь.

— Могу я имѣть удовольствіе вести васъ къ ужину?

— Благодарю васъ; я уже обѣщала м-ру Лесли. Вотъ онъ идетъ.

И Ральфъ снова остался одинъ. Онъ не могъ заставить себя уйти отсюда, не увидавъ еще разъ Моны. Въ эту минуту онъ замѣтилъ въ толпѣ своего друга, Мельвиля и съ удивленіемъ окликнулъ его:

— Какъ вы попали сюда?

— Другъ мой, будь я менѣе хорошо воспитанъ, я отвѣтилъ бы вамъ тѣмъ же вопросомъ. Но я хочу остаться вѣренъ отличающей меня любезности. Я здѣсь во-первыхъ потому, что питаю безнадежную страсть къ леди Мунро, во-вторыхъ потому, что мои кузины были такъ добры и захватили меня съ собой.

— Я не зналъ, что вы знакомы съ Мунро.

— Наше знакомство шапочное. Впрочемъ, леди Мунро достаточно увидѣть разъ... Эта женщина—совершенство, по крайней мѣрѣ, я такъ думалъ, пока меня не представили ея племянницѣ. Поразительная дѣвушка!

Ральфъ молчалъ.

— Вы видѣли ее, когда она пѣла?

— Я слышалъ.

— Нѣтъ, надо было видѣть ее. Когда она пѣла ту первую вещь, лицо ея совершенно преобразилось.

Вошла Мона подъ руку съ дядей. Она была дѣйствительно очень окружена и найти случай заговорить съ ней было не легко. Ральфъ все блѣднѣлъ отъ волненія. Теперь, когда онъ убѣдился, что причинилъ не мало ненужныхъ страданій себѣ, а можетъ быть и ей, ему трудно было бы встрѣтиться даже съ помощницей миссъ Симпсонъ, и тѣмъ болѣе съ этой свѣтской женщиной, которая даже не замѣчала его присутствія.

Тѣмъ не менѣе онъ ждалъ случая и, какъ только Мона встала, собравшись съ духомъ подошелъ къ ней:

— Миссъ Маклинъ, вы позволите мнѣ проводить васъ до кареты?

— Очень вамъ благодарна, — сказала она просто; — я обѣщала остаться здѣсь ночевать.

Ральфъ прикусилъ губы. Нѣтъ, она очевидно не думала о немъ, когда пѣла.

Они обмѣнялись нѣсколькими ничего не значущими фразами, но въ такой толпѣ невозможно было вести разговоръ, и Ральфъ скоро оставилъ попытки. Теперь уже, слава Богу, не долго ждать. Завтра онъ увидитъ ее одну!

Завтра она будетъ одна, вдали отъ всей этой толпы и шума, завтра онъ пойдетъ къ ней и скажетъ все, что надо сказать.

Глава LV.

Наконецъ-то!

Ни Ральфъ, ни Мона не могли уснуть въ эту ночь.

М-ръ Рейнольдсъ ничего не сказалъ своей «старшей дочери» о своемъ разговорѣ съ Дудлеемъ, но лицо и обращеніе Ральфа на вечерѣ были сами по себѣ достаточно краснорѣчивы, и Мона поняла, что въ его чувствахъ къ ней произошла большая перемѣна—къ лучшему, или къ худшему, она еще не знала.

— Господи, не дай мнѣ потерять мою гордость! Ничто не можетъ оправдать его поведенія. Онъ обошелся со мной жестоко—жестоко!

На другой день, послѣ вечера она обѣщала пріѣхать погостить къ знакомымъ въ Сёрбитонъ и рѣшила сдержать обѣщаніе, хотя ей очень не хотѣлось покидать Лондонъ именно въ это время.

Такимъ образомъ, когда Ральфъ, около часу, постучалъ у ея дверей, ему сказали, что Мона уѣхала въ деревню до понедѣльника. Онъ опоздалъ всего на нѣсколько минутъ. Адреса она не оставила, но служанка слышала, какъ она велѣла извозчику ѣхать на станцію Ватерлоо.

Минуту спустя, Ральфъ мчался въ наемной коляскѣ туда же. Онъ

и такъ, въ своемъ безуміи, потерялъ уже слишкомъ много времени. Онъ не хочетъ ждать больше ни минуты.

На крыльцѣ вокзала онъ встрѣтилъ Люси.

— Мона уѣзжаетъ въ Сёрбитонъ,—сообщила она.

— Одна?

— Одна.

— Благодарю васъ.

Не прибавивъ ни слова, онъ приподнялъ шляпу и повернулся. Онъ, какъ школьникъ, проталкивался сквозь толпу и нагналъ предметъ своихъ поисковъ у самой кассы.

— Два билета перваго класса до Сёрбитона!—крикнулъ онъ, прежде чѣмъ Мона успѣла раскрыть ротъ.

— Одинъ билетъ третьяго до Сёрбитона,—съ достоинствомъ сказала Мона, хотя сердце ея билось до боли.

— Не торопитесь, сэръ,—успокаивалъ кассиръ, кладя штемпель сначала на билетъ Моны.

Осталось еще три минуты.

Дудлей нагналъ дѣвушку на платформѣ.

— Я взялъ для васъ билетъ. Вы поѣдете со мной.

Это звучало скорѣе приказаніемъ, чѣмъ просьбой.

— Очень вамъ благодарна; я никогда не ѣзжу въ первомъ классѣ.

— А сегодня поѣдете.

Вмѣсто отвѣта она отворила дверь вагона третьяго класса.

Дудлей закусилъ губы,—потомъ улыбнулся.

— Вы предпочитаете вагоны для курящихъ?

Мона нервно разсмѣялась, перешла къ слѣдующему вагону и, не говоря ни слова, вошла.

Ральфъ рвался войти вслѣдъ за нею, но былъ такъ благоразуменъ, что удержался.

Съ изысканной любезностью онъ помогъ ей войти; заперъ дверь, приподнялъ шляпу и отошелъ.

Мона страшно поблѣднѣла.

— Я не могу иначе,—говорила она себѣ.—Онъ былъ жестокъ со мной, и пусть онъ не воображаетъ, что я могу забыть это въ одну минуту.

Но если бы Ральфъ могъ видѣть выраженіе ея лица, у него, вѣроятно, стало бы легче на сердцѣ.

Поѣздъ двигался страшно медленно, но, должно быть, счастливая звѣзда Ральфа была въ то время въ зенитѣ, такъ какъ передъ самымъ отходомъ, въ вагонъ, гдѣ Мона сидѣла одна, ворвалась цѣлая компанія рабочихъ. Не имѣя намѣренія обидѣть ее, они тѣмъ не менѣе громко разговаривали и хохотали, плевали на полъ и курили трубки, причемъ отъ всѣхъ несло водкой.

На первой же станціи Ральфъ отворилъ дверь.

— Здѣсь очень тѣсно,—сказалъ онъ, тономъ холодной любезности.—

Въ сосѣднемъ вагонѣ просторнѣе. Вы не находите, что лучше было бы перейти?

— Благодарю васъ.

Мона встала и взяла его подъ руку.

«Только бы моя гордость не измѣнила мнѣ!»—мысленно повторяла Мона, но въ то же время чувствовала, какъ тогда, въ лѣсу, подъ занесенными инеемъ соснами, что почва ускользаетъ изъ-подъ ея ногъ.

Ральфъ пропустилъ ее впередъ, вошелъ самъ и заперъ дверь. Стукъ этой затворяющейся двери для обоихъ былъ полонъ значенія.

Пока поѣздъ не тронулся, оба молчали.

— Вамъ нечего было такъ избѣгать разговора со мной, миссъ Маклинъ,—выговорилъ, наконецъ, Ральфъ.—Я хотѣлъ только попросить у васъ прощенія.

Кровь волной залила все ея лицо; она протянула руку.

— О, докторъ Дудлей, простите и вы меня!

— Я гораздо болѣе васъ достоинъ порицанія, но это ничего не значитъ. Скажите мнѣ, какъ это вышло? Развѣ наша дружба ничего для васъ не значила? Развѣ я не имѣлъ права на вашу откровенность? Не смотрите въ окно; смотрите мнѣ въ глаза.

— Докторъ Дудлей, вы такой чуткій, такой умный;—развѣ вы не понимаете? Кузина просила меня никому не говорить, что я изучаю медицину, и я обѣщала. Въ это время мнѣ даже въ голову не приходило, что мнѣ можетъ захотѣться сказать это кому-нибудь—тамъ, и... и—до той ночи въ лѣсу—я не знала... И еще—я одно только скажу въ свое оправданіе. Вы представить себѣ не можете, какъ мнѣ трудно было высказаться; вы же сами не давали мнѣ возможности; вы сразу и безусловно повѣрили, что я именно то, чѣмъ кажусь.

По мѣрѣ того, какъ она говорила, лице его постепенно прояснялось, но при послѣднихъ словахъ онъ сдвинулъ брови и почти простоналъ:

— Перестаньте!—но тотчасъ же поправился:—Нѣтъ, говорите. Я беру назадъ свои слова; говорите, что хотите. Ваше отношеніе ко мнѣ гораздо мягче, чѣмъ того заслуживаетъ мой безграничный эгоизмъ.

— То не былъ эгоизмъ,— возразила Мона, мгновенно овладѣвая собой и кокетливо покачавъ головкой.—Это былъ комплиментъ моему умѣнью выдерживать принятую на себя роль, и я была бы страшно обижена, еслибъ вы сказали мнѣ, что я не соблюла законовъ перспективы.

Теперь пришла его очередь исповѣдываться, а онъ не любилъ ничего дѣлать вполовину.

— Въ теченіе нашего знакомства, миссъ Маклинъ,—началъ онъ нѣсколько приподнятымъ тономъ,—вы знали меня, такъ сказать, въ трехъ видахъ—снобомъ, безумцомъ и ребенкомъ.

— Въ теченіе нашего знакомства,—съ живостью перебила Мона,—я знала васъ въ трехъ видахъ: учителемъ, другомъ и...

— И?

Она засмѣялась.—Не могу вспомнить. Не знаю...

Въ глазахъ его загорѣлся огонь.

— Не знаете?—выговорилъ онъ съ дрожью въ голосѣ.

Онъ всталъ, простирая къ ней руки.

Мона хотѣла было засмѣяться, но смѣхъ замеръ у нея на устахъ; она ничего не сознавала, кромѣ магнетизма его присутствія; онъ страстно сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ. Голова ея запрокинулась назадъ; прелестныя гордыя губы, еще не знавшія поцѣлуевъ, покорно слились съ его губами.

О, любовь человѣческая!—что ты такое?—прекраснѣйшій ли ангелъ Божій, или блуждающій огонекъ, посланный лишь для того чтобъ освѣтить призрачнымъ свѣтомъ нашъ краткій путь земной? Не знаю. Знаю только, что поцѣлуй Ральфа разлился жгучимъ трепетомъ по всему существу Моны, пробудилъ въ немъ тысячу отголосковъ, спавшихъ дотолѣ, и что въ этотъ моментъ души ихъ были полны счастьемъ.

Глава LVI.

На рѣкѣ.

Монѣ такъ и не суждено было побывать въ этотъ день въ Сёрбитонѣ. Съ Клонгэмской соединительной станціи она послала телеграмму пріятельницѣ и оттуда вмѣстѣ съ Ральфомъ поѣхала въ Ричмондъ.

— Позвольте мнѣ покатать васъ по рѣкѣ,—просилъ онъ.—О Мона, Мона, Мона! Неужели вы та самая простая, сердечная дѣвушка, которую я зналъ въ замкѣ Маклинъ? Это слишкомъ хорошо чтобъ быть возможнымъ. Кстати, замокъ Маклинъ теперь ваша собственность, и навсегда. Права моей принцессы оспаривать некому, кромѣ чаекъ

Онъ усадилъ ее въ лодку, сѣлъ въ весла и выѣхалъ на середину рѣки.

Маленькая лодочка понеслась, какъ стрѣла.

Мона смѣялась, довольная; у нея духъ захватывало отъ быстраго движенія.

— Довольно, докторъ Дудлей,—сказала она, наконецъ.—Вы совсѣмъ измучитесь.

Онъ сильнѣе прежняго налегъ на весла.

— На это имя я не отзываюсь.

— Остановитесь, пожалуйста.

— Кто долженъ остановиться?

Наступила минутная пауза. Мона густо покраснѣла и чуть слышно выговорила:—Ральфъ.

Раздался всплескъ воды; весла застыли на полвзмахѣ, и Ральфъ съ тихимъ радостнымъ смѣхомъ наклонился впередъ. Вдругъ онъ вздохнулъ.

— Вчера вы даже не замѣтили меня, Мона.

— Будто?

— Замѣтили?

Но тамъ, гдѣ начинается языкъ взглядовъ и улыбокъ, историку лучше положить перо. Все, что онъ могъ бы сказать и безъ того запечатлѣно въ памяти тѣхъ, кто жилъ и любилъ.

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы нашимъ влюбленнымъ не хватало словъ. Имъ столько нужно было наверстать, столько сказать другъ другу:—но для посторонняго рѣчи ихъ врядъ ли были бы понятны. Они то смѣялись надъ разными мелкими фактами изъ жизни въ Борроунессѣ, то обмѣнивались воспоминаніями дѣтства, то совѣтовались относительно труднаго случая въ госпиталѣ.

Лѣтній день былъ долоrъ и безоблаченъ. Для Ральфа и Моны это былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ дней, когда чаша счастья полна черезъ край и земное блаженство граничитъ съ блаженствомъ небеснымъ. Каждая мелочь жизни пріобрѣтала значеніе—теперь, когда они переживали ее вдвоемъ; каждое ласковое слово и взглядъ сулили въ будущемъ безконечную радость.

— Я зайду на минутку къ м-ру Рейнольдсу,—сказалъ Ральфъ, когда они, уже въ сумеркахъ, возвращались домой.—Когда я могу застать вашего дядю?

— Я думаю, лучше всего въ понедѣльникъ утромъ,—не слишкомъ рано. Надо предупредить васъ относительно сэръ Дугласа. Онъ не опекунъ мой; два года тому назадъ я даже совсѣмъ не знала его; но потомъ, все это время, онъ былъ несказанно добръ ко мнѣ. Чтобы онъ ни сказалъ вамъ—а я боюсь, что онъ наговоритъ вамъ много непріятнаго,—не ссорьтесь съ нимъ.

Дѣйствительно, въ понедѣльникъ, когда Ральфъ пришелъ просить руки Моны, сэръ Дугласъ забылся такъ, какъ непозволительно забываться джентльмену, если только онъ не англо-индійскаго происхожденія.

Лишь только гость скрылся за дверью, сэръ Дугласъ взялъ шляпу и отправился къ Монѣ.

— Неужели правда, что вы хотите выйти замужъ за этого господина?

Мона разсказала ему, какъ молодой и талантливый врачъ влюбился въ деревенскую лавочницу.

— Ну еще бы! Хорошъ молодчикъ! повѣришь, что вы на самомъ дѣлѣ лавочница!—Счастье его, что онъ не вздумалъ сказать это мнѣ—я бы столкнулъ его съ лѣстницы.—Кто онъ такой? Д-ръ Дудлей? Я никогда не слыхалъ этой фамиліи.

— Боюсь, что я далеко не авторитетна по части родословныхъ,—улыбаясь, сказала Мона.

Сэръ Дугласъ до конца твердилъ, что онъ не понимаетъ, что̀ Мона нашла въ этомъ мальчишкѣ; но мало по малу онъ долженъ былъ сознаться, что могло выйти и хуже. По крайней мѣрѣ она будетъ жить въ Лондонѣ и на глазахъ у него, сэръ Дугласа.

— Очень рада, что у васъ обоихъ хватило здраваго смысла поторопиться съ развязкой,—флегматически заявила Люси, когда Мона сообщила ей новость.

— Вы хотите сказать, что вы подозрѣвали?

— Подозрѣвала! Очень мило! Я вамъ скажу, что для моего собственнаго душевнаго спокойствія хорошо, что я подозрѣвала. «Когда я была дитятей, я разсуждала, какъ дитя», но—я давно переросла всѣ эти глупости. Я, да-съ, я буду передовой женщиной, а не вы. Когда вы и Дорисъ съ головой уйдете въ пеленки, я буду позировать въ роли мученицы, или вести на приступъ отважныхъ бойцовъ!

Глава LVII.

Сватовство fin de siècle.

Свадьбу рѣшено было сыграть въ октябрѣ слѣдующаго года, послѣ того, какъ Мона и Ральфъ оба сдадутъ экзаменъ на доктора медицины; въ теченіе же остающихся пятнадцати мѣсяцевъ влюбленные рѣшили всецѣло посвятить себя занятіямъ и, если возможно, забыть, что они—женихъ и невѣста.

— Я ни за что на свѣтѣ не хочу провалиться на послѣднемъ экзаменѣ,—сказала Мона черезъ недѣлю послѣ обрученія,—а если такъ будетъ продолжаться, я непремѣнно провалюсь. Право, мнѣ, кажется, лучше уѣхать въ Эдинбургъ, къ Колькхунамъ, и заниматься тамъ.

Это оказалось, однако, излишнимъ, такъ какъ Дудлей былъ назначенъ врачемъ-интерномъ въ госпиталѣ св. Кунигунды,—что оставляло ему мало времени на занятія и еще меньше на развлеченія.

Женихъ съ невѣстой рѣдко видѣлись чаще одного раза въ недѣлю, и то Мона потребовала, чтобы при встрѣчахъ они держали себя просто, какъ друзья и товарищи.

— Твое желаніе — законъ. Зато и закутимъ же мы когда-нибудь послѣ всей этой экономіи!

Сомнѣваюсь, однако, чтобы періодъ «жениховства» доставилъ кому бы то ни было больше удовольствій, чѣмъ Ральфу. Въ пожатіи руки Моны, не болѣе чѣмъ дружескомъ пожатіи, была особая неуловимая прелесть, и чѣмъ меньше ему давали, тѣмъ больше онъ цѣнилъ это немногое.

Такъ прошла зима и наступило снова лѣто. Однажды, послѣ долгой дружеской бесѣды съ Дорисъ, пріѣхавшей въ Лондонъ готовиться къ свадьбѣ, которая должна была состояться въ августѣ, Мона сидѣла въ своей комнатѣ, погруженная въ глубокую задумчивость, какъ вдругъ ее вывелъ изъ забытья знакомый стукъ въ дверь.

— Войдите!—крикнула она.—О Ральфъ, какъ хорошо, что ты пришелъ! Я сейчасъ заварю тебѣ свѣжаго чаю.

— Благодарю, моя дорогая, не надо. Сегодня мой выходной день, и я не могъ приняться за работу, не повидавшись съ тобой.

— А я, къ стыду своему, ровно ничего не дѣлала. Дѣло въ томъ— что я «во грустяхъ».

— Экзаменаціонная лихорадка?

— Хуже, гораздо хуже. Видишь-ли, милый, сдѣлаться практикующимъ врачемъ — вѣдь это значитъ взять на себя громадную отвѣтственность, и выйти замужъ — тоже; и вотъ мысль объ этихъ двухъ отвѣтственностяхъ положительно угнетаетъ меня.

— Но, другъ мой, мы начнемъ съ того, что поѣдемъ заграницу и отдохнемъ хорошенько; а затѣмъ когда вернемся, при всѣхъ нашихъ блистательныхъ дарованіяхъ, не думаю, чтобъ у насъ сразу оказалась большая практика.

— Меня не страшитъ перспектива щупать пульсы, измѣрять температуру и даже грѣть твои туфли у камина. Не это меня пугаетъ. Пойми, до сихъ поръ я жила безъ всякой отвѣтственности, «по-цыгански», а теперь обо всемъ надо будетъ имѣть опредѣленное мнѣніе и высказывать его, въ каждомъ вопросѣ подавать свой голосъ *за* или *противъ*. Ральфъ, сядь пожалуйста! Не здѣсь, по ту сторону камина. Знаешь, я была какъ-то на митингѣ по вопросу объ избирательныхъ правахъ женщинъ и—ушла, не подписавъ петиціи. Но на другой день мнѣ случилось подслушать разговоръ двухъ молоденькихъ барынь, обсуждавшихъ тотъ же вопросъ.

«Я не могу интересоваться движеніемъ, исключающимъ половину рода человѣческаго»,—говорила одна.

«А я, пока жива, всегда буду предпочитать, чтобы не я сама, а мужчина отворялъ мнѣ дверь, когда я выхожу изъ комнаты, или закрывалъ окно, когда сквозитъ».

— Я ничего не сказала, но надѣла шляпку и пошла подписывать петицію.

— И подписала?

— Коварный вопросъ! Нѣтъ, не подписала. Я вспомнила, что прирожденное право учащагося—не дѣлать окончательныхъ выводовъ; но теперь это ужъ не поможетъ. Серьезно, дорогой мой, мнѣ кажется иногда, можетъ быть по невѣдѣнію—что мы, женщины переходимъ теперь черезъ бездну по очень хрупкому мостику и прошли всего полдороги. Берегъ, лежащій впереди, представляется намъ вблизи не совсѣмъ такимъ, какимъ рисовало его наше воображеніе, но все же въ общемъ привлекательнѣй того, который остался позади. Что дѣлать? Мы знаемъ, что въ жизни нѣтъ возврата, да и на мосту нельзя стоять вѣчно. Что же дѣлать? Еслибъ меня спросили, я не съумѣла бы даже посовѣтовать. Мое собственное мнѣніе по этому вопросу представляетъ большой вопросительный знакъ. Только будущее покажетъ, чѣмъ разрѣшится женскій вопросъ, а пока—надо класть фундаментъ для будущаго.

Мона начала полушутя, но скоро увлеклась, и теперь лицо ея носило печать напряженной серьезной думы. Дудлей любилъ у нея это выраженіе, любилъ слѣдить за работой ея мысли, за формировкой ея сужденій. Это можетъ быть еще больше интересовало его, потому что другой интимности, кромѣ духовной, она не допускала.

— Не забывай,—возразилъ онъ,—что въ каждомъ движеніи есть переходныя стадіи. Даже голосъ человѣческій, въ извѣстный періодъ, пока еще не выработался его настоящій звукъ, звучитъ то хрипло, то рѣзко, но вѣдь не бываетъ же, чтобы взрослые люди говорили, какъ подростки.

— Правда,—сказала Мона и улыбнулась ему, потомъ вздохнула и закинула руки за голову.

— А знаешь, великое дѣло первому вскочить на валъ! И знаешь тѣмъ, которыя уже вскочили, тѣмъ легче. Не трудно сказать: «я здѣсь стою и останусь здѣсь», когда не изъ чего выбирать. Но страшно если піонерки утратятъ вѣру на серединѣ моста... Если нельзя прибавить имъ силы, надо по крайней мѣрѣ хоть не ослаблять ихъ. Ты скажешь, что это миссія отрицательная? Это правда, но зато это всякому доступно, это—дѣло «подъ рукой». И если мы, силою своего вліянія, сдѣлаемъ дѣвушекъ здоровѣй, добрѣй и разумнѣе, этимъ мы во всякомъ случаѣ не затормозимъ женскаго дѣла.

— Несомнѣнно. И кромѣ того избавимся отъ необходимости подавать свой голосъ. Какъ видишь, я возвращаюсь къ исходной точкѣ нашего разговора.

Мона засмѣялась.

LVIII.

Въ Аркадіи.

Былъ декабрьскій вечеръ. Солнце сіяло съ безоблачнаго неба надъ оливковыми лѣсами Бордигеры. Ральфъ лежалъ на террасѣ и смотрѣлъ вверхъ на вѣтви и листья, сплетавшіяся надъ его головой. Воздухъ дышалъ ароматомъ; моря не было видно, но близость его живо чувствовалась. Ральфъ отдыхалъ всѣмъ своимъ существомъ; ему казалось, что бурный потокъ его жизни слился съ океаномъ безконечнаго довольства и покоя. Честолюбіе и стремленія на время замерли въ немъ; онъ жилъ настоящимъ, не оглядываясь ни впередъ, ни назадъ!

Трескъ сухой вѣтки заставилъ его обернуться.

— Иди сюда, моя радость. Я уже съ полчаса прислушиваюсь къ звуку твоихъ шаговъ.

— Ты слишкомъ рано началъ,—засмѣялась Мона, садясь возлѣ него и гладя его руку.—Я опоздала всего на нѣсколько минутъ. Меня задержала почта.

— Надѣюсь, писемъ нѣтъ!

— Цѣлыхъ два—отъ Дорисъ и отъ тети Белль.

— Кстати, Ральфъ, сегодня вечеромъ у насъ въ отелѣ танцуютъ.

Лицо его омрачилось.

— Ты любишь танцовать?

— Даже очень. Отчего ты на приглашаешь меня на первый вальсъ?

— Оттого, что я совсѣмъ не умѣю танцовать. Ты потеряла бы ко мнѣ всякое уваженіе, если бы увидѣла, какъ меня «водятъ» въ кадрили...

— Ты думаешь? *Испытай меня!*

Что это было за чудное лицо, когда ему позволялось выражать все, что проносилось въ душѣ. Ральфъ нѣжно взялъ его въ обѣ руки, чтобы лучше любоваться имъ, но черезъ минуту вдругъ отвернулся. Мысль о предстоящей вечеринкѣ страшно тяготила его. Въ одномъ отелѣ съ ними жило нѣсколько англичанъ, съ которыми Мона часто встрѣчалась въ Лондонѣ, и думать, что она будетъ танцовать съ ними, было для него положительно пыткой.

Полно, не глупи! — говорилъ онъ самъ себѣ; — не вздумай разыгрывать ревниваго мужа. Но вечеромъ, войдя въ *salon* и съ болью въ сердцѣ замѣтивъ, какое впечатлѣніе произвело на всѣхъ появленіе Моны, онъ готовъ былъ отдать два года жизни за то, чтобы умѣть вальсировать.

Въ то же время онъ старался дѣлать видъ, что ему весело, заговорилъ съ знакомыми и вдругъ обрывалъ фразу на полусловѣ. До него явственно донеслось:

— Могу я имѣть честь просить васъ на этотъ вальсъ, м-риссъ Дудлей?

И также явственно донесся отвѣтъ Моны.

— Благодарю васъ, но я вальсирую только съ мужемъ. Позвольте васъ представить миссъ Роджерсъ.

Нѣсколько минутъ спустя Дудлей направился къ тому мѣсту, гдѣ сидѣла его жена съ видомъ человѣка, абсолютно отданнаго во власть женщины. Шумъ и яркій свѣтъ бальной залы были для него нестерпимы... Не говоря ни слова, онъ предложилъ руку женѣ, Мона молча взяла его подъ руку. Онъ окуталъ ей плечи легкой бѣлой шалью, и они вышли въ прохладный, залитый луннымъ свѣтомъ, садъ.

— Правда, здѣсь лучше?—спросилъ онъ.

— Конечно. Я предпочла бы остаться съ тобою тамъ, чѣмъ гулять здѣсь одна.

— Мона, это правда?—то, что ты сказала этому господину?

— Что я вальсирую только съ мужемъ? Ахъ ты мой глупенькій! Да неужели же ты думаешь, что хоть одинъ мужчина обнималъ меня послѣ того, какъ ты обнялъ меня тамъ, въ лѣсу? Вѣдь это было первый разъ...

Онъ сжалъ ее въ объятіяхъ, горячо, страстно.

— Сердце мое, мнѣ такъ жаль, что я не умѣю танцовать. Я попробую выучиться, когда мы вернемся въ городъ.

Мона тихонько засмѣялась и поднесла его руку къ губамъ.

— Какъ хочешь, милый. Я лично думаю, что твоя жена уже слишкомъ стара для такихъ суетныхъ развлеченій. А впрочемъ, она рада всякому предлогу быть въ твоихъ объятіяхъ.

— Въ такомъ случаѣ наши вкусы совпадаютъ. Тебѣ не холодно? Не вернуться ли намъ домой?

— Да, вернемся; у насъ такъ уютно въ гостиной. И знаешь, Ральфъ,—ты, пожалуйста, не думай, чтобъ я была такая охотница танцовать. Когда-то, въ юности, я любила танцы и теперь подумала, что пріятно было бы провальсировать съ тобой, но ты правъ: *такъ* въ тысячу разъ лучше.

— Еще бы! Развѣ кто-нибудь можетъ замѣнить мнѣ тебя, даже какъ собесѣдницу. Я такъ люблю слушать, когда ты говоришь, высказываешь свои взгляды. Развѣ это не восхитительно, что мы такъ мало знаемъ другъ друга?

Мона опять тихонько засмѣялась и вдругъ стала серьезна.

— Я надѣюсь, что черезъ двадцать лѣтъ ты скажешь — какъ это восхитительно, что мы такъ хорошо знаемъ другъ друга!

— Я и теперь готовъ сказать это, отъ всего сердца! Но пойми, жизнь вдвое интереснѣе, когда живешь вдвойнѣ: каждая картина, книга, каждая мелочь жизни волнуетъ меня, какъ лотерея, пока я не услышу твоего мнѣнія.

Мона провела рукой по его волосамъ.

— Въ такомъ случаѣ надѣюсь, что ты и черезъ двадцать лѣтъ будешь говорить:—Какъ восхитительно, что мы такъ мало знаемъ другъ друга!

— О Мона, ты настоящая женщина—«самое измѣнчивое изъ всѣхъ существъ».

— Это лучшая похвала вашему полу. Измѣнчива и подвижна,—какъ море! Когда я встрѣчаюсь съ тобой, я никогда не знаю заранѣе, кого я увижу,—философа ли съ возвышеннымъ и благороднымъ умомъ, серьезнаго ли ученаго,—блестящую свѣтскую женщину, или простую, нѣжную, материнскі участливую, — безпечную ли, шаловливую дѣвушку, или кроткое дитя. И не знаю, которая изъ нихъ нравится мнѣ больше другихъ. Когда же мнѣ нужно нѣчто бóльшее, прежде чѣмъ я успѣю кликнуть, она уже здѣсь, моя жена, «сильная, нѣжная и вѣрная, какъ сталь».

Мона не отвѣтила. Она знала, что когда-нибудь придетъ и ея чередъ. Они были слишкомъ близки духовно, чтобы обмѣниваться комплиментами.

Они, молча, вернулись домой.

— О Мона, любовь моя,—сказалъ Дудлей, подбрасывая въ огонь связку оливковыхъ вѣтвей,—какъ хитро поступаютъ тѣ женщины, которыя *повинуются* своимъ мужьямъ!

Мона не сразу отвѣтила. Она сѣла на бѣлый коврикъ у его ногъ и взяла его руку въ свои.

— Повиноваться легко, когда любишь—я никогда не думала, что это такъ легко. Но это опасно. Страсть проходитъ; традиція повиновенія остается и тяготитъ;—и вотъ открытая дверь для всякихъ золъ и напастей. Никогда не заставляй меня повиноваться тебѣ, Ральфъ!

— Дорогая моя! Ужели ты думаешь, что я промѣняю всѣ тонкіе нюансы твоего такта и чуткости на пошлое вульгарное повиновеніе? Боже избави! Я не такъ слѣпъ и глупъ. И не говори, что страсть проходитъ, Мона. Я не знаю, что я чувствую къ тебѣ, но въ это чувство я вложилъ все лучшее, что есть въ моей душѣ. Оно не можетъ умереть.

— Ральфъ, мы съ тобой не мальчикъ и дѣвочка; намъ нельзя быть расточительными въ любви. Любовь — растеніе. Оно растетъ, гдѣ ему вздумается, не саженнымъ. Его топчутъ, ногами, — оно разростается еще пышнѣй; его косятъ, срѣзываютъ, вырываютъ съ корнемъ, но не могутъ уничтожить; оно кажется безсмертнымъ. Тогда наконецъ говорятъ: «Ты не простая трава; ты чудный цвѣтокъ. Расти свободно, на радость душѣ моей, но съ этой минуты его уже нельзя оставить расти на свободѣ, иначе оно по немногу завянетъ и сгинетъ. Его надо поливать, ходить за нимъ, беречь и лелѣять чудесный цвѣтокъ, и тогда...

— И тогда?

— Тогда онъ разростется въ роскошное дерево и будетъ жить вѣчно.

— Аминь! Мона, откуда ты знаешь все это? Кто научилъ тебя такъ судить о любви?

— Она улыбнулась.

— У меня было время подумать, послѣ той ночи, въ лѣсу, И потомъ—мои друзья часто выбирали меня своей повѣренной. Такъ легко подмѣчать ошибки другихъ.

Глава LIX.

Товарищи.

Опять декабрь, но какая перемѣна! Снаружи — жестокій холодъ и ливень. Внутри—яркій огонь, привѣтливыя лица, тепло, уютно.

Молодые всего нѣсколько часовъ, какъ вернулись изъ-за границы, попробовали «супъ и соусы» Магги, поболтали у камелька въ кабинетикѣ Моны; потомъ Ральфъ пошелъ въ свой кабинетъ, отдѣленный отъ женинаго только портьерой—читать письма.

— Если ты приглашаешь меня, я черезъ десять минутъ приду. Въ такую погоду врядъ-ли навернется больной—даже въ «богоспасаемомъ Блумебѣри».

Сэръ Дугласъ просилъ ихъ поселится въ болѣе фешенебельномъ кварталѣ, но Ральфъ и Мона оба жаждали окунуться въ живое дѣло и выбрали мѣсто, гдѣ предвидѣлось много практики между бѣдняками.

Ральфъ не успѣлъ дочитать перваго письма, какъ доложили о больной, и черезъ минуту въ комнату невѣрной шаткой поступью вошла молодая дѣвушка. Волосы ея были мокры отъ дождя; на побѣлѣвшемъ лицѣ застыло выраженіе тупаго отчаянія.

— Вы хотите посовѣтоваться со мной? Присядьте. Чѣмъ могу быть полезнымъ?

Дѣвушка посмотрѣла на него, хотѣла заговорить, но полныя губы ея дрогнули, и она вдругъ истеричически зарыдала.

Ральфъ опытнымъ взглядомъ скользнулъ по ея фигурѣ.

— Я думаю,—сказалъ онъ ласково,—что вамъ луше бы обратиться къ другому врачу, моему товарищу.

Онъ всталъ и отдернулъ портьеру.

Мона, улыбаясь подняла на него глаза. Она сидѣла у камина, вся на свѣту, и сердце дрогнуло въ немъ, когда онъ сравнилъ это ясное, умное, женственное лицо—съ тѣмъ, другимъ.

— Мона, голубушка, вотъ и практика—для *тебя*!

РАВНОДУШНЫЕ.

РОМАНЪ.

(*Продолженіе* *).

Глава двадцать первая.

I.

Въ ожиданіи объясненія съ любимой женщиной, силу обаянія которой Никодимцевъ едва ли сознавалъ, онъ переживалъ томительно-жуткое состояніе, подобное тому, какое испытываетъ подсудимый въ ожиданіи приговора. И чѣмъ ближе подходилъ часъ встрѣчи, тѣмъ нетерпѣливѣе и мучительнѣе было это ожиданіе, и тѣмъ болѣе онъ сомнѣвался въ томъ, въ чемъ нѣсколько времени тому назадъ почти былъ увѣренъ.

Весь охваченный лишь одной мыслью,—мыслью о томъ, любитъ и можетъ ли его полюбить Инна или только питаетъ къ нему дружескія чувства, и выйдетъ ли за него замужъ или откажетъ, Никодимцевъ такъ запутался въ своихъ противорѣчивыхъ предположеніяхъ, что наконецъ не могъ больше объ этомъ думать и никакъ не могъ рѣшить, благопріятна ли для него записка Инны Николаевны или нѣтъ.

Теперь онъ думалъ лишь объ одномъ, желалъ только одного—чтобы какъ можно скорѣй рѣшилась его участь, какова бы она ни была. Только бы не оставаться въ неизвѣстности.

Тогда, по крайней мѣрѣ, онъ не будетъ знать безумнаго безпокойства послѣдняго времени. Онъ уѣдетъ и въ новой, все таки имѣющей какой-нибудь смыслъ, дѣятельности, постарается побороть свое чувство и забыть эту женщину, ворвавшуюся въ его жизнь, выбившую его изъ прежней колеи и овладѣвшую имъ съ такой властностью, возможности которой надъ собой онъ и не подозрѣвалъ.

*) См. «Міръ Божій», № 7, іюль.

Но какъ только Никодимцевъ начиналъ думать, что онъ не увидитъ этого милаго лица, краше котораго, ему казалось, и быть не можетъ,—этихъ большихъ, сѣрыхъ, ласковыхъ глазъ, чарующей улыбки, изящной гибкой фигуры, красивыхъ маленькихъ рукъ съ длинными и тонкими пальцами,—когда онъ думалъ, что не будетъ восхищаться чуткостью ея ума и сердца, найдя въ ней родственную себѣ душу,—онъ чувствовалъ себя безконечно, несчастнымъ, одинокимъ и жалкимъ.

Безъ Инны жизнь, казалось, теряла смыслъ. Вѣру въ свое дѣло онъ потерялъ. Что же онъ будетъ теперь дѣлать? Во имя чего жить?

Наконецъ Никодимцевъ не выдержалъ этой пытки ожиданія. Онъ торопливо одѣлся и въ три часа поѣхалъ къ Козельскимъ.

И дорогой, и когда Никодимцевъ поднимался по устланной ковромъ лѣстницѣ, онъ безсознательно шепталъ однѣ и тѣ же два слова: „надо покончить“, подразумѣвая, что надо объясниться.

И только, когда онъ позвонилъ и увидѣлъ передъ собою отворившаго ему двери слугу, онъ овладѣлъ собой и спросилъ:

— Принимаютъ?

Лакей доложилъ, что дома одна только молодая барыня.

Это извѣстіе вмѣсто того, чтобы обрадовать Никодимцева, напротивъ, на мгновеніе смутило его.

— А молодая барыня принимаетъ?—умышленно безразличнымъ тономъ спросилъ Никодимцевъ, точно боясь, что лакей отлично понимаетъ, что ему именно и нужна молодая барыня.

— Принимаютъ. Извольте пожаловать въ гостиную. Я сію минуту доложу.

Никодимцевъ вошелъ въ гостиную и уставился на двери, ведущія въ столовую.

Прошла минута, другая. Инна Николаевна не являлась.

„Все кончено!“—подумалъ внезапно Никодимцевъ.

И въ гостиной словно бы потемнѣло. И на сердцѣ у Никодимцева сдѣлалось мрачно, мрачно.

Наконецъ скрипнула дверь, и появилась Инна.

И Никодимцеву показалось, что гостиная вдругъ озарилась свѣтомъ, и что сама Инна сіяла въ блескѣ новой и еще лучшей красоты.

И у него замерло сердце отъ восторга и страха.

Стройная, изящная и нарядная въ своемъ новомъ, только что принесенномъ, свѣтло-зеленомъ платьѣ, свѣжая и сверкающая ослѣпительной бѣлизной красиваго и привлекательнаго лица, торопливо подошла она къ Никодимцеву и, радостно-смущенная, вся словно бы притихшая и просвѣтленная счастьемъ, протянула ему руку.

Никодимцевъ поблѣднѣлъ.

Онъ порывисто и крѣпко пожалъ ея руку и первое мгновеніе не находилъ словъ.

Молчала и молодая женщина.

Тронутая его волненіемъ, счастливая что Никодимцевъ такъ сильно ее любитъ, и понимавшая, что онъ въ ея власти, она глядѣла на него ласковымъ и властнымъ взглядомъ.

— Какъ я рада, что вы раньше пріѣхали, Григорій Александровичъ.

Но Никодимцевъ, казалось, не понималъ, что она сказала.

Онъ смотрѣлъ на нее съ проникновеннымъ восторгомъ и, казалось, еще не смѣлъ вѣрить своему счастью, хотя и чувствовалъ его въ выраженіи лица и глазъ молодой женщины...

— Я пріѣхалъ узнать свой приговоръ... Вы вѣдь знаете... я васъ люблю!—наконецъ проговорилъ онъ серьезно, почти строго.

— Знаю,—чуть слышно произнесла Инна.

— Вчера... ваша записка... Неужели это правда?..

— Что?

— Что вы позволили васъ любить?

— Правда. И давно ужъ позволила... И сама поняла вчера послѣ вашего письма, что... привязана къ вамъ...

— Какъ къ другу... да... не болѣе? Говорите!—почти крикнулъ Никодимцевъ.

— Развѣ тогда позволяютъ любить... Или вы не видите, что и я васъ люблю!

— О, Господи!—вырвалось изъ груди Никодимцева.

И полный невыразимаго счастья, умиленный, со слезами на глазахъ, онъ цѣловалъ руки Инны и снова глядѣлъ въ ея загорѣвшіеся глаза радостный и помолодѣвшій.

— О, еслибъ вы знали, какъ вы мнѣ дороги, какъ я васъ люблю!—шепталъ онъ. Я не смѣлъ и мечтать о такомъ счастьѣ... Вѣдь вы согласитесь быть моей женой? Вѣдь согласитесь, да?

— А вы развѣ не боитесь на мнѣ жениться?..

— Бояться?.. Чего бояться?

— Моего прошлаго!—проронила Инна, и страдальческое выраженіе омрачило ея лицо и залегло въ глазахъ.—О, еслибъ его не было!—Еслибъ его не было!—тоскливо повторила она.

— Вы въ немъ не виноваты... Забудьте его...

— Развѣ возможно забыть его, Григорій Александровичъ. И я не забуду и вы не забудете... Вы, какъ порядочный человѣкъ, никогда не напомните мнѣ о немъ, но оно всегда будетъ стоять между нами и отравлять намъ жизнь... Вы будете мучиться этимъ, а мнѣ будетъ больно—вѣдь я люблю васъ! И это меня пугаетъ...

— Инна Николаевна! Да вѣдь вы выстрадали прошлое... И

за то, что вы его выстрадали, за то, что вы такъ правдиво разсказали мнѣ о немъ, я васъ еще болѣе люблю и уважаю... Я не боюсь... Я вѣрю вамъ... О, не отказывайте мнѣ изъ за этихъ страховъ. Не отказывайте!.. Не бойтесь, что, выйдя за меня замужъ, вы лишитесь свободы чувства? Я палачемъ не буду. Слышите?

— Вотъ видите, Григорій Александровичъ. Ужъ и теперь у васъ сомнѣнія?

— Какія?

— Вы уже думаете, что я васъ должна разлюбить и полюбить другого.

— Я старъ. Мнѣ сорокъ два года.

— Развѣ это старость? И въ ваши сорокъ два вы влюбились какъ мальчикъ. Развѣ это не правда?—не безъ ласковаго лукавства спросила она.

Никодимцевъ радостно отвѣтилъ:

— И какъ это хорошо быть мальчишкой... Такъ вы согласны, Инна Николаевна?

— Да развѣ вы не видите этого?.. Согласна, согласна, согласна!

Никодимцевъ весь сіялъ счастьемъ. И въ то же время ему казалось, что онъ не достоинъ такого чрезмѣрнаго счастья—быть любимымъ этой женщиной и что онъ еще недостаточно любитъ ее. И ему хотѣлось сказать ей что-то особенно значительное и важное о своей любви и поскорѣй доказать ее. Жизнь ему представлялась теперь, свѣтлой, чудной, полной смысла, и смыслъ этотъ явился въ Иннѣ, въ этой прелестной, чарующей Иннѣ.

— Господи! Чего бы я не сдѣлалъ, чтобы дать вамъ счастье Инна Николаевна!—проговорилъ онъ съ какою-то особенной значительной и торжественной серьезностью и, взявши ея руку, крѣпко прижалъ къ своимъ губамъ.

И Инна, проникнутая тѣмъ же серьезнымъ приподнятымъ настроеніемъ, отвѣтила:

— И мы должны быть счастливы. Я постараюсь, чтобъ вы не разлюбили меня. Если бы вы знали, какъ одинока я была до васъ!..

Они присѣли на диванъ и строили планъ будущій. Никодимцевъ просилъ, чтобы свадьба была послѣ возвращенія его съ поѣздки. Къ тому времени разводъ навѣрно состоится. Адвокатъ, его пріятель, надѣется покончить дѣло скоро.

— А мужъ?.. Не откажется отъ развода?—испуганно спросила Инна Николаевна.

— Не откажется.

— О, вы его не знаете, Григорій Александровичъ! Онъ безхарактеренъ и поддается всякому вліянію...

— Но онъ ужъ условился съ адвокатомъ и выдалъ обязательство...

— Какое?

— Что онъ согласенъ на разводъ за пятнадцать тысячъ и въ видѣ задатка уже получилъ пять.

— О какая мерзость!—съ отвращеніемъ проговорила Инна.— И я жила съ такимъ человѣкомъ пять лѣтъ!

— Вы не знали людей, Инна Николаевна.

— Да, не знала и, признаюсь вамъ, такой наглости въ немъ не подозрѣвала... Но кто же заплатилъ пять тысячъ и кто заплатитъ остальные десять?.. Вы, разумѣется?

— Простите, я... Отъ имени вашего отца... Мы потомъ сосчитались бы съ нимъ... а у меня, по счастью, именно была эта сумма сбереженій...

— Вы и въ этомъ мой спаситель... Ну развѣ я не неоплатная ваша должница... Милый!

И Инна Николаевна протянула Никодимцеву руку.

Онъ задержалъ эту маленькую руку въ своей рукѣ и чувствовалъ, какъ какая-то горячая волна охватываетъ все его существо и въ то же время, стараясь скрыть свое возбужденіе, продолжалъ говорить съ Инной объ ея разводѣ и успокаивалъ ее относительно Леночки.

— Онъ и отъ правъ на свою дочь отказался съ тѣмъ, чтобы только отъ него не требовали платы на ея содержаніе...

— Подлецъ!—вырвалось у Инны.

— Ну вотъ я васъ и разстроилъ... Простите... Зачѣмъ я вамъ все это говорилъ?

— Отлично сдѣлали... По крайней мѣрѣ я не чувствую себя теперь передъ нимъ виноватой... а вѣдь это чувство виноватости и удерживало раньше отъ полнаго разрыва... Ну довольно. Не будемъ больше говорить объ этомъ... Не будемъ вспоминать... Вѣдь и вамъ тяжело думать, что я была женой Травинскаго. Не правда ли?

— Правда! — отвѣчалъ смущенно Никодимцевъ. — За васъ больно!—прибавилъ онъ и смутился еще болѣе, такъ какъ сказалъ не всю правду.

Инна Николаевна пытливо заглянула ему въ глаза.

— Только за меня?—протянула она.

Никодимцевъ молчалъ.

— А развѣ не ревнуете вы къ нему, какъ... какъ къ бывшему мужу. Не скрывайте отъ меня ничего... Говорите правду, я васъ прошу... Ревнуете?

— Да!—виновато и застѣнчиво проронилъ Никодимцевъ.

— Нашли къ кому ревновать!—брезгливо проговорила Инна.—

А, впрочемъ, я понимаю эту ревность. Такъ оно и должно быть у человѣка, который сильно любитъ... Вотъ видите, Григорій Александровичъ, прошлое трудно забыть!—прибавила она съ грустной усмѣшкой...

И увидѣвши, что Никодимцевъ омрачился, порывисто и нервно прибавила:

— Но мы оба постараемся забыть его. Вѣдь забудемъ... Не правда ли?

Голосъ Инны звучалъ смѣло и вызывающе, а между тѣмъ на глаза навертывались слезы.

— Инна Николаевна! Не мучьте себя... Не надо, не надо!— съ необыкновенной нѣжностью проговорилъ Никодимцевъ.

И, наклонившись, нѣсколько разъ тихо поцѣловалъ ея руку.

— Не надо,—повторилъ онъ.—Для меня ваше прошлое не имѣетъ значенія, а вы забудете его. Я васъ люблю такою, какъ вы есть... И эта ревность къ мужу — не хорошее чувство. Оно пройдетъ... непремѣнно пройдетъ... Не мучьте же себя напрасными страхами... Я люблю васъ, люблю... Я счастливъ, безконечно счастливъ.

Тронутая этими словами, этой лаской, Инна улыбалась сквозь слезы своей чарующей улыбкой, и Никодимцевъ опять просіялъ, чувствуя, что между ними ростетъ что то новое, манящее и захватывающее,—та желанная близость, которой онъ такъ хотѣлъ и такъ боялся.

Они снова заговорили объ устройствѣ новой ихъ жизни, о томъ, какъ они поѣдутъ послѣ свадьбы за границу, какъ потомъ будутъ жить въ Петербургѣ, тихо, безъ пріемовъ, имѣя ограниченный кругъ знакомыхъ, какъ будутъ вмѣстѣ читать, ходить въ театръ. Оба радостные, полные надеждъ и приподнято настроенные, они вѣрили этой семейной идилліи и хотѣли ея. Никодимцевъ потому, что иначе не понималъ брака. Инна потому, что прежняя жизнь ей представлялась ужасной и она цѣплялась за новую.

Эти разговоры прерывались воспоминаніями о первомъ знакомствѣ, о быстромъ сближеніи, о частыхъ визитахъ Никодимцева.

Онъ признался, что съ первой же встрѣчи Инна Николаевна произвела на него сильное впечатлѣніе.

— И съ того же вечера вы овладѣли моими мыслями, Инна Николаевна! Я почувствовалъ, что вы съиграете значительную роль въ моей жизни... Съ того вечера я ужъ не былъ такимъ чиновникомъ... Передо мной открылась другая жизнь...

Инна тоже призналась, что Никодимцевъ ей понравился въ тотъ же вечеръ, когда они встрѣтились.

— И когда я вернулась домой, я вспомнила нашъ первый разговоръ за ужиномъ... помните?

— Еще бы не помнить!—восторженно сказалъ Никодимцевъ.— Я всѣ ваши слова помню!

— А вашъ первый визитъ? И какъ мнѣ тогда было совѣстно передъ вами...

— За что?

— А за то, что вы у меня встрѣтили это общество, помните... И я думала, что вы послѣ этого визита не пріѣдете... А мнѣ такъ хотѣлось васъ видѣть, слышать что вы говорите... И ваше отношеніе ко мнѣ было такъ ново, такъ хорошо...

Они продолжали говорить, не переставая, точно видѣлись въ первый разъ послѣ долгой разлуки. Точно они совсѣмъ еще не знали другъ друга, и оба они, прежде сдержанные, теперь словно бы торопились высказаться, обнаружить себя одинъ передъ другимъ, въ виду предстоящей ихъ близости.

Никодимцевъ слушалъ Инну и все чаще и дольше цѣловалъ ея руку и смущенно и виновато краснѣлъ, когда Инна перехватывала влюбленный загорѣвшійся взглядъ его черныхъ совсѣмъ молодыхъ глазъ, перехватывала и не сердилась, краснѣя и улыбаясь. И женихъ ей казался такимъ помолодѣвшимъ, такимъ интереснымъ и милымъ съ его цѣломудренной застѣнчивостью человѣка, видимо мало знавшаго женщинъ, такимъ не похожимъ на бывшихъ ея поклонниковъ...

— А я сегодня же скажу объ этомъ вашимъ. Вы позволите?

— Развѣ это нужно?

— Нужно. Я не хочу дѣлать изъ этого секрета... А вы развѣ не хотите?

— Что вы? что вы? Я только боюсь, какъ бы мужъ не надѣлалъ непріятностей... Не подождать ли развода?

— Вы будете подъ моей защитой... Повторяю, вашъ мужъ, ничего не сдѣлаетъ.. Напротивъ, узнавши, что я женюсь на васъ, онъ не пикнетъ... Онъ трусъ.

— Я согласна... Вы правы, какъ всегда!—проговорила Инна и освободила свою руку изъ руки Никодимцева, заслышавъ въ прихожей шаги.

II.

Вошелъ Козельскій, по обыкновенію элегантный, свѣжій и моложавый.

Онъ уже узналъ отъ швейцара, что Никодимцевъ сидитъ съ трехъ часовъ и теперь, взглянувши на нѣсколько возбужденныя лица гостя и дочери, сидѣвшихъ рядомъ на диванѣ, не могъ и представить себѣ, чтобы дѣло обошлось безъ флирта, и мысленно поздравилъ „умную Инночку“, что она быстро и рѣшительно „подковываетъ“ влюбленнаго Никодимцева.

И Николай Ивановичъ привѣтствовалъ его превосходительство съ особенно дружественною и нѣсколько даже фамильярною привѣтливостью, какой раньше не позволялъ себѣ съ будущимъ товарищемъ министра.

По тому, съ какою горячностью и какой-то особенной почтительностью Никодимцевъ пожалъ руку, повидимому даже обрадованный фамильярностью тона, Козельскій понялъ, что и на немъ отразились чувства, питаемыя Никодимцевымъ къ дочери.

И, принимая видъ „благороднаго отца", онъ проговорилъ тѣмъ мягкимъ, полнымъ добродушія, голосомъ, которымъ умѣлъ очаровывать мало знавшихъ его людей:

— А я еще, простите, не поблагодарилъ васъ, дорогой Григорій Александровичъ.

— За что, Николай Ивановичъ?

— А за Инночку... Вы такъ скоро устроили выдачу отдѣльнаго паспорта...

— Стоитъ ли говорить о такихъ пустякахъ...

— Доброе вниманіе не пустяки, Григорій Александровичъ... Оно цѣнится... И порекомендовали ей адвоката Безбородова... Это превосходный юристъ... Теперь дѣло ея въ надежныхъ рукахъ, и я думаю, что Инна скоро освободится отъ своего ига... Сердечное вамъ спасибо, Григорій Александровичъ, и за себя, и за Инночку.

И Козельскій еще разъ крѣпко пожалъ руку, отводя взглядъ, чтобы не замѣтить смущенія Никодимцева.

И, усаживая на диванъ гостя, спросилъ:

— Скоро ѣдете, ваше превосходительство?

И самъ подумалъ: „Неужели до его отъѣзда, Инна не доведетъ его до предложенія?"

— Черезъ пять дней.

— Высокая и трудная миссія предстоитъ вамъ, Григорій Александровичъ,—продолжалъ Козельскій въ нѣсколько приподнятомъ тонѣ человѣка, цивическія добродѣтели котораго не внушаютъ сомнѣній.—Всѣ порядочные люди обрадовались вашему назначенію... По крайней мѣрѣ, мы узнаемъ настоящую правду, а то вѣдь мы и до сихъ поръ не знаемъ, голодъ ли у насъ или выдумка неблагонамѣренныхъ людей... Мы играли въ недородъ и о немъ даже долго молчали... Да, нечего сказать, хорошее времячко, въ которое мы живемъ...

И, взглянувъ на часы, Козельскій прервалъ свое фрондированье, которымъ, по старой привычкѣ, онъ любилъ иногда щегольнуть, и, обращаясь къ дочери, спросилъ:

— А гдѣ наши, Инна?

— Ихъ не было дома.

— Онѣ вѣрно вернулись. И не знаютъ, что Григорій Александровичъ здѣсь...

— Я пойду узнаю.

— И кстати узнай, милая, во время ли насъ станутъ сегодня кормить.

Инна застала мать въ ея комнатѣ за книгой.

— Мамочка!.. Обѣдать сейчасъ. Ты давно вернулась?

— Съ полчаса...

— Григорій Александровичъ здѣсь...

— Я знаю...

— Такъ отчего жъ ты не вышла?..

— Не хотѣла мѣшать вамъ говорить, моя родная... И какая ты оживленная сегодня... Какая радостная!..

— Онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, мамочка! — вырвалось у Инны и она бросилась цѣловать мать.

— Ты дала слово?

— Дала.

— Значитъ, нравится?

— Больше, больше, мамочка... Я его люблю... А гдѣ же Тина?

Она заглянула въ комнату сестры. Та что-то писала у письменнаго стола.

— Обѣдать?—спросила она, поспѣшно закрывая тетрадь.— Иду, иду!.. Ну, что, договорились до чего-нибудь съ Никодимцевымъ?—насмѣшливо прибавила Тина.

— Что за выраженія, Тина...

— Ну, если не нравится, такъ спрошу: женишь его на себѣ?

— Я, просто, выйду замужъ.

— Еще мало научена?.. Еще не успѣла развестись и опять хочешь повторить прежнюю глупость?

— Тутъ нѣтъ повторенія... Тутъ все новое, Тина! — весело отвѣчала сестра.

— Нашла новое, нечего сказать! Не скажешь ли ты, что влюблена въ Никодимцева?..

И Тина засмѣялась гадкимъ смѣхомъ, показывая свои красивые, острые зубки.

— Я не шла бы замужъ, если бъ не любила...

— Какое громкое слово!.. И на долго полюбила?

— А ты все еще не вѣришь, что я стала другая?...

— Поговоримъ объ этомъ черезъ годъ. А сегодня, значитъ, шампанское и первый поцѣлуй?—иронически спросила Тина.— Я съ удовольствіемъ выпью. Я давно не пила. Скажи папѣ, чтобъ онъ послалъ за мумомъ!

Оставшись вдвоемъ съ Никодимцевымъ, Козельскій хотѣлъ было до закуски спросить мнѣнія Никодимцева объ одномъ новомъ дѣлѣ, которое наклевывалось, какъ увидалъ, что лицо Никодимцева вдругъ сдѣлалось необыкновенно серьезнымъ, напряженнымъ и взволнованнымъ.

Нѣсколько секундъ прошло въ томительномъ молчаніи.

— Николай Ивановичъ!—вдругъ обратился Никодимцевъ торжественно и значительно и на мгновеніе остановился, словно бы онъ вдругъ услыхалъ фальшивую ноту взятаго тона и понялъ ненужность и условность того, что сейчасъ скажетъ.

„Подкованъ!“ обрадованно рѣшилъ Козельскій, и лицо его тоже приняло нѣсколько торжественное и серьезное выраженіе, когда онъ поднялъ вопросительно-ласковый взглядъ на Никодимцева.

— Я только что предложилъ Иннѣ Николаевнѣ быть моей женой и имѣлъ счастье получить ея согласіе... Надѣюсь, что и вы въ немъ не откажете и повѣрьте, что я...

Николай Ивановичъ не далъ Никодимцеву докончить и вывелъ его изъ непріятнаго положенія тѣмъ, что сперва выразилъ на лицѣ своемъ пріятное изумленіе, затѣмъ проговорилъ, что онъ никогда не идетъ противъ желанія дѣтей и, съ достоинствомъ выразивъ удовольствіе имѣть Григорія Александровича своимъ зятемъ, безмолвно привлекъ его къ себѣ, троекратно съ нимъ поцѣловался и отеръ батистовымъ платкомъ слезу.

И когда вся эта процедура была окончена, онъ проговорилъ:

— Надоѣло не бойсь, Григорій Александровичъ, одиночество?..—То-то... Безъ семейнаго теплаго очага какъ-то непривѣтно... Что можетъ быть лучше его!—прибавилъ не безъ значительности Никодимцевъ.

Въ эту минуту вошла Антонина Сергѣевна. По ея, нѣсколько торжественному лицу безъ обычнаго на немъ выраженія сдержанной грусти, Козельскій догадался, что святая женщина уже знаетъ отъ Инны о счастливомъ событіи.

— Тоня! Григорій Александровичъ дѣлаетъ намъ честь просить нашего согласія на бракъ съ Инной!—торопливо и радостно проговорилъ Козельскій.

И, оставивъ ихъ вдвоемъ доканчивать чувствительную сцену, Николай Ивановичъ торопливо вышелъ, чтобы поскорѣй послать за шампанскимъ.

Въ корридорѣ онъ встрѣтилъ Инну и возбужденно и нѣжно проговорилъ:

— Молодецъ ты, Инночка!.. И какъ тебя любитъ Григорій Александровичъ! Ты не знаешь, какое онъ любитъ шампанское?

Этотъ „молодецъ“ и этотъ вопросъ о шампанскомъ задѣли Инну.

„И онъ думаетъ, что я та же, что и была!“—пронеслось въ ея головѣ.

— Не знаю, папа. А Тина проситъ послать за мумомъ!—отвѣтила Инна.

Когда Козельскій вернулся въ гостиную, заглянувши прежде въ столовую, чтобъ убѣдиться, все ли тамъ въ порядкѣ, новый ли сервизъ и хороша ли свѣжая икра,—Антонина Сергѣевна, утирая слезы, просила Никодимцева беречь Инну́ и съ наивной откровенностью матери разсказывала Григорію Александровичу, какое золотое сердце и какая умная головка у Инночки.

Никодимцевъ съ восторгомъ слушалъ эти рѣчи и сочувственно взглядывалъ на будущую тещу.

Глава двадцать вторая.

— Кушать подано!—доложилъ лакей во фракѣ и бѣлыхъ нитяныхъ перчаткахъ.

Всѣ перешли въ столовую.

Тамъ уже были обѣ сестры и бонна нѣмка съ Леночкой.

Никодимцевъ поздоровался и съ Тиной съ тою же ласковой сердечностью, съ какою отнесся и къ родителямъ, перенося частицу своей любви къ Иннѣ и на ея близкихъ.

Онъ пожалъ руку боннѣ и съ особенной лаской поцѣловалъ ручку Леночки, давно ужъ бывшею доброй пріятельницей „дяди Никодима“, какъ перекрестила его фамилію дѣвочка,—подкупленная игрушками, которыя онъ привозилъ ей, и сказками, которыя ей иногда разсказывалъ.

И Инна Николаевна съ радостью подумала теперь объ этой дружбѣ, увѣренная, что Никодимцевъ не будетъ дурнымъ вотчимомъ и не станетъ ревновать, въ лицѣ этой дѣвочки, къ прошлому.

Да и вдобавокъ она нисколько не напоминала отца.

Хорошенькая, съ такими же пепельными волосами и большими сѣрыми глазами, какъ у матери, она поразительно походила на Инну Николаевну. Даже въ улыбкѣ было что-то похожее.

— А вѣдь прелестная внучка у меня, Григорій Александровичъ... Милости просимъ закусить. Какой прикажете? Казенной, померанцевой, аллашу, зубровки?

— Померанцевой попрошу.

— И я изрѣдка себѣ ее разрѣшаю... Доктора запретили!—сочинилъ, по обыкновенію, Николай Ивановичъ, скрывая истинную причину своей тренировки, наливая двѣ рюмки.

Они чокнулись. Козельскій порекомендовавъ гостю свѣжую икру.

— Кажется, не дурна? — проговорилъ онъ съ тайнымъ удовольствіемъ человѣка, любившаго, чтобы у него все было изысканное и лучшее.

Не даромъ же онъ велѣлъ прислать ее изъ одной изъ милютиныхъ лавокъ, гдѣ часто ѣлъ устрицы и былъ постояннымъ покупателемъ — „его" икры и заплатилъ десять рублей за два фунта.

— Превосходная! — отвѣтилъ Никодимцевъ, бывшій въ такомъ настроеніи, что могъ сегодня находить все превосходнымъ.

И онъ отошелъ отъ стола, чтобъ дать мѣсто Тинѣ.

У Тины загорѣлись глаза, ея бойкіе вызывающіе глаза, и раздувались ноздри при видѣ разнообразныхъ закусокъ, бывшихъ сегодня по случаю приглашенія къ обѣду Никодимцева.

Не спѣша, и видимо привычнымъ движеніемъ своей бѣлой красивой руки въ кольцахъ, взяла она тонкогорлую бутылку съ рябиновкой, налила рюмку до краевъ и, наложивши полную тарелочку свѣжей икры, выпила водку однимъ глоткомъ не хуже мужчины, привыкшаго пить, и, не поморщившись, принялась закусывать съ наслажденіемъ, напоминающимъ что-то плотоядное.

Никто не обратилъ на это вниманія кромѣ Никодимцева. Домашніе давно ужъ привыкли къ тому, что Тина передъ обѣдомъ пила маленькую рюмку рябиновки, и хоть это и оскорбляло главнымъ образомъ изящные вкусы отца, находившаго, что женщинамъ прилично только пить немного шампанскаго, тѣмъ не менѣе Тина въ концѣ концовъ пріучила своихъ, объясняя имъ, что пьетъ для здоровья. Ей это полезно, докторъ одинъ говорилъ.

„Неужели и Инна такъ же умѣло пьетъ водку!" — съ ужасомъ подумалъ Никодимцевъ, когда Инна Николаевна подошла къ столику.

У него отлегло отъ сердца. Инна не послѣдовала примѣру сестры.

Но она замѣтила его удивленный взглядъ, брошенный на Тину и вспомнила, что еще недавно и она сама, случалось, пила за закусками на ресторанныхъ обѣдахъ и ужинахъ рюмку, другую рябиновки, пила, не чувствуя ни малѣйшаго удовольствія, а такъ, ради возбужденія и изъ-за того, что ее упрашивали мужчины и изъ затого, что другія дамы пили. Вспомнила Инна и о томъ, что въ числѣ многихъ клеветъ, распускаемыхъ про нее, была и клевета, на счетъ того, что она пьетъ по двѣнадцати рюмокъ коньяку и по бутылкѣ шампанскаго.

При этихъ, быстро пронесшихся въ ея головѣ воспоминаніяхъ, она съ ужасомъ подумала: „Неужели это все было?"

Но какъ далека она отъ этого теперь!

И Инна Николаевна взглянула на Никодимцева и, встрѣтивши его встревоженный взглядъ, почувствовала въ немъ и любовь, и

пониманіе, и защиту. Тѣнь сбѣжала съ ея лица, и она улыбнулась.

Тотчасъ же улыбнулся и Никодимцевъ, давно ужъ понимавшій, что Инна владѣетъ его настроеніямъ.

Обѣдъ, заказанный самимъ Николаемъ Ивановичемъ, былъ превосходный и вина тонкія.

Но Козельскій не безъ сожалѣнія видѣлъ, что Никодимцевъ ѣлъ мало, какъ-то небрежно, видимо не оцѣнивая по достоинству ни супа, ни пирожковъ, ни форели съ какой-то особенной подливкой, секретъ которой сообщилъ Николаю Ивановичу французъ поваръ одного моднаго ресторана, ни вымоченнаго въ мадерѣ филе. И не пилъ ничего.

„Совсѣмъ влюбленъ, какъ юнкеръ!“ — подумалъ Козельскій, умѣвшій какъ-то отдавать равную дань и любви и кулинарнымъ прелестямъ.

— Инна! Хоть бы ты предложила Григорію Александровичу рейнвейну. Оно, кажется, ничего себѣ...

— Я предлагала—не хочетъ...

— Не хорошо угощаешь, Инна... Ты налей.

И Никодимцевъ подставилъ свою рюмку, чтобъ сдѣлать удовольствіе Козельскому.

— И себѣ налей, Инна, рейнвейну... А Тиночка сама о себѣ позаботится!—проговорилъ, смѣясь, Козельскій.

Дѣйствительно, молодая дѣвушка о себѣ заботилась. Она и ѣла, какъ настоящій гурманъ, и уже пила вторую рюмку іоганисберга, смакуя его съ видомъ знатока.

Никодимцевъ только про себя удивлялся, взглядывая порой на ея слегка закраснѣвшееся отъ ѣды и вина самоувѣренное и вызывающее личико.

„Какъ не похожи двѣ сестры!“ думалъ онъ.

— Ты правъ, папа. Я о себѣ позабочусь! — спокойно отвѣтила Тина отцу и прибавила:—А рейнвейнъ хорошій!

И повела равнодушнымъ взлядомъ на Никодимцева, точно желая имъ сказать:

„Мнѣ рѣшительно все равно, что вы обо мнѣ подумаете, господинъ директоръ департамента. Вы герой не моего романа!“

И молодая дѣвушка вспомнила о юномъ красавцѣ Скурагинѣ, и ей было досадно, что онъ уѣзжаетъ и она остается пока безъ влюбленнаго поклонника, съ которымъ бы можно было заниматься флиртомъ въ томъ широкомъ смыслѣ, какой придавала флирту эта странная дѣвушка.

А Скурагинымъ она съ удовольствіемъ бы занялась и обратила бы его въ „христіанскую вѣру“, не смотря на то, что онъ глядитъ Іосифомъ прекраснымъ. Знаетъ она этихъ Іосифовъ!

И при мысли о такомъ обращеніи ея блестѣвшіе глаза заблестѣли еще болѣе.

— Скурагинъ у васъ не былъ, Григорій Александровичъ?— съ фамильярной небрежностью спросила она своимъ рѣзкимъ контральто.

— Нѣтъ, не былъ еще, Татьяна Николаевна! — почтительно отвѣчалъ Никодимцевъ, какъ бы подчеркивая не особенно деликатный тонъ молодой дѣвушки.

— Кто это такой Скурагинъ?—обратился Козельскій къ дочери.

— Мой знакомый студентъ. Онъ у насъ пилъ чай, и Григорій Александровичъ пригласилъ его ѣхать съ собой на голодъ.

„Странныя отношенія въ семьѣ" подумалъ Никодимцевъ.

Инна боялась какой-нибудь выходки Тины. Та вѣдь не очень церемонится.

Дѣйствительно, молодой дѣвушкѣ очень хотѣлось оборвать какъ нибудь этого корректнаго и влюбленнаго генерала. Не нравился онъ ей, и главнымъ образомъ оттого, что она чувствовала своимъ женскимъ инстинктомъ не только полное равнодушіе къ себѣ, какъ къ женщинѣ, но и тайное осужденіе.

А этого она, какъ большинство женщинъ, не прощала.

И, посматривая на него, она все болѣе и болѣе удивлялась Иннѣ, что та выбрала такого неинтереснаго и немолодого поклонника и—что самое важное: еще дѣлаетъ глупость—выходитъ за него замужъ. Увидитъ она, какъ онъ надоѣстъ ей своей поздней страстью. Увидитъ она, какой Отелло этотъ генералъ. Бѣдной Иннѣ даже и пококетничать будетъ нельзя, а не то, что искать впечатлѣній... Дорого ей достанется эта выгодная партія. Ужъ лучше бы женила на себѣ Гобзина. Она охотно бы уступила Иннѣ это животное, осмѣлившееся дѣлать ей предложеніе.

— Очень милый молодой человѣкъ!—похвалила Антонина Сергѣевна, обращаясь къ мужу.—Онъ, быть можетъ, вечеромъ зайдетъ... Ты его увидишь...

— Къ сожалѣнію, вечеромъ я долженъ уѣхать... Засѣданіе...

— Вечеромъ?

— Экстренное...

Тина едва замѣтно улыбнулась, не вѣря этимъ экстреннымъ засѣданіямъ. Она догадывалась, что „засѣданіе" будетъ съ Ордынцевой.

Эта „тайна", которую такъ заботливо охраняли оба соучастника, не была тайной для ихъ слишкомъ прозорливыхъ молодыхъ дочерей.

И Ольга Ордынцева, и Тина Козельская знали ее и, случалось, говорили между собой о ней. Обѣ дѣвушки, слишкомъ еще

молодыя, чтобъ думать и о своей второй молодости, подсмѣивались надъ второю молодостью родителей, и обѣ, конечно, мало ихъ уважали, оправдывая свою неразборчивую жажду впечатлѣній молодостью и послѣдними декадентскими откровеніями.

Онѣ смѣли дѣлать, что хотятъ, а родители не смѣли.

— Развѣ бываютъ ночныя засѣданія, папа?—съ самымъ серьезнымъ видомъ спросила Тина.

— Бываютъ, милая! — отвѣтилъ Козельскій, отправляя въ душѣ свою любознательную дочь къ чорту.

— И у васъ бываютъ, Григорій Александровичъ?

— Рѣдко, но бываютъ, Татьяна Николаевна.

— У Ники прежде часто были экстренныя засѣданія. Теперь — рѣже. И то онъ бѣдный такъ занятъ!—замѣтила Антонина Сергѣевна, хотя мало вѣрившая мужу, но не утратившая еще вѣры въ экстренныя засѣданія, къ покровительству которыхъ Николай Ивановичъ прибѣгалъ, впрочемъ, прежде, когда еще не сошелся съ осторожной Анной Павловной, предпочитавшей дневныя свиданія, какъ дающія меньшій поводъ къ подозрѣніямъ.

Только въ послѣднее время, когда Ордынцевъ оставилъ ее, она не отказывала Николаю Николаевичу и въ вечернихъ, не предвидя, что произойдетъ непріятная встрѣча.

Козельскій чувствовалъ скорѣй, чѣмъ видѣлъ, насмѣшливый взглядъ „дерзкой дѣвчонки" и хотѣлъ-было замять непріятный для него разговоръ объ экстренныхъ засѣданіяхъ, какъ безжалостная Тина спросила:

— И поздно эти засѣданія кончаются, папа?

— Какъ случится... Сегодня, я думаю, часамъ къ одиннадцати.

По счастью, въ эту минуту лакей сталъ разливать шампанское, и общее вниманіе было обращено на Инну и Никодимцева.

Онъ чувствовалъ на себѣ чужіе взгляды, чувствовалъ, что уже началось что-то, оскорбляющее цѣломудріе и тайну его любви, что эта тайна словно является общимъ зрѣлищемъ, и ему было невыносимо стыдно, точно его внезапно обнажили передъ всѣми присутствующими въ столовой.

Никодимцевъ украдкой взглянулъ на Инну и по ея смущенному лицу рѣшилъ, что и она испытываетъ то же, что и онъ. И ему стало вдвойнѣ стыдно.

Но онъ зналъ, что все это принято и что надо пройти черезъ это испытаніе, и только желалъ, чтобъ оно кончилось поскорѣй.

Бокалъ ему налили, и онъ съ какимъ-то особенно напряженнымъ вниманіемъ ѣлъ рябчика, не поднимая глазъ отъ тарелки, и рѣшилъ, что будетъ просить Инну вѣнчаться втихомолку и не приглашать никого, исключая шаферовъ. Вѣрно она на это согласится.

Николай Николаевичъ уже обдумывалъ экспромтъ, который онъ сейчасъ скажетъ. Онъ любилъ и умѣлъ говорить и считался однимъ изъ блестящихъ ораторовъ на разныхъ чествованіяхъ и юбилейныхъ обѣдахъ.

Но, взглянувь на лицо Никодимцева, Николай Ивановичъ рѣшилъ его пощадить. Къ тому же и исключительно семейная аудиторія не особенно возбудительно дѣйствовала на его краснорѣчіе. Обѣщаніе быть къ восьми часамъ на свиданіи съ Анной Павловной тоже не располагало его къ длинному экспромту.

И Николай Ивановичъ поднялся съ мѣста и, поднявши бокалъ, проговорилъ, напрасно стараясь уловить глаза Никодимцева:

— Сегодня въ нашей семьѣ радостное событіе. Григорій Александровичъ просилъ руки Инны. Она согласна, а мы и подавно согласны... За здоровье жениха и невѣсты. Дай Богъ, чтобъ мы поскорѣй выпили за здоровье—молодыхъ!

Начались чоканья, поцѣлуи и пожеланія.

Козельскій былъ, видимо, очень доволенъ и, облабызавшись съ будущимъ зятемъ, сказалъ ему нѣсколько теплыхъ словъ въ самомъ задушевномъ и на этотъ разъ искреннемъ тонѣ, такъ какъ не сомнѣвался, что, ради Инны, Никодимцевъ устроитъ тестю какую-нибудь почетную синекуру тысячъ въ пять. Надо только будетъ поговорить объ этомъ тотчасъ послѣ свадьбы, во время медоваго мѣсяца. Навѣрное тогда и Никодимцевъ не откажетъ, даромъ что считается врагомъ непотизма.

Антонина Сергѣевна опять „пролила слезу" и снова просила беречь Инночку.

— Они будутъ другъ друга беречь, Тоня!—замѣтилъ Николай Ивановичъ, начинавшій впадать послѣ рейнвейна въ нѣсколько идиллическое настроеніе...

Только съ Тиной дѣло обошлось не совсѣмъ по родственному.

Тина только чокнулась съ Никодимцевымъ и не поздравила его и не высказала никакихъ пожеланій. Она съ видимымъ удовольствіемъ пила шампанское и, казалось, мало обращала вниниманія на всю эту комедію по случаю поимки хорошаго жениха.

Когда бокалы снова были налиты, Николай Ивановичъ ждалъ, что Никодимцевъ догадается поблагодарить родителей за такую красавицу-невѣсту и предложитъ тостъ за ихъ здоровье, но Григорій Александровичъ, сконфуженный и подавленный, казалось, объ этомъ и не думалъ и потому Козельскій еще разъ предложилъ тостъ за жениха и невѣсту.

На этотъ разъ Никодимцеву пришлось только чокаться. Ни лобзаній, ни пожеланій не было.

— Григорій Александровичъ! А вашъ бокалъ, родной мой, пустъ... Развѣ вы не хотите выпить за здоровье невѣсты и... и

поцѣловать ея руку?—шутливо проговорилъ Козельскій, нѣсколько размякшій послѣ вина.—Въ старину мы это себѣ позволяли... Ха-ха-ха!

„Они давно ужъ и не то себѣ позволяли!“—подумала Тина, насмѣшливо посматривая на совершенно смутившагося Никодимцева своими блестѣвшими глазами.

„То же Іосифъ Прекрасный въ 40 лѣтъ, скажите пожалуйста!“

— Что жъ вы не пьете здоровье Инны, Григорій Александровичъ?.. Или боитесь отступить отъ правилъ и выпить второй бокалъ?.. Мумъ хорошее вино!—прибавила Тина, отхлебывая вино маленькими глотками.

Никодимцевъ строго взглянулъ на Тину и, чокнувшись съ невѣстой, залпомъ осушилъ бокалъ.

„Ну, теперь пытка кончена!“ подумалъ онъ.

Но, въ тотъ же моментъ, раздался веселый, ласковый и словно бы ободряющій голосъ Николая Ивановича:

— Горько, горько!

— Горько!—повторила за мужемъ и Антонина Сергѣевна.

Она имѣла склонность къ идиллическимъ положеніямъ. А что же могло быть трогательнѣе перваго поцѣлуя жениха и невѣсты?

Никодимцевъ понялъ, что испытаніе еще не кончено и что надо сдѣлать еще что-то, профанирующее его чувство.

И онъ торопливо, застѣнчиво и неловко поднесъ руку Инны Николаевны и покраснѣлъ какъ гимназистъ.

Но это зрѣлище видимо не удовлетворило присутствующихъ.

— Все-таки горько!—значительно повторилъ Козельскій, улыбаясь широкой, добродушной улыбкой сильно подвыпившаго человѣка.

Насмѣшливо-улыбающаяся и изумленная смотрѣла Тина возбужденными, блестящими отъ шампанскаго глазами на смущеннаго, совсѣмъ растерявшагося Никодимцева. Его необычное смущеніе вызывало въ ней какое-то раздражающе, развращенное любопытство и колебало ея увѣренность въ томъ, что Никодимцевъ былъ близокъ съ сестрой.

„Онъ совсѣмъ робкій, этотъ сорокалѣтній Ромео!“ подумала она и удивлялась, что Инна могла терпѣть около себя такого сантиментальнаго и непредпріимчиваго поклонника и не привела его до сихъ поръ въ христіанскую вѣру. Она давно бы это сдѣлала. Неужели они только разговаривали?..

Словно бы ища защиты, Никодимцевъ взглянулъ на Инну Николаевну и точно спрашивалъ, что ему дѣлать?

Она отвѣтила ласковымъ, виновато-улыбающимся взглядомъ и пожала плечами, словно бы хотѣла сказать, что выхода нѣтъ, и надо ему ее поцѣловать.

И, сгорая отъ стыда, Нидодимцевъ прикоснулся губами къ закраснѣвшейся щекѣ невѣсты.

Когда онъ рѣшился, наконецъ, поднять глаза, то ему всѣ лица показались неудовлетворенными.

Особенно бросилась Никодимцеву въ глаза явно выраженная неудовлетворенность на бритомъ лицѣ пожилого лакея, который, въ ожиданіи цѣлованія жениха съ невѣстой, замеръ въ неподвижной позѣ съ блюдомъ въ рукѣ, на которомъ возвышалась форма трехцвѣтнаго мороженаго, и, разочарованный, подносилъ теперь блюдо Антонинѣ Сергѣевнѣ. Замѣтилъ Никодимцевъ и иронически-улыбающійся взглядъ Тины.

Наконецъ пытка была окончена. Кофе выпито, и всѣ встали изъ-за стола.

Тина не пошла въ гостиную и передъ уходомъ въ свою комнату шепнула, смѣясь, сестрѣ:

— Надѣюсь, ты научишь теперь своего жениха?

— Чему?

— Цѣловаться. А то онъ, кажется, не умѣетъ!

Обхвативъ Никодимцева фамиліарно вокругъ таліи, Николай Ивановичъ повелъ его въ кабинетъ.

— На два слова!—промолвилъ онъ.

И, усадивъ Никодимцева на отоманку, Николай Ивановичъ присѣлъ около и проговорилъ:

— Я считаю своимъ долгомъ по чистой совѣсти сказать вамъ, дорогой Григорій Александровичъ, что состоянія у меня нѣтъ. Я живу на то, что зарабатываю...

„Господи! Къ чему онъ мнѣ это говоритъ?“ подумалъ Никодимцевъ и снова почувствовалъ, что пытка начинается.

— Разумѣется, приданое мы сдѣлаемъ, но, къ сожалѣнію, я не могу, какъ бы хотѣлъ, сдѣлать что-нибудь большее для Инночки...

— Николай Ивановичъ... Зачѣмъ вы это говорите?

— Знаю, что вы любите дочь, знаю что и она васъ любитъ, но, во всякомъ случаѣ, я считалъ необходимымъ сказать вамъ то, что сказалъ, Григорій Александровичъ... И вы не сердитесь... прошу васъ... Вы должны понять, что во мнѣ говоритъ отецъ...

— Намъ хватитъ, Николай Ивановичъ, моего жалованья, а въ случаѣ моей смерти—Инна Николаевна будетъ получать пенсію... Во всякомъ случаѣ, я позабочусь, чтобы Инна Николаевна не нуждалась... Роскоши я ей представить не могу, но...

— Я совершенно покоенъ за Инну, Григорій Александровичъ.

— Вы можете быть покойны.

И Никодимцевъ, какъ бы въ подтвержденіе, крѣпко пожалъ руку Козельскаго.

— Но вы поймете, Григорій Александровичъ, я не могъ не предупредить васъ... Ну, вотъ наши два слова и сказаны... А теперь прошу извинить меня .. Нужно ѣхать . Надѣюсь еще застать васъ здѣсь? И надѣюсь, что вы обѣдаете у насъ каждый день?

Никодимцевъ благодарилъ.

Они вмѣстѣ вернулись въ гостиную. Козельскій сдѣлалъ общій поклонъ и радостный уѣхалъ на свиданіе.

Нѣсколько времени Антонина Сергѣевна оставалась въ гостиной и затѣмъ, сославшись на нездоровье, ушла.

Женихъ и невѣста остались одни.

— Пойдемте лучше ко мнѣ, Григорій Александровичъ. Хотите?—предложила Инна.

— Пойдемте...

Когда они усѣлись рядомъ на маленькомъ диванѣ въ комнатѣ Инны, она спросила:

— Измучили васъ, бѣднаго?

— О, какая это пытка...

— Я видѣла и.., знаете ли что?

— Что?

— Любовалась вашимъ смущеніемъ...

Никодимцевъ покраснѣлъ.

Нѣсколько времени они болтали, но, вдругъ разговоръ оборвался.

Опьяненный близостью любимой женщины, Никодимцевъ не находилъ словъ и глядѣлъ на нее влюбленнымъ взглядомъ.

Примолкла и Инна.

— Я люблю васъ... я люблю тебя! — вдругъ вырвалось изъ груди Никодимцева.

И быстрымъ движеніемъ онъ привлекъ къ себѣ молодую женщину и прильнулъ къ ея губамъ.

Она отвѣчала горячими поцѣлуями.

— Милый!—шепнула она.

И Никодимцевъ снова цѣловалъ Инну съ безумной страстью цѣломудреннаго человѣка, впервые познавшаго настоящую любовь.

Послѣ чая Инна опять позвала Никодимцева къ себѣ въ комнату, и онъ просидѣлъ до двѣнадцати часовъ. Простившись съ невѣстой долгимъ поцѣлуемъ, онъ обѣщалъ завтра быть послѣ обѣда.

— А обѣдать?

— Не могу. Одного пріятеля звалъ... Ты его знаешь... Ордынцевъ.

— Немножко знаю... Онъ кажется мнѣ симпатичнымъ.

— Это порядочный человѣкъ и очень несчастный въ своей семейной жизни... Недавно онъ оставилъ свою семью...

— Слышала... И Ордынцева вездѣ бранитъ мужа за это...
— Не ей бы бранить... До завтра...
— До завтра...
— Такъ, любишь?
— Люблю, люблю, люблю!..

Еще прощальный поцѣлуй, и Никодимцевъ ушелъ, еще болѣе влюбленный.

Онъ возвращался домой, восторженный, благодарный, умиленный и счастливый, вспоминая Инну, ея голосъ, лицо, волосы, ея жгучіе поцѣлуи.

И какъ полна и хороша казалась ему жизнь. Какъ несчастны были люди, которые никогда не любили!

— Егоръ Иванычъ! Поздравьте... я женюсь!—объявилъ Никодимцевъ, возвратившись домой.

Егоръ Иванычъ поздравилъ и спросилъ:
— А скоро свадьба?
— Какъ вернемся...
— А на комъ изволите жениться?
— На прелестной женщинѣ, Егоръ Иванычъ.
— На вдовѣ, значитъ?
— Разводится...

Егоръ Ивановичъ поморщился.

И, помолчавъ, спросилъ:
— Насъ съ женой, значитъ, разсчитаете?
— Это почему?
— Новые порядки пойдутъ.
— Что вы, Егоръ Ивановичъ? Отчего новые порядки?
— Новое положеніе пойдетъ, ваше превосходительство.
— Никакого новаго положенія, какъ вы говорите!—весело говорилъ Никодимцевъ.—И вы, и Авдотья Петровна останетесь и, надѣюсь, будете такъ же ладить съ женой, какъ ладите со мной.
— Мы съ большимъ удовольствіемъ готовы по прежнему служить!—отвѣтилъ старый слуга.

Но въ душѣ онъ не вѣрилъ, что ему и женѣ придется остаться у Никодимцева при „новомъ положеніи“, и онъ уже былъ предубѣжденъ противъ женщины, нарушившей законъ, по его понятію, „законъ“, то есть выходившей замужъ при живомъ мужѣ.

„Точно не могъ другой найти!“—подумалъ Егоръ Ивановичъ, жалѣя Никодимцева за то, что онъ женится на такой „непутевой“ дамѣ.

— А какъ вы изволили уѣхать, курьеръ отъ графа пріѣзжалъ и въ восемь часовъ вечера опять пріѣзжалъ. Спрашивалъ, гдѣ можно васъ найти? А я развѣ могу знать, гдѣ вы находились весь день!—говорилъ не безъ тайнаго упрека и въ то же время

безпокойства Егоръ Ивановичъ.—Вотъ и письмо курьеръ оставилъ!—докладывалъ онъ и, взявши съ письменнаго стола отдѣльно на виду положенный конвертъ, подалъ Никодимцеву.

— Отъ этого вы и дожидались меня, Егоръ Иванычъ?.

— Точно такъ. Надо было доложить. Видно, экстра, если два раза курьера посылалъ.

Никодимцевъ вскрылъ конвертъ и прочиталъ записку, въ которой его высокопревосходительство просилъ Григорія Александровича побывать у него на квартирѣ сегодня между восемью и девятью часами вечера, по очень спѣшному дѣлу.

Прежде Никодимцевъ, получивъ такую записку, испыталъ бы нѣкоторое безпокойство, считалъ бы себя виноватымъ, что не могъ исполнить требованія начальника и дѣлалъ бы разныя предположенія о причинахъ такого экстреннаго приглашенія, а теперь онъ довольно равнодушно отнесся къ нему и рѣшилъ побывать у министра завтра утромъ.

— Ну идите спать, Егоръ Иванычъ!.. Никакой экстры нѣтъ!— весело проговорилъ Никодимцевъ.

— Спокойной ночи!

И съ этими словами Егоръ Ивановичъ ушелъ изъ кабинета, удивленный, что Никодимцевъ отнесся къ зову графа совсѣмъ не такъ, какъ относился прежде, и рѣшилъ, что онъ совсѣмъ „влюбимшись“ и, слѣдовательно, жена будетъ сама повелѣвать. А каково это—онъ зналъ по собственному опыту.

Глава двадцать третья.

Въ напечатанномъ на первой страницѣ воскреснаго нумера „Новаго Времени“ объявленіи о кончинѣ Бориса Александровича Горскаго, послѣдовавшей послѣ „краткой но тяжкой болѣзни“, панихиды были назначены два раза: днемъ въ часъ и вечеромъ— въ восемь.

За четверть часа до первой вечерней панихиды, покойникъ былъ переложенъ въ бѣлый глазетовый гробъ (по третьему разряду) какими-то довольно жалкаго вида, плохо одѣтыми и съ испитыми лицами людьми, отъ которыхъ разило водкой,—подъ наблюденіемъ „агента“ бюро похоронныхъ процессій, молодого человѣка въ приличномъ черномъ пальто и съ цилиндромъ въ изогнутой не безъ претензіи на изящество грязноватой рукѣ съ поддѣльнымъ брилліантомъ, съ бритымъ, веснущатымъ, веселымъ и плутоватымъ лицомъ, которое тотчасъ же приняло серьезно-торжественное выраженіе, какъ только агентъ увидалъ въ полутемной маленькой и холодной часовнѣ, освѣщенной лишь нѣсколькими восковыми свѣчами паникадила, да свѣчкой у большого, во

всю половину стѣны, образа Спасителя,—Леонтьеву, Ордынцева, Скурагина и трехъ артиллерійскихъ офицеровъ, товарищей покойнаго, напрасно старавшихся быть печальными. Хотя они и любили Горскаго и жалѣли его, но всѣ трое были такъ молоды, такъ жизнерадостны, что видъ покойнаго не мѣшалъ имъ, послѣ двухъ, трехъ минутъ воспоминаній о немъ, тихо и сдерживая изъ приличія веселость, говорить о журъ-фиксѣ у какой-то интересной барыни, куда они должны были ѣхать съ панихиды и разсказать, между прочимъ, о романической причинѣ смерти Горскаго.

Когда гробъ поставили на катафалкъ и лица, перекладывавшія покойника, вышли, не зная, къ кому изъ присутствовавшихъ обратиться съ просьбой на чай,—двѣ сестры милосердія, ухаживавшія во время болѣзни за Горскимъ, поднялись къ гробу и, перекрестившись, заботливо и старательно, съ безстрастно-покорными лицами занялись покойникомъ, чтобы устроить и его, и всю обстановку у гроба какъ можно лучше и порядливѣе.

Онѣ выравняли покровъ, расправили его кисти, вложили въ желто восковыя руки съ отросшими вялыми ногтями на плоскихъ пальцахъ почернѣвшихъ конечностей, небольшой образокъ, переданный имъ Леонтьевой, осторожно, съ какою-то особенной почтительностью, приподняли и положили на середину подушки сплюснутую у висковъ голову и, оглядѣвъ, все ли въ порядкѣ, хорошо ли лежитъ покойникъ, снова перекрестились и, сойдя съ возвышенія, безшумно отошли къ стѣнѣ, чтобы остаться на панихидѣ.

Тогда къ гробу поднялась Вѣра Александровна съ цвѣтами въ корзинкѣ и сдѣлала изъ чудныхъ розъ и ландышей рамку, среди которой утопала голова. Мужъ и Ордынцевъ подавали новыя корзины цвѣтовъ и Вѣра Александровна усыпала ими весь покровъ. Затѣмъ положила два вѣнка: одинъ отъ нея, другой—роскошный вѣнокъ, неизвѣстно кѣмъ присланный и нѣсколько раздражавшій Леонтьеву, вслѣдствіе чего она, вѣроятно, и поставила его у ногъ.

Часовня мало-по-малу наполнялась знакомыми покойнаго. Многіе изъ нихъ подходили къ Леонтьевой, жали ей руки и молча отходили къ стѣнѣ. Разговаривали совсѣмъ тихо. Только порой выдавался громкій голосъ одного изъ трехъ молодыхъ артиллеристовъ и, словно бы сконфуженный, внезапно понижался до шепота или смолкалъ.

Ужъ было десять минутъ девятаго, а батюшка не приходилъ.

Леонтьевъ обратился къ сестрамъ съ просьбой послать за нимъ сторожа часовни. Одна изъ сестеръ вызвалась сходить сама и, словно бы извиняясь за опоздавшаго священника, объяснила, что вѣрно что-нибудь важное задержало, если батюшка опоздалъ.

Въ эту минуту въ часовню вошла совсѣмъ молодая и миловидная дѣвушка, видомъ похожая на горничную, въ шляпкѣ, въ

ватномъ дешевенькомъ пальто и въ очень стареньких перчаткахъ. Въ рукахъ у нея былъ небольшой, но очень красивый вѣнокъ изъ живыхъ бѣлыхъ розъ и лилій.

Блѣдная, взволнованная и сконфуженная, съ красными отъ слезъ глазами, пала она ницъ передъ гробомъ и залилась слезами. Потомъ поднялась къ гробу, взглянула, перекрестившись, въ лицо покойника и съ воплемъ припала къ нему.

— Кто это?—спросилъ Ордынцевъ у Вѣры Александровны...— Вы знаете?

— Горничная меблированныхъ комнатъ, гдѣ въ прошломъ году жилъ Боря... Не думайте чего-нибудь Василій Николаичъ. Это была трогательная и безнадежная привязанность къ брату, которая потомъ настолько овладѣла бѣдной дѣвушкой, что братъ долженъ былъ перемѣнить квартиру... Вотъ эта простая, необразованная дѣвушка не чета той, изъ-за которой лежитъ бѣдный Боря!—прибавила вдругъ съ озлобленіемъ Леонтьева.

И, словно бы желая объяснить причину его, Вѣра Александровна прибавила:

— Я только часъ тому назадъ читала дневникъ Бори... Я вамъ дамъ его прочесть и вы увидите, что за развращенная, равнодушная ко всему и ко всѣмъ эта Козельская... Какіе ужасы описываетъ братъ!.. И что она съ нимъ дѣлала!.. И вотъ такія убійцы остаются безнаказанными... Онѣ еще, навѣрно, гордятся дѣломъ своихъ рукъ... Вѣдь изъ-за нея погибъ мужчина... Это, въ глазахъ еще многихъ, аттестатъ неотразимости...

Вѣра Александровна вытерла слезы и прерывающимся отъ озлобленія и горя шепотомъ продолжала:

— О, что за развращенная и злая эта дѣвушка, погубившая Борю!.. Тотъ боготворилъ ее, а она... Она каждый день ходила къ нему, чтобы отдаваться какъ животное... Получила свое и ушла... Ей становилось скучно... и она не скрывала этого... Вы понимаете, какъ все это дѣйствовало на брата?.. Какая гнусность!.. И въ то утро, когда онъ, влюбленный, окончательно потерявшій голову отъ ея ласкъ, потребовалъ рѣшительнаго отвѣта, выйдетъ ли она за него замужъ, она... расхохоталась... Она прямо сказала, что онъ для нея слишкомъ глупъ... Ея отношенія къ нему—одна физіологія и больше ничего... Не нравится ему это... что жъ?.. Она больше не придетъ... Она найдетъ менѣе сантиментальнаго любовника, который не будетъ ныть... А вѣдь вы знали Борю, Василій Николаичъ? Знали его восторженность?

Ордынцевъ кивнулъ головой.

— Черезъ полчаса послѣ этого объясненія Боря рѣшилъ покончить съ собой... И что за ужасъ разочарованія пережилъ онъ... Это говорятъ послѣднія строки дневника...

Вѣра Александровна смолкла и взглянула на лицо покойника.

Блѣдно-желтое, исхудалое, съ вытянувшимся заостреннымъ носомъ и почернѣвшими сжатыми губами, оно было полно выраженія величаваго спокойствія и какой-то таинственно-неразрѣшимой думы и, казалось, строго смотрѣло на сестру и словно бы осуждало ее за эти безпощадныя обвиненія.

И Вѣра Александровна точно слышала его голосъ, который говорилъ:

„Не мѣсто имъ здѣсь!"

И она зарыдала, чувствуя себя виноватой передъ покойникомъ, точно онъ въ самомъ дѣлѣ могъ слышать то, что она говорила.

Въ эту минуту вошли пѣвчіе и плотной кучкой стали въ сторонѣ. Чей-то низкій басъ откашливался.

Сестра милосердія, ходившая за батюшкой, вернулась и объяснила Леонтьеву, что батюшка сію минуту идетъ... Его задержали...

— Давно бы пора... Ужъ половина девятаго! — раздраженно замѣтилъ Леонтьевъ и прибавилъ:—Сколько надо ему заплатить... Скажите, пожалуйста, сестра?

— Онъ ничего не возьметъ. Онъ не сребролюбецъ...

— Однако?

— Онъ отслужитъ сегодня панихиду и извиняется, что завтра не можетъ... Онъ усталъ... Завтра вы попросите другого священника... приходскаго... и на сопровожденіе на кладбище тоже... Вотъ и батюшка.

Въ дверяхъ показался высокій, худощавый старикъ съ сѣдой жиденькой бородкой, въ фіолетовой рясѣ, въ сопровожденіи толстаго, лысаго пожилого дьячка, и, не глядя ни на кого, подошелъ къ аналою.

Наклонивъ слегка голову въ сторону, гдѣ стояла Вѣра Александровна, просившая его служить панихиду, и небольшая кучка ея знакомыхъ, онъ взглянулъ своими спокойными и благосклонными, старческими глазами на присутствующихъ, словно бы этимъ взглядомъ хотѣлъ опредѣлить общественное ихъ положеніе и степень религіозной воспріимчивости, не спѣша облачился въ траурную ризу и тихимъ, пріятнымъ и значительнымъ голосомъ началъ панихиду.

Зажженныя восковыя свѣчи освѣтили маленькую часовню. Лицо покойника выдѣлялось рельефнѣе среди цвѣтовъ и казалось еще строже и вдумчивѣе.

Среди тишины нѣсколько минутъ спустя послѣ начала панихиды, вошли Козельскіе—отецъ и Тина.

Они встали недалеко отъ дверей, у стѣны, по эту сторону гроба. „Агентъ" тотчасъ же подалъ имъ свѣчи.

Многіе изъ присутствующихъ обратили вниманіе на элегантно одѣтую въ короткой мѣховой жакеткѣ молодую дѣвушку съ закраснѣвшимся отъ мороза красивымъ личикомъ. Артиллеристы зашептались. Увидѣла ее и Леонтьева и, изумленная и негодующая, смотрѣла на Тину.

Высоко приподнявъ свою головку въ барашковой шапочкѣ, изъ-подъ которой выбивались золотистыя кудерьки, Тина глядѣла на покойника, и ни одна черточка ея лица не обнаруживала волненія, точно этотъ, еще недавно ей очень близкій человѣкъ, погибшій изъ-за нея, былъ обыкновенный знакомый, потеря котораго не причиняетъ горя.

Но на душѣ ея было жутко, и что то больное поднималось въ ней при видѣ разлагающагося трупа любовника еще такъ недавно красиваго, молодого, жизнерадостнаго, который осыпалъ ее страстными ласками.

И въ то-же время она не могла подавить чувство страха и брезгливости и скоро отвела свой взглядъ.

— Какая наглость! Взгляни, Козельскій здѣсь:—шепнула Вѣра Александровна мужу.

И Ордынцевъ увидалъ Козельскаго. Ихъ взгляды встрѣтились. И оба, сконфуженные, опустили глаза.

Тина замѣтила и негодующіе взгляды супруговъ Леонтьевыхъ, и недоумѣвающій, серьезный взглядъ студента Скурагина, и еще выше подняла свою голову, и на лицѣ ея появилось вызывающее, дерзкое выраженіе, точно бы дающее понять, что ей рѣшительно все равно, что о ней думаютъ всѣ эти господа.

Она выше этихъ обвиненій. Она не считаетъ себя виноватой въ смерти Горскаго.

Вольно же было ему стрѣляться? Развѣ она могла предполагать, что случится то, что случилось? Вѣдь она не разъ говорила Горскому, что не выйдетъ за него замужъ и что она отдается ему пока онъ ей нравится, какъ красивый мужчина, не придавая этой связи какого-нибудь обязательства ни съ его, ни съ ея стороны...

Она была правдива и откровенна съ нимъ, и онъ зналъ ея взгляды, долженъ былъ понять характеръ ея отношеній... Не гимназистъ же онъ?

Такъ разсуждала Тина еще сегодня утромъ, когда прочла въ газетѣ извѣстіе о смерти Бориса Александровича, и не чувствовала угрызеній совѣсти, успокоенная доводами ума, говорившаго ея себялюбивой, эгоистической натурѣ, что она не виновата въ томъ, что Горскій оказался такимъ малодушнымъ человѣкомъ.

И Тина безъ колебаній согласилась, когда отецъ, крайне недовольный печальной развязкой, предложилъ дочери ѣхать на панихиду вмѣстѣ съ нимъ.

— По крайней мѣрѣ, меньше будутъ трепать твое имя!— строго сказалъ онъ Тинѣ.

Онъ сердился на дочь, не столько возмущенный ея взглядами и поведеніемъ, о которомъ онъ догадывался уже изъ того, что она „бѣгала“ къ Горскому, сколько ея отношеніемъ къ нему, дерзкимъ и вызывающимъ, и боязнью, что имя его дочери будутъ „трепать“.

— Мнѣ это все равно! Вѣроятно и твое имя треплятъ, разсказывая о твоихъ похожденіяхъ, и ты, какъ умный человѣкъ, не обращаешь на это вниманія,—отвѣтила Тина.

— Мое имя не могутъ трепать! И тебѣ нѣтъ до моихъ похожденій никакого дѣла!—крикнулъ, вспылившій Козельскій, припомнившій, какъ вчера за обѣдомъ Тина нарочно допрашивала о ночныхъ засѣданіяхъ.

— Такое же, какъ и тебѣ...

— Я отецъ твой...

— А я твоя дочь!—насмѣшливо сказала она и вышла изъ кабинета, оставивъ отца въ безсильномъ гнѣвѣ.

И безъ того онъ былъ не въ духѣ, благодаря вчерашней встрѣчѣ съ Ордынцевымъ.

Тайна его связи съ Анной Павловной и тайна его убѣжища открыты. Придется устроить „гнѣздо“ въ новомъ мѣстѣ и взвалить себѣ на шею новые расходы, если Ордынцевъ окажется такимъ не джентльменомъ, что уменьшитъ или даже вовсе не будетъ давать Аннѣ Павловнѣ денегъ на содержаніе ея и дѣтей. Не менѣе безпокоила Ордынцева и мысль о томъ, что „святая женщина“ можетъ узнать объ этой связи, если Ордынцевъ станетъ разсказывать о томъ, что видѣлъ. Онъ жалѣлъ жену и не хотѣлъ доставлять ей лишняго горя. Ради этого онъ и старался, по возможности, тщательно скрывать отъ нея свои авантюры.

А тутъ еще эта дерзкая Тина! Нечего сказать, хороша дочь! Скорѣй бы выходила она замужъ!—снова пожелалъ Николай Ивановичъ, рѣшительно не понимавшій, отчего это она чурается брака, когда замужемъ ей несравненно удобнѣе выбрать любовника, который не станетъ стрѣляться... Гобзинъ былъ бы покладистымъ мужемъ. И отъ такого мужа и при томъ наслѣдника милліоновъ она отказывается! А теперь, если эта исторія самоубійства разнесется въ городѣ, благодаря репортерамъ, Гобзинъ, пожалуй, во второй разъ уже не сдѣлаетъ предложенія.

Встрѣча съ Ордынцевымъ на панихидѣ тоже не содѣйствовала хорошему настроенію Николая Ивановича.

„Положимъ, Ордынцевъ разошелся съ женой, — разсуждалъ Козельскій, внимательно и серьезно слушавшій молитвы, и по временамъ крестясь, когда другіе крестились: — и, слѣдовательно, не

имѣетъ ни малѣйшаго права требовать отъ своей жены супружеской вѣрности и быть въ претензіи на ея любовника, а все-таки лучше было бы съ нимъ не встрѣчаться или, по крайней мѣрѣ, не такъ скоро послѣ вчерашняго...

И Козельскій бранилъ въ душѣ и себя за то, что явился на панихиду, и Тину за то, что она смѣла говорить объ его похожденіяхъ, не выходитъ замужъ за Гобзина и ведетъ себя совсѣмъ неприлично, и покойника за то, что онъ етрѣлялся и лежитъ на столѣ,—давая случай репортерамъ сплести исторію, въ которой будетъ красоваться en toutes lettres имя его дочери.

И все это: и встрѣча съ Ордынцевымъ, и Тина, и покойникъ, и репортеры какъ-то соединялись въ его головѣ въ одно общее представленіе объ его разстроенныхъ дѣлахъ и о необходимости ихъ поправить и какъ можно скорѣй.

Пока Никодимцевъ врядъ ли можетъ сдѣлать для него многое—развѣ только дать приличное мѣсто. Разсчитывать же, при его содѣйствіи, провести какое-нибудь сомнительное предпріятіе, рискованно. Вотъ если бы другимъ зятемъ былъ Гобзинъ...

Раздалось полное тоски заунывное пѣніе „Со святыми упокой!" Многіе опустились на колѣни. Опустился и Николай Ивановичъ. Тина стояла.

Многіе плакали. Дѣвушка, принесшая маленькій букетъ, безутѣшно рыдала, напрасно стараясь сдержать свои рыданія и, стоя на колѣняхъ, припала головой къ полу.

Тина обратила вниманіе на эту маленькую фигурку дѣвушки, колѣнопреклоненной въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, и когда дѣвушка поднялась, и Тина увидала ея полное скорби, заплаканное, хорошенькое, хотя и вульгарное лицо, ревнивое чувство внезапно охватило Тину.

И она не безъ презрительнаго любопытства оглядѣла съ ногъ до головы дѣвушку и нашла, что у нея топорное лицо и что она скверно сложена.

„Хорошъ былъ, нечего сказать! Я и въ то же время эта... какая-то горничная или швея!" съ брезгливостью подумала Тина.

Поклонница физіологіи, она, разумѣется, не сомнѣвалась, что „эта" была такъ же близка съ Горскимъ, какъ и она.

„Всѣ эти влюбленные порядочные-таки свиньи!" рѣшила Тина, возмущенная и оскорбленная тѣмъ, что Горскій, увѣрявшій въ какой-то особенной любви, обманывалъ ее. И она питала теперь злобное чувство къ своему бывшему любовнику.

Какъ только-что пѣвчіе начали „Вѣчную память!", Козельскій рѣшилъ уѣхать, чтобъ не пришлось столкнуться съ Ордынцевымъ и раскланиваться съ нимъ.

— Ѣдемъ!—шепнулъ онъ Тинѣ.

Они вышли на дворъ больницы, гдѣ ихъ ожидала карета.

Оба всю дорогу молчали. Козельскій былъ пораженъ спокойствіемъ дочери во время панихиды. Хоть бы одна слезинка! А вѣдь бѣдный Горскій любилъ ее! И она кокетничала съ нимъ, отличала его между другими поклонниками и держала при себѣ для флирта.

„Безсердечная!“—подумалъ отецъ и, возмущенный, негодовалъ, что теперь „дѣти“ не похожи на „отцовъ“ и совсѣмъ не умѣютъ любить.

Они вернулись домой къ чаю и застали Никодимцева. Онъ съ утра былъ у невѣсты и обѣдалъ у Козельскихъ, такъ какъ Ордынцевъ извѣстилъ, что обѣдать у пріятеля не можетъ.

Когда Тина присѣла къ столу и мать и сестра не хотѣли разспрашивать ее о панихидѣ, чтобъ не взволновать ее, и приписывали ея спокойный видъ выдержкѣ и присутствію Никодимцева.

Но послѣ двухъ чашекъ чая, она сама начала разсказывать и между прочимъ не безъ насмѣшливаго подчеркиванія разсказала о томъ, какъ „какая-то горничная или швея, рыдала всю панихиду“.

Никодимцева коробило отъ этого тона. Онъ рѣшительно не могъ опредѣлить этой странной дѣвушки—такихъ онъ не встрѣчалъ. И чѣмъ болѣе онъ присматривался къ ней, тѣмъ она становилась ему несимпатичнѣе, хотя и была сестрой Инны.

— Не мудрено, что о Борисѣ Александровичѣ такъ плакали. Его всѣ любили. Онъ былъ такой славный, такой добрый! — замѣтила Антонина Сергѣевна, чтобъ смягчить разсказъ дочери.— Онъ у насъ часто бывалъ... Вы вѣрно помните его, Григорій Александровичъ, у насъ на вторникахъ?

— Какъ же, помню. Такое открытое, милое, жизнерадостное лицо. Ему жить бы да жить... Отъ какой болѣзни онъ умеръ?— обратился Никодимцевъ къ Антонинѣ Сергѣевнѣ.

— А не знаю... Тина! Отъ чего умеръ Борисъ Александровичъ?

— Отъ собственной неосторожности! — поспѣшилъ отвѣтить Козельскій. — Разряжалъ пистолетъ, и пуля попала въ легкое... Сдѣлалось воспаленіе и... бѣднаго молодого человѣка не стало. Ну, конечно, въ газетахъ появится какая-нибудь романическая сплетня по поводу этой смерти! Нельзя же не воспользоваться случаемъ!—прибавилъ Козельскій.

„Неужели отецъ не знаетъ причины этого выстрѣла? Или онъ лжетъ для Григорія Александровича?“ подумала Инна и рѣшила разсказать ему всю правду, чтобы онъ не думалъ, что она отъ него скрываетъ что-нибудь.

И когда послѣ чая они ушли въ ея комнату, она объяснила Никодимцеву, что бѣдный Горскій стрѣлялся изъ-за безнадежной любви къ сестрѣ.

Никодимцевъ былъ пораженъ.

— Тебя удивляетъ ея спокойствіе?—спросила Инна.

— Да...

— Она очень сдержанная и... и не любила его...

— Однако, сколько я могъ замѣтить, кокетничала съ нимъ?

— Къ сожалѣнію, ты правъ...

— И даже очень?

Инна махнула утвердительно головой.

— Бѣдняга Горскій!—проговорилъ Никодимцевъ и послѣ паузы вдругъ громко прибавилъ:—Я понимаю его!

Инна взглянула на Никодимцева съ какимъ-то страхомъ.

— Вѣдь нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ разочароваться въ любимомъ человѣкѣ. Не правда ли, Инна?

— Да!—проронила молодая женщина.

— А Горскій вѣрно думалъ, что твоя сестра тоже любитъ его. По крайней мѣрѣ могъ думать?

— Могъ! Сестра легкомысленно съ нимъ поступала!

— Легкомысленно... это не то слово. Она поступила—ты извини меня—безжалостно, вводя въ заблужденіе человѣка... А въ молодости всѣ впечатлѣнія острѣе, и Горскій не перенесъ разочарованія. Онъ вѣрно самъ былъ правдивый человѣкъ и вѣрилъ въ правдивость другихъ... И ему показалось, что жить не стоитъ... не къ чему. Конечно этотъ выстрѣлъ былъ порывомъ отчаянія, еслибъ у него были какія-нибудь серьезные интересы въ жизни, или еслибъ онъ пережилъ первый моментъ, этого выстрѣла не было бы. Странная дѣвушка, твоя сестра Инна. И какое у нея спокойствіе! Какъ ты непохожа на нея!—порывисто вдругъ прибавилъ Никодимцевъ.

Глава двадцать четвертая.

Утромъ Никодимцевъ не засталъ дома графа, требовавшаго его наканунѣ по спѣшному дѣлу. Швейцаръ доложилъ, что его сіятельство съ ночнымъ поѣздомъ уѣхалъ на охоту и вернется только къ вечеру.

Пришлось ѣхать на слѣдующее утро.

Патронъ Никодимцева, графъ Волховской, высокій, сухощавый старикъ съ небольшой темной бородой, и въ темносиней, хорошо сшитой парѣ, сидѣлъ за письменнымъ столомъ въ своемъ большомъ кабинетѣ, и длиннымъ краснымъ карандашемъ дѣлалъ помѣтки на какой-то объемистой запискѣ, когда представительный камердинеръ съ холеными черными бакенбардами, и съ крупной бирюзой на мизинцѣ, безшумно ступая мягкими башмаками, приблизился къ столу и доложилъ:

— Тайный совѣтникъ Никодимцевъ!

— Просите!—отвѣтилъ графъ.

И, отложивъ въ сторону записку, онъ принялъ тотъ свой любезно-привѣтливый видъ, которымъ умѣлъ очаровывать подчиненныхъ и просителей.

— А гдѣ это вы нынче пропадаете, Григорій Александровичъ?—проговорилъ онъ шутливымъ тономъ, чуть-чуть привставая съ кресла и протягивая Никодимцеву красивую руку съ твердыми, хорошо отточенными ногтями и щуря маленькіе и острые сѣрые глаза, глубоко засѣвшія въ глазныхъ впадинахъ подъ густыми нависшими бровями.—Третьяго дня я два раза за вами посылалъ и васъ цѣлый день не было дома. Такой домосѣдъ и...

И графъ, не докончивъ рѣчи, любезно улыбнулся и крѣпко пожавши Никодимцеву руку, указалъ на кресло, и затѣмъ продолжалъ:

— А я, Григорій Александровичъ, торопился сообщить вамъ пріятную вѣсть... Поэтому и посылалъ за вами... Вы конечно догадываетесь въ чемъ дѣло?

— Нѣтъ, графъ.

— А я думалъ, что догадываетесь... Дѣло въ томъ, что Прокудинъ получитъ другое назначеніе и постъ товарища министра будетъ вакантнымъ мѣсяца черезъ два, три, какъ разъ къ тому времени, когда вы вернетесь, вѣроятно, изъ той не особенно пріятной командировки, въ которой я менѣе повиненъ, чѣмъ вы думаете... я полагаю, вамъ она не очень нравится?

— Отчего же?.. Порученіе очень почетное.

— Разумѣется почетное, но въ то же время и очень отвѣтственное, требующее большой осторожности въ заключеніяхъ и выводахъ... Газеты преувеличиваютъ... У насъ вѣдь любятъ представлять все въ болѣе мрачныхъ краскахъ и, такимъ образомъ, совершенно напрасно пугать общество... Ну да вы вѣдь сами увидите на мѣстѣ, такъ ли страшенъ чортъ, какъ его малюютъ, и, разумѣется, ваши выводы будутъ вполнѣ соотвѣтствовать дѣйствительному положенію. Я не сомнѣваюсь въ вашемъ умѣ и тактѣ! — подчеркнулъ графъ... Однако мы уклонились... Я не о командировкѣ хотѣлъ съ вами говорить, Григорій Александровичъ, я хотѣлъ узнать: согласились ли бы вы занять постъ товарища въ другомъ министерствѣ?.. Я съ своей стороны охотно окажу свое содѣйствіе и почти увѣренъ, что васъ назначатъ.

— Очень благодаренъ, графъ, за ваше доброе содѣйствіе, но я предпочелъ бы остаться на своемъ мѣстѣ.

— Вы отказываетесь, Григорій Александровичъ?

И маленькіе глаза графа изумленно, и, въ то же время, словно бы недовѣрчиво взглянули на Никодимцева.

Самъ честолюбецъ, любящій свою призрачную власть и ради нея готовый поступиться многимъ, человѣкъ имѣющій громадное

состояніе и, слѣдовательно, не заинтересованный жалованьемъ, онъ никакъ не могъ понять, чтобы возможно было отказаться отъ блестящаго положенія.

— Отказываюсь.

— Рѣшительно?

— Рѣшительно.

— Странный вы человѣкъ, Григорій Александровичъ... Очень странный... А я, признаться, думалъ, что обрадую васъ... Такой постъ... и впереди возможность еще болѣе высокаго поста, на что вы при вашихъ выдающихся способностяхъ, конечно имѣли бы полное основаніе надѣяться... И вы отказываетесь?.. Или вы думаете, что не уживетесь со своимъ министромъ?..

— Я этого не думаю...

— Работы вы не боитесь и умѣете работать...

— Работа меня не пугаетъ...

— Или служба въ другомъ вѣдомствѣ вамъ не нравится?

— Всѣ службы болѣе или менѣе одинаковы...

— Такъ въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ спросить, почему?

— Я не честолюбивъ, графъ! — уклончиво отвѣтилъ Никодимцевъ.

— Будто? И, пожалуй, вѣнцомъ своей карьеры считаете тихое пристанище въ Сенатѣ? — съ сожалѣніемъ проговорилъ старикъ.

— На большее я и не разсчитываю...

— А васъ развѣ не манитъ сознаніе той государственной пользы, которую вы можете принести, принимая близкое участіе въ государственномъ управленіи?

— Оттого и не манитъ, что я мало вѣрю въ возможность приносить эту пользу.

Старикъ почти испуганно посмотрѣлъ на Никодимцева.

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло? — протянулъ онъ... Въ такомъ случаѣ вы конечно правы, Григорій Александровичъ... Нельзя служить дѣлу, которому не вѣришь...

„Ты-то вѣришь"?—подумалъ Никодимцевъ и сказалъ:

— И главное трудно, графъ, утѣшать себя иллюзіями...

— Иногда это необходимо... повѣрьте старику!—значительно проговорилъ графъ... Ну я васъ больше не задерживаю... У васъ вѣдь еще много хлопотъ съ этой командировкой... Счастливаго пути, дорогой Григорій Александровичъ и дай Богъ, чтобы вамъ не пришлось долго засиживаться... Чѣмъ скорѣе вернетесь, тѣмъ я буду спокойнѣе за вашъ департаментъ!—любезно прибавилъ графъ.

И, казалось, еще съ большею привѣтливостью пожалъ Никодимцеву руку.

К. Станюковичъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ВОСКРЕСЕНІЕ.

Веселый вѣтеръ дулъ и свѣтлый день сіялъ.
Сине и молодо надъ нами небо млѣло,
И, точно по морю за валомъ бѣлый валъ,
Неслися облака, ликующе и смѣло.

Разымчивъ воздухъ былъ и мягокъ, и пахучъ,
И слышала щека его прикосновенье;
Въ немъ весь изнемогалъ и таялъ каждый лучъ
И каждый звукъ имѣлъ особое значенье.

Мы шли рука съ рукой, куда глаза глядятъ.
Порой казалось мнѣ, что оба мы съ крылами.
Я обнималъ твой станъ. Мой взглядъ встрѣчалъ твой взглядъ
И открывалось то, что не сказать словами.

И шли мы, шли впередъ. А даль была свѣтла.
Какой-то благовѣстъ отвсюду плылъ волнами.
Казалось, что въ груди звучатъ колокола,
Колокола вокругъ и въ небѣ, и надъ нами...

Мы шли рука съ рукой, и все дивило насъ,
Все радовало такъ и дѣтски веселило,
Какъ будто мы весну встрѣчали въ первый разъ,
Какъ будто въ первый разъ намъ солнце такъ свѣтило!

А. Ѳедоровъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Два поколѣнія» г. Головина.—Маленькій литературный формуляръ г. Головина-Орловскаго.—Его ультро-дворянскія тенденціи прежде и теперь.—«Оскудѣніе», «Потревоженныя тѣни», С. Терпигорева (Атавы).—Широкая картина гибели цѣлаго класса, нарисованная Терпигоревымъ.—Можно ли и стоитъ ли жалѣть о немъ.—Отвѣтъ «потревоженныхъ тѣней» на этотъ вопросъ.—Изъ замѣтокъ о голодѣ 1892 г. Л. Л. Толстого.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ на чистенькихъ и корректно-прилизанныхъ страницахъ «Вѣстника Европы» появился новый беллетристъ г. Головинъ и съ тѣхъ поръ подвизается здѣсь въ качествѣ присяжнаго поставщика беллетристическаго матеріала, къ нѣкоторому соблазну журнальнаго читателя, который никакъ не можетъ понять salto-mortale, выкинутое г. Головинымъ. Этотъ нынѣ маститый беллетристъ стяжалъ себѣ незавидные лавры еще на страницахъ «Русскаго Вѣстника», гдѣ долго и многотрудно подвизался подъ именемъ Орловскаго, ежегодно поставляя въ этотъ органъ по роману. Такое совмѣщеніе въ одномъ лицѣ двухъ направленій, работа такъ сказать на двухъ полюсахъ русской журналистики представляется до извѣстной степени фактомъ знаменательнымъ и достойнымъ вниманія. Когда г. Головинъ былъ самимъ собой, тогда-ли, когда казнилъ нигилистовъ на страницахъ «Русскаго Вѣстника», или теперь, поддѣлываясь подъ вкусы чопорной публики «Вѣстника Европы»,—это, положимъ, вопросъ мало интересный. Тѣмъ болѣе, что въ обѣихъ своихъ ипостасяхъ г. Головинъ равно скученъ и бездаренъ. Въ этомъ онъ проявляетъ неизмѣнное постоянство, какъ и въ выборѣ темы. Но самый фактъ бѣгства изъ реакціоннаго лагеря такого виднаго столпа кое-что освѣщаетъ.

Излюбленной темой г. Головина является настроеніе молодого поколѣнія. Еще въ то недалекое время, когда онъ былъ однимъ изъ столповъ «Русскаго Вѣстника», онъ постоянно вращался въ сферѣ вопросовъ о современной молодежи, только, конечно, трактовалъ ихъ примѣнительно къ мѣсту, гдѣ помѣщались плоды его высокихъ думъ. Начиная съ конца 70-тыхъ годовъ и вплоть до поступленія въ ряды сотрудниковъ либеральнаго журнала, г. Головинъ неустанно и бодро искоренялъ нигилизмъ и воспѣвалъ представителей бѣлой кости и синей крови. Всѣ его романы были построены по одному и тому же, строго выдержанному плану, одобренному и выработанному по рецептамъ Каткова и Маркевича. Въ центрѣ романа стояла героиня, идеальнѣйшее и превосходнѣйшее существо, красоты неописуемой и добродѣтели невообразимой, непремѣнно княжна, непремѣнно изъ Гедеминовичей или Рюриковичей, и при томъ столь же непремѣнно съ огромнымъ, неисчислимымъ богатствомъ,—словомъ, нѣкій кладъ, достойный преклоненія и вожделѣнія. Съ одной стороны къ ней подъѣзжаетъ нигилистъ, «исчадіе тьмы», великій мерзавецъ и нахальнѣйшій прохвостъ. Но съ другой—княжну оберегаетъ не менѣе ея великолѣпный потомокъ чистой крови, который неустанно слѣдитъ за нигилистомъ, раз-

страиваетъ его ходы и въ необходимыя минуты выступаетъ на сцену, какъ deus ex machina. Нигилистъ, несмотря на всю добродѣтель героини, успѣваетъ ее улестить и обойти до того, что вотъ-вотъ героиня готова совершить поступокъ, послѣ котораго на мѣстѣ ея добродѣтели осталось бы только многоточіе. Но тутъ вмѣшивается, обыкновенно авторъ, ревниво оберегающій честь героини, и съ его помощью потомокъ чистой крови посрамляетъ нигилиста и всегда съ помощью ногайки, которая играла тогда у г. Головина роль немаловажную и внушительную. Все благополучно кончается и авторъ, какъ Аѳанасій Ивановичъ, потираетъ руки и добродушно увѣряетъ, что онъ только хотѣлъ попугать читателя. И тянулъ эту канитель г. Головинъ изъ году въ годъ, тщетно пытаясь превзойти Болеслава Маркевича, которому онъ тогда подражалъ, какъ своему недосягаемому образцу.

Теперь г. Головинъ столь же тщетно подражаетъ г. Боборыкину, пытаясь воспроизвести въ своихъ повѣстяхъ непремѣнно самоновѣйшее теченіе въ той же молодежи, которую онъ нынѣ изучаетъ съ точки зрѣнія, конечно, «Вѣстника Европы». О нигилистахъ и добродѣтельныхъ лордахъ уже нѣтъ рѣчи. Представителями самоновѣйшей молодежи выступаютъ во «Второмъ поколѣніи» два потомка—одинъ разбогатѣвшаго всякими правдами и неправдами бывшаго кулака, другой—разореннаго этимъ кулакомъ помѣщика. По волѣ автора, потомки мѣняются ролями. Сынъ кулака становится идеалистомъ, котораго влечетъ все благородное и высокое, а сынъ помѣщика—кулакомъ, который спитъ и видитъ, какъ бы всѣми тоже правдами и неправдами сколотить капиталецъ и зажить богачомъ. Оба пока студенты, но каждый съ постоянствомъ, достойнымъ изумленія, проявляетъ свой характеръ. Сынъ кулака возмущается отцомъ, въ глаза говоритъ ему горькія истины о неправо стяжанномъ имуществѣ, гремитъ и требуетъ, чтобы тотъ вернулъ его тому, у кого похитилъ. А сынъ разореннаго, напротивъ, одобряетъ разорителя и готовъ ему посодѣйствовать въ дальнѣйшихъ успѣхахъ жизни, чтобы при его помощи и самому зашибить копѣйку. Онъ проповѣдуетъ этику личныхъ наслажденій и высмѣиваетъ ученіе объ общественныхъ обязанностяхъ.

Словомъ, г. Головинъ перерядилъ лорда въ нигилиста, и затѣмъ все остальное оставилъ по-старому. Съ такимъ же успѣхомъ, какъ и прежде, онъ расписываетъ яко бы молодежь, ея разговоры, любовныя увлеченія и проч. Также, какъ и прежде, все это темно и вяло, скучно и неумно, съ тою, конечно, разницей, что самъ авторъ изъ силъ лѣзетъ вонъ, чтобы засвидѣтельствовать свой новоиспеченный либерализмъ. Мы бы отъ души готовы были его поздравить, если бы съ перемѣной взглядовъ онъ обновилъ и свою бездарность на каплю таланта. А то, какія ни дѣлаетъ авторъ chasser-croiser съ своими героями, они постарому мертвы и отъ нихъ несетъ мертвымъ духомъ.

Никто ему не повѣритъ, будто современная молодежь признаетъ, что прежде было больше внутренней свободы въ молодомъ поколѣніи, чѣмъ теперь, какъ разсуждаетъ у него нѣкій студентъ, по роли скептикъ. «Да,—говоритъ онъ, — поколѣніе отца (шестидесятые годы) было счастливѣе. Наружной свободы было, пожалуй, меньше теперешняго. За то внутренняя, настоящая свобода была нетронута. Крупныхъ самостоятельныхъ людей насчитывалось какихъ-нибудь два-три десятка, да были они, по крайней мѣрѣ, настоящими людьми. Не давилъ ихъ этотъ проклятый шаблонъ общества, и посмотрѣли бы, какъ сохранили свою личность неприкосновенной тѣ изъ нихъ, которые уцѣлѣли до сихъ поръ». Во всемъ виновата та «наша темная цивилизація», которая «своимъ огромнымъ маховымъ колесомъ всякаго изъ насъ захватываетъ и передѣлываетъ по своему. А кто пытается отъ этого колеса ускользнуть, того она давитъ на пути и немилосердно обращаетъ въ сыпучую муку. Какъ ни старайся, а личности своей не отстоишь. Припишись непремѣнно куда-нибудь,

закабали себя и не смѣй выходить изъ рядовъ до самой смерти, и стушуйся такъ, чтобы ничѣмъ тебя не отличить отъ прочихъ. По настоящему, ты не человѣкъ, а муравей, которому вѣчно надо дѣлать такъ, какъ дѣлаютъ прочіе». И авторъ вполнѣ сочувствуетъ такой рѣчи, не замѣчая, какой стариной несетъ отъ нея, стариной, чуждой всецѣло именно молодому поколѣнію, которое меньше всего можетъ признавать рабское подчиненіе свое чему бы то ни было. Такія рѣчи во время оно слышались отъ господъ Фетовъ, вѣчно жалобившихся на рабскій духъ цивилизаціи, стѣсняющій внутреннюю свободу. Ту же пѣсню поютъ гг. Тихомировы и Розановы, которые истинную свободу видятъ въ среднихъ вѣкахъ, когда жгли тѣла еретиковъ, но не могли повліять на ихъ свободу духу. Старая закваска «Русскаго Вѣстника», видно, не такъ-то легко выдыхается.

Это бы еще не бѣда. Люди, понятно, не перерождаются сразу, особенно въ возрастѣ г. Головина. Но вотъ бѣда, когда они берутся за дѣло имъ не по силамъ. Чтобы говорить о молодомъ поколѣніи, тѣмъ болѣе отъ его имени, надо имѣть молодую душу, не загрязненную цѣлыми томами пасквильныхъ романовъ, когда-то написанныхъ нарочно противъ молодежи. Тутъ уже никакое перерожденіе не мыслимо, и никакое сотрудничество даже въ самыхъ либеральныхъ журналахъ не поможетъ, какъ не помогаетъ оно и г. Головину, «Второе поколѣніе» котораго вноситъ нѣкоторый диссонансъ въ журналъ, гдѣ печатается. И не безталанность его виновата въ этомъ, а именно неспособность автора проникнуть въ строй мысли молодежи. Когда онъ прежде клеветалъ на нее, разнося разныхъ нигилистовъ, это было смѣшно. Но когда онъ желаетъ, по его мнѣнію, правдиво и съ симпатіей описывать ее, то получается неумная и аляпаватая каррикатура. Сочинительство бьетъ въ глаза на каждомъ шагу, когда герои заводятъ разговоры о принципахъ, разговоры, которыхъ самъ г. Головинъ никогда не слышалъ. Иначе его нигилистъ, потомокъ разореннаго кулакомъ помѣщика, не могъ бы такъ рекомендовать себя при первомъ же знакомствѣ съ этимъ кулакомъ. «Поймите меня хорошенько,— спѣшитъ заявить новый нигилистъ г. Головина,—прошлое шевелятъ одни глупые люди. А мы съ вами не изъ ихъ числа. Я васъ уважаю, какъ человѣка, съумѣвшаго природнымъ умомъ нажить крупное состояніе. Да и я тоже изъ тѣхъ, у кого нѣтъ предразсудковъ и кто твердо рѣшился не зѣвать и не бить баклуши». Такой откровенно наглый цинизмъ внушаетъ большое сомнѣніе и недовѣріе—не къ юному глашатаю такихъ истинъ, а прежде всего къ автору. Гдѣ онъ слышалъ такіе разговоры и съ кого онъ пишетъ свои портреты? Совершенно таковы же были и его нигилисты 70 ыхъ годовъ, ѣвшіе сальныя свѣчи и кравшіе носовые платки къ великой потѣхѣ читателей катковскаго органа. Для этой неприхотливой публики и это было хорошо, но неужели такъ оскудѣла наша беллетристика, что подобную суздальскую мазню воскрешаетъ на своихъ страницахъ столь почтенный журналъ?

Намъ больше нравился г. Головинъ, когда онъ въ качествѣ г. Орловскаго извращалъ типы молодежи 70-ыхъ годовъ. Дурно ли, хорошо ли онъ поступилъ, вопросъ посторонній,—но для всякаго было ясно, съ какою цѣлью это дѣлается. и такъ каждый и относился къ его писаніямъ. Теперь не то. Читатель все же хранитъ нѣкоторыя традиціи, даже упорнѣе, чѣмъ принято думать, и появленіе такихъ вещей, какъ «Второе поколѣніе», съ такимъ сенсаціоннымъ заглавіемъ и неотвѣчающимъ ему содержаніемъ, вызываетъ смуту, которая ничего не уясняетъ и многое путаетъ. Кромѣ нигилиста на новый ладъ въ повѣсти выступаютъ и другіе яко бы представители молодежи, которые также далеки отъ жизни, какъ и нигилистъ. Авторъ кое-что слышалъ о новыхъ ученіяхъ о красотѣ и объ увлеченіи ими молодежью, но не понялъ ничего и ходитъ вокругъ да около. Такъ скептикъ - студентъ выступаетъ по-

клонникомъ красоты и оспариваетъ старика-отца, который указываетъ на необходимость любви въ общественной жизни, приписывая энергію своего поколѣнія именно любви. «Дѣла,—говоритъ отецъ,—теперь сколько угодно, только никто изъ теперешней молодежи этого дѣла хорошенько не любитъ, какъ мы свое любили. Или вы думаете, безъ этой любви удалось бы намъ тридцать пять лѣтъ назадъ уставныя грамоты вводить и «порвать цѣпь великую» такъ, чтобы не слишкомъ больно пришлось ни мужику, ни барину? Оглянитесь теперь кругомъ: и мужикъ свободенъ давно, и желѣзныхъ дорогъ настроили, и банки завели, и хозяйство знаемъ, и разбогатѣли мы страшно—за миллья̀рдъ бюджетъ перевалилъ, а все трещитъ по швамъ. У свободнаго мужика послѣднюю коровенку продаютъ, а баринъ закладываетъ да закладываетъ по сходной цѣнѣ свою земельку»... И все это оттого, что современное поколѣніе любви не имѣетъ. На эту рѣчь представитель молодого поколѣнія ничего не имѣетъ сказать, кромѣ глупой фразы, что остается «красота», которая «насъ къ вѣрѣ приведетъ». Очевидно, авторъ далекъ отъ общенія съ молодежью и отъ пониманія ея настроенія. Второе поколѣніе, дѣйствительно, не очень-то вѣритъ въ чудодѣйственную силу любви и меньше всего склонно думать, что любовь орудовала въ крестьянской реформѣ. Эту старую, хотя и трогательную басню оно замѣнило знаніемъ исторической дѣйствительности и на рѣчи забывчиваго сладкопѣвца могло бы отвѣтить указаніемъ на *необходимость*, приведшую къ разрыву великой цѣпи. На упрекъ въ недостаткѣ вѣры въ любовь оно могло бы отвѣтить очень точнымъ и строгимъ символомъ вѣры въ *законы* этой необходимости, которыя это поколѣніе усердно изучаетъ и умѣло прилагаетъ къ текущей жизни, гдѣ оріентируется и находитъ себѣ мѣсто много лучше старыхъ идеалистовъ. Послѣдніе всегда стремились къ добру, но результаты получали обратные именно потому, что слишкомъ удалялись отъ жизни и на все смотрѣли изъ прекраснаго далека своихъ идеаловъ.

И многое другое могло бы отвѣтить это второе поколѣніе, но отнюдь не то поколѣніе, которое мерещится г. Головину. Онъ думаетъ, что, выйдя изъ «Русскаго Вѣстника», довольно только перевернуть на изнанку свои старыя писанія и либеральная повѣсть готова. Прежде онъ окачивалъ помоями шестидесятые года и ихъ представителей. Теперь превозноситъ поколѣніе этой эпохи и указываетъ на него, какъ на идеалъ, не понимая, что время идетъ впередъ и выставляетъ иныя требованія, которымъ уже не удовлетворяютъ ни идеалы шестидесятыхъ годовъ, ни тогдашнее міросозерцаніе. Чтобы какой-нибудь скоропалительный зоилъ не вздумалъ обвинить насъ въ непочтительномъ отношеніи къ эпохѣ великихъ реформъ и ея доблестнымъ дѣятелямъ, необходимо оговориться, что одно дѣло уваженіе къ эпохѣ, а другое—признаніе за нашимъ временемъ самостоятельности какъ въ выработкѣ идеаловъ, такъ и въ средствахъ борьбы за нихъ. Было бы дико и нелѣпо, если бы сорокъ лѣтъ, прошедшихъ съ того времени, ничего не дали и ничему новому не научили. Это не отказъ отъ наслѣдства, а вполнѣ законное пользованіе имъ, какъ средствомъ для дальнѣйшей эволюціи.

Такая именно эволюція и совершается во второмъ поколѣніи, чего ни понять, ни изобразить не могъ, конечно, г. Головинъ! Въ какую бы шкуру онъ ни нарядился, ему не свергнуть съ себя того древляго человѣка, какимъ онъ выступалъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Знаменателенъ фактъ его бѣгства изъ реакціонной печати въ передовую, и въ ряду другихъ подобныхъ же фактовъ онъ указываетъ на полное обнищаніе этой печати, что стоитъ тоже въ связи съ важнымъ фактомъ. Реакціонная печать всегда являлась выразительницей того класса, который съ момента крестьянской реформы потерялъ экономическій базисъ и съ тѣхъ поръ быстрыми и неудержимыми шагами шелъ къ окончательному оскудѣнію. Вмѣстѣ съ нимъ оскудѣвала и нищала реакціонная пе-

чать, откуда постепенно бѣгутъ виднѣйшіе ея сотрудники, подчасъ безъ долгихъ размышленій, безъ думы роковой выворачивая свою душу на изнанку, какъ, напр., г. Головинъ-Орловскій.

Широкую, яркую и краснорѣчивую картину поразительно быстраго оскудѣнія помѣщичьяго сословія даетъ С. Н. Терпигоревъ, котораго «Оскудѣніе» и «Потревоженныя тѣни» недавно вышли отдѣльнымъ изданіемъ. Хотя рѣчь здѣсь идетъ о дѣлахъ давно минувшихъ дней, но появленіе этихъ произведеній теперь вполнѣ своевременно. Они не только не утратили свѣжести и интереса, но скорѣе напротивъ—именно для нашего времени они убѣдительны и важны, чтобы напомнить, «откуда есть пошла» современная нищета и полный упадокъ нѣкогда господствовавшаго сословія. Вовсе не надо быть заядлымъ марксистомъ, чтобы увидѣть и вполнѣ оцѣнить все значеніе экономическаго фактора, игравшаго въ жизни нашего помѣщичьяго класса настолько доминирующую и направляющую роль, что къ нему, этому презрѣнному въ глазахъ многихъ фактору, сводится въ концѣ-концовъ все.

И до Терпигорева много было писано объ упадкѣ помѣщика, но въ его произведеніяхъ отдѣльныя черты этого паденія, экономическаго и духовнаго, собраны во едино, сконцентрированы и освѣщены настолько ярко и полно, что послѣ него не осталось ничего для дополненія картины. Терпигоревъ явился въ нѣкоторомъ родѣ провиденціальнымъ человѣкомъ, которому суждено было возсоздать трагикомическую эпопею гибели своего сословія. Самъ помѣщикъ, изъ рода въ родъ сжившійся съ цѣлымъ обособленнымъ міркомъ русскаго дворянства нашихъ центральныхъ губерній, гдѣ крѣпостное право особенно было живо, развито до тонкости и до капли использовано помѣщиками,—онъ въ молодые годы, когда душа такъ впечатлительна и воспріимчива, превосходно изучилъ бытъ этой среды, ея нравы, потребности, стремленія, идеалы и умственные запросы. Только Щедринъ не уступаетъ ему въ знаніи помѣщика и крѣпостного права, но у Щедрина помѣщикъ занимаетъ только опредѣленный уголъ въ его творчествѣ, почему и не выступаетъ такъ выпукло. Его «Ташкентцы», напримѣръ,—это герои государственной эпопеи, на которой преимущественно сосредоточено вниманіе и автора, и читателя. У Терпигорева мы видимъ *только помѣщика*, слѣдимъ за его борьбой съ новыми условіями и изучаемъ всю духовную нищету этого класса, постепенно падающаго до послѣдней степени моральнаго оскудѣнія. Картина упадка развертывается быстро, герои стремительно летятъ со ступеньки на ступеньку, и, присутствуя при этой жалкой и жалостной гибели цѣлаго сословія, читатель чувствуетъ, что это—правда, что именно такъ и должно было быть, если даже и допустить, что авторъ мѣстами одностороненъ и сгущаетъ краски. Не всѣ, конечно, падали такъ низко, какъ иные изъ героевъ оскудѣнія, продававшіе свои имена кокоткамъ или служившіе сводниками и прихвостнями у темныхъ биржевыхъ воротилъ. Были, безъ сомнѣнія, и такіе, которые примѣнились къ новымъ условіямъ жизни и заняли въ ней мѣсто полезныхъ работниковъ въ земствѣ, напр. Но не исключенія въ ту или иную сторону опредѣляютъ значеніе цѣлаго класса, а средній уровень массы, что и съумѣлъ представить Терпигоревъ выпукло и убѣдительно.

Какъ несомнѣнный художникъ, Терпигоревъ вездѣ сохраняетъ тонъ безстрастнаго бытописателя, съ юморомъ разсказывающаго о безпомощности и безсиліи, которыя проявили помѣщики, когда реформа рѣзко измѣнила условія ихъ матеріальнаго быта. Юморъ его, правда, не безобиденъ и нерѣдко переходитъ въ ѣдкій сарказмъ, но это зависитъ не отъ художника, а отъ качества матеріала, надъ которымъ ему пришлось оперировать. Столько здѣсь накопилось зла, столько неправды, столько удручающей душу пошлости, что и у самаго незлобиваго поэта должно было вырваться слово осужденія и справедли-

ваго гнѣва. Достоинство, однако, Терпигорева въ томъ и заключается, что никогда этотъ гнѣвъ не овладѣваетъ имъ. Онъ помнитъ, что отнынѣ это—побѣжденные, потерявшіе власть и силу, теперь уже гибнущіе и навсегда осужденные. Онъ не проклинаетъ, не призываетъ на головы ихъ новыхъ каръ,—онъ только зло подчасъ смѣется, когда его герои ужъ слишкомъ обнажаютъ всю бездонность своей нищеты духа и пошлости. Юморъ остается вездѣ преобладающей чертой въ его разсказѣ, и отъ этого выигрываетъ жизненность и правдивость повѣсти о томъ, какъ помѣстное дворянство шагъ за шагомъ теряло экономическую позицію и вмѣстѣ съ нею значеніе въ общественной жизни.

Несравненно слабѣе Терпигоревъ, какъ публицистъ. «Я убѣжденъ, что скажу безусловную истину, — такъ начинаетъ свое повѣствованіе Терпигоревъ,—утверждая, что помѣщики разорились и продолжаютъ разоряться потому только, что никогда не дѣлали того, что̀ имъ слѣдовало и слѣдуетъ дѣлать. Мужики пашутъ, купцы торгуютъ, духовные молятся, а что дѣлали помѣщики? Они занимались и развлекались всѣмъ, чѣмъ угодно—службой, охотой, литературой, амурами, но только не тѣмъ, чѣмъ имъ слѣдовало заниматься», — и далѣе идутъ размышленія на тему, какъ могла бы сложиться судьба помѣщика, если бы онъ работалъ. Такое вступленіе обнаруживаетъ слабость мысли Терпигорева, который, превосходно рисуя все ничтожество помѣщика, не могъ понять, что помѣщикъ *органически* не могъ работать, что для этого онъ слишкомъ долго праздновалъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе развращался, что, наконецъ, растлѣнный физически и духовно, онъ долженъ былъ погибнуть, какъ только въ затхлый міръ его существованія ворвалась свѣжая струя. Крѣпостное право было не только его матеріальной поддержкой,—оно создавало особую тепличную атмосферу жизни, гдѣ помѣщикъ искусственно взращивался, искусственно питался, искусственно растлѣвался и за порогомъ которой онъ моментально никъ, какъ былинка. До реформы онъ былъ все время недорослемъ, на котораго такъ и смотрѣли и съ котораго ничего не спрашивали. На всѣ его поступки, иногда чудовищнаго безобразія, смотрѣли какъ на шалости неразумнаго ребенка и снисходительно брали въ опеку, если эти шалости начинали угрожать здоровью самого ребенка. Понятно, что должно было произойти, когда теплица рухнула и изнѣженный, рыхлый, въ одномъ отношеніи переразвитый, въ другомъ недоразвитый организмъ очутился на вѣтру, предоставленный всѣмъ невзгодамъ, всѣмъ перемѣнчивымъ условіямъ свѣжаго воздуха.

На первый взглядъ дѣйствительно представляется страннымъ и непонятнымъ, какъ могло въ какой нибудь десятокъ лѣтъ пасть цѣлое сословіе, казалось, вѣками созидавшее свое благополучіе, свою культуру и выработавшее какіе ни на есть дворянскіе устои. Обставлено оно было на удивленіе, и сидя въ деревнѣ, властвовало фактически надъ всѣмъ и всѣми.

«Прежде, т. е. до начала нашего оскудѣнія, городъ и деревня были совсѣмъ въ другихъ отношеніяхъ, чѣмъ теперь. Прежде вся сила была въ деревнѣ, не смотря даже на то, что начальство и подъячіе жили въ городѣ. Начальство, т. е. исправниковъ и подъячихъ для земскаго и уѣзднаго судовъ, мы выбирали сами, и такъ какъ, по правдѣ говоря, хорошій человѣкъ на эти должности не шелъ, то набирали мы себѣ это начальство изъ всякой что ни на есть горечи: изъ самыхъ захудалыхъ дворянчиковъ, даже не помѣщиковъ, а такъ просто дворянчиковъ; изъ дѣтей умершихъ или подъ судъ попавшихъ подъячихъ, служившихъ прежде въ нашемъ уѣздѣ, изъ дѣтей городскихъ поповъ, почему либо не принявшихъ ангельскаго чина, и проч. и проч. Понятно, что вся эта голь была голодна, прожорлива и ужасно плодуща. Уже по этому одному она была у насъ въ полной зависимости и покорности. Кто дастъ ей муки, крупы, овса, масла, гусей, кто, хотя и заочно, восприметъ отъ купели

у нея ребенка? Кто, если она проворуется и попадетъ, наконецъ, подъ судъ, заступится за нее передъ губернаторомъ? Не кто иной, какъ помѣщикъ, представитель деревни.

«Ясно, что со всей этой братіей нечего было церемониться, и мы дѣйствительно не церемонились. Надо почему нибудь ѣхать въ судъ, т. е. въ городъ, а не хочется, лѣнь—ну и пошлешь, бывало, за засѣдателемъ или за какимъ-нибудь непременнымъ членомъ. И дѣло сдѣлано: и я спокоенъ, и онъ радъ, потому ему за труды дали и гусятины, и мучки, и овса для той кривой кобылы, на которой онъ ѣздитъ въ городъ и которая подарена на зубокъ его дѣтенышу при крещеніи. А затѣмъ, хотя и было другое начальство, но до насъ оно не касалось, если не считать почтмейстера, который отъ насъ же бывалъ сытъ. Городничій, квартальные, казначей, стряпчій, протопопъ, штатный смотритель уѣзднаго училища и еще какихъ-то два-три чина—эти до насъ совершенно уже ничего не имѣли, и потому были на попеченіи не у насъ, а у купцовъ и «гражданъ», а мы если и давали имъ, то больше по привычкѣ давать всякому мундирному человѣку. Такимъ образомъ, надобности ѣздить въ городъ по дѣламъ у насъ прежде почти что не было... Въ этомъ отношеніи было отлично жить: и покойно, и почетно. На именины, на рожденія, а также въ большіе праздники и безъ того всѣ судьи и вообще начальство непремѣнно пріѣзжали изъ города. Иные осмѣливались (разумѣется, съ позволенія) привозить съ собой женъ и дѣтей. И какъ живые, они у меня и теперь передъ глазами—жалкіе, худые... Совсѣмъ неправда, что подъячіе, т. е. вообще стряпчіе, засѣдатели, непремѣнные члены и проч., были жирные и толстые. Напротивъ, всѣ они были блѣдные, сутоловатые, со впалой грудью, съ узкими плечами, только одни животы у всѣхъ были огромные, оттого и казались тѣломъ толсты»...

И все это измѣнилось, какъ по волшебству, когда пала власть помѣщика въ деревнѣ, а въ городѣ началась своя независимая жизнь, въ которой бывшему властителю не оказалось мѣста. Положеніе создалось по истинѣ трагическое. Двухвѣковое бездѣлье, изъ рода въ родъ передававшаяся привычка къ господству и ничегонедѣланію сказалась во всей силѣ. Началась погоня за деньгами, которыя также легкомысленно тратились, какъ легкомысленно и добывались. Сначала были растрачены деньги, еще выдававшіяся изъ опекунскихъ совѣтовъ, откуда помѣщики брали зря, безъ всякой нужды, просто потому, что давали. Такая легкость добыванія, естественно, не научила цѣнить деньги. «Растрата, и притомъ легкомысленная, безобразная, слишкомъ четырехсотъ милліоновъ рублей, полученныхъ отъ опекунскаго совѣта, не только никого не научила, не отрезвила, но, повидимому, скорѣе развила только вкусъ къ подобнымъ упражненіямъ и въ будущемъ. Чѣмъ же, по крайней мѣрѣ, объяснить себѣ такую же пошлую и легкомысленную растрату слѣдующаго, второго куша—«выкупныхъ», еще болѣе грандіознаго по размѣрамъ и драматичнаго по тѣмъ обстоятельствамъ, при которыхъ мы его получили и потомъ растратили. Какъ извѣстно, казна выдала въ ссуду мужикамъ за выкупаемую ими землю, т. е. иными словами, мы получили выкупныхъ на семьсотъ слишкомъ милліоновъ рублей. Гдѣ они? На что они истрачены? Гдѣ, въ чемъ видны слѣды этихъ затратъ? Пусть кто-нибудь укажетъ хоть одинъ благой результатъ этихъ колоссальныхъ затратъ или, правильнѣе, растратъ... И вотъ, «фукнувъ» такимъ манеромъ слишкомъ милліардъ рублей, полученныхъ подъ землю и за землю, мы съ легкимъ сердцемъ увѣряли и самихъ себя, и встрѣчныхъ и поперечныхъ, что вся наша бѣда въ томъ, что у насъ нѣтъ денегъ, нѣтъ поземельнаго кредита»...

Исторія возникшаго потомъ кредита представляетъ одну изъ лучшихъ главъ въ «Оскудѣніи». Когда стали возникать одинъ за другимъ частные банки, по-

мѣщики ухитрились забраться туда въ качествѣ членовъ правленія и директоровъ, и началась уже настоящая уголовная растрата, расхищеніе акціонерныхъ денегъ самымъ наглымъ и дѣтскимъ образомъ. «Это была пора нашего глубочайшаго паденія и униженія. Прежде мы проматывали свое, т. е. проѣдали и пропивали то, что, въ силу хорошаго или нехорошаго закона, но все-таки закона, принадлежало намъ... Теперь же приходилось уже «заимствоваться», хотя и въ нѣсколько замаскированной формѣ, тащить изъ чужого кармана руками, обутыми въ перчатки. А сколько униженія приходилось испытывать при этомъ! Какой-нибудь іудей Пудельсонъ—и тотъ издѣвался тутъ же въ глаза, торговался, пилъ на «ты» и братался съ потомками славнаго рода, не разъ упоминаемаго въ исторіи по случаю усмиренія и покоренія враговъ!.. И много славныхъ пало тогда, гораздо больше, чѣмъ въ Куликовской битвѣ»... Кончился этотъ періодъ хищенія чужого добра, какъ извѣстно, бѣдою. Много «славныхъ» завершили его на скамьѣ подсудимыхъ, а остальные, расхитивъ больше 300 милліоновъ, ничего съ ними не сдѣлали, и продолжали вопить, что если бы дешевый кредитъ, то «мы бы еще показали себя»,—и судьба, какъ это часто бываетъ съ падшимъ человѣкомъ, сжалилась еще разъ. Данъ былъ самый легкій, самый льготный кредитъ, въ видѣ дворянскаго государственнаго банка, и результаты оказались тѣ же. Еще милліардъ пропущенныхъ сквозь пальцы рублей, еще маленькая передышка, за которой уже видится въ недалекомъ будущемъ окончательная ликвидація оскудѣнія «нашихъ».

И что же могли сдѣлать злополучные «наши», когда съ паденіемъ теплицъ крѣпостного права они очутились на волѣ, предоставленные собственнымъ силамъ?.. Они ничего не умѣли и ни къ чему не годились, потому что прежде они были все и брались за все, и владѣли всѣмъ.

«Я не знаю, приходила ли кому-нибудь въ голову мысль сравнить «насъ» бывшихъ помѣщиковъ, съ дворовыми. Я, по крайней мѣрѣ, часто объ этомъ думалъ и нахожу, что положеніе тѣхъ и другихъ совершенно аналогично... «Мы» ничего не знали, но кое-что во всемъ понимали; также точно и наши бывшіе дворовые.

«— Мишка, пошелъ на конюшню!—и Мишка—кучеръ, сидитъ на козлахъ и правитъ. Какой онъ кучеръ и какъ онъ правитъ,—это другой вопросъ, но онъ—кучеръ, и въ этомъ онъ самъ убѣжденъ.

«— Мишка! пошелъ на кухню! — и Мишка — поваръ, и т. д., и т. д... Жили люди, что-то работали, награждали ихъ за эту работу, и вдругъ—трахъ!—все перевернулось и оказалось, что эта ихъ работа никому ни на что не нужна и даже ничего, кромѣ насмѣшки, не вызываетъ.

«— Дармоѣды! Готовый хлѣбъ ѣли! Попробуйте-ка сами себѣ достать, господа теперь не дадутъ,—смѣются мужики.

«Мы тоже все знали. «Мы» и на віолончеляхъ играли, и рисовали, и стихи писали, и равненіе на право знали и тоже—крахъ!—и оказалось, что все это выѣденнаго яйца не стоитъ, что любой кочегаръ обезпеченъ болѣе большей половины изъ насъ... И мы, и дворовые могли существовать только при крѣпостномъ мужикѣ. Разъ сталъ онъ свободенъ, и мы, и дворовые начали пропадать, какъ тараканы. Ни у «насъ», въ смыслѣ извѣстнаго типа, ни у бывшихъ дворовыхъ — ничего впереди, кромѣ вымиранія, обязательнаго, безостановочнаго, рокового»...

Не было «типа», потому что не существовало никакой *культуры*, которую помѣщичье сословіе выработало бы и могло передать въ наслѣдство новому классу, шедшему ему на смѣну. Культура проявляется въ развитіи религіи, просвѣщенія, промышленности. А что же дало въ этомъ смыслѣ помѣстное дворянство? На религію оно смотрѣло, какъ на принадлежность рабьяго сословія, а къ духовенству относилась почти не лучше, чѣмъ къ крѣпостнымъ. Изрѣдка оно

строило церкви, больше изъ тщеславія, чѣмъ сознательно, по требованію сердца. О просвѣщеніи и говорить нечего. За все время своей власти оно не позаботилось объ устройствѣ народныхъ школъ, считало ихъ прямо вредными и съ своей точки зрѣнія было, конечно, право. Но оно не заботилось и о своемъ просвѣщеніи, и огромное большинство дореформеннаго дворянства было невѣжественно, почти безграмотно и въ смыслѣ развитія стояло почти на уровнѣ своихъ крѣпостныхъ. Земледѣліе велось допотопнымъ способомъ и не было никакой разницы въ этомъ отношеніи между мужикомъ и бариномъ. И Терпигоревъ совершенно правъ, когда говоритъ, что никакого наслѣдства помѣщики не оставили. Послѣ ихъ разоренія въ деревнѣ остались жалкіе слѣды барскихъ затѣй въ видѣ прихотливыхъ арокъ вмѣсто воротъ, искусственныхъ прудовъ съ причудливыми мостиками и глупо-претенціозныхъ построекъ, быстро уничтоженныхъ новыми владѣльцами.

Если и была своя «культура», то лишь такого рода, что объ ея исчезновеніи жалѣть не приходится. Это была культура дѣвичьей и конюшни, культура дикаго, разнузданнаго барства, которую описываетъ Терпигоревъ въ лучшемъ своемъ произведеніи «Потревоженныя тѣни». Въ «Оскудѣніи» сильно сказывается вліяніе Щедрина, быть можетъ, безсознательное ему подражаніе. Въ «Потревоженныхъ тѣняхъ» больше самостоятельности, эпическій тонъ разсказа выдержанъ съ замѣчательной полнотой, и развѣ «Пошехонская старина» того же Щедрина можетъ выдержать сравненіе съ этой ужасной книгой, которая является необходимымъ дополненіемъ «Оскудѣнія».

Здѣсь предъ читателями развертывается картина широкой, привольной жизни крѣпостнаго дворянства. Авторъ остается объективнымъ вполнѣ, рисуя и темныя, и свѣтлыя стороны, если таковыя были въ то время. И въ результатѣ получается потрясающая картина, которая лучше всякихъ изслѣдованій и доказательствъ отъ ума говоритъ, что помѣстной дворянской культуры не существовало, а былъ дикій разгулъ и развратъ, равно пагубный для обѣихъ сторонъ. Разоренные, обнищавшіе мужики, съ одной стороны, низведенные до состоянія скота, и съ другой—опустившіеся, неспособные къ разумной жизни, къ сознательному отношенію къ людямъ и своимъ обязанностямъ—помѣщики.

Если изрѣдка проявлялась забота о мужикѣ, то исключительно съ точки зрѣнія грубыхъ экономическихъ интересовъ. Въ разсказѣ «Рай», авторъ говоритъ о богатомъ селѣ Знаменскомъ, гдѣ «мужики поражали непривычный взглядъ видомъ своего довольства». Но, поясняетъ онъ дальше, «я помню также, что всѣ разсужденія объ этомъ ихъ довольствѣ и богатствѣ на меня, ребенка еще, все-таки производили какое-то странное впечатлѣніе; мнѣ невольно приходило въ голову сравненіе съ такимъ же разсматриваніемъ коровъ въ стадѣ, когда ихъ прогоняли мимо насъ домой съ поля, и разсуждали объ относительной ихъ сытости, о количествѣ даваемаго ими удоя... Было что-то странное, эгоистическое, матеріальное, безучастное въ этихъ разсужденіяхъ. О людяхъ теперь не говорятъ такъ. О нихъ такъ можно было говорить только тогда,—тогда, когда они были собственностью».

И къ нимъ относились, какъ къ собственности, которую всѣ покупали, всѣ продавали, и никого не смущало и не удивляло, когда какая-нибудь тетя Клёдя скупала дѣтей, дѣвокъ и сотни мужиковъ и гуртомъ, какъ стадо, сгоняла въ новое саратовское имѣніе. Это, называлось покупать «на выводъ». Случалось, что дѣвки отнятыя у своихъ жениховъ, или матери, отнятыя у дѣтей, вѣшались или топились. Нѣкоторыхъ это смущало, но тетя Клёдя или другая помѣщица ея типа заботливой и дѣловитой хозяйки, возражала на это съ полной основательностью:

«— Ахъ, Боже мой! Что же тутъ такого? Ну, не хотятъ, чтобы покупали людей, пускай запретятъ ихъ продавать. А то законъ существуетъ на это, не

запрещено это—такъ что-жъ тогда кричать объ этомъ, пугать-то чѣмъ? Что я беззаконіе что ли какое учинила? Кажется, честныя, не фальшивыя денежки плачу, не крадучись какъ,—въ присутственномъ мѣстѣ купчую совершаю, пошлину въ казну вношу»...

И удивительно какія тогда цѣны были дешевыя: дѣвка—100 р., и то еще дорого; семья дѣтей—безъ матери—на выводъ—90 р. И было это наканунѣ Крымской войны. Обращались съ этимъ товаромъ тоже какъ съ кладью,—везли скованными, на ночь запирали въ сараи. Образовался и особый классъ посредниковъ-скупщиковъ, которые высматривали товаръ, устанавливали цѣны, сводили покупателей и продавцевъ, играли на повышеніе и пониженіе, предвидя урожай или эпидемію,—словомъ, творилось тоже, что, положимъ, теперь съ хлѣбомъ на биржѣ. Вотъ, напр., сцена осмотра покупки.

«Мы подошли къ сараю. Староста стоялъ съ непокрытой головой. Онъ отвѣчалъ тетенькѣ поклономъ, на который она кивнула ему головой.

«— Ну, что? Всѣ они тутъ?—сказала тетушка.

«— Тутъ-съ,—коротко отвѣчалъ староста.

«— Ну-ка, отвори...

«Староста сталъ разомъ, одновременно упираясь въ обѣ половинки огромныхъ дверей каретнаго сарая, отворять ихъ. Прямо оттуда, изъ темноты глянули на насъ блестящія оглобли экипажей, кузова ихъ, пахнуло запахомъ кожи, мази колесной. Но «ихъ» не было видно. Не увидѣла ихъ и тетенька, потому что спросила, ни къ кому исключительно не обращаясь:—Гдѣ же они?

«— А вотъ тутъ, влѣво-то... вы взойдите въ сарай... темно, со свѣту-то не видно сразу,—объясняла ей Мутовкина (коммиссіонеръ по куплѣ продажѣ).

«Тетенька шагнула въ сарай, за ней Мутовкина, а за этой уже и я, со страхомъ заглядывая влѣво.

«Тамъ въ огромной, темной пустотѣ, виднѣлись на полу, на подостланномъ сѣнѣ, люди. Они начали вставать и загремѣли желѣзомъ. Сюда ближе къ намъ, сидѣли тоже на сѣнѣ дѣти».

Среди нихъ оказались больные, и покупательница накинулась на коммиссіонершу.

«— Ты что же это мнѣ заразныхъ накупила-то? Заразу разводить? Вотъ оно? отличилась! Что я съ ними дѣлать буду? Вотъ послушай, послушай, что говоритъ баба.

«Баба повторила, что у нихъ въ деревнѣ много дѣтей нынѣ весной отъ горловой болѣзни перемерло. Начнутъ кашлять, покашляютъ дня три и помрутъ...

«Мальчикъ, пришедшій со двора опять въ сарай, снова кашлянулъ громко, глухо, страшно... И опять таращилъ глаза, точно давился.

«— Какъ же его везти?—охала тетушка.—Онъ еще умретъ дорогой. Они останавливаться должны будутъ, хоронить его, это цѣлая исторія. Кто все это выправлять будетъ? Ни одинъ попъ дорогой не похоронитъ...»

Словомъ, много заботы о покупки, о товарѣ, и ни малѣйшаго сознанія, что этотъ товаръ—люди. Такъ сильна зависимость нашихъ взглядовъ даже на такія примитивныя отношенія—отъ матеріальныхъ условій, съ которыми мы сжились, къ которымъ привыкли и которыя намъ выгодны и удобны.

Авторъ разсказываетъ, по нашимъ современнымъ взглядамъ, самыя ужасные случаи, но тогда они были въ порядкѣ вещей, составляли необходимый результатъ этого порядка и никому не казались ни странными, ни чудовищными. Охота за дьякономъ, напр., считалась только развлеченіемъ,—такъ было интересно потравить живого человѣка. Это было потѣшно, но ничего преступнаго не видѣли въ этомъ, и находили удобнымъ водить даже дѣтей на такую потѣху. Дѣти, впрочемъ, съ колыбели были свидѣтелями самыхъ дикихъ проявленій страстей и разнузданности и настолько сживались съ такими порядками,

что и сами не медлили идти по стопамъ родителей. Въ гимназіяхъ они имѣли своихъ крѣпостныхъ дядекъ. которыхъ сѣкли по ихъ приказу.

— «Ваше превосходительство,—обращается такой юнецъ къ директору,— прикажите моего Егорку наказать. Ни на что не похоже—грубитъ, не служитъ...

— «Директоръ преобразился въ лицѣ—просіялъ, захохоталъ и радостно началъ звать служителей.

— «Я его... я его!..—кричалъ онъ.—Гдѣ Егорка?

«Мы стояли и смотрѣли. Нѣкоторые смѣялись и разговаривали, какъ передъ началомъ спектакля. Къ директору подошелъ «Егорка».

— «Ты что это затѣялъ? А? Своему помѣщику грубить вздумалъ?

— «Ваше превосходительство! — съ искаженнымъ лицомъ завопилъ «Егорка» — старикъ лѣтъ пятидесяти, почти уже сѣдой, маленькій сухощавый, съ выбритымъ лицомъ, съ сѣренькими щетинистыми усиками подъ носомъ—и повалился въ ноги. Я какъ сейчасъ гляжу на него.

— «По-мѣ-щи-ку своему... а!.. сто... пятьсотъ ему дашь!.. Эй, Васька, Ванька»!..

Такія сцены, происходившія на каждомъ шагу, воспитывали будущихъ властителей, которые съ достоинствомъ несли званіе дворянина и помѣщика.

Не удивительно, что послѣ реформы, по словамъ Атавы, эти герои и потомки нѣкогда славныхъ родовъ сразу пали и разсѣялись, яко прахъ. Другой вопросъ, кто замѣнилъ ихъ въ деревнѣ, но хуже отъ этого никому не стало, и «потревоженныя тѣни» даютъ ясный и неопровержимый отвѣтъ, что жалѣть объ исчезновеніи такой «культуры» не приходится.

Терпигоревъ по достоинству занимаетъ одно изъ почетныхъ мѣстъ въ русской литературѣ. Ему въ значительной степени мы обязаны уничтоженіемъ легенды о добромъ старомъ времени, о величіи помѣщичьей культуры, яко-бы процвѣтавшей тогда, о благодѣтельномъ значеніи помѣщичьяго элемента въ проведеніи реформы и въ послѣдующихъ измѣненіяхъ деревенской жизни. Его художественные очерки, полные юмора, рѣдкіе по безпристрастью и спокойному объективизму, завершили дѣло, начатое Тургеневымъ, Писемскимъ и Салтыковымъ. Онъ мастерски провелъ послѣдній штрихъ въ нарисованной этими великими писателями картины крѣпостной Россіи и талантливо и мѣтко очертилъ ликвидацію этой Россіи послѣ реформы. Какъ художникъ, онъ не самостоятеленъ и примыкаетъ непосредственно къ Щедрину, съ которымъ его сближаетъ темпераментъ творчества и матерьялъ его наблюденій, но онъ съумѣлъ сохранить оригинальную литературную физіономію и далъ рядъ типичныхъ представителей эпохи «оскудѣнія» помѣстнаго дворянства.

Хвалители прежняго порядка ссылаются обыкновенно на то, что тогда мужикъ былъ болѣе обезпеченъ, что то время не знало нашихъ періодическихъ голодовокъ. Это утвержденіе основано на грубомъ незнаніи фактовъ—и только. Были такіе же голода и раньше, разница лишь та, что о нихъ не кому было говорить, а тѣ, кому вѣдать надлежитъ, были заинтересованы, чтобы объ этомъ никто не зналъ. Успѣхи нашего времени, правда, болѣе чѣмъ скудные, въ томъ и заключаются, что теперь о голодѣ говорятъ, какъ ни какъ а его замолчать нельзя, и общество по мѣрѣ возможности принимаетъ живое участіе въ народной бѣдѣ. Принимало бы, конечно, и большее участіе, если бы не остатки этого добраго времени, дающіе себя чувствовать еще на каждомъ шагу. Вмѣстѣ съ тѣмъ все больше и больше проникаютъ въ общее сознаніе и причины этихъ народныхъ бѣдствій. Каждый голодъ усиленнѣе подчеркиваетъ, гдѣ коренится главная бѣда народнаго оскудѣнія, и указываетъ настойчиво на выходъ изъ современнаго положенія.

Большой интересъ, поэтому имѣютъ наблюденія лицъ, переживавшихъ на

мѣстѣ эти трудныя въ жизни деревни минуты и видѣвшихъ на опытѣ тѣ путы, изъ которыхъ мужикъ не можетъ выбиться. Очень любопытными въ этомъ отношении являются записки графа Льва Львовича Толстого о голодѣ 91—92 г., печатающіяся въ «Вѣстникѣ Европы». Весь періодъ этого голода онъ провелъ въ Самарской губерніи, устраивая столовыя, больницы и непосредственно сталкиваясь съ народной средой и условіями жизни деревни. Какъ и всѣхъ, его поразили безпомощность послѣдней, ея темнота, упадокъ самодѣятельности и неуравновѣшенность матерьяльнаго быта.

«Время пришло,—говоритъ онъ, — когда мужикъ, построившій наши столицы и города, крѣпости и заводы, желѣзныя дороги и корабли, обмундировавшій милліоны войска, завоевавшій чужія далекія земли, и т. д. и т. д., однимъ словомъ, создавшій наше внѣшнее могущество—ослабъ. Онъ отдалъ все изъ себя и изъ той земли, которую онъ обрабатывалъ, и дальше подавать отказывается. Земля, на которой онъ сидитъ, истощена, какъ и онъ, и тоже не въ силахъ больше брать изъ себя. Между тѣмъ, у него нѣтъ ни достаточной свободы, ни достаточныхъ знаній и умѣнья, чтобы справиться съ этой истощенной землей. И вотъ пришло время, когда мы должны широко придти къ нему на помощь. Мы должны вернуть мужику то, что у него отняли. А если сдѣлать это уже невозможно, мы должны, по крайней мѣрѣ перестать брать у него и научить какъ сдѣлать, чтобы земля могла ему давать снова».

Л. Л. Толстой возмущается постоянными опасеніями какъ бы не передать народу лишку, какъ бы не *перекормить* его. «Что значитъ передать мужику въ наши тяжелые для него дни? Что значитъ дать слишкомъ много? Если онъ голоденъ, и вы дали еще,—онъ наѣстся; если вы дали ему еще сытому,—онъ накормитъ жену и дѣтей; если еще,—онъ накормитъ и скотину; если будете продолжать помогать ему, онъ покроетъ раскрытую крышу избы, купитъ корову, которой у него нѣтъ, и такъ далѣе безъ конца».

Въ дѣйствительности происходитъ обратное. Въ періодъ острой голодовки помощь ничтожна и такъ разсчитана, чтобы не дать умереть съ голоду, а затѣмъ, когда грозный призракъ голодной смерти исчезъ, мужикъ предоставляется собственной участи впредь до новаго обостренія. Все остается по старому и не вносится ни малѣйшаго существеннаго измѣненія въ жизни деревни. Роль общества, русской интеллигенціи по преимуществу, при этомъ нѣсколько комична. Мужикъ валится съ ногъ отъ голоду, въ деревню является интеллигентъ и осторожно, *подкармливаетъ* его. Накормить «досыта—до отвала» интеллигентъ, при всемъ желаніи, не можетъ, потому что самъ слабъ и бѣденъ. Подкормленный, но еще слабый мужикъ подымается и начинаетъ вокругъ себя копаться на пустомъ мѣстѣ, а интеллигентъ не безъ чувства удовлетворенія возвращается въ городъ и сочиняетъ рефераты и пишетъ записки, и никто не въ правѣ укорить его за то, что большаго онъ не дѣлаетъ. Но вопросъ по прежнему остается открытымъ, какъ быть, гдѣ найти выходъ? Періодическія голодовки, и сами по себѣ тяжелыя, служатъ только симптомомъ, съ устраненіемъ котораго дѣло въ сущности мало мѣняется. Гр. Толстой ставитъ два вопроса: «первый — почему русскій народъ такъ часто голодаетъ? Второй: какъ сдѣлать, чтобы эти голодовки его прекратились?» Отвѣты, которые онъ даетъ на нихъ, не новы, но они хорошо формулируютъ сущность народной нужды.

Отвѣтивъ на первый вопросъ, что «народъ бѣдствуетъ прежде всего отъ своей темноты, заброшенности и малой культурности», онъ отвѣчаетъ на второй такъ:

«Первое, что нужно—это дарованіе окончательной свободы народу, второе—просвѣщеніе его... Хотя свобода и просвѣщеніе связаны между собой неразрывно, но надо прежде всего обратить вниманіе на первое, на недостатокъ общественнаго воздуха у нашего крестьянина—и съ этого начать. Всякому мыслящему и безпристрастному человѣку, желающему блага народу, понятно и

извѣстно, въ чемъ прежде всего стѣсненъ мужикъ. Онъ стѣсненъ прежде всего своимъ общиннымъ владѣніемъ, изъ котораго у него выхода нѣтъ; во-вторыхъ, стѣсненъ онъ тѣмъ, что у него нѣтъ достаточныхъ правъ и законовъ, на которые онъ могъ бы опереться. Вотъ тѣ два основныхъ и несомнѣнныхъ стѣсненія нашего крестьянина, которыя крѣпко держатъ его въ косности и темнотѣ.

«Обладаніе правомъ вообще, правами на землю, какъ на личную собственность въ частности,—это тотъ главный рычагъ, посредствомъ котораго человѣкъ подымается на первую ступень общественнаго развитія, на какую неминуемо долженъ стать и нашъ крестьянинъ,—на ступень гражданственности. Иначе ему нѣтъ движенія.

«По этому, безъ личнаго крестьянскаго землевладѣнія, безъ перехода сознанія нашего народа отъ стаднаго принципа къ личному, мы не можемъ двинуться впередъ, не могутъ и крестьяне наши почувствовать себя полноправными гражданами.

«Этотъ переходъ (отъ общиннаго хозяйства къ подворному и непремѣнно личному) незамѣтно и медленно уже совершается въ нашихъ степяхъ, какъ и въ среднихъ губерніяхъ; но онъ, стѣсненный и задержанный всячески извнѣ, еще не сталъ тѣмъ общимъ неизбѣжнымъ русскимъ явленіемъ, до котораго доживутъ слѣдующія поколѣнія. Но путь несомнѣнно—этотъ самый.

«Говорятъ, что нужда нашего народа зависитъ не отъ матерьяльныхъ, а отъ духовныхъ причинъ, что надо прежде всего поднять духъ народа. Конечно, это такъ, но все-таки не совсѣмъ. Какъ же поднять этотъ упавшій духъ народный? Вотъ что всего интереснѣе. Для этого нужно устранить матерьяльныя причины и стѣсненія, вслѣдствіе которыхъ упалъ духъ. Значитъ, отчего же нужда? Отъ внѣшней, т. е. матерьяльной стѣсненности народа, отъ причинъ матерьяльныхъ, а потомъ уже и отъ духовныхъ. Духовный упадокъ народа, это— не причина нужды, а слѣдствіе ея... Посадите американца въ общину съ нашими законами и порядками, онъ, какъ ни будь свободенъ духомъ, непремѣнно потеряетъ эту духовную свою свободу подъ давленіемъ внѣшнихъ затрудненій...

«Отсутствіе свободы личности, незнаніе своихъ правъ и законовъ, община съ ея порядками, всѣ внѣшнія тяжелыя условія нашего крестьянства, представляютъ, конечно, матерьяльныя, а не духовныя причины, держатъ его въ постоянной нуждѣ и косности. На эти-то условія и надо обратить вниманіе. Тогда и духъ народа поднимется и проснется его энергія.

«Дайте, кромѣ свободы, еще одно великое орудіе культуры въ руки народу, дайте его въ волю, щедро и не скупясь,—просвѣщеніе, и вамъ не придется больше заботиться о крестьянинѣ».

Можетъ быть, въ этихъ мнѣніяхъ Л. Л. Толстого иные усмотрятъ проявленіе злобнаго духа марксизма, въ томъ, напр., что авторъ считаетъ общину стѣсненіемъ крестьянства и предвидитъ ея неизбѣжный конецъ. Для дѣла, однако, это безразлично. Для насъ важно, что всякій, не зараженный народничествомъ, наблюдатель деревенской жизни приходитъ къ тому же выводу, къ какому давно уже пришли и противники народничества. Жизнь сама упираетъ на такое отжившее свое время учрежденіе, какъ община, которая высохла внутри, какъ тѣ старыя деревья, что по внѣшности еще живы, но внутри полны трухи и праха.

Въ одномъ только мы не согласны съ авторомъ. Онъ думаетъ, что кто-то, къ кому онъ обращается, можетъ притти и *дать* народу и свободу, и просвѣщеніе, и проч. Это большая ошибка, которою грѣшили всегда народники, то и дѣло укорявшіе интеллигенцію, что она не идетъ туда-то, не даетъ народу того-то. Никто и ничего *дать* ему не можетъ, пока онъ самъ *взять* не можетъ.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Въ мѣстахъ недорода и цынги. Въ «Русск. Вѣдомостяхъ» приведены выдержки изъ доклада профессоровъ казанскаго университета И. М. Любимова и Н. Ѳ. Высоцкаго, въ которомъ они сообщили о своихъ наблюденіяхъ изъ поѣздки, совершенной по порученію Краснаго Креста въ тѣ мѣстности Казанской губерніи, гдѣ функціонируютъ столовыя и больнички этого учрежденія. Выѣхали И. М. Любимовъ и Н. Ѳ. Высоцкій изъ Казани 6-го іюня, возвратились же 16-го, причемъ посѣтили шесть уѣздовъ, считающихся наиболѣе пострадавшими отъ неурожая: Спасскій, Тетюшскій, Чистопольскій, Лаишевскій, Мамадышскій и Свіяжскій, посѣтивъ въ нихъ около 200 селеній. Во всѣхъ этихъ селеніяхъ И. М. Любимовъ и Н. Ѳ. Высоцкій заставали нужду въ продовольственныхъ средствахъ очень сильную, наблюдали десятками, а въ нѣкоторыхъ селеніяхъ и сотнями больныхъ цынгою, видали разрушенныя избы, лишенные оградъ дворы, землянки, чумы. Въ с. Кутлушкинѣ, Чистопольскаго уѣзда, они видѣли много избъ, съ которыхъ зимою крыши были сняты на кормъ скоту. «Въ настоящее время,—говорятъ И. М. Любимовъ и Н. Ѳ. Высоцкій въ своемъ докладѣ,—крыши въ большинствѣ зачинены соломой и блестятъ новыми заплатами, но заборовъ въ нѣкоторыхъ домахъ нѣтъ и до настоящаго времени». Дѣло въ томъ, что владѣльцы этихъ дворовъ съ наступленіемъ зимы устраивали землянки, въ которыхъ и жили вмѣстѣ со скотомъ; солому съ крыши они употребляли на кормъ скоту, а дворовыя загороди — на отопленіе землянокъ. «Одна изъ землянокъ, въ которой зимой обитали двѣ семьи вмѣстѣ со скотомъ, нами сфотографирована,—говорятъ далѣе въ своемъ докладѣ И. М. Любимовъ и Н. Ѳ. Высоцкій. Благодаря указанному сожительству владѣльцамъ землянки удалось сохранить лошадь и двухъ ягнятъ, но жены двухъ братьевъ-владѣльцевъ чума, заболѣвшія еще въ февралѣ тяжелой формой цынги, не поправились и до сихъ поръ». Подобныя же землянки профессоры встрѣчали и въ другихъ мѣстахъ. «Пять шаговъ длины и столько же ширины, высотой 2 арш. 1 верш., въ ней три окна, около полъ-аршина въ квадратѣ, затянутыхъ вмѣсто стеколъ пузырями... Въ такой землянкѣ обитаютъ *девять человѣкъ* и между ними двѣ женщины, больныя цынгою. Воздухъ и въ настоящее время трудно переносится непривычнымъ человѣкомъ, — говорятъ профессоры, описывая такимъ образомъ эти жилища «пострадавшихъ отъ недорода». Можно представить, каковъ онъ былъ зимою!»

Объѣзжая Лаишевскій уѣздъ, профессоры нашли въ селеніи Уреевѣ слѣдующее: «У нѣкоторыхъ крестьянъ нѣтъ даже собственныхъ домовъ. Мѣстный священникъ вынужденъ былъ помѣстить уже съ осени старика Степана Иванова съ женой его Ѳеклой въ церковной сторожкѣ. Передъ Пасхой оба *умерли*,

повидимому,—говорятъ профессоры,—*отъ истощенія вслѣдствіе недоѣданія.* Въ виду того, что, по показанію священника, больныхъ цынгою въ Уреевѣ около 80-ти человѣкъ и изъ нихъ до десяти—тяжелыхъ, мы сдѣлали вмѣстѣ съ нимъ подворный осмотръ, причемъ оказалось, что помимо цынготныхъ въ селѣ находились семьи, единственная болѣзнь которыхъ заключается въ сильномъ истощеніи вслѣдствіе голоданія. Такъ на примѣръ, мы можемъ указать на одну семью, въ составѣ трехъ человѣкъ, которые давно уже лежатъ, по мнѣнію священника, отъ цынги, по провѣркѣ же оказалось, что цынги у нихъ нѣтъ, *а лежатъ они отъ истощенія, вызваннаго хроническимъ голоданіемъ.* Въ послѣдніе три дня они, кромѣ ковша похлебки (это—порція, выдававшаяся изъ мѣстной столовой) безъ хлѣба, ничего не ѣли. Семья лежитъ въ полуразрушенной избѣ, на нарахъ, плотно прижавшись другъ къ другу, покрытая грязными лохмотьями; они худы, какъ скелеты, безкровны, съ еле ощутимымъ пульсомъ. И такихъ голодныхъ семей цѣлый рядъ...»

Сообщая о своихъ наблюденіяхъ надъ цынготными больными, И. М. Любимовъ и Н. Ѳ. Высоцкій разсказываютъ, что въ с. Ромоданѣ, Спасскаго уѣзда, одинъ цынготный больной черезъ недѣлю послѣ того, какъ былъ выписанъ изъ больницы, «зарѣзался, какъ думаютъ, отъ отчаянія; вся семья его была въ цынгѣ, и онъ самъ болѣлъ очень тяжелой формой; у него были почти сплошные кровоподтеки на обѣихъ нижнихъ конечностяхъ, кровоподтеки на верхнихъ конечностяхъ и сильныя головныя боли». Въ этомъ же селѣ «умерла съ признаками цынги одна женщина, но она задолго ранѣе чѣмъ-то болѣла». Въ селѣ Сумароковѣ, Тетюшскаго уѣзда, «умерло съ признаками цынги 8 человѣкъ, но и они страдали ранѣе различными другими болѣзнями». Въ дер Нижнихъ-Таганахъ, Спасскаго уѣзда, было 157 цынготныхъ, и изъ нихъ около 40 человѣкъ въ тяжелой формѣ цынги. Смертныхъ случаевъ было 3, причемъ трое этихъ больныхъ цынгою хворали въ то же время хроническими болѣзнями легкихъ и сердца, такъ что цынга у нихъ являлась только осложненіемъ. Въ дер. Богдашкинѣ, Тетюшскаго уѣзда, въ больницѣ умерло двое цынготныхъ. Въ с. Бисярахъ того же уѣзда также умерло двое цынготныхъ (они, впрочемъ, хворали и до появленія у нихъ цынги). Въ с. Шемякино еще въ половинѣ мая было около 150-ти человѣкъ больныхъ цынгою; изъ этого числа 73 лежали. Въ настоящее время наиболѣе тяжелыхъ больныхъ, не имѣющихъ силы ходить, профессоры застали только 10 чел.; менѣе тяжелыхъ, двигающихся при помощи палки,—около 50-ти чел. Смертныхъ случаевъ было 4, причемъ «*умирали при явленіяхъ общаго истощенія, отековъ ногъ, омертвѣнія десенъ*». Болѣли цынгой по преимуществу женщины. «Это объясняется,—по словамъ профессоровъ,—тѣмъ, что имъ приходилось испытывать наиболѣе сильное голоданіе, такъ какъ мужчины не только заставляли женщинъ дѣлиться получаемыми ими въ столовыхъ порціями, но и прямо выгоняли ихъ изъ столовыхъ». Вообще заболѣванія цынгой появлялись исключительно вслѣдствіе голоданія. Какъ только въ селеніи, пораженномъ цынгою, начинали примѣняться мѣры къ прекращенію голоданія, цынга ослабѣвала или даже прекращалась совершенно.

Въ заключеніе нелишнимъ представляется отвѣтить, что въ числѣ столовыхъ, содержимыхъ для кормленія голодающихъ разными частными лицами и на средства Краснаго Креста, имѣются также столовыя, устроенныя самими крестьянами. Одну изъ такихъ столовыхъ профессоры И. М. Любимовъ и Н. Ѳ. Высоцкій видѣли во время настоящей своей поѣздки въ мѣста, пораженные «недородомъ». «Въ Мамадышскомъ уѣздѣ,—говорятъ они въ своемъ докладѣ,—заслуживаетъ особаго вниманія столовая въ с. Кляушахъ, устроенная самими крестьянами и содержимая на ихъ средства. Въ этой столовой кормятся около 100 человѣкъ не только кляушинскихъ жителей, но и изъ сосѣднихъ деревень, какъ русскихъ, такъ и татаръ».

Наконецъ, въ виду того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поля остались незасѣянными вслѣдствіе недостатка сѣмянъ, а въ другихъ мѣстахъ засѣянныя поля оказываются вслѣдствіе неблагопріятныхъ метеорологическихъ условій въ плохомъ состояніи, угрожая новымъ «недородомъ», профессоры И. М. Любимовъ и Н. Ѳ. Высоцкій высказываютъ въ своемъ докладѣ опасенія, что придется оказывать продовольственную помощь населенію и въ будущемъ году.

На голодѣ. Въ «Ниж. Листкѣ» г-жа Подсосова сообщаетъ не лишенныя интереса подробности изъ Лукояновскаго уѣзда, столь художественно описаннаго г. Короленко въ его извѣстной книгѣ «Въ голодный годъ».

«27 мая,—пишетъ г-жа Подсосова,—открыта нами столовая въ Петровкѣ на 56 человѣкъ. Петровка—маленькая убогая мордовская деревушка въ 44 двора съ 256 жителями. Она расположена на границѣ сергачскаго уѣзда съ лукояновскимъ. Только мостикъ, переброшенный черезъ ручей, отдѣляетъ Петровку отъ деревни Доксажонъ Лукояновскаго уѣзда. Въ первый день пріѣзда составили списокъ, внося въ него по обыкновенію только дѣтей, дряхлыхъ стариковъ и увѣчныхъ. Оказалось, что кормить пришлось почти всѣ дворы (только 4 двора не вошли въ списокъ). При составленіи его обрисовалось довольно ясно положеніе деревни. «Этого нельзя не помѣстить», говоритъ старшина: «самъ 12-ый, одна лошадь, коровы нѣтъ». У слѣдующаго тоже оказалось человѣкъ 10, плохая лошаденка (рубля 3 вся ей цѣна, еле ходитъ), корову проѣли... А хозяйка прибавляетъ: «сноха и косу продала за 3 руб., купили 3 пуда муки и ту съѣли». Далѣе идутъ тѣ, у кого ни коровы, ни лошади нѣтъ, только 2 курицы; есть такіе, у которыхъ и курочки нѣтъ. «Сбились вовсе», говоритъ мужикъ: «ни ярового не уродилось, ни картофелю, ни капусты, такого года и не запомнимъ».

Я выражаю сомнѣніе: «а развѣ въ первый голодный годъ, 91-ый, лучше было?»

— «Еще бы»,—отвѣчаетъ мужикъ:—«тогда хоть пособіе выдавали»... «И лебеда была», прибавляетъ другой. «Къ счастію», говорю: «лебеды нѣтъ, а то подмѣшивали бы и хворали».

«Это точно, что подмѣшивали бы, какъ не подмѣшивать»...

На Вознесенье кормили въ 1-й разъ: давали щи и кашу. Сначала обѣдъ шелъ чинно, торжественно, въ полномъ молчаніи. Только матери, приведшіе маленькихъ дѣтей (къ намъ ходятъ и трехлѣтніе) говорили дѣтямъ: «ярсадо, ярсадо!» т. е. «ѣшьте! ѣшьте!» Но когда подали щи, дѣтскія лица оживились, глаза засіяли и я услыхала: «пасха, пасха!» Женщины крестились; одна, утирая рукавомъ слезы, сказала мнѣ: это они говорятъ: «вотъ когда пасха пришла». «Вѣдь они и на пасху одинъ хлѣбъ ѣли», добавила она. «Какъ немного нужно», подумала я «чтобы устроить имъ свѣтлый праздникъ—пшенная каша, сваренная на водѣ, съ небольшимъ количествомъ постнаго масла».

Петровка—бѣдная деревушка. У нихъ нищенскій надѣлъ. Въ каждомъ изъ трехъ полей пахотной земли—3½ саж. на надѣльную душу. Что тутъ подѣлаешь. «Арендуемъ мы», говоритъ староста: «въ Александровскомъ банкѣ 270 десят. за 1,000 руб., но на арендной землѣ ничего не уродилось». «Прямо сказать—надѣли они съ этой арендой петлю на шею», сказалъ мнѣ одинъ изъ мѣстныхъ обывателей: «чѣмъ будутъ послѣ расплачиваться?» Благодаря голодному году и безъ того несильное крестьянское хозяйство быстро падаетъ.

Постоянно слышишь: тотъ безъ лошади остался, тѣ корову проѣли. Одинъ крестьянинъ сказалъ мнѣ, что за два послѣдніе года скота сильно убыло—череловъ на 40 меньше стало. И богатый мужикъ быстро спускается на степень средняго, а затѣмъ и бѣднаго. И что ждетъ Петровку впереди? Заколачивай окна и иди куда глаза глядятъ,—говорятъ они. Единственный промы-

селъ—рубка лѣса (кстати сказать, своего лѣсу совсѣмъ нѣтъ), даетъ рубля 3 въ недѣлю. Этихъ денегъ только и хватитъ на прокормленіе семьи, но вѣдь есть и другіе неизбѣжные расходы и весь заработокъ тратить на пищу не приходится.

Многія избы топятся 1 разъ въ недѣлю, а другія и совсѣмъ не топятся. Это въ тѣхъ семьяхъ, которыя ходятъ подъ окна просить Христа-ради. И такихъ въ Петровкѣ много,—то мать, то дочь побираются. Но подаютъ мало. Я сама видѣла такую картину. Къ матери подошла съ унылымъ видомъ 10-лѣтняя дочь съ синей сумкой черезъ плечо. «Ну, много ли дочка принесла?» спросила баба и вывернула сумку. Оказалось—два куска. «Цѣлый день шлялась и два куска принесла!»—сказала грубо баба, но потомъ прибавила: «да, мало подавать нонѣ стали, самимъ ѣсть нечего»... Вѣроятно эти непринесшія ничего дѣти терпятъ и побои. Принесутъ корочки, помочатъ въ водѣ и ѣдятъ. Вотъ и вся пища.

Дня три тому назадъ моя сотрудница по устройству столовой уѣхала и я осталась одна среди мордовскаго населенія. Не прошло и часу, какъ въ избу ко мнѣ вошла больная женщина изъ бѣдной семьи, еще молодая, но страшно истощенная, все зябнетъ, ноги болятъ, два дня лежитъ, одинъ ходитъ, одеженка плохенькая,—ходитъ полоть «къ сосѣднему барину», «да часто,—говорила она: съ ногъ сшибаетъ, въ глазахъ темно». Проситъ дать лѣкарства. Даю, но чувствую, что ей нужнѣе наша столовая. По уходѣ ея спрашиваю свою хозяйку: почему не внесли въ списокъ эту женщину?—Нельзя, отвѣчаетъ она,—міръ загалдитъ, много такихъ. Вѣдь больная она—заступалась я за женщину.—Больна, точно больна, но все же бродитъ. Неужели, думаю я, чтобы попасть въ нашу столовую, надо молодой женщинѣ дойти до того ужаснаго состоянія, въ которомъ мы видѣли женщину въ Пицахъ: страшныя цинготныя пятна на ногахъ и ужасно сведенныя ноги... Но мнѣ не приходится долго останавливаться на этой больной. Слышится стукъ и въ окно просовывается голова мужика. Оказывается, что его сынъ, которому 1½ года, съѣлъ въ одну недѣлю крупу, выданную на 2 недѣли. Онъ кричитъ—ѣсть проситъ; мать съ утра ушла за кусочками побираться, хлѣба дома нѣтъ. «Дай хоть хлѣбца»,—проситъ мужикъ и, отходя отъ окна, уныло произноситъ: «и какъ я его до крупы-то твоей (до новой выдачи) воспитаю». Иду на улицу, изъ избы выходитъ женщина съ ребенкомъ лѣтъ двухъ или трехъ и говоритъ мнѣ: «милосердная сестрица, вотъ вы отъ насъ двоихъ взяли, нельзя ли и этого? тоже каши проситъ». И я вижу устремленные на меня вопросительно глаза ребенка. Онъ не понимаетъ, почему братъ и сестра ѣдятъ кашу, а ему не даютъ. Онъ не понимаетъ ни нашихъ смѣтъ, ни нашихъ трехкопѣечныхъ расчетовъ.

Возвращаюсь въ избу. «Не въ Роксажоны ли ходили?—спрашиваетъ у меня хозяйка,—они у насъ лѣтось сгорѣли, девять дворовъ осталось, выдали на 4 мѣсяца пособіе, а все-жъ плохи они, сильно бѣдствуютъ». Въ устахъ этой женщины, которая сама не нуждается и не очень-то любитъ о чужой нуждѣ говорить, слова эти получаютъ большое значеніе. Въ это время привозятъ мнѣ для столовой изъ Чукалъ муки. Иду принимать. «Кормите народъ?—говоритъ мнѣ мужикъ,—точно, здѣсь бѣдствуютъ, ну и у насъ въ Чукалахъ тоже сбились; у насъ у однихъ съ мельницы 600 пуд. перекупили. Съ Рождества хлѣба нѣтъ». Увидѣвъ пшено въ амбарѣ, онъ прибавляетъ: «а объ кашѣ и помнить забыли... Какая каша! ни капусты, ни картошки, ничего».

Мужикъ уходитъ, а я не знаю куда уйти отъ мучительныхъ думъ. Всѣ впечатлѣнія дня: и мальчикъ, не получившій каши, и ребенокъ, съѣвшій крупу до срока, и больная женщина, и сгорѣвшія Роксажоны, и голодные Чукалы,—все это сливается въ одинъ страшный крикъ: «хлѣба! хлѣба!» И я чувствую, что не могу имъ дать его.

8-ми-часовой рабочій день. «Сѣверный Край» сообщаетъ, что съ 1 января 1899 г. на угличской писче-бумажной фабрикѣ г. Варгунина введенъ 8-ми-часовой рабочій день вмѣсто 12-ти-часоваго. Плата рабочимъ оставлена прежняя, но за то—вотъ это довольно странно—теперь они работаютъ и по воскресеньямъ. Опытъ, насколько успѣли обнаружиться его результаты, нельзя, не признать, по мнѣнію ярославской газеты, очень удачнымъ для обѣихъ сторонъ. Такъ какъ число машинъ на фабрикѣ осталось то же, что было и раньше, то и количество выдѣлываемой ежедневно бумаги не увеличилось; оно простирается до 500 пудовъ; но облегчился трудъ рабочаго, увеличилась его интенсивность и это сразу отразилось на уменьшеніи процента брака въ производствѣ, что составляетъ уже первый плюсъ для предпринимателя.

Кромѣ того, за тѣми же расходами на управленіе фабрикою и общими затратами, независимо отъ количества рабочихъ,—поземельными, страховыми, торговыми и др. пошлинами и т. д., увеличилось число дней за первое полугодіе опыта на 23, что дало 11.500 п. излишне выработанной бумаги; это, за исключеніемъ нѣкоторыхъ затратъ по организаціи третьей смѣны, представляетъ собою второй плюсъ. Замѣтно облегчаются, вмѣстѣ съ тѣмъ, и заботы по наблюденію за ходомъ работъ, опять-таки по причинѣ болѣе бодраго настроенія рабочихъ. Продуктивность труда, несомнѣнно, увеличится еще болѣе, когда рабочіе будутъ лично заинтересованы въ количествѣ производства, т. е. когда на всѣхъ ихъ распространится процентное вознагражденіе изъ общей доходности, какъ это уже и сдѣлано для нѣкоторыхъ должностей. Насколько рабочіе теперь уже начинаютъ дорожить трехсмѣннымъ трудомъ, видно изъ того, что въ рукахъ администраціи получилось новое дисциплинарное средство: переводъ съ 8-ми-часовой работы на фабрикѣ на 11½-часовой считается очень тяжелымъ взысканіемъ, хотя содержаніе нѣсколько увеличивается. Были случаи, когда въ числѣ нанимавшихся попадались ремесленники, напр., сапожники, желавшіе увеличить свой заработокъ отъ ремесла.

Точные цифровые произведеннаго фабрикой опыта результаты могутъ быть обнаружены только при годовомъ отчетѣ, но и теперь уже, по словамъ ярославской газеты, достаточно ясно обрисовалось положеніе дѣла, и фабрика, разсчитывая имѣть въ годъ до 25.000 пудовъ излишне выработанной бумаги, съ избыткомъ покроетъ тотъ расходъ, который ложится на 3-ю смѣну рабочихъ. Такимъ образомъ, переходъ на 8-ми-часовой рабочій день довольно рельефно обнаруживаетъ обоюдныя выгоды. Въ виду этого владѣлецъ фабрики, какъ сообщаетъ «Сѣверный Край», намѣренъ ввести 8-ми-часовой день и на другой фабрикѣ—въ Петербургѣ.

Безпорядки и забастовка рабочихъ въ Ригѣ. Въ «Лифляндск. Губерн. Вѣд.» опубликовано нижеслѣдующее извлеченіе изъ представленія лифляндскаго губернатора г. министру внутреннихъ дѣлъ о безпорядкахъ и забастовкѣ въ г. Ригѣ въ маѣ мѣсяцѣ сего года:

1-го мая сего года рабочіе джутовой и льняной фабрики, расположенной въ Петербургской части г. Риги, въ 6—7 верстахъ отъ Александровскихъ воротъ, стали требовать увеличенія поденной платы и, когда это требованіе не было удовлетворено администраціей фабрики, они отказались стать на работу. Рабочихъ на означенной фабрикѣ было всего около 800 человѣкъ, изъ коихъ болѣе 500 женщинъ. Забастовка эта продолжалась и въ послѣдующіе дни: 2, 3 и 4 мая, причемъ администрація фабрики согласилась уволить забастовавшихъ рабочихъ по обоюдному соглашенію, на основаніи п. I ст. 104 уст. о пром., и объявила, чтобы рабочіе шли за разсчетомъ и паспортами. На это послѣдніе заявили, что уходить съ фабрики не желаютъ, расчета и паспортовъ не примутъ и будутъ ждать увеличенія платы, безъ чего къ работѣ не приступятъ.

4-го мая, вечеромъ, рижскій полиціймейстеръ доложилъ губернатору, что по имѣющимся у него свѣдѣніямъ забастовавшіе рабочіе имѣютъ намѣреніе на слѣдующій день идти въ городъ для принесенія жалобы на неправильныя дѣйствія фабричной администраціи.

Въ видахъ предупрежденія безпорядковъ, которые легко могли возникнуть при движеніи черезъ весь городъ значительной толпы рабочихъ, губернаторъ предложилъ полиціймейстеру принять слѣдующія мѣры: а) въ случаѣ скопленія рабочихъ на Петербургскомъ шоссе вмѣнить въ обязанность чинамъ полиціи попытаться уговорить ихъ разойтись по домамъ и предложить избрать изъ своей среды нѣсколько человѣкъ для принесенія губернскому начальству жалобы; б) никоимъ образомъ не допускать шествія по городу рабочихъ толпою и мѣрами полиціи задержать ее на границѣ городской черты, у Александровскихъ воротъ; в) при недостаточности силъ полиціи обратиться къ содѣйствію войска. Въ этихъ видахъ губернаторъ приказалъ полиціймейстеру лично просить начальника штаба 20-го армейскаго корпуса о нарядѣ одного батальона, которому быть въ полной готовности къ выступленію при первомъ требованіи полиціймейстера.

Распоряженіе о нарядѣ батальона и. д. начальника штаба было передано, по приказанію командира корпуса, командиру 115-го пѣхотнаго Вяземскаго полка, а симъ послѣднимъ, черезъ полкового адъютанта, было приказано исполнявшему обязанности командира 1-го батальона двинуться съ своимъ батальономъ къ Александровскимъ воротамъ. Распоряженіе о выступленіи батальона изъ казармы, безъ вызова войска со стороны полиціймейстера, было сдѣлано полковымъ командиромъ въ виду отдаленности казармъ отъ Александровскихъ воротъ и изъ опасенія прійти къ мѣсту назначенія слишкомъ поздно. Командующій батальономъ, подойдя къ воротамъ, гдѣ все было спокойно, и узнавъ отъ стоявшихъ на постахъ городовыхъ, что полиціймейстеръ находится на джутовой фабрикѣ, въ которой происходятъ безпорядки среди рабочихъ, рѣшилъ вести батальонъ на фабрику, не ожидая распоряженія полиціймейстера. Хотя пребываніе батальона на фабрикѣ не вызывалось необходимостью, однако полиціймейстеръ, по соглашенію съ старшимъ фабричнымъ инспекторомъ, не счелъ удобнымъ тотчасъ же отпустить батальонъ обратно, такъ какъ подобное распоряженіе могло произвести неблагопріятное впечатлѣніе на толпу забастовавшихъ рабочихъ и подать имъ поводъ превратно истолковывать неожиданное появленіе войскъ и столь же быстрое ихъ удаленіе.

Около 3 час. дня толпа забастовавшихъ рабочихъ, оттѣсненная еще ранѣе чинами полиціи шаговъ на 300 отъ фабрики, пришла въ движеніе и направилась по шоссе къ городу, въ виду чего распоряженіемъ полиціймейстера, отданнымъ по телефону, къ Александровскимъ воротамъ собраны были чины полиціи подъ начальствомъ помощника полиціймейстера, для удержанія толпы у названныхъ воротъ.

Въ виду неизвѣстности цѣли движенія толпы и распространившагося слуха о возможности ея возвращенія обратно на джутовую фабрику, съ подкрѣпленіемъ значительнымъ числомъ рабочихъ отъ расположеннаго близъ Александровскихъ воротъ вагоннаго завода «Фениксъ», на которомъ работали мужья многихъ работницъ джутовой фабрики, полиціймейстеръ, отправляясь лично къ означеннымъ воротамъ, оставилъ три роты на джутовой фабрикѣ, а одну роту направилъ къ воротамъ вслѣдъ за толпою: свободные городовые были посланы на извозчикахъ въ объѣздъ къ тѣмъ же Александровскимъ воротамъ.

Когда толпа рабочихъ подошла къ находящемуся около самыхъ воротъ переѣзду желѣзной дороги, то была встрѣчена сосредоточенными уже тамъ чинами полиціи. На всѣ увѣщанія разойтись толпа не обращала никакого вниманія, требуя свободнаго пропуска. Тогда сдѣланы были попытки уговорить рабочихъ отправляться партіями по 10—15 человѣкъ въ полицейскіе участки для про-

изводства разсчета, но на это рабочіе не согласились и требовали пропустить ихъ въ городъ всѣхъ вмѣстѣ. Получивъ въ этомъ отказъ, рабочіе продолжали оставаться на мѣстѣ, шумѣли и не расходились, заявляя желаніе получить разсчетъ тутъ же.

Вслѣдствіе этого и въ видахъ предупрежденія все увеличивающагося скопленія рабочихъ и публики у Александровскихъ воротъ, а также изъ желанія успокоить забастовщиковъ, послѣдніе были приглашены для полученія разсчета въ находящійся у Александровскихъ воротъ садъ, куда въ то же время былъ вызванъ по телефону фабричный кассиръ съ деньгами. Рабочіе, преимуществено женщины, человѣкъ 150—200 вошли въ садъ, а остальные, приблизительно въ такомъ же количествѣ, оставались стоять спокойно на улицѣ.

Подошедшая къ этому времени къ Александровскимъ воротамъ рота солдатъ была отправлена полиціймейстеромъ въ казармы, такъ какъ толпа рабочихъ вела себя въ то время совершенно спокойно. Вслѣдъ затѣмъ имъ же было сдѣлано распоряженіе о возвращеніи въ казармы, по другой, ближайшой дорогѣ, и остальныхъ трехъ ротъ, оставшихся у джутовой фабрики.

Къ 5-ти часамъ пополудни подошла къ саду команда изъ 10-ти нижнихъ чиновъ, при унтеръ-офицерѣ, которая была раньше оставлена, по просьбѣ фабричной администраціи и съ разрѣшенія своего начальства, для охраны квартиры директора фабрики. Послѣ ухода роты къ Александровскимъ воротамъ, команда эта была смѣнена людьми другихъ ротъ и, какъ оказалось, догоняла теперь свою роту. Означенные люди были удержаны въ саду помощникомъ полиціймейстера, а вскорѣ прибывшій командиръ баталіона далъ имъ разрѣшеніе отдохнуть минутъ 10 и затѣмъ приказалъ идти въ казармы.

Полиціймейстеръ, видя, что разсчетъ производится спокойно и въ полномъ порядкѣ, отправился въ 5 ч. 30 м. дня къ губернатору для доклада о ходѣ дѣла, оставивъ на мѣстѣ своего помощника.

Въ 6 час. вечера въ саду, гдѣ производился разсчетъ, послышался сигналъ объ окончаніи работъ на вагонномъ заводѣ «Фениксъ» (расположенномъ въ шагахъ 500 отъ упомянутаго сада). Вслѣдъ за нимъ громадная толпа, вооруженная палками, камнями и бутылками, разломала заборъ и, ворвавшись въ садъ, стала осыпать находившихся тамъ чиновъ полиціи и нижнихъ воинскихъ чиновъ градомъ камней и бутылокъ. Попытки чиновъ остановить толпу остались тщетными. Въ это время получили сильные ушибы въ голову и животъ помощникъ пристава 2-го участка митавской части Кошко и легкіе ушибы— причисленный къ губернскому правленію и состоящій въ распоряженіи полиціймейстера подполковникъ запаса Глазенаппъ, участковые пристава Заблоцкій и Яроцкій, нѣсколько городовыхъ и одинъ нижній чинъ. Въ виду явной опасности, угрожавшей всѣмъ лицамъ, находившимся въ саду, отъ бросившейся на нихъ разъяренной толпы, подполковникъ Глазенаппъ приказалъ нижнимъ чинамъ стрѣлять вверхъ. Послѣ первыхъ двухъ залповъ толпа отодвинулась, но затѣмъ начала вновь напирать, вслѣдствіе чего унтеръ-офицеръ вынужденъ былъ дать еще третій залпъ, но уже не вверхъ, а въ толпу; а такъ какъ эта послѣдняя вскорѣ вновь стала надвигаться на нижнихъ чиновъ, то унтеръ-офицеръ и 10 человѣкъ нижнихъ чиновъ, находившихся въ это время уже въ зданіи сада, бросились на нее въ штыки и оттѣснили толпу къ Александровскимъ воротамъ.

По полученіи первыхъ извѣстій о сборищѣ громадной толпы и о происходящихъ въ Александровскомъ саду безпорядкахъ, губернаторъ лично отправился на мѣсто происшествія. Прибывшими войсками были очищены прилегающія къ заводу «Фениксъ» улицы отъ находившагося тамъ народа и любопытныхъ и хотя порядокъ былъ уже возстановленъ, но въ видахъ предосторожности были оставлены войска.

Ночь и слѣдующій день прошли совершенно спокойно. На всѣхъ фабрикахъ и заводахъ города, въ томъ числѣ и на заводѣ «Фениксъ» работы продолжались.

Впослѣдствіи установлено, что изъ толпы было 4 убитыхъ, 8 тяжело раненыхъ (изъ нихъ одинъ умеръ по дорогѣ въ больницу) и 16 легко раненыхъ.

Насколько понынѣ удалось выяснить, поводомъ къ нападенію рабочихъ на полицію послужилъ слухъ, пущенный между рабочими «Феникса», что ихъ жены, забастовавшія на джутовой фабрикѣ, задерживаются силою въ Александровскомъ саду.

6-го мая безпорядки возобновились, толпа требовала освобожденія арестованныхъ наканунѣ и, получивъ отказъ, не расходилась.

Прибывшіе два батальона 115-го пѣх. Вяземскаго полка оттѣснили толпу отъ 2-го полицейскаго участка Петербургской части въ сосѣднія улицы. Тѣснимая войсками толпа разбилась на партіи, которыя, направившись по Матвѣевской, Маріинской, Суворовской и Гертрудинской улицамъ, разрушили 11 домовъ терпимости, одинъ частный домъ и портерную лавку. Въ нѣкоторыхъ частныхъ домахъ выбиты окна и разбиты ставни. Погромы публичныхъ домовъ сопровождались поджогами, а въ являвшихся, для спасенія и тушенія огня, полицейскихъ чиновъ, пожарныхъ командъ и войска толпа бросала камнями, при чемъ получили ушибы два офицера, 22 нижнихъ чина, начальникъ летучей пожарной команды, а также многіе городовые и пожарные.

Къ 12 час. ночи толпы отчасти были разогнаны войсками, отчасти разошлись сами, и спокойствіе въ городѣ возстановилось. Къ дѣйствію оружіемъ не прибѣгали. Всего арестовано было 35 человѣкъ.

Къ 3 час. дня 7-го мая собрались большія толпы народа въ улицахъ близъ 2-го участка Петербургской части съ намѣреніемъ, какъ слышно было, произвести разгромъ участка и освободить арестованныхъ за безпорядки. Вслѣдствіе этого къ 5 час. дня были вызваны къ участку, расположенному по Матвѣевской улицѣ. 1 батальонъ 116-го пѣх. Малоярославскаго полка и нѣсколько ротъ 177-го пѣх. Изборскаго полка.

Къ 7-ми час. вечера толпа появилась на Кирпичной и Зеленой улицахъ, разбила камнями ставни и окна въ двухъ домахъ терпимости и одномъ домѣ частнаго владѣльца.

Получивъ извѣстіе о возобновленіи безпорядковъ на улицахъ города и о скопленіи большой толпы у 2-го участка Петербургской части, губернаторъ отправился лично на мѣсто расположенія участка. По предложенію губернатора, командиръ 116 го пѣх. Малоярославскаго полка долженъ былъ разогнать толпы натискомъ войскъ, дѣйствуя прикладами и прибѣгая къ дѣйствію оружіемъ лишь въ самомъ крайнемъ случаѣ.

На троекратное предложеніе разойтись съ предвареніемъ, что въ противномъ случаѣ войска будутъ дѣйствовать оружіемъ, толпа отвѣчала свистками, криками: «войска стрѣлять не смѣютъ» и бросаніемъ камней. Тогда роты прикладами разогнали толпу, которая, однако, разсѣянная въ одномъ мѣстѣ, вскорѣ собиралась въ другомъ. Шедшая въ обходъ команда изъ одного взвода 177-го Изборскаго полка подверглась нападенію толпы на углу Рыцарской и Маріинской улицъ. Окруживъ нижнихъ чиновъ со всѣхъ сторонъ, толпа съ криками: «стрѣлять не смѣете», начала забрасывать солдатъ камнями.

Унтеръ-офицеръ, начальникъ команды, приказалъ сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ, а подошедшая къ мѣсту происшествія рота 116-го пѣхотнаго Малоярославскаго полка разогнала толпу. Произведенными выстрѣлами было ранено 5 человѣкъ, въ томъ числѣ одинъ тяжело. Въ первомъ часу ночи уличные безпорядки прекратились.

Въ теченіе 7-го мая получили ушибы 2 офицера и 13 нижнихъ чиновъ. 8-го и 9-го мая были приняты чрезмѣрныя мѣры для охраны спокойствія въ городѣ. 8-е мая прошло спокойно за исключеніемъ единичныхъ случаевъ нарушенія порядка.

Въ воскресенье, 9-го мая, толпа бывшихъ рабочихъ и поденщиковъ пивовареннаго завода «Вальдшлесхенъ» разбила двери и окна нѣкоторыхъ зданій этого завода и произвела безпорядки въ рабочей казармѣ лѣсопильнаго завода Рабиновича. Вечеромъ того же дня толпа сожгла рабочій баракъ Риго-Орловской желѣзной дороги, при чемъ семь рабочихъ были избиты, а ночью совершенъ поджогъ на машиностроительномъ заводѣ «Моторъ».

Въ понедѣльникъ, 10-го мая, начались первыя забастовки на фабрикахъ и заводахъ Митавскаго предмѣстья. Забастовали 3,164 рабочихъ съ семи фабрикъ.

Сначала рабочіе держались спокойно, но затѣмъ толпы, состоящія частью изъ рабочихъ, частью изъ постороннихъ лицъ, начали производить безпорядки прежде всего около завода «Моторъ».

Къ мѣсту безпорядковъ тотчасъ же была послана полусотня казаковъ, а вслѣдъ за ними рота Малоярославскаго полка. Прибывшій къ 6 час. на фабрику мѣстный приставъ засталъ тысячную толпу, которая камнями разбила окна фабрикъ и уже успѣла разломать квартиры двухъ сторожей Зассенгофской мануфактуры; слышались револьверные выстрѣлы, произведенные какъ изъ толпы, такъ и служащими на этихъ фибрикахъ. Этими выстрѣлами были легко ранены двое мужчинъ и одна женщина. Часть рабочихъ ворвалась внутрь зданія Зассенгофской мануфактуры, гдѣ перерѣзала пожарный рукавъ. Въ виду дальности расположенія казармъ отъ мѣста происшествія (верстъ 6—7), казаки прибыли только около 9 час. вечера и разогнали остатокъ толпы. Полурота пѣхоты была оставлена на ночь для охраны Зассенгофской мануфактуры и завода «Моторъ», а казаки возвращены къ полицейскому участку, откуда посылались всю ночь усиленные патрули.

Вечеромъ того же дня было получено заявленіе отъ цементнаго завода о забастовкѣ всѣхъ рабочихъ въ числѣ 1,200 человѣкъ.

Къ 11 ч. утра, 11-го мая, тысячная толпа собралась у фабрикъ Лодера и Поссе, требуя сокращенія рабочаго дня. Толпа съ улицы начала бросать камни въ окна. Прибывшіе по вызову участковый приставъ съ 10 казаками при хорунжемъ Астаховѣ разогнали толпу, при чемъ получили сильные ушибы два казака. Послѣ ухода казаковъ вновь образовавшаяся толпа, состоявшая изъ рабочихъ завода и другихъ постороннихъ лицъ, ворвалась во дворъ фабрики, перебила часть оконъ въ главномъ зданіи фабрики, окна конторы и жилыхъ помѣщеній и разгромила квартиру отсутствовавшаго директора Поссельта. Вторично посланные казаки разогнали толпу.

Волненія возникали и подавлялись 12-го, 13-го, 14-го и 15-го мая. 17-го мая вечеромъ всѣ пѣхотныя части возвращены были въ казармы, а для поддержанія порядка оставлены въ различныхъ частяхъ города казаки, которымъ указаны районы для посылки разъѣздовъ и патрулей. Съ 18-го мая работали всѣ фабрики и заводы въ Ригѣ.

По имѣющимся свѣдѣніямъ за все время безпорядковъ было принято въ городскую больницу 33 человѣка. Изъ нихъ ранено: ружейными пулями—19 человѣкъ, изъ револьвера 3 чел., штыкомъ—5 чел., прикладомъ—4 чел., шашкой—1 чел., камнемъ—1 чел. и 5 умерло до отправленія въ больницу. Въ числѣ этихъ пораненыхъ были 23 человѣка фабричныхъ рабочихъ. Убытки отъ безпорядковъ исчислены всего въ 2.460 руб. для фабрикъ и въ 2.835 р. для директора Зассенгофской мануфактуры. Кромѣ того получили болѣе и менѣе серьезныя поврежденія камнями: приставъ Холевинскій, помощники при-

ставовъ: Кошко и Бирнбаумъ, капитанъ Вяземскаго полка Лепковскій, подпоручикъ Пузыревскій, 14 нижнихъ чиновъ Вяземскаго полка, три Изборскаго, два казака: одинъ камнемъ, а другой желѣзнымъ болтомъ, и одинъ городовой камнемъ.

По обвиненію въ безпорядкахъ задержано всего 212 человѣкъ; часть изъ нихъ передана судебному слѣдователю; большая часть нынѣ освобождена, а относительно выселенія изъ Риги зачинщиковъ и подстрекателей къ забастовкамъ представлено министру внутреннихъ дѣлъ.

Переселеніе духоборовъ въ Якутскую область и Канаду. Въ «Восточномъ Обозрѣніи» появилось продолженіе путевыхъ замѣтокъ врача Сокольникова, который, по порученію графа Л. Н. Толстого, сопровождалъ въ Якутскую область партію духоборскихъ женъ и дѣтей. Встрѣтивъ ее на ст. «Тайга» и узнавъ, что всѣ женщины и дѣти ѣдутъ въ вагонахъ IV класса, и что тамъ же ѣдетъ сопровождавшій ихъ изъ Тифлиса полицейскій надзиратель К. В. Высоцкій, г. Сокольниковъ рѣшилъ тоже помѣститься въ IV классѣ. Описаніе, дѣлаемое врачемъ Сокольниковымъ, даетъ ясное представленіе о томъ, что такое вагоны IV класса.

Это обыкновенные товарные вагоны въ видѣ красныхъ ящиковъ съ бѣлой надписью: 40 чел.—8 лошадей. Построены они такъ, что въ одну изъ боковыхъ дверей свободно можно вводить лошадь, а на противоположной сторонѣ другая дверь въ видѣ калиточки, куда люди могутъ проникать свободно, но лошади не пройдутъ. По угламъ вагона, у самаго потолка имѣются четыре небольшихъ передвижныхъ окошечка, куда проникаетъ свѣтъ и свѣжій воздухъ. На томъ и другомъ концѣ вагона, въ два этажа, устроены широкія нары на манеръ крестьянскихъ палатей, гдѣ люди могутъ размѣщаться поперечными рядами. Въ серединѣ вагона стоитъ желѣзная печка, которая быстро согрѣваетъ внутренность вагона. Однако, тепло въ нашемъ вагонѣ не можетъ держаться долго, такъ какъ при движеніи поѣзда всѣ наши двери и окна начинаютъ скакать, прыгать, трещать и хлопать, быстро накачивая извнѣ холодный воздухъ и выбрасывая теплый. Къ счастью, женщины и дѣти наши одѣты весьма гигіенично. У всѣхъ женщинъ есть ватныя кофточки и овечьи полушубки, а у дитей жилеты, курточки и штаны тоже на ватѣ. Воротъ у всѣхъ закрытый. Стало быть, французской моды не признаютъ.

Когда г. Сокольниковъ передалъ провизію и деньги, собранныя въ Томскѣ въ пользу партіи, одна изъ женщинъ сказала: «Сестры! Возблагодаримъ Господа Бога нашего за то, что Онъ не оставляетъ насъ и посылаетъ намъ черезъ добрыхъ людей помощь». Тогда всѣ женщины стали въ кругъ, поклонились другъ другу сначала въ поясъ, а потомъ сдѣлали земной поклонъ, произнося вслухъ: «Спаси Господи!..» Затѣмъ разошлись по своимъ мѣстамъ, усѣлись и тихимъ, заунывнымъ голосомъ затянули одну изъ любимыхъ пѣсенъ:

Ты куда ѣдешь, скажи мнѣ, странникъ
Съ посохомъ въ рукѣ?—
«Туда, гдѣ милости Господней
Больше, иду я—странникъ
Черезъ горы и долины,
Черезъ степи и поля,
Черезъ лѣса и черезъ равнины
Я иду домой, друзья!..»—
Странникъ! Въ чемъ твоя надежда
Во странѣ твоей родной?—
«Бѣлоснѣжная одежда
Да вѣнецъ мой золотой!..»—
Страхъ и ужасъ не знакомы
На пути твоемъ?—

«А Господни левоны
Охранятъ меня вездѣ...
Іисусъ Христосъ со мною,
Изъ желанной стороны
Я иду за Іисусомъ
Черезъ жгучіе пески»...

Пѣли онѣ дружно, съ большимъ чувствомъ, безъ всякаго крика и писка, хотя мотивы у нихъ очень однообразны и отдѣльныя слова трудно разобрать.

Состояніе партіи были не особенно блестящимъ. Между прочимъ, у 6-лѣтняго Алеши Махортова, оказалась сильнѣйшая цынга, такъ что у него буквально гнили зубы и челюсти. Съ виду онъ былъ очень истощенъ, лицо отечно, животъ вздутъ. При осмотрѣ я нашелъ массу расшатавшихся и омертвѣвшихъ зубовъ, такъ что изо рта шелъ невыносимый запахъ... Нечего дѣлать, я рѣшилъ удалить гніющіе зубы, назначить дезинфицирующее полосканіе, поднять, насколько возможно, общее питаніе и проч. Такъ какъ зубы едва-едва держались въ деснахъ, то безъ труда я вырвалъ пальцами 4 зуба. При этомъ мальчикъ кричалъ, бился, защищался рученками и умолялъ о пощадѣ... Въ душѣ было больно и жалко мальчика, но, скрѣпя сердце, дѣлалъ то, что считалъ необходимымъ.

Кстати, г. Сокольниковъ отмѣчаетъ слѣдующее небезъинтересное явленіе: переселенческіе врачи помогали намъ скорѣе и больше, чѣмъ желѣзнодорожные, которые оказались и менѣе обезпеченными медикаментами и болѣе опутанными разнаго рода формальностями, мѣшающими живому дѣлу медицинской помощи. Такъ, напр., почему то по моему рецепту изъ желѣзоодорожныхъ аптечекъ не выдавали лѣкарствъ, такъ какъ непремѣнно требовалась подпись своего врача, тогда какъ въ Москвѣ, Томскѣ, Иркутскѣ по моему рецепту выдавались какія угодно лѣкарства, ибо я тоже дипломированный врачъ Россійской Имперіи. Особенно важную услугу намъ оказали переселенческіе врачи станцій Боготола и Канска (Сосуновъ и Оржешко).

Въ общемъ до Иркутска ѣхали при довольно благопріятныхъ условіяхъ, пользуясь повсюду вниманіемъ и добрымъ отношеніемъ интеллигентной публики.

Въ «Сынѣ Отечества» печатаются сообщенія одного изъ лицъ, сопровождавшихъ въ Канаду четвертую партію духоборовъ. 26 мая пароходъ «Lake Huron» подошелъ къ островамъ, на которыхъ расположенъ государственный канадскій карантинъ.

Около четырехъ часовъ дня,—пишетъ авторъ сообщенія,—мы остановились и выкинули желтый флагъ,—знакъ неблагополучія на кораблѣ. Къ намъ подошелъ маленькій пароходикъ съ карантинными докторами. Пароходный докторъ сейчасъ же проводилъ прибывшихъ коллегъ въ каюту къ больной, и черезъ пять минутъ пароходъ былъ объявленъ неблагополучнымъ и подлежащимъ двадцатиодневному карантину. Духоборы были обезкуражены.

Дѣло въ томъ, что еще въ океанѣ до лицъ, сопровождавшихъ партію, дошелъ слухъ, что на пароходѣ кто-то заболѣлъ оспой, но обнаружить больныхъ не удалось. Духоборы рѣшили скрыть болѣзнь, потому что они знали, что она помѣшаетъ имъ беспрепятственно проѣхать на мѣста ихъ поселенія. Тутъ сказалось обычное отношеніе къ заразнымъ болѣзнямъ нашего некультурнаго крестьянства, находящаго, что «все это отъ Бога, а умирать, молъ, все равно надо» и смотрящаго на оспу и другія опасныя болѣзни, какъ на кару Божью, съ которой бороться—безполезно. Въ силу такой точки зрѣнія больные тщательно скрывались отъ сопровождавшаго партію медицинскаго персонала. Больныхъ духоборы, какъ сами они признались послѣ, закутывали въ платки, зарывали въ перины и всякое тряпье и клали ихъ въ самые отдаленные темные углы, такъ что найти больныхъ при такихъ условіяхъ прямо-таки не представлялось никакой возможности.

Когда корабль былъ задержанъ, тогда духоборы увидѣли, что съ ними не шутятъ, узнавъ, что тѣлесный осмотръ всѣхъ будетъ сдѣланъ самый тщательный, и потому ничего скрыть ни въ коемъ случаѣ не удастся, они порѣшили придти съ повинной головой, и въ теченіе двухъ часовъ явилось... десять человѣкъ, изъ которыхъ нѣкоторые были въ самой ужасной оспѣ. Жаль было смотрѣть на нихъ. Сколько ненужныхъ страданій перенесли эти несчастныя, почти ослѣпшія дѣти...

Это открытіе 10 оспенныхъ произвело удручающее впечатлѣніе на англичанъ.

Само собою понятно, необходимость пробыть 21 день въ карантинѣ сильно встревожила духоборовъ. Но нашлись среди нихъ и такіе, которые посмотрѣли на дѣло съ точки зрѣнія собственныхъ традицій и житейскаго опыта, утверждая, что «оспа у насъ въ карманѣ: дадимъ тысячу рублей—вотъ и пропустятъ». Ихъ удивленію не было предѣла, послѣ того, какъ они прислали депутацію къ директору карантина и передали чрезъ переводчика просьбу «старичковъ» всѣхъ селеній немедленно отпустить ихъ дальше, на что получили вполнѣ точный отвѣтъ: «въ Канадѣ есть опредѣленные законы относительно заразныхъ болѣзней, согласно съ этими законами мы и поступаемъ». Этотъ отвѣтъ просто ошеломилъ духоборовъ; они никакъ не могли понять, что это за страна, въ которой штатскій господинъ, добрый и обходительный, останавливаетъ весь пароходъ и совершенно не хочетъ уважить самихъ духоборческихъ «старичковъ?» Удивляло ихъ также и то, что передъ «начальствомъ» здѣсь никто не вытягивается, всѣ себя держатъ съ достоинствомъ, самостоятельно, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, у всѣхъ работа вездѣ кипитъ, и самъ капитанъ карантиннаго парохода помогаетъ нагружать багажъ и перетаскиваетъ духоборческіе тюки, въ то время, какъ они сами все время препираются о томъ, кому грузить, кому идти на работу и пр.

Отголоски пушкинскихъ празднествъ. Въ Одессѣ 17 іюня въ залѣ городского съѣзда мировыхъ судей, разбиралось любопытное дѣло, имѣвшее отношеніе къ Пушкинскимъ празднествамъ, хотя и нѣсколько странное.

По полицейскому протоколу дѣло это представляется въ слѣдующемъ видѣ:

«26-го мая, въ день празднованія столѣтія со дня рожденія Пушкина, въ толпѣ, собравшейся по прилегающимъ къ Николаевскому бульвару улицамъ, находился, между прочимъ,—какъ выражается тотъ-же протоколъ,—неизвѣстный рыжій молодой человѣкъ еврейскаго происхожденія, который, не взирая на предложеніе околоточнаго надзирателя оставаться на мѣстѣ, пытался прорваться черезъ цѣпь городовыхъ, но, будучи остановленъ имъ за руку, позволилъ себѣ не исполнить приказанія, вернуться обратно, вступилъ съ надзирателемъ въ пререканія и былъ нахально грубъ. Околоточный надзиратель доложилъ г. помощнику полиціймейстера Чебанову о возмутительномъ поведеніи еврея, который послѣ внушенія опять сталъ на свое мѣсто; послѣ отхода г. Чебанова еврей этотъ снова прорвался и хотѣлъ перейти черезъ цѣпь въ то время, когда мимо проходила депутація учащихся, въ числѣ 2.500 человѣкъ. Въ это время околоточный надзиратель сообщилъ объ этомъ другому помощнику полиціймейстера Дидрихсу, который велѣлъ отправить еврея, вступившаго съ нимъ въ пререканія, въ ближайшій участокъ. По доставленіи еврея въ участокъ, онъ назвался помощникомъ присяжнаго повѣреннаго Нотесомъ».

14-го іюня мировымъ судьей допрошены были свидѣтели со стороны обвиненія—помощники полицеймейстеровъ Дидрихсъ и Чебановъ, околоточный надзиратель, составившій протоколъ, Садюковъ, и бывшій брандъ-маіоръ Болтинъ съ женой. Свидѣтели подтвердили содержаніе протокола; помощникъ полиціймейстера Дидрихсъ, между прочимъ, заявилъ:

«Поведеніе Нотеса было до такой степени вызывающимъ, что въ настроеніи публики стало явно замѣчаться возбужденіе и, для вразумленія остальныхъ, я прибѣгнулъ къ нѣсколько рѣшительнымъ въ отношеніи его мѣрамъ: собственноручно снялъ съ него шляпу, громко прикрикнулъ и распорядился отправить его въ участокъ. Г. Нотесъ жаловался по этому поводу прокурору окружного суда и, по распоряженію г. градоначальника, я былъ подвергнутъ двухдневному аресту».

Защитниками г. Нотеса выступили старшина консультаціоннаго бюро, юрисконсультъ городского общественнаго управленія, прис. пов. Ф. Д. Богацкій, и прис. пов. Ф. Н. Литвицкій. Свидѣтели—помощ. прис. пов. Брунсъ, помощникъ библіотекаря новороссійскаго университета Шестериковъ, инженеръ Весселн, помощникъ директора черноморско-дунайскаго пароходства Лобзинъ, завѣдующій коммерческой частью этого общества Стиліануди, свящ. Басовъ, Ковалевъ, одесскіе купцы Адамъ Бендеръ и Ганелинъ,—приведенные тутъ же къ присягѣ въ общихъ чертахъ выяснили слѣдующее: мѣсто, гдѣ стоялъ Нотесъ, находилось въ саженяхъ 30—40 отъ той площади, по которой дифилировали учащіеся; ни цѣпи городовыхъ, ни каната въ этомъ мѣстѣ не было; ни самъ Нотесъ, никто изъ публики черезъ улицу не перебѣгалъ; публика, стоявшая густой толпой на панели, сильно напирала на первые ряды и сталкивала съ панели то одного, то другого, въ томъ числѣ и Нотеса, который все время стоялъ спокойно, ни съ кѣмъ въ пререканіи не вступалъ. Когда же околоточный надзиратель грубо толкнулъ Нотеса, то послѣдній просилъ его быть повѣжливѣе и обратилъ его вниманіе на стоящихъ позади. Въ это время мимо проходилъ помощникъ полиціймейстера Дидрихсъ, къ которому подъѣхалъ надзиратель Садюковъ и что-то ему сообщилъ. Каковы были «послѣдствія» этого конфиденціальнаго сообщенія, болѣе рельефно иллюстрируютъ данныя на судѣ показанія священникомъ о. Басовымъ и г. Шестериковымъ.

«Помню это происшествіе очень хорошо,—заявляетъ, между прочимъ, о. Басовъ.—Стою я какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ стоялъ г. Нотесъ. Вдругъ вижу, къ нему подходитъ полицейскій. Сказалъ ему что-то и отошелъ къ помощнику полиціймейстера Дидрихсу. «Что изъ этого произойдетъ?»—подумалъ я себѣ. Не успѣлъ я перейти черезъ улицу къ тому мѣсту, какъ къ г. Нотесу подбѣжалъ г. Дидрихсъ и, вообще, набросился на него... Громко сталъ распоряжаться, сбилъ съ него кулакомъ шляпу. Это я видѣлъ и, какъ всѣ, возмутился. Хотѣлъ подойти я къ г. Дидрихсу, но онъ уже кричалъ на городовыхъ, чтобы они арестовали Нотеса. Его потащили, а г. Дидрихсъ уже распоряжается въ другомъ мѣстѣ, кричитъ на какую-то старуху, а та подняла на него зонтикъ и говоритъ ему: «За что ты меня бьешь? Я мѣстная старушка, мнѣ 60 лѣтъ». Тогда я уже не выдержалъ, подбѣжалъ къ г. Дидрихсу, взялъ его за руку и говорю ему: «Успокойтесь, полковникъ». Въ это время вижу, кто-то поднялъ лежавшую на землѣ пуговицу, которую г. Дидрихсъ сорвалъ съ пиджака г. Нотеса въ то время, когда схватилъ послѣдняго за лацканы. Эту пуговицу я оставилъ себѣ на память, а теперь прошу принять ее». Почтенный священникъ досталъ изъ кошелька пуговицу, которая пріобщена къ дѣлу по ходатайству защиты.

Помощникъ библіотекаря новороссійскаго университета Шестериковъ прибавилъ:

«Я видѣлъ, какъ къ г. Нотесу подскочилъ г. Дидрихсъ, два раза ударилъ его по щекѣ, а третьимъ ударомъ сбилъ ему съ головы шляпу. Г. Нотесъ, котораго городовые схватили за руки и вели въ участокъ, былъ буквально въ состояніи столбняка».

Фактъ словеснаго оскорбленія помощникомъ полиціймейстера Дидрихсомъ г. Нотеса выразился, по показаніямъ свидѣтелей, въ томъ, что г. Дидрихсъ,

подскочивъ къ обвиняемому, крикнулъ: «Ахъ ты, жидовская морда; шапку долой передо мной!..»

По окончаніи судебнаго слѣдствія обвинитель со стороны полиціи ограничился словами: «Поддерживаю обвиненіе».

Защитникъ, прис. пов. Богацкій, разобравъ фактическую сторону дѣла, указалъ на полное несоотвѣтствіе протокола дѣйствительности, закончивъ свою рѣчь словами: «Приведеніе въ безпорядокъ находившагося въ полномъ порядкѣ г. Нотеса—есть уголовное преступленіе не со стороны Нотеса»...

Другой защитникъ, присяж. повѣр. Литвицкій, указалъ на разительное противорѣчіе въ показаніяхъ свидѣтелей и полицейскаго протокола.

«Я констатирую,—сказалъ онъ,—что настоящій процессъ приводитъ къ двумъ несомнѣннымъ положеніямъ: 1) протоколъ, составленный полиціей, долженъ быть признанъ искаженнымъ, неправильнымъ, а потому *подложнымъ*. Я не хочу быть голословнымъ и процитирую одно изъ характерныхъ рѣшеній Сената (1893 г. № 48): «Правит. сенатъ, по выслушаніи заключенія оберъ-прокурора, находитъ, что 362 ст. улож. о наказ. предусматриваетъ, какъ видно изъ ея текста и изъ мѣста, занимаемаго ею во главѣ о подлогахъ по службѣ, такія дѣянія должностного лица, которыя заключаютъ въ себѣ элементы подлога, т. е. въ основаніи которыхъ лежитъ ложь или обманъ, вносимые должностнымъ лицомъ въ дѣло намѣрнно, съ цѣлью искаженія или сокрытія истины». Неужели въ данномъ дѣлѣ мы не видимъ точнаго воспроизведенія служебнаго подлога? Вѣдь достаточно вспомнить рѣчь моего почтеннаго товарища по защитѣ, который указалъ на рядъ лживыхъ утвержденій въ протоколѣ, чтобы отвѣтить утвердительно на поставленный вопросъ. И я, съ своей стороны, добавлю только одно соображеніе: вѣдь въ основу обвиненія положенъ тотъ мотивъ, что «неизвѣстный рыжій молодой человѣкъ, еврейскаго происхожденія, не взирая на предложеніе Садюкова оставаться на мѣстѣ, позволилъ себѣ прорваться черезъ цѣпь городовыхъ». Нельзя же прорваться черезъ ту цѣпь, которой, какъ удостовѣрили свидѣтели, въ дѣйствительности не существовало! Къ чему же завѣдомо невѣрное утвержденіе? Психологія вообще и уголовная—въ особенности подскажетъ вамъ, г. судья, настоящій мотивъ этого невѣрнаго утвержденія: оно должно было прикрыть и, хотя немного, оправдать фактъ насилія, отвергаемаго свидѣтелями обвиненія. Эта неправда еще разъ повторяется въ протоколѣ; составитель протокола утверждаетъ, что «еврей этотъ снова прорвался черезъ цѣпь (несуществующую) городовыхъ».

Эта двойная неправда есть лучшее доказательство невиновности Нотеса, ибо правдивый фактъ нельзя подкрѣплять ложью».

Мировой судъ оправдалъ Нотеса, но представитель отъ полиціи подалъ жалобу на неправильное рѣшеніе въ высшую инстанцію.

Послѣсловіе Пушкинскимъ празднествамъ въ Перми. 16-го іюня, въ засѣданіи пермской городской думы, какъ сообщаютъ мѣстныя «Губерн. Вѣдом.», гласными заявлено было сожалѣніе, что 26-го мая почитатели народнаго поэта лишены были возможности помолиться о душѣ Пушкина. Гл. Жаковъ высказалъ, что распоряженіемъ, запрещающимъ молиться о душѣ поэта, затронуто религіозное чувство, и просилъ слова свои внести въ журналъ. «Я,—сказалъ онъ,—вызванъ скорбнымъ и угнетеннымъ чувствомъ христіанина. На празднествѣ принимали участіе дѣти, которыя могли спросить у родителей, почему нельзя молиться о душѣ человѣка, память котораго такъ торжественно чествуется? Что можно отвѣтить на такой вопросъ ребенка?» Затѣмъ въ думѣ произошелъ слѣдующій обмѣнъ мнѣній когда г. Жаковъ предложилъ заявить неудовольствіе «по поводу омраченія празднества» и гласные Грабель, Мѣшковъ и Тупицынъ присоединились къ нему.

О. Остроумовъ замѣчаетъ, что молиться никому не запрещается, и заявляетъ, что дума не въ правѣ дѣлать указанія епархіальному вѣдомству.

Гл. Ковалевскій вполнѣ соглашается съ о. протоіереемъ, что указанія дѣлать дума не въ правѣ, но соболѣзнованіе выразить она можетъ, тѣмъ болѣе, если сравнить съ тѣмъ, что происходило въ другихъ городахъ. Въ Москвѣ и Петербургѣ служили преосвященнѣйшіе митрополиты. Что можно въ одной епархіи, то можно и въ другой.

О. Остроумовъ. Въ Москвѣ совсѣмъ другія условія.

Гл. Ковалевскій. Что можно, то вездѣ можно.

О. Остроумовъ. Молиться можно, но коммиссія, выработывавшая программу празднества, постановила отслужить панихиду, а не постановила просить епархіальное вѣдомство разрѣшить отслужить панихиду.

Гл. Жаковъ. Не думаю, чтобы дума полагала отслужить панихиду безъ разрѣшенія.

О. Остроумовъ. Никто вамъ не воспрещалъ служить панихиду. Обратились бы ко мнѣ и я бы вамъ отслужилъ.

Одинъ изъ гласныхъ заявляетъ, что священникъ Воскресенской церкви отказалъ управѣ служить панихиду, и проситъ прочесть отношеніе этого священника.

Читается отношеніе священника Воскресенской церкви о. Пьянкова, который на просьбу управы отслужить въ Воскресенской церкви панихиду по Пушкинѣ отвѣтилъ, что, на основаніи 39 апостольскаго правила и 14 главы 5 статьи посланія апостола Павла къ римлянамъ, онъ отказывается служить панихиду.

Гл. Калининъ. Въ губернскомъ городѣ нельзя служить панихиду, а въ Бикбардинскомъ заводѣ отслужена была панихида.

Гл. Ковалевскій на замѣчаніе о. Остроумова, повторившаго, что думѣ нѣтъ дѣла до распоряженій епархіальнаго вѣдомства, заявляетъ: если о. Остроумовъ повторяетъ, что думѣ нѣтъ дѣла, то я скажу, что есть. Я, какъ христіанинъ, думаю, что о душѣ каждаго усопшаго человѣка можно молиться, но почему нельзя молиться о душѣ А. С. Пушкина,—я положительно не понимаю. Объ этомъ нужно довести до свѣдѣнія высшаго духовнаго начальства, Святѣйшаго Синода.

Гл. Мѣшковъ присоединяется къ мнѣнію г. Ковалевскаго о необходимости довести до свѣдѣнія Святѣйшаго Синода о запрещеніи епархіальнаго начальства служить панихиду по Пушкинѣ.

О. Остроумовъ. Служить панихиды не запрещалось, но и не благословлялось. Всѣмъ можно было молиться.

Гл. Мѣшковъ замѣчаетъ, что военное начальство не могло исполнить распоряженія военнаго министра — отслужить панихиду, такъ какъ духовенство отказалось служить.

О. Остроумовъ. Никто не запрещаетъ молиться.

Гл. Мѣшковъ. Послѣ времени все можно, а тогда отказывались, потому-что запрещено было. Также учебному начальству отказано было служить панихиду для учащихся.

О. Остроумовъ. Думѣ нѣтъ дѣла судить епархіальное начальство.

Гл. Мѣшковъ. Не судить епархіальное начальство, а довести о дѣйствіяхъ его до свѣдѣнія высшаго начальства.

Затѣмъ вопросъ поставленъ былъ въ пермской думѣ на баллотировку. Первое предложеніе—внести заявленіе г. Жакова въ журналъ—принято большинствомъ противъ 6 голосовъ. Второе предложеніе—выразить сожалѣніе по поводу запрещенія служить панихиду и довести до свѣдѣнія высшаго начальства, что панихиду запрещено было служить не только городу, но и учебному начальству,—принято большинствомъ противъ 6 голосовъ.

Въ «Пермскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» напечатано было «предложеніе преосвященнаго Петра, епископа пермскаго и соликамскаго, пермской духовной консисторіи» слѣдующаго содержанія:

«Въ «Пермск. Губ. Вѣдом.» отъ 2-го и 3-го мая описываются церемоніи, составляемыя разными общественными представителями для чествованія памяти поэта А. С. Пушкина. Духовенству пермской епархіи, съ одной стороны, чтобы не подать соблазна простымъ людямъ, мало знающимъ истинное ученіе христіанской вѣры, съ другой—чтобы устранить возможность у раскольниковъ (которыхъ здѣсь болѣе 60.000) къ нареканіямъ на святую православную церковь, нужно относиться къ симъ церемоніямъ крайне осторожно, не быть пассивными исполнителями воли нѣкоторыхъ лицъ, равнодушныхъ къ чести и славѣ православной нашей вѣры, а руководствоваться въ этихъ обстоятельствахъ исключительно словомъ Божіимъ и ученіемъ вселенской церкви, которая именуется столпомъ и утвержденіемъ истины (1 Тим. III, 15 Евр. XIII, 7, I Корин. VIII, 9—11. Матѳ. VI, 6—7. Руководство для сельскихъ пастырей—г. Нечаева)».

Закрытіе Московскаго Юридическаго Общества. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» напечатано:

«Министръ народнаго просвѣщенія призналъ необходимымъ закрыть юридическое Общество, состоящее при Императорскомъ московскомъ университетѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ министръ предоставилъ совѣту университета войти съ ходатайствомъ объ учрежденіи новаго юридическаго Общества, но не иначе какъ на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Всѣ профессоры юридическаго факультета состоятъ его членами по своей должности. 2) Предсѣдатели Общества и его отдѣленій должны быть избираемы изъ профессоровъ юридическаго факультета и утверждаются въ должностяхъ министромъ народнаго просвѣщенія».

«Русскія Вѣдомости» сообщаютъ краткій обзоръ дѣятельности этого старѣйшаго изъ нашихъ юридическихъ Обществъ. Московское юридическое Общество возникло въ 1863 году. Когда послѣ великой крестьянской реформы была поставлена на очередь реформа судебная и когда были обнародованы основанія этой реформы, въ образованныхъ кругахъ Москвы явилась мысль о необходимости совмѣстныхъ собраній и бесѣдъ для ознакомленія съ принципами проектируемой реформы и для популяризированія ихъ. Былъ составленъ проектъ Устава Общества, и 20-го января 1863 года въ квартирѣ проф. С. И. Баршева состоялось многолюдное собраніе для разсмотрѣнія этого проекта. Его рѣшено нѣсколько видоизмѣнить, болѣе сообразовавъ съ потребностями практической жизни. Для этой цѣли была избрана особая коммиссія, а на продолженіе собраній было испрошено разрѣшеніе московскаго военнаго генералъ-губернатора. 10-го марта 1863 г. состоялось первое собраніе московскаго юридическаго Общества. На первыхъ порахъ дѣятельность его не имѣла опредѣленнаго плана, не носила строгаго характера практическаго или теоретическаго ученаго учрежденія. Одновременно обсуждались общіе вопросы, разбирались юридическіе казусы, устраивались публичныя судоговоренія, пересматривались интересныя дѣла, рѣшенныя въ старыхъ судебныхъ учрежденіяхъ. Преимущественно занятія Общества сосредоточивались, однако, на обсужденіи юридическихъ вопросовъ, возбуждаемыхъ текущею судебною практикою, а также запросами и интересами частныхъ лицъ. Вскорѣ среди его членовъ возникла мысль о необходимости обмѣна мыслей между бóльшимъ контингентомъ судебныхъ дѣятелей, между всѣми русскими юристами. 5-го—8 го іюня 1875 года въ стѣнахъ московскаго университета происходили засѣданія перваго съѣзда русскихъ юристовъ, организованнаго по иниціативѣ и трудами московскаго юридическаго Общества. Съѣздъ раскрываетъ необходимость новыхъ дальнѣйшихъ преобразованій въ области права, и юри-

дическое Общество съ этого времени ставитъ себѣ задачей—разработкою матеріаловъ для текущихъ законодательныхъ мѣропріятій, содѣйствовать трудамъ правительственныхъ коммиссій по составленію различныхъ законопроектовъ. Самимъ правительствомъ передаются на разсмотрѣніе Общества вопросы желѣзнодорожнаго права и фабричнаго законодательства, проектъ Уголовнаго Уложенія и пр. Въ 1883 году при московскомъ юридическомъ Обществѣ учреждается статистическое отдѣленіе, задачей котораго является обсужденіе и разработка вопросовъ русской экономической жизни.

Въ теченіе своей дальнѣйшей дѣятельности Общество продолжаетъ слѣдовать тому плану своихъ занятій, который выработался въ немъ въ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ, откликаясь на серьезные вопросы юридической науки и законодательства. Въ первое время существованія Общества главнѣйшими дѣятелями въ немъ были: покойный профессоръ С. И. Баршевъ, первый предсѣдатель Общества и иниціаторъ съѣзда русскихъ юристовъ; покойный профессоръ В. Н. Лешковъ, принимавшій въ теченіе первыхъ 17-ти лѣтъ существованія Общества самое дѣятельное участіе въ его судьбахъ; покойный сенаторъ Н. В. Калачевъ, предсѣдатель перваго съѣзда русскихъ юристовъ; покойный профессоръ П. Л. Карасевичъ; покойные А. М. Фальковскій, Э. Н. Сумбулъ. Почетными и дѣйствительными членами московскаго юридическаго Общества состояли многіе русскіе и нѣкоторые иностранные извѣстные юристы. Въ числѣ ихъ были: К. П. Побѣдоносцевъ, Н. И. Стояновскій; сенаторы: Н. С. Таганцевъ, В. Р. Завадскій, А. Ѳ. Кони, А. А. Книримъ, И. Я. Фойницкій, Н. П. Боголѣповъ, Б. Н. Чичеринъ, В. Д. Спасовичъ, К. К. Арсеньевъ, В. И. Сергѣевичъ и др. и почти весь наличный составъ юридическаго факультета московскаго университета многія лица изъ судебной магистратуры, и многіе члены адвокатскаго сословія. Всего въ 1899 г. числилось почетныхъ членовъ Общества 50, дѣйствительныхъ 315, членовъ-корреспондентовъ 36.

Съ 1880 года безсмѣннымъ, каждый годъ вновь избираемымъ предсѣдателемъ Общества, состоялъ бывшій профессоръ московскаго университета С. А. Муромцевъ. Въ послѣднее время Общество находилось въ живыхъ сношеніяхъ съ с.-петербургскимъ юридическимъ Обществомъ. Съ 1868 года при московскомъ юридическомъ Обществѣ издавался періодическій органъ *Юридическій Вѣстникъ*, который, просуществовавъ 24 года, съ 1893 года пересталъ выходить въ свѣтъ. Взамѣнъ этого журнала московское юридическое Общество выпускало въ послѣдніе годы отъ времени до времени *Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній*. Въ концѣ прошлаго года вышелъ 8-й томъ *Сборника*.

«Моск. Вѣд.» этому извѣстію, которое «произведетъ глубокое впечатлѣніе не въ однихъ лишь университетскихъ кругахъ», посвящаютъ статью, гдѣ пытаются выяснить причину этой экстренной и рѣшительной мѣры.

«Рядомъ съ почетною и плодотворною дѣятельностью юридическаго общества, входившею въ кругъ его прямыхъ занятій, въ это общество давно уже, къ сожалѣнію, проникли совершенно чуждыя наукѣ тенденціозныя политическія направленія, систематически поддерживавшія въ его членахъ, а черезъ нихъ—и въ общественныхъ сферахъ, духъ оппозиціи правительству и недовольство неугодными извѣстной партіи проявленіями правительственной власти.

«Это вредное направленіе общества, неоднократно проявлявшееся уже въ прежнее время, обнаружилось, между прочимъ, еще недавно, когда на посвященномъ Пушкину торжественномъ соединенномъ засѣданіи совѣта императорскаго университета и общества любителей россійской словесности въ стѣнахъ старѣйшаго университета. Юридическое общество фигурировало со своимъ хлесткимъ адресомъ, прочитаннымъ самимъ предсѣдателемъ, С. А. Муромцевымъ, торжествуя какую-то побѣду, одержанную русскою личностью надъ «рутиной

властной опеки». Этотъ полупрозрачный намекъ, конечно, былъ понятъ присутствовавшею публикой, въ томъ числѣ, и массой учащейся молодежи, въ желаемомъ для авторовъ адреса смыслѣ, и награжденъ былъ шумными рукоплесканіями».

Понятно, что всѣ эти соображенія всецѣло остаются на отвѣтственности газеты г. Грингмута.

За границей.

Промышленная война въ Даніи. Трудолюбивая, энергичная раса, населяющая Данію, съумѣла, несмотря на суровыя и неблагопріятныя условія климата и почвы, достигнуть высокаго промышленнаго развитія и организація рабочихъ въ Даніи, число которыхъ доходитъ въ настоящее время до 80.000, можетъ служить примѣромъ многимъ другимъ европейскимъ государствамъ. Каждый рабочій въ Даніи обязательно состоитъ членомъ какого-нибудь синдиката и затѣмъ всѣ эти синдикаты вмѣстѣ составляютъ федерацію, которая объединяетъ ихъ и является центральною ассоціаціей всѣхъ датскихъ рабочихъ. Въ основѣ этой громадной организаціи заложены конечно экономическія отношенія, но въ тоже время она оказываетъ непосредственное вліяніе и на политическую дѣятельность страны, благодаря сплоченности и единенію силъ. Центральная ассоціація имѣетъ свой собственный органъ печати, который расходится въ количествѣ 40.000 экземпляровъ, что составляетъ исключительный фактъ, въ этой маленькой странѣ. Датскіе рабочіе синдикаты однако не ограничиваются только мѣстною дѣятельностью и чисто экономическими вопросами и не занимаются по преимуществу политикой, подобно другимъ европейскимъ синдикатамъ, но огромную часть своихъ усилій посвящаютъ интеллектуальной пропагандѣ и народному образованію. Въ Копенгагенѣ синдикаты рабочихъ устроили уже нѣсколько клубовъ, библіотекъ и читаленъ и открыли центральную залу для организаціи большихъ собраній и публичныхъ лекцій.

Такимъ образомъ просвѣтительная дѣятельность составляетъ главную выдающуюся черту общей дѣятельности датскихъ рабочихъ синдикатовъ. Кромѣ того и въ Даніи, какъ и въ Бельгіи, процвѣтаютъ кооперативные общества и датская федерація рабочихъ всячески поощряетъ кооперативное движеніе. Федерація открыла въ Копенгагенѣ кооперативную хлѣбопекарню, представляющую образцовое учрежденіе, пользующуюся превосходною репутаціей. Эта пекарня ежегодно отпускаетъ хлѣба на 650,000 фр. и благодаря ей, цѣны на этотъ предметъ первой необходимости не могли повыситься. Теперь открыта кооперативная мясная лавка со всѣми къ ней принадлежностями, ледникомъ и т. п.

Разумѣется развитіе матеріальнаго благосостоянія синдикатовъ и значительный нравственный прогрессъ рабочихъ не могли не вызвать нѣкоторой тревоги среди представителей капитализма и это то и послужило поводомъ къ возникновенію промышленной войны, театромъ которой служитъ въ настоящее время маленькая Данія. Дѣло началось слѣдующимъ образомъ:

Въ нѣсколькихъ деревняхъ Ютландіи столяры, въ числѣ 300 человѣкъ, забастовали и федерація хозяевъ, полагая нанести чувствительный ударъ всей организаціи рабочихъ, объявила «lock-out», (т. е. прекращеніе работы) для всѣхъ столярныхъ рабочихъ вообще, число которыхъ простиралось до 3.500 человѣкъ. Въ первый моментъ эта мѣра дѣйствительно произвела нѣкоторое устрашающее вліяніе, забастовавшіе рабочіе, не желавшіе чтобы изъ-за нихъ страдали товарищи, изъявили покорность, но хозяева, видя тутъ удобный случай

потягаться силами съ центральною федераціей синдикатовъ и разсчитывая на побѣду, отказались и представили федераціи свой ультиматумъ, въ которомъ между прочимъ ставили условіемъ, чтобы ни одинъ изъ постоянныхъ рабочихъ, мастеровъ, указателей и т. д. не принадлежалъ ни къ одному изъ рабочихъ синдикатовъ и чтобы только однимъ хозяевамъ было предоставлено право организаціи и регулированія труда въ своихъ промышленныхъ учрежденіяхъ и федерація не могла бы вмѣшиваться въ эти вопросы. Кромѣ того, хозяева потребовали, чтобы всякое соглашеніе, заключенное между хозяевами и рабочими заканчивалось всегда къ 1-му января каждаго года и всѣ прежніе установленные сроки были бы уничтожены.

Федерація не могла принять такого ультиматума, прямо нарушающаго исконные права синдикатовъ и наносящаго имъ смертельный ударъ. На возраженія федераціи, высказанныя противъ ультиматума, ассоціація хозяевъ отвѣтила отказомъ въ работѣ для всѣхъ рабочихъ металлургическихъ, строительныхъ и механическихъ учрежденій, а также соединенныхъ съ ними мастерскихъ, малярныхъ, плотничныхъ и др. Сразу 3.000 человѣкъ были выброшены на улицу и скоро число это возрасло до 4.000, благодаря давленію оказанному крупными промышленниками на болѣе мелкихъ, которыя также должны были присоединиться къ нимъ и закрыть свои мастерскія. Половина всего рабочаго населенія Даніи, такимъ образомъ, очутилась безъ дѣла. Никогда еще въ Даніи промышленная война не возникала въ такихъ широкихъ размѣрахъ и не продолжалась такъ долго. Со времени объявленія отказа прошло восемь недѣль и ни разу въ продолженіи этого времени не произошло никакихъ безпорядковъ. Общественное мнѣніе сразу стало на сторону рабочихъ и вся печать также приняла ихъ сторону. Надо отдать справедливость датскимъ рабочимъ, что они не только заслужили сочувствіе но и вполнѣ оправдали своимъ поведеніемъ довѣріе общества. Вожди рабочихъ позаботились о томъ чтобы праздность, хотя бы вынужденная, не отразилась бы деморализующимъ образомъ на такомъ огромномъ количествѣ рабочихъ, и не повлекла бы за собою полнаго ихъ разоренія. Кромѣ матеріальной помощи рабочимъ синдикаты тотчасъ же занялись организаціей научныхъ популярныхъ чтеній для рабочихъ, литературныхъ вечеровъ, драматическихъ представленій, посѣщеній музеевъ, выставокъ, картинныхъ галлерей и т. п. На помощь синдикатамъ явились различные общественные дѣятели, школьныя учителя и профессора университета. Вынужденное прекращеніе работы послужило могучимъ толчкомъ просвѣтительной дѣятельности, которая конечно не замедлитъ принести благотворные результаты. Корреспонденты иностранныхъ газетъ, посѣщавшіе эти собранія рабочихъ, публичныя чтенія и вечера, единогласно и съ восторгомъ отзываются о поведенія датскихъ рабочихъ, проявившихъ такую дисциплину и сознаніе долга, которыя не часто можно встрѣтить даже у другихъ болѣе привилегированныхъ классовъ. Популярныя лекціи посѣщались очень усердно и слушатели съ большимъ вниманіемъ относились къ словамъ лектора. Нѣкоторые изъ профессоровъ прямо заявляли, что имъ еще никогда не приходилось имѣть дѣло съ болѣе симпатичной и отзывчивою аудиторіею, чѣмъ та, которую представляютъ датскіе рабочіе.

Дѣло, обставленное такимъ образомъ, и привлекшее на свою сторону всѣхъ лучшихъ людей Даніи, не могло, конечно, потерпѣть неудачу. Любопытнѣе всего, что даже постоянный промышленный совѣтъ представляющій родъ верховнаго совѣта изъ старшинъ, выбираемыхъ изъ хозяевъ и рабочихъ, высказался также въ пользу рабочихъ, выразивъ порицаніе хозяевамъ и предложилъ рабочимъ свое посредничество. Ассоціація капиталистовъ продолжаетъ упорствовать, но ей придется уступить подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, тѣмъ болѣе что федерація рабочихъ синдикатовъ, вѣрная правиламъ благоразумія, которымъ

она слѣдовала до сихъ поръ, приняла предложеніе промышленнаго совѣта и все дѣло передано въ настоящее время на разсмотрѣніе третейскаго суда.

Все датское общество чрезвычайно заинтересовано этою борьбой и нѣтъ никакого сомнѣнія, что, при такихъ условіяхъ, побѣда окажется не на сторонѣ капитала.

События итальянской общественной жизни. Въ послѣднее время много шуму въ итальянской печати вызвало открытіе въ Неаполѣ цѣлой ассоціаціи мошенниковъ. Ни въ одномъ другомъ итальянскомъ городѣ не было бы возможно существованіе такой шайки, имѣвшей своихъ представителей рѣшительно во всѣхъ слояхъ общества и во всѣхъ классахъ. Тутъ оказались и настоящіе аристократы, буржуа, адвокаты, инженеры, банкиры, таможенные чиновники, ростовщики, разные статскіе виверы, прожигатели жизни и дамы полусвѣта— однимъ словомъ, въ этой удивительной ассоціаціи встрѣчаются всѣ элементы итальянскаго общества и вполнѣ естественно, что разоблаченіе ея должно было вызвать громадную сенсацію во всей Италіи. Предстоитъ грандіозный процессъ, на которомъ раскроются всѣ тайны этой ассоціаціи и ея происхожденіе. Многіе изъ весьма именитыхъ гражданъ чуднаго итальянскаго города скомпрометированы въ этомъ дѣлѣ, и, по слухамъ, полиція напала на слѣдъ еще болѣе высокопоставленныхъ членовъ этой удивительной «черной шайки» и теперь уже по секрету называютъ имена которые не рѣшаются произносить громко.

Первые тридцать человѣкъ, арестованные полиціей, дѣйствовали подъ видомъ банкировъ и разнаго рода промышленниковъ, и надо только удивляться, какъ до сихъ поръ имъ сходили даромъ всѣ ихъ мошенническія продѣлки. Но времена Каморры далеко еще не исчезли въ Неаполѣ и она господствуютъ по прежнему. Стоитъ столкнуться интересамъ нѣсколькихъ лицъ, чтобы они тотчасъ же образовали группу и начали поддерживать другъ друга, понимая выгоду единенія. Ассоціація разростается какъ снѣжный комъ и борьба съ нею становится уже очень трудной, да и не подъ силу безпечнымъ неаполитанцамъ, которые предпочитаютъ или сами войти въ составъ ея или же платятъ ей дань.

Разнообразіе способовъ, которые имѣла въ своемъ распоряженіи черная шайка, чтобы грабить чужое имущество, указываетъ на необыкновенную плодовитость и богатство фантазіи членовъ ассоціаціи, опутавшей своими сѣтями всю южную Италію. Во всѣхъ дѣйствіяхъ ассоціаціи ясно сказывается вліяніе образованныхъ людей, съ утонченными вкусами, прекрасно знакомыхъ съ законами и со всею фразеологіей серьезныхъ дѣльцовъ. Во всякомъ случаѣ, самый фактъ многолѣтняго существованія подобной ассоціаціи, дѣятельность которой уже прослѣжена до 1885 года, составляетъ довольно характерный фактъ, обрисовывающій южно-итальянское общество, сохранившее еще во многихъ отношеніяхъ свой средневѣковой отпечатокъ.

Другое событіе, вызывающее много толковъ въ итальянской печати, это путешествіе герцога Абруцскаго къ сѣверному полюсу. Герцогъ Абруцскій самый младшій изъ племянниковъ короля Гумберта, пожелалъ идти по слѣдамъ Андре и Нансена. Онъ подготовлялъ свою экспедицію въ теченіе многихъ мѣсяцевъ и проявилъ при этомъ массу энергіи и настойчивости. До сихъ поръ всѣ полярныя экспедиціи имѣли главнымъ образомъ цѣлью пройти какъ можно дальше впередъ и превзойти въ этомъ отношеніи предшествующія экспедиціи; но экспедиція герцога Абруцскаго поставила себѣ цѣлью главнымъ образомъ научное изслѣдованіе и изученіе полярныхъ странъ, а вовсе не стремленіе, впередъ во чтобы то ни стало. Въ прошломъ году молодой 26-ти лѣтній герцогъ нарочно постарался видѣться съ Нансеномъ, чтобы поговорить съ нимъ о своей экспедиціи и изложить ему общій планъ, выработанный имъ. Онъ самъ наблюдалъ за приготовленіями и осматривалъ каждый ящикъ съ припасами. Кромѣ того

онъ изучилъ всю научную литературу, касающуюся полярныхъ странъ и арктическихъ экспедицій. И такъ какъ книга Норденшильда, этого патріарха полярныхъ изслѣдователей, существуетъ только на шведскомъ языкѣ, то герцогъ Абруцскій заказалъ ея переводъ на итальянскій языкъ спеціально для себя. Онъ наблюдалъ самъ за постройкой судна и указывалъ какія надо сдѣлать въ немъ измѣненія, чтобы сдѣлать его болѣе прочнымъ и болѣе приспособленнымъ для зимовки во льдахъ.

«Stella Polare», на которой отправился герцогъ Абруцскій, уже находится на пути къ сѣверному полюсу. Еще нѣсколько времени о ней будутъ получаться извѣстія, но затѣмъ наступятъ долгіе мѣсяцы полной неизвѣстности, однако экспедиція такъ прекрасно обставлена, что можно вполнѣ надѣяться на ея благополучное возвращеніе.

Послѣднею новинкою въ Италіи служило открытіе женскаго международнаго клуба, въ Римѣ. Въ области женскаго движенія Италія далеко отстала сравнительно съ другими странами и этотъ клубъ составляетъ все таки шагъ впередъ въ этомъ отношеніи, хотя, въ сущности, это скорѣе кружокъ для устройства небольшихъ собраніи и бесѣдъ о разныхъ предметахъ, нежели настоящій клубъ съ опредѣленнымъ направленіемъ и цѣлями. Въ Миланѣ также устраивается клубъ подобнаго рода и отдѣльный женскій комитетъ для пропаганды мира. Во всякомъ случаѣ въ послѣднее время въ области женскаго движенія въ Италіи замѣтно довольно сильное оживленіе и стремленіе впередъ.

Освобожденный плѣнникъ. Карлъ Нейфельдтъ, нѣмецкій купецъ, пробывшій въ плѣну у магдистовъ 12 лѣтъ и освобожденный послѣ взятія Омдурмана, находится въ настоящее время въ Лондонѣ, куда онъ пріѣхалъ для переговоровъ съ издателями. Внезапное полученіе свободы и возвращеніе къ цивилизаціи такъ подѣйствовали на Нейфельдта, что онъ серьезно заболѣлъ вслѣдствіе нравственнаго потрясенія. Ему пришлось снова привыкать къ цивилизованной жизни и, страннымъ образомъ, онъ скорѣе вспоминалъ англійскій языкъ, нежели свой родной нѣмецкій, который не слыхалъ цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ. Конечно, по пріѣздѣ въ Лондонъ, Нейфельдтъ тотчасъ же сдѣлался добычею всевозможныхъ корреспондентовъ, которымъ Нейфельдтъ долженъ былъ разсказывать исторію своего плѣна. Онъ отправился въ 1887 г. изъ Вадигальдка въ Кордофанъ для покупки товаровъ, но путешествіе это было роковымъ. Послѣ долгаго странствованія по безводной пустыни караванъ попалъ въ руки дервишей вслѣдствіе измѣны проводника. Нейфельдтъ былъ взятъ въ плѣнъ и приведенъ въ Омдурманъ. Дервиши почему то вообразили, что онъ высокопоставленный генералъ на службѣ англійскаго правительства и поэтому были очень довольны поимкою такого важнаго плѣнника. Но, вслѣдствіе такой ошибки, Нейфельдтъ чуть не сдѣлался жертвою ярости населенія, когда онъ былъ приведенъ въ Омдурманъ. Ему пришлось перенести страшныя истязанія и его собирались уже повѣсить, но калифъ отмѣнилъ приговоръ и велѣлъ отвести его въ тюрьму. Это была ужаснѣйшая тюрьма, какую только можно себѣ представить. Она помѣщалась въ каменномъ мѣшкѣ, безъ малѣйшей вентиляціи, и была переполнена заключенными, больными и умирающими. Нейфельдтъ говорилъ корреспонденту газеты «Daily News» что онъ никогда не въ состояніи будетъ забыть ночи, проведенныя въ этой тюрьмѣ, гдѣ грязь и духота были невообразимыя. Къ счастью для Нейфельдта спустя нѣкоторое время его увели изъ тюрьмы на работу и по крайней мѣрѣ это дало ему возможность дышать свѣжимъ воздухомъ. Его поселили въ хижинѣ, что составило уже значительное облегченіе. Но всѣ его попытки къ бѣгству оканчивались неизмѣнно неудачей, такъ какъ послѣ побѣга Слатина-Паши за всѣми плѣнниками былъ устроенъ очень бдительный надзоръ. Вмѣстѣ съ Нейфельдтомъ содержался въ плѣну ка-

кой-то несчастный пекарь-чехъ, по имени Іозеппи. Этотъ Іозеппи былъ полупомѣшанный и также вообразилъ, что Нейфельдтъ—англійскій генералъ о чемъ онъ и сообщилъ калифу. Іозеппи потомъ пробовалъ бѣжать и что съ нимъ сталось—неизвѣстно, но своими разсказами онъ повредилъ Нейфельдту, къ которому калифъ постоянно посылалъ шпіоновъ, чтобы вывѣдать у него о планахъ англичанъ. Въ это время въ Омдурманѣ появился какой то алжирецъ, который хвастался, что умѣетъ приготовлять подводныя торпеды, такія какія существуютъ у англичанъ. Калифъ тотчасъ же приказалъ ему приниматься за дѣло и два старыхъ пороховыхъ котла были наполнены порохомъ. Но опытъ окончился роковымъ образомъ для дервишей; порохъ взорвало по неизвѣстной причинѣ раньше времени и больше шестидесяти дервишей, вмѣстѣ съ алжирцемъ, авторомъ этой блестящей, идеи преждевременно отправились въ рай пророка.

Пища, которая предназначалась плѣннымъ, содержавшимся въ тюрьмѣ, состояла изъ тѣста, сдѣланнаго изъ грубосмолотыхъ сѣмянъ дурро (суданской пшеницы), была далеко не питательна, но и ту, плѣнные, не всегда получали въ достаточномъ количествѣ для утоленія голода, такъ какъ ее расхищали сторожа и плѣннымъ доставалось очень мало, вслѣдствіе чего между ними всегда происходили отчаянныя битвы изъ-за куска этого крутого, невкуснаго тѣста. Голодъ доводилъ людей до отчаянія. Всѣ плѣнники были закованы въ цѣпи, но тѣ, цѣпи которыхъ оказывались длиннѣе, имѣли конечно болѣе шансовъ одержать побѣду въ этой борьбѣ за существованіе, такъ какъ движенія ихъ были нѣсколько свободнѣе, зрѣлище этой борьбы было ужасное. Заморенные голодомъ люди скорѣе были похожи на скелеты, на которыхъ болтались коекакія клочья одежды. Нѣкоторые уже не въ состояніи были подняться отъ слабости и умирали такъ безъ всякой помощи. Каждую недѣлю восемь—десять труповъ людей, умершихъ отъ голода, выбрасывались въ Нилъ на пищу крокодиламъ.

Нейфельдтъ вздохнулъ свободно только тогда, когда онъ вышелъ изъ этого ада тюрьмы. Благодаря тому что онъ былъ докторъ и лѣчилъ больныхъ, ему удалось получить нѣкоторыя льготы, но все же и онъ не избѣгалъ наказаній. Однажды его присудили къ 500 ударамъ плетьми, но онъ получилъ только 70, такъ какъ лишился чувствъ и его палачи испугались, думая что онъ умеръ. Въ бытность свою въ плѣну у дервишей ему не разъ приходилось присутствовать при варварскихъ сценахъ. Въ особенности ужасное впечатлѣніе произвела на него сцена казни женщины, обвиненной въ прелюбодѣяніи. Ее закопали въ землю, оставивъ наружу только голову и свирѣпая толпа, окружившая ее, на разстояніи 20 ярдовъ стала бросать въ нее каменьями, но, вслѣдствіе утонченной жестокости, камни бросались небольшіе и такимъ образомъ, чтобы они не могли убить сразу несчастную жертву или лишить ея чувствъ.

— Ужасно было видѣть, разсказывалъ Нейфельдтъ, какъ эта голова безъ туловища вращалась во всѣ стороны, инстиктивно стараясь избѣжать летящихъ въ нее камней. Песокъ кругомъ окрасился кровью, а женщина все еще была жива и что всего было ужаснѣе—все сознавала и чувствовала. Наконецъ какой то болѣе сострадательный человѣкъ швырнулъ въ нее большой камень, положившій конецъ ея мученіямъ.

Разсказъ Нейфельдта о томъ, что онъ видѣлъ и пережилъ за всѣ двѣнадцать лѣтъ плѣна, конечно, заставляетъ радоваться еще болѣе, что царству дервишей положенъ конецъ англичанами, хотя и нельзя оправдывать нѣкоторыхъ поступковъ этихъ послѣднихъ, напримѣръ поруганія гробницы Магди. Лучшая часть англійской печати уже высказалась на этотъ счетъ и въ палатѣ общинъ было публично выражено порицаніе побѣдителямъ, забывшимъ великіе принципы гуманности и великодушія. Во всякомъ случаѣ теперь огромная область

Судана открыта для цивилизаціи и черезъ нѣсколько лѣтъ не останется и слѣдовъ прежняго господства варваровъ въ этой странѣ.

Индусскій журналистъ Бейрамъ Малабари. За послѣдніе годы Индія успѣла выдвинуть нѣсколько дѣятелей на общественномъ поприщѣ и въ области соціальныхъ реформъ. Самымъ крупнымъ изъ нихъ является индійскій журналистъ Бейрамъ Малабари, личность замѣчательная во всѣхъ отношеніяхъ. Миссія соціальнаго реформатора носитъ въ Индіи совершенно иной характеръ, нежели въ Европѣ, такъ какъ, прежде всего, приходится заботиться не столько объ измѣненіи матеріальнаго положенія вещей, сколько о подъемѣ нравственнаго уровня извѣстныхъ классовъ населенія, которыя несутъ на себѣ тяжелое наслѣдіе всяческихъ притѣсненій и вѣковой несправедливости. Малабари понялъ это и первый поднялъ голосъ за освобожденіе индусской женщины и побудилъ англійскія власти вмѣшаться и воспретить ранніе браки и облегчить положеніе индусскихъ вдовъ. Крестовый походъ, который былъ начатъ Малабари въ пользу индусскихъ женщинъ, возбудилъ противъ него страшную ненависть ортодоксальныхъ индусовъ, но за то привлекъ на его сторону лучшихъ людей Индіи.

Малабари былъ сынъ простого приказчика, парса, получавшаго 20 рупій жалованья въ мѣсяцъ; ему было шесть лѣтъ, когда отецъ его умеръ и его мать, переѣхала въ другой городъ, вышла замужъ за своего родственника, пожилого человѣка, который велъ торговлю пряностями и сандальнымъ деревомъ вдоль Малабарскаго берега. Отчимъ усыновилъ Бейрама и далъ ему фамилію Малабари, по имени мѣстности, гдѣ онъ имѣлъ торговыя дѣла. Мать его, Бикабаи, въ своемъ родѣ была замѣчательная женщина, пренебрегавшая кастовыми предразсудками, за что часто навлекала на себя гоненія. Вліяніе ея на сына было очень велико и она ему внушила глубокое чувство состраданія къ униженнымъ и несчастнымъ и стремленіе помогать имъ, не взирая на строгій регламентъ касты. Къ несчастью для Малабари она умерла слишкомъ рано, когда ему было только двѣнадцать лѣтъ, и съ ея смертью кончился для Малабари счастливый и беззаботный періодъ дѣтства. Его отчимъ былъ слишкомъ старъ и уже не могъ работать, такъ что ему пришлось заботиться и о немъ и о себѣ. Знаніе, которое онъ пріобрѣлъ въ туземной и миссіонерской школѣ въ Суратѣ, доставили ему заработокъ. Продолжая учиться, Малабари давалъ уроки другимъ, и такимъ образомъ, зарабатывалъ кусокъ хлѣба для себя и помогалъ отчиму.

Но главною мечтою его было попасть въ бомбейскій университетъ, и это удалось ему въ 1871 году, когда ему минуло 18 лѣтъ. Отправляясь въ Бомбей, онъ захватилъ въ своей убогой котомкѣ и рукопись своихъ первыхъ стиховъ, написанныхъ на нарѣчіи Гузерата. Благодаря содѣйствію одного пріятеля, стихи эти были изданы и Малабари сразу получилъ извѣстность, такъ какъ стихи его обратили на себя вниманіе своею свѣжестью и гармоніей. Но эти первые лучи славы не ослѣпили юношу; его влекло на другое поприще и хотя онъ изрѣдка и продолжалъ заниматься поэзіей, но его гораздо больше привлекала область журналистики и политики. Онъ сталъ мечтать о соціальныхъ реформахъ и о томъ, что онъ называлъ въ своихъ стихахъ «дѣломъ милосердія и любви».

Въ первый разъ онъ дебютировалъ въ журналистикѣ въ 1876 году. Тогда была основана индійская газета «Indian Spectator», и Малабари сдѣлался однимъ изъ ея сотрудниковъ. Спустя четыре года, газета совсѣмъ перешла къ нему и изъ незначительнаго органа печати, существованіе котораго было совершенно необезпечено, онъ въ нѣсколько лѣтъ создалъ очень вліятельную политическую газету, явившуюся защитницей интересовъ народа. Выйдя самъ изъ среды народа, Малабари хорошо зналъ, какъ стремленія, такъ и нужды рабочихъ клас-

совъ, но чтобы изучить хорошенько всѣ недостатки того режима, съ которымъ онъ поставилъ себѣ цѣлью бороться, Малабари отправился путешествовать по странѣ; онъ посѣщалъ какъ дворцы, такъ и лачуги, всюду спрашивалъ и выслушивалъ жалобы, а такъ какъ онъ былъ поэтъ, то въ умѣ его невольно слагались поэтическіе образы, въ то время, когда онъ записывалъ то, что видѣлъ и слышалъ. Такимъ образомъ, въ печати появилились поэтическіе очерки Гузерата; Малабари писалъ ихъ, какъ бы отдыхая и приготовляясь къ великой борьбѣ, которую онъ затѣялъ. Прежде всего онъ возсталъ противъ предразсудковъ и эгоизма цѣлой расы, и цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ проповѣдывалъ свои идеи въ печати и на митингахъ, и, несмотря, на фанатическое сопротивленіе браминовъ, ему удалось подготовить въ Индіи почву для реформъ; тогда онъ отправился въ Англію, гдѣ постарался пробудить интересъ въ англійскомъ обществѣ къ судьбамъ индусскихъ женщинъ. Яркими красками онъ изобразилъ положеніе индусской вдовы, презрѣннаго созданія въ глазахъ индусовъ. Благодаря обычаю раннихъ браковъ, число вдовъ въ Индіи очень велико. Эти несчастныя вдовы, часто даже еще не достигшія совершеннолѣтія и почти не сохранившія воспоминаній о супругѣ, за котораго были выданы замужъ въ самомъ младенческомъ возрастѣ, вынуждены до конца дней своихъ вести очень тяжелое существованіе, ходить съ бритою головой, словно преступницы и терпѣть всяческія униженія и притѣсненія. Вотъ противъ этого-то и возсталъ Малабари и ему удалось добиться въ 1891 году отмѣны раннихъ браковъ и дѣвочка уже болѣе не могла быть связана съ колыбели съ такимъ человѣкомъ, который годился ей въ отцы и даже въ дѣды и котораго родители ея, вслѣдствіе какихъ нибудь соображеній, выбрали ей въ мужья.

Не легко было Малабари вести свою пропаганду. Надо было много мужества, чтобы возстать противъ взглядовъ, господствовавшихъ искони вѣковъ въ Индіи. Но Малабари не страшился ничего, и готовъ былъ пожертвовать жизнью ради своей идеи. Онъ постоянно говорилъ только одно, что необходимо освободить индусскую женщину изъ порабощеннаго состоянія, въ которомъ она находилась столько вѣковъ, и дать ей возможность вздохнуть свободно. Индусскія женщины очень многимъ ему обязаны; его проповѣдь пробудила въ нихъ чувство собственнаго достоинства и, вмѣстѣ съ этимъ, стремленіе къ самостоятельности, къ знанію и свѣту: Но Малабари сражался не только съ предразсудками индійскаго общества по отношенію къ женщинамъ. Его проповѣдь обнимала болѣе широкую область; онъ возставалъ противъ кастовыхъ понятій, говорилъ о необходимости соціальныхъ реформъ, о важности образованія и его страстныя рѣчи во многихъ молодыхъ индусахъ возбудили жажду широкой дѣятельности и стремленіе къ высшему образованію. Проповѣдь милосердія и любви по прежнему занимала огромное мѣсто въ жизни Малабари и тутъ онъ увлекалъ своимъ примѣромъ въ годину бѣдствій, голода и чумы, ни на одну минуту не задумываясь о рискѣ, которому онъ подвергался и являясь всюду, гдѣ только нужна была его помощь. Въ настоящее время, въ Индіи нѣтъ болѣе популярнаго человѣка, чѣмъ этотъ журналистъ—проповѣдникъ, такъ много сдѣлавшій для своей родины.

Столѣтіе королевскаго института въ Лондонѣ. Лондонскій королевскій институтъ недавно отпраздновалъ свою столѣтнюю годовщину самымъ блестящимъ образомъ, такъ какъ на это торжество съѣхалось очень много европейскихъ ученыхъ. Общество это существуетъ совершенно независимо отъ правительства, хотя покровительницею его считается королева Викторія, а почетнымъ президентомъ принцъ Уэльскій. Оно было основано въ 1799 году графомъ Румфордомъ со спеціальною цѣлью облегченія научныхъ и литературныхъ работъ и изысканій. Общество устраивало лекціи, на которыхъ объяснялись научные принципы и ихъ примѣненіе въ области искусства и промышленности, и

кромѣ того облегчало научныя изысканія, доставляя матеріальную поддержку. Общество обладаетъ превосходными лабораторіями, во главѣ которыхъ находились такіе люди, какъ Гемфри Дэви, Томасъ, Юнгъ, Фарадей, Тиндаль и др. Общество устраиваетъ публичныя лекціи въ своемъ роскошномъ помѣщеніи (Albermale Street), приглашаетъ своихъ членовъ на еженедѣльныя собранія, гдѣ сообщаются и обсуждаются всѣ новѣйшія открытія и вопросы, интересующіе науку и литературу. Библіотека общества состоитъ изъ 60.000 томовъ и ею могутъ свободно пользоваться всѣ члены общества, также какъ и всѣми коллекціями, приборами и аппаратами, необходимыми для научныхъ занятій.

Многія изъ самыхъ замѣчательныхъ открытій нашего вѣка были сдѣланы въ лабораторіяхъ лондонскаго королевскаго общества, напр., законы электролиза, теорія пламени, сгущеніе газа, магнитическія и діамагнитическія свойства матеріи и т. п. По случаю торжества празднованія столѣтней годовщины была устроена выставка аппаратовъ, послужившихъ для всѣхъ этихъ научныхъ открытій, а также автографовъ и воспоминаній, касающихся главнѣйшихъ англійскихъ ученыхъ нашего вѣка. Между прочими рѣдкостями тутъ находилась тетрадь дневныхъ записей Гемфри Дэви, раскрытая на той страницѣ, на которой онъ разсказываетъ объ открытіи потассія.

Гости, приглашенные на это празднество, съѣхались чуть ли не изъ всѣхъ частей свѣта. Тутъ были ученые изъ Америки, Австраліи, Азіи и др. по преимуществу представители англосаксонской расы, но были также и иностранные ученые. На торжественномъ засѣданіи лордъ Раллей произнесъ рѣчь, въ которой въ общихъ чертахъ изложилъ дѣятельность общества, останавливаясь главнымъ образомъ на работахъ Томаса Юнга. Затѣмъ были показаны многочисленные опыты и каждому изъ приглашенныхъ на торжество иностранныхъ ученыхъ былъ врученъ дипломъ на званіе почетнаго члена Королевскаго института. Со всѣхъ концовъ міра была получены адресы и многочисленныя поздравительныя телеграммы.

Празднества и такъ называемыя «Garden party», чередовались съ научными докладами и публичными засѣданіями, представлявшими громадный интересъ. На одномъ изъ такихъ засѣданій, въ присутствіи многочисленной избранной публики, профессоръ Деваръ прочелъ лекцію о газахъ и показалъ опыты съ жидкимъ воздухомъ и сгущеннымъ водородомъ. Празднованіе этого интереснаго юбилея продолжалось три дня, изъ которыхъ одинъ день былъ употребленъ на поѣздку въ Оксфордъ, такъ какъ оксфордскій университетъ пожелалъ со своей стороны чествовать пріѣзжихъ иностранныхъ гостей.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue des deux Mondes»—«Century Magazine»—«The Idler».

«Revue de deux Mondes» посвящаетъ статью цѣлительнымъ и ассенизирующимъ силамъ природы. Авторъ статьи указываетъ на то, что вѣра въ цѣлительныя силы природы беретъ свое начало въ очень далекомъ прошломъ. Девять вѣковъ тому назадъ, знаменитый арабскій медикъ и философъ Авиценна училъ, что люди, подвергающіе себя дѣйствію солнечныхъ лучей и занимаясь физическими упражненіями на открытомъ воздухѣ, предохраняютъ себя такимъ образомъ отъ многихъ болѣзней. Плиній младшій, описывая жизнь одного римскаго гражданина, разсказывалъ, что этотъ римлянинъ имѣлъ привычку два раза въ день прогуливаться по крышѣ своего дома безъ всякой одежды, подвергая себя дѣйствію солнца. Въ римскихъ домахъ были спеціально

устроены террасы, на которыхъ обитатели дома принимали солнечныя ванны. По свидѣтельству Платона терапевтическое примѣненіе солнечныхъ лучей было также въ употребленіи и въ Греціи, Аристотель указываетъ на то, что воздухъ и вода составляютъ главные элементы, въ которыхъ человѣческое тѣло нуждается больше всегда и чаще всего. Галіенъ во второмъ вѣкѣ нашей эры совѣтовалъ перемѣну климата для лѣченія чахотки и посылалъ больныхъ въ Египетъ или на берегъ Неаполитанскаго залива и совѣтовалъ морское путешествіе.

У итальянцевъ существуетъ народная поговорка, что тамъ, гдѣ есть солнце, врачъ не нуженъ. Это служитъ доказательствомъ, что великое оздоравляющее вліяніе солнечныхъ лучей давно уже подмѣчено людьми. Дѣйствіе солнечнаго свѣта на животныхъ и растенія давно изучено учеными и никто не станетъ отрицать великое значеніе солнечныхъ лучей для здоровья человѣка. Гумбольдтъ, напримѣръ, замѣтилъ, что у дикарей, живущихъ въ тропическомъ климатѣ и обходящихся безъ всякой одежды, и, слѣдовательно, постоянно пребывающихъ на солнцѣ, различные пороки развитія встрѣчаются гораздо рѣже чѣмъ у народовъ, живущихъ въ другихъ условіяхъ; извѣстно также, что у людей, живущихъ въ подвалахъ, лишенныхъ свѣта и работающихъ въ копяхъ, часто развивается малокровіе, каталепсія и разныя болѣзни, зависящія отъ упадка питанія. Всѣ люди испытываютъ на себѣ дѣйствіе солнечныхъ лучей. Въ солнечные дни человѣкъ всегда ощущаетъ приливъ бодрости и силъ, а въ сумрачныя часто наступаетъ угнетенное состояніе, апатія и такое состояніе часто отражается неблагопріятнымъ образомъ на дѣятельности человѣка. Но кромѣ непосредственнаго дѣйствія, возбуждающаго жизненныя силы, солнечный свѣтъ одаренъ еще и антисептическими свойствами, и можетъ быть причисленъ въ разрядъ наиболѣе вѣрныхъ и наиболѣе дешевыхъ средствъ борьбы съ микроорганизмами. Доунсъ и Блунтъ въ 1877 г. и затѣмъ Тиндаль изслѣдовали задерживающее вліяніе разсѣяннаго дневнаго свѣта на развитіе бактерій и нашли, что непосредственное дѣйствіе солнечныхъ лучей оказывается для нихъ губительнымъ. Наибольшую губительную силу въ этомъ отношеніи имѣютъ фіолетовые и голубые лучи спектра, самое же слабое дѣйствіе оказываютъ красные и оранжевые лучи. Арлуангъ въ 1885 г. нашелъ, что достаточно подвергнуть бациллы сибирской язвы дѣйствію солнечнаго свѣта въ теченіе двухъ часовъ, чтобы они погибли. Такое же наблюденіе сдѣлалъ Кохъ относительно туберкулезныхъ бациллъ, Ферни и Селли относительно бациллъ столбняка, Гейслеръ, Минкъ и Бюрнеръ, Дьедонне, Китазато, Ру, Іерсинъ, и др. относительно бактерій тифа, холеры и др. патогенныхъ микроорганизмовъ, а въ послѣднее время нѣмецкая ученая коммиссія въ Бомбеѣ сдѣлала такія же точно наблюденія относительно чумныхъ бациллъ.

Въ «Century Magazine» напечатана подробная біографія Александра Селькирка, этого праотца всѣхъ Робинзоновъ, приключенія котораго внушили Даніелю Дефоэ его безсмертный романъ. Жизнь Селькирка и помимо робинзоновскаго періода представляетъ не малый интересъ. Селькиркъ родился въ 1676 году въ Ларго, маленькомъ шотландскомъ портѣ. Родители страшно баловали его, потому что онъ былъ седьмой сынъ, а согласно шотландскимъ преданіямъ. судьба седьмаго сына въ семьѣ всегда бываетъ замѣчательна. Вслѣдствіе такого баловства, характеръ у Селькирка отличался необузданностью и онъ постоянно имѣлъ столкновенія не только съ домашними, но и съ разными посторонними лицами. Александръ Селькиркъ нѣсколько разъ скрывался изъ дому послѣ какой-нибудь крупной непріятности, но потомъ опять возвращался. Въ 1703 году онъ отправился въ качествѣ лоцмана на парусномъ суднѣ, входившемъ въ составъ небольшой англійской флотиліи, находившейся подъ командою одного изъ знаме-

нитѣйшихъ пиратовъ того времени, Вильяма Дамньера. Александръ Селькиркъ могъ составить себѣ состояніе, служа подъ его командой, но вслѣдствіе своего дурного сварливаго нрава онъ съ нимъ поссорился и Дамньеръ рѣшилъ высадить его гдѣ-нибудь по дорогѣ.

Это было въ сентябрѣ 1794 г. Судно подошло къ первому острову, показавшемуся вдали (это былъ островъ Хуанъ Фернандецъ) и капитанъ приказалъ высадить на этотъ островъ своего непокорнаго лоцмана, со всѣмъ его скарбомъ, точно путешественника, доставленнаго на мѣсто назначенія. Селькиркъ, впрочемъ, самъ выбралъ такой исходъ, который онъ предпочелъ службѣ на суднѣ подъ командою злого капитана. Однако, когда судно удалилось, то у Селькирка сжалось сердце и ему стало грустно разставаться со своими товарищами и вообще съ тою жизнью среди людей, которую онъ велъ до сихъ поръ; поэтому онъ началъ давать сигналы, чтобы его взяли назадъ, но Дамньеръ нашелъ, что это невозможно въ виду его поступковъ и приказалъ идти впередъ. Судно скоро скрылось на горизонтѣ и Селькиркъ остался одинъ на своемъ пустынномъ островѣ, сдѣлавшись впослѣдствіи безсмертнымъ Робинзономъ Крузое для всѣхъ послѣдующихъ поколѣній.

Однако, по словамъ автора статьи, Селькиркъ не былъ все-таки «первобытнымъ Робинзономъ». До него на этомъ островкѣ жилъ индѣецъ москитосъ, также служившій прежде на суднѣ Дамньера и случайно забытый товарищами на островѣ. Индѣецъ остался одинъ съ козами и прожилъ три года, пока его не подобрало проходящее мимо судно. Конечно, его жизнь на этомъ островѣ должна была точь въ точь походить на жизнь послѣдующаго Робинзона, только для него не нашлось никакого Дефоэ, который бы обезсмертилъ его; даже имя его осталось неизвѣстнымъ.

Что касается Селькирка, то въ февралѣ 1709 г. его нашелъ морякъ Вуденъ Роджерсъ. Этотъ Роджерсъ оставилъ послѣ себя очень любопытный дневникъ, представляющій первый и наиболѣе достовѣрный разсказъ о приключеніяхъ Селькирка, такъ какъ Селькиркъ сдѣлалъ это повѣствованіе тотчасъ по прибытіи на судно, когда у него не успѣла проявиться склонность къ преувеличенію.

Взятый Роджерсомъ на судно, Селькиркъ долженъ былъ снова научиться говорить по-англійски, такъ какъ онъ совершенно позабылъ этотъ языкъ. Однако онъ скоро освоился съ новой обстановкой и даже началъ принимать дѣятельное участіе въ набѣгахъ и грабежахъ судовъ, попадающихся на встрѣчу.

Онъ пріѣхалъ на родину, въ Ларго въ одно воскресенье утромъ и тотчасъ же отправился въ церковь слушать проповѣдь. Вдругъ его старуха мать узнала его, не смотря на его роскошный, шитый золотомъ костюмъ. Она вскрикнула и бросилась къ нему на шею, такъ что богослуженіе пришлось пріостановить и всѣ присутствующіе въ церкви привѣтствовали возвратившагося Селькирка, точно возставшаго изъ мертвыхъ. Но Селькиркъ, прожившій столько лѣтъ въ одиночествѣ, не могъ все-таки ужиться со своими соотечественниками и попрежнему ссорился съ ними. Наконецъ послѣ неоднократныхъ ссоръ онъ удалился въ хижину за деревню и жилъ тамъ одинъ, мрачный и молчаливый, разговаривая лишь съ иностранцами, изъ любопытства посѣщавшими его. Журналистъ Стиль, другъ Эдиссона, разсказалъ въ своемъ журналѣ «Englischman» о своемъ посѣщеніи Селькирка, который, однако, съ нимъ обошелся очень любезно.

Такъ прошло нѣсколько времени. Вдругъ въ одинъ прекрасный день, городъ былъ взволнованъ извѣстіемъ, что Селькиркъ снова бѣжалъ и на этотъ разъ не одинъ, а въ обществѣ одной молодой дѣвушки. Года черезъ два, въ Лондонѣ, написавъ завѣщаніе въ пользу этой дѣвушки, Селькиркъ снова отправился въ море. Три года о немъ ничего не было слышно, но потомъ снова по-

лучилось извѣстіе, что онъ женился на одной вдовѣ и завѣщалъ ей все свое имущество, отклоняя первое завѣщаніе, сдѣланное имъ въ пользу дѣвушки, съ которою онъ жилъ. Онъ умеръ спустя нѣсколько лѣтъ послѣ того въ открытомъ морѣ и вдова его вышла замужъ въ третій разъ.

Такова исторія Селькирка, перваго историческаго Робинзона. Въ Ларго показываютъ его домъ и его статую надъ дверью; тамъ же хранится его ружье. деревянный сундучекъ, сдѣланный имъ во время жизни на островѣ и кружка, сфабрикованная имъ тамъ же изъ скорлупы кокосоваго орѣха.

Новая Зеландія, по словамъ автора статьи въ англійскомъ журналѣ «The Idles», можетъ быть названа земнымъ раемъ во многихъ отношеніяхъ. Не говоря уже о прекрасномъ климатѣ, страна эта избавлена отъ многихъ соціальныхъ болѣзней, отъ которыхъ страдаетъ все остальное человѣчество, пауперизма, обезлюденія селъ и деревень, безработицы, переполненія городовъ и т. д. На обоихъ смежныхъ островахъ Новой Зеландіи сельское населеніе составляетъ пять восьмыхъ всего населенія, да и самые города, за исключеніемъ Ауклэнда, Веллингтона, Христчёрча и Дунедина, напоминаютъ своимъ расположеніемъ скорѣе села и скученности въ нихъ нѣтъ никакой.

Настоящею столицею Новой Зеландіи слѣдуетъ считать Веллингтонъ имѣющій болѣе 42.000 жителей. Новозеландцы называютъ его не иначе какъ «Empire City». Гавань этого города одна изъ самыхъ обширныхъ, глубокихъ и наиболѣе защищенныхъ въ мірѣ. Городъ по обширности равняется большимъ европейскимъ столицамъ, такъ какъ занимаетъ такое же точно пространство; улицы необыкновенно широки, площади огромныя и разстояніе между домами всегда очень велико. Рѣдкій домъ имѣетъ болѣе одного этажа и всѣ они окружены садомъ или вѣрнѣе паркомъ. Холмы, окружающіе городъ покрыты лѣсомъ. Но, къ сожалѣнію, этотъ земной рай подверженъ частымъ землетрясеніямъ и поэтому почти всѣ постройки дѣлаются изъ дерева, только разныя общественныя зданія, домъ губернатора, парламентъ, почта и телеграфъ, таможня, соборъ и государственная страховая контора выстроены изъ камня. Въ Новой Зеландіи введено государственное страхованіе противъ всякаго рода несчастныхъ случаевъ, пожаровъ, землетрясеній, эпизоотій и т. д. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ постановленіемъ правительства введенъ въ Зеландіи восьмичасовой рабочій день и установленъ минимумъ заработной платы, а теперь подготовляется національзація земли и другія радикальныя реформы.

По словамъ всѣхъ путешественниковъ, Веллингтонъ поражаетъ красотою и роскошью своей южной растительности. Новозеландскія архитектора выказали необыкновенно богатую и художественную фантазію; всѣ дома красиво и причудливо разукрашены снаружи и на улицахъ города можно встрѣтить всѣ стили построекъ: индусскія пагоды, китайскіе или японскіе домики, персидскія, арабскія и мавританскія мечети, швейцарскія домики, баварскія и скандинавскія фермы, коттеджи и даже русскую избу!

Но только частные дома отличаются такимъ удивительнымъ разнообразіемъ архитектурнаго стиля; общественныя зданія всѣ отличаются необыкновенною простотою, за исключеніемъ зданія публичной библіотеки, одной изъ самыхъ богатыхъ въ британской имперіи—зданіе это напоминаетъ огромный храмъ.

Характерную черту новозеландцевъ составляетъ то, что между ними нельзя встрѣтить ни одного человѣка, мужчину или женщину, который бы не интересовался общественными дѣлами. Всѣ жители Новой Зеландіи, безъ различія пола, пользуются правомъ голоса на выборахъ, достигнувъ 21-го года и могутъ быть сами избираемы на общественныя должности, начиная съ 25 лѣтъ. Въ Новой Зеландіи давно уже нѣтъ неграмотныхъ людей.

Почти ни одинъ изъ депутатовъ не живетъ въ городѣ; всѣ съѣзжаются

только на время парламентской сессіи и тогда начинается «сезонъ» устраиваются празднества, открываются театры, выставки и издаются новыя книги.

Прежнее населеніе островов, маорійцы, уже вполнѣ усвоило европейскую культуру и тѣ самые люди, не далекіе предки которыхъ были антропофагами, занимають теперь должности адвокатовъ, врачей и т. д., только цвѣтомъ кожи да оригинальною красотою своихъ женщинъ отличаются отъ европейскаго населенія.

На женскомъ международномъ конгрессѣ.

(Письмо изъ Лондона).

26-го іюня этого года огромная зала Вестминстерскаго церковнаго дома (Churchhouse) представляла довольно необычное зрѣлище: женщины всѣхъ странъ и національностей, начиная отъ свободныхъ гражданокъ Англіи и Америки, и кончая представительницами Китая, Индіи и Палестины, собрались въ этотъ день на торжественное открытіе международнаго конгресса.

Общій видъ собранія краснорѣчивѣе всякихъ словъ говорилъ о томъ, что женское движеніе пережило свою первоначальную, революціонную стадію, и «синіе чулки» и эмансипированныя женщины прежняго типа отошли въ область преданія: зала была переполнена нарядными дамами, одѣтыми по послѣднему слову моды, въ свѣтлыхъ платьяхъ и шляпахъ, украшенныхъ множествомъ цвѣтовъ. Среди нихъ было много красивыхъ и молодыхъ женщинъ, и въ общемъ это первое засѣданіе международнаго женскаго парламента представляло пеструю, красивую картину. Общее вниманіе обращали на себя восточныя женщины въ своихъ національныхъ костюмахъ—смуглыя индіанки, задрапированныя въ мягкія шелковыя ткани, маленькая китаянка, съ любопытствомъ осматривающая всѣхъ присутствующихъ своими узенькими, смѣющимися глазками, нѣсколько японокъ, обитательница острова Явы, и пр.

На эстрадѣ, убранной тропическими растеніями, сидѣли оффиціальныя делегатки конгресса. Предсѣдательствовала лэди Абердинъ, извѣстная своей широкой благотворительной дѣятельностью. Въ теченіе своей жизни лэди Абердинъ состояла предсѣдательницей 22-хъ различныхъ женскихъ организацій въ Англіи и въ Канадѣ, гдѣ мужъ ея долгое время былъ генералъ-губернаторомъ, или, какъ здѣсь говорятъ, вице-королемъ. Присутствуя на засѣданіяхъ конгресса, я поняла, почему столько обществъ выбираютъ лэди Абердинъ своей предсѣдательницей: она казалась мнѣ воплощеніемъ дамы-патронессы въ лучшемъ смыслѣ этого слова,—тактичной и въ высшей степени милой, благожелательной женщиной, которая достойно и хорошо пользуется и своими средствами и своимъ высокимъ общественнымъ положеніемъ. Сидя на предсѣдательскомъ мѣстѣ, она такъ привѣтливо улыбалась всѣмъ и каждому, что невольно возбуждала общія симпатіи. Въ теченіе послѣднихъ 5-ти лѣтъ, лэди Абердинъ была предсѣдательницей «Интернаціональнаго женскаго совѣта», которымъ и былъ организованъ настоящій конгрессъ, и въ своей вступительной рѣчи она въ нѣсколькихъ словахъ познакомила присутствующихъ съ задачами и дѣятельностью этого интернаціональнаго совѣта.

— Интернаціональный женскій совѣтъ,—говорила лэди Абердинъ,—является федераціей *національныхъ* совѣтовъ, учрежденныхъ въ разныхъ странахъ, а эти національные совѣты, въ свою очередь, состоятъ изъ представительницъ мѣстныхъ обществъ и учрежденій, обнимающихъ различныя отрасли обществен-

ной дѣятельности женщинъ. Задача его заключается въ томъ, чтобы установить общеніе между женскими организаціями въ разныхъ странахъ, и доставить женщинамъ возможность встрѣчаться для совмѣстнаго обсужденія вопросовъ, касающихся женскаго дѣла. Интернаціональный совѣтъ былъ основанъ 11 лѣтъ тому назадъ и въ настоящее время, на этомъ конгрессѣ мы привѣтствуемъ делегатокъ отъ 10 странъ, гдѣ женщины уже объединились въ національные совѣты—а именно, делегатокъ Америки, Канады, Германіи, Швеціи, Англіи, Новаго Южнаго Валлиса, Даніи, Голландіи, Новой Зеландіи и Тасманіи, а также представительницъ тѣхъ странъ, гдѣ пока еще нѣтъ національныхъ совѣтовъ, но уже образовались комитеты, подготовляющіе ихъ организацію—Италіи, Австріи, Россіи, Швейцаріи, Норвегіи, Капской колоніи и Аргентины; кромѣ того мы имѣемъ удовольствіе привѣтствовать здѣсь представительницъ Франціи, Бельгіи, Китая, Персіи, Индіи, Квинслэнда и Палестины.

— Главною особенностью международнаго женскаго совѣта,—продолжала графиня Абердинъ,—является отсутствіе всякой партійности. Нашъ совѣтъ объединяетъ сотни тысячъ женщинъ, различныхъ національностей, религій и

Лэди Абердинъ.

вѣрованій, имѣющихъ различныя убѣжденія, и принадлежащихъ къ различнымъ общественнымъ классамъ. Что-же является связующей нитью между всѣми нами и можемъ-ли мы вмѣстѣ работать для какой-нибудь практической цѣли? Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно прежде всего узнать другъ друга, для этой-то цѣли и служатъ конгрессы, устраиваемые международнымъ совѣтомъ. Несмотря на множество, разъединяющихъ насъ пунктовъ разногласія, есть вопросы, относительно которыхъ мы всѣ согласны, и международная организація поможетъ намъ выяснить эти вопросы и выдвинуть ихъ на первый планъ. Такимъ является, напр,, вопросъ о мирѣ. Вслѣдствіе единогласнаго рѣшенія всѣхъ національныхъ совѣтовъ, входящихъ въ нашу организацію, мы рѣшили включить этотъ вопросъ въ нашу программу. Затѣмъ у насъ стоитъ на очереди вопросъ объ учрежденіи Интернаціональнаго бюро справокъ относительно всего, что касается женщинъ, ихъ образованія, работы, организаціи, и пр. во всѣхъ странахъ.

Послѣ рѣчи лэди Абердинъ, начались безчисленныя рѣчи остальныхъ должностныхъ лицъ Интернаціональнаго совѣта и иностранныхъ делегатокъ. Всѣ эти рѣчи были довольно однообразны и заключали въ себѣ обычныя фразы о

«единенія всѣхъ женщинъ», о томъ, «что женское дѣло есть дѣло всего человѣчества», о нравственности и семьѣ, и пр., и пр. Впрочемъ, отъ привѣтственныхъ рѣчей нельзя было и требовать особенной глубины и оригинальности. Интересъ этой церемоніи заключался въ томъ, что передъ членами конгресса впервые выступали тѣ выдающіяся дѣятельницы женскаго движенія, съ которыми въ теченіе послѣдующей недѣли пришлось ознакомиться поближе. Послѣ лэди Абердинъ говорила вице-предсѣдательница Интернаціональнаго совѣта—м-съ Мэй Райтъ Сюаль, привѣтствовавшая конгресъ отъ имени Америки. Когда вслѣдъ затѣмъ лэди Абердинъ назвала имя баронессы Гриппенбергъ, одѣтой въ глубокій трауръ,—казначея международнаго совѣта и делегатки отъ Финляндіи,—въ залѣ раздались дружныя и долго не смолкавшія рукоплесканія. Баронесса Гриппенбергъ заслуженно пользуется большой популярностью въ женскомъ мірѣ: она основала «Союзъ финляндскихъ женщинъ» и редактируетъ его органъ, являющійся лучшимъ женскимъ журналомъ въ Финляндіи. Съ 1889 г. она состоитъ предсѣдательницей этого Союза, который ставитъ одной изъ сво-

М-съ Мей Райтъ Сюаль.

Баронесса Гриппенбергъ.

ихъ задачъ борьбу за женское избирательное право и имѣетъ 14 провинціальныхъ отдѣленій. Баронесса Гриппенбергъ принимала дѣятельное участіе въ работахъ конгресса, часто выступала ораторомъ въ различныхъ секціяхъ, и каждый разъ ее встрѣчали и провожали восторженными рукоплесканіями, имѣвшими нѣсколько демонстративный характеръ.

Вообще отношеніе къ ораторамъ на конгрессѣ было довольно сдержанное и, кромѣ баронессы Гриппенбергъ, оваціи выпадали еще на долю ветерана женскаго движенія Америки—78-ми лѣтней миссъ Сусанны Антони. Миссъ Антони являлась настоящей піонеркой женскаго движенія и съ гордостью могла указать на результаты своей многолѣтней дѣятельности. Эта маленькая, худенькая старушка, поражаетъ своей бодростью и рѣчи ея дышатъ молодою силой и юморомъ.

— Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда я была еще совсѣмъ молодой дѣвушкой,—начала свою рѣчь миссъ Антони,—американскія женщины не имѣли никакихъ правъ: онѣ были даже лишены самаго элементарнаго человѣческаго права—права публично высказывать свои взгляды. Теперь времена перемѣнились, и на моей родинѣ—въ штатѣ Вайомингѣ и Колорадо—женщины пользуются всѣми политическими правами наравнѣ съ мужчинами, имъ открыты

всѣ высшія учебны заведенія, онѣ имѣютъ доступъ ко всѣмъ профессіямъ, и широко пользуются этими открывшимися новыми путями. Самое главное для женщины—это добиться избирательнаго права—закончила свою рѣчь миссъ Антони. Во многихъ странахъ женщины достигли уже очень многаго, но до тѣхъ поръ, пока у нихъ нѣтъ вота, всѣ эти завоеванія являются не правами, а привиллегіями, которыя во всякое время могутъ быть у нихъ отняты.

Изъ остальныхъ рѣчей можно указать на рѣчь маленькой китаянки, которая внесла нѣкоторое разнообразіе въ это довольно утомительное засѣданіе.

Подчиненное положеніе Восточной женщины сказалось уже въ томъ, что рѣчь представительницы Китая была прочитана мужчиной-китайцемъ: эмансипированная китаянка, пріѣхавшая на конгрессъ, оказалась не въ силахъ сама прочесть свою рѣчь и ея роль заключалась въ томъ, что она стояла на эстрадѣ рядомъ со чтецомъ и съ улыбкой кланялась въ отвѣтъ на рукоплесканія. Рѣчь ея была составлена очень наивно и нерѣдко вызывала громкій смѣхъ въ публикѣ, что, кажется, очень нравилось ея автору.

Представительницей Россіи на конгрессѣ была женщина-врачъ Е. П. Козакевичъ—Стефановская, замѣнявшая А. П. Философову, избранную международнымъ женскимъ совѣтомъ одной изъ почетныхъ вице-предсѣдательницъ кон-

Миссъ Сузанна Антони.

Женщина-врачъ Е. П. Козакевичъ-Стефановская.

гресса. Е. П. Козакевичъ являлась въ тоже время делегаткой, посланной на конгрессъ 12-ю женскими обществами Петербурга—Женское взаимно-благотворительное общество, Общество женщинъ-врачей, Общество доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ, Общество попеченія о молодыхъ дѣвицахъ, Дѣтская помощь, и пр. и она съ честью выполнила возложенную на нее миссію, такъ что довольно многочисленныя русскія женщины, присутствовавшія на конгрессѣ, имѣли полное основаніе гордиться своей делегаткой. Кромѣ г-жи Козакевичъ, на конгрессѣ, въ качествѣ докладчицъ, участвовали женщина-врачъ, И. Д. Познанская, читавшая докладъ въ медицинской секціи, г-жа Иванова, читавшая 2 доклада—о высшемъ женскомъ образованіи въ Россіи и о положеніи фабричныхъ работницъ, г-жа Бубнова, читавшая о брачныхъ законахъ въ Россіи. Г-жа Лухманова, которая должна была читать доклады о русской литературѣ и журналистикѣ, но не пріѣхала на конгрессъ.

Занятія конгресса начались на слѣдующій день. Конгрессъ былъ разбитъ на 5 секцій: секція образованія, профессіональная секція, политическая секція, промышленная и законодательная секція, и секція соціальныхъ вопросовъ. Секціи же эти дѣлились на 50 подсекцій, въ которыхъ было прочитано 268 докладовъ. Эту огромную программу возможно было выполнить только потому, что каждая докладчица могла говорить не болѣе 10 минутъ, а участвующія въ

преніяхъ—не болѣе 5 минутъ. Время опредѣлялось по звонку, которому всѣ безпрекословно повиновались.

Чтобы дать понятіе о разнообразіи вопросовъ, обсуждавшихся на конгрессѣ, я перечислю нѣсколько засѣданій секцій.

Образовательная секція,—Воспитаніе ребенка. Психологія ребенка. Отвѣтственность родителей. Отношенія между семьей и школой. Дѣтскіе сады. Первоначальныя школы. Среднее образованіе. Университеты. Учебныя заведенія новаго типа. Техническое образованіе. Женщины-воспитательницы. Совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ.

Профессіональная секція.—Профессіи, доступныя женщинамъ. Вліяніе на семейную жизнь доступа женщины къ различнымъ профессіямъ. Медицина. Искусство. Женщины-инспектора. Литература. Наука. Драма. Журналистика. Музыка. Земледѣліе. Садоводство. Ремесла.

Промышленная секція. Рабочее законодательство для женщинъ. Гражданское безправіе женщинъ. Работа на дому. Рабочіе союзы. Этика заработной платы. Кооперація. Обезпеченіе на случай старости и болѣзни.

Секція соціальныхъ вопросовъ.—Тюрьмы и исправительныя заведенія. Помощь падшимъ женщинамъ. Интеллигентныя населеніе. Женскіе клубы, и пр. и пр.

Изъ представительницъ отдѣльныхъ національностей, на конгрессѣ сразу

Г-жа Кауеръ.

заняли выдающееся положеніе нѣмецкія женщины. Они принимали дѣятельное участіе въ работахъ конгресса, представили доклады почти по всѣмъ наиболѣе важнымъ вопросамъ, и доклады эти были очень умѣло составлены — кратко, дѣльно, безъ лишнихъ фразъ, и почти всегда живо и талантливо, чего далеко нельзя было сказать про многія даже англійскіе и американскіе доклады. Нѣмецкія женщины прекрасно говорили по англійски и выказали себя опытными ораторами, совершенно свободно чувствующими себя на трибунѣ. Г-жа Кауеръ г-жа Штрицтъ, г-жа Биберъ-Бёмъ, д-ръ Анита Аугсбургъ, г-жа Ястрова, и другія представительницы Германіи представили очень обстоятельные доклады, познакомившіе публику съ положеніемъ нѣмецкой женщины и съ женскимъ движеніемъ въ Германіи. Нельзя сказать того же о французскихъ женщинахъ. Во-первыхъ, это были единственныя делегатки, говорившія на своемъ языкѣ. Представительницы всѣхъ другихъ національностей говорили по англійски. Кромѣ того, отъ рѣчей француженокъ вѣяло какой-то старинной, давно забытыми фразами о тиранніи мужчинъ, о женскомъ отмщеніи, и пр., и пр. Настоящій конгрессъ показывалъ, что женское движеніе давно уже переросло всѣ эти фразы: и что во всѣхъ странахъ женщины добиваются своихъ правъ рука объ руку съ мужчинами. Преобладающее большинство членовъ конгресса были представительницы «странъ говорящихъ по англійски»—Англіи съ колоніями и Америки. Изъ 2.000 членовъ конгресса иностранокъ было около 400.

Самыми интересными были, безспорно, засѣданія политической и промышленной секціи.

Занятія политической секціи касались политическихъ правъ женщины въ парламентѣ, въ мѣстномъ самоуправленіи и на общественной службѣ, въ качествѣ попечителей о бѣдныхъ, санитарныхъ инспекторахъ и др. Вопросу объ избирательномъ правѣ женщинъ въ парламентъ было посвящено два засѣданія—дѣловое засѣданіе утромъ и публичный митингъ вечеромъ, который происходилъ въ одной изъ самыхъ большихъ залъ Лондона и былъ буквально переполненъ публикой. Главнымъ аргументомъ сторонниковъ женскаго избирательнаго права является слѣдующее положеніе: женщины, какъ и мужчины, платятъ налоги и подчиняются законамъ страны. Поэтому онѣ должны имѣть голосъ при назначеніи налоговъ и при выработкѣ законовъ. Женщины всѣхъ странъ разсказывали о томъ, какъ обстоитъ это дѣло у нихъ на родинѣ, но кромѣ представительницъ англо-саксонской расы, никто не могъ сказать ничего утѣшительнаго. Наибольшій интересъ представлялъ докладъ о Новой Зеландіи, который, по болѣзни Новозеландской делегатки, былъ прочитанъ ея мужемъ, м-ромъ Ривсомъ, однимъ изъ выдающихся мѣстныхъ политическихъ дѣятелей. Онъ указалъ на то, что въ настоящее время женское избирательное право является уже не утопіей, пригодной для жителей Марса или какой-нибудь другой планеты, оно—совершившійся фактъ обычной, повседневной политической жизни народа, который говоритъ на англійскомъ языкѣ, и состоитъ изъ подданныхъ королевы Викторіи и гражданъ Великобританіи.

Правда, что двѣ смѣлыя колоніи, 5 лѣтъ тому назадъ рѣшившіяся ввести у себя женское избирательное право—Новая Зеландія и Южная Австралія—это молодыя страны, онѣ невелики и находятся очень далеко отъ центровъ цивилизованной жизни. Но, какъ справедливо замѣтилъ м-ръ Ривсъ, всѣ эти обстоятельства не дѣлаютъ ихъ попытку менѣе поучительной.

— Когда мы вводили законъ о женскомъ избирательномъ правѣ,—продолжалъ м-ръ Ривсъ,—противъ насъ выставляли тѣ же старые аргументы, которые приходилось слышать вездѣ, и которые до сихъ поръ еще распространены въ Англіи Намъ рисовали ужасныя картины заброшенныхъ дѣтей, опустѣвшихъ семейныхъ очаговъ, плохо приготовленныхъ обѣдовъ, покинутыхъ мужей, и пр. и пр. Женское избирательное право все-таки было введено, и ни одно изъ этихъ мрачныхъ предсказаній не сбылось. Въ Новой Зеландіи семейная жизнь идетъ совершенно такъ же какъ прежде, количество разводовъ не увеличилось, никакія основы не были потрясены, такъ что теперь противники женскаго избирательнаго права не говорятъ уже о тѣхъ грозныхъ перемѣнахъ, которыя должны произойти въ современномъ общественномъ строѣ, благодаря политической равноправности женщинъ, наоборотъ, теперь они недовольны тѣмъ, что женское избирательное право водворилось и не ознаменовалось никакимъ переворотомъ. Они говорятъ теперь:—«Стоило давать женщинамъ избирательное право! Они даже не перемѣнили правительства! Либеральное правительство, которое провело новый избирательный законъ, все еще стоитъ у власти! Вы просто получили 100.000 новыхъ избирателей—вотъ и вся перемѣна».

По избирательной статистикѣ Новой Зеландіи и Южной Австраліи видно, что, женщины пользуются своими правами совершенно въ такой же мѣрѣ, какъ мужчины: на общихъ выборахъ въ Южно-Австралійскій парламентъ въ 1896 г. процентъ женщинъ избирательницъ, воспользовавшихся своими правами, равнялся 66%, т. е. почти совпадалъ съ процентомъ мужчинъ-избирателей. Примѣръ этихъ двухъ колоній совершенно разбиваетъ также и ходячее мнѣніе о томъ, будто женское избирательное право приведетъ къ усиленію реакціонныхъ партій. По авторитетному свидѣтельству м-ра Ривса, новѣйшее рабочее законодательство, которымъ справедливо гордится Новая Зеландія, въ значительной степени обя-

зано своимъ осуществленіемъ женщинамъ-избирательницамъ. Борьба за женское избирательное право продолжалась тамъ около 10 лѣтъ и всѣ попытки провести законъ съ различными ограниченіями (имущественный цензъ, и пр.) терпѣли неудачу. Только когда былъ внесенъ билль о всеобщемъ женскомъ избирательномъ правѣ, совершенно подобномъ мужскому, рабочая партія зная что въ лицѣ женщинъ получитъ всегда сторонниковъ всякихъ соціальныхъ реформъ—въ полномъ составѣ подавала голосъ за этотъ билль, и онъ сдѣлался закономъ. Вообще, практика женскаго избирательнаго права въ этихъ двухъ колоніяхъ оказалась настолько удачной, что другія колоніи начинаютъ слѣдовать ихъ примѣру: колонія Викторія уже нѣсколько разъ вносила въ парламентъ билль о женскомъ избирательномъ правѣ, и въ послѣдній разъ онъ былъ отвергнутъ всего 4 голосами, такъ что очевидно, день побѣды недалекъ. То же самое происходитъ и въ Новомъ Южномъ Валлисѣ.

Въ заключеніе м-ръ Ривсъ упомянулъ о мирной конференціи, засѣдающей теперь въ Гаагѣ, и замѣтилъ, что женскій избирательный голосъ всегда будетъ голосомъ въ пользу мира, и что огромныя вооруженныя арміи Европы не могли бы существовать, если бы женщины имѣли голосъ въ международныхъ дѣлахъ.

Героинею дня была миссъ Сузанна Антони, которая разсказывала о женскомъ избирательномъ правѣ въ Америкѣ. Когда было названо ея имя, вся зала, какъ одинъ человѣкъ, начала апплодировать, многіе поднялись со своихъ мѣстъ, всѣ были охвачены неподдѣльнымъ уваженіемъ къ этой старушкѣ, такъ много потрудившейся для женской свободы. Это была, дѣйствительно, хорошая минута общаго одушевленія, пожалуй единственная минута въ теченіе всего конгресса, который, при всемъ животрепещущемъ интересѣ нѣкоторыхъ секцій, въ общемъ все-таки отличался чисто-англійской сдержанностью и оффиціальностью. Миссъ Антони, видимо, была взволнована и растрогана этой оваціей.

— Когда я стою теперь въ этой залѣ,—начала она,—и вижу передъ собой столько милыхъ женскихъ лицъ, собравшихся сюда со всѣхъ концовъ свѣта, чтобы поговорить о нашемъ общемъ дѣлѣ, мнѣ невольно вспоминается одинъ эпизодъ изъ моей далекой юности—моя первая публичная рѣчь, которая, кажется была и первой женскою рѣчью, сказанной въ Америкѣ. Это было 50 лѣтъ тому назадъ, на учительскомъ съѣздѣ въ Рочестэрѣ. Зала съѣзда была биткомъ набита—присутствовало около тысячи учительницъ и сотни двѣ учителей. Мужчины, конечно, сидѣли впереди, а мы тѣснились въ заднихъ рядахъ. Былъ поднятъ одинъ очень интересный, жизненный вопросъ и я рѣшилась обратиться къ предсѣдателю съ просьбою дать мнѣ слово. Предсѣдатель былъ такъ удивленъ, услышавъ женскій голосъ, что даже поднялся со своего мѣста, чтобы какъ слѣдуетъ осмотрѣть меня, и затѣмъ обратился къ собранію съ вопросомъ: «можно ли разрѣшить молодой лэди высказать свое мнѣніе?» Собраніе довольно долго совѣщалось по этому поводу и наконецъ незначительнымъ большинствомъ голосовъ постановило—выслушать молодую лэди. Я сказала, что мнѣ было нужно, и сѣла, совершенно подавленная чудовищностью своего поступка. Когда собраніе кончилось, и публика начала расходиться, всѣ смотрѣли на меня какъ на какую-то отверженную, и я слышала, какъ мои товарки учительницы говорили другъ другу:—«Кто это такая? Мнѣ никогда въ жизни еще не было такъ стыдно, какъ сегодня вечеромъ за нее».

Переходя къ вопросу о женскомъ избирательномъ правѣ въ Америкѣ, миссъ Антони замѣтила, что въ 23-хъ штатахъ женщины имѣютъ избирательныя права въ школьныхъ совѣтахъ, въ одномъ штатѣ онѣ принимаютъ участіе въ муниципальномъ голосованіи, и въ этомъ штатѣ есть 6 городовъ, гдѣ мэръ и всѣ члены городского совѣта—женщины. Наконецъ въ 4-хъ штатахъ, женщины имѣютъ полное избирательное право наравнѣ съ мущинами.

По общему отзыву нетолько друзей, но и бывшихъ враговъ, женское избирательное право въ Америкѣ оказываетъ самое благотворное вліяніе на мѣстную политическую жизнь.

Остальныя делегатки не могли сообщить такихъ утѣшительныхъ свѣдѣній относительно своей родины. О положеніи дѣлъ въ Германіи говорили двѣ делегатки—г-жа Штриттъ, вицепредсѣдательница Германскаго національнаго совѣта, и докторъ юридическихъ наукъ, Анита Аугсбургъ, которую предсѣдательница рекомендовала собранію какъ «современную Порцію». Современная Порція оказалась прекраснымъ ораторомъ и съумѣла придать живой интересъ такому сухому предмету, какъ изложеніе нѣмецкихъ избирательныхъ законовъ. По ея словамъ, текстъ нѣмецкаго закона относится одинаково къ мужчинамъ и женщинамъ, такъ какъ въ немъ не сдѣлано никакой оговорки относительно принадлежности избирателей къ тому или другому полу. На основаніи буквальнаго текста закона женщины могли бы требовать занесенія ихъ въ списки избирателей. «Но примѣръ нашихъ сестеръ въ Англіи и Америкѣ—говорила г-жа Аугсбургъ — показалъ намъ тщету такихъ попытокъ. Прежде всего намъ нужно поднять женщинъ, заставить ихъ заинтересоваться этимъ вопросомъ. Пропаганда женскаго избирательнаго права стоитъ теперь на очереди въ Германіи и мы надѣемся къ будущему международному конгрессу,

Г-жа Штриттъ.

который соберется черезъ 5 лѣтъ, представить уже кое-какіе осязательные результаты нашей дѣятельности въ этомъ направленіи».

Представительница Голландіи разсказала печальную повѣсть борьбы за женское избирательное право въ Голландіи. Въ Голландской конституціи тоже не было оговорено, что избирательный законъ относится только къ мущинамъ. Поэтому 20 лѣтъ тому назадъ, одна голландка, женщина врачъ Якобсъ обратилась въ Амстердамскій муниципальный совѣтъ съ просьбою, чтобы ее внесли въ избирательные списки, такъ какъ она платитъ всѣ налоги, требуемыя отъ избирателя. Конечно, изъ этого ходатайства ничего не вышло и оно привело къ довольно неожиданному результату; въ 1887 г., когда былъ предпринятъ пересмотръ основныхъ законовъ страны, въ текстъ избирательнаго закона было вставлено, что законъ этотъ относится только къ мущинамъ.—«Такимъ образомъ въ настоящее время мы дальше отъ женскаго избирательнаго права, чѣмъ были 20 лѣтъ тому назадъ — меланхолически заключила голландская делегатка. Сторонниками женскаго избирательнаго права въ Голландіи являются одни соціалисты, которые требуютъ пересмотра конституціи и введенія общаго избирательнаго права, ровнаго для мужчинъ и для женщинъ».

Въ Англіи, какъ извѣстно, женщины ведутъ долгую, но пока безплодную борьбу за избирательное право въ парламентѣ: при каждомъ расширеніи избирательныхъ правъ населенія, женщины подаютъ петиціи о томъ, чтобы это расширеніе распространилось и на нихъ, но петиціи эти оставляются безъ

вниманія. Въ парламентъ нѣсколько разъ уже вносились билли о женскомъ избирательномъ правѣ, и въ 1897 г. одинъ такой билль даже прошелъ въ палатѣ общинъ, но потерпѣлъ крушеніе въ палатѣ лордовъ. Палата лордовъ вообще относится враждебно къ женскому движенію, несмотря на то, что многіе отдѣльные члены консервативной партіи, напр. самъ маркизъ Сольсбери, являются его сторонниками. — Какъ разъ наканунѣ открытія женскаго конгресса въ Лондонѣ, лорды еще разъ доказали свою враждебность къ женскимъ правамъ: при обсужденіи билля о преобразованіи совѣта Лондонскаго графства — они отвергли поправку (Amentmend) дающую женщинамъ право быть избранными въ члены Лондонскаго муниципалитета, хотя эта поправка была принята въ палатѣ общинъ.

Коварство лордовъ было у всѣхъ на устахъ во время второго засѣданія политической секціи, посвѣщеннаго вопросу объ участіи женщинъ въ мѣстномъ самоуправленіи. Предсѣдательствовала лэди Бальфуръ, жена одного изъ наслѣдственныхъ пэровъ, засѣдающихъ въ палатѣ лордовъ, и ей пришлось выслушать много горькихъ истинъ по адресу того учрежденія, въ которомъ служитъ ея мужъ. Это засѣданіе было однимъ изъ самыхъ интересныхъ, и представительницамъ болѣе отсталыхъ странъ оставалось только съ завистью слушать о плодотворной и разнообразной общественной дѣятельности англійскихъ женщинъ на поприщѣ мѣстнаго самоуправленія. Въ Англіи женщины могутъ быть избирателями и избираемыми въ приходскіе совѣты, въ попечительства о бѣдныхъ (Poorlaw guardians), въ Лондонскіе санитарные попечительства въ городскихъ округахъ и въ школьные совѣты.

Работа женщинъ въ мѣстномъ самоуправленіи начинается съ 1894 г., со времени новаго закона (Local guovernment act), значительно расширившаго участіе населенія въ мѣстномъ самоуправленіи. До этого закона женщины (и то однѣ незамужнія) могли быть только попечителями бѣдныхъ (poor—law gardians) и членами школьныхъ совѣтовъ. Законъ 1894 г. предоставилъ женщинамъ право быть избираемыми во всѣ органы мѣстнаго самоуправленія (кромѣ совѣтовъ графствъ), и онѣ широко воспользовались этимъ правомъ. До 1894 г. во всей Англіи было 200 попечительницъ о бѣдныхъ. На послѣднихъ выборахъ 1898 г. въ попечительницы о бѣдныхъ оказалось выбранными 1.040 женщинъ. Значительное большинство этихъ попечительницъ входитъ въ составъ «женскихъ либеральныхъ ассоціацій». Могущественная консервативная женская организація, «Лига подснѣжника» насчитывающая болѣе $1^1/_2$ милліона членовъ (Primrose league) не принимаетъ участія въ мѣстномъ самоуправленіи. Попечительницы о бѣдныхъ были избраны въ довольно равномѣрномъ количествѣ въ разныхъ графствахъ Англіи: на послѣднихъ выборахъ 1898 г. только 3 графства не провели ни одной женщины въ попечительницы о бѣдныхъ, и въ числѣ этихъ 3-хъ графствъ находится центръ университетской науки— Кэмбриджъ. Задача попечительницъ о бѣдныхъ заключается въ надзорѣ за рабочими домами, большая часть обитателей которыхъ состоитъ изъ старыхъ и больныхъ, неспособныхъ къ работѣ людей. Кромѣ того, въ рабочихъ домахъ существуетъ многочисленное дѣтское населеніе на которое, со времени участія женщинъ въ качествѣ попечительницъ, было обращено особое вниманіе. По настоянію женщинъ, была значительно смягчена и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совсѣмъ отмѣнена господствовавшая прежде система такъ называемыхъ «барачныхъ школъ» (barack-schools), гдѣ тысячи дѣтей воспитывались вмѣстѣ и должны были подчиняться самому строгому режиму, по свидѣтельству компетентныхъ лицъ, превращавшему ихъ въ «маленькія живыя машины». Подъ женскимъ вліяніемъ во многихъ муниципалитетахъ дѣти помѣщаются теперь группами въ 10—12 человѣкъ въ отдѣльныхъ домахъ, подъ присмотромъ надзирательницы, посѣщаютъ мѣстныя школы и ихъ образъ жизни ничѣмъ не

отличается отъ обычнаго образа жизни дѣтей ихъ возраста. Такая система особенно успѣшно примѣняется въ Шеффильдѣ и въ Батѣ.

Въ школьныхъ совѣтахъ Англіи въ настоящее время болѣе 1.200 женщинъ работаетъ въ качествѣ членовъ совѣтовъ, и въ разныхъ комиссіяхъ и подкомиссіяхъ. Первая женщина, избранная въ Лондонскій школьный совѣтъ въ 1879 г., миссъ Давенпортъ Гилль, и въ настоящее время продолжаетъ работать въ томъ же учрежденіи. Женщины очень добросовѣстно относятся къ своимъ обязанностямъ, и ихъ дѣятельность въ этомъ направленіи много способствовала тому, чтобы пробить брешь въ «китайской стѣнѣ предразсудковъ», столь распространенныхъ относительно женской работы даже въ просвѣщенной Англіи. Тоже можно сказать и о дѣятельности женщинъ въ санитарныхъ попечительствахъ (vestries). Въ Лондонѣ на этомъ поприщѣ особенно выдѣлилась одна женщина изъ рабочаго класса, принимавшая участіе въ преніяхъ по этому вопросу на конгрессѣ м-съ Эвансъ. Она въ теченіе 13 лѣтъ принимаетъ участіе въ самыхъ разнообразныхъ комиссіяхъ своей вестри и была избрана «санитарнымъ надзирателемъ» (oberseer), обязанности котораго заключаются въ томъ, чтобы слѣдить за исполненіемъ санитарныхъ предписаній въ предѣлахъ каждаго участка. М-съ Эвансъ является единственной до сихъ поръ женщиной, избранной на этотъ постъ.

Во время преній выяснилось, что въ Лондонѣ женщины имѣютъ больше всего шансовъ быть избранными въ рабочихъ кварталахъ и большинство изъ говорившихъ членовъ вестри и школьныхъ совѣтовъ оказывались кандидатками мѣстныхъ тредъ-юніоновъ. Одна изъ представительницъ «Женскаго общества мѣстнаго самоуправленія» (Women local government society) разсказала по этому поводу слѣдующій любопытный фактъ: въ прошломъ году вышеназванное общество обратилось съ петиціей въ совѣтъ лондонскаго графства, въ которой оно просило совѣтъ ходатайствовать передъ парламентомъ о разрѣшеніи женщинамъ быть избираемыми въ совѣтъ графства. «Собирая подписи для этой петиціи,—говорила она,—я обращалась ко многимъ мужчинамъ изъ общества и почти вездѣ получала уклончивые отвѣты или рѣшительный отказъ. Оказалось, что почтенные джентльмены «недостаточно ознакомились съ вопросомъ» или «не были увѣрены въ пользѣ требуемой нами мѣры» и т. д. Тогда я пошла къ рабочимъ, и къ удивленію своему убѣдилась, что они «достаточно ознакомились съ вопросомъ» и составили о немъ вполнѣ опредѣленное мнѣніе. Они говорили: «мы, рабочіе, знаемъ, какое огромное значеніе имѣетъ избирательное право; мы знаемъ, что благодаря ему мы добились справедливости. Почему же и нашимъ женамъ и дочерямъ также не имѣть вота? Навѣрное и для нихъ онъ окажется также полезнымъ, какъ и для насъ. И всѣ охотно подписывались подъ петиціей».

Въ такомъ же смыслѣ говорила одна изъ представительницъ лондонскаго школьнаго совѣта, м-съ Бриджъ-Адамсъ, женщина внушительныхъ размѣровъ, съ очень громкимъ голосомъ. Ея рѣзкая энергичная рѣчь имѣла совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ остальныя рѣчи, и въ чопорной атмосферѣ конгреса вдругъ повѣяло воздухомъ рабочихъ собраній.

— Я была выбрана въ школьный совѣтъ трэдъ-юніонистами Буллиджа и Плёмстеда,—заявила она, не безъ гордости произнося названія этихъ участковъ Лондона, которые, вѣроятно, были неизвѣстны многимъ изъ присутствовавшихъ лондонцевъ.—Ихъ не остановилъ тотъ фактъ, что я женщина, хотя надо вамъ сказать, что собственно о феминисткахъ они довольно невысокаго мнѣнія, и они правы, потому что женское движеніе до сихъ поръ было чисто классовымъ движеніемъ. И я хотѣла посовѣтовать вамъ, богатыя женщины изъ Вестъ-Энда, добивающіяся политической равноправности: обратите вниманіе на могучее и все растущее рабочее движеніе. Вотъ гдѣ залогъ вашей побѣды.

Требуйте равнаго избирательнаго права для всѣхъ: для домовладѣлицы, платящей налоги, и для дѣвушки, работающей на спичечной фабрикѣ. Эти требованія ваши встрѣтятъ поддержку у огромнаго большинства населенія.

Изъ иностраныхъ делегатокъ на этомъ собраніи говорила только представительница Швеціи, фрӧкенъ Цедерскьольдъ. Она сообщила о томъ, что въ Швеціи женщины, платящіе налоги за недвижимую собственность, могутъ принимать участіе въ муниципальныхъ выборахъ. Въ сельскихъ общинахъ женщины имѣютъ равныя избирательныя права съ мужчинами. Въ этихъ общинахъ одинъ человѣкъ можетъ располагать многими голосами, въ зависимости отъ размѣровъ своего имущества; благодаря этому богатыя женщины часто являются очень вліятельными избирателями. Такое же положеніе женщины имѣютъ и въ городахъ. Въ Стокгольмѣ, напр., женщины составляютъ $^1/_6$ часть всѣхъ избирателей.

Шведскія женщины больше всего интересуются общественной благотворительностью и школами. Съ 1889 г, онѣ получили право быть избираемыми въ попечительства о бѣдныхъ и школьные совѣты. Въ томъ же году одинъ изъ стокгольмскихъ приходовъ избралъ женщину членомъ школьнаго совѣта. Съ тѣхъ поръ по всей странѣ женщины принимаютъ широкое участіе въ муниципальныхъ дѣлахъ. Къ сожалѣнію докладчица не привела никакихъ статистическихъ данныхъ относительно участія женщинъ въ мѣстномъ самоуправленіи.

Въ связи съ засѣданіями этой секціи слѣдуетъ упомянуть также и о засѣданіи профессіональной секціи, въ которомъ обсуждался вопросъ о женщинахъ, фабричныхъ и санитарныхъ инспекторахъ. Миссъ Андерсонъ (глава женскихъ фабричныхъ инспекторовъ въ Англіи) привела слѣдующія любопытныя цифровыя данныя, характеризующія дѣловыя способности женщинъ-фабричныхъ инспекторовъ: въ 1897 году изъ 97 преслѣдованій противъ фабрикантовъ, возбужденныхъ женскими фабричными инспекторами, 86 были признаны подлежащими взысканію, а въ 1898 г. изъ 207 слѣдствій было 204 взысканія. Въ настоящее время женскіе фабричные инспектора существуютъ, кромѣ Англіи и Америки, въ Германіи, Голландіи и Канадѣ.

Изъ всѣхъ засѣданій конгресса больше всего публики привлекло засѣданіе профессіональной секціи, посвященное драмѣ, гдѣ докладчицами выступили извѣстныя англійскіе актрисы. Много народу было также на секціяхъ литературы и журналистики, но, несмотря на интересный вопросъ эти засѣданія были совсѣмъ неинтересны: большинство докладовъ представляли варьяціи на тему о томъ, что женщины съ незапамятныхъ временъ занимаются литературой (приводились примѣры Маріи Тюдоръ и Маргариты Наваррской), и если онѣ до сихъ не совершили ничего особенно великаго въ этой области, то въ этомъ виновата злокозненность мужчинъ. Среди моря фразъ и общихъ мѣстъ, произносившихся по этому поводу, особенно пріятное впечатлѣніе произвелъ докладъ г-жи Мильде о современныхъ женщинахъ-писательницахъ въ Германіи. Докладъ этотъ былъ умѣло составленъ, не загроможденъ именами и цифрами, и давалъ характеристику молодыхъ «нѣмецкихъ писательницъ Лауры Моргольмъ, Елены Белау, Габріель Реутеръ и др.» указывалъ на особенности ихъ творчества, на ихъ міровоззрѣніе, на ихъ женскіе типы. Она настолько заинтересовала присутствующихъ, что, когда, посреди чтенія г-жи Мильде, раздался звонокъ предсѣдательницы, призывающій ее къ окончанію доклада, публика единодушно стала требовать, чтобы г-жѣ Мильде дали докончить ее докладъ, и предсѣдательница должна была подчиниться этому требованію. Такіе случаи на конгрессѣ бывали не часто. На секціи журналистики нѣкоторый интересъ возбудилъ коротенькій докладъ m-lle Sainte-Croix о женской газетѣ «La Fronde» въ Парижѣ.

Представительницы Россіи выступили съ докладами въ секціи медицины. Русскія женщины врачи — г-жи Козакевичъ и Познанская — читали доклады о положеніи женскаго медицинскаго образованія и о дѣятельности женщинъ врачей въ Россіи. Интересный докладъ г-жи Козакевичъ, въ которомъ она говоритъ о государственной службѣ женщинъ врачей и упоминаетъ также о трудной работѣ земскихъ врачей въ деревняхъ, былъ вкратцѣ изложенъ въ нѣсколькихъ англійскихъ газетахъ.

Интересны были также засѣданія, посвященныя вопросу о земледѣліи и садоводствѣ, какъ поприщахъ для женской дѣятельности. Оказалось, что англійскія и американскія женщины съумѣли завоевать себѣ прочное положеніе въ этихъ областяхъ, и въ особенности въ садоводствѣ. Дѣвушки, оканчивающія школу садоводства въ Сванли (около Лондона), съ двухъ годичнымъ курсомъ, получаютъ потомъ хорошо-оплачиваемыя мѣсса lady-gardners въ разныхъ общественныхъ паркахъ, которыхъ такъ много въ Англіи, и у частныхъ лицъ.

Засѣданія профессіональной секціи показали, что женщины пробили себѣ дорогу къ интеллигентному труду и что въ настоящее время существуетъ обширный контингентъ интеллигентныхъ работницъ, существующихъ исключительно

M-lle Sainte-Croix.

своими заработками. Каковы-же условія жизни этихъ интеллигентныхъ работницъ, не тѣхъ счастливицъ, которыя зарабатываютъ десятки тысячъ медицинской практикой или имѣютъ обезпеченное положеніе учительницъ въ общественныхъ школахъ, а тѣхъ многихъ незамѣтныхъ труженицъ, которыя перебиваются частными уроками и случайными заработками? Этому вопросу былъ посвященъ обстоятельный и талантливо-составленный докладъ м-ра Паркера объ «общежитіяхъ для интеллигентныхъ труженицъ». Въ Лондонѣ, съ его огромными разстояніями и дорогими квартирами, жизнь женщинъ, зарабатывающихъ 20—30 шил. въ недѣлю (12—15 р. на наши деньги) представляется особенно-тяжелой. М-ръ Паркеръ приводитъ нѣсколько типическихъ недѣльныхъ бюджетовъ такихъ интеллигентныхъ работницъ: «миссъ Смитъ», дочь священника, состоитъ секретаремъ въ одномъ учебномъ заведеніи, ведетъ всю дѣловую переписку, составляетъ отчеты, и пр. и получаетъ за свою работу 25 шил. Она живетъ на окраинѣ и платитъ за свою комнату 10 шил. въ недѣлю. Обѣдъ и утренній чай стоятъ ей 7½ шил., проѣздъ на омнибусѣ 6 пенсовъ въ день, такъ что на самые необходимые расходы у ней уходитъ 21 шил. На оставшіеся 4 шиллинга, она должна оплатить завтракъ, стирку бѣлья, отопленіе и освѣщеніе.

«Миссъ Джонсъ» — дочь обѣднѣвшихъ родителей, получила хорошее образованіе, и занимается въ Британскомъ музеѣ, дѣлая выписки для одного писа-

теля, который платитъ ей за это 28 шил. въ недѣлю. Послѣ цѣлаго дня работы надъ пыльными фоліантами старыхъ историческихъ книгъ на иностранныхъ языкахъ, ей предстоитъ $^3/_4$ часа ѣзды до Чельзи, гдѣ она занимаетъ крошечную комнату, въ которой два человѣка съ трудомъ могли-бы стоять рядомъ. Послѣ скуднаго обѣда, вкушаемаго, сидя на постелѣ, она проводитъ вечеръ за перепиской и переводомъ выписокъ, сдѣланныхъ въ теченіе дня. За комнату она платитъ $8^1/_2$ шил., обѣдъ, чай, и пр. поглащаютъ 18 шил., и на завтраки, чай, одежду, газету, марки, и всякія развлеченія ей остается 2 шиллинга въ недѣлю.

Чтобы облегчить жизнь этого класса интеллигентныхъ труженицъ, которыя, по справедливости могутъ быть названы интеллигентными пролетаріями, м-ръ Паркеръ предлагаетъ устроить дешевые отели особаго типа, причемъ особенно подчеркиваетъ, что все предпріятіе должно быть совершенно свободно отъ всякой благотворительной окраски, и ведено на чисто дѣловыхъ началахъ. Предполагаемое общежитіе должно состоять изъ 450 комнатъ—70 двойныхъ спаленъ по 3 шил. въ недѣлю съ каждой обитательницы, 50 большихъ одиноч-

Герцогиня Судерландская.

ныхъ спаленъ по $7^1/_2$ шил., и 280 маленькихъ спаленъ по 5 шил. Пользованіе общими столовыми и гостиными предоставляется всѣмъ безплатно. Стоимость жизни, включая обѣдъ и завтракъ, расходы на отопленіе, освѣщеніе и пр. не будутъ превышать десяти шиллинговъ. М-ръ Паркеръ приложилъ къ своему докладу подробную смѣту, доказывающую, что все это можно осуществить и получать еще 5% на затраченный капиталъ. Дешевизна достигается веденіемъ дѣла въ крупныхъ размѣрахъ.

На засѣданіяхъ «промышленной и законодательной секціи» особенно ярко сказалась полная внѣ-партійность международнаго женскаго совѣта, являющаяся однимъ изъ руководящихъ принциповъ его дѣятельности. Въ конгрессѣ принимали участіе многія представительницы высшей англійской аристократіи. Засѣданія секцій обыковенно происходили подъ предсѣдательствомъ какой-нибудь лэди—герцогини Судерландской, лэди Бальфуръ, лэди Ботерси, лэди Кастльдоунгъ, и др. И несмотря на это, организація промышленной секціи была поручена м-съ Макдональдъ, которая обозначена въ спискѣ участницъ конгресса какъ «членъ независимой рабочей партіи» (Iudependent labour party). Доклад-

чицами въ этой секціи выступали нѣкоторые соціалистическіе дѣятели (напр. Гербертъ Бёрроузъ, секретарь союза спичечныхъ рабочихъ) и такіе писатели, какъ м-съ Веббъ и ея мужъ, извѣстный экономистъ Сидней Веббъ; въ преніяхъ принимало участіе нѣсколько работницъ. Присутствіе на одной и той-же эстрадѣ, въ качествѣ ораторовъ конгресса, такихъ крайнихъ элементовъ соціальной лѣстницы, какъ лэди Абердинъ, бывшая вице-королева Канады, и м-съ Гиксъ, работница, обитающая въ трущобахъ Восточнаго Лондона, разсматривалось всѣми какъ нѣчто вполнѣ нормальное, находящееся въ порядкѣ вещей. Работницы держали себя совершенно свободно и непринужденно, говорили дѣльно и сдержанно, и по своему внѣшнему виду, и по манерѣ говорить рѣшительно ничѣмъ не выдѣлялись среди остальныхъ членовъ конгресса. Публика тоже не выдѣляла ихъ изъ остальныхъ ораторовъ. Во время преній по рабочему вопросу мнѣ невольно вспомнилось одно изъ прошлогоднихъ засѣданій Вольно-экономическаго общества, когда, случайно-присутствовавшій въ собраніи крестьянинъ Кіевской губ. сказалъ нѣсколько словъ о земледѣльческой артели, устроенной въ его селѣ Н. В. Левитскимъ. Онъ говорилъ на малороссійскомъ языкѣ, мало-понятномъ для большинства слушателей, но тѣмъ не менѣе публика устроила ему такую бурную овацію. какъ будто рѣчь его была верхомъ ораторскаго искусства. Здѣсь ничего подобнаго не было, и несомнѣнно. въ этомъ

М-съ Веббъ.

спокойно-дѣловомъ отношеніи къ представительницамъ другого общественнаго класса сказывалась высшая культурность и несравненно больше истиннаго демократизма, чѣмъ въ нашихъ шумныхъ восторгахъ передъ «меньшимъ братомъ». При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что большинство устроительницъ конгресса отнюдь нельзя было заподозрить въ соціалистическихъ тенденціяхъ. Напротивъ, женское движеніе въ Англіи имѣетъ рѣзко-выраженный, классовой характеръ и наиболѣе видныя представительницы его относятся враждебно нетолько къ соціализму, но и къ гораздо болѣе скромнымъ вещамъ, какъ напр. законодательная охрана женскаго труда. Но онѣ считаютъ, что на конгрессѣ должна быть предоставлена полная свобода мнѣній, и что слѣдуетъ выслушать также и заинтересованныхъ лицъ.

Существенныя разногласія между членами конгресса выяснились на первомъ же засѣданіи промышленной секціи, посвященномъ вопросу о «фабричномъ законодательствѣ для женщинъ», происходившемъ подъ предсѣдательствомъ лэди Лауры Ридингъ. Меня это засѣданіе особенно интересовало потому, что на немъ должна была читать докладъ самая выдающаяся женщина изъ всѣхъ, принимавшихъ участіе въ конгрессѣ—Беатриса Веббъ. авторъ книги о «Кооперативномъ движеніи въ Англіи», считающейся лучшимъ сочиненіемъ по данному вопросу, ряда статей по рабочему вопросу. Послѣдніе годы она вмѣстѣ

со своимъ мужемъ работала надъ исторіей англійскихъ рабочихъ союзовъ, и результатомъ ихъ совмѣстныхъ трудовъ явились два обширныхъ изслѣдованія (Sydney and Beatrice Webb: «History of the english Trade-unionism» и «Industrial democracy»). Какъ личность, мр-съ Веббъ производитъ очень привлекательное впечатлѣніе: у нея красивые, темные глаза, нервное, выразительное лицо, и во всемъ существѣ ея сквозитъ что-то мягкое и ласковое, совершенно не соотвѣтствующее воинственному тону ея рѣчей. Ей приходилось говорить въ чужой и враждебной средѣ, и она намѣренно подчеркивала нѣкоторыя рѣзкости, какъ бы бросая вызовъ присутствовавшей публикѣ. Собственно говоря, въ рѣчи ея не было ничего особенно новаго или смѣлаго, но здѣсь она казалась всѣмъ страшно-радикальной и дѣйствительно, ея точка зрѣнія радикально-расходилась съ точкой зрѣнія остальныхъ ораторовъ. «Я должна прежде всего заявить» начала она, «что стою за законодательную регламентацію труда всѣхъ категорій рабочихъ и во всѣхъ отрасляхъ производства».

«Но въ настоящее время такая регламентація немыслима, благодаря глупости англійскаго парламента («Stupidity of parlament»—эта фраза, произвела сенсацію: раздались сдержанныя восклицанія: «о, о!» и «это ужъ слишкомъ!»). Поэтому приходится брать то, что болѣе достижимо—т. е. законодательное огражденіе труда женщинъ и дѣтей».—Затѣмъ мр-съ Веббъ упомянула о распространенномъ среди англійскихъ феминистокъ убѣжденіи, будто фабричное законодательство только ухудшаетъ положеніе работницъ, и что оно стѣсняетъ личную свободу и ограничиваетъ рынокъ для предложенія труда. «Въ жизни рабочихъ отсутствіе регламентаціи не равнозначуще со свободой»—говорила она.—«Пятидесяти-лѣтній опытъ фабричнаго законодательства въ Англіи доказалъ намъ, что это законодательство нетолько не уменьшаетъ личной свободы, а наоборотъ, значительно содѣйствуетъ ея развитію. Всякій знаетъ, что Ланкаширскія ткачихи, напримѣръ, условія труда и рабочее время которыхъ строго опредѣлены закономъ, именно поэтому и пользуются несравненно большей свободой, чѣмъ работницы въ такъ называемомъ домашнемъ производствѣ, берущія работу на домъ и работающія по 14 часовъ въ сутки. Эти ткачихи нетолько являются гораздо болѣе искусными работницами, онѣ также принимаютъ участіе въ общественной жизни, и наравнѣ съ мужчинами состоятъ членами рабочихъ союзовъ, кооперативныхъ обществъ, и пр. Утверждаютъ, будто, благодаря введенію спеціальнаго фабричнаго законодательства, ограждающаго женскій трудъ, фабриканты будутъ замѣнять женскій трудъ мужскимъ, чтобы избѣгнуть возни съ фабричнымъ инспекторомъ, и такимъ образомъ женщинамъ грозитъ опасность быть вытѣсненными изъ огражденныхъ закономъ отраслей производства. Не говоря уже о томъ, что замѣна женскаго труда мужскимъ была бы очень невыгодна для фабриканта, такъ какъ женскій трудъ гораздо дешевле мужского, это опасность потому уже не можетъ угрожать женщинамъ, что почти во всѣхъ отрасляхъ промышленности эта воображаемая конкурренція между мужчинами и женщинами вовсе не существуетъ: женщины дѣлаютъ одну работу, мужчины—другую. Конечно, въ отдѣльныхъ случаяхъ фабричное законодательство сокращаетъ заработокъ нѣкоторыхъ категорій работницъ: такъ запрещеніе ночного труда для женщинъ въ типографіяхъ оказалось невыгоднымъ для наборщицъ. Но не нужно преувеличивать этихъ отдѣльныхъ случаевъ и разсматривать ихъ въ связи съ остальными. Для общаго женскаго дѣла было бы большимъ несчастіемъ, если бы мы принесли въ жертву личную свободу и экономическую независимость нѣсколькихъ милліоновъ женщинъ-работницъ, для того чтобы дать возможность немногимъ тысячамъ изъ нихъ, съ помощью низкой заработной платы и долгаго рабочаго времени, конкуррировать съ мужчинами въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства».

Мр-съ Веббъ говорила очень хорошо и убѣдительно, но намъ, русскимъ, даже

немного странно было слушать ея доводы, до такой степени они казались несомнѣнными и общеизвѣстными. Неужели можно было спорить противъ того, что законъ, ограничивающій рабочее время женщины на фабрикѣ и въ мастерской, улучшаетъ, а не ухудшаетъ ея положеніе? Оказалось, что можно спорить противъ этого, и что споръ этотъ ведется во имя свободы женщины и борьбы съ мужчиной.—Мы заявляемъ, что мужчины во всѣхъ классахъ общества стараются отстранить женщину отъ работы, т. е. конечно отъ такой работы, которая хорошо оплачивается—говорилось въ докладѣ m-me Bélilon (докладъ этотъ читался не ею, а другой француженкой, m-me Ferès de Reni).—Французскіе рабочіе заставили своихъ представителей въ парламентѣ провести такой законъ, который изгналъ женщинъ изъ области промышленности. Законъ 1892 г., который запрещаетъ ночную работу женщинъ, привелъ къ желаемому результату: женщины потеряли работу и она перешла къ мужчинамъ. Конечно, представители сильнаго пола, въ своихъ махинаціяхъ противъ женщинъ, не выдавали своихъ истинныхъ побужденій. О нѣтъ, они говорили о гигіенѣ, о дѣтской смертности, объ уменьшеніи народонаселенія. И надо замѣтить, что эти самые люди, которые такъ заботятся о женщинахъ, никогда не говорятъ о такомъ соціальномъ злѣ, какъ пьянство. На рабочихъ конгрессахъ вы никогда ничего не услышите о необходимости воздержанія: они не хотятъ давать женщинамъ ѣсть, но ничего не имѣютъ противъ того, чтобы мужчины пили, сколько имъ вздумается»... Въ концѣ концовъ, по словамъ докладчицы оказалось, что женщины-работницы вопіютъ противъ фабричнаго законодательства, и что оно навязывается имъ ихъ естественными врагами-мужчинами.

Въ такомъ же смыслѣ высказывались почти всѣ остальные ораторы конгресса. Особенно характерна была рѣчь одной американки, м-съ Стонтонъ-Блотчъ. Изящная и молодая, она держала себя съ непринужденностью хорошенькой женщины, увѣренной въ своемъ успѣхѣ, и съ милой улыбкой говорила ужасающія по своей жестокости вещи.—«Къ чему ведетъэ та наша чрезмѣрная заботливость о женщинахъ?—спрашивала она.—Мы преграждаемъ имъ доступъ къ такъ называемымъ опаснымъ производствамъ, въ которыхъ ежегодно тысячи мужчинъ находятъ преждевременную смерть, и такимъ образомъ создается огромное избыточное населеніе женщинъ, которымъ не за кого выходить замужъ. Лучше бросимъ эти наши непрошенныя благодѣянія и предоставимъ женщинамъ право умирать въ промышленной войнѣ наравнѣ съ мужчинами».—Справедливость требуетъ замѣтить, что м-съ Стантонъ-Блотчъ имѣла гораздо большій успѣхъ, чѣмъ мр-съ Веббъ.

Подъ самый конецъ засѣданія лэди Ридингъ, согласно обычной формулѣ «имѣла удовольствіе заявить собранію», что слѣдующимъ ораторомъ будетъ миссъ Эми Гиксъ. На эстраду вошла пожилая женщина, съ гладко причесанными сѣдѣющими волосами, въ простомъ, но по модному сшитомъ черномъ платьѣ. Она начала мягкимъ груднымъ голосомъ: «Здѣсь много говорили о томъ, что фабричное законодательство приноситъ работницамъ одинъ вредъ, и онѣ возстаютъ противъ него. Я сама работница и могу сказать вамъ, лэди и джентльмены, что это все не правда. Мы, работницы, доказали свое отношеніе къ фабричному законодательству во время проведенія фабричнаго закона 1895 г., когда всѣ женскіе рабочіе союзы и женская кооперативная гильдія агитировали на митингахъ въ пользу этого закона и посылали петиціи въ парламентъ. Кто наполняетъ всѣ ваши благотворительныя убѣжища, учрежденія Св. Магдалины и пр.? Женщины работающія въ домашней промышленности, гдѣ царитъ система вышибанія пота (sweetingsystem), и гдѣ нѣтъ никакихъ законодательныхъ ограниченій свободы труда Вмѣсто того, чтобы заниматься спасеньемъ падшихъ дѣвушекъ, вы, лучше помогли бы имъ добиться лучшаго экономическаго положенія, тогда и эти паденія прекратятся сами собою, а однимъ изъ

главныхъ средствъ для этого—является фабричное законодательство. Я должна замѣтить, что согласна съ каждымъ словомъ, сказаннымъ мр-съ Веббъ»,—закончила она.

Изъ докладовъ, посвященныхъ законодательному огражденію женскаго и дѣтскаго труда въ различныхъ странахъ, интересенъ былъ докладъ миссъ Корти о рабочемъ законодательствѣ Канады. Національный женскій совѣтъ Канады не раздѣляетъ предубѣжденія англійскихъ феминистокъ противъ фабричнаго законодательства и ведетъ дѣятельную агитацію въ пользу его. По словамъ миссъ Корти, главнымъ образомъ, благодаря усиліямъ женскаго совѣта фабричные законы въ провинціи Онтаріо были распространены на всѣ мастерскія, въ которыхъ работаютъ женщины. Въ борьбѣ за лучшія санитарныя условія на фабрикахъ и мастерскихъ, большую роль играютъ женщины фабричные инспектора.

По вопросу о законодательномъ огражденіи дѣтскаго труда, среди членовъ конгресса не было никакихъ разногласій: всѣ единодушно высказывались за необходимость такого огражденія. М-съ Гогъ (Англія) говорила о тяжеломъ положеніи дѣтей, находящихся внѣ сферы дѣйствія фабричнаго закона—дѣтскихъ рабочихъ на земледѣльческихъ фермахъ, уличныхъ торговцевъ и др. Но нарисованная ею картина совершенно поблѣднѣла по сравненію съ той дѣйствительно ужасающей картиной, которая предстала предъ слушателями въ докладѣ представителя Испаніи, профессора Торрида дель Мормоль. изгнанника, живущаго въ Парижѣ. Извѣстно, что въ Англіи еще въ 1847 г. былъ изданъ законъ, запрещающій дѣтямъ моложе 12-ти лѣтъ работать на фабрикахъ и въ рудникахъ. Въ Испаніи до 1873 г. не было никакихъ законовъ, регулирующихъ трудъ женщинъ и дѣтей. Въ 1873 г. былъ изданъ законъ, направленный къ огражденію женскаго и дѣтскаго труда, но законъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе, несмотря на многочисленныя петиціи рабочихъ, ходатайствовавшихъ о немъ.

М-съ Эми Гиксъ.

Въ Испаніи дѣти обыкновенно работаютъ 14 часовъ въ день во всѣхъ отрасляхъ производства; но особенно тяжела ихъ жизнь въ копяхъ, гдѣ имъ приходится работать въ самыхъ антигіеничныхъ условіяхъ за ничтожную плату 5 пезетовъ (около 2 р.) въ недѣлю. Дѣти играютъ большую роль во всѣхъ производствахъ въ Испаніи: въ Астуріи они извлекаютъ каменный уголь, въ Кастиліи, Валенсіи и Эстрамадурѣ работаютъ на поляхъ какъ вьючныя животныя, такъ что среди крестьянъ нерѣдко встрѣчаешь маленькихъ 13-ти лѣтнихъ дѣвочекъ, сгорбленныхъ и сморщенныхъ какъ старухи. Особенно много дѣтей работаетъ на спичечныхъ фабрикахъ.

Докладъ представителя Испаніи заканчивался грустнымъ признаніемъ: «Мы не можемъ говорить объ усовершенствованіи существующихъ фабричныхъ законовъ потому что эти законы у насъ совершенно отсутствуютъ.

На засѣданіи о женскихъ рабочихъ союзахъ слѣдуетъ отмѣтить интересный докладъ m-me Vincent о синдикатахъ работницъ на табачныхъ фабрикахъ во Франціи. М-съ Марландъ Бруди (работница) говорила о женскихъ рабочихъ союзахъ въ Англіи и о томъ повышеніи заработной платы, которое было достигнуто благодаря ихъ дѣятельности. Указавъ на сравнительно медленные успѣхи трэдъ-юніонизма среди женщинъ, м-съ Бруди объяснила это отсталостью женщинъ въ умственномъ отношеніи и обратилась къ членамъ конгресса съ просьбою придти на помощь работницамъ именно въ этой области. Представительница Даніи, м-съ Нелли Ганзенъ, (какъ я узнала потомъ, бывшая работница на папиросной фабрикѣ въ Копенгагенѣ) говорила о развитіи женскихъ рабочихъ организацій въ Даніи. Мы, датскіе соціалъ-демократы, давно уже работаемъ надъ организаціей женскихъ рабочихъ союзовъ,—разсказывала она.—Въ настоящее время въ Даніи организовано 11.000 женщинъ, но руководителями и дѣятелями союзовъ работницъ являются сами же работницы. Женское движеніе въ Даніи стоитъ въ сторонѣ отъ рабочаго движенія.

На засѣданіи, посвященномъ вопросу о женскихъ организаціяхъ для обезпеченія на случай старости и болѣзни, единственнымъ иностраннымъ ораторомъ была г-жа Ястрова, представившая очень дѣльный докладъ о государственныхъ пенсіяхъ престарѣлымъ рабочимъ и работницамъ въ Германіи. Всѣ остальныя докладчицы и лица, принимавшія участіе въ преніяхъ, были англичане. Предсѣдательствовала мр-съ Веббъ и это засѣданіе было однимъ изъ самыхъ дѣловыхъ и содержательныхъ; не было никакихъ широковѣщательныхъ фразъ и разсужденій на общія темы, говорили все лица, близко стоящія къ тѣмъ организаціямъ, о которыхъ шла рѣчь и всѣ они подкрѣпляли свои выводы многими цифровыми данными. Изъ докладовъ и преній выяснилось, что существующія въ Англіи «дружескія общества» (Friendly Society) не могутъ выполнить взятой на себя задачи, потому что они въ состояніи выплачивать слишкомъ ничтожную премію своимъ участницамъ. Вопросъ о пенсіяхъ всѣмъ престарѣлымъ рабочимъ и работницамъ, который теперь ставится на очередь представителями организованнаго труда въ Англіи (членами рабочихъ союзовъ и кооперативныхъ обществъ) былъ подвергнутъ подробному разсмотрѣнію, и большинство ораторовъ пришло къ заключенію, что такое рѣшеніе вопроса о престарѣлыхъ и больныхъ рабочихъ предпочтительнѣе прежняго рѣшенія «дружескихъ обществъ». И здѣсь оказалось, что маленькая Новая Зеландія опередила старыя страны: въ Новой Зеландіи нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ былъ проведенъ законъ, въ силу котораго каждый рабочій и работница, достигшіе 65-ти лѣтъ, имѣютъ право на пенсію въ 30 ф. (300 р.) въ годъ. По замѣчанію м-ра Ривса, этотъ законъ имѣетъ право на особенное вниманіе со стороны женскаго конгресса, потому что онъ былъ проведенъ парламентомъ, члены котораго были избраны при участіи женщинъ избирательницъ.

Я не буду останавливаться на засѣданіяхъ образовательной секціи: въ нихъ было много интереснаго и поучительнаго для педагоговъ, но вообще они давали мало новаго или особенно характернаго. Въ педагогическомъ мірѣ женщина давно уже завоевала себѣ почетное мѣсто и ея успѣхи на этомъ поприщѣ ни для кого не являются новостью. Не буду также говорить о соціальной секціи—главный интересъ ея заключался въ вопросѣ о борьбѣ съ проституціей, а этотъ вопросъ былъ предметомъ обсужденія другого конгресса—«о торговлѣ бѣлыми рабынями», которому я надѣюсь посвятить особую замѣтку въ одной изъ слѣдующихъ книгъ «Міра Божьяго». Скажу только еще нѣсколько словъ о томъ «гостепріимствѣ», которое оказывалось въ Лондонѣ членамъ конгресса. Госте-

пріимство это было дѣйствительно самое широкое. Въ теченіе полуторы недѣли пока продолжался конгрессъ, намъ были открыты двери всевозможныхъ учреждений—школъ, больницъ, женскихъ колледжей, университетскихъ поселеній, клубовъ для работницъ, и пр. Женскіе клубы устраивали «five o'clock tea» для иностранныхъ делегатокъ, епископъ Лондона приглашалъ ихъ на «garden party» въ свой дворецъ въ Фульгамѣ, лэди Ротшильдъ разослала всѣмъ членамъ конгресса приглашенія въ свой загородный дворецъ, съ приложеніемъ билета на даровой проѣздъ туда и обратно, многія частныя лица устраивали въ ихъ честь собранія и рауты. Единственной печальной стороной было то, что невозможно было всюду поспѣть.

Просидѣвши съ 10-ти до 4-хъ ч. на засѣданіяхъ секцій, мы стремительно взбирались на омнибусъ и ѣхали совсѣмъ на другой конецъ города—въ Уайтчепель, въ университетское поселеніе Тойнби-Голль, гдѣ насъ угощали чаемъ съ печеньями, и показывали всѣ достопримѣчательности, среди которыхъ видное мѣсто занималъ министръ народнаго просвѣщенія, сэръ Джонъ Горстъ, явившійся сюда, чтобы сказать нѣсколько привѣтственныхъ словъ представительницамъ женскаго конгресса. А вечеромъ предстоялъ раутъ у лэди Баттерси, или герцогини Судерландской, или леди Абердинъ, гдѣ делегатки могли созерцать сказочную роскошь дворцовъ англійской аристократіи и любоваться бриллiантовыми діадемами многихъ лэди, которыя днемъ принимали участіе въ преніяхъ конгресса. Когда засѣданія конгресса кончились, лэди Абердинъ повезла иностранныхъ делегатокъ и представительницъ Америки и колоній въ Виндзоръ, и представила ихъ королевѣ Викторіи.

Слѣдующій международный женскій конгрессъ соберется черезъ 5 лѣтъ въ Берлинѣ.

Л. Давыдова.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Ботаника. Органы растеній, служащіе для выдѣленія воды въ жидкомъ видѣ.—Гигіена. Достоинство альбумозы и мясныхъ экстрактовъ, какъ пищевыхъ средствъ.—Минералогія. Естественная окраска минераловъ.—Зоологія. О самостоятельныхъ движеніяхъ псевдоподій у корненожекъ.—Астрономическія извѣстія.

Ботаника. ***Органы растеній, служащіе для выдѣленія воды въ жидкомъ видѣ.*** Въ послѣднее время вниманіе ботаниковъ, занимающихся анатоміей и физіологіей растеній, все болѣе и болѣе привлекаютъ такъ называемыя водяныя устьица. Эти органы уже давно были извѣстны, но значеніе ихъ для растенія не было достаточно оцѣнено. Новѣйшія изслѣдованія показали, что дѣятельность ихъ связана съ такимъ важнымъ отправленіемъ, какъ передвиженіе по растенію всасываемыхъ изъ почвы растворовъ. Притомъ выяснилось, что самыя устьица, гдѣ онѣ встрѣчаются, составляютъ лишь часть сложнаго аппарата, такъ что для этихъ органовъ нужно было придумать новое названіе: чаще всего ихъ называютъ теперь гидатодами. Въ началѣ нынѣшняго года появилась статья извѣстнаго нѣмецкаго ботаника Габерландта, въ которой изложены его изслѣдованія надъ этими органами у одной тропической ліаны. Въ этой статьѣ сообщаются факты, интересные сами по себѣ и, кромѣ того, имѣющіе общее значеніе, такъ какъ они связываются съ вопросами наслѣдственности.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію работы Габерландта, я считаю умѣстнымъ дать нѣкоторое понятіе о строеніи и дѣятельности гидатодъ.

Всякій знаетъ, что растенія испаряютъ значительныя количества воды. Растенія, какъ и животныя, принимаютъ питательныя вещества въ видѣ растворовъ: и у животныхъ, чтобы дойти до тканей, пища должна превратиться въ растворъ и затѣмъ всосаться черезъ оболочку, лишенную отверстій. Если по одну сторону перепонки находится крѣпкій, по другую слабый растворъ, то, на основаніи физическихъ законовъ, въ болѣе крѣпкій растворъ вода переходитъ изъ слабаго до уравненія концентраціи. Поэтому понятно, что принимаемые организмами растворы должны быть менѣе крѣпки, чѣмъ растворы въ ихъ сокахъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ организмы отдавали бы воду растворамъ, которые имъ нужно всосать; очевидно, растенія притомъ должны были бы завянуть. Слѣдовательно, и въ растеніяхъ, и въ животныхъ постоянно накопляется нѣкоторый избытокъ воды, который и удаляется у растеній обычно посредствомъ испаренія въ листьяхъ. Такимъ образомъ устанавливается постоянный токъ питательныхъ растворовъ по всему растенію отъ тончайшихъ волосковъ на корняхъ, гдѣ эти растворы всасываются, до поверхности листьевъ, гдѣ испаряется лишняя вода. Но не всегда она бываетъ дѣйствительно лишней. Часто, наоборотъ, отъ недостатка воды страдаютъ растенія,—въ такихъ случаяхъ для нихъ выгоднѣе, чтобы уменьшилось или даже прекратилась передвиженіе соковъ, если съ этимъ связано сохраненіе воды, чѣмъ подвергнуться высы-

ханію. Въ дѣйствительности мы видимъ, что растенія очень долго сохраняютъ свѣжесть, несмотря на бездождіе, и это потому, что у нихъ имѣются аппараты, регулирующіе выдѣленіе воды въ видѣ паровъ соотвѣтственно степени влажности окружающаго воздуха. Растенія пронизаны системой полостей и ходовъ, такъ называемыми межклѣтниками, которые открываются на поверхности въ громадномъ количествѣ, главнымъ образомъ въ листьяхъ. Въ этихъ мѣстахъ находятся автоматическіе аппараты *), образованные каждый двумя клѣтками, которыя такъ устроены, что во влажномъ воздухѣ, вслѣдствіе потери воды и измѣненія ихъ формы, онѣ раздвигаются, открывая межклѣтникъ, въ сухомъ—смыкаются и прекращаютъ сообщеніе наружнаго воздуха съ внутренней атмосферой растенія. Остальная поверхность листа покрыта тоненькой пленкой особаго вещества, не пропускающаго паровъ воды. Въ клѣткахъ, съ поверхности которыхъ испаряется вода въ межклѣтники, происходятъ кромѣ того и другіе процессы, связанные съ выдѣленіемъ газовъ: дыханіе, которое здѣсь, какъ и у животныхъ, сказывается въ поглощеніи кислорода воздуха и выдѣленіи углекислоты, и обратный процессъ (происходящій только на свѣтѣ)— разложеніе углекислоты воздуха съ выдѣленіемъ кислорода; онъ служитъ для доставленія растенію необходимаго ему углерода, заключеннаго въ углекислотѣ, и далеко превышаетъ дыханіе.

Изъ сказаннаго ясно, на сколько важно для растенія, чтобы доступъ воздуха въ межклѣтники не былъ надолго прекращенъ.

Бываютъ однако случаи, когда растеніе не можетъ обойтись испареніемъ излишней воды и принуждено выдѣлять ее въ видѣ жидкости, для чего и служатъ гидатоды. Это способъ обычный для животныхъ, у которыхъ помимо испаренія при посредствѣ легкихъ, вода выдѣляется въ мочѣ и въ видѣ капель пота на поверхности тѣла, особенно въ тепломъ и сыромъ воздухѣ. У растеній необходимость выдѣлять воду въ жидкомъ видѣ является въ тѣхъ случаяхъ если испареніе ея недостаточно или совершенно невозможно.

Молодые органы, напр. листочки, развивающіеся весною, когда воздухъ относительно болѣе влаженъ, въ которыхъ и межклѣтники, и устьица еще слишкомъ слабо развиты, весьма часто выдѣляютъ капли воды, что даетъ возможность растенію поддерживать и здѣсь необходимое передвиженіе соковъ. У водяныхъ растеній даже въ тѣхъ случаяхъ, когда листья ихъ нѣсколько выдаются надъ водой или плаваютъ на поверхности, условія для испаренія очевидно слишкомъ невыгодны, и, соотвѣтственно, этому мы видимъ, что такіе листья обильно выдѣляютъ воду въ видѣ жидкости. Есть одно чужеядное растеніе Петровъ Крестъ (Lathraea squamaria), которое поселяется глубоко въ землѣ на корняхъ другихъ растеній, цвѣты-же образуетъ на поверхности земли. Чешуйки, покрывающія его корневище и замѣняющія листья, выдѣляютъ большія количества воды особенно весною: Lathraea высасываетъ соки изъ корней растенія, на которомъ она поселяется, задерживаетъ находящіяся въ нихъ питательныя вещества, а воду выдѣляетъ въ окружающую почву посредствомъ своихъ чешуй. Здѣсь значеніе выдѣленія воды въ жидкомъ видѣ особенно ясно сказывается. Поразительно громадныя количества воды выдѣляются на листьяхъ тропическихъ растеній въ жаркихъ и влажныхъ мѣстностяхъ: у нѣкоторыхъ ліанъ такъ много, что, при сотрясеніи, капли падаютъ ливнемъ, растенія какъ будто обливаются потомъ. Влажность воздуха не бываетъ постоянной. Ночью она приближается къ предѣльной; пары почти насыщаютъ воздухъ, но днемъ, даже и въ тропическихъ странахъ, растенію предоставлена возможность испарять большія количества воды, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе поглащенія тепловой энергіи солнечныхъ лучей растеніемъ выдѣляется паровъ воды въ нѣсколько разъ

*) Ихъ называютъ устьицами.

больше, чѣмъ при той же температурѣ въ темнотѣ. Почему же растеніе въ этихъ обстоятельствахъ прибѣгаетъ еще къ выдѣленію воды въ жидкомъ видѣ? Существующіе въ растеніяхъ аппараты для доставленія питательныхъ растворовъ изъ корней въ стебель и листья приспособлены такъ, чтобы растеніе не испытывало недостатка въ водѣ, когда оно на свѣту наиболѣе энергично производитъ разложеніе углекислоты, когда, слѣдовательно, устьица его открыты и оно особенно обильно испаряетъ воду. Съ наступленіемъ ночи испареніе прекращается, аппараты же, доставляющіе воду, дѣйствуютъ почти по-прежнему.

Если вода не удаляется при посредствѣ гидатодъ, то сильнымъ давленіемъ она будетъ выдѣляться въ межклѣтники, откуда и на утро при посредствѣ мельчайшихъ отверстій устьицъ, т. е. съ весьма малой поверхности, она испарится лишь очень нескоро, такъ что весь газовый обмѣнъ—и дыханіе, и разложеніе углекислоты—прекратится на нѣсколько часовъ. Кромѣ того, если давленіе воды въ растеніи будетъ слишкомъ велико,—проводящія ее трубки и окружающія ткани могутъ разорваться. Всѣ эти неблагопріятныя послѣдствія и въ дѣйствительности наблюдаются, если искусственно прекратить дѣятельность гидатодъ, а иногда и въ естественныхъ условіяхъ у растеній, лишенныхъ ихъ.

Строеніе гидатодъ (наиболѣе распространенныхъ и типичныхъ) слѣдующее. Мы à priori можемъ сказать, что онѣ должны быть такъ устроены, чтобы выдѣлялся только избытокъ воды. Это достигается тѣмъ, что гидатоды представляютъ извѣстное сопротивленіе направляющемуся къ нимъ току воды, т. е. слѣдовательно, дѣйствуютъ лишь при значительномъ повышеніи гидростатическаго давленія въ растеніи. У водяныхъ растеній, которымъ не грозитъ опасность засохнуть, такихъ приспособленій можетъ и не быть, и дѣйствительно у нѣкоторыхъ изъ нихъ мы находимъ гидатоды весьма простого строенія: онѣ представляютъ собой простыя отверстія въ тканяхъ листа, чаще всего на кончикѣ или на краю, куда открываются трубки, проводящія воду по растенію—сосуды, которые обыкновенно соединяются въ пучки и въ такомъ видѣ хорошо замѣтны почти въ каждомъ листѣ (жилки или нервы). Чаще всего гидатода представляетъ собой обособленный участокъ своеобразной ткани листа, ограниченный плотно сомкнутыми клѣтками, къ которому подходятъ сосудистые пучки; надъ нимъ образуется небольшая полость, открывающаяся наружу отверстіемъ, похожимъ на обыкновенныя устьица, но не закрывающимся. Третій типъ гидатодъ сходенъ съ весьма распространеными у растеній наружными железами: это волоски, образованные живыми клѣтками, которые высачиваютъ на кончикѣ капли воды.

Опыты предпринятые для рѣшенія вопроса, чѣмъ регулируется выдѣленіе воды въ гидатодахъ (конечно, только тамъ, гдѣ нѣтъ непосредственнаго сообщенія сосудистыхъ пучковъ съ окружающей средой), показали, что во многихъ случаяхъ въ этомъ замѣшаны жизненныя свойства клѣтокъ ткани, выдѣляющей воду; по крайней мѣрѣ, если убить ихъ (для этого достаточно снаружи смазать слабымъ растворомъ сулемы, мѣднаго купороса, формалина, кокаина и т. д. соотвѣтствующіе участки листа), чтобы выдѣленіе воды прекратилось.

Работа Габерландта, помѣщенная въ сборникѣ, изданномъ къ юбилею знаменитаго ботаника Швендера, и озаглавленная: «Ueber experimentelle Hervorrufung eines neuen Organes», заключаетъ въ себѣ изслѣдованія надъ измѣненіями, которыя вызываетъ въ листѣ тропической ліаны Conocephalus ovatus такое отравленіе гидатодъ. Въ «Naturwissenschaftliche Wochenshrift» Bd. XIV Nr. 25 помѣщенъ рефератъ этой статьи, который мнѣ и послужилъ для дальнѣйшаго изложенія. Гидатоды Conocephalus принадлежатъ ко второму изъ описанныхъ мною типовъ органовъ, выдѣляющихъ воду. Вода выдѣляется при посредствѣ клѣтокъ особаго строенія, лежащихъ на днѣ углубленія въ поверхности листа.

Снизу къ нимъ подходятъ сосудистые пучки, образуя здѣсь узелъ, надъ ними находится кожица, образованная однимъ слоемъ клѣтокъ, между которыми имѣется отъ 30 до 40 отверстій, служащихъ для выведенія капелекъ воды на поверхность листа. Число гидатодъ на одномъ листѣ достигаетъ нѣсколькихъ сотъ. Онѣ выдѣляютъ жидкость, содержащую лишь 0,045% твердаго вещества, т. е. почти чистую воду и притомъ въ весьма значительномъ количествѣ: съ каждаго листа за ночь около 2¾ грамма, т. е. немного меньше чайной ложки; поэтому неудивительно, что утромъ при сотрясеніи ствола вода скатывалась съ листьевъ настоящимъ ливнемъ.

Отравляя гидатоды на одной половинѣ листа посредствомъ смазыванія 0,1% растворомъ сулемы въ спиртѣ, авторъ наблюдалъ, во-первыхъ, что на этой половинѣ выдѣленіе воды прекращалось, а межклѣтники наполнялись водой, которая, впрочемъ, къ полудню (т. е. за 6 часовъ) испарялась, во-вторыхъ (и въ этомъ лежитъ центръ тяжести всей работы) по прошествіи нѣсколькихъ дней на «отравленной» половинѣ листа, (гдѣ всѣ неподвергнутые дѣйствію сулемы участки оставались живы и въ совершенно нормальномъ состояніи) развивались новыя гидатоды, неимѣющія никакого сходства съ обычными и никогда въ иныхъ условіяхъ необразующіяся. Здѣсь мы имѣемъ слѣдовательно, дѣло съ искусственно вызваннымъ образованіемъ новаго органа, несвойственнаго растенію. Это не регенерація, не возобновленіе утраченнаго органа, чему извѣстно такъ много примѣровъ и въ растительномъ, и въ животномъ царствѣ, а появленіе новаго, рѣзко отличающагося по своему строенію, что особенно поразительно, если вспомнить, съ какой точностью до мельчайшихъ подробностей воспроизводится при регенераціи строеніе возобновляемаго органа. Гидатоды Conocephalus, развивающіяся взамѣнъ отравленныхъ, представляютъ собой пучки множества волосковидныхъ клѣтокъ, выдающихся надъ поверхностью листа, которыя выдѣляютъ столько же воды, какъ и обычныя гидатоды, такъ что съ появленіемъ ихъ періодическое наполненіе водою межклѣтниковъ прекращается.

Таковы факты. Они настолько своеобразны и неожиданны, что вполнѣ естественнымъ является желаніе автора сопоставить и какъ нибудь примирить ихъ съ общими положеніями современныхъ теорій наслѣдственности. Мы различаемъ въ организмахъ черты строенія, передающіяся наслѣдственно и появляющіяся вновь подъ вліяніемъ внѣшнихъ воздѣйствій. Первыя, такъ сказать, болѣе качественнаго характера, вторыя—количественнаго. Напримѣръ, если наземное растеніе развивается въ водѣ, то оно пріобрѣтаетъ сходство съ водяными растеніями: межклѣтники его увеличиваются, стебель становится длиннѣе и тоньше, сосудистые пучки слабѣе развиты и т. д. Здѣсь органы измѣняются только въ размѣрахъ. Передаваемыя же по наслѣдству признаки, какъ напр. форма и число частей цвѣтка, строеніе волосковъ, покрывающихъ кожицу и т. д. сохраняются съ поразительнымъ постоянствомъ. Пріобрѣтенныя измѣненія, если организмъ въ теченіе многихъ поколѣній подвергался однимъ и тѣмъ же внѣшнимъ вліяніямъ, могутъ закрѣпиться и стать наслѣдственными, и наоборотъ наслѣдственные признаки могутъ утрачиваться, но это происходитъ лишь постепенно, утраченный органъ долго остается въ видѣ рудиментарнаго образованія, а вновь пріобрѣтаемый—медленно совершенствуется.

Теоріи наслѣдственности стремятся связать появленіе постоянныхъ признаковъ съ матеріальною основой, такъ какъ самопроизвольнаго зарожденія не существуетъ, т. е. организмы появляются вновь въ постоянныхъ и характерныхъ формахъ, исключительно вслѣдствіе роста и развитія уже имѣющейся хотя бы и мельчайшей частица живого существа, которая заключаетъ въ себѣ клѣточное ядро, принадлежащее этому материнскому организму, или часть его. Поэтому полагаютъ, что въ ядрѣ именно заключены мельчайшія частицы, являющіяся носителями наслѣдственныхъ свойствъ и неизмѣнно передающіяся потом-

камъ. Вотъ почему внезапное появленіе новаго развитаго органа такъ трудно мирится съ существующими теоретическими представленіями. Если въ организмѣ нѣтъ частицъ, съ которыми связана способность его образовать данный органъ, онъ и появиться не можетъ, если эти частицы есть, то хотя бы въ измѣненномъ видѣ органъ долженъ появляться всегда.

Замѣняющія гидатоды, открытыя Габерландтомъ, нельзя отнести къ приспособленіямъ, такъ какъ они качественно отличаются и по формѣ, и по происхожденію (на чемъ авторъ подробно останавливается) отъ всѣхъ существующихъ въ данномъ организмѣ образованій. Съ другой стороны, ихъ нельзя считать наслѣдственными, такъ какъ они появляются внезапно въ окончательной, развитой формѣ только въ искусственныхъ условіяхъ при отравленіи обычныхъ гидатодъ и въ другое время никогда не наблюдается появленія хотя бы зачатковъ ихъ.

Авторъ старается объяснить образованіе этихъ органовъ на основаніи раздѣляемыхъ имъ теоретическихъ представленій о наслѣдственности слѣдующимъ образомъ. Элементы новыхъ образованій—волосковидныя клѣтки являются аналогичными корневымъ волоскамъ, которые въ атмосферѣ, насыщенной парами воды, такъ же могутъ выдѣлять капельки воды,—слѣдовательно для появленія ихъ въ организмѣ растенія имѣются задатки, связанные съ соотвѣтствующими матеріальными частицами; соединеніе же этихъ элементовъ въ новый органъ надо считать реакціей растенія на внѣшнее воздѣйствіе, т. е. на тѣ неблагопріятныя условія, которыя возникаютъ при утратѣ обычныхъ гидатодъ.

Итакъ, составныя части новаго органа наслѣдственны, комбинація же ихъ, планъ его строенія является результатомъ приспособленія къ новымъ условіямъ.

Такое объясненіе допускаетъ много возраженій (хотя бы, напр., съ точки зрѣнія происхожденія элементовъ въ замѣняющихъ гидатодахъ: они происходятъ эндогенно, т. е. внутри тканей листа, тогда какъ корневые волоски представляютъ собою не что иное, какъ отростки клѣтокъ кожицы), но разборъ его потребовалъ бы сообщенія слишкомъ спеціальныхъ свѣдѣній о строеніи и развитіи растеній.

Гигіена. *Достоинства альбумозы и мясныхъ экстрактовъ, какъ пищевыхъ средствъ.* Различныя вещества, которыя человѣкъ употребляетъ въ пищу, можно раздѣлить на двѣ категоріи: пищевыя средства въ собственномъ смыслѣ и приправы. Названіемъ пищевого средства обозначаютъ всякое вещество, которое, будучи измѣнено соками пищеварительнаго канала, доставляетъ матеріалъ для возстановленія тканей и для выдѣленія животной теплоты. Болѣе скромная, но, тѣмъ не менѣе, важная роль принадлежитъ веществамъ, называемымъ приправами: онѣ также содержатъ питательные элементы, но главное ихъ назначеніе въ томъ, чтобы придавать пищѣ больше вкуса, чѣмъ вызывается болѣе обильное выдѣленіе желудочнаго сока.

Если сравнивать животный организмъ съ машиною, то пищевыя вещества представятъ собою уголь, который даетъ необходимую силу, чтобы машина могла дѣйствовать, приправы же соотвѣтствуютъ маслу, которое устраняетъ треніе и облегчаетъ взаимодѣйствіе отдѣльныхъ частей. И пища, и приправы имѣютъ вполнѣ опредѣленное значеніе для жизнедѣятельности организма и одинаково необходимы для дѣйствія живой машины.

Среди предвзятыхъ мнѣній относительно питательнаго значенія извѣстныхъ веществъ особенно распространено въ публикѣ неправильное представленіе относительно достоинства мясного экстракта. Многіе воображаютъ, что экстрактъ этотъ представляетъ собою настоящую квинтъ-эссенцію, содержащую въ себѣ наиболѣе питательныя части мяса, и что ложечка экстракта можетъ вполнѣ замѣнить хорошій бифштексъ. Мы не будемъ разбирать, откуда происходитъ такой предразсудокъ; но очевидно, что только, благодаря этому грубому заблу-

женію, можетъ существовать производство мясного экстракта, которое въ последнее время такъ сильно развилось въ Америкѣ и въ Англіи. Во всѣхъ объявленіяхъ, публикуемыхъ различными промышленными компаніями (Armour, Wyeth, Liebig, Kemmerich и т. д.), мясной экстрактъ опредѣляется, какъ «лучшее пищевое средство, содержащее всѣ возбуждающія, питательныя и крѣпительныя части мяса въ легкоусвояемой формѣ». Въ дѣйствительности это увѣреніе является крайней дерзостью. Мясной экстрактъ не пищевое средство, это просто приправа, потому что количество питательныхъ веществъ, содержащихся въ немъ, весьма ограниченно и къ тому же его нельзя употреблять въ пищу въ значительныхъ количествахъ. Факты, которые мы сообщимъ на основаніи работы, недавно опубликованной Voit'омъ, докажутъ это съ достаточной очевидностью.

Мясной экстрактъ, приготовленный въ первый разъ еще Proust'омъ въ 1821 году, представляетъ собою не что иное, какъ мясной бульонъ, сгущенный до консистенціи сиропа. Слѣдовательно, какъ и обыкновенный бульонъ, онъ содержитъ составныя части мяса, растворяемыя въ горячей водѣ. Прежніе анализы, произведенные Kemmerich'омъ, обнаружили въ мясномъ экстрактѣ присутствіе 27% бѣлковыхъ веществъ. Новые анализы Stutzer'а дали цифры менѣе значительныя. По его анализу, составъ экстракта Liebig'а и Bovril'а слѣдующій:

	Экстрактъ Liebig'а.	Экстрактъ Bovril'а.
Воды	17,72 %	44,42 %
Органическихъ веществъ	59,54 %	37,26 %
Солей	22,74 %	18,32 %

Органическія вещества, въ свою очередь, состоятъ изъ:

Растворимой альбумозы	20,50 %	10,81 %
Нерастворимаго альбумина	0,75 %	6,3 %
Экстрактивныхъ веществъ	38,29 %	20,32 %

Слѣдовательно, составъ мясного экстракта приближается къ составу мяса. Но если ихъ разсматривать, какъ пищевыя средства, то между ними окажется слѣдующая разница: между тѣмъ, какъ мясо можно принимать въ пищу въ значительныхъ количествахъ, не вызывая разстройствъ, мясной экстрактъ переносится лишь въ весьма малыхъ дозахъ. Такъ, количество мясного экстракта, которое можно принимать въ пищу за день, по Liebig'у, Kemmerich'у и др. для взрослаго равняется 5-ти граммамъ и не должно превышать 15-ти граммъ, подъ опасеніемъ вызвать разстройство пищеваренія и поносъ.

Возьмемъ среднюю дозу, 5 граммъ. Въ этомъ количествѣ мяснаго экстракта содержится не болѣе 1 гр. растворимыхъ бѣлковыхъ веществъ. Это количество совершенно ничтожно для поддержанія организма, такъ какъ лишь для покрытія траты азота взрослому человѣку ежедневно нужно 118 граммъ бѣлковыхъ веществъ.

Ничтожное питательное значеніе мясного экстракта, когда онъ принимается въ обычныхъ дозахъ, доказывается еще и слѣдующими опытами. Rubner, который производилъ изслѣдованія надъ собаками, нашелъ, что мясной экстрактъ не производитъ никакого вліянія на выдѣленіе углекислоты и на освобожденіе тепловой энергіи: большая часть веществъ, содержащихся въ немъ, не усваиваются организмомъ и переходятъ въ мочу. Politis бралъ двѣ серіи мышей: въ одной животныя подвергались абсолютному голоданію, въ другой—каждое получало 4 грм. экстракта въ день. Животныя обѣихъ серій погибли въ одно и тоже время.

Подобные опыты, произведенные Kemmerich'омъ надъ собаками, сопровождались тѣми же результатами. Если животныя, питавшіяся мяснымъ экстрактомъ, не переживали тѣхъ, которыя подвергались полному голоданію, то это

очевидно зависитъ отъ недостатка углеводовъ, между тѣмъ какъ бѣлковыхъ веществъ мясной экстрактъ содержитъ слишкомъ мало для поддержанія организма.

Чтобы увеличить питательное достоинство обыкновеннаго мясного экстракта, придумали прибавить къ нему мясной порошокъ. Такимъ образомъ былъ приготовленъ тѣстообразный мясной экстрактъ, который рекламы называютъ въ 50 разъ болѣе питательнымъ, чѣмъ обыкновенный экстрактъ, и представляющимъ, какъ бы сконцентрированное пищевое средство. Достаточно взглянуть на помѣщаемый ниже анализъ Штуцера, чтобы видѣть, насколько это справедливо, а именно въ 100 грм. сухого вещества находятъ:

	Тѣстообразный экстрактъ Bouril'a.	Мясо.
Органическихъ веществъ......	75.30 %	94.60 %
Солей	24.70 %	5.39 %
Органическія вещества въ свою очередь состоятъ изъ:		
Растворимой альбумозы	40.47	—
Нерастворимаго альбумина.....	9.17	86.72
Экстрактивныхъ веществъ.....	25.66	7.88

Изъ этихъ анализовъ слѣдуетъ, что тѣстообразный экстрактъ содержитъ почти въ 2 раза меньше бѣлковыхъ веществъ и зато въ 3 раза больше солей и экстрактивныхъ веществъ, чѣмъ обыкновенное мясо. Если мы произведемъ тотъ же подсчетъ, какъ и для жидкаго экстракта, то найдемъ, что 5 грм. сухого экстракта (средняя доза для взрослаго человѣка) содержитъ немного болѣе 2-хъ грм. бѣлковыхъ веществъ, количество, конечно, совершенно недостаточное даже для покрытія траты азота.

Нужно ли прибавлять, что эти два грамма бѣлковыхъ веществъ потребитель получитъ изъ 10 граммовъ обыкновеннаго мяса и соблюдетъ при этомъ большую экономію? Дѣйствительно, по расчету Voit'a, 20 грм. бѣлковыхъ веществъ, содержащіеся въ 100 грм. мяса, стоятъ 20—25 сантимовъ, тогда какъ стоимость того же самаго количества бѣлковыхъ веществъ въ формѣ мяснаго экстракта колеблется отъ 1 фр. до 1 фр. 50 сант., смотря по приготовленію. Лицо, которое пожелало бы возмѣстить 118 грам. бѣлковыхъ веществъ, которыя въ организмѣ ежедневно разрушаются, при помощи мясного экстракта, должно было бы издержать отъ 6—10 франковъ вмѣсто 60—90 сантимовъ, которые бы ему стоило соотвѣтствующее количество бѣлковъ въ формѣ мяса.

Всѣ эти факты показываютъ, что мясной экстрактъ не можетъ претендовать на названіе пищеваго средства. Онъ содержитъ слишкомъ малое количество питательныхъ веществъ въ собственномъ смыслѣ; его нельзя принимать въ достаточныхъ дозахъ, не вызывая растройства пищеваренія, цѣна его слишкомъ высока для содержащагося въ немъ малаго количества питательныхъ веществъ. Если его продолжаютъ рекламировать въ качествѣ пищевого средства, то въ этомъ мы можемъ лишь видѣть эксплуатацію указаннаго предразсудка.

Мясной экстрактъ, не представляя собой пищеваго средства, тѣмъ не менѣе играетъ нѣкоторую роль въ физіологіи питанія: онъ можетъ служить приправой и, какъ таковая, онъ вполнѣ пригоденъ для приготовленіи суповъ, соусовъ и т. д., не для того. чтобы увеличить ихъ питательное значеніе, но, чтобы сдѣлать ихъ вкуснѣе. Эту роль не слѣдуетъ оцѣнивать слишкомъ низко, потому что, безъ содѣйствія приправъ, цѣлый рядъ пищевыхъ веществъ не можетъ утилизироваться желудкомъ; съ другой стороны приправы устраняютъ однообразіе пищи, которое сопровождается часто неблагопріятными послѣдствіями. Извѣстно, что въ тюрьмахъ однообразная и невкусная пища нерѣдко вызываетъ тяжелыя желудочно-кишечныя растройства, нерѣдко сопровождающіяся смертельнымъ исходомъ, которыя, однако, исчезаютъ, если прибавленіемъ приправъ вносится разнообразіе въ пищу. Мясной экстрактъ, какъ и всякая другая приправа, можетъ быть употребленъ съ подобною цѣлью.

Все сказанное о мясномъ экстрактѣ, какъ о пищевомъ средствѣ можно повторить и объ *альбумозахъ*.

Альбумозы, какъ ихъ доставляетъ промышленность, являются бѣлковыми веществами, которыя помощью ферментовъ (пепсина, трипсина) переведены въ растворимое состояніе. Это пропептоны, такъ сказать промежуточныя вещества между бѣлками и пептонами. Альбумозы, болѣе легко усвояемыя, чѣмъ бѣлки, какъ и пептоны долгое время составляли достояніе фармаціи, т. е. онѣ назначались больнымъ, у которыхъ пищевареніе и питаніе оставляли желать лучшаго. Позднѣе, съ помощью рекламы одинъ изъ такихъ препаратовъ *соматоза*— былъ предложенъ публикѣ въ качествѣ пищеваго средства, легко усвояемаго. Операціи съ нимъ удивительно удались въ Германіи, и въ настоящее время соматоза серьезно конкурируетъ съ мяснымъ экстрактомъ и пріобрѣла такую извѣстность, что медицинскія общества были вынуждены заняться ею съ точки зрѣнія общественнаго здравія. Поэтому чрезвычайно интересно выяснить питательное значеніе альбумозъ вообще и соматозы въ частности.

Соматоза не болѣе, чѣмъ мясной экстрактъ, можетъ считаться пищевымъ средствомъ. Правда, она содержитъ около 80% бѣлковыхъ веществъ въ такой формѣ, которая даетъ возможность организму воспользоваться ими для замѣны истраченныхъ бѣлковъ. Но, чтобы служить пищевымъ средствомъ, бѣлковыя вещества, содержащіяся въ соматозѣ, должны хорошо всасываться въ кишечномъ каналѣ. Опыты, произведенные надъ соматозой, показали, что всасываніе происходитъ весьма неудовлетворительно. Такъ Ellisen кормилъ собакъ послѣдовательно два дня мяснымъ порошкомъ и два дня соматозой; онъ опредѣлялъ азотъ въ экскрементахъ, соотвѣтствующихъ каждому изъ этихъ періодовъ, и получилъ слѣдующіе результаты:

		Азотъ, содержащійся въ пищѣ граммы.	Азотъ, содержащійся въ экскрементахъ граммы.	Потеря азота въ % по отношенію къ азоту пищи граммы.
Мясной порошокъ	1-й день	8,92	1,0	5,6
	2-й »	8,92		
Соматоза	1-й день	8,92	10,6	59,4
	2-й »	8,92		

Такимъ образомъ изъ 17,84 грм. азота, содержащагося въ мясномъ порошкѣ, не усвоеннымъ остается лишь 1 грм.; напротивъ изъ того же количества азота, содержащагося въ соматозѣ, не усвояется 10,6 грм. азота; не считая 2,98 грм., приходящихся на долю выдѣленія кишечника—потому что соматоза раздражаетъ кишечникъ и въ особенности, когда доза такъ велика— все-таки остается неусвоенныхъ 7,61 грм. азота. Другими словами азотъ мяснаго порошка усваивается въ количествѣ 94,4%, тогда какъ азотъ соматозы лишь въ количествѣ 40,6%.

Какъ мы только что упомянули, главный недостатокъ соматозы состоитъ въ томъ, что она вызываетъ поносъ, если препаратъ употребляется въ значительныхъ дозахъ, что, само собою разумѣется, устраняетъ всасываніе не только самой соматозы, но и другихъ принятыхъ одновременно съ нею питательныхъ веществъ. Предѣльная доза для взрослаго равняется 20 грм. въ день въ 3—4 пріема. Но и при такой дозѣ черезъ нѣсколько дней все-таки появляется поносъ. 20 грм. соматозы содержатъ 18 грм. бѣлковыхъ веществъ; полагая, что лишь половина этого количества усваивается организмомъ, между тѣмъ, какъ для покрытія траты азота нужно 118 грм. бѣлковъ, не трудно видѣть, что, какъ и мясной экстрактъ, альбумозы не могутъ считаться пищевымъ сред-

ствомъ. Кромѣ того, цѣна ихъ слишкомъ велика. Voit приводитъ для сравненія слѣдующую таблицу:

100	грм.	бѣлковаго	вещества	въ формѣ	куринаго бѣлка	стоятъ	0,54	фр.
100	»	»	»	»	» молока	»	0,71	»
100	»	»	»	»	» мяса	»	1	»
100	»	»	»	»	» соматозы	»	7,80	»

Можетъ ли, по крайней мѣрѣ, соматоза служить приправой? Ни коимъ образомъ, такъ какъ альбумозы совершенно безвкусны.

Намъ остается еще вкратцѣ разобрать значеніе альбумозъ въ качествѣ врачебнаго средства. Здѣсь мы также обратимся къ соматозѣ, которая является прототипомъ этихъ веществъ.

Съ терапевтической точки зрѣнія, соматоза, повидимому, показуется въ тѣхъ случаяхъ, когда вслѣдствіе разстройства пищеваренія, происходящихъ отъ недостаточной секреторной или двигательной дѣятельности желудка или кишекъ, нужно доставить организму бѣлковыя вещества уже пептонизированными, т. е. въ такомъ видѣ, чтобы пищеварительный каналъ могъ всосать ихъ непосредственно и чтобы такимъ образомъ работа его была сведена къ минимуму. Но вышеизложенные факты показываютъ, что усвоеніе соматозы въ кишечникѣ даже и въ обычныхъ дозахъ происходитъ весьма неудовлетворительно, и что количество бѣлковыхъ веществъ, которыя въ этихъ условіяхъ проникаются въ организмъ и утилизируются имъ, является минимальнымъ и совершенно недостаточнымъ для поддержанія его.

Кромѣ того, на что мы выше также указывали, соматоза, раздражая кишечникъ, увеличиваетъ выдѣлительную дѣятельность его железъ и двигательную дѣятельность его мышцъ, что сопровождается поносомъ со всѣми его послѣдствіями для всасыванія и усвоенія пищи; другими словами, вмѣсто того, чтобы доставить покой пищеварительному каналу, соматоза вызываетъ въ немъ чрезвычайно повышенную дѣятельность. Клиницисты, которые, какъ Klemperer, серьезно изучали вліяніе соматозы, также возвращаются къ мнѣнію Neumeister'а, который считаетъ альбумозы совершенно безполезными для больныхъ и даже прямо вредными, когда ихъ назначаютъ въ повышенныхъ дозахъ въ теченіе долгаго времени.

Если соматоза не имѣетъ успѣха при разстройствѣ пищеваренія, то, наоборотъ, она можетъ быть съ пользою употреблена при извѣстныхъ формахъ привычныхъ запоровъ, сопровождающихся потерей аппетита. Соматоза, благодаря тому что она можетъ увеличивать выдѣленіе желудочнаго и кишечнаго сока и возбуждать перистальтическія движенія кишекъ, употребляемая въ малыхъ дозахъ (5—10 грам. въ день), въ теченіе нѣсколькихъ дней возстановляетъ дѣятельность кишечника и вызываетъ появленіе аппетита; больные, которые страдали полнымъ отсутствіемъ его, снова начинаютъ принимать пищу; силы ихъ возвращаются, и вѣсъ тѣла увеличивается. Но очевидно, что это улучшеніе общаго состоянія нельзя приписывать тѣмъ 4-мъ грам. бѣлковыхъ веществъ, которые доставляются организму соматозой, оно зависитъ отъ возбужденія кишечника больнаго, которое вызывается этимъ веществомъ.

Итакъ соматоза не можетъ служить ни пищевымъ средствомъ, ни приправой: это средство желудочное и легкое слабительное, которое, какъ таковое, можетъ употребляться въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ случаяхъ въ медицинѣ. («Révue Générale des Sciences»).

Минералогія. *Естественная окраска минераловъ.* К. фонъ Краатцъ-Кошлау и Л. Велеръ въ Tschermaks Mineralog. u. petrograph. Mitth. сообщаютъ результаты своихъ изслѣдованій надъ минералами, окраска которыхъ зависитъ отъ присутствія въ нихъ органическихъ веществъ. Авторы опредѣляли эти вещества и качественно, и количественно. Они видятъ доказатель-

ства присутствія въ минераловъ органическаго вещества въ томъ, что «при накаливаніи появляется запахъ органическаго вещества (горѣлаго жира), минералъ обезцвѣчивается, при прокаливаніи его съ окисью мѣди или въ струѣ кислорода выдѣляется углекислота, что доказывается помутнѣніемъ известковой воды; далѣе при нагрѣваніи минералъ болѣе или менѣе сильно фосфоресцируетъ, пока замѣтна окраска его и запахъ органическаго вещества». Послѣ продолжительнаго прокаливанія всѣ эти признаки, разумѣется, исчезаютъ, иногда при этомъ обнаруживается выдѣленіе угля. Количественно опредѣлялся углеродъ и водородъ обычными пріемами элементарнаго анализа, т. е. накаливаніемъ въ струѣ совершенно сухого и чистаго кислорода, причемъ одна половина трубки для сожиганія наполнялась, какъ всегда, окисью мѣди, другая хромовосвинцовой солью для удержанія могущей образоваться плавиковой и сѣрнистой кислоты.

Такимъ образомъ, авторамъ удалось доказать зависимость окраски отъ присутствія органическихъ веществъ у слѣдующихъ минераловъ: плавиковаго шпата, апатита, барита, целестина, ангидрита, каменной соли, известковаго шпата, циркона, дымчатаго топаза, аметиста, микроклина, турмалина и топаза. Понятіе о томъ, въ какихъ количествахъ находятся въ минералахъ углеродъ и водородъ, могутъ дать слѣдующія количественныя опредѣленія ихъ въ различныхъ сортахъ плавиковаго шпата:

Углерода:	Водорода:
0,017 %	0,0038 %
0,014 %	0,0038 %
0,010 %	0,008 %
0,009 %	0,002 %
0,007 %	0,0025 %

Авторы выяснили также природу жидкихъ включеній, которыми, какъ извѣстно, особенно богаты топазы. Уже Брюстеръ показалъ, что эти включенія состоятъ изъ двухъ различныхъ веществъ, которыя Дана впослѣдствіи назвалъ брюстерлинитомъ и криптолиномъ. Авторы нашли, что жидкія включенія, образованныя такъ называемымъ брюстерлинитомъ, содержатъ трудно летучій углеводородъ, между тѣмъ какъ криптолинъ, встрѣчающійся въ меньшихъ количествахъ и легче летучій, представляетъ собой вещество, содержащее азотъ. Такіе топазы, вѣроятно, обязаны своей окраской окиси опредѣленнаго металла, растворенной въ углеводородѣ, такъ какъ углеводороды, и въ особенности высоко кипящіе, уже при обыкновенной температурѣ способны растворять окиси металловъ; при повышенной же температурѣ раствореніе окисей должно происходить въ гораздо большихъ количествахъ.

На основаніи своихъ изслѣдованій, авторы приходятъ къ слѣдующему раздѣленію минераловъ: 1) минералы, окраска которыхъ чисто органическаго происхожденія, какъ, напр., плавиковый шпатъ, апатитъ, баритъ, целестинъ, ангидритъ, известковый шпатъ, каменная соль, дымчатый топазъ, цирконъ, микроклинъ, турмалинъ, топазъ; 2) минералы, которые обязаны своей окраской и органическимъ, и неорганическимъ веществамъ, напр.: канадскій апатитъ, аметистъ, бразильскій топазъ; 3) минералы, окраска которыхъ зависитъ исключительно отъ неорганическихъ примѣсей: рубинъ, сапфиръ, шпинель, бериллъ. («Natururssesсhaftliche Rundschau»).

Зоологія. *О самостоятельныхъ движеніяхъ псевдоподій у корненожекъ.* Въ статьѣ о самостоятельныхъ движеніяхъ псевдоподій, помѣщенной въ Archives des sciences physiques et naturelles, Пенаръ (E. Penard) сообщаетъ чрезвычайно интересные факты, на которыхъ стоитъ остановиться.

Если корненожку или инфузорію разрѣзать на двѣ части, то та часть, которая содержитъ ядро, остается живою и возстановляетъ утраченную часть;

наоборотъ, отдѣленный участокъ плазмы такого одноклѣточнаго животнаго, не содержащій ядра, отмираетъ спустя нѣкоторое время, въ теченіе котораго однако онъ проявляетъ жизнедѣятельность, между прочимъ — производя активныя движенія.

Съ нѣкоторыми измѣненіями тѣже явленія наблюдаются на отдѣленныхъ отъ тѣла псевдоподіяхъ. Эти наблюденія и составляютъ предметъ изслѣдованій, которыя произвелъ Пенаръ надъ корненожкой Difflugia Lebes, которая обладаетъ наибольшими размѣрами изъ всѣхъ организмовъ ея группы.

Опыты состояли въ томъ, что псевдоподія или часть ея быстро отрѣзывалась посредствомъ иглы отъ индивидуума, находившагося въ движеніи, и наблюдалась ихъ дальнѣйшая судьба

Результаты получились слѣдующіе. Отдѣленная псевдоподія, свободная и изолированная, если ее немного удалить отъ организма, часть котораго она составляла, не остается неподвижной. Сначала, правда, она собирается въ шарикъ, но нѣсколько мгновеній спустя, она выпускаетъ отростки въ разныя стороны, подобно амебѣ, и принимаетъ различныя формы: удлиненную, звѣздчатую, вилообразно развѣтвленную и т. д., которыя безпрерывно мѣняются. Черезъ нѣсколько времени она отмираетъ, но иногда до того въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, обнаруживаетъ большую подвижность и постоянно измѣняетъ форму. Псевдоподія не способна къ самостоятельной жизни, она не содержитъ для этого всѣхъ необходимыхъ элементовъ.

До сихъ поръ въ наблюденіяхъ Пенара нѣтъ ничего новаго, но если вмѣсто того, чтобы удалить отдѣленную псевдоподію отъ организма, которому она принадлежитъ, оставить ихъ недалеко другъ отъ друга, напр., на растояніи превышающемъ въ 2 или 3 раза діаметръ корненожки, то наблюдаются явленія несомнѣнно новыя и чрезвычайно любопытныя.

Отдѣленная псевдоподія сначала такъ же стягивается въ шарикъ, но оправившись она не выпускаетъ отростковъ по всѣмъ направленіямъ, а образуетъ только одинъ, неизмѣнно направленный къ корненожкѣ, отъ которой псевдоподія была отдѣлена.

Этотъ отростокъ все увеличивается, въ него постепенно переливается вся масса псевдоподіи, и вмѣсто шарика получается червеобразное тѣло, направленное къ корненожкѣ. Иногда образуются два отростка, но оба они неизмѣнно бываютъ направлены къ организму, отъ котораго псевдоподія была отдѣлена.

Посредствомъ описаннаго движенія, по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, псевдоподія достигаетъ корненожки и прикрѣпляется около ротоваго отверстія.

Что же происходитъ въ это время съ самой корненожкой? Сначала она сокращается и стягиваетъ всѣ свои псевдоподіи. Спустя нѣсколько минутъ она снова ихъ выпускаетъ и хотя, повидимому, она нисколько не обезпокоена потерей, всетаки изъ двухъ или трехъ образуемыхъ ею псевдоподій, одна непременно направляется къ отрѣзанному участку плазмы, эта псевдоподія принимаетъ бо̀льшіе размѣры, чѣмъ всѣ остальныя, и сливается съ отрѣзанной частью, которая, такимъ образомъ, снова входитъ въ составъ организма, отъ котораго она была отдѣлена. Но это сліяніе и здѣсь, и около ротоваго отверстія происходитъ лишь тогда, когда отрѣзокъ изъ прозрачнаго и блестящаго превращается въ матовый и мутный. Разъ сліяніе произойдетъ, организмъ является вполнѣ востановленнымъ и нисколько не страдаетъ отъ произведенной ампутаціи. Опытъ можно начать вновь, и Пенаръ повторялъ его 10 разъ подрядъ въ тотъ же день и надъ однимъ и тѣмъ же организмомъ, который при этомъ, повидимому не испытывалъ не малѣйшаго неудобства.

На основаніи описанныхъ явленій можно заключить, что между организмомъ и его отрѣзкомъ существуетъ взаимное притяженіе. Соотвѣтствующіе опыты доказываютъ это еще болѣе убѣдительно. Если, напримѣръ, въ то время, когда

отрѣзанная часть уже приняла вытянутую форму и направилась къ организму, отъ котораго она была отдѣлена, помѣстить корненожку съ противоположной стороны отрѣзка, то сначала онъ остается короткое время безъ движенія и затѣмъ направляется въ сторону, противоположную той, куда онъ былъ обращенъ ранѣе, т. е. къ корненожкѣ. Если корненожку перемѣстить не на 180°, а на 90°, такъ, чтобы она находилась противъ середины отрѣзанной псевдоподіи, вытянувшейся въ видѣ червеобразнаго тѣла, то вскорѣ на отрѣзанной псевдоподіи образуется отростокъ, направленный къ корненожкѣ. Иногда ихъ образуется два или три, случается даже, что отрѣзокъ принимаетъ форму гребенки, зубцы которой всѣ направлены къ корненожкѣ. Обводя корненожку вокругъ такого отрѣзка, можно заставить его описать полный кругъ своими отростками, которые послѣдовательно вытягиваются по всѣмъ направленіямъ, подобно часовой стрѣлкѣ. Эти движенія могутъ продолжаться въ теченіе трехъ часовъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что это притяженіе не физическаго характера. Пенаръ помѣщалъ отрѣзанную псевдоподію около самыхъ различныхъ предметовъ: около песчинокъ, пустыхъ скелетовъ корненожекъ, изверженій червей, яицъ ракообразныхъ и другихъ веществъ органическихъ и неорганическихъ; во всѣхъ этихъ случаяхъ не наблюдается никакого притяженія. Отростки вытягиваются въ разныхъ направленіяхъ, но если только инородное тѣло замѣнить организмомъ, которому принадлежитъ данный отрѣзокъ, отростки его тотчасъ же всѣ направляются къ этому организму. Итакъ, наблюдается совершенно безразличное отношеніе къ инороднымъ тѣламъ и притяженіе между корненожкой и его отрѣзкомъ.

Но этого мало: въ нѣкоторыхъ случаяхъ наблюдается отталкиваніе. Это происходитъ тогда, если вмѣсто организма, которому принадлежитъ отрѣзокъ, или инороднаго тѣла, помѣстить индивидуумъ другого вида, напр. Difflugia pyriformis.

Въ этомъ случаѣ отростки отрѣзанной псевдоподіи образуются въ направленіи, противоположномъ тому, въ которомъ находится корненожка другого вида; явленія происходятъ діаметрально противоположно тому, какъ это бываетъ, если близъ отрѣзка помѣщается корненожка, отъ которой онъ былъ отдѣленъ, но если диффлюгію другого вида замѣнить корненожкой, которой принадлежитъ данная псевдоподія, то снова тотчасъ же между ними обнаруживается притяженіе.

Кромѣ того, отталкиваніе обнаруживается не только относительно другого вида, но также и относительно всякаго другого индивидуума того же вида, исключая той корненожки, которой принадлежитъ отрѣзанная псевдоподія (изъ описанія Пенара можно заключить, что употреблялись цѣльные индивидуумы); въ этомъ случаѣ такъ же отрѣзокъ удаляется.

Эти явленія наблюдаются не только у Difflugia Lebes, по опытамъ они свойственны также и D. piriformis. Относительно этого вида онъ установилъ слѣдующій любопытный фактъ: найдя дѣлящійся организмъ, Пенаръ дождался окончанія этого процесса и затѣмъ двѣ вновь образованныя клѣтки помѣстилъ въ маленькую стеклянную чашечку. Отрѣзавъ у одной изъ нихъ псевдоподію, онъ тотчасъ же удалилъ ампутированную корненожку и помѣстилъ другую, цѣльную, вблизи отрѣзанной псевдоподіи. Псевдоподія направилась къ этой корненожкѣ, какъ будто-бы это былъ организмъ, отъ котораго она была отдѣлена. На другой день опытъ былъ повторенъ съ тѣмъ же результатомъ. Но, очевидно, должно наступить время, когда онъ болѣе не удастся, такъ какъ вообще существуетъ отталкиваніе между цѣльнымъ организмомъ и псевдоподіей, принадлежащей другому индивидууму. Къ сожалѣнію Пенаръ не произвелъ соотвѣтствующихъ опытовъ.

Факты, описанныя Пенаромъ, могутъ быть резюмированы слѣдующимъ образомъ: «опредѣленные участки плазмы (псевдоподіи), отдѣленные отъ клѣтки,

обнаруживаютъ нѣкоторое время тѣ же явленія, какъ соотвѣтствующій цѣльный организмъ (корненожка). Этотъ, временно существующій организмъ, притягивается плазмою, тожественной съ тою, изъ которой онъ состоитъ, и отталкивается всякой другою плазмой. Два индивидуума, происходящіе черезъ дѣленіе одной клѣтки, въ теченіе короткаго времени могутъ разсматриваться, какъ состоящіе изъ тожественной плазмы: кромѣ этихъ случаевъ, плазма различныхъ индивидуумовъ различна даже въ одномъ и томъ же видѣ». («R. scientifique»). Д. Н.

Астрономическія извѣстія. *Комета 1899 A. (Swift)* оказалась чрезвычайно интересной въ физическомъ отношеніи. Какъ мы уже упоминали въ іюльской хроникѣ, 4-го іюня нов. стиля ея яркость совершенно неожиданно увеличилась и довольно значительно, а потомъ опять быстро упала. Теперь это явленіе нужно считать несомнѣннымъ фактомъ. Сообщенія изъ Бамберга, Гамбурга и Вѣны подтверждаютъ наши наблюденія. Астрономъ Holetschek опубликовалъ рядъ чиселъ, характеризующихъ яркость кометы ото дня ко дню.

1899 г.	Ср. вр.	Яркость ядра.	Общая яркость кометы.
Мая 31	10½ час.	—	5,5 зв. велич.
Іюня 1	10½ »	9,10 зв. вел.	5,5 » »
» 2	10¼ »	9,10 » »	5,7 » »
» 3	10½ »	—	6,0 » »
» 4	10¼ »	7,8 » »	5,3 » »
» 5	10 »	7,0 » »	4,4 » »
» 5	13½ »	—	4,6 » »
» 6	10¼ »	7,8 » »	4,8 » »
» 6	13¼ »	8,9 » »	4,6 » »
» 8	13 »	9,10 » »	6(?) » »
» 9	13½ »	9 » »	5,7 » »

Съ другой стороны американскій журналъ «The Astronomical Journal» принесъ извѣстіе, что въ два сильнѣйшіе въ мірѣ телескопа: въ 36-ти-дюймовый на обсерваторіи Лика и въ 40-дюймовый на обсерваторіи Іеркса удалось замѣтить въ маѣ двоеніе кометы.

Астрономъ Perrine, наблюдавшій въ первую трубу, видѣлъ 12—16 числа два ядра и измѣрилъ положеніе одного относительно другого. За 4 дня оно значительно измѣнилось, астрономъ Barnard, въ іеркскій рефракторъ 20-го мая различилъ двѣ головы — вторая была уже главной, но подобна ей, шла нѣсколько впереди и южнѣе. Измѣренія 20, 21, 22 и 23 мая показываютъ измѣненія относительнаго положенія въ томъ же смыслѣ, какъ и ядеръ, по наблюденіямъ Perrine.

27-го мая имѣло мѣсто частное солнечное затменіе, очень интересное для наблюденій, потому что на солнце проектировался сегментъ луны съ южнымъ полюсомъ, близъ котораго находятся высочайшія горы. Съ поразительной отчетливостью на солнечномъ дискѣ обрисовывались силуеты горной цѣпи Лейбницъ и мощнаго кряжа Дёрфель съ вершинами достигающими 26.000 и 30.000 футовъ. Это былъ моментъ наиболѣе удобный для точнаго измѣренія высотъ этихъ горъ.

Новая звѣзда въ созвѣздіи Стрѣльца была открыта г-жей Флемингъ, изучавшею фотографическіе снимки обсерваторіи Гарвардскаго колледжа. Ея появленіе нужно отнести еще къ концу 1897 года или къ началу 1898; на 87 снимкахъ, полученныхъ съ соотвѣтствующей части неба за время отъ 5 сент. 1888 г. по 27 окт. 1897 г. нѣтъ ея совершенно, хотя фотографировались звѣзды до 15 величины.

Къ сожалѣнію открытіе запоздало и интересныхъ непосредственныхъ наблюденій надъ звѣздой уже не могло быть произведено, но благодаря богатой

коллекціи фотографическихъ снимковъ, полученныхъ на обсерваторіи Гарвардскаго колледжа, какъ самыхъ звѣздъ, такъ и ихъ спектрвъ. удалось установить, что въ мартѣ 1898 года блескъ *Новой* звѣзды равнялся 4,7 зв. величины, а въ концѣ апрѣля уже 8,2, что спектръ ея имѣлъ 14 свѣтлыхъ линій, изъ которыхъ шесть принадлежали водороду, что онъ былъ очень похожъ на спектры наблюдавшихся прежде Новыхъ звѣздъ въ Персеѣ, Возничемъ и Сѣверной Коронѣ. Во всѣхъ этихъ звѣздахъ водородная линія H_ε является свѣтлой, между тѣмъ какъ въ перемѣнныхъ длиннаго періода она черная. Эта разница является чрезвычайно характерной и можетъ служить даже надежнымъ критеріемъ при рѣшеніи вопроса. приписать ли появленіе новой звѣзды увеличенію яркости уже прежде горѣвшей, или это дѣйствительно такъ называемая *Новая* звѣзда.

Въ спектрѣ новой звѣзды въ Стрѣльцѣ замѣтны были и измѣненія за нѣсколько дней. 13-го марта текущаго года Wendell измѣрялъ ея яркость фотометромъ и нашелъ, что она равна 11,4 зв. величины, ея спектръ былъ уже почти монохроматиченъ съ едва замѣтнымъ непрерывнымъ спекторомъ. Въ этомъ отношеніи звѣзда также является подобнымъ многимъ изъ прежде наблюдавшихся новыхъ звѣздъ, которыя разрѣшались въ газообразныя туманности.

Интересно отмѣтить, что изъ 6 новыхъ звѣздъ, открытыхъ послѣ 1885 года, *пять* указано г-жею Флемингъ.

Кометы и новыя планеты въ 1899 г. Первая комета въ текущемъ году была найдена Swift'омъ 4-го марта (нов. ст.). О ней мы уже много говорили. Вторая комета была открыта. вслѣдъ за первой на другой день съ помощью фотографіи проф. Вольфомъ въ Гейдельбергѣ. Это оказалась ожидавшаяся періодическая комета Tuttle, хотя положеніе ея сильно отличалось отъ указаннаго эфемеридой, данной астрономомъ Rahts'омъ давно уже занимающагося этой кометой. Сравнительно съ первой она очень слаба, ея общая яркость всего 11,5 величины. На сѣверномъ полушаріи она оставалась недолго, къ землѣ всего ближе была въ концѣ мая, причемъ наименьшее разстояніе было болѣе 255 милліоновъ километровъ. Время обращенія вокругъ солнца равно 13,7 лѣтъ. Третья комета найдена 6-го мая астр. Perrine на обсерваторіи Лика. Это періодическая комета (Tempel 1873 II) со временемъ обращенія въ 5,2 лѣтъ. Ея положеніе чрезвычайно близко совпало съ эфемеридой Schulhof'a, и предположеніе послѣдняго о небольшомъ ускореніи въ движеніи кометы нужно считать доказаннымъ. Яркость кометы чрезвычайно слаба, 15-й величины. въ 1873 году она была 9-ой, въ 1878 г. также 9-ой, въ 1894 г.—11-ой. Четвертая комета открыта также Perrine 10-го іюня, она также періодическая и носитъ имя Holmes'a. Время обращенія ея вокругъ солнца равняется 6,9 годамъ. въ первый разъ наблюдалась въ 1892 г. и была доступна невооруженному глазу, какъ туманность Андромеды близъ которой она и находилась въ моментъ открытія. Теперь она пока очень слаба и доступна только сильнымъ трубамъ. Эфемерида предвычислена Zwiers'омъ и довольно хорошо удовлетворяетъ наблюденіямъ.

Новыя планеты открыты проф. Wolf'омъ и его ассистентомъ Schwassman'омъ фотографическимъ путемъ:

	(442)—15	февраля	11-ой	велич.	
	(443)—17	»	—	»	
	— — 2	марта	10,3	»	
	— — 3	»	10,8	»	
астр. Coggia открылъ	(444)—31	»	—	»	
астр. Witt »	— — 5	апрѣля	11,5	»	фотограф. и
	— — 7	іюня	9,3	»	которая оказалась тождественной съ планетой (85) Jo.

Перемѣнная туманность Hind'a. Въ 1852 году Hind открылъ въ созвѣздіи Тельца слабую тумманность въ 30″ діаметромъ, которую наблюдалъ въ

1854 г. Chacornac, а въ 1855—56 D'Arrest даже при лунномъ блескѣ. Но въ 1858 Auwers видѣлъ эту туманность уже съ большимъ трудомъ, въ 1861—62 D'Arrest и Chacornac совсѣмъ не нашли ее, въ 1868 она исчезла даже для громадныхъ въ то время рефракторовъ Струве и Lassell'я. Наоборотъ Струве открылъ въ ближайшую ночь другую слабую туманность, которая въ 1877 году казалась Tempel'ю въ $1^1/_2$ минуты длины но уже черезъ мѣсяцъ сдѣлалась невидимой. Съ тѣхъ поръ обѣ туманности считались исчезнувшими, пока въ серединѣ октября 1890 Burnham и Barnard не усмотрѣли въ большой Ликовской рефракторъ туманность Hind'a. Она была на границѣ видимости, туманности же Струве совсѣмъ не было видно, а сосѣдняя перемѣнная звѣзда T Tauri была окружена узкой туманной массой, которая по наблюденіямъ Keeler'a давала обыкновенный спектръ газовой туманности. 25 февраля 1895 Barnard снова осматривалъ это мѣсто неба, онъ нашелъ тумманность Hind'a значительно свѣтлѣе, но не замѣтилъ никакого слѣда туманности вокругъ T Tauri, черезъ мѣсяцъ наоборотъ туманность Hind'a опять почти совершенно исчезла, а T Tauri была окружена туманностью и даже показалась туманность Струве, Недавно Barnard опубликовалъ свои дальнѣйшія наблюденія замѣчательнаго свѣтила, но никакого надежнаго объясненія колебаній яркости предложить нерѣшается. Можетъ быть всѣ три предмета входятъ въ составъ одной большой туманности, различныя части которой въ различныхъ случаяхъ блестятъ неодинаково. Во всякомъ случаѣ замѣченное явленіе достойно вниманія и тщательнаго разслѣдованія съ помощью сильныхъ трубъ.

Свѣтящіяся ночныя облака, на вѣроятность появленія которыхъ въ іюлѣ мы указывали въ прошлой хроникѣ, дѣйствительно наблюдались въ ночь со 2-го на 3-ье, съ 3-ьяго на 4-ое и съ 15-го іюля. Оба рода явленія представило въ Юрьевѣ эффектное зрѣлище съ характерными формами и окраской.

Преміи Парижской Академіи Наукъ по астрономіи за 1898 г. присуждены:

1) имени Lalande. — Американскому астроному Chandler'y за его изслѣдованія объ измѣненіи широтъ, наблюденія съ изобрѣтеннымъ имъ инструментомъ—Альмукантаратомъ, изслѣдованія надъ перемѣнными звѣздами и кометой Brooks'a (1889 V), которую онъ старался отожествить съ знаменитой кометой Lesell'я (1770).

2) премія имени Damoiseau на соисканіе которой была назначена тема: «Теорія возмущеній Гиперіона—спутника Сатурна», въ виду того, что не было подано ни одной работы присуждена астроному *Hill'y*, за его астрономическіе и математическіе труды (Теорія Луны, усовершенствованіе способа Гаусса для вычисленія вѣковыхъ возмущеній и пр.).

3) премія имени Valz'a астроному Colin'y—основателю обсерваторіи въ Тенерифѣ, за астрономическія и геодезическія работы.

4) премія имени Lanssen'a русскому астроному А. А. Бѣлопольскому—астрофизику Пулковской обсерваторіи за его многочисленныя и цѣнныя изслѣдованія почти во всѣхъ отрасляхъ физической астрономіи.

На соисканіе преміи Damoisseau въ дальнѣйшемъ конкурсѣ объявлена тема: «Выработать теорію движенія одной изъ періодическихъ кометъ, которая была наблюдаема во время нѣсколькихъ возвращеній».

Премія составляетъ 1500 фр. Срокъ—1-е іюня 1900.

Смерть Іордана. 17 апрѣля внезапно скончался проф. Іорданъ, преподавать геодезіи въ технической школѣ въ Ганноверѣ, извѣстный многими научными трудами и классическими курсами. Въ лицѣ его наука понесла тяжкую утрату.

К. Покровскій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Августъ. 1899 г.

Содержаніе: *Русскія и переводныя книги*:—Публицистика.—Исторія искусства.—Политическая экономія.—Естествознаніе.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.—*Иностранная литература*.—Изъ западной культуры. Ив. Иванова.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Д. Дриль. «Ссылка во Франціи и Россіи».—*В. Розановъ.* «Религія и культура»; «Литературные очерки».—*К. Гренгагенъ.* «Путеводитель по Финляндіи»; «Поѣздка на Иматру».

Дмитрій Дриль. Ссылка во Франціи и Россіи. Изъ личныхъ наблюденій во время поѣздки въ Новую Каледонію, на о. Сахалинъ, въ Пріамурскій край и Сибирь. Спб. Изд. Л. Пантелѣева. Ц. 1. р. 1899 г. Ссылка, какъ мѣра наказанія, когда-то пользовавшаяся общимъ признаніемъ и примѣнявшаяся въ большинствѣ государствъ,—не только отжила теперь свое время, но во многихъ отношеніяхъ скорѣе вредна тому же государству, которое хочетъ себя обезопасить ею. Къ такому заключенію постепенно приходили законодательства всѣхъ странъ, и нынѣ ссылка сохранилась почти исключительно въ Россіи и Франціи. Англійскія колоніи, служившія прежде мѣстомъ ссылки, рѣшительно воспротивились ей, какъ только достаточно окрѣпли, чтобы поднять голосъ противъ этой египетской казни, которою ихъ награждала метрополія. Во Франціи ссылка не играла никогда особой роли, такъ какъ ея колоніи, служащія для этой цѣли, не имѣютъ большого значенія ни въ политическомъ, ни въ экономическомъ отношеніи.

Въ иномъ положеніи оказывается вопросъ о ссылкѣ въ Россіи, гдѣ рѣзко измѣнилось отношеніе къ нему лишь съ того момента, какъ Сибирь перестала быть недоступной, благодаря желѣзной дорогѣ. Только съ проведеніемъ послѣдней стало яснымъ для всѣхъ, что Сибирь съ ея огромнымъ будущимъ, съ ея огромными богатствами и дѣятельнымъ, промышленнымъ и живымъ населеніемъ, никоимъ образомъ не можетъ служить мѣстомъ для отбросовъ Россіи. Что для Сибири ссылка погубна и является великимъ зломъ, это было ясно для всѣхъ уже давно. Въ Сибири двухъ мнѣній по этому вопросу не существуетъ и не существовало, и всѣ изслѣдованія подтверждали одно, что ссылка, не удовлетворяя ни одной изъ мнимыхъ выгодъ, какими руководствовалась высшая администрація въ своихъ соображеніяхъ, является для мѣстнаго населенія жестокимъ и незаслуженнымъ наказаніемъ. Ссыльный элементъ вноситъ съ собой распущенность, увеличиваетъ преступность и кромѣ того тяжело ложится на экономическія силы населенія. Въ тоже время ссыльные ничего не даютъ, что хотя сколько-нибудь окупало бы эти несомнѣнныя отрицательныя стороны. Огромное большинство ссыльныхъ бродяжитъ, и лишь ничтожная часть осѣдаетъ въ мѣстѣ приписки въ качествѣ рабочихъ и ремесленниковъ. Въ своей книгѣ г. Дриль приводитъ краснорѣчивыя цифры, изъ которыхъ видно, что ссыльные, какъ осѣдлый элементъ, заселяющій Сибирь, не имѣютъ никакого значенія. Такъ, напр., въ Красноярскомъ округѣ ихъ числилось 20.798

чел., изъ нихъ въ безвѣстной отлучкѣ 10.248, а остальные на половину бродяжатъ, занимаются кражами, мошенничествомъ, пьянствомъ и картежной игрой. Въ Ачинскомъ изъ 9413—безвѣстно отсутствующихъ 5190, въ Канскомъ изъ 16.714 бродяжитъ 8.814 чел., въ Амурскомъ изъ 576 только 77 живутъ по билетамъ, а 358 въ безвѣстной отлучкѣ, и т. д.

Какъ элементъ для заселенія, ссыльные по всѣмъ отзывамъ никуда не годятся. Для колонизаціи нужны стойкіе и сильные люди, крѣпкіе духомъ, съ энергіей и богатой инициативой, т. е. именно съ тѣми душевными и тѣлесными качествами, которыхъ нѣтъ у огромнаго большинства преступниковъ. Будемъ ли смотрѣть на преступленіе какъ на результатъ соціальныхъ неустройствъ, или какъ на продуктъ вырожденія,—все равно, преступники являются слабѣйшею частью общества, и ожидать, что эти слабѣйшіе смогутъ одолѣть тяжелыя условія жизни на новыхъ мѣстахъ, нѣтъ никакихъ основаній. Неуспѣхъ колонизаціи Сахалина вполнѣ подтверждаетъ это апріорное заключеніе. Тоже самое указываетъ г. Дриль и во французской колоніи. Обыкновенное указаніе на Австралію совершенно ложно: Австралія начала процвѣтать именно съ момента отмѣны ссылки.

Авторъ выступаетъ рѣзкимъ противникомъ ссылки и какъ мѣры наказанія, и какъ мѣры исправленія, и какъ колонизаціонной мѣры. Его наблюденія, сдѣланныя на мѣстѣ, отличаются убѣдительностью и доказательностью, хотя г. Дриль вездѣ избѣгаетъ широкихъ обобщеній и нарочитаго подбора фактовъ. Вездѣ онъ подтверждаетъ личныя впечатлѣнія оффиціальными данными, въ которыхъ факты, конечно, завѣдомо смягчены. Несмотря на сухость изложенія, полное отсутствіе художественности въ описаніяхъ и неумѣніе г. Дриля разбираться въ матеріалѣ, который былъ у него въ рукахъ и который онъ крайне неумѣло,—мѣстами по-ученически,—использовалъ,—все же книга его можетъ быть до извѣстной степени полезной при изученіи вопроса о ссылкѣ. Написана книга скучно, сѣрымъ тягучимъ слогомъ, какъ пишутся чиновничьи статьи, ни одного яркаго факта, ни одной живой картины, хотя авторъ и видѣлъ столько интереснаго и глубоко захватывающаго. Отсутствіе таланта и поверхностность наблюденій лишаютъ книгу г. Дриля того значеніе, какое она могла бы имѣть теперь, когда вопросъ о ссылкѣ поставленъ на очередь.

В. В. Розановъ. Религія и культура. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.—Литературные очерки. Спб. Ц. 1 р. 1899 г. Изданія П. Перцова. Новые выпуски произведеній г. Розанова заставляютъ насъ опять посвятить нѣсколько словъ этому автору. Признаемся, мы дѣлаемъ это съ великой неохотой, такъ какъ не знаемъ автора болѣе непріятнаго по манерѣ писанія и болѣе противнаго по духу. Съ одной стороны юродство и ханжество г. Розанова, поддѣлки подъ тонъ искренняго смиренія и наглый его цинизмъ, съ другой—тяжелый, исковерканный и высокопарно-надутый слогъ—мучительно невыносимы. Тѣмъ страннѣе и удивительнѣе было встрѣтить въ текущей печати признаніе за такимъ авторомъ оригинальности и талантливости. Съ какихъ бы сторонъ мы ни оцѣнивали автора, признаваемаго нами оригинальнымъ и талантливымъ, мы должны непремѣнно найти у него свѣжесть и новизну мысли, блестящую и своеобразную форму изложенія, стиль мѣткій и выразительный. Насколько же удовлетворяетъ г. Розановъ этимъ основнымъ требованіямъ?

Начнемъ наши поиски свѣжести и новизны въ мысляхъ г. Розанова. Каковы его взгляды на просвѣщеніе, мы уже отмѣтили ранѣе. Въ двухъ новыхъ сборникахъ авторъ касается разнообразныхъ сторонъ культуры. Тутъ и религія, и русскій расколъ, и бракъ, но если, послѣ тяжелыхъ усилій, вы съумѣете понять, что̀ говоритъ г. Розановъ, то предъ вами вырисуется ничто иное, какъ славянофильствующій изувѣръ и ханжа, который съумѣлъ огадить въ конецъ основы приснопамятнаго славянофильства Хомякова и Аксакова. Намъ непрі-

ятно и противно сопоставленіе этихъ почтенныхъ именъ съ такимъ ихъ эпигономъ, какъ г. Розановъ, но между ними прямая идейная связь во взглядахъ на русскую культуру, на религію и формы общежитія. Г. Розановъ пламенѣетъ дѣланнымъ восторгомъ предъ до-петровской Русью, которую, конечно, извращаетъ и перелицовываетъ на свой ладъ. Въ статьѣ о «Психологіи русскаго раскола» г. Розановъ превозноситъ расколъ за то, что онъ будто бы сохранилъ въ себѣ какой-то древній, истинно-русскій духъ, убитый Петромъ и окончательно вытравленный изъ русской жизни Сперанскимъ. Въ заключительныхъ словахъ этой статьи онъ говоритъ: «Все то дѣятельное и живое, что есть въ расколѣ, то «духовное пиво», которымъ онъ безформенно напоялъ до сихъ поръ христіанскую душу,—*это* должно быть бережно сохранено, должно быть взято нами, какъ сторона истинная въ немъ; и *разлито по всѣмъ формамъ нашего бытія* *). Если вспомнимъ сказанное ранѣе о приближеніи къ древнему *типикону* житія, какъ средствѣ удовлетворить «буквенниковъ»—мы поймемъ въ цѣломъ реформу, намъ предстоящую: *ожить древнимъ духомъ*—тѣмъ прекраснымъ духомъ, прототипъ котораго дала намъ еще Кіевская Русь. Возможно сдѣлать это при сохраненіи всей той крѣпости силъ, какую съумѣла создать Москва, и не отказываясь нисколько отъ правильныхъ сторонъ просвѣщенія, которое любить завѣщалъ великій Петръ. Все это можно соединить, все—слить въ новую гармонію, черезъ живой актъ души. Къ такому живому акту мы нудимся задачей раскола».

Разница во взглядахъ между славянофилами и г. Розановымъ заключается лишь въ томъ, что каждое ихъ положеніе онъ извратилъ и очернилъ своимъ ханжествомъ и изувѣрствомъ. Такъ, относительно раскола онъ говоритъ слѣдующее по поводу гоненій, противъ чего всѣ славянофилы яро возставали: «Но пока мы немощны, доколѣ мы пугливыя овцы, боящіяся всякаго отвыклаго шага, пусть наши братья не сѣтуютъ на то, что мы ихъ «гонимъ», не даемъ имъ «равноправности», одинаковой съ католиками, протестантами, даже съ муллами и ламами. Повторяемъ: дать имъ это—значитъ отсѣчь ихъ окончательно отъ своего тѣла, а мы хотимъ быть *съ ними*. Наконецъ, это значило бы и для себя потерять великія чаянія въ будущемъ, ибо *церковный соборъ* есть только отодвигаемое, но сохраняемое средство исцѣленія для нихъ и насъ, а «расколовшись» окончательно, мы потеряли бы главный мотивъ для него, мы, вѣроятно, уже никогда бы не «собрались». Итакъ, хоть отрицательно, хоть въ мучительныхъ «гоненіяхъ» и «преслѣдованіяхъ», мы еще продолжаемъ хранить съ раскольниками цѣлительную связь: мы ихъ сберегаемъ для «святой» древней Руси, мы себя прикрѣпляемъ къ этой древней Руси».

Если въ такихъ извращеніяхъ истины и фактовъ можно видѣть оригинальность, то г. Розановъ имѣетъ право на это званіе. Еще болѣе это право даетъ ему такія открытія, какъ сдѣланное имъ недавно, что число 666 не есть число «звѣрино», а человѣческое. Или проводимая и съ курьезной серьезностью доказываемая имъ мысль, что «пассивныя семьи какъ-то стыдятся «реально-животнаго» въ бракѣ, а активныя «сорадуются ему и почти выпячиваютъ его наружу», и что «выпячиваніе» животной стороны и есть вся суть брака. Отсюда не менѣе оригинальное требованіе: «Мысль брака, его религіозная чистота не можетъ быть возстановлена никакими иными средствами, какъ отодвиженіемъ его заключенія къ самому раннему (невинному) возрасту», «для дѣвушекъ въ 14 и 13 лѣтъ», для юношей «съ прибавленіемъ трехъ или четырехъ лѣтъ».

Не меньшей оригинальностью запечатлена статья «Нѣчто изъ сѣдой древности», въ которой г. Розановъ благоговѣйно вскрываетъ глубокій смыслъ въ

*) Курсивы вездѣ г. Розанова, какъ и далѣе.

обрѣзаніи у евреевъ и восхищается обычаемъ вавилонянъ, у которыхъ, по свидѣтельству Геродота, женщины отдавались въ храмахъ чужестранцамъ. Г. Розановъ усматриваетъ во всѣхъ этихъ дѣлахъ сѣдой древности нѣкій священный и глубокій символъ, хотя, къ стыду нашему, мы должны оговориться, что стиль автора въ этой статьѣ слишкомъ углубленъ для нашего пониманія, и мы не беремся въ точности изложить его мысли. Пусть судятъ сами читатели, что можно понять въ слѣдующей тирадѣ нашего «талантливаго и оригинальнаго» автора. Рѣчь идетъ о разрушеніи Содома и Гоморры: «Повидимому, тутъ есть прообразъ и предостереженіе: много будетъ людей, которые стремясь къ истинѣ обрѣзанія (признаніе многозначительности и многоцѣнности пола и полового) впадутъ въ грѣхъ этихъ городовъ. И въ самомъ дѣлѣ—тутъ есть родство и близость: факты, діаметрально противоположные (вѣчное чадородіе и уничтоженіе его въ корнѣ), скользятъ одинъ около другого, касаются, «союзятъ», «молятъ» одинъ о другомъ—одинъ, устремляясь въ небо (обрѣзаніе) и другой нисходя во адъ (Содомъ). Поразительно, что города такого смысла только однажды возникли въ исторіи—и именно въ самый мигъ зачатія Израиля, въ сосѣдствѣ и очевидномъ союзѣ съ первымъ. Великое предостереженіе; второе подобное есть въ самомъ началѣ Евангелія—это вифлеемское избіеніе младенцевъ. Опять прообразъ и предостереженіе. Многіе будутъ искать Христа и Христова (безплотность и полное умолчаніе о полѣ Предвѣчнаго Слова), но, чуть-чуть ошибаясь въ метѣ движенія, впадутъ въ Иродовъ грѣхъ. Это все формы отчужденія изъ полового стыда родителей отъ чадъ своихъ, какъ-то: вытравленіе плода, убійство дѣвушками и вдовами дѣтищъ своихъ, институтъ такъ называемый «незаконнорожденности», практика «воспитательства» и дѣтоубійцы Скублинской (въ Варшавѣ). Содомъ и Иродова кровь суть ободъ, внутри коего движется, но въ противоположную сторону, идея вѣчнаго чадородія (обрѣзаніе), въ Ветхомъ и уже безъ-чадной молитвы, но не молитвы «противо»—чадной, въ Новомъ Завѣтѣ».

Если почтенный критикъ, признавшій въ г. Розановѣ оригинальнаго и талантливаго автора, понимаетъ что-либо въ этомъ бредѣ сумасшедшаго, что ему и книги въ руки. Съ своей стороны мы укажемъ на прообразъ Кифы Мокіевича, который тоже имѣетъ право на оригинальность, ибо до него никто не ставилъ вопроса о яйцѣ, изъ котораго могъ бы вылупиться слонъ. Въ этомъ смыслѣ и г. Розановъ несомнѣнно оригиналенъ и талантливъ, но такая оригинальность подлежитъ скорѣе вѣдѣнію психіатріи, чѣмъ литературной критики. Здѣсь мы вступаемъ въ область, гдѣ логика, ясность и послѣдовательность мысли—ничто, а главное—дикіе вопли, кувырканіе черезъ голову, самовосхищеніе и цинизмъ, не знающій предѣла. Мы думаемъ, что для психіатра г. Розановъ прелюбопытная фигура. Одно его самовеличаніе чего стоитъ,—какъ, напр., въ предисловіи къ «Религіи и культурѣ», выдержку изъ котораго мы приводимъ, какъ образчикъ его «талантливаго» слога. «Итакъ,—заканчиваетъ онъ это обращеніе къ уму своему,—сборникъ этихъ интимныхъ (по происхожденію) статей я посвящаю милому храму бытія своего, тѣсной своей часовенькѣ: памяти усопшихъ своихъ родителей—рабовъ божіихъ Василія и Надежды, двѣ могилки и одна даже безвѣстная, даже безъ креста; памяти дочери, 9-ти мѣсячной Надюши—этой поставленъ мраморный крестъ на Смоленскомъ; праведной труженицѣ, женѣ своей Варварѣ, урожденной Рудневой; и дѣтямъ-младенцамъ, которые всему-то, всему меня научили именно въ «религіи», именно въ культурѣ — Татьянѣ, Вѣрѣ, Варварѣ, Василію—...прости, о край родной». Если это писалъ здравомыслящій, «оригинальный и талантливый» писатель, то сколько же талантовъ скрыто въ нашихъ домахъ для умалишенныхъ, гдѣ столько Поприщиныхъ пропадаютъ въ неизвѣстности?

Если приведенныхъ образцовъ покажется еще мало, то для любителя курье-

зовъ приведемъ въ заключеніе нѣчто отъ «Эмбріоновъ», — такъ озаглавленъ особый отдѣлъ сборника «Религія и культура», представляющій рядъ яко бы афоризмовъ г. Розанова.—«Что дѣлать»—спросилъ нетерпѣливый петербургскій юноша.—Какъ что дѣлать: если это *лѣто*—чистить ягоды и варить варенье; если *зима*—пить съ этимъ вареньемъ чай».—Таковъ «эмбріонъ» первый, и чѣмъ онъ хуже «кололацевъ» Ивана Яковлевича Корейши, съ которымъ мы сравнивали г. Розанова? И развѣ это не оригинально? Но, съ другой стороны, кто кромѣ юродиваго, рѣшится печатать такія глубокія мысли, и кто, кромѣ П. Перцова, можетъ ихъ издавать? И какъ бы мы ни «переоцѣнивали цѣнности», все же приходится считать это ничѣмъ инымъ, какъ самой заурядной глупостью. Юродствуя и кувыркаясь черезъ голову, г. Розановъ кончитъ плохо. Теперь онъ уже договорился до «человѣческаго числа 6, 6, 6»,—симптомъ многозначительный и для него печальный. Тутъ ужъ не помогутъ даже «всему-то, всему» его научившіе дѣти-младенцы.

О второмъ сборникѣ «Литературные очерки» распространяться не станемъ. Онъ тоже представляетъ невозможный хаосъ чепухи и младенческихъ откровеній, гдѣ мысли г. Розанова играютъ въ чехарду, а онъ договаривается до... бани, въ которой видитъ святая святыхъ русскаго народа (см. «О писателяхъ и писательствѣ»). Очевидно, что г. Розанову прежде всего нуженъ, дѣйствительно, душъ. Обращаемъ на это вниманіе г. П. Перцова: вмѣсто того, чтобы заботиться о сочиненіяхъ г. Розанова, занялся бы онъ лучше самимъ авторомъ. А можетъ быть, уже поздно?..

К. Б. Гренгагенъ. Путеводитель по Финляндіи. Водолечебные центры, дачныя и живописныя мѣстности Кареліи, Саволакса, Нюландіи, Коренной Финляндіи, Сатакунты, Тавастланда и Эстерботніи. Съ приложеніемъ 27 картъ и краткаго словаря русско-шведско-финскихъ словъ. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1899 г. Цѣна. 2 р. 50 к. К. Б. Гренгагенъ. Поѣздка на Иматру. Выборгъ, Вильманстрандъ и Сайменскій каналъ. Съ приложеніемъ краткаго словаря русско-шведско-финскихъ словъ. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1899 г. Цѣна 40 коп. Путеводитель по Финляндіи, изданный О. Н. Поповой, является естественнымъ и прекраснѣйшимъ дополненіемъ къ изданной въ прошломъ году книгѣ «Финляндія» *). Составитель настоящаго путеводителя руководился желаніемъ по возможности подробнѣе ознакомить туристовъ съ Финляндіею, представляющей во многихъ отношеніяхъ несомнѣнный интересъ для каждаго русскаго. Въ интересахъ туристовъ вообще, г. Гренгагенъ обратилъ особенное вниманіе на составленіе подробныхъ картъ и описаній путей къ выдающимся по красотѣ мѣстностямъ. Въ путеводитель вошли также описанія главнѣйшихъ пунктовъ въ странѣ, заслуживающихъ почему-либо особаго вниманія, или составляющихъ административные, научные и промышленные центры ея провинцій. Но авторъ не ограничивается этимъ. Въ обширномъ предисловіи онъ даетъ общія указанія и наставленія для желающихъ путешествовать по Финляндіи, чѣмъ оказываетъ громадную услугу для большинства русскихъ, мало знакомыхъ съ порядками, существующими въ Финляндіи. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ главахъ и попутно во многихъ другихъ, г. Гренгагенъ дѣлаетъ очень интересныя для русской публики отступленія отъ описательнаго изложенія, свойственнаго путеводителю, и, превращаясь на многихъ страницахъ въ публициста, съ большимъ знаніемъ дѣла затрогиваетъ различные вопросы общественной жизни страны и разрѣшаетъ ихъ при помощи сравненій и сопоставленій съ жизненными условіями сосѣднихъ странъ. Таковы главы о странѣ, о народѣ; таковы, напр., на стр. 152 — 154 разсужденія объ

*) Рецензія о ней помѣщена въ «М. Б.», въ № 10 за 1898 г., стр. 79—83

учебныхъ заведеніяхъ для юношей и дѣвицъ, обучающихся совмѣстно; таковы также замѣчанія о финнахъ Саволакса на стр. 161 и др.

Особенностью разбираемаго путеводителя является чрезвычайное богатство сообщаемыхъ имъ свѣдѣній. О каждомъ изъ городовъ, упоминаемыхъ въ путеводителѣ, авторъ даетъ самыя подробныя указанія о прибытіи въ данный городъ, о его гостинницахъ съ обозначеніемъ стоимости номеровъ, о ресторанахъ и кафе, объ извозчикахъ и о таксѣ на нихъ, о газетахъ, о книжныхъ лавкахъ и т. д. и т. д., отмѣчая рѣшительно все, что въ данномъ городѣ можетъ интересовать путешественника и безъ чего нельзя обойтись. Особенно подробно составленъ справочный отдѣлъ г. Гельсингфорса: здѣсь мы находимъ свѣдѣнія о мѣстѣ нахожденія присутственныхъ мѣстъ и общественныхъ учрежденій и о времени ихъ открытія, о казенныхъ и общественныхъ зданіяхъ, краткій каталогъ на семи страницахъ, напечатанныхъ мелкимъ шрифтомъ, живописи и скульптуры, находящихся въ Атенеумѣ, цѣны мѣстамъ въ театрахъ и т. п.

Къ путеводителю приложены: положеніе о движеніи по финляндскимъ правительственнымъ желѣзнымъ дорогамъ съ тарифами, большая карта Финляндіи, 27 картъ отдѣльныхъ мѣстностей и краткій словарь русско-шведско-финскихъ словъ, напечатанный русскими буквами, съ указаніемъ произношенія шведскихъ и финскихъ словъ. Отъ души привѣтствуемъ изданный О. Н. Поповой путеводитель по Финляндіи г. Гренгагена. Будемъ надѣяться, что благодаря этому превосходному путеводителю русскіе все чаще и чаще будутъ проникать въ сосѣдній намъ край и, восторгаясь красотами финской природы, близко ознакомятся съ страной и ея народомъ, что послужитъ началомъ единенія и любви,—не во вкусѣ, конечно, «Свѣта» или «Новаго Времени» и имъ подобныхъ же патріотовъ.

Небольшая книжка, подъ заглавіемъ «Поѣздка на Иматру», стоящая всего 40 коп., есть часть большого путеводителя и содержитъ въ себѣ только описаніе Выборга, Вильманстранда и Иматры съ Сайменскимъ каналомъ. Отличается тѣми же достоинствами. Имѣетъ одно приложеніе—русско-шведско-финскій словарь.

ИСТОРІЯ ИСКУССТВА.

А. П. Новицкій. «Исторія русскаго искусства».—*Р. Мутеръ.* «Исторія живописи въ XIX в.».—*Э. Гроссе.* «Происхожденіе искусства».—*К. Гроссъ.* «Введеніе въ эстетику».—*Ю. Мильталеръ.* «Что такая красота».

А. П. Новицкій. Исторія русскаго искусства. Изданіе магазина «Книжное Дѣло». Москва. 1899. Выпуски I—III. Издатели новаго труда г. Новицкаго совершенно основательно находятъ, «что общество наше давно уже интересуется русскимъ искусствомъ, а между тѣмъ оно (общество) принуждено чувствовать себя во всѣхъ вопросахъ, касающихся нашего искусства, какъ въ темномъ лѣсу, за полнымъ отсутствіемъ у насъ какихъ-либо руководствъ по этому предмету». Относительно новаго періода, за исключеніемъ двухъ-трехъ трудовъ, имѣющихъ болѣе или менѣе серьезный историческій характеръ, любознательный читатель, не имѣющій спеціальной подготовки, принужденъ черпать свои свѣдѣнія исключительно изъ бѣглыхъ журнальныхъ и газетныхъ статей о текущихъ выставкахъ, но статьи эти за нѣкоторыми исключеніями пишутся или совершенно предвзято (какъ напр., восклицательныя статьи г. Стасова), или по-диллетантски, такъ что и въ томъ, и въ другомъ случаѣ не получается прочныхъ основаній для сужденія. Что касается раннихъ эпохъ русскаго искусства, то запасъ вѣрныхъ представленій о немъ, обращающихся въ широкихъ

кругахъ публики, еще ограниченнѣе. Весьма многіе до сихъ поръ держатся того мнѣнія, что искусство до-петровской Руси не выходило изъ предѣловъ рабскаго подражанія византійщинѣ, а византійское искусство въ свою очередь пользуется традиціонной репутаціей чего-то неподвижнаго, схоластическаго и скучнаго. Спеціальная литература, иностранная и русская, однако, давно внесла свѣтъ въ этотъ вопросъ и показала, во-первыхъ, что византійское искусство долгое время хранило традиціи классической древности, что оно въ нѣкоторыхъ областяхъ, комбинируя эти традиціи съ восточными вліяніями, выработало совершенно своеобразныя и жизненныя формы, и что оно имѣло весьма благотворное дѣйствіе на раннее итальянское, а черезъ него и на все западно-европейское искусство, и во-вторыхъ, что русское искусство также не осталось въ рабской косности: оно во многомъ развило воспринятые отъ грековъ элементы, привнесло въ нихъ отчасти западныя, отчасти восточныя потребности, и въ значительной степени подчинило ихъ направленію, выросшему самостоятельно изъ народныхъ потребностей и изъ матеріаловъ, которыми располагали мѣстные художники. Но изслѣдованія, приведшія къ этимъ выводамъ, носятъ въ большинствѣ случаевъ слишкомъ монографическій, спеціальный характеръ, печатаются обыкновенно въ мало доступныхъ журналахъ или издаются через-чуръ громоздко и дорого, а потому заурядный читатель отъ нихъ никакой пользы не получаетъ.

Въ виду этого, начинаніе г. Новицкаго, намѣревающагося дать, по возможности, сжатое и популярное изложеніе всей жизни русскаго искусства, при сравнительно весьма доступныхъ условіяхъ пріобрѣтенія его книги, заслуживаетъ безусловнаго сочувствія. Въ настоящее время изданіе это уже настолько подвинулось (въ III-мъ выпускѣ излагается московскій періодъ), что становится вполнѣ возможнымъ судить о его качествахъ. Разсчитывая на интересующагося, но совершенно неподготовленнаго читателя, авторъ, главнымъ образомъ, старается объ обиліи фактической стороны. Онъ тщательно перечисляетъ и подробно описываетъ всѣ наиболѣе характерные памятники, отмѣчая, въ чемъ состоитъ своеобразность и новизна каждаго изъ нихъ. Многочисленность заимствованій у предшествующихъ изслѣдователей, впрочемъ съ самыми щепетильными оговорками, придаетъ работѣ г. Новицкаго какъ будто компилятивный характеръ, но, если ближе вникнуть, то это окажется скорѣе извѣстной манерой изложенія. Близкое, непосредственное знакомство автора съ большинствомъ памятниковъ, подвергающихся разсмотрѣнію, не подлежитъ сомнѣнію, но онъ отказывается охотно отъ своего стиля вездѣ, гдѣ онъ находитъ уже готовую формулировку, съ существомъ которой онъ согласенъ. Въ оцѣнкѣ и освѣщеніи богатаго матеріала г. Новицкій стремится сохранить полное безпристрастіе, и хотя онъ всегда съ большимъ удовольствіемъ отмѣчаетъ самобытные зачатки русскаго искусства, но добросовѣстно указываетъ также и на всѣ иноземныя заимствованія, откуда бы они ни шли.

Указанныя солидныя достоинства труда г. Новицкаго налагаютъ на насъ обязанность внимательно отнестись и къ его отрицательнымъ сторонамъ. Нѣкоторыя изъ нихъ объясняются, конечно, новизною задачи. Такъ во многихъ мѣстахъ, гдѣ автору приходится описывать памятники, особенно архитектурные, онъ неясно представляетъ себѣ степень неподготовленности читателя и употребляетъ много терминовъ, которые несомнѣнно слѣдовало бы пояснять, безъ чего все описаніе можетъ оказаться непонятнымъ. Гораздо болѣе крупный недостатокъ заключается въ невыдержанности историческаго метода, напр., при разсмотрѣніи русскаго гражданскаго зодчества. Говоря объ исторіи такихъ сторонъ духовной жизни народа, какъ словесность, языкъ, искусство и т. п., гдѣ развитіе идетъ постепенно, безъ рѣзкихъ переходовъ, безъ скачковъ, свойственныхъ личному творчеству, при разсмотрѣніи отдѣльныхъ явленій, необхо-

димо строжайшимъ образомъ имѣть въ виду хронологію и географическое мѣсторожденіе. Извѣстно, что памятники нашего гражданскаго зодчества, благодаря матеріалу, изъ котораго они строились, весьма не древняго происхожденія. Болѣе или менѣе подробныя описанія и нѣсколько случайныхъ изображеній построекъ московскаго періода,—вотъ все, чѣмъ мы располагаемъ для исторіи нашей частной архитектуры. Нѣкоторыя типическія деревянныя постройки, сохранившіяся до сихъ подъ въ сѣверной Россіи, впрочемъ неупоминаемыя г. Новицкимъ, могли бы пожалуй дать намъ право говорить о зодчествѣ Новгородской области, и то съ большою осторожностью. Но г. Новицкій, нашедши въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ нѣкоторыя существующія понынѣ наименованія «клѣти, хоромъ, сѣней, избы, горенки, терема и пр.» и принимая во вниманіе «косность, которая, несомнѣнно, существовала и продолжаетъ существовать въ способѣ устройства своего жилья у русскаго человѣка», нисколько не сомнѣвается, что извѣстныя намъ архитектурныя формы московскаго, при томъ весьма поздняго періода, существовали искони на всемъ пространствѣ Руси, начиная съ X и XI вѣка. При этомъ implicite предполагается, что русская народность не только теперь по всему лицу земли русской, но и во всѣ историческія времена представляла нѣчто единое и неизмѣнное. Не расширяя даннаго вопроса, достаточно указать, что, напр., на громадномъ пространствѣ Малороссіи въ настоящее время существуетъ совершенно иной типъ построекъ, нежели въ Великороссіи, и что судя по стариннымъ описямъ, а также по той же косности въ устройствѣ своихъ жилищъ, типъ этотъ нисколько не моложе московскаго, при чемъ нѣтъ никакихъ данныхъ предполагать иноземное его происхожденіе. Далѣе, говоря все о той же гражданской архитектурѣ, г. Новицкій высказываетъ мысль, которая по его мнѣнію «покажется, пожалуй, очень смѣлою, даже дерзкою». При возведеніи построекъ, имѣющихъ утилитарное значеніе, русскій человѣкъ, какъ извѣстно, симметріи не соблюдаетъ. Мысль г. Новицкаго заключается въ томъ, «что, при всей кажущейся случайности пристроекъ и надстроекъ, нетрудно замѣтить въ нихъ всегда строго проведенный какой-то законъ, благодаря исполненію котораго, всѣ будто бы такъ случайно нагроможденныя клѣти и сѣни вовсе не производятъ впечатлѣнія нагроможденности или хаоса, а, напротивъ, вполнѣ удовлетворяютъ наше эстетическое чувство и кажутся намъ постройкою стройною и красивою, хотя и прихотливою». Этотъ законъ г. Новицкій называетъ «*балансомъ* отдѣльныхъ частей». Въ этомъ мы, признаемся, не видимъ никакой смѣлости, а тѣмъ болѣе дерзости. Г. Новицкій находитъ, что «здѣсь мы встрѣчаемся съ явленіе,... которымъ можетъ гордиться русская нація, сознавая, благодаря этому, что ея художественныя способности не только не ниже, но даже выше, чѣмъ у тѣхъ народовъ запада, предъ которыми она такъ привыкла себя унижать». «Западная архитектура,—по мнѣнію автора,—лишь за исключеніемъ нѣкоторыхъ стилей, пріучила нашъ глазъ къ симметріи». Вотъ эти разсужденія правильнѣе было бы назвать смѣлыми,—во всякомъ случаѣ они неосновательны. Едва ли г. Новицкій могъ бы указать хоть одинъ стиль жилыхъ построекъ (мы имѣемъ конечно въ виду архитектуру, естественно развившуюся изъ культурныхъ потребностей, а не тѣ стили, которымъ обучаютъ въ архитектурныхъ классахъ), гдѣ бы ради симметріи строители поступались удобствами и пользою. Достаточно указать на типъ нѣмецкой бюргерской постройки или на англійскій коттэджъ, или на средневѣковой замокъ, или монастырь, всюду мы видимъ самую смѣлую симметрію, при чемъ строители нисколько не рѣже, чѣмъ у насъ, стремились вмѣстѣ съ матеріальными потребностями удовлетворить и эстетическія. Мы не сомнѣваемся, что г. Новицкій самъ могъ бы припомнить средневѣковые замки, которые, несмотря на кажущуюся случайность пристроекъ, надстроекъ, башенъ, службъ и пр. представляютъ не менѣе стройное цѣлое, чѣмъ русскіе хоромы и терема.

Исторія искусства стоитъ въ самой тѣсной связи съ многими отраслями исторической науки, между тѣмъ въ нѣкоторыхъ вопросахъ, относящихся къ этимъ сосѣднимъ областямъ знанія, г. Новицкій основывается на выводахъ, очевидно почерпнутыхъ изъ весьма старинныхъ учебниковъ, не давъ себѣ труда справиться, въ какомъ положеніи эти вопросы находятся въ современной наукѣ. Указывая на то, что «въ самыхъ раннихъ русскихъ древностяхъ мы ясно видимъ господство восточнаго вліянія», г. Новицкій думаетъ, что это объясняется не только взаимодѣйствіемъ вкусовъ у народовъ, находившихся въ постоянныхъ торговыхъ и иныхъ отношеніяхъ между собою, но и «тѣсной преемственною связью древней Руси съ культурою древняго Востока», при чемъ онъ ссылается на изслѣдованія какихъ-то лингвистовъ, которые будто бы «показали, что языкъ славянскій сохранилъ больше всѣхъ остальныхъ европейскихъ языковъ близость къ общему всѣхъ ихъ родоначальнику—языку санскритскому». Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ лингвистика дѣйствительно бредила о чемъ-то подобномъ, но съ тѣхъ поръ, какъ она стала на самомъ дѣлѣ наукой и выучилась пользоваться сравнительнымъ методомъ, вѣроятно даже ни одинъ русскій ученый, заслуживающій имени лингвиста, несмотря на крайнюю нашу отсталость въ этой области, не рѣшится утверждать, что славянскій языкъ ближе къ санскриту, чѣмъ греческій или германскій, а тѣмъ болѣе, что санскритъ родоначальникъ всѣхъ остальныхъ аріо-европейскихъ языковъ: они также мало происходятъ отъ него, какъ, положимъ, русскій отъ древне-болгарскаго (церковно-славянскаго) или нѣмецкій отъ готскаго. Эти отрицательные выводы въ настоящее время дѣйствительно уже не подвержены сомнѣнію. Тутъ же г. Новицкій заимствуетъ у какого-то «историка славянскихъ народовъ», повидимому, съ сочувствіемъ, характеристику расовыхъ особенностей славянъ, которыя они будто бы принесли изъ своей прародины Азіи (?). Здѣсь мы находимъ въ отличіе «отъ западныхъ, болѣе эгоистическихъ племенъ»—«младенчески-простодушный оттѣнокъ характера» славянъ, ихъ «покорность Богу, власти и судьбѣ, смиреніе при силѣ и успѣхѣ, терпѣливость въ несчастіи, состраданіе къ слабымъ и угнетеннымъ, твердыя семейныя и общественныя начала» и еще много другихъ сентиментальныхъ нелѣпостей, на которыхъ политиканствующіе эпигоны славянофиловъ строятъ карточные домики своихъ теорій съ девизомъ: «разумѣйте языцы и покоряйтеся!» Неужели г. Новицкому неизвѣстно, что этнографическія басни нашихъ старыхъ *синопсисовъ* съ ихъ Гогой и Магогой имѣютъ столько же научной цѣны, какъ эти елейныя суесловія? Къ счастію, подобныхъ отступленій въ книгѣ г. Новицкаго немного и они не имѣютъ никакого вліянія на изложеніе предмета.

Нельзя не отмѣтить еще отношенія г. Новицкаго къ вопросу о существованіи языческихъ храмовъ у восточныхъ славянъ. Наиболѣе критическіе русскіе историки, въ томъ числѣ С. М. Соловьевъ, безусловно отрицаютъ ихъ существованіе, основываясь на томъ, что лѣтописи нигдѣ не упоминаютъ о нихъ, а тамъ, гдѣ имъ приходится говорить о языческомъ культѣ, употребляютъ выраженія, наводящія на мысль, что идолы не помѣщались въ закрытыхъ помѣщеніяхъ. Г. Новицкій присоединяется къ Карамзину, митр. Макарію, проф. Забѣлину и другимъ, которые держатся противоположнаго мнѣнія. Но что же онъ приводитъ въ подтвержденіе своего мнѣнія? Единственное историческое свидѣтельство въ пользу существованія языческихъ храмовъ находится въ извѣстномъ словѣ Илларіона, который говоритъ: «Уже не капищь сътраждаемъ, но христовы церкви строимъ». Всѣ остальныя доказательства г. Новицкій черпаетъ изъ косвенныхъ соображеній, которыя на вѣсахъ осторожной исторической критики имѣютъ весьма второстепенное значеніе. Что касается упомянутаго выше выраженія Илларіона, то «многіе молодые наши филологи (?),—говоритъ г. Новицкій,—отвергаютъ значеніе этого «Слова», указывая на то, что,

какъ ораторъ, Илларіонъ могъ употребить слово не въ точномъ его значеніи». Г. Новицкій находитъ излишнимъ такой скептицизмъ. «Почему,—спрашиваетъ онъ,—мы должны сомнѣваться во всѣхъ твердыхъ доказательствахъ одной стороны и вѣрить въ единственный, и то шаткій, доводъ другой?». Въ дѣйствительности же г. Новицкій приводитъ одинъ единственный доводъ противъ многочисленныхъ твердыхъ основаній своихъ противниковъ, при чемъ критику «слова» Илларіона онъ напрасно приписываетъ филологамъ. Приводимое имъ соображеніе ничего общаго съ филологіей не имѣетъ, а всецѣло относится къ области исторической критики источниковъ.

Мы указали на главнѣйшія промахи текста, намъ остается сказать нѣсколько словъ о многочисленныхъ иллюстраціяхъ, которыя въ такомъ изданіи, какъ трудъ г. Новицкаго, имѣютъ въ высшей степени важное значеніе. Многія изъ нихъ исполнены весьма удовлетворительно, нѣкоторыя даже роскошно, напр. многоцвѣтныя хромолитографіи древнихъ эмалей. Вообще, вполнѣ приличны всѣ тѣ иллюстраціи, которыя исполнены спеціально для настоящаго изданія. Остальныя же, а такихъ большинство, представляютъ воспроизведенія старыхъ, иногда довольно посредственныхъ гравюръ и рисунковъ. Это особенно жалко въ тѣхъ случаяхъ, когда изображаются существующія понынѣ памятники, вполнѣ доступные фотографированію. Укажемъ напр. на соборъ Василія Блаженнаго въ Москвѣ, изображеніе котораго взято съ какой-то старой литографіи, или на прекрасныя скульптурныя украшеніе Дмитровскаго собора во Владимірѣ, воспроизведенныя по плохой гравюрѣ, тогда какъ даже у Байе (*Византійское искусство.* Спб. 1888) этотъ памятникъ представленъ гораздо лучше.

Р. Мутеръ. Исторія живописи въ XIX вѣкѣ. Переводъ З. Венгеровой. Изданіе тов. «Знаніе». Спб. 1899. Выпускъ I. Среди профессорскихъ нѣмецкихъ сочиненій объ исторіи искусства, которыя обыкновенно представляютъ лишь исторію памятниковъ, книга Мутера занимаетъ такое же мѣсто, какъ извѣстныя лекціи по литературѣ Георга Брандеса между обычными курсами по исторіи литературы. Оба вовсе не стремились исчерпать подлежащій ихъ изслѣдованію матеріалъ и сдѣлать изъ своихъ курсовъ справочныя книжки или хронологическіе каталоги. Они хотѣли дать въ руки читателю только руководящую нить, которая помогла бы ему самому разобраться въ массѣ интересующихъ его явленій, и характеризуютъ лишь тѣ изъ нихъ, въ которыхъ особенно ярко отразились «главныя теченія» литературы и искусства истекающаго вѣка. Несмотря на то, что оба историка по многимъ вопросамъ проводятъ оригинальные взгляды, которые присяжнымъ ученымъ кажутся даже еретическими, книги ихъ не претендуютъ на роль самостоятельныхъ изслѣдованій: они охотно пользуются трудами предшественниковъ относительно установки фактовъ и не загромождаютъ своего изложенія цитатами и ссылками. Наконецъ, общею чертою ихъ является прекрасная литературная форма, благодаря которой читатель увлекается самымъ разсказомъ, помимо интереса къ предмету. Разница однако заключается въ томъ, что Мутеръ далеко не обладаетъ такимъ всестороннимъ образованіемъ, какъ датскій ученый, и не имѣетъ его широкихъ интересовъ. Хотя и Мутеръ стремится связать исторію искусства съ измѣняющимися общественными настроеніями и постоянно прибѣгаетъ къ параллелямъ изъ области литературы, но точка зрѣнія его на историческія явленія иногда слишкомъ неопредѣленна, а иногда слишкомъ односторонне совпадаетъ съ интересами той малочисленной среды, которая до сихъ поръ монополизировала для себя наслажденіе искуствомъ. При всемъ томъ, *исторія живописи* Мутера—самая интересная и современная изъ всѣхъ однородныхъ сочиненій и можно только порадоваться, что благодаря изданію тов. «Знаніе» (О. Н. Поповой и K°.) и русскій читатель сможетъ теперь въ значительной

степени удовлетворить свой интересъ къ исторіи новаго европейскаго искусства, возбужденный иностранными выставками послѣднихъ лѣтъ.

Въ появившемся нынѣ первомъ выпускѣ русскаго перевода заключается лишь введеніе, гдѣ авторъ очерчиваетъ главныя моменты исторіи живописи XVIII столѣтія, тѣ явленія, въ которыхъ надо искать генезиса многихъ позднѣйшихъ процессовъ. Особенно заслуживаетъ вниманія глава о живописи въ Англіи, имѣвшей такихъ художниковъ, какъ Гогартъ, Генсборо и Рейнольдсъ, и давшей импульсъ общеевропейскому движенію и въ этой, какъ во всѣхъ остальныхъ областяхъ умственной жизни. Въ противоположность обычнымъ нѣмецкимъ руководствамъ, въ которыхъ авторы, исходя изъ метафизическаго понятія о прекрасномъ, разсматриваютъ всю исторію искусства съ одной отвлеченной точки зрѣнія, Мутеръ держится историческаго метода. Онъ справедливо находитъ, что для историка интереснѣе тѣ художники, которые открывали новые пути и шли своей независимой дорогой, чѣмъ тѣ, которые черпали средства и цѣли изъ богатой сокровищницы прошлаго, хотя бы размѣрами дарованія послѣдніе превосходили первыхъ. Его всюду увлекаетъ оригинальность, самобытность и нарушеніе традицій. Ему повидимому такъ надоѣло шаблонное и безплодное преклоненіе предъ итальянскимъ возрожденіемъ и греческой скульптурой, которое со временъ Винькельмана и Лессинга до сихъ поръ господствуетъ въ нѣмецкой академической эстетикѣ, что онъ реагируетъ противъ этого другою крайностью. Какъ ученый и какъ представитель культурной націи, цѣнящей великое прошлое, Мутеръ конечно не думаетъ отрицать заслугъ античнаго искусства предъ современностью, подобно нѣкоторымъ нашимъ самобытникамъ, но онъ нѣсколько преувеличенно оцѣниваетъ «оборотную сторону медали», подчеркивая, «какъ часто традиціи древности становились препятствіемъ для развитія новаго искусства». «Всѣ великіе художники со времени Джіотто,—говоритъ онъ,—становились великими не благодаря древности, а вопреки ей. Леонардо да-Винчи никогда не думалъ основывать свою теорію искусства на чемъ-либо иномъ, кромѣ собственнаго пониманія природы. Микель Анджело, создавая «Моисея», навѣрное, не имѣлъ въ виду греческаго Зевса, и только потому «Моисей» его—оригинальное произведеніе, достойное стать рядомъ съ лучшими произведеніями Греціи. Гольбейнъ, Тиціанъ, Рембрандтъ, Веласкезъ, Ватто не преклоняли колѣнъ предъ богами греческаго Олимпа». Справедливо въ этомъ протестѣ то, что всякій догматъ непогрѣшимости, всякая слѣпая вѣра въ совершенство прошлаго, всякій абсолютъ въ жизненномъ процессѣ является мертвящей силой, тормазомъ прогресса. Не подлежитъ сомнѣнію, что искать образцовъ лучше въ природѣ, чѣмъ въ старыхъ школахъ. Но если художникъ смотритъ на великія прошлыя эпохи искусства не какъ на идеалъ, къ которому только можно приближаться, а какъ на исторію своихъ геніальныхъ предшественниковъ, которые такъ же, какъ онъ, страстно, часто мучительно искали путей къ пониманію и воспроизведенію природы, если онъ въ «классическихъ» произведеніяхъ будетъ видѣть не образцы для копированія, а смѣлыя попытки овладѣть такими сторонами природы, которыя до того не поддавались завоеванію артистическими средствами, то изученіе этого великаго прошлаго можетъ сыграть только оплодотворяющую роль для развитія его собственныхъ художественныхъ задатковъ. Между тѣмъ Мутеръ повидимому отрицаетъ, что знакомство съ исторіей своего искусства во всѣхъ случаяхъ даетъ плюсъ въ дѣятельности каждаго артиста. Онъ находитъ, что «Рейнольдсу повредило слишкомъ основательное художественное образованіе, которое онъ получилъ въ Италіи и Голландіи», тогда какъ особеннымъ преимуществомъ Гэнсборо было то, что онъ изучалъ «только книгу природы». «Ничто не становилось между художникомъ и его моделью (въ портретахъ), никакой «темный старый мастеръ» не затемняетъ его полотна». Особенно устрашающимъ при-

мѣромъ служитъ Мутеру Рафаэль Менгсъ, котораго въ свое время Винкельманъ превозносилъ выше настоящаго Рафаэля, но который дѣйствительно былъ только жалкимъ эпигономъ великихъ итальянцевъ. Мутеръ думаетъ, что Менгсъ отъ природы имѣлъ выдающееся дарованіе, которое погибло «жертвой» эклектическихъ теорій современныхъ ему эстетиковъ. На самомъ же дѣлѣ ничтожество художественной индивидуальности въ корнѣ обрекало его на роль подражателя, и теоріи Винкельмана обусловили не гибель его таланта, а лишь непомѣрный его успѣхъ среди нѣмцевъ XVIII вѣка. Такое же страстное увлеченіе классическою древностью не могло стерилизировать таланта его современника Гёте и не помѣшало послѣднему въ періодъ *Ифигеніи* и *Римскихъ элегій* продолжать работу надъ *Фаустомъ*.

Несмотря, однако, на указанную здѣсь односторонность въ пониманіи художественной самобытности, Мутеръ даетъ въ общемъ вѣрную картину европейскаго искусства XVIII вѣка. Къ этому времени относится зарожденіе многихъ направленій, получившихъ полное развитіе лишь въ нашемъ столѣтіи. Важнѣйшимъ элементомъ, которому предназначена была самая широкая будущность, надо признать реализмъ, возникшій почти одновременно въ нѣсколькихъ странахъ, но вездѣ съ своеобразнымъ оттѣнкомъ. Рѣзкій, грубоватый жанръ Гогарта съ примѣсью пуританскаго нравоучительства имѣлъ во Франціи весьма ненравоучительную параллель, чопорное, надутое искусство Людовика XIV смѣнилось сибаритскимъ и аристократическимъ реализмомъ Ватто. Римскія тоги и доспѣхи уступили мѣсто пудрѣ, атласу и кружевамъ маркизовъ Регентства. Фиктивные геройскіе подвиги были забыты для красивыхъ, веселыхъ и болѣе чѣмъ непринужденныхъ fêtes galantes. Позднѣе и во Франціи вошло въ моду восхваленіе добродѣтели съ крупной дозой сентиментальности. Но слащавая живопись Греза, такъ же какъ родственная ей слезливая драма Дидеро не отражали могучаго общественнаго теченія, и Мутеръ напрасно думаетъ, что они знаменуютъ наступившее во Франціи «время поста и покаянія». Идеализація мѣщанства и слезоточивая чувствительность были только результатами моднаго настроенія, навѣяннаго иностранной литературой, и далеко не вытѣснили легкомысленной жажды наслажденій quand même въ стилѣ рококо. Нравоучительныя картинки Греза и не имѣли замѣтнаго вліянія на дальнѣйшую эволюцію французскаго искусства. Гораздо плодотворнѣе для будущаго столѣтія была другая черта, обнаружившаяся впервые также въ Англіи: поэтическое наслажденіе красотой природы, исканіе въ ней соотвѣтствія движеніямъ человѣческой души получило прекрасное выраженіе въ пейзажахъ Гэнсборо, а въ нашемъ вѣкѣ породило столько шедевровъ, начиная съ Коро и кончая Беклиномъ. Таковы были въ области живописи завѣты XVIII столѣтія. О ихъ развитіи и пополненіи мы будемъ имѣть случай говорить по поводу дальнѣйшихъ выпусковъ работы Мутера.

Русскій переводъ въ общемъ читается легко, но нельзя не отмѣтить нѣкоторыхъ небрежностей, которыя въ популярной книгѣ особенно нежелательны: французскій художникъ Коро (Corot) нѣсколько разъ именуется *Корро*, объ Анжеликѣ Кауфманъ говорится, что она переодѣлась *греческой весталкой* и т. п. Иллюстраціи, далеко не всѣ удачно отпечатанныя, все-таки весьма содѣйствуютъ всестороннему пониманію текста.

Эрнстъ Гроссе. Происхожденіе искусства. Съ 32 рисунками и съ 3 таблицами. Перевелъ съ нѣм. А. Е. Грузинскій. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. Москва 1899. Художественная дѣятельность является результатомъ психологической потребности творчества и не только не зависитъ отъ теоретическихъ взглядовъ художника на искусство, но часто бываетъ почти безсознательной. Наслажденіе произведеніями искусства для тѣхъ, кто имѣетъ возможность и способность наслаждаться ими, также стоитъ лишь въ очень слабой

связи съ наукой объ искусствѣ, подобно тому, какъ удовольствіе, получаемое непосредственно отъ природы, чрезвычайно мало усиливается свѣдѣніями изъ области ботаники, геологіи или метеорологіи. Поэтому возникаетъ даже вопросъ, имѣетъ ли какой-либо смыслъ создавать науку объ искусствѣ, которая не въ силахъ управлять процессомъ творчества и безполезна для усиленія эстетическихъ эмоцій. Есть не мало людей—особенно въ современной Франціи,—которые, спеціально занимаясь явленіями искусства, отвѣтили бы на этотъ вопросъ отрицательно. Жюль Леметръ отрицаетъ надобность устанавливать какія-либо прочныя сужденія въ области прекраснаго и ограничивается только болѣе или менѣе яркимъ выраженіемъ своихъ впечатлѣній.

Но отъ науки объ искусствѣ, какъ вообще отъ науки, нельзя требовать исполненія ближайшимъ образомъ полезныхъ задачъ. Она имѣетъ своей цѣлью выясненіе условій возникновенія и развитія извѣстнаго круга историческихъ явленій, объединяемыхъ именемъ искусства. До послѣдняго времени научная эстетика считалась неотъемлемою принадлежностью умозрительной философіи, которая старалась открыть «сущность прекраснаго» и установить вѣчные его законы. «Попытки построить философію искусства до сихъ поръ почти всегда производились въ непосредственной зависимости отъ той или другой умозрительной философской системы и потому дѣлили съ этою системою ея участь», т. е. рушились отъ прикосновенія критики къ метафизическимъ предпосылкамъ данной системы. По мѣрѣ того, какъ реальное направленіе мышленія расшатывало вѣру въ метафизическія сущности, въ томъ числѣ и въ абсолютную красоту, центръ тяжести въ изученіи искусства также перемѣщался. На всѣхъ ступеняхъ цивилизаціи искусство было связано столькими узами съ жизнью человѣчества, что показалось вполнѣ естественнымъ разсматривать науку объ искусствѣ, какъ часть науки объ обществѣ. Но и соціологическая постановка вопроса не имѣла до сихъ поръ никакихъ серьезныхъ результатовъ. Попытки Тэна, а позднѣе Энекена и Гюйо открыть закономѣрныя отношенія между жизнью общества и состояніемъ искусства не привели ровно ни къ чему. Они очень краснорѣчиво выводили законы и формулы съ претензіей на математическую точность, но краснорѣчіе это въ большинствѣ случаевъ прикрывало лишь бѣдность доказательствъ и туманность понятій, которыя должны были опредѣлять искомое неизвѣстное.

Гроссе видитъ ихъ общую ошибку главнымъ образомъ въ томъ, что они основывали свои общіе законы искусства на фактахъ, относящихся къ весьма небольшой территоріи, и интересовались только высшими проявленіями европейскаго творчества. «Область, которою занималось до сихъ поръ изученіе искусства,—говоритъ онъ,—можетъ быть, была наиболѣе интересною для большинства общества, но она вовсе не самая цѣнная для науки, по крайней мѣрѣ теперь». Изслѣдователь европейскаго искусства имѣетъ дѣло съ такимъ множествомъ факторовъ, съ такими сложными явленіями, и перепутанными взаимодѣйствіями, что подмѣтить простые законы, управляющіе этимъ безконечно разнообразнымъ комплексомъ, является задачей неосуществимой. Подобно тому, какъ соціологія начинаетъ изученіе жизни общества не съ современныхъ цивилизованныхъ народовъ, а съ наиболѣе первобытныхъ племенъ, такъ и наука объ искусствѣ должна, по мнѣнію Гроссе, отказаться пока отъ Фидія, Рафаэля и Шекспира и спуститься къ младенческому лепету человѣчества. Жизнь на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи проста, отдѣльные индивиды не выдаются такъ рѣзко надъ общимъ уровнемъ, искусство однообразно, а потому здѣсь легче правильно установить связь между общимъ теченіемъ соціальной жизни и состояніемъ искусства.

Такова постановка задачи у Гроссе. Независимо отъ вопроса, насколько изученіе первобытнаго искусства окажется со временемъ полезнымъ для пониманія

европейскаго искусства, можно признать, что предметъ, избранный нѣмецкимъ ученымъ, самъ по себѣ въ высшей степени интересенъ. Ясность плана и осторожность въ выводахъ составляютъ главныя особенности работы Гроссе. Онъ нисколько не скрываетъ отъ себя трудностей своего предпріятія. Несмотря на то, что въ количественномъ отношеніи подлежащій изслѣдованію матеріалъ кажется неисчерпаемымъ, большая часть его оказывается негоднымъ въ качественномъ отношеніи. Прежде всего Гроссе совершенно отбрасываетъ всю группу фактовъ, доставляемыхъ археологіей, исходя изъ того соображенія, что никогда нельзя съ точностью опредѣлить культурную среду даннаго произведенія искусства. Въ этомъ отношеніи авторъ педантически послѣдователенъ. Онъ твердо устанавливаетъ критерій первобытности. Считая мѣриломъ культуры способъ добыванія пищи, иначе говоря экономическій факторъ, Гроссе изслѣдуетъ искусство только тѣхъ племенъ, которыя питаются охотой и собираніемъ растеній. Такимъ образомъ его вѣдѣнію подлежатъ лишь пять-шесть изъ нынѣ существующихъ человѣческихъ разновидностей. Но извѣстно, съ какою осторожностью нужно пользоваться свѣдѣніями о дикаряхъ, сообщаемыми европейскими наблюдателями. Все это въ связи въ новизною предмета приводитъ къ тому, что авторъ самъ находитъ цѣнными не столько свои положительные выводы, сколько постановку многихъ вопросовъ, которые могли бы послужить руководствомъ для будущихъ наблюдателей. Однако къ нѣкоторымъ результатамъ Гроссе приходитъ и теперь. Почти во всѣхъ искусствахъ, которыми занимаются охотничьи племена, удается подмѣтить прямую или косвенную зависимость отъ ихъ хозяйственнаго быта, при чемъ художественная дѣятельность дикарей играетъ небезразличную роль въ борьбѣ за существованіе. Въ послѣднемъ отношеніи особенное значеніе имѣетъ косметика, т. е. украшеніе тѣла. Цѣль этого украшенія двоякая: устрашеніе враговъ и привлеченіе вниманія женщинъ. Сюда относится и мучительные способы украшенія тѣла посредствомъ татуировки и рубцовъ; ими мужчина доказываетъ свою выносливость, безъ которой дикарь не можетъ успѣшно бороться за существованіе, а слѣдовательно не можетъ стать во главѣ семейной группы. Охотничій бытъ даетъ первобытнымъ художникамъ весь матеріалъ и всѣ образцы для ихъ пластики. Это очевидно въ ихъ рисункахъ и скульптурѣ, которые съ замѣчательнымъ натурализмомъ воспроизводятъ исключительно животныхъ, сцены охоты, людей съ оружіемъ и т. п. Не всегда это ясно выступаетъ въ орнаментикѣ. Въ большинствѣ случаевъ, мы дѣйствительно наблюдаемъ и здѣсь звѣриный стиль, т. е. стремленіе утилизировать фигуры животныхъ или частей ихъ Растительный орнаментъ совершенно незнакомъ охотничьимъ племенамъ. Но кромѣ того весьма распространенъ также орнаментъ, состоящій изъ различныхъ комбинацій, прямыхъ линій и называемый обыкновенно «геометрическимъ» орнаментомъ. Гроссе на нѣкоторыхъ примѣрахъ показываетъ, что и этотъ орнаментъ представляетъ собою до крайности доведенную схематизацію контуровъ животныхъ или ихъ частей, напр., чешуи, перьевъ, волосъ. Намъ однако кажется натяжкой видѣть животные мотивы во всѣхъ прямолинейныхъ орнаментахъ. Происхожденіе его въ достаточной степени объясняется простотою орудій. Когда первобытный охотникъ хочетъ украсить какой-нибудь предметъ, онъ беретъ заостренную раковину или кость, или просто палочку. Провести такими орудіями какую-нибудь другую правильную линію, кромѣ прямой очень трудно даже для менѣе первобытной руки. Начертаніе же короткой прямой линіи не требуетъ никакого искусства. Примѣняя сюда законъ ритмическаго ряда, весьма хорошо извѣстный первобытному художнику, онъ получаетъ самыя разнообразныя комбинаціи ломаныхъ и пересѣкающихся линій. Взглядъ получаетъ пріятное впечатлѣніе почти безъ всякаго творческаго усилія со стороны художника. Важное соціальное значеніе Гроссе приписываетъ танцамъ охотничьихъ пле-

менъ. «Одушевленіе танца (массоваго) заставляетъ отдѣльныхъ индивидуумовъ сливаться въ единое существо, проникнутое и потрясенное однимъ и тѣмъ же чувствомъ... Именно въ этомъ объединяющемъ дѣйствіи, и лежитъ соціальное значеніе первобытнаго танца. Онъ заставляетъ и пріучаетъ дѣйствовать подъ *однимъ* импульсомъ, въ *одномъ* направленіи и съ *однимъ* и тѣмъ же намѣреніемъ цѣлую группу людей, которые, живя въ свободныхъ и шаткихъ внѣшнихъ условіяхъ, безпорядочно и случайно слѣдуютъ различнымъ индивидуальнымъ нуждамъ и вкусамъ». Мы не имѣемъ возможности останавливаться на интересныхъ соображеніяхъ Гроссе о поэзіи и музыкѣ охотничьихъ племенъ. Отмѣтимъ только нѣкоторые общіе выводы нѣмецкаго изслѣдователя. Изъ сопоставленія всей массы художественныхъ произведеній австралійцевъ, минкоповъ, бушменовъ, огнеземельцевъ и эскимосовъ открывается полное сходство ихъ искусства, а это «непосредственно доказываетъ, что характеръ расы не имѣетъ никакого рѣшающаго значенія для развитія искусства», по крайней мѣрѣ у первобытныхъ народовъ. При такомъ разнообразіи расъ сходство искусства можетъ зависѣть только отъ общности хозяйственныхъ формъ жизни. Это сходство опровергаетъ и другое довольно распространенное положеніе о прямой зависимости характера искусства отъ климата, т. е. отъ географическихъ условій. Климатъ вліяетъ на искусство лишь постольку, поскольку онъ опредѣляетъ хозяйственныя формы. Авторъ не рѣшается обобщать своего вывода на тѣ области искусства, которыя онъ не изслѣдовалъ. Но всетаки ему кажется сомнительнымъ чтобы вліяніе климата могло быть указано на высшихъ ступеняхъ искусства. «Культурный процессъ ведетъ народы отъ рабскаго подчиненія природѣ къ владычеству надъ нею, и надо признать, что эта перемѣна находитъ себѣ и въ развитіи искусства соотвѣтствующее выраженіе». Но особенно Гроссе настаиваетъ на серьезной соціальной роли искусства. «Если народы и отдаются художественной дѣятельности почти единственно ради ея непосредственной эстетической цѣны, то исторія, напротивъ», путемъ естественнаго подбора, «поддерживаетъ и развиваетъ ее прежде всего ради ея производнаго, общественнаго значенія». Приведеннаго здѣсь, намъ кажется, достаточно для того, чтобы показать, какой серьезный научный интересъ имѣетъ изслѣдованіе Гроссе. Переводъ сдѣланъ прекраснымъ языкомъ.

Карлъ Гроосъ (проф. философіи въ Базельскомъ унив.) Введеніе въ эстетику. Переводъ А. Гуревича, подъ ред. Л. А. Сева. Южно-Русское книгоиздательство Ф. А. Іогансона. Кіевъ. Харьковъ (безъ даты). «Многіе превосходные ученые написали капитальные произведенія по различнымъ отдѣламъ эстетики, но въ основныхъ понятіяхъ этой науки и до сихъ поръ повидимому господствуетъ достаточная запутанность». Приводя въ предисловіи эту цитату, К. Гроосъ питаетъ надежду, что его изслѣдованіе вноситъ «нѣкоторый свѣтъ» въ темную область эстетики. Надежду эту авторъ основываетъ на томъ, что онъ по своему перерѣшаетъ нѣкоторые коренные вопросы, именно о психологіи эстетическаго удовольствія и объ отношеніи между эстетическимъ и прекраснымъ. Дѣло въ томъ, однако, что нѣтъ ни одного нѣмецкаго профессора философіи, который бы не пытался внести свѣтъ въ теорію искусства и не надѣялся, что онъ достигъ солидныхъ результатовъ. Каждый изъ нихъ даетъ длинный списокъ теорій своихъ предшественниковъ и съ своей точки зрѣнія очень логически доказываетъ ихъ несостоятельность. Философская эстетика такимъ образомъ похожа на старый прогнившій неводъ, въ которомъ каждый новый хозяинъ съ кропотливымъ трудомъ штопаетъ всѣ прорѣхи, оставленныя его предшественниками, но когда онъ, въ свою очередь, пускаетъ въ дѣло свои сѣти,—вода снова дѣлаетъ въ нихъ массу дыръ по всѣмъ направленіямъ, и весь уловъ попрежнему остается въ темной глубинѣ. Въ такомъ положеніи теорія искусства будетъ обрѣтаться до тѣхъ поръ, пока она не по-

слѣдуетъ примѣру своей старшей сестры—психологіи и не перемѣнитъ метода. Лишь въ физическомъ кабинетѣ и въ физіологической лабораторіи путемъ точнаго наблюденія и опыта возможно будетъ добыть какія-либо прочныя основы для будущаго зданія научной эстетики. Блестящее начало уже сдѣлано Гельмгольцемъ, работы котораго по теоріи цвѣтовъ и звуковъ сдѣлали для живописи и музыки болѣе, чѣмъ всѣ философы вмѣстѣ взятые.

Пока же искусство будетъ оставаться въ вѣдѣніи послѣднихъ, всѣ положенія ихъ не перестанутъ быть иногда остроумными, но все же фантастическими догадками, которыя ни для кого не имѣютъ обязательной силы.

К. Гроосъ въ своихъ эстетическихъ взглядахъ принадлежитъ къ тому сравнительно новому направленію нѣмецкой философіи, которое съ пренебрежительнымъ высокомѣріемъ отзывается о метафизической и умозрительной эквилибристикѣ. Онъ старается оградить себя отъ произвольности апріорныхъ предпосылокъ и къ рѣшенію всѣхъ эстетическихъ проблемъ примѣняетъ исключительно данныя раціональной психологіи. Но сама раціональная психологія, поскольку она не обратилась въ психо-физику, и психо-физіологія чрезвычайно бѣдна научно-цѣнными выводами. Признавая въ принципѣ опытъ единственнымъ источникомъ познанія, она на дѣлѣ часто довольствуется положеніями, которыя взяты на вѣру и только тѣмъ отличаются отъ метафизическихъ умозрѣній, что утверждаютъ отношенія реальныхъ, а не трансцендентныхъ представленій. Такимъ образомъ и Гроосъ на каждомъ шагу сопровождаетъ свои основныя посылки словами: «очевидно», «не подлежитъ спору», «для всякаго ясно», «внутренній опытъ говоритъ намъ» и т. п., между тѣмъ утверждаемыя имъ положенія нисколько не похожи на аксіомы и требуютъ весьма и весьма тщательной провѣрки. Жалкіе примѣры, которые авторъ приводитъ болѣе въ видѣ иллюстраціи, нежели въ доказательство своихъ мыслей, имѣютъ обыкновенно также весьма спорное значеніе и потому рѣдко что-нибудь уясняютъ. Возьмемъ напр. разсужденіе почтеннаго нѣмецкаго профессора о томъ, что эстетика обнимаетъ только «тѣ внутренніе образы, которыя получаются черезъ посредство зрѣнія и слуха». Въ противоположность «низшимъ чувствамъ» (осязанію, обонянію и вкусу) «только зрѣніе и слухъ (будто бы) суть чувства эстетическія, *ибо* только они въ качествѣ свободныхъ и въ той же мѣрѣ духовныхъ, какъ и чувственныхъ органовъ, не стремятся къ разложенію предмета на его составныя части, а допускаютъ существованіе и вліяніе на нихъ предмета какъ цѣлаго... Только при помощи «высшихъ» чувствъ воспринимаемое ими становится дѣйствительнымъ предметомъ (Gegenstand), а для эстетическаго созерцанія это необходимо». Всѣ эти соображенія, которыя предназначены для поясненія мысли автора, только увеличиваютъ, по нашему мнѣнію, ея бездоказательность, что значитъ въ приложеніи къ органамъ чувствъ эпитеты «свободные и духовные» и какое принципіальное различіе въ данномъ отношеніи существуетъ между высшими и низшими чувствами?

Почему обоняніе и осязаніе стремятся къ разложенію предмета? Далѣе, развѣ, когда человѣкъ въ потьмахъ натолкнется на стулъ, полученное отъ осязанія впечатлѣніе не даетъ ему представленія о предметѣ какъ о цѣломъ? Съ другой стороны, когда онъ, закрывши глаза, слушаетъ музыку, развѣ онъ представляетъ себѣ и всю видимую внѣшность звучащаго инструмента? «Мы обладаемъ,—продолжаетъ авторъ,—ясными внутренними представленіями о видимыхъ предметахъ и о разныхъ звукахъ, но запахъ розы или вкусъ какого-нибудь кушанья не оставляетъ въ нашемъ сознаніи никакихъ представленій, а если оставляетъ, то лишь весьма слабыя. Убѣдительнымъ доказательствомъ (?) этого является тотъ фактъ, что въ сновидѣніи (которое вѣдь составляется изъ внутреннихъ образовъ) мы часто переживаемъ представленіе, будто мы что-то ѣдимъ, но при этомъ не испытываемъ никакого вкусового ощущенія». Опять цѣлый рядъ

утвержденій, справедливость которыхъ болѣе чѣмъ сомнительна. Почему нельзя во снѣ переживать вкусовыхъ впечатлѣній? И такія «наблюденія» могутъ считаться убѣдительными доказательствами! Что касается представленій, вызываемыхъ запахами, то достаточно вспомнить знаменитое стихотвореніе Бодлера, гдѣ ароматамъ приписывается сила вызывать самыя сложныя ассоціативныя представленія. На это нѣмецкій философъ вѣроятно возразилъ бы, что извращенная натура Бодлера не можетъ служить нормой человѣческой воспріимчивости. Здѣсь мы натолкнулись на черту, которая присуща всѣмъ философскимъ эстетикамъ: онѣ всегда имѣютъ въ виду свойства какого-то фиктивнаго «нормальнаго субъекта», вслѣдствіе чего эти философско-эстетическія теоріи, которыя будто бы основаны на позитивной психологіи, сохраняютъ во всей силѣ абсолютность метафизическихъ системъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи этотъ нормальный субъектъ—образцовый homo sapiens оказывается просто нѣмецкимъ филистеромъ, который воспиталъ свой литературный вкусъ на Гете и Шиллерѣ, плохо чувствуетъ пластику и любитъ только умѣренно волнующее искусство. Это объясняетъ весьма многое въ предрасположеніяхъ нѣмецкихъ теоретиковъ искусства. Такъ, напр., разсматривая условія прекраснаго, К. Гроссъ повторяетъ вслѣдъ за всѣми своими предшественниками какъ нѣчто неоспоримое, что «округлость, полнота, ровность, мягкость контуровъ какой-либо фигуры даютъ глазу ощущеніе чувственно-пріятнаго, а рѣзкость, угловатость, остроконечность и суковатость—чувственно-непріятнаго», тогда какъ въ природѣ очень мало именно этихъ округлыхъ, ровныхъ, мягкихъ контуровъ, и тѣ, кто находятъ природу мѣриломъ красоты, больше любятъ смотрѣть на суковатые дубы и угловатыя горы, чѣмъ на арабески въ стилѣ ренессанса. Весьма характернымъ является также требованіе «трагической вины» героя для лучшаго эстетическаго дѣйствія драмы. Это условіе, поставленное еще Аристотелемъ, особенно развито Шиллеромъ. Трагическая вина, по ученію Грооса, «дѣлаетъ состраданіе доступнымъ для эстетическаго созерцанія, не уменьшая этимъ его мучительности. Гибель виновнаго также наполняетъ насъ глубокою грустью, но мы принимаемъ это страданіе какъ нѣчто нравственно-необходимое, что герой трагедіи навлекъ на себя вину собственными своими поступками... Въ самомъ дѣлѣ, страданіе совершенно невиннаго человѣка превращаетъ состраданіе въ чувство возмущенія, а возмущеніе есть такое состояніе, въ которомъ мы не желаемъ ни примириться съ ужаснымъ рокомъ, ни страдать, ни сострадать,—ни вообще предаваться внутреннему подражанію», т. е. по терминологіи Грооса эстетическому удовольствію. Стремясь такимъ образомъ смягчить для зрителя тягостное чувство состраданія,—самъ виноватъ молъ,—почтенный философъ вѣроятно совершенно отрицаетъ эстетическій характеръ такихъ драмъ, въ которыхъ гибнетъ не одинъ грѣшный герой, а цѣлая группа, цѣлый классъ людей, гдѣ поэтому о трагической винѣ не можетъ быть рѣчи, такъ какъ и юриспруденція не признаетъ возможности вины со стороны коллективной единицы. Такая трагедія существуетъ:—это *Ткачи* Гаупмана, которые конечно написаны не для филистеровъ, но на болѣе широкій кругъ зрителей производятъ неотразимое эстетическое впечатлѣніе. Мы должны ограничиться этими примѣрами. Намъ кажется, и они достаточно обнаруживаютъ бѣдность всякихъ теорій искусства, разсчитаныхъ на всеобъемлемость, но безсознательно приспособленныхъ къ частнымъ, специфическимъ вкусамъ.

Ю. Мильталеръ. Что такое красота? (Das Rätzel des Schönen). Введеніе въ эстетику. Переводъ съ нѣм. З. А. Венгеровой. Изданіе О. Н. Поповой. С.-Петербургъ 1899. Обѣщая на заглавномъ листѣ дать разгадку такого интереснаго явленія, какъ красота, авторъ на самомъ дѣлѣ ограничивается жиденькимъ изложеніемъ наиболѣе распространенныхъ теорій нѣмецкой философской эстетики. Такимъ образомъ, если красота до сихъ поръ была

загадкой, то такою она осталась и послѣ сочиненія Мильталера. Общія замѣчанія, высказанныя нами по поводу книги Карла Гробса о томъ же предметѣ, одинаково относятся и къ брошюрѣ Мильталера. Произвольность психологическихъ предпосылокъ, догматическая система изложенія, узкій и устарѣлый вкусъ въ области произведеній искуства, фикція «нормальнаго» воспринимающаго субъекта—всѣ эти черты еще въ большей степени свойственны Мильталеру, чѣмъ Гроосу. Послѣдній, по крайней мѣрѣ, проводитъ отъ начала до конца самостоятельный взглядъ на сущность процесса эстетическаго восприятія, тогда какъ Мильталеръ даетъ только конспективное резюме чужихъ соображеній. При этомъ авторъ формулируетъ окончательные выводы чрезвычайно неопредѣленно. Такъ, напр., онъ приходитъ послѣ долгихъ разсужденій къ слѣдующему выводу о художественномъ произведеніи: оно «состоитъ изъ разнообразныхъ элементовъ, вызывающихъ множество ассоціацій и объединенныхъ въ одно цѣлое». Какое значеніе можетъ имѣть подобная безсодержательная «формула»? Между тѣмъ авторъ серьезно и добросовѣстно провѣряетъ справедливость ея на частныхъ формулахъ отдѣльныхъ искуствъ и приходитъ къ утѣшительному результату, что всѣ отдѣльныя искуства объединяются его опредѣленіемъ. Но дѣло въ томъ, что оно объединяетъ не только свойства разнаго рода художественныхъ произведеній, но и безконечное множество другихъ явленій. Сюда подойдетъ всякое цѣлое, составленное изъ разнородныхъ частей: дерево, паровозъ, дѣтская игрушка, дамскій костюмъ и т. д., ибо нѣтъ предмета, который былъ бы неспособенъ вызывать ассоціаціи, иначе мы даже не могли бы находить имена предметовъ. Такой характеръ не всегда удачной логической игры имѣетъ бо̀льшая часть построеній философской эстетики... Значительная доля брошюры Мильталера посвящена, напр., классификаціи искуствъ. Если принять за основаніе одинъ признакъ, то получаются такія-то группы, если основываться на другомъ признакѣ, то группы складываются иначе. Но что изъ этого слѣдуетъ? Въ каждой наукѣ классификація имѣетъ громадное значеніе, если она служитъ основаніемъ дальнѣйшему изученію въ томъ направленіи, какое указывается классифицирующимъ признакомъ. Но если все построеніе сводится къ удовольствію составить табличку съ горизонтальными и вертикальными рядами, то нѣтъ никакой нужды огородъ городить. По прочтеніи книжки Мильталера нельзя не задаться вопросомъ, какими сторонами это ординарнѣйшее произведеніе нѣмецкаго книжнаго перепроизводства вызвало интересъ русскаго переводчика? Фирма О. Н. Поповой, которая дала русскому читателю столько дѣйствительно цѣнныхъ научно-популярныхъ изданій, могла бы найти въ той же области эстетики много гораздо болѣе талантливыхъ сочиненій, имѣющихъ по крайней мѣрѣ достоинство самостоятельной мысли.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

К. Бюхеръ. «Работа и ритмъ».—*І. Конрадъ.* «Очеркъ основныхъ положеній политической экономіи».

Карлъ Бюхеръ. Работа и ритмъ. Переводъ съ нѣмецкаго И. Иванова подъ редакціей Д. А. Коробчевскаго. Цѣна 60 к. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1899 г. Давно уже стало общимъ мѣстомъ, что наше время характеризуется стремленіемъ къ историческому воззрѣнію на общественныя явленія. Въ противоположность, главнымъ образомъ, идеямъ XVIII вѣка, когда теорія «естественнаго права» смотрѣла на одни явленія общественной жизни, какъ на вѣчные, неизмѣнные результаты «человѣческой природы», а другія считала проявленіемъ человѣческаго невѣжества, наше время хорошо знаетъ, что всякое

явленіе обусловлено особенностями исторической среды, въ которой оно возникло, и что тѣ стороны общественной жизни, которыя съ перваго взгляда кажутся совершенно естественными, неизбѣжными спутниками всякаго общества, суть лишь продуктъ долгаго историческаго развитія, и, въ свою очередь, образуютъ лишь ступень для дальнѣйшаго развитія. Но одно дѣло, признавать это въ качествѣ общаго принципа, и другое послѣдовательно проводить этотъ принципъ при изслѣдованіи различныхъ общественныхъ явленій: насколько первое широко распространено, настолько же второе остается до сихъ поръ удѣломъ немногихъ, сильныхъ умовъ. Средній человѣкъ, даже и насквозь проникнутый «историческимъ міросозерцаніемъ», при встрѣчѣ съ чуждой ему эпохой и складомъ жизни очень часто не можетъ отдѣлаться отъ знакомыхъ съ дѣтства представленій, а слѣдовательно и понять всю оригинальность встрѣтившихся ему явленій.

Все вышеизложенное относится и къ изслѣдованію условій труда въ человѣческомъ обществѣ. Правда, изслѣдованіе различныхъ *общественныхъ* условій труда сдѣлало весьма большіе успѣхи. Всѣмъ извѣстно, напр., что современный «капиталистическій» способъ производства есть лишь частный случай изъ возможныхъ общественныхъ условій труда, что до него существовали другіе «способы производства» и что и послѣ него предстоятъ крупныя измѣненія въ условіяхъ труда. Но далеко не такъ обстоитъ дѣло съ условіями труда, такъ сказать, психо-соціологическими. Что такое человѣческій трудъ? Какую роль онъ игралъ въ жизни человѣка въ различныя эпохи общественнаго развитія? Каковы были его отношенія къ другимъ сторонамъ общественной жизни? Большинство экономистовъ и соціологовъ даже и не задавалось подобными вопросами. Если же имъ и случалось мимоходомъ давать на нихъ отвѣты, то эти отвѣты были совершенно «не историческими»: психологическія условія труда въ наше время прямо объявлялись вѣчными и переносились въ самыя отдаленныя эпохи, гдѣ они являлись грубѣйшимъ анахронизмомъ. Таковъ, между прочимъ, извѣстный предразсудокъ, будто всякій трудъ an und für sich непріятенъ для человѣка,—предразсудокъ, ведущій свое происхожденіе отъ Адама Смита и представляющій лишь признаніе психологическихъ условій труда въ капиталистическомъ обществѣ—условіями вѣчными, вытекающими изъ самой «природы» труда (на что указалъ уже Марксъ, и отчасти Чернышевскій). Большинство приверженцевъ исторической школы въ политической экономіи, не смотря на весь свой «историзмъ», до сихъ поръ еще упорно держится этого предразсудка.

Къ числу экономистовъ-историковъ не только по названію, но и по существу, къ числу людей, умѣющихъ проникнуть въ тайны прошлаго и представить ихъ не въ видѣ отрывочныхъ фактовъ, а въ видѣ мѣткихъ обобщеній и широкихъ картинъ, принадлежитъ и Карлъ Бюхеръ, одинъ изъ талантливѣйшихъ современныхъ экономистовъ. Бюхеръ пріобрѣлъ себѣ заслуженную славу своими изслѣдованіями о формахъ хозяйства и промышленности. Недавно онъ выступилъ съ новой, не менѣе блестящей работой, озаглавленной «Arbeit und Rithmus», переводъ которой лежитъ передъ нами. Мы должны здѣсь ограничиться передачей лишь самыхъ главныхъ мыслей этой выдающейся работы, тѣмъ болѣе, что о ней уже говорилось въ нашей печати (фельетонъ «Трудъ и ритмъ» г. С. Б. въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* и статья г. Коврова подъ тѣмъ же заглавіемъ въ *Русскомъ Богатствѣ*).

До сихъ поръ изслѣдователи придерживались мнѣнія, будто народы, стоящіе на низшей ступени экономическаго развитія, питаютъ отвращеніе къ труду и отличаются «прирожденной лѣностью». Однако наблюденія не оправдываютъ этого взгляда; они показываютъ, что дикари исполняютъ массу чрезвычайно тяжелой работы. Различіе между работой современнаго человѣка и дикаря

является не количественнымъ, а качественнымъ. Тогда какъ современный человѣкъ работаетъ методически, постоянно и видитъ цѣль работы не въ ней самой, не въ наслажденіи, доставляемомъ мускольной дѣятельности, а въ заработкѣ, доставляемомъ ею, дикарь работаетъ урывками, только тогда когда работа непосредственно требуется и только постольку, поскольку она доставляетъ ему удовольствіе. Прежде всего дикарь не выноситъ долгаго умственнаго напряженія; поэтому всякой работѣ онъ старается придать автоматическій характеръ. Самое вѣрное средство для этого—придать работѣ ритмичность. Всѣ пріемы работы, повторяющіеся равномѣрно, могутъ быть сведены на ритмическія движенія: поднятіе и опусканіе, отталкиваніе и притягиваніе и т. д. Всего нагляднѣе ритмическій характеръ работы обнаруживается тамъ, гдѣ инструментъ, при соприкосновеніи съ матеріаломъ, издаетъ тонъ, и когда, по ударамъ и толчкамъ, слѣдующимъ другъ за другомъ чрезъ равные промежутки времени, можно судить о равномъ напряженіи затрачиваемой силы и о равномѣрности движеній (напр., работа кузнецовъ). Еще большее значеніе ритмичность труда имѣетъ при совмѣстной работѣ: она регулируетъ трудъ многихъ лицъ и тѣмъ облегчаетъ его. Гдѣ работа не даетъ звукового такта, тамъ послѣдній можетъ быть достугнутъ искусственнымъ путемъ: музыкальными инструментами и человѣческимъ голосомъ; таково происхожденіе рабочихъ пѣсенъ. Эти пѣсни имѣютъ различное значеніе; иногда онѣ, при одиночной и совмѣстной работѣ, лишь сопровождаютъ ритмическія движенія: таковы многочисленныя пѣсни у разныхъ народовъ при размалываніи зерна, при изготовленіи пряжи, при трепаніи льна, различныя ремесленныя пѣсни и т. п.; таковы же пѣсни при работахъ съ перемѣннымъ тактомъ; иногда же пѣсни находятся въ болѣе тѣсной связи съ работой: именно при совмѣстныхъ работахъ съ равнымъ тактомъ, которыя сводятся къ ударамъ и толчкамъ, раздѣленнымъ между собой, опредѣленнымъ промежуткомъ времени; задача пѣсни заключается въ томъ, чтобы направлять всѣхъ участниковъ работѣ къ однообразному и одновременному проявленію силы; таковы, напр., работы, въ которыхъ нѣсколькими людьми поднимается тяжесть съ помощью веревки, которую всѣ должны тянуть разомъ (стоитъ вспомнить нашу «Дубинушку»); сюда же относятся пѣсни при забиваніи свай, пѣсни гребцовъ, бурлаковъ, наконецъ—пѣсни при ходьбѣ (солдатскія пѣсни). Какъ бы то ни было, но всегда эти пѣсни приноровлены къ ритмичному движенію мускуловъ, облегчаютъ трудъ, возбуждаютъ соревнованіе и приближаютъ работу къ другимъ ритмическимъ движеніямъ—играмъ и пляскамъ.

Общераспространенность рабочихъ пѣсенъ у первобытныхъ народовъ наводитъ на мысль, не являются ли эти пѣсни родоначальниками всякой музыки и поэзіи. Извѣстно, что музыка и поэзія вначалѣ не были отдѣлены другъ отъ друга; до сихъ поръ у крестьянъ, напр., литературный текстъ пѣсни не отдѣлимъ отъ мелодіи: стиховъ и музыки, какъ таковыхъ, не существуетъ, есть только пѣсни; притомъ самымъ характернымъ и наиболѣе существеннымъ моментомъ пѣсенъ является ритмъ. Откуда же онъ явился? Самъ языкъ никогда не строитъ своихъ предложеній ритмически. Какимъ же образомъ люди были наведены на мысль распредѣлять слова и слоги ритмически, по количеству ихъ или силѣ тона и располагать повышенія и пониженія на одинаковомъ разстояніи? Къ этому могъ побудить ихъ только ритмическій характеръ работы. «Работа, музыка и поэзія на первоначальной ступени ихъ развитія должны были быть слиты въ одно цѣлое, но основной элементъ этой тройственности составляла работа, тогда какъ два другіе имѣли только дополнительное значеніе. Общій связующій признакъ ихъ—ритмъ». Можно было бы сказать, что поэзія и музыка находились еще въ большей связи съ другимъ родомъ ритмическихъ движеній—танцами. Но въ танцѣ ритмъ является чѣмъ-то произвольнымъ, тогда

какъ въ работѣ онъ приспособленъ къ характеру производительнаго процесса. Кромѣ того, большинство плясокъ дикарей являются лишь подражаніемъ извѣстнымъ родамъ работы. Такимъ образомъ, ритмъ плясокъ былъ самъ заимствованъ изъ рабочаго ритма. Большинство стихотворныхъ размѣровъ даютъ возможность различать ихъ происхожденіе отъ извѣстныхъ работъ: «ямбъ и трохей—размѣры топтанія (слабо и сильно ступающая нога); спондей—метръ удара, легко распознаваемый, когда обѣими руками хлопаютъ въ тактъ; дактиль и анапестъ—метры ударовъ молота, который и теперь еще можно слышать въ деревенской кузницѣ, гдѣ рабочій передъ или вслѣдъ за ударомъ по раскаленному желѣзу дѣлаетъ два короткихъ удара по наковальнѣ». Затѣмъ это тройственное соединеніе—музыка, поэзія и тѣлодвиженіе, переносится въ другую область—обрядовъ богослуженія,—также являющіеся подражаніемъ работы; таковы мимическіе богослужебные танцы, изъ которыхъ непосредственно выработалась древняя драма; здѣсь уже это соединеніе подвергается художественной обработкѣ, и начинается дифференціація ея элементовъ. Сперва отбрасываются тѣлодвиженія, а затѣмъ и музыка постепенно отдѣляется отъ поэзіи, таковъ ходъ развитія лирики и эпоса. Не только поэзія, но и музыка долго носитъ слѣды своего происхожденія отъ работы: большинство первобытныхъ музыкальныхъ инструментовъ является поддѣлками рабочихъ инструментовъ (такъ, барабанъ и бубенъ—не что иное, какъ обтянутая шкурой деревянная ступка для толченія зерна). Итакъ, вначалѣ развитія трудъ, поэзія, музыка, танцы представляли собою одно нераздѣльное цѣлое. Сложное развитіе каждаго изъ этихъ элементовъ въ настоящае время почти совершенно отдѣлило ихъ другъ отъ друга; въ частности трудъ теперь почти лишенъ музыкальнаго ритма, а потому и потерялъ свою привлекательность: на мѣсто ритмическихъ движеній человѣческихъ мускуловъ выступили бездушныя машины, и рабочія пѣсни замолкли. Но развитіе техники и искуства позволяетъ надѣяться, что въ будущемъ оба онѣ снова соединятся «въ томъ высшемъ ритмическомъ единствѣ, которое снова вернетъ духу счастливую веселость, а тѣлу—гармоническое развитіе, какими отличаются лучшіе изъ дикихъ народовъ».

Такимъ образомъ, трудъ Бюхера имѣетъ двоякое значеніе: съ одной стороны онъ выясняетъ психологическое значеніе труда и его отношеніе къ другимъ сторонамъ человѣческой жизни въ началѣ общественнаго развитія и тѣмъ уничтожаетъ нелѣпый предразсудокъ о вѣчной непріятности труда, о которомъ мы упомянули въ началѣ нашей замѣтки; съ другой—онъ вноситъ богатый вкладъ мыслей въ ученіе о происхожденіи музыки и поэзіи. Въ частности, имъ внесена существенная поправка къ Дарвино-Спенсеровскому ученію о происхожденіи искусства; тогда какъ это ученіе опиралось исключительно на чисто-*естественный* моментъ (значеніе музыки въ половомъ подборѣ), Бюхеръ замѣчательно удачно подчеркнулъ значеніе важнѣйшаго *соціологическаго* фактора—работы, что дало ему возможность гораздо дальше прослѣдить развитіе различныхъ видовъ искусства; если дарвинистическое ученіе останавливалось на порогѣ между животнымъ и человѣкомъ, то Бюхеръ доводитъ свое изслѣдованіе до довольно высоко-дифференцированнаго общественнаго состоянія.

Горячо рекомендуемъ книгу Бюхера всѣмъ интересующимся общими соціологическими вопросами. Переводъ хорошъ.

Проф. І. Конрадъ. Очеркъ основныхъ положеній политической экономіи. Переводъ Н. Новикова. Съ приложеніемъ библіографическаго указателя книгъ и статей по политической экономіи на русскомъ языкѣ съ 1801 по 1898 годъ. Какъ видно изъ заглавія, книжка эта распадается на двѣ части: съ одной стороны, переводъ труда проф. Конрада «Grundriss zum Studium der politischen Oekonomie», съ другой — составленный переводчикомъ библіографическій указатель русской экономической литературы. Обѣ части приблизительно

равны по объему, но далеко не равны по своему значенію для русскаго читателя. Остановимся на каждой изъ нихъ въ отдѣльности.

Что касается труда проф. Конрада, то онъ представляетъ изъ себя конспектъ университетскихъ лекцій автора. Въ предисловіи авторъ говоритъ, что его «очеркъ» замѣнялъ его слушателямъ «практиковавшееся до того времени записываніе лекцій подъ диктовку» и выражаетъ надежду, что «онъ окажется полезнымъ руководствомъ и для болѣе широкаго круга читателей». Въ свою очередь переводчикъ въ своемъ предисловіи объявляетъ этотъ «очеркъ» весьма полезнымъ введеніемъ къ серьезному изученію политической экономіи. Мы не можемъ согласиться съ этимъ взглядомъ. Лежащій передъ нами «очеркъ» есть конспектъ въ настоящемъ смыслѣ слова, т. е. состоитъ изъ ряда положеній, отличающихся почти афористическою краткостью. Слушателямъ проф. Конрада просматриваніе этихъ положеній вѣроятно помогало, по ассоціаціи идей, вспоминать содержаніе прослушанныхъ ими лекцій; но посторонній читатель врядъ ли можетъ что-либо извлечь изъ чтенія этого конспекта. Возьмемъ любой, наудачу выбранный примѣръ. Какое представленіе о цѣнности, напримѣръ, можетъ дать слѣдующій отрывокъ: «Въ основаніи мѣновой цѣнности всегда должна лежать потребительная цѣнность, а послѣдняя устанавливается лишь черезъ сравненіе съ другими благами. Интенсивность потребности въ какомъ-либо предметѣ, а слѣдовательно, и самая потребительная цѣнность его, обусловливается возможностью обмѣна. Поэтому, выраженіе «цѣнность» употребляется въ данномъ случаѣ не точно, такъ какъ здѣсь дѣло идетъ лишь объ одномъ изъ факторовъ, опредѣляющихъ цѣнность. Способъ употребленія предмета не создаетъ еще особыхъ самостоятельныхъ категорій цѣнности. Различаютъ также объективную и субъективную цѣнность, но первая почти однозначуща съ потребительною цѣнностью. Въ субъективной же цѣнности не достаточно выражается народно-хозяйственный моментъ» (с. 11). Эти фразы могли бы вообще имѣть какой-либо смыслъ только въ томъ случаѣ, если бы за каждой изъ нихъ шло особое разъясненіе. Въ настоящемъ же ихъ видѣ онѣ настолько неопредѣленны (это видно уже изъ частаго употребленія такихъ словъ, какъ «одинъ изъ факторовъ», «не достаточно», «почти»), что тѣмъ самымъ совершенно безполезны. Точно также безполезны библіографическія данныя въ началѣ каждаго параграфа. Кто знакомъ съ иностранными языками, тотъ во всякомъ случаѣ не обратится за библіографическими данными къ книжкѣ проф. Конрада, потому что гораздо болѣе полныя данныя по каждому вопросу онъ можетъ найти хотя бы въ «Handwörterbuch der Staatswissenschaften». Кромѣ того, эти данныя у Конрада почти исключительно ограничиваются текущей нѣмецкой академической литературой, что, опять таки, можетъ быть очень полезно для нѣмецкаго студента, но не имѣетъ никакой цѣнности для русскаго читателя. Также ненужны и многочисленныя статистическія данныя о добычѣ, потребленіи и цѣнности благородныхъ металловъ, о цѣнахъ на разные продукты, о банковомъ дѣлѣ, объ акціонерныхъ компаніяхъ и т. д. Для спеціалиста онѣ недостаточны, для не спеціалиста излишни.

Всѣ эти формальные недостатки дѣлаютъ настолько неудобнымъ пользованіе трудомъ Конрада для русской читающей публики, что мы можемъ ограничиться краткими замѣчаніями о его матеріальныхъ недостаткахъ. Проф. Конрадъ—типичный представитель нѣмецкаго историко-реалистическаго направленія въ политической экономіи. Въ качествѣ таковаго, онъ очень ученый и почтенный человѣкъ, превосходный статистикъ и знатокъ всѣхъ прикладныхъ вопросовъ экономической науки; но, въ качествѣ таковаго же, онъ теоретикъ очень слабый, и, за недостаткомъ самостоятельныхъ взглядовъ въ области теоретическихъ вопросовъ, довольствуется подъ-часъ убійственно-безсодержательнымъ эклектизмомъ. Мы уже привели, какъ примѣръ, его разсужденія о цѣн-

ности. Таковы же, если не хуже, и его мнѣнія о другихъ основныхъ понятіяхъ и вопросахъ теоретической экономіи. Приведемъ лишь одинъ образецъ. Не угодно ли выслушать слѣдующее сужденіе о теоріи Мальтуса (курсивъ нашъ): «Онъ *недостаточно* принялъ въ разсчетъ культурное развитіе, приписалъ *слишкомъ большое* значеніе вліянію запаса средствъ существованія на движеніе народонаселенія, а также *недостаточно* оцѣнилъ значеніе имѣющихся въ развитомъ народномъ хозяйствѣ средствъ къ увеличенію спроса на трудъ и къ повышенію производительности труда» (с. 113). Такими фразами можно отдѣлаться отъ какой угодно теоріи, но врядъ ли онѣ много способствуютъ уясненію вопроса.

Если, такимъ образомъ, переводъ очерка Конрада врядъ ли можно считать предпріятіемъ полезнымъ, то нельзя того же сказать о библіографическомъ указателѣ, составленномъ переводчикомъ. Въ немъ, если можно такъ выразиться, лежитъ «гвоздь» книжки, и мы думаемъ, что обѣимъ частямъ книги справедливѣе было бы помѣняться своими чинами, т. е. «приложеніемъ» слѣдовало бы считать никакъ не библіографическій указатель, а лишь Конрадовскій очеркъ.

Позволимъ себѣ прежде всего подѣлиться тѣми мыслями, на которыя наводитъ «библіографическій указатель». Изъ него сразу явствуетъ, какъ бѣдна наша экономическая литература, какъ переводная, такъ и оригинальная. Возьмемъ, напр., произведенія главнѣйшихъ, «классическихъ», экономистовъ. Переводы трудовъ Ад. Смита, Мальтуса, Кэри, Тюнена, Лассаля отчасти устарѣли, отчасти стали библіографической рѣдкостью. Мы не имѣемъ переводовъ такихъ авторовъ, какъ Родбертусъ, Сисмонди, Прудонъ, Тюрго, Кэрнсъ, не говоря уже о позднѣйшихъ экономистахъ вродѣ Книса, Бёмъ-Баверка, Маршалла и др. Правда, новѣйшая «Библіотека экономистовъ» отчасти старается восполнить этотъ пробѣлъ, но самый методъ составленія окрошки изъ классическихъ произведеній свидѣтельствуетъ о пренебрежительномъ отношеніи къ такимъ авторамъ, труды которыхъ заслуживаютъ далеко не того. Мы не думаемъ, разумѣется, винить въ томъ наши издательства: недостатокъ спроса опредѣляетъ собою недостатокъ предложенія; изъ этого видно, однако, какъ мало развиты у насъ экономическія знанія и любовь къ серьезнымъ произведеніямъ. О нашей оригинальной литературѣ въ области теоретическихъ вопросовъ, разумѣется, и говорить нечего: у насъ нѣтъ не только первостепенныхъ, но даже и второстепенныхъ экономистовъ-теоретиковъ.

Итакъ, изъ «библіографическаго указателя» можно прежде всего извлечь ту мораль, что для серьезнаго изученія политической экономіи необходимо прежде всего знаніе языковъ. Это, однако, мало утѣшительно для человѣка, не знающаго ихъ и не могущаго, по какимъ либо причинамъ, съ ними познакомиться. И вотъ такого-то читателя библіографическій указатель г. Новикова можетъ хоть до нѣкоторой степени вывести изъ затруднительнаго положенія, указывая, что и гдѣ можно найти въ русской экономической литературѣ. До сихъ поръ мы имѣли лишь одинъ подобный указатель въ приложеніи къ «Фабрикѣ» г. Дементьева. Но этотъ указатель ограничивался лишь книгами и статьями по рабочему вопросу и носилъ, такимъ образомъ, спеціальный характеръ. Напротивъ, «указатель» г. Новикова охватываетъ всѣ отдѣлы экономической науки и притомъ отличается замѣчательной полнотой. Указатель раздѣленъ на 11 отдѣловъ (I. Учебники, руководства и лекціи полит. эк. II. Исторія полит. эк. III. Произведенія классическихъ экономистовъ. IV. Сущность, методъ, границы и задачи полит. экономіи. V. Теорія цѣнности. VI. Торговля. VII. Финансы. VIII. Землевладѣніе и земледѣліе. IX. Теорія статистики. X. Разныя статьи I, XI. Разныя статьи II). Конечно, нельзя назвать такое распредѣленіе систематичнымъ, но въ виду бѣдности и относительно малой спеціализированности нашей литературы достигнуть совершенной систематичности въ подобнаго рода указа-

теляхъ очень трудно. Мы должны пожалѣть, однако, что на ряду съ отдѣломъ «теорія цѣнности» для теорій ренты, прибыли, заработной платы и тому подобныхъ теоретическихъ вопросовъ не отведены особые отдѣлы. Желательно было бы также наряду съ отдѣлами «торговля» и «земледѣліе» видѣть отдѣлъ «промышленность». Въ отдѣлѣ X (Разныя статьи I) составитель привелъ всю литературу (книжную и журнальную) «экономическаго матеріализма» и полемики, возбужденной этимъ вопросомъ. Хотя вопросъ этотъ, строго говоря, къ «политической экономіи» не относится, но можно быть только благодарнымъ составителю за то, что онъ не остановился передъ этимъ формальнымъ соображеніемъ и далъ такимъ образомъ возможность читателю найти интересующія его статьи по этому животрепещущему вопросу. Въ отдѣлѣ XI (Разныя статьи II) собраны, наряду съ другими статьями, главнымъ образомъ, статьи по рабочему вопросу. Въ этомъ отдѣлѣ составитель, повидимому, не гнался за абсолютной полнотой, въ виду того, что статьи по рабочему вопросу сведены въ указателѣ при книгѣ г. Дементьева.

Въ общемъ, дѣлу самообразованія библіографическій указатель г. Новикова сослужитъ хорошую службу.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Н. Мюръ. «Химія огня».—*Лаппаранъ.* «Минералогія».—*О. Д. Хвольсонъ.* «Курсъ физики».

Петиссонъ Мюръ. Химія огня. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей проф. В. Ѳ. Тимоѳеева. 160 стр. 17 рисунк. Москва. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. 1899. Ц. 85 коп. «Цѣль этой книги,—говоритъ въ предисловіи авторъ,—изложить наиболѣе простымъ способомъ основные элементарные законы химіи, при помощи изученія какихъ-либо обыкновенныхъ (?) явленій, какъ, напримѣръ, горѣніе свѣчи». Авторъ начинаетъ съ изученія наиболѣе характерныхъ чертъ этого явленія и чисто логическимъ путемъ приходитъ къ постановкѣ цѣлаго ряда вопросовъ. Въ логической же послѣдовательности онъ заставляетъ читателя, при помощи анализа замѣчательно удачно подобранныхъ опытовъ, искать отвѣтовъ на эти вопросы. Полученные отвѣты, въ свою очередь, вызываютъ новую серію вопросовъ, и, такимъ образомъ, достигая все болѣе и болѣе широкихъ обобщеній, г. Мюръ постепенно подходитъ къ выводу основныхъ законовъ химіи. Планъ, какъ разъ противоположный тому, по которому построены почти всѣ элементарные учебники химіи и физики, гдѣ частныя явленія выводятся (буде это возможно) изъ общихъ положеній. Можетъ быть, второй путь и ведетъ къ большей краткости и къ большей легкости обозрѣнія громаднаго количества явленій. Но за то первый, заставляя самого учащагося выводить изъ опытовъ обобщенія, а изъ этихъ послѣднихъ законы, развиваетъ научное мышленіе и навсегда запечатлѣваетъ въ памяти рядъ типовыхъ явленій. Намъ кажется, что къ этому и должно стремиться первоначальное изученіе всякой опытной науки: начинающій долженъ пріучаться самъ добывать истину и опытомъ и критической мыслью, а не получать его извнѣ готовую и изящную, но для него чуждую и мертвую. Понятно, что выработать путь подобнаго ознакомленія съ какой-либо опытной наукой гораздо труднѣе, чѣмъ написать даже хорошій элементарный учебникъ,—и потому на сотни учебниковъ попадется только одна, двѣ книги, подобныя «Химія огня» Мюра. Въ ней не знаемъ, чему больше удивляться, изяществу ли и въ то же время краткости изложенія, или замѣчательному подбору опытовъ, изъ которыхъ нельзя выкинуть ни одного, не нарушивъ логической стройности всего зданія.

Опыты эти описаны авторомъ такъ обстоятельно и ясно, что даже новичокъ сможетъ самъ продѣлать ихъ безъ всякаго риска и съ самыми незначительными затратами, которыя можно даже заранѣе вычислить, такъ какъ къ книгѣ приложенъ списокъ приборовъ и веществъ, необходимыхъ для производства всѣхъ описанныхъ опытовъ; редакторъ же русскаго перевода присоединилъ къ этому списку и соотвѣтственныя цѣны предметовъ.

Вся книга г. Мюра распадается на 6 главъ. Первая описываетъ явленія, наблюдаемыя при горѣніи свѣчи, вторая касается состава веществъ, участвующихъ въ явленіи горѣнія свѣчи; опыты, описанные въ этихъ двухъ главахъ, и анализъ ихъ постепенно приводятъ занимающагося къ убѣжденію, что вещество свѣчи составлено изъ углерода и водорода, иногда же и кислорода, что при горѣніи свѣчи въ воздухѣ образуется углекислота и вода, что углекислота состоитъ изъ углерода и кислорода, а вода изъ водорода и кислорода. Посвятивъ III-ю главу выясненію различія между элементами съ одной стороны и химическими соединеніями съ другой, а IV-ю описанію тепловыхъ измѣненій, сопровождающихъ процессъ горѣнія, авторъ уже въ правѣ считать своего читателя достаточно подготовленнымъ къ воспріятію такихъ широкихъ обобщеній, каковы законы постоянныхъ и кратныхъ отношеній и атомная теорія такихъ сложныхъ понятій, какъ кислота, щелочь и основаніе. Этими теоретическими главами (V-я глава—«Составъ соединеній», VI-я гл.—«Химическія свойства элементовъ и соединеній») и заканчиваетъ г. Мюръ свой крайне интересный и полезный трудъ. Впрочемъ, къ книгѣ присоединены авторомъ 2 приложенія: 1) таблица названій, символовъ и комбинаціонныхъ вѣсовъ элементовъ и 2) уже упоминавшійся нами списокъ приборовъ и веществъ, необходимыхъ для производства опытовъ. Редакція же, съ своей стороны, сочла нужнымъ присоединить особую главу, посвященную болѣе детальному выясненію понятія «комбинаціонный вѣсъ».

Переведена книга хорошимъ литературнымъ языкомъ, издана очень опрятно.

Минералогія Лаппарана члена Французской Академіи Наукъ. Переводъ со второго французскаго изданія съ предисловіемъ Г. Н. Вырубова. 712 стр. съ 598 политипажами въ текстѣ. Изд. Н. И. Мамонтова. Москва. Цѣна 4 р. 50 к. «Когда Н И. Мамонтовъ обратился ко мнѣ,—говоритъ въ своемъ предисловіи г. Вырубовъ,—съ вопросомъ о томъ, какой лучше всего перевести учебникъ минералогіи, я, безъ всякаго колебанія, указалъ ему на учебникъ Лаппарана, не только потому, что онъ самый лучшій изъ нынѣ существующихъ, но и потому, что онъ единственный, представляющій минералогію въ ея современномъ состояніи». Въ этомъ же предисловіи г. Вырубовъ такъ опредѣляетъ это «современное состояніе» минералогіи: «Минералогія распалась, повидимому, на нѣсколько частей, которыя вошли въ область математики, физики, химіи, и минералогамъ осталась какая-то неопредѣленная область, которая ничему не соотвѣтствуетъ и годна развѣ только для «любителей» естествознанія» (стр. VII). Мы вполнѣ присоединяемся къ этому печальному для минералогіи, приговору почтеннаго кристаллографа, вполнѣ согласны также, что одна часть этой науки должна отойти къ физикѣ и химіи, другая къ геологіи и третья къ математикѣ. Дѣйствительно, «нѣтъ надобности быть особенно мудрымъ пророкомъ, чтобы предсказать это будущее, и, вѣроятно, ближайшее, будущее минералогіи». «Къ несчастью также раціональное дѣленіе труда до сихъ поръ еще не сознается, за немногими исключеніями, ни учеными, ни педагогами «говоритъ г. Вырубовъ и... рекомендуетъ «безъ всякаго колебанія» для перевода на русскій языкъ минералогію, Лаппарана, «страдающую, какъ и всѣ современныя книги подобнаго рода, тоже этимъ недостаткомъ нераздѣльности двухъ (трехъ?) совершенно разнородныхъ спеціальностей». Но кому же нуженъ этотъ идеальный образецъ «современнаго состоянія минералогіи»?! Русскимъ профессорамъ, чтобы познакомиться съ тѣмъ, какъ вы-

вертываются французскіе профессора изъ невозможнаго положенія, созданнаго историческимъ ходамъ развитія минералогіи и поразительнымъ консерватизмомъ университетскихъ программъ?! Конечно, съ этой точки зрѣнія книга Лаппарана не безполезная,—но, вѣроятно, русскіе профессора умѣютъ читать по французски. Студентамъ высшихъ учебныхъ заведеній? Но курсъ Лаппарана не соотвѣтствуетъ программамъ минералогіи этихъ учебныхъ заведеній, особенно неудачными съ этой точки зрѣнія нужно считать употребленіе Лаппараномъ нотацій Леви, кстати сказать, даже во Франціи почти уже вышедшихъ изъ употребленія, и его классификацію минераловъ. Остается, слѣдовательно, тотъ читатель, который ищетъ самообразованія внѣ университетовъ и обязательныхъ программъ; но зачѣмъ же ему утолять свою жажду знаніе минералогіей Лаппарана послѣ всего того горькаго, но справедливаго, что онъ прочтетъ въ предисловіи г. Вырубова по адресу современнаго состоянія минералогіи. По нашему мнѣнію, такому читателю лучше обратиться къ соотвѣтственнымъ отдѣламъ физики и геологіи, или же, для болѣе полнаго ознакомленія съ различными вопросами, трзктуемыми современной минералогіей, къ спеціальнымъ кристаллографіямъ и сочиненіямъ, какъ напр., Traité de Cristallographie. E. Mallard., Cristallographie Soret. Physikalische Krystallographie. Groth (имѣется въ русскомъ переводѣ), Physikalische Krystallographie. Liebisch и другіе. Да проститъ намъ г. Вырубовъ, но въ этихъ «компиляціяхъ» (Гротъ) и «Сборникахъ недодѣланныхъ теорій» (Либишъ) читатель найдетъ гораздо больше матеріала для ознакомленія съ «современнымъ состояніемъ» минералогіи, чѣмъ въ курсѣ Лаппарана и подобныхъ учебникахъ, подогнанныхъ подъ университетскія программы (напр. учебникъ минералогіи проф. *Чермака*, давно уже имѣющійся въ русскомъ переводѣ, Element der Mineralorie Naumann и др).

Какъ ни «оригиналенъ» трудъ г. Лаппарана, но все же при изложеніи многихъ вопросовъ, напр., всего отдѣла объ интерференціи въ одноосныхъ кристаллахъ (стр. 256) вопроса о полихроизмѣ (стр. 288), которому посвящено всего 4¹/₂ страницы, авторъ «придерживается» «компиляцій» проф. Грота (Physikalische Krystallographie) и часто ссылается на эту книгу мюнхенскаго профессора. Имѣются позаимствованія и изъ другихъ авторовъ, такъ напримѣръ § трактующій объ изслѣдованіи тонкихъ пластинокъ двупреломляющихъ минераловъ 1) всецѣло заимствованъ у Rosenbusch «Microskopische Phyliographie der Mineralien» (стр. 296); изящество же и стройность изложенія геометрической кристаллографіи не мало обязано вліянію «Cristallographie» Маллара. Не можемъ не указать также на удивительную краткость изложенія такихъ интересныхъ вопросовъ, какъ — электрическія и магнитные свойства кристалловъ (всего 3 страницы) и полиморфизмъ (около 2 страницъ); эта краткость тѣмъ болѣе удивительна, что, можетъ быть, именно благодаря «анархическому» современному положенію минералогіи отъ этихъ вопросовъ «чистые» физики какъ-то открещиваются и изученіе и изложеніе ихъ находится почти всецѣло въ рукахъ кристаллографовъ. Вообще, отдѣлъ физическій кристаллографіи наиболѣе слабый въ книгѣ г. Лаппарана; видимо, будучи «отличнымъ геологамъ и хорошимъ математикомъ» почтенный академикъ въ области физики не совсѣмъ дома: нѣкоторыя опредѣленія физическихъ явленій поражаютъ своей неясностью; чтобы не быть голословнымъ приведемъ слѣдующее опредѣленіе флюоресценціи (стр. 287): «флюоресценція есть свойство, которымъ обладаютъ нѣкоторые минералы, въ частности Корнваллійскій плавиковый шпатъ, усиливать яркость свѣтового луча, окрашивая его въ опредѣленный цвѣтъ». Конечно, этотъ шедевръ нельзя приписать сплошь автору, видимо, поработалъ и переводчикъ, но читатели отъ такого усердія не легче. Впрочемъ, долженъ оговориться, что въ общемъ переводъ не дуренъ, хотя и встрѣчаются не русскія выраженія и неясности, напр., такая фраза (стр. 419). Всѣ такія затрудненія

кажутся намъ очень важными, и если справедливо, что въ такомъ сложномъ матеріалѣ линейная классификаціи не можетъ никогда быть вполнѣ удовлетворительной съ какой бы то ни было точки зрѣнія, по крайней мѣрѣ намъ кажется что нельзя не попытаться подойти нѣсколько къ естественнымъ условіямъ мѣсторожденія и образованія минераловъ».

Можетъ быть и оригинально, но за то непонятно.

Издана книга весьма опрятно.

Курсъ физики О. Д. Хвольсона. Томъ третій. Ученіе о теплотѣ. 676 стр. 230 рис. Ц. 5 руб. С.-Петербургъ. Изд. К. Риккера. 1899 г. Мы уже бесѣдовали съ читателемъ «Міра Божьяго» (М. Б., декабрь. 1898 г.) по поводу первыхъ 2-хъ томовъ «Курса физики» проф. О. Д. Хвольсона. Предлагаемый 3-й томъ заключаетъ въ себѣ все ученіе о теплотѣ (за исключеніемъ «лучистой теплоты», которая, какъ мы уже указывали раньше, вошла въ общій отдѣлъ «ученіе о лучистой энергіи», т. II) и какъ по характеру изложенія, такъ и по полнотѣ данныхъ вполнѣ соотвѣтствуетъ первымъ двумъ томамъ. Можно только удивляться поразительной энергіи многоуважаемаго профессора: въ теченіе 3-хъ лѣтъ издать три тома такого капитальнаго труда—это, въ своемъ родѣ, подвигъ,—такія изданія тянутся, обыкновенно, чуть не десятки лѣтъ (вспомнимъ, напр., курсъ физики француза Віоля).

Мы считаемъ излишнимъ вдаваться на страницахъ нашего журнала въ подробный разборъ III-го тома «Курса физики», но не можемъ не указать, что по нѣкоторымъ, хотя и весьма немногимъ, вопросамъ мы не встрѣтили, на нашъ взглядъ, желательной полноты,—таковы, напр., вопросы объ абсолютномъ нолѣ, объ обратныхъ тепловыхъ эффектахъ при переходѣ одной полиморфной разности въ другую, о нѣкоторыхъ крайне интересныхъ сплавахъ желѣза съ никелемъ и нѣкот. др.,—но, конечно, все это мелочи и будь ихъ въ 10 разъ больше, громадное значеніе, какъ педагогическое, такъ и научное, труда проф. О. Хвольсона нисколько не умалилось бы.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА,

съ 15-го іюня по 15-е іюля 1899 года.

Д-ръ И. К. Хмѣлевскій. Цивилизація и неврозы. Одесса. 1899.

Д. П. Шаншепи де ля Соссей. Иллюстрированная исторія религій. Перев. съ полн. нѣм. изд. В. М. Линдъ. Москва. Изд. «Книжное дѣло». 1899 г. Вып. 9 и 11. Ц. 4 р. по подпискѣ.

Е. Варбъ. Наемные сельско-хозяйственные рабочіе въ жизни и въ законодательствѣ. Общ.-юрид. очерки. Москва. Изд. «Книжное дѣло». 1899. Ц. 1 р. 50 к.

Д. С. Милль. Система логики. Перев. съ англ. подъ ред. В. Н. Ивановскаго. Вып. VII (послѣдній). Изд. «Книжное дѣло». М-ва. 1899. Ц. 5 р. Допуск. разсрочка.

Сборникъ общихъ юридическихъ знаній. Подъ ред проф. Ю. С. Гамборови. Вып. I. Изд. Поповой. Спб. 1899. Ц. 1 р.

П. А. Радцихъ. Современное положеніе вопроса о лѣченіи туберкулёзныхъ больныхъ въ санаторіяхъ. М-ва. 1899.

Къ вопросу о вліяніи занятія, экономическаго положенія и грамотности сельскаго населенія на нѣкоторыя стороны начальнаго народнаго образованія. Изд. Статистическаго отд. Александрійской земской уѣздной управы. 1899.

Ф. Ле-Дантекъ. Индивидуальная эволюція, наслѣдственность, неодарвинисты. Пер. съ франц. подъ ред. В. Н. Линда. Изд. «Книжное дѣло». М-ва. 1899. Ц. 1 р.

Д-ръ Леманнъ. Иллюстрированная исторія суевѣрій и волшебства отъ древности до нашихъ дней. Пер. съ нѣм. д-ра Петерсена. Изд. «Книжное дѣло». М-ва. 1899. 3 вып. Ц. 3 р. по подпискѣ. Допускается разсрочка.

В. Фаусекъ. Этюды по вопросамъ біологической эволюціи. Библіотека «Научнаго Обозрѣнія». Изд. Сойкина. Спб. 1899. Ц. 60 к.

Эдуардъ Мейеръ. Рабство въ древнемъ мірѣ. Перев. съ нѣм. А. В. Викерскаго. Изд. «Книжное дѣло». 1899. Ц. 30 к.

Право и миръ въ международныхъ отношеніяхъ. Сборникъ статей подъ ред. проф. Москов. унив. гр. Л. А. Комаровскаго и П. М. Богаевскаго. 2 вып. по 1 р. Изд. «Книжное дѣло». М-ва. 1899.

В. Я. Богучарскій. Маркизъ Лафайеттъ. Историческій очеркъ. Съ портр. Изд. «Книжное дѣло». М-ва. 1899. Ц. 1 р.

А. П. Новицкій. Исторія русскаго искусства. Изд. «Книжное дѣло». М. 1899. Вып. III. Подписная цѣна 10 руб., съ дост. 12 р. Доп. разсрочка.

Путеводитель по Уралу. Изд. газ. «Уралъ». Спб. 1899.

Помощь пострадавшимъ отъ неурожая. Лит.-худож. сборникъ. Изд. газ. «Курьеръ». Курскъ. 1899. Ц. 1 р.

В. Чешихинъ. Пушкинъ въ с. Михайловскомъ. Драмат. этюдъ въ 1 дѣйств. Рига. 1899. Ц. 40 к.

И. А. Кузнецовъ. Тоска Гоголя. Екатеринодаръ. 1899 г.

И. Вороновъ. Матеріалы по народн. образов. въ Ворон. губ. Изд. Ворон. губ. земства. 1889 Ц. 2 р. 50 к.

М. Ротшильдъ. Коммерческая энциклопедія. Вып. XIV и IV. Изд. В. Э.Форселлеса. Спб 1899. Ц. 10 р. по подп. съ д. 12 р. 50 к.

Журналы Тверскаго Губ. Зем. Собранія Очередной сессіи 1898 г.

П. И. Кедровъ. Санитарные условія жизни и труда рабочихъ на кирпичныхъ заводахъ. М-ва. Ц. 50 к.

Отчетъ Главнаго Управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей за 1897 г. Спб. 1899.

Отчетъ о ходѣ акцизнаго дѣла въ Закавказскомъ краѣ и Закаспійской области за 1897 г. Спб. 1889 г.

ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ.

Культурные и соціальные вопросы нашего времени при свѣтѣ германской исторіи.

По поводу книги *Die geistigen und socialen Strömungen des Neunzehnten Iahrhunderts*», von Dr. Theobald Ziegler. Berlin, 1899.

I.

Профессоръ страсбургскаго университета, Циглеръ, задумалъ подвести итоги умственнымъ и соціальнымъ успѣхамъ своего отечества за истекающее столѣтіе. Въ дѣйствительности еще ни одна историческая эпоха никогда не начиналась и не заканчивалась годъ въ годъ съ какимъ бы то ни было вѣкомъ, календарь прогресса будто преднамѣренно всегда отступаетъ отъ астрономическаго и принятыя нами обозначенія—восемнадцатый вѣкъ, девятнадцатый не менѣе условны и произвольны, чѣмъ грани въ жизни отдѣльнаго человѣка—молодость, зрѣлость или старость.

Напримѣръ, восемнадцатый вѣкъ въ исторіи культуры начался отнюдь не съ 1700 года, а развѣ только лѣтъ пятнадцать спустя, послѣ смерти Людовика XIV. Она не только устранила съ міровой сцены самого породистаго представителя эпохи, но и обнаружила полную нравственную безнадежность ея устоевъ и открыла ихъ для критики новой свободной мысли. Девятнадцатый вѣкъ отсталъ отъ календаря также лѣтъ на пятнадцать. Часъ его пробилъ при Ватерлоо, гдѣ окончательно рѣшился вопросъ съ послѣднимъ фактомъ революціоннаго переворота — съ наполеоновской имперіей, и по всей Европѣ начался открытый оффиціальный культъ воскресавшаго «стараго порядка»—деспотическаго, патріархальнаго и темнаго. Нашъ вѣкъ также не заключается 1900 годомъ,—исторія, повидимому, и въ данномъ случаѣ относитъ рѣшительный моментъ на неопредѣленное будущее и теперь мы развѣ только можемъ догадываться о смыслѣ этого момента. Можетъ быть—это будетъ какой-нибудь великій кризисъ въ парламентаризмѣ, столь упорно и послѣдовательно проявляющемъ свои несовершенства въ современной буржуазно-либеральной формѣ.

И тѣмъ не менѣе, замыселъ нѣмецкаго ученаго вполнѣ основателенъ, даже еслибы онъ и не ограничилъ своей громадной работы календарнымъ концомъ вѣка. Въ цивилизованномъ мірѣ въ настоящее время не существуетъ народа, успѣвшаго накопить такое богатство итоговъ, какъ именно нѣмцы. Ихъ новѣйшая исторія будто нарочно создана для общихъ философскихъ и по-

литическихъ соображенiй. Ростъ необыкновенно быстрый, блестящiй, единственный во всей исторiи человѣчества по контрасту исходной точки соцiальнаго и политическаго развитiя и уже достигнутыхъ результатовъ.

Все это ставитъ нѣмецкаго историка въ очень щекотливое положенiе. Обладай онъ самой невозмутимой скромностью и идеально-философскимъ взглядомъ на вещи, ему трудно не «возмечтать» предъ совершенно наглядными фактами небывалаго отечественнаго прогресса. Всего полвѣка назадъ—нѣмцы почти только этнографическiй терминъ, самое большее—нацiя мыслителей и поэтовъ, очень хорошо освѣдомленная въ области голубого неба и причины всѣхъ причинъ,—но ничего не понимающая въ государственной политикѣ, въ настоящее время, это — Германская имперiя, одна изъ самыхъ могущественныхъ, политическихъ и самыхъ дѣятельныхъ экономическихъ державъ всего мiра. И всѣ эти успѣхи, повидимому, только еще вступаютъ на открытый широкiй путь. Блестящее будущее должно принадлежать генiю того народа, который обнаружилъ такой громадный запасъ духовныхъ, раньше даже неподозрѣваемыхъ силъ.

Стоитъ только взглянуть на изображенiя замѣчательныхъ людей, украшающiя нашу ученую книгу, чтобъ судить о количествѣ и качествѣ талантовъ, затраченныхъ на нѣмецкiй прогрессъ девятнадцатаго вѣка. Какое разнообразiе и глубина психологiи, какая разносторонность способностей, сосредоточенная работа отвлеченной мысли и самоотверженная рѣшительность практической воли! Настоящая галлерея героевъ мысли и дѣла. Она вызывала бы изумленiе отдаленнѣйшихъ поколѣнiй, даже если бы идеи и намѣренiя остались неосуществленными...

Первая фигура, открывающая новый вѣкъ, *Гёте* и послѣдняя—*Нитче*. Трудно представить два лица, столь несходныхъ, столь краснорѣчиво говорящихъ о великомъ преобразованiи не идей только, а самыхъ натуръ среди одного и того же народа. Принесло ли людямъ это преобразованiе новое счастье, приблизило-ли оно ихъ къ истинѣ — врядъ ли кто рѣшится отвѣтить на эти вопросы безусловно утвердительно или отрицательно. Но что—понятiя о счастьѣ и истинѣ измѣнились чрезвычайно, до неузнаваемости—это несомнѣнно.

Какая эффектная и импонирующая фигура! Въ рукахъ листы бумаги съ какими то стихами, большiе до глубокой старости прекрасные глаза устремлены куда-то въ сторону,—можетъ быть на благоговѣйно внимающаго слушателя, а можетъ быть и просто *туда*, откуда навѣяны поэту чудной силой вдохновенiя эти самые стихи. Не все ли равно! На дѣйствительность можно смотрѣть такъ же поэтически и художественно, какъ и въ самую глубь вещей и вторую часть Фауста съ таинственнѣйшими героями и неразгаданными идеалами можно сочинять въ такомъ же свѣтломъ *неземномъ* состоянiи духа, какое подсказало поэту столь красивое умиротворенiе даже самыхъ тяжелыхъ несчастiй сверхъестественной властью вѣчно-женственнаго».

Говорятъ,—это взглядъ Юпитера, вся осанка напоминаетъ нѣчто божественное, сверхчеловѣческое и, напримѣръ, поэту Гейне—не то искренно, не то для красоты стиля — казалось, будто рядомъ съ подобнымъ смертнымъ непремѣнно гдѣ-нибудь пососѣд-

ству долженъ имѣться орелъ... Счастливый обладатель величественно спокойныхъ большихъ глазъ!

Теперь взгляните на другой портретъ... Нитче въ настоящее время неизлѣчимо больной, утратившій даже даръ слова и всякое сознательное представленіе о внѣшнемъ мірѣ и о своемъ собственномъ состояніи. И глядя на его изображеніе, вы не удивляетесь такому результату. Этотъ человѣкъ никогда не былъ здоровъ, и не могъ быть. Посмотрите, какъ нервно, въ какомъ застывшемъ неловкомъ движеніи сжаты его руки съ хрупкими, очевидно, необыкновенно подвижными пальцами. Посмотрите, сколько невыразимой мучительной угнетенности во всей фигурѣ, а главное—какая безысходная, до слезъ страдальческая дума свѣтится въ неподвижно устремленныхъ глазахъ! И эта своеобразная складка вокругъ рта! Она должна была врѣзаться послѣ безсильныхъ привычныхъ ощущеній нестерпимой душевной боли, безплодныхъ поисковъ успокоительной идеи, нестерпимой жажды какого-нибудь хотя бы призрачнаго, но гармоническаго, вдохновляющаго образа.

Здѣсь и намека нѣтъ на орлиные взоры и юпитеровскія манеры, и никакой кривляющійся романтикъ не сталъ бы разыскивать у ногъ этого человѣка миѳологическихъ птицъ. Мука и истома духа слишкомъ реальны, чтобы при видѣ ихъ можно было пускаться въ художественныя, всегда жизнерадостныя фантазіи.

И все-таки между «Олимпійцемъ» изъ Веймара и безумнымъ «сверхъ-человѣкомъ» лежитъ непрерывная цѣпь фактовъ и идей. Это не случайныя, другъ отъ друга независимыя явленія: это моменты одного и того же процесса... Какимъ же движеніемъ—глубокимъ и энергичнымъ—долженъ обладать процессъ, чтобы на пространствѣ нѣсколькихъ десятилѣтій создать такихъ два контраста!

А въ промежуткѣ не менѣе яркія и оригинальныя фигуры,—до такой степени сильныя и самобытныя, что исторія народа будто начертана на ихъ лицахъ.

Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ самыхъ громкихъ всеевропейскихъ пророковъ философіи. Это наименѣе рѣзкое, типичное лицо. Только его, кажется, и можно забыть изо всей этой галлереи. Не то чиновникъ, не то просто обыватель съ самоувѣреннымъ, но тусклымъ взглядомъ, съ безличнымъ, сѣрымъ выраженіемъ физіономіи, съ оттѣнкомъ какой то искусственной твердости въ складѣ губъ, будто упорнаго желанія выдать нѣчто недосказанное—за истинное, нѣчто смутное—за вполнѣ очевидное. Такъ смотрятъ люди, знающіе за собой нѣкоторую неопредѣленность и подозрительную разносторонность мысли и ловко отождествляющіе *смуту съ глубиной*.

Это Гегель, отуманившій умы пылкихъ поколѣній двусмысленнѣйшей философской идеей, какая только была брошена съ профессорской каѳедры въ среду алчущихъ высшей истины. Это философъ, одинаково послѣдовательно явившійся родоначальникомъ—*правой* и *лѣвой*, апостоломъ прусскаго казарменнаго государства и германскаго романтическаго радикализма. Это—учитель, вызвавшій къ жизни идейную семью двухъ взаимно непремиримыхъ расъ—бѣлой и красной... Къ какой онъ принадлежалъ самъ,—вы не опредѣлите по его философской внѣшности такъ же, какъ не

вычитаете вполнѣ ясно и изъ его произведеній. Но зато философъ «разумной дѣйствительности» можетъ считаться послѣднимъ представителемъ національныхъ теоретическихъ тумановъ,—будущее принадлежало, можетъ быть, людямъ менѣе глубокимъ, но зато до послѣдней степени осязательныхъ истинъ.

Бисмаркъ—такой же контрастъ Гегелю, какъ Нитче—Гёте. Каждая черта до такой степени характерна, что дѣйствительно каррикатуристы могли рисовать эту голову однимъ почеркомъ пера. Такія лица не формируются, а прямо отливаются въ лабораторіи природы, потому что они—самое совершенное и рѣзкое выраженіе одной неограниченно господствующей идеи и воплощеніе непремѣнной воли—осуществить идею. И Бисмаркъ, по выраженію Циглера, ознаменовалъ собой эпоху *волюнтаризма*, т. е. эпоху *воли*, какъ преобладающей человѣческой способности. Онъ—самъ великій реалистъ—превративъ—говоритъ все тотъ же авторъ—и нѣмцевъ въ реалистовъ, вылѣчилъ ихъ отъ поэтическаго идеализма и изъ *народа* создалъ *государство*.

Но никакой реализмъ и самое мощное практическое творчество не помѣшали процвѣтать идеологамъ,—и какимъ еще! Предъ нами Гегель—безобидный производитель маловразумительныхъ цеховыхъ сочиненій. Его личные критическіе таланты—совершенно безопасны даже для провинціальнаго мѣщанскаго благополучія, а діалектика, витающая въ недостягаемыхъ областяхъ чистаго отвлеченія, свободно можетъ соревновать схоластикѣ по своему равнодушію къ реальной дѣйствительности или по своей способности сообщать ей самыя двусмысленныя философскія освѣщенія и оправданія. Наконецъ, для гегельянской діалектики природа—предметъ недостойный вниманія. философъ долженъ углубляться въ область человѣческаго духа, только здѣсь дѣйствительно-разумное, а внѣшній естественный міръ—хаосъ случайностей, не заслуживающихъ осмысливанья.

Но вотъ предъ нами также діалектики и даже изъ гегелевской школы,—и какой ужасъ и трепетъ распространяетъ кругомъ ихъ критика! Одинъ—ученый богословъ, другой экономистъ. Въ предметахъ изслѣдованія нѣтъ ни малѣйшаго сходства, но пріемы изслѣдователей—безусловно родственны. Они одинаково разрушительны для противорѣчій, накопленныхъ старой исторіей и старой политической экономіей, и трудно сказать, какая книга глубже потрясаетъ «олимпійцевъ, и бюргеровъ, и стражей сіона»—политическаго и нравственнаго—*Жизнь Іисуса* Штрауса или *Капиталъ* Маркса!

Какое краснорѣчивое лицо у Штрауса! Бритое, острое, пронизанное тонкимъ выраженіемъ скептицизма. Онъ читаетъ книгу и вы видите,—отъ этого пристальнаго, прирожденно-недовѣрчиваго взгляда не укроется ни одна фальшивая черта. Онъ, кажется, уже наслѣдилъ автора, проникъ въ смыслъ его заблужденій или уловокъ: ему нужно только еще нѣсколько фактовъ, и книга будетъ уничтожена—спокойно, шагъ за шагомъ, съ неотразимой силой логики и будто ножомъ проанатомированныхъ фактовъ. Если потребуется,—тотъ же ножъ будетъ обращенъ и на выводы его—самого критика, и Штраусъ не побоится по нѣскольку разъ мѣнять свои толкованія фактовъ,—его идеи и

знанія также во власти этого безпощадно-проникающаго взора, знающаго только одну цѣль и одинъ предѣлъ—истину.

Еще болѣе опасный врагъ—Марксъ, потому что для его критики существуетъ граница и на этой границѣ анализъ уступаетъ мѣсто чисто-религіозному прорицательству, пророчеству, самоувѣренному до полнаго восторга предъ своимъ творчествомъ. Лицо—почти не индивидуальное: это скорѣе типъ, чѣмъ личность. Ни одной рѣзкой выдающейся черты, ни одной изъ тѣхъ чертъ, которыя выдѣляютъ человѣка изъ тысячи. Такія лица должны быть у людей философской силы, совершенно опредѣленнаго теоретическаго направленія. Рѣзкія черты налагаются великими напряженіями практической воли, сложной жизненной борьбой. Потому такъ рельефно, *неизгладимо* лицо Бисмарка. Отвлеченный мыслитель какого бы то ни было таланта не можетъ переживать такихъ страстныхъ волненій, не можетъ безпрестанно, день за днемъ отражать на своемъ лицѣ столько разнообразнѣйшихъ впечатлѣній и воспринимать столько глубокихъ ощущеній гнѣва или благоволенія въ столкновеніяхъ съ враждой или сочувствіемъ. И Марксъ—преимущественно сила теоретическая, книжная, кабинетная, но сила, направленная не на гегельянскіе вопросы высшаго познанія, а на самые реальные, рѣшительно для всѣхъ осязательные факты. Діалектика на почвѣ экономическихъ отношеній могла привести къ выводамъ, не вполнѣ соотвѣтствующимъ діалектикѣ самой дѣйствительности, но ея критическая, разлагающая сила не становилась отъ этого менѣе внушительной, а основной принципъ даже выигрывалъ въ цѣльности и въ чисто-религіозномъ догматическомъ значеніи.

Такъ именно и случилось съ марксизмомъ. Его отвлеченная истина стала лицомъ къ лицу съ реальнымъ фактомъ, т. е. соціалъ-демократизмъ—съ бисмарковской имперіей. Пусть въ истинѣ не мало слабыхъ и уязвимыхъ сторонъ, но въ ней таится одна власть, непреодолимая даже для бисмарковскаго реализма. Истина будто новое благовѣстіе идетъ на встрѣчу новымъ рабамъ и «варварамъ», обѣщая имъ спасти ихъ человѣческое достоинство отъ господъ и римскихъ гражданъ христіанскаго міра.

Достаточно и этихъ именъ и лицъ, чтобы судить о громадности умственной работы, выполненной и неутомимо выполняемой германской націей девятнадцатаго вѣка. Можно ли въ настоящее время, въ самый разгаръ великихъ движеній, предъ еще свѣжимъ и личнымъ обояніемъ дѣятелей, разсчитывать на справедливый судъ исторіи, тѣмъ болѣе, что и историкъ долженъ быть здѣсь особенный? Разсудить тяжбу между Бисмаркомъ и соціалъ-демократіей можетъ только ученый, одинаково тщательно вникшій и въ блестящіе успѣхи національной внѣшней политики и въ печальныя сопутствующія явленія внутренней народной жизни. Какая же должна быть разносторонность живыхъ интересовъ и въ тоже время какой мудрый и всесторонній взглядъ на человѣческія дѣла и страсти!

II.

Страсбургскій профессоръ выполнилъ свою задачу въ самомъ трудномъ отношеніи—успѣшно, именно какъ патріотъ, разсуди-

тельный и просвѣщенный. Французская печать встрѣтила его книгу одобрительно,—доказательство, что книга написана въ культурномъ тонѣ, мало того, книга свободна отъ національнаго самохвальства и вызывающаго оптимизма, столь свойственнаго скороспѣлымъ героямъ и побѣдителямъ. Французская печать постаралась указать именно на весьма сдержанныя чувства профессора, касательно благоденствія Германіи. Страна милліардовъ стоитъ въ настоящее время предъ множествомъ тягостныхъ задачъ внутренней политики, для нѣкоторыхъ изъ этихъ задачъ не предвидится даже въ отдаленномъ будущемъ удовлетворительнаго рѣшенія. Слава и богатство не поставили Германіи въ привилегированное положеніе, сравнительно съ ея побѣжденнымъ врагомъ, и это обстоятельство, разумѣется, проливаетъ бальзамъ на французское сердце.

Нѣмецкій ученый, дѣйствительно, не скрываетъ грозной смуты стремленій и идеаловъ, одолѣвающей единую Германію. Смута, конечно, отнюдь не свидѣтельствуетъ объ опасности для національнаго бытія страны, напротивъ, она можетъ только доказывать богатую духовную жизненность организма, съ напряженіемъ силъ вырабатывающаго новыя способности при новыхъ политическихъ и соціальныхъ условіяхъ. Но подчасъ борьба кажется безвыходной и само единство, столь давно желанное и цѣною такихъ жертвъ созданное, ставится на карту именно самыми прогрессивными борцами.

Авторъ—восторженный защитникъ этого единства. Недаромъ онъ профессоръ *Страсбургскаго* университета: его политическій символъ вѣры—прусскій и централистскій до послѣдней степени. Онъ готовъ на всѣ уступки предъ своими читателями. Онъ готовъ подвергнуться какой угодно критикѣ, заранѣе признаетъ особенную субъективность той части своего труда, гдѣ ему приходится говорить о современныхъ событіяхъ. Но отъ этого признанія лиризмъ профессора не понижается ни на одну ноту, въ его гимнахъ Бисмарку. И грѣхъ былъ бы невеликъ, если бы гимны канцлеру не имѣли своего рикошета, чрезвычайно сильнаго, именно не вдохновляли историка на препирательства съ соціалъ-демократами, исключительно какъ противниками объединителя Германіи.

Циглера можно признать отчасти націоналъ-либераломъ, т. е. сторонникомъ гуманитарной внутренней политики, въ предѣлахъ постепенности, и защитникомъ національной внѣшней силы, вплоть до колоніальныхъ приключеній. Слѣдовательно, въ парламентѣ профессоръ удовольствовался бы весьма скромной программой реформъ, безъ малѣйшаго намека на красный цвѣтъ, вообще онъ пошелъ бы за Бисмаркомъ,—съ однимъ исключеніемъ. Циглеръ—настоящій германскій ученый, стараго историческаго закала, ученый, твердо вѣрующій въ нравственное достоинство идеи, не допускающій рабства духа въ вопросахъ мысли и знанія. Для него свобода идейной борьбы—неприкосновенный капиталъ культуры, и на этотъ капиталъ не въ правѣ посягать даже самъ великій Бисмаркъ.

Авторъ ставитъ канцлера рядомъ съ Лютеромъ, Фридрихомъ II и Гете: только четырехъ дѣйствительно великихъ людей имѣла Германія, и Бисмаркъ вмѣстѣ съ Лютеромъ—на первомъ мѣстѣ: оба они возродили Германію, одинъ въ религіозномъ, другой въ

политическомъ смыслѣ, и Бисмаркъ является совершеннѣйшимъ представителемъ нѣмецкаго національнаго генія, даже единственнымъ сильнымъ человѣкомъ нашего времени: послѣ его смерти ни на скамьяхъ министровъ, ни въ парламентѣ уже нѣтъ больше настоящихъ личностей. Авторъ, наконецъ, согласенъ съ Гегелемъ, что великій человѣкъ, *герой вполнѣ*, долженъ умѣть презирать общественное мнѣніе и идти своимъ путемъ къ осуществленію задачъ своего времени. Бисмаркъ, разумѣется, больше чѣмъ кто-либо умѣлъ презирать именно общественное мнѣніе, и авторъ считаетъ эту способность вѣрнѣйшимъ доказательствомъ его величія.

Но на дѣятельности Бисмарка существуютъ пятна: авторъ согласенъ признать ихъ, но остерегается оцѣнить ихъ по достоинству. Бисмаркъ боролся противъ соціалъ-демократіи оружіемъ насилія и гоненій, т. е. исключительными законами. Авторъ сѣтуетъ на такой способъ борьбы съ политической партіей. «Соціализмъ, — говоритъ онъ, — міросозерцаніе, наука и вѣра одновременно, поэтому его можно одолѣть только оружіемъ духа или совсѣмъ нельзя одолѣть». И когда исключительные законы не были возобновлены въ 1890 году, Циглеръ считаетъ этотъ фактъ «счастьемъ и благословеніемъ» для страны, «великимъ очищеніемъ воздуха»: явилась возможность вздохнуть послѣ тяжкаго гнета...

Истинно профессорская рѣчь! Но она, къ сожалѣнію, остается безъ послѣдствій, нисколько не вліяетъ на общую оцѣнку бисмарковскаго государственнаго генія. А между тѣмъ исключительное германское законодательство противъ соціалъ-демократіи едва ли не самая грубая политическая ошибка во внутренней политикѣ всей западной Европы новаго времени. Ни на какую мѣру не возлагалось такихъ смѣлыхъ надеждъ, ни одна мѣра не противорѣчила съ такой поразительной очевидностью самымъ основамъ культурнаго общественнаго развитія, и въ тоже время ни одна мѣра такъ жестоко не обманула разсчетовъ изобрѣтателя и не послужила такъ благотворно интересамъ преслѣдуемыхъ. Соціалъ-демократія украсилась вѣнкомъ мученичества, выработала громадныя средства борьбы, закалила свои силы и превратилась въ истинно народную и національную партію даже по количеству своихъ сторонниковъ среди избирателей. А Бисмаркъ въ результатѣ пріобрѣлъ непримиримаго врага не только для себя лично, но и для своего историческаго дѣла, т. е. для германскаго единства съ императоромъ Гогенцоллерномъ во главѣ. Соціалъ-демократы не признаютъ національнаго характера въ существующей имперіи и не видятъ германскаго народнаго вождя въ лицѣ прусскаго короля. Исключительные законы освятили это положеніе партіи и произвели, по выраженію автора, разрывъ въ «наилучшемъ и драгоцѣннѣйшемъ чувствѣ» нѣмцевъ. Соціалъ-демократы отвергаютъ все, что̀ именуется «національнымъ»: это—партія международная, систематически враждебная всѣмъ стремленіямъ имперскаго правительства поддержать и расширить политическое вліяніе единой Германіи. И всѣмъ извѣстно, съ какой жестокостью соціалъ-демократическая газета *Впередъ* встрѣтила смерть Бисмарка. Либкнехтъ и теперь остался неумолимъ: онъ не признавалъ величія своего врага, даже засыпаннаго могильной землей...

Это очень больно для сердца нѣмецкаго патріота, и нашъ авторъ впадаетъ въ трогательный похоронный лиризмъ. Гораздо цѣлесообразнѣе было бы остаться на почвѣ логики и политики и бросить достойный свѣтъ на идеальнаго выразителя національнаго германскаго духа. Авторъ всѣми силами бережется отъ этой крайне непріятной обязанности. Онъ спасаетъ свой бисмарковскій культъ во всей неприкосновенности, даже и приклоняясь предъ императоромъ Вильгельмомъ I и негодуя на неприличную газетную полемику, завязавшуюся вокругъ имени Фридриха III. Вѣдь не могъ же не знать авторъ, что̀ такое представлялъ изъ себя старый Вильгельмъ на взглядъ Бисмарка и какія чувства питалъ канцлеръ къ несчастному либеральному кронъ-принцу, позже девяностодевятидневному императору? Все это весьма непослѣдовательное благоговѣніе предъ Вильгельмомъ I никакъ не мирится съ уничтожающими отзывами Бисмарка о своемъ повелителѣ, и если ужъ подвергать порицанію нѣмцевъ, нападавшихъ на «англичанку», супругу Фридриха, то первое мѣсто слѣдуетъ, по всей справедливости, оставить за Бисмаркомъ.

Но, очевидно, авторъ не желаетъ своими чувствами подчеркивать національнаго разрыва, столь его огорчающаго. Для него Бисмаркъ, геній sans frases, и его непозволительно трогать, даже доказывая великое растлѣвающее вліяніе на нѣмецкій народъ его излюбленнѣйшихъ политическихъ созданій.

Таковъ, несомнѣнно, милитаризмъ.

Въ высшей степени любопытно слѣдить за настроеніями автора, въ этомъ вопросѣ. Профессоръ находитъ извѣстныя хорошія стороны въ прусской солдатчинѣ и думаетъ, будто онъ въ этомъ случаѣ одного вкуса съ нѣмецкимъ народомъ. Онъ пре наивно воображаетъ, будто этотъ народъ съ полнымъ удовольствіемъ въ 1877 году встрѣтилъ военные проекты правительства. Авторъ рѣшительно желаетъ забыть, какими средствами Бисмаркъ получилъ большинство въ новомъ рейхстагѣ послѣ распущенія стараго, вообще нашъ историкъ не единымъ словомъ не намекаетъ на классическіе пріемы канцлера: запугивать, одурачивать, доводить до головокруженія бѣднаго бюргера всякій разъ, когда требовались новые кредиты на военныя силы имперіи. Самъ же авторъ немного раньше одной изъ причинъ соціалъ-демократическихъ успѣховъ въ народѣ призналъ всеобщій ужасъ бѣдняковъ предъ военными налогами деньгами и кровью.

Можно ли послѣ этого восхищаться «воинственными наклонностями», овладѣвшими всей Германіей, благодаря всеобщей воинской повинности? Можно ли на мѣстѣ профессора сочувствовать восторгамъ уличной толпы при видѣ солдатъ въ полной парадной формѣ? Можно ли, наконецъ, военной дисциплинѣ приписывать развитіе чувства чести въ народѣ, особой внѣшней мужественности и ловкости? И всему этому приписывать *воспитательное* значеніе!..

Правда, непосредственно за этой одой «Черному Орлу» и крупповской пушкѣ слѣдують оговорки, но достаточно, что ученый и одинъ изъ самыхъ достойныхъ пастаролвъ призналъ необходимымъ насколько возможно облагородить жесточайшій недугъ германской внутренней жизни, недугъ, Германіей созданный и ею же распространенный на всѣ другія европейскія дер-

жавы. Это тѣмъ болѣе странно, что авторъ самъ же себя уничтожаетъ, перечисляя нравственныя бѣдствія воинственнаго нѣмецкаго народа. Оказывается, военная обязательная жесткость нравовъ распространилась и на гражданскія отношенія, патріотическое фразёрство и забіячество, неукротимый зудъ поднимать безсмысленный запальчивый вой, по всякому случаю, наклонность бывшихъ служакъ свое военное званіе цѣнить выше гражданскаго, напримѣръ, офицерскій чинъ въ запасѣ—выше положенія учителя, всюду вносить военную выправку, казарменную рѣзкость обращенія, быструю энергичную расправу съ бюргеромъ, все равно какъ съ солдатомъ... Все это нѣмецкую армію превращаетъ въ своего рода особую расу, въ высшей степени безпокойную и даже ненавистную для гражданскихъ сословій. На югѣ, напримѣръ, уже образовалась цѣлая пропасть между военщиной и горожанами. Баварецъ и швабъ считаютъ истинной язвой египетской прусскую муштру и смотрятъ какъ на непріятелей и иностранцевъ на профессоровъ и воспитанниковъ прусскаго фронта.

Естественно, эти чувства не помогаютъ скрѣпленію единства и ими чрезвычайно искусно пользуются вожди соціалъ-демократіи.

Время отъ времени на свѣтъ Божій всплываютъ подвиги казарменныхъ педагоговъ, вплоть до смертныхъ побоевъ и насильственныхъ смертей солдатъ. Тогда Бебель создаетъ «большой день» въ рейхстагѣ и министерству приходится жутко, даже при всемъ блескѣ нѣмецкаго оружія въ прошломъ и въ возможномъ будущемъ.

Но жестокими нравами не ограничивается растлѣвающее вліяніе милитаризма. Недугъ идетъ гораздо глубже и грозитъ подорвать самыя основы современной гражданственности. Духъ подчиненія, угодливости начальству, безприкословнаго послушанія изъ казармъ распространяется на все чиновничество, а отсюда и на взаимныя отношенія, вообще принципаловъ и кліентовъ. Раболѣпіе и византизмъ пускаютъ глубокія корни въ гражданской жизни Германіи, несмотря на конституцію и на всеобщую подачу голосовъ. Чувство гражданскаго достоинства притупляется и уступаетъ мѣсто понятіямъ военной части. Безпрестанно возникаютъ дикія столкновенія изъ-за пустяковъ, изъ-за пошлыхъ недоразумѣній въ пивныхъ и на улицахъ, слѣдуютъ дуэли или просто драгуны хватаются за ножи. Ни то ни другое, разумѣется, никогда не возстанавливало ничьей чести, но при извѣстномъ одичаніи культурнаго общества дуэль считается признакомъ рыцарственности и благородства. Германскіе суды кромѣ того крайне снисходительно относятся къ подобнымъ проявленіямъ воинскаго духа и слабыми наказаніями виновныхъ еще больше раздражаютъ мирныхъ обывателей и распространяютъ превратныя представленія о человѣческомъ достоинствѣ въ глубь всей націи.

Авторъ прекрасно понимаетъ значеніе этихъ фактовъ, но у него будто не хватаетъ мужества взглянуть на нихъ, какъ на *послѣдствія* извѣстнаго порядка вещей. Самая наглядная логика должна бы побудить историка привести въ связь военную славу и міровое могущество Германіи съ пониженіемъ идеалистическаго и даже просто культурнаго уровня ея народа. Нашъ ученый предпочитаетъ славу и пониженіе разсматривать, какъ

отдѣльные факты, въ одномъ случаѣ давать свободу своему патріотическому чувству, въ другомъ—сѣтовать и негодовать, не безъ примѣси, все-таки, смягчающихъ и утѣшительныхъ соображеній. Такія соображенія въ вопросѣ о милитаризмѣ показываютъ, какъ неограниченно властно бисмарковское національное воспитаніе упрочилось къ концу вѣка даже надъ наиболѣе просвѣщенными и гуманными умами.

Можетъ быть, самъ авторъ сознавалъ, до какой степени онъ захваченъ общимъ теченіемъ и именно о своихъ чувствахъ относительно Бисмарка и національной внѣшней политики говорилъ, какъ о «субъективныхъ» увлеченіяхъ. Мы видимъ, они несомнѣнны. Но, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ признать за современнымъ гражданиномъ объединенной Германіи рѣдкую скромность. Можно смѣло поручиться, англичанинъ или французъ на мѣстѣ страсбургскаго профессора не пожалѣлъ бы красокъ и знаковъ восклицанія ради любви къ отечеству и народной гордости, потому что—снова повторяемъ—новѣйшая исторія Германіи безпримѣрна по своему внѣшнему блеску и по богатству духовныхъ силъ, обнаруженныхъ всѣми сословіями и состояніями націй.

III.

Если бы потребовалось художественно и въ то же время правдиво опредѣлить историческую роль нѣмцевъ среди другихъ народовъ западной Европы, наилучшее опредѣленіе могло бы дать извѣстное поэтическое сказаніе о раздѣлѣ земли. Поэтъ явился на раздѣлъ позже другихъ, и ему пришлось удовольствоваться однимъ голубымъ небомъ, т.-е. своей способностью вдохновляться красотой и гармоніей божьихъ созданій и находить счастье въ своемъ вдохновеніи.

Нѣмцы до нынѣшняго столѣтія усердно соревновали этому поэту. Еще Лютеръ въ своемъ знаменитомъ обращеніи къ дворянству германской націи сѣтовалъ на единственную въ мірѣ политическую наивность и безпомощность соотечественниковъ: ни въ комъ папа не имѣлъ болѣе послушныхъ и простодушныхъ овецъ и никто не чувствовалъ себя въ болѣе идиллическомъ невѣдѣніи и смиреніи передъ всѣми часто поразительно-откровенными изобрѣтеніями римской церковной власти.

Въ области религіозной совѣсти Лютеръ покончилъ съ этимъ унизительнымъ порядкомъ, но политическое сознаніе нѣмцевъ еще на цѣлые вѣка осталось въ состояніи истинно-младенческаго прекраснодушія. Въ настоящее время могутъ показаться невозможными настроенія первостепенныхъ талантовъ Германіи, касавшихся иногда, совершенно случайно, политическихъ вопросовъ.

Повидимому, нельзя и представить ничего доступнѣе и первобытнѣе чувства патріотизма. Оно свойственно даже варварскимъ народамъ, и вотъ оно-то именно было неизвѣстно нѣмецкимъ геніямъ еще въ XVIII вѣкѣ. Самый энергичный изъ нихъ—несомнѣнно Лессингъ. Онъ пророкъ національной литературы, убѣжденный врагъ иноземныхъ вліяній, но все это въ предѣлахъ художественнаго творчества. Лессингъ прекрасно знаетъ нѣмецкій *народъ* и не имѣетъ представленія о нѣмецкомъ государствѣ. Онъ неутомимый защитникъ самобытности родного языка и его поэти-

ческой силы, но для него не существуетъ идеи о гражданскомъ достоинствѣ нѣмца и онъ даже не подозрѣваетъ, чтобы политическіе интересы непремѣнно могли входить въ умственный кругозоръ хотя бы самаго просвѣщеннаго писателя и мыслителя. Патріотизмъ въ его глазахъ—нѣчто въ родѣ предразсудка, простонароднаго суевѣрія, и разносторонне развитой умъ долженъ стоять выше узкихъ чувствъ и воззрѣній, обусловленныхъ извѣстными границами государства.

Когда Лессингъ разсуждалъ въ такомъ духѣ, Германія была свидѣтельницей величайшихъ государственныхъ успѣховъ Пруссіи. Дѣятельность Фридриха II могла пробудить самый вялый политическій инстинктъ и создать патріотизмъ.

Нѣчто подобное дѣйствительно произошло. Фридрихъ нашелъ горячихъ поклонниковъ среди нѣмецкихъ литераторовъ, между прочимъ, въ лицѣ того же Лессинга.

Поклоненіе свидѣтельствовало о большомъ самоотверженіи: прусскій король не скрывалъ полнѣйшаго равнодушія и даже пренебреженія къ нѣмецкой литературѣ, философіи и даже къ нѣмецкому языку. И несмотря на этотъ общеизвѣстный фактъ, Фридрухъ оказался первымъ и единственнымъ предметамъ нѣмецкихъ патріотическихъ восторговъ. Именно единственнымъ, т.-е. онъ *лично*, а не его государсто, сосредоточилъ на себѣ національное вниманіе. Онъ, какъ герой, а не какъ политическій дѣятель, не какъ король, привелъ въ восторгъ самого Гёте. Авторъ Фауста свое патріотическое настроеніе называлъ *фридриховскимъ fritzisch gesinnt*. Такихъ патріотовъ развелось по всей Германіи достаточное количество, но, въ сущности, это былъ все тотъ же поэтическій культъ личности, героизма, культъ, вполнѣ совпадавшій съ идеалами современной литературной школы—романтизма. Политическое сознаніе не принимало здѣсь никакого участія, и фактъ явился совершенно очевиднымъ, когда на сцену выступилъ герой иноземный и даже враждебный нѣмецкому отечеству.

Ни одна цивилизованная страна не знаетъ въ своемъ прошломъ болѣе страннаго, можно сказать, противоестественнаго нравственнаго явленія, чѣмъ нѣмецкій культъ Наполеона. Даже въ самомъ отсталомъ европейскомъ государствѣ, въ Россіи, французскій императоръ, даже задолго до нашествія двѣнадцатаго года, встрѣтилъ судъ, въ полномъ смыслѣ политическій. Напримѣръ, *Вѣстникъ Европы*, журналъ болѣе чувствительнаго, чѣмъ идейнаго направленія, сумѣлъ все-таки отдать себѣ ясный отчетъ въ нравственномъ и культурномъ смыслѣ личности и власти Бонапарта.

Въ Германіи—ничего подобнаго какъ разъ на самой вершинѣ современной интеллигенціи. Восторженное удивленіе, какое Гёте питалъ къ Наполеону, не только явленіе не исключительное, а даже національное, своего рода мотивъ нѣмецкой поэзіи и мысли. Гёте былъ все-таки поэтъ и могъ увлечься Наполеономъ, какъ эстетикъ, увлечься его необыкновенной сказочной судьбой, его, дѣйствительно, необыкновенной личностью. Но Гегель, напримѣръ, не обладалъ никакими художественными талантами, діалектическій процессъ мысли менѣе всего располагаетъ къ игрѣ воображенія, наконецъ, Гегель, философъ государственнаго права въ его историческомъ развитіи, кажется, все это могло бы изо-

щрить его нѣмецкій взоръ вполнѣ достаточно, чтобы оцѣнить государственный геній Наполеона и культурный смыслъ его завоеваній.

Вмѣсто всякой оцѣнки — лирическое изумленіе. Гегель не можетъ опомниться отъ чрезвычайнаго событія: онъ собственными глазами видѣлъ, какъ черезъ нѣмецкій городъ проѣзжалъ на лошади человѣкъ, настоящая «душа міра», *Weltseele*, съ одной точки, именно съ этой лошади, господствующая надъ вселенной.

Даже жесточайшія мѣры бонапартовскаго самовластія вродѣ казни книгопрадавца Пальма, долго не могли образумить зачарованныхъ нѣмцевъ. Пальмъ былъ казненъ, какъ нѣмецкій патріотъ, но нѣмецкіе чиновники, единомышленные съ Гёте, продолжали молиться на политическую мудрость французскаго императора. Съ точки зрѣнія бюрократіи и канцелярщины, Наполеонъ оказывался не менѣе великимъ, чѣмъ для политически-младенствующаго романтика. Одно изъ любопытнѣйшихъ культурныхъ явленій!

Два, повидимому, непримиримые контраста германской общественной жизни—чиновничья рутина и свободное чистое художество—одинаково легко подчинились менѣе всего національному и ужъ совсѣмъ не патріотическому повѣтрію и ихъ выспреннія чувства предъ деспотическимъ урядникомъ и удачливымъ героемъ не уступили даже естественнымъ ощущеніемъ стыда и горя за униженія родины... Къ счастью, не вся мыслящая Германія состояла изъ вдохновенныхъ олимпійцевъ и канцелярскихъ подвижниковъ. Оказалось не мало людей, почувствовавшихъ нестерпимую личную муку при видѣ поруганій надъ нѣмецкимъ народомъ и это столь простое чувство было источникомъ патріотическаго движенія и политическаго возрожденія Германіи.

Замѣчательнѣйшая черта этого переворота—руководящая роль науки. Германія, превращаясь въ практическую силу, не измѣнила своимъ національнымъ преданіямъ. Во главѣ новой эпохи стала наука, вождями явились не политики, не министры, а профессора и студенты, при чемъ университетское молодое поколѣніе шло впереди своихъ учителей. Современныя событія воспитали молодежь гораздо быстрѣе всякой школы и, можетъ быть, никогда въ теченіе всей нѣмецкой исторіи университеты не знали болѣе зрѣлыхъ и развитыхъ студентовъ, чѣмъ въ первые годы девятнадцатаго вѣка. Изъ среды студенчества выходили волонтеры, наполнявшіе армію. Они сражались въ первыхъ рядахъ за національную свободу, учились быть патріотами и политиками подъ огнемъ французскихъ легіоновъ. Война за независимость создала особую породу людей—мужественную, въ сильной степени мечтательную, но преисполненную восторженной любви къ родинѣ, къ германскому народу и къ его политическому *міровому* будущему.

Да, университетскій отвлеченный идеалистическій духъ вызвалъ именно такое представленіе объ историческомъ назначеніи германской расы. Можно сказать, еще вчера она занимала въ мірѣ одно изъ послѣднихъ мѣстъ: она, политически разрозненная, мѣщански-равнодушная или вдохновенно-простодушная, сегодня она должна стать во главѣ всѣхъ другихъ народовъ и повести ихъ по пути своего необыкновенно глубокаго и разносторонняго культурнаго развитія.

Такія притязанія должны бы казаться смѣшными и именно

такая память осталась бы за ними, если бы отважная мечтательность германской молодежи не соединялась съ великой, поистинѣ восторженной убѣжденностью въ правотѣ національныхъ идеаловъ. Это была вѣра въ полномъ смыслѣ слова,—вѣра, каждую минуту готовая на дѣла. Она профессоровъ превращала въ пророковъ, аудиторіи въ церкви, поэзію въ сплошной народный гимнъ, науку въ гражданскій подвигъ. Студенты изучали Тацита не какъ блестящаго писателя древности, а какъ лучшаго бытописателя германскаго народа. Они отряхали пыль вѣковъ съ хартій средневѣковыхъ лѣтописцевъ не ради ученаго объективнаго любопытства, не во имя своеобразнаго древняго стиля и первобытнаго освѣщенія и собиранія фактовъ, а въ цѣляхъ проникновенія въ сущность національныхъ историческихъ силъ, глубокаго изученія народнаго духа и особенно причинъ, помѣшавшихъ его политическому, жизненно-дѣятельному развитію. Исторія стала однимъ изъ самыхъ мощныхъ орудій патріотическаго чувства, снабдила патріотовъ безчисленнымъ множествомъ вдохновляющихъ выводовъ и текстовъ для политической проповѣди.

И новая дѣятельность мысли ученой и философской оказалась до такой степени стремительной, напряженно-чуткой, что она быстро перешла за предѣлы политическихъ идеаловъ и захватила область, еще болѣе глубокую: ей именно предстояло самое широкое поприще въ новомъ государствѣ.

Ученые политики будто невольно, безсознательно становились соціалистами и, попутно мечтая только о политической силѣ своего народа, высказывали идеи, предвѣщавшія будущее величайшее общественное движеніе новой Германіи.

Этимъ идеямъ пока не придавали должнаго значенія ни сами виновники, ни ихъ ученики, и только десятилѣтія спустя соціалъ-демократія должна будетъ въ числѣ своихъ предшественниковъ признать философа Фихте и педагога Песталоцци. Оба они горѣли чистѣйшей любовью къ народу, къ его умственному и матеріальному развитію, видѣли въ немъ основную силу государственнаго благополучія, въ его дарованіяхъ—единственный залогъ политическаго и культурнаго будущаго Германіи. Здѣсь не было систематическаго ученія, похожаго на позднѣйшія соціальныя теоріи, но идея «соціальной педагогики», всю жизнь проповѣдуемая Песталоцци, не могла остаться случайнымъ мимолетнымъ явленіемъ уже потому, что вопросъ объ образованіи и воспитаніи ставился на почву практической любви просвѣщенныхъ къ темнымъ, привилегированныхъ—къ низшимъ.

Въ настоящее время можетъ показаться едва вѣроятнымъ, отчасти даже забавнымъ, съ какой находчивостью и усердіемъ германская молодежь всюду открывала нужную для нея политику. Въ сочиненіяхъ Тацита, столь идеально разрисовавшаго древнихъ германцевъ, вполнѣ естественно было найти пищу патріотической страсти, но Гомеръ, повидимому, совершенно далекъ отъ всякой политики и не его поэмами зачитываться возродителямъ нѣмецкаго отечества въ XIX вѣкѣ.

Но, оказалось, и Гомеръ сослужилъ молодежи большую службу. Греческое возстаніе сообщило *Иліадѣ* современный интересъ, а такъ какъ греки боролись за національную свободу, стремились къ цѣли, общей съ нѣмецкими мечтателями, Гомеръ становился свя-

щеннымъ символомъ національной идеи, и древніе гекзаметры, въ первый разъ на памяти человѣчества, сливались съ глубокимъ политическимъ чувствомъ патріотовъ чужой страны.

Воодушевленіе было велико, идеализмъ часто не зналъ предѣловъ, но нельзя было безслѣдно цѣлому народу прожить вѣка въ политической апатіи и никакая сила не смогла бы надѣлить его, при какихъ угодно самоотверженныхъ чувствахъ, государственными талантами немедленно, лишь только ожили идеалы и заговорилъ патріотизмъ. Увлеченія молодежи, горячія проповѣди профессоровъ, даже солиднѣйшіе историческіе труды ученыхъ не могли въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мѣщанскую, чиновничью страну, подѣленную при томъ между десятками мелкихъ коронованныхъ деспотовъ, превратить въ свободное цѣльное государство. Идеалъ неограниченно возвышался надъ дѣйствительностью и ему неминуемо грозило разочарованіе. И оно повѣяло холоднымъ воздухомъ на пламенныя сердца еще раньше національныхъ германскихъ неудачъ. Еще французская іюльская революція привела въ смущеніе многихъ нѣмцевъ изъ числа самыхъ ученыхъ и просвѣщенныхъ.

Знаменитый историкъ Нибуръ горько оплакивалъ господство политики надъ другими умственными интересами современыхъ поколѣній. Ученому грезилось даже наступленіе варварства. И онъ боялся не за участь чистой учености и аристократическаго искусства, не за распаденіе стараго изящнаго, хотя и тунеяднаго міра, нѣтъ: Нибуръ сѣтовалъ на грядущую, по его мнѣнію, гибель свободныхъ учрежденій, свободы печати, водвореніе мертвящаго произвола.

До такой степени теоретическому, хотя бы и высшему уму казалось ужаснымъ всякое сильное общественное движеніе! Человѣкъ книги и кабинета никакъ не могъ освоиться съ мыслью, что и «улица», и «толпа» имѣютъ свою долю участія въ исторіи и что она не всегда дѣлается съ помощью тонкаго парламентскаго краснорѣчія и обработанныхъ министерскихъ бумагъ... Ученый нѣмецъ прятался отъ вѣяній новаго демократическаго духа, искавшаго новыхъ формъ политическаго бытія и новыхъ путей культурнаго прогресса.

Но Нибуръ приходилъ въ состояніе оторопи и грусти слишкомъ рано. Въ самой Германіи предстояло разыграться весьма бурнымъ событіямъ, революціи, революціоннымъ собраніямъ и даже революціоннымъ рѣшеніямъ—объединить Германію съ конституціей въ основаніи и съ императоромъ во главѣ. И всюду на первомъ мѣстѣ, дѣйствовали все тѣ же профессора и писатели. Они блистали знаніями, талантами, доброй волей, но у нихъ не было средствъ, привлечь невѣрующихъ къ вѣрѣ и сильныхъ заставить подчиниться: идея не имѣла за собой чисто-матеріальной внушительности. А эта внушительность все еще была необходима тамъ, гдѣ подавляющее большинство народа смотрѣло на объединеніе отечества и на конституціонную свободу, какъ на затѣи людей образованныхъ и ученыхъ, т. е. людей болѣе или менѣе «чужихъ» и непонятныхъ.

Идеалисты потерпѣли пораженіе, но не *идеи*. Такъ безпрестанно происходитъ въ человѣческой исторіи: личности страдаютъ и даже гибнутъ, но именно ихъ-то кровь и прахъ и удобряютъ

почву для ихъ дѣла. А задачи германскихъ мечтателей такъ естественно возникли изъ самой сущности національнаго прогресса, такъ логически отвѣчали всѣмъ доступной потребности, быть политически-сильнымъ народомъ, что вопросъ былъ только во времени осуществленія этихъ задачъ, и оно могло быть ускорено матеріальной властью.

Здѣсь—значеніе Пруссіи въ созданіи новой Германіи и, разумѣется, Бисмарка. Объединеніе провозгласили не профессора, а государи, не послѣ парламентскихъ преній, а въ заключеніе жестокой войны, но основа единой имперіи осталась профессорская, идеалистическая—конституціонная свобода даже со всеобщей подачей голосовъ. Такихъ результатовъ не создаетъ военная слава, напротивъ, сама по себѣ она склонна усилить гнетъ внутри своей страны и окрылить побѣдителей на побѣдительское отношеніе и къ своему отечеству. Профессоры могли гордиться полнымъ возстановленіемъ своей гражданской чести, когда послѣ разочарованій, послѣ періода реакціи, ихъ идеалы оказались торжествующими, конечно, не въ той чистой формѣ, въ какой они являлись умамъ самихъ мечтателей, но сѣтовать было не на что. Побѣду и безъ того слѣдовало считать великой, такъ какъ побѣжденнымъ оказался человѣкъ, громадной воли, фанатически-реакціонныхъ личныхъ сочувствій и только что достигшій предѣла своихъ честолюбивыхъ стремленій. Бисмаркъ, откровенный средневѣковый феодалъ, узаконялъ всеобщую подачу голосовъ: это равнялось французской ночи четвертаго августа, съ одной разницей—и опять въ пользу идеалистовъ. Въ ту знаменитую ночь большую роль игралъ энтузіазмъ, пожалуй даже аффектъ, вызванный революціонной бурей, здѣсь—вольности народа опредѣлялись спокойно, обдуманно, съ несомнѣнной настойчивой мыслью, урѣзать ихъ возможно больше. И все-таки, «молодая Германія» сороковыхъ годовъ могла воскликнуть «нынѣ отпущаеши!» Преобразовательной работы предстояло еще безконечно много, и именно потому, что было положено необыкновенно широкое основаніе и указана высокая цѣль, національному развитію вновь созданнаго политическаго общества.

IV.

Раньше чѣмъ это общество возникло, между идеалистами и практиками легло темное и жестокое десятилѣтіе—пятидесятые годы. Факты всѣмъ извѣстные, потому что постоянно и вездѣ они сопровождаютъ всѣ реакціонные періоды.

Правительства, перепуганныя университетскимъ движеніемъ, раздраженныя рѣчами и книгами профессоровъ, волненіями студентовъ, рѣшились покончить съ такимъ безпокойнымъ просвѣщеніемъ. Способъ, единственный и давно испытанный,—отдать народное образованіе въ распоряженіе духовенства, превратить всѣ школы въ семинаріи. Духовенство уже сумѣетъ сообщить имъ потребный духъ и воспитать новыя поколѣнія въ такихъ умственныхъ и образовательныхъ рамкахъ, что больше никакой философъ и историкъ не найдетъ аудиторіи для своего патріотическаго краснорѣчія.

Духовенство съ радостью откликнулось на призывъ свѣтской

власти, и пятидесятые годы навсегда укоренили въ нѣмецкомъ обществѣ убѣжденіе, что католическая и протестантская церковь, одинаково прирожденные враги политической свободы и независимой философской и гражданской мысли. Это убѣжденіе имѣло очень печальныя послѣдствія. Поверхностнымъ умамъ естественно было отождествить ту или другую церковь вообще съ религіей и на религіозное чувство вообще перенести вину только одного духовенства. Въ результатѣ, вражда противъ церкви переходила во вражду противъ религіи, возникалъ атеизмъ и его философскій руководитель и спутникъ—матеріализмъ.

Слѣдуетъ считать немалой заслугой автора выясненіе истиннаго культурнаго смысла матеріалистическихъ теченій. Если они искренни и послѣдовательны, они безусловно реакціонны, они враждебны не только идейной энергіи общества, но и его научному прогрессу. Они являются обыкновенно какъ симптомъ разочарованія въ идеализмѣ. Матеріалистическій принципъ—логическое отрицаніе творчества нравственныхъ силъ человѣка, приравненіе человѣческой природы къ *фатальному* продукту среды, внѣшнихъ условій. Поэтому матеріалисты въ философіи, если они послѣдовательны, всегда реакціонеры въ политикѣ и фаталисты въ исторіи. Краснорѣчивѣйшій примѣръ—Тэнъ, систематическій и безпощадный уродователь фактовъ и личностей по шаблонамъ матеріалистическаго міросозерцанія.

Нашъ авторъ заслуженно оцѣниваетъ эти шаблоны и доказываетъ, до какой степени они противорѣчатъ простѣйшимъ дѣйствительно научнымъ наблюденіямъ. Естествознаніе явилось самымъ опаснымъ врагомъ матеріализма, и русскимъ читателямъ очень поучительно слышать отъ нѣмца, какое мѣсто занимаютъ въ нѣмецкой *наукѣ* былые авторитеты русской публицистики—Бюхнеръ и Молешоттъ. Ничего не можетъ быть жалче научнаго капитала этихъ мыслителей и трудно представить болѣе несчастную жертву естественно-научной критики, чѣмъ авторъ книги *Сила и матерія*. Особенно жестокій ударъ нанесли ему химическія письма Либиха, доказавъ неотразимыми фактами и логикой школьническій диллетантизмъ матеріалистическихъ вѣроучителей.

Но пятидесятые годы, наслѣдовавшіе разгромъ идеаловъ сорокъ восьмого года, были вполнѣ благопріятны для самаго грубаго фаталистическаго воззрѣнія, вплоть до «каннибаловскаго» взгляда на всю исторію и человѣческую дѣятельность. Идеи—безсильны, безцѣльны, онѣ гибнутъ отъ непреодолимой физической силы, и она, эта сила, и есть единственная властительница людей и государствъ. Человѣкъ не творитъ и не уничтожаетъ, онъ только воспринимаетъ, отражаетъ и является математическимъ итогомъ, чисто физическихъ воздѣйствій на его физическій организмъ. Поэтому неизмѣримо важнѣе знать, какими веществами человѣкъ питается—мясомъ или картофелемъ, чѣмъ справляться, какія идеи ему внушаютъ и о какихъ идеалахъ онъ самъ мечтаетъ. «Человѣкъ только то, что̀ онъ ѣстъ», въ такой совершенно опредѣленной формой выразилась философія исторіи въ періодъ реакціи, произнося соотвѣтственные приговоры надъ цѣлыми народами и ихъ будущимъ.

Матерьялизмъ такъ же быстро утратилъ свое обаяніе, какъ и стяжалъ его. Уже въ шестидесятыхъ годахъ Бюхнера не чи-

тали, въ настоящее время о немъ можно говорить только какъ о рѣдкостномъ симптомѣ печальной безыдейной и безжизненной эпохи. Но отголоски матеріалистическихъ ученій не замолкли въ Германіи до настоящихъ дней и не могли замолкнуть.

Церковь оттолкнула отъ себя всѣ болѣе или менѣе свободныя общественныя силы. Она до такой степени усердствовала на службѣ реакціи, что даже въ народѣ могли отождествить ее со всѣми пережитками умственнаго мрака и политическаго гнета. Впослѣдствіи она измѣнила свою политику, такъ какъ сама попала въ положеніе гонимой, и духовенство—католическое и протестантское—возгорѣлось ревностью къ соціалистическимъ идеямъ. Но до объединенія страны церковь служила правительствамъ и высшимъ сословіямъ противъ народа и свѣтскаго народнаго просвѣщенія. За это время она создала себѣ множество непримиримыхъ враговъ, и они то дали самое большое количество послѣдователей матерьялистическому направленію, точнѣе, отрицательному отношенію къ религіи. Это, конечно, не то что цѣльная матеріалистическая система философіи но во всякомъ случаѣ одинъ изъ ея догматовъ.

Онъ остался въ програмиѣ новой соціалъ-демократіи при несомнѣнномъ сочувствіи рабочаго класса. Для рабочихъ—оппозиція церкви сливается съ протестомъ противъ вообще стараго привилегированнаго міра, а такъ какъ отдѣлить церковный вопросъ отъ религіозной идеи требуется незаурядная работа мысли,—естественно-противоцерковность рабочихъ нашла самое доступное удовлетвореніе въ матеріалистическомъ воззрѣніи.

Но атеистическая соціалъ-демократія полна дѣятельныхъ стремленій и нравственной силы. Здѣсь она не имѣетъ ничего общаго не только съ практическими выводами бюхнеровскаго ученія, но и съ культурными взглядами самого Карла Маркса. Матеріалистическое воззрѣніе на историческій процессъ, т. е. устраненіе идейной *творческой* способности личности, какъ одной изъ главнѣйшихъ силъ прогресса, исключаетъ логическое оправданіе для самодѣятельности, съ какой бы цѣлью она ни проявлялась. А между тѣмъ, соціалъ-демократы безпрестанно мѣняютъ общія культурно-экономическія основы своей партійной программы, т. е. даютъ пароли и лозунги чисто идеальнаго содержанія. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ послѣдователи Лассаля и Маркса находились въ жестокой междуусобной войнѣ: раздѣлялъ ихъ преимущественно принципъ національности, основной въ программѣ Лассаля и непримиримый съ международными задачами Маркса. Въ 1875 году въ Готѣ произошло примиреніе. Рабочее движеніе было признано международнымъ вопросомъ новаго времени, но усвоена и идея Лассаля объ участіи государства въ развитіи рабочихъ ассоціацій. Наконецъ, въ 1891 году, на съѣздѣ въ Эффуртѣ, программа снова была измѣнена: государственная помощь въ организаціи рабочаго класса была отвергнута и нѣкоторые основные принципы экономическаго ученія Лассаля, напримѣръ, желѣзный законъ заработной платы—были объявлены не выдерживающими критики. На смѣну его былъ провозглашенъ другой боевой принципъ: «армія безработныхъ», столь же фатальное явленіе при современномъ экономическомъ строѣ, какимъ Лассалю казался низшій уровень заработной платы.

Все это—*идейное творчество*, и совершается оно съ *творческими* цѣлями, т. е. *идеи* являются вдохновительницами и руководительницами человѣческихъ дѣйствій, распоряжаются фактами и, слѣдовательно, отношеніями. Все это находится въ логическомъ противорѣчіи съ представленіемъ о матеріальныхъ фактахъ, какъ единственныхъ исторических дѣятельныхъ силахъ и Марксъ напрасно подчеркивалъ въ свою пользу свое отличіе отъ Гегеля—именно въ ученіи объ *идеальномъ* какъ творческомъ элементѣ въ исторіи. Для самого Маркса только *матеріальное* является такимъ элементомъ. Если бы дѣйствительно такъ было,—его послѣдователямъ, принужденнымъ вести практическую борьбу, не представлялось бы необходимости выставлять тотъ или другой боевой принципъ, болѣе или менѣе соотвѣтствующій общему жизненному смыслу отдѣльныхъ фактовъ. Очевидно,—въ политической должности нѣтъ возможности обойтись безъ *идей-силъ*, обладающихъ творческой вдохновляющей властью независимо отъ фактовъ, имъ противорѣчащихъ. А такіе факты, несомнѣнно, существуютъ, разъ принципы признается цѣлесообразнымъ измѣнять.

Изъ всего этого слѣдуетъ заключить, что матеріалистическая тенденція—самый слабый пунктъ марксистскаго направленія,—и атеизмъ рабочихъ массъ отнюдь не свидѣтельствуетъ о глубинѣ и основательности умственной культуры пролетаріата. Мы, разумѣется, говоримъ объ *источникѣ* соціалистическаго атеизма, а не объ его нравственномъ вліяніи на дѣятельность партіи. Мы видѣли, источникъ менѣе всего логическій, а дѣятельности ничто не мѣшаетъ оставаться благородной и принципіально-убѣжденной, независимо отъ чисто-религіозныхъ воззрѣній дѣятелей. Мы только желаемъ напомнить, насколько, напримѣръ, сенъ-симонизмъ оказался въ культурномъ и психологическомъ отношеніи глубже и разностороннѣе съ его возвышеннымъ представленіемъ о значеніи религіознаго чувства въ исторіи цивилизацій, съ его послѣдовательнымъ, истинно-философскимъ разграниченіемъ вѣроисповѣдныхъ заблужденій и крайностей отъ неистребимой наклонности человѣка создавать себѣ единый нравственный руководящій принципъ. И марксисткое ученіе объ историческомъ процессѣ, несомнѣнно, явилось шагомъ назадъ, болѣе грубымъ и менѣе научнымъ, чѣмъ программа сенъ-симонистовъ обнять культурно-историческій смыслъ и практической дѣйствительности и такъ называемой симпатической способности человѣческой природы, т. е. способности творить идеи *внѣ* логической цѣли опытныхъ данныхъ. Соціалъ-демократы, провозглашая поперемѣнно то желѣзный законъ заработной платы, то подмѣняя его другимъ экономическимъ догматомъ, по существу проявляютъ туже симпатичную способность и пользуются идеей, какъ силой высшей сравнительно съ данными фактами, и этотъ пріемъ неизбѣженъ и останется такимъ, пока соціализмъ будетъ практической, разрушительной или созидающей силой. А это значитъ,—*религіозный* элементъ присущъ даже матеріалистическому ученію, разъ только оно переходитъ изъ области теоріи на путь борьбы. И иначе быть не можетъ. Чтобы бороться за идею, надо считать ее символомъ вѣры, догматомъ, наука же догматовъ не знаетъ, за исключеніемъ математическихъ формулъ; это также превосходно

доказала сенъ-симонистская школа. Очевидно, надо подняться надъ простыми фактами, допустить нѣчто недосказанное, помириться съ нѣкоторымъ пробѣломъ и болѣе или менѣе правдоподобное положеніе признать *закономъ*, жизненной правдой, достойной усилій и жертвъ. А это именно и есть вѣра, религія, вдохновеніе, то именно *das Ideelle*, что вызывало столь опрометчивое пренебреженіе со стороны Маркса *). Учитель соціализма лично обнаруживалъ всѣ признаки религіознаго пророка—и непоколебимымъ убѣжденіемъ въ своемъ исключительномъ учительскомъ призваніи, и деспотической замавчивостью чисто-теоретическихъ умозаключеній, и совершенно догматической идеей о сущности историческаго прогресса.

Но сколько бы возраженій ни вызывала у насъ культурная и психологическая концепція марксизма, а ихъ гораздо больше, чѣмъ мы привели, нѣтъ ни малѣйшей возможности отрицать первостепеннаго значенія школы въ концѣ нашего вѣка, можно даже сказать всеобъемлющаго вліянія ея рѣшительно на всѣ политическія партіи и философскія теченія. Содержаніе соціализма до такой степени жизненно, при современныхъ условіяхъ западно-европейской цивилизаціи, что даже непримиримые враги соціалъ-демократіи невольно заимствуютъ у нея ея идеи, ея цѣли и ея способы борьбы.

V.

Еще двадцать лѣтъ назадъ соціализмъ считался въ Германіи явленіемъ совершенно несущественнымъ. Въ этомъ году въ рейхстагъ было выбрано девять соціалистовъ. Циглеръ разсказываетъ, что онъ вздумалъ обратить вниманіе общества на этотъ фактъ и написалъ статью для одной берлинской газеты. Редакція отнеслась къ статьѣ съ полнымъ презрѣніемъ и вмѣсто указаній на опасный симптомъ помѣстила торжественный гимнъ побѣдамъ націоналъ-либераловъ. Ничего легкомысленнѣе нельзя было и представить! Вскорѣ оказалось рѣшительно невозможнымъ закрывать глаза на грядущаго врага, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ соціализмъ сталъ господствующей политической силой во внутренней жизни страны. Всѣ, кто разсчитывалъ дѣйствовать въ кругу современныхъ интересовъ, принужденъ считаться прежде всего съ соціалъ-демократіей, быть или ея врагомъ, или сторонникомъ;

*) Слова Маркса въ предисловіи ко 2-му изд. Капитала: «Meine diallectische Methode ist der Grundlage nach von der Hegelschen nicht nur verschieden, sondern ihr directes Gegentheil. Für Hegel ist der Denkprocess, dener sogar unter dem Namen Idee in ein selbständiges sobject verwandelt, der Demiurg des Wirklichen, das nur seine äussere Erscheinung bildet. Bei mir ist umgekehrt das Ideelle nichts andres als das im Menschenkopf ungesetzte und überzetste Materielle».—(*Das Kapital*. Hamburg 1883, XIX).—Идея, разумѣется, не *деміургъ дѣйствительности*, какъ представлялъ Гегель,—но она въ то же время далеко не всегда только ея точный *переводъ* и рабскій отпечатокъ; она не создаетъ дѣйствительности изъ ничего, но и то, что мы называемъ *идеаломъ* и что имѣетъ весьма существенное, вполнѣ *дѣйствительное* значеніе въ процессѣ исторической жизни, не является фактомъ, во всѣхъ подробностяхъ *заимствованнымъ* изъ міра данной дѣйствительности. Вопросъ вполнѣ удовлетворительно разрѣшается многочисленными примѣрами идейной *революціонной* борьбы, отражавшейся къ осуществленію того или другого идеала, для данной эпохи независимаго и *творческаго*.

равнодушіе немыслимо, оно означало бы политическую смерть дѣятеля.

И въ самомъ дѣлѣ, нельзя назвать ни одной партіи въ современномъ германскомъ рейхстагѣ, такъ или иначе не связавшей своихъ задачъ съ соціализмомъ; серьезнѣйшимъ врагомъ соціалъ-демократіи съ самаго начала былъ и остался до послѣднихъ дней либерализмъ. Несомнѣнно, у обоихъ направленій часто оказывались нѣкоторыя общія цѣли, напримѣръ, конституціонныя вольности, но на экономической почвѣ либералъ и соціалистъ понимали другъ друга гораздо меньше, чѣмъ даже юнкеръ и соціалистъ. И не только на экономической. Среднее либеральное сословіе даже въ революціонный сорокъ восьмой годъ и слышать не хотѣло о всеобщей подачѣ голосовъ. Принципъ ценза искони былъ задушевнѣйшей мечтой мѣщанскаго чисто-политическаго либерализма, т. е. капиталистическій феодализмъ считалъ себя вполнѣ естественнымъ преемникомъ аристократическаго крѣпостничества и изобрѣлъ даже *свободную* формулу для узаконенія *рабства*, формулу свободной конкурренціи, знаменитое laissez aller laissez faire.

Очевидно, только что народившійся соціализмъ долженъ былъ вступить въ грозную междоусобицу съ либерализмомъ, душившимъ пролетаріатъ по всѣмъ правиламъ конституціонной свободы. Лассаль первый объявилъ безпощадную войну при восторженныхъ привѣтствіяхъ консерваторовъ. Онъ провозгласилъ манчестерцевъ, т. е. либеральныхъ защитниковъ свободныхъ экономическихъ отношеній, «новыми варварами», потребовалъ энергическаго вмѣшательства государства въ участь бѣдняковъ, основанія промышленныхъ ассоціацій съ помощю казны, увидѣлъ даже въ Бисмаркѣ спасителя цивилизаціи, въ Пруссіи открылъ «огонь Весты», долженствующій озарить народу новые пути къ благоденствію. Бисмаркъ понялъ національный пылъ Лассаля, его государственный даже прусскій фанатизмъ, сошелся съ нимъ на идеѣ о всеобщей и тайной подачѣ голосовъ, и уже этого факта достаточно, чтобы агитація Лассаля осталась великимъ культурнымъ фактомъ въ исторіи современной Германіи.

Основныя общія идеи Лассаля отвергнуты современной соціалъ-демократіей: Она не признаетъ желѣзнаго закона заработной платы, не возлагаетъ своихъ надеждъ на современное государство, рабочее движеніе для нея — вопросъ не національный, а международный, и послѣдователи Маркса, особенно за предѣлами Германіи, напримѣръ, во Франціи, нерѣдко весьма снисходительно отзываются о политическихъ талантахъ Лассаля, не стѣсняются даже видѣть въ немъ нѣчто вродѣ бонапартиста, агитатора на подкладкѣ плебисцита и единоличной диктатуры. Если принять во вниманія прусскія и бисмарковскія увлеченія Лассаля, взглядъ этотъ не лишенъ основанія: Лассаль былъ скорѣе романтикомъ соціализма, чѣмъ его государственнымъ умомъ и несомнѣнно увлекался эффектомъ своей трибунской роли гораздо больше чѣмъ всестороннимъ изученіемъ принциповъ и цѣлей соціалистическаго движенія. Марксъ, въ смыслѣ солидности мысли и обилія свѣдѣній, величина для Лассаля недосягаемая, но это не мѣшаетъ современнымъ нѣмецкивъ рабочимъ чтить память Лассаля, какъ увлекательнѣйшаго возбудителя политическаго самосознанія въ народныхъ массахъ. Въ Германіи на равныхъ

правахъ празднуются два праздника—Маркса и Лассаля: это своего рода національныя торжества рабочей партіи, и въ процессіяхъ перваго мая инициалы *F. L.* (Ferdinand Lassalle) красуются въ первомъ ряду соціалистическихъ символовъ.

Соціалъ-демократія отпала отъ гогенцоллернской имперіи и организовала собственное государство, съ громадными средствами, съ образцовымъ порядкомъ внутренняго управленія, съ дисциплиной, какой могла бы позавидовать какая угодна самая законная держава. Результаты не замедлили обнаружиться блистательно. Партія растетъ и крѣпнетъ параллельно съ экономическимъ ростомъ всей страны. На консервативный взглядъ—это совершенно фатальный фактъ. Германская промышленность и торговля уступаютъ въ настоящее время только англійской,—явленіе безпримѣрное въ исторіи! Еще на всемірной парижской выставкѣ въ 1855 году Германія не играла никакой роли, какъ міровая торговая держава. У нея не было флота, не было колоній, не было товаровъ для вывоза. Не прошло и полвѣка, Германія начинаетъ вытѣснять Англію и Францію съ ихъ исконныхъ рынковъ и французская печать еще энергичнѣе взываетъ объ экономической борьбѣ съ зарейнскомъ врагомъ, чѣмъ тоскуетъ о реваншѣ. Эльзасъ-Лоторингія все больше, повидимому, отходитъ въ область политическихъ несбыточныхъ сновъ, но коммерческое тріумфальное шествіе Германіи по всему земному шару, самая грозная и неопровержимая дѣйствительность *).

И это шествіе влечетъ за собой еще болѣе грозный призракъ—соціализма. Партія съ каждыми выборами торжествуетъ новые побѣды и даже нашъ либеральный авторъ сознается, что теперь рѣшительно всякій законопроектъ необходимо вырабатывать въ зависимости отъ взглядовъ и настроеній Либкнехта, Бебеля и ихъ арміи.

Такое положеніе вещей произвело громадное дѣйствіе на всѣ партіи. Прежде всего постигла жалкая участь принципіальныхъ враговъ соціализма—національ-либераловъ. Они оказали Бисмарку неоцѣненную помощь въ періодъ исключительныхъ законовъ, составляли его вѣрнѣйшую свиту въ преслѣдованіи соціалъ-демократіи. Эта политика явилась смертнымъ ударомъ для либерализма. Онъ утратилъ всякое довѣріе народа, потерялъ даже ореолъ свободомыслія и независимости и развѣ только одна національная идея осталась живымъ мѣстомъ въ либеральномъ организмѣ. Все политически сильное и идейное отрясло прахъ отъ этой партіи и усвоило или болѣе родикальныя идеи, или открыто приняло соціалистическую окраску.

До какой степени сильна притягательная сила соціализма, показываетъ любопытнѣйшее явленіе конца нашего вѣка, соціализмъ церкви. Духовенство отлично поняло, что время его традиціоннаго профессіональнаго вліянія на массу миновало безвозвратно. Чтобы сохранить уваженіе «стада», необходимо войти въ его жизненные интересы, понять его идеалы и, по возможности, стать во главѣ его стремленій.

А эти идеалы—политическое равноправіе и экономическая

*) Ср. Raphaël-Georges Lévy. *Le commerce allemand*. «Révue des deux mondes», 15 avril 1898.

справедливость, приходится, слѣдовательно, вкусить соціалистическихъ идей и христіанскую общину счесть за прообразъ рабочей ассоціаціи. Именно такими идеями вдохновляется современное германское духовенство, одинаково усердно котолическое и протестантское.

Принципіальныхъ препятствій на новомъ пути духовенство не могло встрѣтить даже въ своихъ преданіяхъ. Въ самомъ евангеліи бѣдности отведено въ высшей степени почетное мѣсто, богатство, напротивъ, признано даже препятствіемъ къ нравственному совершенствованію. Христіанство, долгое время уловлявшее преимущественно души бѣдныхъ, впослѣдствіи стало также религіей богатыхъ, но при всякой попыткѣ вѣрующихъ преобразовать церковь, на поверхность выплывали соціалистическія тенденціи, напримѣръ, въ средневѣковыхъ коммунистическихъ сектахъ, въ народномъ движеніи при лютеровской реформаціи. Изъ этихъ фактовъ, очевидно, до какой степени безразсудны нападки слишкомъ горячихъ соціалъ-демократовъ на христіанство, какъ религію; на это недоразумѣніе указывалъ даже Либкнехтъ. Естественно, наиболѣе талантливое и искреннее духовенство безъ всякихъ насилій надъ своей совѣстью и задачами своего сана, пристало къ соціализму. Предъ ними были давно готовые послѣдователи, именно сельское духовенство, отпугиваемое матерьялистическими идеями соціалъ-демократіи. Въ 1877 году центръ впервые выставилъ соціальную программу, началъ организовать рабочіе союзы и вести энергичную борьбу со свѣтскимъ соціализмомъ.

Къ сожалѣнію, духовенство не всегда оказалось способнымъ отрѣшиться отъ истинъ весьма сомнительнаго культурнаго достоинства.

Напримѣръ, среди духовныхъ соціалистовъ прежде всѣхъ припоминается пасторъ Штёкеръ, несомнѣнно талантливый ораторъ, искусный политикъ и смѣлый дѣлецъ. Шуму пасторъ вызвалъ чрезвычайно много, основалъ особую христіанско-соціальную рабочую партію, его привѣтствовали стихами и прозой, какъ спасителя Германіи. И Штёкеръ дѣйствительно объявилъ войну соціалъ-демократіи, какъ партіи нехристіанской и непатріотической. Въ извѣстномъ смыслѣ опредѣленія были справедливы, но христіанство и патріотизмъ самого Штёкера обнаружили въ высшей степени крѣпкій средневѣковый духъ. Христіанство вдохновило его на антисемитизмъ, а патріотизмъ внушилъ поистинѣ придворныя чувства къ прусскому королю, предъ чьей особой Штёкеръ имѣлъ честь произносить церковныя проповѣди.

Такое представленіе объ евангеліи и любви къ отечеству оттолкнуло отъ Штёкера молодое духовное поколѣніе и среди него возникло новое соціалистическое направленіе.

Во главѣ сталъ пасторъ Науманъ, личность великой нравственной силы, глубокаго гуманнаго чувства и выдающагося ума. Онъ отринулъ антисемитическій жаръ и слишкомъ услужливый консерватизмъ Штёкера; въ его ученіи христіанство явилось простымъ нравственнымъ ученіемъ, патріотизмъ—національнымъ сознаніемъ. Послѣдній пунктъ самый существенный.

Науманъ мужественно борется противъ капиталистическаго либерализма, противъ эксплуатаціи и патріотическаго выжиманія

соковъ изъ низшихъ слоевъ народа; здѣсь онъ—единомышленникъ соціалъ демократіи, и баронъ Штуммъ, заводчикъ и прусскій патріотъ, считаетъ Наумана не менѣе неблагонадежнымъ, чѣмъ Бебеля. Но трудно въ современной Германіи работать во имя гуманныхъ идеаловъ и экономическаго благополучія рабочихъ и въ то же время сохранить патріотическія чувства хотя бы даже въ самой культурной формѣ.

Быть патріотомъ объединенной имперіи, значитъ ежегодно вотировать все новые кредиты на флотъ и армію, готовиться къ міровой войнѣ—во славу нѣмецкаго оружія и за торжество нѣмецкой коммерціи. Таково неотъемлемое содержаніе новѣйшаго нѣмецкаго націонализма, и легко представить, какъ трудно усвоить его рабочимъ, вообще народу.

И у Наумана нѣтъ многочисленныхъ послѣдователей среди пролетаріата. Въ 1898 году его партія, «націоналъ-соціалисты», собрала всего 23,000 голосовъ и не провела въ рейхстагъ ни одного своего кандидата. Но идеи Наумана, несмотря на столь скромные результаты, имѣютъ очень большое значеніе. Его сторонники принадлежатъ къ интеллигенціи, наиболѣе культурной, и она-то рабочую партію, т. е. соціалъ-демократовъ считаетъ родственной себѣ: единеніе между народомъ и образованнымъ слоемъ выигрываетъ лишній шагъ. Мы видимъ, церковь рѣшительно идетъ навстрѣчу соціальному духу времени. Энциклика папы отъ 15 мая 1891 года торжественно признала этотъ духъ господствующимъ. Папа не обнаружилъ истиннаго пониманія новѣйшихъ соціальныхъ задачъ: онъ попытался возобновить старое средство примиренія капитала съ трудомъ, именно проповѣдь одной сторонѣ милосердія, другой—терпѣнія. Энциклика на этотъ счетъ опоздала по крайней мѣрѣ на нѣсколько вѣковъ, но цѣль ея вполнѣ современна, именно открытая постановка соціальнаго вопроса. Не отстало отъ католичества и протестанство. Годомъ раньше папской энциклики высшій евангелическій церковный совѣтъ въ Берлинѣ издалъ циркуляръ, пригласившій духовенство принять участіе въ современной соціальной работѣ.

Циркуляръ привелъ въ ужасъ «короля Штумма», юнкеровъ и аграріевъ, и пять лѣтъ спустя тотъ же совѣтъ выпустилъ циркуляръ совершенно противоположнаго содержанія: теперь онъ предостерегалъ духовенство отъ вмѣшательства въ соціальную борьбу, способную скомпрометировать санъ священника и повредить его высокимъ обязанностямъ.

Столь непримиримыя дѣйствія протестантской церкви стóятъ наивностей папской энциклики, и всѣ они показываютъ, какъ мало современное европейское христіанство приспособлено къ рѣшенію соціальныхъ задачъ. Но для насъ поучительны самыя усилія церкви войти въ соціалистическое теченіе идей, убѣжденіе духовенства, что только такимъ путемъ можно спасти нравственный авторитетъ и католичества, и протестанства.

Несравненно болѣе глубокій и искренній интересъ къ соціализму обнаружила германская наука. Уже въ началѣ пятидесятыхъ годовъ она повела борьбу съ классической системой политической экономіи, установила историческій методъ изученія экономическихъ явленій и проложила пути соціалистической теоріи. Это не была политическая агитація, профессора, напротивъ, до

послѣдняго времени усердно открещивались отъ дѣятельности, сколько-нибудь похожей на шумную предпріимчивость Лассаля или даже на пророческій догматизмъ Маркса; они только желали «свѣтомъ науки освѣтить пути жизни» и среди страстной повседневной практической борьбѣ заговорить голосомъ разума, безпристрастія и знанія.

Именно такъ изображалъ соціальныя задачи профессоровъ Шмоллеръ. Время требовало болѣе опредѣленнаго и практически-настойчиваго дѣла, но и профессорскія изслѣдованія различныхъ отраслей промышленности, положенія рабочихъ, историческое освѣщеніе экономическихъ явленій—все это, несомнѣнно служило цѣлямъ настоящаго и соціалъ-демократія могла только привѣтствовать подобные научные труды. Наконецъ, ученые представители соціальной политики не всегда ограничивались объективной исторіей, она подсказывала профессорамъ чисто-практическія цѣли, нравственная сторона экономическихъ вопросовъ неизбѣжно выступала изъ-за чисто-научнаго изслѣдованія, и тотъ же Шмоллеръ явился горячимъ сторонникомъ реформъ въ народномъ образованіи, требовалъ неустаннаго подъема знаній и способностей низшихъ классовъ.

Соціалъ-демократы могутъ подчасъ весьма зло отзываться объ университетскомъ соціализмѣ и, разумѣется, шмоллеровскіе просвѣтительные планы своего рода идиллія предъ программой Бебеля и Либкнехта, но существенно неопровержимое проникновеніе соціалистическаго духа въ науку, на каѳедру, въ школьное преподаваніе. Время, несомнѣнно внесетъ свои поправки въ профессорскіе идеалы; за періодомъ историческихъ изысканій могутъ послѣдовать весьма положительныя предписанія; 2.100.000 голосовъ, поданныхъ за кандидатовъ соціалъ-демократіи на послѣднихъ выборахъ въ 1898 году, слишкомъ знаменательное явленіе, чтобы обильная талантами германская наука не восприняла логическихъ послѣдствій и еще энергичнѣе не внесла болѣе рѣшительнаго свѣта и разума въ неограниченно-властные вопросы современной внутренней политики.

Такой свѣтъ требуется безусловно, и именно со стороны науки. Соціальный вопросъ переживаетъ драматическій періодъ развитія. Соціализмъ быстро развивается, но рядомъ растутъ другія силы и идеи, ему враждебныя или, по крайней мѣрѣ, въ культурномъ отношеніи ему совершенно чуждыя, и не только ему, а вообще всему господствующему направленію современной цивилизаціи, гуманному и демократическому.

VI.

Прежде всего касательно гуманности: девятнадцатый вѣкъ завѣщаетъ будущему въ высшей степени странное идейное теченіе *антисемитизмъ*. Средніе вѣка въ своей ненависти противъ евреевъ дѣйствовали послѣдовательно. Религіозное чувство презрѣнія къ «проклятому народу» совпадало съ озлобленіемъ массы на экономическіе таланты и успѣхи еврейскаго племени. Средневѣковый человѣкъ зналъ одно оружіе борьбы—матеріальную силу и естественно пускалъ ее въ ходъ при рѣшеніи какихъ угодно практическихъ и нравственныхъ вопросовъ. За ереси онъ жегъ на

кострахъ своихъ же братьевъ-христіанъ, избивалъ при случаѣ и евреевъ, и мавровъ. Но все это преданія темной и невозвратной старины. Культура должна бы выработать другія средства рѣшать общественные вопросы. Въ ея распоряженіи наука, свободныя учрежденія, громадная сила печати. И несмотря на все это—*антисемитизмъ*, т. е. война племенная и ожесточенная, т. е. война противъ людей не за преступленія и пороки, завѣдомо совершенные и обнаруженные, а за принадлежность къ извѣстной національности, война изъ-за происхожденія, изъ-за ихъ крови, своего рода библейская кара за грѣхи отцовъ и прадѣдовъ.

И что особенно замѣчательно, антисемитизмъ не мѣстное явленіе, а общеевропейское. Парламенты Франціи, Германіи, Австріи имѣютъ особые партіи антисемитовъ, ненависть противъ евреевъ, не настроеніе, не личное чувство, а политическій принципъ, способный объединить сотни тысячъ избирателей, несомнѣнно въ большомъ числѣ образованныхъ и даже просвѣщенныхъ. И среди антисемитовъ встрѣчаются имена блестящихъ первостепенныхъ ученыхъ различной политической окраски.

Если Трейчке антисемитъ, это не дѣлаетъ большой чести антесемитской партіи. Правда, историкъ отличался талантливостью, выдающимся даромъ словъ, принципіальностью и силой убѣжденій, но былъ ужъ слишкомъ прусскимъ патріотомъ и націоналистомъ въ бисмарковскомъ смыслѣ, чтобы отъ него можно было ожидать гуманности и умѣренности. Но рядомъ съ Трейчке пламенный антисемитъ Дюрингъ, еще болѣе даровитый, мужественный гражданинъ, по убѣжденіямъ крайній либералъ и позитивистъ. Очевидно, въ антисемитизмѣ не одно только прусское національное и политическое мракобѣсіе, и на выборахъ 1898 года антисемиты провели въ рейхстагъ двѣнадцать своихъ кандидатовъ, за нихъ подано 244.000 голосовъ. Если принять во вниманіе очень высокій уровень культуры нѣмецкаго народа, тайную и всеобщую подачу голосовъ, фактъ предстанетъ предъ нами во всемъ своемъ значеніи—печальномъ и на столько же, пожалуй, загадочномъ.

Нашъ авторъ, къ сожалѣнію, уклоняется отъ объясненій. Онъ искренне негодуетъ на «великій стыдъ» антисемитизма: партія противорѣчитъ идеямъ терпимости и справедливости. Сѣтованія эти по меньшей мѣрѣ наивны. Такіе люди, какъ Дюрингъ не хуже Циглера понимаютъ идею справедливости, и тѣмъ не менѣе считаютъ безусловно культурной задачей новаго времени борьбу съ іудействомъ. Дюрингъ въ устраненіи еврейскихъ вліяній на политику и экономическую жизнь нѣмецкаго народа видитъ спасеніе достоинства и силы Германіи, не грубой національно-прусской, а именно нравственной и культурной. То же самое думаютъ и по ту сторону Рейна, французскіе умѣреннѣйшіе ученые и публицисты, объявляя еврейскій элементъ «разлагающимъ».

Справедливо-ли это? Несомнѣнно,—въ устахъ Трейчке и Дрюмона антисиметическія выходки могутъ и не производить рѣшительнаго впечатлѣнія, но антисиметизмъ вовсе не означаетъ непремѣнно шовинистской узости взглядовъ и не характеризуетъ неизлѣчимыхъ маньяковъ національзма и какого-бы то ни было правовѣрія. Самъ авторъ это сознаетъ. Онъ мимоходомъ упоми-

наетъ о періодѣ грюндерства, слѣдовавшемъ послѣ франко-прусской войны. Это была настоящая безумная пляска у золотого тельца, разнузданное царство дутаго предпринимательства, биржевого ажіотажа, банковскихъ афферъ. Печать принимала горячее участіе въ общемъ позорѣ. Французскіе милліарды легли проклятіемъ на совѣсть и честь нѣмецкаго народа. Евреи играли видную рѣчь въ предпринимательской горячкѣ. Особенно еврейская печать въ Берлинѣ ознаменовала себя незабвенными подвигами, и съ этихъ поръ въ столицѣ германской имперіи антисемитизмъ свилъ прочное гнѣздо.

Не можетъ быть, конечно, ни малѣйшаго сомнѣнія, что отъ евреевъ не отставали и кровные нѣмцы, но биржа и печать дѣйствительно вдохновлялись преимущественно редакторами-евреями. Этотъ фактъ признаетъ и нашъ авторъ и на этомъ же фактѣ развился впервые университетскій антисемитизмъ, чрезвычайно сильный въ Германіи. Студенты оказались болѣе убѣжденными врагами еврейскаго биржевого и журнальнаго міра, чѣмъ рабочіе и вообще простой народъ. Трейчке встрѣтилъ страстный отголосокъ среди своихъ университетскихъ слушателей и надо думать,— именно ихъ отзывчивость увлекла самого оратора за предѣлы даже здраваго смысла.

Сначала Трейчке нападалъ только на дѣйствительно безпринципное растлѣвающее вліяніе еврейской журналистики, потомъ онъ сталъ издѣваться даже надъ расовымъ еврейскимъ типомъ, надъ еврейскими носами, надъ тембромъ еврейскаго голоса. Профессоръ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не сознавать цѣны подобныхъ нападокъ, и онъ открыто признавалъ увлеченіе въ своихъ антисемитическихъ чувствахъ, — приписывая его только не своей винѣ, а излишней терпимости и близорукости либераловъ.

Легко понять,—такой азартъ не могъ служить къ чести партіи и антисемитизмъ безпрестанно самъ себѣ наносилъ и наноситъ сильнѣйшіе удары, покидая почву политики и морали и переходя въ область чисто племенной или даже вѣроисповѣдной нетерпимости. Въ этомъ *обобщеніи* таится недужная сторона антисемитизма, но она не мѣшаетъ направленію быть культурнымъ и экономическимъ симптомомъ нашего времени. Надо помнить,— въ Германіи на 52 милліона нѣмцевъ всего 600,000 евреевъ; эти нѣмцы въ общемъ отлично вооружены противъ эксплуатаціи и авантюризма,—они представляютъ культурнѣйшій народъ Европы, —и все это не подрываетъ антисемитическаго движенія. По мнѣнію автора, оно должно прекратиться съ полнымъ перерожденіемъ евреевъ въ культурныхъ нѣмцевъ: это перерожденіе,—говоритъ онъ,—уже началось наканунѣ взрыва антисемитическихъ страстей, и авторъ обнѣмечившихся евреевъ считаетъ «образованнѣйшими и благороднѣйшими представителями еврейства».

Рѣшеніе цѣлесообразное, но возможное ли? Въ состояніи ли цѣлая нація—и одна изъ самыхъ старыхъ—утратить безслѣдно свою національную самобытность и слиться психологически съ другой націей, даже не одной съ ней расы? Желательно ли самимъ евреямъ такое разрѣшеніе борьбы? Мыслимо ли представить народъ, способный желать какое бы ни было благополучіе купить цѣной своей національности,—*ganz deutsch zu werden*, какъ выражается профессоръ Циглеръ? «Стать совершенно нѣмцами»,—

ждать этого отъ евреевъ не значитъ защищать ихъ отъ антисемитической ненависти и менѣе всего оправдывать ихъ, такъ какъ логическое заключеніе на основаніи этой надежды только одно: значитъ, евреи сами по себѣ дѣйствительно непригодный общественный элементъ, они должны перестать быть евреями, и даже чувствовать поеврейски—ихъ долгъ—*deutsch* zu fühlen. Только въ такомъ случаѣ ихъ можно терпѣть въ благоустроенномъ культурномъ государствѣ.

Врядъ ли сами евреи согласятся съ такой защитой своихъ нѣмецкихъ чувствъ и правъ нѣмецкаго гражданства. Борьба должна имѣть другой исходъ, какой именно, трудно предсказать. Во всякомъ случаѣ съ теченіемъ времени она утратитъ средневѣковый духъ, перестанетъ быть племенной, но чтобы вполнѣ исчезнуть—ей требуется нѣчто другое помимо гуманныхъ проповѣдей и либеральныхъ негодованій. Вопросъ связанъ не съ отвлеченными правилами любви и нравственности, а съ основами экономической народной жизни, и долженъ быть разрѣшенъ вполнѣ практически, безъ всякаго трогательнаго краснорѣчія, силой фактовъ и отношеній. Слѣдовательно, и здѣсь открывается путь соціальныхъ реформъ, и антисемитическая смута цѣликомъ входитъ въ програму соціалъ демократическихъ воздѣйствій на общественный строй.

Итакъ, всюду и во всемъ повелительный голосъ партіи, существующей всего нѣсколько десятковъ лѣтъ и уже могущественно вліяющей на государственный и общественный прогрессъ. Естественно возникаетъ вопросъ: во имя какихъ же принциповъ осуществляется это вліяніе, т. е. существуетъ ли у соціало-демократіи совершенно опредѣленный идеалъ будущаго строя, какой долженъ возникнуть на смѣну существующему.

Бисмаркъ до конца остался при убѣжденіи, что такого идеала у соціализма не имѣется. Програма его—чисто отрицательная, сплошная критика и ни малѣйшаго творчества.

Такой взглядъ слишкомъ рѣшителенъ, но правда въ немъ есть. Отрицательный пунктъ соціалистической программы—уничтоженіе частной собственности, но созданіе государственной и общественной—несомнѣнно положительное требованіе. За предѣлами его только нѣтъ такого тона ни новаго государства, ни новаго общества, начинается царство мечтаній и утопій, напримѣръ, въ извѣстной книгѣ Бебеля *Женщина и соціализмъ*. Перспективы, чрезвычайно отрадныя, уже безчисленное число разъ возникавшія въ человѣческихъ умахъ, истомленныхъ тяготой и неправдой современности, но, очевидно, мало реальныя и трудно осуществимыя. И самъ Бебель признаетъ слишкомъ общій характеръ своихъ предположеній: по его мнѣнію, ни одинъ человѣкъ въ настоящее время не въ состояніи предвидѣть, какъ устроятся будущія поколѣнія и какъ они будутъ удовлетворять свои потребности. Другіе прямо заявляютъ, что соціалъ-демократія не сокрушается о конечныхъ цѣляхъ,—она должна разсчитаться сначала съ ближайшими повседневными препятствіями, ихъ вполнѣ достаточно для самой напряженной энергіи и высшаго политическаго таланта. А загадывать объ отдаленномъ будущемъ значитъ погружаться въ безцѣльную утопическую мечтательность. *Экспропріація орудій производства* цѣль вполнѣ положительная и достаточно объемлющая для многихъ еще поколѣній.

Но на такомъ отвѣтѣ не всѣ способны помириться: даже въ средѣ самой соціалъ-демократіи, и на съѣздахъ партіи неоднократно поднимался вопросъ о «конечной цѣли» объ *Endziel* соціалистической работы. И вполнѣ понятно. Эта цѣль можетъ сообщить громадную нравственную силу, истинное вдохновеніе практической дѣятельности и она же обладаетъ великой властью привлекать новыхъ послѣдователей и работниковъ. Если ея нѣтъ или она скрывается въ непроницаемомъ туманѣ, все направленіе колеблется въ своей авторитетности, оно является лишеннымъ идеальной цѣльности, своего рода оппуртюнизмомъ. Это превосходно поняли противники соціализма политическіе и идейные, и Бисмаркъ не уставалъ уличать соціалъ-демократовъ въ безсиліи выставить какой-либо положительный идеалъ своихъ стремленій.

Но улики Бисмарка явно принадлежали врагу, преднамѣренному и озлобленному. Соціализмъ встрѣтилъ критику съ другой стороны, не политической, и критику въ высшей степени краснорѣчивую: она одинъ изъ самыхъ яркихъ культурныхъ симптомовъ конца вѣка.

Критика эта—возрожденіе индивидуализма.

Соціалисты—принципіальные защитники массы, толпы, уравнительныхъ тенденцій историческаго развитія. Для нихъ—личность только часть цѣлаго, и ея назначеніе служить общей работѣ, быть *сотрудницей*, она—атомъ общественнаго организма и живетъ только его жизнью и для его развитія. Всякая дѣятельность кооперативна, и всякая цѣль—долгъ службы ради коопераціи. Будущее общество съ этой точки зрѣнія должно рисоваться въ формѣ фабрики и общей столовой, вообще учрежденія нивеллирующаго; оно исключаетъ какую бы то ни было преобладающую роль личности, всякое *я* приводитъ къ одному знаменателю и вгоняетъ въ общія стадныя рамки.

Могъ ли инстинктъ индивидуальности, развивающійся въ теченіе всей исторіи человѣчества, безропотно отказаться отъ своихъ правъ въ пользу столь плебейскаго, принижающаго идеала безличной толпы?

И онъ заговорилъ чрезвычайно рѣзко и даже злобно.

Онъ возсталъ противъ матеріалистическихъ принциповъ соціализма, поставившаго на первомъ планѣ культурныхъ стремленій усовершенствованіе экономическихъ отношеній; онъ вознегодовалъ на планъ общей столовой и рабочей, гдѣ нѣтъ мѣста идеальному, оригинальному, лично-вдохновенному и героическому, онъ почувствовалъ смертный страхъ предъ грядущимъ измельчаніемъ человѣческой природы, предъ исчезновеніемъ всего самобытнаго, лично-сильнаго, романтически-прекраснаго. Какая удручающая проза—фабричная казарма, населенная безличными хотя и разумными рабочими единицами, вся поглощенная идеей взаимныхъ обязательствъ и услугъ, и все это ради сытости и мѣщанскаго благополучія!

И личность возстала! Тотъ же Трейчке яростно напалъ на соціалистическую нивеллировку общества, но въ нападеніяхъ историка, какъ и въ его идеалахъ, оказалось слишкомъ много *историческаго* аристократизма, даже проповѣдь о неизбѣжности работы ничтожныхъ плебеевъ ради избранныхъ двигателей прогресса. Это недалеко отъ античнаго представленія о прирожденныхъ рабахъ

и благородныхъ, о фатально-унизительномъ и растлѣвающемъ вліяніи физическаго труда на человѣческую душу. Трейчке и дошелъ до провозглашенія закона: господство классовъ основано на законахъ природы, идеальными благами цивилизаціи можетъ наслаждаться только меньшинство, а большинство должно работать ради тѣхъ благъ въ потѣ своего лица, слѣдовательно, существованіе необразованнаго рабочаго класса необходимо въ интересахъ самой культуры.

Шмоллеръ превосходно разбилъ эту идеологію и безъ особеннаго труда: она слишкомъ явно вдохновлялась прусскими юнкерскими и вообще реакціонными вожделѣніями, при всей своей притязательности имѣющими значеніе только курьезнаго образчика атавизма.

Несравненно любопытнѣе протестъ въ защиту индивидуализма со стороны философіи, въ лицѣ Нитче. Но и здѣсь вѣетъ все тотъ же атавистическій духъ, хотя и болѣе благородный, даже поэтическій. Нитче, какъ эстетику и поэту, больно, нестерпимо больно, видѣть исчезновеніе изъ современной жизни личнаго героическаго размаха, индивидуальной своеобразной красоты, мощнаго картиннаго величія генія, дѣйствующаго внѣ общепризнанной повседневной морали, причиняющаго нерѣдко много зла людямъ мелкимъ и слабымъ, но сторицею искупающаго это зло величавымъ полетомъ воображенія, мысли и практики, слѣдовательно, прославляющаго вообще силу и богатство человѣческой природы.

И Нитче долженъ былъ подобныхъ героевъ отыскивать въ прошломъ, особенно въ эпохѣ Возрожденія, когда царствовало столько художественной красоты и столько личнаго героизма— деспотическаго, безнравственнаго, но грандіознаго и несомнѣнно оригинальнаго. И протестъ философа эстетика противъ современной стадности постепенно поднялся на головокружительную высоту, гдѣ предъ глазами мыслителя исчезло всякое реальное представленіе о реальномъ человѣкѣ, гдѣ предъ болѣзненно огорченнымъ и страстно-возбужденнымъ воображеніемъ выросъ образъ *сверхъ-человѣка*, чуждаго именно тѣхъ человѣческихъ свойствъ, какія благопріятствуютъ существованію слабыхъ и безличныхъ, состраданія и приспособленія. И Нитче возсталъ противъ христіанства, какъ проповѣди любви и жалости, возсталъ и противъ всякаго общественнаго уклада, какъ тюрьмы для избранныхъ личностей, возсталъ въ сущности противъ исторіи и цивилизаціи, какъ путей къ осуществленію возможно болѣе широкаго просвѣщенія и гуманности.

Это страдальческая философія, не идеи, созданныя логически, въ спокойномъ вдумчивомъ анализѣ; это крикъ пораженнаго чувства, судорога художественной натуры, почувствовавшей чисто-физическую боль. И Нитче не вынесъ своей муки: онъ заплатилъ за свою исповѣдь противъ духа времени безпросвѣтнымъ безуміемъ.

Но это не значитъ, будто духъ времени одержалъ безповоротную побѣду. Неопредѣленность соціалистической конечной цѣли менѣе всего свидѣтельствуетъ о торжествѣ массоваго принципа надъ индивидуальнымъ. Индивидуализмъ не умеръ и врядъ когда умретъ, все равно какъ врядъ ли когда осуществится и уравнительный идеалъ. Въ самой природѣ лежитъ непреодолимая тенденція создавать *личностей*, аристократовъ и плебеевъ по бо-

гатству и скудости талантовъ и способностей. А всякое духовное богатство непремѣнно осуществляется въ качествѣ, въ направленіи и въ результатахъ практической дѣятельности и никакая столовая и рабочая не убьетъ этого естественнаго порядка и споръ между соціализмомъ и индивидуализмомъ никогда не будетъ рѣшенъ въ пользу той или другой стороны. Ассоціація и личность должны будутъ найти какой нибудь общій путь, одинаково соотвѣтствующій развитію исключительныхъ силъ личности и общимъ задачамъ общества. Путь этого, по нашему мнѣнію, откроется въ тотъ моментъ, когда всѣ личные инстинкты преобразуются въ соціальные, т. е. когда личность совершенно утратитъ центробѣжныя наклонности, столь еще могущественныя въ наше время. Не подавленіе личности, а воспитаніе ея, не война противъ индивидуализма, а введеніе его въ кругъ соціальныхъ добродѣтелей не насильственныхъ, а столь же естественныхъ, какъ старая героическая жажда *личной* славы и *оригинальной* дѣятельности. Въ связи съ этимъ процессомъ преобразованія индивидуалистическихъ задатковъ долженъ подняться и идеальный уровень самой ассоціаціи неизмѣримо выше фабричной казармы и общей столовой. Ассоціація должна дать въ своей средѣ просторъ идеальному столь же широкій и законный, какой теперь признается за чисто-матерьяльными потребностями.

И современный соціализмъ несомнѣнно отрѣшится отъ своихъ узкихъ матерьялистическихъ тенденцій, пока, можетъ быть, и необходимыхъ по условіямъ современной практической борьбы. Многія идеи Маркса—и прежде всего ученіе о смыслѣ и содержаніи историческаго прогресса—потерпятъ участь идей Лассаля: онѣ будутъ замѣнены болѣе глубокими и продуманными Но основной мотивъ соціалъ-демократическаго движенія—строй общества въ интересахъ производительной массы—при всѣхъ преобразованіяхъ боевыхъ принциповъ и общихъ философскихъ положеній—останется главнѣйшимъ завѣтомъ нашего вѣка грядущему. Цѣль слишкомъ высока, чтобы не вызывать разнообразнѣйшей и жестокой борьбы. И конецъ столѣтія застаетъ Германію въ самый разгаръ броженія. Не все здѣсь свѣтло и радостно, даже слишкомъ мало пищи для оптимистическаго ума, напротивъ—именно нашъ вѣкъ создалъ самыя блестящія системы нигилистической философіи, но здѣсь необыкновенно много жизни, движенія, страсти и, слѣдовательно, надеждъ и идеаловъ. Истинное бѣдствіе не тамъ, гдѣ совершаются ошибки, торжествуютъ заблужденія и даже несправедливость и неправда, гдѣ слышатся стоны страданія и вопли гнѣва, а тамъ, гдѣ равнодушны къ ошибкамъ, гдѣ безучастны къ неправдамъ, гдѣ безмолвны въ страданіяхъ, гдѣ смиренны въ обидахъ—гдѣ, наконецъ, нѣтъ трепета чувствующей и мыслящей человѣческой души.

И это бѣдствіе невѣдомо современной Германіи. Она поставила труднѣйшій вопросъ, какой только знаетъ исторія культуры,—и рѣшаетъ его съ неослабной энергіей, съ поразительной затратой блестящихъ умственныхъ силъ; намъ остается привѣтствовать путь великой страны къ общечеловѣческой цѣли.

Ив. Ивановъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«La vie américaine, manches, fermes, et usines» par Paul de Rousiers. (*Американская жизнь; ранчо, фермы и фабрики*). Авторъ описываетъ лихорадочную жизнь и дѣятельность въ Соединенныхъ Штатахъ, преимущественно въ восточныхъ и западныхъ штатахъ; въ особенности много вниманія авторъ удѣляетъ «дальнему западу», гдѣ американской жизни приходится вести упорную борьбу съ природой и всѣми ея враждебными силами, но за то къ услугамъ американцевъ находятся всѣ рессурсы дѣвственной природы. По мнѣнію автора промышленная цивилизація восточныхъ штатовъ становится понятнѣе послѣ знакомства съ жизнью ранчо и фермъ дальняго американскаго запада.

(Revue de Paris).

«Le corps et l'âme de l'enfant» par le docteur Maurice de Fleury. (*Тѣло и душа ребенка*). Авторъ указываетъ ту роль, которая должна играть медицина и общая гигіена нервной системы въ тѣлесномъ и умственномъ воспитаніи нашихъ дѣтей. Авторъ подробно и послѣдовательно изучаетъ вопросъ о физическихъ упражненіяхъ, о питаніи, одеждѣ, купаніи, о спальнѣ ребенка, его снѣ и употребленіи вакаціоннаго времени. Вторая часть книги менѣе спеціальна, но быть можетъ болѣе заманчива, такъ какъ заключаетъ серію очерковъ, касающихся различныхъ характеровъ дѣтей и тѣхъ особенныхъ гигіеническихъ правилъ, которымъ надо слѣдовать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Это книга одна изъ тѣхъ, которыя могутъ разсчитывать на очень большой кругъ читателей.

(Revue de Paris),

«Les Bases sociologiques du Droit et de l'Etat» par Michel Ange Vaccado. (*Соціологическія основы права и государства*). Этотъ французскій переводъ итальянскаго сочиненія входитъ въ составъ изданій «Bibliothéque Sociologique Internationale». Авторъ этого сочиненія обладаетъ смѣлыми широкими взглядами на исторію человѣчества. Первыя главы его книги посвящены біологическимъ вопросамъ и онъ стремится подвести свою точку зрѣнія подъ системы Ламарка, Дарвина и Вейсмана; въ слѣдующихъ главахъ онъ уже исключительно занимается соціологическими вопросами.

(Revue Sociologique).

«Mélanges féministes, questions de droit et de sociologie» par Louis Bridel. (*Giard et Brière*). (*Феминистскіе вопросы съ точки зрѣнія права и соціологіи*). Ученый швейцарскій профессоръ излагаетъ въ сжатой формѣ всѣ главныя пункты феминизма и изучаетъ общее положеніе женщины съ точки зрѣнія юридической и соціологической. Авторъ убѣжденный сторонникъ полной эмансипаціи женщины и даже требуетъ для женщины политическихъ правъ. Онъ расматриваетъ законодательство различныхъ европейскихъ странъ по отношенію къ женщинамъ и указываетъ ихъ слабыя стороны. Вопросъ о проституціи занимаетъ большое мѣсто въ его изслѣдованіи; авторъ горячо высказывается въ пользу отмѣны административной регламентаціи и проповѣдуетъ облегченіе вступленія въ бракъ дарованіе льготъ женатымъ людямъ и розыскание отца (recherche de la paternité)

(Revue Sociologique).

«Robert Raikes; the Man and his work» by I. Henry Harris. (*Simpson Marshall and C°*). *London.* (*Робертъ Рэксъ: его жизнь и труды*). За два года до начала французской революціи нѣсколько членовъ французской академіи посѣтили Глочестеръ-Сити со спеціальною цѣлью познакомиться съ новыми соціальными опытами нѣкоего Роберта Рэкса, которые начаты были три года тому назадъ и сначала держались въ секретѣ, но затѣмъ, въ виду успѣшныхъ результатовъ, авторъ этихъ опытовъ рѣшилъ сдѣлать ихъ извѣстными и они вызвали подражаніе во всей Англіи. Это былъ опытъ цивилизаціи низшихъ классовъ населенія, которыхъ можно было приравнять къ дикарямъ по степени ихъ развитія. Но, чтобы дѣло цивилизаціи шло успѣшнѣе, надо начинать его по возможности раньше, т. е. обращать свое вниманіе на дѣтей. Исходя

изъ этой точки зрѣнія Рэксъ основалъ воскресныя школы для преобразованія и исправленія дѣтей британскихъ грязныхъ улицъ и притоновъ и такъ какъ печать поддержала его, то дѣло у него пошло очень успѣшно. Но общество, включая епископовъ, начало высказывать опасеніе, что эти школы могутъ сдѣлаться разсадниками революціи и возбудить въ низшихъ классахъ недовольство условіями своей жизни. Возникла борьба, но Рэксъ не уступалъ. Исторія его жизни и постепеннаго развитія и успѣха его идеи въ высшей степени интересны, такъ какъ онъ положилъ начало народному воспитанію въ Англіи; кромѣ того жизнь его тѣсно связана съ соціальной исторіей Англіи и жизнью низшихъ классовъ англійскаго населенія. (Daily News).

«Modern Mysticism and authers Essays» by Francis Grierson (*George Allen* (*Современный мистицизмъ и др. очерки*). Авторъ. изслѣдуя современный мистицизмъ и другія явленія современной жизни, высказываетъ довольно смѣлыя и оригинальныя взгляды, носящіе подчасъ слишкомъ пессимистическій характеръ и склоняющіеся въ пользу мистицизма. Въ книгѣ помѣщены очерки подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Красота и нравственность въ природѣ», «Трагедія Магбетъ», «Современная меланхолія», «Толстой», «Подражаніе и оригинальность», «Фабричное мужество и нравственная трусость», «Парсифаль», «Власть и индивидуализмъ», «Новая критика», «Амієль», «Культура и художественныя способности въ области литературы».

(Athaeneum).

«The Englishwoman's Year book; 1899» Edited by Emily Janes, Secretary to the National of Women Workers of Great Britain aud Ireland. (*Ежегодникъ англійскихъ женщинъ*). Этотъ ежегодникъ, издающійся секретаремъ національнаго союза женщинъ-работницъ, заключаетъ въ себѣ чрезвычайно много интересныхъ и полезныхъ свѣдѣній, касающихся различныхъ фазъ женской дѣятельности и интересовъ женщинъ.

(Times).

«Max Stirner; Sein Leben und Sein Werk» Berlin. (*Максъ Штирнеръ: его жизнь и его трудъ*). Все возрастающее вліяніе Ницше въ Германіи заставило вспомнить о писателѣ, нѣкогда знаменитомъ, но о которомъ всѣ забыли послѣ 1848 года. Максъ Штирнеръ, настоящее имя котораго Каспаръ Шмидтъ, написавшій наканунѣ 1848 года свое знаменитое произведеніе «Der Einzige und Sein Eigenthum» по справедливости называется предшественникомъ Ницше, такъ какъ книга его проникнута такимъ всеподавляющимъ индивидуализмомъ, передъ которымъ блѣднѣютъ всѣ тирады «сверхъчеловѣка» (Uebermensch) Ницше. Въ виду интереса. который возбуждаетъ въ настоящее время ученіе Ницше, очень полезно, конечно, познакомиться съ ученіемъ и личностью его предшественника и поэтому появленіе біографіи Штирнера слѣдуетъ считать вполнѣ своевременнымъ.

(Frankfurter Zeitung).

«Le Cap Nord» par Charles Rabot (*Hachette et C°*). (*Нордкапъ*). Книга заключаетъ въ себѣ чрезвычайно интересныя описанія природы и жителей Швеціи, Норвегіи, Финляндіи и Лапландіи. Авторъ въ теченіе шести лѣтъ путешествовалъ по всѣмъ этимъ мѣстамъ, побывалъ на Нордкапѣ и въ другихъ сѣверныхъ областяхъ и съ восторгомъ отзывается объ этихъ странахъ, столь рѣдко посѣщаемыхъ туристами.

(Revue de Paris).

«Short History of the United States» by Iustin Huntly M'Carthy (*Hodder and Stoughton.* (*Краткая исторія Соединенныхъ Штатовъ*). Очень занимательно составленная краткая исторія Соединенныхъ Штатовъ знакомитъ читателей съ ростомъ и развитіемъ цивилизаціи «при условіяхъ совершенно новыхъ для человѣчества и великими усиліями для достиженія свободы, когда-либо сдѣланными людьми». Авторъ начинаетъ съ открытія Америки и доводитъ свой разсказъ до послѣдней войны съ Испаніей. «Отцы-пилигримы, индійскія войны, злоупотребленія въ царствованіе Георга III и успѣшное возмущеніе прекрасно описаны въ первыхъ шести главахъ, но лучшею частью книги все-таки слѣдуетъ считать ту, которая заключаетъ въ себѣ описаніе гражданской войны и въ особенности главы о рабствѣ. (Athaeneum).

«Das Liebesleben in der Natur» eine Entwickelungsgeschichte der Liebe, von Wilhelm Bölsche. (*Eugen Diederichs*). (*Любовь въ природѣ; эволюціонная исторія любви*). Авторъ основываетъ свою исторію появленія и развитія чувства любви въ природѣ на принципахъ дарвинской теоріи и исходя изъ этой точки зрѣнія сначала обращается къ низшимъ животнымъ и затѣмъ уже постепенно переходитъ къ высшимъ представителямъ царства животныхъ и къ человѣку, стараясь прослѣдить всю эволюцію этого чувства въ природѣ и постепенный переходъ его отъ простого инстинкта къ высшей степени сложному чувству, которое мы называемъ человѣческою любовью и которое вдохновляетъ поэтовъ и художниковъ и служитъ главнымъ стимуломъ человѣческаго поведенія.

(Frankfurter Zeitung).

«Un Réformateur-parsi dans l'histoire contemporaine de l'Inde» Flammarion éditeur. (*Реформаторъ-парсъ въ современной исторіи Индіи*). Чрезвычайно интересно написанная біографія одного изъ выдающихся современныхъ дѣятелей Индіи, журналиста парса Бейрама Малабарсъ, главнаго проповѣдника соціальныхъ реформъ и защитника правъ женщинъ. Исторія жизни и

дѣятельности этого выдающагося человѣка написана также индусомъ изъ древней фамиліи Синдъ, по имени Дайярамъ Гидумаль, но она переведена на англійскій и французскій языки. Французскій переводъ сдѣланъ очень тщательно и хорошо, такъ что сохранилась вся свѣжесть и поэзія индусскаго текста.

(Journal des Débats).

«A History of Winchester College» by Arthur E. Leach. (Duckworth and C°). (Исторія Винчестерской колоніи). Интересующіеся исторіей англійскаго воспитанія найдутъ въ этой книгѣ чрезвычайно много документальныхъ и любопытныхъ свѣдѣній, обрисовывающихъ школьную жизнь въ Англіи въ прежніе времена. Авторъ разсказываетъ исторію первой общественной школы въ Англіи, Винчестерской коллегіи, которая потомъ служила образцомъ для всѣхъ другихъ воспитательныхъ учрежденій подобнаго рода. Книга прекрасно иллюстрирована и изобилуетъ интересными историческими эпизодами изъ англійской школьной жизни прошлыхъ вѣковъ. (Daily News).

«Les grandes Légendes de l'humanité» par L. Michaud d'Humiac. (Schleicher frères; Petite Encyclopédie populaire illustrée). Prix: 1 fr. (Великія легенды человѣчества). Исходя изъ этой мысли, что легенды, даже лучше чѣмъ исторія, могутъ отражать въ себѣ различныя стороны души человѣчества въ различные вѣка, авторъ собралъ въ своей книгѣ восемь главныхъ легендъ, воплощающихъ въ себѣ мечты человѣчества и представляющихъ такимъ образомъ нѣчто вродѣ «метафизики человѣческой судьбы» (métaphysique de la destinée humaine). Легенды о Кришну, Рама, Мерленѣ, странствующемъ жидѣ, Фаустѣ, Донъ-Жуанѣ, миѳъ о Прометѣе и сказка о Психеѣ, служатъ автору главнымъ матеріаломъ для его изслѣдованій и онъ старается опредѣлить философское значеніе и смыслъ этихъ легендъ.

(Journal des Débats).

«A History of Bohemian Literature» by Coont Lutzow (Heinemann). (Исторія чешской литературы). Книга эта входитъ въ серію изданій подъ общимъ названіемъ «Short Histories of the Literatures of the World» (Краткая исторія литературъ міра). Чешская литература мало извѣстна европейской читающей публикѣ, а между тѣмъ, какъ видно изъ ея исторіи, она достаточно богата образцовыми произведеніями. Авторъ цитируетъ въ переводѣ лучшіе образцы чешской литературы и указываетъ какъ отражалась въ этой литературѣ жизнь страны и политическія событія.

(Athaeneum).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

ГЕРЦОГА СЕНЪ-СИМОНА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43)
1899.

ГЕРЦОГЪ СЕНЪ-СИМОНЪ.

Статья **Сентъ-Бёва.**

(Переводъ съ французскаго).

Сенъ-Симонъ величайшій живописецъ своего вѣка, знаменитаго вѣка Людовика XIV во всемъ его разцвѣтѣ.

До Сенъ-Симона не могли и подозрѣвать сколько интереса, сколько жизни, сколько захватывающихъ и неисчерпаемыхъ драмъ представляли событія, сцены придворнаго быта, исторіи брачныхъ союзовъ, кончины современниковъ, внезапные повороты счастья и даже описанія будней, разсказы о разочарованіяхъ и надеждахъ, волновавшихъ безчисленное множество людей, совершенно непохожихъ другъ на друга, о приливахъ и отливахъ честолюбія, мучившаго въ большей или меньшей степени всю эту среду, портреты крайне пестрыхъ группъ, толпившихся въ большой галлереѣ Версальскаго дворца, на первый взглядъ въ высшей степени смутныхъ и ставшихъ совершенно ясными до послѣдней черты, благодаря Сенъ-Симону.

До него имѣлись только замѣтки и легкіе очерки, онъ первый изобразилъ цѣликомъ всю обширную картину съ безчисленнымъ множествомъ подробностей; онъ первый далъ намъ возможность воскресить въ нашемъ воображеніи Версаль. О немъ можно сказать то, что Бюффонъ сказалъ о веснѣ: «все кишитъ жизнью». Въ то же время послѣ его записокъ возникаетъ у читателя странное впечатлѣніе относительно эпохъ и царствованій, которыя не онъ описывалъ. Послѣ его мемуаровъ всякая историческая книга и чьи угодно воспоминанія могутъ показаться тщедушными, блѣдными и бѣдными по содержанію. Всякая эпоха, не имѣвшая своего Сенъ-Симона, кажется нѣмой и безцвѣтной пустыней: она будто необитаема. Читатель съ сожалѣніемъ чувствуетъ, сколь многаго она лишена и какъ много подробностей навсегда погибло для потомства. Весьма немногіе періоды нашей исторіи являются исключеніемъ и не терпятъ этой печальной участи, потому что живописцы, подобные Сенъ-Симону, рѣдки. До сихъ поръ даже не было ни одного съ такимъ живымъ и разностороннимъ талантомъ. Это не значитъ, будто до него совсѣмъ не существовало прекрасныхъ и весьма разнообразныхъ мемуаровъ. Сенъ-Симонъ первый возсталъ бы противъ униженія своихъ предшественниковъ. Онъ самъ заявляетъ, что онъ вдохновлялся ими и ихъ примѣръ развилъ въ немъ вкусъ къ исторіи, и именно къ исторіи живой и полной движенія. Они также были живописцами. Ихъ разсказы отчасти неуклюжи, но самая эта неуклюжесть очаровательна и наивна. Таковы, напр. Виль-Гардуэнъ и Жуанвилль. Фруассары, Коммины умѣли соединить науку и искусство съ изящной простотой. Сколько писателей-воиновъ воспроизвели войны XVI в.—Монъ-Люка, Denis Тованне, Добинье, Брантомъ. Сколько оригинальныхъ и совершенно подлинныхъ повѣствованій и какое разнообразіе точекъ зрѣнія! У Сюлли при всей его тяжеловѣсности, не мало, по-истинѣ, прекрасныхъ страницъ, одновременно со-

лидныхъ и увлекательныхъ. Они будто освѣщены улыбкой Генриха IV. А Фронда,—какое опять изобиліе всевозможныхъ исторій, какое неожиданно многочисленное поколѣніе историковъ среди самихъ участниковъ событій. Во главѣ ихъ блещетъ Ретцъ, какъ величайшій живописецъ до Сенъ-Симона. Но это поколѣніе авторовъ мемуаровъ, созданное Фрондой, внезапно прекращается въ самомъ началѣ личнаго правленія Людовика XIV. Съ этихъ поръ составляются на скорую руку только отрывочные очерки, правда, изящные и остроумные, но нѣсколько вялые, Шуази, M-me Лафайетъ, Лафаръ, M-me Кайлюсъ. Они, повидимому, серьезно приступаютъ къ дѣлу, но долго не выдерживаютъ и оставляютъ читателя на полдорогѣ, и именно Сенъ-Симонъ менѣе всего страдаетъ этимъ недостаткомъ,—ни на одну минуту не обнаруживаетъ ни вялости, ни утомленія. Онъ съ самой ранней молодости отдается исторіи, какъ труду, какъ призванію. Онъ берется за перо не за тѣмъ, чтобы позабавиться на старости лѣтъ воспоминаніями прошлаго, какъ это дѣлаетъ Ретцъ—путь всегда опасный, обильный ошибками и недоразумѣніями. Сенъ-Симонъ собираетъ свой матерьялъ день за днемъ и записываетъ его ежедневно по вечерамъ. Эту работу онъ начинаетъ съ 19-ти лѣтъ, подъ кровлей походной палатки и продолжаетъ ее безостановочно, въ Версали и вообще всюду. Подобно Геродоту, онъ безпрестанно умножаетъ свои свѣдѣнія. Въ генеологическихъ вопросахъ онъ готовъ даже углубиться въ отца Ансельма, о прошломъ онъ разсуждаетъ не хуже Булеми-Вилье. Что касается событій настоящаго онъ всюду поспѣваетъ, за всѣмъ слѣдитъ и все неутомимо записываетъ. Всякій свободный часъ онъ употребляетъ на свои записи.

Потомъ въ старости, въ своемъ помѣстьѣ, онъ приводитъ всю эту массу въ порядокъ и составляетъ одинъ непрерывный разсказъ, единственный въ своемъ родѣ, отмѣчая только параграфы и заглавія на поляхъ *). И этотъ необъятный текстъ онъ переписываетъ собственноручно съ мелочною тщательностью и точностью. На эту заботливость писателя о своемъ трудѣ слѣдуетъ обратить вниманіе, и съ возможнымъ почтеніемъ относиться къ порядку и ходу его повѣствованій, къ его стилю и къ его фразѣ: она, можетъ быть, составлена небрежно, но никогда не является произвольной и случайной. Какимъ образомъ это столь стремительное историческое призваніе могло возникнуть и развиться среди придворной жизни и у столь юнаго автора? Какимъ образомъ этотъ 19-ти-лѣтній мушкетеръ съ самаго начала могъ задаться цѣлью разсказать многообразныя событія своего времени во всѣхъ ихъ подробностяхъ?

Его отецъ, не имѣй онъ такого сына, навсегда остался бы однимъ изъ необыкновенно счастливыхъ, но ни для кого неинтересныхъ фаворитовъ. Исторія занимается ими мимоходомъ или вовсе ими не занимается. Молодымъ пажемъ онъ умѣлъ понравиться Людовику XIII услужливостью и легкостью на охотѣ, умѣлъ искусно подать королю лошадь, протрубить въ рогъ и вручить этотъ рогъ Его Величеству. Безъ сомнѣнія онъ производилъ пріятное впечатлѣніе; отличался скромностью и чувствомъ чести. Если судить по отзывамъ Сенъ-Симона о своемъ отцѣ и если даже понизить ихъ тонъ, то все-таки отецъ его

*) Сенъ-Симонъ въ своемъ текстѣ не помѣчаетъ ни главъ, ни другихъ подраздѣленій, до такой степени онъ былъ неутомимъ! Въ печати пришлось разбить записки на главы, приблизительно одинаковой величины, чтобы облегчить вниманіе читателей.

останется человѣкомъ съ достоинствами, вѣрнымъ, довольно безкорыстнымъ, признательнымъ и вообще съ нравственнымъ характеромъ, довольно рѣдкимъ при дворѣ. Его отношенія къ Ришельё исполнены одновременно достоинства и ума; онъ не обнаруживаетъ къ кардиналу ни вражды, ни рабской покорности. Въ отцѣ даже обнаруживается черта, свойственная впослѣдствіи его сыну, —духъ недовольства, который въ случаѣ нужды превращается въ негодованіе. Именно, благодаря этой чертѣ, отецъ Сенъ-Симона впалъ въ немилость, когда ему было еще только 31 годъ. Онъ покинулъ дворъ и удалился въ Блэ, гдѣ и оставался до смерти кардинала, въ должности губернатора. Если бы я захотѣлъ въ двухъ словахъ охарактеризовать отца Сенъ-Симона, я сказалъ бы: «это былъ фаворитъ, но не царедворецъ, потому что онъ обладалъ чувствомъ чести и духомъ протеста».

Уже въ старости онъ женился въ другой разъ на особѣ молодой, но не первой молодости. Отъ этого брака родился Сенъ-Симонъ въ январѣ 1675 года. Въ книгѣ, напечатанной при жизни его отца разсказывалось, какъ о необычайномъ чудѣ, что 72-лѣтній старикъ сдѣлался отцомъ. На самомъ дѣлѣ этому старику было только 68 лѣтъ. Онъ передалъ своему сыну черты своей личности въ чрезвычайно яркой формѣ: честность, гордость, благородное сердце и возвышенные родовые инстинкты вмѣстѣ съ большимъ ростомъ. Молодой Сенъ-Симонъ выросъ подлѣ матери, почтенной женщины и отца, любившаго вспоминать о прошломъ и разсказывать многочисленные анекдоты изъ изъ жизни стараго двора. Мальчикъ рано долженъ былъ убѣдиться, что нѣтъ ничего пріятнѣе личныхъ воспоминаній. Его призваніе къ исторіи обнаружилось съ дѣтства, въ то самое время, когда онъ оставался равнодушенъ вообще къ литературѣ. Несомнѣнно, онъ читалъ книги, у него являлась мысль подражать великимъ образцамъ и создать себѣ видное положеніе, но, въ сущности, его задушевнѣйшимъ желаніемъ и честолюбіемъ было занять такое мѣсто, чтобы возможно лучше знать событія своего времени и потомъ описать ихъ. Это призваніе писателя, для насъ въ настоящее время совершенно ясное, у Сенъ-Симона на первыхъ порахъ было отодвинуто на второй планъ стремленіями придворнаго, важнаго сеньора, герцога и пэра и другимъ побочнымъ честолюбіемъ, свойственнымъ особѣ его ранга.

Сенъ-Симонъ вступилъ въ свѣтъ 19-ти лѣтъ и ярко обнаружилъ свои инстинкты и вкусы. На слѣдующій день послѣ битвы при Нервендѣ (іюль 1693), въ которой онъ принималъ участіе въ чинѣ капитана, онъ составляетъ подробный отчетъ для своей матери и нѣкоторыхъ друзей. Разсказъ отличается ясностью, солидностью и простотой. Въ немъ чувствуется любовь къ истинѣ. Стиль не страдаетъ излишней стремительностью и неправильностями, которыя встрѣчаются иногда въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Сенъ-Симона. При всей пестротѣ и излишествахъ этотъ стиль, однако, не слѣдуетъ считать уродливымъ. Чаще всего онъ только непосредственное и самое живое выраженіе чувствъ автора, переполненнаго своимъ предметомъ.

Въ слѣдующемъ году, на досугѣ лагерной жизни въ Германіи, Сенъ-Симонъ рѣшительно принимается за свои мемуары и съ этихъ поръ онъ будетъ вести ихъ въ теченіе 60-ти лѣтъ. По его словамъ, его вдохновило удовольствіе, какое онъ испыталъ при чтеніи мемуаровъ маршала Бассомпьера. Бассомпьеру принадлежитъ одинъ изъ оскорбительнѣйшихъ отзывовъ объ отцѣ Сенъ-Симона. Это обстоятельство не помѣшало сыну признать мемуары маршала очень любопытными, «хотя

тщеславіе ихъ автора производитъ отталкивающее впечатлѣніе». Молодой Сенъ-Симонъ преисполненъ добродѣтелями. Онъ отличается нравственностью, религіозностью и въ особенности прирожденнымъ вкусомъ людей хорошаго тона.

Этотъ вкусъ обнаружился сначала по слѣдующему поводу. Сенъ-Симонъ выказалъ изумительную, можно сказать странную стремительность—породниться съ герцогомъ Бовилье, самой уважаемой личностью при дворѣ. Онъ началъ свататься къ одной изъ его дочерей, безразлично къ старшей или къ младшей. Онъ не видалъ ни одной изъ нихъ, и ему было все равно на какой жениться; не занималъ его вопросъ и о приданомъ. Онъ хотѣлъ только войти въ семью и увлекся собственно герцогомъ и герцогиней Бовилье. Этотъ проектъ брака онъ самъ описываетъ въ чрезвычайно живыхъ краскахъ. И хотя планъ потерпѣлъ неудачу, между Сенъ-Симономъ и герцогомъ Бовилье установилась тѣсная связь и Сенъ-Симонъ сблизился такимъ образомъ съ честной и серьезной придворной партіей. Благодаря ей, онъ вскорѣ примкнетъ къ герцогу Бургундскому, какъ къ принцу, подающему идеальныя надежды. Другія отношенія Сенъ-Симона совершенно не похожи на эту исторію и, повидимому, противорѣчатъ сближенію съ герцогомъ Бовилье. Эти отношенія возникли у него еще съ дѣтства,—именно фамильярность и дружба съ герцогомъ Орлеанскимъ, будущимъ регентомъ. Но и въ этомъ случаѣ обнаруживается порядочность Сенъ-Симона. Онъ сочувствовалъ только вполнѣ похвальнымъ и нравственнымъ наклонностямъ принца, которыя такъ часто подвергались клеветѣ. Къ благороднымъ инстинктамъ регента онъ будетъ взывать во всѣхъ критическихъ положеніяхъ, при всякомъ фактѣ, пятнающемъ имя принца. Вращаясь въ обществѣ этого благороднѣйшаго и даровитѣйшаго прожигателя жизни, Сенъ-Симонъ сохранитъ безупречную чистоту своей личности.

Отличаясь благородствомъ и порядочностью, Сенъ-Симонъ чувствуетъ глубокое врожденное отвращеніе къ плутамъ, лицемѣрамъ, низкимъ и продажнымъ душамъ, къ пошлымъ и корыстнымъ царедворцамъ. Онъ прекрасно умѣетъ распознать ихъ, угадать ихъ духъ на разстояніи и безпощадно уличаетъ и срываетъ съ нихъ маски. Смотря по тому, какъ онъ это дѣлаетъ, можно подумать, эта ярость доставляетъ ему злостное удовольствіе. Для примѣра, въ первыхъ же главахъ мемуаровъ можно указать на почти страшный портретъ лицемѣрнаго судьи, лже-Катона, перваго президента Гарля. Подъ внѣшней суровостью предъ нами встаетъ типъ закоренѣлаго лицемѣра. Могутъ замѣтить, поромъ Сенъ-Симона водило здѣсь личное чувство, и не только здѣсь, а вообще во многихъ случаяхъ. Рисуя своихъ современниковъ, онъ увлекался ненавистью и злобой.

Правда ли это? Я до десяти разъ перечиталъ Сенъ-Симона и пришелъ къ слѣдующему убѣжденію. Отъ природы онъ одаренъ исключительной, можно даже сказать чрезмѣрной наблюдательностью и проницательностью, внутреннимъ зрѣніемъ, способнымъ пронизывать и изслѣдовать человѣческія души до самой глубины, читать на лицахъ людей ихъ страсти и стремленія—это въ полномъ смыслѣ чудесный, феноменальный образчикъ подобнаго рода способностей. Но она становится опасной, если ей отдаваться слѣпо. Она можетъ вовлечь человѣка въ нежелательныя крайности. Люди вообще впадаютъ въ искушенія, только благодаря своимъ страстямъ. То, къ чему они равнодушны, не представляетъ для нихъ никакой опасности. Съ самаго начала Сенъ-

Симонъ, сынъ старомоднаго сеньора, несмотря на молодость самъ отчасти старомоденъ. Онъ довольно холодно относится къ женщинамъ, къ игрѣ, къ вину и къ другимъ удовольствіямъ. Но и у него имѣется свое тщеславіе. Онъ придерживается старины; патріотическая доблесть является для него идеаломъ. Ко всему этому надо прибавить личную гордость и сословные предразсудки. Кромѣ того онъ артистъ, и артистъ вдвойнѣ: у него мѣткій взглядъ и *нюхъ* *), которые находятъ себѣ богатѣйшую пищу среди раззолоченной толпы Версаля.

Потомъ Сенъ-Симонъ—писатель подъ секретомъ, вкушающій всѣ прелести таинственной, никому невѣдомой работы. По вечерамъ, плотно закрывши и замкнувши двери, онъ, весь охваченный пламеннымъ волненіемъ, бросаетъ на бумагу все, что ему удалось подмѣтить въ теченіе дня, все, что онъ перечувствовалъ по поводу людей, слишкомъ хорошо ему извѣстныхъ и часто очень близко его интересовавшихъ. При такихъ условіяхъ легко впасть въ ошибку и даже преувеличить правду. Обладай человѣкъ какой-угодно порядочностью, но если при этомъ онъ еще одаренъ страстнымъ темпераментомъ, для него опасно предаваться совершенно безконтрольному писательству и описывать людей вполнѣ невозбранно. Въ настоящую минуту, я говорю только о томъ, что Сенъ-Симонъ самъ наблюдалъ непосредственно: во всемъ, что онъ записывалъ по слухамъ или со словъ другихъ, могли оказаться также ошибки.

Сенъ-Симонъ, повидимому, не подвергалъ строгой критикѣ результаты своихъ наблюденій и пользовался первымъ попавшимся горячимъ словомъ. Вся его забота была направлена на то, чтобы привести свой матерьялъ въ порядокъ, и, очевидно, онъ легко могъ подвергаться разнообразнымъ искушеніямъ. Искренній и убѣжденный христіанинъ, онъ испытывалъ упреки совѣсти. Во всякомъ случаѣ онъ постарался обречь себя отъ терзаній, какія могли бы отравить послѣднія минуты его жизни. Если бы, вдругъ, онъ почувствовалъ себя закоренѣлымъ грѣшникамъ и призналъ необходимымъ бросить свои записки въ огонь, какія страданія тогда пришлось бы вынести его сердцу! Онъ задумалъ предотвратить опасность довольно наивнымъ способомъ. Въ предисловіи къ запискамъ онъ сообщаетъ намъ о своихъ христіанскихъ сомнѣніяхъ. онъ пытается доказать, что *исторически* все можно говорить о своемъ ближнемъ и что можно удачно примирить человѣколюбіе съ злословіемъ. Онъ написалъ письмо къ аббату Рансэ и почти въ самомъ началѣ своей работы спрашивалъ у аббата совѣта, какого тона держаться ему въ своихъ запискахъ. Это письмо еще ярче свидѣтельствуетъ объ его колебаніяхъ. Повидимому онъ выпросилъ у сурового аббата полное отпущеніе грѣховъ разъ навсегда. Это значило, во-первыхъ, онъ будетъ говорить только одну истину, а во-вторыхъ онъ не будетъ вполнѣ безпристрастенъ и даже не притязаетъ на эту добродѣтель. Онъ будетъ свободно хвалить или порицать людей, каковы бы ни были его личныя отношенія къ нимъ. У него есть извѣстныя природныя наклонности и очень горячее сердце. И все таки онъ разсчитываетъ быть безукоризненно справедливымъ, напримѣръ, у него разсказывается первый процессъ пэровъ съ Люксембургомъ. Адвокатъ

*) Я употребляю это слово, потому что самъ Симонъ имъ пользуется. Однажды смерть принца вызвала у окружающихъ тайную радость и тысячи честолюбивыхъ плановъ: Сенъ-Симонъ замѣчаетъ по этому поводу: «Все это разомъ прямо било въ носъ».

Люксембурга осмѣлился усомниться въ безкорыстномъ роялизмѣ противниковъ. Сенъ-Симонъ присутствовалъ въ залѣ и сидѣлъ въ трибунѣ вмѣстѣ съ герцогами Ларошфуко и Дистрэ. Услышавъ рѣчь адвоката, онъ бросается изъ трибуны, обзываетъ адвоката лжецомъ, мошенникомъ и требуетъ противъ него суда. «Ларошфуко,—разсказываетъ самъ Сенъ-Симонъ,—удержалъ меня за талію и заставилъ меня замолчать. Я сѣлъ на свое мѣсто, раздраженный еще больше противъ герцога, чѣмъ противъ адвоката. Моя выходка вызвала сильный шумъ». Когда человѣкъ способенъ на подобныя выходки не только въ залѣ суда и въ исключительныхъ случаяхъ, но и въ будничныхъ обстоятельствахъ жизни, хотя бы даже во время писанія,—то можно и не подозрѣвать въ немъ непремѣнно ошибочныхъ представленій насчетъ непріятныхъ ему людей, во всякомъ случаѣ онъ можетъ впасть въ ложный тонъ и перейти всякую мѣру. Онъ и въ писательствѣ обнаружитъ такіе же порывы, когда его слѣдовало бы «схватить за талію», и читать Сенъ-Симона необходимо съ извѣстной осмотрительностью и, весьма часто, критически относиться къ рѣзкости и выпуклости его красокъ.

Съ нѣкотораго времени принялись усердно отыскивать ошибки въ запискахъ Сенъ-Симона, и, дѣйствительно, нашли кое-какія. Въ области литературы я, напр., самъ могу указать одну неточность и недоразумѣніе. Сенъ-Симонъ разсказываетъ, будто Расинъ, въ присутствіи Людовика XIV-го и г-жи Ментенонъ, имѣлъ несчастіе, по разсѣянности, дурно выразиться о Скарронѣ, и будто Буало началъ при этомъ случаѣ дѣлать ему знаки, а Расинъ ихъ совершенно не понялъ. Въ дѣйствительности именно Буало страдалъ забавной разсѣянностью и, неоднократно у него съ языка срывались опрометчивыя замѣчанія. Расинъ былъ одним изъ образцовыхъ придворныхъ. Но вообще вопросъ о достовѣрности записокъ Сенъ-Симона вовсе не зависитъ отъ количества ошибокъ, какія можно открыть въ его сочиненіяхъ. Надо только точно представлять себѣ, какъ всегда и вездѣ составляются записки, подобныя его мемуарамъ. Существуютъ два главнѣйшихъ способа писать исторію и оба они зависятъ отъ свойства источниковъ, какими пользуется историкъ. Историческій разсказъ можно основывать на подлинныхъ государственныхъ бумагахъ, на дипломатическихъ актахъ, на перепискѣ пословъ, на военныхъ отчетахъ, вообще, на подлинныхъ документахъ всякаго рода. Превосходный примѣръ такой исторіи можно указать въ сочиненіи Тьера, которое можно бы назвать «административной и военной исторіей Консульства и Имперіи». Но существуетъ совершенно другой родъ исторіи,—*нравственная* исторія извѣстнаго времени, написанная самими дѣятелями и очевидцами. Представьте, человѣкъ живетъ при дворѣ, такъ какъ центръ современной жизни дворъ. Онъ день за днемъ наблюдаетъ, слушаетъ, и допустите, что этотъ человѣкъ—Сенъ-Симонъ, очевидно, онъ будетъ слушать и наблюдать съ любопытствомъ, съ ненасытной жаждой все слышать и все видѣть. Слышитъ онъ о многомъ и изощряется услышать еще больше. Желая знать прошлое, онъ обращается къ старикамъ, къ опальнымъ и сданнымъ въ архивъ сановникамъ, даже къ лицамъ низшаго положенія, даже къ старымъ придворнымъ служителямъ короля. При такихъ условіяхъ, весьма трудно не обнаружить нѣкотораго легковѣрія въ тѣхъ фактахъ, какихъ нашъ наблюдатель не видалъ собственными глазами. Въ особенности, когда это легковѣріе свойственно его природѣ и его историческому таланту. Часто приходится повторять то, что слышишь. Нельзя же все удостовѣрить нотаріальными докумен-

тами. Другой вопросъ, конечно, когда дѣло идетъ о лично извѣстныхъ людяхъ и событіяхъ. Здѣсь путь надежнѣе. При извѣстной наблюдательности и при талантѣ, о которомъ я только что говорилъ, можно дѣйствовать съ большею проницательностью и если кромѣ того наблюдатель одаренъ способностью выражаться живописнымъ языкомъ, подъ его перомъ возникнетъ рядъ жизненныхъ и, слѣдовательно, правдивыхъ картинъ. Онѣ вызовутъ у читателя полную иллюзію самой дѣйствительности, оживятъ передъ нимъ нравственный міръ и внѣшнюю дѣятельность общества, которое, казалось навсегда умерло. Но это не значитъ, чтобы другой наблюдатель и другой живописецъ, также очевидецъ, но стоящій на другой точкѣ зрѣнія не могъ нарисовать картины другими красками и другими чертами. Совершенно напротивъ, сколько живописцевъ, столько и картинъ; сколько фантазій, столько и отраженій дѣйствительности. Существенно только одно; лишь бы въ извѣстную эпоху жилъ одинъ такой живописецъ, существовало одно подобное необъятное зеркало. Не будь его, не будетъ вовсе и картинъ. Жизнь эпохи во всей ея животрепещущей реальности исчезнетъ навсегда и вы потомъ можете сколько угодно на досугѣ сочинять разные увлекательные разсказы на основаніи такъ называемыхъ положительныхъ документовъ, на основаніи даже историческихъ картинъ, скомпанованныхъ заднимъ числомъ и разрисованныхъ, какъ пришлось. Какъ бы эти исторіи не были правдивы въ политическомъ отношеніи, онѣ все-таки останутся искусственными и читатели это почувствуютъ. Какъ бы вы ни старались, вы не заставите мысленно пережить ту эпоху, о которой вы разсказываете.

Вмѣстѣ съ Сенъ-Симономъ мы переживаемъ вѣкъ Людовика XIV, въ этомъ его великая правдивость. Развѣ благодаря ему мы не знаемъ всѣхъ этихъ личностей и замѣчательныхъ, и второстепенныхъ, и даже тѣхъ, которыя только проходятъ по сценѣ и сейчасъ же исчезаютъ, и какъ знаемъ! Будто мы видѣли ихъ собственными глазами и разсмотрѣли даже черты ихъ физіономій и мельчайшіе оттѣнки ихъ характеровъ. Теперь всѣ эти люди кажутся намъ близкими, стоятъ будто передъ нашими глазами, а безъ Сенъ-Симона мы знали бы только имена, а имя—звукъ пустой.

Возьмемъ для примѣра перваго попавшагося. Лювиль—дворянинъ изъ свиты герцога Анжуйскаго, будущаго испанскаго короля и самъ въ недалекомъ будущемъ политическій дѣятель: Сенъ-Симонъ на первыхъ порахъ обращается къ его посредничеству для свиданія съ герцогомъ Бовилье, и будто мимоходомъ разсказываетъ, что такое Лювиль. Лювиль, говоритъ онъ, былъ одаренъ громаднымъ остроуміемъ и воображеніемъ, все это дѣлало его неизмѣнно интереснымъ и общество его—чрезвычайно привлекательнымъ. Онъ превосходно понималъ сущность важнѣйшихъ современныхъ вопросовъ и всегда могъ высказать солиднѣйшее и вѣрнѣйшее сужденіе о нихъ. Лювиль неоднократно будетъ появляться въ запискахъ Сенъ-Симона и самъ онъ оставилъ послѣ себя собственныя записки.

На досугѣ вы, пожалуй, ихъ прочтете, но сдѣлаете ли вы это или нѣтъ, у васъ уже есть совершенно законченная и остроумная характеристика этого человѣка и всѣхъ его особенностей. И никто другой не представилъ бы вамъ подобной характеристики.

Другой примѣръ: Маршалъ Люксамбургъ былъ противникомъ Сенъ-Симона, выступалъ противъ него въ парламентѣ, а раньше былъ его начальникомъ, въ качествѣ генерала. Маршалъ успѣлъ вызвать у него

жестокій гнѣвъ, какъ у герцога и пэра. Но развѣ отъ этого портретъ маршала, нарисованный Сенъ-Симономъ сколько-нибудь пострадалъ?

Развѣ онъ не поражаетъ насъ вѣрностью красокъ? Онъ вполнѣ совпадаетъ съ тѣми свѣдѣніями, какія мы имѣемъ отъ другихъ современниковъ, но только Сенъ-Симону удалось схватить самую сущность этой личности.

«Въ 67 лѣтъ онъ воображалъ, что ему 25, и жилъ, какъ молодой человѣкъ этого возраста. Не имѣя возможности увлекать женщинъ юностью и красотой, онъ дѣйствовалъ деньгами. Интимныя отношенія между имъ, его сыномъ, принцомъ Конти и Альберотти основывались исключительно на предосудительныхъ приключеніяхъ съ женщинами. На войнѣ маршалъ отличался изумительно-вѣрнымъ глазомѣромъ, блестящей и въ высшей степени находчивой предусмотрительностью, въ самый день битвы сохранялъ полное присутствіе духа, по обыкновенію былъ любезенъ и настолько хладнокровенъ, что въ самомъ пылу сраженія, среди величайшихъ опасностей все могъ точно видѣть и предусмотрѣть. Во всемъ остальномъ онъ былъ воплощенная лѣность; прогуливался только развѣ по необходимости, игралъ и разговаривалъ только съ своими домашними, ежедневно ужиналъ въ самомъ тѣсномъ кружкѣ, почти всегда изъ однихъ и тѣхъ же лицъ и если ему приходилось стоять лагеремъ недалеко отъ какого-нибудь города, онъ хлопоталъ, чтобы общество у него состояло изъ мужчинъ и женщинъ. Тогда онъ все забывалъ, и если случалось что нибудь экстренное, распоряжаться приходилось его адъютанту. Такова была жизнь этого великаго полководца, даже въ Парижѣ, гдѣ дворъ и высшій свѣтъ поглощали все его время, а вечера посвящались удовольствіямъ».

И кто же рѣшится сказать, что авторъ, изобразивъ маршала во всемъ его блескѣ и со всѣми его пороками, оклеветалъ его? И таковы всѣ портреты современниковъ у Сенъ-Симона. Какую бы личность онъ ни встрѣтилъ на своемъ пути, онъ умѣетъ схватить самую сущность ея характера и живьемъ изобразить ее передъ читателемъ. И даже тѣ, кто, казалось бы, не заслуживалъ этой чести, и кто у другого писателя непремѣнно вышелъ бы фигурой блѣдной, Сенъ-Симонъ умѣетъ сообщить ему оригинальность, тотъ личный отпечатокъ который до извѣстная степени свойственъ каждому человѣку. Онъ умѣетъ отнять у нихъ удручающую банальность и схватить искру ихъ души. Перечислять подробно такого сорта портреты у Сенъ-Симона—значитъ считать пески морскіе съ той только разницей, что здѣсь песчинки совсѣмъ не похожи одна на другую. Въ запискахъ Сенъ-Симона нельзя прочитать ни одной страницы, чтобы вамъ не бросилась въ глаза какая нибудь яркая физіономія. Вотъ напримѣръ: Данжо, фигура, въ сущности, комическая, но заслужившая вниманіе потомства въ качествѣ скромнаго собирателя милостей. До какой степени ярко и забавно изображенъ онъ у Сенъ-Симона во всемъ своемъ мишурномъ блескѣ! Болѣе важныя персоны получаютъ у Сенъ-Симона и соотвѣтствующія краски. Напримѣръ, Фенелона онъ только встрѣчалъ, но слышалъ о немъ много отъ своихъ близкихъ знакомыхъ, и посмотрите, какой несравненный портретъ вышелъ у него!

Если онъ даже иногда сгущаетъ краски, этотъ пріемъ оказывается въ высшей степени полезнымъ для вашихъ соображеній и вашей критики. И когда вы оставите въ сторонѣ кое-какія увлеченія историка, вы все-таки его героевъ будете знать лучше, чѣмъ по описаніямъ болѣе умѣреннымъ и поверхностнымъ. Для изображенія женщинъ у него

имѣется особая манера. Здѣсь онъ обнаруживаетъ удивительное изящество, почти гомерическую непосредственность и пріятность рисунка. И въ этомъ искусствѣ съ Сенъ-Симономъ не могутъ сравняться самые завзятые женскіе портретисты. Вообще, изъ Сенъ-Симона нѣтъ возможности дѣлать выборки и приводить выдержки.

Книга его цѣлый міръ. Придется развѣ только устранить кое-какіе подозрительные портреты, нарисованные подъ несомнѣннымъ вліяніемъ чувства ненависти. Такова, напримѣръ, личность герцога дю-Мэна. Но вобще талантъ Сенъ-Симона безпристрастнѣе, чѣмъ его настроенія. И если у ненавистнаго человѣка имѣется какое-либо достоинство, оно непремѣнно будетъ отмѣчено. А потомъ не слѣдуетъ забывать, что̀ именно вызываетъ негодованіе Сенъ-Симона. Съ особенной силой оно поражаетъ людей съ весьма опредѣленными недостатками. Прежде всего Сенъ-Симонъ презираетъ людей, у которыхъ всегда всплываютъ наружу рабскіе инстинкты, и потомъ тѣхъ, кто прокладываетъ себѣ дорогу въ жизни при помощи двоедушія. Что касается другихъ, онъ не можетъ быть съ ними строгъ и суровъ до конца. Я говорю все время объ отдѣльныхъ личностяхъ, у Сенъ-Симона есть нѣчто другое: драма, сцена, группы, дѣйствія и разнообразнѣйшія столкновенія героевъ другъ съ другомъ. Здѣсь, предъ нами множество великихъ историческихъ картинъ и между ними нельзя не помянуть двухъ,—самыхъ капитальныхъ: смерть наслѣдника престола и цѣлый хаосъ вожделѣвій и надеждъ, овладѣвшій при этой катастрофѣ толпою принцевъ и придворныхъ, а потомъ не менѣе удивительная сцена королевскаго засѣданія парламента, устроеннаго регентомъ съ цѣлью развѣнчать незаконныхъ дѣтей короля, этотъ счастливѣйшій день въ жизни Сенъ-Симона, когда онъ всецѣло наслаждается местью. Правда, здѣсь живописецъ самъ слишкомъ заинтересованъ; онъ становится, можно сказать, свирѣпымъ и переступаетъ предѣлы художественнаго изображенія, но какъ-бы онъ ни увлекался, его безъ преувеличенія можно назвать Рубенсомъ начала XVIII вѣка.

Жизнь Сенъ-Симона не отдѣлима отъ записокъ и онъ здѣсь самъ разсказалъ ее, не распространяясь черезъ-чуръ на счетъ событій личной жизни. Онъ женился, потерпѣвъ неудачу съ дочерью герцога Бовилье, — женился на старшей дочери маршала Делоржа. Доброта и правдивость маршала, племянника и любимаго ученика Тюренна, любезная, благородная, можно сказать, величественная внѣшность и прирожденная доброта его дочери, все это произвело на него сильное впечатлѣніе. Онъ обязанъ ей прочнымъ семейнымъ счастьемъ и семейная жизнь его протекла въ ненарушимой супружеской вѣрности. Во время женитьбы ему было всего двадцать лѣтъ; онъ носилъ титулъ герцога и пэра Франціи, былъ губернаторомъ Блэ, губернаторомъ и главнымъ бальи Санлиса и командовалъ кавалерійскимъ полкомъ. Современная газета давала длинный отчетъ о свадьбѣ Сенъ-Симона и о свадебныхъ торжествахъ. Замѣтка эта, навѣрное, была доставлена имъ самимъ и здѣсь говорилось слѣдующее: «Онъ знаетъ все, что долженъ знать человѣкъ знатнаго происхожденія, и его мать, извѣстная своими достоинствами, позаботилась просвѣтить его, особенно на счетъ обязанностей добраго христіанина. Я забылъ сказать вамъ,—прибавлялъ авторъ замѣтки,—что молодая супруга—блондинка и замѣчательно стройна, цвѣтъ лица необыкновенной нѣжности и ослѣпительной бѣлизны, ласковый взоръ, большіе глубокіе глаза, немного длинный носъ сообщаетъ благородный характеръ ея физіономіи, изящный ротъ, пол-

ныя щеки, овальное лицо и до-совершенства скульптурная прекрасная шея; все это дѣлаетъ внѣшность герцогини одновременно скромной и величественной, внушающей уваженіе. Герцогиня кромѣ того преисполнена душевной красоты, которою долженъ отличаться всякій человѣкъ высокаго происхожденія, и она составитъ достойную пару вмѣстѣ съ герцогомъ Сенъ-Симономъ своимъ супругомъ, однимъ изъ умнѣйшихъ и достойнѣйшихъ сеньоровъ королевскаго двора».

Сенъ-Симонъ въ своихъ запискахъ часто говоритъ о своей женѣ и всегда съ трогательнымъ чувствомъ почтенія и любви. Онъ сравниваетъ ее съ другими женщинами, испорченными или честолюбивыми, не лишенными способностей. Онъ хвалитъ ее въ высшей степени сердечно за ея изысканный и непогрѣшимый здравый смыслъ, всегда терпимый и спокойный, который кажется не знаетъ собственной цѣны и безъ всякаго хвастовства управляетъ всей ея жизнью, скромной, очаровательной и добродѣтельной. У насъ имѣются два прекрасныхъ портрета Сенъ-Симона и его жены, относящихся къ эпохѣ ихъ брака. Опасно, конечно, составлять слишкомъ разностороннее заключеніе по этимъ портретамъ, но во всякомъ случаѣ фигура и выраженіе лица Сенъ-Симона вполнѣ соотвѣтствуютъ его литературному произведенію. Фигура — изящна, глаза — ласковы, но могутъ загораться гнѣвомъ и становиться ужасными, носъ, нѣсколько вздернутый, свидѣтельствуетъ объ упрямомъ характерѣ, лукавый складъ рта доказываетъ остроуміе, но сила—эта существенная черта въ талантѣ Сенъ-Симона—пока незамѣтна, несомнѣнно благодаря молодости будущаго писателя.

Сенъ-Симонъ усердно служилъ и участвовалъ въ нѣсколькихъ походахъ. Послѣ Рисвикскаго мира его кавалерійскій полкъ былъ преобразованъ, Сенъ-Симонъ лишился команды и былъ причисленъ къ штабу. Когда началась война за Испанское наслѣдство (1702) и Сенъ-Симонъ увидѣлъ, что его бывшіе товарищи повышаются по службѣ, а о немъ забываютъ, онъ задумалъ выйти въ отставку и обратился за совѣтомъ къ нѣкоторымъ друзьямъ, тремъ маршаламъ и тремъ придворнымъ. Они дали единодушный совѣтъ, согласно которому онъ и оставилъ службу. Онъ написалъ королю почтительное краткое письмо, ссылался на свое здоровье, какъ единственную причину отставки, и заявлялъ, что онъ неохотно покидаетъ службу. «Вотъ, милостивый государь, еще одинъ человѣкъ, покидающій насъ», — сказалъ король военному министру и сообщилъ ему письмо Сенъ-Симона. И король въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не прощалъ Сенъ-Симону его отставки. Иногда на долю Сенъ-Симона могла выпасть честь на пріемъ при отходѣ короля ко сну, но всѣ пути къ болѣе существеннымъ милостямъ короля закрылись для него навсегда. Ему въ это время было 27 лѣтъ.

Годъ или два спустя, по случаю покушенія двора унизить его супругу и остальныхъ герцогинь передъ принцами, чего Сенъ-Симонъ нежелалъ допустить, король разгнѣвался и надъ упрямцемъ разразилась гроза. «Странно,—замѣтилъ Людовикъ XIV,—съ тѣхъ поръ, какъ Сенъ-Симонъ бросилъ военную службу, онъ только и хлопочетъ о рангахъ и завязываетъ тяжбу со всѣмъ свѣтомъ». Сенъ-Симону передали эти слова и онъ рѣшился просить у него частной аудіенціи въ его кабинетѣ. Онъ получилъ ее, представилъ свои объясненія и могъ думать, что, по крайней мѣрѣ, отчасти склонилъ короля на свою сторону. Мельчайшія подробности, какія онъ сообщаетъ намъ объ этой сценѣ показываютъ намъ, что за щекотливую необходимость просить у короля аудіенціи онъ былъ хорошо вознагражденъ рѣдкимъ удовольствіемъ

видѣть государя возможно ближе, и потомъ нарисовать картину до послѣдней мельчайшей черты. Впослѣдствіи, по случаю посольства въ Римъ, которое онъ едва не получилъ, Г-жа Ментенонъ высказала о Сенъ-Симонѣ свое мнѣніе и оно несомнѣнно доказываетъ ея здравый смыслъ. Она его называла честолюбцемъ, фрондеромъ, переполненнымъ разными соображеніями. Переполненый соображеніями — это значитъ строго обдуманными и болѣе или менѣе отважными проектами. Это мнѣніе у Г-жи Ментенонъ осталось навсегда. Оно свидѣтельствуетъ о прирожденной взаимной антипатіи двухъ личностей и оно могло только укрѣпить въ королѣ давнишній взглядъ на этого непокорнаго придворнаго. Въ то время чѣмъ больше считали молодого человѣка серьезнымъ, начитаннымъ, образованнымъ и чѣмъ болѣе независимый характеръ ему приписывали, тѣмъ менѣе подходящимъ онъ являлся среди современнаго общества. Завистники и всѣ, кто только желалъ ему повредить, неустанно расхваливали его, подчеркивали его свободную рѣчь и гордое обращеніе, выставляли на видъ его остроуміе, опасное и внушающее невольный страхъ. Онъ какъ угодно могъ слѣдить за собой, самое его молчаніе казалось достаточно выразительнымъ и краснорѣчивымъ, а иной разъ энергичныя выраженія совершенно разстраивали всѣ его старанія. «Отъ полноты сердца его уста произносили сужденія и порицанія». Всякому читателю записокъ Сенъ-Симона легко представить какимъ онъ долженъ былъ казаться въ свое время. Подобную натуру великаго *посмертнаго* писателя нельзя было разобрать вполнѣ ясно при его жизни. Она обнаруживалась только моментами, въ остальное время онъ умѣлъ сдерживаться и намъ совершенно понятенъ отвѣтъ, какой далъ Людовикъ XIV Сенъ-Симону на его жалобу, насчетъ злыхъ сплетенъ его недруговъ: «Но вѣдь это потому говорятъ о васъ, сказалъ король, что вы сами говорите и сами злословите». Въ другой разъ король прямо заявилъ: «Вамъ надо сдерживать свой языкъ». И все-таки Сенъ-Симонъ, какъ тайный авторъ записокъ, много выигралъ именно въ эпоху своей опалы. Правда онъ навсегда потерялъ благосклонность короля, но сохранилъ полную независимость, жилъ при дворѣ, какъ рыба въ водѣ, состоялъ въ дружескихъ отношеніяхъ со многими министрами и, вообще, больше, чѣмъ кто-либо, могъ все знать и обо всемъ писать. Онъ проникалъ рѣшительно всюду, узнавалъ подробности о всевозможныхъ интригахъ отъ друзей, молодыхъ и старыхъ женщинъ, даже отъ слугъ и изо дня въ день онъ слѣдилъ за всѣмъ, что происходитъ въ разныхъ кругахъ общества. Всѣ слухи, ежедневно возникающіе при дворѣ и столь же быстро исчезающіе, для него не пропадали даромъ. Онъ тщательно собиралъ ихъ для потомства. Онъ самъ сообщилъ намъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о томъ, какъ онъ собиралъ факты. «Я ежедневно получалъ извѣстія, говоритъ онъ, обо всемъ изъ прямыхъ источниковъ, чистыхъ и достовѣрныхъ,—рѣшительно обо всемъ и важномъ, и ничтожномъ. Мое любопытство уже независимо отъ другихъ соображеній получало большое удовлетвореніе. Слѣдуетъ сознаться, что всякій живущій при дворѣ, будь это важная особа или ничтожество, питается непремѣнно такого рода пищей, иначе человѣку грозитъ здѣсь смертная скука».

Честолюбіе, однако, никогда совсѣмъ не покидало Сенъ-Симона. Онъ былъ молодъ, король старъ. При жизни Людовика XIV онъ ни на что не могъ разсчитывать, но послѣ смерти короля открывались широкія перспективы и Сенъ-Симонъ втайнѣ составлялъ планъ государственныхъ преобразованій. И такъ какъ всякій предметъ онъ обрабаты-

валъ систематически и тщательно,—онъ изложилъ свои проекты и указалъ средства осуществить ихъ. Въ чемъ заключалась политическая теорія Сенъ-Симона? Если устранить безчисленныя подробности насчетъ этикета—подробности, дѣлающія въ нашихъ глазахъ Сенъ-Симона смѣшнымъ, въ основѣ получится идея весьма почтенная для Сенъ-Симона, если не какъ практическаго политика, то во всякомъ случаѣ какъ гражданина и историка-публициста. Онъ чувствуетъ нравственный ударъ, нанесенный Франціи Людовикомъ XIV: все унижено, уравнено, обезличено, одинъ только король представляетъ нѣчто великое. Не слѣдуетъ, конечно ожидать отъ Сенъ-Симона идеи о народѣ въ новѣйшемъ смыслѣ слова. Онъ не видитъ народа, не отличаетъ его отъ невѣжественной, навсегда безнадежной черни. На сценѣ буржуазія—голова народной массы. Сенъ-Симонъ уже видитъ ея честолюбіе, ловкость, дерзость, эгоизмъ. Она управляетъ королевствомъ при помощи чиновниковъ и государственныхъ секретарей и въ лицѣ законниковъ присваиваетъ себѣ высшій авторитетъ въ парламентѣ. Что касается дворянства, Сенъ-Симонъ только на него и разсчитываетъ, на благородство его крови и преданность отечеству. Но онъ съ негодованіемъ видитъ это дворянство униженнымъ и извращеннымъ политикой королей и особенно Людовика XIV. Онъ негодуетъ, что французское дворянство, столь славное и блестящее, почти уподобилось всей остальной массѣ народа и отличается отъ нея развѣ только въ одномъ отношеніи: народъ можетъ заниматься какимъ-угодно трудомъ, вести какое-угодно дѣло, служить даже въ войскахъ, а дворянство вынуждено выбирать что-нибудь изъ двухъ—или прозябать въ растлѣвающей и разорительной праздности, которая превращаетъ цѣлое сословіе въ государственное бремя и навлекаетъ на него презрѣніе, или во время войны отдавать себя на убой среди оскорбленій разныхъ чиновниковъ и секретарей. Сенъ-Симону хотѣлось бы возродить дворянство, вернуть ему его старинныя обязанности и полезную службу и одновременно возстановить лѣстницу дворянскихъ титуловъ — дворянина, сеньора, герцога и пэра. На пэрахъ въ особенности онъ сосредоточиваетъ всю тоску своего сердца, они вѣнчаютъ зданіе его политической системы, они, по его представленію, и въ настоящее время, какъ въ старину, должны быть постоянными совѣтниками короля, соучастниками его самодержавной власти. Онъ не переставалъ мечтать въ этомъ направленіи и создалъ законченный планъ перестроенной французской монархіи.

Но возможно ли было осуществить этотъ планъ послѣ Людовика XIV, послѣ Ришельё, послѣ Людовика XI и возсоздать конституціонно-аристократическую монархію со всевозможными рангами? Была-ли возможна такая перестройка, когда уже быстро по всѣмъ направленіямъ стали сказываться послѣдствія всеобщаго уравненія, и наконецъ соотвѣтствовало ли это духу націи, духу самого дворянства, которое въ извѣстномъ смыслѣ также желало быть *народомъ* аристократіи.

Отвѣтъ данъ разъ навсегда историческими фактами. За Сенъ-Симономъ остается честь, что онъ протестовалъ противъ униженія и уничтоженія своего сословія и возмущался пошлостью и рабствомъ царедворцевъ. Его теорія будто предсмертная судорога, послѣднее усиліе умиравшаго дворянства удержать все то, что переходило къ третьему сословію. Это сословіе становилось *всѣмъ*, въ будущемъ на вершинѣ своихъ правъ оно станетъ самимъ государемъ.

Планы, которые Сенъ-Симонъ представилъ герцогу Орлеанскому, были

осуществлены только отчасти. Онъ между прочимъ предлагалъ созвать генеральные штаты въ началѣ регенства. Онъ видѣлъ въ нихъ удобное средство совершить нѣкоторыя преобразованія и, въ случаѣ неудачи, на нихъ, по его соображеніямъ, и можно было бы свалить отвѣтственность. Онъ разсчитывалъ воспользоваться общенароднымъ заблужденіемъ, будто бы генеральные штаты представляютъ великую силу, онъ думалъ, что можно поддержать это невинное заблужденіе, не опасаясь послѣдствій. Сенъ-Симонъ, вѣроятно и здѣсь какъ и въ другихъ случаяхъ ошибался насчетъ духа своего времени и не отдавалъ себѣ яснаго отчета, какое броженіе могли вызвать генеральные штаты въ 1718 г. Машина, которой онъ желалъ поиграть, могла оказаться опасной.

Съ этого момента (1715) записки Сенъ-Симона нѣсколько мѣняютъ свой характеръ. Въ качествѣ члена Совѣта Регентства онъ становится правительственнымъ лицомъ и его мнѣнія, хотя и рѣдко, все-таки одерживаютъ верхъ.

Его безпрестанно приглашаютъ высказывать ихъ и онъ всегда отвѣчаетъ на приглашенія. Предъ нами безчисленные разговоры, столь же обильные въ его книгахъ, какими они были и въ его устахъ. Нѣкоторыя сцены, по обыкновенію, интересны, портреты дѣйствующихъ лицъ восхитительны, но читателю становится скучно отъ излишняго обилія подробностей. Сенъ-Симонъ не былъ министромъ, потому что не хотѣлъ. Онъ неохотно шелъ накакія бы то ни было сдѣлки, герцогъ Орлеанскій не казался ему такимъ человѣкомъ, какого бы онъ хотѣлъ видѣть у власти. Онъ упрекалъ его въ уступкахъ и въ *склонности къ среднимъ путямъ*. Принцъ, въ свою очередь, о своемъ пламенномъ и несговорчивомъ другѣ говорилъ, что онъ неподвиженъ, какъ Богъ, и до послѣдней степени суровъ. Въ одинъ прекрасный день, по семейнымъ соображеніямъ, Сенъ-Симонъ пожелалъ получить посольскій постъ въ Испаніи и немедленно получилъ. Миссія была болѣе почетная, чѣмъ политическая, и оказалась послѣднимъ оффиціальнымъ актомъ дѣятельности Сенъ-Симона.

Послѣ внезапной смерти регента, Сенъ-Симонъ окончательно отказался отъ придворной жизни, жилъ большею частью въ своихъ помѣстьяхъ и занимался окончательной редакціей своихъ записокъ. Онъ умеръ въ 1755 г. 2 марта, 80 лѣтъ.

Онъ уже давно отвернулся отъ новаго вѣка и жилъ исключительно въ своихъ воспоминаніяхъ. Онъ умеръ, когда царствовалъ Вольтеръ, когда возникла энциклопедія, когда на сцену выступилъ Жанъ-Жакъ Руссо, когда только что умеръ Монтескье. Что думалъ Сенъ-Симонъ, что могъ онъ думать обо всѣхъ этихъ блестящихъ явленіяхъ? Часто приводятъ его презрительный отзывъ о Вольтерѣ, котораго онъ называетъ Аруэ: сынъ нотаріуса, служившаго «у моего отца и у меня»!..

Въ этихъ словахъ, по моему мнѣнію, слишкомъ поспѣшно усмотрѣли презрѣніе Сенъ-Симона, къ людямъ литературы, къ людямъ таланта, не принадлежавшимъ къ его сословію. Напротивъ, сверхъ ожиданія, Сенъ-Симонъ въ своихъ запискахъ обнаруживаетъ большую внимательность ко всему, что касается литераторовъ и людей талантливыхъ его эпохи. Но всѣ эти люди принадлежатъ вѣку Людовика XIV. Расинъ, Лафонтенъ, Лабрюеръ, Депрео, Николь, онъ не забываетъ ни одного изъ нихъ. О Боссюэ его рѣчь величава, о г-жѣ Севиньи — изящна и увлекательно легка. Все это люди таланта въ глазахъ Сенъ-Симона. Что касается Вольтера, правда, онъ говоритъ о немъ, какъ объ аван-

тюристѣ и безбожникѣ. Но для этого существуютъ другія основанія, не имѣющія никакого отношенія къ сословнымъ предразсудкамъ и вовсе не оскорбительныя для класса литераторовъ.

Послѣ смерти Сенъ-Симона его записки подверглись разнымъ превратностямъ судьбы. Его семья выпустила ихъ изъ рукъ и онѣ превратились въ своего рода государственныхъ плѣнниковъ. Всѣ боялись ихъ нескромныхъ разоблаченій. Нѣкоторые писатели знали ихъ и широко пользовались ими для своихъ историческихъ работъ. Шуазель, будучи министромъ, сообщилъ нѣкоторые томы г-жѣ Дюдефанъ, а она передала свои свѣдѣнія Горасу Вальполю, которому она, въ свою очередь, также хотѣла дать записки на прочтеніе. «Мы, писала она, читаемъ записки Сенъ-Симона послѣ обѣда. Я не могу не пожалѣть васъ, что вы не участвуете въ этомъ чтеніи. Вы бы испытали невыразимое наслажденіе». Въ другой разъ она писала слѣдующее: «Я въ отчаяніи, что не могу заставить васъ прочесть записки Сенъ-Симона. Послѣдній томъ, который я только что окончила, доставилъ мнѣ безконечное удовольствіе. Онъ бы привелъ васъ въ безумный восторгъ».

Начиная съ 1784 года, записки Сенъ-Симона начинаютъ появляться въ свѣтъ, но съ большой опаской и таинственностью, въ видѣ отрывочныхъ и разрозненныхъ анекдотовъ. Отъ 1788 г. по 1791 и потомъ позже въ 1818 году послѣдовательно появились извлеченія, болѣе или менѣе объемистыя, но крайне урѣзанныя и передѣланныя. Всѣ эти отрывки давали читателямъ представленіе только объ одной чертѣ Сенъ-Симона; объ его наклонности къ ядовитымъ характеристикамъ и читатель совершенно не видѣлъ другой его черты—величія,—сообщающаго въ высшей степени внушительный характеръ всей эпохѣ Людовика XIV.

Полное изданіе записокъ явилось впервые въ 1829 г. и вызвало живѣйшую сенсацію. Это былъ величайшій литературный успѣхъ, со времени романовъ Вальтеръ-Скотта. Вдругъ поднялась завѣса, скрывавшая прекраснѣйшую эпоху французской монархіи и публика присутствовала будто при современномъ зрѣлищѣ. Успѣхъ этотъ былъ прерванъ іюльской революціей и ограничился пока предѣлами большаго свѣта. Позже и постепенно онъ захватилъ и остальную публику.

Въ заключеніе о запискахъ Сенъ-Симона съ полной справедливостью можно повторить его же собственныя слова: «Эти записки являются первоисточникомъ исторіи. Ихъ правдивость, ихъ подлинность не подлежатъ сомнѣнію. И мнѣ думается я вправѣ заявить, что до сихъ поръ не существовало воспоминаній, охватывавшихъ болѣе широкій кругъ разнообразныхъ, всесторонне и подробно описанныхъ предметовъ, представляющихъ въ цѣломъ столь поучительный и любопытный міръ».

Потомство можетъ подвергать произведенія Сенъ-Симона какой угодно критикѣ, судить за и противъ, но, я увѣренъ, оно всегда будетъ раздѣлять это мнѣніе автора.

Людовикъ XIV *).

Это былъ государь, несомнѣнно отличавшійся большими достоинствами и даже величіемъ и въ то же время обнаруживавшій мелочныя и дурныя стороны характера. Во всемъ этомъ невозможно разобраться: что собственно составляло личность короля и что было только его ролью. Почти нѣтъ авторовъ, хорошо освѣдомленныхъ на этотъ счетъ, и въ высшей степени трудно встрѣтить людей, лично знавшихъ и наблюдавшихъ короля и способныхъ разсказать свои наблюденія съ полнымъ самообладаніемъ, безъ злобы и лести, разсказать одну чистую правду объ его достоинствахъ и недостаткахъ. Насчетъ личной освѣдомленности автора этихъ записокъ, читатель можетъ быть покоенъ. Что касается безпристрастія, авторъ искренно постарается уберечь себя отъ всякаго увлеченія.

О первыхъ годахъ Людовика говорить не приходится. Сталъ онъ королемъ почти со дня рожденія, но надъ нимъ тяготѣла политика матери, желавшей управлять, и еще болѣе честолюбіе злокозненнаго министра, который тысячу разъ подвергалъ государство опасности, исключительно въ интересахъ своего величія. И пока жилъ этотъ первый министръ, Людовикъ находился подъ его игомъ и, можно сказать, не царствовалъ. Тѣмъ не менѣе и подъ этимъ игомъ сказывалась его личность. Онъ увлекался чувствомъ любви. Праздность онъ считалъ несовмѣстимой съ своимъ достоинствомъ и пытался дѣйствовать хотя и слабо въ томъ и другомъ направленіи. При жизни Мазарини онъ не смогъ освободиться изъ-подъ его опеки, но обладалъ достаточнымъ самосознаніемъ, чтобы почувствовать себя свободнымъ послѣ его смерти. Это была одна изъ лучшихъ эпохъ въ его жизни, и Людовикъ разъ навсегда усвоилъ себѣ непоколебимое правило не имѣть перваго министра, а въ особенности не допускать въ свой совѣтъ ни одного духовнаго лица. Одновременно онъ усвоилъ себѣ еще и другое правило, именно: править государствомъ лично. Но онъ не имѣлъ силъ осуществить его. Оно безпрестанно, почти безъ его вѣдома, измѣняло ему. И онъ какъ разъ менѣе всего выполнялъ то, за что въ особенности его восхваляли и льстили ему.

Людовикъ родился съ умомъ ниже посредственнаго; но этотъ умъ обладалъ способностью развиваться, совершенствоваться, изощряться,

*) Предлагаемые въ русскомъ переводѣ отрывки изъ *записокъ* Сенъ-Симона не вездѣ съ буквальной точностью воспроизводятъ подлинный текстъ. При всѣхъ достоинствахъ историка, психолога и бытового живописца, — герцогъ не обладалъ, можетъ быть, не столь существенными, но тѣмъ не менѣе весьма цѣнными качествами обыкновеннаго литератора, крайне мало заботился о *формѣ* своихъ разсказовъ и характеристикъ, — и на каждомъ шагу исторію и описаніе превращалъ въ непринужденную, отчасти небрежную свѣтскую causerie. Въ результатѣ — безпрестанныя повторенія, многочисленныя излишнія подчеркиванія, чрезвычайная обстоятельность въ перечисленіи даже третьестепенныхъ именъ, склонность къ намекамъ, болѣе или менѣе интерисующимъ только въ глазахъ читателя изъ аристократическаго круга самого историка. Эти недостатки сознавалъ и самъ авторъ, много разъ оговаривая свои отступленія и повторенія. При переводѣ эти оговорки и самыя повторенія опущены, устранены и многія вводныя замѣчанія, дѣлаемыя авторомъ мимоходомъ на счетъ героевъ и фактовъ, не представляющихъ въ настоящее время никакого ни историческаго, ни психологическаго интереса. Такой способъ читать *записки* Сенъ-Симона и пользоваться ими, какъ драгоцѣннѣйшимъ историческимъ матеріаломъ, усвоенъ давно самой французской литературой, — и онъ неизбѣженъ при тѣхъ условіяхъ, при какихъ—какъ читатель видѣлъ изъ статьи Сентъ-Бёва—возникло произведеніе герцога. *Ред.*

незамѣтно и непринужденно заимствоваться отъ другихъ. Въ теченіе всей жизни Людовику неисчислимую пользу приносило общество свѣтскихъ, въ высшей степени умныхъ, людей: мужчинъ и женщинъ всякаго возраста, всевозможныхъ характеровъ.

Двадцатитрехлѣтній король вступилъ впервые въ свѣтъ въ высшей степени удачно; попалъ въ среду людей, истинно замѣчательныхъ. Его министры внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ были самыми вліятельными въ Европѣ; его генералы самыми знаменитыми; ихъ сотрудники наиболѣе талантливыми, усвоившими военную науку подъ ихъ руководствомъ. И такая слава осталась за ними и въ потомствѣ.

Среди смутъ, жестоко волновавшихъ государство внутри и извнѣ послѣ смерти Людовика XIII, образовалось множество ловкихъ, увѣнчанныхъ славой, людей и они составляли кругъ утонченныхъ царедворцевъ.

Самымъ изысканнымъ центромъ этого общества сдѣлался домъ графини Суассонской. Она въ качествѣ домоправительницы королевы жила въ Парижѣ, въ Тюльери, гдѣ пребывалъ дворъ. Здѣсь она царствовала, озаренная послѣдними лучами блеска покойнаго кардинала Мазарини, ея дяди, и еще болѣе блистая умомъ и изяществомъ. Сюда ежедневно собиралось самое изысканное мужское и дамское общество. Этотъ домъ сталъ центромъ придворной галантности, интригъ и происковъ честолюбія. Во всемъ этомъ имѣли большое значеніе родственныя связи, теперь забытыя, но въ то время пользовавшіяся большимъ вліяніемъ и уваженіемъ. Король бросился въ этотъ великосвѣтскій блестящій вихрь и здѣсь пріобрѣлъ вѣжливыя, галантныя манеры, которыя онъ сохранялъ въ теченіе всей своей жизни, не теряя своего величія. Можно сказать, онъ былъ созданъ для этихъ манеръ. Его ростъ, его осанка, грація, красота, впослѣдствіи величавость, даже самый звукъ его голоса и врожденное изящество всей его величественной фигуры отличали его среди другихъ мужчинъ, какъ прирожденнаго короля. Если бы онъ родился частнымъ человѣкомъ, онъ все равно обладалъ бы талантомъ изобрѣтать празднества и удовольствія, блистать галантностью и отличаться самыми необузданными любовными приключеніями. Какъ бы онъ былъ счастливъ, если бы всѣ его избранницы походили на m-me де-Ла-вальеръ. Она до безумія увлеклась его внѣшностью—до такой степени, что стыдилась собственнаго увлеченія и еще болѣе плодовъ своей любви—дѣтей, признанныхъ и воспитанныхъ противъ ея воли. Скромная, безкорыстная, кроткая, добрая до послѣдней степени она безпрестанно боролась сама съ собой и одержала, наконецъ, побѣду цѣной жесточайшихъ усилій любви и ревности. Эти усилія были одновременно ея мукой и ея спасеніемъ и она, наконецъ, въ самый разгаръ своихъ страданій имѣла достаточно силы сбросить съ себя очарованіе и посвятить себя самому суровому и чистому покаянію.

Впрочемъ, слѣдуетъ признать, что короля скорѣе приходится жалѣть, чѣмъ порицать за его любовныя увлеченія. И онъ даже заслуживаетъ похвалы за то, что по временамъ бросалъ любовныя приключенія и начиналъ заботиться о славѣ.

Интриги и приключенія, какія онъ испыталъ въ свѣтскомъ вихрѣ графини Суассонской, оставили въ немъ роковыя впечатлѣнія, болѣе сильныя, чѣмъ его личный характеръ. Умъ, благородство чувствъ, самоуваженіе и независимость, возвышенное сердце и образованность—все это стало для него подозрительнымъ, а вскорѣ даже и ненавист-

нымъ. Чѣмъ болѣе онъ старѣлъ, тѣмъ глубже укоренялось это отвращеніе.

Жертвой этого чувства оказались генералы, министры и оно отступало на задній планъ лишь только въ томъ случаѣ, когда король особенно нуждался въ человѣкѣ. Онъ желалъ царствовать совершенно независимо. Эта страсть безпрестанно переходила у него въ слабость. На самомъ дѣлѣ онъ царствовалъ только въ кругу второстепенныхъ вопросовъ, для болѣе важныхъ у него не хватало силы, но и въ незначительныхъ дѣлахъ имъ управляли другіе.

Первый приступъ его къ личному управленію дѣлами ознаменовался крайнею жестокостью и крайнимъ заблужденіемъ. Жестокость разразилась надъ несчастнымъ Фукэ, а Кольберъ искусно воспользовался заблужденіемъ. Онъ одинъ всецѣло управлялъ финансами и умѣлъ заставить короля вѣрить будто всѣ дѣла проходили черезъ его королевскія руки. Вскорѣ, по смерти испанскаго короля, молодому королю, жаждавшему славы представился случай завязать войну. Онъ недавно отказался отъ всякихъ притязаній на испанскую корону и этотъ отказъ тщательно былъ формулированъ въ брачномъ контрактѣ королевы, но все это не удержало короля. Онъ отправился во Фландрію, быстро одержалъ рядъ побѣдъ и готовился уже перейти Рейнъ. Тройственный союзъ Англіи, Швеціи и Голландіи только сильнѣе раздражилъ его честолюбіе. Зимой онъ завладѣлъ Франшъ-Контэ и при заключеніи Ахенскаго мира, отказавшись отъ этого завоеванія, — удержалъ за собой Фландрскія земли.

Государство процвѣтало и богатѣло. Кольберъ довелъ до высшей степени процвѣтанія финансы, флотъ, торговлю, промышленность, даже литературу. И этотъ вѣкъ, подобный вѣку Августа, производилъ одного за другимъ знаменитыхъ людей всевозможныхъ талантовъ, даже и такихъ, кто умѣлъ только наслаждаться жизнью. Ле-Телье и его сынъ Лувуа, завѣдывавшій военнымъ министерствомъ, приходили въ отчаяніе отъ успѣховъ и вліянія Кольбера. Имъ не трудно было внушить королю новую войну и успѣхи этой войны повергли Европу въ такой ужасъ, что Франція долго не могла разсѣять его. Ей впослѣдствіи пришлось перенести за это немало лишеній и бѣдъ. Такова была настоящая причина пресловутой голландской войны, внушенной ему его министрами и оказавшейся столь роковою для его государства и для его славы, благодаря любви къ г-жѣ Монтеспанъ. Все было покорено; все находилось въ его власти и Амстердамъ готовился послать ему свои ключи, король вдругъ теряетъ терпѣніе, бросаетъ армію, летитъ въ Версаль и въ одно мгновеніе губитъ всѣ успѣхи своихъ войскъ. Онъ загладилъ этотъ недостойный поступокъ вторичнымъ личнымъ завоеваніемъ Франшъ-Контэ и провинція на этотъ разъ осталась за Франціей.

Въ 1676 году король вернулся во Фландрію, взялъ Кондэ, своего брата и Бутэна. Армія короля и принца Оранскаго неожиданно сошлись лицомъ къ лицу. Предстояло рѣшить немедленно, слѣдуетъ ли дать сраженіе. Братъ короля еще не соединился съ Бутэномъ, но силы короля и безъ того превосходили непріятельскую армію. Маршалы, верхомъ на лошадяхъ, собрались вокругъ короля, вмѣстѣ съ ними наиболѣе выдающіеся генералы и главные придворные, чтобы составить нѣчто въ родѣ военнаго совѣта. Вся армія требовала битвы и всѣ эти господа отлично видѣли, что́ надлежитъ дѣлать, но ихъ затрудняло присутствіе короля и въ особенности настроеніе Лувуа, знавшаго своего господина и уже въ теченіе двухъ часовъ развивавшаго темную интригу. Съ

цѣлью испугать собравшихся военачальниковъ, Лувуа заговорилъ первый; онъ возсталъ противъ битвы и маршалъ Гюмьеръ, его личный другъ и человѣкъ, вполнѣ зависимый, а также маршалъ Шомбергъ, большой поклонникъ Лувуа, присоединились къ его мнѣнію. Маршалъ Ла-Фельядъ, не имѣвшій съ Лувуа ничего общаго, но какъ истинный царедворецъ, не имѣвшій также и собственнаго мнѣнія, послѣ нѣкоторыхъ колебаній присоединился къ нимъ. Маршалъ де-Лоржъ, непоколебимо правдивый, преданный славѣ короля и благу государства, находился въ дурныхъ отношеніяхъ съ Лувуа, какъ любимый племянникъ маршала Тюренна, убитаго годъ тому назадъ. Кромѣ того, онъ былъ сдѣланъ маршаломъ и капитаномъ лейбъ-гвардіи противъ воли Лувуа и теперь онъ изо всѣхъ силъ сталъ доказывать необходимость сраженія и привелъ столь вѣское основаніе, что Лувуа и маршалы не нашли, что ему возразить. Военныя чины низшаго ранга, говорившіе послѣ, не осмѣлились возражать Лувуа, но въ тоже время не могли ослабить и доводовъ маршала де-Лоржа и въ заключеніе пробормотали что-то невнятное. Король все выслушалъ, собралъ мнѣнія, точнѣе просто голоса, не заставляя каждаго повторять то, что онъ уже сказалъ, выразилъ легкое сожалѣніе о томъ, что ему приходится подчиниться, столь основательнымъ соображеніямъ и свои желанія принести въ жертву выгодамъ государства и съ этими словами поѣхалъ прочь.

На слѣдующій день (все это я знаю отъ маршала де-Лоржа; онъ былъ сама правда и разсказывалъ это нѣсколько разъ и всегда съ негодованіемъ), на слѣдующій день, говорю я, онъ послалъ трубача къ непріятелямъ, которые отступали. Они задержали трубача на день или или на два, принцъ Оранскій пожелалъ его видѣть и усердно расспрашивалъ его, что помѣшало королю напасть на голландцевъ при несомнѣнномъ превосходствѣ своихъ силъ. Принцъ заставилъ говорить трубача публично и, лукаво улыбаясь, объяснилъ ему, что онъ уже раньше былъ предувѣдомленъ объ этомъ событіи. Чтобы досадить королю, онъ поручилъ трубачу передать маршалу де-Лоржу слѣдующее: маршалъ имѣлъ всѣ основанія упорно настаивать на битвѣ; у маршала еще никогда не было болѣе благодарнаго случая сразиться съ врагомъ и принцъ еще никогда такъ не радовался тому, что избѣгъ битвы; онъ несомнѣнно былъ бы побитъ и никакъ не могъ бы избѣжать аттаки. Принцъ все это объяснилъ трубачу въ немногихъ словахъ. Трубачъ, крайне довольный тѣмъ, что онъ велъ съ принцемъ Оранскимъ такой продолжительный и такой любопытный разговоръ передалъ его не только маршалу де-Лоржу, но и королю, пожелавшему его видѣть, а потомъ маршаламъ, генераламъ и всякому, кто хотѣлъ его слушать. И такимъ образомъ разжегъ неудовольствіе арміи и причинилъ сильное неудовольствіе Лувуа. Эта ошибка произвела сильнѣйшее впечатлѣніе на войска и почти всюду, вызвала жестокія насмѣшки въ свѣтскомъ обществѣ и при иностранныхъ дворахъ. Король не захотѣлъ больше оставаться при арміи, хотя шелъ только еще май мѣсяцъ и вернулся къ своей возлюбленной. На слѣдующій годъ онъ вернулся въ Фландрію и взялъ Камбрэ. Братъ короля осадилъ Сентъ-Омэръ. Принцъ Оранскій явился на помощь осажденнымъ; французскій полководецъ далъ ему сраженіе у Каленя и одержалъ полную побѣду, немедленно затѣмъ взялъ Сентъ-Омеръ и соединился съ королемъ. Контрастъ этихъ успѣховъ съ прошлогодними происшествіями такъ поразилъ короля, что онъ уже никогда не давалъ своему брату командованіе надъ арміей. Всѣ внѣшнія приличія соблюдались въ совершенствѣ, но рѣшеніе короля

осталось неизмѣннымъ. Годъ спустя король лично осадилъ Гентъ. Проектъ и выполненіе осады были истиннымъ подвигомъ Лувуа. Нимвегенскій миръ положилъ въ этомъ году конецъ голландской и испанской войнѣ, а въ началѣ слѣдующаго года прекратилась война съ императоромъ и имперіей. Америка, Африка, Турція, Сицилія глубоко почувствовали могущество Франціи и въ 1684 году испанцы потеряли Люксембургъ за то, что медлили выполнить всѣ условія мира. Въ началѣ слѣдующаго года Венеція подверглась бомбардировкѣ и прислала своего дожа и четырехъ сенаторовъ просить мира. Потомъ до 1688 года событія ограничились предѣлами королевскаго кабинета и время прошло не столько въ праздпествахъ, сколько въ покаяніи и искусахъ. Здѣсь поворотная точка царствованія Людовика. Здѣсь окончился періодъ славы и счастія. Великіе полководцы, великіе министры больше не существовали, но оставались ихъ ученики.

Предъ нами второй періодъ, онъ не соотвѣтствуетъ первому, но, во всякомъ случаѣ, еще сильно отличается отъ послѣдняго.

Война 1688 года была вызвана странными причинами. Достовѣрный и любопытный разсказъ объ этихъ причинахъ прекрасно характеризуетъ и короля, и Лувуа, и его министровъ. Лувуа, по смерти Кольбера, завѣдывалъ постройками. Малый Тріанонъ, построенный когда то для г-жи Ментенонъ, прискучилъ королю, повсюду желавшему воздвигать дворцы. Строительная дѣятельность вообще доставляла ему большое удовольствіе. Онъ обладалъ глазомѣромъ относительно правильности, пропорціональности и симметріи въ строительномъ искусствѣ, но вкусъ его не стоялъ на уровнѣ глазомѣра. Постройка Тріанона находилась еще въ самомъ началѣ, когда король замѣтилъ недостатокъ въ устройствѣ одного окна. Лувуа, отъ природы грубый и избалованной до такой степени, что съ трудомъ могъ переносить замѣчанія своего господина, началъ энергично возражать и доказывать, что окно вполнѣ удовлетворительно. Король повернулся и пошелъ дальше осматривать зданіе.

На слѣдующій день онъ увидѣлъ Ленотра, хорошаго архитектора, но прославившагося преимущественно устройствомъ садовъ, которые онъ началъ вводить во Франціи и довелъ до высшей степени совершенства. Король спросилъ у него, былъ ли онъ въ Тріанонѣ. Тотъ отвѣтилъ отрицательно. Король объяснилъ, — что ему не понравилось въ постройкѣ и приказалъ Ленотру побывать тамъ. На слѣдующій день тотъ же вопросъ и тотъ же отвѣтъ. На третій день тоже самое. Король понялъ, что Ленотръ или не осмѣливается уличить его въ ошибкѣ, или боится пойти противъ Лувуа. Король разгнѣвался и приказалъ Ленотру быть на слѣдующій день въ Тріанонѣ одновременно съ нимъ. Послѣ этого невозможно было отвертѣться.

На слѣдующій день король встрѣтилъ въ Тріанонѣ Лувуа и Ленотра. Сначала поднялся вопросъ объ окнѣ. Лувуа началъ спорить, Ленотръ не говорилъ ни слова. Наконецъ король приказалъ Ленотру вымѣрить окно и сказать ему результаты. Въ то время, когда Ленотръ исполнялъ приказъ, Лувуа пришелъ въ бѣшенство отъ этой провѣрки, принялся ворчать громко и озлобленно доказывать, что спорное окно совершенно одинаково съ другимъ. Король молчалъ и ждалъ, но видимо страдалъ. Ленотръ кончилъ провѣрку и король обратился къ нему съ вопросомъ. Тотъ началъ что то бормотать. Король разгнѣвался и приказалъ ему говорить яснѣй. Тогда Ленотръ сознался, что король правъ и сталъ излагать недостатки постройки. Не успѣлъ онъ еще кончить,

король обратился къ Лувуа, поставилъ ему на видъ неумѣстность его упорства, объяснилъ, что безъ его королевскаго настойчиваго вмѣшательства все зданіе было бы построено неправильно и все пришлось бы передѣлывать уже послѣ окончанія. Однимъ словомъ король далъ Лувуа жестокую головомойку.

Придворные, рабочіе и слуги были свидѣтелями сцены; именно это обстоятельство повергло Лувуа въ ярость. Онъ собралъ къ себѣ своихъ ближайшихъ пріятелей, которые были очень встревожены происшествіемъ и заявилъ имъ: «съ королемъ у меня все кончено, разъ онъ мнѣ устраиваетъ подобныя сцены изъ-за одного окна; у меня единственный выходъ война, которая отвлечетъ его вниманіе отъ построекъ и сдѣлаетъ меня снова необходимымъ и клянусь,—война будетъ». Дѣйствительно, нѣсколько мѣсяцевъ спустя онъ сдержалъ слово и противъ воли короля и европейскихъ державъ сумѣлъ разжечь всеобщую брань. Она разрушила Францію и, несмотря на побѣды французскихъ войскъ, она не перешла за французскіе предѣлы и вызвала не мало позорныхъ событій.

Самое тягостное изъ нихъ походъ самого короля продолжавшійся всего одинъ мѣяцъ. Въ распоряженіи короля находились двѣ грозныхъ арміи, по крайней мѣрѣ вдвое превосходившихъ численность непріятельскаго войска.

Король находился всего на разстояніи одной мили отъ лагеря принца Оранскаго. Маршалъ Люксембургъ стоялъ въ полу-мили отъ арміи короля. Принцъ Оранскій до такой степени оказывался стѣсненнымъ, что считалъ себя совершенно безпомощнымъ въ лагерныхъ укрѣпленіяхъ, воздвигнутыхъ наскоро и свое положеніе признавалъ до такой степени отчаяннымъ, что уже раза четыре или пять сообщалъ объ этомъ въ Брюссель своему личному другу. Онъ не видѣлъ ни малѣйшаго спасенія ни для себя, ни для своей арміи. Отъ короля его защищали только плохія укрѣпленія и не было ничего легче, какъ напасть на него съ одною арміей и закончить побѣду съ другой, совершенно свѣжей, тѣмъ болѣе, что обѣ арміи были вполнѣ снабжены правіантомъ и артиллеріей.

Іюнь только что начался и какая бы могла быть блестящая побѣда въ самомъ началѣ похода. Каково же было всеобщее изумленіе во всѣхъ трехъ арміяхъ, когда узнали, что король отступаетъ и организуетъ два сильныхъ отряда, разбивая этимъ маневромъ почти всю свою армію. Одинъ отрядъ для Италіи, другой для Германіи. Наканунѣ отправки онъ призвалъ маршала Люксембурга сообщить ему свои новыя распоряженія. Маршалъ бросился на колѣни и, обнимая ноги короля, умолялъ его отмѣнить рѣшеніе, доказывалъ ему, до какой степени легко можно одержать вѣрную и блестящую побѣду надъ принцемъ Оранскимъ. Маршалъ только раздражилъ короля и тѣмъ сильнѣе, что Людовикъ ни слова не могъ возразить ему. Трудно представить, какое отчаяніе охватило обѣ арміи; даже придворные, всегда съ такимъ удовольствіемъ возвращающіеся домой, не могли сдержать своего горя. Огорченіе и изумленіе высказывались совершенно свободно и вызвали крайне прискорбную молву.

На слѣдующій день король отправился къ г-жѣ Ментенонъ и къ ея дамамъ и вернулся съ ними въ Версаль. Съ тѣхъ поръ онъ ни разу не бывалъ на границахъ своего государства, а войска видѣлъ только на парадахъ и во время мира.

Въ довершеніе непріятности вскорѣ стали извѣстны слѣдующія о-

стоятельства. Принцъ Оранскій, извѣщенный объ отъѣздѣ короля, сообщилъ своему брюссельскому другу, что онъ всегда получалъ вѣрныя извѣстія отъ нѣкоего человѣка, и тотъ его никогда не обманывалъ. Только касательно отъѣзда короля, онъ, принцъ, никакъ не могъ повѣрить своему корреспонденту и отчаяніе смѣнить на надежду. Но фактъ подтвердился, — король дѣйствительно уѣзжалъ отъ арміи и принцъ свое неожиданное освобожденіе приписывалъ исключительно головокруженію и ослѣпленію королевскаго ума. Любопытно, что брюссельскій другъ принца впослѣдствіи жилъ при нашемъ дворѣ, часто разсказывалъ исторію своимъ друзьямъ и гостямъ, даже въ салонѣ Марли.

Король и государство жаждали мира уже давно, и миръ былъ заключенъ постыдный для Людовика. Пришлось, наконецъ, принца Оранскаго признать англійскимъ королемъ послѣ столь многочисленныхъ усилій, послѣ такой ненависти и презрѣнія къ его личности и принять наконецъ его посланника, какъ нѣкую священную особу. За свою опрометчивость мы расплатились маршаломъ Люксембургомъ. Военное невѣжество нашихъ уполномоченныхъ, которыхъ не могли просвѣтить и совѣтники короля, принесло непріятелямъ великую пользу. Они могли, какъ хотѣли, установить пограничную линію. Таковы были плоды Рисвикскаго мира, заключеннаго въ сентябрѣ 1697 года. Миръ продолжался всего три года и Франція жестоко страдала, возвращая завоеванныя области и крѣпости. Къ этому присоединялась еще тяжесть издержекъ, поглощенныхъ войной. Здѣсь оканчивается второй періодъ царствованія. Третій открывается неслыханнымъ блескомъ славы и счастія. Блескъ мгновенно погасъ, но онъ опьянилъ короля и подготовилъ страшныя бѣдствія, отъ которыхъ страна могла избавиться только чудомъ. Всевозможныя бѣдствія сопровождали короля до самой могилы и онъ былъ счастливъ, если бы умеръ нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ воцаренія своего внука надъ Испанской монархіей, которое было досталось ему безъ всякихъ усилій. Этотъ послѣдній періодъ настолько близокъ къ нашему времени, что о немъ пока неумѣстно распространяться.

Но то немногое, что было сказано до сихъ поръ о царствованіи короля, необходимо, чтобы лучше понять дальнѣйшую характеристику его личности.

Приходится опять повторить: умъ короля былъ ниже посредственнаго, но онъ обладалъ большой способностью къ развитію. Король любилъ славу, порядокъ и правильность въ дѣлахъ правленія. Отъ природы онъ былъ благоразуменъ, умѣренъ, скроменъ, умѣлъ владѣть собой и даже—трудно повѣрить—онъ родился добрымъ и справедливымъ и Богъ одарилъ его достаточно, чтобы быть ему хорошимъ и, можетъ быть, даже довольно замѣчательнымъ королемъ. Все дурное пришло къ нему извнѣ. Въ дѣтствѣ онъ до такой степени былъ заброшенъ, что никто не осмѣливался даже приблизиться къ его комнатѣ. Онъ часто съ горечью вспоминалъ объ этомъ времени и разсказывалъ, какъ однажды вечеромъ его нашли въ бассейнѣ, въ саду, въ Пале-Роялѣ, въ Парижѣ, гдѣ тогда жилъ дворъ.

Впослѣдствіи онъ очутился въ крайне зависимомъ положеніи. Его едва научили читать и писать, и онъ остался до такой степени невѣжественнымъ, что не имѣлъ ни малѣйшаго понятія объ извѣстнѣйшихъ историческихъ фактахъ и событіяхъ и столько же былъ свѣдущъ въ законодательствѣ. Благодаря невѣжеству, онъ часто публично говорилъ грубѣйшія нелѣпости.

Его министры, генералы, возлюбленныя и придворные вскорѣ замѣтили его наклонность къ тщеславію. Они принялись взапуски хвалить его и окончательно испортили. Похвалы, точнѣе лесть, до такой степени нравились ему, что онъ съ удовольствіемъ выслушивалъ самые грубые комплименты и, именно, самыя льстивыя, низкія рѣчи особенно ему нравились. Только такимъ путемъ можно было приблизиться къ нему и его любимцы своимъ счастіемъ были обязаны исключительно своей неутомимости въ лести. Вліяніе министровъ зависило только отъ ихъ умѣнья возжигать предъ нимъ фиміамъ и, въ особенности, отъ искусства приписывать ему всю государственную дѣятельность и свои собственныя дѣйствія. Низкопоклонничество, рабскіе восторги и пресмыкательства были единственными способами понравиться ему. Кто удалялся отъ этой политики, тотъ терялъ все. Такъ, напримѣръ, погибъ Лувуа.

Съ теченіемъ времени отрава усиливалась и развилась до невѣроятной степени у государя, не лишеннаго ни ума, ни опытности. Онъ не обладалъ ни голосомъ, ни музыкальнымъ слухомъ, но это не мѣшало ему въ кружкѣ избранныхъ придворныхъ напѣвать мѣста изъ оперъ, съ наиболѣе откровенною лестью по его адресу.

Во время публичныхъ пиршествъ, гдѣ иногда играла музыка, онъ напѣвалъ сквозь зубы тѣ же хвалебные гимны, когда ихъ играли.

Отсюда жажда славы, иногда вырывавшая его изъ объятій любви, отсюда легкость, съ какою Лувуа впутывалъ его въ обширныя войны или съ цѣлью низвергнуть Кольбера, или затѣмъ, чтобы поддержать, даже возвысить свое значеніе, и въ то же время убѣдить короля, что онъ величайшій полководецъ среди своихъ генераловъ и какъ стратегъ, и какъ военачальникъ. Генералы, чтобы угодить королю, помогали краснорѣчію Лувуа. Я могу назвать Кондэ, Тюренна, и еще съ большимъ основаніемъ ихъ преемниковъ. Король легко и съ поразительной любезностью присваивалъ себѣ рѣшительно все, что ему приписывали, и воображалъ себя именно такимъ, какимъ его изображали льстецы.

Отсюда его увлеченіе смотрами, доходившее до такой степени, что враги называли его «королемъ смотровъ», наконецъ,—любовь устраивать осады крѣпостей. Здѣсь ничего не стоило показать свое мужество, выносливость, предусмотрительность, бдительность, неутомимость, въ особенности свойственную его крѣпкому и изумительно сильному организму. Этотъ организмъ легко могъ выносить холодъ, жаръ и какое угодно ненастье. Людовику также очень нравилось, когда въ лагерѣ восхищались его величественной осанкой, его ловкой верховой ѣздой и, вообще, всѣми его дѣйствіями. Именно о своихъ походахъ и о своихъ войскахъ онъ больше всего говорилъ съ своими любовницами, иногда съ придворными. Говорилъ онъ хорошо, выразительно и правильно. Бесѣдовалъ и разсказывалъ онъ лучше, чѣмъ заурядный свѣтскій человѣкъ. Самые обыкновенные его разговоры никогда не были лишены естественнаго и увлекательнаго величія.

Его умъ, отъ природы склонный къ мелочамъ, увлекался всевозможными подробностями. Людовикъ безпрестанно входилъ въ мельчайшія частности относительно войска. Его интересовала одежда, вооруженіе, военныя упражненія, дисциплина, однимъ словомъ всякая ничтожная мелочь. Онъ занимался также постройками, хозяйствомъ и всегда готовъ былъ научиться всѣмъ этимъ вещамъ отъ тѣхъ, кому они были лучше извѣстны, а тѣ, въ свою очередь, въ качествѣ уче-

никовъ, выслушивали лекціи, давно затверженныя ими наизусть. Эту безплодную трату времени король считалъ подвигомъ своего неустаннаго трудолюбія и министры превосходно пользовались этимъ заблужденіемъ. Не требовалось большого искусства и опытности, чтобы, какъ угодно, вертѣть королемъ и приписывать его иниціативѣ личныя желанія министровъ. И министры важныя дѣла устраивали такъ, какъ имъ хотѣлось и слишкомъ часто въ своихъ собственныхъ интересахъ, въ то же время осыпая восторгами короля, всецѣло погруженнаго въ мелочи.

Тщеславіе и гордость не переставали овладѣвать Людовикомъ, незамѣтно для него самого, благодаря вліянію окружающихъ и даже церковные проповѣдники помогали этому. Благодаря именно этимъ порокамъ короля, его министры скоро достигли высшаго положенія, чѣмъ даже родовое дворянство. Съ удивительной ловкостью они умѣли приписать личнымъ талантамъ короля все свое искусство, убѣдить его, что они сами только отраженіе этихъ талантовъ и сами по себѣ ничто. Королю, слѣдовательно, необходимо было поднять престижъ органовъ своей власти и сдѣлать ихъ болѣе внушительными. Въ результатѣ государственные секретари и министры прежде всего постепенно измѣнили свой костюмъ, перестали носить плащъ, потомъ, вообще, черное, одноцвѣтное и скромное платье, наконецъ, стали одѣваться по модѣ людей знатнаго сословія, потомъ они усвоили дворянскія манеры, добились разнаго рода отличій, стали допускаться къ столу короля. Жены ихъ, сначала, пользовались привилегіями знатныхъ особъ подъ разными личными предлогами, напримѣръ: г-жѣ Кольберъ, потомъ г-жѣ Лувуа, наконецъ, съ теченіемъ времени всѣ онѣ стали ѣздить въ каретахъ, на основаніи служебнаго положенія своихъ мужей и, вообще, перестали отличаться чѣмъ-либо отъ дамъ высшаго ранга.

Лувуа, подъ разными предлогами, началъ отнимать гражданскія и военныя почести у дворянства, которое пользовалось ими искони, и перестал писать имъ: Монсеньоръ, какъ это было принято. Сначала это вызвало большой шумъ, высшее дворянство, губернаторы, а за ними и менѣе знатные люди и военачальники увидѣли для себя страшное оскорбленіе въ столь изумительномъ и странномъ нововведеніи, но министры сумѣли внушить королю необходимость унижать все привелигерованное, убѣдили его, что отказать министрамъ въ почестяхъ, значитъ посягнуть на его собственную власть, органами которой они являлись. Король совершенно былъ увлеченъ этимъ мнимымъ отраженіемъ своего величія и выразилъ свою волю до такой степени сурово, что оставалось только склониться предъ новымъ порядкомъ вещей или покинуть службу, впасть въ особую немилость короля и подвергнуться преслѣдованію тѣхъ же самыхъ министровъ, у которыхъ было сколько угодно случаевъ проявлять свою власть.

Нѣкоторыя лица изъ высшей знати, нѣкоторые офицеры съ высшими отличіями и чинами предпочли отъ всего отказаться и все потерять, даже свое состояніе, и они его, дѣйствительно, потеряли; большинство и еще больше потерпѣло, но зато съ теченіемъ времени постепенно исчезла всякая оппозиція.

Въ результатѣ—личная власть министровъ возросла до послѣдней степени во всемъ, что только имѣло отношеніе къ распоряженіямъ короля, возросла подъ тѣмъ предлогомъ, что самовластіе министровъ ни что иное, какъ власть самаго короля. Отсюда всевозможныя злоупотребленія, громадныя богатства и брачные союзы, которые министры заключали по собственному выбору.

Какъ бы министры ни враждовали между собой, общій интересъ установилъ между ними самое горячее единеніе. И блескъ, возвышавшій ихъ надъ всѣмъ государствомъ, продолжался въ теченіе всего царствованія Людовика XIV.

Этотъ блескъ питалъ его тщеславіе и король столь же ревностно поддерживалъ его, какъ и его министры. Онъ желалъ, чтобы всякое величіе было только отраженіемъ его собственнаго. Всякое другое сдѣлалось для него ненавистнымъ. Онъ впадалъ въ непостижимыя противорѣчія, будто всѣ почести, всѣ обязанности, должности, отличія и прерогативы истекали отъ него, все равно, какъ и мѣста министровъ и государственныхъ секретарей. А между тѣмъ онъ только ихъ считалъ плодомъ своей власти, только ихъ возвышалъ, все остальное повергая предъ ними во прахъ.

Еще другое личное тщеславіе заставляло его дѣйствовать въ томъ же направленіи. Онъ отлично понималъ, что могъ поразить сеньора какой угодно своей опалой, но не былъ въ состояніи уничтожить ни его, ни его семьи. Напротивъ, низвергая государственнаго секретаря или другого чиновника съ его мѣста, онъ повергалъ его и его семью въ то самое ничтожество, откуда извлекъ ихъ раньше. И какое угодно богатство не могло поддержать ихъ престижа, поэтому именно король и позволялъ своимъ министрамъ властвовать надъ благороднѣйшими своими подданными, даже надъ принцами крови, какъ надъ простыми смертными. Именно поэтому онъ не давалъ министерскихъ полномочій человѣку, обладавшему собственнымъ авторитетомъ независимо отъ королевскаго. Этотъ автoритетъ уже дѣлалъ въ глазахъ короля такого министра болѣе или менѣе опаснымъ и тягостнымъ. Единственное исключеніе за все время царствованія было сдѣлано только для герцога Бовилье. Послѣ смерти кардинала Мазарини это былъ единственный знатный человѣкъ, допущенный въ совѣтъ короля.

Въ результатѣ—предусмотрительная ревность министровъ сдѣлала короля недоступнымъ для всякаго другого, кромѣ самихъ министровъ. Король былъ убѣжденъ, что, принимая знатнѣйшихъ лицъ только *мимоходомъ*, онъ этимъ спасаетъ свое величіе и внушаетъ подданнымъ благоговѣніе и страхъ. Знатный сеньоръ и самый скромный представитель какого угодно сословія одинаково свободно могли говорить съ королемъ, когда онъ шелъ къ обѣднѣ или возвращался назадъ, когда переходилъ изъ одной комнаты въ другую или садился въ карету. Случалось также самымъ знатнымъ особамъ говорить съ нимъ у дверей его кабинета, но слѣдовать за нимъ дальше они не смѣли. Этимъ и ограничивалась его доступность. Такимъ образомъ объясняться съ нимъ можно было только въ двухъ словахъ и съ большими неудобствами. Разговоръ слышало всегда нѣсколько лицъ, окружавшихъ короля. Самый благосклонный отвѣтъ давался въ двухъ словахъ: «Я посмотрю». Отвѣтъ, разумѣется, цѣлесообразный для самаго короля: онъ имѣлъ время обсудить вопросъ, но въ то же время отвѣтъ весьма неудовлетворительный для просителей. Все по необходимости шло черезъ министровъ. Король ни у кого другого не могъ освѣдомиться о дѣлѣ и это обстоятельство дѣлало министровъ всемогущими, чего король, можетъ быть, хотѣлъ или просто не замѣчалъ.

Получить аудіенцію въ кабинетѣ было величайшей рѣдкостью, даже по порученіямъ самаго короля. Напримѣръ, никогда не давались аудіенціи посламъ при иностранныхъ дворахъ, высшимъ офицерамъ. И только въ

самыхъ рѣдкихъ случаяхъ проникали въ кабинетъ короля тѣ, кто завѣдовалъ мелочами военной службы, столь интересовавшей короля.

Краткія аудіенціи давались генераламъ арміи, отправлявшимся въ походъ, и всегда въ присутствіи военнаго министра, и еще короче— по возвращеніи. Иногда же генераловъ совсѣмъ не принимали: ни передъ походомъ, ни послѣ. Ихъ донесенія никогда не доходили прямо къ королю, не побывавъ предварительно въ рукахъ министра, развѣ только въ самыхъ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ. Одинъ только Тюреннь, подъ конецъ жизни, окруженный блестящей славой и всеобщимъ уваженіемъ и состоя въ то же время въ открытой ссорѣ съ Лувуа, адресовалъ свои депеши кардиналу Бульонскому, а тотъ передавалъ ихъ прямо королю. Но и эти депеши потомъ просматривались министромъ и приказы и отвѣты давались по соглашенію съ нимъ.

И все-таки надо правду сказать, какъ бы король ни былъ обольщенъ своимъ величіемъ и своею властью, заглушившей въ немъ всякое уваженіе къ чужому авторитету, тѣмъ не менѣе, можно было многаго достигнуть путемъ аудіенцій. Надлежало только хорошенько похлопотать получить эту аудіенцію и во время ея вести себя съ должнымъ почтеніемъ къ королевскому сану и къ этикету. Я могу говорить это по личному опыту. Какъ бы король ни былъ предубѣжденъ, какія бы отрицательныя чувства онъ ни усвоилъ заранѣе, онъ слушалъ терпѣливо, благосклонно, видимо желая уяснить себѣ данный вопросъ, и только въ виду этого онъ прерывалъ своего собесѣдника. Было ясно, что онъ хотѣлъ быть справедливымъ и желалъ знать истину, иногда даже несмотря на приступы гнѣва. И такъ было до конца его жизни. Ему все было можно говорить, но только сохраняя видъ совершеннаго почтенія и вѣрноподданической покорности. Безъ этого можно было все потерять. Но за то, ведя себя умѣло и говоря правду, можно было короля прерывать, рѣшительно отрицать приводимые имъ факты, повышать голосъ, и король не только не находилъ это дурнымъ, но даже расхваливалъ аудіенцію и того, кому онъ ее далъ, отказывался отъ прежнихъ предразсудковъ, отъ ложныхъ представленій, ему раньше навязанныхъ и даже отличалъ своимъ обращеніемъ понравившагося ему собесѣдника. Естественно, министры приложили всю заботу, чтобы сдѣлать короля недоступнымъ и вполнѣ достигли этого.

Возможность говорить съ королемъ ежедневно, не досаждать ему спеціальными и всѣмъ извѣстными аудіенціями и, навѣрное, получать ихъ незамѣтно для кого бы то ни было,—все это давало особый почетъ должностнымъ лицамъ, близкимъ къ особѣ короля, самимъ министрамъ и ихъ служебному положенію.

Въ результатѣ—слѣдуетъ оплакивать горячими слезами воспитаніе, полученное королемъ. Оно было направлено исключительно на то, чтобы извратить его умъ и сердце. Отвратительный ядъ самой беззастѣнчивой лести обоготворилъ его, государя христіанскаго государства. Жестокая политика министровъ отдѣлила его отъ всего остальнаго міра и они, въ интересахъ своего величія, своего могущества и своихъ корыстныхъ цѣлей, окончательно вскружили ему голову его властью, его величіемъ и его славой. И если имъ не удалось задушить въ немъ всю доброту, справедливость, желаніе знать истину, все, что ему дано было отъ Бога, они успѣли почти совершенно сгладить всѣ прирожденныя достоинства и упорно мѣшали имъ проявляться. И жертвами этой политики оказались самъ король и все королевство.

Изъ этихъ ядовитыхъ источниковъ развилась его гордость, и если бы

онъ не чувствовалъ страха передъ чертомъ даже въ самыя разнузданныя минуты, онъ несомнѣнно заставилъ бы людей молиться на себя и нашелъ бы охотниковъ. Доказательство—многочисленные грандіозные памятники, особенно собственная статуя короля на площади Побѣдъ съ языческой надписью.

Та же самая гордость, которою такъ ловко умѣлъ пользоваться Лувуа, истощила королевство войнами и безчисленными укрѣпленіями. Война съ Нидерландами послѣ смерти Филиппа IV за права королевы, дочери Людовика, вызвала тройственный союзъ. Война съ Голландіей въ 1670 году навсегда перепугала всю Европу, благодаря успѣхамъ короля, который все-таки бросилъ эту войну ради любви. Война эта воскресила партію принца Оранскаго и погубила республиканцевъ. Благодаря ей, во главѣ Голландіи сталъ правитель въ высшей степени опасный своими способностями, своими планами и своими связями. Онъ съ гордостью отвергъ старшую незаконную дочь короля, самую приличную изъ нихъ, и отказъ этотъ до такой степени уязвилъ Людовика, что принцъ уже никогда не могъ загладить своей вины всевозможными знаками уваженія. Наконецъ доведенный до отчаянія презрѣніемъ короля, онъ сдѣлался его самымъ ужаснымъ врагомъ и даже терпя постоянную неудачу въ войнѣ противъ Франціи, онъ съумѣлъ извлечь изъ своей вражды поразительныя для себя выгоды.

Первымъ его шагомъ была знаменитая Аугсбургская лига, возникшая на почвѣ страха предъ могуществомъ Франціи. Лувуа былъ виновникомъ и душой всѣхъ этихъ войнъ, потому что былъ военнымъ министромъ, завидовалъ Кольберу и стремился погубить его, разстроивъ финансы и поставивъ его въ безвыходное положеніе. Кольберъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы предотвратить войну, но въ то же время не хотѣлъ и покидать своего поста. Въ концѣ концовъ всѣ рессурсы, какіе только можно было вообразить, изсякли. Кольберъ ниспровергъ всѣ древнія и законныя преграды, подготовилъ такимъ образомъ разложеніе государства и мало по малу довелъ его до бѣдствій, истощившихъ населеніе и разорившихъ королевство.

Къ такому результату привели безчисленныя войска и укрѣпленія. Все это сначала подавило враговъ, но, наконецъ, они сами научились держать болѣе многочисленную армію, чѣмъ наша. Германія и сѣверъ оказались неистощимы въ людяхъ, а Франція между тѣмъ вымирала.

Та же самая зависть Лувуа уничтожила морскія силы въ странѣ омываемой моремъ съ двухъ сторонъ. Флотъ процвѣталъ при Кольберѣ и его сынѣ. Лувуа помѣшалъ выполнить мудрый планъ устроить портъ для защиты отступленія къ Ламаншу. Громадная ошибка, стоившая Франціи много лѣтъ спустя многочисленнаго флота, построеннаго съ огромными затратами и погибшаго у того же Ламанша Такимъ образомъ Лувуа уничтожилъ флотъ и погубилъ торговлю, этотъ источникъ богатствъ, можно сказать, душу государства, столь счастливо расположеннаго между двумя морями

При такомъ-то печальномъ внутреннемъ положеніи Франціи окно въ Тріанонѣ вызвало войну 1688 года, Лувуа прежде всего убѣдилъ короля совсѣмъ не вѣрить сообщеніямъ французскаго посла въ Голландіи и многихъ другихъ лицъ, положительно утверждавшихъ, что въ Англіи готовится революція. Лувуа такимъ образомъ сразу достигалъ двухъ цѣлей въ личныхъ интересахъ: прежде всего онъ обезпечивалъ себя продолжительной и упорной борьбой съ Голландіей и Англіей. Онъ былъ увѣренъ, что застарѣлая ненависть короля къ

принцу Оранскому не потерпитъ, чтобы величіе этого принца упрочилось на развалинахъ католической религіи и на униженіи Іакова II, его личнаго друга. И король долженъ былъ оставаться при такомъ настроеніи до тѣхъ поръ, пока могъ надѣяться низвергнуть принца и возстановить Іакова. Въ то же время Лувуа воспользовался смертью Кельнскаго курфюрста; начался споръ, кого выбрать на его мѣсто, или принца Баварскаго, его племянника, или кардинала Фюрстенберга, его викарія. Каждаго изъ этихъ кандидатовъ открыто поддерживали императоръ и Францiя. Подъ предлогомъ войны Лувуа убѣдилъ короля напасть на императора и на имперію, а затѣмъ, чтобы изъ этого вышла война ожесточенная и продолжительная, Лувуа приказалъ сжечь Вормсъ, Шпейеръ, разорить все курфюршество до самаго Майнца и завладѣть самимъ Майнцемъ. Такимъ образомъ жесточайшая война съ императоромъ, съ имперіей, съ Англіей и Голландіей была обезпечена, и чтобы длить ее, столько времени, сколько это будетъ въ его интересахъ, онъ перемѣнилъ театръ военныхъ дѣйствій.

Въ Германіи не было крѣпостей, она принадлежала множеству государей, ихъ слишкомъ незначительныя государства не могли выдержать войны, и съ этой стороны, слѣдовательно, угрожалъ слишкомъ скорый миръ несмотря на ярость, какую французы вызвали своими жестокими пожарами. Фландрія, напротивъ, изобиловала крѣпостями, и сюда не легко было проникнуть немедленно послѣ объявленія войны Лувуа убѣдилъ короля именно Фландрію сдѣлать мѣстомъ военныхъ дѣйствій, направить на нее главнѣйшія усилія, а относительно Германіи занять только наблюдательное военное положеніе. Онъ соблазнилъ короля надеждой на личное завоеваніе крѣпостей, и надеждой наказать современемъ голландцевъ, только что посадившихъ на тронъ короля Іакова принца Оранскаго, а король Іаковъ бѣжалъ во Францію вмѣстѣ съ своей семьей. Такимъ образомъ началась безконечная война.

Но это еще было не все: Лувуа желалъ въ точности выполнить свое слово. Только что начатая война его не удовлетворяла. Онъ захотѣлъ воевать со всей Европой. На очереди явилась Испанія въ союзѣ съ императоромъ и даже съ голландцами, такъ какъ испанцы имѣли владѣнія во Фландріи. Это обстоятельство создало предлогъ посягнуть на Ломбардію, а эти посягательства, въ свою очередь, вызвали на сцену герцога Савойскаго. Этотъ государь желалъ сохранить нейтралитетъ, но не имѣя силъ сопротивляться Франціи, онъ позволилъ ея войскамъ переходить черезъ его владѣнія небольшими отрядами въ полномъ порядкѣ и оплачивая свой фуражъ. Отказать въ этомъ для герцога было очень трудно, но Лувуа, по мѣрѣ того, какъ военныя дѣйствія развивались, началъ увеличивать свои требованія, отправлялъ одного курьера за другимъ съ приказами столь противорѣчивыми, что ни герцогъ Савойскій, ни даже французскій генералъ ничего больше не понимали. Герцогъ рѣшился написать самому королю, чтобы узнать его желанія и сообразоваться съ нимъ.

Но это не входило въ расчетъ Лувуа, желавшаго вынудить герцога на войну. Онъ осмѣлился скрыть письмо отъ короля и безъ его вѣдома предъявилъ до такой степени чрезмѣрныя требованія, что выполнить ихъ и отдать всю Савойю въ распоряженіе Франціи для герцога было одно и то же. Герцогъ возмутился, и оскорбленный уже презрительнымъ молчаніемъ короля на письмо, лично къ нему адресованное, началъ жаловаться очень громко. Лувуа воспользовался случаемъ, началъ обращаться съ нимъ съ крайней дерзостью, вынуждать

его на поступки болѣе серьезные, чѣмъ простыя жалобы и въ довершеніе всего заставилъ французскаго генерала открыть враждебныя дѣйствія, а генералъ между тѣмъ не могъ понять дѣйствій министра, безъ всякой войны получившаго отъ Савойи больше того, чѣмъ онъ могъ разсчитывать.

Во время этихъ странныхъ переговоровъ императоръ, принцъ Оранскій и голландцы, считавшіе вполнѣ основательно союзъ съ герцогомъ Савойскимъ обстоятельствомъ существеннымъ, съумѣли всѣмъ этимъ воспользоваться. Герцогъ соединился съ ними насильно, противъ своей воли и, по своему положенію, явился самымъ безпокойнымъ и самымъ страшнымъ врагомъ Франціи. Этого именно желалъ Лувуа, и этого онъ успѣлъ достичь.

Такъ велико было ослѣпленіе короля, такова была ловкость, смѣлость, ужасное вліяніе министра, самаго находчиваго по части проектовъ и ихъ выполненія, но въ то же время самаго рокового для всей страны въ роли перваго министра. По своему положенію онъ не былъ первымъ министромъ, но сумѣлъ свергнуть всѣхъ другихъ, руководить королемъ по собственному усмотрѣнію и стать наконецъ на самомъ дѣлѣ господиномъ. Онъ имѣлъ счастье пережить Кольбера и Сеньелея, своихъ враговъ и соперниковъ, но счастье это оказалось непродолжительнымъ.

Какъ разразилась опала и окончательное паденіе столь славнаго министра, вопросъ слишкомъ любопытный и не можетъ быть преданъ забвенію. Хотя я только что выступилъ на сцену, когда паденіе совершилось, я собралъ объ этомъ фактѣ хорошія свѣдѣнія и не боюсь ихъ пересказать, такъ какъ они идутъ изъ источниковъ вполнѣ достовѣрныхъ и безпристрастныхъ.

Исторія съ окномъ въ Тріанонѣ показала, до какихъ предѣловъ могло доходить раздраженіе Лувуа. Онъ не могъ скрыть своего гнѣва; кромѣ того, онъ страстно желалъ видѣть короля великимъ и славнымъ, такъ какъ это величіе и слава были самыми прочными основами его собственнаго благополучія и громадной власти. Онъ до такой степени стяжалъ довѣріе короля, что тотъ сообщилъ ему свое странное рѣшеніе жениться на г-жѣ Ментенонъ, и Лувуа былъ однимъ изъ двухъ свидѣтелей при совершеніи этого ужаснаго брака. Онъ имѣлъ смѣлость явиться достойнымъ королевскаго выбора. Онъ убѣдилъ короля, что было бы позоромъ когда-либо объявить этотъ бракъ, и онъ даже взялъ съ короля его королевское слово, что онъ никогда не сдѣлаетъ этого и заставилъ то же самое слово повторить въ его присутствіи архіепископу парижскому, который по церковнымъ законамъ также долженъ былъ присутствовать при бракосочетаніи.

Нѣсколько лѣтъ спустя Лувуа, всегда прекрасно освѣдомленный въ интимнѣйшей жизни короля и всегда всевозможными способами добивавшійся этихъ свѣдѣній, узналъ объ интригахъ г-жи Ментенонъ, желавшей опубликованія своего брака съ королемъ. Лувуа сообщили, что король имѣлъ слабость обѣщать ей это, и что объявленіе вскорѣ совершится. Лувуа вызываетъ въ Версаль архіепископа парижскаго и въ неурочный часъ послѣ обѣда беретъ бумаги, идетъ къ королю и, какъ всегда, проходитъ прямо въ кабинетъ. Король только что вернулся съ прогулки и еще не успѣлъ какъ слѣдуетъ оправиться. Увидѣвъ Лувуа совершенно неожиданно, онъ спросилъ у него о причинѣ его прихода. «Причина спѣшная и важная», отвѣчаетъ ему Лувуа съ такимъ печальнымъ видомъ, что король приходитъ въ изумленіе и приказываетъ окру-

жающимъ оставить его вдвоемъ съ Лувуа. Всѣ дѣйствительно вышли, но оставили двери открытыми, такъ что все можно было слышать, а въ зеркала даже все видѣть.

Когда всѣ вышли, Лувуа откровенно объявилъ королю, зачѣмъ онъ пришелъ. Король часто лгалъ, но не всегда могъ справиться съ ложью. Удивленный тѣмъ, что тайна его открыта, онъ прибѣгаетъ къ наивнымъ прозрачнымъ изворотамъ и окончательно уличенный министромъ, онъ думаетъ скрыться въ другой кабинетъ, гдѣ находилась прислуга и спастись такимъ образомъ отъ Лувуа. Лувуа замѣчаетъ маневръ короля, бросается на колѣни, останавливаетъ его, выхватываетъ свою шпаженку, протягиваетъ ее королю и умоляетъ убить его немедленно, если король непремѣнно желаетъ объявить свой бракъ, нарушить свое слово и покрыть себя въ глазахъ всей Европы позоромъ, котораго онъ, Лувуа. не желаетъ допустить. Король топаетъ ногами, гнѣвается, приказываетъ Лувуа оставить его; Лувуа все больше и больше сжимаетъ его ноги, опасаясь, чтобы онъ не ушелъ, рисуетъ ему страшный контрастъ его королевскаго сана, его личной славы и позорнаго дѣла, которое онъ намѣренъ совершить. Лувуа увѣряетъ, что онъ умретъ отъ горя и стыда, и въ результатѣ добивается того, что король во второй разъ даетъ ему слово никогда не объявлять своего брака.

Вечеромъ является архіепископъ парижскій. Лувуа разсказываетъ ему все, что произошло. Придворный прелатъ ни на что подобное не былъ способенъ, и на самомъ дѣлѣ поступокъ Лувуа слѣдуетъ считать благороднымъ, съ какой бы стороны его не разсматривать. Его совершилъ всемогущій министръ, цѣпко державшійся за свою власть и за свое положеніе, прекрасно понимавшій всю силу г-жи Ментенонъ и, слѣдовательно, отдававшій себѣ ясный отчетъ въ значеніи ея ненависти въ случаѣ, если бы она узнала о его поведеніи, разсчитывать же на полную тайну онъ не могъ, имѣя слишкомъ обширный кругъ знакомыхъ. Архіепископу предстояло только напомнить королю слово, которое было дано ему, Лувуа, и только что повторено. Архіепископъ не могъ не признать поведенія Лувуа достойнымъ и мужественнымъ. На слѣдующій день утромъ онъ имѣлъ разговоръ съ королемъ, и тотъ, безъ всякихъ затрудненій, повторилъ ему свое слово.

Но и г-жа Ментенонъ не забыла съ своей стороны обѣщанія короля. Она ежеминутно ждала, что бракъ будетъ объявленъ; но прошло нѣсколько дней, король не говоритъ ей ни слова, и она, обезпокоенная его молчаніемъ, рѣшается сама поднять вопросъ. Король затрудняется отвѣтомъ, г-жа Ментенонъ смущается, пытается говорить дальше, но король быстро прерываетъ, покончиваетъ съ своими колебаніями и проситъ ее никогда и не думать объ объявленіи брака и никогда не говорить ему объ этомъ. Когда первое огорченіе, причиненное ей такимъ глубокимъ разочарованіемъ, такой неудачей въ предпріятіи, готовомъ уже осуществиться, улеглось, она принялась разыскивать, кому она обязана своимъ огорченіемъ. Во всѣхъ интригахъ она была не менѣе освѣдомлена, чѣмъ Лувуа, и она наконецъ узнала, въ какой день и что именно произошло между королемъ и его министромъ.

Естественно, послѣ этого она поклялась погубить Лувуа и не переставала итти къ этой цѣли до самаго конца, но пока, до поры, до времени нельзя было разсчитывать на успѣхъ; надо было дать подозрительному королю забыть самый фактъ и на досугѣ основательно обдумать средства погубить врага, который пользовался неограниченнымъ до-

вѣріемъ своего господина и во время войны былъ ему совершенно необходимъ.

Роль архіепископа Парижскаго, какъ бы незначительна она ни была, не укрылась отъ проницательности г-жи Ментенонъ, и она была причиной опалы архіепископа. Онъ, пользовавшійся раньше великой благосклонностью у короля, не могъ перенести своего новаго положенія, и горе, можетъ быть, сократило даже его жизнь.

Что касается Лувуа, оскорбленная султанша не пропускала случая ускорить его паденіе, напримѣръ, превосходно воспользовалась пожарами въ Германіи. Она поспѣшила ярко разрисовать королю всю ихъ жестокость и глубоко затронула его совѣсть, тогда еще болѣе отзывчивую, чѣмъ позже. Она указывала на ненависть, которая должна была обрушиться исключительно на короля, а не на его министра и на опасныя послѣдствія этой ненависти. Наконецъ ей удалось создать сильное отчужденіе между королемъ и министромъ и поселить въ сердцѣ короля злобу противъ Лувуа.

Лувуа, не довольствуясь страшными опустошеніями въ Кельнскомъ курфюршествѣ, пожелалъ сжечь Триръ. Онъ сталъ убѣждать короля, что это также необходимо, какъ сожженіе Вормса и Шпейера. Во всѣхъ этихъ городахъ, по словамъ Лувуа, непріятели устроили складъ оружія и создали позиціи, въ высшей степени опасныя для французовъ. Произошелъ горячій споръ, но король не могъ или не хотѣлъ подчиниться министру. Г-жа Ментенонъ естественно играла здѣсь свою роль.

Но Лувуа отличался упорствомъ, а опытъ воспиталъ въ немъ увѣренность, что онъ можетъ достигнуть всего, чего ни пожелаетъ, и вотъ нѣсколько дней спустя, онъ, по обыкновенію, является работать съ королемъ въ комнатѣ г-жи Ментенонъ. Въ концѣ работы Лувуа говоритъ королю: онъ де отлично понялъ, что только голосъ совѣсти помѣшалъ королю согласиться на сожженіе Трира, и онъ, Лувуа, рѣшился снять это бремя съ короля и взять отвѣтственность на себя. Съ этой цѣлью не возобновляя разговора съ королемъ, онъ отправилъ курьера съ приказаніемъ зажечь Триръ.

Король мгновенно и совершенно вопреки своему характеру, пришелъ въ такой гнѣвъ, что бросился съ каминными щипцами на Лувуа, но г-жа Ментенонъ встала между ними, закричала: «Ахъ, государь, что вы дѣлаете!» и отняла у короля щипцы. Лувуа однако успѣлъ выбѣжать изъ комнаты. Король закричалъ ему въ сильномъ гнѣвѣ: «Пошлите немедленно курьера съ отмѣной приказа, и пусть онъ явится во время! Знайте, что вы отвѣчаете своей головой, если сожгутъ хоть одинъ домъ!» Лувуа, полумертвый отъ страха, немедленно удалился.

Ему нечего было спѣшить посылать другого курьера, потому что онъ не отправлялъ еще никакого приказа. Правда, онъ вручилъ курьеру депешу насчетъ пожара, но приказалъ ему не отправляться въ путь и быть наготовѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не вернется отъ короля. Онъ не осмѣлился отправить приказъ послѣ отказа короля, но думалъ, что его хитрость удастся: король, можетъ быть, разгнѣвается, но дѣло все-таки будетъ кончено. Еслибы его разсчеты оправдались, онъ отправилъ бы курьера по возвращеніи отъ короля. Теперь ему оставалось только взять назадъ свой приказъ и отпустить курьера. Но король такъ и остался при убѣжденіи, что одинъ курьеръ былъ отправленъ, а другой явился во время и помѣшалъ сожженію Трира.

Послѣ столь страннаго и со стороны короля столь неожиданнаго

приключенія г-жа Ментенонъ вполнѣ могла воспользоваться своей враждой противъ министра. Другой эпизодъ, также служащій къ его чести, довершилъ его паденіе. Зимой 1690 года онъ задумалъ взять городъ Монсъ въ самомъ началѣ весны или даже раньше. Положеніе финансовъ въ это время не было блестящимъ, и Лувуа вздумалъ предложить королю отправиться въ Монсъ безъ дамской свиты. Одинъ изъ придворныхъ, прекрасно знавшій всѣ военныя тайны, предостерегалъ Лувуа не давать королю совѣта, который могъ-бы оскорбить г-жу Ментенонъ. Но по мнѣнію Лувуа, путешествіе дамъ стоило такъ дорого и вызывало столько затрудненій, что онъ предпочелъ благо государства и славу короля своей личной безопасности.

Король самъ велъ осаду города, взялъ крѣпость, а дамы въ это время оставались въ Версали, куда вернулся и король немедленно, лишь только взялъ крѣпость. Но этотъ поступокъ Лувуа переполнилъ чашу, и незначительное обстоятельство, случившееся во время осады, окончательно погубило министра.

Король былъ увѣренъ, что онъ лучше всѣхъ понимаетъ въ военномъ дѣлѣ. Однажды онъ осматривалъ лагерь и нашелъ, что, по его мнѣнію, кавалерійская стража была поставлена не на мѣстѣ, и онъ тотчасъ перемѣстилъ ее. Въ тотъ же день послѣ обѣда онъ снова отправился по лагерю. Случайно ему пришлось проходить мимо того самаго караула, который утромъ онъ самъ поставилъ. Караулъ теперь стоялъ иначе. Король изумился и обидѣлся. Онъ спросилъ у капитана, кто переставилъ стражу. Капитанъ отвѣтилъ, что Лувуа. «Но вы сказали ему,—возразилъ король,—что это я васъ поставилъ?»—«Да, государь», отвѣтилъ капитанъ. Разгнѣванный король обращается къ свитѣ и говоритъ: «Развѣ это дѣло Лувуа? Онъ считаетъ себя великимъ и всевѣдущимъ полководцемъ», и тутъ же снова по своему поставилъ караулъ. Со стороны Лувуа подобный поступокъ, конечно, былъ глупостью и дерзостью, и король совершенно справедливо выразился о немъ. Но Людовикъ до такой степени былъ оскорбленъ, что уже никогда не могъ простить Лувуа, и даже послѣ его смерти разсказывалъ объ этомъ приключеніи, все еще негодуя на дерзость министра.

По возвращеніи изъ Монса недовольство короля еще больше увеличилось и возросло до такой степени, что даже самоувѣренный Лувуа, считавшій себя безусловно необходимымъ въ самый разгаръ жестокой борьбы, начиналъ понимать свое положеніе. Маршальша Рошфоръ, его интимная подруга, поѣхала однажды вмѣстѣ съ своей дочерью и съ Лувуа къ нему на обѣдъ въ Медонъ. Въ небольшой легкой коляскѣ они ѣхали втроемъ безъ кучера. Лувуа правилъ. Онъ сидѣлъ въ глубокой задумчивости и повторялъ вслухъ самъ съ собой нѣсколько разъ: «Да развѣ онъ это сдѣлаетъ? Да развѣ его заставятъ это сдѣлать? Конечно, нѣтъ, хотя... Нѣтъ, онъ не посмѣетъ!» Во время этого монолога мать и дочь хранили молчаніе, и обѣ внезапно закричали, когда лошади очутились на берегу лужи, и маршальша едва успѣла схватить возжи и закричать Лувуа, что онъ ихъ утопитъ. Лувуа проснулся будто отъ глубокаго сна, сдержалъ лошадей и сказалъ, что онъ дѣйствительно замечтался и совсѣмъ не думалъ объ экипажѣ.

Во время этого утомительнаго положенія, Лувуа принялся пить воду по утрамъ въ Тріанонѣ. 16-го іюля я былъ въ Версали по довольно странному дѣлу. Вопросъ шелъ о повышеніи по службѣ моего отца, о чемъ тщетно хлопоталъ Лувуа. Несмотря на неудачи, мнѣ посовѣты-

вали пойти благодарить его и наговорить столько комплиментовъ и любезностей, будто онъ и въ самомъ дѣлѣ оказалъ услугу отцу. Таковъ обычай при дворѣ. Раньше я никогда не говорилъ съ Лувуа. Въ тотъ же день послѣ обѣда у короля я встрѣтилъ его въ углу маленькой комнатки,—онъ разговаривалъ съ однимъ придворнымъ и готовился итти работать съ королемъ у г-жи Ментенонъ. Послѣ доклада король долженъ былъ отправиться гулять пѣшкомъ по Версальскому парку, и въ это время придворные могли сопровождать его. Въ тотъ же день, въ четыре часа по полудни я узналъ, что съ Лувуа сдѣлалось дурно у г-жи Ментенонъ, король велѣлъ ему уйти, министръ вернулся домой пѣшкомъ, болѣзнь внезапно усилилась, ему немедленно дали промывательнаго, но его тотчасъ же стошнило, и въ такомъ состояніи онъ умеръ, требуя къ себѣ сына, но сынъ уже не засталъ его въ живыхъ, хотя бѣгомъ прибѣжалъ изъ своей комнаты.

Можно представить изумленіе всего двора. Хотя мнѣ было всего 15 лѣтъ, мнѣ захотѣлось увидѣть, какъ держитъ себя король при столь важномъ событіи. Я пошелъ въ паркъ и наблюдалъ за королемъ во все время его прогулки. То же самое обычное величіе съ примѣсью только какого-то чувства радости и свободы. Меня это очень удивило тогда, тѣмъ болѣе, что я только много времени спустя узналъ смыслъ событій. Король, вмѣсто того, чтобы пойти любоваться фонтанами и вообще бродить по парку, какъ онъ дѣлалъ обыкновенно, ходилъ взадъ и впередъ по оранжерейной балюстрадѣ, откуда онъ видѣлъ комнаты, гдѣ только что умеръ Лувуа, и король безпрестанно смотрѣлъ въ эту сторону.

Съ этихъ поръ имя Лувуа никогда не произносилось, ни словомъ не упоминалось объ его столь изумительной и внезапной смерти. Только одинъ разъ случилось слѣдующее. Англійскій король прислалъ офицера выразить королю сочувствіе по поводу постигшей его утраты. «Милостивый государь», отвѣтилъ ему король болѣе, чѣмъ небрежнымъ тономъ: «поблагодарите отъ меня короля и королеву и передайте имъ отъ меня, что мои и ихъ дѣла нисколько не потерпятъ отъ этого». Офицеръ откланялся и удалился: изумленіе ярко выражалось на его лицѣ и во всѣхъ его движеніяхъ. Я съ любопытствомъ наблюдалъ все это. Свидѣтели сцены обмѣнялись вопросительными, безмолвными взглядами.

Смерть постигла Лувуа какъ нельзя болѣе кстати. Онъ до такой степени запутался, что на слѣдующій же день его посадили бы въ Бастилію. Какія послѣдствія изъ этого произошли бы, смерть навсегда покрыла тайной, но не подлежитъ сомнѣнію, что король принялъ именно это рѣшеніе, и это обстоятельство, мнѣ кажется, объясняетъ хорошее настроеніе короля въ день смерти министра: смерть освобождала короля отъ непріятной необходимости и всевозможныхъ тягостныхъ послѣдствій.

Послѣ прогулки король вернулся къ себѣ, послалъ за Шамле и предложилъ ему взять на себя обязанности Лувуа. Шамле поблагодарилъ и рѣшительно отказался. Онъ заявилъ королю, что слишкомъ обязанъ Лувуа, его дружбѣ и его довѣрію, чтобы занять его мѣсто помимо его сына, которому, по всей справедливости, принадлежитъ это наслѣдство. Онъ со всей своей искренностью защищалъ права сына Лувуа, выражалъ готовность служить подъ его начальствомъ, дѣлиться съ нимъ своей опытностью и объявилъ въ заключеніе: если сынъ Лувуа, къ несчастью, не сохранитъ мѣсто военнаго министра, пусть оно лучше

достанется кому-либо другому, только не ему—Шамле, онъ никогда не приметъ наслѣдства Лувуа и его сына.

Шамле былъ очень толстый человѣкъ, блондинъ небольшого роста съ грубымъ крестьянскимъ лицомъ и по происхожденію онъ былъ крестьянинъ, но умный, вѣжливый, большой искусникъ уживаться со всѣми, добрый, кроткій, обходительный, услужливый, безкорыстный, съ большимъ здравымъ смысломъ и съ изумительной способностью знать мѣстность, не забывать ни малѣйшихъ подробностей военныхъ позицій, помнить даже каждый незначительный ручеекъ. Онъ долго служилъ квартирмейстеромъ при войскахъ, и его всегда уважали генералы и вообще всѣ любили. Къ его великой чести, даже Тюрень не могъ и не хотѣлъ обходиться безъ него до самой смерти, и несмотря на все благоговѣніе Шамле предъ его памятью, Лувуа сдѣлалъ его самымъ довѣреннымъ своимъ помощникомъ. Тюрень много разъ расхваливалъ Шамле королю и онъ же его представилъ. Шамле былъ уже посвященъ во всѣ военныя тайны. Лувуа ничего не скрывалъ отъ него, и Шамле оказалъ ему великія услуги по части диспозиціи войскъ. Способность, честность, легкость и быстрота работы сблизили Шамле съ королемъ. Король пользовался имъ для тайныхъ порученій и наградилъ его большимъ крестомъ св. Людовика. Скромность никогда не измѣняла Шамле, и онъ былъ изумленъ и сконфуженъ, когда при дворѣ восторженно встрѣтили его благородный поступокъ, котораго не скрывалъ король, и о которомъ разсказывалъ самъ сынъ Лувуа.

Впослѣдствіи, когда личности короля и г-жи Ментенонъвыяснятся полнѣе, читатель меньше удивится, какъ они могли столь важное министерство довѣрить 24-хъ-лѣтнему юношѣ въ самый разгаръ войны со всей Европой и притомъ сыну министра, котораго только смерть спасла отъ Бастиліи. Я называю здѣсь рядомъ короля и г-жу Ментенонъ, потому что именно она погубила отца, и она же возвысила сына. Король послѣ разговора съ Шамле, по обыкновенію, прошелъ къ ней, и въ тотъ же вечеръ вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу сына Лувуа.

Внезапная болѣзнь и смерть Лувуа вызвала множество разговоровъ, въ особенности когда вскрытіе тѣла показало, что онъ отравился. Онъ очень много пилъ воды, и въ его кабинетѣ на каминѣ всегда стоялъ графинъ, изъ котораго онъ пилъ. Отправляясь къ королю, онъ также выпилъ воды. Въ промежутокъ между обѣдомъ и приходомъ Лувуа въ кабинетъ за бумагами, которыя онъ хотѣлъ нести для доклада королю, въ кабинетъ входилъ полотеръ и оставался тамъ нѣсколько времени одинъ. Его арестовали и посадили въ тюрьму. Но не прошло и 4-хъ дней, полотера выпустили по повелѣнію короля и запретили всякое слѣдствіе, и все это еще болѣе подлило масла въ огонь, стало даже опасно говорить о происшествіи, и семья Лувуа тщательно прекращала всякіе слухи, очевидно вслѣдствіе очень внушительнаго приказа свыше.

Совершенно такъ же была потушена и исторія съ докторомъ, разыгравшаяся нѣсколько мѣсяцевъ спустя. Въ первый моментъ она произвела сильное впечатлѣніе. Случайно я узналъ ее подробно. Она слишкомъ любопытна, чтобы умолчать о ней, и является вполнѣ достойнымъ заключеніемъ того, что я разсказалъ о столь замѣчательномъ министрѣ, какимъ былъ Лувуа.

У моего отца въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ конюшій, дворянинъ, видный изъ себя, съ многочисленной родней, и человѣкъ очень почтенный, по имени Клеранъ. Онъ задумалъ сдѣлать карьеру на службѣ у Лувуа, сказалъ объ этомъ моему отцу; тотъ отнесся къ

его намѣренію благосклонно, и Клеранъ сталъ конюшимъ у г-жи Лувуа за 2 или за 3 года до смерти министра. Клеранъ навсегда сохранилъ преданность нашей семьѣ, мы также остались его друзьями, и онъ являлся къ намъ всякій разъ, какъ только могъ. Послѣ смерти Лувуа онъ продолжалъ служить у вдовы и разсказалъ мнѣ слѣдующее. Сегонъ, домашній врачъ министра, остававшійся врачемъ и его сына, жилъ въ томъ же Версальскомъ замкѣ въ помѣщеніи военнаго министерства. Мѣсяца 4 или 5 послѣ смерти Лувуа, онъ вдругъ забаррикадировалъ себя въ своей комнатѣ. На его крики сбѣжались люди, но онъ не пожелалъ открыть двери. Крики продолжались почти цѣлый день, и докторъ не хотѣлъ и слышать о какой-либо помощи матеріальной или духовной и никого не пускалъ въ свою комнату. Такимъ образомъ, спустя часовъ 8 или 10 онъ умеръ въ отчаяніи, ни о комъ не сказавши ни слова, не произнесши ничьего имени.

Событіе вызвало тайные разговоры: вслухъ говорить не осмѣливались. Кто былъ виновникомъ всего этого, осталось непроницаемой тайной. Друзья Лувуа въ интересахъ его славы бросали подозрѣнія на иностранныя державы, но державы эти слишкомъ поздно вздумали отдѣлаться отъ Лувуа, если только какая-либо держава могла питать столь преступное намѣреніе. Одно вполнѣ достовѣрно, король былъ совершенно на это неспособенъ, и никому и на умъ не пришло подозрѣвать его. Вернемся теперь опять къ нему.

Многія причины заставили короля навсегда перенести свой дворъ изъ Парижа. Смуты, волновавшія Парижъ во время малолѣтства короля, внушили ему отвращеніе къ этому городу и убѣжденіе, что въ немъ жить опасно, и что резиденція двора гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, хотя бы даже недалеко, помѣшаетъ развитію интригъ, и въ то же время королю будетъ легче замѣтить чье-либо отсутствіе среди своихъ приближенныхъ. Онъ не могъ простить Парижу, что онъ, король, бѣжалъ отсюда наканунѣ Богоявленія въ 1649 году, и что парижане были свидѣтелями его слезъ, когда въ первый разъ покидала дворъ г-жа Лявальеръ. Вѣчныя приключенія съ возлюбленными, опасность устраивать слишкомъ громкіе скандалы среди населенной столицы, переполненной кромѣ того остроумными наблюдателями, все это побуждало короля покинуть Парижъ. Его раздражала толпа всякій разъ, когда онъ выходилъ изъ дворца или возвращался, вообще, когда появлялся на улицѣ. Прогулки, охота, все это было гораздо удобнѣе внѣ Парижа. Вблизи города не было лѣсовъ, и въ самомъ городѣ не было гуляній. Увлеченіе постройками, овладѣвшее королемъ позже, и возраставшее съ каждымъ годомъ, также побуждало его избрать другую резиденцію: въ Парижѣ его строительская страсть вѣчно была бы предметомъ зрѣлища. Наконецъ, онъ желалъ возвысить свой престижъ, скрываясь отъ глазъ толпы и не показываясь ей ежедневно. Всѣ эти соображенія заставили короля вскорѣ послѣ смерти королевы, его матери, поселиться въ С.-Жерменѣ. Сюда онъ началъ привлекать общество празднествами и любовными приключеніями.

Увлеченіе г-жею Лявальеръ, остававшееся вначалѣ тайной, вызвало многочисленныя прогулки въ Версаль. Это былъ небольшой замокъ, построенный отъ скуки Людовикомъ XIII. Здѣсь часто послѣ продолжительной охоты король и его свита проводили ночь, располагаясь въ скверномъ кабачкѣ и на вѣтряной мельницѣ. Людовикъ XIII почти никогда не ночевалъ въ Версалѣ болѣе одной ночи, и то по необходимости. Его сынъ выбралъ этотъ замокъ для своихъ уединеній съ воз-

любленной,—для удовольствій, невѣдомыхъ Людовику Справедливому, достойному потомку Людовика Святого.

Благодаря посѣщеніямъ Людовика XIV въ Версали постепенно возникло множество громадныхъ построекъ. Мало-по-малу король совсѣмъ перенесъ сюда свою резиденцію незадолго до смерти королевы. Онъ настроилъ здѣсь множество помѣщеній, такъ что могъ поселить весь дворъ и всегда имѣть его подъ рукой, между тѣмъ какъ въ С.-Жерменѣ только незначительное число придворныхъ могло жить въ самой резиденціи, а большинство принуждено было селиться въ городѣ.

Многочисленными праздниками, прогулками и путешествіями король воспользовался, какъ средствами отличать и подвергать опалѣ своихъ придворныхъ, приглашая сопутствовать ему то того, то другого и заставляя каждаго быть на сторожѣ—какъ бы понравиться королю. Онъ понималъ, что у него не хватило бы настоящихъ милостей для того, чтобы производить настоящій эффектъ на этихъ людей, и онъ дѣйствительныя милости замѣнилъ такъ сказать идеальными: ревностью, всевозможными мелкими предпочтеніями, которыя пускались въ ходъ ежедневно и ежеминутно. И сколько надеждъ вызывалось этими ничтожными предпочтеніями, какъ высоко все это цѣнилось, и никто не былъ изобрѣтательнѣе короля въ этомъ отношеніи! Впослѣдствіи онъ и Марли воспользовался съ тою же цѣлью, и Тріанономъ, гдѣ, правда, всѣ могли являться къ нему, но гдѣ также дамы имѣли честь кушать вмѣстѣ съ нимъ, и всякій разъ по выбору. Держать свѣчу ежедневно вечеромъ, когда король ложился спать, могъ только кто-нибудь изъ знатныхъ придворныхъ, и кого король хотѣлъ этимъ отличить. Ежедневно послѣ молитвы онъ громко произносилъ имя избранника. Другое его изобрѣтеніе — жалованный кафтанъ, голубой, на красной подкладкѣ, и красный жилетъ, и все это, великолѣпно вышитое золотомъ и серебромъ. Носить его могли только король, его семья и принцы крови, при чемъ принцы, также, какъ и придворные, только съ разрѣшенія короля. Знатнѣйшимъ лицамъ приходилось добиваться этого костюма, какъ милости. Счастливцы въ весьма незначительномъ количествѣ считали себя въ правѣ сопровождать короля на прогулкахъ изъ С. Жерменъ въ Версаль даже безъ его приглашенія. Когда эти прогулки прекратились, костюмъ не давалъ больше никакой привилегіи, за исключеніемъ развѣ одной: его можно было одѣвать во время придворнаго и семейнаго траура, если трауръ былъ не особенно важенъ или приходилъ къ концу, и вообще во всякое время, когда обыкновенно нельзя было носить золото и серебро. Я никогда не видѣлъ этого костюма на королѣ, на дофинѣ и братьяхъ короля, но очень часто на всѣхъ другихъ принцахъ. И до самой смерти короля костюмъ жаловался только самымъ значительнымъ придворнымъ, и если его получалъ молодой человѣкъ, это было большимъ отличіемъ. Такихъ фокусовъ король выдумывалъ безчисленное множество, умѣя привлекать къ себѣ многочисленный дворъ.

Онъ одинаково ревниво интересовался присутствіемъ при дворѣ людей, по его мнѣнію, значительныхъ и незначительныхъ. Онъ внимательно вглядывался въ толпу окружающихъ, вставая съ постели, ложась спать, садясь за столъ. Проходя по комнатамъ и садамъ Версаля, онъ всѣхъ видѣлъ, всѣхъ замѣчалъ, никто не ускользалъ отъ его взора, даже тѣ, кто не разсчитывалъ быть замѣченнымъ. Онъ тщательно отмѣчалъ про себя отсутствіе тѣхъ, кто постоянно жилъ при дворѣ, и тѣхъ, кто только время отъ времени появлялся ко двору.

Онъ соображалъ общія или частныя причины этихъ отсутствій, вдумывался въ нихъ и не терялъ ни малѣйшаго случая дѣйствовать сообразно съ своими выводами. Со стороны людей, имъ отличенныхъ, было преступленіемъ не жить при дворѣ постоянно. Другимъ вмѣнялись въ вину рѣдкія появленія ко двору, и безусловная опала угрожала тѣмъ, кто никогда не показывался или почти никогда. Когда шелъ вопросъ о чемъ нибудь въ ихъ пользу, король гордо отвѣчалъ: «Я совсѣмъ его не знаю». А о тѣхъ, кто являлся ко двору рѣдко, онъ говорилъ: «Я этого человѣка никогда не вижу». И ничто не могло измѣнить этихъ приговоровъ. Другимъ преступленіемъ было не являться въ Фонтенбло, которое имѣло для короля значеніе Версаля. Преступны были также нѣкоторыя лица, не просившія разрѣшенія бывать въ Марли, — одни всегда, другія часто, хотя король не разсчитывалъ брать съ собой ни тѣхъ, ни другихъ. Но если у кого было право бывать тамъ всегда, то надлежало представить уважительную причину—не ѣхать туда, мужчинамъ и даже женщинамъ. Въ особенности король не могъ терпѣть тѣхъ, кому нравилось жить въ Парижѣ. Онъ снисходительно относился къ тѣмъ, кто любилъ бывать въ своихъ имѣніяхъ, но здѣсь надлежало быть умѣреннымъ, и надлежало принять разныя предосторожности, если кто хотѣлъ пожить въ своемъ замкѣ нѣсколько дольше.

Король необыкновенно усердно старался знать все, что происходило повсюду, въ общественныхъ мѣстахъ, въ частныхъ домахъ, въ свѣтѣ и въ семьяхъ. Шпіоновъ было безчисленное множество и всякаго сорта: нѣкоторые не знали, что ихъ доносы доходятъ до короля, другіе знали и адресовались даже прямо къ нему, пересылая свои письма особымъ путемъ, и эти письма всегда читались самимъ королемъ и всегда раньше другихъ бумагъ; нѣкоторые, наконецъ, иногда бесѣдовали съ нимъ тайно въ его кабинетѣ, являясь черезъ задній ходъ. Эти тайные доносы погубили множество людей всякаго званія, совсѣмъ не знавшихъ причины своей гибели, часто совершенно несправедливой. А король, разъ предубѣжденный, никогда не мѣнялъ своего рѣшенія.

У короля, кромѣ того, былъ недостатокъ, очень опасный для другихъ и часто для него самого, такъ какъ лишалъ его хорошихъ слугъ. Людовикъ обладалъ превосходной памятью: увидѣвъ разъ человѣка, онъ могъ его узнать даже 20 лѣтъ спустя. Также отчетливо онъ помнилъ и факты, но тѣмъ не менѣе удержать въ памяти все, что ему приходилось видѣть каждый день, оказывалось невозможнымъ. И вотъ, если по поводу какого-либо лица у него оставалось смутное воспоминаніе, у него непремѣнно являлось предубѣжденіе противъ этого человѣка, и онъ не желалъ имѣть съ нимъ никакого дѣла. Онъ не слушался убѣжденій министра, генерала, даже своего духовника, защищавшихъ ту или другую извѣстную имъ личность. Король отвѣчалъ,—онъ не знаетъ, что именно произошло у него съ этимъ человѣкомъ, но для него будетъ покойнѣе взять кого-либо другого, о комъ не сохранилось у него никакихъ воспоминаній.

Благодаря любопытству Людовика, возникла опасная должность полицейскаго лейтенанта и съ теченіемъ времени все больше расширялась. Лицъ, занимавшихъ это мѣсто, боялись и уважали больше, чѣмъ самихъ министровъ, и даже министры и вообще всѣ французы, не исключая и принцевъ крови, вели себя съ ними крайне осторожно. Кромѣ служебныхъ докладовъ, король съ наслажденіемъ выслушивалъ

исторіи любовныхъ приключеній и всякихъ другихъ парижскихъ происшествій. Поншатренъ, вѣдавшій Парижъ и дворъ, успѣлъ до такой степени угождать королю этими недостойными сплетнями, что, по словамъ самого короля, онъ только ими и держался на своемъ мѣстѣ.

Но у короля былъ еще способъ, и самый отвратительный, получать свѣдѣнія; много лѣтъ онъ пользовался имъ въ глубокой тайнѣ, и многіе, по незнанію или по неразумію, продолжали снабжать его новостями: способъ этотъ — вскрытіе писемъ. Это обстоятельство навсегда закрѣпило почтовое вѣдомство за нѣсколькими откупщиками, ихъ нельзя было ни лишить привилегій, ни заставить увеличить откупную сумму, и долго никто не зналъ почему? И они страшно обогащались насчетъ публики и самого короля.

Трудно представить, съ какой быстротой и ловкостью совершалась эта операція. Королю представлялись извлеченія изъ всѣхъ писемъ, гдѣ, по мнѣнію почтовыхъ чиновниковъ и министра почтъ, находились интересные для него отрывки. Представлялись и цѣлыя письма, любопытныя по своему содержанію или по положенію корреспондентовъ. Очевидно, завѣдывающіе почтой, начальники и подчиненные, могли приписать кому угодно все что угодно, и такъ какъ у Людовика почти ничего не проходило безслѣдно, то доносчикамъ, не было нужды даже и хлопотать о дальнѣйшей судьбѣ своей интриги. Достаточно было одного презрительнаго слова о королѣ или о правительствѣ, или какой-либо шутки, и виноватый гибъ безвозвратно, безъ всякаго слѣдствія, и это средство всегда было въ рукахъ начальниковъ почтъ. Въ результатѣ трудно повѣрить, сколько такимъ путемъ погибло людей всякаго званія. Тайна оставалась непроницаемой, и королю въ такихъ случаяхъ ничего не стоило молчать и притворяться.

Этотъ талантъ переходилъ у него часто въ настоящую ложь, и все-таки онъ никогда не лгалъ и хвалился тѣмъ, что держитъ свое слово, правда, онъ почти никогда и не давалъ его. Чужія тайны онъ хранилъ также благоговѣйно, какъ и свои собственныя. Онъ могъ гордиться тѣмъ, что ему нерѣдко прямо исповѣдывались, но ни возлюбленныя, ни министръ не могли посягнуть на тайну, даже если она касалась ихъ самихъ.

Въ примѣръ между прочимъ можно привести любовное приключеніе одной знатной дамы. О немъ совершенно никто не зналъ и даже не подозрѣвалъ его. Дама въ теченіе цѣлаго года жилъ въ разлукѣ съ мужемъ, и вдругъ забеременѣла въ то самое время, когда мужъ долженъ былъ вернуться изъ похода. Перепробовавши всѣ средства скрыть свое несчастіе, она наконецъ обратилась къ королю съ просьбой дать ей тайную аудіенцію по чрезвычайно важному дѣлу. Король принялъ даму. Она разсказала ему свое горе, какъ самому вѣрному человѣку въ королевствѣ. Король посовѣтывалъ ей воспользоваться урокомъ, вести себя на будущее время осторожнѣе и обѣщалъ задержать ея мужа на границѣ до извѣстнаго времени и ни подъ какимъ видомъ не дозволять ему являться въ Парижъ. И дѣйствительно, въ тотъ же день онъ отдалъ приказъ Лувуа не только не давать офицеру отпуска, но не позволять ему отлучаться даже ни на одинъ день съ мѣста своей службы. Дѣло происходило зимой, и офицеръ, занимавшій видное положеніе, вовсе не желалъ зимой служить на границѣ; Лувуа вполнѣ ему сочувствовалъ, и оба одинаково были изумлены и разсержены. Тѣмъ не менѣе приходилось повиноваться безъ всякихъ разсужденій, и король разсказалъ исторію только много

лѣтъ спустя, когда онъ былъ увѣренъ, что супруги не могутъ поссориться, и они дѣйствительно не поссорились, и между ними не возникло ни тѣни подозрѣнія.

Никто изящнѣе короля не могъ дѣлать подарки, и никто не умѣлъ придать такой высокой цѣны своимъ благодѣяніямъ. Никто никогда не продавалъ такъ высоко своихъ словъ, своей улыбки, даже своихъ взглядовъ. Величественность маверъ, рѣдкость и краткость личныхъ обращеній короля,—все это дѣлали его слова драгоцѣнными. Если онъ къ кому-либо обращался съ вопросомъ, или съ незначительнымъ замѣчаніемъ, всѣ присутствующіе смотрѣли на счастливца, объ этомъ отличіи говорили, и оно всегда поднимало человѣка въ глазахъ всего двора. Такъ искусно онъ умѣлъ распредѣлять всѣ знаки своего вниманія, отличія и предпочтенія. У него никогда не срывалось ни одного обиднаго слова. Если онъ хотѣлъ кого-либо пожурить, сдѣлать замѣчаніе или выговоръ, что было очень рѣдко, онъ дѣлалъ всегда это благосклонно и почти никогда не говорилъ сухимъ и гнѣвнымъ тономъ.

Отъ природы это былъ вѣжливѣйшій человѣкъ въ мірѣ, и онъ съ необыкновеннымъ искусствомъ умѣлъ соразмѣрять свою вѣжливость съ возрастомъ, съ заслугами, рангомъ своихъ просителей—въ своихъ отвѣтахъ и въ своей манерѣ обращенія. Это разнообразіе бросалось особенно въ глаза, когда онъ самъ привѣтствовалъ и отвѣчалъ на привѣтствія лицъ уходившихъ и приходившихъ. Было восхитительно видѣть, какъ онъ во главѣ арміи или на смотрахъ отвѣчалъ на привѣтствія, но въ особенности онъ былъ неподражаемъ съ женщинами. Никогда онъ не встрѣчался съ самымъ послѣднимъ чепчикомъ, не приподнявши шляпу,—напр., съ горничными. При встрѣчѣ съ дамами онъ совсѣмъ снималъ шляпу, но, смотря по встрѣчѣ, подымалъ ее выше или ниже. При встрѣчѣ съ сеньорами онъ только подносилъ руку къ шляпѣ, предъ принцами крови онъ снималъ ее также, какъ и предъ дамами. Если онъ самъ подходилъ къ дамамъ, то въ теченіе всего разговора оставался съ непокрытой головой. Все это былъ только обрядъ, такъ какъ въ комнатахъ онъ вообще никогда не одѣвалъ шляпы. Его поклоны, болѣе или менѣе глубокіе, всегда отличались несравненной граціей и величественностью, въ особенности, когда онъ за ужиномъ приподымался при входѣ всякой дамы, имѣвшей право сидѣть въ его присутствіи. Эти привставанія его, наконецъ, утомляли и все-таки онъ не переставалъ привставать, такъ что «сидячія дамы» стали избѣгать входить къ нему во время ужина. Такой же тщательностью и обдуманнымъ разнообразіемъ отличалось его обращеніе съ своимъ братомъ, съ герцогомъ Орлеанскимъ, съ принцами крови; ихъ, дофина и его сыновей онъ отличалъ фамильярностью, съ высшими офицерами онъ говорилъ благосклонно и внимательно.

Если во время одѣванія его заставляли ждать, онъ никогда не терялъ терпѣнія. Весь день точно былъ расписанъ по часамъ, приказанія отдавались кратко и ясно. Если зимой въ дурную погоду, когда нельзя было гулять, король являлся къ г-жѣ Ментенонъ на $^1/_4$ часа раньше, чѣмъ было приказано, и начальникъ караула не оказывался на своемъ мѣстѣ, король непремѣнно заявлялъ ему потомъ, что это вина его, короля,—онъ пришелъ слишкомъ рано, а не вина начальника караула. Это правило выполнялось всегда съ величайшей точностью и было въ высшей степени удобно для придворныхъ.

Онъ хорошо обращался съ своей прислугой, особенно во внутреннихъ покояхъ. Именно среди нихъ онъ чувствовалъ себя особенно

хорошо, разговаривалъ съ ними очень фамильярно, особенно со старшими. Ихъ дружба и ихъ вражда для многихъ имѣли большое значеніе. Они всегда были способны оказать услугу или повредить; они напоминали могущественныхъ вольноотпущенниковъ римскихъ императоровъ: за ними ухаживали сенатъ и вельможи и раболѣпно склонялись предъ ними. Лакеи Людовика XIV въ теченіе всего его царствованія пользовались такимъ же вниманіемъ и обхожденіемъ. Даже самые могущественные министры открыто ухаживали за ними. То же самое дѣлали принцы крови, незаконныя дѣти короля, не говоря уже о менѣе значительныхъ лицахъ. Главные камергеры совершенно стушевывались передъ главными лакеями, и положеніе камергеровъ вполнѣ зависѣло отъ большей или меньшей близости подчиненныхъ или лакеевъ и самыхъ незначительныхъ слугъ къ особѣ короля. Большинство лакеевъ отличалось большимъ нахальствомъ, и приходилось какъ-нибудь спасаться отъ этого нахальства или терпѣливо сносить его.

Король ко всѣмъ имъ благоволилъ и любилъ иногда разсказывать слѣдующій эпизодъ. Однажды еще въ молодости онъ послалъ съ письмомъ своего лакея къ герцогу Монбазону, парижскому губернатору, жившему на дачѣ недалеко отъ Парижа. Когда лакей явился, герцогъ только что садился за столъ. Онъ посадилъ лакея съ собой, потомъ проводилъ его до самаго двора, такъ какъ лакей былъ присланъ королемъ.

Людовикъ всегда аккуратно распрашивалъ этихъ господъ, когда они приходили назадъ, выполнивъ порученіе. При посредствѣ ихъ онъ пересылалъ титулованнымъ дворянамъ разныя изъявленія своего удовольствія или сочувствія и справлялся, какъ они были приняты. И онъ сильно разгнѣвался бы, еслибы ихъ не пригласили сѣсть и не проводили достаточно далеко.

Никто не могъ сравниться съ королемъ на смотрахъ, на праздникахъ и вообще вездѣ, гдѣ присутствіе дамъ заставляло его играть роль кавалера. Какъ было уже сказано, онъ научился этому искуству при дворѣ королевы матери и у графини Суасонской. Постоянное общество фаворитокъ еще больше изощрило его.

Всегда величественный, иногда веселый, онъ никогда публично не переходилъ границъ изящества и крайней сдержанности. Каждый его малѣйшій жестъ, его походка, манера держать себя,—на всемъ лежала печать мѣры, приличія, благородства, величія и въ то же время естественности. Привычка и вся его идеально-граціозная фигура какъ нельзя болѣе способствовали этимъ совершенствамъ.

Въ важные моменты на аудіенціяхъ съ послами, на торжественныхъ церемоніяхъ никто не могъ производить такого внушительнаго впечатлѣнія, какъ Людвикъ. Надо было привыкнуть его видѣть, чтобы во время рѣчи не прійти въ смущеніе. Его отвѣты всегда были кратки, точны, содержательны, почти всегда заключали въ себѣ нѣчто любезное и даже льстивое по адресу посла. Его появленіе гдѣ бы то ни было заставляло окружающихъ невольно умолкать и внушало имъ даже нѣчто вродѣ ужаса.

Онъ очень любилъ упражненія на открытомъ воздухѣ, былъ превосходнымъ танцоромъ, отлично игралъ въ мячъ и восхитительно ѣздилъ верхомъ. Онъ любилъ, чтобы и другіе умѣли это дѣлать изящно и ловко, и отличиться или потерпѣть неудачу на этомъ поприщѣ значило заслужить его неудовольствіе или негодованіе. По его мнѣнію, всѣ вещи, не представляющія первой необходимости, или слѣдуетъ

дѣлать превосходно, или совсѣмъ за нихъ не браться. Онъ очень любилъ стрѣлять, и никто не могъ превзойти его въ этомъ искусствѣ. Онъ любилъ красивыхъ собакъ, штукъ семь или восемь всегда находилось въ его покояхъ, и онъ самъ кормилъ ихъ, чтобы пріучить къ себѣ. Онъ также очень любилъ охоту на оленя, но охотился въ колягкѣ съ тѣхъ поръ, какъ сломалъ себѣ руку въ Фонтенебло вскорѣ послѣ смерти королевы. Въ колягкѣ онъ ѣздилъ одинъ на четверкѣ маленькихъ лошадокъ, и самъ правилъ съ своей обычной граціей и съ такою ловкостью, съ какой не могли бы править самые лучшіе кучера. Сопровождали его дѣти отъ девяти до пятнадцати лѣтъ.

Людовикъ во всемъ любилъ блескъ, великолѣпіе, расточительность. Изъ политическихъ расчетовъ онъ этотъ вкусъ превратилъ въ правило своей жизни и заразилъ имъ весь дворъ. Разоряться на обѣды, на платья, на экипажи, на постройки, на игру значило угождать ему. Всѣ эти предметы давали ему темы для разговоровъ. Въ сущности онъ стремился и вполнѣ успѣлъ разорить все дворянство, дѣлая роскошь вопросомъ чести, иногда необходимости, и мало-по-малу онъ поставилъ всѣхъ въ полную зависимость отъ своихъ благодѣяній. Кромѣ того, блестящій дворъ и совершенное исчезновеніе всѣхъ естественныхъ отличій удовлетворяли его гордость.

Этотъ порокъ съ теченіемъ времени превратился въ настоящій внутренній недугъ, заразившій все общество. Отъ придворныхъ онъ быстро перешелъ въ Парижъ, распространился въ провинціи и въ войскахъ; всюду людей стали цѣнить по ихъ образу жизни, по ихъ роскоши. Большинство должно было прибѣгнуть даже къ воровству, чтобы найти средства для своего мотовства. Всѣ сословія перемѣшались, благородная гордость и приличія исчезли, страсть къ безумной расточительности непрестанно возрастаетъ, и въ будущемъ грозятъ безчисленныя послѣдствія, по меньшей мѣрѣ всеобщее разореніе.

Никогда до Людовика XIV не было видано такихъ роскошныхъ и многочисленныхъ экипажей, такихъ великолѣпныхъ охотъ. Кто сможетъ пересчитать однѣ только его постройки, и кто въ то же время не посѣтуетъ на его гордость, на его прихоти, дурное направленіе его капризовъ? Онъ покинулъ С.-Жерменъ и не сдѣлалъ ничего для Парижа за исключеніемъ одного лишь Королевскаго моста, и то по необходимости. Въ результатѣ, столь громадный городъ,—какъ былъ, такъ и остался позади многихъ европейскихъ городовъ.

Вандомская площадь сначала была четыреугольная. Лувуа предполагалъ воздвигнуть здѣсь четыре роскошныхъ зданія.

Онъ хотѣлъ помѣстить здѣсь королевскую библіотеку, музей медалей, всѣ академіи и государственный совѣтъ, засѣдающій до сихъ поръ еще въ наемномъ домѣ. Въ день смерти Лувуа первымъ распоряженіемъ короля было остановить работы, разбить площадь на участки, сузить ее, не переносить сюда ни одного изъ учрежденій, намѣченныхъ Лувуа и застроить ее обыкновенными домами.

С.-Жерменъ мѣстность единственная по изумительной красотѣ видовъ: громадная равнина, покрытая непрерывнымъ лѣсомъ, единственнымъ также по красотѣ своихъ деревьевъ и своего мѣстоположенія, мѣстность изобилуетъ ключевой водой, восхитительными садами, холмами и террасами, которыя можно было громоздить другъ на друга сколько угодно, наконецъ, вся прелесть сцены и совершенно благоустроенный городъ... И все это король покинулъ ради Версаля, печальнѣйшей и неблагодарнѣйшей мѣстности безъ всякихъ видовъ, без-

лѣса, безъ воды, даже безъ земли, потому что здѣсь былъ только сыпучій песокъ да болото, слѣдовательно, мѣстность, лишенная здороваго воздуха.

Но Людовику нравилось насиловать природу, украшать ее съ помощью искусства и денегъ. Онъ возводилъ здѣсь одно зданіе за другимъ безъ всякаго опредѣленнаго плана: красивое и безобразное, обширное и тѣсное, все это громоздилось вмѣстѣ. Помѣщеніе самого короля и королевы отличается крайнимъ неудобствомъ: видъ отсюда самый мрачный, ограниченный и отталкивающій. Сады, поражающіе своей роскошью, также не представляютъ удобствъ и не отличаются красотой. Чтобы дойти до тѣни, приходится совершить путешествіе по сыпучему пространству; въ концѣ подымается холмъ, на него надо взойти и сойти,—вотъ и всѣ сады. Сорная трава жжетъ ноги, но безъ нея пришлось бы тонуть въ пескѣ и грязи. Насиліе, повсюду произведенное надъ природой, невольно отталкиваетъ и возбуждаетъ отвращеніе. Множество воды искусственно собрано со всѣхъ сторонъ, и она покрывается густой зеленью, мутью и распространяетъ вокругъ нездоровую, пронизывающую влагу и такой же непріятный запахъ. Впечатлѣніе садовъ все-таки единственное въ своемъ родѣ, но тѣмъ не менѣе, восхитившись ими, приходится бѣжать. Передъ самимъ дворцомъ тѣснота пространства прямо душитъ. Обширныя крылья разбѣгаются въ разныя стороны, будто не имѣя центральной связи. Со стороны сада красота дворца открывается во всей полнотѣ, но передъ вами будто дворецъ послѣ пожара, ему недостаетъ цѣлаго этажа и крыши. Мансару не удалось убѣдить короля надстроить еще этажъ, и капелла подавляетъ весь дворецъ, и со всѣхъ сторонъ кажется какимъ-то печальнымъ, громаднымъ катафалкомъ. Чудовищные недостатки столь громаднаго и необъятно дорогого дворца безчисленны. Еще хуже службы, окружающія дворецъ, оранжерея, большая и малая конюшни, все это до послѣдней степени пошло, наконецъ, цѣлый городъ, гдѣ раньше былъ только жалкій кабачекъ, вѣтряная мельница, да карточный замокъ Людовика XIII, построенный затѣмъ, чтобы не спать на соломѣ. Этотъ Версаль Людовика XIV, это столь разорительное и безвкусное созданіе, Версаль, гдѣ басейны и рощи поглотили столько денегъ,—все-таки не могъ быть окончательно достроенъ.

Среди безчисленныхъ салоновъ не было ни театральной залы, ни обѣденной, ни бальной. Парки и аллеи не были выполнены согласно плану. Тріанонъ въ этомъ же паркѣ, при въѣздѣ въ Версаль, служилъ сначала только для отдыха, потомъ его расширили затѣмъ, чтобы можно было здѣсь ночевать, потомъ превратили въ дворецъ изъ мрамора, яшмы и порфира съ восхитительными садами. Противъ него съ другой стороны Версаля звѣринецъ, построенный необыкновенно изящно, наполненный всякаго рода рѣдчайшими двуногими и четвероногими животными. Наконецъ Клюньи, построенный лично для г-жи Монтеспанъ, перешедшій потомъ къ герцогу Мену, въ концѣ Версаля, роскошный замокъ, изобилующій водой и садами. Со всѣхъ сторонъ водопроводы, достойные римлянъ. Ни Азія, ни древняя Европа не видѣли ничего столь обширнаго, столь роскошнаго, переполненнаго самыми рѣдкими памятниками всѣхъ вѣковъ, всевозможными изящнѣйшими мраморами, бронзами, картинами, статуями.

И все-таки здѣсь чувствовался недостатокъ въ водѣ, и фонтаны, украшенные чудесами искусства, изсякали, несмотря на громадные резервуары, стоившіе милліоновъ денегъ. Чтобы провести воду на это

болото и сыпучій песокъ—кто повѣритъ этому?—пришлось уничтожить цѣлое войско пѣхоты. Г-жа Ментенонъ царствовала: о ней будетъ рѣчь дальше. Лувуа находился еще съ ней въ хорошихъ отношеніяхъ, Франція наслаждалась миромъ, и министръ задумалъ отвести теченіе рѣки Эры, протекающей между Шатромъ и Ментенономъ, и направить ее въ Версаль. Кто можетъ счесть, сколько денегъ и людей стоилъ этотъ замыселъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Подъ страхомъ жесточайшихъ наказаній было запрещено говорить о больныхъ и особенно объ умершихъ, гибшихъ отъ страшной работы и еще больше отъ испареній разрытой болотистой почвы. Сколькимъ людямъ пришлось впослѣдствіи въ теченіе цѣлыхъ лѣтъ поправляться отъ этой заразы! Сколько несчастныхъ не могло окончательно выздоровѣть до самой смерти! И за все время работы даже на одну четверть часа не могли покинуть своего поста не только обыкновенные офицеры, но даже полковники, начальники бригадъ и генералы. Наконецъ, война прервала работы навсегда въ 1688 году, и послѣ нихъ остались только бозобразные памятники, увѣковѣчившіе это жестокое безумство.

Наконецъ король, уставъ отъ красоты и толпы, вообразилъ, что ему хочется чего-нибудь скромнаго и уединеннаго, и онъ началъ искать въ окрестностяхъ Версаля, чѣмъ бы удовлетворить свою новую прихоть. Онъ побывалъ во многихъ мѣстахъ, осмотрѣлъ окрестности С.-Жермена и обширную плодородную равнину омываемую Сеной. Ему предложили остановиться на Люсьеннѣ, но онъ отвѣтилъ, что здѣсь слишкомъ красиво мѣстоположеніе, и онъ боится разориться на него. Ему хочется имѣть самый простой уголъ, гдѣ ему не пришла бы даже мысль возводить постройки.

Недалеко отъ Люсьенна онъ нашелъ долину, узкую, глубокую, съ обрывистыми скатами, недоступную среди болотъ, со всѣхъ сторонъ окруженную холмами. Здѣсь не было никакого вида. На склонѣ одного изъ холмовъ была расположена бѣдная деревушка, по имени Марли. Это ущелье, лишенное всякой красоты, было единственной достопримѣчательностью деревушки, и король на ней остановилъ свой выборъ. Предстояла большая работа осушить эту клоаку, куда окрестные жители сбрасывали всякую нечисть, и засыпать ее землей. Но наконецъ «уединеніе» было готово, и сначала король раза два или три въ годъ проводили здѣсь по три ночи самое большее съ дюжиной придворныхъ.

Но мало по малу убѣжище стало разрастаться, холмы срыты, расчищено мѣсто для построекъ, устроенъ даже кое какой видъ. Наконецъ появились зданія, сады, пруды, водопроводы и столь знаменитое и дѣйствительно любопытное такъ называемое «сооруженіе Марли», потомъ парки, красивый и благоустроенный лѣсъ, статуи, драгоцѣнная мебель. Сюда привозили громадныя вѣтвистыя деревья съ еще болѣе отдаленныхъ мѣстностей. Три четверти изъ нихъ погибло, ихъ немедленно замѣнили свѣжими. Обширныя густыя рощи и тѣнистыя аллеи чередовались съ громадными озерами, по которымъ совершали прогулки на гондолахъ. Эти гондолы потомъ бросались въ лѣсу и уже никогда не извлекались на свѣтъ божій. Все это я видѣлъ въ теченіе всего шести недѣль; бассейны перестраивались по сту разъ, изобрѣтались всевозможные водопады, возникали павильоны, украшенные изящнѣйшей позолотой и живописью. Едва все это оканчивалось, какъ слѣдовала новая перемѣна, новая перестройка, и такъ до безконечности. Чудовищное «сооруженіе Марли» съ необъятными водопроводами, съ гигантскими резервуарами удовлетворяло потребностямъ од-

ного только Марли, и въ результатѣ это убѣжище оказалось дороже Версаля.

Сюда слѣдуетъ прибавить еще издержки на безпрестанныя путешествія. Король сталъ посѣщать Марли столь-же часто, какъ и Версаль, а подъ конецъ жизни Марли стало его обыкновенной резиденціей и стоило въ концѣ концовъ цѣлые милліарды.

Такое счастіе выпало на долю этого логовища змѣй, каракатицъ, лягушекъ и всякаго рода гадовъ, и при томъ логовища, выбраннаго затѣмъ, чтобы не дѣлать на него никакихъ издержекъ. Такихъ предѣловъ достигала прихоть короля во всемъ и его страсть насиловать природу, и отъ этихъ пороковъ его не могла вылѣчить ни самая тяжелая война, ни набожность.

Послѣ такихъ чудовищныхъ примѣровъ самовластія слѣдуетъ-ли разсказывать о другихъ увлеченіяхъ короля болѣе естественныхъ, но и болѣе роковыхъ для государства?—я разумѣю любовныя интриги. Онѣ своими скандалами разнеслись по всей Европѣ, опозорили Францію, поколебали основы государства, навлекли на короля множество проклятій, подъ тяжестью которыхъ онъ и умеръ, и едва не погубили окончательно его законное потомство. Эти бѣдствія стали бичами страны, и послѣдствія ихъ еще долго будутъ чувствоваться.

Людовикъ XIV, въ молодости больше всѣхъ своихъ подданыхъ наклонный къ любовнымъ увлеченіямъ, усталъ наконецъ отъ мимолетныхъ удовольствій и остановился на Лявальеръ. Потомъ его увлекла рѣдкая красота г-жи Монтеспанъ еще въ то время, когда царствовала г-жа Лявальеръ. Монтеспанъ скоро это замѣтила и тщетно умоляла своего мужа увезти ее въ Гіэннь. Тотъ по своей безумной увѣренности ея не послушалъ. Тогда она поговорила съ нимъ откровенно, но въ концѣ концовъ король побѣдилъ и отнялъ ее у мужа. Это было сдѣлано до такой степени скандально, что вся Европа пришла въ ужасъ, и міръ могъ присутствовать при неслыханномъ зрѣлищѣ — короля съ двумя возлюбленными заразъ. Король возилъ ихъ на границу, ѣздилъ съ ними и съ королевой въ одной коляскѣ по лагерю среди войскъ. Народъ сбѣгался со всѣхъ сторонъ посмотрѣть на трехъ королевъ, и зрители какъ ни въ чемъ ни бывало спрашивали другъ у друга, кому удалось ихъ видѣть.

Наконецъ г-жа Монтеспанъ восторжествовала и стала владычицей самого господина и его двора. Произошло это съ невѣроятной откровенностью: мужа за то, что онъ хотѣлъ взять жену обратно, посадили въ Бастилію, потомъ отправили въ Гіэннь, а жена, чтобы имѣть табуретъ, устроила слѣдующее. Графиня Суассонская занимала мѣсто главной домоправительницы королевъ. Эту должность даже создали ради нея и присвоили этому званію табуретъ. Г-жа Монтеспанъ подвергла опалѣ графиню, принудила ее оставить мѣсто домоправительницы, сами заняла его и получила такимъ образомъ табуретъ, другимъ путемъ ей недоступный, такъ какъ при наличности мужа она не могла быть сдѣлана герцогиней!

Вскорѣ изъ монастыря явилась сестра г-жи Монтеспанъ, настоящая королева аббатиссъ, подъ монашескимъ платьемъ и подъ монашескими обѣтами скрывавшая больше ума и красоты, чѣмъ было у самой г-жи Монтеспанъ. Она явилась насладиться славой побѣдительницы и вмѣстѣ съ своей другой сестрой г-жей Тіаншъ стала умнѣйшей и очаровательнѣйшей гостьей короля на всѣхъ празднествахъ, можно сказать самымъ возбуждающимъ элексиромъ среди придворныхъ дамъ.

Беременность и роды ни отъ кого не скрывались. Дворъ г-жи Монтеспанъ сталъ центромъ придворной жизни и удовольствій источникомъ карьеръ, надеждъ и страховъ министровъ, генераловъ и наконецъ униженіемъ всей Франціи. Но онъ былъ также центромъ остроумія и совершенно исключительнаго изящнаго, естественнаго и пріятнаго тона. и тонъ этотъ былъ созданъ тремя сестрами. До сихъ поръ съ удовольствіемъ встрѣчаешь немногихъ лицъ, оставшихся въ живыхъ, получившихъ воспитаніе въ этомъ обществѣ. Даже среди самой обыкновенной бесѣды ихъ можно отличить отъ тысячи другихъ людей по простотѣ и прелести манеръ.

Сестра аббатисса г-жа Фонтевро во всемъ стояла выше своихъ сестеръ. Она, пожалуй, была и самая красивая изъ нихъ; кромѣ того, она обладала рѣдкими и очень обширными познаніями. Она хорошо знала богословіе, отцовъ церкви, была начитана въ Священномъ Писаніи, владѣла древними языками и увлекательнымъ даромъ слова. Умъ ея, конечно, поражалъ блескомъ, но она никогда не показывала, что знаетъ больше обыкновенныхъ женщинъ. Она превосходно писала и обладала удивительной способностью управлять другими. Монашенки ее обожали и въ то же время безпрекословно повиновались ей. Ея безвыходное пребываніе при дворѣ нисколько не вредило ея репутаціи, странно только было видѣть такой костюмъ въ подобномъ положеніи, и всетаки можно сказать, что даже при такомъ дворѣ г-жа Фонтевро никогда не могла впасть въ искушеніе.

Г-жа Тіаншъ господствовала надъ своими сестрами и надъ самимъ королемъ, умѣя его развлекать лучше ихъ. Она до самой своей смерти сохранила свою власть надъ ними и даже послѣ изгнанія г-жи Монтеспанъ отъ двора она пользовалась величайшимъ почетомъ.

Что касается г-жи Монтеспанъ, это была женщина злая, капризная и до такой степени своенравная, что рѣшительно никто, даже король, не были гарантированы отъ ея дурныхъ настроеній. Придворные избѣгали проходить подъ ея окнами, въ особенности, когда у нея сидѣлъ король. Они называли это проходить подъ выстрѣлами, и это выраженіе вошло при дворѣ въ пословицу. Дѣйствительно, она никого не щадила и очень часто съ единственной цѣлью развлечь короля, и такъ какъ она была чрезвычайно остроумна и умѣла очень тонко насмѣхаться, — изобрѣтаемыя ею смѣшныя прозвища были въ высшей степени опасны. При всемъ этомъ она любила свою семью. своихъ родственниковъ и всегда оказывала услуги своимъ друзьямъ. Съ королевой она обращалась высокомѣрно и часто выражалась о ней: «Эта глупышка уморитъ меня!» Королева съ трудомъ выносила это обращеніе, между тѣмъ, какъ съ герцогиней Лявальеръ г-жа Монтеспанъ обращалась очень любезно и почтительно и никогда не переставала любить ее.

За все время своего царствованія г-жѣ Монтеспанъ не пришлось испытывать ревности. M-elle Фонтанжъ успѣла достаточно увлечь короля, чтобы явиться признанной возлюбленной. Какъ бы ни казалось странно это совмѣстительство, оно уже не казалось новостью. Его уже испытали г-жа Лявальеръ и г-жа Монтеспанъ. Но m-elle Фонтанжъ не выпало на долю такого счастія ни въ порочныхъ наслажденіяхъ, ни въ своевременномъ раскаяніи. Ея красота имѣла успѣхъ нѣкоторое время, но не было остроумія. А короля необходимо было забавлять, чтобы привязать къ себѣ. Впрочемъ, онъ не успѣлъ окончательно раз-

чароваться: m-elle Фонтанжъ вскорѣ умерла, и романъ окончился. И почти всѣ другія увлеченія были мимолетныя.

Одно только продолжалось долго, перешло потомъ въ глубокую дружбу, сохранившуюся до конца, и красавица умѣла изъ этихъ чувствъ извлечь чудовищныя выгоды, передать ихъ потомъ своимъ двумъ сыновьямъ, — отвратительное и въ то же время роскошное наслѣдство!

Въ Испаніи мужъ, соглашающійся быть рогоносцемъ, слыветъ притчей во языцѣхъ, здѣсь же мужъ королевской возлюбленной оказался постыднымъ политикомъ, охотно терпѣлъ измѣну своей жены и пожиналъ обильнѣйшую жертву, живя въ Парижѣ, служа въ арміи, почти никогда не появляясь при дворѣ, втихомолку скопляя деньги, и располагая всѣми земными благами, благодаря своей дражайшей половинѣ. Свиданія короля и этой дамы происходили у маршальши Рошфоръ, куда она являлась къ своему возлюбленному. Иногда происходили нѣкоторыя недоразумѣнія, но они оставались почти безъ всякихъ послѣдствій и никогда не исходили отъ мужа. Онъ всегда оставался дома, все зналъ, всѣмъ руководилъ и дѣлалъ видъ, будто ничего не знаетъ. Вскорѣ онъ свой скромный домишка на Королевской площади перемѣнилъ на дворецъ Гизовъ, и прежніе владѣльцы не узнали бы своего жилища, до такой степени онъ его расширилъ и разукрасилъ,—онъ, потомъ его два сына. Та же самая корыстная тайна продолжала облекать этотъ романъ, когда собственно любви уже не было. Таинственность даже способствовала продолженію любви, а ловкая политика сумѣла во время превратить ее въ дружбу и глубокое уваженіе.

Дѣти этой рыжей красавицы съ самаго начала вступили на путь къ почестямъ и богатству, и не только они, но и ихъ потомство. Всѣ они подымались все выше и выше, даже по смерти матери, достигли высшаго блеска, и въ настоящее время уже третье поколѣніе наслаждается всевозможнымъ житейскимъ благополучіемъ. Такимъ образомъ люди, сами по себѣ совершенно темные и незначительные, стали именитыми и блестящими. Такъ искусно жена воспользовалась своей красотой, мужъ своей политикой и своей подругой, а дѣти всѣми средствами, какія имъ предоставили ихъ родители.

Другая героиня также сумѣла многимъ пользоваться въ теченіе всей своей жизни, но у нея не было достаточно красоты, искусства и внѣшнихъ условій, мужъ у нея былъ шутъ и ничтожество,—все это помѣшало полному ея торжеству, и судьба ея не отличалась такимъ блескомъ, какой перешелъ даже на потомство первой героини. Этой оставалось только выражать свои желанія. Хотя любовная связь давно уже прекратилась, и всякія сношенія были обставлены всевозможными предосторожностями, при дворѣ все-таки знали ея власть, и всѣ благоговѣли передъ ней. Министры, принцы крови,—никто не противорѣчилъ ея воли. Ея записки передавались прямо королю, и всегда немедленно получались отвѣты, и никто даже не успѣвалъ подмѣтить этой переписки. Если ей нужно было лично переговорить съ королемъ, чего она всѣми силами избѣгала, король принималъ ее немедленно. Аудіенція происходила въ пріемные часы, двери комнаты были настежъ открыты—демонстративно, чего не дѣлалось ни въ какихъ другихъ случаяхъ, и сосѣдній залъ былъ переполненъ придворными. Если иногда она хотѣла сказать королю всего одно слово, она говорила стоя, у самаго входа въ пріемную, на виду у всѣхъ, и по манерѣ короля встрѣчать ее, выслушивать ее и прощаться съ нею, всѣ присутствовавшіе могли убѣдиться, что это женщина, далеко для него не безразличная.

И такъ продолжалось до ея смерти. Она умерла на нѣсколько лѣтъ раньше короля, до конца сохраняя свою красоту. Разъ въ три года она бывала въ Марли но, никогда не участвовала въ поѣздкахъ короля даже съ другими дамами. Она старалась ничѣмъ не выдѣляться въ толпѣ придворныхъ, она почти всегда бывала при дворѣ, часто ужинала съ королемъ, и онъ никогда ни въ чемъ не отличалъ ее отъ другихъ. Такъ было условлено съ г-жей Ментенонъ, а та, въ свою очередь, дѣлала для нея все, что ей было угодно. Мужъ пережилъ ее на нѣсколько лѣтъ, почти никогда не являлся ко двору, и то мимолетно, жилъ въ неизвѣстности въ Парижѣ, всецѣло погруженный въ домашнія дѣла. Велъ онъ ихъ блестяще и наслаждался плодами своей политики, богатствомъ и всякими другими благами. Все это прикрыто было газовымъ флеромъ, отнюдь не непроницаемымъ.

Не слѣдуетъ забывать еще красивой дѣвушки Лотарингіи, фрейлины, невѣстки короля. Одинъ моментъ король любилъ ее открыто, но любовь эта исчезла съ быстротой молніи, и г-жа Монтеспанъ окончательно восторжествовала.

Теперь приходится разсказать о другого рода любви. Она столь же глубоко изумила и смутила всѣ народы и сопровождала короля до самой могилы. Уже достаточно этихъ словъ, чтобы каждый угадалъ знаменитую г-жу Добиньи, маркизу Ментенонъ: ея царствованіе продолжалось не меньше 32-хъ лѣтъ, Она родилась гдѣ-то на американскихъ островахъ, куда отправился искать насущнаго хлѣба ея отецъ, можетъ быть дворянинъ, вмѣстѣ съ ея матерью. Тамъ они умерли въ неизвѣстности, дочь ихъ одна кое-какъ вернулась во Францію, высадилась въ Ляропіели, была принята изъ состраданія въ домъ г-жи Нельянъ, жившей недалеко отъ Ляропіели, матери маршальши-герцогини Наваль. Скупая старуха заставила бѣдную приживалку смотрѣть за хлѣбнымъ сараемъ и ежедневно наблюдать за выдачей овса лошадямъ. Потомъ она пріѣхала въ Парижъ вмѣстѣ съ своей госпожей,—молодая, ловкая, умная и красивая, безъ всякихъ средствъ и безъ родныхъ. Счастливый случай свелъ ее съ извѣстнымъ Скарропомъ. Она ему понравилась, а еще больше, можетъ быть, его друзьямъ. Ей показалось величайшимъ и неожиданнымъ счастьемъ выйти замужъ за этого веселаго и ученаго колпака, а друзья, нуждавшіеся, быть можетъ, въ женщинѣ гораздо больше его, постарались устроить этотъ бракъ и убѣдили Скаррона спасти отъ нищеты очаровательную сироту.

Бракъ совершился и молодая дама понравилась всѣмъ гостямъ, посѣщавшимъ Скаррона. Она оказалась мастерицей на всѣ руки. Среди придворныхъ и городскихъ господъ, среди людей остроумныхъ вошло въ моду бывать у Скаррона. Все лучшее и изящнѣйшее общество, котораго не могъ посѣщать самъ Скарронъ, собиралось къ нему, привлекаемое чарами его ума, его учености, его воображенія, его несравненной веселости, не покидавшей его даже въ болѣзняхъ, всегда юной, всегда разнообразной, блиставшей изысканнѣйшимъ остроуміемъ,—этимъ неизмѣннымъ украшеніемъ его произведеній.

Г-жа Скарронъ завязала здѣсь всевозможныя знакомства, но они не помѣшали ей по смерти мужа поселиться въ приходскомъ благотворительномъ домѣ церкви св. Евстахія. Она взяла тамъ комнату для себя и для своей служанки и жила чрезвычайно скромно, но ея привлекательныя качества мало по малу расширили ея общество. Ее стали посѣщать Виллярь, отецъ маршала, Бевронъ, отецъ Далгура и многіе другіе.

Это ее увлекло въ круговоротъ свѣта, и мало по малу она стала вхожей въ различные аристократическіе дома. Здѣсь она бывала въ роли простой компаньонки и выполняла разныя порученія, приказывала напр., принести дровъ въ каминъ, справлялась, скоро ли накроютъ на столъ, пріѣхала ли карета того или другого гостя и тысячу другихъ порученій. Всю эту службу впослѣдствіи съ большимъ удобствомъ выполнялъ звонокъ, вошедшій въ обычай много времени спустя.

Въ аристократическихъ салонахъ г-жа Скарронъ пріобрѣла большую часть знакомствъ, которыя впослѣдствіи оказались ей столь полезными. Особенно большія услуги оказалъ г-жѣ Скарронъ маршалъ Альбре, близкій родственникъ г-на Монтеспанъ. Этому родству она обязана рѣшительнымъ и невѣроятнымъ поворотомъ своей судьбы. Супруги Монтеспанъ постоянно бывали у маршала Альбре, державшаго самый изящный и роскошный салонъ во всемъ Парижѣ, гдѣ собиралось самое отборное городское и придворное общество. Почтительная, услужливая, остроумная и привлекательная г-жа Скарронъ очень понравилась г-жѣ Монтеспанъ. Между ними завязалась дружба, и когда у г-жи Монтеспанъ родились отъ короля первыя дѣти, и король ихъ хотѣлъ скрыть, г-жа Монтеспанъ предложила ему отдать ихъ г-жѣ Скарронъ, и ихъ ей отдали. Для нея купили особый домъ и назначили ей содержаніе на воспитаніе дѣтей въ глубокой тайнѣ. Впослѣдствіи дѣти были переселены къ г-жѣ Монтеспанъ, потомъ показаны королю. Мало-по-малу всякая таинственность была устранена, и дѣти наконецъ были признаны. Воспитательница поселилась вмѣстѣ съ ними при дворѣ и все больше и больше увлекала г-жу Монтеспанъ, которая многократно выпрашивала для нея у короля подарки. Король, напротивъ, терпѣть ея не могъ, и если иногда исполнялъ просьбы г-жи Монтеспанъ, то съ величайшей неохотой, съ явнымъ сожалѣніемъ и всегда давалъ очень мало.

Помѣстье Ментенонъ поступило въ продажу. Оно находилось очень недалеко отъ Версаля, и это обстоятельство до такой степени заинтересовало г-жу Монтеспанъ, что она не давала покою королю, пока помѣстье Ментенонъ не было куплено для г-жи Скарронъ, и она тотчасъ же или весьма скоро приняла фамилію Ментенонъ. Та же г-жа Монтеспанъ выхлопотала у короля средства на поправку замка и сада.

Это происходило во время ея туалета, когда вся свита короля состояла только изъ одного капитана дворцовой гвардіи. Маршалъ Делоржъ былъ тогда этимъ капитаномъ, человѣкъ правдивѣйшій въ мірѣ, и онъ часто мнѣ разсказывалъ сцену, происшедшую на его глазахъ. Король сначала оставался глухъ къ просьбамъ г-жи Монтеспанъ, потомъ отвѣтилъ отказомъ; наконецъ, выведенный изъ терпѣнія ея настойчивостью, онъ разсердился, заявилъ, что онъ и безъ того уже слишкомъ много сдѣлалъ для этой твари, и что онъ не понимаетъ пристрастія г-жи Монтеспанъ къ ней и ея упорства держать эту госпожу при себѣ, несмотря на его многочисленныя просьбы отказаться отъ ея услугъ. Король признавался, что она для него невыносима, что онъ, пожалуй, еще разъ согласится на подачку, лишь бы только ему обѣщали, что онъ никогда ея не увидитъ и никогда о ней не услышитъ, хотя, говоря правду, онъ слишкомъ достаточно былъ щедръ для подобной твари. Маршалъ Делоржъ никогда не забывалъ точныхъ выраженій короля и пересказывалъ ихъ всегда одинаково мнѣ и другимъ, до такой степени онъ былъ пораженъ тогда и еще сильнѣе потомъ, когда произошли столь изумительныя и столь противорѣчивыя

событія. На тотъ разъ г-жа Монтеспанъ замолчала, видимо раскаиваясь въ своей чрезмѣрной настойчивости.

Герцогъ Менъ, сынъ короля и г-жи Монтеспанъ, страдалъ сильной хромотой,—говорили, будто его уронила кормилица. Всевозможное лѣченіи не имѣло никакого успѣха, и его рѣшились отправить къ разнымъ хирургамъ во Фландріи и въ другихъ мѣстахъ и, наконецъ, на воды. Письма, въ которыхъ воспитательница представляла отчеты объ этихъ путешествіяхъ, показывались королю. Онъ находилъ, что они хорошо написаны, они ему нравились и подъ конецъ его отвращеніе къ г-жѣ Ментенонъ стало исчезать.

Капризы г-жи Монтеспанъ довершили дѣло. Капризничила она безпрестанно и не привыкла себя сдерживать. Король являлся ея жертвой чаще, чѣмъ кто-либо. Онъ еще любилъ ее, но начиналъ страдать. Г-жа Ментенонъ упрекала за это г-жу Монтеспанъ, а та отплачивала ей добрыми услугами предъ королемъ. Эта заботливость укротить возлюбленную тронула короля. Мало по малу онъ привыкъ раз говаривать съ г-жей Ментенонъ, давать ей откровенныя порученія насчетъ г-жи Монтеспанъ, наконецъ, разсказывать ей о своихъ огорченіяхъ и совѣтоваться съ ней.

Такимъ образомъ г-жа Ментенонъ добилась постепенно полнаго и непосредственнаго довѣрія со стороны влюбленнаго и возлюбленной, и до такой степени успѣла ловко воспользоваться имъ, что мало-помалу замѣнила г-жу Монтеспанъ, и та замѣтила слишкомъ поздно, что ея компаньонка стала королю необходимой. Тогда г-жа Ментенонъ въ свою очередь принялась жаловаться королю, какъ много она терпитъ отъ его возлюбленной, не желавшей щадить и его самого. Среди этихъ взаимныхъ жалобъ подруга г-жи Монтеспанъ вполнѣ ее замѣстила и успѣла вполнѣ обезпечить за собой это мѣсто.

Судьба, я не смѣю сказать Провидѣніе, готовила для самаго гордаго изъ государей униженіе самое глубокое, самое открытое, самое продолжительное и неслыханное, и все больше и больше привязывала его къ этой ловкой и многоопытной женщинѣ; безпрестанная ревность г-жи Монтеспанъ, ея невыносимо капризныя выходки, не щадившія ни короля, ни г-жу Ментенонъ, окончательно рѣшили судьбу короля.

То же самое Провидѣніе, неограниченно управляющее временами и событіями, устроило ихъ такъ, что королева жила какъ разъ до тѣхъ поръ, чтобы дать развиться страсти короля и не допустить ей охладѣть. Величайшимъ несчастіемъ лично для короля и для государства была столь быстрая кончина королевы, погибшей вслѣдствіе непроходимаго и упорнаго невѣжества главнаго лейбъ-медика. Это несчастіе закрѣпило новую привязанность короля, которая выросла на отвращеніи къ невыносимо вздорной возлюбленной. Надменная красавица, привыкшая къ власти и обожанію, не могла преодолѣть своего отчаянія, видя, какъ власть ея исчезаетъ. Она просто выходила изъ себя въ присутствіи призрѣнной соперницы, которой она дала хлѣбъ насущный, которая ей же собственно и обязана роковымъ увлеченіемъ короля. И эту женщину она могла до такой степени любить, что не рѣшалась ее прогнать даже послѣ многократныхъ просьбъ короля! И теперь она—ея соперница, далеко уступающая ей по красотѣ, и старше ея на нѣсколько лѣтъ! Видѣть, какъ именно для этой компаньонки, можно сказать, служанки, король являлся къ ней, только ее и желалъ видѣть и не скрывалъ своего огорченія, когда не находилъ ея; видѣть, какъ онъ безпрестанно покидалъ ее, г-жу Монтеспанъ, чтобы

поговорить наединѣ съ другой, наконецъ, ежеминутно прибѣгать къ помощи этой другой, чтобы привлечь короля, чтобы уладить съ нимъ свои ссоры, чтобы добиться той или другой милости. И именно въ это время, когда торжество новой очаровательницы было такъ близко, король нѣсколько мѣсяцевъ пользовался свободой.

Онъ провелъ первые дни въ С. Клу у своего брата, потомъ отправился въ Фонтенебло, гдѣ прожилъ всю осень. Тамъ его увлеченіе, благодаря разлукѣ, достигло высшей степени. Говорятъ (именно *говорятъ*, потому что слѣдуетъ строго различать достовѣрныя свѣдѣнія отъ сомнительныхъ), будто король откровеннѣе поговорилъ съ г-жей Ментенонъ, будто она, рѣшаясь испытать свою силу, ловко отклонила предложеніе короля, ссылаясь на благочестіе, но будто король не отказался отъ своего намѣренія. Тогда она ему прочитала нравоученіе, попугала его чертомъ и до такой степени искусно сумѣла сочетать его любовь и его совѣсть, что достигла результата, которому потомство откажется вѣрить.

Нѣсколько времени спустя послѣ возвращенія короля изъ Фонтенебло, въ первую же зиму послѣ смерти королевы, совершилось событіе, едва вѣроятное для потомства, но тѣмъ не менѣе достовѣрное. Духовникъ короля служилъ обѣдню глубокой ночью въ одномъ изъ покоевъ короля въ Версалѣ. Бонтанъ, версальскій губернаторъ, главный королевскій комердинеръ, игралъ роль церковнослужителя, и за этой обѣдней государь и Ментенонъ были обвѣнчаны въ присутствіи парижскаго архіепископа и Лувуа, причемъ оба они, какъ было уже сказано, взяли съ короля слово никогда не объявлять этого брака.

Г-жа Ментенонъ, не дерзая носить гербъ такого супруга, уничтожила и гербъ своего перваго мужа и носила только свой собственный, подражая въ этомъ случаѣ г-жѣ Монтеспанъ и даже г-жѣ Тіанжъ, которыя при жизни своихъ мужей оставили ихъ гербы и до самой смерти не носили ихъ.

При подобныхъ обстоятельствахъ бракъ является обыкновенно роковымъ для любви, но на этотъ разъ онъ только упрочилъ положеніе г-жи Ментенонъ. Вскорѣ оно было признано блистательнымъ. Ей былъ данъ покой въ Версалѣ противъ комнаты короля, и съ этой минуты король ежедневно въ теченіе всей своей жизни приходилъ сюда на нѣсколько часовъ, и такой порядокъ установился навсегда, гдѣ бы король ни жилъ: г-жа Ментенонъ помѣщалась всегда возможно ближе къ нему.

Всевозможныя почести, полнѣйшее довѣріе, всемогущество, безотвѣтное подчиненіе, открытое благоговѣніе всего общества, министры, генералы, кровная королевская семья,—все однимъ словомъ оказалось у ея ногъ; все дѣлается черезъ нее, все отвергается въ случаѣ ея несогласія; люди, дѣла, событія, правосудіе, всѣ назначенія, милости, религіозные вопросы, все безъ исключенія, въ ея рукахъ, король и государство ея жертвы. Кто она была, эта невѣроятная волшебница? Какъ она властвовала непрерывно, безпрепятственно, безъ малѣйшаго противорѣчія цѣлыхъ тридцать два года,—это единственное въ своемъ родѣ зрѣлище. Оно было зрѣлищемъ всей Европы и его стоитъ описать.

Госпожа Ментенонъ.

Это была женщина большого ума. Лучшія общества, гдѣ она сначала была лицомъ страдательнымъ, а впослѣдствіи ихъ украшеніемъ,

сообщили ей глубокое познаніе свѣта. Галантныя приключенія еще болѣе усовершенствовали эту добродѣтель: многообразныя житейскія приключенія, пережитыя ею, сдѣлали ее льстивой, вкрадчивой, любезной и развили въ ней желаніе всегда нравиться. Многочисленныя интриги, которыя она наблюдала и въ которыхъ часто принимала сама участіе, въ личныхъ или чужихъ интересахъ, закончили ея развитіе и воспитали въ ней вкусъ и привычку ко всякаго рода уловкамъ. Неподражаемая грація, обаятельное выраженіе лица, въ то-же время сдержанное и почтительное, ставшее у нея естественнымъ, благодаря продолжительнымъ униженіямъ, все это изумительно способствовало ея таланту; кромѣ того, она обладала способностью говорить пріятно, правильно, изящно, краснорѣчиво и сильно. Она была старше короля на три или четыре года и лучшую часть жизни она провела среди остроумныхъ разговоровъ, свѣтской галантности, и все это навсегда изощрило въ высшей степени ея умъ и вкусъ. Претенціозный и изысканный тонъ, бывшій тогда въ модѣ, еще больше усилился у нея, благодаря важности и набожности, которая впослѣдствіи стала господствующей чертой ея характера. Качество это было необходимо для госпожи Ментенонъ затѣмъ, чтобы удержаться на своемъ мѣстѣ и пользоваться властью. Именно во власти заключалась вся ея природа, все остальное было принесено въ жертву властолюбію. Съ этой задачей и съ позднѣйшей карьерой слишкомъ трудно было примирить правдивость и искренность, и у г-жи Ментенонъ остались отъ всего этого только внѣшніе признаки. Собственно ко лжи она не имѣла личной склонности, но необходимость съ давнихъ поръ пріучила ее лгать, и прирожденное легкомысліе заставляло ее казаться болѣе лживой, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ. Вообще, всѣ ея нравственныя качества явились результатами принужденія и насилія. Къ своимъ знакомымъ и друзьямъ она относилась такъ же легко, какъ къ простымъ развлеченіямъ. Исключеніе составляли нѣсколько старинныхъ друзей, которымъ она не измѣняла, и нѣсколько новыхъ, ставшихъ для нея необходимыми. Что касается развлеченій, она не могла чувствовать себя здѣсь свободной съ тѣхъ поръ, какъ стала королевой. Ея капризы направились исключительно на предметы серьезные и причинили здѣсь много зла. Она поддавалась увлеченію до послѣдней степени, одинаково легко очаровывалась и впадала въ разочарованіе и въ обоихъ случаяхъ весьма часто безъ причины и безъ основанія.

Униженіе и нужда, среди которыхъ она долго жила, съузили ея умственный горизонтъ и опошлили ея умъ и сердце. Она думала и чувствовала во всѣхъ случаяхъ до такой степени мелочно, что вездѣ и всегда она въ сущности оставалась прежней m-me Скарронъ. Ничего не могло быть болѣе отталкивающаго, чѣмъ эта низменность ума и сердца при столь блистательномъ внѣшнемъ положеніи. Этотъ порокъ являлся величайшимъ препятствіемъ ко всему доброму, и постоянная измѣнчивость въ дружбѣ и довѣріи грозила безчисленными опасностями.

У г-жи Ментенонъ была еще другая обманчивая привлекательность стоило человѣку, впервые къ ней допущенному, произвести на нее сколько-нибудь пріятное впечатлѣніе, она становилась поразительно сердечна и вызывала самыя смѣлыя надежды. Но уже со второй встрѣчи она теряла хорошее настроеніе, становилась сухой и лаконической. Напрасно тогда ломали голову и доискивались причины столь внезапной благосклонности и опалы. Легкомысліе было единственной причиной, и оно достигало прямо невообразимыхъ предѣловъ. Тольк

нѣкоторые избѣжали обычной прихотливости г-жи Ментенонъ, но они— исключеніе и вполнѣ подтверждаютъ правило, тѣмъ болѣе, что и они перенесли не мало огорченій, пользуясь повидимому полной благосклонностью г-жи Ментенонъ. Со времени ея брака съ королемъ къ ней приближались осторожно и недовѣрчиво.

Легко послѣ этого представить прелесть ея двора. Дворъ этотъ былъ почти недоступенъ—согласно желанію г-жи Ментенонъ и вкусамъ короля и благодаря особому распредѣленію часовъ. А между тѣмъ этотъ дворъ принималъ большое и ближайшее участіе во всѣхъ дѣлахъ и почти всегда на все вліялъ. Г-жа Ментенонъ имѣла слабость поддаваться чужимъ откровенностямъ, своего рода исповѣдямъ и, благодаря своему отчужденію отъ внѣшняго міра, постоянно попадала впросакъ. Она также страдала маніей *управлять* и *направлять*, и эта манія отнимала у нея и послѣднюю свободу. Сенъ-Сиръ поглащалъ невѣроятное количество ея времени и также множество другихъ монастырей. Она считала себя универсальной аббатиссой, въ особенности въ духовныхъ дѣлахъ и брала на себя рѣшеніе самыхъ мелкихъ вопросовъ, и это составляло ея любимое занятіе. Она воображала себя матерью церкви. Ея власть тяготѣла надъ главными пастырями, надъ начальниками семинарій и общинъ, надъ монастырями и ихъ начальницами. Отсюда бездна забавныхъ занятій, призрачныхъ, тягостныхъ, всегда обманчивыхъ, безконечныя письма и отвѣты, попеченія объ избранныхъ душахъ и всякаго рода глупости, которыя обыкновенно кончались пустяками, но иногда также касались вопросовъ серьезныхъ и влекли къ печальнымъ недоразумѣніямъ всякаго рода.

На эти занятія натолкнула ее набожность, увѣнчавшая и спасшая до конца ея карьеру, кромѣ того, умѣнье и страсть управлять и господствовать. Самолюбіе, всегда встрѣчавшее только льстецовъ, находило здѣсь полное удовлетвореніе. Рядомъ съ ней оказался король, считавшій себя апостоломъ потому, что онъ всю жизнь преслѣдовалъ янсенизмъ или то, что ему сумѣли выдать за таковой. На этомъ поприщѣ г-жа Ментенонъ сумѣла внушить королю свое усердіе и вмѣшаться во всѣ дѣла.

Грубѣйшее и всестороннее невѣжество, въ которомъ заботливо воспитали короля и впослѣдствіи по разнымъ соображеніямъ поддерживали, недовѣріе ко всѣмъ и совершенное отщепенство отъ внѣшняго міра подъ ключемъ у министровъ, въ особенности у исповѣдниковъ и всѣхъ, кому это было нужно,—все это рано развило у короля привычку участвовать въ богословскихъ вопросахъ, вмѣшиваться въ раздоры католическихъ сектъ, пока наконецъ не пришлось поссориться съ самимъ Римомъ. Королева-мать и еще болѣе самъ король, очарованные іезуитами, допустили себя убѣдить какъ разъ именно въ томъ, что противорѣчитъ истинѣ, будто-бы всякое другое ученіе, кромѣ іезуитскаго, посягнетъ на королевскій авторитетъ и заражено духомъ республиканской свободы. Король въ этого сорта вопросахъ зналъ не больше ребенка. Іезуиты понимали, съ кѣмъ имѣли дѣло. Въ ихъ распоряженіи находились исповѣдники короля и распредѣленіе бенефицій по ихъ-же списку. Честолюбіе придворныхъ и страхъ, внушаемый іезуитами министрамъ, предоставляли имъ полную свободу. Неутомимое усердіе короля во всѣхъ дѣлахъ всю жизнь держаться вдали отъ всего міра представляло для нихъ надежный оплотъ, и они единолично и вполнѣ безопасно могли говорить ему все, что касалось религіи, и король только ихъ и слушалъ. Имъ, слѣдовательно, было легко разъ навсегда вну-

шить ему идею, что всякій, несогласный съ іезуитами,—янсенистъ, а янсенистъ—врагъ короля и его власти—для Людовика невѣроятно чувствительный пунктъ. Іезуиты сумѣли наложить свою руку на все, что касалось религіознаго вопроса, и даже на все, что только отдаленно намекало на этотъ вопросъ, другими словами, на все и на всѣхъ, кого только имъ хотѣлось запутать въ это дѣло.

Такимъ образомъ они разогнали достопочтенныхъ знаменитыхъ отшельниковъ, собравшихся въ Поръ-Роялѣ, во имя науки и покаяній. Отшельники воспитали здѣсь великихъ учениковъ, и христіане на всегда обязаны великими благодѣяніями ихъ произведеніямъ. Эти произведенія распространили живой и прочный свѣтъ, помогающій различать правду отъ лжи, необходимое отъ призрачнаго въ области менѣе всего изученной и разъясненной. Они истолковали сущность вѣры, зажгли въ сердцахъ людей чувство милосердія, направили на истинный путь ихъ нравы... Преслѣдованіе янсенизма находилось въ полномъ разгарѣ всюду, куда направлялась набожность короля и г-жи Ментенонъ,—внезапно открылось новое, еще болѣе благодарное поприще для преслѣдованія.

Съ янсенизмомъ, повидимому, было совсѣмъ покончено. По разсчету іезуитовъ, они могли приняться за него развѣ только за недостаткомъ лучшаго. Въ случаѣ нужды они, навѣрное, еще долго могли находить въ немъ поживу, и спустя нѣкоторое время имъ ничего не стоило нанести ему еще нѣсколько ударовъ. Заручившись такою властью надъ королевской совѣстью, іезуитамъ нетрудно было возбудить усердіе Людовика противъ религіи, которую поражала торжественными проклятіями католическая церковь, и которая сама себя поразила первая, отказавшись отъ основныхъ древнихъ вѣроученій.

Король сдѣлался набожнымъ, не переставая быть до послѣдней степени невѣжественнымъ. Къ набожности присоединилась политика, и окружающіе принялись ему угождать, затрогивая самые чувствительные для него вопросы—набожность и королевскую власть. Ему представили гугенотовъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ: это государство въ государствѣ, благодаря смутамъ, возстаніямъ, междоусобнымъ войнамъ, иноземнымъ союзамъ, открытому сопротивленію прежнимъ королямъ и самому Людовику; королевство вынуждено уживаться съ этимъ государствомъ на основаніи договоровъ. Но враги гугенотовъ поостереглись объяснить королю источникъ стольких бѣдствій, ихъ начало и развитіе, не сообщили, почему и какъ гугеноты взялись за оружіе, потомъ нашли поддержку и, что особенно важно, Людовику ни единымъ словомъ не намекнули на ужасы и покушенія лиги противъ его короны, противъ его семьи, его отца, дѣда и всѣхъ его родныхъ.

Отъ короля заботливо скрыли все, чему учитъ евангеліе, апостолы и отцы церкви насчетъ христіанской проповѣди, обращенія невѣрныхъ и еретиковъ и вообще насчетъ всего, что касается религіи. Короляханжу просто соблазнили пріятностью покаянія на чужой счетъ, необходимаго для загробной жизни. Ханжи сумѣли раздразнить гордость короля, внушая ему подвигъ, который будто бы превосходилъ дѣла всѣхъ своихъ предшественниковъ. Они заставили его забыть о великихъ подвигахъ его героическаго отца, которые онъ совершилъ во главѣ одушевленной имъ Англіи. Она одерживала часто совершенно неожиданныя побѣды среди величайшихъ опасностей, и самъ король не щадилъ своей особы. Онъ навсегда сравнилъ великую гугенотскую партію, которая весьма успѣшно вела борьбу еще со временъ Фран-

циска I. Если бы не умъ и не доблесть Людовика Справедливаго, гугеноты, навѣрное, не были бы подданными Людовика XIV, и на всѣ эти уроки прошлаго Людовикъ не обратилъ никакого вниманія.

Онъ такъ гордился своимъ самодержавіемъ, и именно его заставили совершить религіозный и политическій актъ первостепенной важности. Торжество истинной религіи было упрочено уничтоженіемъ всякой другой. Король разорвалъ всѣ связи съ гугенотами, навсегда уничтожилъ мятежниковъ, вѣчно готовыхъ воспользоваться всякимъ случаемъ предписать свою волю королямъ и сталъ въ результатѣ совершенно неограниченнымъ монархомъ.

Великихъ министровъ уже больше не существовало. Лувуа, вѣчно жаждавшій войны, изнемогавшій подъ гнетомъ двадцатилѣтняго перемирія, только что подписаннаго, надѣялся, что рѣшительный натискъ на гугенотовъ взволнуетъ всю протестантскую Европу, и онъ заранѣе торжествовалъ. Король могъ бороться съ гугенотами только при помощи собственнаго войска. Лувуа такимъ образомъ становился во главѣ дѣла, и его кредитъ могъ возрасти. Умъ и талантъ госпожи Ментенонъ, какъ намъ вполнѣ точно извѣстно, ни въ какомъ случаѣ не могли ветать выше заурядной интриги. По природѣ и по воспитанію она не могла видѣть дальше, чѣмъ ей внушали другіе. Наконецъ, она пламенно ухватилась за столь благодарный случай утвердить еще больше свое положеніе на почвѣ религіозности. Впрочемъ, кому же и было извѣстно, какія совѣщанія происходили между духовникомъ, тогда почти единственнымъ министромъ и новой возлюбленной супругой короля, и кто бы осмѣлился противорѣчить имъ? Такъ всегда тѣмъ или другимъ путемъ становятся жертвами интриги тѣ государи, которые подъ давленіемъ своего величія, недовѣрія къ другимъ и полной довѣрчивости къ своимъ внушителямъ, или благодаря лѣности и гордости, ограничиваются въ своихъ личныхъ сношеніяхъ двумя или тремя личностями, а часто даже и меньше, создавая между собой и всѣми остальными своими подданными непроходимую пропасть.

Отмѣна Нантскаго эдикта.

Отмѣна Нантскаго эдикта совершилась безъ всякаго предлога и безъ всякой нужды. Изгнанія и всякія другія мѣры были плодомъ ужаснаго заговора. Онъ опустошилъ четвертую часть государства, уничтожилъ торговлю, ослабилъ вообще всю страну и надолго отдалъ ее на жертву публичнаго и вполнѣ открытаго грабежа драгуновъ. Тотъ-же заговоръ вызвалъ пытки и казни, отъ которыхъ погибли тысячи невинныхъ людей обоего пола. Онъ разорилъ множество народа, посѣялъ непримиримую вражду въ семьяхъ, вооружилъ родственниковъ другъ противъ друга затѣмъ, чтобы завладѣть ихъ достояніемъ и ихъ уморить голодомъ. Онъ заставилъ нашу мануфактурную промышленность переселиться за границу и создалъ благоденствіе и богатство другихъ государствъ на счетъ нашего, заставилъ ихъ строить новые города и видѣть, какъ чудовищная масса народа, совершенно неповинная и ограбленная, ищетъ убѣжища вдали отъ своего отечества. Онъ заставилъ бѣжать людей знатныхъ, богатыхъ, стариковъ, людей часто весьма уважаемыхъ за ихъ благочестіе, знаніе и добродѣтель, наконецъ людей больныхъ и слабыхъ и все это изъ-за религіи. Наконецъ, въ довершеніе всѣхъ ужасовъ тотъ-же заговоръ наполнилъ всѣ провинціи королевства клятвопреступниками и кощунами. Всюду раз-

давался плачъ несчастныхъ жертвъ заблужденія, а другіе въ то же время жертвовали своей совѣстью ради имущества и покоя. Они покупали все это цѣной притворныхъ отреченій, и ихъ немедленно заставляли преклоняться предъ тѣмъ, во что они совсѣмъ не вѣровали, давали имъ причастіе въ то время, когда они были убѣждены, что они ѣдятъ хлѣбъ, по ихъ мнѣнію оскверненный. Таковы были результаты, созданные общими усиліями лести и жестокости. Между пыткой и отреченіемъ, отреченіемъ и причастіемъ проходило часто не болѣе 20-ти часовъ, и палачи превращались въ воспріемниковъ. Тѣ, кто отсрочивалъ свое обращеніе, обыкновенно уклонялись отъ него бѣгствомъ или другимъ какимъ способомъ.

Почти всѣ епископы приняли участіе въ этихъ внезапныхъ и нечестивыхъ мѣрахъ. Большая часть даже воодушевляла палачей, вынуждала обращеніе и насильно обращенныхъ привлекала къ святому таинству, чтобы увеличить количество своихъ побѣдъ. Епископы посылали списки ко двору, разсчитывая на награды. Съ ними соперничали интенданты провинцій и драгуны; не отстали отъ нихъ и губернаторы и немногіе дворяне, жившіе въ провинціяхъ и разсчитывавшіе сдѣлать себѣ карьеру съ помощью епископовъ и интендантовъ. Король со всѣхъ сторонъ получалъ подробныя извѣстія объ этихъ преслѣдованіяхъ и обо всѣхъ обращеніяхъ. Оказывалось, тысячи отреклись отъ своего вѣроисповѣданія и приняли причастіе: двѣ тысячи въ одномъ мѣстѣ, шесть тысячъ въ другомъ, и все это за разъ въ одно мгновеніе. Король приходилъ въ восторгъ отъ своего могущества и благочестія. Ему казалось, что онъ живетъ во времена апостольской проповѣди, и онъ приписывалъ себѣ всю честь и славу. Епископы писали ему панегирики, іезуиты гремѣли хвалебными рѣчами съ каѳедръ. Вся Франція была наполнена ужасомъ и смущеніемъ, и никогда она не видала столько тріумфовъ, радостей, никогда не слышала такой бури похвалъ. Монархъ не сомнѣвался въ искренности всѣхъ обращеній; миссіонеры позаботились убѣдить и одурачить его заранѣе. Онъ глоталъ ядъ полными глотками. Именно теперь онъ считалъ себя безусловно великимъ предъ людьми и оправданнымъ во всѣхъ своихъ грѣхахъ и во всей своей безпутной жизни передъ Богомъ. Онъ слышалъ только восторги въ то время, какъ истинные католики и достопочтенные епископы были огорчены до глубины сердца: они видѣли, какъ послѣдователи истинной вѣры противъ заблужденій еретиковъ пускали въ ходъ то самое оружіе, какимъ тираны, еретики и язычники преслѣдовали истину исповѣдниковъ и мучениковъ. Эти епископы скорбѣли въ особенности изъ-за множества вѣроотступниковъ и кощуновъ. Они горько оплакивали продолжительный и непоправимый позоръ, какимъ покрыли истинную религію отвратительныя мѣры правительства, а наши сосѣди торжествовали, видя, какъ мы сами себя ослабляемъ и уничтожаемъ, пользовались нашимъ безуміемъ и разсчитывали воспользоваться ненавистью, какую мы вызвали у всѣхъ протестантскихъ державъ.

Но король оставался глухъ къ этимъ краснорѣчивымъ истинамъ. Поведеніе Рима не могло открыть ему глазъ. Этотъ Римъ не постыдился отпраздновать Варѳоломеевскую ночь, устроить общественныя благодарственныя процессіи и заказать величайшимъ мастерамъ живописи изобразить ужасное событіе на стѣнахъ Ватикана.

Вскорѣ послѣ отмѣны Нантскаго эдикта возникло великолѣпное Сенъ-Сирское учрежденіе. Г-жа Монтеспанъ построила въ Парижѣ

прекрасный домъ Дѣвъ Св. Іосифа для обученія молодыхъ дѣвушекъ. Онѣ учились здѣсь всякаго рода работамъ, умѣли дѣлать превосходныя украшенія для церкви и разныя принадлежности комфорта для короля и для всякаго другого заказчика. Въ этомъ убѣжищѣ поселилась m-me Монтеспанъ послѣ того, какъ ее вынудили оставить дворъ. Соперничая съ ней, г-жа Ментенонъ составила болѣе обширный планъ—облагодѣтельствовать бѣдное дворянство и заставить смотрѣть на нее, какъ на свою покровительницу, достойную сочувствія всей знати. Она надѣялась такимъ путемъ достигнуть, чтобы ея бракъ съ королемъ былъ объявленъ публично, и въ то же время воздвигнуть памятникъ, который доставлялъ бы утѣшеніе королю и ей самой, а впослѣдствіи послужилъ бы ей убѣжищемъ въ случаѣ, если бы она утратила короля. Такъ это дѣйствительно и случилось. Она присоединила богатое угодье Сенъ-Дени къ Сенъ-Сиру и этимъ уменьшила расходы на громадное учрежденіе въ глазахъ короля и публики, и само это учрежденіе само по себѣ было на столько полезно, что вызвало вполнѣ справедливое одобреніе.

Сдѣлать свой бракъ съ королемъ публичнымъ всегда было самымъ пламеннымъ желаніемъ г-жи Ментенонъ. Лувуа и архіепископъ парижскій погибли изъ-за своего сопротивленія этому желанію, и г-жа Ментенонъ не переставала надѣяться. Она искусно, по ея мнѣнію. подготовляла почву, старалась изгладить у короля всякое воспоминаніе о своей прежней жизни, скромно намекала ему о своемъ знатномъ происхожденіи, и во время брака наслѣдника престола доказывала королю, на сколько важно окружать жену дофина людьми, преданными его величеству и даровать титулъ самой г-жѣ Ментенонъ, для того, чтобы она имѣла право и возможность наблюдать за принцессой.

Въ результатѣ г-жа Ришелье, фрейлейна королевы, поступила на службу къ принцессѣ послѣ того, какъ ея мужу дали мѣсто камергера безъ всякой платы съ его стороны и съ правомъ продать это мѣсто, когда онъ захочетъ. Супруги Ришелье были старинными и вѣрными друзьями г-жи Ментенонъ; сама она сдѣлалась второй фрейлейной вмѣстѣ съ маршальшей Рошфоръ. Обыкновенно полагалась только одна камеръ-фрейлейнъ, и выборъ второй привелъ въ негодованіе весь дворъ. Г-жа Рошфоръ уже давно привыкла прислуживаться министрамъ и фавориткамъ и желала только возможно лучше угодить восходящему свѣтилу.

Именно въ это время г-жа Ментенонъ начала питать особенно горячую надежду видѣть наконецъ свой бракъ объявленнымъ. Наслѣдникъ престола и братъ короля сопротивлялись этому, но надъ ними до такой степени тяготѣла воля короля, что мнѣніе ихъ можно было и не принимать въ разсчетъ. Ходили упорные слухи, что декларація состоится немедленно; но король захотѣлъ посовѣтоваться сначала съ знаменитымъ Боссюэ, епископомъ Мо, и съ Фенелономъ, архіепископомъ Камбре. Оба они уже разъ отсовѣтовали ему, а теперь навсегда разрушили планы г-жи Ментенонъ. Архіепископъ находился въ дурныхъ отношеніяхъ съ г-жей Ментенонъ вслѣдствіе процесса г-жи Бюйонъ и не надѣялся помириться съ ней. Боссюэ избѣжалъ опалы, потому что епископъ Шартрскій, имѣвшій неограниченное вліяніе на г-жу Ментенонъ, нуждался съ талантѣ Боссюэ противъ Фенелона. Король давно привыкъ уважать Боссюэ, который былъ его ближайшимъ повѣреннымъ въ самыя бурныя времена его молодости, и наконецъ, Боссюэ невольно оказалъ г-жѣ Ментенонъ существенную услугу.

Этотъ епископъ одинаково отличался чувствомъ личнаго достоинства, добродѣтелью и обширной ученостью. Состоя наставникомъ дофина, онъ сблизился съ королемъ, и тотъ неоднократно обращался къ нему въ трудныя минуты своей жизни. Боссюэ часто бесѣдовалъ съ нимъ въ высшей степени независимо, будто епископъ первобытной христіанской церкви. Онъ не одинъ разъ сдерживалъ распущенность короля и осмѣливался настойчиво исправлять его нравственность. Въ концѣ концовъ онъ прекратилъ всѣ предосудительныя интриги короля и увѣнчалъ свое дѣло, достигнувъ окончательнаго удаленія г-жи Монтеспанъ отъ двора. Г-жа Ментенонъ даже наверху своей славы не могла вполнѣ успокоиться до тѣхъ поръ, пока прежняя возлюбленная короля оставалась при дворѣ, и король ежедневно посѣщалъ ее. Эти визиты, казалось ей, подрывали ея вліяніе, тѣмъ болѣе, что она не могла не оказывать г-жѣ Монтеспанъ если не прежняго уваженія, то, по крайней мѣрѣ, большого вниманія и видимаго почтенія. Все это слишкомъ напоминало ей ея прежнее униженіе, и г-жа Монтеспанъ часто и безпощадно вызывала у нея горькія и мучительныя воспоминанія. Ежедневные полупубличные визиты короля къ его прежней возлюбленной совершались всегда въ промежутокъ между обѣдней и обѣдомъ; по необходимости они выходили краткими и чинными и составляли очень смѣшной контрастъ продолжительному ежедневному пребыванію короля у той, которая удовлетворяла его желаніямъ и, не нося имени метрессы и супруги, являлась центромъ двора и государства. Окончательное удаленіе г-жи Монтеспанъ отъ двора было истиннымъ освобожденіемъ для г-жи Ментенонъ, и она отлично знала, что всецѣло обязана имъ епископу Мо.

Въ это время произошелъ тѣснѣйшій и сердечнѣйшій союзъ герцога Мэна, сына г-жи Монтеспанъ, съ г-жей Ментенонъ. Герцогъ былъ признанъ; союзъ все болѣе упрочивался, пролагая ему дорогу къ невѣроятнымъ почестямъ, и герцогъ наконецъ достигъ бы трона, если бы это было во власти его стараго друга.

Герцогъ Мэнъ всегда жилъ слишкомъ близко къ королю, чтобы съ самаго начала не замѣтить возрастающаго вліянія г-жи Ментенонъ, ея быстрыхъ успѣховъ, которые немедленно должны были повлечь опалу г-жи Монтеспанъ. Герцогъ Мэнъ былъ одаренъ выдающимся умомъ, искусствомъ очаровывать людей всевозможными любезностями, самымъ естественнымъ, простымъ и подчасъ наивнымъ обращеніемъ. Никто искуснѣе его не могъ притвориться, и никто лучше его не зналъ нужныхъ ему людей, никто съ такой ловкостью и послѣдовательностью не могъ влѣзть въ душу, никто подъ личиной ханжи, отшельника и философа не скрывалъ болѣе честолюбивыхъ и обширныхъ плановъ, поразительная трусость еще больше помогала ему носить маску.

Герцогъ Мэнъ рано понялъ, до какой степени рисковано его положеніе между его матерью и воспитательницей. Сердечное увлеченіе короля создавало между ними пропасть. Въ то же время онъ видѣлъ, что мать для него только очень тягостное бремя, а на воспитательницу, напротивъ, онъ можетъ возлагать самыя смѣлыя надежды. Вопросъ, кого принести въ жертву, быстро былъ рѣшенъ. Герцогъ вошелъ въ соглашеніе съ Боссюэ, чтобы ускорить удаленіе матери. Онъ старался выслужиться предъ г-жей Ментенонъ, лично побуждая г-жу Монтеспанъ навсегда переселиться въ Парижъ. Онъ взялъ на себя обязанность передать ей рѣшительный приказъ короля, выполнилъ это безъ всякаго милосердія, заставилъ мать повиноваться и навсегда

пріобрѣлъ преданную дружбу г-жи Ментенонъ. Онъ долго находился въ дурныхъ отношеніяхъ съ матерью; она не желала его видѣть, и они никогда вполнѣ не примирились, но онъ вовсе не страдалъ отъ этого. Въ его распоряженіи находилась женщина, владѣвшая неограниченной властью, онъ могъ располагать ей въ теченіе всей своей жизни, и она до самой смерти оставалась неограниченно преданной ему.

Послѣ окончательнаго изгнанія г-жи Монтеспанъ, г-жа Ментенонъ засіяла новымъ блескомъ. Потерпѣвъ во 2-й разъ неудачу на счетъ публичнаго признанія своего брака, она умно рѣшила больше не возвращаться къ этому вопросу и имѣла достаточно самообладанія не раздражаться отъ неудачи и не навлекать на себя немилость короля за то, что онъ не объявилъ ее королевой. Король почувствовалъ признательность за то, что его освободили отъ затрудненія и удвоилъ свою любовь, уваженіе и довѣріе. Г-жа Ментенонъ, можетъ быть, изнемогла-бы подъ тяжестью величія, о которомъ она мечтала, теперь загадочныя, хотя и для всѣхъ прозрачныя ея права все болѣе упрочивали ея положеніе. Но изъ этого не слѣдуетъ заключать, будто ей ничего не стоило твердо сидѣть на своемъ мѣстѣ, напротивъ, ея царствованіе—сплошная интрига, а царствованіе короля—неизлѣчимое ослѣпленіе. Ей никто не дѣлалъ визитовъ, и она сама никого не посѣщала за очень немногими исключеніями. Она была у англійской королевы и ее принимала у себя, иногда посѣщала г-жу Моншеврезъ, свою близкую подругу, и та обыкновенно бывала у нея. Но вообще, если она посѣщала кого-либо въ теченіе двухъ лѣтъ одинъ разъ, это считалось отличіемъ и событіемъ. Она никогда не была ни у одной принцессы крови, и ни одна изъ нихъ не дѣлала ей визитовъ, развѣ только въ формѣ аудіенцій, и то крайне рѣдко. Иногда она рѣшалась поговорить съ дочерьми короля и посылала за ними почти всегда съ цѣлью выбранить ихъ. Онѣ являлись трепещущими и уходили въ слезахъ. Ея братъ вѣчно, до самой своей смерти приводилъ ее въ отчаяніе: онъ являлся къ ней, когда хотѣлъ, велъ съ ней отнюдь не придворные разговоры и часто выводилъ ее изъ себя.

Добиться аудіенціи у г-жи Ментенонъ было по крайней мѣрѣ также трудно, какъ у короля, и она почти всегда давала ихъ въ С. Сирѣ. Можно было также видѣть ее въ Версалѣ, когда она возвращалась, но на самое короткое время, и этимъ пользовались одинаково бѣдняки, мелкій людъ и знатныя особы. Драгоцѣнной минутой могъ воспользоваться только одинъ какой-нибудь счастливецъ. Такимъ образомъ съ ней разговаривали нѣкоторые маршалы, и, если они захватывали ее во время возвращенія, она ограничивалась нѣсколькими словами и не пропускала ихъ дальше передней. Очень немногія дамы, къ которымъ привыкъ король, и которыя находились въ личныхъ отношеніяхъ съ г-жей Ментенонъ, иногда бывали у нея въ отсутствіе короля, и нѣкоторыя изрѣдка обѣдали съ ней.

Утро ея, начинавшееся очень рано, всегда было занято какими-то таинственными аудіенціями по дѣламъ благотворительности и религіи. Иногда являлись нѣкоторые министры и очень рѣдко генералы. Очень часто, часовъ въ восемь утра или раньше, она отправлялась къ какому-нибудь министру, изрѣдка обѣдала съ министрами и ихъ женами въ очень тѣсномъ кружкѣ. Это было знакомъ большой милости и событіемъ, но въ результатѣ ничего не вызывало, кромѣ зависти и нѣкотораго уваженія къ министру. Военный министръ и особенно финансовъ находились всегда въ тѣснѣйшихъ сношеніяхъ съ

г-жей Ментенонъ, и она ихъ отличала. Рѣдко, вѣрнѣе почти никогда, она не посѣщала другихъ, и развѣ только по дѣламъ утромъ, и никогда не оставалась у нихъ обѣдать.

Обыкновенно, вставши утромъ, она отправлялась въ Сенъ-Сиръ, обѣдала тамъ въ своей комнатѣ одна или съ какой-нибудь фавориткой, давала возможно меньше аудіенцій, дѣлала распоряженія касательно Сенъ-Сира и церкви, читала и отвѣчала на письма, разсылала приказы по женскимъ монастырямъ всего королевства, принимала донесенія шпіоновъ и возвращалась какъ разъ въ то время, когда король долженъ былъ явиться къ ней.

Въ Фонтенебло у ней былъ городской домъ, и сюда она часто пріѣзжала заниматься тѣми-же самыми дѣлами, какъ и въ Сенъ-Сирѣ. Въ Марли она приказала устроить себѣ небольшое помѣщеніе; окно изъ него выходило въ часовню, и она часто проводила здѣсь время такъ-же, какъ и въ Сенъ-Сирѣ; но пребываніе здѣсь называлось отдыхомъ, и сюда рѣшительно никто не имѣлъ доступа за исключеніемъ герцогини Бургундской.

Въ Марли, въ Тріанонѣ, въ Фонтенебло король бывалъ у ней по утрамъ ежедневно, когда у него не было совѣта министровъ, и когда она жила въ Сенъ-Сирѣ. Въ Фонтенебло онъ оставался у нея часа полтора, а иногда и больше. Въ Тріанонѣ и въ Марли визиты были гораздо короче, потому что король послѣ свиданія съ ней отправлялся гулять въ саду. Эти свиданія почти всегда происходили наединѣ вдвоемъ, за исключеніемъ послѣобѣденныхъ, когда министры являлись поочередно работать съ королемъ. По пятницамъ, когда часто министровъ не было, король игралъ съ придворными дамами г-жи Ментенонъ или слушалъ музыку. Подъ конецъ жизни Людовика это случалось все чаще и чаще.

Вечеромъ, около девяти часовъ, являлись двѣ горничныхъ раздѣвать г-жу Ментенонъ, потомъ ея дворецкій или лакей приносили ей ужинъ, супъ и еще какое-нибудь другое легкое блюдо. Послѣ ужина горничная укладывала ее въ постель, и все это происходило въ присутствіи короля и министра, который во все время не прерывалъ своего доклада и не понижалъ даже голоса; а если министра не было, то въ присутствіи придворныхъ дамъ. Все кончалось къ десяти часамъ; король отправлялся ужинать и немедленно спускались занавѣсы на окнахъ г-жи Ментенонъ.

Въ путешествіяхъ порядокъ оставался неизмѣннымъ. Г-жа Ментенонъ рано отправлялась въ путь съ какой-нибудь фавориткой. Карета короля всегда была готова къ ея услугамъ, на всѣ ея переѣзды, шталмейстеръ сажалъ ее въ карету и сопровождалъ ее верхомъ. Это составляло его ежедневную обязанность. Въ дорогѣ въ каретѣ г-жи Ментенонъ ѣхали ея горничныя слѣдомъ за королевской каретой, гдѣ сидѣла она сама. Она успѣвала устраиваться такъ, что, по прибытіи на мѣсто, король заставалъ г-жу Ментенонъ совершенно готовой.

Будучи королевой по своему личному положенію и по своему праву занимать свое мѣсто посреди короля, дофина, брата короля, англійскаго двора и вообще кого угодно, г-жа Ментенонъ въ обществѣ являлась скромнымъ частнымъ лицомъ и всегда на послѣднемъ мѣстѣ. Я видѣлъ ее во время королевскихъ обѣдовъ въ Марли за однимъ столомъ съ королемъ и придворными дамами, въ Фонтенебло на торжественномъ пріемѣ у англійской королевы, и вездѣ она безусловно уступала мѣсто другимъ и не только титулованнымъ дамамъ, а даже просто знатнымъ

и дѣлала это необыкновенно скромно, вѣжливо и обходительно, какъ женщина, которая ни на что не претендуетъ, ничѣмъ не кичится, но въ то-же время всѣмъ импонируетъ, и заставляетъ уважать только то, что ее окружаетъ.

Она всегда одѣвалась очень тщательно, аристократично, съ большимъ вкусомъ, но очень скромно и старше своихъ лѣтъ. Переставъ являться публично, она носила самый скромный головной уборъ. Сама она никогда не посѣщала короля за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, когда онъ бывалъ боленъ или иногда по утрамъ принималъ лѣкарство.

Въ ея комнатѣ во время визитовъ короля каждый изъ нихъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ, передъ каждымъ стоялъ столъ по обѣ стороны камина. Она сидѣла у постели, а король у стѣны, спиной къ передней; у стола ставились два табурета, одинъ для министра, другой для рабочей корзины г-жи Ментенонъ.

Во время доклада г-жа Ментенонъ читала или вышивала. Она слышала все, что происходило между королемъ и министромъ, которые разговаривали во весь голосъ. Рѣдко она вставляла свое слово и еще рѣже вмѣшивалась въ разговоръ болѣе или менѣе настойчиво. Часто король спрашивалъ ея мнѣнія,—она отвѣчала въ высшей степени сдержанно. Никогда, или почти никогда она не обнаруживала особеннаго интереса къ какому-либо вопросу или къ личности, но министръ всегда раньше сговаривался съ ней, соглашался на все, что ей было угодно и, конечно, не смѣлъ отступать отъ соглашенія въ ея присутствіи. Если шелъ вопросъ о какой-либо милости или о какомъ либо назначеніи, онъ обсуждался между министрами у г-жи Ментенонъ раньше доклада королю, и это обстоятельство иногда замедляло ходъ дѣла, и причины замедленія не зналъ ни король, ни вообще никто. Г-жа Ментенонъ давала знать министру, что желаетъ предварительно переговорить съ нимъ. Министръ не осмѣливался дѣлать докладъ у короля, не получивъ ея приказаній и раньше, чѣмъ обстоятельства не позволили ему сговорится съ ней; но разъ соглашеніе состоялось, министръ возбуждалъ вопросъ предъ королемъ и показывалъ ему списокъ. Если король случайно останавливался на томъ, кого желала г-жа Ментенонъ, министръ безмолвно соглашался, и вопросъ считался поконченнымъ. Если король останавливался на комъ либо другомъ, министръ предлагалъ просмотрѣть имена всѣхъ стоявшихъ въ спискѣ, спрашивалъ мнѣніе короля и пользовался его отвѣтами для своихъ цѣлей. Рѣдко министръ предлагалъ исключительно того, кого онъ хотѣлъ, но всегда нѣсколькихъ, стараясь затруднить выборъ короля. Тогда король спрашивалъ его мнѣнія; министръ еще разъ обсуждалъ права и преимущества другихъ и наконецъ останавливался на томъ, кто былъ намѣченъ заранѣе. Король почти всегда колебался и обращался къ г-жѣ Ментенонъ; она улыбалась, дѣлала видъ, что вопросъ свыше ея силъ, иногда замолвливала слово за кого либо другого, потомъ указывала на того, кого назначилъ министръ, и такимъ образомъ рѣшала весь вопросъ. Въ результатѣ три четверти милостей и назначеній, да и вообще почти всѣ вопросы, рѣшавшіеся королемъ и его министрами въ ея присутствіи, зависѣли вполнѣ отъ нея. Иногда даже дѣло рѣшалъ самъ министръ съ ея согласія и съ ея помощью, и король даже не подозрѣвалъ объ этомъ. Король вѣрилъ, что онъ всѣмъ располагаетъ единолично, а на самомъ дѣлѣ онъ располагалъ только весьма немногимъ

и то въ рѣдкихъ случаяхъ, когда ему удавалось потѣшить свою фантазію или оказать кому-либо личное расположеніе.

Если г-жа Ментенонъ желала вмѣшаться вообще въ какое-либо дѣло, независимо отъ вопросовъ о назначеніяхъ и милостяхъ, подвинуть это дѣло, совсѣмъ разстроить или повернуть его по своему, образъ ея дѣйствій оставался такимъ же. Этого рода вмѣшательства происходили сравнительно рѣже, но всякій разъ она вступала въ предварительное соглашеніе съ министромъ. Изъ этихъ подробностей ясно, что ловкая женщина достигала всего или почти всего, чего хотѣла, но встрѣчались все-таки и затрудненія.

Въ распоряженіи г-жи Ментенонъ имѣлась другая хитрость, если король упорствовалъ: запутывать вопросъ или оттягивать рѣшеніе возможно дольше, поднимать другой вопросъ, якобы въ связи съ первымъ, предлагать собрать болѣе подробныя свѣдѣнія. Вопросъ дѣйствительно затягивался, непріятное рѣшеніе устранялось, потомъ вопросъ поднимался снова, и такимъ образомъ весьма часто эта хитрость удавалась. Почти такого же образа дѣйствій держалась г-жа Ментенонъ въ тѣхъ случахъ, когда ей хотѣлось усилить или смягчить чью-либо вину, придать значеніе чьимъ-либо заслугамъ и постепенно подготовить чью-либо опалу или возвышеніе.

Эта политика придавала громадное значеніе работѣ короля съ министрами именно у г-жи Ментенонъ, и эта же политика заставляла г-жу Ментенонъ держать министровъ въ своемъ подчиненіи. Г-жа Ментенонъ оказывала министрамъ неоцѣненныя заслуги, помогала имъ увеличивать свое вліяніе и свою власть и во всемъ оставалась ихъ обороной, чтобы вполнѣ привязать ихъ къ себѣ.

Когда король ожидалъ министровъ съ докладами, или когда министры уходили, она успѣвала улучить минуту поговорить о нихъ съ королемъ, похвалить ихъ, пожалѣть ихъ за ихъ громадный трудъ, превознести ихъ заслуги, исходатайствовать для нихъ какую-либо милость, устроить какое-либо дѣльце подъ предлогомъ ихъ скромности и услугъ королю, требовавшихъ будто бы поощренія на дальнѣйшую дѣятельность. Такимъ образомъ, между г-жей Ментенонъ и министрами установился обмѣнъ взаимныхъ услугъ, чего совершенно не подозрѣвалъ король.

Но если г-жа Ментенонъ не могла сдѣлать ничего или почти ничего безъ помощи министровъ во всѣхъ вопросахъ, проходившихъ чрезъ ихъ руки, они также не могли существовать безъ нея и еще меньше противъ ея воли. Лишь только она замѣчала, что не въ силахъ справиться съ тѣмъ или другимъ министромъ, или онъ просто впадалъ у нея въ немилость, гибель его являлась неотвратимой, она была прямо неизбѣжна.

Правда, г-жѣ Ментенонъ это стоило много времени, притворства и ловкости, напр., когда она низвергала Шамильяра. Лувуа палъ раньше его, Поншантренъ спасся только благодаря своему остроумію, которое нравилось королю, благодаря запутанному положенію финансовъ во время войны, благодаря уму и ловкости своей жены, которая оставалась долго въ хорошихъ отношеніяхъ съ г-жей Ментенонъ даже послѣ того, какъ онъ поссорился съ ней. Герцогу Бовилье дважды грозило кораблекрушеніе въ разныя эпохи его жизни, и оба раза онъ могъ спастись только чудомъ.

Если министры и вообще наиболѣе вліятельныя лица находились въ такой зависимости отъ г-жи Ментенонъ, легко представить, что

она могла сдѣлать со всѣми другими, гораздо менѣе способными защищаться, и вообще быть на виду. Весьма многіе сломали себѣ шею, даже не подозрѣвая причины, выбиваясь изъ силъ открыть эту причину, устранить ее, и все совершенно безполезно.

Краткіе и рѣдкіе доклады генераловъ происходили обыкновенно въ присутствіи ея и военнаго министра. Доклады Поншантренъ, всегда переполненные донесеніемъ шпіоновъ и всевозможными исторіями изъ парижской и придворной жизни, давали г-жѣ Ментенонъ возможность дѣлать много добра и зла. Торси, завѣдывавшій между прочимъ почтами, никогда не работалъ у нея и почти никогда ее не видалъ. Король отъ него узнавалъ разныя тайны и часто кое-что сообщалъ г-жѣ Ментенонъ. Но это не имѣло послѣдствій,—она узнавала тайны только урывками, и когда королю приходило на умъ сообщать ихъ ей.

Всѣ иностранныя дѣла рѣшались въ государственномъ совѣтѣ, и если представлялся спѣшный вопросъ, то министръ немедленно докладывалъ его королю въ какое угодно время, докладовъ же строго опредѣленныхъ и спеціальныхъ по вѣдомству, иностранныхъ дѣлъ совсѣмъ не было. Г-жа Ментенонъ съ большимъ удовольствіемъ сосредоточила бы эти дѣла у себя, чтобы имѣть на министерство иностранныхъ дѣлъ и на министровъ тоже самое вліяніе, какимъ она пользовалась во всѣхъ другихъ отрасляхъ государственнаго управленія. Но Торси умѣлъ ловко избѣжать этой опасности, всякій разъ онъ скромно увѣрялъ, что у него совсѣмъ нѣтъ дѣлъ для докладовъ въ присутствіи г-жи Ментенонъ. Оставалось узнавать кое-что только отъ короля, и г-жа Ментенонъ понимала, какая громадная разница присутствовать при регулярныхъ докладахъ и дѣйствовать, слѣдовательно, на досугѣ и во всеоружіи заранѣе обдуманной интриги, или становиться лицомъ къ лицу съ королемъ, опираться только на свою личную находчивость, въ случаѣ несогласія съ нимъ открыто ему сопротивляться и столь же открыто вредить людямъ неугоднымъ или проводить своихъ любимцевъ.

А король между тѣмъ былъ на сторожѣ. Когда за него принимались ужь слишкомъ безцеремонно, и онъ замѣчалъ, что министръ или генералъ покровительствовалъ родственнику или фавориту г-жи Ментенонъ, онъ нерѣдко начиналъ упорствовать и говорилъ не то съ гнѣвомъ, не то въ шутку: «Такой-то господинъ очень ловко ведетъ свою линію,—все дѣло вѣдь въ томъ, чтобы угодить кое-кому за то, что онъ родственникъ или фаворитъ г-жи Ментенонъ». Подобныя разочарованія заставляли г-жу Ментенонъ быть очень умѣренной и даже очень робкой всякій разъ, когда заходилъ вопросъ объ открытой протекціи въ чью-либо пользу.

И всякому, кто обращался къ ней даже по пустякамъ, она отвѣчала, что ни во что не вмѣшивается. Только изрѣдка она обнаруживала больше откровенности и то, если вопросъ касался министра, на котораго она вполнѣ разсчитывала. Тогда она обѣщала просителю поговорить съ этимъ министромъ,—но снова повторяю, это случалось въ высшей степени рѣдко. И тѣмъ не менѣе къ ней постоянно обращались съ просьбами или по обязанности, чтобы не встрѣтить въ ней врага, или въ надеждѣ, что, несмотря на свой банальный отвѣтъ, она все-таки, можетъ быть, что-либо сдѣлаетъ. Такъ дѣйствительно и случалось иногда.

Было, можетъ быть, пять, или самое большое, шесть человѣкъ всякаго званія, большею частью, ея старинныхъ друзей; на ихъ просьбы она отвѣчала откровеннѣе, хотя всегда съ оговорками, и для нихъ

она, дѣйствительно старалась изо всѣхъ силъ и все-таки не всегда успѣвала. Вотъ, напримѣръ, образчикъ моментальныхъ упрямствъ короля.

Летелье еще въ первое время своей службы, задолго до канцлерства, отлично зналъ эту черту въ королѣ. Одинъ изъ его лучшихъ друзей—ихъ у него было много, и онъ умѣлъ ихъ пріобрѣтать,—попросилъ его о какомъ-то очень нужномъ дѣлѣ, и дѣло это необходимо было представить на усмотрѣніе короля во время личнаго доклада министра. Летелье обѣщалъ ему сдѣлать все возможное. Его другъ не удовлетворился этимъ отвѣтомъ и сказалъ ему откровенно, что на его мѣстѣ и при его вліяніи ему слѣдовало бы отвѣчать иначе на просьбы своихъ друзей. «Вы не знаете нашихъ обстоятельствъ»—возразилъ Летелье: «Изъ 20 дѣлъ, которыя мы докладываемъ королю, мы увѣрены, что 19 будетъ рѣшено, согласно нашему желанію, но мы также увѣрены, что 20-ое будетъ рѣшено какъ-разъ наоборотъ. Какое изъ 20-ти будетъ рѣшено вопреки нашему предложенію и нашему желанію,—мы этого никогда не знаемъ, и очень часто именно то, въ которомъ мы всего болѣе заинтересованы. Король пускаетъ въ ходъ эту уловку, чтобы заставить насъ почувствовать, что онъ господинъ и государь. Можетъ быть и такой случай: возникаетъ, положимъ, вопросъ, относительно котораго король начинаетъ упрямиться; въ то же время упрямимся и мы, или просто ради упрямства, или потому что добиваемся рѣшить вопросъ согласно нашему желанію, тогда очень часто, выходъ представляется совершенно опредѣленнымъ. Король, довольный тѣмъ, что доказалъ намъ наше безсиліе и причинилъ намъ огорченіе, становится уступчивымъ и сговорчивымъ, и мы тогда дѣлаемъ все, что намъ угодно».

Такъ дѣйствительно король поступалъ со всѣми своими министрами въ теченіе всей своей жизни. Они управляли имъ всегда и безусловно, даже самые молодые и самые посредственные, не пользовавшіеся почти никакимъ вліяніемъ и уваженіемъ; а между тѣмъ король всегда держалъ себя на сторожѣ, какъ бы его кто не подчинилъ и былъ убѣжденъ, что онъ вполнѣ сохранилъ свою власть.

Такъ же поступалъ онъ и съ г-жей Ментенонъ, нерѣдко устраивалъ ей ужасные сюрпризы и былъ отъ нихъ въ восторгѣ. Иногда она принималась проливать предъ нимъ слезы и въ теченіе нѣсколькихъ дней переживала настоящія муки. Напр. она распорядилась прогнать придворнаго доктора, фаворита г-жи Монтеспанъ, и замѣнила его другимъ, съ цѣлью имѣть подлѣ себя человѣка умнаго и безусловно преданнаго. Она брала его съ собой въ путешествіе на воды, гдѣ онъ состоялъ при герцогѣ дю-Менѣ. Этимъ человѣкомъ она безпрестанно могла пользоваться въ личныхъ интересахъ, такъ какъ онъ занималъ довѣренное мѣсто перваго лейбъ-медика, и она могла его видѣть ежедневно по утрамъ. Устроивши эту интригу, она притворялась больной, чтобы избѣжать сценъ съ королемъ, и такимъ способомъ она обыкновенно всего удачнѣе отдѣлывалась отъ непріятностей.

Но ни это притворство, ни даже самая настоящая болѣзнь отнюдь не могли короля вынудить на что-либо, противное его желаніямъ. Это былъ себялюбецъ въ полномъ смыслѣ слова, и на всѣхъ другихъ онъ смотрѣлъ только по отношенію къ самому себѣ. Его жестокость доходила здѣсь до крайнихъ предѣловъ. Во времена самыхъ пылкихъ увлеченій возлюбленными самое отчаянное состояніе ихъ здоровья, совершенно не допускавшее пускаться въ путешествія или участвовать въ придворныхъ пріемахъ, не производило на него ни малѣйшаго дѣй-

ствія. Во время беременности, болѣзни, раньше шести недѣль послѣ родовъ и при всякихъ другихъ недомоганіяхъ, они должны были являться въ придворныхъ костюмахъ, разряженныя и затянутыя, отправляться во Фландрію и даже еще дальше, танцовать, не спать по ночамъ, участвовать въ празднествахъ и обѣдахъ, быть веселыми и любезными, переѣзжать съ мѣста на мѣсто, всегда сохранять присутствіе духа, терпѣливо переносить жаръ, холодъ, вѣтеръ, пыль, и все это въ точно опредѣленные дни и часы, не отступая отъ порядка ни на минуту.

Со всѣми своими дочерьми онъ обращался также. Онъ не щадилъ ни герцогини Беррійской, ни герцогини Бургундской, какія бы представленія ни дѣлали ему лейбъ-медики и г-жа Ментенонъ, и хотя онъ любилъ герцогиню Бургундскую со всею нѣжностью, на которую былъ способенъ.

Онъ путешествовалъ всегда въ каретѣ, переполненной женщинами: его возлюбленныя, его незаконныя дочери, его внучки, иногда его невѣстка и придворныя дамы, если было мѣсто. И такъ бывало только во время охотничьихъ экспедицій, путешествій въ Фонтенебло, Шантильи, въ Компьень и вообще во время всякихъ болѣе или менѣе отдаленныхъ поѣздокъ, на прогулки же, на стрѣльбу или въ Марли и Медонъ для ночлега онъ отправлялся одинъ въ коляскѣ. Онъ чувствовалъ отвращеніе къ разговорамъ, которые вздумалось бы вести его спутникамъ въ его присутствіи и въ его каретѣ. Это вполнѣ соотвѣтствовало разсчетамъ министровъ, иначе министры ежедневно должны были бы чувствовать страхъ, а при такихъ условіяхъ король оставался совершенно недоступнымъ, что именно и было желательно министрамъ. Что касается женщинъ, возлюбленныхъ, дочерей и нѣкоторыхъ дамъ, которыя могли попасть въ королевскую карету, болтовня ихъ была низведена до самыхъ узкихъ предѣловъ.

Во время путешествій въ каретѣ у короля всегда имѣлось множество разнообразныхъ съѣстныхъ припасовъ: мяса, пироговъ, плодовъ. Едва успѣвали проѣхать четверть мили, король спрашивалъ, не угодно ли покушать. Самъ онъ никогда не участвовалъ въ этихъ пиршествахъ, не бралъ даже ни одного плода, но съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ, какъ ѣли другіе, и особенно, когда ѣли до отвалу. Надо было чувствовать голодъ, быть веселой, ѣсть съ аппетитомъ и съ пріятностью, иначе спутница не нравилась и ей даже давали это понять: она-де корчитъ изъ себя недотрогу, желаетъ быть необыкновенно деликатной и изящной. И даже тѣ самыя дамы и принцессы, которыя только что успѣли насытиться за столомъ въ другомъ обществѣ, должны были подъ страхомъ того же королевскаго неудовольствія вновь приниматься за пищу, какъ будто бы онѣ не ѣли цѣлый день. Къ довершенію всего, выходить дамамъ изъ кареты было въ высшей степени затруднительно; карету со всѣхъ сторонъ окружали отряды тѣлохранителей и шталмейстеровъ, и все это поднимало страшную пыль, покрывавшую все, что было въ каретѣ. Король любилъ воздухъ, ѣздилъ съ отпущенными окнами и обнаружилъ бы сильное неудовольствіе, еслибы какая-либо дама вздумала задернуть занавѣску отъ солнца, отъ вѣтра или отъ холода. Мало этого: даже не слѣдовало замѣчать какое-либо неудобство. Король всегда ѣздилъ крайне быстро, съ многочисленными перемѣнами лошадей. Почувствовать себя дурно значило впасть въ немилость и навсегда лишиться возможности путешествовать съ королемъ.

Г-жа Ментенонъ сильно боялась открытаго воздуха и многихъ другихъ неудобствъ, но и она на этотъ счетъ не пользовалась никакой привилегіей. Все, чего она достигала подъ предлогомъ скромности и разныхъ другихъ соображеній,—это права путешествовать отдѣльно, что я уже разсказалъ. Но въ какомъ бы положеніи она ни находилась, отправляться въ путь было неизбѣжно, прибыть въ назначенный пунктъ и вполнѣ приготовиться къ пріему короля. Она нѣсколько разъ ѣздила въ Марли въ такомъ состояніи, что даже и служанку не слѣдовало бы отправлять. Однажды она поѣхала въ Фонтенебло при такихъ обстоятельствахъ, что не знала навѣрное, доѣдетъ ли она живой. Какъ бы больна она ни была, король являлся къ ней въ опредѣленный часъ и выполнялъ неуклонно свой заранѣе намѣченный планъ. Самое большее — г-жа Ментенонъ могла находиться въ постелѣ. Нѣсколько разъ король заставалъ ее въ сильномъ лихорадочномъ поту, но онъ любилъ воздухъ, боялся спертой комнатной атмосферы и, входя въ комнату г-жи Ментенонъ, изумлялся, что всѣ окна закрыты, приказывалъ ихъ открыть, нисколько не смущался, видя ея болѣзненное состояніе, и окна оставались открытыми до 10-ти часовъ, когда король уходилъ ужинать, при чемъ не обращалось никакого вниманія на ночной холодъ. Если король хотѣлъ музыки, ни лихорадка, ни жесточайшая головная боль г-жи Ментенонъ не могли явиться препятствіемъ. Такимъ образомъ король жилъ въ свое удовольствіе, не справляясь объ ея удобствахъ. Все, что касается г-жи Ментенонъ, не лишено, конечно, интереса, и между прочимъ, ея люди; ихъ было очень немного. Они отличались скромностью, почтительностью и справедливостью. Такова была атмосфера дома и при другихъ нравственныхъ качествахъ они не могли бы здѣсь ужиться. Съ теченіемъ времени они сколачивали кое-какой капиталецъ сообразно ихъ положенію, но вопросъ этотъ не привлекалъ ничьего вниманія. Вся прислуга жила вполнѣ уединенно и болѣе или менѣе обезпечено. Женщины, служившія у г-жи Ментенонъ, проводили свою жизнь безвыходно въ ея покояхъ. Она не только не позволяла имъ бывать въ гостяхъ, но и запрещала принимать гостей. Король зналъ всю ея мужскую и женскую прислугу, обращался съ нею запросто и часто болталъ съ ней, когда являясь къ г-жѣ Ментенонъ, не заставалъ ея въ комнатѣ.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ нѣкая m-elle Бальбіенъ. Сначала была она единственной служанкой у г-жи Ментенонъ и прошла съ ней въ качествѣ служанки всѣ ступени ея карьеры и подъ старость также превратилась въ ханжу. Эта г-жа занимала важный постъ, такъ какъ пользовалась неограниченнымъ довѣріемъ г-жи Ментенонъ, надзирала за воспитанницами С. Сира, за племянницами г-жи Ментенонъ, даже за герцогиней Бургундской. Герцогиня это знала и успѣла весьма искусно, нисколько ея не смущая, превратить ее въ своего добраго друга. M-elle Бальбіенъ причесывалась и одѣвалась по образцу своей г-жи и старалась во всемъ ей подражать. Начиная съ законныхъ и незаконныхъ дѣтей короля и кончая принцами крови и министрами, всѣ держали себя съ ней осмотрительно и въ ея присутствіи чувствовали извѣстную неловкость, можно даже сказать почтеніе. Кто могъ, тотъ пріобрѣталъ ея благосклонность деньгами, хотя въ сущности въ дѣла она вмѣшивалась очень мало. Повидимому, она была не умна, злость проявляла только рѣдко и то по глупости. Держала она себя кротко, смиренно, но въ то же время солидно, важно и во всякомъ случаѣ респектабельно.

Г-жа Ментенонъ, какъ было уже сказано, передъ публикой являлась лицомъ частнымъ. Во дворцѣ она была королевой, иногда являлась ею и публично, напр. во время прогулокъ въ Марли, когда король желалъ ей показать какую-либо только что законченную постройку. Въ частной жизни она была королевой можно сказать исключительно въ своемъ креслѣ, въ самомъ укромномъ углу своей комнаты, въ присутствіи короля, всей королевской семьи и даже англійской королевы. Она вставала съ своего мѣста только развѣ передъ дофиномъ, который иногда приходилъ къ ней. Герцогъ Орлеанскій и вообще принцы крови бывали у нея только на аудіенціяхъ и то въ высшей степени рѣдко, но дофинъ, его сыновья и герцогъ Шартрскій являлись къ ней всегда, отправляясь въ походъ или возвращаясь ко двору, даже вечеромъ, или, если было слишкомъ поздно, то на слѣдующій день утромъ. Передъ всѣми принцами, ихъ супругами, незаконными дѣтьми короля, какъ вообще ни передъ кѣмъ, она никогда не вставала; немного приподнималась она только передъ людьми мало ей знакомыми и получавшими у нея аудіенцію.

Супругу наслѣдника престола она почти всегда называла милочкой, даже въ присутствіи короля и придворныхъ дамъ и говоря о ней и о супругахъ принцевъ крови, о дофинѣ и о самихъ принцахъ, она почти никогда не употребляла словъ m-eur и m-me. Можно представить, какъ она титуловала всѣхъ другихъ.

Выше было сказано, какъ она обращалась съ законными и незаконными дочерьми короля, какія головомойки устраивала она имъ, въ какомъ страхѣ онѣ являлись къ ней на ея зовъ и съ какими горькими слезами уходили отъ нея. Онѣ не могли успокоиться до тѣхъ поръ, пока продолжалась опала, наложенная на нихъ г-жей Ментенонъ, и только герцогиня Бургундская своей несравненной любезностью могла покорить ея сердце. Герцогиня иначе не называла ее, какъ своей тетушкой.

Особенно изумительны упомянутыя выше прогулки въ Марли, которыя было угодно г-жѣ Ментенонъ совершать вмѣстѣ съ королемъ. Король сто разъ чувствовалъ бы себя свободнѣе съ королевой и могъ быть гораздо менѣе любезнымъ. Г-жѣ Ментенонъ онъ оказывалъ глубочайшее почтеніе, хотя при этомъ присутствовалъ дворъ и, если угодно, все населеніе Марли. Но король считалъ себя въ уединеніи, потому что онъ находился въ Марли. Карета его и г-жи Ментенонъ ѣхали рядомъ. Король сидѣлъ одинъ въ своей каретѣ, а г-жу Ментенонъ несли въ креслѣ. Если въ свитѣ находились супруга дофина, герцогиня Беррійская, или дочери короля, онѣ шли пѣшкомъ и если садились въ карету, то продолжали ѣхать за шествіемъ сзади и непремѣнно на извѣстномъ разстояніи. Часто король шелъ пѣшкомъ рядомъ съ кресломъ, безпрестанно снималъ шляпу и наклонялся, чтобы поговорить съ г-жей Ментенонъ, или чтобы отвѣтить на ея вопросъ, если она заговаривала первая. Это случалось сравнительно очень рѣдко, между тѣмъ какъ у короля всегда находилось нѣчто сообщить ей или обратить на что-нибудь ея вниманіе. Такъ какъ она боялась воздуха даже въ самую тихую и спокойную погоду, она безпрестанно опускала окно и закрывала его. Тоже самое происходило, когда кресло ставили на землю для обзора какого-либо новаго фонтана. Часто супруга дофина являлась поговорить съ г-жей Ментенонъ, опершись на одну изъ переднихъ перекладинъ кресла, и окно все-таки все время оставалось закрытымъ. Въ концѣ прогулки король прово-

жалъ г-жу Ментенонъ до дворца, раскланивался съ ней и продолжалъ прогуливаться одинъ. Къ подобному зрѣлищу нельзя было привыкнуть. Эти пустяки почти всегда ускользаютъ отъ вниманія авторовъ мемуаровъ, а между тѣмъ именно эти пустяки даютъ вполнѣ точное представленіе о нравахъ и событіяхъ прошлаго

Поведеніе невѣстокъ короля и его незаконныхъ дочерей, любовныя исторіи и вопросы благочестія, образъ жизни придворныхъ дамъ, всевозможныя приключенія, домашнія дѣла женъ министровъ и самихъ министровъ, шпіонство всякаго ряда, переполнявшее дворъ, взаимныя отношенія принцессъ и молодыхъ дамъ или дамъ ихъ возраста и все, что происходило въ ихъ компаніи, наказанія, которыя иногда переходили въ эпитемію и даже въ изгнаніе, награды, состоявшія въ прогулкахъ въ Марли и въ развлеченіяхъ съ супругой дофина:—всѣ эти предметы входили въ кругъ вѣдѣнія г-жи Ментенонъ. Она развлекала ими короля, склоннаго принимать это вполнѣ серьезно. Подобныя дрязги оказались весьма полезны въ разговорахъ съ нимъ; благодаря имъ, г-жа Ментенонъ могла кому угодно вредить или оказывать услуги, издалека наводить короля на разнообразные вопросы, которые она умѣла возбуждать весьма искусно рѣшительно по всякому поводу.

Выше было сказано, какъ она отвѣчала всякому, обращавшемуся къ ней за помощью: она де ни во что не вмѣшивается, и всякій, кто приближался къ ней, непремѣнно становился жертвой ея чудовищнаго прирожденнаго непостоянства. Она, безъ всякой причины, безпрестанно мѣняла свои вкусы, свои наклонности, свои желанія. Всѣ средства самозащиты, къ которымъ прибѣгали въ такихъ случаяхъ, только ухудшали дѣло. Единственнымъ спасеніемъ было какъ-нибудь ускользнуть отъ удара, отойти въ сторону, все равно, какъ напр., спасаются отъ дождя. Иногда она сама снова возвращала свою благосклонность такъ же неожиданно, какъ и отнимала ее въ моментъ, когда казалось вся надежда уже потеряна. Эти перемѣны симпатій простирались одинаково и на людей, и на предметы и въ высшей степени удручали министровъ и вообще всѣхъ, кто только имѣлъ съ ней какія-либо дѣла, не исключая и очень немногихъ женщинъ, чью нравственность она брала въ свое завѣдываніе. То, что ей нравилось вчера, вызывало ея негодованіе сегодня. То, что она сама одобрила, даже внушила, она потомъ осуждала, такъ что никогда нельзя было знать, кто и что заслуживаетъ ея любви или ненависти. Такая же игра настроеній простиралась и на самыхъ близкихъ людей, на ихъ манеру одѣваться и причесываться, и вообще никто, такъ или иначе входившій въ сношенія съ г-жей Ментенонъ, не былъ избавленъ отъ этихъ невыносимыхъ приливовъ и отливовъ. Только касательно власти и управленія государствомъ г-жа Ментенонъ оставалась неизмѣнна.

Таковы были послѣдніе годы продолжительнаго царствованія Людовика XIV, — собственно не его царствованія, а нѣсколькихъ лицъ, послѣдовательно находившихся у власти. Удрученный бременемъ роковой войны, совершенно безпомощный, благодаря бездарности своихъ министровъ и своихъ генераловъ, управляемый всецѣло невѣжественнымъ интриганомъ, проникнутый скорбью не о своихъ ошибкахъ,—ихъ онъ не зналъ и не желалъ знать,—а скорбью о своемъ безсиліи передъ цѣлой, соединившейся противъ него Европы, доведенный до послѣдней крайности въ финансахъ и тѣснимый внѣшними врагами, онъ могъ искать прибѣжища только въ самомъ себѣ, обрушиться на свою семью, на свой дворъ, на религіозную совѣсть своихъ подданныхъ, на

все свое несчастное королевство и подчинить все это жестокой деспотической власти. Ее онъ захотѣлъ распространить слишкомъ широко и средствами слишкомъ неосмотрительными, — въ результатѣ блистательно обнаружилъ свою слабость, которою его враги пользовались съ презрѣніемъ. Надъ нимъ одинаково господствовали интриги и въ тѣсныхъ предѣлахъ Марли, среди всевозможныхъ пустяковъ его личной жизни, и въ дѣлахъ государственнаго правленія.

Къ бѣдствіямъ государства присоединились семейныя несчастія, самыя чувствительныя для короля. Принцевъ крови онъ, наученный опытами своей молодости, упорно держалъ въ черномъ тѣлѣ. Рядомъ съ ними были поставлены незаконныя дѣти, и было даже отдано предпочтеніе приближеннымъ незаконныхъ принцевъ передъ самими принцами крови,—несправедливость, до глубины души возмущавшая принцевъ. Они за самыми незначительными исключеніями, не имѣли доступа ни къ какимъ должностямъ и вообще къ дѣламъ правленія. Ихъ также заботливо удаляли и отъ командованія войскомъ. Надо было случиться исключительнымъ военнымъ несчастіямъ, Шемильяру лишиться совершенно личнаго расположенія короля, чтобы король осмѣлился предложиться команду надъ войскомъ принцу Конти, а потомъ герцогу Орлеанскому: къ герцогу король питалъ меньше отвращенія, чѣмъ къ другимъ принцамъ не потому, что герцогъ былъ его племянникомъ, а потому, что онъ былъ женатъ на незаконнорожденной принцессѣ. Когда полный разгромъ принудилъ короля вручить французскую армію принцу Конти, было уже поздно, и принцъ, прожившій всю жизнь въ опалѣ, умеръ, горько сожалѣя о томъ, что ему не пришлось воспользоваться назначеніемъ, котораго онъ желалъ страстно и такъ тщетно. Для него оставалось единственное утѣшеніе видѣть, какъ сильно этого назначенія желалъ дворъ, войска и вся Франція, — всѣ они считали принца своей утѣхой и надеждой.

Съ 1709 года семейныя огорченія короля не прекращались и множились съ каждымъ годомъ. Принцъ Конти и братъ короля умерли другъ за другомъ въ теченіе шести недѣль. Не прошло и года послѣ ихъ смерти, скончался герцогъ Орлеанскій, и самому старшему изъ принцевъ крови, остававшихся въ живыхъ, было не болѣе 17 лѣтъ. Вскорѣ короля поразили еще болѣе чувствительные удары. До тѣхъ поръ онъ, можно сказать, не подозрѣвалъ въ себѣ сердца, — смерть очаровательной супруги дофина глубоко опечалила его, кончина дофина принца высокихъ добродѣтелей, нарушила спокойствіе его духа. Вопросъ шелъ о наслѣдникѣ престола, тѣмъ болѣе, что 8 дней спустя, скончался и сынъ дофина,—единственной отраслью королевской семьи остался принцъ, имѣвшій всего пять съ половиной лѣтъ отъ роду. Всѣ эти удары сыпались быстро одинъ за другимъ, и все во время войны, во время самыхъ страшныхъ бѣдствій королевства.

Нельзя представить, какими ужасами сопровождалась кончина супруги дофина, самого дофина и ихъ сына, сколько возникло подозрѣній и всевозможныхъ клеветническихъ слуховъ, и какое мучительное впечатлѣніе производило все это на публику. Перо отказывается касаться этихъ потрясающихъ тайнъ. Прольемъ слезы надъ этими роковыми фактами, какъ надъ источникомъ другихъ, столь страшныхъ событій. Оплачемъ ихъ, какъ исчадіе тьмы и жесточайшихъ лишеній, которыя тяготѣли надъ Франціей въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній, переполнили чашу преступленій и увѣнчали собою бѣдствія государства, и пусть за все это всякій французъ вѣчно взываетъ къ Богу о мести.

Продолжительныя и жестокія насчастія подвергли суровому испытанію мужество короля; его славѣ они оказали гораздо болѣе прочную услугу, чѣмъ весь блескъ его побѣдъ и всѣ его многочисленные удачи. Раньше онъ привыкъ къ неограниченной власти у себя дома и къ блестящимъ побѣдамъ надъ врагами,—теперь, казалось, счастіе покинуло его совсѣмъ, но онъ за то не переставалъ обнаруживать величіе души среди всѣхъ огорченій. Извнѣ его тѣснили ожесточенные враги; они потѣшались надъ его безнадежнымъ безсиліемъ, издѣвались надъ его былой славой, и онъ нигдѣ не находилъ помощи, ни въ министрахъ, ни въ генералахъ, которыхъ онъ, ослѣпленный своей гордостью, желалъ создавать по собственному вкусу и воображенію. Въ личной жизни его поражали страшныя катастрофы, и здѣсь также онъ ни къ комъ не могъ найти утѣшенія, предоставленный исключительно собственной слабости. Ему приходилось бороться одному противъ ужасовъ тысячу разъ болѣе жестокихъ, чѣмъ его самыя чувствительныя лишенія. Эти ужасы создавались людьми самыми дорогими и близкими. Они открыто и необузданно злоупотребляли рабской подчиненностью короля, отъ которой онъ не могъ и даже не желалъ освободиться, хотя и чувствовалъ всю ея тяжесть. Впрочемъ, онъ, по своему характеру и по своимъ навсегда установившимся привычкамъ, не былъ способенъ даже призадуматься надъ расчетомъ и поведеніемъ своихъ тюремщиковъ. И вотъ въ такихъ-то домашнихъ оковахъ—мужество, твердость души, внѣшнее спокойствіе, неустанная заботливость о королевскомъ престижѣ, умѣніе надѣяться вопреки всякой очевидности, на все это немногіе были бы способны, и за все это король могъ бы заслужить наименованіе *великаго*, которое ему слишкомъ поторопились дать. Эти качества вызвали искреннее восхищеніе всей Европы, его подданныхъ, очевидцевъ его жизни, и вернули ему немало сердецъ, разочарованныхъ его столь продолжительнымъ и столь суровымъ царствованіемъ.

Онъ умѣлъ втайнѣ склониться смиренно передъ десницею Божіей, сознать справедливость кары, умолять о милосердіи, но предъ глазами людей онъ не унизилъ ни своей особы, ни своего сана, напротивъ онъ трогалъ всѣхъ своимъ великодушіемъ. О, если бы онъ, преклоняясь предъ каравшей его рукой, принимая удары съ достоинствомъ и благородной покорностью, обратилъ вниманіе на причины бѣдствій, для всѣхъ очевидныя и еще поправимыя? Вмѣсто этого онъ до конца видѣлъ только то зло, отъ котораго существовало единственное лѣкарство—сознаніе вины, скорбь, безплодное раскаяніе.

Какое поразительное совпаденіе! свѣтъ и непроницаемый мракъ, жажда все знать, вѣчно и во всемъ быть на сторожѣ, въ высшей степени живо чувствовать свою зависимость, до такой степени, что даже открыто сознаться въ своемъ отвращеніи къ ней предъ парламентомъ по поводу своего завѣщанія и позже предъ англійской королевой, вполнѣ проникнуться убѣжденіемъ въ своей несправедливости и въ своемъ безсиліи, даже засвидѣтельствовать все это предъ лицомъ своихъ незаконныхъ дѣтей, и все-таки навсегда и всецѣло отдаться имъ въ руки и въ руки женщины, ставшей госпожей его и государства, и отдаться до такой степени, что нельзя уже было ни на шагъ отступить отъ ихъ воли. Король довольствовался тѣмъ, что высказывалъ имъ свои сомнѣнія, сопротивлялся ихъ желаніямъ и приносилъ имъ въ жертву все, свое государство, своего единственнаго сына, свою славу, свою честь, свой разсудокъ, сокровеннѣйшій голосъ своей

совѣсти, наконецъ, свою личность, свою волю, свою свободу и все это всецѣло и безраздѣльно — жертва, достойная только Бога, если бы сама по себѣ она не была такъ отвратительна. Онъ приносилъ ее, чувствуя одновременно и ея безплодность, и тяжесть, чувствуя все, чего она ему стоила. Дѣлалъ онъ это затѣмъ, чтобы сколько-нибудь умилостивить своихъ повелителей облегчить бремя своего рабства, и это ему рѣшительно не удавалось. Повелители чувствовали свою силу, считали необходимымъ неустанно ими пользоваться, все тѣснѣе стягивать оковы, боясь какъ бы король не ускользнулъ отъ нихъ даже при той незначительной свободѣ, какая ему была предоставлена.

Этотъ столь надменный монархъ, властвовавшій надъ всей Европой, самъ мучился въ неволѣ,—онъ, угнетавшій деспотизмомъ своихъ подданныхъ всякаго сословія, своихъ родственниковъ всякаго возраста, изгнавшій изъ государства всякую свободу и положившій руку даже на чистѣйшую религіозную совѣсть.

Эти муки пересиливали его самого и прорывались во внезапныхъ жалобахъ. Всѣмъ было ясно, что означали его слова, сказанныя англійской королевѣ и членамъ парламента: «Я купилъ свой покой». Онъ, всегда владѣвшій собой и говорившій только то, что хотѣлъ сказать, не могъ содержать себя и, вручая парламенту завѣщаніе, заявилъ, что это завѣщаніе вынудили у него, заставили сдѣлать то, чего онъ не хотѣлъ, и что, по его мнѣнію, не долженъ былъ дѣлать. Странное насиліе, странная немощь, странное признаніе, вызванное чувствомъ глубокой скорби! Чувствовать это вполнѣ и вполнѣ же подчиняться— какое зрѣлище! Какой контрастъ силы, высшаго величія въ несчастіяхъ и ничтожества и слабостей подъ позорнымъ, темнымъ, деспотическимъ домашнимъ игомъ! Какое мощное доказательство того, что Святой Духъ открылъ въ вдохновенныхъ книгахъ «Ветхаго Завѣта» о судьбѣ тѣхъ, кто отдается любви и власти женщинъ. Какой конецъ царствованія, такъ долго вызывавшаго удивленіе вплоть до эпохи бѣдствій блиставшаго благородствомъ, мужествомъ и силой, и какая бездна слабости, ничтожества, позора, униженій, и все это глубоко чувствуется, живо воспринимается, смакуется, вызываетъ отвращеніе и все-таки претерпѣвается до послѣдней степени, безъ малѣйшей надежды ослабить или облегчить оковы. О Навуходоноссоръ! Кто сможетъ изслѣдовать судьбы Божіи, и кто, дерзновенный, не преклонится предъ ними?

Выше было разсказано, какъ постепенно дѣти короля и г-жи Монтеспанъ были возвеличены изъ глубокой и темной бездны прелюбодѣянія до уровня принцевъ крови, даже до правъ на корону. Достигнуто это было или путемъ ловкости, или открытой силой съ помощью патентовъ, декларацій, королевскихъ распоряженій. Разсказъ объ этихъ фактахъ могъ бы наполнить цѣлый томъ и сборникъ чудовищныхъ документовъ вышелъ бы не меньше. Странно въ особенности одно обстоятельство: король всякій разъ не желалъ надѣлять милостями свое незаконное потомство, не хотѣлъ вовсе женить своихъ сыновей, глубоко убѣжденный въ ихъ прирожденномъ ничтожествѣ и пошлости, замаскированной только усиліями его неограниченной власти. Послѣ него всѣ эти качества могли только проявиться съ полнымъ блескомъ. Все это онъ говорилъ своимъ сыновьямъ неоднократно, когда они заводили съ нимъ рѣчь о женитьбѣ, повторялъ и потомъ наверху ихъ величія и даже за 6 недѣль до своей смерти, когда онъ, вопреки своему желанію, нарушилъ ради нихъ всѣ законы и порядки. Это отно-

шеніе обнаружилось и въ словахъ, сказанныхъ королемъ членамъ парламента и англійской королевѣ.

Можно припомнить еще настоятельный приказъ, отданный маршалу Тессе на счетъ герцога Вандомскаго. Маршалъ отправлялся командовать арміей въ Италію, гдѣ служилъ герцогъ, и король приказывалъ маршалу подчинить своей власти принца и съ суровымъ выраженіемъ лица прибавилъ: «Не слѣдуетъ этихъ господъ пріучать къ подблажкамъ». Но этотъ же самый герцогъ Вандомскій вскорѣ, даже безъ особаго пожалованія, сталъ командиромъ надъ маршалами и даже надъ тѣми, которые задолго до него командовали арміей.

Возвышеніе незаконныхъ дѣтей, совершавшееся непрерывно и неуклонно, явилось истиннымъ несчастіемъ въ личной жизни короля и бѣдствіемъ для цѣлой Франціи. Подъ конецъ жизни король вознесъ ихъ на неслыханную высоту, и его послѣдніе годы были наполнены преимущественно заботами, чтобы упрочить ихъ положеніе, сдѣлать ихъ могущественными и грозными. Начальство надъ флотомъ, надъ артиллеріей, надъ карабинерами, надъ дворцовыми войсками, управленіе Гіенью, Лангедокомъ, Бретанью, все это дѣлало ихъ достаточно почтенными особами. Кромѣ того, имъ была поручена должность, дававшая имъ возможность развлекать будущаго молодого короля и пріобрѣтать его благосклонность. Чтобы уравнять незаконныхъ дѣтей съ принцами крови, королю пришлось ниспровергнуть всѣ правила, права и древнѣйшіе, священнѣйшіе, основные и неприкосновеннѣйшіе законы королевства. Пришлось также вступить въ пререканія съ иноземными державами, въ особенности съ Римомъ, оказывать ему серьезныя услуги, чтобы послѣ продолжительной борьбы достигнуть одной уступки,—заставить пословъ и нунціевъ оказывать побочнымъ дѣтямъ короля тѣ-же самыя почести, какъ и принцамъ крови.

Чудовищные браки принцевъ и принцессъ крови съ незаконными дѣтьми короля имѣли послѣдствія, для короля, повидимому, пріятныя: за исключеніемъ единственнаго преемника и испанской вѣтви, устраненной отъ испанской короны на основаніи договора, и еще трехъ принцессъ, не оставалось ни мужского, ни женскаго королевскаго поколѣнія, которое не происходило бы по прямой линіи отъ короля и г-жи Монтеспанъ, и для котораго она не была бы матерью или бабушкой. Единственная дочь короля и г-жи Лавальеръ вышла замужъ за старшаго принца Конти. У нея отъ него не было дѣтей, но, конечно, король былъ невиноватъ въ томъ, что эта единственная отрасль принцевъ крови не стала побочной и во второмъ поколѣніи.

Не слѣдуетъ забывать, что принцъ Оранскій отказался жениться на дочери г-жи Монтеспанъ, и потомъ никакая покорность, никакія со стороны принца предупредительныя и любезныя старанія не могли изгладить изъ сердца короля этого отказа. Принцъ, вопреки своему желанію, навсегда остался врагомъ короля и Франціи.

Эта ненависть явилась источникомъ и роковой причиной коалицій и войнъ, подъ тяжестью которыхъ едва окончательно не изнемогъ король, и все это было результатомъ побочнаго потомства, которое, говоря по правдѣ, явилось плодомъ простого разврата.

Смѣшать чистѣйшую кровь нашихъ королей, можно смѣло сказать чистѣйшую во всемъ мірѣ, съ тлетворной грязью прелюбодѣянія,—составляло задачу всей жизни короля. Ему доставляло громадное удовольствіе переженить своихъ незаконныхъ дѣтей съ принцами и принцессами крови и довести это кровосмѣшеніе до предѣловъ, неслыхан-

ныхъ въ исторіи. Онъ первый среди всѣхъ народовъ дерзнулъ извлечь изъ ничтожества плоды двойного прелюбодѣянія и возвелъ ихъ на высоту, вызывающую дрожь отвращенія во всемъ мірѣ, одинаково среди людей цивилизованныхъ и варваровъ, и онъ сумѣлъ пріучить міръ къ этому зрѣлищу.

Путь къ почестямъ всегда былъ открытъ для побочныхъ дѣтей и, напротивъ, оставался недоступнымъ для принцевъ крови, начиная съ брата короля. Его безграничная гордость заставляла его смотрѣть совершенно различными глазами на незаконныхъ дѣтей и на принцевъ крови. Послѣднихъ онъ считалъ дѣтьми государства и трона, и они, по его мнѣнію, были значительны сами по себѣ, независимо отъ него. Другія были исключительно его личными дѣтьми; на основаніи законовъ они не могли ничего представлять и являлись созданіями исключительно его власти и его рукъ. Гордость и чувство короля были на ихъ сторонѣ. Великое наслажденіе создавать великихъ людей по собственному желанію расло съ каждымъ годомъ. Король ежечасно чувствовалъ ревность къ чужому величію, естественному и независимому отъ его произвола, и эта ревность безпрестанно подстрекала наслажденія.

Раздражаемый тѣмъ, что онъ не могъ уравнять самое природу, король постарался сравнять свое незаконное потомство съ принцами крови въ политическомъ и общественномъ отношеніяхъ. Онъ смелъ ихъ воедино путемъ неслыханныхъ чудовищныхъ браковъ, усиливаясь создать изъ всѣхъ принцевъ и принцессъ одну семью. Открыто и насильственно онъ принесъ въ жертву единственнаго сына своего единственнаго брата. Сопротивленіе только увеличивали его смѣлость, и онъ совершенно сравнялъ законныхъ и незаконныхъ принцевъ. Наконецъ, передъ смертью онъ дошелъ до того, что незаконнымъ дѣтямъ даровалъ право наслѣдовать корону, какъ будто бы онъ могъ располагать ею и дѣлать изъ людей все, что угодно, вопреки ихъ происхожденію.

И это еще не все: всѣ его заботы и послѣднія распоряженія были сдѣланы исключительно въ пользу незаконныхъ дѣтей. Онъ выпилъ до дна всю чашу, которую приготовили для него герцогъ Менскій и г-жа Ментенонъ.

Всѣ планы на счетъ воспитанія будущаго короля были начертаны въ интересахъ незаконныхъ дѣтей и ни въ чьихъ другихъ. Герцогъ Менскій былъ поставленъ во главѣ воспитанія, вторымъ воспитателемъ былъ назначенъ маршалъ Вильруа, человѣкъ для этихъ обязанностей самый неспособный, какого только можно было найти во всей Франціи. Наконецъ, въ это время—ему былъ 71 годъ, а его воспитаннику пять съ половиной. Герцогъ Менскій выбралъ еще себѣ въ помощники Сомери, бывшаго второго воспитателя герцога Бургундскаго, извѣстнаго своими кознями въ пользу герцога Вандомскаго. Это обстоятельство и заставило герцога выбрать человѣка продажнаго и на все готоваго.

Мнѣ неизвѣстно, кто намѣтилъ другимъ помощникомъ воспитателя Жафревиля, но это былъ слишкомъ честной человѣкъ, чтобы принять должность, гдѣ надо было торговать своей совѣстью—онъ отказался. Вмѣсто него былъ назначенъ Рюфе. Это былъ человѣкъ бѣдный, недальновидный, стремившійся только пріобрѣсти состояніе, не понимавшій всѣхъ опасностей своего новаго положенія и искавшій все время покровительства герцога Менскаго. Всѣ остальныя лица были выбраны такимъ же путемъ.

Но и при такихъ условіяхъ герцогъ Менскій не считалъ себя достаточно обезпеченнымъ: на помощь должно было придти завѣщаніе. Оно составлено за нѣсколько дней до смерти короля, является послѣднимъ актомъ этого монарха и его послѣдней жертвой божеству, которое онъ создалъ себѣ въ лицѣ своихъ незаконныхъ дѣтей. Этотъ послѣдній актъ всѣ гражданскія и военныя дѣла отдалъ вполнѣ и исключительно въ руки герцога Менскаго и его подчиненнаго маршала Вильруа, совершенно независимо отъ герцога Орлеанскаго, такъ что власть герцога не могла быть ни признана, ни осуществлена рѣшительно ни въ чемъ. Два лица, завѣдывавшія воспитаніемъ короля, сосредоточивали въ своихъ рукахъ всѣ дѣла, являлись господами Парижа и двора, и регентъ оказывался предъ ними совершенно безсильнымъ.

Эти громадныя предосторожности все-таки оказались недостаточными, надо было предусмотрѣть всевозможное будущее, и на случай смерти герцога Менскаго и маршала Вильруа. На ихъ мѣсто назначались графъ Тулузскій и маршалъ Галкуръ, за котораго ручалась г-жа Ментенонъ. Маршалъ Галкуръ былъ разбитъ параличомъ и оказался бы, конечно, еще болѣе неспособнымъ къ роли воспитателя, чѣмъ маршалъ Вильруа.

Завѣщаніе учреждало совѣтъ регенства и назначало членовъ съ такимъ расчетомъ, что герцогъ Орлеанскій лишался всякой власти. Совѣтъ былъ составленъ почти исключительно изъ людей, безусловно преданныхъ герцогу Менскому и совершенно чуждыхъ герцогу Орлеанскому.

Таковы были послѣднія заботы короля, послѣдніе акты его предусмотрительности, послѣднія проявленія его могущества, точнѣе, его плачевной слабости,—позорные результаты его жизни. Какое презрѣнное положеніе! Своего преемника и свое королевство король приносилъ въ жертву неограниченному честолюбію того, кому слѣдовало бы навсегда остаться въ неизвѣстности, кто подвергалъ государство злополучнѣйшимъ раздорамъ, кто вооружалъ противъ регента людей, обязанныхъ ему безусловно подчиняться, кто вынуждалъ самого регента домогаться своихъ правъ и своей власти, такъ какъ ему былъ предоставленъ только призракъ всего этого при полномъ безсиліи и совершенной безпомощности, и на самомъ дѣлѣ ему грозили непрестанно жестокія опасности.

Это пятно не можетъ быть смыто съ памяти короля ни предъ Богомъ, ни предъ людьми. Въ такую бездну повергли его гордость и слабость женщины болѣе, чѣмъ темнаго происхожденія, потомки двукратнаго прелюбодѣянія, которымъ онъ подчинился. Онъ создалъ изъ нихъ себѣ тирановъ, послѣ того, какъ самъ былъ тираномъ для нихъ и для многихъ другихъ. Они безъ всякаго стыда и удержу злоупотребляли своей властью, и за одно съ ними дѣйствовалъ низкій духовникъ Телье. И въ этомъ заключалось раскаяніе, публичное искупленіе прелюбодѣяній, столь возмутительныхъ, продолжительныхъ, позорныхъ передъ лицомъ всей Европы. Таковы были предсмертныя чувства столь многогрѣшной души, готовой предстать предъ Богомъ, обремененной преступленіями пятидесяти-шести-лѣтняго царствованія. Гордость, роскошь, всевозможныя мотовства, безпрестанныя войны— и источникъ и вдохновитель всего этого одна только гордость! Царствованіе, пролившее столько крови, издержавшее столько милліардовъ денегъ внутри и внѣ государства, безпрестанно возжигавшее пламя войны по всей Европѣ, царствованіе, слившее и уничтожившее всѣ сословія, порядки, древ-

нѣйшіе и священнѣйшіе законы государства,—оно довело государство до неизлѣчимыхъ бѣдствій, до полной гибели, отъ которой оно спаслось только чудомъ Всемогущаго Бога.

Что послѣ этого сказать о постоянной и спокойной твердости, какою изумлялъ король въ концѣ своей жизни? Надо правду сказать: умирая, онъ ни о чемъ не жалѣлъ, ему никогда не измѣняло ровное настроеніе духа, никогда онъ не проявлялъ ни малѣйшаго нетерпѣнія, всегда онъ невозмутимо отдавалъ свои приказы, онъ жилъ, говорилъ, распоряжался, составлялъ свое завѣщаніе съ тѣмъ самымъ видомъ, съ какимъ все это могъ бы дѣлать человѣкъ, вполнѣ здоровый и нравственно здоровый.

До конца все совершалось извнѣ съ тѣмъ же приличіемъ, важностью и величіемъ, какіе сопровождали всю дѣятельность короля. Все было такъ естественно, правдиво и просто, и никому и не могло прійти въ голову, что все это игра и комедія.

Время отъ времени, когда онъ бывалъ свободенъ и незадолго передъ смертью, когда онъ отказался отъ всякихъ дѣлъ и заботъ, онъ думалъ только о Богѣ, о своемъ спасеніи, о своемъ ничтожествѣ и до такой степени усердно, что у него иногда срывались слова: «Въ тѣ времена, когда я былъ королемъ». Онъ будто заранѣе переживалъ великое будущее, которое должно было наступить, самоотверженно и безъ всякаго сожалѣнія о земномъ, съ благороднымъ смиреніемъ призывая все, что больше не волновало его. Его доброта и самообладаніе трогали его наиболѣе приближенныхъ слугъ, которые даже плакали. Но въ особенности были удивительны его мужество и самоувѣренность. Онъ сознавалъ свои грѣхи, не чувствуя ни малѣйшаго страха, всецѣло полагаясь на Бога и на милосердіе Іисуса Христа. Кто не почувствуетъ изумленія передъ концомъ столь благороднымъ и столь христіанскимъ, но кто въ то же время не ощутитъ также страха?

Ничего не могло быть проще и короче его разставанія съ семьей, и ничего нельзя представить смиреннѣе и въ то же время величественнѣе его прощанія съ придворными. Съ ними онъ простился даже сердечнѣе, чѣмъ съ семьей. То, что онъ сказалъ будущему королю, стоило бы передать буквально, но впослѣдствіе эти слова ужъ слишкомъ афишировались льстецами, и примѣръ лести подавалъ маршалъ Вильруа, всегда державшій портретъ короля, даже въ походѣ въ своей палаткѣ, и плакавшій въ присутствіи короля, когда церковные проповѣдники съ каѳедры говорили ему комплименты. Король, говоря своему наслѣднику о своихъ сооруженіяхъ и войнахъ, ни слова не сказалъ о своей роскоши и о своей расточительности, умолчалъ онъ также о своихъ злополучныхъ любовныхъ приключеніяхъ,—предметъ, о которомъ всего умѣстнѣе было бы поговорить. Но какъ онъ сталъ бы касаться его въ присутствіи незаконныхъ дѣтей, чье величіе онъ создавалъ всей своей предсмертной дѣятельностью. Если исключить это странное умолчаніе и ужасную причину его,—все сказанное королемъ, достойно удивленія, возвышенно и дышитъ истинно христіанскимъ и царственнымъ духомъ.

Но что можно сказать объ его предсмертныхъ словахъ племяннику, сказанныхъ послѣ завѣщанія и даже послѣ покаянія и причащенія? Король дважды положительно и настойчиво завѣрялъ герцога Орлеанскаго, что его королевскія распоряженія не причинятъ ему никакихъ затрудненій, а между тѣмъ всѣ эти распоряженія клонились исключительно къ тому, чтобы обезчестить герцога, лишить его правъ, въ

сущности совершенно его уничтожить, и тѣмъ не менѣе король его обнадеживаетъ, восхваляетъ, говоритъ ему лестныя слова, поручаетъ ему своего наслѣдника, котораго онъ совершенно у него отнялъ, поручаетъ королевство будто бы его единоличному управленію, лишивъ его на самомъ дѣлѣ всякой власти. И послѣ того какъ король всю власть отдалъ врагамъ герцога и обставилъ свой даръ ужаснѣйшими предосторожностями, онъ именно къ герцогу посылаетъ всѣхъ за приказаніями, говоритъ, что впредь ему одному принадлежитъ власть во всемъ и надо всѣмъ. Что это: хитрость, или обманъ, или насмѣшка даже на смертномъ одрѣ? Какъ объяснить эту загадку? Попытаемся все-таки проникнуть въ мысли короля.

Повидимому, и теперь, какъ и всегда, онъ былъ увѣренъ въ безплодности всѣхъ распоряженій, которыя были у него вырваны насильно, сдѣланы имъ противъ его воли, подъ вліяніемъ слабости. Скажемъ больше. Онъ не сомнѣвался, можетъ быть, даже надѣялся, что его завѣщаніе—несправедливое, скандальное, способное вызвать смуту въ его семьѣ и государствѣ, наконецъ, завѣщаніе, которое онъ вынужденъ былъ держать въ глубокой тайнѣ, встрѣтитъ не больше поддержки, чѣмъ завѣщаніе его отца—столь мудрое, обдуманное и справедливое, и опубликованное имъ самимъ при всеобщемъ искреннемъ одобреніи. Не даромъ-же король такъ долго подвергался насиліямъ, высказалъ столько горькихъ словъ уже послѣ завѣщанія своимъ незаконнымъ дѣтямъ, членамъ парламента и англійской королевѣ. Онъ никогда не вѣрилъ, чтобы распоряженія, вынужденныя у него, умирающаго, послѣ принятія Св. Тайнъ, могли удержаться хотя бы одно мгновеніе послѣ его смерти, и, въ ту минуту, когда онъ говорилъ съ герцогомъ Орлеанскимъ, онъ, можетъ быть, хотѣлъ успокоить себя мыслью о томъ, что̀ станется съ его завѣщаніемъ, составленнымъ всего часъ тому назадъ. Можетъ быть, онъ говорилъ съ своимъ племянникомъ до и послѣ завѣщанія, всецѣло поглощенный именно этой мыслью. Онъ въ самомъ дѣлѣ могъ смотрѣть на него, какъ на правителя государства и разговаривать съ нимъ именно въ этомъ смыслѣ,—такъ, по крайней мѣрѣ, можно предполагать.

Но еще разъ, нельзя не повторить, до какой степени изумительно невозмутимое спокойствіе умирающаго короля и совершенное самообладаніе среди благочестивыхъ помысловъ и разныхъ другихъ заботъ до послѣднихъ минутъ. Доктора утверждали, что одна и та же причина, именно всеобщее зараженіе крови, прекращаетъ всѣ физическія страданія и окончательно успокаиваетъ сердце и умъ, и король дѣйствительно умеръ отъ этой болѣзни.

Но тѣ, кто находился при королѣ во время его послѣдней болѣзни безотлучно, даютъ другое объясненіе. Въ числѣ іезуитовъ постоянно были свѣтскіе люди разныхъ сословій, даже женатые. Фактъ этотъ не подлежитъ сомнѣнію, напр., государственный секретарь при Людовикѣ XIII Денойе принадлежалъ къ ордену, и много другихъ. Эти члены ордена даютъ тѣ же самые обѣты, какъ и іезуиты, т. е. безусловно повиноваться генералу и высшему начальству ордена. Обѣты бѣдности и цѣломудрія они обязаны возмѣстить слѣпой преданностью интересамъ ордена, въ особенности безграничной покорностью начальнику и своему духовнику. Они должны точно выполнять нетрудные обряды благочестія, которые духовникъ назначаетъ, сообразуясь съ ихъ временемъ и личными характерами, и онъ можетъ упрощать эти обряды до какого угодно предѣла. Весь вопросъ въ политическихъ

услугахъ со стороны этихъ служителей,—все остальное дешево стоитъ. Всѣ свои чувства и мысли они безусловно обязаны открывать своему духовнику и начальству ордена, если духовникъ признаетъ нужнымъ. Они также должны безпрекословно во всемъ слѣдовать приказаніямъ начальника и духовника.

Говорятъ, что Телье еще задолго до смерти короля внушилъ ему мысль вступить въ орденъ іезуитовъ. Онъ восхвалялъ ему разныя преимущества іезуитовъ по части вѣчнаго спасенія, полныя отпущенія грѣховъ, неразлучныя съ званіемъ іезуитовъ. По его словамъ, какія бы преступленія человѣкъ ни совершилъ, и какъ бы ни трудно было ихъ искупить, тайная принадлежность къ ордену все очищала, обезпечивала преступнику спасеніе, лишь бы только онъ оставался вѣренъ своимъ обѣтамъ. Говорили, будто бы, съ согласія короля и генераловъ орденъ былъ привлеченъ къ этому дѣлу, и будто король произнесъ свои обѣты передъ Телье. Въ послѣдніе дни они бесѣдовали другъ съ другомъ: духовникъ ободрялъ духъ умирающаго, а умирающій полагался на обѣщанія духовника, и король, наконецъ, получилъ послѣднее напутствіе отъ ордена, какъ одинъ изъ его монаховъ,—его будто заставилъ духовникъ произнести молитвы, не оставлявшія никакого сомнѣнія въ совершившемся фактѣ, и Летелье далъ ему какой-то почти незамѣтный символъ, нѣчто въ родѣ ладонки, которая была найдена на королѣ. Наконецъ, большинство тѣхъ, кто ближе всего стоялъ къ королю, остались при убѣжденіи, что это покаяніе совершилось за счетъ другихъ, т. е. гугенотовъ, янсенистовъ, вообще враговъ іезуитовъ и тѣхъ, кто не былъ имъ преданъ, т. е. защищалъ права королей и народовъ, церковные каноны и духовную іерархію противъ тираніи и ультромонтанскихъ притязаній. Эта фарисейская преданность обряду и внѣшнимъ подробностямъ религіознаго культа внушили королю столь поразительную увѣренность въ страшныя предсмерныя минуты, когда обыкновенно исчезаетъ спокойствіе, основанное даже на искреннемъ раскаяніи и на чистотѣ душевной. Такъ громадно искусство іезуитовъ въ обманахъ! Благодаря всеобщему невѣжеству, они превосходно умѣютъ въ собственныхъ интересахъ убѣдить кого угодно, что спасеніе вполнѣ достижимо безъ искупленія и безъ покаянія, все равно, какую бы жизнь не велъ грѣшникъ. Таково гнусное ученіе: оно ради земныхъ цѣлей эксплоатируетъ грѣшниковъ вплоть до могилы и руководитъ ими до самой смерти въ глубокомъ мирѣ по пути, усѣянномъ цвѣтами.

Такъ умеръ одинъ изъ величайшихъ государей земного шара въ объятіяхъ недостойной и безыменной супруги и своихъ двухъ незаконныхъ дѣтей, — умеръ ихъ вѣрнымъ рабомъ до послѣдняго своего вздоха, принявъ Св. Тайны изъ рукъ сына своей другой возлюбленной, напутствуемый такимъ духовникомъ, какъ Телье. Если святые, можетъ быть, и умираютъ такимъ образомъ, то во всякомъ случаѣ не въ такомъ обществѣ.

Но и это общество не осталось при королѣ до конца. Вначалѣ располагая королемъ и его комнатой, эти люди допустили къ нему только лицъ, имъ преданныхъ или необходимыхъ, и сами оставались при королѣ до тѣхъ поръ, пока имъ было нужно. Лишь только завѣщаніе было составлено и вручено Вуазену. имъ больше нечего было дѣлать, и всѣ сейчасъ же, безъ зазрѣнія совѣсти, ушли. Для нихъ было безполезно выполнять свой долгъ предъ умирающимъ, у котораго они исторгли всѣ возможныя и даже невозможныя милости и, наконецъ,

было слишкомъ обременительно и тягостно присутствовать при зрѣлищѣ, столь печальномъ и столь безцѣльномъ.

Король выразилъ г-жѣ Ментенонъ надежду скоро съ ней свидѣться, и всѣ замѣтили, какое дурное впечатлѣніе произвела на нее эта королевская любезность. Старой очаровательницѣ казалось мало быть королевой, она, очевидно, еще желала быть безсмертной. Съ среды, т. е. за четыре дня до смерти короля, она его покинула навсегда. Король, глубоко огорченный, замѣтилъ это, безпрестанно спрашивалъ о ней, и она вынуждена была вернуться изъ С. Сира, но все-таки у нея не хватило терпѣнія дождаться конца, и она снова уѣхала и уже больше не вернулась.

Знатнѣйшія духовныя лица не пожелали даже побезпокоиться прочесть королю мессу, хотя король желалъ этого и до конца находился въ полномъ сознаніи и владѣлъ рѣчью.

Герцогъ Менъ также отличился: обнаружилъ обычную доброту своего сердца, и чувство признательности къ отцу, принесшему ему всевозможныя жертвы. Онъ присутствовалъ при консультаціи Провансскаго знахаря, который далъ королю свой элексиръ. Докторъ Фагонъ, привыкшій быть неограниченнымъ авторитетомъ въ медицинѣ, подвергся весьма грубому и презрительному обращенію со стороны знахаря. Герцогъ, которому уже нечего было взять съ короля, и который уже считалъ себя владыкой королевства, разсказалъ вечеромъ у себя въ комнатѣ среди своихъ клевретовъ съ необыкновенно тонкимъ, ему свойственнымъ остроуміемъ о томъ, какъ проходимецъ одержалъ верхъ надъ медициной, и какому скандалу и униженію подвергся Фагонъ въ первый разъ въ своей жизни и принужденъ былъ поникнуть головой на свою трость, не возражая знахарю ни одного слова изъ страха подвергнуться еще горшимъ униженіямъ. Добрый и нѣжный сынъ разсказалъ исторію до такой степени забавно, что его слушатели очень долго покатывались со смѣху. Герцогъ до такой степени былъ счастливъ достигнуть наконецъ могущества, вершины всѣхъ своихъ желаній, что забылъ даже всякія приличія, а между тѣмъ на эту сцену обратили вниманіе весьма многіе, и въ числѣ ихъ лица весьма значительныя.

Герцогъ пересталъ безвыходно сидѣть у постели короля: для него это зрѣлище было слишкомъ трогательно, онъ предпочиталъ появляться только на нѣсколько минутъ.

Духовникъ Телье уже давно утомился сидѣть съ умирающимъ. Онъ не могъ больше ни на что надѣяться и ничего бояться со стороны короля и спокойно занялся другими дѣлами. Ухаживавшіе за королемъ были крайне смущены его отсутствіемъ и не разъ сами отъ себя посылали его розыскивать. Король часто спрашивалъ о немъ, и иногда его совсѣмъ не удавалось отыскать. Но если онъ и приходилъ, то оставался всего нѣсколько минутъ и уходилъ самовольно. Въ послѣдніе дни и передъ самой смертью короля онъ приходилъ еще рѣже, хотя, какъ духовника, его никто не могъ замѣнить, и онъ не долженъ былъ отходить отъ постели умирающаго. Но, повидимому, милосердіе, человѣколюбіе и благодарность не входили въ число добродѣтелей этого архиобманщика, и всѣ его тончайшія интриги и козни не развили въ немъ ни желанія, ни благодати, ни таланта напутствовать умирающихъ. Его безпрестанно приходилось разыскивать, и онъ безпрестанно исчезалъ; такое недостойное поведеніе возмущало всѣхъ, кто только былъ въ комнатѣ короля, а тамъ могли быть всѣ, кто только хотѣлъ, потому что послѣ ухода г-жи Ментенонъ и герцога Мена доступъ въ ком-

нату сталъ для всѣхъ свободенъ. Но относительно Телье справедливость требуетъ прибавить слѣдующее: впослѣдствіи я тщательно освѣдомлялся у Марешаля на счетъ слуховъ, будто король произнесъ обѣтъ іезуитовъ, о чемъ было разсказано выше. Марешаль, очень правдивый и неуважавшій Телье, увѣрялъ меня, что онъ никогда не замѣчалъ ничего подобнаго; ни особыхъ молитвъ, ни спеціальнаго благословенія, и что король никогда не имѣлъ на себѣ никакого символа, и самъ Марешаль былъ убѣжденъ, что во всѣхъ слухахъ нѣтъ ни капли правды. Марешаль, хотя и очень усердный, не всегда находился въ комнатѣ короля и у его постели. Телье также могъ не довѣрять ему и принять свои предосторожности. Но все-таки я не могу думать, чтобы Марешаль ничего не зналъ и даже ничего не подозрѣвалъ въ случаѣ, еслибы что-нибудь подобное произошло съ королемъ.

Я предлагалъ устранить всякую пышность, и герцогъ на это согласился. Этого требовала простая справедливость, и не нашлось ни одного человѣка настолько привязаннаго къ покойному королю, чтобы возстать противъ крайне скромныхъ его похоронъ.

Въ тотъ же день я еще разъ видѣлъ герцога Орлеанскаго въ обѣденное время: посѣтители его осаждали нѣсколько меньше. Онъ мнѣ сознался, что еще не успѣлъ никого намѣтить въ число своихъ совѣтниковъ и вообще ничего еще не рѣшилъ. Было не время порицать и укорять; я только пожалъ плечами и убѣждалъ герцога быть по крайней мѣрѣ насторожѣ съ разными просителями и министрами. Потомъ я заговорилъ съ нимъ о завѣщаніи и спросилъ у него, какъ онъ намѣренъ себя вести на этотъ счетъ завтра въ парламентѣ, гдѣ предстояло чтеніе королевскаго завѣщанія.

Герцогъ былъ самый твердый человѣкъ въ мірѣ, но только въ своемъ кабинетѣ и наединѣ съ кѣмъ нибудь. Внѣ кабинета вся твердость его исчезала. Онъ наобѣщалъ мнѣ всякихъ чудесъ; я доказывалъ ему важность наступающаго момента, который такъ близко касался его. Я говорилъ съ нимъ битыхъ 2 часа.

Смерть короля застала безпечнаго герцога Орлеанскаго совершенно врасплохъ, какъ будто бы онъ и не могъ ея предвидѣть. Онъ не успѣлъ придти ни въ какимъ рѣшеніямъ и занялся какъ разъ самыми мелкими и ничтожными вопросами. Я узналъ о смерти короля утромъ, и тотчасъ отправился откланяться новому монарху. Тамъ первая волна посѣтителей уже схлынула, и я оказался почти одинъ. Отсюда я пошелъ къ герцогу Орлеанскому. Онъ сидѣлъ взаперти, и вся его комната была до такой степени переполнена народомъ, что негдѣ было упасть яблоку. Я вошелъ къ нему въ кабинетъ и сдѣлалъ послѣднее усиліе относительно вопроса о генеральныхъ штатахъ. Оно оказалось совершенно безполезнымъ. Потомъ я ему напомнилъ свое прежнее соображеніе на счетъ похоронъ короля.

Смерть г-жи Ментенонъ.

Знаменитая и роковая г-жа Ментенонъ умерла въ субботу вечеромъ 15-го апрѣля 1719 года. Какой шумъ вызвало бы во всей Европѣ это событіе, если бы оно совершилось нѣсколько лѣтъ раньше, а теперь, даже по сосѣдству, въ Версали, можетъ быть, даже не знали о немъ и едва-ли говорили о немъ въ Парижѣ. Но она въ теченіе 35-ти лѣтъ, безъ малѣйшаго промежутка, являлась такой могущественной и фатальной

силой, что относительно ея все интересно, даже послѣдніе годы ея отшельничества.

Она удалилась въ С.-Сиръ въ минуту самой смерти короля и оказалась на столько умна, что окончательно похоронила себя для свѣта и никогда не выходила изъ предѣловъ этого учрежденія, и у себя она не желала никого видѣть изъ внѣшняго міра, за исключеніемъ весьма немногихъ лицъ, не желала никого ни о чемъ просить, никого рекомендовать и ни во что вмѣшиваться. Изрѣдка у нея обѣдало двѣ-три дамы; кардиналъ Роганъ бывалъ у нея каждую недѣлю, и герцогъ Дю-Менъ также, остававшійся съ ней наединѣ по два и по три часа. Она вся расцвѣтала радостью, когда ей докладывали о его приходѣ и съ необыкновенной нѣжностью обнимала своего любимца. Навѣщало ее иногда нѣсколько темныхъ и фанатичныхъ епископовъ, между прочимъ довольно часто архіепископъ руанскій и Обиньи.

Одинъ разъ въ недѣлю, когда королева англійская жила въ С.-Жерменѣ, она пріѣзжала обѣдать къ г-жѣ Ментенонъ. Онѣ садились другъ противъ друга на совершенно одинаковыхъ креслахъ. Въ урочный часъ между ними ставили столъ, два прибора, первое блюдо и звонокъ. За столомъ прислуживали молодыя дѣвушки, подавали питье, тарелки и по звонку подавали блюда. Королева всегда говорила имъ нѣсколько любезныхъ словъ. По окончаніи обѣда все убиралось изъ комнаты, и подавался кофе. Королева оставалась наединѣ съ хозяйкой въ теченіе двухъ или трехъ часовъ, потомъ онѣ обнимались на прощанье. Г-жа Ментенонъ провожала королеву по комнатѣ шага три или четыре,—также она и встрѣчала ее; но дѣвицы отъ передней провожали королеву до кареты. Онѣ очень любили ее, такъ какъ она обращалась съ ними очень любезно.

Но въ особенности ихъ восхищалъ кардиналъ Роганъ, никогда не являвшійся съ пустыми руками и приносившій имъ пирожнаго и конфектъ на нѣсколько дней. Эти гостинцы доставляли большее удовольствіе и самой г-жѣ Ментенонъ. Но какъ бы мало людей ни бывало у нея, все-таки рѣдкій день проходилъ безъ визита. Никто не осмѣливался къ ней являться, не испросивъ предварительно позволенія и не узнавъ о днѣ и часѣ; только одного любимца всегда принимали съ открытыми объятіями. Все свободное время г-жа Ментенонъ отдавала громадной перепискѣ, которую она вела съ начальниками духовныхъ учрежденій, съ настоятельницами монастырей и даже съ простыми монахами. Страсть управлять чужою совѣстью осталась у ней до самой смерти и, обладая большими литературными способностями, любила диктовать свои письма.

Г-жа Ментенонъ, какъ раньше при дворѣ, такъ и теперь, вставала и ложилась рано, долго оставалась на молитвѣ, читала душеспасительныя книги, иногда заставляла молодыхъ дѣвицъ читать вслухъ историческія сочиненія и любила разсуждать по поводу прочитаннаго и поучать ихъ. Причащалась она два раза въ недѣлю и въ эти дни долго молилась.

Она лично назначала весь штатъ служащихъ, и ей обо всемъ представлялся точный отчетъ. Подчиненные звали ее *madme*, и хотя она со всѣми обращалась ласково и добродушно,—всѣ дрожали передъ ней. Видѣла она обыкновенно только начальницъ С. Сира; въ высшей степени рѣдко она приглашала съ себѣ другихъ, и еще рѣже осмѣливались просить у нея аудиенціи. Никогда никакая принцесса крови, настоятельница монастыря, не встрѣчала такого безпрекословнаго пови-

новенія, такого страха и почтенія и все-таки почти всѣ въ С. Сирѣ ее любили. Никогда она передъ дѣвицами не заговаривала ни о правительствѣ, ни о дворѣ; довольно часто вспоминала съ похвалой о покойномъ королѣ, но довольно поверхностно и никогда не распространяясь объ интригахъ, заговорахъ и дѣлахъ.

Когда регентство было объявлено, герцогъ Орлеанскій навѣстилъ г-жу Ментенонъ въ С. Сирѣ. Она просила его быть покровителемъ этого учрежденія, и онъ далъ ей слово, что С. Сиръ по прежнему будетъ получать четыре тысячи франковъ ежемѣсячно, ассигнованныхъ покойнымъ королемъ, и эта сумма дѣйствительно аккуратно выплачивалась каждое первое число. Такимъ образомъ г-жа Ментенонъ получала отъ короля сорокъ восемь тысячъ франковъ пенсіи. Я не знаю, не сохранилъ ли онъ также жалованье, какъ воспитательницѣ дѣтей короля и г-жѣ Ментенонъ, и нѣкоторые другіе штаты, что очень часто дѣлалось для другихъ придворныхъ дамъ, занимавшихъ ту или другую должность. Кромѣ того, она пользовалась землями помѣстья Ментенонъ и нѣкоторыми другими угодьями. С. Сиръ по уставу долженъ былъ служить ей убѣжищемъ, безвозмездно содержать ея прислугу и ея лошадей въ какомъ бы то ни было количествѣ, возмѣщать всѣ издержки ея хозяйства, кончая дровами, углемъ, свѣчами, такъ что жизнь ей не стоила ни одного су, за исключеніемъ платья для нея и для ея прислуги. Всѣ ея издержки ограничивались благотворительностью и жалованьемъ прислугѣ.

Меня часто удивляло, что многіе люди, всѣмъ ей обязанные, маршалы Далкуръ, Талльяръ, Вилльяръ и даже жена и дѣти герцога Дюмена, для которыхъ она попрала ногами всѣ законы божескіе и человѣческіе, никогда у нея не бывали.

Паденіе Дюмена нанесло ей первый смертельный ударъ. Она все еще продолжала жить надеждами на счастье своего любимца, но когда она увидала полный разгромъ его плановъ, здоровье ея пошатнулось: она заболѣла перемежающейся лихорадкой и умерла 83-хъ лѣтъ въ полномъ разсудкѣ и твердой памяти.

И въ С. Сирѣ не всѣ оплакали ея смерть, а внѣ С. Сира отнеслись къ этой потерѣ вполнѣ равнодушно. Только архіепископъ руанскій Обиньи, мнимый двоюродный братъ г-жи Ментенонъ, оказался достаточно глупъ, чтобы умереть отъ огорченія. Его до такой степени поразила утрата, что онъ заболѣлъ и вскорѣ послѣдовалъ за своей сестрой.

Завѣщаніе короля.

Мы уже знаемъ, какія слова невольно сорвались у короля передъ герцогомъ Дюменомъ, которому онъ даровалъ право наслѣдовать престолъ. По выраженію лица и по тону рѣчи можно было судить, сколько усилій стоило королю рѣшиться на этотъ чудовищный поступокъ. Монархъ искуснѣе всѣхъ другихъ людей, владѣющихъ собой, высказался вполнѣ прозрачно на счетъ своего завѣщанія. За нѣсколько дней до разглашенія этой новости король, поглощенный очевидно чудовищьностью факта, въ кабинетѣ въ присутствіи нѣсколькихъ приближенныхъ слугъ обратился къ Дюмену съ слѣдующею суровою рѣчью: «Вы этого хотѣли, но знайте, какими-бы важными господами я васъ ни сдѣлалъ, вы останетесь таковыми только при моей жизни, вы ничто послѣ моей смерти, и вполнѣ отъ васъ зависитъ осуществить то, что я для васъ сдѣлалъ,

если только сможете». Всѣ присутствовавшіе вздрогнули будто надъ ними разразился громъ. Такъ это было внезапно и неожиданно и такъ это мало походило на обычный характеръ короля.

Дюменъ до послѣдней степени казался растеряннымъ послѣ столь внезапной выходки, повидимому совершенно безпричинной. Король отбросилъ всякое стѣсненіе. Свидѣтели сцены едва смѣли дышать, опустивъ глаза внизъ. Глубокое молчаніе длилось долго,—до тѣхъ поръ пока король не ушелъ изъ кабинета, каждый тогда вздохнулъ свободно, и у каждаго сердце было переполнено тѣмъ, что онъ только что видѣлъ.

Въ воскресенье 27-го августа въ Версалѣ произошло слѣдующее: король призвалъ къ себѣ перваго президента парламента и генеральнаго прокурора. Первый президентъ былъ креатурой герцога Дюмена и естественно герцогъ успѣлъ переговорить съ нимъ основательно на счетъ своего дѣла. Въ присутствіи этихъ трехъ лицъ король вынулъ толстый пакетъ за семью печатями (можетъ быть герцогъ Дюменъ желалъ придать пакету божественный ореолъ, запечатывая его семью печатями, подобно таинственной книгѣ апокалипсиса!) и вручая его имъ сказалъ: «Господа, вотъ мое завѣщаніе, только одинъ я знаю его содержаніе, я вручаю его вамъ на храненіе въ парламентѣ, я не могу лучше засвидѣтельствовать моего уваженія и моего довѣрія къ парламенту, чѣмъ дѣлая его своимъ душеприказчикомъ. Примѣръ королей, моихъ предшественниковъ, и судьба завѣщанія моего отца, даютъ мнѣ понять, что можетъ статься и съ моимъ завѣщаніемъ; но этого завѣщанія хотѣли, меня мучили изъ за него, не давали мнѣ покоя, что бы я ни говорилъ, и я наконецъ купилъ свой покой: вотъ оно, возьмите его, пусть будетъ съ нимъ, что будетъ, по крайней мѣрѣ я буду спокоенъ, и мнѣ не станутъ докучать больше». Сказавъ это, онъ очень сухо поклонился, повернулся и прошелъ въ другую комнату, оставивъ президента и прокурора почти въ окаменѣломъ состояніи. Они смотрѣли другъ на друга, пораженные тѣмъ, что слышали, и въ особенности тѣмъ, что видѣли,—выраженіемъ лица и вообще манерами короля. Придя въ себя, они немедленно отправились въ Парижъ. Только послѣ обѣда узнали, что король сдѣлалъ завѣщаніе и вручилъ его парламенту. По мѣрѣ того какъ новость распространялась, весь дворъ приходилъ въ крайнее смущеніе, но льстецы, хотя и сами до послѣдней степени были смущены, тѣмъ не менѣе захлебывались въ восторгахъ и въ похвалахъ.

На слѣдующій день, въ понедѣльникъ, 28-го, англійская королева пріѣхала къ госпожѣ Ментенонъ. Туда же явился и король. Съ первой же встрѣчи онъ обратился къ королевѣ съ слѣдующими словами, нисколько не скрывая своего раздраженія: «сударыня, я сдѣлалъ свое завѣщаніе, изъ за него меня прямо мучили». При этомъ король перевелъ глаза на госпожу Ментенонъ. «Я купилъ себѣ покой, я знаю до какой степени безплодно и безполезно завѣщаніе. Мы можемъ дѣлать все, что хотимъ, пока живы, а послѣ смерти мы короли,—безсильнѣе даже простыхъ смертныхъ. Стоитъ вспомнить только, что случилось съ завѣщаніемъ короля моего отца сейчасъ послѣ его смерти и съ завѣщаніями другихъ королей. Все это я отлично знаю, и все таки хотѣли, чтобы я сдѣлалъ завѣщаніе, и не давали мнѣ ни отдыху, ни сроку. Прекрасно, завѣщаніе сдѣлано. Пусть съ нимъ будетъ, что будетъ, по крайней мѣрѣ, меня не станутъ больше мучить».

Столь выразительная рѣчь свидѣтельствовала, какую продолжи-

тельную и упорную борьбу пришлось вытерпѣть королю, и какое насиліе было произведено надъ его волей. Выраженіе лица короля и вообще все его поведеніе были совершенно необычны. Отрывистый, сухой и надменный тонъ, мучительное состояніе духа госпожи Ментенонъ, и ея приближенныхъ дамъ, угнетенное настроеніе герцога Дюмена, длившееся больше восьми дней и исчезнувшее только постепенно, все это свидѣтельствовало о томъ, какія сцены выдержали госпожа Ментенонъ и Дюменъ; но они получили все, чего желали, и отдѣлались сравнительно дешево—мимолетнымъ дурнымъ настроеніемъ духа.

Первый президентъ и генеральный прокуроръ, немедленно по возвращеніи въ Парижъ, послали за рабочими, привели ихъ въ одну изъ башенъ парламентскаго дворца, заставили пробить въ очень толстой стѣнѣ большое отверстіе; положили туда завѣщаніе, заперли отверстіе желѣзной дверью, потомъ желѣзной рѣшеткой, и все это приказали замуровать. Дверь и рѣшетка имѣли три разныхъ запора, и каждый запоръ въ двери и рѣшеткѣ отпирался однимъ и тѣмъ же ключомъ. Три ключа взяли на храненіе первый президентъ, генеральный прокуроръ и главный секретарь парламента. Немедленно за тѣмъ собрался парламентъ, и первый президентъ представилъ восторженный отчетъ касательно храненія королевскаго завѣщанія въ стѣнахъ парламента.

Въ тоже время былъ представленъ королевскій эдиктъ, полученный первымъ президентомъ и генеральнымъ прокуромъ изъ рукъ канцлера въ Версали, въ то самое утро, когда король вручилъ имъ свое завѣщаніе. Эдиктъ былъ очень кратокъ. Онъ объявлялъ, что пакетъ, содержащій завѣщаніе рѣшаетъ вопросъ на счетъ опеки надъ малолѣтнимъ королемъ, на счетъ состава совѣта регенства: все это король по извѣстнымъ соображеніямъ не желалъ предавать огласкѣ, а хотѣлъ, чтобы завѣщаніе хранилось до его смерти, и, когда Богу будетъ угодно отозвать его изъ этого міра, должны собраться всѣ палаты парламента, со всѣми принцами королевскаго дома и со всѣми перами, какіе только будутъ находиться на лицо. Въ ихъ присутствіи будетъ вскрыто и прочитано завѣщаніе, потомъ опубликовано и выполнено вполнѣ безпрепятственно.

Замѣчательно, во всемъ этомъ указѣ ни единымъ словомъ не было выражено ни уваженія, ни довѣрія къ парламенту, а между тѣмъ въ подобномъ указѣ было бы вполнѣ естественно сказать по адресу парламента нѣсколько добрыхъ словъ. Въ интересахъ Дюмена было непремѣнно польстить парламенту, и онъ вмѣстѣ съ остальной публикой былъ изумленъ сухимъ и суровымъ молчаніемъ короля, и какъ будто даже обижался за парламентъ. Хотя то, что сказалъ король Дюмену на счетъ его правъ принца крови, и все, что онъ говорилъ на счетъ завѣщанія первому президенту, генеральному прокурору и англійской королевѣ, было сказано не публично, однако кое-что успѣло проникнуть въ публику,—слухъ о крайнемъ изумленіи свидѣтелей разговора, двухъ членовъ парламента и королевы. Продолжительное дурное настроеніе короля еще до этихъ рѣчей также было замѣчено. Не знали сущности дѣла и подробностей. Но при дворѣ и въ городѣ лица, наиболѣе освѣдомленныя знали вообще о насиліи, о раздраженіи и недовольствѣ короля. Необычная сухость указа подтвердила эти свѣдѣнія, и уже больше никто не сомнѣвался, что король издалъ подобный указъ въ порывѣ досады.

Такова была участь Дюмена. Онъ достигалъ всего, чего хотѣлъ,

но награждаемый проклятіями общества. Та же судьба не пощадила его и по поводу завѣщанія, и этотъ фактъ въ высшей степени удручалъ его. Негодовали и на госпожу Ментенонъ, и она вмѣстѣ съ Дюменомъ удвоила свою бдительность, чтобы не достигъ до короля ни малѣйшій ропотъ. Они больше чѣмъ когда либо старались забавлять его, внушали ему, сколько похвалъ, радостей и восторга вызвалъ онъ въ обществѣ столь благороднымъ и великимъ актомъ, столь мудрымъ, столь необходимымъ для поддержанія порядка и общественнаго спокойствія: этотъ актъ и послѣ его смерти продлитъ его славное царствованіе.

Но безпокойство общества было вполнѣ естественно, и герцога Дюмена постигло полное разочарованіе. Онъ разсчитывалъ устроить свои дѣла, сдѣлавши герцога Орлеанскаго подозрительнымъ и ненавистнымъ. Онъ достигъ своей цѣли, но не вполнѣ. Онъ самъ и его агенты слишкомъ увлеклись! Ему пришлось испытать въ высшей степени мучительное изумленіе, когда вмѣсто ожидаемыхъ привѣтствій, послѣ завѣщанія, его встрѣтили совершенно иначе.

Для всѣхъ было вполнѣ ясно, что завѣщаніе могло быть направлено только противъ герцога Орлеанскаго, иначе не представлялось никакой нужды въ завѣщаніи. Оставалось только предоставить событія ихъ естественному развитію. Общественное мнѣніе, съ большимъ искусствомъ направленное противъ герцога, нисколько не измѣнилось; но какъ бы дурно ни думали о герцогѣ, всякому было ясно, что по смерти короля необходимъ регентъ, по неоспоримому праву рожденія; что завѣщаніе могло ослабить это право только учрежденіемъ власти, ему противодѣйствующей, а это значило создать въ государствѣ двѣ партіи и заставить вождей этихъ партій преслѣдовать другъ друга всевозможными способами.

Въ результатѣ каждому гражданину оказывалось необходимымъ пристать къ тому или другому вождю, а этотъ выборъ представлялъ тысячу опасностей, и ни отъ чего не гарантировалъ.

Всѣ частныя лица жестоко горевали о своей судьбѣ, о судьбѣ своего достоянія и всего государства, предоставленнаго на жертву партій. Къ вождю законной партіи питали отвращеніе. Вождь другой партіи, по общему убѣжденію, герцогъ Дюменъ вызывалъ не менѣе суровыя чувства своимъ разнузданнымъ честолюбіемъ, которое заставило его добиваться правъ на корону, и, не смотря ни на какія послѣдствія, вынудило короля создать рядомъ двѣ, враждебныхъ другъ, другу власти. Сравнивали священныя права одного и отсутствіе правъ у другого. Сравнивали личности обоихъ принцовъ: обѣ находили отвратительными, но воинская доблесть, опала, наслѣдственное право, все это давало перевѣсъ герцогу орлеанскому надъ Дюменомъ. Всѣ эти соображенія вызвали жалобы, тайные разговоры, ропотъ, и, несмотря на всеобщій страхъ, общественное недовольство сказывалось все больше и больше.

Простой здравый смыслъ, доступный одинаково и лицамъ выдающимся, и простымъ смертнымъ, составляющимъ большинство общества, трепеталъ опубликованія завѣщанія, вызвавшаго въ странѣ поголовный страхъ. Въ государствѣ не было людей, знаменитыхъ своими дѣлами, способностями, продолжительной и счастливой опытностью,—людей, безусловно выдающихся и достойныхъ первенствовать надъ другими по своимъ заслугамъ и по своей славѣ; въ королевской семьѣ не было возмужалыхъ принцевъ крови; несправедливая, но вполнѣ укоренившаяся дурная репутація того, кто имѣлъ право на управленіе государствомъ,—

все это заставляло желать, чтобы король опредѣлилъ порядокъ правленія послѣ своей смерти, и чтобы онъ сдѣлалъ это публично.

Общественное мнѣніе желало, чтобы король при жизни назначилъ правительство, какое ему угодно было оставить послѣ своей смерти; чтобы онъ теперь же допустилъ это правительство участвовать въ государственныхъ дѣлахъ; чтобы онъ, сохраняя ненарушимо свою власть, опредѣлилъ публично предѣлы и сущность власти, какая должна наслѣдовать ему; чтобы онъ назначилъ будущаго регента и членовъ будущей администраціи; чтобы онъ вполнѣ образовалъ этихъ членовъ и приспособилъ ихъ къ согласному управленію государствомъ. Общественное мнѣніе находило, что надо воспользоваться временемъ, хорошенько испытать будущихъ правителей, если потребуется исправить и перемѣнить, пріучить ихъ къ работѣ, сообщить имъ необходимыя свѣдѣнія, такъ чтобы подданные могли ихъ видѣть при исполненіи обязанностей и привыкнуть уважать ихъ. Однимъ словомъ, король долженъ былъ сдѣлать все лично, такъ чтобы не произошло никакой перемѣны съ его смертью, и чтобы теченіе дѣлъ не прерывалось даже въ мельчайшихъ подробностяхъ, и все шло согласно данному направленію.

Но все, чего желало общество и мудрѣйшіе люди въ государствѣ, именно государственное благо, все это не входило въ расчеты гецога Дюмена. Онъ слишкомъ боялся общественной огласки, во всемъ, что касалось вопроса о регентѣ. Пришлось бы сопоставить законъ и слѣпое и насильственное пристрастіе, наслѣдственную кровь королей, внукомъ и племянникомъ которыхъ былъ герцогъ Орлеанскій,—и жалкое ничтожество незаконнаго ребенка,—происхожденіе котораго настолько преступно, что до герцога Дюмена оно было даже неизвѣстно въ человѣческомъ обществѣ. Наконецъ пришлось бы сравнить военную доблесть и опальное положеніе принца крови съ чудовищнымъ количествомъ должностей, военныхъ командъ, и неслыханныхъ почестей, и весь этотъ блескъ служилъ пьедесталомъ,—дѣтищу прелюбодѣяній, попиравшему весь государственный строй. Герцогъ Дюменъ боялся этихъ сравненій, боялся также раскаянія короля, слишкомъ открыто обнаружившаго свое негодованіе и свои жалобы, боялся общественнаго негодованія на свои многочисленныя должности, наконецъ, и онъ, и король, можетъ быть еще больше боялись жалобъ всѣхъ обойденныхъ. Герцогъ могъ ожидать, что они станутъ его врагами и соединятся съ герцогомъ Орлеанскимъ, а король просто не желалъ видѣть недовольныхъ и огорченныхъ лицъ. Такимъ образомъ нельзя было разсчитывать, чтобы тайна разоблачилась: ужъ слишкомъ были заинтересованы въ ней ея виновники.

Засѣданіе парламента.

Герцогъ Дюменъ явился въ парламентъ радостный и торжествующій,—выраженія странныя, но иначе нельзя изобразить его настроеніе духа. Его лицо сіяло полнымъ довольствомъ, отвагой и увѣренностью. Онъ почтительно кланялся направо и налѣво и зорко вглядывался въ лицо всякаго, кого онъ привѣтствовалъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по залѣ, онъ съ торжествующимъ видомъ привѣтствовалъ президентовъ, и первый президентъ отвѣчалъ ему откровеннымъ сочувствіемъ и привѣтствіемъ. Пэровъ герцогъ привѣтствовалъ почтительными и глубокими поклонами на всѣ три стороны. Голова герцога оставалась въ наклонномъ положеніи даже послѣ поклоновъ: до такой сте-

пени тяготѣли на ней преступленія даже въ тотъ моментъ, когда торжество, казалось, не подлежало сомнѣнію. Я внимательно слѣдилъ за герцогомъ и замѣтилъ, что на его поклоны всѣ отвѣчали крайне сдержанно и холодно. Братъ герцога хранилъ по обыкновенію полное равнодушіе. Первый президентъ сказалъ шепотомъ нѣсколько словъ герцогу Орлеанскому, потомъ громко послалъ нѣсколько членовъ парламента за завѣщаніемъ короля. Собраніе ждало въ глубокомъ молчаніи. Двери въ залу формально считались закрытыми, но главная зала вся была переполнена любопытными изъ всѣхъ сословій и многочисленной свитой тѣхъ, кто участвовалъ въ засѣданіи. Гвардейскій полкъ былъ разставленъ по всѣмъ корридорамъ, офицеры съ отборными солдатами находились въ самой залѣ. Всѣ это было сдѣлано въ интересахъ герцога Орлеанскаго. Но все прошло вполнѣ спокойно, безъ малѣйшаго нарушенія тишины. Члены, посланные за завѣщаніемъ, не заставили себя долго ждать. Они вручили завѣщаніе и послѣднюю волю короля первому президенту. Тотъ не распечатывая передалъ документы герцогу Орлеанскому, потомъ дальше, пока наконецъ документы не были вручены парламентскому совѣтнику, отцу главнаго церемоніймейстера. Президентъ предложилъ ему прочитать документы громкимъ голосомъ, такъ чтобы всѣ могли слышать съ возвышеннаго мѣста, находившагося за президентскими креслами. Легко представить, съ какимъ вниманіемъ было выслушено чтеніе. Герцогъ Дюменъ, несмотря на все свое радостное настроеніе, переживалъ, казалось, тяжелыя минуты,—онъ будто готовился выдержать опасную операцію. Герцогъ Орлеанскій слушалъ внимательно и спокойно.

Я не стану останавливаться на этихъ двухъ документахъ. Въ нихъ идетъ рѣчь исключительно только о величіи и могуществѣ незаконныхъ дѣтей, о госпожѣ Ментенонъ, о Сенъ-Сирѣ, о воспитателяхъ короля, о совѣтѣ регентства и все это въ ущербъ герцогу Орлеанскому, съ цѣлью лишить его всякой власти и подчинить его безусловно герцогу Дюмену.

Я замѣтилъ, какъ суровое негодованіе овладѣвало всѣми по мѣрѣ того, какъ продолжалось чтеніе, и превратилось, наконецъ, въ глухое раздраженіе, когда другой членъ парламента сталъ читать послѣднюю волю короля. Герцогъ дю-Менъ почувствовалъ это и поблѣднѣлъ. Когда окончилось чтеніе, герцогъ Орлеанскій попросилъ слова, обвелъ глазами всю залу, снялъ шляпу и тотчасъ снова надѣлъ ее и сказалъ краткое похвальное слово памяти покойнаго короля; потомъ герцогъ возвысилъ голосъ и объявилъ, что онъ вполнѣ одобряетъ всѣ распоряженія касательно воспитанія короля и избранныхъ для этого лицъ, одобряетъ также и распоряженія относительно Сенъ-Сира, этого прекраснаго и полезнаго учрежденія, но что касается пунктовъ завѣщанія и послѣдней воли короля, относительно управленія государства, у него на этотъ счетъ другое мнѣніе. Онъ съ трудомъ можетъ примирить эти пункты съ тѣмъ, что король говорилъ ему въ послѣдніе дни своей жизни, съ увѣреніями, которыя онъ давалъ ему публично,—всего этого нѣтъ въ завѣщаніи, и оно по этому не можетъ удовлетворить герцога. Король всегда самъ посылалъ къ нему министровъ за приказаніями и распоряженіями, касательно государственныхъ дѣлъ. Послѣ этого, очевидно, король не понималъ значенія того, что его заставили сдѣлать (герцогъ при этомъ взглянулъ на Дюмена), такъ какъ совѣтъ регентства составленъ съ тѣмъ расчетомъ, чтобы совершенно лишить власти его—герцога. Это распоряженіе нарушаетъ его прирожденныя права,

оскорбляетъ его преданность особѣ короля, его любовь и вѣрность государству, и совершенно несовмѣстимо съ его личной честью. Его уваженіе къ парламенту слишкомъ велико, и онъ не сомнѣвается, что его регентство будетъ объявлено въ такой формѣ, въ какой и надлежитъ ему быть, т. е. безраздѣльнымъ и независимымъ. Выборъ членовъ въ совѣтъ регентства съ совѣщательнымъ правомъ голоса будетъ предоставленъ ему, потому что онъ можетъ разсуждать о дѣлахъ съ лицами, заслуживающими одинаковаго и общественнаго одобренія и его личнаго довѣрія. Краткая рѣчь герцога произвела сильное впечатлѣніе.

Герцгъ Дюменъ также пожелалъ говорить; но лишь только онъ снялъ шляпу, герцогъ Орлеанскій сказалъ ему сухимъ тономъ: «Вы поговорите въ свое время, милостивый государь». Немедленно вопросъ былъ рѣшенъ, согласно желаніямъ герцога Орлеанскаго. Власть совѣта регентства и его составъ были отмѣнены; выборъ членовъ совѣта былъ предоставленъ герцогу Орлеанскому. Онъ назначенъ регентомъ со всѣми правами регенства. Государственныя дѣла должны были рѣшаться въ совѣтѣ большинствомъ голосовъ; въ случаѣ раздѣленія голосовъ по ровну, регентъ имѣлъ два голоса. Такимъ образомъ всѣ милости и кары были предоставлены единолично герцогу Орлеанскому. Единодушіе парламента оказалось такимъ стремительнымъ, что герцогъ Дюменъ не осмѣлился произнести ни слова. Онъ собирался защищать послѣднюю волю короля, хотя она была уже уничтожена только что состоявшимся рѣшеніемъ парламента.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, герцогъ Орлеанскій опять попросилъ слова; онъ снова выразилъ изумленіе, что завѣщаніе оказалось недостаточнымъ для тѣхъ, кто его внушилъ, и что, недовольствуясь неограниченной властью надъ государствомъ, они измыслили еще нѣсколько удивительныхъ распоряженій, чтобы обезпечить себѣ власть надъ личностью короля, надъ нимъ самимъ, надъ дворомъ и Парижемъ.

Если честь его—герцога Орлеанскаго была оскорблена завѣщаніемъ до такой степени, что это понялъ самъ парламентъ, то еще больше нарушаются послѣдней волей короля всѣ законы и порядки, такъ какъ эта воля подвергаетъ опасности его свободу и даже его жизнь и ставитъ личность короля въ полную зависимость отъ того, кто осмѣлится воспользоваться слабостью короля и вынудить у него подобное распоряженіе. Герцогъ находилъ, что регентство при такихъ условіяхъ невозможно, и что мудрость парламента несомнѣнно уничтожитъ послѣднюю волю короля, иначе Франція неминуемо подвергнется величайшимъ бѣдствіямъ. Все время, пока говорилъ принцъ, въ залѣ царило глубокое и мрачное молчаніе, и было ясно, что парламентъ на сторонѣ герцога.

Герцогъ Дюменъ, мѣняясь въ лицѣ, попросилъ слова, и на этотъ разъ оно было ему предоставлено. Онъ заявилъ, что воспитаніе короля и слѣдовательно опека надъ его особой ввѣрены ему, и это вполнѣ естественно, такъ какъ онъ—герцогъ завѣдуетъ во дворцѣ гражданской и военной частью; иначе онъ не могъ бы отвѣчать за благоденствіе короля. При этомъ герцогъ началъ восхвалять свою преданность, въ которую безусловно вѣрилъ покойный король.

Герцогъ Орлеанскій прервалъ Дюмена. Дюменъ принялся было восхвалять также преданность маршала Вильруа, своего помощника по воспитанію короля. Герцогъ Орлеанскій снова прервалъ его, заявляя до какой степени странно, что ему—герцогу—оказано полное и безраздѣльное довѣріе, и что онъ можетъ жить при королѣ, только подъ

властью и покровительствомъ лицъ, ставшихъ неограниченными повелителями надъ дворцомъ, и надъ Парижемъ, при помощи военной силы.

Споръ все больше разгорался. Начался быстрый обмѣнъ фразами, выраженія становились неприличными. Въ это время, по совѣту герцога Делафорса я сдѣлалъ знакъ рукой герцогу Орлеанскому, чтобы онъ вышелъ докончить споръ въ другую комнату, гдѣ никого не было. Я видѣлъ, что Дюменъ пріобрѣлъ твердую позицію, начиналъ что-то бормотать о раздѣлѣ съ герцогомъ Орлеанскимъ, и положеніе послѣдняго выходило далеко не блестящимъ: онъ снисходилъ до того, что свое же дѣло защищалъ предъ герцогомъ Дюменомъ. Было что-то унизительное въ этой защитѣ. Онъ готовъ былъ всѣми силами нападать и отвѣчать и совершенно не замѣтилъ моихъ знаковъ. Нѣсколько минутъ спустя, я повторилъ попытку, но также безуспѣшно. Наконецъ я всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ герцогу и сказалъ ему: «Герцогъ, если бы вы прошли въ другую комнату съ господиномъ Дюменомъ, вамъ было бы тамъ удобнѣе говорить». Потомъ я еще ближе подошелъ къ нему и пояснилъ слова свои жестомъ и взглядомъ. Онъ отвѣтилъ мнѣ кивкомъ головы, и едва я успѣлъ сѣсть, оба герцога вышли изъ залы. Я не могъ видѣть, кто пошелъ вслѣдъ за ними, такъ какъ все собраніе встало въ эту минуту и снова опустилось, храня глубокое молчаніе. Нѣсколько времени спустя вышелъ герцогъ Делафорсъ, но вскорѣ онъ вернулся и сказалъ мнѣ на ухо слѣдующее: «Ради Бога подите туда, дѣло принимаетъ дурной оборотъ: герцогъ Орлеанскій начинаетъ уступать, прервите споръ, пусть герцогъ Орлеанскій вернется сюда и скажетъ, что слишкомъ поздно теперь рѣшать вопросъ, что парламенту нужно пообѣдать и послѣ обѣда снова собраться, а въ этотъ промежутокъ времени, прибавилъ герцогъ, слѣдуетъ переговорить съ пэрами, въ которыхъ еще можно сомнѣваться и съ главными членами парламента».

Планъ этотъ мнѣ показался хорошимъ и весьма дѣльнымъ. Я вышелъ изъ залы и отправился туда, гдѣ находились герцогъ Орлеанскій и герцогъ Дюменъ. Оба они спорили въ полголоса, но въ высшей степени горячо. Я нѣсколько минутъ смотрѣлъ на это зрѣлище, потомъ приблизился къ нимъ, съ видомъ человѣка, желающаго говорить. «Что вамъ, милостивый государь?» спросилъ у меня герцогъ неторопливымъ тономъ. «Я имѣю сказать вамъ одно слово, и очень важное»,—отвѣчалъ я. Герцогъ продолжалъ разговаривать съ Дюменомъ въ моемъ присутствіи. Я снова повторилъ свою просьбу. Герцогъ подставилъ мнѣ свое ухо. «Нѣтъ», сказалъ я, «не то, подите сюда», и я увлекъ его за руку въ сторону отъ его собесѣдника.

Я сказалъ ему на ухо, что онъ не долженъ надѣяться выторговать что-нибудь у Дюмена, что тотъ ни коимъ образомъ не поступится послѣдней волей короля, что этотъ продолжительный споръ становится неприличнымъ, безполезнымъ и опаснымъ, и что онъ—герцогъ—является только зрѣлищемъ для всѣхъ, кто находится въ залѣ, и лучше всего вернуться въ парламентъ и прервать засѣданіе. «Вы правы», сказалъ герцогъ: — я именно такъ и поступлю. «Но сдѣлайте это сейчасъ же, возразилъ я» и не тратьте по пусту времени. Это совѣтъ Делафорса, и я посланъ имъ. Герцогъ отошелъ отъ меня, не сказавъ ни слова, направился къ Дюмену и объяснилъ ему въ двухъ словахъ, что уже слишкомъ поздно, и что они кончатъ послѣ обѣда.

Я остался на своемъ мѣстѣ и увидѣлъ, какъ герцогъ Бурбонскій подошелъ къ герцогу Орлеанскому и началъ говорить съ нимъ. Въ

ту же минуту я узналъ, что герцогъ только что просилъ у герцога Орлеанскаго мѣсто въ совѣтѣ регенства, въ качествѣ президента, и герцогъ обѣщалъ ему. Герцогъ Орлеанскій сообщилъ мнѣ, что онъ немедленно заявитъ объ этомъ парламенту. Я поздравилъ будущаго президента, и мы всѣ вмѣстѣ вошли въ залу засѣданія. Когда шумъ, вызванный нашимъ приходомъ, утихъ, герцогъ Орлеанскій сказалъ: теперь слишкомъ поздно, онъ не будетъ злоупотреблять терпѣніемъ собранія, время обѣдать, и послѣ обѣда засѣданіе возобновится. Сказавъ это, онъ прибавилъ, что, по его мнѣнію, герцогъ Бурбонскій долженъ войти въ совѣтъ регенства въ качествѣ президента, а такъ какъ парламентъ вполнѣ справедливо отнесся къ его законнымъ правамъ на регенство, онъ представитъ собранію свои соображенія на счетъ дальнѣйшаго упорядоченія правительственной власти, а пока онъ воспользуется своею властью регента, призоветъ на помощь мудрость парламента и съ этой минуты даруетъ ему старинное право представлять свои возраженія на законы и распоряженія правительства. Эти слова вызвали громкіе и всеобщіе аплодисменты, и засѣданіе было закрыто.

Меня въ этотъ день приглашалъ обѣдать кардиналъ Нуаль, но я понималъ, до какой степени дорога каждая минута, и я долженъ былъ воспользоваться краткимъ промежуткомъ до послѣобѣденнаго засѣданія парламента и не покидать герцога Орлеанскаго. Я подошелъ къ нему передъ выходомъ изъ залы и сказалъ на ухо: «время дорого, я слѣдую за вами въ Палерояль», и потомъ отправился на свое мѣсто, чтобы выйти вмѣстѣ съ перами. Садясь въ карету я отправилъ одного дворянина съ извиненіемъ къ кардиналу Нуалю, обѣщая ему пот ясниить причину своего отсутствія. Я поѣхалъ въ Палерояль, куда собралась громадная толпа любопытныхъ. Всѣ мои знакомые стремительно бросились разспрашивать меня, что произошло въ парламентѣ. Я удовольствовался отвѣтомъ, что все идетъ благополучно, и какъ слѣдуетъ, но что не все еще кончено.

Герцогъ Орлеанскій прошелъ въ кабинетъ, гдѣ его ожидалъ Канильякъ. Мы немедленно принялись за дѣло, и герцогъ послалъ за генеральнымъ прокуроромъ Дагессо, потомъ за канцлеромъ и за первымъ генеральнымъ адвокатомъ Жоли-де-Флёри, наконецъ за генеральнымъ прокуроромъ парламента. Было около двухъ часовъ. Накрыли маленькій столикъ на четыре прибора. Канильякъ, Конфлянъ, первый камергеръ герцога Орлеанскаго и я, сѣли вмѣстѣ съ герцогомъ обѣдать. Замѣчу мимоходомъ, что послѣ этого я всего одинъ разъ обѣдалъ съ герцогомъ у гэрцогини Орлеанской въ Баньолѣ.

Маршалъ Вильруа оставался въ Версали. Онъ поручилъ одному изъ своихъ друзей отправиться въ засѣданіе парламента и почаще сообщать ему извѣстія. Онъ принялъ трехъ курьеровъ, одного за другимъ, и ихъ сообщенія до такой степени преисполнили радостью и надеждой его и герцогиню Вентадуръ, его старинную вѣрную подругу, что они больше не сомнѣвались въ утвержденіи послѣдней воли короля и въ выполненіи завѣщанія. Они не могли сдержать себя и разгласили въ Версали полную побѣду герцога Дюмена надъ герцогомъ Орлеанскимъ. Парижъ также былъ введенъ въ заблужденіе спеціальными агентами, которыхъ во всѣ стороны разсылалъ герцогъ Дюменъ. Но торжество его было непродолжительно.

Мы вернулись въ парламентъ, еще не было четырехъ часовъ. Я пріѣхалъ одинъ въ своей каретѣ за минуту до герцога Орленскаго и

засталъ собраніе въ полномъ составѣ. На меня, повидимому, смотрѣли съ большимъ любопытствомъ. Я не зналъ, было ли кому извѣстно, откуда я пріѣхалъ. Я тщательно старался не подать виду и только мимоходомъ сказалъ герцогу Делафорсу, что его совѣтъ оказался спасительнымъ, можно разчитывать на полный успѣхъ, и я передалъ герцогу Орлеанскому, что совѣтъ этотъ исходилъ отъ него — Делафорса. Наконецъ, явился герцогъ, и когда шумъ, произведенный его появленіемъ, утихъ, герцогъ заявилъ, что слѣдуетъ начать обсужденіе вопроса съ того пункта, на которомъ оно было прервано утромъ; потомъ герцогъ заявилъ парламенту, что онъ ни въ чемъ не пришелъ въ соглашеніе съ герцогомъ Дюменомъ, и обращаетъ вниманіе парламента на чудовищныя распоряженія, составляющія послѣднюю волю короля, и насильно исторгнутыя у умиравшаго монарха, — распоряженія еще болѣе странныя, чѣмъ постановленія завѣщанія, которыя парламентъ призналъ невыполнимыми. Парламентъ не можетъ также допустить, чтобы герцогъ Дюменъ былъ господиномъ надъ особой короля, надъ дворомъ, надъ Парижемъ и, слѣдовательно, надъ государствомъ, чтобы онъ располагалъ личностью, свободой, жизнью регента, котораго онъ можетъ арестовать, когда угодно, если сдѣлается неограниченнымъ распорядителемъ гражданскаго, военнаго и дворцоваго управленія. Парламентъ несомнѣнно понимаетъ, какія послѣдствія можетъ вызвать это неслыханное новшество, облекающее герцога Дюмена неограниченною властью, и онъ,—герцогъ Орлеанскій предоставляетъ благоразумію, мудрости парламента, его справедливости и любви къ отечеству высказать свой взглядъ.

Герцогъ Дюменъ оказался столь же презрѣннымъ въ открытой борьбѣ, насколько онъ былъ ужасенъ въ закулисныхъ интригахъ. Онъ имѣлъ видъ человѣка осужденнаго. Всегда румяный цвѣтъ лица смѣнился смертною блѣдностью. Отвѣчалъ онъ голосомъ очень тихимъ и едва внятнымъ, и тонъ его, утромъ такой отважный, теперь былъ почтительнымъ и униженнымъ.

Парламентъ приступилъ къ голосованію, не слушая Дюмена, и послѣдняя воля короля была отмѣнена единогласно. Результатъ этотъ былъ извѣстенъ заранѣе такъ же, какъ и относительно завѣщанія: слишкомъ очевидно было всеобщее негодованіе. Только нѣкоторые члены произнесли по нѣскольку словъ, и всѣ заключенія ихъ неизмѣнно были благопріятны герцогу Орлеанскому.

Послѣ ихъ рѣчей герцогъ Дюменъ, видя себя совершенно обездоленнымъ, прибѣгъ къ послѣднему средству. Онъ заговорилъ съ энергіей, какой трудно было ожидать отъ него въ его положеніи, хотя все-таки довольно сдержанно, и потребовалъ: разъ его лишили власти, дарованной ему послѣдней волей короля, то пусть освободятъ его и отъ надзора за королемъ, отъ отвѣтственности за его личностью и оставятъ за нимъ только высшій надзоръ за его воспитаніемъ. Герцогъ Орлеанскій отвѣчалъ: «Съ удовольствіемъ, больше ничего и не требуется». Вслѣдъ за этимъ первый президентъ, удрученный не меньше герцога Дюмена, началъ собирать голоса.

Приговоръ былъ произнесенъ. Герцогъ Дюменъ былъ лишенъ всякой власти и вполнѣ подчиненъ регенту, который получалъ право назначать въ совѣтъ регентства кого угодно, а также и исключать изъ совѣта, вообще совершенно свободно, по своему усмотрѣнію организовать правительство. Завѣдываніе дѣлами, разумѣется, принадлежало совѣту регентства, вопросы должны были рѣшаться большинствомъ го-

лосовъ, и голосъ регента считался за два голоса, только въ случаѣ ровнаго дѣленія голосовъ. Герцогъ Бурбонскій былъ объявленъ президентомъ совѣта съ правомъ голоса.

Во время подачи голосовъ, произнесенія приговора и до конца засѣданія герцогъ Дюменъ сидѣлъ безъ движенія, съ опущенными глазами, имѣя скорѣе видъ мертвеца, чѣмъ живого человѣка. Его сынъ и братъ оставались совершенно безучастными ко всему происходившему.

Приговоръ парламента былъ встрѣченъ громкими криками толпы, окружавшей дворецъ. Когда шумъ утихъ, регентъ поблагодарилъ собраніе кратко, вѣжливо и величественно, заявилъ, что дарованной ему властью онъ будетъ пользоваться во благо государства, и что время наконецъ парламенту узнать о тѣхъ мѣрахъ, какія онъ, герцогъ, призналъ необходимыми для государственнаго благоустройства. На эти мѣры онъ возлагаетъ тѣмъ больше надеждъ, что онѣ исходятъ отъ герцога Бургундскаго: еще герцогъ придумалъ эти преобразованія, и они были найдены въ его бумагахъ. Герцогъ Орлеанскій восторженно отозвался о просвѣщенныхъ планахъ покойнаго принца и объявилъ, что, кромѣ совѣта регентства, высшаго правительственнаго органа, онъ намѣренъ еще утвердить нѣсколько совѣтовъ для иностранныхъ дѣлъ, для военныхъ, для морского вѣдомства, для финансовъ, для церковныхъ дѣлъ и вообще для внутренняго управленія, и въ послѣдніе два совѣта назначить членовъ парламента съ цѣлью воспользоваться ихъ свѣдѣніями въ вопросахъ администраціи, суда и вольностей галликанской церкви.

Собраніе и толпа отвѣтили на рѣчь герцога взрывомъ апплодисментовъ. Первый президентъ заключилъ засѣданіе весьма краткимъ привѣтствіемъ регенту, потомъ всталъ съ своего мѣста, за нимъ поднялось все собраніе и покинуло залу.

Я долженъ замѣтить, что проекты, найденные, по словамъ регента, въ бумагахъ герцога Бургундскаго, были не что иное, какъ проекты, составленные мной и герцогомъ Дёшёврезъ и одобренные герцогомъ Бургундскимъ. Трудно выразить, какое впечатлѣніе произвело августѣйшее имя этого принца и до какой степени глубокое, искреннее и благоговѣйное сожалѣніе вызываетъ его личность до сихъ поръ *).

Герцогъ Орлеанскій изъ парламента прямо отправился въ Версаль, такъ какъ было уже очень поздно, и онъ хотѣлъ видѣть короля раньше чѣмъ тотъ легъ спать, и отдать ему отчетъ о происшедшемъ. Оба старые фавориты встрѣтили его принужденными поздравленіями. Онъ отправился потомъ къ своей матери. Она, въ порывѣ восторга, встрѣтила его объятіями и послѣ первыхъ привѣтствій заявила ему, что она никогда ничего не желала, кромѣ благоденствія государства, честнаго и мудраго правительства и славы своего сына, и она проситъ у него только одного, но подъ честнымъ словомъ, потому что вопросъ идетъ объ его пользѣ и личной чести, именно: онъ никогда и ни въ чемъ не долженъ пользоваться услугами аббата Дюбуа,—

*) Сенъ-Симонъ говоритъ здѣсь о герцогѣ Бургундскомъ исключительно съ своей точки зрѣнія—герцога и пера. Покойный принцъ вовсе не отличался широкими политическими взглядами и вообще просвѣщеннымъ образомъ мыслей. Онъ предполагалъ реформировать государство возстановленіемъ политическихъ и административныхъ правъ высшаго дворянства, возстановленіемъ генеральныхъ штатовъ съ преобладающимъ значеніемъ знати. Что же касается общихъ культурныхъ принциповъ герцога Бургундскаго, они вполнѣ ярко характеризуются его сочувствіемъ отмѣнѣ Нантскаго эдикта: принцъ даже драгонады находилъ слишкомъ умѣренною мѣрой во славу католической церкви.

этого величайшаго мошенника и извѣстнѣйшаго въ мірѣ плута, на что, по словамъ матери герцога, имѣлось безчисленное множество доказательствъ: человѣкъ этотъ готовъ рѣшительно на все, и онъ продастъ регента и государство за самую ничтожную личную выгоду. Принцесса долго распространялась на этотъ счетъ и до такой степени настойчиво, что, наконецъ, сынъ далъ ей честное слово никогда не пользоваться услугами аббата.

Я пріѣхалъ въ Версаль часомъ позже и видѣлся съ герцогиней Орлеанской, которая казалась очень довольной. Я уклонился отъ продолжительной бесѣды съ ней, ссылаясь на то, что мнѣ пора на покой, и я поступилъ вполнѣ основательно. На слѣдующій день я узналъ, что герцогиня требовала и получила положительное обѣщаніе своего сына— совершенно удалить отъ дѣлъ аббата Дюбуа. Слишкомъ скоро пришлось убѣдиться, что слова герцога Орлеанскаго были только словами, т. е. простыми звуками, взволновавшими воздухъ.

Герцогъ Орлеанскій и кардиналъ Дюбуа.

Намъ слѣдуетъ основательно познакомиться съ личностью, которая послѣ Людовика XIV заняла первое мѣсто въ государствѣ, если только мы сможемъ это сдѣлать. Говорю, если только сможемъ, потому что во всю свою жизнь я не зналъ человѣка, до такой степени исполненнаго противорѣчій, какъ герцогъ Орлеанскій. Я былъ очень близокъ съ нимъ въ теченіе многихъ лѣтъ; онъ совершенно не таился отъ меня, а въ послѣдніе годы царствованія Людовика я былъ единственнымъ человѣкомъ, съ которымъ онъ желалъ видѣться, и только со мной онъ пускался въ откровенности и былъ вполнѣ искреннимъ—и по необходимости, и по чувству довѣрія ко мнѣ. И все-таки я долженъ сказать, что я его вполнѣ не зналъ, да онъ и самъ не зналъ себя.

Герцогъ Орлеанскій былъ средняго роста, очень полонъ, но не толстъ. Внѣшность его отличалась пріятностью и благородствомъ; широкое добродушное лицо, съ густымъ румянцемъ; черныя брови и такой же парикъ. Хотя онъ очень дурно танцовалъ и былъ посредственнымъ фехтовальщикомъ, однако всѣ его движенія и манеры были въ высшей степени граціозны. Въ хорошемъ настроеніи духа герцогъ очаровывалъ привѣтливостью, искренностью и доступностью, обладалъ пріятнымъ голосомъ и былъ одаренъ поразительнымъ даромъ слова,— яснымъ и всегда находчивымъ. Краснорѣчіе герцога всегда отличалось естественностью, говорилъ ли онъ о самыхъ обыкновенныхъ и будничныхъ предметахъ, или съ рѣдкимъ искусствомъ и отчетливостью бесѣдовалъ объ отвлеченныхъ вопросахъ, о государственныхъ дѣлахъ, о финансахъ, о юриспруденціи, о войнѣ, или, наконецъ, велъ обычный придворный разговоръ. Онъ искусно умѣлъ пользоваться историческими разсказами и мемуарами и зналъ много знатныхъ фамилій. Онъ могъ сколько угодно разсказывать о разныхъ знаменитостяхъ всѣхъ временъ, припоминать ихъ біографіи, придворныя интриги стараго и новаго времени. Слушая его, можно было подумать, что онъ много читалъ—ничего подобнаго; онъ только слегка перелистывалъ книги, и его изумительная память въ точности запоминала имена и годы. Только пробѣгая книгу, онъ до такой степени воспринималъ ея содержаніе, что можно было предположить, будто онъ прочиталъ ее вполнѣ основательно. Онъ всегда умѣлъ поговорить живо, умно, сыпалъ остротами и ловкими возраженіями; онъ, а также и другіе часто укоряли меня,

что я обращался съ нимъ слишкомъ сдержанно; въ дѣйствительности я часто хвалилъ его, и похвалы этой могли бы удостоиться очень не многіе, ему же она принадлежала безусловно по праву. Я говорилъ, что герцогъ одаренъ громаднымъ и разностороннимъ умомъ и такой рѣдкой проницательностью и такимъ мѣткимъ взглядомъ, что онъ никогда не могъ ошибиться ни въ одномъ вопросѣ, если бы всегда слѣдовалъ первому впечатлѣнію. Иногда эту похвалу принимали за упрекъ, и дѣйствительно такъ бывало, но, тѣмъ не менѣе, герцогъ заслуживалъ похвалы. Обладая столькими достоинствами, герцогъ не страдалъ ни малѣйшей притязательностью, отнюдь не величался ни своимъ умомъ, ни познаніями, бесѣдовалъ со всѣми, какъ равный съ равными, и всегда приводилъ въ изумленіе умнѣйшихъ собесѣдниковъ. Въ обществѣ онъ держалъ себя непринужденно и скромно, хотя и не забывалъ своего достоинства. Нельзя было также и забыться въ его присутствіи. И все-таки всѣмъ чувствовалось съ нимъ легко и свободно.

Онъ твердо зналъ свое мѣсто среди принцевъ крови, и никто почтительнѣе и благороднѣе его не разговаривалъ и не обращался съ королемъ и его дѣтьми. Отецъ герцога наслѣдовалъ доблесть своихъ предковъ-королей и всецѣло передалъ ее своему сыну. Хотя герцогъ не былъ склоненъ къ злословію и вовсе не былъ злымъ человѣкомъ, однако съ нимъ было опасно говорить на счетъ военной доблести другихъ. Онъ не искалъ случая поговорить на эту тему,—по отношенію къ самому себѣ всегда былъ скроменъ и молчаливъ, и если ему приходилось разсказывать о какомъ-нибудь военномъ дѣлѣ, гдѣ онъ игралъ главную роль, онъ всегда отдавалъ должное другимъ и никогда не говорилъ о самомъ себѣ, но въ то же время онъ не пропускалъ случая уязвить тѣхъ, кого онъ не считалъ бравыми воинами, и дѣлалъ онъ всегда это съ явнымъ презрѣніемъ и отвращеніемъ. Страдалъ онъ также еще одной слабостью—вѣрилъ въ свое безусловное сходство съ Генрихомъ IV, подражалъ его манерамъ, его поговоркамъ, былъ убѣжденъ даже, что походитъ на него ростомъ и лицомъ, и ничѣмъ другимъ нельзя было сильнѣе польстить герцогу и глубже тронуть его сердце, какъ сравнивъ его съ Генрихомъ. До подобной лести я никогда не могъ унизиться. Я слишкомъ хорошо видѣлъ, что герцогъ старался походить на великаго короля не только достоинствами, но и пороками, и пороки Генриха восхищали его не меньше, чѣмъ добродѣтель. Подобно Генриху IV, онъ отъ природы былъ добръ, человѣченъ, сострадателенъ, и этотъ человѣкъ, столь жестоко обвиненный въ самомъ черномъ и безчеловѣчномъ злодѣяніи, *) по самой своей природѣ былъ дальше, чѣмъ кто-либо отъ человѣкоубійства и вообще былъ совершенно лишенъ способностей причинить какое-либо страданіе другому. Можно даже сказать, что его кротость, гуманность, снисходительность были его недостатками, и я могу смѣло утверждать, что высшую добродѣтель—прощать своимъ врагамъ—герцогъ сумѣлъ превратить въ порокъ. Онъ расточалъ свое милосердіе безъ всякаго разбора, и это не разъ создавало ему весьма чувствительныя испытанія.

Я помню слѣдующій случай. Приблизительно за годъ до смерти короля, я пришелъ рано послѣ обѣда къ герцогинѣ Орлеанской въ Марли. Герцогиня лежала въ постели, страдая мигренью. У ея изголовья, въ креслѣ сидѣлъ герцогъ Орлеанскій. Едва я успѣлъ сѣсть,

---

*) Герцога Орлеанскаго враждебная ему придворная партія обвиняла въ отравленіи принцевъ, преграждавшихъ будто бы ему дорогу къ власти.

герцогиня принялась мнѣ разсказывать исторію герцога съ кардиналомъ Роганомъ, исторію недавнюю и выясненную во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Дѣло шло объ интригахъ, направленныхъ противъ герцога Орлеанскаго, и объ отвратительныхъ клеветахъ, пущенныхъ въ ходъ, благодаря госпожѣ Ментенонъ и герцогу Дюмену. Я вознегодовалъ тѣмъ болѣе, что герцогъ Орлеанскій всегда почему-то отличалъ своею благосклонностью обоихъ незаконныхъ принцевъ, на которыхъ, по его мнѣнію, онъ могъ положиться. Герцогиня закончила свой разсказъ слѣдующимъ вопросомъ: «Ну что вы скажете о герцогѣ Орлеанскомъ? все это онъ знаетъ, ни въ чемъ не можетъ сомнѣваться и не сомнѣвается и все таки относится къ этимъ людямъ такъ же хорошо, какъ и раньше». Я взглянулъ на герцога: пока разсказывала герцогиня, онъ всего нѣсколькими словами подтвердилъ точность ея разсказа и продолжалъ небрежно лежать въ креслѣ. Я не вытерпѣлъ. «надо, наконецъ, правду сказать, милостивый государь! — воскликнулъ я. — Со временъ Людовика Добраго на свѣтѣ не было человѣка равнаго вамъ по добротѣ». При этихъ словахъ, герцогъ поднялся съ кресла, красный отъ гнѣва, и началъ укорять меня за то, что я будто бы наговорилъ ему непріятныхъ вещей, а герцогиня явилась первой виновницей. Та засмѣялась, а я обратился къ герцогу съ такой рѣчью: «Смѣлѣй, милостивый государь, будьте милостивы къ вашимъ врагамъ и преслѣдуйте гнѣвомъ своихъ слугъ; я въ восторгѣ, что наконецъ, вижу васъ разгнѣваннымъ; очевидно, я тронулъ больное мѣсто, больные всегда въ такихъ случаяхъ кричатъ; мнѣ бы хотѣлось выдавить весь гной, и тогда вы стали бы совсѣмъ другимъ человѣкомъ и измѣнили бы свой образъ дѣйствій». Онъ еще поворчалъ нѣкоторое время и затѣмъ успокоился. Это одинъ изъ двухъ случаевъ, когда онъ по настоящему разсердился на меня.

Другой случай.

Два или три года спустя послѣ смерти короля, я разговаривалъ съ кѣмъ-то въ углу длинной и большой залы въ Тюльери. Совѣтъ регентства, съ минуты на минуту, долженъ былъ открыть засѣданіе въ этой самой залѣ, гдѣ онъ постоянно собирался. Герцогъ Орлеанскій велъ бесѣду на другомъ концѣ комнаты у окна. Мнѣ передали, что онъ желаетъ говорить со мной. Это бывало часто передъ засѣданіями совѣта. Я отправился къ окну, гдѣ находился герцогъ. Онъ встрѣтилъ меня, сдержанно и даже гнѣвно, что меня очень изумило. «Милостивый государь!—обратился онъ ко мнѣ,—вы меня сильно огорчили, вы, котораго я всю жизнь считалъ лучшимъ изъ своихъ друзей». «Я, милостивый государь?—воскликнулъ я еще болѣе изумленный,—чѣмъ же именно я огорчилъ васъ». Еще болѣе разгнѣванный, онъ отвѣтилъ: «Этого-то факта вы не можете отрицать, вы сочинили на меня стихи!»—Я, стихи? какой чортъ разсказываетъ вамъ подобную глупость? вы знаете меня почти сорокъ лѣтъ; развѣ вамъ неизвѣстно, что я за всю мою жизнь не могъ сочинить не только двухъ, но даже одного?» «Разсказывайте,— возразилъ онъ.—Вы не можете отречься отъ слѣдующихъ выраженій», и вслѣдъ за этимъ онъ пропѣлъ мнѣ куплетъ съ припѣвомъ: «Нашъ регентъ добрякъ, ла, ла, онъ добрякъ», и герцогъ разразился смѣхомъ. «Какъ!—воскликнулъ я также смѣясь,—вы все еще помните объ этомъ, но разъ вы мнѣ мстите за это, вспомните же, по крайней мѣрѣ, и о добромъ нравоученіи». Онъ долго продолжалъ смѣяться и не могъ удержаться отъ смѣха до тѣхъ поръ, пока не собрался совѣтъ. Я не

побоялся разсказать это пустячное происшествіе, такъ какъ оно на мой взглядъ характеризуетъ человѣка.

Герцогъ искренне любилъ свободу и для другихъ и для самого себя. Однажды онъ мнѣ восхвалялъ Англію за то, что тамъ не было ни изгнаній, ни тайныхъ приказовъ объ арестахъ, гдѣ король—хозяинъ только собственнаго дворца, и не имѣетъ права никого держать въ тюрьмѣ. На этотъ разъ онъ съ видимымъ наслажденіемъ разсказалъ мнѣ слѣдующую исторію. «У Карла II-го, кромѣ герцогини Портсмутской, было еще не мало второстепенныхъ возлюбленныхъ. Одинъ настоятель монастыря, молодой и привлекательный, былъ изгнанъ изъ Франціи за какую-то продѣлку, и отправился въ Англію, гдѣ былъ очень хорошо принятъ королемъ. Въ благодарность онъ увлекъ одну изъ его возлюбленныхъ, въ которую король былъ влюбленъ особенно страстно. Онъ началъ упрашивать настоятеля уѣхать изъ Англіи, предлагалъ ему денегъ и обѣщалъ устроить его дѣло во Франціи. Настоятель не внималъ королевскимъ просьбамъ и предложеніямъ,—тогда король запретилъ ему являться во дворецъ. Тотъ только посмѣялся надъ этимъ распоряженіемъ, продолжалъ ежедневно являться въ театръ съ своей красавицей и садился противъ короля. Наконецъ, англійскій король, не зная, какъ ему избавиться отъ своего соперника, попросилъ французскаго короля отозвать его во Францію. Просьба была исполнена, но настоятель и здѣсь остался непоколебимъ: заявилъ, что ему хорошо и въ Англіи, и продолжалъ свою политику. Карлъ, доведенный до крайности, откровенно объяснилъ французскому королю, въ какое положеніе ставитъ его настоятель, и издалъ, наконецъ, такой рѣшительный и быстрый приказъ, что настоятель немедленно былъ переправленъ во Францію». Герцогъ Орлеанскій приходилъ въ восторгъ отъ этой исторіи, и, мнѣ кажется, онъ самъ былъ не прочь розыграть роль настоятеля. Я замѣтилъ ему, что меня также удивляетъ, какъ внуку французскаго короля можетъ нравиться такой наглый образъ дѣйствій. Я, самъ подданный, и, подобно герцогу, не имѣю притязаній на престолъ, но тѣмъ не менѣе поступокъ аббата считаю скандальнымъ и заслуживающимъ примѣрнаго наказанія. Герцогъ не унялся и продолжалъ разсказывать исторію съ тѣмъ же наслажденіемъ. У него не было ни малѣйшаго честолюбиваго желанія царствовать и управлять. Во главѣ правительственной власти его могъ поставить только страхъ за свою личную честь, и необходимость пользоваться правами рожденія. Что касается короны, я могу смѣло утверждать, что онъ никогда не стремился къ ней и если бы даже представился случай овладѣть ею, герцогъ почувствовалъ бы себя въ крайне тягостномъ и затруднительномъ положеніи. «Чего же хотѣлъ онъ—спросятъ у меня?» Командовать войсками, если бы была война, а въ остальное время наслаждаться жизнью не стѣсняя, ни себя, ни другихъ.

Именно къ военному дѣлу онъ былъ въ высшей степени способенъ. Прирожденное спокойное мужество и, слѣдовательно, способность все предвидѣть, ко всему быть готовымъ, громадный умъ и, слѣдовательно, талантъ бороться съ неудачами, создавать проекты и приводить ихъ въ исполненіе съ всевозможной тщательностью, распредѣлять войска и резервы съ наибольшей для себя выгодой, умѣнье съ величайшимъ искусствомъ пользоваться преимуществами того или другого рода оружіемъ. Можно сказать, онъ былъ вождемъ, инженеромъ, военнымъ интендантомъ, зналъ силу войскъ, имена и способности офицеровъ, помнилъ наперечетъ наилучшихъ начальниковъ въ каждомъ корпусѣ,

умѣлъ заставить ихъ обожать себя и въ то же время строго соблюдать дисциплину; умѣлъ, наконецъ, терпя недостатокъ, во всемъ выполнять труднѣйшіе замыслы. Его планы всегда были вѣрны и обдуманны одинаково на войнѣ и въ дѣлахъ государства. Надо было удивляться, съ какой разносторонностью онъ умѣлъ обнять всякій вопросъ, ясно представить себѣ выгоды и невыгоды того и другого рѣшенія, съ какой опредѣленностью онъ могъ все это объяснить,—и при такомъ неограниченномъ разнообразіи и точности свѣдѣній неизмѣнная скромность и полное отсутствіе самомнѣнія.

Кто могъ превзойти этого человѣка въ чемъ бы то ни было, и кто еще могъ бы въ такой степени осчастливить Францію, ставши ея правителемъ? Не забудемъ еще одного существеннаго достоинства. Герцогу Орлеанскому было около 36-ти лѣтъ, когда скончались оба наслѣдника престола, и около 38-ми, когда умеръ герцогъ Берри. Жизнь свою онъ прожилъ частнымъ человѣкомъ, совершенно далекій отъ всякой мысли стать когда-либо во главѣ правленія. На него, какъ придворнаго обрушивались всевозможныя бури и невзгоды, онъ имѣлъ возможность прекрасно узнать людей и проникнуть въ смыслъ почти всѣхъ событій. Однимъ словомъ, герцогъ жилъ съ людьми, какъ частный человѣкъ и пріобрѣлъ свѣдѣнія, при другихъ условіяхъ совершенно недоступныя. Вотъ хорошія черты его личности, несомнѣнно очень хорошія и очень рѣдкія. Къ сожалѣнію, имѣется и другая сторона и ее теперь слѣдуетъ освѣтить, не боясь въ интересахъ болѣе яркаго освѣщенія кое-какихъ повтореній.

Принцъ, столь счастливо одаренный отъ природы, могъ бы составить честь и славу своего воспитателя, но именно въ воспитателяхъ онъ и былъ несчастливъ.

У отца принца былъ гувернёръ, который потомъ сдѣлался герцогомъ и пэромъ, и его потомки, наслѣдовавшіе такое достоинство, сохранили за собой должность перваго каммергера у герцога. Въ свою очередь у герцогини Орлеанской каммерфрейлиной была герцогиня Вантадуръ. Герцогъ, очень тщеславный и гордый такимъ придворнымъ штатомъ, желалъ и для своего сына имѣть титулованныхъ воспитателей. Достигнуть этого было не легко, но герцогъ ничего не искалъ, кромѣ знатности, и, конечно, нашелъ. Первымъ воспитателемъ молодого принца былъ жалованный герцогъ и маршалъ Франціи,—Навайль. Это былъ человѣкъ вполнѣ добродѣтельный, въ высшей степени почтенный и доблестный; когда то онъ игралъ видную роль, но онъ вовсе не былъ созданъ воспитателемъ принца. Вскорѣ онъ умеръ 65-ти лѣтъ, въ февралѣ 1684 года. Ему наслѣдовалъ маршалъ Деcтрадъ, весьма способный, но уже очень преклоннаго возраста, и онъ умеръ два года спустя, 79-ти лѣтъ. За нимъ слѣдовалъ жалованный герцогъ де-ла-Вьевиль, умершій три года спустя. Онъ совершенно не обладалъ воспитательскими способностями; но для герцога его смерть была потерей, такъ какъ онъ не могъ найти больше титулованнаго лица на мѣсто воспитателя къ своему сыну. Мѣсто это занялъ Сенъ-Лоранъ, человѣкъ незнатный и занимавшій при герцогѣ одну изъ второстепенныхъ должностей. Но именно этого человѣка во всей Европѣ слѣдовало выбирать въ воспитатели къ королямъ. Онъ пользовался полнымъ довѣріемъ герцога, и дѣйствительно занимался воспитаніемъ принца, между тѣмъ, какъ знатные господа занимали эту должность только изъ чести. У Сенъ-Лорана было два помощника. Одинъ человѣкъ вполнѣ честный и почтенный, но принцъ не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія,

хотя и уважалъ его. Другой помощникъ въ высшей степени способный, но ему было по крайней мѣрѣ 80 лѣтъ; Сенъ-Лоранъ умеръ раньше, чѣмъ принцъ достигъ зрѣлаго возраста, и это было величайшимъ несчастьемъ. Смерть постигла воспитателя такъ внезапно, что онъ не могъ даже сообщить, на чье попеченіе онъ оставляетъ своего воспитанника. Послѣднимъ воспитателемъ былъ маркизъ Дарси, служившій съ успѣхомъ на дипломатическомъ поприщѣ, человѣкъ знатный и высоко цѣнившій свою знатность. Его смерть, въ іюнѣ 1694 г., была величайшимъ бѣдствіемъ, какое только могло постигнуть его воспитанника. Герцогъ успѣлъ пріобрѣсти неограниченное вліяніе на молодого принца и полное его довѣріе. Принцъ увлекался всей его личностью и питалъ къ нему высокое уваженіе, что значило въ высшей степени много въ дѣлѣ воспитанія.

Принцъ, въ теченіе всей своей жизни, съ сожалѣніемъ вспоминалъ о маркизѣ Дарси и маршалѣ Деcтрадѣ. Послѣ смерти маркиза принцъ непосредственно попалъ въ руки аббата Дюбуа и молодыхъ развратниковъ, и они немедленно завладѣли имъ. Придворные нравы отца, весь тонъ придворной жизни, которымъ такъ увлекаются легкомысленные и неопытные молодые люди и подчиняются ему безусловно, особенно послѣ стѣсненій школьнаго возраста,—все это быстро заглушило добрыя сѣмена, посѣянныя въ сердцѣ принца Сенъ-Лораномъ и маркизомъ Дарси. Онъ увлекся распутной жизнью и дурнымъ обществомъ, потому что хорошее общество, изъ страха передъ королемъ, чуждалось его. Женился онъ поневолѣ, сдѣлавъ неравную партію, что онъ понялъ только гораздо позже,—и совершенно погрузился въ удовольствія съ темными личностями, которыя, чтобы удобнѣе распоряжаться имъ, желали перетянуть его въ Парижъ. Его отецъ, въ это время, былъ недоволенъ королемъ и не скрывалъ своего неудовольствія, за то, что не могъ получить ни обѣщаннаго его сыну губернаторства, ни какой-либо военной команды; такое настроеніе отца поощряло принца, и онъ совсѣмъ перестаіъ стѣсняться въ своихъ словахъ и дѣйствіяхъ. Ко всему этому прибавилось отчасти легкомысліе, отчасти скука придворной жизни, вмѣстѣ съ женой, отчасти тягостныя встрѣчи съ герцогомъ Бургонскимъ и въ особенности съ принцемъ Конти, котораго окружало самое блестящее общество; наконецъ, извѣстную роль играла пагубное намѣреніе посмѣяться надъ королемъ и отомстить ему за то, что онъ не давалъ сму ни губернаторства, ни военной команды. И онъ проводилъ жизнь среди актрисъ и ихъ общества, въ постыдномъ отдаленіи отъ свѣта, являясь ко двору возможно рѣже. Странно, что отецъ позволялъ ему вести такую жизнь въ пику королю. Мать, не прощавшая королю и своей невѣсткѣ ея замужества съ принцемъ, была недовольна образомъ жизни своего сына, но почти никогда не говорила ему объ этомъ, внутренне счастливая горемъ своей невѣстки и досадой короля.

Внезапная смерть герцога измѣнила положеніе дѣлъ. Молодой герцогъ Орлеанскій, не имѣя больше опоры въ лицѣ отца, жилъ нѣкоторое время сравнительно прилично, часто являлся ко двору, ладилъ съ своей женой, но всетаки втайнѣ чуждался ея, пока я ихъ не примирилъ, разлучивъ герцога съ госпожой Даржантонъ. Любовь и праздность привлекали его къ этой возлюбленной, и она отдаляла его отъ двора. У нея онъ встрѣчался съ обществомъ, которое съ ея помощью хотѣло его держать въ рукахъ, и во главѣ всей этой политики стоялъ аббатъ Дюбуа. Достаточно сказаннаго, чтобы понять, какъ могла извратиться столь прекрасная отъ природы личность. Теперь вернемся

къ послѣдствіямъ, какія вызвалъ этотъ продолжительный и тлетворный ядъ, но представить ихъ мы будемъ въ состояніи, только познакомившись съ человѣкомъ, который почти единолично явился виновникомъ отравы.

Аббатъ Дюбуа былъ небольшого роста, худощавый, жилистый, въ свѣтлорусомъ парикѣ, съ плутовскимъ, но умнымъ выраженіемъ лица. Всѣ пороки вели въ этомъ человѣкѣ непрестанную борьбу за первенство. Борьба эта безпрестанно вызывала бурю. Жадность, развратъ, честолюбіе были божествами аббата. Вѣроломство, лесть, раболѣпство,—служили ему средствами. Полнѣйшее нечестіе составляло спокойствіе его совѣсти. Онъ былъ убѣжденъ, что справедливость и честность—призраки, какими любятъ украшать себя люди, а на самомъ дѣлѣ ни у кого ничего подобнаго нѣтъ. На основаніи этого принципа онъ считалъ всѣ средства позволительными. Онъ былъ неистощимъ на низкія интриги, онъ жилъ ими, онъ не могъ обойтись безъ нихъ, но ни на одну минуту не терялъ изъ виду свой конечной цѣли, къ ней направлялъ онъ свои дѣйствія, шелъ терпѣливо до тѣхъ поръ, пока не достигалъ ея, или окончательно не убѣждался, что данная цѣль не достижима, хотя по пути къ ней среди всевозможныхъ извилинъ и темноты онъ могъ напасть на новый лучъ свѣта и измѣнить направленіе. Такъ онъ провелъ всю свою жизнь, будто кротъ. Самая дерзкая ложь стала его природой, и онъ могъ лгать просто, правдиво, искренно, часто до безстыдства. Онъ могъ говорить изящно и легко, мѣшало только одно обстоятельство: бесѣдуя съ кѣмъ-либо, онъ желалъ проникнуть въ чужія мысли и въ то же время опасался сказать лишнее. Это пріучило его искусственно заикаться. Заиканіе сильно ему вредило и становилось прямо невыносимымъ и дѣлало его рѣчь не понятной, когда ему случалось бесѣдовать о важныхъ дѣлахъ. Не будь этого недостатка, благодаря извѣстной естественности, которая сказывалась противъ его воли, его разговоръ можно бы назвать пріятнымъ. Онъ былъ уменъ, достаточно образованъ, зналъ исторію, читалъ, много вращался въ свѣтѣ, желая нравиться и всюду проникать, но все это было заражено чадомъ лжи, который, не смотря на все его искусство, чувствовался въ каждомъ его дыханіи, даже въ его веселости, производившей тяжелое впечатлѣніе. Онъ былъ золъ обдуманно, по природѣ и по расчету, готовъ былъ всегда измѣнить, обнаружить неблагодарность, мастерски задумать и привести въ исполненіе самый черный замыселъ и поразить нахальствомъ тѣхъ, кому удалось бы застать его на мѣстѣ преступленія. Онъ всего хотѣлъ, всему завидовалъ и не прочь былъ завладѣть какой угодно добычей. Позже, когда онъ пересталъ стѣсняться, всѣ увидѣли, до какой степени онъ былъ корыстолюбивъ, развратенъ, непостояненъ, невѣжественъ во всѣхъ дѣлахъ, всегда обуреваемъ страстями, бѣшеный богохульникъ и до какой степени онъ открыто презиралъ своего господина и государство, вообще весь свѣтъ безъ исключенія, стремясь все и всѣхъ принести въ жертву своему неограниченному вліянію, своему могуществу, своему величію, своей жадности, своимъ опасеніямъ, своей мстительности. Таковъ былъ мудрецъ, которому герцогъ довѣрилъ воспитаніе своего единственнаго сына.

Подобный учитель не сталъ тратить понапрасну времени съ воспитанникомъ, еще совершенно юнымъ, въ которомъ не успѣли укорениться прекрасные принципы Сенъ-Лорана. Какое бы уваженіе и какую бы любовь питалъ принцъ въ теченіе всей своей жизни къ этому превос

ходному человѣку! Я долженъ здѣсь съ горечью сознаться, такъ какъ правда должна быть выше всего. Герцогъ Орлеанскій родился легкомысленнымъ,—будемъ называть вещи ихъ именами,—родился слабымъ, и этотъ недостатокъ постоянно вредилъ всѣмъ его талантамъ, и былъ до конца чрезвычайно полезенъ его наставнику. Аббатъ Дюбуа только и помышлялъ о томъ, чтобы воспитать герцога совершенно на свой образецъ. Онъ льстилъ его наклонностямъ, чтобы окончательно окунуть его въ развратъ и заставить герцога такой образъ жизни считать основой хорошаго положенія въ обществѣ. Аббатъ внушалъ ему презрѣніе ко всякимъ обязанностямъ и приличіямъ: будто бы такое отношеніе скорѣе должно было заставить короля щадить герцога, чѣмъ умѣренный образъ дѣйствій. Воспитатель льстилъ также уму принца и убѣждалъ его: онъ слишкомъ уменъ, чтобы исповѣдовать какую-либо религію. Всякая религія, по мнѣнію аббата, не что иное, какъ политическая выдумка и во всѣ времена служила для того, чтобы внушать страхъ умамъ зауряднымъ и держать народы въ повиновеніи. Аббатъ укоренилъ также въ герцогѣ свое любимое убѣжденіе, что честность у мужчинъ и добродѣтель у женщинъ только призраки, въ дѣйствительности ни у кого ничего этого нѣтъ, развѣ только у нѣкоторыхъ глупцовъ, возложившихъ на себя это бремя, между тѣмъ, какъ честность и добродѣтель такія же политическія уловки, какъ и религія. Гораздо болѣе ограниченное меньшинство людей другого сорта, одаренное умомъ и талантами, имѣли слабость подчинить все это предразсудкамъ воспитанія. Такова сущность ученья этого добраго священнослужителя; отсюда вытекала полнѣйшая свобода лукавить, лгать, строить интриги, измѣнять. однимъ словомъ, всевозможныя преступленія и злодѣйства, которыя именовались ловкостью, талантливостью, величіемъ, свободой и глубиной ума, просвѣщеніемъ, умѣніемъ жить, лишь бы только сумѣлъ человѣкъ получше скрыть свои ходы и оградить себя отъ подозрѣній и общепринятыхъ предразсудковъ.

Къ несчастью, всѣ обстоятельства благопріятствовали тому, чтобы сердце герцога Орлеанскаго питало въ себя этотъ смертельный ядъ. Первая свѣжая молодость, цвѣтущая сила и здоровье, юношеская стремительность сбросить съ себя иго ненавистной супружеской жизни, скука, неразлучная съ праздностью, увлеченіе ослѣпительной свѣтской жизнью, столь пагубное въ первой молодости, когда хотятъ подражать этому блеску и даже превзойти его, порывы страстей, примѣры молодыхъ людей, которые хотѣли заставить принца жить ихъ жизнью изъ тщеславія или разсчета: все это пріучило его къ разврату, еще болѣе къ шуму разврата до такой степени, что онъ уже не могъ жить безъ него и находилъ удовольствіе только въ бурныхъ оргіяхъ.

Послѣ смерти отца, герцогъ вернулся ко двору, но скука скоро овладѣла имъ и онъ набросился на химію, и какъ жестоко впослѣдствіи воспользовались враги этимъ увлеченіемъ. Трудно представить, до какой степени принцъ былъ не приспособленъ къ свѣтскому обществу и раньше, чѣмъ адскія козни госпожи Ментенонъ и герцога дю-Мена окончательно отчудили его отъ свѣта. Трудно представить, съ какимъ трудомъ онъ могъ держать себя при дворѣ, въ какомъ тягостномъ и затруднительномъ положеніи являлся онъ въ присутствіи большого общества! Даже у себя, оставшись одинъ, онъ оказывался совершенно безпомощнымъ,—онъ, одаренный столькими талантами, которые, казалось, должны бы служить для него неистощимымъ источникомъ наслажденій. Онъ родился скучающимъ, и до такой степени привыкъ жить внѣшнимъ мі-

ромъ, что для него было невыносимо заключиться въ самого себя и онъ былъ рѣшительно неспособенъ найти себѣ предметъ занятій. Онъ могъ жить только среди непрестанной лихорадочной дѣятельности, напримѣръ: начальствуя войскомъ, составляя планъ похода, или же въ шумѣ и вихрѣ разврата. Онъ начиналъ изнывать, лишь только вокругъ него замолкалъ шумъ, и изнывать до такой степени, что ему становилось тягостно жить. Онъ накинулся на живопись, послѣ того, какъ увлеченіе химіей прошло, или было отравлено жестокими сплетнями; онъ рисовалъ почти все время послѣ обѣда въ Версали и Марли; онъ зналъ толкъ въ картинахъ, любилъ ихъ, собиралъ и составилъ коллекцію, которая количествомъ и качествомъ не уступала королевской галлереѣ: потомъ онъ увлекся мозаикой, составленіемъ крѣпчайшихъ духовъ. Духи онъ любилъ въ теченіе всей своей жизни, хотя я и предостерегалъ его отъ этого пристрастія, такъ какъ король сильно боялся ихъ. Короче сказать, никогда не было человѣка одареннаго столь разнообразными талантами, и столь способнаго пользоваться ими, и въ то же время проведшаго такую праздную, ничтожную и скучную жизнь. Весьма удачно охарактеризовала герцога его мать.

Она страстно любила разсказы о феяхъ, она говорила, что всѣ феи были приглашены на ея роды, и всѣ онѣ явились. Каждая изъ нихъ дала ея сыну по таланту, такъ что онъ получилъ всѣ таланты, но къ несчастью забыли одну старую фею. Она исчезла такъ давно, что о ней уже не помнили, но она, оскорбленная этимъ забвеніемъ, пришла сама, опираясь на свою клюку, и пришла уже послѣ того, какъ всѣ феи одарили ребенка, и, еще больше раздосадованная, фея отомстила за себя и наградила новорожденнаго даромъ сдѣлать совершенно безполезными всѣ таланты, которые онъ получилъ отъ другихъ фей. Онъ сохранялъ при себѣ всѣ эти таланты, но никогда не могъ воспользоваться ими. Говоря вообще, слѣдуетъ признаться, портретъ этотъ вѣренъ.

Однимъ изъ несчастій герцога была невоздержанность во всемъ, и онъ даже не понималъ, что человѣкъ можетъ обладать ею. Другой недостатокъ, о которомъ я уже говорилъ, какая-то безчувственность, дѣлавшая его равнодушнымъ при самыхъ смертельныхъ и опасныхъ оскорбленіяхъ, и такъ какъ жизненный нервъ и первый источникъ ненависти и дружбы, мстительности и признательности одинъ и тотъ же, и у принца его не было — послѣдствія оказывались неисчислимыя и весьма прискорбныя. Онъ былъ въ высшей степени робокъ, сознавалъ это, стыдился до того, что бросался въ другую крайность и даже хвалился этимъ, и все-таки, во время полнаго развитія его власти и опытности, отъ него только страхомъ можно было добиться милости или справедливости. Страху же онъ былъ крайне доступенъ, дѣйствовала также на него и неумолимая неотвязчивость. Онъ старался отдѣлаться словами, потомъ обѣщаніями; ихъ онъ давалъ чрезвычайно щедро, но выполнялъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда просители умѣли заручиться болѣе дѣйствительнымъ обязательствомъ. Иначе онъ безпрестанно нарушалъ свое слово, самыя положительныя его обѣщанія считались за ничто, онъ часто одно и то же обѣщалъ нѣсколькимъ лицамъ, и это служило неизсякаемымъ источникомъ недовѣрія и недовольства. Ничто ему не вредило до такой степени, какъ общее убѣжденіе, что онъ готовъ всегда обмануть весь свѣтъ. Ему не вѣрили даже тогда, когда онъ говорилъ вполнѣ искренно, и его непостоянство понижало цѣну всѣхъ его дѣйствій и словъ. Наконецъ его темные и большею частью преступные сотоварищи по разврату, обыкновенно составлявшіе его

общество,—ихъ онъ даже публично называлъ своими висѣльниками,—устранили лучшихъ людей даже во время его могущества и причинили ему безконечное зло.

Его недовѣрчивость рѣшительно ко всѣмъ людямъ способна была вызвать искреннее отвращеніе къ нему, въ особенности когда онъ находился во главѣ правленія, и у него продолжались чудовищныя добрыя отношенія съ товарищами по разврату. Недостатокъ этотъ, доходившій до крайности, развился благодаря его боязливости. Своихъ самыхъ завѣдомыхъ враговъ онъ не переставалъ бояться и обращался съ ними внимательнѣе, чѣмъ со своими друзьями. Ко всему этому присоединялось еще врожденное легкомысліе, неразумное подражаніе Генриху IV, именно одному изъ самыхъ печальныхъ недостатковъ его и, наконецъ, несчастное убѣжденіе, будто честность только ловкое притворство; ея на самомъ дѣлѣ не существуетъ, и поэтому никому не слѣдуетъ довѣрять. Онъ однако вѣрилъ въ мою честность до такой степени, что часто упрекалъ меня въ ней, считалъ ее недостаткомъ и предразсудкомъ воспитанія, будто бы даже дурно повліявшаго на мой умъ и на мою опытность. То же самое онъ говорилъ мнѣ и моей женѣ, считая и ее добродѣтельной. Впрочемъ надо и то сказать,—я далъ ему слишкомъ много надежнѣйшихъ доказательствъ своей привязанности, неизмѣнной даже въ самыя тяжелыя времена; послѣ всего этого онъ не могъ сомнѣваться въ моей честности.

Герцогъ Орлеанскій отъ природы отличался любопытствомъ, имѣлъ кромѣ того ложное представленіе о твердости духа и мужествѣ,—все это еще въ молодости развило въ немъ желаніе лично видѣть чорта и бесѣдовать съ нимъ. Онъ запоминалъ рѣшительно все, даже самое сумасбродное сочиненіе, лишь бы имѣть основаніе не вѣровать въ Бога, но въ чорта онъ вѣрилъ, надѣялся даже видѣть его и говорить съ нимъ. Странность эта непонятна, а между тѣмъ она встрѣчается въ высшей степени часто. Съ этой цѣлью герцогъ водилъ тѣсное знакомство съ разными темными личностями, напримѣръ, съ Миренуа, подпрапорщикомъ черныхъ мушкетоторовъ. Они цѣлыя ночи проводили въ подземельяхъ вызывая нечистыхъ духовъ.

Герцогъ Орлеанскій сознавался мнѣ, что онъ никогда ничего не видѣлъ и не слышалъ, и, наконецъ, бросилъ эту глупость. Изъ угожденія госпожѣ Аржантонъ, а потомъ изъ собственнаго любопытства онъ надъ стаканомъ съ водой гадалъ о настоящемъ и будущемъ и разсказывалъ странныя вещи на этотъ счетъ, и онъ не лгалъ: обманывать и лгать пороки весьма сходные, но нетождественныя, и герцогу приходилось лгать только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, когда у него не было другого выхода изъ затруднительнаго положенія.

Мы часто съ нимъ бесѣдовали о религіи; я льстилъ себя надеждой обратить его на путь истинный, разбиралъ вопросъ со всѣхъ сторонъ, не вызывая въ герцогѣ протеста, но никогда не могъ добиться яснаго отвѣта, какого собственно религіознаго ученія ему хочется, и пришелъ къ заключенію, что герцогъ безпрестанно колебался и не могъ остановиться ни на чемъ положительно. Подобно всѣмъ людямъ распутныхъ нравовъ онъ страстно желалъ, чтобы не было Бога, но онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы быть атеистомъ: эта порода глупцовъ на самомъ дѣлѣ гораздо рѣже, чѣмъ думаютъ. Именно личный разумъ безпокоилъ герцога, онъ старался всѣми силами заглушить его голосъ, и не могъ. Смертность души была бы для него истиннымъ утѣшеніемъ, и онъ долго усиливался убѣдиться въ этомъ, и не достигъ

цѣли. Мысль о существованіи Бога и безсмертіи души была для него въ высшей степени тягостна, и онъ все-таки не могъ окончательно закрыть глаза предъ этой истиной. Деизмъ казался ему спасеніемъ, но это вѣрованіе вызывало въ немъ столько сомнѣній, что мнѣ не трудно было разубѣдить его особенно послѣ того, какъ мнѣ удалось порвать его отношенія съ госпожей Аржантонъ; но свѣтлое настроеніе продолжалось недолго, такъ же, какъ и достойный образъ жизни. Онъ, къ несчастью, снова вернулся на старый путь и все пошло по прежнему. Вихрь страстей снова оглушилъ его, и онъ больше ничего не слышалъ, кромѣ прежнихъ нечестивыхъ разговоровъ, ничего не видѣлъ, кромѣ преднамѣреннаго нечестія. И я въ состояніи говорить только о томъ, чего *не было* въ герцогѣ Орлеанскомъ. Касательно религіи, я совершенно не могу говорить о томъ, что было въ немъ. Знаю только, что онъ въ высшей степени мучился на этотъ счетъ, и на мой взглядъ онъ безусловно бы отдался въ руки священниковъ и всѣхъ капуциновъ Парижа, которыхъ онъ такъ открыто презиралъ, если бы только его постигла продолжительная и опасная болѣзнь. Великая его слабость состояла въ томъ, что онъ тщеславился своимъ нечестіемъ и желалъ превзойти самыхъ дерзкихъ.

Я помню, какъ однажды въ ночь предъ Рождествомъ въ Версали герцогъ сопровождалъ короля къ церковной службѣ и повергъ въ изумленіе весь дворъ, читая необыкновенно прилежно книгу, похожую на молитвенникъ. Старшая горничная герцогини Орлеанской, издавна служившая въ домѣ, очень привязанная къ своимъ господамъ и весьма свободно обращавшаяся съ ними, какъ всѣ старыя заслуженныя слуги, пришла въ восторгъ отъ набожности герцога и заявила ему объ этомъ на слѣдующій день у герцогини Орлеанской въ присутствіи постороннихъ лицъ. Герцогъ нѣкоторое время забавлялся ея восторгами, а потомъ сказалъ: «Вы очень глупы, госпожа Имбергъ. Знаете ли, что я читалъ? Рабле, котораго я захватилъ съ собой, боясь соскучиться». Легко представить, какой эффекъ вызвалъ этотъ отвѣтъ. Фактъ былъ внѣ сомнѣнія и являлся чистѣйшей фанфаронадой. Не сравнивая ни мѣста, ни предметы, можно сказать, что музыка въ королевской капеллѣ была гораздо выше оперной музыки и вообще всѣхъ европейскихъ оркестровъ. Во время продолжительной службы въ ночь предъ Рождествомъ музыка эта производила чарующее впечатлѣніе, кромѣ того капелла была украшена и освѣщена необыкновенно блестяще. Она была переполнена публикой. Хоры были заняты придворными дамами въ роскошныхъ костюмахъ. Трудно было представить что-либо восхитительнѣе этого зрѣлища. Герцогъ Орлеанскій до крайней степени любилъ музыку, понималъ ее настолько, что могъ сочинять, и даже сочинилъ нѣчто въ родѣ маленькой оперы, которая и была исполнена въ присутствіи короля. Музыка въ капеллѣ уже сама по себѣ представляла величайшее наслажденіе въ мірѣ, независимо отъ блестящей обстановки, и не зачѣмъ было прибѣгать къ помощи Рабле; но герцогу надо было разыграть роль нечестивца.

Герцогиня Орлеанская была особа въ совершенно другомъ родѣ,— большого роста, величественная во всѣхъ своихъ движеніяхъ; она обладала удивительнымъ цвѣтомъ лица, такой же красивой шеей, руками и глазами; довольно изящнымъ ртомъ съ прекрасными, нѣсколько длинными зубами; слишкомъ широкія и отвислыя щеки портили внѣшность герцогини, но не мѣшали ей быть красивой, ее безобразили только брови красныя и почти безволосыя; напротивъ, рѣсницы, и темныя

волосы были прекрасны. Герцогиня была ни горбата, ни калѣка, но у нея одинъ бокъ былъ толще другого. Она ходила бокомъ, и этотъ недостатокъ весьма стѣснялъ ее въ обществѣ. Она была столь же умна, какъ и герцогъ, и въ умѣ ея было больше послѣдовательности. Отъ природы она владѣла даромъ слова, умѣла выражаться точно, съ той удивительно изысканной оригинальностью, какая отличала всегда и всѣхъ дамъ и кавалеровъ, воспитавшихся въ обществѣ госпожи Монтеспанъ и ея сестеръ, и эта черта была свойственна только этимъ счастливцамъ. Герцогиня Орлеайская говорила все, что ей было угодно, и какъ ей было угодно, всегда чрезвычайно вѣжливо и пріятно. Она умѣла даже дать понять то, чего не выражала словами, искусно оттѣняя каждое свое слово, но голосъ у нея былъ густой, медлительный, прерывистый, весьма тягостный для слуха тѣхъ, кто не привыкъ къ нему, но герцогиня не считала его, повидимому, недостаткомъ, и онъ въ высшей степени вредно отражался на ея разговорѣ.

Всевозможныя приличія и самая изысканная гордость царили безусловно во дворцѣ герцогини. Можетъ показаться изумительнымъ, что я сейчасъ скажу, хотя это чистѣйшая правда. Герцогиня въ глубинѣ души вѣрила, что она оказала большую честь герцогу Орлеанскому, выйдя за него замужъ. Мысль эта часто едва замѣтно проскальзывала въ ея словахъ и поступкахъ, но герцогиня была слишкомъ умна и слишкомъ горда, она не могла не понимать, что эта претензія должна была вызвать протестъ, и она сдерживала себя, но она была неумолима даже со своими братьями по чести мѣста, какое ей надлежало занимать при дворѣ, и играла роль внучки короля вплоть до права сидѣть на табуретѣ. Герцогъ Орлеанскій часто смѣялся надъ ней и называлъ ее въ лицо мадамъ Люциферъ, и это прозвище, повидимому, ей нравилось. Она также серьезно относилась ко всѣмъ преимуществамъ и отличіямъ, какія выпадали на долю герцогу Орлеанскому по смерти брата короля, и благодаря ея браку съ герцогомъ. Ея недовольство поведеніемъ герцога Орлеанскаго, какъ мужа, никогда не нарушало внѣшнихъ приличій и вытекало оно не изъ чувства ревности, а изъ чувства негодованія, что мужъ не обожаетъ ее и не служитъ ей, какъ божеству. Съ своей стороны, она не желала оказывать ему никакахъ любезностей, нисколько не старалась вызвать его удовольствіе и привязанность и не обращала никакого вниманія на то, что могло оттолкнуть его отъ нея. Никогда, ни на одну минуту она не выказала ни предупредительности, ни любезности, ни той фамильярности, которая характеризуетъ супруговъ, хорошо живущихъ другъ съ другомъ; напротивъ, его любезность она принимала холодно, величественно и съ видомъ превосходства. Это именно больше всего отдаляло герцога Орлеанскаго отъ жены, и даже послѣ примиренія съ ней политическіе разсчеты и практическая необходимость съ одной стороны и разные виды съ другой, были гораздо существеннѣе для ихъ семейнаго мира, чѣмъ всѣ старанія герцога Орлеанскаго, да и это все имѣло далеко не полный успѣхъ. Что касается двора герцогини—такъ именно слѣдуетъ выражаться объ ея домашнихъ порядкахъ и обо всемъ, что ее окружало, она требовала не столько придворныхъ обычаевъ, сколько настоящаго культа, и мнѣ кажется, что во всю свою жизнь она встрѣтила только двухъ человѣкъ, не желавшихъ поклоняться ей, герцогиню Вильруа и меня. Мы всегда говорили и дѣлали такъ, какъ намъ казалось лучше. Герцогиня была горда, откровенна, свободна и самоувѣренна и кромѣ того, мы находились въ тѣсныхъ отношеніяхъ, она съ герцогиней

Бургундской, я съ герцогомъ и герцогиней. Это обстоятельство сильно способствовало нашему исключительному положенію предъ герцогиней Орлеанской.

Герцогиня въ то же время отличалась крайней робостью. Король могъ бы повергнуть ее въ обморокъ однимъ немного суровымъ взглядомъ, и вѣроятно госпожа Ментенонъ также. По крайней мѣрѣ, герцогиня дрожала передъ ней, и на самые обыкновенные вопросы въ присутствіи другихъ она отвѣчала заикаясь и съ испугомъ на лицѣ. Я говорю: отвѣчала, потому что заговорить первой, особенно съ королемъ, было выше ея силъ. Жизнь ея вообще при очень крѣпкомъ здоровьѣ протекала весьма скучно: одиночество и чтеніе до обѣда, потомъ работа, съ пяти часовъ вечера общество, не находившее въ герцогинѣ ни забавы, ни свободы, потому что она никогда никого не умѣла занять. Оба ея брата, поочередно, были ея любимцами. Съ герцогиней Дюменъ она встрѣчалась рѣдко и чопорно, съ сестрами своими она совсѣмъ не видалась. Когда я сталъ бывать у нея, любимцемъ ея былъ ея братишка, такъ она по дружбѣ и по лѣтамъ называла графа Тулузскаго; она видалась съ нимъ ежедневно въ обществѣ, довольно часто и наединѣ въ своемъ кабинетѣ. Дюмэнъ бывалъ у нея очень рѣдко. Оба незаконныхъ сына Людовика XIV только случайно являлись къ герцогу Орлеанскому и оба его не любили. Герцогъ Дюмэнъ отъ природы вообще былъ мало склоненъ любить кого бы то ни было, развѣ только изъ разсчета. Онъ близко сошелся съ г-жей Ментенонъ и мы видѣли, какъ ему удалось лишить герцога Орлеанскаго наслѣдственныхъ правъ и самолично завладѣть верховной властью. Графъ Тулузскій отличался холоднымъ темпераментомъ, велъ скромную жизнь и не одобрялъ поведенія герцога Орлеанскаго, оскорблявшаго его сестру и навлекавшаго на себя опалу короля. На мой взглядъ графъ всегда былъ человѣкомъ правдивымъ, честнымъ, благоразумнымъ, вполнѣ корректнымъ по отношенію къ герцогу Орлеанскому, хотя и не питалъ къ нему дружескихъ чувствъ.

Дюбуа желаетъ быть первымъ министромъ.

Въ короткое время кардиналъ Дюбуа успѣлъ устранить всѣ препятствія къ высшей власти. Послѣдней его жертвой былъ маршалъ Вильруа. Весь дворъ, городъ и парламентъ пришли въ крайнее изумленіе, когда маршала постигла опала и кардиналъ рѣшилъ воспользоваться этимъ настроеніемъ, чтобы довершить свой дерзкій и злодѣйскій планъ. Его власть надъ умомъ его господина не имѣла границъ, и онъ особенно старался всѣмъ доказать это, чтобы всѣхъ запугать. Государственныя дѣла шли все хуже извнѣ и внутри; кардиналъ заботился о нихъ только для виду и то съ единственною цѣлью сохранить за собой неограниченную власть. Мозгъ его былъ слишкомъ немощенъ и не былъ способенъ обдумывать больше одного вопроса заразъ, и притомъ всѣ эти вопросы касались исключительно личныхъ интересовъ самого кардинала. Собственно его поглощала одна забота: все сосредоточить въ своихъ рукахъ и до такой степени поработить своего господина, чтобы тотъ не смѣлъ двинуть пальцемъ безъ его воли и дѣйствовалъ по его указаніямъ рѣшительно во всѣхъ дѣлахъ и распоряженіяхъ. Герцогъ Орлеанскій отошелъ совершенно на задній планъ. Никто, даже министры, не смѣли являться къ нему по какому бы то ни было дѣлу безъ вѣдома и позволенія кардинала. Добрая воля Дюбуа,

т. е. его капризъ и разсчетъ сдѣлались единственными рычагами правительственной власти. Герцогъ Орлеанскій видѣлъ все это и понималъ и, все-таки, игралъ изъ себя какого-то паралитичнаго, котораго можно было привести въ движеніе только при посредствѣ кардинала, и у него не оказывалось никакихъ силъ сопротивляться своему повелителю. Это положеніе дѣлъ вызывало всеобщее, хотя и глухое негодованіе. Никто не смѣлъ выражать своего мнѣнія громко. Этотъ человѣкъ, не знавшій мѣры и ставшій грознымъ, всѣмъ съумѣлъ внушить чувство ужаса. Я былъ огорченъ больше всѣхъ изъ любви къ общему благу, изъ чувства преданности герцогу Орлеанскому. Я видѣлъ ясно неизбѣжныя послѣдствія вліянія Дюбуа и, находясь въ самыхъ бизкихъ отношеніяхъ къ герцогу, я понималъ, что нѣтъ никакихъ средствъ противъ зла. Не смотря на все свое всемогущество, узурпаторъ, все-таки боялся и щадилъ меня. Онъ могъ только подрывать довѣріе герцога Орлеанскаго ко мнѣ, его расположеніе, мѣшать его удовольствію видѣться и говорить со мной въ моменты свободы отъ давленія кардинала. Моя свобода, мое смѣлое, правдивое безкорыстіе, моя искренняя любовь къ благу отечества и привязанность къ регенту,—все это сдерживало кардинала и онъ только со мной и соблюдалъ извѣстную осторожность. Былъ и я также осмотрителенъ въ моихъ сношеніяхъ съ нимъ.

При такихъ личныхъ отношеніяхъ и во время всей этой смуты кардиналъ отрядилъ ко мнѣ Бель-Иля съ предложеніемъ заняться планами кардинала стать первымъ министромъ и не только не препятствовать ему въ этомъ, но даже всѣми силами помогать. Бель-Иль въ качествѣ посредника принялся за дѣло со всевозможными подходами и ловкостью. Онъ началъ дѣлать мнѣ слѣдующаго рода представленія: по всей видимости, рано или поздно, кардиналъ сдѣлается первымъ министромъ; сопротивленіе съ моей стороны, все равно, не помѣщаетъ ему достигнуть цѣли, а, напротивъ, вызоветъ всю его ненависть, образчики которой я могъ видѣть ежедневно во всей ея дерзости, силѣ и упорствѣ. Въ случаѣ же, если я помогу ему достигнуть цѣли его самыхъ пламенныхъ желаній, я долженъ вполнѣ разсчитывать на его глубокую благодарность; онъ даже раздѣлитъ со мной работы по государственному управленію и свое вліяніе надъ регентомъ. Я отвѣчалъ Бель-Илю, что онъ, конечно, и самъ понимаетъ — я не могу принять его слова, какъ совѣтъ, лично отъ него исходящій, и онъ сознался мнѣ, что выполняетъ порученіе кардинала, но что тотъ запретилъ ему говорить мнѣ объ этомъ.

Такой образъ дѣйствія кардинала поставилъ меня въ затруднительное положеніе, и я вынужденъ былъ отвѣчать Бель-Илю, какъ бы лично самому кардиналу. Я просилъ Бель-Иля поблагодарить кардинала за его довѣріе ко мнѣ и передать ему множество комплиментовъ; затѣмъ, прибавилъ я, вопросъ настолько важенъ, что обдумать его требуется время и не мало труда, а пока я полагаю слѣдующее: кардиналъ обладаетъ всѣми полномочіями перваго министра, получившаго ихъ путемъ патентовъ. Хлопотать объ этихъ патентахъ ему не стоитъ: власть его отъ этого не увеличится, оффиціальный титулъ нисколько по существу не измѣнитъ его положенія, а, напротивъ, раздражитъ тѣхъ, кто совершенно привыкъ считать его своимъ господиномъ и, вообще, если когда-либо могутъ возникнуть недоразумѣнія между нимъ и герцогомъ Орлеанскимъ, они будутъ вызваны завистью и подозрительностью и все это будетъ результатомъ его оффиціальнаго положенія, какъ перваго министра. Я, поэтому, покорнѣйше умоляю кардинала

взвѣсить соображенія, только что пришедшія мнѣ въ голову, согласиться съ тѣмъ, что оффиціальный титулъ ничего не прибавитъ къ его власти,—ею онъ владѣетъ и безъ того во всей полнотѣ, ей уже вполнѣ подчинились и привыкли къ ней. Наконецъ, титулъ этотъ нисколько не упрочитъ его положенія; если вздумаютъ отнять у него власть, титулъ, патенты, узаконеніе ихъ парламентомъ и, вообще, всѣ формальности нисколько не помогутъ кардиналу. Торжественность эта не спасетъ его отъ паденія, а явится для него только безполезнымъ бременемъ, онъ рискуетъ совершенно увлечься ею вмѣсто того, чтобы спокойно пользоваться своимъ неограниченнымъ авторитетомъ, не вызывающимъ въ настоящее время ни подозрѣнія, ни зависти, ни какихъ бы то ни было сомнѣній въ душѣ герцога Орлеанскаго; титулъ же можетъ вызвать у него раскаяніе, и неизвѣстно, какія могутъ быть послѣдствія. Въ интересахъ ихъ обоихъ имѣть въ виду близкое совершеннолѣтіе короля и вести себя такимъ образомъ, чтобы совершеннолѣтній король вполнѣ освоился съ теперешнимъ положеніемъ дѣлъ и предоставилъ герцогу Орлеанскому по доброму расположенію сердца всѣ привилегіи, какими герцогъ владѣетъ по праву рожденія, а за кардиналомъ оставилъ тѣ полномочія, какими онъ облеченъ, благодаря довѣрію, уваженію, любви герцога Орлеанскаго...

Соображенія мои по существу были справедливы и основательны, но въ глубинѣ души я желалъ отдѣлаться отъ предложенія генерала, не возбуждая его подозрѣній и отклонить его отъ плана, которому я, конечно, не могъ помѣшать, но который совершенно не соотвѣтствовалъ ни моему чувству чести, ни моей преданности государственнымъ интересамъ и грозилъ, кромѣ того, причинить сильный ущербъ герцогу Орлеанскому. Бель-Иль былъ слишкомъ уменъ, чтобы не согласиться со мной, но въ то же время онъ слишкомъ хорошо зналъ кардинала Дюбуа, его безумную страсть добиться во что бы то ни стало титула перваго министра. При такихъ условіяхъ доводы мои нисколько не могли образумить кардинала, могли только вызвать у него досаду и бѣшеное желаніе ниспровергнуть всѣ препятствія на своемъ пути и достигнуть цѣли правдами и неправдами. Бель-Иль объяснилъ мнѣ это, заявилъ, что все-таки разсчитываетъ на мою добрую волю, въ виду такой стремительности кардинала, пустилъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, чтобы тронуть и убѣдить меня, признавая въ то же время печальную необходимость подобнаго образа дѣйствій. Въ концѣ концовъ я все-таки остался при своемъ убѣжденіи, хотя и не высказалъ его открыто. Я постарался дать понять ему, что мои благоразумные совѣты отнюдь не служатъ во вредъ кардиналу, что я вовсе не отказываюсь способствовать его плану и только счелъ нужнымъ представить свои соображенія въ его же интересахъ раньше, чѣмъ предпринять что-либо положительное.

Бель-Иль, не добившись отъ меня болѣе рѣшительныхъ обѣщаній, отправился передать кардиналу нашу бесѣду и такъ какъ кардиналъ всецѣло былъ поглощенъ однимъ этимъ вопросомъ, то Бель-Илю пришлось сдѣлать докладъ въ тотъ же вечеръ; вышло то, что онъ і предвидѣлъ. На слѣдующій день кардиналъ снова прислалъ его ко мнѣ съ невѣроятными обѣщаніями: не только вершить всѣ государственныя дѣла по моимъ совѣтамъ и раздѣлить со мною власть перваго министра, но вообще исполнять всѣ мои желанія и осуществить то чѣмъ, какъ ему было извѣстно, я больше всего интересовался, именно возстановить старинныя взаимныя отношенія всѣхъ сословій, воскр

сить забытыя права и устранить вопіющій безпорядокъ, мучительно раздражавшій мое сердце. Я посмѣялся надъ такими великолѣпными посулами. Дюбуа, очевидно, считалъ меня такимъ же дурачкомъ, какъ и кардинала Рогана; тому онъ надавалъ торжественныхъ обѣщаній сдѣлать его первымъ министромъ и тотъ имѣлъ достаточно наивности и глупаго честолюбія, чтобы вполнѣ повѣрить этимъ обѣщаніямъ. Но какъ бы ни была фальшива политика кардинала, она пресѣкала мнѣ всякое отступленіе. Я вынужденъ былъ изворачиваться всѣми силами и принялся разглагольствовать на счетъ непостоянства и капризовъ герцога Орлеанскаго, ежеминутно мѣняющаго свои рѣшенія, началъ припоминать, какъ весьма часто, послѣ повидимому совершенно рѣшеннаго вопроса, приходится начинать его снова и преодолѣвать новыя препятствія. Въ виду такого характера герцога я брался сдѣлать только одно: позондировать его и воспользоваться его настроеніями при первомъ же случаѣ, лишь только они окажутся благопріятными для моей цѣли и обѣщалъ завести съ нимъ разговоръ при первомъ же свиданіи, такъ какъ специальная аудіенція немедленно внушитъ ему предубѣжденіе и испортитъ все дѣло. Такъ я говорилъ, но на самомъ дѣлѣ я хотѣлъ затянуть рѣшеніе вопроса и выиграть время: это вполнѣ соотвѣтствовало вѣчно подозрительному характеру герцога Орлеанскаго, о чемъ въ совершенствѣ было извѣстно кардиналу и даже Бель-Илю, послѣднему со словъ тѣхъ, кто имѣлъ ближайшее отношеніе къ герцогу Орлеанскому. Бель-Иль удовольствовался моими объясненіями и кардиналъ также. На слѣдующій день онъ даже прислалъ снова все того же Бель-Иля—горячо поблагодарить меня, повторить свои обѣщанія, а въ особенности еще разъ заручиться моимъ расположеніемъ и внушить мнѣ—неуклонно выполнять мой же собственный планъ.

Наконецъ, наступилъ обычный день моихъ свиданій съ герцогомъ въ Версали. Принималъ онъ меня въ четыре часа пополудни и въ это время у него никого не бывало. Я явился къ сроку и встрѣтилъ Бель-Иля, ждавшаго моего прихода. Онъ напомнилъ мнѣ о нашемъ дѣлѣ и просилъ немедленно двинуть его. До сего времени онъ не дѣлалъ мнѣ подобнаго предложенія; его, очевидно, только что подбилъ нетерпѣливый кардиналъ; Бель-Иль шепнулъ мнѣ это на ухо и я, не останавливаясь, прошелъ въ кабинетъ герцога Орлеанскаго.

Поговоривъ съ нимъ нѣсколько минутъ, я изложилъ на-бѣло бумаги, о которыхъ мнѣ предстояло отдать отчетъ. Герцогъ сѣлъ на свое мѣсто, я противъ него, какъ обыкновенно. Онъ видимо былъ поглощенъ какою-то мыслью, слушалъ меня разсѣянно, переспрашивалъ,—онъ, который всегда умѣлъ схватить сущность раньше подробныхъ объясненій, любилъ часто перемѣшивать шутку съ серьезнымъ дѣломъ, въ особенности бесѣдуя со мной: ему доставляло большое удовольствіе выводить меня изъ терпѣнія всевозможными шутовскими выходками; я, дѣйствительно, не могъ привыкнуть къ нимъ, начиналъ сердиться, и это потѣшало герцога. Разсѣянность и серьезность герцога спустя нѣкоторое время побудили меня спросить у него, чѣмъ онъ разстроенъ. Онъ что-то пробормоталъ, потомъ замолчалъ и ничего не объяснилъ. Я, улыбаясь, снова спросилъ у него: «Правда ли то, что мнѣ сообщили подъ секретомъ, будто онъ желаетъ выбрать первымъ министромъ Дюбуа». Мнѣ показалось, будто мой вопросъ снялъ съ него бремя, освободилъ его отъ затруднительнаго выбора или молчать со мной, или заговорить первому. Лицо его прояснилось, и онъ объя-

вилъ мнѣ непринужденнымъ тономъ, что кардиналъ дѣйствительно умираетъ отъ зависти, а онъ—герцогъ—изнемогаетъ подъ тяжестью дѣлъ, принужденъ всѣ вечера проводить въ Версали, не зная, что съ собой дѣлать; по крайней мѣрѣ, онъ будетъ отдыхать въ Парижѣ, ужинать безъ всякихъ церемоній въ компаніи, которая у него всегда подъ рукой, лишь только онъ захочетъ бросить работу или покинуть свою маленькую ложу въ оперѣ; теперь же ломать ежедневно голову надъ дѣлами, а по вечерамъ скучать—это свыше его силъ. Онъ хочетъ передать это бремя первому министру, тогда онъ, по крайней мѣрѣ, будетъ спокоенъ днемъ и начнетъ свободно развлекаться въ Парижѣ. Я засмѣялся, увѣряя герцога, что соображеніе это нахожу вполнѣ основательнымъ и на него нечего возразить. Герцогъ ясно видѣлъ, что я шутилъ, и сказалъ, что я не чувствую его ежедневной усталости, не знаю удручающей пустоты его вечеровъ, что у герцогини Орлеанской страшная скука и что онъ не знаетъ, гдѣ ему преклонить голову.

Въ другой разъ я находился съ нимъ въ его бюро; предъ нами, какъ теперь вижу, стояли два табурета. Герцогъ взялъ меня за руку и посадилъ на одинъ, самъ сѣлъ на другой и, повернувшись ко мнѣ, живо спросилъ, не помню ли я, какъ Дюбуа былъ слугой у Сенъ-Лорана и считалъ себя вполнѣ счастливымъ въ этомъ положеніи. Потомъ герцогъ перечислилъ всѣ ступени, какія прошелъ Дюбуа до послѣдней минуты и, наконецъ, воскликнулъ: «И все-таки онъ недоволенъ! Онъ преслѣдуетъ меня, чтобы я объявилъ его первымъ министромъ, и я увѣренъ, когда онъ имъ будетъ, все-таки останется недоволенъ; но какого бы чорта захотѣлъ онъ еще, стать самимъ Богомъ, если бы могъ», тотчасъ же отвѣтилъ герцогъ на свой вопросъ.—«О, да несомнѣнно,—сказалъ я,—этого всегда можно ждать отъ него. И вы такъ хорошо его знаете, и вы же хотите подставить ему свою шею и посадить его на голову».—«О, какъ бы я не хотѣлъ этого», возразилъ герцогъ, и онъ снова сталъ ходить по кабинету, не говоря ни слова; молчалъ и я. Наконецъ, онъ сѣлъ за письменный столъ на свое обычное мѣсто, я помѣстился противъ него; онъ положилъ локти на столъ и закрылъ лицо руками.

Минутъ десять онъ оставался въ такомъ положеніи. Мы оба молчали, а я не сводилъ съ него глазъ. Наконецъ, онъ поднялъ голову, наклонился ко мнѣ и, смущенно глядя на меня, произнесъ голосомъ тихимъ, слабымъ и конфузливымъ: «Но чего же ждать еще, и не объявить объ этомъ сейчасъ же». Таковъ былъ результатъ нашего разговора. Я воскликнулъ: «Что вы говорите? Что заставляетъ васъ такъ торопиться? Всегда будетъ время сдѣлать это. Дайте, по крайней мѣрѣ, возможность обсудить намъ этотъ вопросъ, и я вамъ объясню, что такое первый министръ, и какова отвѣтственность того, кто его назначаетъ». Онъ снова опустилъ голову на руки, не отвѣчая мнѣ ни слова. Я былъ подавленъ столь быстрымъ рѣшеніемъ, послѣ того, какъ самъ же герцогъ такъ мѣтко охарактеризовалъ честолюбіе Дюбуа. Всѣ мои возраженія были истощены, и я понималъ, что дѣло можно спасти только отсрочкой. Герцогъ продолжалъ сидѣть молча, опуская голову все ниже и ниже. Наконецъ, онъ поднялъ ее, посмотрѣлъ на меня утомленнымъ и унылымъ взглядомъ, снова опустилъ глаза, будто стыдясь смотрѣть на меня, и нѣкоторое время сидѣлъ неподвижно. Наконецъ, онъ всталъ, нѣсколько разъ молча прошелся по комнатѣ. Каково же было мое изумленіе и смущеніе, когда онъ, наконецъ, загово-

рилъ. Онъ сталъ ко мнѣ въ полуоборотъ и, не поднимая глазъ, началъ говорить грустнымъ и тихимъ голосомъ: «Надо съ этимъ покончить! Надо объявить его первымъ министромъ сейчасъ же!»—«Вы добры и мудры—возразилъ я,—и, наконецъ, вы господинъ. Не имѣете ли вы мнѣ дать какое-нибудь порученіе въ Медонъ». Я откланялся и вышелъ. Онъ закричалъ мнѣ въ слѣдъ: «Но вѣдь вскорѣ я васъ увижу». Я ничего не отвѣтилъ и затворилъ дверь.

На слѣдующій день послѣ этого разговора кардиналъ Дюбуа былъ объявленъ первымъ министромъ, и герцогъ Орлеанскій представилъ его въ этомъ санѣ королю въ обычный часъ своей работы съ королемъ. Два часа спустя послѣ событія въ Медонъ прибылъ Конджъ; онъ сообщилъ мнѣ эту новость отъ имени самого Дюбуа: кардиналъ прислалъ его благодарить меня за все то, чѣмъ онъ мнѣ обязанъ. Я отвѣчалъ очень сухо и выразилъ изумленіе, что кардиналъ приписываетъ мнѣ участіе въ дѣлѣ, которое совершено исключительно его собственными руками, а это ему извѣстно лучше, чѣмъ кому-либо. Конджъ тотчасъ, не вдаваясь въ дальнѣйшіе разговоры, вернулся назадъ. Конджъ былъ человѣкъ ничтожный. Видная внѣшность возмѣщала въ немъ недостатокъ ума. Вандомъ сдѣлалъ его командиромъ драгунскаго полка, и вообще онъ былъ креатурой всякаго, кто желалъ пользоваться его услугами. Изъ его посольства мнѣ стало ясно, что Дюбуа весьма лестно для себя желалъ приписать мнѣ свое назначеніе первымъ министромъ, между тѣмъ какъ рѣшительно было невѣроятно, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ не имѣлъ представленія о нашей бесѣдѣ съ герцогомъ Орлеанскимъ. Я былъ глубоко возмущенъ этимъ безстыдствомъ, тѣмъ болѣе, что о мнимой признательности кардинала заговорили при дворѣ и въ городѣ. Правда, насъ обоихъ знали въ обществѣ, но всей истины не могло знать большинство, никогда не бывавшее при дворѣ. Я поспѣшилъ заявить друзьямъ и другимъ высшимъ особамъ, что я не принималъ никакого участія въ дѣлѣ Дюбуа. На слѣдующій день рано я отправился въ Версаль.

Едва только я вошелъ въ комнаты герцога Орлеанскаго, меня, очевидно, высматривали, и одинъ изъ дворцовыхъ офицеровъ заявилъ мнѣ, что кардиналъ Дюбуа желаетъ меня видѣть. Онъ ждалъ меня въ одной изъ дворцовыхъ переднихъ. Завидѣвъ меня, бросился ко мнѣ на встрѣчу, началъ увѣрять меня, что онъ мнѣ обязанъ мѣстомъ перваго министра, завѣрялъ меня въ своей вѣчной признательности, объявлялъ, что во всемъ будетъ слѣдовать моимъ совѣтамъ, будетъ показывать мнѣ рѣшительно всѣ бумаги и во всемъ совѣщаться со мной. Я отлично понималъ, чего стоили эти заявленія и видѣлъ, что этому человѣку хочется, во что бы то ни стало, возложить презрѣнную отвѣтственность за свое возвышеніе на меня и увѣрить публику, будто я участвовалъ въ этомъ возвышеніи совѣтами и всевозможными мѣрами. Я отвѣчалъ кардиналу со всею любезностью, на какую я только былъ способенъ, но никакъ не могъ согласиться съ нимъ, чтобы я сколько-нибудь способствовалъ его успѣху, и отклонилъ отъ себя его лестное предложеніе на счетъ участія въ государственныхъ дѣлахъ. Отъ радости онъ не чуялъ земли подъ собой. Мы вошли вмѣстѣ въ кабинетъ герцога Орлеанскаго. Онъ, видимо смущенный моимъ появленіемъ, принялъ меня великолѣпно, но ни словомъ не намекнулъ на только что происшедшее событіе. Я, по возможности, сократилъ свой визитъ и вернулся вздохнуть чистымъ воздухомъ въ Медонъ. Объявленіе Дюбуа первымъ министромъ было въ высшей степени дурно встрѣчено при дворѣ, въ Парижѣ и во

всей Франціи. Первый министръ, конечно, ожидалъ этого, но онъ достигъ цѣли и смѣялся надъ недовольными криками общества, которыхъ не могла заглушить ни политика, ни страхъ.

Роганы оказались въ высшей степени искусными политиками при обстоятельствахъ, столь близко касавшихся ихъ. Они, не поморщившись, проглотили пилюлю и даже сдѣлали видъ, что одобряютъ поступокъ герцога Орлеанскаго, что иначе не могло и произойти. Всѣ Роганы обладали поразительнымъ нюхомъ и умѣли всегда кстати быть нахальными или низкими, причемъ переходы отъ нахальства къ низости и наоборотъ выходили у нихъ изумительно простыми и естественными, хотя отъ природы эти господа были лживы до такой степени, что можно было вполнѣ основательно сомнѣваться, хотѣлось ли имъ на самомъ дѣлѣ пить, когда за столомъ они требовали воды. Гибкость и навыкъ самыхъ лучшихъ акробатовъ не могли сравниться съ ихъ ловкостью. Ихъ цѣль не удалась; выказать недовольство, значитъ оскорбить кардинала Дюбуа до глубины его вѣроломной души; стерпѣть ударъ, значило заручиться его благосклонностью, на сколько лишь онъ былъ способенъ къ этому чувству: онъ не могъ не питать признательности за то, что они всѣми силами скрывали его низкую интригу и усиленно одобряли и радовались, что онъ отнялъ у нихъ добычу.

Бракъ кардинала Дюбуа.

Кардиналъ Дюбуа былъ женатъ тайно уже много лѣтъ. Онъ хорошо платилъ своей женѣ за молчаніе, когда владѣлъ только разными приходами, но когда онъ сталъ большимъ человѣкомъ, бракъ его началъ его сильно смущать. Его низменное происхожденіе позволяло ему преуспѣвать только на духовномъ поприщѣ, и онъ всегда чувствовалъ ужасъ, какъ бы жена не помѣшала его карьерѣ. Бракосочетаніе его было совершено въ Лимузенѣ, въ сельской церкви. Когда его назначили архіепископомъ въ Камбрэ, онъ откровенно разсказалъ свою исторію Бретейлю и заклиналъ его уничтожить, елико возможно половчѣе и безъ всякаго шума, документальныя доказательства его брака.

Положеніе Дюбуа было на столько высоко, что Бретейль считалъ себя счастливѣйшимъ въ мірѣ человѣкомъ, если бы ему удалось оказать архіепископу столь щекотливую и важную услугу. Онъ былъ уменъ и практиченъ. Онъ отправился въ Лиможъ и подъ предлогомъ какой-то внезапной надобности въ сопровожденіи только двухъ или трехъ слугъ пріѣхалъ въ деревню, гдѣ былъ обвѣнчанъ Дюбуа. Пріѣздъ свой онъ приноровилъ къ ночи, и такъ какъ въ селѣ гостинницы не оказалось, то онъ обратился къ священнику, объяснилъ ему, что его застигла ночь, что онъ умираетъ отъ голода и жажды, не можетъ ѣхать дальше и попросилъ себѣ пристанища. Добродушный священникъ съ восторгомъ принялъ господина интенданта, наскоро собралъ на столъ все, что только нашлось у него, и имѣлъ честь ужинать вдвоемъ съ гостемъ, а въ это время его служанка угощала двухъ слугъ Бретейля; гость устроилъ такъ, чтобы остаться вдвоемъ съ священникомъ. Бретейль любилъ выпить и понималъ въ этомъ толкъ. Онъ объявилъ ужинъ отличнымъ, а вино еще лучше. Священникъ, очарованный своимъ гостемъ, только и старался, какъ бы накатить его, какъ выражаются въ провинціи. На столъ явился боченокъ; священникъ и интендантъ принялись подливать другъ другу, и хозяинъ былъ въ восхищеніи отъ

любезности гостя. Бретейль выполнилъ заранѣе составленный планъ и напоилъ добродушнаго священника, что онъ не могъ ни сидѣть, ни видѣть, ни говорить. Бретейль влилъ въ него еще нѣсколько стакановъ и воспользовался тѣмъ, что узналъ отъ него въ теченіе ужина. Онъ разспросилъ, въ порядкѣ ли у него приходскіе списки, съ какого времени они хранятся, гдѣ они помѣщаются и гдѣ отъ нихъ ключи. Лишь только Бретейль убѣдился, что священникъ совершенно въ безчувственномъ состояніи, онъ взялъ ключи, открылъ шкафъ, вынулъ брачныя описи того года, какой ему требовался, вырвалъ нужный листъ, не взирая на другія бракосочетанія, записанныя здѣсь же, спряталъ листъ въ карманъ, положилъ списки на прежнее мѣсто, закрылъ шкафъ и повѣсилъ ключи, откуда взялъ. Съ разсвѣтомъ онъ уѣхалъ, оставилъ бѣднаго священника раздѣлываться съ своимъ похмельемъ и далъ нѣсколько пистолей служанкѣ.

Изъ села онъ направился къ нотаріусу, у котораго, по его свѣдѣніямъ, хранился брачный контрактъ, заперся съ нимъ наединѣ и всѣми правдами и неправдами вытребовалъ у него документъ. Потомъ призвалъ женщину, у которой аббатъ Дюбуа уже успѣлъ добыть копію ихъ брачнаго контракта, началъ грозить ей самыми страшными казематами, если она посмѣетъ когда-либо заикнуться о своемъ бракѣ, и насулилъ ей горы золота, если она будетъ молчать; онъ увѣрилъ ее, что всѣ ея заявленія будутъ безплодны, она ничего не сможетъ доказать и добьется только того, что ее засудятъ за клевету и обманъ, постригутъ и сгноятъ въ монастырской тюрьмѣ. Бретейль вручилъ оба документа Дюбуа, а тотъ немного спустя наградилъ его должностью государственнаго секретаря.

Женщина не смѣла и пикнуть. Она явилась въ Парижъ послѣ смерти своего мужа; ей удѣлили хорошую долю изъ его громаднаго состоянія; она дожила свой вѣкъ въ неизвѣстности, но въ полномъ довольствѣ и умерла двадцать лѣтъ спустя послѣ смерти кардинала Дюбуа, отъ котораго у нея не было дѣтей. Братъ кардинала занималъ должность секретаря при королевскомъ кабинетѣ, завѣдывалъ мостами и шоссейными дорогами, былъ человѣкъ хорошій и честный и находился всегда въ хорошихъ отношеніяхъ съ женой своего брата. Онъ былъ довольно плохимъ сельскимъ врачемъ на своей родинѣ, когда братъ вызвалъ его въ Парижъ. Вся эта исторія съ женитьбой кардинала Дюбуа стала позднѣе всѣмъ извѣстна и ни съ чьей стороны не встрѣтила опроверженія.

Царь Петръ въ Парижѣ.

Петръ первый, царь московскій, стяжалъ такую великую и заслуженную славу въ своемъ царствѣ и во всей Европѣ и Азіи, что я не берусь изобразить государя, столь великаго, столь знаменитаго. Его можно сравнивать съ величайшими мужами древности, онъ—предметъ удивленія для своего вѣка и для позднѣйшихъ вѣковъ, и вся Европа тщательно старалась узнать эту замѣчательную личность. Замѣчательное путешествіе во Францію этого необыкновеннаго государя, по моему мнѣнію, заслуживаетъ вниманія во всѣхъ своихъ подробностяхъ.

Совершивъ путешествіе въ Голландію, Германію, въ Вѣну, въ Англію и въ сѣверныя страны, царь хотѣлъ пріѣхать во Францію еще въ концѣ царствованія Людовика XIV, но король вѣжливо отклонилъ это намѣреніе. Послѣ его смерти препятствіе исчезло и царь пожелалъ

снова удовлетворить свое любопытство. Онъ далъ знать регенту черезъ князя Куракина, своего посла, что изъ Голландіи онъ пріѣдетъ повидаться съ королемъ.

Пришлось примириться съ желаніемъ царя, хотя регентъ весьма охотно уклонился бы отъ этого. Его пугали предстоявшіе расходы. Не легкая задача была также принимать государя, столь могущественнаго и столь проницательнаго, но въ то же время въ высшей степени причудливаго и отчасти варвара по своимъ нравамъ; принимать вмѣстѣ съ нимъ большую свиту изъ людей, усвоившихъ капризы и странныя привычки, совершенно не походившія на французскіе нравы.

Царь находился въ открытой враждѣ съ англійскимъ королемъ. Вражда эта доходила до неприличія, тѣмъ болѣе, что была личной враждой. Это обстоятельство не мало смущало регента, который находился въ завѣдомо дружескихъ отношеніяхъ съ королемъ англійскимъ, страдали при этомъ и личные интересы аббата Дюбуа, который являлъ изъ себя чуть не подданнаго англійскаго монарха. Господствующая страсть у царя была обогатить свою страну торговлей, и съ этою цѣлью онъ создалъ множество каналовъ. Для одного изъ нихъ требовалось согласіе англійскаго короля: каналъ захватывалъ уголокъ его нѣмецкихъ владѣній, но, изъ боязни конкуренціи въ торговлѣ, Георгъ не согласился на проведеніе канала. Петръ въ это время воевалъ съ Польшей, потомъ продолжалъ войну на сѣверѣ, въ которой также и Георгъ принималъ участіе, и царь тщетно велъ съ нимъ переговоры. Неудача тѣмъ болѣе раздражила его, что онъ не могъ заставить силой подчиниться короля, а каналъ былъ уже почти готовъ. Таковъ источникъ ненависти, не ослабѣвавшій до самой смерти обоихъ монарховъ.

Куракинъ происходилъ изъ той вѣтви старинной фамиліи Ягеллоновъ, которая долгое время носила короны Польши, Даніи, Норвегіи и Швеціи. Это былъ человѣкъ высокаго роста, хорошо сложенный. Онъ ни на минуту не забывалъ знатности своего происхожденія, но былъ одаренъ умомъ, ловкостью и образованіемъ. Онъ довольно хорошо говорилъ по-французски и на другихъ языкахъ, много путешествовалъ, былъ на войнѣ, а потомъ служилъ дипломатомъ при разныхъ дворахъ. Русскій все-таки въ немъ чувствовался, и крайняя жадность омрачала всѣ его таланты. Царь и онъ были женаты на сестрахъ, и у каждаго изъ нихъ было по сыну. Царица подверглась опалѣ и заключена въ одинъ изъ подмосковныхъ монастырей. На Куракинѣ нисколько не отразилась эта немилость; онъ въ совершенствѣ зналъ своего господина, держалъ себя съ нимъ свободно, пользовался его довѣріемъ и большимъ уваженіемъ. Въ послѣднее время онъ три года прожилъ въ Римѣ и отсюда явился посломъ въ Парижъ. Въ Римѣ онъ не занималъ никакого спеціальнаго дипломатическаго поста. Царь далъ ему тайное порученіе, какъ человѣку надежному и просвѣщенному.

Монархъ, желавшій извлечь свою страну изъ варварскаго состоянія и расширить ея предѣлы путемъ завоеванія и трактатовъ, понималъ необходимость брачныхъ союзовъ для болѣе тѣсныхъ связей съ главнѣйшими государями Европы. Цѣль эта выдвигала вопросъ о католической церкви. Греки отдѣлились отъ нея по столь маловажнымъ причинамъ, что царь считалъ возможнымъ ввести католичество въ своемъ государствѣ, предоставивъ во всякомъ случаѣ своимъ подданнымъ свободу совѣсти, но царь былъ достаточно уменъ, чтобы справиться предварительно на счетъ римскихъ притязаній. Съ этою цѣлью онъ послалъ въ Римъ человѣка неизвѣстнаго, но способнаго собрать нужныя свѣ-

дѣнія. Посланный провелъ въ Римѣ пять или шесть мѣсяцевъ и не могъ донести царю ничего удовлетворительнаго. Царь открылъ свой планъ голландскому королю Вильгельму. Король опровергъ этотъ планъ и посовѣтовалъ царю самому сдѣлаться, подобно англійскому монарху, главой своей церкви, иначе онъ никогда не будетъ господиномъ въ собственномъ государствѣ. Совѣтъ этотъ тѣмъ болѣе понравился царю, что, именно благодаря богатству и вліянію московскихъ патріарховъ, его дѣда и прадѣда, отецъ его достигъ престола, хотя и происходилъ изъ средняго русскаго дворянства.

Патріархи эти зависѣли отъ константинопольской церкви, но весьма слабо. Ихъ власть и санъ достигли такой высоты, что при ихъ въѣздѣ въ Москву царь держалъ имъ стремя и пѣшкомъ велъ ихъ лошадь за узду. Со временъ дѣда Петра въ Москвѣ совсѣмъ не было патріарха. Петръ первый царствовалъ нѣкоторое время вмѣстѣ съ своимъ старшимъ братомъ. Братъ этотъ не отличался способностями и умеръ, не оставивъ сына. Петръ долгое время, подобно своему отцу, не желалъ имѣть патріарха. Въ случаѣ нужды, обязанности патріарха исполняли новгородскіе архіепископы. Они занимали первое мѣсто послѣ московскихъ патріарховъ, но не имѣли почти никакой власти. Вся власть находилась въ рукахъ царя, и онъ крѣпко держался за нее, особенно послѣ того, какъ выслушалъ совѣтъ короля Вильгельма, и мало-по-малу онъ сдѣлался настоящимъ главой церкви своихъ обширныхъ владѣній.

Но и послѣ этого царь продолжалъ питать страсть устроить своему потомству возможность заключать брачные союзы съ католическими государями, въ особенности съ семьями французскаго и австрійскаго монарха, и царь снова вернулся къ своему старому проекту. Онъ утѣшалъ себя мыслью, что его тайный посланецъ не собралъ достаточныхъ свѣдѣній въ Римѣ или дурно истолковалъ ихъ, и царь рѣшился окончательно разсѣять свои сомнѣнія и знать навѣрное, какой политики ему держаться.

Съ этою цѣлью онъ выбралъ князя Куракина, хорошо зная его умъ и образованность. Князь долженъ былъ отправиться въ Римъ, какъ простой любопытствующій путешественникъ и въ качествѣ знатнаго сеньора познакомиться съ высшимъ римскимъ обществомъ, пожить тамъ и подъ предлогомъ осмотра всевозможныхъ римскихъ чудесъ заручиться на досугѣ основательнѣйшими свѣдѣніями по извѣстному вопросу. Куракинъ дѣйствительно прожилъ въ Римѣ три года, близко сошелся съ учеными, съ лучшимъ обществомъ и узналъ все, что требовалось. Да это было и не такъ трудно, такъ какъ папскій дворъ любитъ величаться своими притязаніями и завоеваніями въ свѣтской области, вмѣсто того, чтобы держать ихъ втайнѣ. Куракинъ представилъ царю длинное и точное донесеніе. Царь вздохнулъ, говоря, что онъ желаетъ быть господиномъ въ своемъ государствѣ и не допуститъ никого выше себя. Съ этихъ поръ онъ больше не помышлялъ сдѣлаться католикомъ.

Такія благодѣянія папы и ихъ курія оказываютъ церкви и душамъ, которыя Іисусъ Христосъ искупилъ своею кровью и надъ которыми его намѣстникъ является главнымъ пастыремъ. За нихъ папа своей душой отвѣтилъ предъ верховнымъ пастыремъ, который объявилъ Петру и другимъ апостоламъ, что царство его не отъ міра сего, и, когда два брата хотѣли сдѣлать его своимъ судьей въ спорѣ изъ-за наслѣдства, онъ спросилъ у нихъ, кто его поставилъ судіей надъ ними, и Христосъ не пожелалъ вмѣшаться въ споръ, хотя и благое дѣло

было помирить братьевъ. Этимъ великимъ и яснымъ примѣромъ Христосъ хотѣлъ внушить пастырямъ и священникамъ, что они не имѣютъ никакой власти и никакого права въ свѣтскихъ дѣлахъ и безусловно не должны вмѣшиваться въ нихъ.

Этого эпизода съ Римомъ Куракинъ не скрывалъ и разсказывалъ всѣмъ своимъ знакомымъ. Я бывалъ у него на обѣдахъ, онъ у меня, и я бесѣдовалъ съ нимъ съ большимъ удовольствіемъ о разныхъ предметахъ.

Регентъ, увѣдомленный княземъ о предстоящемъ прибытіи царя во Францію моремъ, послалъ придворные экипажи, лошадей, коляски, кареты, фургоны, всевозможную утварь и мебель, приказалъ посланному ждать царя въ Дюнкирхенѣ и оказывать ему королевскую почесть. Царь намѣревался употребить на путешествіе по Франціи 100 дней. Для него приготовили комнаты королевы матери въ русскомъ дворцѣ. Когда царь приблизился къ Дюнкирхену, регентъ прислалъ маркиза Неля встрѣтить царя въ Кельнѣ и сопровождать его до прибытія маршала Тессе, который былъ назначенъ состоять при царѣ. Одновременно приготовили для царя и его свиты большой прекрасный отель, принадлежавшій маршалу Вильгуа, разсчитывая, что царь и его свита пожелаютъ лучше жить въ частномъ домѣ, чѣмъ во дворцѣ. Отель омеблировали заново и великолѣпно дворцовою мебелью.

Маршалъ Тессе цѣлый день ждалъ царя въ Бомонѣ, чтобы не пропустить его пріѣзда. Царь прибылъ въ пятницу, 7-го мая, въ полдень. Тессе его привѣтствовалъ при выходѣ изъ коляски, имѣлъ честь съ нимъ обѣдать и въ тотъ же день проводилъ въ Парижъ.

Царь пожелалъ въѣхать въ Парижъ въ коляскѣ маршала, но безъ него, съ тремя лицами и съ своею свитой. Маршалъ ѣхалъ за нимъ въ другомъ экипажѣ. Въ 9 часовъ вечера царь прибылъ въ Лувръ, обошелъ всѣ предназначенныя для него комнаты, нашелъ ихъ убранство и освѣщеніе великолѣпнымъ, снова сѣлъ въ коляску и отправился въ отель. Здѣсь онъ пожелалъ остановиться. Комнату, отведенную для него, онъ также нашелъ слишкомъ красивою и велѣлъ поставить свою походную кровать въ гардеробной. Маршалъ Тессе долженъ былъ завѣдывать дворцомъ и столомъ царя, всюду его сопровождать, не покидая его ни на минуту, и жить въ томъ же отелѣ.

Маршалу стоило большихъ хлопотъ всюду слѣдовать и часто бѣгать за царемъ. Вертону, одному изъ дворецкихъ короля, было поручено завѣдывать продовольствіемъ царя и его свиты. Она состояла изъ сорока человѣкъ. Изъ нихъ двѣнадцать или пятнадцать наиболѣе почетныхъ лицъ обѣдали съ царемъ.

Вертонъ былъ малый умный, опытный и до такой степени умѣлъ угодить царю, что царь и его свита прониклись къ нему особенной благосклонностью.

Царь поражалъ своей необыкновенной любознательностью, и она неизмѣнно была направлена на вопросы правленія, торговли, просвѣщенія и администраціи. Царь не пренебрегалъ рѣшительно ни чѣмъ, что могло принести хотя бы малѣйшую пользу, умѣлъ всегда замѣтить цѣнный для него предметъ и во всемъ обнаруживалъ блестящій умъ, вѣрность взгляда и живую воспріимчивость пониманія. Все доказывало въ немъ обширность и неуклонную послѣдовательность свѣдѣній. Въ немъ соединялось поразительное истинно царское величіе, необыкновенно деликатное, сдержанное, въ высшей степени обходительно-вѣжливое. Вездѣ и со всѣми онъ держалъ себя, какъ монархъ, но съ

тончайшими оттѣнками, глядя по лицамъ. Онъ былъ склоненъ къ извѣстной фамильярности, но его манеры носили яркій отпечатокъ стариннаго варварства его страны, отличались быстротой, даже рѣзкостью, желанія его походили на капризы, и онъ не желалъ ни въ чемъ себя стѣснять и не терпѣлъ противорѣчій. За обѣдомъ онъ держалъ себя не особенно прилично и еще хуже послѣ обѣда, вполнѣ развязно и какъ неограниченный монархъ въ своемъ домѣ. Все, что онъ желалъ видѣть или дѣлать, все это, не смотря ни на какія препятствія, должно было совершаться по одному его слову. Интересовавшіе его предметы онъ желалъ изучить безъ всякихъ стѣсненій, терпѣть не могъ, чтобы на него смотрѣли, какъ на зрѣлище, выше всего цѣнилъ полнѣйшую свободу дѣйствій и часто дворцовымъ экипажамъ предпочиталъ наемныя коляски, даже извозчичьи или первый попавшійся экипажъ. Онъ вспрыгивалъ въ коляску и приказывалъ себя вести, куда надо. Подобная исторія случилась съ г-жей Матиньонъ, которая пріѣхала поглазѣть на царя: онъ увезъ у нея коляску въ Булонь и въ другія окрестности Парижа, и она, къ великому ея изумленію, очутилась пѣшкомъ. Царь безпрестранно исчезалъ такимъ образомъ на глазахъ у маршала Тессе и своей свиты, имъ приходилось разыскивать его и иногда совсѣмъ не находить.

Царь былъ очень высокаго роста, очень строенъ, довольно худощавъ, лицо круглое, большой лобъ, красивыя рѣсницы, небольшой носъ, толстый на концѣ, довольно крупныя губы, красноватый и темный цвѣтъ лица, прекрасные черные глаза, большіе, живые, проницательные, красиво сидящіе, взглядъ величественный и милостивый, когда было угодно царю, иногда же суровый и дикій. Царь страдалъ тикомъ. Тикъ являлся не часто, но вызывалъ судорогу въ глазахъ и во всемъ лицѣ такъ, что страшно было смотрѣть. Продолжалось это одно мгновеніе. Взоръ казался блуждающимъ и ужаснымъ, и потомъ все проходило. Вся внѣшность царя обличала умъ, вдумчивость и величіе, не лишенное извѣстной граціи. Онъ носилъ матерчатый галстухъ, круглый темный парикъ безъ пудры, не доходившій до плечъ, темный жилетъ и кафтанъ съ золотыми пуговицами, панталоны, чулки, но не носилъ ни перчатокъ, ни манжетъ, имѣлъ орденскую звѣзду на груди, съ лентой черезъ плечо. Жилетъ его часто былъ совершенно разстегнутъ, шляпу онъ клалъ на столъ и никогда не надѣвалъ ее на голову даже на улицѣ. Не смотря на эту простоту, не смотря на ѣзду въ плохихъ экипажахъ и безъ свиты, царя нельзя было не признать, благодаря прирожденному величію.

Нельзя и представить, сколько онъ выпивалъ и съѣдалъ за обѣдомъ и ужиномъ, нельзя исчислить, сколько онъ поглощалъ пива, лимонаду и другихъ напитковъ въ промежуткахъ между ѣдой, и свита его пила еще больше. Бутылка или двѣ пива, столько же, а иногда и больше вина, потомъ ликеры, въ концѣ обѣда разныя водки, и это обыкновенно за каждой ѣдой. Царь и его свита ѣли въ 11 часовъ утра и въ 8 ч. вечера. За царскимъ столомъ обѣдалъ придворный священникъ, съѣдавшій вдвое больше другихъ. Царь очень его любилъ и забавлялся его аппетитомъ. Князь Куракинъ ежедневно бывалъ въ отелѣ, но продолжалъ жить въ своей квартирѣ.

Царь хорошо понималъ по-французски, и я увѣренъ, могъ бы говорить, еслибъ хотѣлъ, но изъ-за этикета его всегда сопровождалъ переводчикъ. На латинскомъ и на многихъ другихъ языкахъ онъ говорилъ очень хорошо. При немъ состоялъ отрядъ королевскихъ тѣлохранителей,

но онъ почти никогда не пользовался имъ, выходя изъ отеля. Несмотря на всю свою любознательность, онъ не желалъ показываться въ городѣ до тѣхъ поръ, пока король не сдѣлалъ ему визита.

Въ субботу, утромъ, на слѣдующій день послѣ пріѣзда царя, къ нему явился регентъ. Царь вышелъ къ нему изъ своего кабинета, сдѣлалъ ему навстрѣчу нѣсколько шаговъ, обнялъ его, какъ высшій низшаго, показалъ ему на дверь своего кабинета и, нисколько не стѣсняясь, повернулся къ нему спиной и самъ вошелъ первый. Регентъ послѣдовалъ за нимъ, потомъ князь Куракинъ, служившій царю переводчикомъ. Въ кабинетѣ стояли два кресла другъ противъ друга. Царь сѣлъ на то, которое было повыше, регентъ на другое. Разговоръ продолжался около часу, совсѣмъ не касаясь государственныхъ дѣлъ. Затѣмъ царь вышелъ изъ кабинета, регентъ за нимъ; онъ простился съ царемъ глубокимъ поклономъ, царь отвѣчалъ ему легкимъ наклоненіемъ головы и разстался съ нимъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ его встрѣтилъ.

Въ слѣдующій понедѣльникъ, 10-го мая, король посѣтилъ царя. Царь принялъ его у подъѣзда, дождался, когда онъ вышелъ изъ кареты, и пошелъ съ нимъ рядомъ съ лѣвой стороны въ свою комнату. Здѣсь стояли два одинаковыхъ кресла, король сѣлъ направо, царь налѣво; князь Куракинъ служилъ переводчикомъ. Царь всѣхъ изумилъ, взявъ короля подъ мышки, поднявъ его во весь свой ростъ и попѣловавъ его на воздухѣ. Малолѣтній король, конечно, не могъ ожидать подобнаго обращенія, но онъ все-таки не испугался. Свидѣтели разговора были поражены любезностью, нѣжностью и безграничной вѣжливостью, какую царь обнаруживалъ по отношенію къ королю, но въ то же время всѣ поступки царя обличали величіе: онъ обращался съ королемъ, какъ равный ему по сану, но старшій по возрасту. Все это чувствовалось весьма живо. Царь горячо хвалилъ короля, казалось, былъ имъ очарованъ, и умѣлъ убѣдить въ этомъ всѣхъ присутствующихъ, многократно обнимая короля. Король очень мило сказалъ ему коротенькое привѣтствіе. Герцогъ Дюменъ, маршалъ Вильруа и другіе высшіе сановники приняли участіе въ разговорѣ. Свиданіе продолжалось четверть часа. Царь проводилъ короля тѣмъ же порядкомъ, какъ и принялъ его, и смотрѣлъ, какъ онъ садился въ карету.

Во вторникъ, 11-го мая, между четырьмя и пятью часами, царь посѣтилъ короля. Король его принялъ у подъѣзда и пошелъ съ нимъ рядомъ по лѣвую руку. Вообще на счетъ этикета все было условлено еще раньше визита короля. Царь былъ такъ же любезенъ и милъ съ королемъ, и визитъ его продолжался также не болѣе четверти часа. Его очень изумила многочисленная толпа придворныхъ.

Съ восьми часовъ утра онъ начиналъ свои осмотры и повсюду обо всемъ разспрашивалъ съ великимъ наслажденіемъ. Въ четвергъ, 13-го мая, онъ былъ у нѣкоторыхъ выдающихся мастеровъ. Въ пятницу, 14-го, съ шести часовъ утра онъ осматривалъ въ Луврской большой галлереѣ рельефные планы всѣхъ французскихъ крѣпостей. Осмотръ этотъ продол жался очень долго; потомъ онъ прошелъ по другимъ заламъ Лувра и спустился въ Тюльерійскій садъ, откуда удалили всю публику. Въ эт время строили мостъ. Царь очень долго и внимательно разсма тривалъ работы. Послѣ обѣда царь навѣстилъ тетку короля въ Пале Роялѣ, которая раньше привѣтствовала его черезъ своего камергера Принцесса приняла его такъ же, какъ короля. Сюда явился герцо Орлеанскій, чтобы сопровождать царя въ оперу. Въ оперѣ они сидѣ

только вдвоемъ въ большой ложѣ герцога. Немного погодя, царь спросилъ, нѣтъ ли пива? Тотчасъ принесли большой бокалъ на подносѣ. Регентъ всталъ, взялъ бокалъ и поднесъ его царю. Тотъ, улыбаясь и вѣжливо благодаря легкимъ движеніемъ головы, безъ всякихъ церемоній взялъ бокалъ, выпилъ и поставилъ его на подносъ, который регентъ все время держалъ передъ нимъ. Потомъ тотъ же регентъ взялъ тарелку съ салфеткой, подалъ салфетку царю, и тотъ, не вставая съ мѣста, воспользовался салфеткой такъ же, какъ и бокаломъ пива: зрѣлище вышло довольно удивительное. Во время четвертаго акта онъ отправился ужинать и не хотѣлъ, чтобы регентъ также ушелъ изъ театра. На слѣдующій день царь въ наемной коляскѣ отправился осматривать разныя мастерскія.

16-го мая, въ день Пятидесятницы, царь пріѣхалъ къ инвалидамъ и пожелалъ здѣсь все видѣть и обо всемъ разспросить: въ столовой онъ отвѣдалъ солдатскаго супу и вина, выпилъ за здоровье солдатъ, трепалъ ихъ по плечу и называлъ ихъ товарищами. Онъ восхищался церковью, лазаретами и вообще всѣми порядками учрежденій. Маршалъ Вильяръ служилъ ему проводникомъ. Жена маршала явилась поглазѣть на царя, и царь, узнавъ, кто она, обошелся съ ней очень милостиво. Во вторникъ, 18-го мая, въ 8 часовъ утра, маршалъ Дестре повезъ царя въ своей коляскѣ въ свой загородный домъ, гдѣ далъ ему обѣдъ, и въ теченіе цѣлаго дня доставилъ ему большое удовольствіе, показывая ему различныя вещи, относящіяся къ морскому дѣлу.

Въ среду, 19-го, царь снова осматривалъ мастерскія. Герцогиня Берри и герцогиня Орлеанская, по примѣру тетки короля, утромъ послали къ царю съ привѣтствіемъ своихъ шталмейстеровъ. Всѣ онѣ разсчитывали получить милостивый отвѣтъ. Имъ пришлось долго ждать, и онѣ, наконецъ, сами справились. Царь отвѣчалъ, что онъ явится благодарить принцессъ. Вообще онъ не церемонился съ принцами и принцессами крови такъ же, какъ и съ высшими придворными, и даже не различалъ принцевъ отъ простыхъ придворныхъ; ему было непріятно, что принцы крови затруднялись являться къ нему, не зная, отдастъ ли онъ визитъ принцессамъ крови. Царь надменно отклонилъ эти притязанія, и принцессы могли его видѣть только изъ любопытства, какъ простыя зрительницы; исключеніемъ оказалась только принцесса Конти, да и то случайно.

Въ субботу, 22-го, царь былъ въ Берси, у главнаго директора почтъ. Домъ его переполненъ всевозможными рѣдкостями, естественными и искусственными. Царь съ большимъ удовольствіемъ провелъ здѣсь цѣлый день и восхищался нѣкоторыми дѣйствительно прекрасными машинами. Въ понедѣльникъ, 24-го, царь рано пріѣхалъ въ Тюльери, когда еще король не вставалъ. Онъ прошелъ къ маршалу Вильгуа, и тотъ показалъ ему королевскія драгоцѣнности. Царь заявилъ, что все это болѣе красиво и болѣе богато, чѣмъ онъ думалъ, но во всемъ этомъ, по его словамъ, онъ не понималъ толку. Вообще, повидимому, онъ мало цѣнилъ богатство и безцѣльную роскошь, въ особенности, если самъ не разсчитывалъ все это имѣть. Послѣ осмотра драгоцѣнностей, царь пожелалъ видѣть короля, и король явился самъ къ маршалу Вильруа. Все это нарочно было устроено такъ, чтобы имѣло видъ не визита, а простой случайной встрѣчи. Король держалъ въ рукахъ свертокъ бумаги и вручилъ его царю, говоря, что это— карта его государства. Эта любезность очень понравилась царю, и онъ обошелся съ королемъ такъ же дружески и любовно, какъ и раньше,

какъ равный съ равнымъ, но не теряя ни на минуту своего величія. Во вторникъ, 25-го, царь совершилъ прогулку по садамъ, осмотрѣлъ Версаль, Тріанонъ и охотничій дворъ. Его главная свита расположилась во дворцѣ. Эти господа привели съ собою женщинъ и расположили ихъ въ тѣхъ самыхъ комнатахъ, какія занимала г-жа Ментенонъ, по сосѣдству съ комнатой, гдѣ спалъ царь. Версальскій губернаторъ былъ до послѣдней степени смущенъ такимъ оскорбленіемъ святилища цѣломудрія, но царь и его свита были не изъ такихъ, чтобы имъ можно было воспротивиться.

Въ среду, 26-го, царь въ теченіе всего дня забавлялся машиной въ Марли. Онъ поручилъ маршалу Тессе на слѣдующій день, въ 8 часовъ утра, явиться въ отель и везти его смотрѣть процессію тѣла Господня, и маршалъ былъ съ нимъ въ соборѣ Богоматери.

Ежедневное содержаніе царя обходилось 600 экю, хотя онъ съ первыхъ же дней сильно понизилъ издержки на свой столъ. Одно время онъ желалъ призвать въ Парижъ царицу, которую очень любилъ, но вскорѣ перемѣнилъ свое рѣшеніе и отправилъ ее на воды, въ Ахенъ или Спа, куда она пожелаетъ, и обѣщалъ пріѣхать къ ней самъ.

Въ воскресенье, 30-го мая, онъ обѣдалъ въ Питсбургѣ у Дантена и послѣ обѣда отправился въ Фонтенбло и на слѣдующій день вмѣстѣ съ графомъ Тулузскимъ принималъ участіе въ охотѣ на оленя. Фонтенбло ему не особенно понравилось и еще менѣе охота, во время которой онъ едва не упалъ съ лошади. Онъ нашелъ это удовольствіе слишкомъ безпокойнымъ и вообще не оцѣнилъ его. Послѣ охоты обѣдать онъ пожелалъ одинъ и вернулся Питсбургъ въ коляскѣ въ сопровожденіи трехъ человѣкъ изъ своей свиты: повидимому, всѣ они прекрасно закусили и выпили.

Во вторникъ, 1-го іюня, онъ отправился водой изъ Питсбурга въ Парижъ. Проѣзжая мимо Шуази, онъ приказалъ остановиться и пожелалъ осмотрѣть дворецъ и паркъ. Любопытство это заставило его зайти къ принцессѣ Конти, которая жила тамъ. Послѣ прогулки онъ отправился дальше по рѣкѣ и захотѣлъ проплыть подъ всѣми парижскими мостами. Въ пятницу, 11-го іюня, онъ былъ въ Версалѣ, который ему чрезвычайно нравился и посѣтилъ Сенъ-Сиръ. Здѣсь видѣлъ все учрежденіе и дѣвицъ во время занятій въ классахъ; былъ онъ принятъ, какъ король, и пожелалъ также посмотрѣть на г-жу Ментенонъ. Она, спасаясь отъ любопытства царя, легла въ постель и спустила занавѣси, одну только оставила на половину приподнятой. Царь вошелъ въ комнату, тотчасъ же поднялъ занавѣси у оконъ, а потомъ у постели, посмотрѣлъ на г-жу Ментенонъ, сколько ему хотѣлось, не сказалъ ей ни слова, ни она ему, и безъ всякаго привѣтствія ушелъ. Госпожа Ментенонъ была сильно изумлена и еще больше напугана, но ея короля уже не существовало. Въ субботу, 12-го іюня, царь вернулся въ Парижъ.

Во вторникъ, 15-го іюня, онъ рано отправился къ Дантену. Въ этотъ день я работалъ съ герцогомъ Орлеанскимъ и пожелалъ уйти отъ него спустя полчаса. Герцогъ хотѣлъ меня удержать, но я объяснилъ ему, что его я имѣю честь видѣть всегда, царя же нѣтъ, а между тѣмъ царь готовился уѣзжать, я его еще ни разу не видѣлъ и теперь намѣренъ отправиться къ Дантену поглазѣть на него, сколько душѣ угодно. Къ Дантену никто не могъ пріѣхать, кромѣ заранѣе приглашенныхъ и нѣсколькихъ дамъ, спутницъ герцогини и ея дочерей, желавшихъ также посмотрѣть на царя. Я вошелъ въ садъ гдѣ царь

въ это время прогуливался. Маршалъ Тессе, замѣтивъ меня издали, подошелъ ко мнѣ и предложилъ представить меня царю. Я отказался и просилъ его совсѣмъ не обращать на меня вниманія въ присутствіи царя, такъ какъ я желалъ вдоволь и со всѣхъ сторонъ насмотрѣться на него, что оказалось бы невозможнымъ, если царь зналъ меня. Я просилъ маршала предупредить объ этомъ же Дантена, и я такимъ образомъ вполнѣ свободно могъ удовлетворить свое любопытство. Царь охотно разговаривалъ, повсюду держалъ себя, какъ монархъ. Онъ вошелъ въ кабинетъ; здѣсь Дантенъ показалъ ему различные планы и другія замѣчательныя вещи. Царь задалъ по поводу ихъ нѣсколько вопросовъ. Здѣсь я именно увидѣлъ тикъ, о которомъ говорилъ раньше. Я спросилъ у Тессе, часто ли это бываетъ съ царемъ, Онъ мнѣ отвѣтилъ, что нѣсколько разъ въ день, особенно если онъ не поостережется. Дантенъ сообщилъ царю, что его сильно желаетъ видѣть герцогиня и другія дамы. Царь ничего не отвѣтилъ и приказалъ проводить его къ нимъ. Царь въ это время былъ снова въ саду. Онъ медленно прошелъ мимо комнаты, гдѣ находилась герцогиня, и его свита; онъ взглянулъ на нихъ, сдѣлалъ имъ всѣмъ одинъ весьма легкій поклонъ и гордо прошелъ мимо. Мнѣ кажется, судя по его обращенію съ другими дамами, онъ и на этотъ разъ обнаружилъ бы больше вѣжливости, если бы здѣсь же не находилась графиня, претендовавшая получить его визитъ; онъ, видимо, даже нарочно не справился ни о ней, ни о какой либо другой дамѣ. Я уже около часу слѣдовалъ за нимъ по пятамъ и смотрѣлъ на него, не спуская глазъ. Наконецъ, онъ замѣтилъ это, и я, опасаясь, какъ бы онъ не спросилъ обо мнѣ, сталъ осторожнѣе. Изъ сада царь прошелъ въ залу, гдѣ былъ накрытъ обѣдъ. Дантенъ какимъ-то способомъ досталъ очень схожій портретъ царицы, украсилъ его хвалебной надписью въ стихахъ и поставилъ на каминъ. Царю очень понравился этотъ сюрпризъ; онъ и его свита находили портретъ очень похожимъ.

Король подарилъ царю два великолѣпныхъ куска гобеленъ; онъ хотѣлъ ему подарить также прекрасную шпагу, украшенную брилліантами, но царь отказался принять ее. Съ своей стороны онъ приказалъ раздать слугамъ короля, служившимъ ему, около 60.000 ливровъ. Дантену, маршаламъ Дестре и Тессе, каждому подарилъ свой портретъ, украшенный брилліантами, 5 золотыхъ и 11 серебряныхъ медалей, съ изображеніемъ главнѣйшихъ событій его жизни. Онъ сдѣлалъ также дружескій подарокъ Вертону и настоятельно просилъ регента прислать къ нему Вертона въ качествѣ посланника. Регентъ обѣщалъ.

Въ среду, 16-го іюня, царь верхомъ на лошади отправился на смотръ двухъ гвардейскихъ и нѣсколькихъ другихъ отборныхъ полковъ. На смотру присутствовалъ герцогъ Орлеанскій. Царь почти не смотрѣлъ на эти войска, что всѣми было замѣчено. Со смотра онъ отправился на обѣдъ къ герцогу Тремуйль и здѣсь объяснилъ, что необыкновенный жаръ, пыль и пѣшая и конная толпа заставили его уѣхать со смотра раньше, чѣмъ ему хотѣлось. Обѣдъ былъ великолѣпенъ. Онъ узналъ, что въ залѣ присутствовала дочь герцога Тремуйль въ качествѣ зрительницы и попросилъ ее сѣсть за столъ, и она оказалась за столомъ единственной дамой. Въ залу явилось нѣсколько другихъ любопытныхъ дамъ, и царь былъ съ ними очень вѣжливъ.

Въ пятницу, 18-го іюня, регентъ отправился въ отель проститься съ царемъ. Нѣкоторое время онъ оставался съ нимъ наединѣ въ присутствіи князя Куракина. Послѣ этого визита царь отправился въ

Тюльери проститься съ королемъ. Было заранѣе условлено устранить всякій этикетъ. Нельзя было проявить больше ума, любезности и нѣжности, чѣмъ царь обнаружилъ по отношенію къ королю во время свиданій съ нимъ и на слѣдующій день послѣ его визита, когда король явился въ отель пожелать ему добраго пути. Это свиданіе произошло также безъ всякихъ церемоній.

Въ воскресенье, 20-го іюня, царь ночевалъ въ Ливри, по пути въ Спа, гдѣ его ожидала царица. Онъ не пожелалъ никакихъ проводовъ даже при выѣздѣ изъ Парижа. Роскошь, какую онъ всюду видѣлъ, сильно его изумляла. Онъ съ добрымъ чувствомъ говорилъ о королѣ и Франціи и выражалъ сожалѣніе, что роскошь скоро ее погубитъ. Онъ уѣзжалъ очарованный пріемомъ, всѣмъ, что онъ видѣлъ, свободой, какую ему предоставили, и питая сильное желаніе вступить въ тѣсный союзъ съ королемъ, но роковымъ препятствіемъ къ этому союзу явились интересы Дюбуа и Англіи, и впослѣдствіи Франціи пришлось сильно раскаяваться.

Можно безъ конца говорить объ этомъ царѣ, истинно и необыкновенно великомъ. Благодаря разнообразнымъ талантамъ и дѣламъ, онъ навсегда останется монархомъ, достойнымъ величайшаго удивленія среди самаго отдаленнаго потомства, каковы бы ни были недостатки царя, которыми онъ обязанъ варварству своего происхожденія, своей страны и своего воспитанія. Именно такая слава осталась о немъ во всей Франціи, очарованной имъ, какъ чудомъ.

Мнѣ извѣстно, что царь въ первые дни своего пребыванія въ Парижѣ навѣстилъ герцога Орлеанскаго, и это былъ его единственный визитъ къ герцогу. Герцогъ принялъ его у подъѣзда, проводилъ его до коляски. Разговоръ ихъ продолжался довольно долго вдвоемъ въ присутствіи князя Куракина. Царь остался очень доволенъ маршаломъ Тессе и всѣми, кто служилъ ему. Множество лицъ было представлено ему, но ни одной дамы. Принцы крови совсѣмъ не были у него, и онъ выразилъ свое неудовольствіе только невниманіемъ къ нимъ, когда встрѣтилъ ихъ у короля.

Царь въ высшей степени горячо желалъ союза съ Франціей, и союзъ этотъ былъ какъ нельзя болѣе полезенъ нашей торговлѣ, нашему дипломатическому положенію на сѣверѣ, въ Германіи и во всей Европѣ. Царь держалъ Англію на сторожѣ въ торговомъ отношеніи. Король Георгъ чувствовалъ страхъ за свои нѣмецкія владѣнія. Голландія относилась къ царю съ великимъ уваженіемъ, а императоръ весьма осторожно. Нельзя было не видѣть, что царь—большая сила въ Европѣ и въ Азіи, и что Франція можетъ только выиграть отъ союза съ нимъ. Царь не любилъ императора и желалъ мало-по-малу освободить насъ отъ рабскаго положенія предъ Англіей. Царь продолжалъ свои предложенія еще долго послѣ своего отъѣзда, но, именно благодаря Англіи, мы оставались глухи до неприличія. Напрасно я понуждалъ регента, высказывалъ ему свои соображенія. Онъ чувствовалъ всю ихъ справедливость, не могъ ничего возразить, но чары Дюбуа были сильнѣ всякой истины.

Дюбуа помышлялъ о кардинальствѣ и не осмѣливался говорить об этомъ своему государю. Англія, на которую онъ возлагалъ всѣ св надежды на счетъ карьеры, уже оказала ему кое-какія услуги, Англ чане, видя его честолюбіе и возрастающее вліяніе, съ готовность помогали ему въ собственныхъ интересахъ. Дюбуа стремился воспол зоваться большимъ вліяніемъ англійскаго короля на императора, чтоб

сдѣлаться кардиналомъ, благодаря императору, который былъ всемогущъ въ Римѣ и внушалъ страхъ самому папѣ.

Эти розовыя надежды Дюбуа превратили насъ въ покорныхъ рабовъ Англіи, и она лишила регента всякой самостоятельности. Георгъ не позволилъ Франціи вступить съ царемъ въ союзъ, питая къ царю личную ненависть и оберегая въ то же время императора. Благодаря разсчетамъ Дюбуа, царь, наконецъ, потерялъ терпѣніе, прекратилъ свои предложенія тѣмъ болѣе, что невниманіе съ нашей стороны дошло до такой степени, что къ царю не былъ отправленъ въ качествѣ посла ни Вертонъ, и вообще никто.

Съ тѣхъ поръ Франціи жестоко пришлось раскаиваться въ своемъ слѣпомъ подчиненіи Англіи въ безразсудномъ пренебреженіи къ Россіи. Испытанія обрушивались на нее одно за другимъ, непрерывной роковой цѣпью, и французы, наконецъ, открыли глаза, когда ошибка была уже непоправима. Она длилась при министерствѣ герцога Бурбонскаго потомъ кардинала Флери; оба они съ одинаковой покорностью слѣдовали желаніямъ Англіи одинъ—потому, его возлюбленная послѣ кардинала Дюбуа получала громадные долги изъ англійской казны, а кардиналъ Флери—въ силу своего глупѣйшаго тщеславія.

Смерть кардинала Дюбуа.

11-го іюня король отправился на житье въ Медонъ подъ предлогомъ поправокъ въ Версальскомъ дворцѣ, но на самомъ дѣлѣ въ интересахъ удобства кардинала Дюбуа. Кардиналу въ высшей степени льстила честь предсѣдательствовать на собраніяхъ духовенства, и онъ иногда желалъ пользоваться ею. Съ другой стороны, ему хотѣлось присутствовать на собраніяхъ индійской компаніи. Медонъ былъ вдвое ближе къ Парижу, чѣмъ Версаль, и, кромѣ того, можно было не ѣхать по мостовой. Благодаря распутной жизни, аббатъ постоянно страдалъ недугами, ѣзда въ коляскѣ ему причиняла боль и онъ усиленно скрывалъ ее. Король произвелъ въ Медонѣ осмотръ дворца. Гордость перваго министра могла быть удовлетворена, но она ему дорого стоила. Онъ явился верхомъ на лошади, чтобы лучше наслаждаться своимъ торжествомъ, причинилъ себѣ жестокія страданія и до такой степени усилилъ свою болѣзненность, что принужденъ былъ обратиться къ медицинской помощи. Въ глубочайшей тайнѣ онъ пригласилъ къ себѣ знаменитѣйшихъ врачей и хирурговъ, и всѣ они не сказали ему ничего утѣшительнаго. Благодаря ихъ частымъ визитамъ и нескромности нѣкоторыхъ лицъ, тайна начала разглашаться. Кардиналъ могъ пріѣхать въ Парижъ разъ или два раза съ великимъ трудомъ, и то единственно затѣмъ, чтобы скрыть свою болѣзнь, почти не дававшую ему покоя.

Но въ какомъ бы состояніи Дюбуа ни былъ, обычныя страсти продолжали волновать его не меньше, чѣмъ если бы онъ могъ разсчитывать еще прожить 40 лѣтъ. Его по прежнему мучила страсть къ обогащенію и жажда сохранить свое неограниченное могущество.

Кардиналъ дѣлалъ рѣшительно все, чтобы скрыть свою болѣзнь отъ общества. При всякой возможности онъ являлся въ совѣтъ, заставлялъ пословъ ждать себя въ Парижѣ и не пріѣзжалъ, никого не принималъ у себя дома и приходилъ въ страшный гнѣвъ, если кто рѣшался заговорить съ нимъ въ то время, когда его переносили въ креслѣ изъ новаго дворца, гдѣ онъ жилъ, въ старый, или, когда онъ начиналъ и оканчивалъ свое путешествіе. Въ субботу, 7-го августа,

ему стало до такой степени плохо, что хирурги и врачи объявили ему, что немедленно необходима операція, иначе онъ не проживетъ и нѣсколькихъ дней. Нарывъ, лопнувшій въ мочевомъ пузырѣ въ тотъ день, когда кардиналъ былъ на лошади, грозилъ вызвать гангрену, и хирурги настаивали немедленно перенести кардинала въ Версаль для операціи. Это страшное заявленіе до такой степени смутило и убило кардинала, что онъ не могъ быть перенесенъ и на слѣдующій день. Его перенесли только въ понедѣльникъ, въ 5 часовъ утра.

Давъ ему немного успокоиться, врачи и хирурги предложили ему принять св. Таинъ и немедленно затѣмъ подвергнуться операціи. Больной это выслушалъ далеко не съ спокойнымъ духомъ, Бѣшенство почти не покидало его со времени осмотра и еще больше возрасло въ субботу, когда ему объявили объ операціи, но все-таки нѣсколько времени спустя, онъ послалъ за версальскимъ священникомъ и оставался съ нимъ наединѣ около четверти часа. Человѣкъ столь великихъ добродѣтелей и такъ хорошо приготовившій себя къ смерти, конечно, и не нуждался въ большемъ; такая предсмертная исповѣдь—исключительная привилегія первыхъ министровъ. Послѣ исповѣди кардиналу предложили прочитать отходную онъ закричалъ, что это слишкомъ скоро и что для кардиналовъ существуетъ особый церемоніалъ, онъ не знаетъ, какой и за нимъ слѣдуетъ послать къ кардиналу Бисси въ Парижъ. Присутствующіе посмотрѣли другъ на друга и поняли, что больной хочетъ только затянуть дѣло; такъ какъ операція предстояла немедленно, ему предложили не ждать больше. Онъ съ бѣшенствомъ прогналъ совѣтниковъ прочь и не хотѣлъ больше слышать ни слова.

Врачи видѣли, какою опасностью грозило малѣйшее промедленіе и сообщили отъ этомъ герцогу Орлеанскому въ Медонъ. Герцогъ немедленно прибылъ въ Версаль въ первой попавшейся каретѣ. Онъ уговаривалъ кардинала подвергнуться операціи и спросилъ у врачей, есть ли надежда на благопріятный результатъ. Тѣ отвѣчали, что они не могутъ на этотъ счетъ сказать ничего навѣрное, но что кардиналъ не проживетъ и двухъ часовъ, если операція не будетъ сдѣлана немедленно. Герцогъ вернулся къ постели больного, снова началъ просить его, и тотъ, наконецъ, согласился. Операція была произведена въ пять минутъ первымъ хирургомъ короля въ присутствіи знаменитѣйшихъ врачей и хирурговъ. Кардиналъ страшно кричалъ и бранился. Герцогъ Орлеанскій вошелъ къ нему въ комнату тотчасъ послѣ операціи, и врачи не скрыли отъ него, что больному остается жить недолго, и онъ, дѣйствительно, умеръ, ровно сутки спустя, скрежеща зубами и понося всевозможной бранью своихъ докторовъ.

Надъ нимъ все-таки совершили елеосвященіе. О причащеніи и о священникѣ онъ больше не заикался и кончилъ свою жизнь въ жесточайшемъ отчаяніи и ярости на то, что онъ умираетъ. Судьба, дѣйствительно, насмѣялась надъ нимъ. Путемъ всевозможныхъ и продолжительныхъ усилій, заботъ, безпокойствъ, интригъ и страданій онъ дорого купилъ себѣ богатство. Ему достались, наконецъ, въ полномъ изобиліи почести и могущество и все это затѣмъ, чтобы пользоваться ими всего четыре года, если считать со времени полученія аббатомъ званія государственнаго секретаря, и только два года, если считать со времени кардинальства и возведенія въ санъ перваго министра. И всѣ эти благополучія были отняты у него въ самый разгаръ наслажденія въ возрастѣ 66-ти лѣтъ. Онъ умеръ неограниченнымъ властелиномъ своего господина, былъ онъ не столько первымъ министромъ, сколько совершенно

независимымъ повелителемъ, облеченнымъ королевской властью. Онъ завѣдывалъ почтами, былъ кардиналомъ, архіепископомъ Камбрэ, владѣлъ доходами съ семи аббатствъ, и все еще ему было мало, до самой смерти онъ старался набрать себѣ аббатствъ возможно больше и кромѣ всего этого онъ получалъ отъ Англіи пенсію въ 40.000 фунтовъ стерлинговъ. Мнѣ было любопытно вычислить весь его доходъ, и я, избѣгая всякаго преувеличенія и даже уменьшая нѣкоторыя статьи, пришелъ къ слѣдующему итогу.

Онъ пріобрѣлъ необъятное состояніе во время финансовой реформы Ло. Правда, кардинальство заставило его сильно потратиться въ Римѣ но у него все-таки остался громадный наличный капиталъ. У него было неисчислимое количество серебряной и фарфоровой утвари изумительной работы, необыкновенно богатая мебель, всевозможныя рѣдчайшія драгоцѣнности, превосходныя, рѣдкія упряжи всякаго рода и великолѣпнѣйшіе экипажи. Столъ его отличался изысканностью и роскошью во всемъ, хотя аббатъ отъ природы и по режиму могъ похвалиться крайней воздержностью. Общая цифра его доходовъ простиралась до полутора милліоновъ ливровъ.

Какое чудовищное состояніе, и какимъ путемъ пріобрѣтено, и какъ внезапно все это исчезло! Къ кардиналу буквально можно примѣнить извѣстныя слова псалмопѣвца: «Я видѣлъ нечестивца, превознесеннаго подобно ливанскимъ кедрамъ, но я прошелъ предъ нимъ, его не стало и нельзя было найти самаго мѣста, гдѣ онъ красовался».

На другой день послѣ смерти кардинала изъ Версаля перенесли въ Парижъ. Академіи, членомъ которыхъ онъ состоялъ, отслужили каждая надъ его тѣломъ по заупокойной службѣ, также и духовенство, на собраніи котораго онъ предсѣдательствовалъ. Его, какъ перваго министра, отпѣвалъ кардиналъ Ноэль въ соборѣ Парижской Богоматери въ присутствіи высшихъ сановниковъ, но надгробнаго слова не было, никто не осмѣлился произнести его.

Громадное наслѣдство кардинала досталось его брату, человѣку честному и очень скромному. У него былъ сынъ каноникъ, жившій весьма благочестиво и никогда не добивавшійся доходныхъ мѣстъ. Братъ кардинала не пожелалъ почти ничѣмъ воспользоваться изъ богатаго наслѣдія. Часть его онъ употребилъ на красивый, но скромный памятникъ съ очень благочестивою надписью, а другую часть роздалъ бѣднымъ, боясь, какъ бы деньги брата не навлекли на него гнѣва небесъ.

Много бывало примѣровъ громадныхъ состояній, и богачами иногда являлись люди ничтожные, но не было еще примѣра, чтобы такое богатство пріобрѣлъ человѣкъ, лишенный всякаго таланта, за исключеніемъ только искусства вести низкія и темныя интриги. Умъ у кардинала былъ весьма посредственный, знанія самыя обыкновенныя, способностей никакихъ, внѣшность лисицы и жалкаго педанта, манеры говорить непріятныя вещи, какими-то частицами и намеками, лживость была написана на его лицѣ, нравственность открыто распущенная: страстные порывы кардинала можно было бы объяснить только припадками сумасшествія, мозгъ его не способенъ былъ вмѣстить заразъ даже двухъ важныхъ вопросовъ, да и тѣ, которые онъ вмѣщалъ, клонились только исключительно къ личному интересу. Кардиналъ не признавалъ ничего священнаго, никакихъ человѣческихъ отношеній не считалъ достойными уваженія. Онъ открыто презиралъ правду, данное слово и чувсто чести и безпрестанно издѣвался надъ всѣмъ этимъ. Въ равной мѣрѣ чувственный и честолюбивый, онъ старался рѣшительно всѣмъ завладѣть

одинъ, даже тѣмъ, что ему вовсе было не нужно, и считалъ крайнимъ безуміемъ иначе думать и поступать. Когда нужно, онъ былъ кротокъ, мягокъ, склоненъ къ похваламъ и восторгамъ, вообще чрезвычайно легко мѣнялъ свои настроенія, игралъ, какія угодно роли, даже противоположныя другъ другу, стремясь къ своимъ цѣлямъ, и все-таки у него не было таланта увлекать и очаровывать. Разсуждалъ онъ какъ-то отрывисто, запутанно, неясно и сбивчиво. Вообще всегда и вездѣ онъ производилъ непріятное впечатлѣніе, иногда только онъ обнаруживалъ весьма живое остроуміе, умѣлъ разсказать забавную исторію, но и здѣсь сначала разсчитанное, а потомъ вошедшее въ привычку, заиканіе портило впечатлѣніе. Послѣ этого становится почти непостижимымъ, какъ Дюбуа могъ очаровать единственнаго человѣка и какъ разъ герцога Орлеанскаго, обладавшаго такимъ умомъ и умѣвшаго быстро и вѣрно понимать людей. Дюбуа овладѣлъ имъ еще ребенкомъ, когда былъ его наставникомъ, потомъ упрочилъ свою власть во время его молодости, поощряя его наклонности къ своеволію, къ разврату и полной распущенности, развращая его умъ и нравственность всевозможными порочными принципами. Бѣдный принцъ уже никогда не могъ избавиться отъ этихъ уроковъ, не могъ, несмотря на всѣ свои усилія заглушить въ себѣ чувство, противное разуму, правдѣ и совѣсти.

О публичныхъ безумствахъ кардинала Дюбуа можно бы написать цѣлую книгу. Достигнувъ высшей власти, онъ совсѣмъ перестралъ стѣсняться. Я приведу только нѣсколько примѣровъ. Иногда кардиналъ въ какомъ-то безумномъ порывѣ принимался бѣгать вокругъ комнаты по столамъ и кресламъ, и герцогъ Орлеанскій передавалъ мнѣ, что онъ нѣсколько разъ былъ свидѣтелемъ этихъ упражненій, и изумительно, что герцогъ не переставалъ считать кардинала человѣкомъ умнымъ и заявлялъ это лицамъ, которыя приходили жаловаться на выходки кардинала. Такой отвѣтъ онъ далъ, между прочимъ, кардиналу Жевру, человѣку въ высшей степени почтенному, авторитетному и достойному: кардиналъ вздумалъ пожаловаться герцогу на Дюбуа за то, что тотъ прогналъ его отъ себя и выругалъ его самымъ возмутительнымъ образомъ.

Мѣсто воспитательницы при дочеряхъ герцога Орлеанскаго получила г-жа Конфланъ. Немного спустя герцогиня спросила у нея, была ли она у кардинала Дюбуа? Та отвѣтила, что нѣтъ, и не видитъ необходимости быть у него, такъ какъ ея обязанности не имѣютъ никакого отношенія къ кардиналу. Герцогиня продолжала настаивать, объясняя, какое положеніе занимаетъ кардиналъ у герцога Орлеанскаго. Г-жа Конфланъ долго отговаривалась, наконецъ заявила, что кардиналъ сумасшедшій, всѣхъ оскорбляетъ, а она не желаетъ подвергаться общей участи. Г-жа Конфланъ отличалась умомъ, бойкостью и въ то же время была чрезвычайно тщеславна, хотя и очень вѣжлива. Герцогиня принялась смѣяться надъ ея страхами и продолжала уговаривать ее: вѣдь у нея не было никакой просьбы къ кардиналу, ей требовалось только довести до его свѣдѣнія, какую должность она получила у герцога Орлеанскаго. Эта вѣжливость могла понравиться только кардиналу, ничего непріятнаго и страшнаго произойти не можетъ, и, наконецъ, герцогиня прямо заявила, что пойти слѣдуетъ и она этого желаетъ.

Г-жа Конфланъ отправилась. Дѣло происходило въ Версалѣ послѣ обѣда, въ большомъ кабинетѣ. Кардиналъ стоялъ у камина и бранился съ какой-то женщиной. Человѣкъ 8 или 10 ждали его, чтобы

также переговорить съ нимъ. Страхъ овладѣлъ г-жей Конфланъ: она была маленькаго роста, а здѣсь стала еще ниже. Когда женщина ушла, она приблизилась къ кардиналу. Кардиналъ быстро спросилъ, что ей угодно? «Mon seigneur...»—«То, mon seigneur, mon seigneur,—прервалъ кардиналъ,—объ этомъ нечего толковать».—«То, mon seigneur...»—«Клянусь всѣми чертями,—снова прервалъ кардиналъ,—я вамъ повторяю, что это невозможно, значитъ невозможно».—«Mon seigneur...», начала было снова г-жа Конфланъ, желая объяснить, что она ничего не проситъ, но кардиналъ схватилъ ее за плечи, перевернулъ, толкнулъ ее кулакомъ въ спину и закричалъ: «Убирайтесь ко всѣмъ чертямъ и оставьте меня въ покоѣ». Несчастная едва не упала, убѣжала въ ужасѣ и, рыдая горючими слезами, разсказала свое приключеніе герцогинѣ Орлеанской.

Къ безумствамъ кардинала до такой степени привыкли, что и новую его выходку нашли интересной и даже забавной. Разсказъ г-жи Конфланъ вызвалъ взрывъ хохота. Это окончательно огорчило бѣдную и она поклялась до самой смерти ни за что не встрѣчаться съ сумасшедшимъ министромъ.

Въ день Пасхи, послѣ того, какъ Дюбуа былъ сдѣланъ кардиналомъ, онъ проснулся поздно, принялся бѣшено звонить, осыпать своихъ слугъ ужаснѣйшими, неприличными ругательствами и кричать на весь домъ, зачѣмъ они его не рзбудили. Онъ хотѣлъ служить обѣдню и у него столько дѣлъ, что онъ не знаетъ, какъ быть. Самое лучшее послѣ такого пробужденія, конечно, не служить обѣдни, и я не знаю, служилъ ли онъ вообще послѣ того, какъ сталъ кардиналомъ.

Личнымъ секретаремъ у него былъ нѣкто Венье. Онъ его извлекъ изъ Сенженменскаго аббатства, гдѣ онъ былъ послушникомъ, и онъ въ теченіе 20-ти лѣтъ отправлялъ свои обязанности очень умно и толково; онъ быстро примѣнился къ кардиналу и могъ говорить ему все, что̀ угодно. Однажды, утромъ, онъ былъ у кардинала. Тотъ спросилъ какую-то вещь, и она не оказалась подъ рукой. Кардиналъ разразился ругательствами, началъ кричать во все горло на своихъ слугъ: развѣ у него ихъ недостаточно, тогда онъ найметъ еще двадцать, тридцать, пятьдесятъ, сто. Венье слушалъ спокойно страшные крики кардинала. Наконецъ кардиналъ спросилъ у него: «Развѣ это не ужасно, имѣть такихъ дурныхъ слугъ и притомъ за такую дорогую цѣну,—и внѣ себя сталъ требовать у секретаря отвѣта. «Mon seigneur—замѣтилъ ему Венье,—наймите еще одного слугу и дайте ему единственную должность браниться и шумѣть вмѣсто васъ. Все пойдетъ хорошо. У васъ останется много лишняго времени, и вамъ будутъ служить отлично». Кардиналъ расхохотался и успокоился.

Ежедневно, по вечерамъ, онъ ужиналъ цыпленкомъ. Я не знаю, по какому-то недоразумѣнію прислуга забыла ему приготовить цыпленка. Ложась спать, онъ вспомнилъ о немъ, началъ звонить, кричать и бушевать на своихъ слугъ. Тѣ прибѣжали къ нему и прехладнокровно слушали его брань. Онъ продолжалъ неистово кричать, гдѣ его цыпленокъ и почему его подаютъ такъ поздно. Къ его изумленію, слуги спокойно отвѣчали, что онъ съѣлъ своего цыпленка, но если ему угодно, они приготовятъ ему другого. «Какъ я съѣлъ моего цыпленка?», воскликнулъ кардиналъ. Смѣлое и хладнокровное утвержденіе слугъ убѣдило его, а тѣ просто потѣшались надъ нимъ. Я не стану продолжать. Еще разъ повторяю, можно бы написать цѣлый томъ, но и изъ разсказаннаго достаточно было видѣть, что это было за чудовище, отъ котораго, наконецъ, смерть освободила великихъ и малыхъ, можно сказать всю

Европу и даже его брата, съ которымъ онъ обращался, какъ съ негромъ. Однажды онъ едва не прогналъ своего конюха за то, что онъ предложилъ его брату одну изъ его колясокъ, чтобы проѣхать куда-то въ Парижѣ.

Больше всѣхъ облегченіе почувствовалъ герцогъ Орлеанскій. Втайнѣ онъ давно уже изнывалъ подъ жестокимъ самовластіемъ кардинала, въ цѣпяхъ, которыя онъ самъ же выковалъ. Герцогъ не только не могъ самъ лично рѣшить ни одного дѣла, но даже оставались безплодными всѣ его замѣчанія относительно важныхъ и не важныхъ вопросовъ. Онъ долженъ былъ во всемъ подчиняться волѣ кардинала, и министръ приходилъ въ бѣшенство, осыпалъ его упреками и дѣлалъ ему выговоры, какъ своему подчиненному, если герцогъ слишкомъ противорѣчилъ ему. Бѣдный принцъ совершенно опустилъ руки; могущество кардинала возрастало, а его власть падала все ниже. Герцогъ боялся его. Кардиналъ для него сдѣлался невыносимъ, и онъ только и помышлялъ о томъ, какъ бы отдѣлаться отъ него. Это было замѣтно на каждомъ шагу, но герцогу не хватало смѣлости, онъ не зналъ, какъ приняться за дѣло, былъ совершенно одинокъ, и у него не было никого, кому бы онъ могъ открыть свою тайну, за нимъ постоянно слѣдили. Кардиналъ зналъ о замыслахъ принца и велъ себя еще чудовищнѣе, чтобы окончательно запугать его: другого средства удержаться на своемъ мѣстѣ у него не было.

Немедленно по смерти кардинала герцогъ Орлеанскій возвратился въ Медонъ и донесъ королю о событіи. Король тотчасъ же просилъ герцога взять на себя всѣ дѣла, объявилъ его первымъ министромъ, на слѣдующій день принялъ его присягу, и указъ былъ немедленно прочитанъ въ парламентѣ. Герцогъ Орлеанскій совсѣмъ не ожидалъ этого назначенія и оно состоялось потому, что епископъ Фрейусъ боялся видѣть на мѣстѣ перваго министра какое-нибудь частное лицо. Король любилъ герцога по многимъ причинамъ: герцогъ всегда былъ съ нимъ почтителенъ, умѣлъ угодить ему во время занятій съ нимъ дѣлами, всегда предоставлялъ ему, какъ государю, выбирать кого ему было угодно изъ лицъ, предложенныхъ ему, и наконецъ герцогъ никогда не заставлялъ короля скучать и не мѣшалъ его удовольствіямъ. Кардиналу Дюбуа, не смотря на всѣ старанія и угожденія, не удалось завоевать благосклонность короля, даже просто пріучить его къ себѣ, и король не скрывалъ своего отвращенія къ нему. Кардиналъ былъ въ отчаяніи и продолжалъ изощряться въ разныхъ подходахъ, чтобы достигнуть цѣли, но, помимо общей несимпатичности, всегда отличавшей его личность, у кардинала было еще два врага, старавшихся отдалить его отъ короля,—маршалъ Вильруа и самый опасный—Фрейусъ, ненавидѣвшіе кардинала изъ личнаго самолюбія. Фрейусъ не желалъ чувствовать надъ собой первенство какого бы то ни было смертнаго и рѣшился низвергнуть кардинала и ежедневно вооружалъ противъ него короля.

Королевское засѣданіе парламента.

Засѣданіе парламента въ присутствіи короля было назначено въ столовой королевскаго дворца въ Тюльери. Въ теченіе ночи залу успѣли приготовить для засѣданія, и утромъ герцогъ Орлеанскій созвалъ совѣтъ регентства и сообщилъ ему, какія постановленія правительство рѣшило внести въ парламентъ. Регентъ заявилъ, что въ послѣднемъ совѣтѣ регентства рѣшено отмѣнить приговоры парламента, потомъ

герцогъ объяснилъ, что предложить на утвержденіе парламента постановленіе правительства значило бы снова компрометировать власть короля, такъ какъ парламентъ несомнѣнно снова воспротивится волѣ правительства и обнаружитъ такимъ образомъ публично свое полное неповиновеніе королю. Оставалось единственное средство—королевское засѣданіе, и герцогъ счелъ своимъ долгомъ устроить его втайнѣ, чтобы предупредить интриги и не дать злоумышленникамъ времени приготовиться къ новому сопротивленію. Вообще, по словамъ герцога, многочисленные и слишкомъ смѣлые протесты парламента вынуждаютъ правительство положить предѣлъ его своеволію.

Послѣ герцога хранитель печати объяснилъ совѣту сущность парламентскихъ протестовъ, ихъ происхожденіе, пользу и вредъ, указалъ, что парламентъ это право получилъ, какъ милость, и превратилъ его въ злоупотребленіе, что королевская власть не имѣетъ ничего общаго съ властью парламента, исходящей отъ короля, что суды не имѣютъ права вмѣшиваться въ вопросы государственнаго и финансоваго управленія и что, ихъ необходимо ввести въ границы энергичной законодательной мѣрой такъ, чтобы парламентъ навсегда запомнилъ сущность и форму своихъ протестовъ.

Это постановленіе правительства было принято собраніемъ единогласно.

Затѣмъ герцогъ Орлеанскій всталъ и необычнымъ для него твердымъ и повелительнымъ голосомъ изложилъ передъ собраніемъ еще три мѣры, принятыя совѣтомъ регентства. Первая была направлена противъ незаконныхъ сыновей Людовика XIV. По завѣщанію короля они должны были пользоваться правами принцевъ крови. Эта несправедливость возмущала одинаково и принцевъ, и перовъ, и правительство рѣшило опять голосомъ закона отмѣнить волю короля и приравнять обоихъ незаконныхъ принцевъ къ перамъ. Распоряженіе это, какъ громомъ поразило приверженцевъ Дюмена, но никто изъ нихъ не осмѣлился подать голосъ противъ. Когда голосованіе кончилось, герцогъ Орлеанскій объявилъ, что вторая мѣра правительства заключается въ милости по отношенію къ графу Тулузскому. Онъ всегда искренно возмущался распоряженіемъ покойнаго короля касательно правъ его и его брата и пользовался этими правами только изъ уваженія къ королевской волѣ. Всѣмъ было извѣстно также его безкорыстіе, его честность, его любовь къ общественному благу. Въ виду этого принцы крови и перы согласились оставить за нимъ права, дарованныя ему покойнымъ королемъ, но предоставить эти почести въ видѣ исключенія только ему лично, отнюдь не распространяя ихъ на его потомство, въ случаѣ, если онъ женится и будетъ имѣть дѣтей. Наконецъ, третье постановленіе правительства непосредственно вытекало изъ перваго. Герцогъ Дюменъ переставалъ быть принцемъ крови, являлся простымъ перомъ. Подъ его начальствомъ, какъ главнаго воспитателя короля, находился маршалъ Вильруа, но маршалъ уже давно былъ перомъ, слѣдовательно, по старшинству оказывался выше Дюмена и не могъ оставаться подъ его вѣдѣніемъ. Обязанности главнаго воспитателя короля приходилось передать другому лицу, и правительство остановило свой выборъ на герцогѣ Монпансье.

Маршалъ Вильруа выслушалъ это рѣшеніе въ совершенномъ отчаяніи, склонилъ голову на свой жезлъ и нѣсколько минутъ оставался неподвиженъ. Казалось, онъ не слышалъ и не чувствовалъ ничего, что происходило кругомъ. Наконецъ, онъ, едва поднимая голову, взглянулъ

на регента потухшими глазами и произнесъ слабымъ голосомъ: «Я скажу всего только два слова: всѣ распоряженія покойнаго короля ниспровергнуты; я не могу смотрѣть на это безъ боли. Герцогъ Дюменъ очень несчастливъ». — «Маршалъ! — возразилъ регентъ энергично и громко,—господинъ Дюменъ мой зять, но я открытаго врага предпочитаю тайному». При такомъ откровенномъ заявленіи многіе опустили голову, маршалъ Вильруа едва не упалъ въ обморокъ, со всѣхъ сторонъ слышались сдавленные вздохи. Каждый чувствовалъ, что ударъ нанесенъ, и не зналъ, принимать ли его на свой счетъ. Съ цѣлью какъ-нибудь занять неловкое положеніе, хранитель печати предложилъ прочесть рѣчь, которую онъ долженъ сказать парламенту передъ отмѣной его постановленій. Когда онъ кончилъ, его вызвали изъ залы.

Вскорѣ онъ вернулся и отозвалъ герцога Орлеанскаго къ окну: всѣ внимательно слѣдили за ними. Потомъ регентъ сѣлъ на свое мѣсто и объявилъ собранію, что онъ получилъ слѣдующее извѣстіе: всѣ палаты парламента собрались, и первый президентъ, несмотря на свое прежнее обѣщаніе, предложилъ палатамъ не идти въ Тюльери и даже задалъ вопросъ, что онѣ станутъ дѣлать тамъ, гдѣ онѣ будутъ чувствовать себя вполнѣ свободными; короля слѣдуетъ просить, чтобы парламентъ могъ выслушать его волю въ обычномъ мѣстѣ своихъ собраній и пусть король, когда ему будетъ угодно, сдѣлаетъ честь лично объявитъ свою волю парламенту, или черезъ посредника. Герцогъ прибавилъ, что это предложеніе перваго президента произвело сильное впечатлѣніе и въ настоящую минуту обсуждается парламентомъ. Собраніе, казалось, было сильно смущено новостью, но герцогъ спокойно заявилъ, что онъ не надѣется на рѣшительный отказъ парламента, но на всякій случай онъ предложилъ хранителю печати высказать свое мнѣніе, какъ поступить съ парламентомъ, если онъ приметъ предложеніе перваго президента.

Хранитель печати отвѣчалъ: не вѣроятно, чтобы парламентъ до такихъ предѣловъ простеръ свое неповиновеніе, иначе, онъ преступитъ и законъ, и обычай. Потомъ хранитель печати объяснилъ, до какой степени пагубно всякое нарушеніе королевской власти и пришелъ къ заключенію, что парламентъ немедленно слѣдуетъ распустить, лишь только онъ обнаружитъ сопротивленіе. Герцогъ Орлеанскій замѣтилъ, что здѣсь и не можетъ быть двухъ мнѣній, и обратился къ остальнымъ членамъ собранія. Всѣ должны были присоединиться къ мнѣнію хранителя печати, хотя нѣкоторые и пытались дѣлать возраженія, особенно сторонники герцога Дюмена. Затѣмъ былъ поставленъ вопросъ, какъ отвѣтить на протестъ парламента, если онъ послѣдуетъ. Хранитель печати предложилъ пойти къ королю, а потомъ объявить, что король требуетъ повиновенія, и притомъ немедленнаго. Предложеніе было одобрено.

Нѣсколько времени спустя герцогу Орлеанскому сообщили, что парламентъ рѣшилъ явиться въ Тюльери и уже выходитъ изъ Пале-Рояля. Эта новость спала будто бремя съ души у всего собранія и особенно у герцога Орлеанскаго.

Наконецъ парламентъ появился на дворѣ дворца, и мы, какъ дѣти, бросились къ окнамъ. Члены шли въ красныхъ мантіяхъ, по два въ рядъ. Въ то время, когда продолжалось шествіе, герцогъ Орлеанскій, герцогъ Монпансье, Лаврильеръ смотрѣли во всѣ глаза за друзьями герцога Дюмена, какъ бы тѣ не успѣли сдѣлать какое либо сообщеніе членамъ парламента.

Наконецъ, парламентъ занялъ мѣсто, явились пэры и намъ сообщили, что все готово. Возникъ вопросъ, обѣдать ли королю до засѣданія или потомъ. Я предложилъ—потомъ, такъ какъ послѣ обѣда въ необычный часъ король могъ почувствовать себя дурно, и это обстоятельство могло вызвать большія затрудненія. Затѣмъ регентъ отправилъ къ парламенту посла, чтобы собраніе снарядило депутацію къ королю, и въ то же время герцогъ объявилъ намъ, что пора идти за королемъ.

При этихъ словахъ я почувствовалъ приливъ радости: мнѣ предстояло увидѣть величественное зрѣлище, и я отправился въ кабинетъ короля. Король былъ одѣтъ въ свой обычный костюмъ. Въ сопровожденіи герцога Орлеанскаго и свиты онъ направился въ залу засѣданія. По пути его встрѣтила парламентская депутація, состоявшая изъ четырехъ пожизненныхъ президентовъ и четырехъ совѣтниковъ.

У входа въ залу я остановился на одну минуту, охваченный радостнымъ волненіемъ предъ столь внушительнымъ зрѣлищемъ и въ виду столь важныхъ событій. Кромѣ того мнѣ надо было хорошенько успокоиться, чтобы вполнѣ ясно видѣть все, что находилось предъ моими глазами. Я придалъ своему лицу видъ серьезный и скромный: я былъ увѣренъ, что на меня со всѣхъ сторонъ будутъ устремлены любопытные взгляды, какъ на человѣка, хранящаго глубокую тайну и только что принимавшаго участіе въ грозныхъ и загадочныхъ рѣшеніяхъ правительства.

Я не ошибся: лишь только я появился, взоры всѣхъ устремились на меня. Я медленно прошелъ по залѣ и сѣлъ на возвышенномъ мѣстѣ, на скамьѣ, предназначенной для перовъ. Впереди меня никто не сидѣлъ, я свободно могъ обозрѣвать все собраніе и принялся пристально всматриваться въ членовъ парламента. Только одно обстоятельство смущало меня: я не могъ подолгу останавливать своего взора на нѣкоторыхъ лицахъ, я боялся, какъ бы мой взглядъ не показался слишкомъ страстнымъ и краснорѣчивымъ, тѣмъ болѣе, что я безпрестанно встрѣчался со взглядами другихъ. И все-таки я не могъ не пронизать выразительнымъ взоромъ перваго президента и всю большую скамью, гдѣ возсѣдали президенты парламента. Я даже нарочно сѣлъ противъ этой скамьи. Потомъ я началъ вглядываться въ остальныхъ членовъ: на лицахъ было написано изумленіе, полный упадокъ духа,—этого я не ожидалъ, и это мнѣ показалось хорошимъ предзнаменованіемъ. Первый президентъ, сверхъ обыкновенія, казался подавленнымъ, президенты растерянными и съ напряженнымъ вниманіемъ: болѣе пріятнаго зрѣлища для меня и не могъ вообразить. Публика, и къ ней я причисляю всѣхъ, кто не имѣлъ права голоса, была также изумлена, хотя и чувствовала себя спокойнѣе. Всѣ, затаивъ дыханіе, ждали и по лицамъ совѣтниковъ регентства старались разгадать замыселъ правительства.

Я не успѣлъ вполнѣ всѣхъ разсмотрѣть, какъ явился король. Когда замѣшательство, вызванное его появленіемъ, утихло, и всѣ заняли свои мѣста, хранитель печати въ теченіе нѣсколькихъ минутъ оставался недвижимъ на своемъ возвышенномъ мѣстѣ, огненнымъ взглядомъ обозрѣвая все собраніе. Въ залѣ царило мертвое молчаніе и свидѣтельствовало, съ какимъ страхомъ и любопытствомъ всѣ ждали. Этотъ самый парламентъ даже при покойномъ королѣ часто призывалъ къ себѣ этого же самаго Даржансона и отдавалъ ему, какъ начальнику полиціи, разныя приказанія, а онъ выслушивалъ ихъ у рѣшетки, стоя и съ открытой головой. Этотъ самый парламентъ во время регентства обнаружилъ противъ правительства настолько враждебныя

чувства, что послѣ нихъ всего можно ожидать. Этотъ самый первый президентъ столь надменный, столь сильный своимъ герцогомъ Дюменомъ, столь жестоко издѣвавшійся надъ Даржансономъ и грозившій ему... а теперь и этотъ парламентъ, и этотъ президентъ видѣли того же самаго Даржансова на высшемъ юридическомъ посту: онъ былъ облеченъ въ церемоніальный костюмъ, стоялъ надъ всѣмъ парламентомъ, какъ представитель королевской власти, и парламентъ готовился выслушать отъ него публичный суровый урокъ. Президенты видимо старались не смотрѣть на человѣка, столь импонировавшаго имъ, уничтожавшаго ихъ дерзость среди ихъ же торжественнаго собранія, и они видимо не могли выдержать побѣдоносныхъ взглядовъ хранителя печати.

Осмотрѣвъ всю залу, хранитель печати снялъ шляпу, всталъ съ своего мѣста, поднялся къ трону короля, опустился предъ нимъ на колѣна и, выслушавъ приказъ короля, сошелъ внизъ, сталъ на своемъ мѣстѣ и надѣлъ шляпу. Слѣдуетъ объяснить разъ навсегда, что хранитель печати передъ каждой своею рѣчью и передъ каждымъ голосованіемъ продѣлывалъ ту же церемонію. Во время королевскихъ засѣданій парламента хранитель печати или канцлеръ иначе не могутъ говорить съ королемъ. Всякій разъ, когда хранитель печати всходилъ къ королю, регентъ также вставалъ и подходилъ къ королю—подсказывать ему приказанія. Вернувшись на свое мѣсто, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія хранитель печати открылъ засѣданіе рѣчью. Эта первая рѣчь была только вступленіемъ, первымъ актомъ величественной пьесы, второй открылся слѣдующею рѣчью, и все собраніе было поражено до глубины души. Почти никто изъ членовъ парламента не осмѣливался промолвить слова своему сосѣду. Невыразимая печаль и досада омрачили лицо перваго президента. Онъ явно чувствовалъ себя смущеннымъ и пристыженнымъ. Вся главная скамья, занятая пожизненными президентами, поникла головой будто по сигналу и хотя хранитель печати говорилъ негромко и очень сдержанно, каждое слово его было услышано во всѣхъ углахъ залы. Еще глубже былъ пораженъ парламентъ чтеніемъ деклараціи. Казалось, каждая фраза усиливала вниманіе и отчаяніе всѣхъ членовъ: надменные магистраты, заявлявшіе столь дерзкіе протесты и не знавшіе предѣловъ своему честолюбію, теперь публично терпѣли жестокую кару. имъ съ презрѣніемъ указывали ихъ настоящее мѣсто, и никто не жалѣлъ объ ихъ участіи, кромѣ участникокъ ихъ интригъ. Невозможно передать всего, что было пережито въ этотъ знаменательный моментъ. Отъ меня ничего не ускользнуло, но, къ сожалѣнію, у меня нѣтъ силъ всего разсказать.

Послѣ голосованія членовъ скамья пришла въ движеніе; пожелалъ говорить первый президентъ.

Онъ представилъ протестъ, исполненный злобы и лукавства, безстыдный по отношенію къ регенту и дерзкій по отношенію къ королю. Преступникъ дрожалъ, произнося свою рѣчь. Прерывающійся голосъ, смущенный взглядъ, судорожные жесты,—все это доказывало, что первый президентъ усиливался излить весь свой ядъ. Именно въ этотъ моментъ я съ невыразимымъ наслажденіемъ взиралъ на гордыхъ законниковъ, дерзающихъ возмущать наше спокойствіе, распростертыхъ на колѣняхъ, склоняющихся передъ трономъ у нашихъ ногъ въ то время, когда мы сидѣли съ покрытыми головами на высокихъ сѣдалищахъ рядомъ съ самимъ трономъ. Уже эти столь различныя положенія неопровержимо доказываютъ, до какой степени мы выше ихъ,—

мы laterales regis выше этой, такъ называемой, vas electum третьяго сословія. Я, не отрывая глазъ, смотрѣлъ на этихъ гордыхъ буржуа, видѣлъ, какъ президенты то становились на колѣни, то вставали, видѣлъ, какъ при каждомъ колѣнопреклоненіи собирались живописныя складки ихъ мантій, видѣлъ презрѣннаго сѣдого старикашку, корчившаго изъ себя размалеваннаго гада, видѣлъ открытыя и униженныя головы у нашихъ ногъ. Колѣнопреклоненія прекратились лишь по повелѣнію короля, переданному хранителю печати. Когда протестъ былъ высказанъ, хранитель печати взошелъ къ королю, потомъ, не спрашивая ничьего мнѣнія, сѣлъ на свое мѣсто, взглянулъ на перваго президента и произнесъ: «Король требуетъ повиновенія и повиновенія немедленнаго». Эти слова, будто ударъ грома поразили президентовъ и членовъ, всѣ поникли головами, и большинство долго оставалось въ такомъ положеніи.

Но это торжество было скромно сравнительно съ тѣмъ, что послѣдовало немедленно. Хранитель печати, объявивъ волю короля, закончилъ второй актъ и перешелъ къ третьему. Когда онъ, собирая голоса перовъ, относительно приговора противъ парламента, проходилъ мимо меня, я предупредилъ его, чтобы онъ не отбиралъ голосовъ перовъ по слѣдующему вопросу, и онъ мнѣ отвѣтилъ, что не будетъ. Я счелъ необходимой эту предосторожность въ виду возможной забывчивости хранителя печати. Нѣсколько минутъ спустя онъ взошелъ къ королю, потомъ вернулся на свое мѣсто и нѣкоторое время хранилъ молчаніе: всѣмъ было ясно, что вопросъ съ парламентомъ покончень и на очереди другой. Каждый старался догадаться, что это за вопросъ. Кто обратилъ вниманіе на отсутствіе незаконныхъ принцевъ, тотъ соображалъ, что дѣло касается ихъ, но никто въ точности не могъ угадать, въ чемъ оно заключается.

Наконецъ, хранитель печати заговорилъ и съ первыхъ же фразъ объявилъ развѣнчаніе одного принца и милость по отношенію къ другому. Эффектъ вышелъ неописанный. Я самъ былъ въ высшей степени взволнованъ, но не пропустилъ ни одной подробности. Всѣ были прежде всего изумлены. Многіе, повидимому, чувствовали удовольствіе или потому, что рѣшеніе правительства было справедливо, или потому, что они ненавидѣли герцога Дюмена и питали расположеніе къ графу Тулузскому; нѣкоторые, напротивъ, были убиты. Первый президентъ утратилъ всю важность. Лицо его, обыкновенно такое самодовольное и смѣлое, теперь подергивалось судоргами. Онъ упалъ бы въ обморокъ, если бы не былъ слишкомъ раздраженъ. Еще хуже вышло при чтеніи деклараціи. Каждое слово было закономъ и влекло за собой новый погромъ. Всѣ внимательно слушали, каждый старался не проронить ни слова, устремивъ глаза на секретаря. Во время этого чтенія первый президентъ, скрежеща остатками зубовъ, какіе у него еще были, опустилъ голову на свою трость и въ этомъ стройномъ положеніи оставался до конца чтенія, которое уничтожало его и воскрешало насъ.

Что касается меня, я умиралъ отъ радости. Я боялся упасть въ обморокъ, сердце мое замирало и билось такъ, что готово было выскочить изъ груди. Я употреблялъ всевозможныя усилія, чтобы ничего не пропустить и все-таки эта мука для меня была сладостна. Я вспоминалъ годы рабства, роковые дни, когда меня привлекали въ парламентъ, какъ жертву, и я нѣсколько разъ долженъ былъ служить торжеству незаконныхъ принцевъ. Я припоминалъ, какъ постепенно они

достигли высоты и сѣли намъ на головы, и я сравнивалъ всѣ эти факты съ наступившимъ наконецъ днемъ справедливаго возмездія, сравнивалъ прошлое торжество съ только что совершившимся страннымъ паденіемъ принцевъ и нашемъ мгновеннымъ возвышеніемъ. Я вспомнилъ наконецъ угрозу, которую я когда-то отважился высказать въ глаза герцогу Дюмену, и теперь эта угроза осуществилась. И я самъ былъ виновникомъ осуществленія, я самому себѣ былъ обязанъ всѣмъ, что произошло, и я, сознавая это, созерцалъ теперь ослѣпительный блескъ августѣйшаго собранія предъ лицомъ самого короля. Я торжествовалъ, я мстилъ за себя, я упивался своею местью, я упивался полнымъ осуществленіемъ самыхъ горячихъ и неослабныхъ стремленій моей жизни. Я готовъ былъ думать, что мнѣ ничего больше не оставалось желать. И все-таки я слушалъ чтеніе деклараціи, каждое слово глубоко отзывалось въ моемъ сердцѣ и въ то же время я слѣдилъ, какое впечатлѣніе она производила на другихъ.

Въ ту минуту, когда хранитель печати коснулся сущности вопроса, мои глаза встрѣтились съ глазами двухъ епископовъ, перовъ. Я никогда не видалъ подобнаго изумленія и такого краснорѣчиваго восторга. Я не могъ предупредить ихъ, такъ какъ сидѣлъ отъ нихъ далеко. Я пожиралъ глазами ихъ сіявшія лица и, наконецъ, отвернулся отъ нихъ изъ страха, что со мной сдѣлается дурно, и не рѣшался больше смотрѣть на нихъ.

Послѣ первой деклараціи, началось чтеніе другой, въ пользу графа Тулузскаго, такъ какъ хранитель печати приказалъ секретарю прочитать обѣ деклараціи вмѣстѣ. Вторая, ставившая въ столь различныя положенія обоихъ братьевъ, казалось, окончательно смутила перваго президента и друзей герцога Дюмена. Кто не былъ въ курсѣ дѣла, тому казалось непонятной такая разница: друзья графа Тулузскаго торжествовали, лица безразличныя были также довольны, но находили милость къ графу Тулузскому неосновательной и незаконной. Я хорошо подмѣтилъ всѣ эти различныя настроенія, тѣмъ болѣе, что слушатели во время чтенія обмѣнивались другъ съ другомъ нѣсколькими словами, хотя и слушали очень внимательно.

Важныя статьи на счетъ согласія принцевъ крови и опроса перовъ Франціи вызвали всеобщее вниманіе и заставили перваго президента приподнять свой носъ. Даже нѣкоторые перы подъ вліяніемъ епископа Метскаго, начали ворчать сквозь зубы и сообщать своимъ сосѣдямъ, что съ ними не посовѣтывались въ общемъ собраніи на счетъ столь важнаго дѣла и все-таки потребовали ихъ голосовъ. Но развѣ можно было открыть подобную тайну и даже обсуждать ее въ собраніи перовъ всѣхъ возрастовъ? Нѣкоторые изъ недовольныхъ шептали, что друзья регента отвѣчали, очевидно, за другихъ, не имѣя на это никакого права. И это мелочное чувство ревности мучило ихъ больше, чѣмъ привилегія графа Тулузскаго, но вскорѣ всѣ успокоились: ни одно вѣдь дѣло не обходится безъ противорѣчій, таковы ужъ люди.

Послѣ рѣчи генеральнаго адвоката, хранитель печати взошелъ къ королю, потомъ собралъ мнѣнія принцевъ крови и обратился къ герцогу Сюлли и ко мнѣ. Къ счастью, память у меня была лучше, чѣмъ у него, а можетъ быть, онъ и просто не хотѣлъ помнить, но меня вопросъ касался слишкомъ близко, и я, снявъ шляпу, сказалъ ему очень выразительно и громко: «Нѣтъ, милостивый государь, мы не можемъ быть судьями,—мы сторона, мы должны лишь благодарить короля за справедливость, которую онъ оказалъ намъ». Хранитель печати улыб-

нулся и извинился. Я успѣлъ предупредить его раньше, чѣмъ герцогъ Сюлли могъ открыть ротъ. Оглянувшись по сторонамъ, я съ удовольствіемъ увидѣлъ, что мой отказъ подать голосъ былъ замѣченъ всѣми. Хранитель печати тотчасъ повернулся назадъ и, не отбирая голосовъ перовъ, обратился къ маршаламъ Франціи, потомъ къ первому президенту, пожизненнымъ президентамъ и, наконецъ, къ остальнымъ членамъ парламента. Наконецъ, снова поднявшись къ королю и вернувшись на свое мѣсто, онъ произнесъ повелѣніе считать деклараціи закономъ и переполнилъ чашу моей радости. Немедленно затѣмъ, всталъ герцогъ Бурбонскій, поклонился королю, но забылъ сѣсть и надѣть шляпу раньше, чѣмъ говорить, какъ долженъ былъ поступать всякій перъ Франціи по праву и по обычаю. Герцогъ, стоя съ открытой головой, началъ читать рѣчь, голосъ у него былъ неблагодарный, и онъ прочелъ ее невнятно. Когда онъ кончилъ, герцогъ Орлеанскій всталъ и сдѣлалъ ту же ошибку: также стоя съ открытой головой, онъ заявилъ, что просьба герцога, по его мнѣнію, справедлива: герцогъ Дюменъ теперь только перъ, маршалъ Вильруа, какъ перъ, старше его и, слѣдовательно, не можетъ состоять подъ его вѣдѣніемъ,—новое и очень внушительное основаніе помимо тѣхъ, какія привелъ герцогъ. Эта просьба вызвала неописанное изумленіе у всего собранія, привела въ отчаяніе перваго призидента и тѣхъ немногихъ лицъ, которыя выдавали себя за приверженцевъ герцога Дюмена. Маршалъ Вильруа сидѣлъ мрачный, не моргнувъ бровью. На глазахъ главнаго шталмейстера выступили слезы. Я не могъ разсмотрѣть, что выражало лицо его двоюроднаго брата и близкаго друга, маршала Бокселя. Онъ на самые глаза надвинулъ свою широкополую шляпу и сидѣлъ неподвижно. Первый президентъ, окончательно убитый, еще ниже опустилъ голову, и я одну минуту думалъ, что его подбородокъ упадетъ на колѣни.

Когда хранитель печати началъ отбирать мнѣнія, ему отвѣтили, что не слышали предложенія герцога. Собранію передали бумагу, и въ то время, когда она ходила по рукамъ, хранитель печати очень громко повторилъ слова регента насчетъ старшинства маршала Вильруа, какъ пера, передъ герцогомъ Дюменомъ. Я подалъ свое мнѣніе довольно громко и сказалъ: «за этотъ вопросъ, милостивый государь, я подаю свой голосъ отъ всего сердца, чтобы высшій надзоръ за воспитаніемъ короля былъ порученъ герцогу».

Когда былъ объявленъ результатъ голосованія, хранитель печати подозвалъ главнаго секретаря и приказалъ ему принести его бумаги и поставить его столъ рядомъ съ его столомъ, чтобы теперь же немедленно и въ присутствіи короля внести въ парламентскіе списки всѣ деклараціи и подписать ихъ. Все это было исполнено безъ малѣйшаго затрудненія съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей подъ тщательнымъ наблюденіемъ хранителя печати. Такъ какъ въ списки надо было внести пять или шесть декларацій, процедура длилась довольно долго.

Я внимательно слѣдилъ за королемъ, когда шелъ вопросъ объ его воспитаніи, и не замѣтилъ въ немъ ни малѣйшаго неудовольствія, даже никакой перемѣны. Это былъ послѣдній актъ зрѣлища, и король чувствовалъ себя вполнѣ бодрымъ, пока деклараціи записывались въ парламентскіе списки. Такъ какъ въ это время не говорилось никакихъ рѣчей, король началъ смѣяться съ тѣми, кто стоялъ близко около него, забавлялся всѣмъ окружающимъ, замѣтилъ даже, что герцогъ Мевеньи, находившійся далеко отъ его трона, былъ одѣтъ все-таки въ бархатный

костюмъ, шутилъ, что герцогу жарко, и все это выходило у короля очень мило. Полное равнодушіе къ герцогу Дюмену всѣхъ поразило и опровергло слухъ, который старались распространить сторонники герцога, будто бы у короля покраснѣли глаза и будто бы онъ только не осмѣлился обнаружить своихъ чувствъ ни во время засѣданія, ни потомъ. На самомъ дѣлѣ глаза короля все время были сухи и ясны, и потомъ онъ только одинъ разъ произнесъ имя герцога Дюмена, именно въ тотъ же день, послѣ обѣда, онъ очень холодно спросилъ, гдѣ герцогъ, и не прибавилъ больше ни слова и не пригласилъ къ себѣ его дѣтей. Впрочемъ, и дѣти герцога не интересовались королемъ и даже, когда они являлись къ нему, они отходили въ сторону и играли между собой. Что касается герцога, онъ или изъ-за политическихъ соображеній, или потому, что считалъ всякія дѣйствія съ своей стороны преждевременными, видалъ короля только по утрамъ на нѣсколько минутъ въ постели и совсѣмъ не являлся къ нему днемъ, за исключеніемъ торжественныхъ случаевъ. Пока записывались деклараціи я осматривалъ залу. Все время я старался сдерживаться, но я не могъ противостать искушенію отвести душу на первомъ президентѣ. Въ теченіе всего засѣданія я неустанно донималъ его своими весьма выразительными и продолжительными взглядами. Я бросалъ ему оскорбленія, презрѣніе, пренебреженіе, сознаніе собственнаго торжества, стараясь пронзить его насквозь. Часто онъ опускалъ свои глаза, встрѣчаясь съ моими, разъ или два онъ пристально взглянулъ на меня, и я съ наслажденіемъ отразилъ его взглядъ тонкой ненавистнической улыбкой, окончательно повергшей его въ смущеніе. Я упивался его яростью и съ великимъ удовольствіемъ давалъ ему это чувствовать. Нѣсколько разъ я издѣвался надъ нимъ съ своими сосѣдями, показывая на него взглядомъ, когда онъ могъ видѣть это. Однимъ словомъ, я всячески изощрялся надъ нимъ, какъ только могъ.

Наконецъ, запись декларацій была кончена, король сошелъ съ трона и направился къ выходу въ сопровожденіи регента, двухъ принцевъ крови и сеньеровъ, составлявшихъ его обычную свиту. Въ то же время сошли съ своихъ высокихъ скамей маршалы Франціи и когда король проходилъ по залѣ въ сопровожденіи депутаціи, раньше его встрѣтившей, маршалы прошли между скамейками совѣтниковъ противъ насъ и присоединились къ свитѣ короля. Въ то же время два епископа, проходя передъ трономъ, стали во главѣ перовъ и, поровнявшись со мной, пожали мнѣ руки въ знакъ живѣйшаго сочувствія. Мы всѣ послѣдовали за епископами по два въ рядъ, направляясь прямо къ выходу. Потомъ тронулся парламентъ и вышелъ въ другую дверь. Намъ расчищали дорогу до самаго выхода. Окружавшая насъ толпа мѣшала намъ разговаривать и открыто выражать свою радость. Я былъ упоенъ. Тотчасъ сѣлъ въ карету, ожидавшую меня и меньше чѣмъ въ четверть часа былъ дома.

Внезапная смерть герцога Орлеанскаго.

Герцогъ Орлеанскій боялся медленной смерти, которая долго грозитъ человѣку. Для людей, желающихъ приготовиться къ смерти, такая кончина—истинная благодать, но герцогъ Орлеанскій предпочиталъ внезапную смерть, и, увы! желаніе его исполнилось. Второго декабря, послѣ обѣда, я отправился изъ Медона въ Версаль, явился къ герцогу и нашелъ его одного. Въ теченіе трехъ четвертей часа мы, расхажи-

вая по кабинету, толковали о дѣлахъ, какія онъ долженъ былъ докладывать королю. Я не нашелъ въ немъ никакихъ перемѣнъ, только съ нѣкотораго времени онъ какъ бы погрузнѣлъ и отяжелѣлъ, но мысль его попрежнему оставалась ясною. Я вернулся въ Медонъ, нѣкоторое время поговорилъ съ женой. Въ это время у насъ бывало мало гостей, и мы разошлись по своимъ комнатамъ.

Не прошло и часа, я вдругъ услышалъ крики, вышелъ изъ своего кабинета; на встрѣчу мнѣ бросилась въ испугѣ жена и вмѣстѣ съ ней посланный маркиза Рюффека, и онъ сообщилъ мнѣ, что съ герцогомъ Орлеанскимъ произошелъ ударъ. Вѣсть эта меня очень взволновала, но нисколько не удивила. Я давно ждалъ этого. Быстро сѣлъ я въ карету и во весь духъ помчался въ Версаль. У входа въ паркъ другой посланный маркиза остановилъ меня и сообщилъ мнѣ, что все кончено. Болѣе получаса я оставался погруженнымъ въ скорбь и размышленія, наконецъ рѣшился все-таки ѣхать въ Версаль; тамъ я прошелъ прямо въ свою квартиру и заперся. Передъ самой смертью герцогъ Орлеанскій бесѣдовалъ съ госпожей Фаляри, очень красивой авантюристкой, женой также авантюриста, брата герцогини Бетюнь. Она была одна изъ возлюбленныхъ несчастнаго принца. Герцогъ совсѣмъ уже приготовился идти къ королю и болталъ съ г-жей Фаляри, ожидая короля, около часу. Оба они сидѣли въ креслахъ очень близко другъ къ другу, и онъ упалъ прямо на нее, мгновенно потерявъ сознаніе.

Можно вообразить, какъ перепугалась Фаляри и стала кричать изо всѣхъ силъ. Никто не являлся. Тогда она кое-какъ уложила несчастнаго герцога на двухъ креслахъ и принялась бѣгать по всѣмъ комнатамъ, ища кого-нибудь, выбѣжала наконецъ на дворъ и на галлерею: но это былъ часъ занятій герцога съ королемъ. Прислуга герцога была увѣрена, что къ нему никто не придетъ, и что герцогу никто изъ прислуги не нуженъ. Онъ отправлялся къ королю одинъ. Наконецъ Фаляри отыскала людей, но они не могли оказать герцогу никакой помощи, и она разослала ихъ всѣхъ за докторомъ. Случаю, или лучше сказать, Провидѣнію, было угодно, чтобы роковое событіе произошло въ тотъ самый часъ, когда всѣ обыкновенно уходили по своимъ дѣламъ, или дѣлали визиты, такъ что прошло добрыхъ полчаса раньше, чѣмъ отыскали врача и хирурга.

Имъ достаточно было взглянуть на герцога, чтобы видѣть, что все кончено. Они немедленно положили его на полъ, пустили ему кровь; онъ не подавалъ никакихъ признаковъ жизни, что съ нимъ ни дѣлали. Вскорѣ собралось множество народа, большой и малый кабинеты переполнились публикой, но лишь только стало извѣстно, что нѣтъ никакой надежды на спасеніе герцога, толпа мало-по-малу разсѣялась и вокругъ умершаго водворилась настоящая пустыня. Фаляри съ появленіемъ врачей скрылась и во весь духъ умчалась въ Парижъ.

Фрейусъ, лишь только узналъ объ ударѣ съ герцогомъ, тотчасъ же поспѣшилъ уладить вопросъ о новомъ первомъ министрѣ. Фрейусъ уже раньше намѣтилъ его въ лицѣ герцога Бурбонскаго успѣлъ подготовить короля, особенно съ тѣхъ поръ, какъ узналъ отъ меня объ опасномъ положеніи герцога Орлеанскаго. Герцогъ явился къ королю въ ту самую минуту, когда король узналъ о несчастіи. Король былъ печаленъ и глаза его красны отъ слезъ. Къ нему въ кабинетъ, кромѣ герцога и Фрейуса, пригласили еще нѣсколько знатнѣйшихъ лицъ, затѣмъ дверь затворилась, и Фрейусъ громко заявилъ королю, что послѣ столь великой утраты, самое лучшее, слѣдуетъ просить герцога взять

на себя всѣ дѣла и санъ перваго министра; при этомъ Фрейусъ въ двухъ словахъ почтилъ память герцога Орлеанскаго. Король, не говоря ни слова, посмотрѣлъ на Фрейуса, сдѣлалъ утвердительный кивокъ головой и герцогъ принялся благодарить короля; немедленно была принесена присяга, и герцогъ вышелъ изъ кабинета. За нимъ послѣдовала вся публика. Свита эта увеличивалась съ каждымъ шагомъ, и больше не было разговоровъ, какъ только о герцогѣ, первомъ министрѣ.

Герцогъ Шартрскій развратничалъ въ это время въ Парижѣ и пребывалъ у оперной пѣвицы, которую онъ содержалъ. Здѣсь одинъ курьеръ сообщилъ ему объ ударѣ съ его отцомъ, другой—уже на пути объ его смерти. При пріѣздѣ въ Версаль новаго герцога Орлеанскаго никто не встрѣтилъ, только герцоги Ноэль и Гишъ отъ всего сердца предложили ему свои услуги. Онъ принялъ ихъ, какъ назойливыхъ просителей, поспѣшилъ скорѣе отъ нихъ отдѣлаться, явился къ матери и разсказалъ, что онъ встрѣтилъ двухъ человѣкъ, желавшихъ одурачить его, но онъ ловко раздѣлался съ ними. Эта замѣчательная черта политическаго смысла съ самаго начала заставляла ожидать всего, чѣмъ впослѣдствіи отличился этотъ принцъ. Его съ трудомъ могли убѣдить, что онъ поступилъ глупо, и онъ тѣмъ не менѣе продолжалъ свою политику. Онъ также дерзко поступилъ съ герцогомъ, первымъ министромъ, когда тотъ явился къ нему выразить свое соболѣзнованіе, и наконецъ со мной.

Мнѣ пришлось въ одно утро три раза побывать у него; два раза мнѣ заявили, что герцогъ не принимаетъ, наконецъ въ третій камердинеръ, знавшій меня, устыдился самъ и пошелъ доложить обо мнѣ безъ моей просьбы. Герцогъ явился на порогѣ своего кабинета, съ нимъ были какія-то темныя личности, составлявшія обыкновенно его общество. Я увидѣлъ предъ собой какого-то растрепаннаго взъерошеннаго человѣка, нисколько не огорченнаго, только смущеннаго необычностью своего положенія. Я произнесъ свое привѣтствіе громкимъ голосомъ, яснымъ и очень энергичнымъ. Герцогъ принялъ меня, очевидно, за одного изъ компаніи герцоговъ Гиша и Ноэля и не отвѣчалъ мнѣ ни слова. Я подождалъ нѣсколько мгновеній,—статуя не издавала ни звука. Я поклонился и ушелъ, герцогъ не двинулся съ мѣста, чтобы проводить меня, хотя онъ обязанъ былъ проводить меня черезъ всю комнату, и снова скрылся въ кабинетъ. Уходя, я окинулъ взглядомъ присутствующихъ, которые, повидимому, были изумлены. Я возвратился къ себѣ весьма недовольный тѣмъ, что былъ во дворцѣ, и немного спустя уѣхалъ въ Парижъ, рѣшившись не появляться больше предъ новыми правителями государства за исключеніемъ только крайней необходимости и когда этого потребуетъ приличіе, и то развѣ на нѣсколько мгновеній, ни въ какомъ случаѣ не поступаясь своимъ личнымъ достоинствомъ.

Къ счастью, я никогда ни при какихъ обстоятельствахъ не терялъ изъ виду, до какой степени измѣнилось мое положеніе со смертью герцога Бургундскаго и то, что мнѣ пришлось видѣть потомъ, сдѣлало меня сравнительно безучастнымъ ко всякой другой утратѣ. Я потерялъ дорогого мнѣ принца въ томъ самомъ возрастѣ, въ какомъ мой отецъ потерялъ Людовика XIII: моему отцу было тридцать шесть лѣтъ, королю сорокъ одинъ; мнѣ тридцать семь, а герцогу Бургундскому еще не было тридцати лѣтъ. Онъ готовился вступить на престолъ, водворить въ мірѣ справедливость, порядокъ и правду, и потомъ царствовать надъ благоустроенной страной. Герцогъ умеръ сорока девяти съ

половиной лѣтъ, герцогъ Орлеанскій прожилъ двумя мѣсяцами меньше. Я сравниваю обѣ эти жизни. Они почти равны по количеству лѣтъ и взаимное положеніе принцевъ невольно вызываетъ на сравненіе и въ заключеніе приходится сказать: таковъ нашъ міръ и таково его ничтожество.

Смерть герцога вызвала много шума внутри и внѣ Франціи, но за границей несравненно справедливѣе оцѣнили его и сожалѣли о немъ гораздо болѣе, чѣмъ во Франціи. Иностранцы знали его слабость, англичане сильно ею злоупотребляли и все-таки всѣ они по опыту убѣдились, какимъ обширнымъ и здравымъ умомъ былъ одаренъ герцогъ, какъ велика была его талантливость, проницательность, мудрость и ловкость его политики; какой неистощимой находчивостью и мѣткостью взгляда онъ отличался при всевозможныхъ обстоятельствахъ и случаяхъ, какъ ясно понималъ онъ всѣ вещи и умѣлъ ими пользоваться, до какой степени онъ превосходилъ собственныхъ министровъ и иностранныхъ пословъ дипломатическимъ искусствомъ въ дѣйствіяхъ и глубокимъ умомъ въ словахъ. Такія замѣчательныя и рѣдкія способности заставляли иностранныя державы бояться герцога, а изящество, какое онъ вносилъ во всѣ свои отношенія, даже когда онъ отказывалъ кому въ просьбѣ, внушало къ нему любовь. Еще выше цѣнили иностранцы его великую прирожденную доблесть. Въ короткій промежутокъ времени, когда злополучный Дюбуа совершенно заслонилъ принца, иностранцы могли сравнить личную политику принца съ той политикой, которая только велась отъ его имени и всецѣло принадлежала его министру. Это сравненіе еще больше возвышало его. Иностранцы видѣли, какъ по смерти кардинала герцогъ съ прежней талантливостью началъ вести государственныя дѣла и даже слабость, его величайшій недостатокъ, гораздо меньше отражалась въ дипломатическихъ сношеніяхъ, чѣмъ во внутренней дѣятельности.

Король былъ глубоко тронутъ неизмѣнной почтительностью герцога, его угодливостью—во время занятій дѣлами и, во время просто бесѣды и онъ искренно оплакивалъ его смерть; впослѣдствіи онъ часто вспоминалъ о немъ и всегда съ уваженіемъ, любовью и съ сожалѣніемъ. Такъ бываетъ сильна правда, не смотря на всевозможную ложь и самую безпощадную клевету.

Дворъ въ своихъ чувствахъ раздѣлился на партіи: торжеству справедливости мѣшали страсти. Нашлись здравомыслящіе люди, судившіе о герцогѣ, подобно иностранцамъ. Они знали его обаятельный умъ, его доступность, его терпѣніе и ласку, съ какими онъ неизмѣнно выслушивалъ просителей, его доброту, не измѣнявшую ему даже и въ тѣ минуты, когда онъ бывалъ совсѣмъ въ недобромъ настроеніи, его умѣнье отклонить просьбу, не причиняя ни малѣйшей обиды. Кто зналъ все это, тѣ чувствовали всю тяжесть потери, другіе были огорчены собственно не потому, что жалѣли герцога, а потому, что имѣли основаніе бояться его преемника, но большинство придворныхъ совсѣмъ не жалѣло о герцогѣ: одни изъ партійной вражды, другіе возмущались неприличнымъ образомъ его жизни, были просто недовольные и неблагодарные, ожидавшіе всякихъ благодѣяній отъ преемника герцога, наконецъ, толпа глупцовъ, любящихъ всякія перемѣны и новшества.

Среди духовенства люди благочестивые и просто ханжи радовались смерти герцога, какъ освобожденію: его скандальная жизнь служила примѣромъ и соблазномъ для всѣхъ развратниковъ. Парижскій парламентъ и вообще все сословіе юристовъ, проникнутое однимъ и тѣмъ

же духомъ, не могло простить герцогу Орлеанскому нѣкоторыхъ стѣснительныхъ мѣръ, которыя вызвалъ самъ же парламентъ своей необыкновенно смѣлой политикой. Хотя парламентъ весьма ловко и смѣло умѣлъ избѣжать всѣхъ этихъ мѣръ, все-таки ему пришлось оставить свой излюбленный путь, по необходимости войти въ границы, намѣченныя герцогомъ. Парламентъ весьма многаго достигъ при регентствѣ, но онъ не могъ помириться съ мыслью, что ему не удалось изъ простого свободнаго учрежденія превратиться въ англійскій парламентъ. Все еще приходилось находиться подъ игомъ правительственной власти, а адвокаты поэтому смерть герцога считали своимъ освобожденіемъ. Войско было задавлено множествомъ всевозможныхъ, кое-какъ набранныхъ управленій. Ордена раздавались пригоршнями, весьма часто покупались въ канцеляріяхъ и у разныхъ вліятельныхъ женщинъ; продавались также и чины. Экономія, доведенная до послѣдней степени, превратила солдата въ совершеннаго нищаго. Чрезвычайная строгость и педантизмъ службы сдѣлали его настоящимъ рабомъ. Увеличиваніе жалованья нисколько не отражалось на простомъ солдатѣ, благодаря крайней дороговизнѣ предметовъ первѣйшей необходимости. Въ результатѣ армія, столь важный и многочисленный элементъ въ государствѣ, оказалась въ неслыханно жестокомъ рабствѣ у разныхъ канцелярій, у людей презрѣнныхъ или крайне сомнительныхъ, и солдатъ могла утѣшать только надежда на перемѣну положенія, на облегченіе невыносимаго бремени, на болѣе справедливый порядокъ въ распредѣленіи наградъ и отличій за службу. Флотъ пришелъ въ совершенный упадокъ, о немъ, можно сказать, забыли. Естественно, моряки могли радоваться какой бы то ни было перемѣнѣ. Торговые люди, которыхъ при всякомъ случаѣ приносили въ жертву интересамъ англичанъ или индійской компаніи, питали такія же чувства.

Наконецъ, большинство парижскаго провинціальнаго населенія уже давно приходило въ отчаяніе отъ разорительныхъ финансовыхъ операцій. Правительство путемъ непрерывной биржевой игры стремилось извлечь изъ населенія всѣ деньги. Эти мѣры подорвали состояніе даже богатѣйшихъ подданныхъ, внесли смуту во всѣ семьи, до чудовищныхъ размѣровъ повысили цѣну всѣхъ продуктовъ,—одинаково и предметовъ роскоши, и предметовъ необходимости. Населеніе уже давно жаждало какого-нибудь облегченія, и именно невыносимо тяжелое положеніе внушало народу несбыточныя надежды на новыя правительства. Вообще, всякій человѣкъ склоненъ на что-нибудь возлагать свои надежды, безпрестанно приходить въ отчаяніе отъ разныхъ неудачъ и неосуществившихся иллюзій и, не смотря на всю предусмотрительность, вѣчно впадать въ новыя заблужденія, особенно видя полное свое разореніе и рѣшительно не зная, чѣмъ жить самому и чѣмъ содержать свою семью.

Столь отчаянное всеобщее положеніе возникло неизбѣжно благодаря многочисленнымъ, но безтолковымъ стараніямъ правительства привести въ порядокъ финансы, которые Людовикъ XIV оставилъ въ полномъ разстройствѣ и хаосѣ. Общество не могло оплакивать того, кого считало виновникомъ всѣхъ этихъ бѣдствій. Въ этомъ случаѣ общество походило на ребенка, которому глупецъ подставилъ подъ ноги палку: ребенокъ падаетъ и со слезами, и съ гнѣвомъ набрасывается на палку, какъ будто она настоящая виновница его паденія. Я давно предвидѣлъ, какія послѣдствія будутъ вызваны разстройствомъ финансовъ, желалъ спасти герцога Орлеанскаго отъ несправедливыхъ

нареканій и предлагалъ созвать генеральные штаты, но герцогъ Ноэль въ личныхъ интересахъ воспротивился моему совѣту. Потомъ нѣсколько лѣтъ спустя у многихъ спала повязка съ глазъ, и они пожалѣли о герцогѣ Орлеанскомъ и отнеслись къ нему со всею справедливостью, какую онъ заслуживалъ.

Одинъ изъ представителей знатнаго до-революціоннаго общества.

Я прожилъ непрерывно много лѣтъ съ герцогомъ Лозеномъ. Со смерти Людовика XIV мы видѣлись съ нимъ почти ежедневно и безпрестанно обѣдали другъ у друга. Эта была личность, до такой степени необыкновенная и въ своемъ родѣ единственная, что Лябрюеръ вполнѣ основательно могъ выразиться о немъ: иному и во снѣ не снилась такая жизнь, какую прожилъ въ дѣйствительности герцогъ Лозенъ. Съ этимъ нельзя было не согласиться, особенно кто видѣлъ Лозена уже старикомъ, и я считаю своимъ долгомъ разсказать его исторію подробно.

Герцогъ Лозенъ былъ небольшого роста, темнорусъ, очень строенъ, съ надменнымъ, умнымъ и внушительнымъ, но непріятнымъ лицомъ. Онъ былъ одаренъ неограниченнымъ честолюбіемъ, вѣчно страдалъ капризами и фантастическими замыслами, всему завидовалъ, никогда ничѣмъ не былъ доволенъ, не имѣлъ образованія, не отличался ни любезностью, ни остроуміемъ и отъ природы былъ унылъ и склоненъ къ уединенію, образцовый дворянинъ во всѣхъ своихъ привычкахъ, злой и злопамятный по своимъ инстинктамъ и страстямъ, при случаѣ, впрочемъ, недурной другъ, что съ нимъ случалось рѣдко, зато всегда готовый быть врагомъ даже людей, не стоявшихъ съ нимъ ни въ какихъ отношеніяхъ, всегда склонный отыскивать въ другомъ смѣшныя стороны и издѣваться надъ ними. Блестящая храбрость переходила у него въ опасную дерзость. Какъ придворный, онъ отличался одинаково и вызывающимъ нахальствомъ, и раболѣпной глупостью, былъ неистощимъ на всевозможныя пронырства, интриги и подлости, стремясь къ своимъ цѣлямъ. При дворѣ всѣ его боялись, даже министры, тѣмъ болѣе, что его жестокое и ѣдкое остроуміе никого не щадило. Онъ явился ко двору совершеннымъ бѣднякомъ, младшимъ сыномъ гасконскаго дворянина, очень молодымъ и носилъ онъ тогда имя маркиза Пюигеллема. Маршалъ Грамонъ, двоюродный братъ его отца, принялъ его къ себѣ. Маршалъ занималъ тогда видное положеніе при дворѣ, пользовался довѣріемъ королевы матери и кардинала Мазарини, получилъ гвардейскій полкъ для своего старшаго сына графа Гиша. Этотъ графъ, съ своей стороны, былъ цвѣтомъ придворныхъ молодыхъ людей и баловнемъ у дамъ, пользовался величайшей благосклонностью короля и графини Суасонской, племянницы кардинала: король вѣчно пребывалъ у графини, и она была настоящей королевой двора. Графъ Гишъ ввелъ къ ней маркиза Пюигеллема, и маркизъ вскорѣ сдѣлался любимцемъ короля, и король пожаловалъ ему команду надъ своимъ драгунскимъ полкомъ, потомъ сдѣлалъ его адъютантомъ и, наконецъ, создалъ для него должность драгунскаго генералъ-полковника.

Герцогъ Мазарини, уже не жившій при дворѣ, въ 1669 году пожелалъ сложить съ себя должность главнаго начальника артиллеріи. Пюигеллемъ одинъ изъ первыхъ пронюхалъ объ этомъ и попросилъ у короля только что освободившееся мѣсто. Король обѣщалъ, но велѣлъ

хранить это втайнѣ въ теченіе нѣскольких дней. Наступилъ день, когда король рѣшилъ объявить новое назначеніе маркиза. Маркизъ явился дожидаться выхода короля изъ совѣта министерства финансовъ и остался въ комнатѣ, куда никто не входилъ во время совѣта. Его встрѣтилъ здѣсь главный дворцовый каммердинеръ Ніеръ и спросилъ у него, зачѣмъ онъ здѣсь: Пюигеллемъ, вполнѣ увѣренный въ своемъ дѣлѣ вздумалъ заручиться преданностью королевскаго камердинера и сообщилъ ему подъ секретомъ о милости короля. Ніеръ радостно поздравилъ его, потомъ вынулъ часы, увидѣлъ, что еще остается достаточно времени до выхода короля, сообщилъ маркизу, что ему немедленно надо исполнить одно приказаніе короля, и отправился въ кабинетъ, гдѣ обыкновенно работалъ Лювуа. Ніеръ вошелъ въ кабинетъ и разсказалъ Лювуа, что послѣ совѣта министерства финансовъ Пюигеллемъ будетъ объявленъ главнымъ начальникомъ артиллеріи, онъ, Ніеръ, узналъ это отъ самого маркиза, который уже ждетъ короля въ комнатѣ передъ совѣтомъ.

Лювуа ненавидѣлъ Пюигеллема, какъ друга Кольбера, его соперника, и опасался поэтому вліянія и самовластія маркиза, тѣмъ болѣе, что его новая должность была неразрывно связана съ военнымъ министерствомъ, а Лювуа между тѣмъ самъ стремился быть неограниченнымъ распорядителемъ всѣхъ военныхъ дѣлъ. Онъ обнялъ Ніера, поблагодарилъ его и, отославъ его назадъ, захватилъ какую-то бумагу, чтобы имѣть предлогъ войти къ королю, и сошелъ внизъ, въ комнату, гдѣ были Пюигеллемъ и Ніеръ. Ніеръ очень изумился приходу Лювуа и заявилъ ему, что совѣтъ еще не кончился. «Ничего,—отвѣтилъ Лювуа,—я войду, у меня очень спѣшное дѣло къ королю». Король, увидѣвъ его, изумился, спросилъ о причинѣ его прихода, всталъ съ кресла и отошелъ съ нимъ къ окну. Лювуа объяснилъ ему, что ему извѣстно о желаніи короля объявить Пюигеллема главнымъ начальникомъ артиллеріи, и Пюигеллемъ уже ждетъ короля въ сосѣдней комнатѣ. Его величество, конечно, полный господинъ своихъ милостей, но онъ—Лювуа—считаетъ своимъ долгомъ указать королю на капризный и надменный характеръ маркиза и до какой степени вообще невозможна ихъ совмѣстная служба; маркизъ пожелаетъ все передѣлать въ артиллеріи по своему, эта должность по необходимости связана съ военнымъ министерствомъ и невозможно, чтобы ее занималъ человѣкъ, вѣчно наклонный къ фантастическимъ предпріятіямъ и, кромѣ того, находящійся въ открытой враждѣ съ военнымъ министромъ, малѣйшія недоразумѣнія будутъ ежедневно причинять королю досаду, ему безпрестанно придется являться судьей ихъ ссоръ и разногласій.

Король почувствовалъ себя крайне оскорбленнымъ, видя, что его тайна извѣстна именно тому лицу, отъ кого онъ преимущественно и хотѣлъ ее скрыть. Онъ чрезвычайно недовольнымъ тономъ отвѣтилъ Лювуа, что дѣло еще не рѣшено, отпустилъ Лювуа и снова сѣлъ на свое мѣсто. Минуту спустя совѣтъ кончился. При выходѣ король увидѣлъ Пюигеллема и прошелъ мимо, не сказавъ ему ни слова. Крайне удивленный, онъ ждетъ цѣлый день, объявленія все нѣтъ, тогда онъ обращается за разъясненіемъ къ королю передъ отходомъ ко сну. Король ему отвѣчаетъ, что еще ничего нельзя сдѣлать и что онъ посмотритъ. Неопредѣленность отвѣта и сухой тонъ приводятъ Пюигеллема въ безпокойство. Обладая большимъ искусствомъ ухаживать за дамами, онъ отправляется къ г-же Монтеспанъ, разсказываетъ ей свое горе и умо-

ляетъ ее помочь ему. Та даетъ ему тысячу обѣщаній и водитъ его за носъ въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Пюигеллемъ теряетъ терпѣніе, не можетъ понять, что мѣшаетъ его успѣху, и рѣшается на поступокъ, который можно бы счесть невѣроятнымъ, если бы онъ не былъ засвидѣтельствованъ дворомъ того времени. Онъ вступаетъ въ любовную связь съ любимой горничной г-жи Монтеспанъ—для него всѣ средство были хороши и съ помощью ея совершаетъ неслыханную дерзость. Среди всѣхъ своихъ любовныхъ приключеній король никогда не прекращалъ своихъ отношеній съ женой и всегда являлся къ ней, хотя часто и поздно, своихъ же возлюбленныхъ онъ посѣщалъ послѣ обѣда. Пюигеллемъ заставилъ горничную спрятать его подъ кроватью г-жи Монтеспанъ въ то время, когда у нея будетъ король. Изъ ихъ разговора маркизъ узналъ, что Лювуа воспрепятствовалъ его назначенію. Король разгнѣвался на то, что его тайна была разглашена, и рѣшилъ не давать артиллеріи Пюигеллему, чтобы избѣжать постоянныхъ ссоръ между нимъ и Лювуа и не быть между ними посредникомъ. Маркизъ услышалъ также, какого рода разговоры происходили на его счетъ между королемъ и его возлюбленной, и какъ она, надававшая ему столько обѣщаній употребила всѣ усилія повредить ему. Кашель, малѣйшее движеніе, ничтожная случайность могли обнаружить подслушивателя; и что́ бы тогда произошло. Есть вещи, предъ которыми отъ ужаса нѣмѣетъ языкъ.

Пюигеллемъ былъ болѣе счастливъ, чѣмъ благоразуменъ, и его не замѣтили. Король ушелъ отъ г-жи Монтеспанъ, и она стала одѣваться, чтобы идти на репетицію балета, гдѣ должны были присутствовать король, королева и весь дворъ. Горничная извлекла Пюигеллема изъ подъ кровати. Костюмъ его, очевидно, былъ въ полномъ порядкѣ и онъ сталъ дожидаться у дверей комнаты г-жи Монтеспанъ.

Когда она вышла, чтобы отправиться на репетицію, онъ предложилъ ей руку и спросилъ у нея самымъ ласковымъ и почтительнымъ тономъ, можетъ ли онъ льстить себя надеждой, что она вспомнила о немъ предъ королемъ. Г-жа Монтеспанъ стала увѣрять его, что, конечно, вспомнила, и выдумывать всевозможныя услуги, которыя, будто бы она ему только что оказала. Маркизъ съ видомъ полнаго довѣрія прерываетъ ее, переспрашиваетъ ее, а потомъ наклоняется къ ея уху и говоритъ ей, что она лгунья, плутовка, негодяйка, что она... и слово въ слово повторяетъ ей весь разговоръ ея съ королемъ. Г-жа Монтеспанъ пришла въ такое смущеніе, что не смогла ему ни слова отвѣтить, едва дошла до своего мѣста, дрожа всѣмъ тѣломъ, и не успѣла сѣсть, какъ упала въ обморокъ. Успѣлъ собраться уже весь дворъ, король въ испугѣ приблизился къ г-жѣ Монтеспанъ, ее съ трудомъ привели въ чувство. Вечеромъ она все разсказала королю, твердо увѣренная, что только нечистый духъ могъ сообщить Пюигеллему ихъ разговоръ съ королемъ. Король пришелъ въ крайнее негодованіе отъ оскорбленій, какія пришлось выслушать г-жѣ Монтеспанъ, и весьма мучился, какимъ путемъ Пюигеллемъ могъ получить такъ скоро и такія точныя свѣдѣнія.

Пюигеллемъ, съ своей стороны, былъ въ бѣшенствѣ, потому что отъ него ускользнула артиллерія, и такимъ образомъ король и онъ оказались въ странной междоусобной враждѣ. Такое положеніе могло длиться только нѣсколько дней. Пюигеллемъ подстерегалъ короля, желая поймать его наединѣ. Онъ заговорилъ съ нимъ объ артиллеріи и смѣло потребовалъ у него исполненія слова. Король отвѣчалъ ему,

что онъ не считаетъ себя связаннымъ своимъ словомъ, такъ какъ онъ далъ его подъ условіемъ тайны, а Пюигеллемъ ее нарушилъ. Выслушавъ этотъ отвѣтъ, Пюигеллемъ отступаетъ на нѣсколько шаговъ, повертывается къ королю спиной, вынимаетъ свою шпагу и переламываетъ ее ногой, крича, что онъ до самой своей смерти не станетъ служить государю, который такъ низко нарушаетъ свое слово. Король, охваченный гнѣвомъ, совершаетъ въ эту минуту, можетъ быть, прекраснѣйшій поступокъ за всю свою жизнь: мгновенно онъ открываетъ окно и выбрасываетъ свою трость, говоря, что ему было бы тяжело побить человѣка знатнаго происхожденія, и съ этими словами уходитъ.

На слѣдующій день, утромъ, Пюигеллемъ былъ арестованъ и отвезенъ въ Бастилію.

Съ 1665 года онъ былъ губернаторомъ въ Берри. Я не стану разсказывать объ его приключеніяхъ съ принцессой Монпансье, которыя она сама разсказываетъ съ такою наивностью въ своихъ запискахъ, не стану я распространяться и о томъ, какъ онъ имѣетъ несказанную глупость отложить съ ней свой бракъ уже послѣ того, какъ король далъ свое согласіе, — и отложить затѣмъ, чтобы приготовить новыя ливреи и вѣнчаться съ принцессей за обѣдней въ присутствіи короля. Эта отсрочка дала возможность двумъ принцамъ переговорить съ королемъ, убѣдить его взять назадъ свое согласіе, и это разстроило свадьбу. Принцесса метала громъ и молніи, но Пюигеллемъ, носившій послѣ смерти своего отца титулъ графа Лозена, самоотверженно подчинился королю и проявилъ больше благоразумія, чѣмъ обыкновенно. Онъ получилъ командованіе надъ однимъ изъ придворныхъ полковъ, которымъ командовалъ его отецъ, и былъ произведенъ въ генералъ-поручики.

Онъ былъ влюбленъ въ госпожу Монако, сестру графа Гишъ, близкую пріятельницу сестры короля и наперсницу во всѣхъ ея интригахъ. Принцессѣ удалось добиться у короля, съ которымъ она была въ прекраснѣйшихъ отношеніяхъ, неслыханной милости, именно, подобно королевѣ, имѣть главную домоправительницу при своемъ дворѣ, и дать эту должность госпожѣ Монако. Лозенъ былъ очень ревнивъ и имѣлъ основаніе ревновать свою возлюбленную. Однажды, лѣтомъ, послѣ обѣда, онъ пріѣхалъ въ Сенъ-Клу. Въ это время принцесса и ея дворъ сидѣли въ паркѣ прямо на землѣ, такъ какъ было жарко, а госпожа Монако полулежала, вытянувъ руку. Лозенъ принимается любезничать съ дамами и повертывается такъ искусно, что каблукомъ попадаетъ въ раскрытую ладонь госпожи Монако, дѣлаетъ прыжокъ и убѣгаетъ. Госпожа Монако напрягла всѣ силы, чтобы не закричать, и смолчала объ этомъ происшествіи. Немного спустя Лозенъ поступилъ еще хуже. Онъ узналъ, что король видится съ госпожей Монако, и въ тотъ самый часъ, когда камердинеръ короля Боншанъ провожалъ ее, закутанную въ шаль, по потайной лѣстницѣ, Лозенъ проникъ туда. На площадку выходила дверь изъ кабинета короля, а противъ находилось небольшое укромное помѣщеніе. Явившись раньше, Лозенъ скрывается въ это помѣщеніе, запирается изнутри на крючекъ и видитъ въ замочную скважину, какъ король открылъ дверь и оставилъ ключъ снаружи. Лозенъ немного переждалъ, пока совсѣмъ затихли шаги короля, потомъ замкнулъ дверь на два поворота, вынулъ ключъ и самъ скрылся въ то же помѣщеніе. Немного спустя является Боншанъ съ дамой, и оба они изумляются, что въ двери кабинета нѣтъ ключа. Боншанъ начинаетъ потихоньку стучать, король не отзывается. Боншанъ стучитъ

сильнѣе, и король наконецъ подходитъ къ двери. Камердинеръ говоритъ ему, что дама съ нимъ, и проситъ открыть дверь, такъ какъ ключа нѣтъ. Король отвѣчаетъ, что ключъ онъ оставилъ снаружи, Бониланъ ищетъ ключъ на полу, а король въ это время хочетъ отпереть замокъ. Всѣ трое стоятъ передъ запертой дверью въ крайнемъ изумленіи, переговариваются другъ съ другомъ, и никакъ не могутъ понять, какъ это могло произойти. Король выбивается изъ силъ открыть дверь, но наконецъ приходится сквозь дверь проститься съ дамой. Лозенъ изъ своего убѣжища видѣлъ всю эту сцену, не проронилъ ни слова и отъ души потѣшался.

Въ 1670 году король пожелалъ совершить съ своими дамами тріумфальное путешествіе подъ предлогомъ посѣтить фландрскія крѣпости. Его сопровождалъ, цѣлый армейскій корпусъ и всѣ дворцовыя войска, такъ что Голландія пришла было въ безпокойство. Король ее успокоилъ. Начальство надъ всѣми войсками поручилъ Лозену и пожаловалъ его генераломъ. Лозенъ выполнилъ возложенныя на него обязанности очень умно и по отношенію къ дамамъ обнаружилъ необыкновенную любезность, не жалѣя никакихъ издержекъ. Милость короля къ Лозену и блескъ путешествія заставили сильно призадуматься Лювуа, съ которымъ Лозенъ попрежнему нисколько не церемонился. Министръ вступилъ въ союзъ съ госпожей Монтеспанъ, которая не могла забыть оскорбленій, нанесенныхъ ей Лозеномъ, и они вдвоемъ сумѣли пробудить у короля воспоминаніе о томъ, какъ въ его присутствіи Лозенъ переломилъ свою шпагу, и какъ онъ за такую дерзость отдѣлался только непродолжительнымъ пребываніемъ въ Бастиліи, и какъ потомъ въ теченіе нѣсколькихъ дней отказывался отъ должности гвардейскаго капитана. Очевидно, человѣкъ этотъ совершенно зазнался и до такой степени успѣлъ подчинить себѣ принцессу Монпансье, что едва не женился на ней и не получилъ громаднаго приданаго. Наконецъ, по словамъ Лювуа и госпожи Монтеспанъ, это человѣкъ вообще очень опасный, особенно послѣ того, какъ король поставилъ его во главѣ войскъ, и онъ ослѣпилъ солдатъ своею щедростью, офицеровъ— любезностью до такой степени, что они стали уважать его. Кромѣ всего этого, Лозену была вмѣнена въ преступленіе его тѣсная дружба съ графиней Суасонской, заподозрѣнной въ тяжкихъ преступленіяхъ и удаленной отъ двора. Въ концѣ-концовъ Лювуа и госпожа Монтеспанъ, вѣроятно, приписали и Лозену какое-нибудь преступленіе: иначе нельзя объяснить жестокой кары, постигшей его.

Интриги эти продолжались въ теченіе цѣлаго года и Лозенъ ни о чемъ не могъ догадаться по лицамъ короля и госпожи Монтеспанъ, которые обращались съ нимъ попрежнему весьма благосклонно. Лозенъ былъ большой знатокъ въ драгоцѣнныхъ камняхъ, искусно могъ ихъ подбирать, и госпожа Монтеспанъ часто пользовалась его услугами. Однажды, вечеромъ, въ срединѣ ноября 1671 года, Лозенъ только-что возвратился изъ Парижа, куда его посылала госпожа Монтеспанъ съ порученіемъ насчетъ драгоцѣнныхъ камней. Не успѣлъ Лозенъ войти къ себѣ, въ ту же минуту почти одновременно съ нимъ явился капитанъ дворцовой гвардіи и арестовалъ его. Лозенъ, крайне изумленный, пожелалъ знать причину ареста, повидать короля или госпожу Монтеспанъ, по крайней мѣрѣ, написать имъ. Ни того, ни другого ему не позволили. Онъ былъ отвезенъ въ Бастилію, потомъ въ Пеньероль, и запертъ въ подвальномъ отдѣленіи. Его должности гвардейскаго капитана и беррійскаго губернатора были переданы другимъ лицамъ.

Можно судить, въ какомъ настроеніи духа оказался человѣкъ, подобный Лозену, въ мгновеніе ока низвергнутый съ высоты въ казематъ, причемъ ему не позволили ни съ кѣмъ видѣться, и онъ даже не могъ догадаться о причинѣ своего несчастія. Долгое время онъ сохранялъ присутствіе духа, но, наконецъ, заболѣлъ настолько серьезно, что пришлось подумать объ исповѣди, потомъ онъ мнѣ разсказывалъ, что онъ боялся подставного священника, и поэтому упорно настаивалъ, чтобы прислали ему капуцина. Лишь только капуцинъ явился, онъ бросился къ нему, уцѣпился за бороду и сталъ теребить ее изо всѣхъ силъ, желая знать, не фальшивая ли она. Въ тюрьмѣ онъ пробылъ четыре или пять лѣтъ. Заключенные всегда изобрѣтаютъ разныя уловки. У Лозена были сосѣди и сверху, и съ боковъ, и всѣ они нашли способъ разговаривать другъ съ другомъ, потомъ они тайкомъ продѣлали отверстіе, чтобы лучше слышать другъ друга и постепенно расширили его до того, что могли видѣть другъ друга.

Главный интендантъ Фуке былъ заточенъ здѣсь же съ сентября 1664 года. Онъ былъ арестованъ 5 го сентября 1661 года въ Нантѣ и посаженъ сначала въ Бастилію. Онъ узналъ отъ своихъ сосѣдей, что подъ ними сидитъ Лозенъ. Фуке не получалъ никакихъ вѣстей изъ внѣшняго міра, надѣялся услышать новости отъ Лозена и возымѣлъ сильное желаніе видѣть его. Онъ зналъ его еще молодымъ человѣкомъ, пробивающимъ себѣ дорогу при дворѣ при посредствѣ маршала Грамона и хорошо принятымъ у графини Суасонской и уже обратившимъ на себя благосклонное вниманіе короля. Заключенные, знакомые съ Лозеномъ, убѣдили его черезъ дыру проникнуть къ нимъ и повидаться съ Фуке. Онъ съ радостью принялъ предложеніе, они сошлись, и Лозенъ принялся имъ разсказывать свои приключенія. Несчастный интендантъ не могъ опомниться отъ изумленія, когда услышалъ, что младшій сынъ гасконскаго дворянина, когда-то счастливый уже своимъ пребываніемъ въ домѣ маршала Грамона, успѣлъ потомъ сдѣлаться драгунскимъ генераломъ, гвардейскимъ капитаномъ и имѣлъ чинъ и должность армейскаго генерала. Фуке не могъ придти въ себя и принялъ Лозена за сумасшедшаго и ясновидца, когда тотъ разсказалъ ему, какъ ему не удалось сдѣлаться главнымъ начальникомъ артиллеріи, и что произошло потомъ. Фуке окончательно перестал сомнѣваться въ безнадежномъ умопомѣшательствѣ Лозена и даже сталъ опасаться быть съ нимъ вмѣстѣ, когда Лозенъ сообщилъ ему, какъ король согласился на его бракъ съ принцессой, какъ это дѣло разстроилось и какъ принцесса передала ему всѣ свои богатства. Разсказы эти сильно охладили новое знакомство, со стороны Фуке, который совершенно убѣдился въ сумасшествіи Лозена, и его разсказы обо всемъ, что произошло въ свѣтѣ за послѣдніе годы, принялъ за сказки.

Но вскорѣ мнѣніе несчастнаго интенданта на счетъ Лозена должно было измѣниться. Его жена и нѣкоторые офицеры замка Пиньероль получили позволеніе видѣть его и разговаривать съ нимъ. Въ первое же свиданіе Фуке началъ жалѣть бѣднаго Пюигеллема, котораго онъ зналъ молодымъ и въ началѣ счастливой карьеры, а теперь онъ сумасшедшій и сидитъ въ этой же тюрьмѣ. Каково же было изумленіе Фуке, когда всѣ его посѣтители подтвердили ему разсказъ Лозена. Онъ не могъ собраться съ мыслями и готовъ былъ и ихъ считать помѣшавшимися въ разсудкѣ: имъ долго пришлось убѣждать его. Лозенъ также былъ освобожденъ изъ каземата, получилъ приличную комнату и вскорѣ

сталъ пользоваться такою же свободой, какъ и Фуке, и они могли видѣться другъ съ другомъ, сколько хотѣли. Мнѣ не удалось узнать, чѣмъ Фуке не угодилъ Лозену, но Лозенъ вышелъ изъ Пеньероля его непримиримымъ врагомъ и старался вредить ему до самой его смерти, потомъ и его семьѣ до послѣдняго своего издыханія.

Принцесса была безутѣшна въ теченіе всего времени, пока Лозенъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, и употребляла всевозможныя усилія освободить его. Король, наконецъ, рѣшилъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ въ интересахъ герцога Дюмена и дорого продать принцессѣ свободу Лозена. Ей было предложено, ни болѣе, ни менѣе, какъ завѣщать Дюмену и его потомству графство Э, герцогство Омальское и княжество Домбское. Это былъ громадный подарокъ, какъ по цѣнности, такъ и по обширности всѣхъ трехъ имѣній. Принцесса успѣла уже обѣщать Лозену графство Э и герцогство Омальское, кромѣ того, герцогство Сенфаржо и богатыя владѣнія въ Оверни, но свадьба ихъ была разстроена и Лозена надо было заставить отказаться отъ герцогства и графства въ пользу герцога Дюмена. Принцесса не рѣшалась подчиниться этому требованію и отнять у Лозена такое богатое приданое. Ее начали усиленно упрашивать, потомъ угрожать, и дѣйствовали здѣсь министры то Лювуа, то Кольберъ, съ которымъ она была въ лучшихъ отношеніяхъ, какъ съ другомъ Лозена. И Кольберъ дѣйствительно обходился съ ней мягче, чѣмъ Лювуа, ея открытый врагъ, всегда готовый наговорить ей всякихъ грубостей. Принцесса ежеминутно чувствовала, что король ея не любитъ, что онъ не простилъ ей орлеанской экспедиціи, въ которой она участвовала, какъ бунтовщица, не забылъ также и того, какъ она приказала въ его присутствіи стрѣлять изъ пушки Бастиліи по его же войскамъ и спасла этимъ принца Кондэ и своихъ приверженцевъ во время сраженія въ предмѣстьѣ святого Антонія. Принцесса понимала также, что она навсегда лишилась благосклонности короля и что онъ согласится освободить Лозена только изъ страстнаго желанія возвысить и обогатить своихъ незаконныхъ дѣтей. Принцесса, наконецъ, убѣдилась, что король не перестанетъ ее преслѣдовать, пока не вынудитъ ея согласія, и ей нечего разсчитывать на какую-либо уступку съ его стороны. Обливаясь горючими слезами, принцесса рѣшила подчиниться, но для того, чтобы ея подчиненіе имѣло законную силу, надо было еще заставить Лозена отказаться отъ приданаго принцессы. Переговорить съ нимъ взяла на себя госпожа Монтеспанъ. Подъ предлогомъ, будто Лозену и ей необходимо пользоваться бурбонскими водами, оба они были отправлены въ Бурбонъ.

Лозена отвезли въ Бурбонъ подъ стражей изъ отряда мушкетеровъ, которыми начальствовалъ Мопертюи. Лозенъ нѣсколько разъ былъ у госпожи Монтеспанъ и говорилъ съ ней. Онъ пришелъ въ сильнѣйшее негодованіе, когда ему предложили быть ограбленнымъ вмѣсто того, чтобы сидѣть въ тюрьмѣ. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ онъ отказался наотрѣзъ даже слушать госпожу Монтеспанъ, и его снова отвели въ Пеньероль.

Твердость эта не входила въ планы короля, озабоченнаго судьбой своего любимаго незаконнорожденнаго сына. Онъ послалъ въ Пеньероль госпожу Ножанъ, потомъ Барена, друга Лозена, отлично знавшаго всѣ его дѣла, и они путемъ угрозъ и обѣщаній добились, наконецъ, съ большимъ трудомъ согласія Лозена; онъ и госпожа Монтеспанъ должны были во второй разъ отправиться на воды въ Бурбонъ. Лорена отвезли туда тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ первый разъ, и онъ потомъ ни-

когда не могъ простить Мопертюи суроваго педантизма, съ какимъ тотъ выполнялъ свои обязанности. Путешествіе это происходило осенью 1680 года. Лозенъ на все согласился; госпожа Монтеспанъ вернулась торжествующей. Мопертюи и его мушкетеры распрощались съ Лозеномъ въ Бурбонѣ, и онъ получилъ разрѣшеніе жить въ Анжерѣ, а вскорѣ затѣмъ ему было позволено свободно разъѣзжать по всему Анжу и Тюрени. Формальное рѣшеніе дѣла было отсрочено до февраля слѣдующаго года, чтобы Лозенъ участвовалъ въ этомъ рѣшеніи, какъ уже вполнѣ свободный человѣкъ. Такимъ образомъ у Лозена изъ приданаго принцессы осталось только герцогство Сенфаржо да земли въ Оверни, и это послѣ того, какъ исключительно отъ него зависѣло поскорѣе жениться на принцессѣ и завладѣть всѣми ея громадными богатствами. Герцогу Дюмену внушили сдѣлать благодарственный визитъ принцессѣ: она приняла его очень холодно и сильно была недовольна, что онъ присвоилъ себѣ ея гербъ будто бы въ знакъ благодарности, на самомъ же дѣлѣ онъ желалъ этимъ возвысить и украсить свое имя, такъ какъ гербъ принцессы былъ въ то же время гербъ принца Гастона. Впослѣдствіи и графъ Тулузскій принялъ тотъ же гербъ подъ предлогомъ имѣть одинаковый гербъ съ братомъ, и оба брата передали его своимъ дѣтямъ.

Лозену надавали было всякихъ обѣщаній, но въ теченіе четырехъ лѣтъ онъ безвыѣздно оставался въ предѣлахъ двухъ провинцій и скучалъ не меньше, чѣмъ принцесса. Она открыто возмущалась, негодовала на госпожу Монтеспанъ и ея сына, жаловалась во всеуслышаніе, что ее безжалостно обобрали и обманули, продолжая держать Лозена вдали отъ столицы. Принцесса, наконецъ, вызвала такой шумъ, что Лозену позволили вернуться въ Парижъ, предоставили ему полную свободу, но съ условіемъ, чтобы онъ не приближался на двѣ мили къ мѣстопребыванію короля. Лозенъ вернулся въ Парижъ и сталъ безпрестанно бывать у своей благодѣтельницы, но и эта жизнь была для него изгнаніемъ, хотя и менѣе суровымъ. Отъ скуки онъ привязался вести крупную игру и оказался въ ней въ высшей степени счастливъ. Играя всегда прекрасно, увѣренно и по возможности на чистыя деньги, онъ выигрывалъ очень большія суммы. Братъ короля, живавшій иногда по нѣскольку дней въ Парижѣ, также велъ крупную игру и позволилъ Лозену пріѣзжать играть съ нимъ въ Палерояль, потомъ въ Сенъ-Клу, гдѣ принцъ жилъ лѣтомъ. Лозенъ провелъ такимъ образомъ нѣсколько лѣтъ, выигрывая много денегъ и раздавая ихъ весьма щедро; но чѣмъ ближе онъ находился ко двору, тѣмъ невыносимѣе являлось для него запрещеніе жить при дворѣ. Наконецъ, онъ потерялъ терпѣніе и попросилъ у короля разрѣшеніе отправиться въ Англію, гдѣ играли много и сильно. Король разрѣшилъ, и Лозенъ повезъ съ собой много денегъ; его приняли въ Лондонѣ, разумѣется, съ раскрытыми объятіями, и онъ былъ здѣсь не менѣе счастливъ, чѣмъ въ Парижѣ.

Король Іаковъ II принялъ Лозена отмѣнно благосклонно. Революція уже назрѣла и разразилась восемь или десять мѣсяцевъ спустя послѣ прибытія Лозена въ Англію. Можно подумать, она произошла исключительно въ интересахъ Лозена: такъ ловко умѣлъ онъ ею воспользоваться. Іаковъ II находился въ безвыходномъ положеніи. Любимцы и министры измѣнили ему, вся нація отвернулась отъ него, принцъ Амандскій овладѣлъ сердцами англичанъ, войскомъ и флотомъ и готовился вступить въ Лондонъ. Несчастный монархъ довѣрилъ Лозену все, что осталось у него самаго дорогого, королеву и принца Вельскаго: Лозенъ счастливо проводилъ ихъ въ Кале. Отсюда королева отправила

курьера въ Версаль къ королю. Послѣ обычныхъ привѣтствій королева писала въ письмѣ: она счастлива видѣть себя и своего сына въ безопасности подъ покровительствомъ короля, но ее огорчаетъ одно обстоятельство: она не смѣетъ привезти съ собой къ стопамъ короля того, кто спасъ ее и принца Вельскаго. Король отвѣчалъ со всевозможной любезностью, заявлялъ, что онъ раздѣляетъ ея благодарность къ ея спасителю и въ доказательство разрѣшаетъ Лозену предстать предъ нимъ и возвращаетъ ему свою благосклонность. И дѣйствительно, когда королева представила королю Лозена въ Сенжерменѣ, гдѣ король встрѣтилъ королеву со всей своей семьей и со всѣмъ своимъ дворомъ, онъ обошелся съ Лозеномъ вполнѣ благосклонно, вернулъ ему право бывать на большихъ пріемахъ и обѣщалъ ему квартиру въ Версальскомъ дворцѣ, что̀ вскорѣ и исполнилъ. Съ этихъ поръ Лозенъ участвовалъ во всѣхъ поѣздкахъ короля въ Марли и въ Фонтенбло такъ что до самой смерти короля онъ не покидалъ больше двора. Можно судить, какимъ торжествомъ было для столь честолюбиваго придворнаго вернуться ко двору съ такимъ блескомъ, такъ внезапно устранить опалу и снова очутиться на поверхности. У Лозена была также квартира въ Сенжерменскомъ дворцѣ, гдѣ поселился англійскій дворъ.

Лозенъ, какъ ловкій придворный, отлично пользовался своими отношеніями къ обоимъ дворамъ, безпрестанно устраивалъ случаи говорить съ королемъ и получать отъ него разныя порученія. Наконецъ, онъ добился того, что король позволилъ ему въ соборѣ Парижской Богоматери получить орденъ подвязки изъ рукъ англійскаго короля, потомъ онъ былъ назначенъ генераломъ вспомогательной французской арміи и арміи англійскаго короля во время похода въ Ирландію. Въ этомъ походѣ Іаковъ II потерялъ Ирландію въ битвѣ при Боннѣ и вернулся во Францію вмѣстѣ съ графомъ Лозеномъ. Вскорѣ онъ выхлопоталъ ему патентъ на герцогскій титулъ, который и былъ утвержденъ парламентомъ въ маѣ 1692 года. Какая чудесная перемѣна судьбы и все-таки, что она въ сравненіи съ публичной женитьбой на принцессѣ съ ея необъятнымъ приданымъ, съ титуломъ и съ достоинствомъ герцога и пера Монпансье! Какой чудовищный пьедесталъ. Имѣя дѣтей отъ этого брака, на какую бы высоту могъ подняться Лозенъ и чего бы только онъ ни достигъ.

Отъ природы это былъ человѣкъ во всемъ необыкновенный и любилъ являться такимъ даже у себя дома среди своихъ слугъ. Онъ притворялся глухимъ и слѣпымъ, чтобы лучше слышать и видѣть незамѣтно для другихъ, и потѣшался надъ глупцами, даже самыми высокопоставленными, говоря имъ рѣчи, не имѣвшія никакого смысла. Манеры его всегда были сдержанны, ласковы до приторности, даже почтительны. Тихимъ и медоточивымъ голосомъ онъ умѣлъ говорить убійственныя вещи, неотразимыя по своей мѣткости, силѣ и остроумію, и все это иногда въ двухъ, въ трехъ словахъ съ наивнымъ или разсѣяннымъ выраженіемъ лица, будто бы онъ и не помышлялъ нанести ударъ. Въ результатѣ его рѣшительно всѣ боялись, и при очень обширномъ кругѣ знакомыхъ у него почти совсѣмъ не было друзей, хотя онъ и заслуживалъ дружбы, постоянно готовый помочь особенно своимъ кошелькомъ. Онъ любилъ принимать у себя знатныхъ иностранцевъ, принималъ дѣятельное участіе въ придворной жизни, пользовался всевозможными почестями, велъ жизнь чрезвычайно богатаго и важнаго сеньора, держалъ великолѣпный столъ, принималъ почетнѣйшихъ гостей и все-таки червь честолюбія отравлялъ его существованіе.

Онъ помѣшалъ производству новыхъ маршаловъ Франціи, поднявъ на смѣхъ кандидатовъ на этотъ санъ. Онъ заявилъ регенту своимъ обычнымъ, почтительнымъ и сладкимъ тономъ, въ случаѣ, если герцогъ намѣренъ создать нѣсколько ненужныхъ маршаловъ Франціи, онъ умоляетъ его вспомнить, что онъ, Лозенъ, старѣйшій генералъ-поручикъ во всемъ королевствѣ и имѣлъ честь командоват. войсками въ чинѣ генерала. Вообще, онъ не могъ удержаться отъ ядовитостей. Большую роль играли здѣсь зависть и ревность, и такъ какъ его замѣчанія всегда были очень остроумны и вѣрны, ихъ повторяло все общество.

Мы жили вмѣстѣ и находились въ постоянныхъ сношеніяхъ. Онъ оказалъ мнѣ даже дѣйствительно цѣнныя, дружескія услуги, я оказывалъ ему всевозможное вниманіе и уваженіе, и онъ мнѣ также, и все-таки я не могъ спастись отъ его ядовитаго языка, одна его острота должна была меня погубить, и я до сихъ поръ не знаю, почему она осталась безъ послѣдствій. Король близился къ смерти. Лозенъ это понималъ и начиналъ подумывать о своемъ положеніи послѣ кончины короля. Общественное мнѣніе было не въ пользу герцога Орлеанскаго, но въ то же время всѣмъ было ясно его близкое возвышеніе. Взоры всѣхъ были устремлены на него и злобно слѣдили за нимъ и, слѣдовательно, за мной, единственнымъ человѣкомъ, который уже съ давнихъ поръ открыто былъ привязанъ къ герцогу и одинъ только пользовался его неограниченнымъ довѣріемъ. Лозенъ пришелъ ко мнѣ обѣдать и нашелъ насъ за столомъ. Общество, очевидно, ему не понравилось, и онъ отправился къ Торси, съ которымъ у меня не было никакихъ отношеній. Здѣсь также обѣдали, и многочисленное общество состояло изъ людей, враждебныхъ герцогу Орлеанскому. «Милостивый государь!—сказалъ Лозенъ Торси своимъ привычнымъ, ласковымъ и робкимъ тономъ,—пожалѣйте меня, я только что хотѣлъ пообѣдать съ Сенъ-Симономъ, у него цѣлое общество, но я не рѣшился сѣсть за столъ, потому что не захотѣлъ быть бѣльмомъ на глазу у злоумышленниковъ, и явился обѣдать сюда». Всѣ расхохотались. Мгновенно фраза облетѣла весь Версаль, немедленно ее передали госпожѣ Ментенонъ и Дюмену, хотя они и не показали мнѣ ни малѣйшаго виду. Сердиться значило только усилить толки. Я посмотрѣлъ на все это, какъ на царапину злой кошки, и даже не далъ понять Лозену, что мнѣ извѣстна его острота.

Лозенъ обладалъ желѣзнымъ здоровьемъ, хотя съ виду и казался деликатнаго тѣлосложенія; онъ основательно обѣдалъ и ужиналъ ежедневно, блюда у него подавались очень дорогія и утонченныя, всегда при этомъ бывало и утромъ, и вечеромъ многочисленное общество. Лозенъ ѣлъ все, и скоромное, и постное, руководясь исключительно своимъ вкусомъ.

По утрамъ онъ пилъ шоколадъ, и у него всегда стояли на столѣ плоды, когда былъ сезонъ, въ другое время печенье, пиво, сидръ, лимонадъ и разные другіе напитки со льдомъ, и онъ походя ѣлъ и пилъ въ теченіе цѣлаго дня и угощалъ другихъ. Вечеромъ изъ-за стола онъ выходилъ съ плодомъ въ рукѣ и немедленно шелъ спать.

Я помню, разъ за обѣдомъ онъ съѣлъ у меня такое количество рыбы, овощей и всякихъ другихъ кушаній, что я не могъ удержаться, въ тотъ же вечеръ послалъ къ нему справиться тайкомъ объ его здоровьѣ. Мой посланный засталъ его за столомъ, и онъ ѣлъ съ большимъ аппетитомъ. Его страсть ухаживать за женщинами жила въ немъ очень долго, принцесса была ревнива, и они ссорились неоднократно. Одна дама, очень любезная, весьма умная, правдивая и съ

давнихъ поръ чрезвычайно добродѣтельная, разсказывала мнѣ, что Лозенъ, проживая нѣкоторое время съ принцессой въ Э, не могъ удержаться, чтобы не поухаживать за дѣвицами. Принцесса это узнала, вышла изъ себя, расцарапала Лозену физіономію и прогнала его съ глазъ долой. Графиня Фіеско помирила ихъ слѣдующимъ образомъ: принцесса явилась и встала на одномъ концѣ галлереи, Лозенъ былъ на другомъ, онъ опустился на колѣни и въ такомъ положеніи проползъ всю галлерею къ ногамъ принцессы. Подобныя сцены происходили между ними и позже. Наконецъ, Лозену надоѣло быть постоянно битымъ, и онъ, въ свою очередь, началъ, какъ слѣдуетъ, бить принцессу, и это случалось не разъ, такъ что, наконецъ, опротивѣвъ другъ другу, они поссорились разъ навсегда и больше никогда не видѣлись. У него, однако, было нѣсколько ея портретовъ, и онъ всегда говорилъ о ней съ большимъ почтеніемъ. Въ обществѣ не сомнѣвались, что втайнѣ они были обвѣнчаны. Послѣ смерти принцессы Лозенъ сдѣлалъ у себя почти черную ливрею съ серебряными галунами и перемѣнилъ ихъ на бѣлые съ голубымъ, когда было запрещено нашивать на ливреи золото и серебро.

Отъ природы Лозенъ былъ характера угрюмаго и неуживчиваго. Тюрьма и привычка къ уединенію превратили его въ отшельника и мечтателя. Принимая у себя лучшее общество, онъ оставлялъ его съ своей женой, и самъ на нѣсколько часовъ уединялся послѣ обѣда, чаще всего даже безъ книги. Читалъ онъ только художественныя произведенія кое-какъ и очень мало. Въ результатѣ онъ зналъ только то, что видѣлъ собственными глазами, до самой смерти весь былъ поглощенъ дворомъ и свѣтскими новостями. Тысячу разъ я жалѣлъ, что онъ рѣшительно не способенъ описать то, что видѣлъ и пережилъ. Вышелъ бы сборникъ любопытнѣйшихъ разсказовъ, но у него не было ни послѣдовательности, ни прилежанія. Часто я пытался кое-чѣмъ поживиться отъ него,—опять горе: онъ начиналъ разсказывать, называлъ лицъ, принимавшихъ участіе въ событіи, тотчасъ бросалъ главную нить разсказа, принимался повѣствовать о комъ нибудь изъ названныхъ лицъ, переходилъ потомъ къ другому, къ третьему, подобно тому, какъ дѣлаютъ авторы романовъ, перепутывалъ такимъ образомъ вмѣстѣ цѣлую дюжину исторій, безсвязныхъ, недоконченныхъ, не успѣвалъ разсказать, какъ слѣдуетъ, ни одной изъ нихъ, пересыпалъ все это столь же спутаннымъ разговоромъ и въ концѣ концовъ ничего нельзя было извлечь изъ его разсказа и ничего запомнить. Кромѣ того, его бесѣдѣ постоянно вредило дурное настроеніе духа или политика, и были забавны только его отрывочныя злостныя остроты, на которыя онъ былъ щедръ. За нѣсколько мѣсяцевъ до своей послѣдней болѣзни, т. е. уже за девяносто лѣтъ онъ все еще дрессировалъ лошадей. Когда король однажды отправился въ Мюетъ, Лозенъ гарцовалъ передъ нимъ въ Булонскомъ лѣсу на только что выдрессированномъ полудикомъ жеребцѣ и изумилъ зрителей ловкостью, силой и граціей. О немъ вообще можно безъ конца разсказывать.

Его предсмертная болѣзнь открылась внезапно, почти мгновенно, жесточайшимъ изъ всѣхъ недуговъ—ракомъ во рту. Лозенъ переносилъ его до самой смерти съ невѣроятной твердостью и терпѣніемъ, безъ жалобъ, не мѣняя даже настроенія духа. Замѣтивъ усиленное развитіе болѣзни, онъ перебрался въ небольшую квартиру, которую еще раньше нанялъ съ этою цѣлью въ монастырѣ Малыхъ Августинцевъ. Сюда

былъ ходъ изъ его дома и онъ рѣшилъ умереть здѣсь спокойно, допуская къ себѣ единственную женщину, свою жену, съ ея служанкой.

Въ этомъ послѣднемъ убѣжищѣ Лозена навѣщали только его племянники и зятья, и посѣщенія эти были очень рѣдки и непродолжительны. Онъ пожелалъ иначе воспользоваться своимъ ужаснымъ положеніемъ и все свое время посвящалъ благочестивымъ бесѣдамъ съ своимъ духовникомъ и съ нѣкоторыми монахами, душеспасительному чтенію и вообще всему, что его могло, какъ слѣдуетъ, приготовить къ смерти. Мы также посѣтили его и нашли его опрятнымъ, спокойнымъ, твердымъ и вѣжливымъ. Разговаривалъ онъ не особенно оживленно, относился безучастно ко всему, что происходило въ свѣтѣ, вообще говорилъ мало и съ трудомъ, лишь бы только сказать что-нибудь, ни единаго слова не промолвилъ на счетъ своего положенія. И такимъ спокойнымъ и мужественнымъ онъ прожилъ цѣлыхъ четыре мѣсяца до самой своей смерти. За послѣдніе десять или двѣнадцать дней онъ не желалъ видѣть ни своихъ зятьевъ, ни своихъ племянниковъ, а потомъ отослалъ и свою жену. Онъ принялъ св. Тайны съ глубокимъ благодареніемъ, до послѣдней минуты сохраняя ясное сознаніе. Онъ не пожелалъ пышныхъ похоронъ и былъ похороненъ въ монастырѣ. За мѣсяцъ до смерти онъ призвалъ Делена, дипломатическаго представителя короля Іакова, и вручилъ ему цѣпь ордена Подвязки для передачи королю.

Кажется, я ужъ очень распространился объ этомъ героѣ. Но его необыкновенно оригинальная жизнь, наши близкія и постоянныя отношенія вполнѣ, по моему мнѣнію, оправдываютъ мое вниманіе къ личности Лозена, тѣмъ болѣе, что онъ не игралъ видной роли въ государственныхъ дѣлахъ и, слѣдовательно, не можетъ разсчитывать найти мѣсто въ политической исторіи.

Заключеніе.

Я довелъ свои записки до того предѣла, до какого былъ намѣренъ довести. Всякіе мемуары хороши только въ томъ случаѣ, когда они безусловно правдивы, а правдивые мемуары можетъ написать только человѣкъ, лично видѣвшій описываемыя событія и принимавшій въ нихъ участіе или слышавшій о нихъ отъ свидѣтелей и участниковъ, достойныхъ полнаго довѣрія, но въ особенности необходимо, чтобы авторъ мемуаровъ истину ставилъ выше всего на свѣтѣ. На счетъ послѣдняго пункта я смѣю поручиться за себя и увѣренъ, что это подтвердитъ всякій знавшій меня. Именно любовь къ истинѣ болѣе всего повредила моей карьерѣ. Я это понималъ, но истину я предпочиталъ всему и не могъ пойти ни на какую сдѣлку, могу сказать, что я любилъ ее даже во вредъ самому себѣ. Нерѣдко я впадалъ въ грубое заблужденіе, увлекаемый чувствомъ дружбы, интересами государства, которые я всегда предпочиталъ всякимъ другимъ и, разумѣется, своимъ личнымъ. Я, напримѣръ, старался, чтобы министромъ финансовъ былъ сдѣланъ герцогъ Ноель, потому что я считалъ его правда, вполнѣ ошибочно, самымъ способнымъ, самымъ богатымъ изъ всѣхъ сеньеровъ и самымъ подходящимъ на этотъ постъ, и я старался такъ въ пользу Ноеля непосредственно послѣ того, какъ онъ совершилъ по отношенію ко мнѣ жестокое преступленіе; такъ же держалъ я себя и относительно герцога Дюмена. Я удовольствуюсь этими двумя фактами; множество другихъ разсѣяно по моимъ запискамъ, когда

разсказываю въ нихъ о придворныхъ или свѣтскихъ событіяхъ и фактахъ.

Что касается безпристрастія, вопросъ этотъ въ высшей степени важенъ, но столь же трудно и разрѣшимъ, смѣю даже сказать, онъ вовсе неразрѣшимъ для авторовъ-очевиддевъ или участниковъ событій. Каждый человѣкъ невольно увлекается людьми честными и правдивыми, возмущается плутами, которыми кишитъ всякій дворъ, и вооружается особенно противъ тѣхъ, кто причинилъ ему какія, либо непріятности. Стоицизмъ не болѣе, какъ мечта, хотя прекрасная и благородная. И я не стану хвалиться безпристрастіемъ; это было бы безцѣльно. Въ моихъ *Запискахъ* читатель на каждомъ шагу встрѣтитъ горячую похвалу или страстное порицаніе по адресу людей, вызывавшихъ во мнѣ сильныя чувства, и болѣе спокойное отношеніе къ лицамъ для меня безразличнымъ. Но я всегда былъ на сторонѣ благородства и ратовалъ противъ низости, и свои похвалы и порицанія старался соразмѣрять со степенями тѣхъ или другихъ качествъ.

Во всякомъ случаѣ, я считаю себя въ правѣ, заявить еще слѣдующее и самое содержаніе моихъ записокъ думаю вполнѣ подтвердитъ мое заявленіе: я чрезвычайно зорко слѣдилъ за своими увлеченіями и антипатіями и особенно, за послѣдними; говорилъ о людяхъ мнѣ пріятныхъ и непріятныхъ, всегда строго взвѣшивая свои слова, не только ничего не извращалъ, но даже ничего не преувеличивалъ, старался забыть о личныхъ отношеніяхъ, къ самому себѣ относился, какъ къ своему противнику, всему отдавалъ строгую справедливость и выше всего, ставилъ, безусловную правду. Въ этомъ смыслѣ, могу поручиться, я былъ вполнѣ безпристрастенъ, и думаю, иначе и нельзя вообще быть безпристрастнымъ.

Что касается точности и вѣрности моихъ разсказовъ, изъ моихъ записокъ видно, что почти обо всемъ я разсказываю, какъ очевидецъ, остальное же я передаю со словъ дѣйствующихъ лицъ. Я ихъ называю по именамъ, и ихъ имена и мои близкія отношенія съ ними вполнѣ ручаются за правдивость сообщенія. Въ чемъ я не вполнѣ увѣренъ, я всегда оговариваюсь, и чего я совсѣмъ не знаю, въ этомъ я откровенно сознаюсь. Такимъ образомъ, мои записки представляютъ историческій матеріалъ изъ первыхъ рукъ, ихъ правдивость, ихъ подлинность не могутъ подлежать сомнѣнію, и мнѣ думается, я въ правѣ сказать, что до сихъ поръ не было еще мемуаровъ, болѣе разнообразнаго, болѣе обдуманнаго и болѣе подробнаго содержанія, болѣе поучительнаго и болѣе любопытнаго.

Мнѣ не придется услышать мнѣнія общества о моихъ запискахъ, и меня это не интересуетъ. Но въ одномъ, я не сомнѣваюсь: если когда-либо мои записки увидятъ свѣтъ, онѣ вызывутъ страшныя волненія. Вѣдь каждый человѣкъ привязанъ къ своей роднѣ, къ своимъ интересамъ, разсчетамъ и мечтамъ и готовъ возмутиться при малѣйшемъ посягательствѣ на все это. Люди любятъ истину лишь въ томъ случаѣ, когда она не идетъ въ разрѣзъ съ ихъ личными интересами, а это случается очень рѣдко. Тѣ, о комъ приходится говорить хорошо не придаютъ этому никакого значенія: вѣдь иначе и нельзя о нихъ говорить, но тѣ—и такихъ громадное большинство—о комъ нечего сказать хорошаго, приходятъ въ ярость тѣмъ болѣе, что дурное мнѣніе о нихъ подтверждается фактами. Въ эту эпоху, когда я писалъ, особенно къ концу, все клонилось къ упадку, готовилось превратиться въ хаосъ, а потомъ хаосъ этотъ еще больше усилился. Я же, составляя

свои записки, вдохновлялся идеями порядка и правды, вполнѣ опредѣленными принципами и совершенно открыто изобличалъ то, что противорѣчило имъ. Очевидно, возмущеніе противъ такого вѣрнаго зеркала должно быть всеобщимъ. Наконецъ, я писалъ не ради тѣхъ позорныхъ злодѣевъ, которые отравляютъ цѣлыя государства, губятъ ихъ своимъ безуміемъ, эгоизмомъ и всевозможными пороками, а писалъ я для тѣхъ, кто желалъ бы предупредить гибель съ своей стороны, но кому, къ несчастью, мѣшаютъ люди вліятельные и сильные, болѣе всего боящіеся именно свѣта. Писалъ я также для тѣхъ, кто выше всего считаетъ интересы справедливости, правды, разума, нравственности, мудрой политики, вообще интересы общественнаго блага.

Мнѣ остается сдѣлать замѣчаніе на счетъ разговоровъ, которые я велъ съ разными высокопоставленными лицами и которые я передаю въ своихъ запискахъ. Разговоровъ этихъ такъ много и они такого рода, что читатель, не знающій меня, приметъ все это за вымышленныя рѣчи, которыя часто историки сочиняютъ отъ лица генераловъ, пословъ, сенаторовъ, заговорщиковъ, съ цѣлью украсить этими рѣчами свои произведенія. Но я, во имя правды, неизмѣнно водившей моимъ перомъ, могу заявить, что въ моихъ запискахъ нѣтъ ни одной сочиненной рѣчи. Я пересказалъ всѣ разговоры, какіе только велъ съ самой строгой точностью и упрекнуть себя я могу развѣ только въ томъ, что скорѣе смягчилъ, чѣмъ усилилъ свои собственныя рѣчи: память не можетъ удержать всѣхъ выраженій и во время разговора, невольно увлекаясь предметомъ, говоришь гораздо воодушевленнѣе, чѣмъ потомъ пересказываешь это. Замѣчу также съ полной увѣренностью, что всѣ знавшіе меня и жившіе со мной не почувствовали бы ни малѣйшаго сомнѣнія, на счетъ точности передаваемыхъ мною разговоровъ. Какъ бы энергичными эти разговоры ни казались, всякій непремѣнно призналъ бы ихъ подлинными до послѣдней черты.

Не коснуться ли, наконецъ, мнѣ, хотя однимъ словомъ своего стиля, небрежности, повторенія однихъ и тѣхъ же словъ, нагроможденія синонимовъ и въ особенности запутанности изложенія, происходящей отъ длинноты фразъ, и отъ повтореній? Я чувствовалъ эти недостатки, но не могъ избѣжать ихъ. Меня постоянно увлекалъ предметъ разсказа, и я мало обращалъ вниманія на внѣшнюю форму, стараясь только яснѣе представить самое дѣло. Я никогда не былъ присяжнымъ писателемъ и не могъ писать медленно и тщательно. Выправить мой слогъ и сдѣлать его болѣе изящнымъ значитъ передѣлать все мое произведеніе. Работа эта свыше моихъ силъ, и потомъ она вышла бы неблагодарной. Чтобы, какъ слѣдуетъ, исправлять написанное, надо умѣть хорошо писать, а по моимъ запискамъ легко убѣдился, что я не могу похвалиться этимъ искусствомъ. Я заботился только о точности и правдивости, и смѣю сказать, вполнѣ достигъ своей цѣли: точность и правдивость—душа и законъ моихъ записокъ, и ради нихъ мой стиль заслуживаетъ благосклонной снисходительности.

КОНЕЦЪ.